This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 170:25

Bound

JAN. 24 1907

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER

OF BOSTON

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER

(Class of 1817)

A fund of $20,000, established in 1878, the income of which is used for the purchase of books

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXVI. — 1/14 НОЯБРЯ 1906.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ ВТОРОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

46

PSlav 176.25

3563

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 11.

НОЯБРЬ, 1906.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Пас.-Остр., 6 л., 28.

46

PSlav 176.25

3563

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 11.

НОЯБРЬ. 1906.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1906.

I.—ЗАКОНОПРОЕКТЪ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ.—Сессія 1906 года.—I—VI.—**В. С. Таганцева.** 5

II.—ВЪ ГОРАХЪ НОРВЕГІИ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—XIII—XXII.—Окончаніе.—**Сергѣя Ордовскаго.** 37

III.—ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ.—VI—XI.—Окончаніе.—**А. А. Левенстима.** 60

IV.—СРѢЗИ ВЕЩЕСТВЪ.—Поэма.—I—XIII.—**Р. Сементковскаго.** 101

V.—ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ АНГЛІИ.—IV—VI.—Окончаніе.—**В. Ф. Дерюжинскаго** 154

VI.—ИЗЪ СТРАНЪ ТУНЕЛДСТВА.—Романъ Генриха Манна.—II. Mann. Im Schlaraffenland.—I—VII.—**Съ нѣм. О. Ч.** 197

VII.—СМУТНОЕ ВРЕМЯ ИЛИ ТЪ И ТОГДА.—1600—1900.—La Crise révolutionnaire. 1848—1914. par K. Wallaszewski.—**А. Полоненскаго.** 248

VIII.—ЗАКОНЫ И ОБЫЧАИ.—Посмертный трудъ.—Съ предисловіемъ Z.—**Александра Воронковскаго** 285

IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Изъ Шиллера, Сюлли-Прюдома, Гейне.—**А. Добролюбова** 299

X.—ДЖУНГЛИ.—Романъ.—Upton Sinclair. The Jungle.—XXIII—XXX.—Окончаніе.—Съ англ. **З. В.** 304

XI.—ХРОНИКА.—Литературныя параллели.—Письмо въ Редакцію.—I.—**П. А. Тверского** 319

XII.—ВНУТРЕННІЙ ОБОЗРѢНІЕ.—Тяжелый годъ.—Неприкосновенность лавки и выборгскій.—Разъясненіе его Сенатомъ.—Высочайшій указъ 5-го октября.—Новыя правила о старообрядцахъ и сектантахъ.—Возвратъ земскій, переходъ в аграрный на съѣздѣ „группы центра" Государственнаго Совѣта.—Циркуляръ о военно-полевомъ судѣ и объ отношеніи должностныхъ лицъ къ политическимъ партіямъ. 369

XIII.—ВЛАДИМІРЪ ЛАПИЛОВИЧЪ СПАСОВИЧЪ—въ его послѣднихъ письмахъ.—**М. Ст.** 380

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности, въ перев. В. Брюсова.—II. Целидонъ, О., Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы.—Саводникъ, В., Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка.—Белтрами, В., Курсъ исторіи русской литературы, ч. I.—Сиповскій, В., Исторія русской литературы, ч. I и II.—III. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, тт. I и II, изданіе В. Кн. Николая Михаиловича.—**Евг. Л.**—IV. П. Рожковъ, Происхожденіе самодержавія въ Россіи.—**И. П. С.**—V. М. А. Рейснеръ, Русскій абсолютизмъ и европейская реакція.—VI. А. И. Шершевскій, Правовое и экономическое положеніе иностранцевъ въ Сѣверномъ Кавказѣ.—**И. В.**—Новыя книги и брошюры. 384

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Мемуары князя Гогенлоэ.—Разнообразія относительно пріемовъ и обстоятельствъ отставки Бисмарка.—Новыя черты для характеристики „Желѣзнаго канцлера".—Забавно-поучительныя исторіи въ Кенсингѣ.—Перемѣна министерства во Франціи.—Австрійскіе эпицентры иностранныхъ дѣлъ. 427

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—1. Marcel Prevost. Monsieur et Madame Moloch.—**З. В.**—II. Eugène Pierre. Traité de droit politique, électoral et parlementaire.—**Кн. П. Г.** 441

XVII.—ВОСПОМИНАНІЯ О В. Д. СПАСОВИЧѢ.—**К. К. Арсеньева.** 456

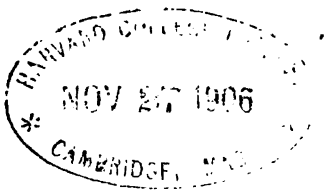
XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Годовые итоги.—Процессъ совѣта рабочихъ депутатовъ.—Судебная ликвидація „дней свободы" и войны.—Предварительное слѣдствіе о бывшихъ членахъ Государственной Думы.—Городскіе выборы въ Петербургѣ.—Посѣтившій Россію членъ англійской депутаціи.—В. Д. Спасовичъ †.—Александръ Волоховскій и В. В. Спасовъ †.—И. Н. Захарьинъ-Якунинъ †. 462

XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ партіи „демократическихъ реформъ".—II. Отъ Комитета Литературнаго Фонда 491

XX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Русскіе портреты XVIII и XIX ст. Т. II, вып. 2. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича.—М. Ковалевскій. Отъ правового народовластія къ представительному, т. II.—Политическая энциклопедія, т. I, вып. 3.—Н. Д. Чечулинъ, Очерки изъ исторіи русскихъ финансовъ въ царств. Екатерины II.—Полное собраніе сочиненій П. Г. Чернышевскаго, т. X, к. 2.—Полное собраніе сочиненій А. П. Щапова, т. I 497

XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I—VIII.

Подписка только на послѣднюю четверть 1906-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)



Sewall Fund

ЗАКОНОПРОЕКТЪ
О
СМЕРТНОЙ КАЗНИ
ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ

Сессія 1906 года.

I.

Однимъ изъ первыхъ законопроектовъ, который придется разсмотрѣть въ ближайшую сессію Государственнаго Совѣта, будетъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни.

Законопроектъ этотъ въ установленномъ порядкѣ прошелъ первую стадію, былъ принятъ Государственною Думою, внесенъ въ Государственный Совѣтъ, разсмотрѣнъ въ немъ въ первомъ чтеніи, переданъ въ особо образованную коммиссію, разсмотрѣнъ въ коммиссіи, и ея докладъ и проектъ закона были представлены въ общее собраніе.

Теперь, слѣдовательно, является неотложнымъ постатейное разсмотрѣніе въ общемъ собраніи проекта коммиссіи и его третье чтеніе.

Поэтому обзоръ обсужденія законопроекта Думы въ Совѣтѣ, ..нувшую сессію, представляетъ не только, такъ сказать, исто..ій, но и практическій интересъ.

.. Думѣ полная отмѣна смертной казни была принята едино..ло. Если,—какъ говорили въ Государственномъ Совѣтѣ,—Дума ..човила свое рѣшеніе въ экстазѣ, въ порывѣ, руководство-

валась чувствомъ, а не разумомъ, или, какъ позволилъ себѣ выразиться одинъ изъ говорившихъ, членъ Государственнаго Совѣта Бутлеровъ, „не столько изъ сознанія нужды въ отмѣнѣ смертной казни, сколько изъ того чувства, въ какомъ находились сановники короля въ извѣстной сказкѣ Андерсена: „Новый нарядъ короля“, т.-е. чтобы не дать возможности заподозрить ихъ въ томъ, что они не на своемъ мѣстѣ“,—то все же приходится признать, что убѣжденные защитники казни, если таковые были въ Думѣ, замолчали свои убѣжденія и при голосованіи перешли безъ колебаній въ противоположный лагерь.

Совсѣмъ иначе обстояло разсмотрѣніе законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ: изъ двѣнадцати лицъ, участвовавшихъ въ преніяхъ 27-го іюня, пять высказались противъ смертной казни, а шесть — въ ея защиту; въ коммиссіи изъ пятнадцати выбранныхъ въ нее членовъ оказались четверо изъ говорившихъ въ Совѣтѣ въ ея защиту, и только двое высказавшихся противъ.

Рѣшеніе, которое приметъ Государственный Совѣтъ, уже не будетъ слѣдствіемъ порыва и моднаго увлеченія, а сознательнымъ выводомъ, результатомъ оцѣнки доводовъ въ защиту и возраженій противъ сохраненія смертной казни въ лѣстницѣ наказаній уголовнаго кодекса.

II.

Противники смертной казни, опираясь на науку и законодательный опытъ Запада, говорили такъ.

Смертная казнь, какъ угроза и какъ реальное осуществленіе таковой, не служитъ и не можетъ служить задерживающимъ мотивомъ преступленій, а потому она нецѣлесообразна, все же нецѣлесообразное въ механизмѣ государственнаго управленія — вредно.

Примѣненіе смертной казни непоправимо, и она невознаградима; какъ судебная ошибка, ея примѣненіе является самымъ страшнымъ видомъ убійства; она недѣлима, а потому сохраненіе ея въ лѣстницѣ наказаній нарушаетъ основной принципъ разумной карательной системы—индивидуализаціи наказаній; она противорѣчитъ сущности христіанства, завѣтамъ божественнаго Искупителя грѣховъ человѣчества, какъ ихъ пріемлютъ не фарисеи, а скорбно молящіе помянуть ихъ во царствіи Его,—и потому смертная казнь, какъ наказаніе, несправедлива.

При этомъ противники смертной казни прибавляли, что сугубо несправедливымъ является примѣненіе смертной казни у

насъ, въ Россіи, въ тѣхъ условіяхъ и въ тѣхъ ужасающихъ размѣрахъ, какіе мы видимъ въ настоящее время: такъ какъ это противорѣчитъ историческому развитію русскаго законодательства; такъ какъ возможность примѣненія или непримѣненія смертной казни поставляется въ зависимость не отъ непреложной воли закона, а отъ усмотрѣнія разнообразныхъ административныхъ лицъ, облеченныхъ этой властью, въ силу установленія въ данной мѣстности усиленнаго, чрезвычайнаго или военнаго положеній, или, даже при соглашеніи министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, и помимо такового; такъ какъ, наконецъ, самое присужденіе къ смертной казни совершается въ сокращенномъ порядкѣ производства, лишающаго судъ возможности спокойнаго и всесторонняго обсужденія дѣлъ.

Наконецъ, противники смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ прибавляли, что особенность современнаго положенія Россіи, наличность революціонной борьбы, глубоко возмущающія нравственное чувство и ничѣмъ не оправдываемыя злодѣянія террора, убійства изъ-за угла лицъ неповинныхъ, все-таки, не могутъ,—разъ вопросъ о сохраненіи смертной казни возбужденъ въ установленномъ порядкѣ въ законодательныхъ сферахъ,—ни въ чемъ измѣнить или ослабить доводы, направленные противъ сохраненія этой казни въ уголовномъ уложеніи.

Нецѣлесообразное, вредное и несправедливое не можетъ сдѣлаться справедливымъ и даже полезнымъ, каковы бы ни были соціальныя условія даннаго времени. Во время революціонной борьбы или усмиренія вооруженнаго возстанія, лишеніе жизни—и притомъ не только одного, но и многихъ—можетъ представиться актомъ безусловной необходимости, но оно не станетъ чрезъ это актомъ правосудія, осуществляемаго судомъ, въ силу закона.

Доказательства и фактическія данныя, подкрѣпляющія эти выводы противниковъ смертной казни, общеизвѣстны; для ознакомленія съ ними не нужно обращаться и къ литературѣ иностранной, западно-европейской; они съ достаточною полнотою приведены въ трудахъ нашихъ криминалистовъ: Кистяковскаго, Фойницкаго, Неклюдова, Сергѣевскаго, Таганцева и цѣлаго ряда молодыхъ ученыхъ; они отчасти изложены и въ оффиціальномъ трудѣ—объяснительной запискѣ къ проекту уголовнаго уложенія 1903 г., а потому съ ними достаточно знакомы не только спеціалисты-юристы, но, вѣроятно, и значительное число всего образованнаго русскаго общества, въ частности же—и члены Государственнаго Совѣта, такъ какъ извлеченіе изъ этой записки было

разослано имъ, предъ обсужденіемъ законопроекта, государственною канцеляріею. Въ виду всего этого и упрекъ, сдѣланный членамъ Думы однимъ изъ защитниковъ казни (Д. Ѳ. Самаринымъ), что представленный ею проектъ недостаточно разработанъ, такъ какъ къ нему не приложено никакихъ данныхъ, ни статистическихъ, ни историческихъ,—въ сущности, не имѣетъ значенія.

III.

Въ иныхъ условіяхъ находились въ Государственномъ Совѣтѣ защитники смертной казни; они не могли сослаться ни на одинъ трудъ, ни на одно авторитетное имя среди русскихъ ученыхъ; къ ихъ услугамъ были лишь журнальныя статьи и притомъ извѣстнаго направленія, статьи, проникнутыя полемическимъ задоромъ и партійностью. Поэтому они должны были, по необходимости, представить не только общія соображенія о несвоевременности и даже невозможности ея отмѣны, о голословности ея противниковъ; имъ было недостаточно въ громкихъ, но общихъ выраженіяхъ ссылаться на то, что, подавъ голосъ за ея отмѣну, „они согрѣшили бы передъ Богомъ, передъ русскимъ государствомъ и передъ вождемъ его, передъ русскимъ Царемъ“ (членъ Государственнаго Совѣта С. С. Гончаровъ), но они должны были привести и фактическія данныя или теоретическія соображенія, которыя подкрѣпляли бы эти положенія.

Полный, по возможности, обзоръ и посильный разборъ доводовъ, приведенныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ защитниками казни какъ основъ будущаго голосованія законопроекта не по чувству, а по разуму, и составитъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

На первомъ мѣстѣ доводовъ въ защиту смертной казни стоитъ указаніе на такія цивилизованныя государства, которыя не только удержали смертную казнь въ кодексѣ, но въ недавнее время, послѣ предшествующей отмѣны ея, вновь ввели таковую.

„Имѣются даже страны,—говорилъ, напр., членъ Государственнаго Совѣта г. Крамеръ,—гдѣ, послѣ отмѣны смертной казни, она была снова возстановлена; такъ, напр., послѣ отмѣны, въ 1870 г., смертной казни въ Германіи, она была возстановлена въ королевствѣ Саксонскомъ, въ вольномъ городѣ Бременѣ, въ герцогствахъ Ангальтскомъ и Ольденбургскомъ. Въ республикѣ Швейцаріи отмѣнили смертную казнь въ 1874 г., и уже пять лѣтъ спустя, въ 1879 году, законъ этотъ былъ отмѣненъ въ че-

тырехъ кантонахъ, гдѣ это наказаніе было возстановлено; въ Америкѣ, въ четырехъ штатахъ, она тоже была возстановлена". На эти примѣры ссылались и другіе защитники казни, но особенно сильно выдвинулъ этотъ доводъ С. С. Гончаровъ, придавъ ему любопытное обобщеніе и изложеніе. „Не по учености своей, а по простотѣ,—говорилъ онъ,—я вижу, что *въ послѣднее время народы*, гораздо болѣе образованные, гораздо болѣе развитые,—народы эти, въ Швейцаріи и въ Сѣверной Америкѣ, ввели вновь смертную казнь. Я не ученый, я простой человѣкъ, я юристъ-практикъ, я человѣкъ жизни! Я признаю себя менѣе развитымъ по чувствамъ, чѣмъ люди болѣе образованные, ушедшіе далеко впередъ отъ меня. Я говорю объ Америкѣ, гдѣ жизнь проявляется въ такихъ формахъ, которыя даютъ основаніе признать ея культуру и производительность; я говорю о Швейцаріи, которую хорошо знаю и которую не могу не любить за ея честность и патріархальность,—и *эти страны* все-таки *пришли къ убѣжденію* о необходимости смертной казни". Итакъ, если образованныя націи образумились и *возстановили* смертную казнь, то куда же намъ, „въ виду той грубости, которая въ насъ существуетъ",—позволю отъ себя выразиться образно,—„въ калачный рядъ соваться"!

Но такъ ли это? Мнѣ думается, что и для ученаго, и для неученаго, для юриста-практика, какъ и для теоретика, одинаково необходимо строить выводы на дѣйствительныхъ фактахъ и не допускать обобщеній, не соотвѣтствующихъ обобщаемымъ даннымъ.

Возстановила ли „честная и патріархальная" страна Швейцарія смертную казнь?

До 1874 г. смертная казнь была отмѣнена въ восьми кантонахъ, въ томъ числѣ—въ Цюрихѣ, въ Женевѣ, Базелѣ. Затѣмъ, въ 1874 г., при пересмотрѣ союзной конституціи, въ нее была включена статья 65-ая объ отмѣнѣ смертной казни вообще за всѣ преступленія. Но это положеніе вызвало протестъ совѣтовъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ кантоновъ, находившихъ, что такая замѣна недопустима безъ пересмотра уголовныхъ кодексовъ отдѣльныхъ кантоновъ и что этимъ нарушаются ихъ кантональныя права,—и 65-ая статья союзной конституціи была измѣнена такъ: „Смертная казнь къ преступленіямъ политическимъ не примѣняется", а затѣмъ въ восьми католическихъ кантонахъ (*изъ 25*) и притомъ весьма незначительныхъ (Ури, Швицъ, Освальденъ, Аппенцель, Валлисъ, Цугъ, С.-Галленъ и Люцернъ) была возстановлена смертная казнь за общія преступленія. Но спрашивается: почему

же именно эти восемь кантоновъ, а не другіе семнадцать, представляютъ швейцарскій народъ? Къ этому надо прибавить, что и въ этихъ восьми кантонахъ смертная казнь и послѣ возстановленія не примѣнялась. Въ особенности любопытенъ примѣръ кантона Люцерна, гдѣ нѣсколько разъ судъ приговаривалъ къ смерти, но каждый разъ (кромѣ дѣла Гатти, въ 1892 г.) верховный совѣтъ кантона давалъ помилованіе осужденнымъ. (Подробная исторія вопроса о смертной казни въ Швейцаріи изложена у Stoos'a: „Die Grundzüge des schweizerischen Strafrechts", 1893, т. I, стр. 284—363; ср. также у Guillome: „État actuel de la question de la peine de mort en Suisse" 1886.) Штоосъ (стр. 303) въ заключеніе говоритъ: „постоянное непримѣненіе смертной казни даже въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ преступленій равносильно ея отмѣнѣ". Другой извѣстный швейцарскій криминалистъ, цюрихскій профессоръ Pfenninger („Das Strafrecht der Schweiz", 1890, стр. 724) говоритъ: „Вопросъ о смертной казни въ Швейцаріи стоитъ внѣ всякаго спора, и *никакой* общій уголовный кодексъ для Швейцаріи, въ которомъ была бы сохранена смертная казнь, *невозможенъ*". Затѣмъ, въ новомъ проектѣ уголовнаго кодекса для Швейцаріи, составленномъ Штоосомъ, смертная казнь въ число наказаній включена не была, и въ коммиссіи экспертовъ, обсуждавшихъ въ 1893 году этотъ проектъ, противъ смертной казни высказались пятнадцать членовъ и четыре—за нее, причемъ нельзя не замѣтить, что представитель кантона Люцернъ, гдѣ смертная казнь была возстановлена въ 1880 г., членъ высшаго суда въ Люцернѣ, Meyer von Schonensee, высказался противъ смертной казни на основаніи мѣстнаго кантональнаго опыта. Таковы факты относительно Швейцаріи.

Возстановила ли смертную казнь „культурная и производительная страна"—Америка? Я лично незнакомъ съ законодательствомъ отдѣльныхъ сѣверо-американскихъ штатовъ по данному вопросу, но изъ общихъ сочиненій по уголовному праву могу указать на Liszt'a—„Die Strafgesetzgebung der Gegenwart", который (т. II, стр. 208) говоритъ, что законодательство большинства штатовъ угрожаетъ (отмѣнена смертная казнь только въ четырехъ штатахъ Мичиганъ, Родэйландъ, Висконсинъ и Мэнъ) смертною казнью только за весьма немногія преступленія (тяжкіе виды предумышленнаго убійства); то же говоритъ van Swinderen, „Esquisse du droit pénal actuel", т. I, стр. 288. Затѣмъ нашъ министръ юстиціи, отъ котораго, повидимому, заимствована ссылка членовъ Государственнаго Совѣта, въ засѣданіи Думы 19-го іюня упомянулъ только, что въ четырехъ штатахъ въ

1902 г., а въ четырехъ—въ 1903 г. была установлена смертная казнь за посягательство на высшихъ государственныхъ чиновниковъ, но ни о какомъ новомъ возстановленіи *отмѣненной* смертной казни не упоминалъ.

Наконецъ, была ли, какъ говоритъ г. Крамеръ, отмѣнена смертная казнь въ Германіи, а затѣмъ возстановлена въ нѣкоторыхъ мелкихъ, входящихъ въ ея составъ, государствахъ и въ Саксоніи? Вотъ факты (ср. Таганцевъ, „Русское уголовное право", т. II, стр. 1116): въ 1870 г., при обсужденіи проекта сѣверо-германскаго уголовнаго кодекса въ Reichstag'ѣ, было внесено кильскимъ депутатомъ Планкомъ предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни, и при вторичномъ чтеніи проекта это предложеніе было принято большинствомъ 118 противъ 81. Тогда Бисмаркъ, въ рѣчи своей 23 мая 1870 г., прибѣгъ въ защиту смертной казни къ мало убѣдительному, но сильному аргументу, а именно, что правительство, въ случаѣ исключенія смертной казни, возьметъ проектъ назадъ и тѣмъ устранитъ навсегда возможность юридическаго объединенія Германіи. Стремленіе къ объединенію дало перевѣсъ при третьемъ чтеніи проекта, но и то только 127 противъ 119, и смертная казнь въ кодексѣ осталась. *Съ введеніемъ*, въ 1872 г., общаго уголовнаго кодекса во *всей* Германіи и съ отмѣною *всѣхъ* партикулярныхъ уголовныхъ кодексовъ, смертная казнь, eo ipso, сдѣлалась примѣнимою и въ тѣхъ частяхъ Германіи, въ уголовныхъ кодексахъ коихъ она была ранѣе отмѣнена (а въ томъ числѣ и въ Саксоніи, гдѣ она была отмѣнена въ 1868 г.). Но можно ли при этихъ данныхъ говорить о сознательномъ ея *возстановленіи* послѣ 1870 г. въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи?

Такова сила и значеніе фактическихъ данныхъ, на которыхъ покоится первый аргументъ защитниковъ смертной казни.

IV.

Главнѣйшій практическій базисъ противниковъ смертной казни, —она не имѣетъ значенія задерживающаго мотива, а потому и не вліяетъ на движеніе преступности. Въ подтвержденіе этого ея противники указывали (ср. статистическія данныя у Кистяковскаго, „Смертная казнь", изд. 1896; мое „Русское уголовное право", т. II, изд. 1903 г.): 1) что поразительное уменьшеніе смертныхъ приговоровъ и дѣйствительнаго примѣненія смертной казни въ тѣхъ государствахъ, гдѣ она сохранена въ уголовныхъ кодексахъ, не только не повлекло пропорціональнаго увеличенія

числа преступленій, обложенныхъ этимъ наказаніемъ, но, наоборотъ, иногда сопровождалось уменьшеніемъ ихъ числа; и 2) что то же нужно сказать и о данныхъ тѣхъ государствъ, которыя вовсе отмѣнили смертную казнь, и при томъ даже относительно государствъ сравнительно довольно большихъ — какъ Голландія (отмѣнена съ 1870 г.), Италія (съ 1890 г), Португалія (съ 1867 г.).

Что же приводятъ противъ этихъ доводовъ ея защитники, кромѣ, конечно, ссылки на ихъ личныя убѣжденія, что они не могутъ согласиться, чтобы смертная казнь не имѣла значенія устрашающаго или, какъ выразился членъ Государственнаго Совѣта С. С. Гончаровъ, „что ошибочно то ученое начало, которое поучительно произноситъ сужденіе, будто казнь не достигаетъ своей цѣли"?

Не могу не сказать, что и въ этомъ отношеніи данныя, приведенныя защитниками смертной казни, и не точны, и не убѣдительны.

Такъ, я лично, въ соображеніяхъ, представленныхъ въ этомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта въ защиту предложенія объ отмѣнѣ смертной казни, сослался, между прочимъ, на слова извѣстнаго итальянскаго ученаго Ферри, который заявляетъ (ср. въ сборникѣ г. Гернета), что въ Италіи, также какъ въ Голландіи и Бельгіи, послѣ отмѣны смертной казни число убійствъ не только не увеличилось, но постепенно продолжало уменьшаться. По поводу этой ссылки одинъ изъ защитниковъ смертной казни (кн. Касаткинъ-Ростовскій) высказалъ, „что онъ не знаетъ, откуда взялъ Ферри эти свѣдѣнія, и что онъ имѣетъ совершенно обратныя, а именно, что со времени уничтоженія смертной казни въ Италіи преступленія, которыя прежде наказывались смертью, удесятерились. Если же мы сравнимъ Италію съ ея тридцати-милліоннымъ населеніемъ съ сорока-милліоннымъ населеніемъ Франціи, то окажется, что на семьсотъ караемыхъ смертью преступленій во Франціи—въ Италіи ихъ четыре тысячи". Князь Касаткинъ не указываетъ источника, на основаніи коего онъ опровергаетъ профессора Ферри, но изъ того, что сообщаетъ этотъ источникъ, всякій юристъ можетъ заключить, что на немъ едва ли можно основывать какіе-либо выводы. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ: „семьсотъ караемыхъ смертью преступленій во Франціи"? Казненныхъ?—но во Франціи, въ періодъ съ 1881 по 1890 г., было казнено, въ среднемъ, по шести человѣкъ въ годъ. Осужденныхъ къ смертной казни?—но ихъ за тотъ же періодъ было, въ сред-

немъ, въ годъ—двадцать-семь [1]), и эти числа за послѣднее время не увеличились, а уменьшились. Но откуда же появилась эта цифра „семьсотъ"? Да и какому же статистику придетъ въ голову не только сравнивать, но даже и говорить о сравнительномъ числѣ осужденныхъ къ смертной казни въ двухъ странахъ, изъ которыхъ одна не знаетъ смертной казни!.. Если же рѣчь идетъ о ежегодномъ числѣ преступленій, за которыя *можетъ* быть назначена, по кодексу одного изъ сравниваемыхъ государствъ, смертная казнь, то и въ такомъ случаѣ такое огульное сравненіе для всякаго серьезнаго изслѣдователя статистическихъ данныхъ представляется недопустимымъ, такъ какъ приходится сравнивать данныя совершенно неоднородныя: всякій юристъ знаетъ, что понятіе и объемъ отдѣльныхъ преступленій даже въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ не только не тождественны, но часто и неоднородны. Попробуйте, напр., сопоставить цифровыя данныя о числѣ разбоевъ въ Германіи и въ Россіи, и окажется, что въ Германіи ихъ гораздо болѣе, чѣмъ у насъ, и вовсе не потому, чтобы такъ было въ дѣйствительности, а только потому, что нѣмецкое понятіе „Raub" (разбой) объемлетъ собою наши понятія и разбоя, и *грабежа*.

Если же обратиться къ дѣйствительнымъ статистическимъ даннымъ, то я позволю себѣ утверждать, что замѣчаніе проф. Ферри правильно, а сомнѣнія и указанія князя Касаткина-Ростовскаго не имѣютъ фактическихъ основаній.

Вотъ какія данныя приводитъ намъ русскій юристъ-статистикъ, котораго нельзя заподозрить въ какой-либо тенденціозности или въ принадлежности, какъ проф. Ферри, къ соціалъ-демократической партіи,—Е. Н. Тарновскій („Статистическія данныя о преступности въ Италіи", „Журн. Мин. Юст." 1900 г., № 4). Основываясь на докладѣ извѣстнаго ученаго Л. Бодіо, помѣщеннаго въ оффиціальномъ изданіи „Annali di Statistica" за 1899 г., Тарновскій говоритъ: „Преступленія противъ жизни, развитіемъ которыхъ Италія превосходитъ всѣ европейскія страны, *начиная съ 1880 г., постепенно уменьшаются въ числѣ*, хотя уменьшеніе это и довольно медленное... Осужденныхъ за убійство было въ 1887 году 2.805, а въ 1895 г.—2116". А такъ какъ въ Италіи смертная казнь, хотя и была уничтожена только съ изданіемъ кодекса 1890 г., но фактически она не примѣнялась съ 1875 г., то мы имѣемъ полное основаніе сказать вмѣстѣ съ

[1]) Эти цифры непререкаемы, ибо взяты изъ отчетовъ французскаго министерства юстиціи. См. мое „Русское уголовное право", стр. 1121.

Ферри, что съ отмѣною смертной казни въ Италіи число убійствъ не только не увеличилось, но и уменьшилось.

Да вообще изслѣдователи соціальной стороны преступности давно уже представили несомнѣнныя доказательства, что факторы преступности, а въ частности и причины, заправляющія ея ростомъ, лежатъ въ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ общественной жизни и слишкомъ мало зависятъ отъ суровости наказаній.

Тотъ же Е. Н. Тарновскій въ другой своей статьѣ („Движеніе преступности въ Западной Европѣ", „Журн. Мин. Юст." 1899 г., № 4, стр. 50), разсматривая движеніе преступности въ Англіи и отмѣчая извѣстные факты ея прогрессирующаго уменьшенія, по поводу убійства говоритъ: „Убійство вообще упало въ Англіи до европейскаго минимума (съ нею спорятъ за первенство въ этомъ отношеніи только Шотландія и нѣкоторыя второстепенныя германскія государства). Убійство (по отношенію числа осужденныхъ къ наказанію) за пять лѣтъ, 1889—1893, почти вдвое рѣже, чѣмъ въ Германіи, почти въ три раза меньше, чѣмъ во Франціи и Австріи, въ восемь разъ рѣже, чѣмъ въ Испаніи, и въ двѣнадцать разъ слабѣе, чѣмъ въ Италіи. И это незначительное само по себѣ число осужденныхъ или подсудимыхъ за убійство продолжаетъ уменьшаться по отношенію къ населенію. По даннымъ у L. Bodio, число осужденныхъ за убійство въ Англіи на сто тысячъ жителей съ 1881 г. по 1893 включительно уменьшилось съ 0,63 до 0,48". При этомъ надо прибавить, что это движеніе шло параллельно съ уменьшеніемъ примѣненія смертной казни, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ Англіи за двадцать лѣтъ, съ 1806 по 1825, было *ежегодно* присуждаемо къ смертной казни 850 и казнимо—80; за тотъ же періодъ, съ 1868 по 1887—осуждено 64 и казнено 18; а съ 1868 по 1887—осуждено 26 въ годъ, а казнено 20, причемъ въ эти данныя не введенъ разсчетъ на приростъ населенія (Таганцевъ, „Русское уголовное право", т. II, стр. 1121).

Вышеприведенныя данныя, надѣюсь, съ достаточною очевидностью показываютъ, что не сохраненіе смертной казни въ кодексѣ и не частость ея примѣненія вліяютъ на ростъ убійствъ, а національныя особенности, темпераментъ народа—съ одной стороны, и соціальныя—съ другой. Въ водвореніи порядка, ненарушимости правъ, неприкосновенности личности и устраненіи произвола въ управленіи нужно искать оплота государственности и культуры, а не въ развращающемъ общество пролитіи крови человѣка. Горе тѣмъ, кто питаетъ вражду и ненависть и будитъ въ

человѣкѣ звѣря—будутъ ли это революціонные безумцы, будутъ ли это мнимые охранители отжившаго строя.

Перехожу къ другимъ фактическимъ даннымъ этой группы, указаннымъ защитниками смертной казни, какъ доказательство ея устрашательности,—даннымъ изъ нашей современной дѣйствительности. На первомъ мѣстѣ стоитъ Остзейскій край. „У меня въ рукахъ, — говорилъ членъ Государственнаго Совѣта Крамеръ,—находится списокъ убитыхъ чиновъ рижской городской полиціи... Списокъ ведется съ 1-го января 1904 г. и кончается 19-го мая нынѣшняго года. Изъ этого списка видно, что 2-го января 1906 г. убито трое; 3-го января—двое; 6-го—одинъ; 17-го—двое; 18-го—четверо и 19-го января—трое, и затѣмъ съ 19-го января по 19-е мая нѣтъ ни одного случая убійства или пораненія чиновъ полиціи. Это является результатомъ осуществленія военнаго положенія, которое было введено съ ноября 1905 г., но фактически было осуществлено гораздо позже, ибо не было войскъ... Лишь въ концѣ декабря оказалось достаточно ихъ, чтобы вступить въ борьбу съ бандами, которыя въ это время завоевали два уѣзда—рижскій и венденскій, такъ какъ все населеніе, живущее въ деревняхъ, сбѣжало, а власти были прогнаны. ...Во второй половинѣ января состоялся первый приговоръ—и вотъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ мы не видимъ ни одного нападенія, ни одного убійства чина полиціи, тогда какъ до того было убито 110 человѣкъ, т.-е. болѣе четверти состава рижской городской полиціи". По рѣшительному мнѣнію другого защитника смертной казни, г. Бутлерова, сообщенные г. Крамеромъ факты о Прибалтійскомъ краѣ *совершенно опровергаютъ* то соображеніе, что она безцѣльна и вредна. „Такимъ образомъ, здѣсь спорить нельзя, *и двухъ мнѣній по этому вопросу быть не можетъ*". Такое же убѣдительное значеніе сообщенію г. Крамера придаетъ и С. С. Гончаровъ, хотя и добавляетъ: „Правда, съ момента ухода силъ, съ момента ослабленія энергіи законной власти, снова поднялись преступленія". Членъ Государственнаго Совѣта Гончаровъ приводитъ и другое доказательство практическаго значенія смертной казни—усмиреніе московскаго возстанія. „Я полагаю,—говоритъ онъ,—что смертная казнь оказываетъ свое устрашающее вліяніе. Въ этомъ вліяніи *легко* убѣдиться и незачѣмъ далеко ходить за примѣрами. Съ того момента, когда въ Москвѣ, при страшной неурядицѣ и безпорядкахъ, сопровождавшихся, между прочимъ, вооруженнымъ возстаніемъ, заставлявшихъ страдать все московское населеніе, приняты были строгія и рѣшительныя мѣры борьбы съ революціонерами путемъ разстрѣла и

казни, настала возможность достигнуть подавленія тѣхъ ужасовъ, которые тамъ господствовали въ самыхъ широкихъ размѣрахъ".

Вотъ и весь запасъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ покоится главный базисъ защиты смертной казни — ея цѣлесообразность и необходимость. Эти данныя приведены мною полностью, чтобы каждый могъ провѣрить силу и значеніе доводовъ; я, съ своей стороны, не могу не прибавить, что статистика причисляетъ себя къ точнымъ наукамъ и свои выводы основываетъ на провѣренныхъ и систематизированныхъ фактахъ, а именно этого-то въ разбираемыхъ сужденіяхъ и не усматривается.

Но прежде всего спѣшу оговориться: я такъ же думаю, что одними чувствительными словами и разсужденіями, одними благопожеланіями, даже одною строгою законностью остановить разыгравшееся революціонное движеніе, подавить вспыхнувшее возстаніе нельзя. Для этого необходимы сильныя и энергичныя мѣры, къ сожалѣнію, для этого необходимы часто кровь и жертвы, но вѣдь мы разсуждаемъ не объ этихъ мѣрахъ государственной защиты, а о цѣлесообразности смертной казни, какъ акта правосудія. Сенаторъ Гончаровъ утверждаетъ, что устрашающее значеніе смертной казни подтверждается усмиреніемъ московскаго возстанія; но онъ не приводитъ никакихъ указаній, чтобы при этомъ усмиреніи были въ ходу военные суды и приговоры къ смертной казни. Напротивъ того, изъ оффиціальныхъ свѣдѣній главнаго военно-суднаго управленія мы знаемъ, что въ 1905 г., т.-е. во время усмиренія возстанія, хотя въ московскомъ военномъ округѣ и было присуждено къ смерти четыре человѣка и казнено трое, но всѣ эти случаи имѣли мѣсто не въ городѣ Москвѣ. Въ Москвѣ, при обстрѣливаніи мятежниковъ, было много убито виноватыхъ и невинныхъ, карательными отрядами было произведено значительное количество массовыхъ разстрѣловъ, но если и признавать таковые необходимыми, то все-таки не можетъ же юристъ считать ихъ за отправленіе правосудія и отождествлять разстрѣлы съ смертною казнью по суду. Почти то же приходится сказать и относительно прибалтійскихъ губерній. Хотя г. Крамеръ и указываетъ на одинъ примѣръ, имѣвшій мѣсто во второй половинѣ января 1906 г., который, будто бы, чудодѣйственно прекратилъ въ Ригѣ посягательства на жизнь чиновъ наружной полиціи, но и онъ осторожно прибавляетъ: „Быть можетъ, тутъ повліяли и другія обстоятельства: большее число патрулей, которые разсылались, болѣе осторожное несеніе службы городовыми". Очевидно, что на этомъ единичномъ примѣрѣ никакихъ выводовъ не построишь. Да даже и для города Риги его

значеніе, еслибы оно и было, было кратковременно, такъ какъ съ лѣта тамъ опять начались разстрѣлы городовыхъ.

Но если оставить эти ничего не доказывающіе единичные случаи, а обратиться къ массовымъ даннымъ, съ которыми только и оперируетъ наука, то окажется, что русская статистика послѣднихъ лѣтъ скорѣе даетъ основаніе для вывода о безсиліи и, слѣдовательно, безцѣльности смертной казни, какъ мѣры государственной охраны.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ военнаго министерства было къ смертной казни приговорено: въ 1904 г.—11; въ 1905 г.—79, и въ 1906 г. (по 1-е мая)—108; а казнено—7, 13 и 34. И несмотря на этотъ ужасающій ростъ смертной казни, число политическихъ убійствъ, разбоевъ возрастало. Было прекращено московское возстаніе, почти прекращено или ослаблено возстаніе въ Прибалтійскомъ краѣ, значительно ослаблено на Кавказѣ; надо вѣрить и надѣяться, что, наконецъ, прекратятся дикія проявленія террора и во всей Россіи, но причемъ тутъ смертная казнь? Энергическія дѣйствія правительства, а главное сплоченіе и организація разумно охранительныхъ силъ страны; дѣйствительное и неуклонное подчиненіе закону всѣхъ и каждаго, и прежде всего правительственныхъ органовъ — вотъ тѣ условія, при которыхъ можно надѣяться на одолѣніе революціи.

Нужно ли повторять то непреоборимое положеніе, что фанатики политическіе, въ огромномъ ихъ процентѣ, не поддаются страху смерти. Правда, членъ Государственнаго Совѣта Крамеръ, а за нимъ и другіе указывали на то, что у насъ „значительное число политическихъ преступниковъ оказалось наемными людьми“. „Установлено,—говорилъ г. Крамеръ, — что плата за убійство доходила до 50 к. Такъ упала первоначальная плата въ 30 рублей, и послѣднее время, въ Ригѣ и Либавѣ, въ виду того, что несовершеннолѣтніе (?) не подвергаются смертной казни, для убійствъ нанимались евреи лѣтъ пятнадцати — шестнадцати“. Едвали надо и опровергать это слишкомъ одностороннее обобщеніе единичныхъ случаевъ, если таковые и были. Достаточно указать на всѣ правительственныя сообщенія о проявленіяхъ террора, и въ частности послѣднее, отъ 24-го августа. „За послѣдніе два года, — такъ начинается оно, — революціонное движеніе проявляется съ чрезвычайнымъ напряженіемъ. Съ весны этого года оно особенно усилилось... Преступленія эти ясно доказываютъ, что революціонныя организаціи напрягли всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работѣ правительства, разстроить его ряды и примѣ-

неніемъ грубаго насилія прекратить всякую работу мысли и всякую возможность созидательной жизни государства". Пересмотрите, далѣе, приложенный къ этому сообщенію перечень важнѣйшихъ террористическихъ дѣяній за 1906 г.; въ нихъ вездѣ оказывается проявленіе дѣятельности боевыхъ дружинъ революціи; описываются преступленія, учиненныя несомнѣнно лицами извѣстныхъ политическихъ партій.

Другой защитникъ смертной казни, С. С. Гончаровъ, также находитъ, что то положеніе, „что политическіе преступники дѣйствуютъ не изъ личныхъ разсчетовъ и побужденій, что они — люди идейные, чувству страха недоступные, — непримѣнимо къ нашимъ, такъ какъ они подкупали на убійство другихъ людей, подставляя ихъ подъ кары и наказанія и скрываясь за ихъ спиною"; что онъ не можетъ согласиться, „что они дѣйствуютъ по убѣжденію, по увлеченію, изъ пожеланія блага народа. Нѣтъ, это враги народа: они пользуются такими средствами, которыя недостойны носить имя политическихъ дѣяній людей, преслѣдующихъ благо народа"... Конечно, и противъ этихъ замѣчаній можно было бы сдѣлать то же фактическое возраженіе, которое приведено выше по поводу первоисточника этихъ заявленій, мнѣнія г. Крамера, т.-е. что это — чрезмѣрное обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ. Несомнѣнно, что между нашими террористами — громадный процентъ фанатиковъ, которые ставятъ на рискъ и свою собственную жизнь. Но дѣло не въ томъ, наемные ли это преступники, или увлеченные сторонники крайнихъ мнѣній, враждебныхъ основнымъ началамъ цивилизаціи, идеямъ христіанской этики и т. д., а намъ нужно рѣшить совершенно другой вопросъ: необходимо ли и полезно ли къ этимъ людямъ примѣнять смертную казнь? Новая исторія уголовнаго права знаетъ крайнюю партію антропологической школы, защищавшую, въ виду типическихъ особенностей извѣстной группы преступниковъ, смертную казнь на томъ основаніи („Théorie d'épuration sociale"), что „такъ какъ человѣкъ есть не что̀ иное, какъ общественная молекула, то нельзя и церемониться съ его правами, какъ скоро его существованіе ставитъ въ опасность общественный организмъ (Гарафоло, „Criminologie", стр. 267). Наука знаетъ даже еще болѣе пикантную теорію „выкорчевыванія преступности" (le sarclage de la criminalité), которая предлагаетъ замѣнить смертную казнь уничтоженіемъ производительной способности преступниковъ, какъ болѣе дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ преступностью (ср. мое „Русское уголовное право", т. II, стр. 926). Но, во-первыхъ, всѣ эти доктрины имѣютъ въ виду только при-

рожденно-неисправимыхъ преступниковъ, самое бытіе которыхъ, впрочемъ, наукою пока не установлено; во-вторыхъ, къ этому типу человѣкопреступниковъ (l'uomo delinquente) они ни въ какомъ случаѣ политическихъ преступниковъ не причисляютъ, такъ какъ развѣ только въ домахъ умалишенныхъ можно встрѣтить ниспровергателей государственности и общественнаго порядка „an und für sich", безотносительно къ его конкретной формѣ; въ-третьихъ, — извиняюсь за выраженіе, — палка, замѣняющая знамя этой теоріи, о двухъ концахъ, ибо она даетъ оправданіе для истребленія общественныхъ молекулъ *всякаго рода* на основаніи личной оцѣнки истребляющаго; и, наконецъ, въ-четвертыхъ, серьезно говорить о положеніяхъ этой школы при разборѣ мнѣній членовъ Государственнаго Совѣта, очевидно, не приходится, ибо въ немъ едвали можно найти послѣдователей антропологo-криминальной доктрины.

По поводу этого довода о необходимости сохраненія смерти для террористовъ, запятнавшихъ себя позорными и гнусными злодѣяніями, я позволю себѣ привести слова нашего поэта, принадлежавшаго къ славной кучкѣ дѣйствительно русскихъ людей, котораго, надѣюсь, никто не причислитъ ни къ анархистамъ, ни къ потрясателямъ общественныхъ устоевъ—А. С. Хомякова:

„Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ,—
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ;
Убьете-ль?—
О, стыдъ и позоръ!"

Противники смертной казни, думается мнѣ, имѣютъ право сказать, что замѣчаніе ея сторонниковъ, что „неправильно поступитъ правительство въ моментъ борьбы, если отдастъ хотя одно оружіе въ руки враговъ" (г. Крамеръ), не подкрѣпляется доказательствами; что выраженныя ими опасенія, что „предлагаютъ" вырвать изъ рукъ правительства оружіе, которое хотя слабо и недостаточно, но все же представляетъ изъ себя хоть какую-нибудь мѣру противъ анархистовъ" (князь Касаткинъ-Ростовскій)—лишены основаній. Негодное оружіе не только не помогаетъ, но вредитъ защитѣ государственной безопасности, ибо, въ надеждѣ на него, нерѣдко власть засыпаетъ тогда, когда ей нужно сугубо бодрствовать.

V.

Вышеизложеннымъ исчерпываются всѣ существенные доводы защитниковъ смертной казни; все прочее имѣетъ совершенно второстепенное значеніе; но чтобы избѣжать упрека въ неполнотѣ и пристрастности, я кратко остановлюсь и на этихъ указаніяхъ.

Въ своей пространной рѣчи въ защиту казни членъ Государственнаго Совѣта Д. Ѳ. Самаринъ останавливается прежде всего на неполнотѣ доклада и на непослѣдовательности Думы, а въ особенности на превышеніи ею законодательной компетентности, такъ какъ она приняла отмѣну смертной казни не только по гражданскимъ, но и по военнымъ законамъ. Въ этомъ отношеніи г. Самаринъ правъ, такъ какъ статья 55-я основныхъ законовъ, по ея смыслу и по историческому ея происхожденію, съ несомнѣнностью изъемлетъ изъ вѣдѣнія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта военно-уголовное законодательство, и притомъ не только въ военное, но и въ мирное время;—но, очевидно, это ограниченіе отнюдь не предрѣшаетъ вопроса о томъ, необходимо ли сохраненіе смертной казни въ военныхъ законахъ въ мирное или даже въ военное время, а тѣмъ болѣе не обосновываетъ дальнѣйшіе выводы Д. Ѳ. Самарина. „Въ военное время,—говоритъ онъ,—смертная казнь назначается въ силу *ея неизбѣжности* при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ находится дѣйствующая армія, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ... Мнѣ кажется, что когда часть страны объята возстаніемъ, то создаются для государства совершенно такія же условія и, можетъ быть, даже болѣе худшія, чѣмъ война, чѣмъ столкновеніе съ внѣшнимъ врагомъ... Я не понимаю, какимъ образомъ можно лишить государство возможности и права примѣнять эти условія и помимо борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Неужели въ такомъ случаѣ, какъ у насъ при польскомъ возстаніи 1831 и 1863 гг., во Франціи во время коммуны или въ Венгріи въ 1847 г.,—неужели въ такихъ случаяхъ государственная власть должна ограничиваться нормальными законами мирнаго времени“... И въ концѣ концовъ—предложеніе г. Самарина отклонить проектъ, внесенный Государственною Думою, цѣликомъ. Но если разсмотрѣть внимательно всѣ эти соображенія, то, мнѣ думается, нельзя не признать, что выводы не соотвѣтствуютъ посылкамъ, и начало не сходится съ концомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, что возстанія, о которыхъ говоритъ г. Самаринъ, не могли быть подавлены безъ энергическихъ мѣръ, безъ употребленія оружія, безъ кровопролитія; можно согласиться и съ тѣмъ, что во время революціонныхъ движеній, волненій, нельзя довольствоваться нормальными законами мирнаго времени, а нужны законы исключительные, чрезвычайные;—но какимъ же логическимъ пріемомъ вывести отсюда необходимость сохраненія въ уголовныхъ законахъ смертной казни? Все разсужденіе построено такъ: смертная казнь неизбѣжна во время войны; борьба съ внутренними врагами совершенно аналогична борьбѣ съ врагами внѣшними, а слѣдовательно смертная казнь необходима и для усмиренія революціи. Но это—софизмъ и софизмъ, позволяю думать, весьма опасный. Не даромъ же не только революціонная печать, но и органы печати, сочувствующіе революціонному движенію, стараются убѣдить, что боевая организація революціонеровъ — тѣ же, что непріятельскія войска, такіе же „беллигеранты". Посмотрите, что выходитъ изъ такого уподобленія. Еслибы смертная казнь и была неизбѣжна во время войны (что ставится, неизвѣстно почему, какъ аксіома), то спрашивается, по отношенію къ кому же она примѣняется? Развѣ по отношенію къ непріятелю? Давно уже прошли тѣ времена, когда военноплѣнныхъ убивали; теперь они пользуются полною охраною законовъ и неприкосновенностью личности. Смертная казнь можетъ быть примѣнима только къ иностраннымъ шпіонамъ. Значитъ, если убійцы-революціонеры, бросатели, дѣлатели и хранители взрывчатыхъ снарядовъ представляютъ подобіе непріятельской артиллеріи, войска, то и они, захваченные властью, могутъ претендовать на то же покровительство законовъ, какъ и военноплѣнные? Полагаю, что такого абсурднаго, но неизбѣжнаго вывода не желали допускавшіе это уподобленіе противники думскаго проекта.

Столь же мало убѣдительна ссылка на то, что отмѣна смертной казни была бы противна воззрѣніямъ русскаго народа. „Я тридцать лѣтъ живу въ деревнѣ, — говорилъ князь Касаткинъ-Ростовскій,—и могу заявить, что у насъ смертная казнь существуетъ и не прекращается по сіе время". Въ подтвержденіе этого, князь сослался на два примѣра: на саратовскую губернію, гдѣ въ одномъ селѣ убили четырнадцать грабителей, а одиннадцать—едва-едва спасли, и на курскую губернію, гдѣ въ селѣ Велико-Михаиловскомъ земскому начальнику едва удалось спасти нѣсколько хулигановъ, приговоренныхъ къ смерти на сельскомъ сходѣ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Князь находитъ, что при-

чина этого—въ безсудіи по отношенію къ конокрадамъ и другимъ преступникамъ, и что еслибы такіе участники самосуда были преданы суду присяжныхъ, то они несомнѣнно были бы оправданы.

Положимъ, что все это справедливо, но какъ вывести отсюда доказательство необходимости удержанія смертной казни, какъ акта правосудія, за тѣ преступныя дѣянія, за которыя она назначается по нашимъ законамъ?

Когда въ Думѣ дѣлались патетическія заявленія о томъ, что отмѣны смертной казни желаетъ *весь* русскій народъ; что говорившіе суть выразители *всего* русскаго народа и т. п., то всякій серьезно и сознательно относящійся къ явленіямъ русской жизни понималъ, что для однихъ изъ ораторовъ это была риторическая фигура, ораторская гипербола; для другихъ, если можно такъ выразиться, болѣе наивныхъ, выраженіе ихъ личнаго убѣжденія, что русскимъ народомъ нужно считать только тѣхъ, которые мыслятъ одинаково съ ними, а всѣ остальные милліоны населенія, хотя бы и значительно превышающіе ихъ по численности,—нужно признавать не народомъ, а черносотенцами, хулиганами, подкупленными агентами правительства. Нельзя, конечно, припоминая рѣзни въ Баку, Шумахѣ, Тифлисѣ, и т. д., и т. д., вспоминая рѣзню мусульманъ и армянъ, нравы Чечни и т. д., отнестись безъ улыбки къ заявленіямъ представителей Кавказа, что ихъ избиратели, посылая ихъ въ Думу, требовали отмѣны смертной казни. Нельзя не признать, что сторонники революціонныхъ партій, кричащіе о безчеловѣчности, недопустимости не только разстрѣловъ, но и казни по суду, и въ то же время не только оправдывающіе, но и восхваляющіе политическія убійства, учиняемыя въявь и изъ-за угла, грабежи и погромы, если они, какъ надо думать, говорили и писали сознательно, забывали основныя начала справедливости и морали. Нельзя громить карательныя экспедиціи и казни, зажимать ротъ органамъ власти криками „убійцы“, „палачи“ и въ то же время не имѣть нравственной смѣлости высказать негодованіе потокамъ крови—городовыхъ, почтарей, содержателей разныхъ лавокъ, и т. д. и т. д., проливаемой боевыми организаціями. Партія, допустившая въ своемъ органѣ софистическое разновѣсіе при оцѣнкѣ террора лѣваго и праваго, не можетъ претендовать на роль выразителя нравственныхъ принциповъ русскаго народа. Несмываемое пятно Каина лежитъ одинаково на убійцахъ физическихъ и интеллектуальныхъ, и Герценштейна, и жертвъ взрывовъ въ Севастополѣ и на дачѣ министра внутреннихъ дѣлъ, и т. д.

Но также мало могутъ имѣть доказательной силы и выше приведенныя ссылки на кровавыя самосправы толпы, какъ на доказательства правосознанія русскаго народа. Къ расправамъ съ конокрадами и поджигателями, дѣйствительными и предполагаемыми, можно бы прибавить цѣлый рядъ всѣмъ извѣстныхъ такихъ же массами учиненныхъ убійствъ—помѣщиковъ, фабрикантовъ, врачей, разнообразныхъ представителей власти. Но какой же выводъ можно сдѣлать на основаніи этихъ прискорбныхъ данныхъ? Кто изъ образованныхъ русскихъ не знаетъ и не былъ нравственно потрясенъ художественною картиною убійства Верещагина въ „Войнѣ и Мирѣ",—и что же, эту озвѣрѣвшую толпу, эту толпу, потерявшую образъ и подобіе Божіе, совѣтуютъ законодателю взять образцомъ при его творческой законодательной работѣ! Я позволю по этому поводу привести то, что я многолѣтно говорилъ моимъ слушателямъ: „Даже въ борьбѣ съ отдѣльными явленіями, съ преступностью, законодатель не долженъ забывать, что онъ служитъ общей цѣли государства—развитію народной жизни, а тѣмъ самымъ и общему прогрессу человѣчества, осуществленію его идеаловъ. Кровавый призракъ отдѣльныхъ злодѣяній, какъ бы глубоко они ни потрясали нравственное чувство каждаго, не долженъ заволакивать твердый и спокойный взглядъ законодателя, устремленный въ будущее". (Русск. уг. пр., I, стр. 21).

Въ близкомъ соотношеніи съ предыдущимъ является и другой доводъ защитниковъ смертной казни—ссылка на голосъ не всего народа, а на голосъ семей убитыхъ органовъ власти, на желанія лицъ, занимающихъ боевые посты правительственной организаціи. „Защитники думскаго законопроекта,—говорилъ князь Касаткинъ-Ростовскій,—забываютъ только тѣхъ неповинныхъ людей, которые часто падаютъ жертвою революціонеровъ и только потому, что они подвернулись этимъ господамъ подъ-руку". Что скажутъ, говорятъ намъ, эти люди, обреченные на смерть, трепещущіе за жизнь и судьбу своихъ семей, возможныхъ жертвъ преступныхъ посягательствъ на нихъ, посягательствъ, основанныхъ только на томъ, что они честно исполняли свои обязанности или и вовсе безъ всякой причины? Я полагаю, что противники смертной казни не забывали этихъ неповинныхъ жертвъ. Да, они могутъ сказать государству: прими всѣ необходимыя мѣры, чтобы охранить нашу жизнь.—Государство обязано это сдѣлать, обязано принять мѣры, которыя если не уничтожатъ, то ослабятъ шансы опасности; государство, да и не только оно, но и общество, обязано сдѣлать все, чтобы обезпечить участь

семей жертвъ исполненія долга; государство обязано, несомнѣнно, принять всѣ мѣры, чтобы виновный былъ обнаруженъ, осужденъ и потерпѣлъ законное наказаніе. Но еслибы эти служащіе заявили,—чего, впрочемъ, они не дѣлаютъ, а за нихъ усердствуютъ другіе,—что они могутъ служить только въ томъ случаѣ, если виновные въ посягательствѣ на жизнь служащихъ будутъ за это подвергаемы смертной казни, то государство, или, правильнѣе, законодательная власть, не только можетъ, но и должна сказать: это дѣло не вашей компетенціи; предоставьте мнѣ судить, что̀ нужно и что̀ ненужно для охраны вашей безопасности, и если я признаю, что сохраненіе смертной казни ненужно для государственной безопасности, или даже и вредно, то я ее отмѣню безотносительно къ вашимъ пожеланіямъ.

По этому поводу я позволю напомнить одинъ примѣръ изъ давняго нашего прошлаго, примѣръ, извѣстный всякому гимназисту старшихъ классовъ. Въ „Русской Правдѣ“, въ статьѣ 1-й, читаемъ мы: „Убіетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, либо сынови отца, либо отцу сына; либо брату чада, либо сестрину сынови. Аще не будетъ кто мстя, то 40 гривенъ за голову“. А въ третьей, болѣе пространной редакціи „Правды“ далѣе мы читаемъ: „По Ярославѣ же паки совокупишеся сынове его Изяславъ, Святополкъ, Всеволодъ и мужи ихъ, Костячько, Перенѣгъ, Никифоръ и—отложиша убіеніе за голову, но купами ся выкупати“ (Сергѣевичъ, изд. „Русская Правда“, стр. 9). Итакъ, въ XII вѣкѣ наши князья отмѣнили закономъ „смерть за смерть“, и притомъ не поднимая вопроса о томъ, что̀ скажутъ семьи убитыхъ. Неужели же теперь, законодатель XX вѣка не можетъ разрѣшить вопроса о смертной казни, руководствуясь только началами правды и государственнаго блага? Правда, тогда не было присяжныхъ фельетонистовъ, остроумничающихъ даже надъ жизнью человѣческою и банально повторяющихъ: „пусть господа убійцы начнутъ“,—но хотѣлось бы вѣрить, что, подобно боярамъ сыновей Ярослава, совѣтчики государя не увлекутся острословіемъ и посовѣтуютъ отмѣнить „убіеніе за голову“.

VI.

Остается послѣдній доводъ, который желательно было бы не слышать при защитѣ смертной казни,—это ссылку на Евангеліе. Христосъ, на крестѣ вземляй грѣхи міра,—и защита Его именемъ смертной казни! Правда, одинъ изъ наиболѣе обстоя-

тельныхъ защитниковъ казни въ Государственномъ Совѣтѣ, Д. Ѳ. Самаринъ, заявилъ: „я противъ смертной казни въ принципѣ, потому что она противорѣчитъ моему христіанскому сознанію“... Несомнѣнно, что всѣ, кто стоитъ на христіанской точкѣ зрѣнія, отъ всей души, отъ всего сердца будутъ привѣтствовать тотъ день, когда дѣйствительно станетъ возможнымъ осуществленіе христіанскаго идеала—отмѣнить смертную казнь единожды, навсегда и безповоротно“. Но и что же? А далѣе—забыто ораторомъ евангельское сказаніе о торгующихъ во храмѣ, и христіанское сознаніе окутывается софистическимъ туманомъ. „*Смертная казнь*,—говоритъ г. Самаринъ,—по моему глубокому убѣжденію, *есть крайнее проявленіе* или одно изъ крайнихъ проявленій той грѣховной силы, того *злого начала*, которое господствуетъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ обществѣ, и которому каждый вольно и невольно платитъ дань. Міръ живетъ во злѣ, а государство неизбѣжно живетъ въ мірѣ и неизбѣжно съ нимъ соприкасается, и неизбѣжно, слѣдовательно, причастно тому злу, въ которомъ оно живетъ. Оно не можетъ отъ него отрѣшиться; по крайней мѣрѣ, не можетъ порвать съ нимъ рѣшительно, какъ иногда могутъ порвать отдѣльныя личности, уйдя отъ міра“. Итакъ, „радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ“. Этотъ способъ разсужденія давно уже усвоилъ нашъ народъ въ своихъ поговоркахъ: „Богъ высоко, а чортъ при насъ“; „люди грѣхъ, и я изъ тѣхъ“; „съ волками жить—по волчьи выть“ и т. д. Но народъ указалъ, а не оправдалъ такую мораль, потому что онъ же говоритъ: „всѣмъ добро, никому зло, *то* законное житье“, „не такъ живи, что кто кого сможетъ, тотъ того и гложетъ, а *такъ* живи, чтобы людямъ, какъ себѣ“.

Когда я, говоря въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу смертной казни и ходатайствуя объ ея отмѣнѣ, провелъ параллель между лишеніемъ жизни по судебному приговору и убійствомъ, сравнивая психическое состояніе каждаго убійцы и осуществителей казни, и психическія страданія жертвы убійства и казнимаго, то мое сравненіе вызвало рядъ возраженій и протестовъ; но Д. Ѳ. Самаринъ не сравниваетъ, а отождествляетъ ихъ, ибо смертная казнь, по его словамъ, есть такое же крайнее проявленіе злого начала, каковымъ несомнѣнно является и убійство, но онъ затѣмъ приходитъ къ выводу, казалось бы, совсѣмъ неподходящему, и оканчиваетъ свою рѣчь тѣмъ, что „имѣетъ честь предложить собранію отклонить законопроектъ, внесенный къ намъ на разсмотрѣніе цѣликомъ“, т.-е.—сохранить смертную казнь. Да, повторю его слова, злое начало господствуетъ въ каждомъ отдѣль-

номъ человѣкѣ, и ему каждый вольно или невольно платитъ дань.

Еще далѣе въ этомъ отношеніи идетъ другой защитникъ казни—С. С. Гончаровъ. „Я слышалъ,—говорилъ онъ,—что казнь есть грѣхъ предъ Богомъ, предъ религіей. Я не вѣрю въ это, потому что Богъ справедливъ, такъ мы привыкли съ дѣтства судить..., неужели Богу было бы угодно прощеніе убійцъ и оставленіе всѣхъ страдающихъ и присутствующихъ при этихъ ужасахъ безпощадно покинутыми закономъ и властью? Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, угодно ли Богу оставленіе страждущихъ и присутствующихъ покинутыми закономъ и властью, такъ какъ этого никто и не предлагаетъ,—во всемъ остальномъ я лично могу сказать совершенно противное: съ юности меня учили, а нынѣ въ старости я вѣрую и исповѣдую, что „Богъ есть любовь", что Тому, Который единственною заповѣдью общежитія ставилъ: возлюби ближняго, какъ самого себя; Тому, Который на крестѣ молился за распявшихъ Его, т.-е, за убійцъ, и испрашивалъ имъ прощеніе Всеблагого Зиждителя міра, справедливо „не хотяй смерти грѣшника", угодно прощеніе даже убійцъ, а не угодно алканіе крови и жертвъ".

Исключительно на этихъ соображеніяхъ остановился и послѣдній изъ говорившихъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ, представитель бѣлаго духовенства, протоіерей Буткевичъ, котораго мнѣніе, какъ служителя алтаря, возносящаго ежедневно молитвы къ престолу Вседержителя за грѣхи всего міра, особенно интересно. О. Буткевичъ, прежде всего, говоря о *противникахъ* смертной казни, *выразилъ сожалѣніе*, что онъ слышалъ отъ нихъ ссылки на ученіе Христа. Что въ такое время, какъ наше, являются люди, которые желаютъ во что бы то ни стало оправдать свое предвзятое мнѣніе, сложившееся подъ вліяніемъ политическихъ, философскихъ и соціальныхъ вѣрованій, и вотъ,—прибавляетъ онъ,—„мы не пощадили въ этомъ отношеніи и христіанской религіи, *подтасовывая* христіанское ученіе съ чисто политической и соціальной точки зрѣнія; но здѣсь-то именно легко доказать всю абсурдность такихъ тенденціозныхъ выводовъ". Итакъ, тяжелый упрекъ брошенъ противникамъ смертной казни, а въ томъ числѣ и мнѣ, что, въ жару политическихъ споровъ, утверждая, что смертная казнь противна христіанству, мы допустили подтасовку святыхъ истинъ вѣры, и нашу абсурдность не трудно доказать. Но обратимся къ доказательствамъ подтасовокъ. „Слишкомъ смѣлы,—говоритъ о. Буткевичъ,—тѣ комментаторы новозавѣтнаго ученія, которые указываютъ, будто въ Евангеліи есть

прямое указаніе противъ смертной казни". „Напрасно ссылаются на то, будто Христосъ осуждалъ смертную казнь, такъ какъ Онъ проповѣдывалъ, что царство Его не отъ міра сего". „Въ Евангеліи Христосъ ничего не возражалъ противъ смертной казни". Но если въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ указаній на признаніе смертной казни, то зато въ Ветхомъ Завѣтѣ ея установленіе несомнѣнно. „Вы не встрѣтите,—говорилъ онъ,—ни одного интеллигентнаго еврея, который бы вамъ сказалъ, что его религія запрещаетъ смертную казнь". „Еще обвинители Христа говорили Пилату: „мы имѣемъ законъ, и по закону онъ долженъ умереть", т.-е. долженъ быть казненъ, и въ Ветхомъ Завѣтѣ есть такой законъ". „Я также,—продолжалъ ораторъ,—какъ христіанинъ, вѣрую въ божественное откровеніе Ветхаго Завѣта и также вѣрую, что тотъ самый Господь, Который говорилъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, говорилъ и въ Новомъ. Онъ не человѣкъ, чтобы Ему сказать разъ одно, а въ другомъ случаѣ другое"... Надо прибавить, что о. Буткевичъ опускаетъ конецъ приведеннаго имъ стиха (Іоанна, гл. 19, ст. 7), гдѣ указывается и вина Христа: „яко себѣ сына Божія сотвори", ибо нельзя же ему признавать это виною; не указываетъ онъ и на то, что въ Евангеліи не говорится, чтобы къ толпѣ, кричащей „распни, распни его" и требовавшей освобожденія не Іисуса, а Варравы, принадлежали послѣдователи и ученики Христа.

Но въ чемъ же подтасовка противниковъ смертной казни? Развѣ утверждалъ и могъ утверждать кто-нибудь изъ нихъ, что по законамъ народа еврейскаго, изложеннымъ въ Пятикнижіи, а въ частности во Второзаконіи, за огромное число преступленій полагалась смертная казнь? Развѣ кто-нибудь, знакомый съ Пятикнижіемъ даже и не въ полномъ его объемѣ, а въ предѣлахъ гимназическаго курса, могъ забыть цѣлый рядъ примѣровъ примѣненія смертной казни у евреевъ, и притомъ не только простой, но и квалифицированной: побитіе камнями, распятіе, сожженіе и т. д. Мы знаемъ даже болѣе, что, напр., въ средніе вѣка, когда преслѣдовали еретиковъ, богохульниковъ, колдуновъ, то основывали на текстахъ Ветхаго Завѣта казнь не только признаваемыхъ непосредственно виновными, но и совершенно неповинныхъ членовъ ихъ семей, ибо въ „Исходѣ" мы читаемъ: „Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдаяй грѣхи отецъ на чада до третьяго и четвертаго рода ненавидящихъ Меня". Но мы также памятуемъ, что Спаситель сказалъ: „Слышасте, яко речено бысть: око за око и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ, не противитеся злу" (Матѳея, 5, 38). Значитъ,

не все установленное въ Ветхомъ Завѣтѣ признавалось Христомъ, и въ каждой литургіи, въ великій моментъ пресуществленія, слышимъ мы: „пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь моя *новаго завѣта*, яже за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ", и въ Евангеліи отъ Іоанна читаемъ мы (I, 17): „Яко законъ Моисеомъ данъ бысть; благодать же и истина Іисусомъ Христомъ бысть". Съ другой стороны, ссылка на взятые отдѣльно тексты Евангелія, а тѣмъ болѣе на ученія апостоловъ или отцовъ церкви, сама по себѣ не имѣетъ силы безъ сопоставленія таковыхъ съ общимъ духомъ христіанскаго ученія. Толкованія этихъ текстовъ могутъ быть и различны, и противорѣчивы. Вѣдь самъ же о. Буткевичъ евангельскій разсказъ о томъ, что когда, при предаваніи Христа въ саду Геѳсиманскомъ, Симонъ-Петръ, а по Евангелію отъ Матѳея „единый отъ сущихъ съ нимъ", вынулъ мечъ и отсѣкъ ухо рабу архіерея, Малху, то Христосъ, исцѣливъ раба, воспретилъ оборонять себя отъ пришедшихъ Его арестовать, причемъ апостолъ Матѳей прибавляетъ, что Христосъ сказалъ: „вси бо пріимшіи ножъ, ножемъ погибнутъ",—а толкуетъ онъ въ томъ смыслѣ, какъ будто Христосъ сказалъ: разбойникъ *долженъ* погибнуть отъ меча. (Ср. подробный разборъ этого стиха у Hetzel'я, „Todesstrafe", стр. 56). Съ отдѣльными текстами можно защищать многое. Мы помнимъ высокочтимаго, по крайней мѣрѣ въ правительственныхъ сферахъ, іерарха, который, основываясь на извѣстныхъ словахъ апостола Павла: „рабы, повинуйтесь своимъ господамъ", возставалъ противъ отмѣны крѣпостного права; мы помнимъ, какъ тотъ же іерархъ, въ мнѣніи своемъ, отъ 12 сентября 1861 г., глумился надъ запискою князя Орлова объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, говоря, что нельзя считать тѣлесное наказаніе разрушающимъ нравственность, если оно установлено самимъ Богомъ, узаконившимъ его черезъ Моисея—„четыредесять ранъ да наложатъ ему" (Втор. XXV, 3); что тѣлесное наказаніе не безчестно, такъ какъ и апостолы, какъ, напр., апостолъ Павелъ, подвергались этому наказанію". Но о таковыхъ служителяхъ буквы мы въ Евангеліи читаемъ: „Гробы повапленные, иже внѣ уду убо являются красны, внутрь уду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты".

Противники смертной казни утверждали и будутъ утверждать, пока она не исчезнетъ изъ нашихъ законодательствъ, что она противорѣчитъ сущности ученія Христа, духу христіанства. „Ученіе Іисуса Христа,—говоритъ проф. Кистяковскій (стр. 175),—проникнуто духомъ любви и снисхожденія къ человѣку. Богъ христіанскій есть Богъ любви и милости, желающій не мести и

кары, а исправленія падшаго человѣка въ противоположность Ветхозавѣтному Богу, который есть Богъ гнѣва и мести". Да что это безспорно—признаетъ и самъ о. Буткевичъ. „Другое дѣло,—заявляетъ и онъ,—если мы заговоримъ о духѣ Христова ученія, съ которымъ *непримиримы ни смертная казнь*, ни рабство". Но въ чемъ же тогда наша подтасовка? Правда, далѣе о. Буткевичъ продолжаетъ: „Но Христовы заповѣди—не соціальныя теоріи; Христосъ указывалъ нормы царствія Божія". Итакъ, жизнь человѣческая, жизнь общественная сама по себѣ, а заповѣди Христа—сами по себѣ, такъ, для парада. Мнѣ представляются иными обязанности тѣхъ, кому поручено Спасителемъ „пасти стадо Его". Не рознь съ идеалами Евангелія, а неуклонное осуществленіе царства Божія на землѣ—вотъ въ чемъ должна быть ихъ проповѣдь. Они не должны забывать, что Христосъ сказалъ ученикамъ, хотѣвшимъ молиться объ истребленіи Самарянъ, оскорбившихъ Его: „Не знаете, какого вы духа. Сынъ человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать". Я понимаю, трудно вѣровать въ то, что смертная казнь установлена самимъ Богомъ, объяснять (если не оправдывать) Второзаконіемъ крестную смерть Христа и въ то же время благовѣстить миръ и любовь, быть глашатаемъ истинъ христіанскихъ. Ни смертная казнь, ни рабство непримиримы съ ученіемъ Христа, но при этомъ говорятъ, что Онъ училъ о нормахъ царствія Божія, что Христосъ не касался царства міра сего; но вѣдь церковь же учитъ, что въ той жизни уготована для однихъ жизнь вѣчная, безъ печали и воздыханія, а для другихъ—муки вѣчныя, и, очевидно, въ той загробной жизни никакого отношенія не могутъ имѣть ни смертная казнь, прекращающая временное бытіе, ни рабство.

Вообще, точка зрѣнія, на которую приглашаетъ стать о. Буткевичъ, совершенно необъяснима. Съ самаго начала своей рѣчи онъ заявилъ, что онъ по принципу—непримиримый врагъ смертной казни, но сожалѣетъ, что его сотоварищи по убѣжденію примѣшали сюда ученіе Христа. Далѣе,—онъ устраняетъ отъ рѣшенія вопроса объ отмѣнѣ смертной казни юристовъ на томъ, для меня, впрочемъ, непонятномъ соображеніи, что „юристы должны были установить смертную казнь, а отмѣнить можно только по моральнымъ основаніямъ". Но пусть будетъ такъ. Пусть рѣшаютъ вопросъ моралисты и по моральнымъ основаніямъ, но очевидно, что въ числѣ этихъ моралистовъ должны быть и представители морали христіанской. А потому убѣжденный противникъ смертной казни, пастырь церкви долженъ на-

прячь всѣ силы своего разумѣнія, воспользоваться всѣми силами своего краснорѣчія, чтобы ратовать за ея отмѣну и тѣмъ содѣйствовать осуществленію ученія Христа. Но о. Буткевичъ неожиданно, въ концѣ своей рѣчи, проситъ о томъ, чтобы онъ могъ сидѣть „среди членовъ Государственнаго Совѣта, выслушивать доводы, а когда дойдетъ дѣло до окончательнаго рѣшенія — воздержаться отъ этого суда, или, что̀ то же, уйти изъ этой залы". О. Буткевичъ основывается на примѣрѣ трехъ митрополитовъ, которые участвовали, въ качествѣ высшихъ представителей вѣдомства дѣлъ духовныхъ, въ верховномъ судѣ надъ декабристами. „Они засѣдали, выслушивали показанія, разсматривали вещественныя доказательства до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ произнесенія смертнаго приговора пяти главнымъ подсудимымъ. Въ дѣйствительности были приговорены къ смертной казни тридцать-шесть человѣкъ, изъ нихъ пять къ четвертованію, — послѣдніе и были повѣшены 13-го іюля 1826 г. Когда этотъ моментъ наступилъ, русскіе святители поднялись, поклонились предсѣдателю и вышли". По моему мнѣнію, этотъ примѣръ и не новъ, и не поучителенъ. Такими фактами полна исторія уголовно-церковныхъ судилищъ. Участвовавшіе въ трибуналахъ святой инквизиціи члены католическаго клира, даже, напр., при осужденіи 16-го февраля 1568 г. на смерть всѣхъ жителей Нидерландовъ, какъ еретиковъ, отказывались отъ подписанія смертныхъ приговоровъ, предоставляя исполненіе ихъ свѣтскимъ сочленамъ, фарисейски восклицая: „ecclesia abhorret sanguinem". Не поучителенъ этотъ примѣръ и потому, что лицамъ, участвовавшимъ не только въ судебномъ слѣдствіи, но и въ разрѣшеніи вопроса о виновности, — причемъ иногда именно благодаря голосамъ духовныхъ сочленовъ составлялось осуждающее большинство, — едвали слѣдовало затѣмъ предоставлять свѣтскимъ членамъ сдѣлать выводъ изъ твердо установленныхъ при ихъ участіи посылокъ. Другое дѣло, еслибы они поступили такъ, какъ на нѣкоторыхъ первыхъ соборахъ вмѣнялось въ обязанность епископамъ, — какъ дѣлывали наши прежніе святители, какъ, напр., Филиппъ даже при Иванѣ Грозномъ, — попечаловались предъ государемъ о смягченіи участи виновныхъ декабристовъ, — да, тогда бы они исполнили долгъ православнаго пастыря.

Но во всякомъ случаѣ какое же отношеніе имѣетъ этотъ примѣръ къ настоящему случаю, гдѣ рѣшается не вопросъ о примѣненіи существующаго закона къ отдѣльному случаю, а вопросъ о сохраненіи смертной казни? Если церковь ужасается крови, если казнь противна ученію Христа, и это положеніе раздѣляетъ

служитель церкви, то онъ долженъ не воздерживаться отъ подачи голоса, а открыто подать его за отмѣну крови. Вотъ потому надѣюсь, что впослѣдствіи, при голосованіи, о. Буткевичъ вспомнитъ евангельскую притчу о рабѣ, зарывшемъ въ землю талантъ, данный ему господиномъ, вспомнитъ, что высказалъ Христосъ: „о рабе лукавый и лѣнивый... возьмите убо у него талантъ и дадите имущему десять талантъ“ (Матѳ. XXV, 26—29).

VI.

Задача моя кончена, обзоръ мнѣній, высказанныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, сдѣланъ, и я стою предъ послѣднимъ вопросомъ: предавать ли все написанное оглашенію въ печати? Нужно ли касаться въ настоящую минуту такого вопроса, который такъ будитъ страсти? Не отложить ли споръ до начала правильнаго функціонированія Государственнаго Совѣта и новой Государственной Думы? Но событія самаго послѣдняго времени разрѣшили мои сомнѣнія въ утвердительномъ смыслѣ. Августовское правительственное сообщеніе вызвало сильное движеніе общественной жизни, вызвало сосредоточившіе общее вниманіе споръ и раздоръ между выдающимися членами наиболѣе умѣренной изъ прогрессивныхъ партій—А. И. Гучкова, князя Е. Н. Трубецкого и Д. Н. Шипова,—вызвало даже нѣкоторую перегруппировку партій, и однимъ изъ боевыхъ центровъ всего этого движенія, этого спора и борьбы были новый законъ о полевыхъ судахъ и ихъ практика, т.-е. вопросъ о той же смертной казни, какъ палладіумѣ государственной охраны для однихъ и несомнѣнно вреднаго фактора общественнаго успокоенія — для другихъ. Революціонное движеніе попрежнему выбрасываетъ убійцъ, грабителей, а государственная охрана все сильнѣе и сильнѣе пользуется разящимъ мечомъ правосудія.

Я совершенно согласенъ съ А. И. Гучковымъ, что указъ о роспускѣ Думы, несмотря даже на содержащееся въ немъ опредѣленное указаніе на созывъ новой Думы и даже на время этого созыва—въ февралѣ 1907 г., произвелъ на широкій общественный слой тяжелое впечатлѣніе; что даже въ относительно умѣренныхъ кругахъ возникло опасеніе, какъ бы за этотъ долгій промежутокъ отъ іюля до февраля не осилило теченіе, стремящееся къ прежнему порядку, къ управленію безъ народныхъ представителей.

А. И. Гучковъ говоритъ, что онъ былъ увѣренъ въ невоз-

можности этого поворота, потому что еслибы такіе замыслы и возникли, то по своему безумію они были бы осуждены на полную неудачу, ибо никакая человѣческая воля не въ состояніи вычеркнуть народное представительство изъ нашей жизни.

Но такая увѣренность была весьма субъективна, а потому правительственное сообщеніе, послѣдовавшее въ августѣ и, повидимому, вполнѣ искренно выражающее желаніе лицъ, нынѣ стоящихъ у власти, идти по пути прогрессивныхъ реформъ, при помощи Государственной Думы и преобразованнаго Государственнаго Совѣта, — внесло несомнѣнно значительное успокоеніе въ общественное сознаніе.

Равнымъ образомъ была пріемлема и отправная точка второй половины сообщенія. Несомнѣнно, что „долгъ государства—остановить поднявшуюся кверху волну дикаго произвола, стремящагося сдѣлать господами положенія всеуничтожающіе противообщественные элементы".

Даже можно согласиться съ А. И. Гучковымъ и въ томъ, что, не умаляя вину правительства, нельзя снимать вины и съ противоположной стороны, т.-е. съ революціоннаго движенія, и что всѣ усилія не только правительства, но и общества, должны быть направлены къ разъединенію прогрессивнаго и революціоннаго движеній, понимая, конечно, это въ томъ смыслѣ, что общество должно оказать полное содѣйствіе правительству въ дружномъ и совмѣстномъ осуществленіи и развитіи прогрессивныхъ реформъ, не прибѣгая къ средствамъ революціоннымъ, оказывая всякое противодѣйствіе террористическимъ актамъ, отрекаясь отъ революціонныхъ дѣятелей и союза съ ними, и тѣмъ изолируя революцію.

Все это такъ; но для того, чтобы общество пошло объ руку со стоящими у власти, необходимо, чтобы первая часть программы получила болѣе реальный характеръ. Если укоряютъ бывшую Думу въ томъ, что она болѣе занималась оппозиціонными и революціонными пѣснопѣніями, чѣмъ дѣломъ; болѣе запрашивала, почему не даютъ обѣщаннаго, чѣмъ давала то, что было въ ея власти, — то и правительству общество можетъ напомнить, что соловья баснями не кормятъ, что мало обѣщать, но надо и на самомъ дѣлѣ что-нибудь дать.

А. Н. Гучковъ говоритъ, что единственнымъ оправданіемъ мѣръ подавленія революціоннаго движенія можетъ служить *„безповоротная рѣшимость* правительства укрѣпить у насъ конституціонный строй и провести цѣлую систему конституціонныхъ реформъ". Но, можетъ быть, къ этому слѣдовало прибавить, что для этого

нужна *не одна рѣшимость, но и соотвѣтственная этой рѣшимости дѣятельность*. Конечно, правительство не можетъ издать новые законы, которые дѣйствительно бы охраняли принципы 17-го октября, не можетъ замѣнить временныя правила новыми; но оно можетъ исполнять ихъ въ предѣлахъ 17-го октября или, по крайней мѣрѣ, руководствуясь принципами Манифеста.

Вотъ съ этой точки зрѣнія несомнѣнно могутъ подлежать оцѣнкѣ не только мѣры благопожеланія, но и мѣры пресѣченія крамолы, а въ частности и новая организація военно-полевыхъ судовъ и ихъ практика.

По поводу этихъ судовъ А. И. Гучковъ говоритъ: „Я думаю, что даже распоряженіе о военно-полевыхъ судахъ не должно подрывать довѣріе къ той части правительственнаго сообщенія, которая излагаетъ систему положительныхъ мѣръ. Какъ ни сурова эта мѣра, но она можетъ оказаться необходимою въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся цѣлыя обширныя пространства нашего отечества. Есть вещи болѣе жестокія и страшныя, чѣмъ военные суды: это — вооруженный мятежъ, который приходится подавлять военной силой; это—междоусобная война, которая не знаетъ пощады; это — самосудъ, который своимъ источникомъ имѣетъ недостаточность репрессіи. Все дѣло въ томъ, какая установится практика, и носители этого страшнаго права должны сознавать ту громадную отвѣтственность, которая на нихъ возлагается".

Но на чемъ покоятся эти надежды А. И. Гучкова на разумность и тактичность осуществителей этого страшнаго права? Что дало особое распоряженіе: персоналъ суда исключительно изъ строевыхъ офицеровъ, безъ образовательнаго ценза, ускореніе и упрощеніе производства, въ смыслѣ устраненія гарантій для подсудимаго и еще большую децентрализацію jus vitae ac necis, т.-е. еще большее усиленіе возможности ошибокъ и произвола крупныхъ и мелкихъ администраторовъ, усиленіе случайности и неравномѣрности, нарушеніе основного принципа справедливости карательныхъ мѣръ.

Какова будетъ практика? Да она уже есть: въ томъ же № „Новаго Времени", гдѣ помѣщено письмо А. И. Гучкова, сообщено нѣсколько примѣровъ равномѣрности: въ Одессѣ растрѣлянъ Тарло, 17-ти-лѣтній анархистъ-коммунистъ, виновный въ цѣланіи взрывчатыхъ снарядовъ, въ сопротивленіи властямъ и убійствѣ при его поимкѣ одного изъ полицейскихъ и пораненіи нѣсколькихъ; въ Маріуполѣ разстрѣлянъ Помогайбушъ, виновный

въ ограбленіи винной лавки и посягательствѣ на жизнь сидѣльца, а въ Москвѣ повѣшены четыре, изъ коихъ одному 19, двумъ—20 лѣтъ и одному 21 годъ, за *покушеніе* на вооруженное ограбленіе зеркальнаго магазина Франка, т.-е., за дѣяніе, за которое, по старому уложенію (ст. 1641), могла бы быть назначена, даже въ случаѣ окончанія грабежа, какъ правильный maximum, каторга на шесть лѣтъ. Были ли эти послѣдніе молодые преступники закоренѣлые злодѣи? На это отвѣтъ даетъ ихъ возрастъ. Было ли учинено ими кровавое злодѣяніе, возмущающее нравственное чувство? Это ясно изъ существа учиненнаго ими. Остается признать очевидно, что такъ какъ,—а это видно изъ безчисленныхъ газетныхъ сообщеній,—убійцы, грабители, бросатели бомбъ въ 75% остаются неизвѣстными, или, будучи пойманными, упускаются небрежно исполняющими свои обязанности конвойными, то, значитъ, эти четверо несовершеннолѣтнихъ, не успѣвшіе или не умѣвшіе ни окончить задуманнаго грабежа, ни скрыться, были очистительною жертвою за другихъ; на нихъ, если можно такъ выразиться, было сорвано то безсиліе и безпомощность власти, о которыхъ говорилъ въ Государственномъ Совѣтѣ князь Касаткинъ-Ростовскій. Но какъ это жестоко и, боюсь, безцѣльно! А. И. Гучковъ полагаетъ, что новый ускоренный порядокъ упразднитъ еще худшее того—самосудъ и разстрѣлы. Но опять-таки въ томъ же № „Новаго Времени“ помѣщено свѣдѣніе, что въ лифляндской губерніи, гдѣ уже дѣйствуютъ новые суды, генералъ-губернаторъ нашелъ необходимымъ возобновить карательныя экспедиціи. А далѣе? Можно ли хладнокровно читать газетныя извѣстія о дѣятельности полевыхъ судовъ? Мы съ волненіемъ и ужасомъ говорили весною о числѣ смертныхъ казней, бывшихъ у насъ въ 1906 г., а ихъ было только 34 за четыре мѣсяца. А теперь?.... по пятнадцати, двадцати казней на день. Въ теченіе какой-нибудь недѣли болѣе ста смертей по судебнымъ приговорамъ. Кровь, кровь и кровь... Но изъ крови и смерти не возникнетъ успокоеніе.

Н. Таганцевъ.

ВЪ ГОРАХЪ НОРВЕГІИ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

XIII *).

Ромсдаль—волшебное видѣніе, жемчужина среди другихъ сокровищъ Норвегіи, долина красоты!..

Она прошла передъ нами отъ скромнаго своего начала въ пустыняхъ Лесье до соленыхъ водъ фіорда.

Въ ея божественной красотѣ было что-то цѣльное, стройное, законченное, какъ въ художественномъ созданіи. Подъ бирюзовымъ небомъ, подъ яркимъ солнцемъ, развернулась она передъ нами и улыбнулась безсмертной улыбкой...

Послѣ печали и заброшенности Доврэ, какъ чудно-хороши казались шумные лиственные лѣса по южнымъ склонамъ горъ! Узкою лентою вилась подъ ними долина съ зеленой рѣзвой Раумой, а справа почти отвѣсно поднимались такія же высокія горы, поросшія смѣшаннымъ лѣсомъ.

Раума неслась отъ насъ прочь со своими водопадами. Въ одномъ мѣстѣ она низвергалась со скалъ большимъ и бѣшенымъ паденіемъ. Что это было за чудо! Прозрачность зеленой воды, снѣжные сугробы пѣны, столбомъ водяная пыль, — радуги, радуги безъ конца,—въ воздухѣ, въ глубинѣ подъ уступами,—звонкій шумъ, пѣнье и гудѣнье, стремительный полетъ, водоворотъ внизу,

*) См. выше: октябрь, стр. 688.

яростное кипѣнье, и—нѣсколько саженъ ниже—тихое журчанье по камешкамъ, успокоеніе, нѣга...

Это чудо совершалось около самой дороги, въ десяти шагахъ отъ нея. Съ вышины же нагорій,—внизъ съ высоты въ 1.000 метровъ,—валились справа и слѣва потоки и рѣчки этихъ нагорій то огромнымъ, бѣшенымъ и гудящимъ водопадомъ, то снѣжными струйками одна возлѣ другой.

Лиственные лѣса кончались. Передъ нами и съ обѣихъ сторонъ вставали высочайшія каменныя стѣны, скудно поросшія соснами. По сѣрому камню этихъ горъ и низвергались повсюду водопады: то широкіе, то струйками, летѣли они сверху, разлетались брызгами, такъ что мѣстами у сѣрой каменной стѣны видна была одна только игра воздушной яркой радуги.

Наверху на гребняхъ горъ лежалъ снѣгъ, а лѣса по крутизнѣ казались мелкимъ зеленымъ мхомъ.

Ромсдаль подъ прямымъ угломъ заворачиваетъ на западъ. Открывается великолѣпный видъ на горную цѣпь Трольтиндъ, жилище волшебниковъ-троллей. Да,—это поистинѣ замокъ горныхъ духовъ; зубцы и башни охраняютъ его и грозно высятся подъ голубымъ небомъ на непостижимой высотѣ.

Это—слѣва.

Справа же стоятъ стѣною свѣтло-сѣрыя горы, и за ними Рогъ Ромсдаля поднимаетъ свое очаровательное и смѣлое остріе. Рогъ Ромсдаля точно смотритъ на Трольтиндъ напротивъ и хочетъ одинъ помѣриться со всѣми исполинами-сосѣдями, бросаетъ имъ дерзкій вызовъ.

Только одни Венгетинды превосходятъ по высотѣ Рогъ Ромсдаля; но ихъ изъ глубины долины не видать, они стоятъ дальше къ сѣверу.

Повсюду на горахъ снѣгъ. Внизу лежитъ сползшій съ высоты маленькій глетчеръ—*брэ*. Изъ его круглаго отверстія внизу сочится ледяная струя.

Эти отвѣсныя каменныя твердыни—знаменитые гнейсы Ромсдаля.

Нѣкогда вдоль всего побережья нынѣшней Норвегіи тянулись горы-великаны, подобные южно-американскимъ Андамъ. Огромные вулканы извергали свое огненное нѣдро и колебали почву. Потомъ настала ледниковая эпоха, и вся Норвегія застыла тѣмъ сномъ ледянаго окоченѣнія, какимъ теперь спитъ мало извѣстная и, можетъ быть, дивно-прекрасная Гренландія. Потомъ ледяная броня стала сползать къ югу, и тогда вершины горъ стерлись и съ теченіемъ времени обратились почти въ

плоское нагорье съ глетчерами, снѣговыми полями, съ высокими „рогами“ и „зубцами“. Такъ остался Рогъ Ромсдаля одинокимъ патріархомъ среди новой жизни и новыхъ горъ.

У подножія этого гордаго острія долина круто заворачиваетъ на западъ. На загибѣ долины человѣкъ распахалъ немножко земли, и какъ-то странно видѣть здѣсь это мирное золотое поле ржи, и жницъ съ блестящими серпами, и первые снопы,—когда тутъ же сурово высятся первозданные кряжи горъ...

Насъ угощаютъ на прощанье малиной съ молокомъ, и эта малина тоже удивительная — мелкая и чистая какъ жемчугъ, мягкая, душистая, нѣжная...

Но сердце Іонаса неспокойно. И лошади уже чуютъ близость Нэса и нетерпѣливо бьютъ копытами. Итакъ, мы ѣдемъ. Ѣдемъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ уже нѣтъ дороги ни справа, ни слѣва, а она проложена у самаго русла Раумы. Мы ѣдемъ мимо ужасающихъ обваловъ; глыбы величиною съ домъ загромождаютъ узкую долину и въ теченіе вѣковъ уже успѣли обрости соснами. Невольно взоръ прикованъ къ высотамъ и ждетъ — вотъ-вотъ отвалится еще кусокъ горы...

Наконецъ, мы огибаемъ Рогъ Ромсдаля и изъ суроваго, темнаго, страшнаго ущелья выбираемся въ широкую, сравнительно говоря, долину. Лошади рѣзво бѣгутъ по отличной дорогѣ,—опять роскошные лиственные лѣса, слѣва Трольтиндъ кончается, изъ глубины узкой долины начинается новая красивая цѣпь горъ; это — Истердаль съ его *Епископомъ*, *Королемъ* и *Королевой*, и всѣ трое въ снѣжныхъ шапкахъ, а такъ какъ солнце уже заходитъ и свѣтитъ въ упоръ, то ихъ каменныя грани кажутся серебряными...

Я смотрю на широкую и спокойную Рауму — да погодите, развѣ это рѣка, такая темная и глубокая?.. Я спрашиваю Іонаса. Такъ! это уже фіордъ, уже кусочекъ океана!.. Такъ незамѣтно успокоилась буйная горная рѣчка въ соленой и глубокой вѣтви моря.

Долина все расширяется; великолѣпныя деревья окаймляютъ дорогу, которая мила близкимъ достиженіемъ цѣли. Повсюду желтая высокая рожь, зеленые луга. Прямо передъ нами не видно открытаго океана. Фіордъ Ромсдаля змѣится между горами, и намъ кажется, будто эти горы совершенно преградили путь водѣ. Онѣ громоздятся другъ надъ дружкой тѣсно и причудливо, а надъ ними пылаютъ огромныя красныя тучи, тяжелыя океанскія тучи.

И вотъ, наконецъ, Нэсъ,—кучка домовъ у фіорда. Мы оста-

навливаемся у гостинницы. Вдали тѣснятся горы, только-что нами покинутыя, и надъ ними гордо стоитъ, разрѣзая розовыя облачка, Рогъ Ромсдаля.

XIV.

Пусто въ Нэсѣ. Хозяинъ гостинницы съ сожалѣніемъ вспоминаетъ разгаръ сезона, когда въ день пріѣзжаетъ въ Ромсдаль около 80-ти экипажей. Я же теперь только постигаю все свое счастье и ту бѣду, какая ждала бы меня мѣсяцъ тому назадъ!..

Послѣ отдыха въ Нэсѣ я уѣзжаю позднимъ вечеромъ на маленькомъ пароходѣ изъ Ромсдаль-фіорда въ Мольде-фіордъ. Городъ Мольде недолго задерживаетъ меня. Тучи заволокли небо и море,—ничего не видать изъ великолѣпной панорамы горъ. И океана я такъ и не увижу!

Послѣ столь долгаго скитанія въ горахъ наединѣ съ природою страннымъ кажется ходить по улицамъ, видѣть магазины, тротуары, горожанъ. Хотя и красивъ маленькій городъ, несмотря на ненастье, но долго оставаться въ немъ не хочется. Опять тянетъ въ пустыни горъ, которыя даютъ душѣ такое чудное успокоеніе...

Невыразимая прелесть Норвегіи и состоитъ въ томъ, что можно ѣхать недѣли и не видѣть ни одного города. Въ то время какъ въ Швейцаріи рядомъ съ величественными альпійскими пустынями ютятся большіе города,—здѣсь природа царитъ въ гордомъ одиночествѣ и терпитъ человѣка только какъ случайное и единичное явленіе.

Мы покинули Мольде, такъ и не увидѣвъ знаменитой панорамы горъ. Тяжелыя темносѣрыя тучи упрямо лежали надъ самымъ фіордомъ, и все было окутано ими.

Позднею ночью мы отчалили отъ берега. Горсточка огоньковъ во тьмѣ уплывала отъ насъ все дальше прочь, а мы погружались въ кромѣшный мракъ. Въ темносѣрыхъ тучахъ кое-гдѣ прорѣзывались черныя громады, потомъ въ этихъ черныхъ громадахъ выдѣлился просвѣтъ — это Мольде-фіордъ уходилъ дальше на сѣверъ широкой вѣтвью. Мрачная даль, холодъ, пустынность и тьма, а нашъ маленькій пароходъ ныряетъ по волнамъ и куда-то мчится; кругомъ шумитъ вѣтеръ и бьетъ въ лицо соленымъ воздухомъ океана.

Мы пристаемъ ночью къ черному берегу, гдѣ бѣгаютъ черныя фигуры съ фонарями. Сходимъ на пристань, загроможден-

ную товарами, по темной дорогѣ между кустами плетемся въ гору, къ невидимой гостинницѣ.

Утромъ та же пристань и фіордъ оказываются восхитительными, и приходится досадовать на себя за то, что каріоль заказана уже съ вечера и нельзя остаться здѣсь хотя бы на денекъ.

Каріоль уже у дверей. Я сажусь. Узкое сидѣнье, сзади привязанъ чемоданчикъ и сидитъ на торчкѣ *шюссъ* (кучеръ).

Мы уѣзжаемъ изъ Вестнэса. Нашъ путь лежитъ прямо на югъ. Намъ нужно еще сегодня попасть въ слѣдующій фіордъ, почти параллельный Мольде-фіорду. Въ Стурфіордѣ сегодня отходитъ пароходъ (послѣдній по лѣтнему росписанію) вглубь страны, въ послѣднюю вѣтвь—фіордъ Гейрангеръ.

Итакъ, мой „шюссъ“ постоянно поглядываетъ на часы и погоняетъ лошадку.

Однако дорога убійственная. Легкая каріоль подпрыгиваетъ на ухабахъ, лошадь выбивается изъ силъ и плетется шагомъ. Нечего дѣлать. Пускай пароходъ уйдетъ себѣ, когда ему полагается, а мы, очевидно, не поспѣемъ.

Славный малый оказывается мой шюссъ. Мы много говоримъ, и мнѣ ничуть не жаль, что пароходъ уйдетъ безъ насъ.

Мой шюссъ только-что вернулся домой въ Вестнэсъ съ лѣтнихъ военныхъ сборовъ. Въ Норвегіи постояннаго войска, кромѣ гарнизона нѣсколькихъ крѣпостей и королевской гвардіи—нѣтъ. Зато всѣ мужчины съ 22-хъ лѣтъ составляютъ милицію или народное ополченіе. Исключеніемъ являются только пасторы и лоцманы.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій за мною на узкомъ облучкѣ, служилъ уже второй годъ. Въ прошломъ году онъ долженъ былъ провести въ лагеряхъ 48 дней, въ нынѣшнемъ и въ будущемъ служба ограничивалась всего 24 днями.

Онъ съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ эти три недѣли, проведенныя съ товарищами въ баракахъ, на открытомъ воздухѣ, въ военныхъ упражненіяхъ. Такъ какъ народная школа даетъ прочное образованіе и отлично развиваетъ тѣло гимнастикой, то ополченцамъ на службѣ приходится учиться только однимъ военнымъ пріемамъ.

Мой шюссъ, однако, совсѣмъ не отличался воинственнымъ духомъ и даже къ жгучему вопросу объ уніи относился равнодушно. У него, какъ оказывалось, было много друзей среди шведовъ, жившихъ въ этой мѣстности, и, какъ я могла догадаться, онъ былъ страстный морякъ въ душѣ и для земли у него особенныхъ интересовъ не имѣлось.

Мы ѣдемъ вдоль узенькаго фіорда, гдѣ на берегу люди заняты постройкою большихъ лодокъ. Эти лодки или шкуны приводятъ въ восхищеніе моего шюсса, и онъ объясняетъ мнѣ ихъ прочность и другія достоинства.

Потомъ фіордъ кончается, мы ѣдемъ долиною. Это—такая безотрадная пустыня, какъ будто мы вернулись къ нагоріямъ Доврэ.

Съ обѣихъ сторонъ горы, богато-лѣсистыя, съ водопадами. Долина широкая, но вовсе не заселенная. Одинокій „гордъ“ стоитъ въ сторонѣ, а потомъ на десятки километровъ—ни единаго. Болото съ кочками и грядами холмовъ, заваленное гранитными валунами, уныло тянется верста за верстою. Стоитъ ржавая вода въ низинахъ, растетъ низкій ягодный кустарникъ: черника, брусника; краснѣетъ лиловатый вереск. Ни единаго дерева.

Только-что въ Ромсдалѣ и въ Мольде мы восхищались высокими, развѣсистыми деревьями, любовались липами, каштанами, кленами и размышляли о богатствѣ растительности здѣсь на 63^0 широты; а теперь мы видимъ чуть ли не тундру, между тѣмъ какъ ѣдемъ прямо на югъ, и близость теплаго океана осталась одинаковой.

Это была картина полной пустынности, одичанія, скудости и холода. Моросилъ дождь, и тоскливое впечатлѣніе усиливалось.

На мои разспросы: почему здѣсь нѣтъ „гордовъ“, воздѣланныхъ полей и луговъ, шюссъ отвѣчалъ, что очень трудно здѣсь одному человѣку бороться,—пришлось бы отводить воду, высушивать болото,—для этого нужны капиталы.

Онъ шелъ за экипажемъ, чтобы облегчить лошади подъемъ; мнѣ тоже надоѣло возсѣдать на каріоли. Такъ прошли мы версты двѣ.

— Видите,—указалъ онъ мнѣ направо,—тамъ подъ горою усадьба и распаханное поле? Я знаю этого крестьянина. Его отецъ надорвался здѣсь и умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ. Теперь сыну уже легче, а все-таки не сладко. Посмотрите, кругомъ пустыня,—каково здѣсь жить!

— Не понимаю. По вашему малоземелью эта равнина — кладъ. Зачѣмъ биться одному человѣку? Развѣ нельзя артелью? Вѣдь есть же у васъ и „общество для развитія Норвегіи“, и всякія ссуды выдаются правительствомъ,—какъ это не найдется людей, чтобы сообща высушить и обработать эти земли? Вѣдь и здѣсь возможна культура. Издали видно, что у вашего знако-

маго рожь не хуже, чѣмъ въ Ромсдалѣ. И если въ Мольде есть каштаны, то, значитъ, и здѣсь могутъ быть каштаны. Или, если эта равнина лежитъ выше, то по крайней мѣрѣ—березы.

— Одному человѣку невозможно,—упрямо повторилъ шюссъ.

Въ этомъ отвѣтѣ сказывалась основная черта норвежца, котораго вѣковая одинокая жизнь пріучила къ независимости и гордой самостоятельности. Много разъ случалось мнѣ замѣчать въ характерѣ людей, которые попадались, упрямое стремленье никому не обязываться, кромѣ себя, ни къ кому не обращаться за содѣйствіемъ и помощью.

Поэтому идея объ общинѣ или артели никогда не встрѣчала ничего кромѣ отпора и равнодушія, несмотря на то, что норвежцы очень цѣнятъ кооперативныя формы, потребительныя общества, и заводятъ ихъ вездѣ, гдѣ только можно. Въ своемъ же „гордѣ“ и на своей маленькой пашнѣ норвежецъ хочетъ быть независимымъ господиномъ и ревниво оберегаетъ свои права.

Пустынное озеро со стадами дикихъ утокъ замыкало собою унылую тундру. Передъ нами стояли горы. Мы обогнули ихъ, и тотчасъ природа приняла совершенно другой видъ.

Дорога быстро спускалась внизъ; рядомъ бѣжала рѣчка съ водопадами; потомъ пошли густые лѣса; зажиточные „горды“ весело смотрѣли изъ зелени деревьевъ. Потомъ мы проѣхали нѣсколько верстъ великолѣпнымъ лѣсомъ, и когда онъ кончился, то очутились у Стурфіорда.

Бѣлая церковка на холму, повсюду зажиточныя усадьбы съ красивыми домами, чудный фіордъ окаймленъ невысокими волнистыми горами.

Это мѣстечко Сёхольтъ напоминало только-что оставленный нами Вестнэсъ своей изящной и тихой прелестью. Горы были такъ невысоки и фіордъ такъ раскидистъ, что получалась привольная и широкая картина.

Къ довершенію удовольствія, пароходъ опоздалъ, и мой шюссъ съ торжествомъ подвезъ меня къ пристани въ ту минуту, когда онъ давалъ первый свистокъ.

XV.

Какая жалость, что дождь! Какъ очаровательно-милы и веселы, должно быть, эти мѣста въ ясную погоду!

Но дождь все сильнѣе; нашъ бѣлоснѣжный пароходикъ свиститъ послѣдній разъ хриплымъ свистомъ, и мы плывемъ по Стурфіорду подъ отчаяннымъ ливнемъ.

На палубѣ наводненіе; холодъ и вѣтеръ. Примостившись кое-какъ подъ навѣсомъ, смотрю, какъ мы углубляемся въ фіордъ, какъ мѣняются и растутъ въ высь берега.

Американская медвѣжья шуба наконецъ пригодилась, и какъ еще! Только въ ней и можно сидѣть въ этомъ пронизывающемъ холодѣ и сырости. Кромѣ меня на палубѣ почти никого нѣтъ. Выйдутъ наверхъ, обойдутъ пароходъ, полюбуются на берега, бросятъ взглядъ зависти на мою шубу и окоченѣлые спускаются поскорѣе внизъ...

Стурфіордъ чѣмъ дальше, тѣмъ великолѣпнѣе. Если теперь, въ эту адскую погоду, нельзя оторваться отъ его царственной красоты, то что же онъ въ ясный день, на зарѣ, или въ свѣтлый вечеръ!

Справа и слѣва высятся огромныя отвѣсныя стѣны горъ, темныя, грозныя и почти голыя крутизны.

Я знаю, что глубина фіорда достигаетъ 1.000 и даже болѣе метровъ. Эта отвѣсная стѣна и подъ водою такъ же прямо обрывается внизъ и на огромной глубинѣ соединяется съ сосѣднею стѣною. Еслибы какая-нибудь сила могла сдвинуть оба берега, то гора къ горѣ пришлась бы такъ точно, какъ два листа полураскрытой книги. И когда мы закидываемъ голову, чтобы видѣть вершину берегового кряжа, то мы измѣряемъ взоромъ только половину этой стѣны: другая половина ея скрыта подъ темнозелеными водами фіорда.

Какая исполинская сила могла расщепить на такія разсѣлины, на тысячи такихъ разсѣлинъ эти первозданныя горныя громады? Внезапно ли содрогнулась земля и раскололась, дала тысячи трещинъ, въ которыя хлынуло соленое море тысячью фіордами? Или, какъ говорятъ другіе ученые, эти провалы въ 2.000 метровъ глубины и болѣе—работа ледниковъ, медленная и разрушительная работа ледяныхъ скользящихъ массъ, которыя выдолбили на своемъ пути такія пропасти?

Впечатлѣніе отъ Стурфіорда поразительное. Все забываешь,—и дождь, и нестерпимый холодъ. Жалѣешь только о томъ, что маленькій пароходъ такъ скоро бѣжитъ. Еслибы онъ не такъ торопился! Еслибы остановиться здѣсь, подольше вглядѣться въ эту картину!

Какъ уже не разъ бывало,—жалко такъ мимоходомъ познакомиться съ мѣстами, которыхъ потомъ уже никогда, можетъ быть, не увидишь.

Мы ѣдемъ и ѣдемъ. Справа, на уступѣ голой горы лѣпится человѣческое жилье: домъ, стабуръ, хлѣвъ; подлѣ—кусочки рас-

пахавной земли... Жалость смотрѣть на эту отчаянную попытку кормиться на голомъ камнѣ!

То справа, то слѣва, каменная стѣна раздвигается, уходитъ въ даль узкой какъ трещина долиной. Мѣстами горы пониже и покрыты скуднымъ сосновымъ лѣсомъ. Нашъ пароходъ даетъ свистокъ, съ берега къ намъ подъѣзжаетъ скорлупка-лодка, сходитъ пассажиръ, и мы видимъ, какъ лодка отчаливаетъ и прыгаетъ по волнамъ.

Цвѣтъ воды въ фіордѣ—глубоко-зеленый, точно самый темный изумрудъ. Воображаю, каковъ этотъ свѣтъ въ ясную погоду!

Фіордъ развѣтвляется. Налѣво уходитъ главный его рукавъ въ рамкѣ высокихъ горъ съ прекрасными очертаніями. Мрачно, великолѣпно. Мы же загибаемъ направо въ Сюнэльфъ-фіордъ и вступаемъ въ такое узкое мѣсто, какого еще и не было.

И тутъ начинается царство водопадовъ.

Вѣдь эти громадныя стѣны—обрывы нагорій. Въ нагорьяхъ ледники, снѣга, озера, болота, рѣки. И эти рѣки, рожденныя въ заоблачной выси, валятся внизъ съ обрыва въ фіордъ.

Водопады и справа, и слѣва. Широкіе и узкіе, висятъ они въ воздухѣ, и кажется, будто они только слегка цѣпляются за камень горъ. За высотою не слышно шума ихъ паденія, виденъ только снѣгъ ихъ пѣны, длинныя и прерывистыя нити, то шире, то уже. И вся эта бѣлизна отражена по прямой линіи внизъ въ темномъ изумрудѣ фіорда.

Мы оставляемъ слѣва щель Гейрангера, куда идетъ нашъ путь, и ѣдемъ пока дальше впередъ, до конца фіорда, который упирается въ подошву горы; какъ на блюдечкѣ лежитъ маленькое селенье Хеллесюльтъ, съ большимъ чуднымъ водопадомъ рѣки Сюны, и мы слышимъ эту буйную, оглушительную пѣсню.

Дождь, къ счастью, перестаетъ. Холодный вѣтеръ разгоняетъ тучи. Онѣ поднимаются выше горъ, и хотя погода остается мрачной, все-таки лучше можно видѣть окрестность.

Мы ѣдемъ назадъ и загибаемъ въ самое узкое развѣтвленіе Стурфіорда—въ Гейрангеръ.

Намъ предстоитъ проѣхать 20 километровъ.

Такой длинной вѣтвью змѣится Гейрангеръ. Восочайшія и совершенно отвѣсныя горы сжали его въ своихъ каменныхъ стѣнахъ. Скалы голыя, темно-сѣрыя и коричневыя. Отовсюду летятъ стремглавъ водопады.

Въ одномъ мѣстѣ насчитываю девять водопадовъ рядомъ; одинъ изъ нихъ, богатый водою, падаетъ снѣжными сугробами

и потоками, и этотъ снѣгъ великолѣпно отраженъ въ изумрудѣ фіорда. Вмѣстѣ съ нимъ отражаются и желтоватая зелень, и каменные бока этой горы, — волшебно и поразительно.

Передъ нами вырастаетъ прямой утесъ съ выгибомъ и надвигается все ближе; а справа, по такой же прямой стѣнѣ, летятъ внизъ струи знаменитаго водопада „Семь сестеръ". Мрачная и узкая тѣснина... Оборачиваюсь назадъ. Стиснутый голыми горами изумрудный фіордъ, по стѣнамъ его — безъ числа водопады, а позади царятъ высочайшія ледяныя громады, и ярко бѣлѣютъ льды и снѣга на сѣромъ небѣ.

За прямымъ утесомъ фіордъ расширяется и кончается.

Мы огибаемъ гору, передъ нами открывается широкая котловина между высочайшими горами—амфитеатромъ.

Внизу, у самой волны—селенье Мерокъ, съ бѣлой церковью повыше на холмѣ, и тутъ же распаханныя поля, желтѣющая рожь,—и опять сердце сжимается жалостью при видѣ этой отчаянной борьбы человѣка съ камнемъ, при видѣ этой бѣдной землицы въ царствѣ базальта и гранита. Въ своемъ царственномъ величіи и красотѣ природа Гейрангера не знаетъ человѣка, она враждебна ему, она живетъ въ невозмутимомъ сіяніи и въ мрачныхъ снахъ своею особенной жизнью, для нея, какъ для божества, тысячелѣтія—только мигъ. Какое же ей дѣло до жалкихъ мгновенныхъ созданій, которыя копошатся внизу у фіорда?

XVI.

Въ огромной гостинницѣ Мерока,—большомъ сосновомъ сараѣ, разсчитанномъ на сотни туристовъ, лежитъ въ сѣняхъ на столикѣ книга для путешественниковъ. Я вписываю, по обычаю, свое имя и тотъ городъ, откуда я: *Москва*. Странно выдѣляется это словечко среди другихъ записей и кажется чѣмъ-то далекимъ, почти сказочнымъ—даже и мнѣ! Тутъ страницы пестрятъ англійскими и нѣмецкими городами, то-и-дѣло попадаются гордыя три буквы U. S. A. (United States America) и какое-нибудь названіе, пахнущее преріями и привольемъ великаго континента. Попадаются путешественники даже изъ Зеландіи и съ Капа, такъ-что англійскія имена преобладаютъ рѣшительно надъ всѣми иными.

„Сезонъ" уже кончился, и швейцару гостинницы скучно.

Онъ смотритъ изъ-за моего плеча, какъ я пишу въ книгѣ, и вдругъ съ веселымъ восклицаніемъ хлопаетъ меня по плечу и куда-то бѣжитъ, а затѣмъ является съ газетой.

— Миръ! вы знаете, что у васъ миръ?—говоритъ онъ мнѣ.

Въ моихъ скитаніяхъ по горамъ только разъ мнѣ попалась газета, и тамъ кромѣ мрачныхъ предсказаній не было ничего. Я беру „Aftenposten“ изъ его рукъ и съ радостью читаю послѣднія телеграммы.

Къ намъ подходитъ англичанинъ, пріѣхавшій съ тѣмъ же пароходомъ. Завязывается разговоръ о внутреннемъ положеніи Россіи. Швейцаръ оказывается страстнымъ политикомъ. И чѣмъ больше я говорю о нашемъ освободительномъ движеніи, тѣмъ больше воспламеняется и онъ, опять хлопаетъ меня по плечу и говоритъ, что онъ очень радъ, что у насъ думаютъ и чувствуютъ какъ разъ такъ, какъ онъ самъ всегда думалъ. Англичанинъ (должно быть, человѣкъ „простого званія“) принимаетъ самое дружеское участіе въ этомъ непринужденномъ разгорѣ, такъ что черезъ полчаса я оставляю ихъ обоихъ въ горячемъ спорѣ о Рузвельтѣ.

Одинаковая любовь къ свободѣ обращаетъ швейцара въ моего покровителя.

Онъ безпокоится о моемъ дальнѣйшемъ путешествіи, и самъ идетъ отыскивать экипажъ.

Дорога мнѣ предстоитъ черезъ высоты нагорья въ 1.000 метровъ, дорога длинная и страшно утомительная. Ею мнѣ нужно вернуться въ ту самую Отту, откуда мы выѣхали недѣлю тому назадъ.

Можно ѣхать на перекладныхъ, то-есть взять каріоль-трясучку съ шюссомъ, и на станціяхъ мѣнять повозку и кучера. Но швейцаръ объявляетъ, что мнѣ ѣхать такъ три дня—невозможно. Онъ скоро является съ высокимъ человѣкомъ съ добродушнымъ и открытымъ лицомъ; на форменной фуражкѣ я съ радостью читаю: Iversen, vognmand,—имя того экипажнаго хозяина въ Оттѣ, который такъ хорошо устроилъ мнѣ путь по Ромсдалю.

Оказывается, это работникъ того же Иверсена, и онъ стоитъ въ Мерокѣ въ ожиданіи обратныхъ пассажировъ. И ему, и мнѣ это какъ нельзя болѣе пріятно. Меня ведутъ во дворъ, показываютъ отличную четырехъ-мѣстную коляску и пару добрыхъ, отдохнувшихъ лошадокъ. Мы сговариваемся въ цѣнѣ, и рѣшаемъ, что пустимся въ дорогу завтра очень рано поутру.

Крѣпко пожавъ руку моему будущему возницѣ, я отправляюсь безъ заботъ о дальнѣйшемъ — смотрѣть тѣ дивныя мѣста, куда меня закинула судьба.

Когда нашъ маленькій пароходъ причалилъ внизу у при-

стани и мы всѣ, пассажиры, отправились въ гору пѣшкомъ до гостинницы, — уже тогда картина вокругъ поразила меня необычайно.

Теперь я стою передъ нею въ смятеніи и смотрю, смотрю безъ конца.

Представьте себѣ кончикъ извилистаго фіорда, сжатаго горами, который опирается въ широкій полукругъ непостижимо-высокихъ горъ. Этотъ амфитеатръ горъ почти цѣльнымъ кольцомъ стоитъ надъ фіордомъ, спускаясь къ водѣ то круто, то отлогимъ скатомъ. Если стать къ этому амфитеатру лицомъ, то передъ вами на невѣроятной вышинѣ прямо торчитъ остріе горы, и справа и слѣва отъ нея такія же острія уходятъ въ высь за тучи.

Эта огромная котловина, буквально, вся кипитъ водопадами. Первое впечатлѣніе и было чего-то бѣшенаго и стремительнаго.

Огромный бѣлый водопадъ мчится прямо съ высоты; на своемъ пути въ нѣсколько верстъ онъ не отдыхаетъ, онъ весь въ пѣнѣ, онъ бѣшено гремитъ и бьется какъ бы въ отчаяніи; а слѣва стонетъ и гудитъ еще одинъ, такой же большой, онъ сливается съ главнымъ и при ихъ сліяніи происходитъ что-то неописуемое,— стонъ, громъ, яростное кипѣнье... Такіе же водопады валятся и справа, ихъ даже пересчитать нельзя,—куда ни взглянешь, все бѣшеныя пряди воды, все это мечется, гремитъ, бурлитъ снѣжными сугробами, которые такъ и кружатся, какъ въ колесѣ.

Ничего подобнаго не можетъ себѣ представить самая яркая фантазія.

Небо было мрачно; грозныя тучи ходили надъ нами, стлались темными островами надъ вершинами, спускались ниже, такъ что острыя грани горъ высились надъ ними, какъ видѣнія. И въ этомъ мрачномъ освѣщеніи зловѣще клокотали и ревѣли водопады, зловѣще бѣлѣла снѣжно-бѣлая пѣна, вода рвалась съ сокрушительной, злобной мощью, и казалось непонятнымъ, почему же былъ такъ спокоенъ изумрудный фіордъ, какъ могъ онъ быть такимъ невозмутимымъ, когда въ него, въ его нѣдра ввергалась вся эта бѣшеная гремящая масса водъ?

Особенно страшно было стоять на проволочномъ, шаткомъ мостикѣ, перекинутомъ надъ сліяніемъ двухъ водопадовъ невдалекѣ отъ нашей гостинницы.

Подъ нами гремѣлъ и мчался по скаламъ внизъ тотъ и этотъ водопадъ; потомъ они бросались другъ на друга, какъ звѣри впиваясь своими бѣшеными снѣжными лапами; потомъ происходила какая-то головокружительная свалка, и наконецъ всѣ воды

мѣстѣ мчались дальше по скаламъ, прыгая и перегоняя одинъ снѣжный вихрь за другимъ.

Всю ночь гудѣлъ и гремѣлъ воздухъ вокругъ нашей гостинницы и врывался въ сонъ безпокойными видѣніями.

Утромъ сквозь темныя тучи кое-гдѣ проявилась лазурь. Погода обѣщала быть получше.

Передъ гостинницей уже стоялъ мой экипажъ. Швейцаръ не зналъ, какъ и выразить все свое расположеніе,—хлопоталъ и о моемъ завтракѣ, и о вещахъ, высушилъ мою американскую шубу и съ какой-то нѣжностью отнесъ ее въ коляску, вѣроятно думая, что и она—изъ той страны, которая героически борется за свободу... Однимъ словомъ, меня провожали съ родственными чувствами; явился и хозяинъ, и вчерашній англичанинъ, всѣ жали мнѣ руку и желали счастья, счастья Россіи. Нашъ экипажъ уже двинулся, мы поднялись зигзагомъ на верхнюю дорогу, а они все стояли и помахивали шапками.

Итакъ, — опять горный путь, опять лошади дружно бѣгутъ по гладкому шоссе, опять можно откинуться на мягкомъ сидѣньи и предать себя ровному движенію!

Вокругъ насъ гудятъ и валятся водопады, ходятъ тучи, зацѣпляютъ за гребни горъ. О, какъ высоки онѣ, какъ неприступны, угрюмы!

Въ ложбинѣ котловины распаханы поля; они желтѣютъ зрѣлой жатвой, еще не снятой. Кое-гдѣ „горды“, робкія жилища человѣка среди враждебной и буйной природы.

Мой кучеръ сейчасъ же начинаетъ разговоры. Онъ смотритъ на меня съ добрѣйшей улыбкой и указываетъ кнутомъ наверхъ, на гору, между тѣмъ какъ лошади шагомъ одолѣваютъ крутой подъемъ.

— Видите тамъ „гордъ“?

Смотрю, смотрю, — ничего нельзя различить! Вынимаю бинокль. Такъ и есть! На невѣроятной кручѣ точно спичечная коробочка, а рядомъ—еще меньше. Какой сумасшедшій могъ забраться туда, выше облаковъ?

— Тамъ живетъ одинъ человѣкъ, хитрый, — говоритъ мой кучеръ.—Знаете, что онъ сдѣлалъ? Сбилъ лѣстницу, приставилъ ее тамъ, забрался наверхъ. Тамъ оказалась земля, годная для пахоты. Неизвѣстно, какъ онъ забралъ туда плугъ и лошадь, вспахалъ, засѣялъ. Потомъ, представьте себѣ, построилъ и домъ, и все, что нужно. Сталъ жить. Дорогъ туда нѣтъ никакихъ. Лазаютъ туда и онъ, и его семья по лѣстницѣ. Пришло время платить подати. Наше мѣстное начальство смотритъ туда и гово-

ритъ: „Что же *онъ* податей не платитъ?“ Послали туда человѣка. Какъ бы не такъ! Тотъ взялъ, втащилъ свою лѣстницу къ себѣ наверхъ и сидитъ себѣ. Попасть къ нему нѣтъ никакой возможности. Такъ и ушли. А тотъ говоритъ: „За что же я буду платить налоги? Я самъ себѣ завоевалъ этотъ клочокъ земли, и никому ничѣмъ не обязанъ... Оставьте меня въ покоѣ!“ Такъ и живетъ тамъ, какъ царь!

Я отъ души смѣюсь этой чисто-норвежской исторіи, и съ новымъ интересомъ смотрю на орлиное гнѣздо гордаго „царя“.

XVII.

Подъемъ, который намъ приходится одолѣвать, даже въ Норвегіи является единственнымъ.

Представьте себѣ, что длина дороги отъ Мерока внизу до надгорья вверху — почти 30 километровъ. Въ воздухѣ же разстояніе между этими двумя пунктами — меньше 6 километровъ. А высота между ними 1.000 метровъ слишкомъ.

Дорога наверхъ по такой крутизнѣ есть чудо инженернаго искусства. Она вьется и поднимается зигзагами мимо бѣшеныхъ водопадовъ, переходитъ черезъ нихъ на мостахъ, извивается между скалистыми отрогами все выше и выше.

Вотъ подъ нами внизу великолѣпный зеленый фіордъ и горсточка игрушечныхъ домиковъ—это Мерокъ. Съ двухъ сторонъ горы, вершины ихъ виднѣются надъ облаками въ непостижимой высотѣ. Въ котловинѣ внизу—воздѣланныя поля, усадьбы. Сверху котловина эта оказывается широкой и просторной. Дорога образуетъ смѣлый узелъ, потомъ уходитъ вверхъ пятью поворотами—одинъ надъ другимъ. Потомъ ѣдемъ вглубь складки между горами.

Крутизна подъема ярче всего видна по растительности.

Внизу въ Мерокѣ стояли отличныя деревья,—высокія березы, тополи, осины. Теперь же деревья пропали.

Голая мѣстность окружаетъ насъ. Скалы и склоны горъ поросли мелкимъ кустарникомъ; рыжіе папоротники, черника и брусника, скудная жалкая трава...

Здѣсь уже нѣтъ усадебъ, все пустынно и безмолвно.

Только видны коровы и козы, слышны ихъ колокольчики, мычаніе, блеянье. Это — стадо бродитъ возлѣ сэтера. А вотъ и двѣ избушки сэтеровъ, маленькія и потемнѣвшія отъ времени, съ вихрастыми дерновыми крышами. Въ дверяхъ одного изъ

сэтеровъ показывается миловидная дѣвушка съ вязаньемъ въ рукахъ.

Нашъ путь идетъ еще дальше, гдѣ уже и сэтеры пропадаютъ. Мы огибаемъ длиннымъ полукругомъ вершину горы. Послѣдній разъ открылся внизу зеленый маленькій фіордъ тонкой змѣйкой. Мерокъ виденъ только въ бинокль, и то плохо.

Здѣсь складка между двумя огромными горами, господствующими надъ котловиной.

Отсюда видно, какъ въ ложбинѣ лежатъ долины, одна надъ другою; видно, какъ рѣка то реветъ водопадами, то тихо течетъ спокойной лентой. Внизу видно много „гордовъ"; чѣмъ выше, тѣмъ они рѣже, а здѣсь наверху уже никто не живетъ.

Все пустынно, голо.

Въѣзжаемъ въ тучу; когда мы ее миновали, то вся прежняя картина уже исчезла. Фіордъ пропалъ, видна только верхняя часть громаднаго обрыва, то-есть скалы, голыя пустыни, хаосъ камня и первые снѣга.

Кругомъ—растительность тундры. Клюква, мохъ, кое-гдѣ жалкая черника и брусничные кустики. Почва вся пропитана холодной влагой, а рядомъ—голый камень.

Въ нѣсколько часовъ такая поразительная перемѣна, какъ будто изъ Средней Европы мы попали къ берегамъ Ледовитаго океана.

И вотъ мы наконецъ вверху.

Мы ѣдемъ прочь отъ фіорда прямо на востокъ по фьельду (нагорью). Кругомъ—каменныя пустыни, большіе ледники, откуда сочится вода, рѣка съ бурливыми космами намъ навстрѣчу, то-есть къ Атлантическому океану.

Если оглянуться назадъ, то подъ лучезарнымъ небомъ видны вершины всѣхъ горъ Гейрангера и даже ледники Стурфіорда. Мы сами теперь въ ихъ заоблачномъ царствѣ, выше, чѣмъ на 1.000 метровъ надъ моремъ.

Какъ величава каменная пустыня фьельда! Въ этомъ хаосѣ камня и льда передъ нами обнажена первозданная грудь нашей планеты. Темные базальты, зеленоватые оливиниты говорятъ языкомъ вѣчности. Блестящіе гнейсы и граниты застыли крѣпкими кряжами и безмолвно живутъ милліоны лѣтъ.

На лазоревое небо нашли тяжкія, черныя тучи. Стало вдругъ страшно и жутко. Будто не земля это, а хаосъ элементовъ до сотворенія міра! Вверху и внизу клубятся тучи, внизу и вверху чернѣетъ мрачный камень, кое-гдѣ просвѣты лазури, ледяныя поля, между ними—рожденіе потоковъ и первые ихъ водопады.

Тучи быстро расходятся. Онѣ однѣ кажутся живыми надъ неподвижной пустынею. Мы ѣдемъ по плоскости нагорья. Ничего кромѣ ледниковъ и камня. Ни травки, ни мшинки. Въ воздухѣ ледяная свѣжесть.

Молчаніе смерти.

Мой кучеръ вдругъ останавливаетъ лошадей у рѣчки, которая тутъ же рождается изъ глетчера. Не хочетъ ли онъ напоить ледяной водою усталыхъ лошадей?

Нѣтъ.

Онъ ведетъ меня по камнямъ въ сторону отъ дороги. Тутъ находится такъ называемая jaettegryde, круглая и глубокая дыра правильной формы, какъ будто кто въ мягкой глинѣ вырѣзалъ ножомъ цилиндръ.

Эта яма образована въ базальтѣ силою льда.

Ѣдемъ дальше. Справа на высотахъ сверкаетъ своими огромными снѣжными полями и ледниками Шерингсдаль, а передъ нами стоитъ черная стѣна исполина Грасдальсэгга. Стѣна эта вся испещрена вкось бѣлыми снѣговыми полями и напоминаетъ пестротою зебра.

Около нашей дороги тоже лежатъ глетчеры и блистаютъ на солнцѣ.

Внезапно открывается за поворотомъ великолѣпное озеро ярко-зеленаго цвѣта,—изумрудъ въ оправѣ снѣговъ!

Озеро Дьюбванъ есть водораздѣлъ между Атлантическимъ океаномъ и Скагерракомъ. Изъ него бѣгутъ въ ту сторону рѣчки и потоки къ Логену, нашему старому знакомому.

На берегу озера гостинница.

Мы останавливаемся для обѣденнаго отдыха. Пока еще не поданъ обѣдъ въ просторной столовой, пахнущей свѣжею сосною, иду на скалы наглядѣться на окрестность.

Беру горсточку льду изъ длиннаго брэ, который сползаетъ языкомъ почти къ самой дорогѣ. Ледъ этотъ не что иное, какъ неисчислимое количество мелкихъ ледяныхъ шариковъ,—круглыя, крѣпкія и прозрачныя крупинки.

Потомъ по кручѣ базальта взбираюсь еще выше, гдѣ съ восхищеньемъ замѣчаю растительность. Между складками двухъ глыбъ, на солнечной сторонѣ, питаясь влагою ближняго глетчера, — робко зеленѣетъ что-то, краснѣютъ и бѣлѣютъ бѣдные полярные цвѣточки.

Я срываю кустикъ бѣлаго мягкаго мха, но рука моя невольно останавливается: мнѣ кажется, будто мною совершено святотатство.

Мохъ былъ совершенно теплый, какъ живое, трепетное тѣло. Моя рука грубо коснулась какъ бы самыхъ источниковъ жизни, того тайнаго и великаго, къ чему прикасаться нельзя. Здѣсь, въ мертвомъ царствѣ базальта и льда, немножко влаги и немножко солнца вызвали къ жизни бѣдныя растеньица, и какъ нѣжно согрѣли и напитали своею творческой силой! Передо мной было чудо рожденія, и моя рука преступно разрушила его.

Вдоль дорога я нахожу на солнечномъ склонѣ еще нѣсколько растеній—папоротники, тонкіе какъ кружево, замѣчаю бѣлый полярный лютикъ, sedum съ розовыми цвѣточками, карликовую полярную азалею и другія,—всего насчитываю шесть цвѣтущихъ видовъ. Нахожу, наконецъ, полярную березу съ мелкими листочками, которая стелется какъ плющъ плоскими вѣтками по камню.

Бѣдная, послѣдняя растительность, послѣдній слабый голосъ жизни, замирающей здѣсь у порога небытія, въ преддверіи вѣчнаго окоченѣнія!

XVIII.

Холодно, морозъ. Солнце какъ зимою напрасно сіяетъ съ лучезарныхъ небесъ. Съ ледниковъ Шерингсдаля вѣетъ полярнымъ дыханіемъ.

Лошади бѣгутъ рѣзво, хотятъ согрѣться. Я кутаюсь въ шубу и застываю, прижавшись въ уголъ коляски.

Мы огибаемъ изумрудное озеро Дьюбванъ. Оно замыкается горной перегородкой, а послѣ нея начинается болото. Кругомъ мертвенныя горы. Рѣзецъ могучаго скульптора—льда—ясно проступаетъ на ихъ бокахъ. Всюду глубокія морщины, разъѣденныя оползшими глетчерами.

Мы находимся на сѣверной окраинѣ Іотунхейма. Это—самый большой ледникъ Норвегіи и Европы. Тамъ до сихъ поръ ледъ находится въ движеніи, наступаетъ, отступаетъ.

Вотъ справа,—по ту сторону болота-озера, вслѣдъ за глетчерами Шерингсдаля, — открываются на огромной высотѣ его ледяныя вершины: Скридулаупъ-брэ, потомъ обширные глетчеры Хестбрэпиге и великолѣпный остроконечный Глиттертиндъ, высота котораго 2.554 метра.

Слѣва надъ самой дорогой тоже стоитъ стѣна горъ, увѣнчанныхъ ледниками. Вотъ почему воздухъ рѣзокъ и холоденъ чрезвычайно.

Но перевалъ все-таки за нами, мы едва замѣтно спускаемся. Появились мхи, травы, карликовая ива.

Наконецъ, послѣ долгой ѣзды, мы достигаемъ перваго человѣческаго жилья.

Это—Гротли, такъ называемая fjeldstue, то-есть постоялый дворъ нагорья, выстроенный отъ правительства.

Маленькій старинный домишко съ низкими комнатами, гдѣ такъ тепло и уютно! Окоченѣвшему путнику Гротли кажется раемъ. И снова старинная чудесная мебель и утварь, точно въ музеѣ,—все дышитъ подлинной, коренной Норвегіей, ея милымъ уютомъ, ея изящнымъ искусствомъ.

Въ просторной кухнѣ, гдѣ жарко топится печь и варится для меня и для моего продрогшаго кучера кофе,— застаю множество людей. Какъ тѣсно здѣсь, и какъ весело!

Человѣкъ въ синей суконной блузѣ мѣшкомъ, съ желтенькими нашивками, въ такомъ же синемъ колпакѣ, сидитъ на лавкѣ и говоритъ что-то непонятное. У ногъ его бѣгаетъ и рѣзвится подъ скамьей крошечный мальчуганъ. Онъ въ такомъ же странномъ и красивомъ нарядѣ.

Это лопарь съ сыномъ. Онъ пришелъ въ гости на станцію Гротли. Онъ—богатый человѣкъ. У него 300 головъ оленей, которые пасутся на фьельдахъ.

Мнѣ ужасно хочется взглянуть на стадо.

Къ сожалѣнью, оно далеко отъ дороги,—пришлось бы ѣхать до самой ночи. Переночевать же тамъ негдѣ.

По типу своему лопарь не представлялъ большой разницы отъ хозяевъ Гротли—норвежцевъ. Онъ былъ высокъ и строенъ, волосы имѣлъ русые; черты его лица были очень пріятны.

Мой кучеръ сѣлъ пить кофе въ кухнѣ, а мнѣ подали приборъ въ маленькую столовую, гдѣ на очагѣ горѣлъ жаркій огонь и трещали длинные сучья.

Хмурый день глядѣлъ въ маленькія окна съ мелкимъ переплетомъ старинныхъ рамъ. Трещалъ и пѣлъ огонь, рядомъ въ кухнѣ говорили и смѣялись, было тепло и уютно, вспоминалось что-то какъ во снѣ, все казалось сказкой, а не дѣйствительностью...

Въ сосѣдней комнаткѣ были выставлены для продажи чудныя рѣзныя вещи изъ дерева. Хозяйка продала мнѣ нѣсколько штукъ, очень дешево. Пришелъ мой кучеръ благодарить за кофе, сказать, что пора въ путь.

Гротли промелькнуло какъ видѣнье, — мы опять катимъ по дорогѣ между ледяными горами, опять холодно и пустынно, а тучи все темнѣе.

Послѣ кофе мой кучеръ чувствуетъ потребность поговорить, мнѣ тоже надоѣло молчать.

Онъ разсказываетъ мнѣ про здѣшнія мѣста.

— Видите, какіе высокіе шесты вдоль дороги? Здѣсь зимою бываютъ такіе глубокіе снѣга—все заноситъ. По однимъ концамъ шестовъ распознаютъ дорогу.

— Что̀ здѣсь бываетъ зимою! — продолжаетъ онъ. — Мнѣ только разъ случилось тутъ проѣзжать. Никогда не забуду. Я такъ и застрялъ тогда въ Гротли. Была сначала метель, а потомъ гроза,—понимаете, гроза зимою, да еще какая! Всѣ горы дрожали отъ бури.

— Вы знаете, сколько снѣга выпадаетъ тамъ наверху на фьельдахъ? Въ иную зиму вдвое выше чѣмъ въ ростъ человѣка. Да и здѣсь тоже. Въ горахъ тогда дѣлаютъ вотъ что̀: прорубаютъ въ снѣгу туннели, такъ чтобы коровы и лошади могли выйти изъ хлѣва въ туннель и прогуливались тамъ.

По дорогѣ то-и-дѣло попадаются деревянные остроконечные плуги, похожіе на трехугольныя бороны. Это—снѣжные плуги, которыми разгребаютъ путь. Въ нихъ впрягаютъ лошадей.

Весь день ѣхали мы въ пустыняхъ нагорья, гдѣ не было ни дерева, ни птицы, ни звѣря, ни человѣка. Одинъ первозданный камень и кое-гдѣ—глетчеры. Какъ краснорѣчиво названіе, данное такимъ пустынямъ: vidden, „неизмѣримость“...

Неизмѣримы и тоскливы были эти фьельды. Невольно приходило на память, что вѣдь бо̀льшая часть Норвегіи — тутъ, вверху, что *семь десятыхъ* всей ея поверхности составляютъ безплодныя скалы, ледники, болота... Вотъ какой дорогой цѣной расплачивается норвежскій народъ за чудную красоту своей страны!

Послѣ Гротли показались первыя жалкія деревья, — куцыя жалкія ивы кустами; черезъ нѣкоторое время появились березы. Но что̀ это были за березы! Корявыя, съ скрученными, вывихнутыми, узловатыми стволами и вѣтками, тонкія и несчастныя.

Кучеръ обернулся ко мнѣ и показалъ *первый сэтеръ*. Сэтеръ представлялъ огороженное камнемъ мѣсто, гдѣ стояла старая почернѣвшая избушка. Въ эту минуту двѣ дѣвушки вышли за каменную ограду и созывали коровъ домой, кликали каждую корову по имени, и тѣ откуда-то издалека отвѣчали мычаньемъ. Нельзя даже выразить словами, какъ весело было слышать дѣвичьи звонкіе голоса подъ хмурымъ вечерѣющимъ небомъ, среди хмураго безлюдья!

Уже темнѣло. Ледники Іотунхейма мертвенно бѣлѣли въ высотѣ. Дорога шла по пескамъ бывшей морены. Начался тощій лѣсокъ карликовыхъ сосенъ и березокъ на каменномъ хаосѣ,

потомъ деревья стали повыше. На самую дорогу мчался бурный бѣлоснѣжный водопадъ и гремѣлъ подъ мостомъ. Поздно вечеромъ въ совершенной тьмѣ мы достигли постоялаго двора, возлѣ котораго тоже гудѣлъ невидимый водопадъ.

XIX.

Воскресный день всталъ веселый и ясный, но было все еще очень холодно.

Ночь была „желѣзная“. Первымъ морозомъ хватило бѣдную растительность.

Мы ѣхали мимо перваго „горда“, и жалко было смотрѣть на почернѣвшій картофель. Безумная попытка человѣка жить въ этихъ высотахъ щемила сердце жалостью къ этому піонеру культуры, который отчаянно боролся здѣсь за свое существованіе и видѣлъ труды свои—такъ часто!—безплодными.

И весь этотъ воскресный день развернулъ передъ нами какъ бы листъ за листомъ длинную повѣсть о суровой борьбѣ норвежца съ его скудной природой.

Мы ѣхали вдоль ярко-зеленой рѣчки Отты, которая всѣми своими водопадами прыгала впередъ, бѣжала отъ насъ прочь на востокъ. И мы ѣхали за ними тоже на востокъ.

Первые оазисы культуры на склонѣ нагорья были бѣдны и скудны. Попадались крестьяне съ такими нелюдимыми лицами, которыя безъ словъ говорили о томъ, каково тутъ жить.

То-и-дѣло дорога прерывалась водопадами горныхъ рѣчекъ, бросавшихся въ Отту. То-и-дѣло она шла по пескамъ и камнямъ прежнихъ моренъ. Узкая долина по лѣвому берегу Отты мѣстами поросла березовыми и сосновыми лѣсами; но сосны чахлыя, березы искривленныя.

Потомъ долина расширяется. Культурная площадь увеличивается. Какъ весело видѣть передъ собою разсыпанные по склонамъ „горды“! Какъ пріятно глазу отдохнуть на желтыхъ маленькихъ нивахъ! Рожь еще на корню — а сегодня 24-е августа.

Въ высотахъ побѣдоносно сіяютъ ледники Іотунхейма, а здѣсь внизу ютятся люди, трудятся и надрываются надъ землею, очищаютъ отъ камней, распахиваютъ себѣ клочки и собираютъ скудную жатву. Вдоль озера, вдоль рѣки длинной цѣпью ютятся человѣческія селенья. Чѣмъ дальше мы ѣдемъ, тѣмъ чаще „горды“ и тѣмъ больше ихъ нивы.

Близъ того двора, гдѣ мы остановились кормить лошадей, какъ разъ происходили похороны.

Мнѣ интересно было посмотрѣть на обычаи въ этой глуши.

Домъ покойницы былъ убранъ очень весело малиновыми норвежскими флагами и зелеными гирляндами. Въ дверяхъ стоялъ крестьянинъ въ праздничномъ старомодномъ сюртукѣ и всѣхъ привѣтствовалъ и просилъ войти. Комната была посыпана вереском, на скамьѣ стоялъ закрытый гробъ.

Къ дому спѣшили отовсюду гости—сосѣди и родственники. Всѣ были очень оживленны, такъ что нельзя было и подумать, что идутъ на похороны. Женщины были въ красивыхъ нарядахъ, красныхъ корсетахъ и черныхъ юбкахъ. Никто не шелъ съ пустыми руками. Кто несъ свертки, кто ведра съ кашей на сливкахъ.

Мой кучеръ разсказывалъ мнѣ потомъ, что пировать будутъ дня три, пока не съѣдятъ всего принесеннаго.

Мнѣ мысленно представилась жизнь той, которая своею смертью дала всѣмъ поводъ сытно поѣсть и повеселиться. Можетъ быть, она родилась въ этихъ горахъ, бѣгала маленькой дѣвочкой на побѣгушкахъ у суровой матери; потомъ дѣвушкой уходила на полгода въ молчаливыя и печальныя нагорья въ сэтеръ, и тамъ работала съ утра до вечера; потомъ вышла замужъ и на своихъ плечахъ вынесла благополучіе семьи. Она сама была бы рада теперь послѣ столькихъ горькихъ трудовъ посидѣть за столомъ, наѣсться всласть сливочной кашей и прочаго добра, — и навѣрное, еслибъ она могла взглянуть на пирующихъ, она была бы довольно за гостей и за свой домъ.

— Онъ еще крѣпкій, не старый человѣкъ, — сказалъ мнѣ кучеръ про вдовца.—Ему всего шестьдесятъ лѣтъ.

Крестьянскій дворъ, гдѣ мы остановились, былъ почти пустъ. Всѣ домочадцы были въ церкви, дома сидѣла только хозяйка и меньшая дочь. Служба въ церкви случается здѣсь разъ въ мѣсяцъ, и какъ разъ въ это воскресенье пріѣхалъ пасторъ изъ Лума, чтобы кстати благословить покойницу. Этотъ „гордъ“ представлялъ собою такое же старинное жилище, какія намъ попадались въ долинѣ Гудбранда и въ Ромсдалѣ. Все здѣсь было по старинѣ. Старинная мебель, утварь, маленькія комнатушки для дѣвушекъ. Великолѣпный рѣзной шкапъ съ живописью могъ бы быть украшеніемъ любого музея. Просторная кухня съ лавочками по стѣнамъ была главной комнатой, мѣстомъ сбора всей семьи и работниковъ. Въ усадьбѣ было два работника и одна работница.

По случаю воскреснаго дня домъ просто сіялъ чистотою. На чисто-выскребленномъ полу были разсыпаны вѣтки душистаго вереска, отчего пахло какъ въ лѣсу. Мѣдная посуда блестѣла на стѣнѣ въ великомъ порядкѣ, бѣлыя деревянныя чашки и ведра были чище слоновой кости.

Хозяйка съ ребенкомъ на рукахъ сидѣла за большимъ столомъ. Передъ нею лежала огромная раскрытая Библія, очевидно прожившая не одно столѣтіе. Меньшая дочь, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, сходила на погребъ (этотъ погребъ тоже былъ такъ очарователенъ, что хоть сейчасъ въ Лиллехамеръ) и принесла мнѣ оттуда кринку великолѣпнаго, густого молока.

Дальше мы ѣдемъ вдоль Отты по другому ея берегу. Надъ нами все еще тянутся ледники Іотунхейма, но Глиттертиндъ уже скрылся, передъ нами сѣверная вершина Іотунхейма съ круглой шапкою куполомъ—Хестбрэпиге. За ней высится остроконечный Лумсэггъ, и мы переѣзжаемъ черезъ огромную морену: она сползла нѣкогда съ его ледниками внизъ въ долину, загромоздила озеро и почти замкнула выходъ въ это озеро горной рѣчки Бевры, которая мчится изъ ущелья великолѣпнѣйшимъ водопадомъ.

На этой длинной моренѣ стоитъ темная старинная церковь; кровля ея покрыта темными деревянными пластинками, какъ сосновая или еловая шишка; и вся эта церковь имѣетъ дикій лѣсной видъ. Безчисленныя крыши ея громоздятся одна надъ другою и каждая заканчивается темнымъ дракономъ, рѣзнымъ изъ дерева, такъ что все зданіе больше похоже на языческую пагоду, нежели на христіанскій храмъ.

Отта своими своенравными, вьющимися долинами пробѣгаетъ черезъ два большихъ озера, какъ будто нанизываетъ ихъ на себя и мчится дальше такой же кипучей зеленой красавицей, какъ и вначалѣ. Множество пороговъ одолѣваетъ она на пути, и если закрыть глаза и вслушаться, то кажется, что она и водопады кругомъ сливаютъ свои пѣсни въ одну великую, нѣжную симфонію.

Область, по которой мы ѣдемъ, называется Лумъ. Здѣсь земля распахана небольшими квадратами отъ берега Отты до лѣсовъ, покрывающихъ скаты горъ.

Долина Лума представляетъ корыто съ узкимъ дномъ и высокими краями. Если взглянуть на нее съ высотъ Лумсэгга, то площадь распаханныхъ земель покажется ничтожной,—какъ бы каймою пѣны на огромной застывшей волнѣ. Съ этой высоты вся область кажется моремъ, закоченѣвшимъ въ моментъ бури.

Человѣкъ ютится гдѣ-то внизу, на узкой полоскѣ; бѣдность земли, тѣснота наводятъ грусть. Вы какъ бы видите отсюда всю неимовѣрность горькаго труда, видите суровую черту, за которую подняться нельзя,—грозное *нѣтъ* природы на отчаянныя попытки человѣка.

Когда смотришь на здѣшнихъ крестьянъ, то дивишься не тому, что они хмуры и неразговорчивы,—не тому, что праздничный сюртукъ позеленѣлъ отъ долгаго лежанья, что воскресный обѣдъ состоитъ изъ ржаныхъ лепешекъ и соленой рыбы; нѣтъ, васъ поражаетъ культурность, чистота, какое-то тихое благообразіе и достоинство, которое неуловимо проявляется всюду.

Я вижу сельскихъ рабочихъ, идущихъ по дорогѣ съ сумочкой за плечами,—они были въ гостяхъ и возвращаются къ вечеру домой. Мимо насъ ѣдутъ крестьяне на велосипедахъ, проходятъ группы сельской молодежи. На постоялыхъ дворахъ всюду сборища: кто пришелъ въ гости, кто по дѣламъ. Матери семействъ сидятъ кучкою въ хорошихъ платьяхъ и бесѣдуютъ, а можетъ быть и сплетничаютъ. Все чинно и немножко грустно, какъ будто какая-то дымка,—воспоминаніе о горечи труда,—лежитъ надъ отдыхомъ праздника.

Отъ нагорій Гротли до озера Вогэ въ лѣсистыхъ горахъ шелъ нашъ долгій, долгій путь.

Уже вечерѣло. Въ горахъ зажигались огоньки. Они были часты у берега рѣки, и становились все рѣже кверху.

Кое-гдѣ высоко въ лѣсу слабо мерцала золотая точка. Всѣ эти огоньки въ быстро-темнѣющей окрестности давали впечатлѣніе одиночества и потерянности, и щемили сердце.

Была уже совершенно темная ночь, когда мы по длиннѣйшему мосту перебрались черезъ озеро Вогэ, пролетѣли мимо селенья съ высокой церковью и наконецъ остановились въ совершенно черныхъ горахъ на постояломъ дворѣ, гдѣ уже были погашены лампы и пришлось будить людей.

XX.

И еще одинъ день дороги,—послѣдній...

О, какъ жаль навсегда бросать эти мѣста, эти чудныя и строгія, одинокія горы! Какъ досадно, что нельзя остаться гдѣ-нибудь, пожить здѣсь, познакомиться съ людьми, которые съ такимъ достоинствомъ несутъ свою бѣдность и трудъ!

Утро застаетъ насъ въ прелестныхъ, лѣсистыхъ горахъ, и между ними въ узкомъ ущельи мчится красавица Отта.

Надъ ея обрывистымъ берегомъ стоятъ березы. Нѣкоторыя уже совсѣмъ пожелтѣли, стоятъ какъ золотыя. И вы любуетесь смѣлымъ сочетаніемъ красокъ: изумрудно-зеленая рѣка, бѣлые какъ снѣгъ стволы березъ надъ нею и желтая яркая листва, и надъ всѣми этими красками голубое небо.

Мѣста веселѣе, усадьбы зажиточнѣе. Мы, наконецъ, вернулись въ царство человѣка.

За нами въ послѣдній разъ блеснулъ своей снѣжной шапкой послѣдній ледникъ Іотунхейма и гордо ушелъ прочь, спрятался за лѣсистыя горы, которыя такъ весело зеленѣютъ вокругъ. Это настоящіе лѣса,—отличныя высокія сосны и раскидистыя березы; въ нихъ живутъ и щебечутъ птицы, прыгаютъ бѣлки.

Всюду виденъ отпечатокъ зажиточности и довольства.

Усадьбы удивительно красивы: всюду крылечки съ точеными столбиками, всюду рѣзьба—на жилыхъ домахъ, на погребахъ; старинные стабуры на курьихъ ножкахъ изукрашены чудной рѣзьбой.

Надъ зеленой бурливой Оттой стоитъ мельница, это—маленькая лѣсопилка. Небольшая площадь сосноваго лѣса по горѣ срублена. Тутъ же лежатъ пахучія желтыя доски. Люди суетятся, нагружаютъ доски на роспуски, шумитъ и стучитъ колесо лѣсопилки.

Повсюду жизнь и движеніе.

Въ горахъ стоятъ „горды“ съ открытымъ видомъ на окрестность, къ усадьбамъ проложены отличныя дороги. На остановкахъ нашихъ мы видимъ хозяевъ этихъ „гордовъ“, они всѣ за домашнею работою; въ полѣ жатва уже давно кончена, стоятъ высокіе мохнатые шесты съ густо-нанизанными снопами.

Мы ѣдемъ около десяти верстъ великолѣпнымъ сосновымъ лѣсомъ по прямой какъ стрѣла дорогѣ. Какъ весело смотрѣть на эти крѣпкія, стройныя сосны, которыя стоятъ густою колоннадой справа и слѣва! Послѣ голыхъ нагорій эта растительность кажется роскошной.

И погода, и дорога не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Пока лошади рысцою легко одолѣваютъ версту за верстой, мы съ кучеромъ разговариваемъ.

Онъ разсказываетъ мнѣ всю свою жизнь. Онъ крестьянинъ изъ-подъ Лиллехамера. Земли въ ихъ семьѣ давно нѣтъ. Онъ всю жизнь провелъ около лошадей. Теперь служитъ въ Оттѣ у Иверсена, но мечтаетъ о томъ, какъ бы завести свой экипажъ и свою пару лошадокъ. Но мечты эти едвали когда осущест-

вятся. Нужны деньги, а ихъ-то и нѣтъ и навѣрное никогда не будетъ. Глядя на кроткое, добродушное лицо разсказчика, я невольно думаю, какъ этотъ человѣкъ вѣчно будетъ работать на другихъ...

Мой кучеръ разсказываетъ мнѣ о жизни крестьянъ въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Нѣкоторые изъ нихъ очень богаты. Сыновей посылаютъ въ Христіанію, въ университетъ. Однако, несмотря на это, сами работаютъ всю крестьянскую работу и крѣпко держатся за свой родовой „гордъ“. Обыкновенно держатъ по два, по три батрака...

Въ такихъ разговорахъ время быстро летитъ.

Мы ѣдемъ мимо высокой горы Формокампенъ съ страшнымъ обваломъ, который загромоздилъ собою весь скатъ, долину внизу и русло Отты. Рѣка пѣнится снѣжными водопадами и рвется изъ стиснувшихъ ее объятій, вся—изумрудъ и снѣгъ.

Потомъ долина раздвигается. Дорога вьется мимо очаровательнаго „гордa“ Осòренъ въ лѣсистомъ ущельи; вдали показываются знакомыя мѣста: станція желѣзной дороги и около нея съ десятокъ строеній.

Передъ нами Отта.

Экипажъ подкатилъ къ гостинницѣ. Меня встрѣчаютъ дружескими разспросами, какъ удалось путешествіе? Американская шуба возвращается по принадлежности.

Вечеромъ я сижу въ темной и пустой гостиной, у пылающаго очага.

Пріѣзжихъ кромѣ меня всего только одинъ англичанинъ. Онъ за обѣдомъ усердно прикладывался къ рюмкѣ, и теперь храпитъ въ своемъ номерѣ на весь корридоръ.

Внизу въ гостиной, убранной старинными вещами, тепло и уютно. Огонь очага играетъ красными отблесками въ темнотѣ, то разгорается, то потухаетъ.

Хорошо сидѣть и грѣться у него, отдыхать отъ долгаго пути и перебирать въ памяти только что пережитые дни... Спасибо вамъ, горы и пустыни, красавицы-рѣчки и задумчивыя озера,—фіорды, ледники, нагорья! Душа окунулась въ вашу красоту и въ вашу чистоту, отдохнула, освѣжилась, набралась новыхъ силъ... Спасибо вамъ!...

XXI.

Поѣздъ влетѣлъ въ вокзалъ Христіаніи, весь горѣвшій серебряными электрическими огнями. Фіордъ, улицы,—все сіяло электричествомъ въ темнотѣ осенней ночи.

Быстро опустѣлъ поѣздъ и вокзалъ. Всѣ разбрелись кто куда.

Эти двѣ недѣли слишкомъ, которыя мнѣ пришлось прожить въ Христіаніи, совпали какъ разъ со временемъ карлстадскихъ переговоровъ.

Настроеніе Христіаніи было напряженное. Были дни, когда на главной улицѣ *Карлъ-Іоганъ-гадэ* толпами стояли люди передъ редакціей „Aftenposten“ въ лихорадочномъ ожиданіи телеграммъ.

Всѣ знали, что освобожденіе Норвегіи отъ уніи зависитъ отъ этихъ дней, отъ того, насколько норвежскіе депутаты сумѣютъ отстоять выставленныя народомъ требованія. Но изъ Карлстада шли неутѣшительныя вѣсти. Шведы настаивали на уничтоженіи крѣпостей и не соглашались на полное признаніе третейскаго суда единственнымъ прибѣжищемъ для обѣихъ странъ на случай будущихъ недоразумѣній.

Настроеніе было приподнятое и тревожное.

— Какъ можете вы читать враждебныя и вызывающія статьи въ шведскихъ газетахъ?—спрашиваю я одного моего знакомаго, который спокойно сложилъ и бросилъ на столъ „Svenska Dagbladet“.

— Это не можетъ оскорбить насъ,—съ достоинствомъ отвѣчаетъ онъ.—Мы только видимъ, какъ невозможенъ былъ союзъ съ ними. Вотъ *ихъ* логика: они требуютъ срытія нашихъ крѣпостей и видятъ въ нихъ угрозу для себя; а когда мы предлагаемъ установить на будущее время *третейскій судъ* единственнымъ рѣшителемъ спорныхъ вопросовъ,—они упираются и не даютъ согласія.

Сущность переговоровъ въ Карлстадѣ хранилась въ тайнѣ. Президентъ стортинга, первый министръ и еще два лица изъ числа правительства были посланы со стороны Норвегіи. Въ стортингѣ тѣмъ временемъ обсуждались текущія дѣла.

Если идти по Карлъ-Іоганъ-гадэ отъ вокзала желѣзной дороги къ королевскому дворцу, то съ лѣвой руки на большой площади, превращенной въ паркъ, вы увидите красивое круглое зданіе сѣраго цвѣта.

Это и есть стортингъ.

У дверей стортинга, всегда открытыхъ во время засѣданій, каждый прохожій можетъ прочесть вывѣшенный въ рамкѣ листокъ съ обозначеніемъ вопросовъ дня.

Безъ всякихъ формальностей вы имѣете право войти въ эту гостепріимно-открытую дверь и подняться въ верхній этажъ на галерею. Тамъ лавки въ четыре ряда, можно сѣсть гдѣ угодно. На все зданіе парламента всего два полицейскихъ, одинъ внизу

къ услугамъ членамъ собранія, другой вверху—къ услугамъ публикѣ.

Мнѣ случилось нѣсколько разъ побывать на засѣданіяхъ. Въ тѣ дни они какъ разъ были мало интересны для иностранцевъ. Шли выборы на должность директора національнаго банка. Зато обстановка и настроеніе были какъ нельзя болѣе любопытны.

Внизу, въ полукруглой свѣтлой залѣ съ большими окнами, откуда была видна вся улица и площадь, сидѣли члены стортинга. Мѣста членовъ расположены полукругомъ, спиною къ окнамъ, въ шесть рядовъ. Первый рядъ стульевъ занимаетъ правительство, то-есть министры, выбранные изъ среды этого же собранія.

Двѣ трети стортинга представляютъ крестьяне. Они были въ обыкновенномъ городскомъ платьѣ, въ бѣлыхъ воротничкахъ, но коренастыя фигуры и суровыя, обвѣтренныя лица говорили о томъ, что эти люди работаютъ большую часть своей жизни на открытомъ воздухѣ.

Передъ стортингомъ у столика сидятъ стенографисты. За ними возвышается каѳедра предсѣдателя стортинга и его двухъ секретарей.

Вечеромъ зажигается электричество, и тогда зала стортинга въ яркомъ освѣщеніи выступаетъ изящной и вмѣстѣ простой, со всѣмъ своимъ убранствомъ, гдѣ главное украшеніе представляетъ прекрасная рѣзьба по дереву.

Въ эти дни, въ дневныя и вечернія засѣданія, не могло быть и рѣчи о спокойствіи. Сквозь флегму сѣверянина проглядывала томительная тревога. Во время подсчета голосовъ группы членовъ собирались въ кружки, толковали оживленно и нервно; многіе подходили къ высокимъ окнамъ и смотрѣли, какъ внизу на Карлъ-Іоганъ-гадэ толпился народъ и собирался у редакціи „Aftenposten“. Засѣданія откладывались, члены стортинга собирались въ курилкѣ и въ гостиной, толковали все о томъ же.

Потомъ, какъ извѣстно, послѣдовалъ зловѣщій перерывъ въ Карлстадѣ. Обѣ стороны разъѣхались на нѣсколько дней, чтобы обдумать взаимныя предложенія.

Было ясное утро, когда у вокзала собралась толпа народа, чтобы встрѣтить норвежскихъ уполномоченныхъ. Подошелъ поѣздъ, ночью вышедшій изъ Карлстада; появились президентъ Бернеръ, старичокъ съ бѣлыми волосами; за нимъ вышли на площадь другіе; между ними выдѣлялся первый министръ Михельсенъ съ умнымъ, энергичнымъ и измученнымъ лицомъ.

Они садились въ коляски, и каждаго толпа привѣтствовала

крикомъ ура. Но этотъ возгласъ былъ нерадостенъ, въ немъ слышалось сдержанное безпокойство. Тотчасъ же снова воцарялось молчаніе; глаза всѣхъ были жадно устремлены на этихъ людей, которые съ такой стойкостью вели къ концу начатое еще въ іюнѣ дѣло освобожденія страны.

Потомъ они снова уѣхали въ Карлстадъ послѣ тайнаго совѣщанія со стортингомъ.

И опять на улицѣ безпокойно блуждали толпы народа, стояли у редакцій, съ жадностью читали послѣднія краткія донесенія корреспондентовъ, гдѣ ничего не было сказано о содержаніи тайныхъ переговоровъ, но сообщались разные мелкіе факты, изъ которыхъ можно было догадаться о ходѣ дѣла.

Только черезъ двѣ недѣли кончилось это томленіе. Карлстадскій договоръ, подписанный обѣими сторонами, мнѣ пришлось прочесть уже въ Стокгольмѣ, — и изъ урѣзокъ въ третейскомъ судѣ и изъ требованія о томъ, чтобы была срыта одна изъ двухъ главныхъ крѣпостей, стало ясно, какъ трудны и горьки были карлстадскіе дни для норвежскихъ пословъ.

XXII.

Рано утромъ съ пароходной пристани въ бухтѣ Бьёрвикъ отходилъ огромный американскій пароходъ съ эмигрантами.

По направленію къ бухтѣ по Карлъ-Іоганъ-гадэ спѣшили люди съ свертками, узлами, съ пучками цвѣтовъ—яркихъ астръ, гвоздикъ, розъ...

Это спѣшили родственники и друзья отъѣзжающихъ съ послѣдними подарками тѣмъ, кого, можетъ быть, никогда больше имъ не придется увидѣть.

Въ бухтѣ Бьёрвикъ, у пристани стоитъ пароходъ-великанъ. Онъ—бѣлый какъ снѣгъ, на солнцѣ ярко горятъ его блестящія мѣдныя части; палуба въ два этажа съ бѣлыми перилами вокругъ галерей, а посрединѣ еще мостки выше, точно воздушный балконъ.

Еще пароходъ не проревѣлъ перваго своего свистка, но весь уже дрожитъ и дышитъ разводимыми парами.

Онъ весь полонъ народу.

На пристани огромная толпа. Къ пароходу-гиганту проложены широкіе мостки, огорожены веревкой. Полицейскіе просятъ посторонннихъ не проходить, пропускаютъ только уѣзжающихъ. Но какъ сдержать напоръ взволнованныхъ людей? Какъ

не быть снисходительнымъ въ такія минуты? И подъ веревку пролѣзаютъ то-и-дѣло, чтобы въ послѣдній разъ пожать руку, чтобы сказать что-то нужное, послѣднее.

По обѣ стороны мостковъ невообразимая толкотня и суета, окрики, разговоры; тутъ же лошади съ пустыми телѣжками, тутъ же снимаютъ чемоданы и корзины и тащатъ на пароходъ, который важно даетъ первый протяжный свистокъ.

И тотчасъ все это сборище людей еще больше оживляется. На пароходъ спѣшатъ пассажиры. Тѣ, которые стоятъ уже на нижней или на верхней палубѣ, смотрятъ внизъ на пристань, перегибаются черезъ перила, говорятъ со своими. Въ нихъ кидаютъ большіе букеты яркихъ цвѣтовъ, они ловятъ ихъ, улыбаются, благодарятъ.

На носу парохода простой народъ. Мужчины въ грубыхъ, деревенскаго шитья пальто, женщины въ жалкихъ шляпахъ, которыя кое-какъ сидятъ на плохо причесанныхъ волосахъ. У всѣхъ загорѣлыя и грубыя лица, и выраженіе этихъ лицъ невозможно передать словами. Одинъ изъ мужчинъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, въ нескладномъ платьѣ, смотритъ молча на своихъ, стоящихъ внизу на пристани; въ его большихъ глазахъ—строгая печаль; онъ переживаетъ тяжелыя и незабываемыя минуты. Подлѣ него другія сумрачныя лица. Стоитъ старая женщина въ черномъ поношенномъ платьѣ, изъ котораго выходитъ костлявая шея; старая шляпка имѣетъ жалкій видъ; въ морщинахъ и во всемъ выраженіи глазъ и рта чувствуются долголѣтняя горькая бѣдность и отчаянный трудъ. Этотъ трудъ не привелъ ни къ чему, нищета толкаетъ пожилую женщину къ переселенію, гдѣ нужны силы, энергія, молодость,—а откуда взять ей все это?..

Второй свистокъ—о, какъ медленно и вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимо быстро несутся минуты!

На мосткахъ матросы торопятъ отъѣзжающихъ. Вотъ цѣлая семья. Отецъ распоряжается багажемъ; мать, женщина среднихъ лѣтъ, растерянная, оглушенная своимъ смятеньемъ, прощается съ родственниками, говоритъ что-то впопыхахъ, плачетъ горько; тутъ же трое дѣтей, изъ нихъ двое постарше съ маленькими котомками за плечами,—ихъ видимо все забавляетъ и, главное, своя собственная значительная фигурка.

Два крестьянина стоятъ у самаго края пристани и безпокойно оглядываютъ всѣхъ, кто тамъ наверху. У одного въ грубыхъ мозолистыхъ рукахъ что-то обернутое въ бѣлую бумагу—конфеты ли куплены на послѣдніе трудовые гроши, или книга? Нашли ли они того, кого такъ жадно искали?

Тутъ же въ толпѣ ходитъ женщина очень бѣдно одѣтая. Въ ея рукахъ чудесный букетъ душистаго горошка. И она тоже ищетъ кого-то, а все ея лицо подергивается судорогой.

Въ средней части парохода богатая публика перемѣшалась съ бѣдняками. Богатые ѣдутъ въ Англію или же въ Америку на обезпеченное и довольное житье. Они сами являются только зрителями въ этой драмѣ разлуки и отрыванія жизни отъ старыхъ корней.

На самомъ верху, на воздушномъ мостикѣ стоитъ нѣсколько человѣкъ. Какъ хорошъ и просторенъ, должно быть, оттуда видъ на Христіанію, на дальнія горы, на голубой фіордъ! Какъ красивъ оттуда городъ, окутанный золотистымъ туманомъ ранняго утра!

Тамъ стоитъ дѣвушка въ сѣромъ платьѣ, стоитъ поодаль отъ другихъ. Ея большіе черные глаза подъ густыми бровями смотрятъ на городъ съ невыразимой горечью и печалью. Она видимо крѣпится, старается овладѣть собою, но не можетъ. Лицо у нея подергивается, она поспѣшно подноситъ платокъ къ губамъ, силится улыбнуться кому-то, кто стоитъ внизу на пристани.

Это одинокое горе даже на посторонняго зрителя производило щемящее впечатлѣніе.

На носу парохода второй свистокъ вызвалъ обильныя слезы. Суровыя лица мужчинъ стали еще мрачнѣе. Тамъ стояла одна семья, очень многочисленная: отецъ, мать, два взрослыхъ сына и много дѣвочекъ. Одна изъ нихъ, подростокъ лѣтъ четырнадцати, еще въ полукороткомъ платьицѣ, такъ и заливалась слезами. Съ пристани раздался громкій окликъ: „Маргрета? гдѣ Маргрета?“ Это протискалась впередъ какая-то женщина, пожилая, въ побурѣвшемъ платьѣ, съ огромнымъ букетомъ розовыхъ и бѣлыхъ астръ. Должно быть тетка. Маргрета отнимаетъ платокъ отъ распухшаго лица, улыбается, выступаетъ къ бѣлымъ периламъ,—въ нее летитъ бѣло-розовый букетъ, какой-то мужчина хватаетъ его въ воздухѣ и передаетъ Маргретѣ. Но Маргрета не дѣлается веселѣе; наоборотъ, цвѣты эти вызываютъ уже окончательный приступъ рыданій, и она прячется въ толпѣ, за спинами своихъ.

Сколько же минутъ осталось еще такъ томиться? Съ грохотомъ поднимаютъ и складываютъ мостки, пропускаютъ послѣднихъ запыхавшихся пассажировъ.

И вотъ мостки приняты—послѣднее звено соединенія съ родною землею исчезло...

Старуха съ огромной корзиной ходитъ въ толпѣ. У нея нарасхватъ покупаютъ яблоки — маленькія, красныя, крѣпкія... Яблоки бросаютъ отъѣзжающимъ горстями,—и люди на пароходѣ, даже старики, съ жадностью ловятъ ихъ; кто съ благоговѣніемъ ѣстъ ихъ, кто прячетъ въ карманъ—послѣднія яблочки родины, кислыя, маленькія...

Въ эту минуту раздается третій свистокъ, матросы бѣгаютъ по пароходу, безъ церемоніи толкаютъ народъ. Канаты приняты,—послѣднія отрывистыя слова, прощанье, поклоны; цвѣты и яблоки летятъ, мужчины машутъ шапками, женщины—платками.

Великанъ-пароходъ тихо отдѣляется отъ берега и плыветъ прочь. На палубѣ скверная шарманка громко играетъ какой-то пошлый и веселый мотивъ.

На пристани старая женщина горько рыдаетъ, вся согнувшись какъ бы подъ невидимою тяжестью. Люди стоятъ, смотрятъ за исчезающимъ бѣлымъ исполиномъ, тихо говорятъ между собою, съ блѣдными лицами, и расходятся какъ будто съ похоронъ.

Хорошо, что въ Скагерракѣ и въ океанѣ бурно, какъ пишутъ въ газетахъ. Пусть бушуетъ море, пусть качка заставитъ мучиться всѣхъ этихъ людей! Среди физическихъ страданій и тревоги они отвлекутся—хоть на время—отъ острой боли разлуки съ родиной, которая не нашла у себя мѣста для своихъ собственныхъ дѣтей и выкинула ихъ изъ родимой среды горькой волною бѣдности.

Я долго стою на пристани Бьёрвика, гляжу вслѣдъ уплывшему пароходу и вспоминаю всѣ тѣ захолустья, гдѣ мнѣ только что пришлось побывать. Изъ такихъ заброшенныхъ въ горахъ усадебъ вышли эти хмурые переселенцы, послѣ долгой тщетной борьбы съ природой,—и, вѣроятно, уже исчерпали всѣ усилія и все желѣзное терпѣніе, если рѣшились теперь уѣхать за океанъ, въ неизвѣстность...

Надо надѣяться, что новая страница исторіи, которая только-что раскрылась для норвежскаго народа, дастъ ему то счастье, къ которому онъ стремился такъ долго и лучше котораго онъ не знаетъ ничего на землѣ,—именно, счастье полной свободы для полнаго развитія своихъ богатыхъ творческихъ силъ...

Сергѣй Орловскій.

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Окончаніе.

VI *).

Графъ А. К. Толстой началъ свою литературную дѣятельность съ двухъ *фантастическихъ* разсказовъ: „Упырь“ и „Семья вардулака“. Первый изъ нихъ появился въ печати въ 1841 г., второй же, написанный авторомъ по-французски, былъ переведенъ на русскій языкъ Б. М. Маркевичемъ и напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, много лѣтъ послѣ смерти автора [1]).

Канвой для обоихъ разсказовъ послужило народное повѣрье объ упыряхъ, вампирахъ или вардулакахъ. Народъ нашъ вѣритъ, что существуютъ мертвецы, которые не находятъ въ землѣ покоя. Они встаютъ по ночамъ изъ могилы, бродятъ по свѣту, возвращаются въ тѣ мѣста, гдѣ они бывали при жизни, и высасываютъ кровь у родныхъ и знакомыхъ.

Если мы пожелаемъ уяснить себѣ вопросъ, почему же Толстой, который никогда не занимался ни народной литературой, ни суевѣріями, такъ увлекся этимъ сказаніемъ, — то придется опять-таки обратиться къ его біографіи.

По словамъ Маркевича, съ юныхъ лѣтъ и до послѣднихъ дней его жизни, все таинственное имѣло на Толстого неотра-

*) См. выше: октябрь, стр. 487.

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1884 г., № 1.

зимое обаяніе. Это замѣчаніе находитъ себѣ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ фактовъ. Не только въ юношескихъ работахъ Толстого, но и въ его произведеніяхъ позднѣйшаго времени мы можемъ найти слѣды интереса къ вопросамъ фантастическаго свойства. Среди немногихъ вещей, переведенныхъ имъ на русскій языкъ, видное мѣсто занимаетъ извѣстная баллада Гёте: „Коринѳская невѣста", сюжетомъ которой является та же вѣра въ существованіе упырей. Затѣмъ, въ „Князѣ Серебряномъ" и въ „Трилогіи"—гаданію волхвовъ отведено видное мѣсто. Въ „Смерти Іоанна Грознаго", ихъ предсказаніе органически связано съ заключительной сценой драмы, а въ „Царѣ Борисѣ" оно не забыто и снова всплываетъ наружу. Безспорно, что наши предки вѣрили въ колдовство и предсказанія. Но Ив. А. Гончаровъ, критикуя трагедію съ художественной точки зрѣнія, находилъ, что Толстой поступилъ неправильно, допустивъ, что предсказанія волхвовъ сбываются. Какъ реалистъ, Гончаровъ былъ правъ, но гр. Толстой, вѣря въ существованіе таинственныхъ силъ природы, законы которыхъ намъ неизвѣстны, заставилъ волхвовъ играть въ драмѣ активную роль. Это было тѣмъ болѣе удобно, что лѣтописи упоминаютъ о томъ, что кудесники предсказали Грозному день его смерти.

Если мы отъ произведеній перейдемъ къ жизни гр. Алексѣя Константиновича, то найдемъ рядъ фактовъ, подтверждающихъ сообщеніе Маркевича. Гр. Толстой постоянно интересовался и увлекался спиритизмомъ [1]), а въ юные годы онъ нерѣдко искалъ приключеній, соединенныхъ съ таинственнымъ страхомъ. Въ 1850 г. [2]), живя у Смирновыхъ въ Калугѣ, гр. А. К. Толстой поѣхалъ вмѣстѣ съ Клементіемъ Россетти въ лѣсъ, присутствовать при расцвѣтѣ папоротника; но Россетти, увидавъ какую-то бѣлую тѣнь, которая перешла имъ дорогу, такъ сильно испугался, что не захотѣлъ продолжать поѣздку. Въ 1856 году, нашъ поэтъ, вернувшись изъ Крыма въ Кіевъ, забрался вмѣстѣ съ Львомъ Жемчужниковымъ и барономъ Розеномъ въ полночь въ безлюдный и заброшенный домъ, о которомъ говорили, что въ немъ живетъ нечистая сила, и что домовые бросаютъ въ любопытныхъ камнями [3]). Друзья затѣяли провѣрить эти слухи. Въ лунную ночь они по развалившимся лѣстницамъ проникли во второй этажъ и разбрелись по разнымъ комнатамъ въ ожиданіи

[1]) Письма Тютчева. „Русскій Архивъ" 1899 г., II, стр. 98.
[2]) „Вѣстникъ Европы" 1895 г., XI, стр. 166.
[3]) „Вѣстникъ Европы", 1899 г., № 11.

домовыхъ или мошенниковъ. На выстрѣлъ рѣшено было сходиться... Долго они ждали, вѣтеръ гудѣлъ въ разбитыхъ окнахъ и трубахъ; но гостей не было. Прождавъ до разсвѣта, пріятели спустились во дворъ и ушли, очень опечаленные своей неудачей... Вѣроятно, это не единственное похожденіе гр. Толстого, потому что оно сильно напоминаетъ намъ нѣкоторыя страницы повѣсти „Упырь", въ которой разсказывается о томъ, какъ г-нъ Рыбаренко въ городѣ Комо зашелъ ночью въ заброшенный домъ и былъ ограбленъ разбойниками при довольно фантастической обстановкѣ.

Изложенные нами факты очень характерны, но главную причину, почему страсть къ таинственному развилась у гр. А. К., необходимо искать въ томъ вліяніи, которое имѣлъ на все его развитіе А. А. Перовскій. Какъ мы сказали выше, этотъ послѣдній увлекался всѣмъ таинственнымъ и самъ писалъ фантастическіе разсказы, въ стилѣ Гофмана. Благодаря этому, произведенія нѣмецкаго фантаста рано попались въ руки воспріимчиваго мальчика и оставили въ его умѣ, склонномъ къ мечтательности, неизгладимый слѣдъ.

При такихъ условіяхъ понятно, что гр. Толстой сюжетомъ для первой своей пьесы выбралъ не событіе изъ реальнаго міра, а народное повѣрье, поразившее его фантазію.

Изъ обоихъ разсказовъ „Упырь" — наиболѣе законченный. Авторъ самъ приготовилъ его къ печати и недаромъ заслужилъ похвалу Бѣлинскаго. Къ сожалѣнію, невозможно передать въ краткомъ очеркѣ его содержаніе, въ виду сложности сюжета. Гр. Толстой мастерски связалъ между собою любовныя похожденія Руневскаго въ Россіи, разсказъ сумасшедшаго Рыбаренки о его жизни въ Италіи и старую венгерскую балладу о рыцарѣ Амвросіѣ, который зарѣзалъ старика барона послѣ того, какъ невѣрная жена впустила его въ замокъ. Факты дѣйствительной жизни и плоды фантазіи такъ искусно переплетены между собою, что читатель все время находится подъ обаяніемъ разсказчика и остается въ недоумѣніи, гдѣ кончаются тяжелый сонъ (cauchemar), бредъ раненаго, разсказъ сумасшедшаго—и начинается дѣйствительность. Большую прелесть этой повѣсти составляетъ описаніе обстановки, среди которой происходитъ дѣйствіе въ имѣніи бригадирши Сугробиной подъ Москвой и въ городѣ Комо въ Ломбардіи. Въ этихъ послѣднихъ главахъ чувствуется сильное вліяніе на молодого автора послѣдняго его путешествія по Италіи [1]). Въ 1840 году, онъ былъ въ Комо одновременно съ На-

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1897 г., VII, стр. 110.

слѣдникомъ Цесаревичемъ, подробно осматривалъ Villa d'Este, которая такъ подробно описана въ его разсказѣ, и часто гулялъ около озера. По словамъ Владиміра Соловьева, „весь разсказъ есть удивительно сложный узоръ на канвѣ обыкновенной реальности“ [1]).

Сюжетъ разсказа „Семья вардулака“ менѣе сложенъ. Поэтому мы постараемся его изложить подробнѣе, чтобы дать читателямъ понятіе объ этой сторонѣ творчества гр. А. К. Толстого.

Молодой французскій аристократъ, маркизъ д'Юрфе, былъ отправленъ, въ 1769 г., съ дипломатическимъ порученіемъ изъ Парижа въ Яссы, къ молдавскому господарю. Когда онъ доѣхалъ до Сербіи, то наступила весна, рѣки вскрылись, и ѣхать дальше не было возможности. На нѣсколько дней маркизу пришлось остановиться въ деревушкѣ, которая находилась вблизи небольшого монастыря. Онъ устроился въ семьѣ крестьянина Георгія, который радушно принялъ его подъ свою кровлю. Семья Георгія состояла изъ него самого, жены, двухъ мальчиковъ, младшаго брата Петра, сестры красавицы Зденки и отца старика Горши.

Когда маркизъ пріѣхалъ, старика дома не было; нѣсколько дней тому назадъ, взявъ свою винтовку, онъ ушелъ въ горы сражаться съ турками. Прощаясь съ сыномъ, Горша далъ ему странное приказаніе: „Если я приду черезъ десять дней, то ты можешь радоваться моему возвращенію; если же я вернусь послѣ десяти дней, то сдѣлай осиновый колъ и вбей мнѣ въ сердце, такъ какъ подъ моей личиной къ тебѣ пришелъ вардулакъ“. Въ день пріѣзда маркиза въ хатѣ царило волненіе. Это былъ десятый день послѣ ухода отца. Солнце стало клониться къ западу, а старика все еще не было. Пробилъ уже часъ, когда отецъ, десять дней тому назадъ, оставилъ родную хату, но онъ все не возвращался. Семья молча сѣла за ужинъ. Вдругъ изъ-за опушки сосѣдняго лѣса показалась высокая фигура старика, который медленными шагами приближался къ деревнѣ. Онъ вошелъ въ хату, грубо поздоровался со своими и сѣлъ въ уголъ. Лицо его было мертвенно-блѣдно, глаза его были тусклы и впалы, а на груди около сердца видна была запекшаяся кровь...

Ночью маркизъ проснулся. Ему казалось, что какая-то тяжесть сдавила ему грудь. Онъ открылъ глаза и увидалъ, что на дворѣ у окна стоитъ Горша и впился въ него своими угасшими глазами. Но какъ только маркизъ всталъ съ постели, Горша исчезъ въ темнотѣ...

[1]) Въ настоящее время эта повѣсть перестала быть библіографической рѣдкостью. Она вновь издана подъ заглавіемъ: „Упырь“. Разсказъ гр. А. К. Толстого, съ предисловіемъ Вл. Соловьева. Спб. 1900 г.

Черезъ нѣсколько часовъ путешественникъ снова проснулся и услыхалъ, что въ сосѣдней комнатѣ старшій изъ сыновей Георгія разговариваетъ съ дѣдомъ. Послѣдній звалъ его на улицу, но мальчикъ отказывался, ссылаясь на запрещеніе матери. Но когда старикъ обѣщалъ подарить ему ятаганчикъ, ребенокъ не утерпѣлъ и выскочилъ въ окно...

Подъ утро маркизъ былъ разбуженъ громкимъ плачемъ. Въ домѣ царило смятеніе. Мальчикъ исчезъ безслѣдно, и мать горько рыдала о потерѣ своего любимца. Вскорѣ принесли несчастнаго ребенка, котораго нашли во рву за деревней. Онъ былъ безъ чувствъ и мертвенно блѣденъ, на шеѣ его видна была ранка отъ укуса. Черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ, къ большому горю родителей. Когда прошелъ первый приступъ печали, Георгій ушелъ въ лѣсъ и вернулся, неся въ рукахъ осиновый колъ. Къ вечеру, во время ужина, вновь появился Горша, который пропадалъ цѣлыя сутки, и направился къ столу. Но Георгій схватилъ осиновый колъ и бросился на отца. Оба выбѣжали на улицу, а затѣмъ скрылись за опушкой лѣса. Когда Георгій пришелъ назадъ, осиноваго кола у него не было...

Во время этихъ событій гость не имѣлъ возможности объясниться съ сестрой хозяина, Зденкой, красота которой произвела на него большое впечатлѣніе. На слѣдующій день маркизъ улучилъ минуту и, войдя въ комнату дѣвушки, завелъ съ ней разговоръ; они оба увлеклись бесѣдой и не замѣтили, какъ открылась дверь и на порогѣ появился Георгій. „Баринъ,—сказалъ онъ гостю,—вода въ рѣкѣ спала, бродъ уже виденъ, и лошадь ваша отдохнула, поэтому вамъ пора въ дорогу“... Какъ ни трудно было маркизу разставаться съ прелестной дѣвушкой, но дѣлать было нечего; онъ поблагодарилъ хозяевъ, осѣдлалъ свою лошадку и пустился въ путь.

Дѣла задержали его въ Молдавіи довольно долго, и пока онъ собрался въ обратное путешествіе, прошло около года.

Проѣзжая по Сербіи, маркизъ остановился въ монастырѣ Божьей Матери подъ дубомъ, вблизи той деревни, гдѣ жилъ Георгій. Желая узнать, что̀ подѣлываютъ его хозяева, путешественникъ сталъ разспрашивать старика-монаха. Этотъ послѣдній грустными очами взглянулъ на своего собесѣдника и отвѣтилъ, что всѣ умерли,—сначала Георгій и его семья, а потомъ и вся деревня. Горша, этотъ старый вардулакъ, всѣхъ втянулъ въ могилу. Онъ высосалъ кровь у мальчика. Тотъ ночью поднялся изъ сырой могилы и пришелъ стучаться въ теплую хату своихъ родителей. Вмѣсто того, чтобы отослать его на кладбище, мать

впустила мальчика къ себѣ; а въ благодарность за это онъ высосалъ кровь у матери и у брата; они умерли и съ своей стороны пришли ночью въ хату и высосали кровь у Георгія и Петра, а Зденка помѣшалась отъ горя. Затѣмъ они общими силами стали губить сосѣдей, такъ что теперь вымерла вся деревня.

Маркизъ не повѣрилъ и, несмотря на предостереженіе монаха, который совѣтовалъ ему переночевать около монастыря, поѣхалъ въ деревню, куда его тянули пробудившіяся воспоминанія о милой дѣвушкѣ.

Когда всадникъ подъѣхалъ къ селенію,—его поразила гробовая тишина. Все здѣсь вымерло, нигдѣ не было видно живой души. Маркизъ съ легкостью разыскалъ хату Георгія, двери которой стояли настежь. Поставивъ своего коня въ стойло, онъ вошелъ въ хату и открылъ дверь въ комнату Зденки. Вещи были разставлены въ полномъ порядкѣ, какъ и прежде, не было только хозяйки. Маркизъ сѣлъ на кровать несчастной дѣвушки, замечтался и крѣпко заснулъ...

Ночью его разбудило чье-то дыханіе, которое коснулось его лица. Онъ открылъ глаза и увидалъ Зденку, которая стояла предъ нимъ въ полной своей красѣ.

„Дорогой мой, желанный!—говорила дѣвушка—какъ долго я тебя ждала!“ Маркизъ вскочилъ съ постели, и уста ихъ слились въ безумномъ поцѣлуѣ... Вдругъ онъ почувствовалъ какую-то острую боль въ горлѣ. Онъ выпустилъ Зденку, провелъ рукой по шеѣ и замѣтилъ, что онъ довольно сильно оцарапался объ острый крестикъ, который висѣлъ у него же на груди. Въ это время его взглядъ упалъ на окно, и къ ужасу своему онъ увидалъ всю семью вардулака. Горша впился въ него своими угасшими, впалыми глазами, Георгій грозилъ ятаганомъ, а жена его привела своихъ дѣтей и указывала имъ на путешественника.

Подъ благовиднымъ предлогомъ маркизъ оставилъ Зденку и бросился разыскивать своего коня. Онъ нашелъ его въ стойлѣ, гдѣ онъ нетерпѣливо рылъ копытами землю и рвалъ удила. Какъ только маркизъ сѣлъ на лошадь, она, какъ стрѣла, помчалась по знакомой дорогѣ къ монастырю. Какъ ни быстро они скакали, но маркизъ вскорѣ почувствовалъ, что за нимъ гонятся. Оглянувшись назадъ, онъ увидалъ всю семью вардулаковъ. Впереди шагалъ Горша, который, опираясь на свой осиновый колъ, дѣлалъ громадные шаги. За нимъ бѣжала жена Георгія и тащила своихъ дѣтей, которыя цѣплялись за ея руки и платье. Вдругъ Горша схватилъ одного мальчика и бросилъ въ бѣглеца, но старикъ промахнулся, и мальчикъ упалъ на землю; тогда Горша

бросилъ второго. На этотъ разъ ребенокъ повисъ на гривѣ лошади. Но всадникъ сшибъ его сильнымъ ударомъ кулака...

Неизвѣстно, что было далѣе, но когда маркизъ проснулся, то было свѣтло. Онъ лежалъ на краю большой дороги, а рядомъ съ нимъ издыхала его лошадь...

Вотъ этотъ простой, но удивительно сильный разсказъ. Самъ гр. Толстой, повидимому, не придавалъ ему особаго значенія, ибо онъ не собрался даже перевести его на русскій языкъ. Во второе изданіе своихъ сочиненій, которое покойный поэтъ самъ приготовилъ для печати, онъ не включилъ даже разсказа „Упырь". Повидимому, въ душѣ поэта произошелъ переворотъ; дойдя въ „Трилогіи" до кульминаціоннаго пункта своего творчества, онъ отвернулся отъ первыхъ своихъ работъ. Мы же иначе смотримъ на эти два разсказа: „Упырь", по замыслу и исполненію, несомнѣнно маленькій шедёвръ; но и „Семья вардулака" заслуживаетъ полнаго одобренія по живости разсказа и прекрасной характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, которыя, какъ живыя, стоятъ предъ нами, несмотря на то, что они очерчены лишь немногими штрихами. По словамъ Вл. Соловьева, влеченіе къ таинственному и необычайному въ наши дни все болѣе распространяется, но элементъ истинно-фантастическаго представленъ въ современной литературѣ очень слабо. Поэтому оба разсказа гр. А. К. Толстого, носящіе печать его таланта, заслуживаютъ полнаго вниманія. Для біографа же эти пьесы представляютъ несомнѣнный интересъ, какъ первые опыты творчества талантливаго поэта.

VII.

Нашъ поэтъ принадлежалъ къ числу немногихъ русскихъ людей, у которыхъ юморъ составлялъ основную черту характера. Поэтому здоровый смѣхъ и добродушная шутка прорывались у него въ разговорѣ, въ письмахъ и въ цѣломъ рядѣ произведеній. Кто-то вѣрно замѣтилъ, что „гр. Толстой постоянно перемѣшивалъ серьезное съ шуткой, безъ которой онъ рѣшительно не могъ жить" [1]). Примѣромъ этого служитъ письмо къ Я. П. Полонскому, написанное въ началѣ 60-хъ годовъ. Послѣ серьезнаго обмѣна мыслей, графъ неожиданно дѣлаетъ скачокъ въ сторону: „Крѣпко жму вашу руку и желаю во снѣ видѣть каменную Авдотью. Для этого совѣтую положить съ собою въ

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1895 г., XII, стр. 634.

постель зрительную трубу". Эту характерную особенность гр. Толстого, т.-е. неожиданный переходъ отъ серьезной мысли къ шуткѣ, мы можемъ отмѣтить и въ его стихотвореніяхъ. Въ „Крымскихъ очеркахъ" имѣется, напр., слѣдующая прелестная бездѣлка:

„Какъ чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты,
Моря синяго заливы,
Лавры, скалы и цвѣты!
Но мѣшаетъ мнѣ немножко
Жизнью жить средь этихъ странъ
Скорпіонъ, сороконожка
И фигуры англичанъ".

Намъ кажется, что прирожденная веселость была тою чертою характера, которую гр. Толстой получилъ, вмѣстѣ съ другими благами, въ наслѣдство отъ семьи Перовскихъ. Его дядя Алексѣй Алексѣевичъ, на рукахъ котораго онъ выросъ, славился въ свѣтскомъ обществѣ своимъ юморомъ, и въ Москвѣ сохранилось о немъ немало анекдотовъ. Напримѣръ, однажды онъ убѣдилъ своего хорошаго знакомаго въ томъ, что онъ, Перовскій, въ качествѣ великаго мастера какой-то русской ложи, можетъ принять его въ число масоновъ. Церемонію принятія въ тайное общество Перовскій обставилъ цѣлымъ рядомъ комическихъ обрядовъ и, въ концѣ концовъ, отобралъ отъ новаго масона подписку, что „онъ бобра не убилъ" [1]). Подобныя продѣлки повторялись, вѣроятно, нерѣдко; недаромъ кн. Вяземскій [2]) посвятилъ А. А. Перовскому слѣдующее четверостишіе:

„Прости, проказникъ милый;
Ты ѣдешь, добрый путь,
Твой геній златокрылый
Тебѣ попутникъ будь".

Описанная нами шутка Перовскаго очень напоминаетъ тѣ продѣлки, которыя приписываютъ его племянникамъ, гр. А. К. Толстому и братьямъ Жемчужниковымъ. Мать этихъ послѣднихъ Елизавета Алексѣевна, урожденная Перовская, была родная сестра гр. Анны Алексѣевны Толстой. Когда Елизавета Алексѣевна умерла, оставивъ маленькихъ дѣтей, то гр. Толстая взяла къ себѣ ея дочь Анну и воспитывала вмѣстѣ съ своимъ Алешей.

[1]) Кирпичниковъ, „А. Погорѣльскій". „Историческій Вѣстникъ" 1870 г., X.
[2]) Сочиненія, III, стр. 20.

Мы должны были остановиться на Жемчужниковыхъ, потому что при ихъ участіи гр. Толстой въ 40-хъ годахъ создалъ произведенія Козьмы Пруткова. Въ „Біографическихъ свѣдѣніяхъ о Козьмѣ Прутковѣ“ [1]) указано, что его литературную личность создали и разработали гр. Толстой, Владиміръ и Алексѣй Михайловичи Жемчужниковы. Кромѣ того, сотрудничество въ этомъ дѣлѣ было оказано Александромъ Михайловичемъ Жемчужниковымъ и Петромъ Павловичемъ Ершовымъ. Въ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони о В. А. Арцимовичѣ [2]) мы нашли указаніе, что вдова послѣдняго, Анна Михайловна, урожденная Жемчужникова, также принимала участіе въ этомъ изданіи.

Какъ велась общая работа, кто авторъ отдѣльныхъ стихотвореній или изреченій,—мы сказать не можемъ въ виду полнаго отсутствія матеріаловъ. Вѣроятно, они написаны въ 40-хъ годахъ, потому что первыя изъ этихъ юмористическихъ пьесъ появились на страницахъ „Современника“ въ 1851 г.; затѣмъ, вторая партія была напечатана тамъ же въ 1853 и 1854 гг., а третья—въ 1860—1864 гг.

Сборникъ этотъ содержитъ: стихотворенія, „Выдержки изъ записокъ дѣда Козьмы Пруткова“ и драматическія произведенія. Но наибольшей популярностью пользуются „Плоды раздумья“. Это—рядъ мыслей и афоризмовъ, которые безконечно авторитетны, но при всей наивности не лишены наблюдательности и яда. Для лучшей оцѣнки этихъ блёстокъ юмора мы приведемъ нѣсколько примѣровъ:

„Спеціалистъ подобенъ флюсу, полнота его односторонняя“. „Вакса чернитъ съ пользою, а человѣкъ съ удовольствіемъ“. „Многіе люди подобны колбасамъ: чѣмъ ихъ начиняютъ, то они и носятъ въ себѣ“. „Чувствительный человѣкъ подобенъ сосулькѣ: пригрѣй его—онъ растаетъ“. „Если у тебя есть фонтанъ, заткни его;—дай отдохнуть и фонтану“.

Намъ кажется, что эти остроумныя и забавныя мысли создали успѣхъ книги, которая издана уже 9-мъ изданіемъ и пріобрѣла себѣ прочныя симпатіи русской публики. Стихотворенія и драматическія пьесы Козьмы Пруткова заслуживаютъ, по нашему скромному мнѣнію, меньшаго вниманія, такъ какъ чувствуется, что юморъ въ нихъ иногда дѣланный и далеко не всегда заразителенъ.

Участіемъ въ этомъ изданіи гр. Толстой началъ серію своихъ сатирическихъ пьесъ и до послѣднихъ дней, несмотря на болѣзнь и упадокъ силъ, не потерялъ своего юмора.

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова. Изд. 2-ое, стр. XVII.

[2]) „За послѣдніе годы“. Спб. 1896 г., стр. 354.

Его веселыя вещицы разбросаны по разнымъ журналамъ гдѣ, онѣ печатались вмѣстѣ съ его письмами или на основаніи рукописей, сохранившихся у разныхъ лицъ. Авторъ, повидимому, не придавалъ имъ особаго значенія или лѣнь мѣшала ему привести ихъ въ порядокъ. Во всякомъ случаѣ, въ полномъ собраніи его сочиненій, куда гр. Толстой включилъ всѣ лучшія свои произведенія, дозволенныя цензурою, многаго нѣтъ. Но поклонники его золотого юмора чрезвычайно цѣнятъ его сатирическія стихотворенія и разыскиваютъ ихъ на страницахъ періодическихъ изданій.

Въ виду такого безпорядка возникъ довольно нежелательный фактъ: въ публикѣ ходитъ по рукамъ довольно много шуточныхъ произведеній, приписываемыхъ гр. Толстому, тогда какъ онъ никогда ихъ авторомъ не былъ. Въ письмахъ мы находимъ его личное увѣреніе, что „Ѳедорушка“—не его дѣтище [1]). Послѣ его смерти, Владиміръ Жемчужниковъ протестовалъ противъ злоупотребленія псевдонимомъ Козьмы Пруткова, которое позволила себѣ редакція газеты „Вѣкъ“. Но самое безцеремонное злоупотребленіе именемъ гр. А. К. Толстого практикуетъ женевскій книгопродавецъ Эльпидинъ. Онъ издалъ „Сказку про то, какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться“, и на заглавномъ листѣ ея обозначилъ, что она написана графомъ А. К. Толстымъ. Но каждый мыслящій человѣкъ, который внимательно прочелъ это произведеніе, долженъ понять, что покойный поэтъ никакого отношенія къ нему не имѣлъ и не имѣетъ. Въ этомъ нетрудно убѣдиться изъ слѣдующаго отрывка.

Царь Ахреянъ пришелъ къ Богу жаловаться на своихъ подданныхъ и слышитъ изъ устъ Саваоѳа слѣдующія рѣчи:

„Было въ оные дни стародавніе
Наказалъ я разокъ родъ Израилевъ
За его ослушанье великое
И за всѣ прегрѣшенія прежнія:
Повелѣлъ Самуилу Премудрому,
Чтобъ избралъ пастушонка ослинаго
Онъ насмѣхъ во царя надъ Израилемъ,
Чтобъ казнились людишки безмозглые,
Не просили-бъ царей себѣ идоловъ...
Вишь, съ тѣхъ поръ и пошла ложь великая:
Брешутъ ваши попы толстопузые,
Будто я васъ всѣхъ, дурни, помазывалъ!..“

---

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1895 г., XI, стр. 184; „Новое Время“, 1883 г., № 2496.

Графъ А. К. Толстой былъ человѣкъ воспитанный, со вкусомъ, и, несмотря на свое отвращеніе къ службѣ, вѣрноподданный своего государя и убѣжденный монархистъ. Поэтому подобное стихотвореніе, начиненное бранными словами и грѣшащее самымъ отчаяннымъ образомъ противъ версификаціи, никогда не могло выйти изъ-подъ его пера. Брошюра г. Эльпидина представляетъ собою новый, но недостойный методъ распространенія подпольныхъ изданій.

Къ числу юмористическихъ вещей гр. Толстого мы должны отнести слѣдующія: 1) Мелочи, напечатанныя при письмахъ, среди которыхъ попадаются чрезвычайно интересныя бездѣлки, какъ, напримѣръ, „Баллада о мандаринѣ, носящемъ миленькую фамилію Дцу-Кинъ-Дзинъ". 2) Медицинскія стихотворенія. О содержаніи ихъ можно судить по образчикамъ: „Навозный Жукъ" и „Врачъ и пономарь" [1]), которые не лишены забавности; намъ лично гораздо менѣе нравится „Бунтъ въ Ватиканѣ", такъ какъ разговоръ папы съ взбунтовавшимися кастратами слишкомъ наивенъ и нѣсколько циниченъ; даже съ точки зрѣнія формы эта шуточная баллада далеко не безупречна. 3) Камергеръ Деларю — стихотвореніе болѣе серьезное и законченное; въ немъ осмѣивается очень милымъ образомъ теорія непротивленія злу, которая, повидимому, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ имѣла своихъ поклонниковъ. Въ этомъ произведеніи удачно осмѣяны соціальныя утопіи, какъ въ „Балладѣ безъ тенденціи" („Порой веселой мая") гр. Толстой высмѣялъ матеріалистовъ 60-хъ годовъ.

Среди сатирическихъ поэмъ самыми крупными и самыми интересными въ художественномъ отношеніи являются: „Русская Исторія отъ Гостомысла" [2]) и „Сонъ Статскаго Совѣтника Попова" [3]). Въ „Русской Исторіи" передъ нами пестрой вереницей проходятъ правители земли родной, и для каждаго изъ нихъ авторъ находитъ мѣткое и безобидное словечко, которымъ характеризуются правленіе монарха и его личность. Въ особенности остроумно гр. Толстой отмѣтилъ нѣкоторую неискренность въ характерѣ и политикѣ Екатерины II:

„Madame, при васъ на диво
Порядокъ зацвѣтетъ",—

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1895 г., X, стр. 650, и „Русскій Архивъ" 1889 г., т. III, стр. 134.

[2]) „Русская Старина", 1883 г., № 11.

[3]) Тамъ же, 1882 г., № 12, стр. 701—712. Обѣ пьесы изданы отдѣльными брошюрами въ Берлинѣ у Бера, въ 1884 и 1896 гг.

Писали ей учтиво
Вольтеръ и Дидеротъ,

„Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорѣе дать свободу,
Скорѣй свободу дать“.

„Messieurs, имъ возразила
Она, vous me comblez“,
И тотчасъ прикрѣпила
Украинцевъ къ землѣ.

„Сонъ Статскаго Совѣтника Попова“, которому пришло на умъ, что —

„Поздравить онъ министра въ имянины
Въ пріемный залъ вошелъ безъ панталонъ“,

—былъ оконченъ въ 1873 году, когда авторъ страдалъ ужасными невралгіями. Получивъ эту поэму, Маркевичъ писалъ ему [1]): „Только вамъ однимъ приходятъ въ голову подобныя мысли. Это очень мило; но я еще болѣе восхищаюсь тѣмъ свѣтлымъ настроеніемъ души, которое позволяетъ вамъ переноситься въ міръ комизма и шутокъ въ то время, когда вы находитесь подъ бременемъ физическихъ страданій. Быть можетъ, впрочемъ, это и есть борьба вашего ума съ вашей болѣзнью“... „Въ смыслѣ техники вы достигли въ настоящей поэмѣ необыкновеннаго совершенства“. Къ этой оцѣнкѣ Маркевича мы безусловно присоединяемся. Въ поэмѣ „Сонъ Попова“ хороши не только рѣчи министра и допросъ Попова въ 3-мъ Отдѣленіи, но и вся обстановка, всѣ маленькія лица, которыя выведены авторомъ на сцену. Напримѣръ, пріемная у министра, чиновники, курьеры и, наконецъ, служащіе у шефа жандармовъ: лазоревый полковникъ, который такъ мягко стелетъ, и дежурный чиновникъ, украшенный неизвѣстно за какія заслуги мальтійскимъ крестомъ и множествомъ медалей.

Заканчивая настоящую главу, нельзя не упомянуть объ отношеніи нашей цензуры къ этимъ двумъ поэмамъ. Графъ А. К. Толстой читалъ ихъ государынѣ въ 1869 и 1873 гг. и заслужилъ ея полное одобреніе; затѣмъ онѣ были напечатаны въ „Русской Старинѣ“, а между тѣмъ отдѣльное изданіе этихъ остроумныхъ вещей въ Россіи цензура не допускала. Мало того, при таможенномъ досмотрѣ на границѣ или при обыскѣ, производимомъ полиціей въ домахъ, эти брошюры въ заграничномъ

[1] Письма Маркевича, стр. 129.

изданіи отбираются наравнѣ съ подпольной литературой, съ которой онѣ не имѣютъ ничего общаго.

VIII.

Изъ крупныхъ произведеній гр. А. К. Толстого драматическая поэма „Донъ-Жуанъ“ пользуется у читающей публики широкой популярностью. Весной 1861 года, эта поэма была окончена и прочтена въ петербургскомъ обществѣ, а черезъ годъ она появилась въ печати, на страницахъ „Русскаго Вѣстника“. Наши критики разбирали ее неоднократно и отнеслись къ ней довольно сурово. Кн. Д. Церетелевъ [1]) находитъ, что „Донъ-Жуанъ“ не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній гр. Толстого; съ другой стороны, тотъ же авторъ признаетъ, что „основная мысль этой поэмы затрогиваетъ самые сложные и глубокіе вопросы человѣческой жизни; оставаясь на границахъ поэзіи и метафизики, она представляетъ выдающееся явленіе не только въ русской, но и въ европейской литературѣ“. Тутъ есть противорѣчіе, которое намъ не совсѣмъ понятно. Если „Донъ-Жуанъ“ не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ нашего поэта, то онъ, конечно, не можетъ занимать выдающагося мѣста въ міровой литературѣ.

Детальный разборъ этой поэмы мы находимъ въ письмѣ Маркевича, отъ 15-го мая 1861 г., къ автору и въ отвѣтныхъ письмахъ сего послѣдняго [2]), но, къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ входить въ эти подробности.

Нашъ личный взглядъ на „Донъ-Жуана“, въ обработкѣ гр. А. К. Толстого, также отрицательный, и, чтобы выяснить нашу точку зрѣнія, мы должны обратиться къ исторіи этого сказанія во всемірной литературѣ.

Сюжетъ Донъ-Жуана взятъ изъ испанской жизни временъ Карла V, или Петра Жестокосердаго, и первая драма на эту тему написана монахомъ Тирсо ди-Молина. Дѣйствіе было перенесено въ Севилью, а главнымъ лицамъ драмы авторъ далъ фамиліи мѣстныхъ дворянскихъ семействъ. Его герой Донъ-Жуанъ Тенорio обладаетъ всѣми качествами, которыя цѣнятъ женщины: онъ былъ красивъ, силенъ, безстрашенъ и богатъ. Поэтому всѣ

---

[1]) „Основная идея „Донъ-Жуана“ гр. А. К. Толстого“. „Ежегодникъ Императорскихъ театровъ“. Сезонъ 1900—1901 г. Приложеніе.

[2]) Его письма, стр. 1—16.

красавицы Испаніи влюблялись въ него, а Донъ-Жуанъ этимъ пользовался, ибо его сладострастіе не знало предѣловъ. Увидавъ красивую женщину, онъ добивался ея взаимности, а затѣмъ, когда онъ достигалъ цѣли, она теряла для него всякую прелесть; онъ ее бросалъ и заводилъ новую интригу. Мужчинъ же молодыхъ и старыхъ, которые стояли поперекъ его дороги и противились его волѣ, напоминая ему о долгѣ и чести, онъ убивалъ, ибо шпага его была столь же опасна для противниковъ, какъ огонь его очей для женскихъ сердецъ. Вотъ сущность этой старой сказки.

Набожный монахъ не могъ допустить, чтобы зло осталось безнаказаннымъ; поэтому онъ придумалъ кару для безбожнаго героя и трагическій исходъ для своей драмы. Въ числѣ жертвъ Донъ-Жуана находилась и Донна Анна, дочь старика командора де-Уллоа. Донъ-Жуанъ не только обезчестилъ дочь, но и убилъ ея отца, который бросился на него со шпагою, чтобы отомстить за свою поруганную честь.—Однажды ночью безстрашный рыцарь попадаетъ на кладбище и, увидавъ статую командора, приглашаетъ его къ себѣ на ужинъ. Въ условленный часъ статуя появляется и требуетъ, чтобы Донъ-Жуанъ далъ ей руку. Кутила, не знающій страха, и тутъ остается вѣрнымъ себѣ. Но, исполнивъ требованіе командора, онъ сейчасъ же чувствуетъ, что смерть передъ нимъ и что вырвать своей руки изъ кулака каменнаго гостя онъ не можетъ. Несмотря на это, Донъ-Жуанъ не желаетъ каяться въ своихъ грѣхахъ и проваливается въ преисподнюю вмѣстѣ со статуей.

Такимъ образомъ, порокъ получилъ наказаніе, и жертвы разгульной жизни Донъ-Жуана отомщены. Но духовенству этого показалось мало. Донъ-Жуанъ умеръ безъ покаянія, презрѣвъ церковь и ея ученіе; этого нельзя было допустить съ точки зрѣнія вѣрующаго католика. Поэтому впослѣдствіи конецъ поэмы былъ передѣланъ; въ новой обработкѣ герой поэмы Донъ-Жуанъ де-Маранья умираетъ не въ своемъ дворцѣ отъ руки командора, а въ монастырѣ близъ Кордовы, гдѣ онъ, какъ кающійся грѣшникъ, проводитъ свои послѣдніе дни. Эти двѣ обработки отличаются другъ отъ друга своимъ концомъ, основное же положеніе обѣихъ поэмъ—то же самое: развратная жизнь ведетъ къ неминуемой гибели.

Сюжетъ этотъ оказался удивительно живучимъ. Изъ Испаніи онъ въ XVII вѣкѣ перешагнулъ въ Италію, оттуда во Францію, гдѣ Мольеръ написалъ свою комедію „Don Juan, ou le festin de Pierre“; въ 1787 г. Lorenzo da Ponte создалъ прелестное ли-

бретто для Моцартовской оперы, благодаря которой эта поэма и получила свою широкую популярность. Въ XIX столѣтіи „Донъ-Жуаномъ“ заинтересовались въ Германіи; Граббе, Ленау, Гофманъ, Голтей и другіе принялись за его обработку. Но они пошли по новой дорогѣ и совершенно исказили типъ, созданный въ XVI столѣтіи испанскими драматургами. У Тирсо ди-Молина Донъ-Жуанъ является натурой чувственной, эгоистичной, безжалостной, но цѣльной и сильной. Онъ прямо идетъ къ своей цѣли и не останавливается ни предъ преградами, ни предъ людьми. Нѣмецкіе же поэты сблизили Донъ-Жуана съ Фаустомъ, несмотря на то, что эти два характера совершенно различны. Фаустъ, въ особенности въ нѣмецкихъ сказкахъ,—идеалистъ, а Донъ-Жуанъ, живетъ только для себя и своихъ чувствъ. Поэтому, чтобы сблизить эти два лица, необходимо было сдѣлать логическую ошибку: Донъ-Жуана превратили изъ кутилы въ искателя идеала, но при этомъ забыли, что человѣкъ, который ищетъ въ женщинѣ душевную красоту, не станетъ мѣнять своихъ возлюбленныхъ, какъ перчатки, и вести списокъ, въ которомъ фигурируютъ три тысячи и три красотки. Чтобы пріобрѣсти любовь, необходимо сойтись съ женщиной, понять и оцѣнить ее; а это возможно лишь въ томъ случаѣ, если отношенія будутъ долговременныя. Отсюда же вытекаетъ, что мужчина, который сходится съ женщиной вечеромъ, чтобы бросить ее утромъ, не думаетъ искать идеала. Ему нужна красивая, веселая любовница — и больше ничего. Кто считаетъ свои побѣды тысячами, какъ Донъ-Жуанъ, тому некогда думать о постоянной любви.

По этимъ соображеніямъ мы приходимъ къ выводу, что усилія нѣмецкихъ поэтовъ облагородить испанскаго гранда и спасти его въ глазахъ моралистовъ, совершенно тщетны. Если сравнить нѣмецкія драмы и повѣсти съ старинной драмой Тирсо ди-Молина, то окажется, что пальма первенства безусловно принадлежитъ этой послѣдней. Донъ-Жуанъ, созданный испанскими монахами, живетъ и дѣйствуетъ, тогда какъ у Ленау и др. онъ философствуетъ и произноситъ туманныя рѣчи.

Графъ А. К. Толстой, начитавшійся романтической и фантастической литературы, пошелъ по пути нѣмецкихъ поэтовъ. Онъ не могъ отрѣшиться отъ прелести оперы Моцарта, но посвятилъ свой трудъ не только ему, но и Гофману, такъ какъ этотъ послѣдній первый понялъ, „что Донъ-Жуанъ—искатель идеала, а не кутила“ [1]).

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., X, стр. 634.

Высказанное нами объ исторіи сюжета и о творчествѣ нѣмецкихъ поэтовъ всецѣло относится къ поэмѣ гр. Толстого. Его герой—не только поклонникъ женщинъ, но и мыслитель, философъ и мистикъ, который мучится анализомъ своихъ чувствъ. Недаромъ поэма такъ богата монологами. Наконецъ, въ ней почти нѣтъ женщинъ. Кромѣ Донны Анны, ни одна не принимаетъ активнаго участія въ жизни героя. Недаромъ какая-то наивная нѣмочка спросила автора: „А гдѣ же Церлина?"

Нельзя не признать, что, отойдя отъ простоты старинной сказки, поэтъ испортилъ эффектъ появленія статуи. У Тирсо-ди-Молина, Мольера и да-Понте только статуя выходитъ на сцену; у Толстого же статуя и самъ сатана появляются одновременно передъ зрителями. По вѣрному замѣчанію Маркевича, это два однородныхъ эффекта, которые стоятъ рядомъ и ослабляютъ впечатлѣніе.

Но главный недостатокъ, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что гр. Толстой соединилъ въ своей поэмѣ конецъ обѣихъ испанскихъ драмъ: появленіе статуи взято изъ „Донъ-Жуана Теноріо", а покаяніе въ монастырѣ—изъ „Донъ-Жуана де-Маранья". Между тѣмъ, невозможно связать эти двѣ драмы въ одно органическое цѣлое. Въ „Донъ-Жуанѣ Теноріо" статуя командора необходима: это—неумолимая сила, которая сокрушаетъ нераскаяннаго грѣшника и ударомъ своимъ кончаетъ драму. Въ отношеніи „Донъ-Жуана де-Маранья" командоръ безсиленъ. Въ душѣ героя произошелъ переворотъ: онъ понялъ всю тяжесть своихъ грѣховъ и ушелъ въ монастырь. Съ момента, когда у Донъ-Жуана въ груди проснулись лучшія чувства, ангелы его ограждаютъ. Поэтому появленіе статуи и сатаны совершенно безполезно. Эффектъ этой сцены такимъ образомъ получился настолько слабый, что даже самъ авторъ въ своей полемикѣ съ Маркевичемъ долженъ былъ признать это.

Наконецъ, необходимо отмѣтить громадное вліяніе „Фауста" Гёте. Рабскаго подражанія нѣтъ, ибо сюжетъ иной, но нельзя не сказать, что прологъ „Донъ-Жуана", а также борьба ангеловъ съ сатаной и статуей весьма напоминаютъ „Фауста", остроумный же сатана—очень похожъ на Мефистофеля. Какъ видно изъ эпиграфа, гр. Толстому хотѣлось воплотить въ человѣческихъ образахъ борьбу добра со зломъ. Но для этого сюжетъ оказался слишкомъ узкимъ. Фаустъ прожилъ три жизни; онъ былъ ученымъ, молодымъ жуиромъ и, наконецъ, правителемъ страны, а Донъ-Жуанъ думалъ только о женщинахъ. Фаустъ свою чистую любовь и связь съ Маргаритой искупилъ рядомъ страданій, а Донъ-

Жуанъ чистой любви не зналъ и жилъ въ свое удовольствіе. Поэтому къ „Фаусту“ примѣнимы слова поэта:

Es irrt der Mensch, so lang er strebt, —

но про Донъ-Жуана этого сказать невозможно, ибо его „streben“ односторонне и полно эгоизма.

Покончивъ наши критическія замѣчанія, мы должны повторить то, съ чего начали. Что бы ни возражали любители и знатоки литературы противъ основныхъ положеній автора, въ широкихъ кругахъ русскаго общества, — „Донъ-Жуанъ“ графа Толстого чрезвычайно популяренъ. Съ одной стороны, и здѣсь сказалась живучесть сюжета, а съ другой—масса красивыхъ, звучныхъ стиховъ и безконечное число прелестныхъ частностей подкупаютъ читателя.

Было время, когда почти въ каждомъ концертѣ можно было услышать:

„Гаснутъ дальней Альпухарры
Золотистые края“...

Серенада имѣетъ много поклонниковъ, несмотря на то, что самъ авторъ считалъ ее незначительной [1]). Но пѣсенка, которую поетъ Донъ-Жуанъ, прощаясь съ своей родиной, полна прелести:

„Мирно ночь благовонная
Опустилась окрестъ;
На излучины сонныя
Смотрятъ тысячи звѣздъ“...

Тутъ все интересно: размѣръ, звучность стиха, а главное, богатство образовъ, доходящее до того, что почти въ каждой строфѣ—новая картина. Сколько въ этой маленькой пьескѣ слышится легкомыслія, безпечности и задора!

Полную противоположность этой пѣснѣ представляетъ хоръ монаховъ:

„Съ нашей жизнью вѣчно смежная,
Вѣчно ищущая насъ,
Смерть приходитъ неизбѣжная
Въ каждый день и въ каждый часъ.
Благо, благо недремавшему,
Мирно гостью ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
Къ небесамъ молящій гласъ!“

Эти строки, полныя строгой красоты и гармоніи, напоминаютъ звуки мощной и величавой фуги Баха, которые раздаются среди стѣнъ стариннаго готическаго собора.

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., X, стр. 639.

IX.

Лирическія стихотворенія обезпечили гр. Толстому крупное положеніе въ нашей литературѣ. Помимо того значенія, которое имъ принадлежитъ какъ художественнымъ произведеніямъ, они имѣютъ большую цѣну для біографа, такъ какъ въ нихъ вылились нравственно чистая личность поэта и его безукоризненный характеръ. Читая эти произведенія, мы уже не найдемъ ни слѣдовъ юношеской неопытности, ни вліянія Гофмана или нѣмецкихъ романтиковъ. Гр. Толстой сталъ самостоятельнымъ, зрѣлымъ поэтомъ, съ опредѣленными воззрѣніями на искусство и его задачи. Его лирическія стихотворенія неоднократно подвергались разбору [1]), но для полноты настоящаго очерка мы должны хоть вскользь упомянуть о нихъ.

Останавливаясь прежде всего на формѣ, мы не можемъ не констатировать, что и въ этомъ отношеніи существуетъ полное разногласіе въ оцѣнкѣ творчества нашего поэта. Съ одной стороны, Скабичевскій и его сторонники находили, что поэзія гр. А. К. Толстого представляетъ собою типъ „чужеднаго творчества“; съ другой—Ор. Миллеръ увлекался его чисто русской рѣчью и мыслями. А. С. Хомяковъ, въ разговорѣ съ авторомъ, откровенно высказалъ ему самую лестную похвалу: „Ваши стихи,—говорилъ онъ,—такіе самородные, въ нихъ такое отсутствіе всякаго подражанія и такая сила и правда, что еслибы вы не подписали ихъ, мы бы приняли ихъ за старинные народные“. Въ искренности Хомякова нельзя сомнѣваться, такъ какъ славянофилы того времени всегда симпатизировали гр. Толстому и стремились сойтись съ нимъ поближе. О своихъ произведеніяхъ этотъ послѣдній, повидимому, нерѣдко бесѣдовалъ и съ другими членами славянофильскаго кружка, которые сдѣлали ему рядъ критическихъ указаній. Объ этомъ мы можемъ заключить изъ тѣхъ строфъ, съ которыхъ начинается его интересное и содержательное посланіе къ Аксакову:

„Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты“.

[1]) См. статьи Ор. Миллера и Вл. С. Соловьева („Вѣстникъ Европы“ 1875 г., XII; 1895 г., V), и у П. К. Щебальскаго и кн. Церетелева („Русскій Вѣстникъ“ 1883 г., № 3, и 1900 г. № 11).

Упрекъ этотъ былъ, вѣроятно, вызванъ тѣмъ, что гр. Толстой любилъ вводить въ свою рѣчь архаизмы и создавать свои слова и выраженія, какъ напримѣръ:

„Въ безвѣтріи къ намъ ясно долетали
Доспѣховъ звякъ и хрупанье костей".

Здѣсь поэтъ, путемъ подбора звукоподражательныхъ словъ, желалъ усилить яркость картины. Но справедливость требуетъ признать, что вообще его пьесы отличаются тѣмъ, что ясность мысли и живость красокъ не уступаютъ красотѣ формы. Недаромъ гр. Толстой такъ строго относился къ своимъ произведеніямъ; онъ не любилъ печатать стихотвореній, которыя только-что написаны, и выдерживалъ ихъ въ своемъ портфелѣ по году и болѣе, считая, что только при такомъ условіи авторъ можетъ примѣнить къ своему дѣтищу правильное критическое мѣрило [1]).

Выше мы уже высказали, что значеніе иностранной литературы и основательное знакомство съ Западомъ оказали свое благотворное вліяніе, такъ какъ гр. Толстой отличается разнообразіемъ своихъ темъ. Параллельно съ этимъ мы находимъ, что его стихотворенія чрезвычайно разнообразны и съ внѣшней стороны, ибо размѣръ и форма стиха выбирались сообразно съ содержаніемъ. Напримѣръ, извѣстныя баллады „Пантелей", „Спѣсь", „У приказныхъ воротъ" — блещутъ чисто народной русской рѣчью, тогда какъ „Драконъ" написанъ терцинами, т.-е. такой формой стиха, которая внѣ Италіи встрѣчается очень рѣдко. Эти примѣры служатъ доказательствомъ того, что гр. Толстой владѣлъ стихомъ до виртуозности. Но его лучшія произведенія отличаются не только этимъ; ихъ главное достоинство заключается въ рѣдкой образности рѣчи и звучности стиха. Лучшимъ доказательствомъ этого положенія служитъ эпилогъ „Іоанна Дамаскина":

„Не соловьи въ странѣ привольной
Зовутъ сосѣднихъ соловьевъ,
Не гулъ несется колокольный
Отъ многохрамныхъ городовъ.
То слышенъ всюду плескъ народный,
То ликованье христіанъ—
Что славитъ рѣчію свободной
И хвалитъ въ пѣсняхъ Іоаннъ,
Кого хвалить въ своемъ глаголѣ
Не перестанутъ никогда
Ни каждая былинка въ полѣ,
Ни въ небѣ каждая звѣзда".

[1]) Кн. Д. Церетелевъ. „Русскій Вѣстникъ" 1900 г.

Это мѣсто знаменитой поэмы чрезвычайно оригинально по своей конструкціи. Первый и третій куплеты состоятъ изъ сравненій въ отрицательной формѣ, а во 2-мъ и въ 4-мъ куплетѣ авторъ указываетъ предметъ, который онъ описываетъ въ этихъ сравненіяхъ, т.-е. вдохновенную проповѣдь Іоанна Дамаскина, произносимую во славу Всевышняго. Сравненія здѣсь такъ красивы и многочисленны, что одно это стихотвореніе служитъ доказательствомъ того, что гр. А. Толстой съ удивительной легкостью мыслилъ образами; а безъ этого качества никакой стихотворецъ не можетъ претендовать на высокое званіе поэта.

Переходя отъ формы къ содержанію его пьесъ, мы и здѣсь не можемъ обойтись безъ нѣкоторыхъ біографическихъ свѣдѣній. Первое стихотвореніе гр. А. К. Толстого „Колокольчики“ появилось въ печати въ 1854 г. Если принять во вниманіе, что автору въ это время было уже 37 лѣтъ и что, по выраженію Пушкина, „года шалунью рифму гонятъ“, то придется заключить, что нашъ поэтъ довольно поздно принялся за серьезный трудъ. Безспорно, что онъ началъ работать уже много лѣтъ передъ этимъ, ибо онъ выступилъ передъ читателями совершенно зрѣлымъ поэтомъ. Въ его оправданіе нельзя не сказать, что обстановка, среди которой онъ жилъ, вліяла неблаготворно на его литературную дѣятельность. Съ другой стороны, извѣстная доля лѣни и отсутствіе привычки къ постоянному труду давали себя знать. Въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]) онъ прямо говоритъ, что „ждетъ счастливой минуты, чтобы сѣсть за работу“. „Я работаю,—продолжаетъ онъ,—какъ пьяницы пьютъ,—запоемъ... Я хочу сказать, что пишу только временами, но уже тогда всей душой“... Поэтому, въ своемъ посланіи къ Б. М. Маркевичу, поэтъ говоритъ про себя:

„Ты правъ, мой своенравный геній
Слеталъ лишь изрѣдка ко мнѣ“.

Но, наконецъ, хотя и поздно, благопріятный часъ насталъ. Сбросивъ съ себя оковы свѣтской жизни, гр. Толстой могъ отдаться творчеству. Въ то же время страсть къ любимой женщинѣ проснулась въ его душѣ и пробудила въ немъ дремавшія творческія силы. „Ты не знаешь,—писалъ онъ женѣ 20 декабря 1857 г.,—какой громъ риѳмъ грохочетъ во мнѣ, какія волны поэзіи бушуютъ во мнѣ и просятся на волю“. Къ счастью для насъ, эти волны нерѣдко вырывались у него наружу въ видѣ звучныхъ пѣсенъ.

[1]) Къ кн. Витгенштейнъ. „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., XII, стр. 619.

„Меня, во мракѣ и пыли
Доселѣ влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова".

Не на одного гр. Толстого любовь имѣла такое благотворное вліяніе. Въ жизни Гёте женщины играли громадную роль; каждая красавица, которой онъ увлекался, дочь эльзасскаго пастора Friederike Brion, Frau v. Stein и Marianne von Willemer заставили звучать его лиру и были причиной того, что великій поэтъ подарилъ намъ рядъ шедёвровъ, начиная отъ лирическихъ пьесъ своей юности и кончая „Западно-Восточнымъ Диваномъ" [1]). Несчастная любовь Гейне къ его двоюродной сестрѣ Амаліи была причиной того горя, которое вылилось въ лучшихъ стихотвореніяхъ его „Книги Пѣсней" [2]). Ту же роль музы, будившей его творческія силы, сыграла въ жизни гр. А. К. Толстого его жена, гр. Софья Андреевна. „Нѣтъ надобности, — говоритъ кн. Церетелевъ [3]) — ни въ біографическихъ подробностяхъ, ни въ большой критической проницательности, чтобы убѣдиться, что всѣ любовныя стихотворенія относятся къ одному и тому же лицу; стоитъ ихъ прочесть въ извѣстной послѣдовательности, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе не только о чувствѣ поэта, но и о той, которой они посвящены". Дѣйствительно, если начать чтеніе съ стихотворенія: „Средь шумнаго бала", которое говоритъ о первой встрѣчѣ, перейти къ слѣдующимъ: „Колышется море", „Не вѣрь мнѣ, другъ", въ которыхъ чувствуются сомнѣнія поэта въ силѣ взаимной любви, — и остановиться на послѣднемъ: „Минула страсть", то будетъ ясно, что любовь поэта пустила глубокіе корни въ его сердцѣ, и что всѣ колебанія исчезли.

„Минула страсть, и пылъ ея тревожный
Уже не мучитъ сердца моего,
Но разлюбить тебя мнѣ невозможно,
Все, что не ты — такъ суетно и ложно,
Все, что не ты — безцвѣтно и мертво".

Это стихотвореніе написано въ 50-хъ годахъ, но если его сопоставить съ письмами, которыя графъ писалъ женѣ въ эту эпоху и въ 1870 г., то будетъ понятна вся сила вліянія, которое имѣла на развитіе его и силу его творчества страсть къ любимой женщинѣ.

---

[1]) Lewes, Goethe's Leben und Werke.
[2]) Karpeles, Heinrich Heine. 1899, S. 49.
[3]) „Русскій Вѣстникъ", 1900 г., № 44.

Нельзя не отмѣтить еще одной особенности лирической поэзіи гр. Толстого. У него нѣтъ идеализаціи чувственной любви и чувственной красоты. Припомните любое изъ его стихотвореній,—напримѣръ: „Ты помнишь ли вечеръ“, которое мы считаемъ одной изъ лучшихъ его вещей, ибо картина счастья молодой пары полна прелести и красоты. Въ немъ описанъ эпизодъ изъ совмѣстной поѣздки въ Крымъ въ 1856 г., и между тѣмъ ни одной чувственной черты, ни одной слишкомъ страстной ноты. Сколько бы мы ни перебирали стихотвореній гр. Толстого, ранняго и поздняго періода его творчества, мы всегда найдемъ, что онъ цѣнитъ въ женщинѣ прежде всего душевную красоту, и что внѣшняя прелесть ето героинь заключается въ глазахъ, въ улыбкѣ, голосѣ и гибкости стана.

Такими же являются женскія лица въ крупныхъ его произведеніяхъ. Тамъ они описаны подробнѣе, и поэтому легко можно уяснить себѣ идеалъ нашего поэта. Въ одной изъ послѣднихъ главъ „Князя Серебрянаго“ мы находимъ описаніе Елены Дмитріевны: „ея тихіе глаза, ея кроткій взоръ, отуманенный безсонными ночами и душевными страданіями“... Вотъ и все описаніе; ради этой женщины Вяземскій загубилъ свою душу, и Серебряный навѣки разстался съ Москвой.

Въ трагедіи „Царь Борисъ“, въ день коронованія, народъ врывается въ царскія палаты и любуется на его дочь Ксенію:

„ ..... Касатка наша!
Кто за царя не радъ бы умереть!
Но любимъ мы тебя не за него,
За разумъ твой, за ласковый обычай!
За тишину! За ангельскія очи!“

Къ числу лучшихъ мѣстъ трагедіи „Царь Ѳедоръ“ принадлежитъ сцена примиренія противниковъ. Шуйскій долго упрямится, наконецъ, растроганный словами царицы, онъ говоритъ ей:

„Царица матушка! ты на меня
Повѣяла какъ будто тихимъ лѣтомъ!“

При такихъ воззрѣніяхъ на женщину, вполнѣ понятно, что гр. Толстому были несимпатичны французскіе лирики. Онъ считалъ, что Беранже—апостолъ безнравственности; относительно же А. де-Мюссе онъ выражался еще рѣзче и утверждалъ, что онъ пляшетъ канканъ въ стихахъ.

X.

Наконецъ, мы переходимъ къ *историческимъ* произведеніямъ гр. А. К. Толстого, которыя составляютъ самую крупную группу въ ряду его сочиненій. Сюда входятъ: баллады, романъ „Князь Серебряный“ и „Драматическая Трилогія“. Дѣйствіе „Князя Серебрянаго“ происходитъ въ царствованіе Грознаго, около 1565 г., т.-е. вскорѣ послѣ паденія Сильвестра и Адашева; а „Трилогія“ переноситъ насъ въ послѣдніе годы жизни этого жестокаго царя и кончается побѣдой Самозванца.

Всѣ мелкіе эпизоды, которые не вкладывались въ планъ романа или трагедіи, такъ какъ они „портили линіи и общую архитектуру“, гр. Толстой обработалъ въ видѣ отдѣльныхъ балладъ. Самая популярная изъ нихъ, конечно, „Василій Шибановъ“, которую можно найти въ любой хрестоматіи. Но въ художественномъ отношеніи необходимо отвести выдающееся мѣсто балладѣ „Ночь передъ приступомъ“. Она посвящена осадѣ поляками Троицкой Лавры. Геройская защита этой святыни является свѣтлой точкой въ исторіи Россіи въ смутное время. Поэтъ прекрасно очертилъ, съ одной стороны, пестрыя толпы польскихъ наемныхъ войскъ, пирующихъ отъ зари до зари, а съ другой — монаховъ, которые „съ вѣрой пламенной“ защищаютъ родной монастырь.

Исторіей этого періода графъ А. К. Толстой сталъ заниматься въ 40-хъ годахъ, и въ это время въ его головѣ родились романъ и „Трилогія“. Уже въ 1849 г. планъ „Трилогіи“, какъ мы видѣли, былъ готовъ, а романъ частью даже написанъ. Затѣмъ на долгое время работы пріостановились; въ письмахъ 1855, 56 и 59 гг. [1]) мы находимъ сѣтованія на то, что ему никакъ не удается заняться „Княземъ Серебрянымъ“. Въ 1860 г. этотъ трудъ былъ доведенъ до конца; но тутъ оказалось, что пришлось передѣлать всю первую часть, которая была написана много лѣтъ тому назадъ. Только поздней осенью 1861 г. романъ этотъ былъ оконченъ и прочтенъ государынѣ императрицѣ.

„Князь Серебряный“ и „Трилогія“ складывались въ душѣ автора одновременно. Насколько эта связь сильна, можно убѣдиться изъ слѣдующихъ строкъ его письма отъ 13-го декабря 1856 г.: „Необходимо отдѣлать характеръ Серебрянаго; я думалъ сдѣлать его

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1895 г. и 1897 г.

глупымъ и храбрымъ; дать ему хорошую глупость, но онъ слишкомъ былъ бы похожъ на Митьку... Нельзя ли сдѣлать его человѣкомъ благороднымъ, не понимающимъ зла, который не видитъ дальше своего носа, видитъ только одну вещь за разъ и никогда не видитъ отношенія между двумя вещами"... Впослѣдствіи гр. Толстой совершенно измѣнилъ характеръ Серебрянаго. Его герой не признаетъ ни хитрости, ни лжи, но онъ вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и знаетъ, что его поступки должны вызвать гнѣвъ царя и могутъ повести его на плаху. Но человѣкъ, подобный тому, который описанъ въ письмѣ 1856 г., есть въ „Трилогіи". Это молодой князь Шаховской, который является однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ „Царя Ѳедора". У него, дѣйствительно, двѣ мысли не могутъ одновременно помѣститься въ головѣ [1]); поэтому цѣлымъ рядомъ необдуманныхъ поступковъ онъ погубилъ всю партію Шуйскихъ, свою невѣсту и себя.

„Драматическая Трилогія" представляетъ собою кульминаціонный пунктъ въ творчествѣ гр. А. К. Толстого. Поэтому, не вдаваясь въ подробный разборъ этой трагедіи, мы должны хоть вкратцѣ выяснить ея основную мысль и сказать нѣсколько словъ о ея дальнѣйшей судьбѣ.

Первоначально ея заглавіе было иное. Она носила имя Бориса Годунова, который является центральной фигурой трехъ трагедій. Въ „Смерти Іоанна Грознаго" онъ ближній боярин, въ „Царѣ Ѳедорѣ"—правитель страны, въ „Царѣ Борисѣ"—царь всея Руси. Чрезвычайно интересно прослѣдить, какъ мѣняются его воззрѣнія на существо и обязанности представителя власти въ зависимости отъ его положенія. При видѣ жестокости и безумства Іоанна, у Годунова срываются слова:

„Я зналъ бы,
Что дѣлать мнѣ! Пусть только бъ царь Иванъ
Хоть мѣсяцъ далъ мнѣ править государствомъ,
Ему бъ въ одинъ я мѣсяцъ доказалъ,
Какія силы Русская земля
Въ себѣ таитъ! Я бъ доказалъ ему,
Что̀ можетъ власть, когда на благодати,
А не на казняхъ зиждется она!"

У правителя, который стремится закончить начатыя реформы и удержать власть въ своихъ рукахъ, мысли уже иныя:

„Я мщенія не знаю:
Не слушаю ни дружбы, ни вражды;

[1]) Проектъ постановки на сцену трагедіи „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ", стр. 548.

Передъ собой мое лишь вижу дѣло,
И не свонхъ, а дѣла моего
Гублю враговъ".

Этими соображеніями онъ оправдываетъ казнь Шуйскихъ и убійство царевича Дмитрія.

Наконецъ, вступивъ на царскій престолъ, Годуновъ предается свѣтлымъ надеждамъ:

„Кто упрекнетъ меня,
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?...
.... Разорвана отнынѣ
Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
Кромѣшной тьмы—сіялъ солнце снова—
И держитъ скиптръ для правды и добра
Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова".

Еслибы онъ держался этого мудраго правила все время, то исходъ его царствованія былъ бы, вѣроятно, иной. Но въ моментъ опасности и борьбы съ тѣнью Дмитрія Годуновъ забываетъ основные законы справедливости. Сыщики его хватаютъ праваго и виноватаго, а отъ такихъ безразсудныхъ дѣйствій волненіе увеличивается все болѣе и, наконецъ, принимаетъ такіе размѣры, что сметаетъ „царя Бориса" и весь его родъ.

Каждая изъ трехъ трагедій является звеномъ въ „Трилогіи", но въ то же время каждая изъ нихъ представляетъ и самостоятельное цѣлое, построенное на извѣстномъ этическомъ положеніи. Интересно сопоставить между собою эти основные тезисы. „Смерть Іоанна Грознаго": Царь не долженъ давать воли своей подозрительной вспыльчивости и злобѣ, ибо, губя лучшихъ людей, онъ подрываетъ свою силу. „Царь Ѳедоръ": Для царя нужна твердая воля, иначе онъ безсиленъ бороться со зломъ, которое творится его именемъ. „Царь Борисъ": Царь долженъ обладать умомъ и спокойствіемъ въ минуту опасности; какъ бы ни было общество взволновано, нельзя забывать законовъ справедливости, нельзя карать людей за помышленія, пока они никакого преступленія не совершили.

Это послѣднее положеніе, вытекающее изъ каждой страницы „Царя Бориса", даетъ намъ право высказать полное удивленіе, что критики 60-хъ годовъ считали гр. Толстого обскурантомъ и ретроградомъ. Вся „Трилогія" есть проповѣдь противъ произвола во всѣхъ его формахъ. Грозный является представителемъ произвола деспотическаго, а Годуновъ—просвѣщеннаго; въ концѣ

же концовъ оба гибнутъ отъ послѣдствій своихъ произвольныхъ дѣяній [1]).

Если сравнить эти три трагедіи между собою по ихъ художественному достоинству, то на первое мѣсто необходимо поставить „Царя Ѳедора“. Дѣйствіе идетъ чрезвычайно быстро, нѣтъ ни малѣйшей задержки, ни одной лишней сцены. Съ полной искренностью гр. Толстой писалъ княгинѣ Витгенштейнъ, что онъ „придаетъ особое значеніе архитектурѣ драмы“. „Я преклоняюсь передъ колоритомъ,—продолжаетъ онъ,—я его ищу, я его уважаю, но линія—главное дѣло во всѣхъ искусствахъ. Вотъ отчего я всегда готовъ уничтожить сцены, даже когда онѣ удачны, если онѣ мѣшаютъ общей архитектурѣ драмы“ [2]). Затѣмъ, съ первыхъ же явленій выступаютъ съ полной ясностью обѣ партіи, которыя борются за власть: Шуйскіе и Годуновъ. Далѣе, женскіе типы—кроткой и умной женщины, царицы Ирины, и любящей дѣвушки, боярышни Милославской—полны чарующей прелести. Наконецъ, центральной фигурой является симпатичная личность добраго царя. Всѣ эти достоинства пріобрѣли „Царю Ѳедору безчисленное количество друзей.

„Смерть Іоанна Грознаго“, въ художественномъ отношеніи, безспорно, очень крупная вещь; но въ „Трилогіи“ она по своимъ достоинствамъ занимаетъ второе мѣсто. Отсутствіе любовной интриги расхолаживаетъ зрителя; затѣмъ, Іоаннъ Грозный, который является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, слишкомъ нервенъ, и каждую минуту его уста могутъ изречь злую казнь. Въ концѣ концовъ впечатлѣніе непрекращающейся грозы дѣйствуетъ утомительно на зрителя.

Трагедія „Царь Борисъ“, которой заканчивается „Трилогія“, изобилуетъ многими красотами, но изъ трехъ пьесъ это самая слабая. По собственнымъ словамъ автора, онъ „вложилъ въ нее полную добросовѣстность и пріобрѣтенную опытность“, но, къ сожалѣнію, успѣха у него не было. Дѣйствіе идетъ вяло. Отдѣльныя сцены,—напримѣръ, пріемъ пословъ,—страдаютъ длиннотами. Дмитрій не появляется, и борьба ведется съ его призракомъ. Его имя повисло надъ Москвой, какъ тяжелая свинцовая туча, и въ этой невыносимой атмосферѣ приближающейся грозы задыхается и гибнетъ „Царь Борисъ“. По словамъ автора, онъ умираетъ отъ упадка силъ, потому что онъ понялъ, что его преступленіе было ошибкой.

[1]) Н. Котляревскій. „Трилогія гр. А. К. Толстого, какъ національная трагедія“ („Вѣсти. Европы“ 1902 г., X).

[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., X, стр. 620.

Нельзя не закончить нашего бѣглаго разбора, не указавъ выдающихся достоинствъ „Трилогіи“. Гр. Толстой весьма основательно изучилъ исторію и культуру Россіи въ смутное время. Правда, онъ работалъ не по первоисточникамъ; но это не помѣшало ему прекрасно схватить характеръ эпохи. Недаромъ онъ трудился надъ своей „Трилогіей“ около двадцати лѣтъ. Какъ мы видѣли, уже въ 1849 г. у него былъ готовъ въ общихъ чертахъ планъ, а только въ 1870 г. „Царь Борисъ“ появился въ печати.

Кромѣ общихъ достоинствъ. нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ частностей, такъ какъ „Трилогія“ богата удивительно красивыми сценами; среди нихъ одною изъ самыхъ драматическихъ является діалогъ Грознаго со Схимникомъ. Этотъ послѣдній болѣе тридцати лѣтъ жилъ вдали отъ міра и не можетъ сначала понять, почему государя, котораго онъ помнитъ побѣдителемъ казанскихъ татаръ, тѣснятъ враги со всѣхъ сторонъ. Онъ спрашиваетъ его о разныхъ вождяхъ и боярахъ, знакомыхъ ему смолоду, но получаетъ отвѣтъ, что они казнены, умерли на пыткѣ или бѣжали въ Литву. Наконецъ, монахъ вспомнилъ о царевичѣ Иванѣ, и этотъ вопросъ переполнилъ чашу терпѣнья больного царя. Іоаннъ вскипѣлъ и бросилъ схимнику угрозу, что велитъ ему вырвать языкъ. Но угроза оказалась безсильной. Отшельника, который тридцать лѣтъ ждетъ своей смерти, казнь устрашить не можетъ. Царь обезоруженъ и нравственно униженъ. Въ словахъ монаха онъ, какъ въ зеркалѣ, увидалъ всю свою жизнь и понялъ, что онъ самъ притупилъ свой мечъ и открылъ врагамъ границу своего государства.

Въ „Царѣ Ѳедорѣ“ есть столь же красивыя мѣста. Напримѣръ, монологъ Бориса Годунова:

„Высокая гора
Былъ царь Иванъ. Изъ нѣдръ ея удары
Подземную равнину потрясали
Иль пламенный, вдругъ вырываясь, снопъ
Съ вершины смерть и гибель слалъ на землю.
Царь Ѳедоръ не таковъ! Его бы могъ я
Скорѣй сравнить съ проваломъ въ чистомъ полѣ:
Разсѣлины и рыхлая окрестность
Цвѣтущею травой сокрыты, но
Вблизи отъ нихъ, бродя неосторожно,
Скользитъ въ обрывъ и стадо, и пастухъ“.

Эта мысль чрезвычайно вѣрна и характерна. Въ ней заключается психологическая программа, положенная въ основу обѣихъ трагедій [1]). Изобразить характеръ Грознаго легче, ибо это

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1895, XII, стр. 618.

натура дѣятельная, тогда какъ Ѳедоръ представляетъ собою человѣка слабаго физически и психически; онъ не въ состояніи ни думать, ни работать, ни вліять на другихъ. Эти черты далеко не привлекательны у частнаго лица, а тѣмъ болѣе у царя. Между тѣмъ, графъ Толстой сумѣлъ сохранить всѣ эти черты, остаться вѣрнымъ исторіи и все-таки сдѣлать изъ Ѳедора чрезвычайно свѣтлую и хорошую личность, которая возбуждаетъ къ себѣ общую симпатію.

Коронной сценой должно быть признано заключительное явленіе царя Ѳедора.—Царь выходитъ послѣ обѣдни изъ Успенскаго собора, и тутъ начинаютъ поступать роковыя вѣсти: Туренинъ докладываетъ, что Шуйскіе удавились въ тюрьмѣ; гонецъ вбѣгаетъ съ извѣстіемъ о смерти царевича Дмитрія, а за нимъ и второй сообщаетъ о приближеніи татаръ. Большая опасность заставила бояръ забыть раздоры; всѣ берутся за оружіе и расходятся по своимъ мѣстамъ. На сценѣ остаются только царь, царица и нищіе. Въ это время, какъ безсильный стонъ изъ наболѣвшей груди, вырываются у Ѳедора трогательныя слова:

„Моей виной случилось все! А я
Хотѣлъ добра, Арина! Я хотѣлъ
Всѣхъ согласить, все сгладить.—Боже, Боже!
За что меня поставилъ ты царемъ?“

Эта сцена такъ хороша, что она одна упрочила бы за графомъ Толстымъ крупное мѣсто въ нашей литературѣ.

Къ краткому анализу „Драматической Трилогіи“ необходимо прибавить нѣсколько свѣдѣній о дальнѣйшей ея судьбѣ.

Трагедія „Смерть Іоанна Грознаго“ появилась въ печати въ 1866 г., въ январьской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“, и сразу обратила на себя общее вниманіе. Какъ это ни странно, но, вмѣсто благодарности и уваженія къ талантливому поэту, въ обществѣ возникла ненависть къ нему, а въ результатѣ—противъ него ополчились люди разныхъ лагерей. Искренній поклонникъ гр. Толстого, А. В. Никитенко, возбудилъ въ Академіи наукъ вопросъ о присужденіи автору Уваровской преміи, но предложеніе это было встрѣчено недружелюбно. По этому поводу Никитенко занесъ въ свой Дневникъ [1]) слѣдующія характерныя строки: „Противъ драмы гр. Толстого составляется, кажется, сильная коалиція. И подѣломъ ему, т.-е. графу А. К. Толстому! Зачѣмъ онъ не принадлежитъ ни къ какому литературному кружку; да еще и аристократъ, по крайней мѣрѣ по имени и

[1]) Т. III, стр. 81.

по положенію при дворѣ. А что это человѣкъ съ большимъ талантомъ и написалъ хорошую вещь,—какое до этого дѣло гробокопателямъ или самозваннымъ вождямъ новаго поколѣнія". Опасенія достойнаго профессора оказались основательными. 9-го сентября 1866 г. его предложеніе было отклонено Академіей, ибо изъ семерыхъ членовъ комитета по присужденію Уваровской преміи—трое высказались противъ трагедіи, и требуемаго закономъ большинства не оказалось. По этому поводу Никитенко [1]) пишетъ въ своемъ Дневникѣ съ видимымъ озлобленіемъ: „Вышло дѣло постыдное и забавное. Наибольшіе невѣжды въ дѣлѣ изящной литературы помѣшали наградѣ. Да смѣшнѣе всего, что они, наслышавшись отъ другихъ, не отвергаютъ достоинствъ пьесы"...

Зато гр. Толстому повезло въ иномъ отношеніи. Осенью 1866 г., вернувшись изъ Рима, онъ принялся дѣятельно хлопотать о постановкѣ своей трагедіи. Онъ привезъ съ собою изъ-за границы проектъ постановки на сцену „Смерти Іоанна Грознаго" [2]) и прочелъ эту работу на вечерѣ у Гончарова.

Благодаря личному желанію государя и государыни, дирекція императорскихъ театровъ быстро провела эту пьесу чрезъ цензуру и, не жалѣя денегъ, стала готовиться къ ея постановкѣ. На расходы было ассигновано 31.000 рублей, т.-е. такая сумма, которая обыкновенно тратилась на новую оперу [3]). На окликъ дирекціи явилась цѣлая фаланга талантливыхъ людей, которые и положили основной камень къ правильной постановкѣ пьесъ изъ эпохи московской Руси; а именно: художникъ Шварцъ, археологъ З. А. Прохоровъ, декораторъ Шишковъ и вице-президентъ Академіи художествъ, князь Гагаринъ.

Рисунки Шварца представляютъ интересъ и въ настоящее время. Въ легкихъ акварельныхъ наброскахъ онъ нарисовалъ цѣлую галерею дѣйствующихъ лицъ. Этотъ талантливый художникъ, пользуясь совѣтами археологовъ, стремился не только нарисовать костюмъ и характерную фигуру дѣйствующаго лица, но и привести въ общую гармонію одежду, гримъ и позу. Необходимо добавить, что Сѣровъ написалъ интересную музыку для скомороховъ, а извѣстный историкъ Костомаровъ принималъ самое дѣятельное участіе при изготовленіи декорацій и костюмовъ.

---

[1]) Дневникъ Никитенки, III, стр. 112.

[2]) Этотъ проектъ, не вошедшій въ Полное Собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого, вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ. Спб. 1900 года.

[3]) Rectus. Рисунки Шварца къ драматическимъ произведеніямъ гр. А. К. Толстого. „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ". Сезонъ 1900—1901 г., стр. 1—7.

Съ внѣшней стороны пьеса была обставлена блестяще. Но, къ сожалѣнію, актеры не оправдали общихъ ожиданій, а неизбѣжныя интриги затрудняли правильное распредѣленіе ролей. Въ первый спектакль, 12-го января 1867 г., Грознаго игралъ П. Васильевъ, Годунова — Нильскій, Захарьина — Леонидовъ. Потомъ роль Грознаго ненадолго перешла къ Самойлову, который скоро отъ нея отказался и передалъ ее Нильскому [1]). Авторъ не былъ доволенъ игрой актеровъ и находилъ, что Нильскій исполняетъ заглавную роль лучше другихъ. По мнѣнію же Никитенки, всѣ актеры, кромѣ Самойлова, были крайне слабы [2]). Тѣмъ не менѣе, успѣхъ пьесы былъ очень большой [3]). Всю эту зиму „Смерть Іоанна Грознаго“ шла два раза въ недѣлю, и чтобы удовлетворить всѣхъ желающихъ попасть въ театръ, была установлена очередная запись.

Черезъ годъ послѣ Петербурга, т.-е. въ январѣ 1868 года, „Смерть Іоанна Грознаго“ была дана въ Москвѣ въ императорскомъ Маломъ театрѣ. Несмотря на болѣе скромныя затраты (около восьми тысячъ руб.), трагедія, благодаря стараніямъ Бѣгичева, была обставлена прекрасно; но актеры опять-таки не оказались на высотѣ положенія. Грознаго игралъ Шумскій, Годунова—Вильде, Князя Сицкаго—Самаринъ, Гарабурду— Садовскій [4]). Все это были люди, которые служили украшеніемъ нашей образцовой сцены. Но въ данномъ случаѣ они не справились съ своей задачей. Шумскому роль Грознаго совершенно не удалась. Авторъ былъ этимъ настолько опечаленъ, что, при всей своей деликатности, высказалъ артисту откровенно свои впечатлѣнія.

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого спектакля „Смерть Іоанна Грознаго“, въ переводѣ госпожи Павловой, была поставлена на придворномъ театрѣ въ Веймарѣ. Постановка была менѣе богата, чѣмъ въ Петербургѣ, но очень тщательная. По желанію великаго герцога, гр. Толстой упросилъ художника Шварца пріѣхать въ Веймаръ. Осенью 1867 года этотъ послѣдній прибылъ на мѣсто и провелъ въ маленькой резиденціи цѣлый мѣсяцъ. По его указанію сдѣланы были всѣ декораціи и костюмы [5]). Актеры по силѣ и яркости таланта уступали москвичамъ, но зато всѣ они, а въ особенности Лефельдъ, исполнявшій роль Грознаго, отнеслись къ своей работѣ очень внимательно.

---

[1]) Воспоминанія А. А. Нильскаго. „Истор. Вѣсти.“ 1894 г., кн. 6, стр. 658—78; Записки Л. Л. Леонидова. „Русск. Старина“ 1896 г., кн. 6, стр. 655—71.

[2]) Дневникъ, III, стр. 139.

[3]) Письма А. К. Толстого. „Вѣстн. Европы“ 1895 г., XII.

[4]) Воспоминанія В. Д. Давыдова („Русскій Архивъ“, 1879 г., II, стр. 332.

[5]) Художникъ Вячеславъ Григорьевичъ Шварцъ. „Историч. Вѣстникъ“.

Къ сожалѣнію, въ скоромъ времени счастье измѣнило гр. А. К. Толстому. Въ 1868 г. [1]) появился въ печати „Царь Ѳедоръ", а въ 1870 г. [2])—„Царь Борисъ". Между тѣмъ обѣ эти трагедіи были запрещены для сцены; мало того, трагедія „Смерть Іоанна Грознаго" была запрещена для провинціи, а вскорѣ снята съ репертуара императорскихъ театровъ. О причинѣ этого запрещенія можно лишь догадываться по письмамъ автора: „Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ „Царя Ѳедора" опаснымъ. Вѣроятно, потому, что усмотрѣлъ въ этой трагедіи памфлетъ на монархію, или стали опасаться, что публика, глядя на дѣянія Іоанна Грознаго, начнетъ дѣлать параллели съ царствующимъ императоромъ, или сдѣлаетъ его отвѣтственнымъ за грѣхи Іоанна IV или Ѳедора I". Вѣрнѣе всего, что причину запрещенія „Трилогіи" надо искать исключительно въ томъ реакціонномъ теченіи, которое охватило Россію послѣ Каракозовскаго выстрѣла. Власть III-го Отдѣленія до того усилилась, что это оскорбило даже такого консерватора, какъ Маркевичъ [3]). „Запрещеніе вашей трагедіи,—пишетъ онъ своему другу,—можетъ служить барометромъ общественныхъ теченій. Нехорошо наше время. Нехорошо".

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на странное явленіе: государь и государыня осыпаютъ автора ласками, читаютъ и смотрятъ его трагедію; государь награждаетъ главныхъ исполнителей подарками, а цензура усматриваетъ въ этомъ дивномъ произведеніи памфлетъ на монархію.

Запрещеніе всей „Трилогіи", а въ особенности первой ея части, не имѣло никакого разумнаго основанія. „Смерть Іоанна Грознаго", безспорно, лучшая драма изъ жизни этого жестокаго царя. Ее сняли съ репертуара, тогда какъ „Василиса Мелентьева" и „Опричникъ" давались повсюду. Между тѣмъ послѣдняя изъ этихъ пьесъ наиболѣе оскорбительна для памяти Грознаго, который выставленъ въ ней не царемъ, обладающимъ умомъ и волей, а безсовѣстнымъ развратникомъ.

Какъ ни хлопоталъ гр. Толстой, какъ ни велики были его придворныя связи, но ему не удалось побороть мнительности администраціи и видѣть свои трагедіи на русской сценѣ. Только черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти запретъ былъ снятъ, и съ легкой руки Литературно-художественнаго театра въ Петербургѣ „Царь Ѳедоръ" совершилъ свое тріумфальное шествіе.

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1868, май.

[2]) „Вѣстн. Европы", 1870, мартъ.

[3]) Письма, стр. 44.

Благодаря цензурнымъ запрещеніямъ, немало пьесъ было сдано въ архивъ на долгіе годы. Болѣе слабыя, написанныя подъ впечатлѣніемъ минуты, гибли отъ этого гнета навсегда. Напримѣръ, когда возобновили комедію Сухово-Кобылина „Смерть Тарелкина", запрещенную немедленно послѣ ея появленія въ печати, то она не возбудила ни малѣйшаго интереса. Краски поблекли, а содержаніе оказалось бѣдноватымъ. „Царь Ѳедоръ" двадцать лѣтъ пролежалъ подъ спудомъ, и лишь только отряхнули пыль съ его страницъ, какъ всѣ поняли, что это — жемчужина литературы.

XI.

Съ окончаніемъ „Трилогіи" творчество гр. А. К. Толстого быстро склонилось къ закату. Здоровье его, нѣкогда богатырское, пошатнулось очень сильно. Еще въ 50-хъ годахъ онъ жаловался на какія-то боли въ ногѣ [1]); съ 1863 года онъ сталъ ежегодно ѣздить въ Карлсбадъ, гдѣ онъ лечился у профессора Зеегена, такъ какъ у него развились сильныя невралгіи и головы, и спины. Однажды появился у него страшный невралгическій припадокъ „зона": половина тѣла горѣла, какъ въ огнѣ, и причиняла больному нестерпимыя мученія [2]). Все это вынуждало его прибѣгать къ большимъ дозамъ морфія. Если прибавить къ этому, что гр. Толстой страдалъ еще астмой, т.-е. припадками удушья, то сдѣлается понятнымъ, что положеніе его было очень тяжелое и что отъ прежней его богатырской силы почти ничего не осталось.

Несмотря на всѣ страданія, приносимыя ему болѣзнью, онъ не терялъ бодрости и юмора и шутилъ попрежнему, какъ только боли затихали. Когда у него образовался отекъ ногъ,—онъ острилъ надъ своими камергерскими икрами. Мало того, среди этихъ страданій онъ написалъ свою сатирическую поэму „Сонъ Статскаго Совѣтника Попова", въ которой юморъ бьетъ ключомъ. Но иногда болѣзнь принимала столь острый характеръ, что ему приходилось отказываться отъ всякой работы. По его собственнымъ словамъ, въ 1874 и 1875 гг. для него литературныя занятія почти не существовали. Потомъ наступали минуты облегченія, и онъ снова брался за перо. Къ этому времени относятся многія баллады кіевскаго цикла („Илья Муромецъ", „Сватовство", „Алеша Поповичъ", „Садко", „Канутъ"), а изъ болѣе крупныхъ

[1]) „Вѣстн. Европы", 1897 г., IV, стр. 592.
[2]) Тамъ же, 1895 г., XII, стр. 89.

пьесъ—„Портретъ“, „Драконъ“ [1]) и не оконченная драма „Посадникъ“ [2]). Этой послѣдней пьесой гр. Алексѣй Константиновичъ очень интересовался. Ея сюжетъ не историческій, а взятъ изъ нравовъ Новгорода эпохи XIII вѣка; создавъ по источникамъ историческій фонъ, авторъ надѣялся достичь большой свободы творчества и написать драму по всѣмъ правиламъ искусства, съ градаціей сценическихъ эффектовъ. Канву этой драмы гр. Толстой формулировалъ въ двухъ словахъ: „благородный человѣкъ по какой-либо причинѣ беретъ на себя кажущуюся подлость“. Такимъ лицомъ является у него посадникъ Глѣбъ, который ради спасенія города принимаетъ на себя отвѣтственность за неосторожность воеводы Чермнаго [3]). Къ сожалѣнію, драма доведена была только до 3-го акта и осталась неоконченной. Лишь послѣ смерти автора она появилась на сценѣ.

Какъ ни велики были страданія больного, но никто не ожидалъ быстрой его кончины. Весной 1875 г. онъ уѣхалъ въ S.-Remo, гдѣ проживала государыня. Оттуда онъ писалъ домой, что онъ „много лѣтъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, такимъ свѣжимъ, такимъ бодрымъ“. Лѣтомъ онъ переѣхалъ въ Карлсбадъ. Тамъ, въ августѣ мѣсяцѣ, его навѣстили И. С. Тургеневъ и М. М. Стасюлевичъ и нашли его удивительно бодрымъ и веселымъ. По его же иниціативѣ въ пользу погорѣльцевъ гор. Моршанска былъ устроенъ литературный вечеръ, въ которомъ Тургеневъ принялъ участіе. Самъ Толстой съ большимъ успѣхомъ читалъ свою поэму „Грѣшница“.

Между тѣмъ, здоровье его было очень плохо. Профессоръ Зеегенъ впослѣдствіи говорилъ знакомымъ, что, прощаясь въ этомъ году съ гр. Алексѣемъ Константиновичемъ, онъ былъ увѣренъ, что его больше не увидитъ. Дыхательные органы были давно разстроены; кромѣ того, больной страдалъ эмфиземой, астмой и склерозомъ артеріи. Покончивъ курсъ леченія въ Карлсбадѣ, гр. Толстой торопился къ себѣ въ Красный-Рогъ, гдѣ его ждала жена и куда онъ пригласилъ близкихъ своихъ друзей, Маркевича и кн. Церетелева. Этотъ послѣдній и описалъ намъ послѣднія минуты умирающаго поэта [4]).

По его словамъ, мысль о смерти не пугала гр. Толстого, а возбуждала въ немъ только тихую грусть. За нѣсколько дней до кончины, въ садъ залетѣлъ глухарь. „Это моя птица,—замѣтилъ

[1]) „Вѣстн. Европы“, янв. 1874 и окт. 1875.

[2]) Тамъ же, апр. 1876.

[3]) „Вѣстн. Европы“ 1895 г., XII; 1897 г., VII, стр. 96 — 98.

[4]) „Русскій Вѣстникъ“ 1900 г., № 11, стр. 196.

больной,—это за мной". О смерти онъ говорилъ рѣдко и относился къ ней совершенно спокойно. Разъ, послѣ сильнаго припадка удушья и сердцебіенія, гр. Толстой спросилъ кн. Церетелева, какъ онъ думаетъ, поправится ли онъ. „Я вѣдь не маленькій, мнѣ все можно сказать". Въ другой разъ, указывая на дверь, которая вела въ уборную, а оттуда на балконъ, но была заперта, онъ замѣтилъ: „А я думалъ, вамъ придется отпереть эту дверь, корридоръ слишкомъ узокъ"... За нѣсколько дней до смерти всѣ сидѣли въ гостиной, Б. М. Маркевичъ что-то читалъ; вдругъ гр. Толстой, показывая на стеклянную дверь, выходившую въ садъ, тихо спросилъ его: „Посмотрите, что это тамъ стоитъ бѣлое?" Маркевичъ испуганно посмотрѣлъ на него, но онъ совершенно спокойно замѣтилъ: „Ничего! это мнѣ не мѣшаетъ".

Врачи еще 24-го сентября не ожидали скорой смерти больного и предполагали везти его заграницу, а докторъ В., который долженъ былъ сопровождать его, уѣхалъ въ Почепъ за своимъ багажемъ.

25-го сентября, утромъ, гр. А. К. чувствовалъ себя недурно, и члены семьи, по обыкновенію, собирались въ лѣсъ. Когда лошади стояли у подъѣзда, кн. Церетелевъ вошелъ въ спальню больного и увидалъ, что онъ дремлетъ въ креслѣ; такъ какъ состояніе дремоты длилось слишкомъ долго, а разбудить его боялись, то послали за графиней; по ея приказанію начали дѣлать искусственное дыханіе и старались привести его въ себя, но сознаніе не возвращалось; умирающій только разъ открылъ глаза и снова закрылъ ихъ... Къ вечеру его не стало.

Такъ угасла жизнь замѣчательно хорошаго человѣка и крупнаго русскаго поэта. Благодаря прямотѣ своего характера, чистотѣ и искренности своихъ убѣжденій, умершій оставилъ послѣ себя самыя свѣтлыя воспоминанія. Какъ авторъ многочисленныхъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній, „Князя Серебрянаго" и „Трилогіи", онъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ русской литературѣ. Гр. Толстой обладалъ тонкимъ юморомъ, а въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ онъ достигъ рѣдкой красоты формы и силы мысли. Будучи чуждъ корысти и тенденціи, онъ всѣ свои силы отдалъ на служеніе чистому искусству. Отсутствіе „злободневности" въ его произведеніяхъ лишило его заслуженнаго успѣха среди современниковъ, но обезпечило ему любовь и благодарность нашего поколѣнія. Ив. А. Гончаровъ былъ правъ, говоря, что гр. Толстого оцѣнятъ по достоинству лишь послѣ его смерти.

А. Левенстимъ.

СРЕДИ БЕЗДѢЛЬЯ

ПОВѢСТЬ.

I.

Сезонъ на Ривьерѣ близился къ концу. Иностранцевъ въ Ниццѣ было еще много, но днемъ набережная имѣла пустынный видъ: солнце слишкомъ давало себя чувствовать, и только вечеромъ международное общество забывало, что пора начать перелетъ на сѣверъ.

На бульварѣ Victor Hugo однако платаны еще не встрѣчали весны. Они стояли оголенные, черные. Да и торопиться имъ было нечего: иностранцы для нихъ не останутся въ Ниццѣ, а мѣстное населеніе успѣетъ воспользоваться ихъ тѣнью.

Изъ Grand Hôtel des Iles Britanniques вышелъ князь Эммануилъ Ивановичъ Шацкій-Родэ, мужчина среднихъ лѣтъ, красивый, стройный, элегантный, въ свѣтломъ весеннемъ костюмѣ, оттѣнявшемъ смуглый цвѣтъ его лица, хотя онъ и былъ блондинъ. Гарсонъ, спустившій его на лифтѣ изъ второго этажа, услужливо предложилъ ему въ вестибюлѣ фіакръ, но онъ рѣшилъ пройтись пѣшкомъ. Утромъ послѣ кофе онъ обыкновенно читалъ или писалъ, но сегодня его почему-то потянуло на воздухъ. Куда пойти,—онъ самъ не зналъ. Да и стоило ли задаваться такимъ вопросомъ въ городѣ организованнаго бездѣлья? Какое-нибудь развлеченіе подвернется само собою: на то вѣдь Ницца—Ницца!

Какъ только онъ попалъ на Avenue de la Gare въ водоворотъ людей, экипажей, автомобилей и велосипедовъ, вѣчно снующихъ на этой наиболѣе оживленной улицѣ, онъ тотчасъ же почувствовалъ, что не то ему было нужно.

Онъ направился къ Jardin Public. Подъ арками было очень людно. Громкій говоръ, взрывы смѣха, густой басъ автомобилей, назойливо-рѣзкіе гудки велосипедистовъ, толчки прохожихъ, неистовые крики газетчиковъ, хлопанье фіакровъ, — все это дѣйствовало такъ непріятно на нервы, что князь Мануилъ былъ счастливъ, когда наконецъ выбрался на Avenue Masséna, гдѣ сравнительно казалось тихо и спокойно. Но и тутъ автомобили обдавали его такимъ ѣдкимъ запахомъ и поднимали такія облака пыли, что онъ, лишній разъ подивившись, какъ больные могутъ жить въ Ниццѣ, поспѣшилъ искать спасенія въ тихихъ, прохладныхъ и фешенебельныхъ залахъ Jetée.

Тутъ шелъ утренній концертъ. Публики было мало, да и та не слушала, а читала, преимущественно газеты; нѣкоторыя же дамы, принадлежавшія къ высшему обществу, углубились въ чтеніе захваченныхъ ими изъ дому книгъ, должно быть рѣшивъ слушать музыку только тогда, когда она имъ понравится.

„Это случится нескоро и не по винѣ музыкантовъ“,—подумалъ князь Мануилъ.

Князь, очевидно, былъ невысокаго мнѣнія о любви къ музыкѣ прекрасной половины того круга общества, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Но и на него знакомые звуки свендсеновскаго романса не производили впечатлѣнія. Онъ сразу почувствовалъ, что не долго высидитъ въ залѣ, что онъ и сюда попалъ какъ бы по ошибкѣ. Онъ сѣлъ, снялъ шляпу, чтобы освѣжить голову съ густыми, волнистыми волосами, выкурилъ папиросу, но вскорѣ всталъ и направился къ выходу. Какое-то странное безпокойство овладѣло имъ. Онъ испытывалъ его, вѣроятно, уже тогда, когда въ отелѣ взялъ книгу въ руки, началъ читать, но никакъ не могъ вдуматься въ мысль автора и, уставъ отъ этой безплодной работы, вышелъ на улицу. Но тогда онъ не давалъ себѣ въ немъ отчета. Теперь же это чувство безпокойства овладѣло имъ съ большою силою и, выходя изъ концертной залы Jetée, онъ невольно надъ нимъ задумался.

Оно было мучительно. Прожилъ онъ на свѣтѣ тридцать-восемь лѣтъ, зналъ, конечно, что у него въ груди бьется сердце, но никогда до послѣдняго времени не чувствовалъ этого сердца. Оно исполняло свою работу, никогда не напоминая ему о себѣ. А теперь оно нѣтъ-нѣтъ или замретъ, или вдругъ какъ будто отяжелѣетъ, начнетъ сжиматься и камнемъ повиснетъ въ груди. Невольно хотѣлось облегчить ему работу, освободить его отъ чего-то. Но отъ чего? Что это за тяжесть налегла на него? По-

чему оно спираетъ дыханіе, вызываетъ тоску, тревогу, мучительное безпокойство?

Князь машинально закурилъ папироску, но тотчасъ бросилъ ее. „Не отравляю ли я себя никотиномъ?“—подумалъ онъ. Но нѣтъ, онъ не былъ страстнымъ курильщикомъ. Иногда онъ совершенно забывалъ о куреніи. Только когда имъ овладѣвало это чувство тревоги, какъ теперь, онъ курилъ папиросу за папиросой. Это его немного успокоивало. Значитъ, не въ куреніи дѣло.

Но въ чемъ же тогда? И что это за странная тревога? Точно предчувствіе чего-то большого и въ то же время страшнаго.

Онъ невольно улыбнулся. „Ужъ не жду отъ жизни ничего я“,—вспомнилъ онъ стихъ Лермонтова и добавилъ:—„Я ищу свободы и покоя“. „Свободу,—продолжалъ онъ размышлять,—я нашелъ вотъ уже полтора года тому назадъ; но покой мнѣ за послѣднее время что-то началъ измѣнять“.

Углубившись въ свои размышленія, онъ не замѣтилъ, какъ очутился на Quai du Midi. Непріятный запахъ, распространяемый многочисленными трактирами, грязнымъ старымъ городомъ и рыбаками, вывелъ его изъ нахлынувшихъ на него размышленій и воспоминаній. Онъ круто повернулъ назадъ, все еще хорошенько не отдавая себѣ отчета,—куда онъ собственно идетъ.

Вотъ уже полтора года, какъ онъ разстался съ опостылѣвшей ему дипломатической карьерой. Полная свобода его такъ прельщала. „По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ“, „никому отчета не давать“, „для власти, для ливреи не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи“... Да, „по прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ“, — вотъ что его соблазняло! Скитаться и наблюдать, иногда заносить въ тетрадь „холодныя наблюденія ума и горестныя замѣты сердца“, „дивиться божественнымъ красотамъ природы“ и „созданіямъ искусствъ и вдохновенья“, — что можетъ быть заманчивѣе этого?

Но почему же имъ овладѣвало подчасъ это внутреннее безпокойство? Развѣ онъ не независимъ, не богатъ, не можетъ располагать по собственному усмотрѣнію своей судьбой? Развѣ онъ не свободенъ умомъ и сердцемъ? Развѣ ему измѣняетъ здоровье или та душевная уравновѣшенность, которою онъ всегда такъ гордился и которая возбуждала зависть въ лицеѣ среди его товарищей, въ жизни—среди его друзей и знакомыхъ?

Именно эта душевная уравновѣшенность и стала ему измѣнять за послѣднее время. Еслибы онъ только зналъ причину

этой тревоги! Но сколько онъ себя ни анализировалъ, какъ онъ ни изучалъ состояніе своего здоровья и всѣ душевныя свои движенія, вопросъ оставался для него загадочнымъ. Странное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе: все у него было и, казалось, всего ему недоставало. „Надо взять себя въ руки“,—рѣшилъ онъ мысленно. Не походить же ему на нервныхъ дамъ, не знающихъ, почему онѣ скучаютъ, не быть же ему неврастеникомъ. Что за гадость!

Онъ повернулся къ морю. Подъ яркими лучами солнца оно дышало мѣрно и спокойно. Широкая волна набѣгала за волною и съ тихимъ хрустѣньемъ разсыпалась по берегу. Море было спокойно, могуче, радостно. Ни малѣйшей тревоги не чувствовалось въ немъ. Такимъ хотѣлъ быть и онъ.

И дѣйствительно, князь вдругъ преобразился. Только-что онъ шелъ по набережной медленно, задумчиво, съ поникшей головой, не зная, куда и зачѣмъ онъ идетъ. А теперь онъ, бросивъ еще взглядъ на море, вдохнувшее въ него почти юношескую энергію, быстро повернулся и съ поднятой головой, съ заискрившимся стальнымъ блескомъ въ свѣтло-голубыхъ глазахъ, бодро зашагалъ по направленію къ Place Masséna, отлично зная, куда и зачѣмъ онъ идетъ.

II.

Пересѣкая улицу St. François de Paule, онъ пропустилъ ѣхавшую по ней коляску, приковавшую его вниманіе. Въ коляскѣ сидѣла дама, весьма просто одѣтая, и рядомъ съ нею совсѣмъ молодой человѣкъ въ сѣрой фетровой шляпѣ, не скрывавшей однако, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, его лица. Лицо это было больное, матово-блѣдное, съ выразительными темными глазами и еле пробивавшимися усиками. Оно было задумчивое и несказанно печальное. Князь сосредоточилъ на немъ вниманіе. Оно было слишкомъ характерно, чтобы его можно было проглядѣть. Казалось, что этотъ молодой человѣкъ ушелъ уже изъ міра: такой взглядъ бываетъ только у людей, стоящихъ одною ногою въ могилѣ. То, что намъ кажется интереснымъ, привлекательнымъ, важнымъ, ихъ уже не занимаетъ. Они увидѣли нѣчто болѣе значительное, сами еще не знаютъ въ точности, что это такое, но тамъ, въ глубинѣ души чувствуютъ, что ими постепенно овладѣваетъ это болѣе значительное, предъ которымъ всѣ наши мірскія заботы, интересы, треволненія ничтожны. Еще недѣля, мѣсяцъ, и оно восторжествуетъ окончательно, и произойдетъ сліяніе съ безконечнымъ, вѣчнымъ. Ожи-

данiе этого момента и налагаетъ на человѣка, даже самаго обыкновеннаго, печать значительности, выдѣляющей его изъ тысячи другихъ, столь же обыкновенныхъ людей.

Князь уловилъ эту печать смерти на лицѣ юноши, проѣхавшаго мимо него, невольно содрогнулся, и прежнее безпокойство овладѣло имъ. Но это продолжалось только нѣсколько секундъ. Коляска была уже далеко, исчезло лицо больного юноши, и князь круто осадилъ самого себя. „Что за ребячество!—подумалъ онъ:—мало ли въ Ниццѣ чахоточныхъ; если разстраиваться при видѣ каждаго изъ нихъ, то въ самомъ дѣлѣ скоро въ гробъ ляжешь".

И когда онъ это подумалъ, вдругъ передъ его духовнымъ окомъ всплыло другое лицо. Это было лицо той дамы или дѣвушки, которая сидѣла въ коляскѣ рядомъ съ больнымъ юношей. Онъ на нее почти не обратилъ вниманiя. Она сидѣла къ нему въ полъ-оборота, видимо озабоченная своимъ спутникомъ. Князь такъ внимательно смотрѣлъ на юношу, что ея какъ будто не замѣтилъ. Но теперь онъ отчетливо вспомнилъ ея профиль, и на него повѣяло чѣмъ-то знакомымъ. „Гдѣ я видѣлъ эту дѣвушку?" — спросилъ онъ себя нѣсколько разъ подрядъ. Онъ теперь уже не сомнѣвался, что это была дѣвушка,—дѣвушка, имъ гдѣ-то видѣнная, но гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и когда? Какъ онъ ни напрягалъ памяти, онъ ничего не могъ вспомнить. Что онъ ее зналъ, — не подлежало сомнѣнiю. Точно такъ же онъ былъ увѣренъ, что эта дѣвушка не принадлежала къ его кругу. Князь не сомнѣвался далѣе, что пара людей, промелькнувшая мимо него,—русскiе, это ему подсказывало какое-то внутреннее чувство; но кто они,—это оставалось для него загадкою.

Размышляя объ этой показавшейся ему почему-то странной и неожиданной встрѣчѣ, онъ подошелъ къ электрическому трамваю и сѣлъ въ вагонъ, шедшiй въ Больё. Въ болѣе дорогомъ переднемъ отдѣленiи никого не было въ это раннее время дня; да и въ другомъ было пусто: сидѣлъ только какой-то господинъ съ дамой, — очевидно, мѣстные жители, возбуждавшiе въ князѣ мало интереса. Онъ вообще французовъ не долюбливалъ. Его сосредоточенная и вдумчивая натура никакъ не могла примириться съ французскимъ верхоглядствомъ и легкомысленъ. Даже хваленая французская вѣжливость представлялась ему крайне сомнительною: сколько разъ онъ имѣлъ случай убѣдиться, что подъ внѣшнимъ лоскомъ скрывалась врожденная грубость, проявлявшаяся иногда въ очень неприглядной формѣ. Да и могло ли быть иначе или, вѣрнѣе говоря, могъ ли князь иначе смотрѣть на дѣло? Онъ жилъ заграницею вовсе не такъ, какъ въ Россiи.

Тамъ онъ вращался исключительно въ аристократической средѣ. То же было болѣе или менѣе въ Парижѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ, гдѣ онъ провелъ десять лѣтъ жизни до своей отставки. Но съ тѣхъ поръ онъ жилъ почти исключительно по разнымъ курортамъ, рѣдко заглядывая въ Россію или проводя мѣсяцъ—другой на своей роскошной виллѣ на Лаго Маджіоре. И въ этихъ курортахъ онъ по большей части вращался только въ своей средѣ. Но тутъ онъ все-таки чаще сталкивался съ людьми изъ другихъ классовъ, и эти люди, къ обществу которыхъ онъ совсѣмъ не привыкъ, производили всегда на него впечатлѣніе если не прямо отталкивающее, то во всякомъ случаѣ несимпатичное. Не то, чтобы онъ ихъ презиралъ или относился къ нимъ свысока—для этого онъ былъ слишкомъ просвѣщенный человѣкъ; но у него было всегда такое чувство, что лучше отъ нихъ держаться въ сторонѣ. Можетъ быть, они сами по себѣ и хороши, но лучше не имѣть съ ними никакого дѣла: оно спокойнѣе.

Онъ былъ очень радъ, что ѣхалъ въ Больё одинъ. Выбралъ онъ трамвай, потому что дорога изъ Ниццы туда была пыльная, а въ вагонѣ пыли меньше. Онъ только-что успѣлъ усѣсться, какъ вагончикъ уже тронулся съ мѣста. Князь взглянулъ на часы: было двѣнадцать. „Черезъ полчаса буду на мѣстѣ,—подумалъ онъ,—какъ разъ время завтракать; а Мароковъ навѣрное будетъ".

Для него онъ собственно и ѣхалъ въ Больё. Японская война, какъ только она началась, возбуждала мало надеждъ въ князѣ. Какое-то предчувствіе предсказывало ему, что она хорошо не кончится. Князь смотрѣлъ на Россію приблизительно такъ, какъ на нее въ свое время смотрѣлъ Чаадаевъ. „Ни одной полезной мысли не возрасло на нашей безплодной почвѣ, ни одной великой истины не возникло среди насъ... Мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія". Эта мысль Чаадаева приходилась князю особенно по сердцу. Онъ даже избралъ ее эпиграфомъ къ своему дневнику, въ который онъ иногда заносилъ свои наблюденія или мысли. Будущее Россіи представлялось ему въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Когда Японія объявила войну Россіи, князь тотчасъ вспомнилъ вопросъ Чаадаева: „Развѣ японцы не образованы?" и отвѣтилъ на этотъ вопросъ: „Да, для настоящаго дѣла они образованнѣе насъ; у нихъ умъ практическій, у насъ же умъ только теоретическій, да и въ теоріи мы дальше поверхностнаго подражанія не пошли, а на практикѣ мы не болѣе, какъ дѣти, и притомъ дѣти злыя". Князь былъ увѣренъ, что мы на войнѣ лавровъ не пожнемъ. И тѣмъ не менѣе, ему было интересно

теперь, когда его опасенія такъ наглядно подтвердились, услышать изъ устъ очевидца войны и дѣятельнаго въ ней участника разъясненіе погрома, узнать, чѣмъ онъ его объясняетъ. Конечно, Чаадаевъ правъ: „Народы Европы выработали опредѣленныя идеи, — идеи долга, закона, правды, порядка", а „въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то бо́льшее, чѣмъ неосновательность".

„Да, отчего не потолковать съ Мароковымъ", — думалъ князь. Онъ считалъ его человѣкомъ умнымъ и наблюдательнымъ, зналъ, что онъ отличился на войнѣ, былъ въ самомъ пеклѣ ея. И хотя князь еще сегодня утромъ о немъ мало думалъ, теперь онъ интересовалъ его. И странно: этотъ интересъ находился въ какой-то для самого князя непонятной связи съ недавней его встрѣчей на улицѣ St. François de Paule. Чѣмъ-то роднымъ повѣяло на него отъ этой встрѣчи. И князь сталъ опять мучительно припоминать, гдѣ онъ видѣлъ эту дѣвушку. Но и на этотъ разъ всѣ его усилія оказались тщетными. Чѣмъ болѣе знакомымъ казалось ему лицо дѣвушки, тѣмъ менѣе онъ могъ припомнить, кто она.

III.

— Однако, Егоръ Герасимовичъ, вы мнѣ все-таки не объяснили, почему вы пріѣхали отдыхать отъ походной жизни именно въ Больё? — спросилъ князь, когда Мароковъ усадилъ его въ своемъ нумерѣ у окна съ чуднымъ видомъ на море.

— Те-те-те! — протянулъ тотъ, и его плотная фигура заколебалась отъ внутренняго смѣха. — Вѣдь мы идемъ завтракать, и все разъяснится. Скажу вамъ одно: штучка, — такихъ я не видывалъ. Ну, а послѣ походной жизни и отдохнуть хочется въ надлежащей обстановкѣ. Отель, какъ видите, здѣсь чудесный, море, конечно, не хуже, чѣмъ въ Ниццѣ, а такую женщину, простите, вы не только въ Ниццѣ, но и на всей Ривьерѣ, да что́ я говорю — нигдѣ не найдете.

— Будто бы? — улыбнулся князь, невольно подчиняясь игривому настроенію своего собесѣдника.

Мароковъ слегка наклонилъ голову и, глядя на князя исподлобья, прибавилъ:

— Можетъ быть, и найдутся, но, князь, вѣдь я жениться не собираюсь...

— Понимаю, — отвѣтилъ князь: — вы только отдохнуть хотите отъ всѣхъ трудовъ и... лишеній.

— Попали въ точку, — разсмѣялся Мароковъ. — Правда, ли-

шенія были не Богъ вѣсть какія, но все же были. Ахъ, князь, думали ли мы съ вами, когда судьба или, лучше сказать, воля начальства, хотя, конечно, не безъ нашего содѣйствія, насъ прикомандировала къ посольству въ Х..., что разыграется война; и съ кѣмъ же — съ японцами, и что мы проявимъ такую полную несостоятельность?..

Въ глубинѣ красивыхъ глазъ Маркова блеснулъ огонекъ. Но онъ сдержался и не продолжалъ начатаго имъ разговора.

Князь уловилъ этотъ огонекъ и сказалъ:

— Да, это очень тяжелыя воспоминанія. Вы мнѣ раскажете свои впечатлѣнія, не правда ли?

— Съ удовольствіемъ...

— Спасибо, Егоръ Герасимовичъ. Ну, а теперь, какъ вы думаете, не пора ли взглянуть на вашу красавицу?

— Сердце горитъ?—смѣясь, воскликнулъ Мароковъ.

— Гдѣ же мы будемъ завтракать, и гдѣ мы ее увидимъ?— Вы съ нею уже знакомы?

— Почти...

— То-есть, какъ это: почти?

— Послушайте, вы меня простите, но, кажется, вы какъ будто отстали отъ—какъ бы это выразиться—отъ компетентнаго взгляда на женщинъ этого сорта. Признайтесь, вы мало имѣли съ ними дѣла?

— Откровенно говоря, я ихъ вообще не очень-то долюбливаю, хотя и не женатъ,—отвѣтилъ князь разсѣянно.

— Ну, вотъ видите,— съ торжествомъ въ голосѣ замѣтилъ Мароковъ.— Вы ихъ не знаете. Иначе вы не задали бы своего вопроса. Поймите меня. Знакомство всегда болѣе или менѣе — дѣло случая. Но при обыкновенномъ знакомствѣ все-таки предполагаешь, что человѣкъ хочетъ со мною познакомиться, а тутъ и предполагать-то нечего, потому что это само собою разумѣется, если только у меня въ карманѣ не свиститъ. А такъ какъ у меня деньги найдутся, то познакомиться я могу въ любой моментъ.

— Да, это очень просто,— улыбнулся князь:—и простите, что я вамъ задалъ такой наивный вопросъ. Но вѣдь вы говорите, что она замѣчательная красавица. У васъ, значитъ, могутъ быть конкурренты, и легко можетъ случиться, что и у нихъ... и къ вы это выразились... тоже не свиститъ въ карманѣ.

— А военный натискъ — его вы, кажется, не принимаете в вниманіе,—самодовольно возразилъ Мароковъ;—онъ мнѣ уже с служилъ нѣкоторую службу: я удостоился очень благосклоннаго в гляда.

Теперь она, не обращая ни на кого вниманія, прямо направилась на противоположную сторону террасы, никѣмъ не занятую, и усѣлась у одного изъ столиковъ. Рядомъ съ нею заняла мѣсто ея спутница. Это была пожилая особа очень невзрачнаго вида, хотя одѣтая богато, даже роскошно. Но въ то время, какъ костюмъ красавицы производилъ впечатлѣніе большой простоты и изящества, на особѣ, ее провожавшей, все казалось неумѣстнымъ и вычурнымъ. Этому, конечно, способствовало ея сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо и вульгарность его выраженія. Трудно было повѣрить, что между этими двумя женщинами есть что-нибудь общее.

Когда онѣ проходили мимо, Мароковъ наклонился къ князю и шепнулъ ему: „Это — она!“, а Комовъ всталъ и направился къ красавицѣ. Что онъ при этомъ ей сказалъ, нельзя было разслышать, но онъ тотчасъ же вернулся къ своей компаніи.

— Такъ, Ваня, ты ее знаешь?—обратился къ нему Мароковъ съ живѣйшимъ любопытствомъ.

— Да, знаю,—отвѣтилъ Комовъ.—Встрѣтилъ ее здѣсь вчера, а раньше встрѣчалъ въ Петербургѣ...

— Въ Петербургѣ?—продолжалъ допрашивать Мароковъ.—Да вѣдь она—француженка: фамилія ея Риго...

— Она—Риго по мужу. Дѣвичья ея фамилія—Конарская.

— Значитъ, эта старуха—ея мать?

— Ну, да.

— А мужъ ея еще живъ?

— Нѣтъ, она вдова.

— А! Вдовушка!—обрадовался Мароковъ.

— Да, и довольно странная вдова,—пояснилъ Комовъ.

— Милый Ваня, разсказывай, разсказывай!—торопилъ его Мароковъ.

— Да что она тебя такъ заинтересовала?—спросилъ съ легкимъ оттѣнкомъ неудовольствія Комовъ.

— Развѣ можно не заинтересоваться такою прелестью? Посуди самъ, дружище,—протянулъ съ удареніемъ Мароковъ.—Вѣдь и ты навѣрное къ ней неравнодушенъ, хотя и женатъ на прехорошенькой жен-щи-нѣ.

Мароковъ имѣлъ обыкновеніе растягивать слова, когда онъ волновался или хотѣлъ говорить особенно выразительно.

Комовъ остановилъ его.

— Ну, женъ можно оставить въ покоѣ. Дѣло не въ моей женѣ, а въ Маринѣ, сразу покорившей твое сердце.

— А какъ ты полагаешь,—продолжалъ Мароковъ съ тѣмъ же военнымъ натискомъ:—ея сердце покорить легко?

— Н-нѣтъ, не думаю.

— Но она, кажется, не изъ числа строгихъ.

— Вы хотѣли намъ разсказать исторію ея брака,—вмѣшался князь.

— Исторія эта очень короткая,—отвѣтилъ Комовъ:—не длиннѣе ея брака, который былъ удивительно кратокъ. Такія вещи случаются не часто. Мужъ ея, старый холостякъ, умеръ скоропостижно въ каретѣ, когда везъ ее домой изъ-подъ вѣнца. Молодая привезла изъ церкви трупъ.

— Слушай, Ванюша, познакомь насъ съ нею!—взмолился Мароковъ:—слышишь, по-зна-комь...

— Да вѣдь нельзя же такъ, съ мѣста въ карьеръ...

— Познакомь, говорю, познакомь... если только я не становлюсь тебѣ поперекъ дороги...

— Ну, что за вздоръ!—огрызнулся Комовъ.

— Повторяю: бываетъ, бываетъ, милый мой, хотя бы...

Онъ хотѣлъ снова упомянуть о хорошенькой женѣ, но воздержался.

Бесѣда у нихъ велась вполголоса, только смѣхъ генерала раздавался иногда слишкомъ громко, вызывая неудовольствіе двухъ англичанъ, усѣвшихся по сосѣдству.

На смѣхъ этотъ обращали вниманіе, повидимому, и красавица съ матерью. Мароковъ сидѣлъ бокомъ къ нимъ. Мать то-и-дѣло поглядывала на него съ любопытствомъ, красавица же взглянула только раза два, но ни одинъ мускулъ ея красиваго лица не дрогнулъ: Мароковъ, очевидно, ничѣмъ не могъ нарушить ея спокойствія. Все это замѣтилъ князь, который сидѣлъ къ ней лицомъ и внимательно наблюдалъ за нею, насколько это позволяло приличіе. Она, должно быть, это замѣтила, потому что избѣгала его взгляда и смотрѣла куда-то поверхъ него.

V.

Завтракъ близился къ концу. Музыка, вначалѣ шумная, теперь часто затихала, чтобы не мѣшать гостямъ бесѣдовать: музыканты, очевидно, прекрасно себѣ уяснили, что хорошій завтракъ и вино развязываютъ языки, и что музыка нужнѣе всего вначалѣ, когда языки еще не развязались. Лакеи уставили

столы разнообразными сортами сыра и превосходными фруктами, какіе даже во Франціи встрѣчаются рѣдко.

— Слушай, Ваня, ты насъ съ ними познакомь,—взмолился еще разъ Мароковъ:—чего добраго, онѣ сейчасъ уйдутъ.

— Не удобнѣе ли за обѣдомъ?—попробовалъ отговориться Комовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—запротестовалъ генералъ.—За обѣдомъ ихъ, пожалуй, и не будетъ. А почемъ знать, можетъ быть, онѣ и совсѣмъ куда-нибудь уѣдутъ. Нѣтъ, ужъ сдѣлай милость, познакомь сейчасъ.

Комовъ нехотя всталъ и направился къ красавицѣ.

Она встрѣтила его привѣтливо, и между ними завязался разговоръ. Мароковъ и князь изъ приличія старались не смотрѣть въ ихъ сторону, но оба они замѣтили, что разговоръ поддерживала главнымъ образомъ красавица. Она сохраняла серьезное выраженіе лица и только одинъ разъ улыбнулась. Отъ этой улыбки Мароковъ пришелъ въ восторгъ, а князь шепнулъ ему: „Она въ самомъ дѣлѣ хороша“,—на что генералъ въ отвѣтъ протянулъ: „Говорилъ же я вамъ; такую сыскать трудно; полъ-царства отдать за нее мало“.

Комовъ вдругъ наклонился къ красавицѣ. Она взглянула въ сторону князя и Марокова, а Комовъ продолжалъ ей что-то говорить. Въ разговоръ вмѣшалась мать и задала Комову нѣсколько вопросовъ, причемъ морщинистое ея лицо оживилось, какъ будто она съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта. Красавица теперь сидѣла молча, храня выраженіе спокойной увѣренности. Когда мать кончила съ своими разспросами, Комовъ опять обратился къ красавицѣ. Марокову показалось, что все это длится цѣлую вѣчность. Наконецъ, красавица наклонила, какъ бы въ знакъ согласія, голову. Это движеніе вышло у нея такъ торжественно, словно она оказала Комову великую милость.

Комовъ всталъ и своею развалистою походкою вернулся къ прежней компаніи. Князь и Мароковъ, когда онъ приблизился, поднялись съ своихъ мѣстъ. Они были представлены сперва матери, потомъ дочери. Мать и при этой встрѣчѣ не могла скрыть своего любопытства и очень внимательно взглянула на князя. Дочь же ограничилась улыбкою, ясно говорившею, что она себѣ цѣну знаетъ.

— Вы, значитъ, Иванъ Петровичъ,—обратилась она къ Комову, когда представленіе было кончено, точно продолжая начатый раньше разговоръ:—уѣхали изъ Россіи, когда все было уже кончено?

— Да,—отвѣтилъ онъ:—въ моей губерніи выборы были кончены.

— Очень волновались, вѣроятно, у васъ?

— И не говорите, Марина Романовна!

— Стоило волноваться. Подумаешь, и Россія стала, наконецъ, конституціонною страною! А мы все это время прожили заграницею. Къ намъ доносились отзвуки вашей борьбы, только какъ раскаты очень далекой грозы.

Марина слегка наклонила голову, точно прислушиваясь къ этимъ раскатамъ, и это ей очень шло.

— А вы, генералъ, прямо съ войны? — обратилась она къ Марокову:—вы наслушались настоящаго грома, но молнія васъ, къ счастью, пощадила...

— Да,—прервалъ ее Мароковъ:—до сихъ поръ я не убитъ и не раненъ.

— До сихъ поръ? Чего же вамъ теперь опасаться?—спросила, какъ бы недоумѣвая, Марина и подняла свои красивыя темныя брови. Но, не выждавъ отвѣта, какъ будто отвѣтъ ей не нуженъ былъ, обратилась къ князю:

— А вы тоже изъ Россіи?

— Нѣтъ, я давно ужъ тамъ не былъ.

Онъ не зналъ, какого тона придерживаться съ этой женщиной. Это не была дама его круга, но и не простая русская интеллигентная женщина; это не была и дама полусвѣта. Онъ рѣшительно не зналъ, къ какой категоріи женщинъ ее причислить. Единственно, что̀ для него было ясно, это—что она была обворожительна, умна и взвѣшивала каждое свое слово, каждое свое движеніе.

— И вы не скучаете по Россіи?—спросила она.

— Люди моего закала скучаютъ вездѣ или не скучаютъ нигдѣ,—отвѣтилъ князь.

Мароковъ, давно̀ недовольный, что Марина на него обращаетъ слишкомъ мало вниманія, вмѣшался въ разговоръ.

— Князь у насъ большой философъ,—сказалъ онъ.—А мы, военные люди—плохіе философы, зато умѣемъ брать отъ жизни, что̀ она даетъ, а даетъ она много прекраснаго...

— Да,—быстро отвѣтила Марина.—Но, во-первыхъ, надо умѣть хорошее находить. А это далеко не такъ легко. Потомъ надо быть увѣреннымъ, что хорошее именно для насъ, и, наконецъ, если оно попало намъ въ руки, не дать ему ускользнуть. Въ этомъ наука жизни...

И, не давая опомниться Марокову, она снова обратилась къ князю:

— Почему вы предпочитаете жить заграницею?—спросила она его.—Вамъ жизнь здѣсь больше нравится? Многіе русскіе теперь переѣзжаютъ сюда. Признаюсь, и намъ съ мамой стало въ Россіи не по себѣ, хотя,—прибавила она, замѣтивъ на лицѣ князя выраженіе легкой насмѣшки:—мы освободительному движенію очень сочувствуемъ...

— Чему вы сочувствуете?—переспросилъ князь, точно онъ не разслышалъ словъ Марины, хотя она говорила очень явственно, отчеканивая каждое слово.

— Освободительному движенію,—проговорилъ Комовъ, словно желая избавить Марину отъ труда повторить сказанное.

— Нѣтъ,—замѣтилъ князь, небрежно улыбаясь:—освободительное движеніе для многихъ русскихъ не составляетъ причины ихъ переселенія заграницу. Я думаю, что многіе пріѣзжаютъ сюда для того, чтобы развлечься и отдохнуть. Кажется, мы всѣ, здѣсь сидящіе у стола, принадлежимъ къ числу такихъ людей.

— Ну, что касается меня,—вмѣшался опять Мароковъ:—то я, кажется, заслужилъ отдыхъ послѣ почти двухлѣтней походной жизни. Заслужилъ его и Ваня послѣ горячей избирательной кампаніи. Менѣе всего заслужилъ его князь: онъ уже давно отдыхаетъ отъ своей дипломатической службы...

— А меня вы забыли,—быстро прервала его Марина:—я всю жизнь бездѣльничаю, а все-таки пріѣхала заграницу отдыхать. Отдыхать,—повторила она, и темные ея глаза, обращенные на князя, вдругъ блеснули искрою лукаваго веселья.—Нѣтъ, не отдыхать, а развлекаться, какъ выразился князь.

— Это почти одно и то же,—ввернулъ Мароковъ.—Что за отдыхъ безъ развлеченія?

— И какое развлеченіе можетъ быть безъ потребности въ отдыхѣ, спрошу я?—проговорила медленно Марина.

Лукавый огонекъ потухъ въ ея красивыхъ глазахъ, которые расширились и задумчиво глядѣли на морскую даль.

Князь уловилъ эту игру глазъ. Въ то же время замѣчаніе Марины поразило его. Ничего въ немъ, правда, глубокомысленнаго не было, но оно такъ соотвѣтствовало тому чувству тревоги, которую онъ испытывалъ теперь такъ часто. „Какое развлеченіе можетъ быть безъ потребности въ отдыхѣ?“—мысленно повторилъ онъ. „Не потому ли онъ испытываетъ это чувство тревоги, что, не имѣя никакой потребности въ отдыхѣ, только развлекается?

— А мы еще кофе не пили,—спохватился совершенно неожиданно Мароковъ.

Марина, какъ бы уловивъ его мысль, слегка надувъ верхнюю губку, промолвила:

— Я не люблю завтракать и пить кофе на одномъ и томъ же мѣстѣ. Вѣдь я живу заграницею, чтобы развлекаться. Поэтому побольше разнообразія! — заключила она весело, окидывая всю компанію вопросительнымъ взглядомъ, точно желая убѣдиться, какое впечатлѣніе произвели ея слова.

Князь промолчалъ; Мароковъ же воскликнулъ:

— Идея! А что, если мы всей компаніей отправимся пить кофе на Капъ-Ферà? Кстати, прогулку совершимъ и осмотримъ маякъ.

— Прекрасно,— тотчасъ же согласилась Марина.— Развлекаться, такъ развлекаться.

— Но, Марина, — возразила ея мать, и это были первыя произнесенныя ею слова: — какъ же ѣхать, когда мы должны быть въ Ниццѣ?

— Ахъ, это насчетъ дантиста!— небрежно проговорила Марина и тотчасъ же разсмѣялась, обнажая свои жемчужные зубы.— Вотъ что, мама: ты поѣзжай въ Ниццу,—вѣдь дантистъ нуженъ тебѣ, а не мнѣ; а мы поѣдемъ на Капъ-Ферà. Къ обѣду мы всѣ опять соберемся.

Мать промолчала, но была, видимо, недовольна и почти тотчасъ же встала. Встала и остальная компанія. Лакеи подошли, чтобъ отодвинуть стулья. Явился и метрдотель, чтобъ освѣдомиться, всѣмъ ли довольны посѣтители. Музыка снова шумно заиграла какой-то маршъ. Мароковъ оказался возлѣ Марины.

— Какъ я вамъ благодаренъ, что вы согласились провести съ нами часокъ-другой.

Марина какъ бы пропустила эти слова мимо ушей.

— Вы давно знакомы съ Иваномъ Петровичемъ и... съ княземъ?—спросила она съ оттяжкою.

Они уже входили въ павильонъ. За ними слѣдовала мать; князь съ Комовымъ немного отстали.

— Я вамъ докладывалъ уже,—отвѣтилъ генералъ,—что мы съ Комовымъ однокашники, а съ княземъ мы служили года четыре тому назадъ при посольствѣ.

Изъ боковой двери вышелъ какой-то усатый индивидъ въ красномъ смокингѣ такого же покроя, какъ черные смокинги у лакеевъ.

— Мама, у тебя есть деньги при себѣ?—повернулась Марина къ матери.—Надо дать музыкантамъ.

Комовъ съ княземъ оказались тутъ же, и всѣ набросали

музыканту на подносъ серебряныхъ монетъ. Онъ благодарилъ взглядомъ и легкимъ наклоненіемъ головы. У входа въ отель Марина обратилась ко всей компаніи:

— Не знаю, какъ вы располагаете своимъ временемъ, но я буду черезъ полчаса готова.

— Ровно черезъ полчаса два экипажа будутъ стоять у подъѣзда,—отвѣтилъ за всѣхъ генералъ.

— Почему: два?—спросила Марина.

— Четырехъ-мѣстныя ландо могутъ быть уже разобраны,— пояснилъ Мароковъ съ свойственною ему рѣшительностью.—Къ тому же четыре лошади везутъ скорѣе, чѣмъ пара, а въ lieux de résistance мы вѣдь будемъ вмѣстѣ, т.-е. въ ресторанѣ и на маякѣ.

Марина задумалась на одну секунду, но потомъ, скользнувъ взглядомъ по князю, рѣшительно проговорила:

— Хорошо, идетъ.

Потомъ, словно испугавшись своей рѣшительности, она потупилась и стояла смущенная, вызывая въ мужчинахъ невольное удивленіе къ своей дѣвственной красотѣ. Но и это продолжалось только одну секунду. Она обвела всѣхъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ и, остановивъ его на Мароковѣ, какъ бы машинально, задумавшись о чемъ-то другомъ, медленно промолвила:

— Итакъ, до свиданія, господа. Черезъ полчаса увидимся.

Затѣмъ она повернулась и съ тою же медлительностью, словно все еще въ задумчивости, стала подниматься по лѣстницѣ, пропустивъ впередъ мать.

Мароковъ, Комовъ и князь долго слѣдили за нею, пока она не скрылась на поворотѣ лѣстницы.

— Я вамъ сказалъ, что это не заурядная женщина,—замѣтилъ Комовъ, точно очнувшись отъ какого-то сна.

Такое же выраженіе можно было уловить на лицахъ его собесѣдниковъ.

— Не женщина, а бо-ги-ня,—изрекъ Мароковъ.

— Не понимаю я этой особы,—съ своей стороны сказалъ князь, возвращаясь къ обыкновенному своему тону.—Одно несомнѣнно: своею красотою и, пожалуй, умомъ она можетъ хоть кому вскружить голову.

VI.

Въ назначенный часъ мужчины опять были въ вестибюлѣ, ожидая выхода „своей королевы“, какъ съязвилъ князь.

Марина не просрочила ни одной минуты. „Королева“ спускалась съ еле замѣтною улыбкою на устахъ къ своей „свитѣ“.

На полдорогѣ она вдругъ остановилась. Мужчины взглянули на нее вопросительно.

— Кто же будетъ моимъ кавалеромъ?—спросила она и стала быстро спускаться съ лѣстницы.

— Это вы, генералъ, вздумали разлучить меня съ остальной компаніей, — продолжала она, протягивая Комову фамильярно руку ладонью вверхъ, чтобъ онъ застегнулъ ей перчатку, и въ то же время поглядывая какъ-то загадочно на князя.—Несите же наказаніе: во время пути на васъ налагается обязанность меня развлекать.

Мароковъ подставилъ ей руку.

— Ну, генералъ,—пригласила она Марокова:—теперь займите мѣсто въ застѣнкѣ. Я буду вашимъ палачомъ.

— Отъ руки такого палача погибнуть—наслажденіе, — галантно отвѣтилъ генералъ и, обойдя коляску сзади, молодцовато усѣлся.

Коляска тихо тронулась, но кучеръ тотчасъ же сталъ надавать ходу.

Сѣли и князь съ Комовымъ въ другую коляску, которая послѣдовала за первой, не отставая отъ нея.

Ночью, должно быть, выпалъ дождь, потому что дорога, въ видѣ исключенія, не была пыльна. Солнце, правда, припекало, но въ то же время чувствовалась пріятная свѣжесть въ воздухѣ, особенно когда общество, миновавъ Сенъ-Жанъ, ѣхало вдоль морского берега.

Князь съ Комовымъ обмѣнивались незначительными замѣчаніями относительно мѣстности, черезъ которую они проѣзжали.

Вдругъ передняя коляска замедлила ходъ и пріостановилась.

Комовъ привсталъ, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Обѣ коляски остановились вплотную, шумъ колесъ стихъ.

— Не поѣхать ли намъ шагомъ, князь? — отчетливо, какъ всегда, раздался голосъ Марины.—Здѣсь такъ хорошо!

— Какъ прикажете: во всемъ подчиняюсь вамъ безпрекословно и съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ князь суховато.

Марина промолчала. Вслѣдъ затѣмъ раздался ея грудной смѣхъ, короткій, но сочный. Очевидно, Мароковъ ее чѣмъ-то разсмѣшилъ, хотя его сильнаго голоса и не было слышно.

Когда экипажи тронулись, князь замѣтилъ:

— Какіе у нея странные пріемы!

— Вообще, это—странная женщина,—отвѣтилъ Комовъ:—хотя невольно подчиняешься ея обаянію.

— Да, но въ чемъ состоитъ это обаяніе? — продолжалъ князь.—Въ одной ли красотѣ? Мало ли есть красавицъ, мимо которыхъ проходишь совершенно равнодушно. Да и умныя женщины далеко не всегда привлекательны.

— Не умѣю вамъ отвѣтить на вашъ вопросъ, — какъ-то неохотно возразилъ Комовъ.—Знаю только одно: она постоянно служила магнитомъ для мужчинъ.

— Мать ея, повидимому, шведка? По произношенію слышно.

— Да, шведка.

— А отецъ? Онъ живъ?

— Отецъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ уже давно умеръ.

— До замужества онѣ съ матерью жили на мизерную пенсію,—продолжалъ Комовъ: — кажется, что-то вродѣ девятисотъ рублей въ годъ. Какъ онѣ ухитрялись жить на эти деньги, да еще жить открыто, это—ихъ тайна или, лучше сказать, тайна...

Комовъ не договорилъ, словно поймавъ себя на излишней откровенности. Князь это замѣтилъ и поэтому только спросилъ:

— А мужъ, вѣроятно, оставилъ ей значительное состояніе?

— Значительнаго состоянія онъ вдовѣ не оставилъ: кажется, что-то вродѣ тридцати или сорока тысячъ.

— Всего?—съ видимымъ соболѣзнованіемъ произнесъ князь.

— Да, ей надо поскорѣе выйти замужъ.

— Ахъ, вотъ и римскія ворота! — прервалъ съ живостью Комовъ, точно онъ обрадовался, что можетъ перемѣнить тему разговора.

Князю допросъ былъ тоже въ тягость. Онъ видѣлъ, какъ неохотно ему отвѣчаетъ Комовъ, но онъ никакъ не могъ преодолѣть своего любопытства, что̀ съ нимъ случалось вообще очень рѣдко.

Они внимательно осмотрѣли ворота.

— Колонны очень красивы,—сказалъ онъ, видимо любуясь ими, хотя интересъ, возбужденный въ немъ самой Мариной и ея недосказанной исторіей, не давали ему сосредоточиться на постороннихъ предметахъ.

— А въ Петербургѣ скоро Дума соберется, — проговорилъ Комовъ, чтобы не возвращаться къ разговору о Маринѣ. Онъ могъ бы еще много разсказать любопытнаго изъ ея жизни, но ему непріятно было набрасывать на нее тѣнь: ея дѣвственная фигура, точно живая, стояла передъ нимъ, и онъ даже все со-

мнительное старался объяснить въ ея пользу, чтобы и словомъ не нарушить ея облика. „Что это?—спрашивалъ онъ себя:—власть красоты, не допускающая сомнѣній, или власть другого чувства?“ И у него по спинѣ пробѣжала дрожь, точно въ воздухѣ посвѣжѣло.

— Вы хотѣли попасть въ Думу?—проговорилъ князь, вполнѣ овладѣвшій собою.—Вы въ Думу, слѣдовательно, вѣрите?

— Какъ не вѣрить?—горячо отвѣтилъ Комовъ.

Онъ умышленно взвинчивалъ себя, чтобы новымъ разговоромъ подавить въ себѣ непріятное чувство, вызванное въ немъ воспоминаніемъ о прошлой жизни Марины.

— То-есть, во что же собственно вы вѣрите? — переспросилъ съ свойственною ему небрежностью князь.

— Вѣрю въ то, что царству произвола долженъ во что бы то ни стало быть положенъ конецъ.

Князь не тотчасъ отвѣтилъ.

— Еслибы,—разсѣянно сказалъ онъ,—вы жили въ Испаніи при Фердинандѣ VII, вы, конечно, также потребовали бы, во что бы то ни стало, отмѣны царства произвола?

— Ну, понятно,—поспѣшилъ отвѣтить Комовъ, не замѣчая западни, которую ему старался поставить князь.

— Само собою разумѣется,—продолжалъ князь.—Всѣ умные испанцы требовали того же, ну, и добились своего. Затѣмъ пошла продажа національныхъ и церковныхъ имуществъ, постоянное подтвержденіе и расширеніе правъ кортесовъ, безконечныя амнистіи. Правительства быстро смѣнялись: монархія—диктатурой, диктатура—республикой, республика—снова монархіей. Это продолжалось очень долго, какъ безконечны были и гражданскія войны, въ конецъ разорившія страну. Знаете что,—я Испаніи не особенно завидую.

Комовъ собирался что-то возразить, но именно въ эту минуту они подъѣхали къ ресторану, гдѣ ихъ ожидали Марина съ Мароковымъ, вышедшіе уже изъ экипажа и привѣтствовавшіе товарищей.

VII.

Комовъ еще больше оживился, когда увидѣлъ передъ собою привѣтливо улыбавшуюся Марину.

— Представьте себѣ, Марина Романовна, — воскликнулъ онъ:—князь сравниваетъ нашу матушку-Россію съ Испаніей.

— Ахъ, вы все время бесѣдовали о политикѣ!—промолвила

Марина.—Хорошо, что меня съ вами не было: я бы соскучилась. Вотъ генералъ—такъ настоящій дамскій кавалеръ: онъ мнѣ все разсказывалъ, какъ умѣетъ любить. Это было очень интересно...

Всѣ размѣстились вокругъ одного изъ столовъ.

Марина занимала общество.

— А кого вы больше любите, королева: кадетовъ или генераловъ?—спросилъ неожиданно Мароковъ.

Марина на минуту задумалась.

— Князей,—отвѣтила она потомъ быстро.

— То-есть, ретроградовъ,—пояснилъ князь.

— Совершенно вѣрно,—разсмѣялась Марина, блеснувъ своими жемчужинами.—Въ королевской крови всегда есть примѣсь ретроградства и властолюбія.

— Такъ вамъ, Марина Романовна,—протянулъ онъ медленно,—мое сравненіе Россіи съ Испаніей не понравилось? Спѣшу взять его обратно. Позвольте мнѣ тогда сравнить ее съ другой страною, которую я пока не назову. Страна эта по обширности территоріи, рѣдкости населенія, недавнему упраздненію рабства очень походитъ на наше отечество. Во главѣ ея, какъ у насъ, стоялъ король, который для многихъ былъ бѣльмомъ на глазу. Его рѣшили удалить.

— Чѣмъ же онъ провинился?—спросилъ насмѣшливо Комовъ.

— Да, ей-Богу, не умѣю вамъ сказать,—отвѣтилъ князь:—рабовъ освободилъ, способствовалъ созданію національной литературы, основалъ академію, университеты и массу школъ, создалъ парламентскій режимъ, гладилъ по головкѣ оппозицію, упразднилъ жандармерію и тайную полицію, улыбаясь, раскланивался, когда въ его присутствіи кричали: „Да здравствуетъ республика!“—вотъ за это его и удалили.

— Это не Шехерезада ли разсказала вамъ въ тысячу и одну ночь, князь?—спросилъ Комовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, князь,—возразилъ Мароковъ:—вы меня очень заинтересовали, и я прошу васъ непремѣнно докончить сказку. Надѣюсь, что и Марина Романовна ее охотно дослушаетъ.

— Вообще,—отвѣтила она:—я сказокъ не люблю, но князь, кажется, разсказываетъ недурно...

— Такъ, вотъ, императора и удалили.

— Кто же его удалилъ за всѣ его благодѣянія?—не унимался Комовъ.

— На этотъ вопросъ не такъ легко отвѣтить,—продолжалъ князь,—но попытаюсь. Дѣло вотъ въ чемъ. Императоръ, заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, отмѣнилъ рабство, и помѣщики—то-есть, виноватъ, плантаторы. .

— Ахъ, это происходитъ гдѣ-то въ экзотическихъ странахъ!—воскликнула съ разочарованіемъ Марина.

— Повторяю, я пока не назову страны, но плантаторы понемногу вездѣ бывали,—отвѣтилъ князь.—Продолжаю: съ отмѣною рабства, помѣщики были поставлены въ тяжелое положеніе, доходы ихъ сильно сократились. Съ другой стороны, императоръ все сокращалъ число чиновниковъ, а армію также всячески урѣзывалъ. Какъ видите, онъ былъ неисправимый либералъ. Но, вслѣдствіе этихъ либеральныхъ реформъ, сокращалось и число доходныхъ мѣстъ въ странѣ. Вы теперь, Иванъ Петровычъ, поймете, кто удалилъ императора?

— Ну, да, конечно, во всемъ виноваты другіе, а не самъ императоръ,—отозвался Комовъ.—Знаемъ мы эту пѣсенку.

— Такъ я могу кончить?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, князь,—вмѣшался Мароковъ:—меня это очень интересуетъ; да и по глазамъ нашей „королевы“ я вижу, что вы должны продолжать...

— По моимъ глазамъ вы ничего не видите, генералъ,—отозвалась Марина.—Они развѣ говорятъ, что сказка начинаетъ превращаться въ политическій трактатъ...

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ князь,—я, чтобы всѣхъ удовлетворить, буду лакониченъ. Студенты, подъ предводительствомъ профессора ботаники, и часть арміи свергли императора и провозгласили республику. Результатъ получился слѣдующій: диктатура, подавленіе свободы печати, безконечное увеличеніе числа жандармовъ, увеличеніе мирнаго состава арміи болѣе, чѣмъ вдвое, увеличеніе числа чиновниковъ, безконечныя гражданскія войны, изъ которыхъ одна унесла двадцать тысячъ жертвъ, разстройство финансовъ, разстройство всего народнаго хозяйства, уменьшеніе народонаселенія... Сказка моя кончена. Называется она: „Революція баккалавровъ“, мѣсто дѣйствія—Бразилія, подробности желающіе могутъ найти въ соотвѣтственныхъ книгахъ... Не пора ли пойти прогуляться или поѣхать осмотрѣть маякъ?

— Одинъ вопросъ, князь, — сказалъ Комовъ:—вы вашу сказку, конечно, примѣняете къ Россіи. Но вы сами должны согласиться, что у насъ такого правительства, какъ правительство Донъ-Педро, за послѣднее время не было.

— Не спорю, — отвѣтилъ князь. — Я хочу только сказать,

что, вдумываясь въ положеніе Россіи, лучше сравнивать ее съ такими же, какъ она, малокультурными странами, чѣмъ съ государствами, стоящими во главѣ цивилизаціи...

— Старая пѣсня,— прервалъ Комовъ:—мы, молъ, для свободы не созрѣли...

— Знаете, князь,—протянулъ Мароковъ:—ваша сказка мнѣ чрезвычайно понравилась. Ее хорошо бы разсказать въ Петербургѣ кому слѣдуетъ...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, князь,—замѣтила Марина съ крайне невиннымъ выраженіемъ своихъ прекрасныхъ глазъ:—вы не думаете вернуться къ государственнымъ дѣламъ?

— Милостивѣйшая королева,— отвѣтилъ князь:—я къ государственнымъ дѣламъ никогда не былъ причастенъ; слѣдовательно, вернуться къ нимъ не могу. А потомъ, скажу вамъ откровенно: я свою свободу ни на что въ мірѣ не промѣняю.

— Не промѣняете?.. Ни на что?..—спросила Марина и заглянула ему въ глаза.

VIII.

Общество тотчасъ же тронулось въ путь. Почти у самаго ресторанчика начинался спускъ къ морю.

Мароковъ, въ качествѣ храбраго воина, предложилъ идти первымъ, потому что, какъ онъ пояснилъ, неизвѣстно, какія опасности могутъ встрѣтиться на этомъ спускѣ. За нимъ слѣдовали Марина и князь; шествіе замыкалъ Комовъ. Въ виду узкой тропинки пришлось идти гуськомъ.

Спускъ, однако, оказался устроеннымъ прекрасно. Нога не скользила; въ сколько-нибудь крутыхъ мѣстахъ были высѣчены ступеньки; часто встрѣчались скамейки и кресла, искусно сложенныя изъ красноватаго туфа. Тропинка шла вдоль обрыва. Внизу, на значительной глубинѣ, синѣло море. Шумъ медленно набѣгавшей на камни волны слышался здѣсь явственно. Казалось, что человѣкъ, который оступится и упадетъ съ этой высоты, погибъ безвозвратно. Чувство жуткости охватывало на особенно крутыхъ поворотахъ.

— Вамъ не страшно?—спросилъ Мароковъ, оглядываясь на Марину.

— Кому первому пришла мысль о страхѣ, тотъ и боится,— отвѣтила она:—я не трусиха.

— А меня сразу произвели въ трусы,— проговорилъ онъ

и запнулся, потому что чуть не упалъ, заглядѣвшись на Марину.

— Не оглядывайтесь; не то въ самомъ дѣлѣ упадете въ море.

— А вамъ жаль будетъ, если я погибну?

— Не нашли ничего лучшаго спросить?

— А что же мнѣ спросить?

— Si vous n'avez rien à me dire, pourquoi venir auprès de moi? — пропѣла Марина довольно чистымъ контральто.

— А вы и поете?—спросилъ князь.

— Что значитъ это „и"? Если я пою скверно, то это „и" обидно; а если я пою хорошо, то въ чемъ же я уже проявила свое умѣнье?

— Говорить откровенно?

— Прошу.

— Вы красивы.

— Это—не умѣнье, не искусство. Это—даръ природы, если только я въ самомъ дѣлѣ красива.

— Вы — умны.

— Слушайте, князь. Я не сомнѣваюсь въ вашемъ умѣ, но въ логикѣ вы, должны быть, не сильны. Вѣдь умъ—также имущество не благопріобрѣтенное, а родовое.

— Вы находчивы, — продолжалъ князь, дѣйствительно нѣсколько пораженный діалектическими способностями Марины.

Но она его уже не слушала.

— Ахъ, кто-то забылъ здѣсь шляпу!—воскликнула она съ искреннимъ удивленіемъ.

— Гдѣ?—спросили почти въ одинъ голосъ Мароковъ, князь и Комовъ.

— А вотъ лежитъ на каменной скамейкѣ, — отвѣтила Марина, указывая на соломенную шляпу, дѣйствительно виднѣвшуюся внизу, подъ ихъ ногами, на скамейкѣ.

Эта шляпа всѣхъ заинтересовала: ея владѣльца нигдѣ не было видно.

— Должно быть, ушелъ впередъ, — замѣтила Марина: — но зачѣмъ же онъ оставилъ здѣсь свою шляпу?

Общество невольно ускорило шаги.

Мароковъ первый подошелъ къ шляпѣ и протянулъ уже къ ней руку, но вдругъ громко разсмѣялся.

— Да никакой шляпы нѣтъ, — проговорилъ онъ, когда приступъ смѣха прошелъ.

— Какъ нѣтъ?—воскликнула Марина.

— Это—тотъ же туфъ,—пояснилъ Мароковъ.

Марина дотронулась до шляпы. Дѣйствительно, она была, такъ же, какъ и скамейка, высѣчена изъ туфа.

— Какіе милые затѣйники эти французы!—проговорила Марина.—Вотъ и на этомъ спускѣ, чтобъ позабавить публику, они устроили маленькое развлеченіе.

— Вы ихъ назвали затѣйниками, — проговорилъ Мароковъ такимъ тономъ, какого отъ него трудно было ожидать. — Но они не только затѣйники. Позвольте вамъ сказать по этому поводу два слова объ одномъ обстоятельствѣ, которое меня вчера поразило... Но не устали ли вы? Присядемте на минутку, благо здѣсь мѣсто для всѣхъ найдется.

Предложеніе было принято. Всѣмъ было интересно послушать, что̀ скажетъ Мароковъ. Его считали просто добрымъ малымъ, а онъ, повидимому, собирался разсказать что-то серьезное...

Мароковъ съ Мариной усѣлись на скамейкѣ со шляпой, князь же и Комовъ — въ двухъ креслахъ изъ того же туфа, расположенныхъ по близости.

— Такъ вотъ что̀ я хотѣлъ сказать, — началъ онъ: — я вчера былъ уже въ этихъ мѣстахъ. Подошелъ я только съ другой стороны. И меня моя прогулка очень заинтересовала.

— Кого же вы встрѣтили? — спросила Марина.

— Представьте себѣ, королева, никого или, по крайней мѣрѣ, не встрѣтилъ людей, заслуживающихъ вниманія. И все-таки прогулка и то, что̀ я видѣлъ, меня такъ поразили, что, кажется, я весь вечеръ думалъ бы только объ этомъ, еслибы за обѣдомъ не увидѣлъ васъ...

— Какой тяжелый грѣхъ на моей душѣ: я васъ отвлекла отъ серьезныхъ размышленій! Пожалуйста, предавайтесь имъ теперь всецѣло и забудьте совершенно обо мнѣ...

— Какъ это ни трудно, постараюсь, — сказалъ Мароковъ, смѣясь.—Меня поразило то, что жилья нигдѣ нѣтъ, а дорожки и дороги вездѣ разбиты наиаккуратнѣйшимъ образомъ, обсажены деревцами и деревьями, вездѣ проведена вода, стоятъ газовые фонари. Проходитъ рабочій, я его спрашиваю: „Чей это паркъ?“ Онъ смотритъ на меня съ удивленіемъ. „Парка тутъ никакого нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ мнѣ:—эта часть полуострова почти еще не заселена“. „Такъ кто же это все такъ прекрасно устроилъ?“ Отвѣчаетъ: „Община“. „Богатая же у васъ община“, говорю. А онъ, улыбаясь, отвѣчаетъ: „Очень ли она богата, не знаю; а что хочетъ быть очень богатой, это — вѣрно“. Разсмѣялся и я. „И чтобы разбогатѣть, выбрасываетъ груды денегъ на этотъ необитаемый полуостровъ?“ А онъ опять смѣется и не то, чтобы

зло, а такъ полу-презрительно. „Сейчасъ видно, что вы — иностранецъ", говоритъ. Я обидѣлся и говорю: „Почему же видно, что я—иностранецъ?" — „Еслибы вы были французъ, вы бы твердо знали, что наша община зря денегъ не выбрасываетъ". Затѣмъ онъ мнѣ пояснилъ, что эта часть полуострова, пустовавшая до послѣдняго времени, теперь раздѣлена на участки, приведена въ благоустройство, кое-гдѣ и сады уже разбиты, и дома сооружены. Можно купить и готовую виллу, и мѣсто для постройки по собственному вкусу. Нѣкоторые участки уже куплены французами и иностранцами. Проданы они по цѣнѣ, отъ которой община въ накладѣ не будетъ. Не только всѣ расходы окупятся, но кое-что останется въ кассѣ,—вѣроятно столько, что можно будетъ толковать о богатствѣ общины, когда всѣ участки будутъ распроданы, и это случится скоро...

— Да, то, что вы видѣли, дѣйствительно интересно,—отозвался князь съ своего кресла.

— Знаете что, князь, — продолжалъ Мароковъ: — я хотѣлъ строиться въ Крыму—не вѣкъ же мнѣ служить. Но какъ мнѣ люди опытные разсказали, что за мытарства мнѣ предстоятъ, я отъ этой мысли отказался, совершенно от-ка-зал-ся. Лучше купить здѣсь: и дешевле, и лучше.

— И объ этомъ вы, генералъ, хотѣли думать весь вечеръ?— освѣдомилась Марина.—Нѣтъ, въ такомъ случаѣ я рада, что вы меня увидѣли, и грѣхъ мой не великъ.

— Простите, королева, я собирался думать не только объ этомъ,—возразилъ Мароковъ. — Когда гуляешь въ одиночествѣ, разныя мысли приходятъ въ голову. То, что я увидѣлъ на этомъ полуостровѣ, только подкрѣпило, пояснило мнѣ то, надъ чѣмъ я часто задумывался, сравнивая Россію съ Германіею, Франціей, Бельгіей. Если посмотришь, сколько предпріимчивости, энергіи, трудолюбія, вдумчивости, практической смѣтки, выдержки у этихъ народовъ, и какъ мало этихъ качествъ у насъ, то многое для меня становится яснымъ: и печальное положеніе нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ, и военныя наши неудачи, и теперешній политическій кавардакъ. Нѣтъ, мы не бельгійцы, не нѣмцы, даже не французы. Вы правы, князь: мы—испанцы, мы—бразильцы...

— Славу Богу, добрались опять до Бразиліи,—еле слышно проговорила Марина, глядя куда-то вдаль.

— Ты забываешь одно, милый Егорушка: всѣ народы свободны, мы же, русскіе, до сихъ поръ были рабами,—возразилъ Комовъ.

— Вы забываете, Иванъ Петровичъ, — замѣтилъ князь, —

что въ Испаніи республика была провозглашена три года тому назадъ, а Испанія все же остается Испаніей.

Комовъ, слегка поблѣднѣвшій, собирался что-то возразить, но предъ нимъ стояла уже Марина и, положивъ ему руку на плечо и наклоняясь къ нему такъ, что онъ почувствовалъ ея дыханіе, проговорила:

— Королева повелѣваетъ вамъ отправиться съ вашимъ однокашникомъ внизъ къ морю, а сама останется здѣсь. Вы ей доложите, что̀ вы тамъ видѣли. Слышите ли? Будьте паинькой. Назадъ я съ вами поѣду, а генерала—въ отставку.

— Я повинуюсь королевѣ,—сказалъ Комовъ, низко кланяясь ей.—Пойдемъ, Егорушка.

— Ахъ, какъ мнѣ уходить не хочется!—воскликнулъ тотъ.

— Вы, генералъ,—обратилась къ нему Марина,—уже разсказали мнѣ, какъ вы любите. Теперь очередь князя. Онъ мнѣ разскажетъ, что̀ онъ любитъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — прибавила она:—я сегодня утромъ слегка оступилась, сама не замѣтила, а теперь какъ будто нога болитъ. Я посижу, но мнѣ хочется знать, что̀ тамъ внизу. Ступайте же, ступайте.

Мароковъ съ Комовымъ начали, нехотя и поминутно оглядываясь, спускаться, а Марина съ княземъ снова усѣлись.

Они молчали, пока ихъ спутники совсѣмъ не скрылись изъ виду. Князю было положительно неловко въ обществѣ этой женщины. Онъ все еще не зналъ, какъ съ нею держаться, потому что она была для него загадкою.

— Ну, начинайте!—промолвила она.

— Простите,—отвѣтилъ князь:—но я недоумѣваю, что̀ мнѣ собственно начать.

— Да вы развѣ не слышали, что̀ я сказала?—спросила Марина.

Она смотрѣла куда-то вдаль, словно ея мысли были заняты чѣмъ-то другимъ, и говорила только потому, что надо же было о чемъ-нибудь говорить.

— Ахъ, да,—отвѣтилъ князь.—Я долженъ былъ вамъ сообщить, что̀ я люблю.

— Совершенно вѣрно, — подтвердила Марина съ тѣмъ же отсутствующимъ взглядомъ.—Но вы, повидимому, не расположены говорить, а такъ какъ, по законамъ того общества, къ которому вы принадлежите, полузнакомымъ людямъ неприлично сидѣть вмѣстѣ и не говорить, то буду говорить я. Это во-первыхъ, — вы, какъ я замѣтила, любите перечислять все по пунктамъ. А во-вторыхъ, чтобы не слишкомъ уклоняться отъ заданной темы, я вамъ буду говорить о томъ, что̀ я люблю.

— Сдѣлайте одолженіе!—отвѣтилъ князь въ тонъ.—Это будетъ очень интересно.

— Благодарю васъ, — продолжала Марина, попрежнему глядя вдаль и сохраняя очень серьезное выраженіе на своемъ какъ бы застывшемъ лицѣ.—Я вижу, что моя личность имѣетъ для васъ нѣкоторое значеніе, если вы интересуетесь тѣмъ, что я люблю. Итакъ, начинаю. Я люблю наблюдать, критиковать, люблю относиться ко всѣмъ немного свысока, — и это у меня не дѣланное, а естественное чувство, потому что въ людяхъ дѣйствительно много смѣшного и нехорошаго, но я люблю и красоту во всѣхъ ея проявленіяхъ. Я люблю свободу и готова пожертвовать всѣмъ, чтобы ее сохранить. Поэтому я для всѣхъ чужая и иду въ жизни своею дорогою, ни на кого не оглядываясь, не имѣю друзей, не испытываю настоящей любви. И проживу я свою жизнь, какъ далекая-далекая звѣздочка: сегодня она блеснетъ, завтра померкнетъ. Никому она не нужна: такихъ звѣздочекъ—билліоны. Кто ихъ сосчитаетъ? А жаль. Вѣдь каждая изъ этихъ звѣздочекъ представляетъ собою цѣлый міръ...

Марина умолкла. Молчалъ и князь. Онъ внезапно почувствовалъ удивительную близость этой женщины къ себѣ, такую близость, которая его пугала. Что между ними общаго, а она читала въ его душѣ, какъ въ открытой книгѣ.

— Вы, кажется, — произнесъ онъ наконецъ, — говорили за меня?

— Не все ли равно?—отвѣтила Марина.—Если я васъ заняла своимъ разговоромъ, то для соблюденія свѣтскихъ приличій вѣдь ничего больше и не требуется.

Князь взглянулъ на нее помимо воли. Она сидѣла, ни на волосъ не измѣняя положенія, все съ тѣмъ же выраженіемъ серьезной задумчивости на прекрасномъ лицѣ. Холодомъ вѣяло отъ всего ея существа, несмотря на всю соблазнительную красоту. И князь вдругъ весь застылъ на мысли: да кто же она наконецъ,—Галатея, ожидающая своего Пигмаліона?

А снизу донесся густой басокъ приблизившагося Маркова:

— И зачѣмъ только вы насъ посылали, королева: ничего тамъ до-сто-при-мѣ-ча-тель-на-го нѣтъ!

IX.

Какой-то старикъ, бѣдно, но прилично одѣтый, надавилъ кнопку у бокового входа одной изъ скромныхъ виллъ на Про-

menade des Anglais. У него въ рукахъ былъ свертокъ. Предметъ, завернутый въ мягкую черную матерію, видимо, его занималъ, потому что онъ то-и-дѣло поглядывалъ на него своими добрыми карими, еще полными жизни глазами.

Ему открыла дверь такая же пухленькая, какъ онъ самъ, и такая же добродушная, съ тѣмъ же выраженіемъ глазъ, молоденькая горничная въ черномъ платьѣ и бѣлоснѣжномъ чепцѣ на густыхъ волосахъ.

— Ты принесъ, отецъ? — спросила она его по-французски съ сильнымъ провансальскимъ акцентомъ.

— Какъ видишь, Марѝ,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ: — барышня будетъ довольна.

Они вошли въ вестибюль, изъ котораго лѣстница вела въ большую пріемную.

Марѝ неслышно удалилась за портьеру, но тотчасъ же вернулась, пропустивъ ту незнакомку, которую князь встрѣтилъ на улицѣ St. François de Paule.

Это была дѣвушка средняго роста, очень просто, но мило одѣтая, съ гладкими русыми волосами и неправильными чертами лица. Темно-голубые глаза были очень красивы, задумчивы, печальны; весь ея обликъ внушалъ довѣріе и невольную симпатію.

Она приблизилась къ старику.

— Покажите, Франсуа!—шепнула она.

Франсуа развернулъ свой свертокъ: въ немъ оказалась изящная маленькая подушка въ чехлѣ изъ сѣраго шолка.

Татьяна Григорьевна—такъ звали дѣвушку—взяла подушечку въ руки, внимательно осмотрѣла ее, подавила, погладила.

— Oh, qu'il est mou! oh, qu'il est doux! Vous serez contente, mademoiselle, — проговорилъ Франсуа, и доброе его лицо выражало столько мягкости и привѣтливости, что Таня невольно улыбнулась въ отвѣтъ на его ласку.

— Благодарю, Франсуа,—сказала она. — Теперь локоть не будетъ болѣть у брата, когда онъ будетъ смотрѣть на море.

— Вашъ братъ спитъ? — спросилъ Франсуа. — Ему лучше?

— Да, онъ спитъ, — отвѣтила Татьяна Григорьевна, оставивъ второй вопросъ безъ отвѣта.

Франсуа покачалъ въ знакъ соболѣзнованія головой. Но Таня уже не смотрѣла на него. Она обратилась къ дѣвушкѣ съ вопросомъ:

— Бульонъ готовъ, Марѝ?

— Да, сударыня. Какъ только прикажете—подамъ.

— Хорошо. А теперь я пойду къ нему. Отдохните немного, Франсуа: вы скоро опять потребуетесь.

Сдѣлавъ эти распоряженія, Таня неторопливо направилась къ портьерѣ, передъ которой на секунду остановилась, словно въ нерѣшительности, но затѣмъ мягкимъ движеніемъ руки откинула ее и вошла въ комнату больного.

Много въ ней было воздуха и свѣта даже въ этотъ вечерній часъ. Свѣта, врывавшагося въ три большія окна, было столько, что онъ одинъ царилъ въ комнатѣ: всѣ предметы передъ нимъ стушевывались, и то, что при менѣе полномъ свѣтѣ могло казаться большимъ и богатымъ, меркло и исчезало. Все было имъ проникнуто, все имъ дышало. И когда Таня вошла въ комнату, ей снова не хотѣлось вѣрить, что смерть витаетъ надъ большимъ кресломъ, поставленнымъ бокомъ къ первому окну,—ей не хотѣлось вѣрить, но не вѣрить она не могла.

Она подошла къ креслу и взглянула на брата: онъ все еще спалъ. Выраженіе его лица было спокойное: ничто его видимо не тревожило. Таня подсѣла къ брату, взявъ со столика вязанье, и пальцы ея быстро задвигались. Но она поминутно на него поглядывала.

Онъ вскорѣ проснулся, но продолжалъ полулежать неподвижно.

— Ты проснулся, Гриша: свѣтъ тебѣ мѣшаетъ?—спросила сестра.

— Ахъ, нѣтъ, Таня,—отвѣтилъ братъ,—свѣтъ мнѣ не мѣшаетъ, я такъ его люблю, особенно когда онъ, какъ теперь, освѣщаетъ море такъ радостно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мягко!

Татьяна Григорьевна встала, взяла съ того же столика, на которомъ лежало ея вязанье, принесенную ею подушечку и поднесла ее брату.

— Зачѣмъ?—спросилъ братъ и улыбнулся сестрѣ, какъ бы благодаря ее за вниманіе, хотя и не зналъ, для чего подушечка собственно предназначается.

— Ты такъ любишь смотрѣть отсюда на море,—отвѣтила сестра:—и при этомъ облокачиваешься на ручку кресла, а она недостаточно мягка, и ты жалуешься на боль въ локтѣ.

— Ахъ, вотъ зачѣмъ! Спасибо, Таня.

— Я ее потомъ прикрѣплю. Увидишь,—будетъ очень удобно. Да, кстати, для тебя письмо есть. Самъ прочтешь, или мнѣ прочесть?

— Прочти, Таня, а я буду любоваться моремъ: какъ оно сегодня хорошо! Оно неподвижно, но какъ оно радостно, и сколько въ немъ жизни!

Сестра тѣмъ временемъ вскрыла конвертъ.

— Это—отъ Никольскаго.

— Ахъ, отъ Андрея! Ну, что онъ пишетъ? Какъ идутъ наши университетскія дѣла?

— Такъ я начну читать.

— Хорошо, Таня, читай.

„Дорогой Гриша. Прежде всего, какъ твое здоровье? Надѣюсь, что ты въ благодатной Ниццѣ поправляешься. Я не могу себѣ представить, что твое несчастное паденіе съ лошади можетъ имѣть серьезныя послѣдствія. Все, конечно, обойдется благополучно, и ты скоро къ намъ вернешься здоровымъ, цвѣтущимъ, не такимъ, какъ ты отъ насъ уѣхалъ. А я все живу въ Питерѣ, хотя университетскихъ занятій, какъ тебѣ извѣстно, нѣтъ, да и не предвидится. Но можно ли теперь жить въ имѣніи, когда у насъ разыгрываются событія, отъ которыхъ зависитъ судьба Россіи! Ни о чемъ другомъ я ни писать, ни думать не могу. Кисли мы, кисли, хныкали, брюзжали, а теперь развернулись во всю. Любо-дорого! Спасибо япошкамъ,—запустили намъ здороваго брандера, и мы, наконецъ, очнулись. Ахъ, еслибы ты присутствовалъ на всѣхъ этихъ митингахъ съ ихъ смѣлыми рѣчами, небывалымъ подъемомъ духа! Тутъ все слилось: рабочіе, студенты, чиновники, офицеры, священники. И у всѣхъ одна свѣтлая мысль, одно великое чувство: освободить родину. И первый плодъ этого движенія уже у насъ въ рукахъ: Россія стала конституціонною страною... Теперь пойдутъ совершенно другіе порядки. Бюрократіи пропѣта отходная...“

Таня пріостановила чтеніе.

— Гриша, тебя это не слишкомъ волнуетъ?—спросила она.

— Нѣтъ, Таня,—отвѣтилъ братъ, и красивое лицо его продолжало хранить выраженіе большого спокойствія:—только они тамъ ведутъ борьбу, а мнѣ тишины хочется... Я усталъ, я боленъ.

— Ты, можетъ быть, опять уснешь? Я потомъ дочитаю.

— Хорошо, Таня, потомъ. Только я теперь не усну. Я буду любоваться моремъ.

— Франсуа тебѣ не нуженъ?

— Нѣтъ. Пусть отдыхаетъ. Ночью я его все тревожилъ, да и тебя, Танюша. Пусть онъ отдыхаетъ. Можетъ быть, и ты уснешь, а я буду любоваться моремъ.

— Нѣтъ, Гриша, мнѣ спать не хочется. Я здѣсь поработаю.

И Таня опять принялась за свое вязанье.

Водворилась прежняя тишина. Съ набережной, отдѣленной отъ дома густымъ садомъ, только изрѣдка доносился гудокъ автомобиля, затѣмъ опять все стихало.

Таня и теперь поминутно поглядывала на брата. Онъ сидѣлъ неподвижно, глядя на море. Чернота его волосъ, глазъ, густыхъ бровей, какъ у сестры, и пушка надъ верхней губой оттѣняла мраморную бѣлизну его лица. Но лицо это не было неподвижно. Иногда по немъ пробѣгала тѣнь, и трудно было опредѣлить, вызывается ли это судорожное движеніе физическою или нравственною болью.

— Ты еще ужинать не хочешь, Гриша?

— Нѣтъ, какъ будто рано.

— Семь часовъ.

И опять въ комнатѣ воцарилась тишина.

— Ахъ, да, Таня, я все забываю тебя спросить: что у насъ, въ имѣніи, ничего не случилось?

— Нѣтъ, Гриша, ничего.

— И ты не безпокоишься?

— Нѣтъ основанія, Гриша.

— Я спрашиваю потому, Таня, что ты иногда не совсѣмъ откровенна со мною, боясь меня встревожить.

— Нѣтъ, Гриша, на этотъ разъ я ничего не скрываю.

— Видишь, Таня,—единственное, что могло бы меня теперь встревожить, это еслибы аграрные безпорядки коснулись нашего имѣнія.

— Гриша, это невозможно.

— Ты думаешь?

— Я не только это думаю, я въ этомъ увѣрена. Посуди самъ. Вѣдь отъ нашего имѣнія осталось очень мало. Это уже не имѣніе, а скорѣе—одна усадьба. Почти вся земля продана крестьянамъ. Ты знаешь, какъ покойный отецъ о нихъ заботился. И потомъ,—повторила она:—потомъ, мнѣ кажется...

— Да, да,—подтвердилъ братъ:—папа для нихъ много сдѣлалъ. Все у нихъ есть: и земля, и больница, и дѣтскій пріютъ, и прекрасная школа, и всѣ они грамотны, благодаря отцу благодаря тебѣ...

— Вотъ я и хотѣла сказать, что крестьяне не могутъ себѣ представить деревню безъ нашей усадьбы, какъ я не могу себѣ представить, чтобы судьба каждаго изъ нихъ мнѣ не была дорога.

— А я,—сказалъ больной и повернулъ голову къ сестрѣ:—не могу себѣ представить тебя иначе, какъ въ рамкѣ нашей усадьбы...

— Да, милый, еслибы я лишилась нашей усадьбы, я лишилась бы многаго, можетъ быть всего, потому что я съ ней—какъ бы это выразить?—ну, срослась. Тамъ всѣ дорогія мои

воспоминанія, тамъ могила нашихъ родителей, тамъ люди, которыхъ я полюбила, какъ родныхъ, тамъ слѣды работы отца и моей собственной...

— Знаю, знаю, Таня. Поэтому я и сказалъ, что меня можетъ встревожить только одна мысль,—мысль о томъ, что усадьбы уже нѣтъ, или что тебѣ нельзя будетъ уже туда вернуться.

— Гриша, мы оба туда вернемся, мы оба проживемъ тамъ еще много хорошихъ лѣтъ.

Больной все время любовно смотрѣлъ на сестру. Теперь его взглядъ потухъ. Онъ повернулъ опять лицо къ морю.

X.

Марина произвела на князя несомнѣнное впечатлѣніе. Но что̀ это была за женщина, онъ рѣшительно отказывался понять. Ея внѣшній обликъ не соотвѣтствовалъ ни ея рѣчамъ, ни ея жизни, насколько онъ себѣ ее уяснилъ. Но и къ женщинамъ полусвѣта, какихъ до сихъ поръ видѣлъ князь, она нисколько не подходила. Въ ней было что-то своеобразное, оригинальное,—оригинальное въ самомъ ея существѣ. Но въ чемъ заключалась эта оригинальность, князь опять отказывался понять. Одно для него было ясно: онъ ея боялся, а до сихъ поръ онъ еще не боялся ни одной женщины въ жизни. Очевидно, онъ могъ подчиниться ея чарамъ, а этого онъ не хотѣлъ, потому что Марина не внушала ему довѣрія. Она была очень красива, очень умна и проницательна, но каково было ея прошлое, къ чему она стремится въ жизни, что̀ у нея лежало на душѣ? На всѣ эти вопросы князь не могъ отвѣтить и, не желая совершить крупную ошибку, въ которой пришлось бы раскаиваться, онъ рѣшилъ больше не ѣздить въ Больё, чувствуя, что если онъ поѣдетъ, то только затянетъ отношенія, которыя надо сразу прекратить.

Какъ-то разъ къ нему заѣхалъ Мароковъ. Они позавтракали вмѣстѣ и говорили больше о войнѣ. Много интереснаго сообщилъ князю участникъ этой мрачной трагедіи, и все это било въ одну точку, подтверждало только мнѣніе, которое составилъ себѣ князь уже раньше. Въ общемъ получалась картина невѣроятной безтолковщины, вопіющаго незнанія, практической неспособности, нерадѣнія, халатности. Тутъ личная храбрость, самоотверженіе дѣлу помочь не могли, тѣмъ болѣе, что истинное воодушевленіе отсутствовало, то-есть отсутствовало убѣжденіе,

что эта война необходима, что она предпринята для защиты насущныхъ интересовъ государства. Настроеніе общества отражалось на арміи. Она исполняла свой долгъ, но душевнаго подъема не было.

Только въ концѣ завтрака зашла рѣчь о Маринѣ.

— Знаете что̀, князь,—сказалъ Мароковъ.—Я отъ нашей красавицы почти отказался.

— Что̀ такъ?—не безъ удивленія спросилъ князь.—Впрочемъ,—спохватился онъ:—у васъ тогда съ нею что-то въ колискѣ произошло: маленькое недоразумѣніе...

— Да, представьте себѣ: я у нея при какомъ-то удобномъ или неудобномъ случаѣ поцѣловалъ ручку. Она ничего, какъ будто отнеслась благосклонно. Но когда я кончилъ свой, правда, нѣсколько продолжительный поцѣлуй, она, взглянувъ на меня очень серьезно и отдѣливъ лѣвой рукой правую до кисти, сказала: „Вотъ, генералъ, ваша демаркаціонная линія,—такъ и сказала: де-мар-ка-ціон-ная линія.—Если вы ее нарушите, начнется война, а я сумѣю за себя постоять“. Но, конечно, это пустяки. А вотъ что̀ важнѣе: мнѣ показалось, что Комовъ серьезно въ нее врѣзался. Не стану же я ссориться изъ-за нея съ старымъ товарищемъ!

— Ну, а какъ же съ вашимъ „отдыхомъ отъ лишеній“? Я думаю, что при такихъ условіяхъ вамъ лучше переселиться въ Ниццу,—замѣтилъ князь.—Вы тутъ легче найдете, выражаясь языкомъ русскихъ либераловъ, компенсацію.

— Зачѣмъ переселяться? Мнѣ и въ Больё хорошо. И тамъ у меня уже три компенсаціи намѣчены,—заявилъ генералъ.—Особенно одна изъ нихъ хороша: итальянка, правда, не первой молодости, но, скажу вамъ,—огонь.

— А отчего вы думаете, что Комовъ серьезно влюбился въ Марину?

— Да знаете, князь, слишкомъ онъ ужъ щадитъ ея прошлое,—знакъ нехорошій,—протянулъ Мароковъ.

— Но, можетъ быть, въ ея прошломъ ничего особенно предосудительнаго нѣтъ?—возразилъ князь.

— Этакая женщина, да еще съ такими ухватками, и чтобъ ничего не было? За кого вы ее принимаете, князь?.. И Комовъ хорошъ! Рѣшительно увѣряетъ, что она неприступна. Впрочемъ, это, можетъ быть, только военная хитрость: хочетъ, чтобы я отошелъ, и чтобы поле было для него свободно.

— Пожалуй,—согласился князь.

— Однако, вотъ что̀,—продолжалъ Мароковъ:—мнѣ кажется, что онъ ошибется въ разсчетѣ.

И онъ придвинулся къ князю.

— Марина,—шепнулъ онъ ему таинственно:—мѣтитъ не въ него, а въ васъ, князь. Вы для нея жирный призъ, пожирнѣе насъ съ Комовымъ.

— Комовъ можетъ успокоиться,—возразилъ князь сухо:—я ему соперникомъ не буду.

— Да, да, знаю,—отвѣтилъ Мароковъ.—Вы этихъ женщинъ не любите.

— Не любилъ и никогда любить не буду,—такъ же сухо заявилъ князь.

Послѣ завтрака они пошли прогуляться. Куда было идти, какъ не на „Promenade des Anglais“,—единственное близкое и удобное мѣсто прогулокъ для иностранцевъ.

Публики было много. Погода стояла хорошая, какъ почти всегда въ Ниццѣ. Только вѣтеръ былъ сильный, и люди поговаривали даже о мистралѣ. Но солнце такъ ласково грѣло гуляющихъ, что они и не думали уходить съ набережной.

Мароковъ скоро покинулъ князя: встрѣтился какой-то петербургскій знакомый, котораго онъ года три уже не видѣлъ.

Разговоръ съ Мароковымъ утомилъ князя, и онъ быстрымъ шагомъ направился къ Pont Magnan. Онъ хотѣлъ размять члены, да и на той части набережной онъ не рисковалъ встрѣтить знакомыхъ: тамъ публики всегда сравнительно мало.

Но жизнь часто устраиваетъ сюрпризы. Князь избѣгалъ знакомыхъ и встрѣтилъ ихъ тамъ, гдѣ меньше всего этого ожидалъ.

Онъ уже дошелъ до Pont Magnan и возвращался оттуда, когда вниманіе его привлекла на себя какая-то дама, вдали пересѣкавшая набережную по направленію къ морю. Князя точно что-то кольнуло. Онъ узналъ въ этой дамѣ знакомую незнакомку, встрѣченную имъ на улицѣ St. François de Paule. Она шла очень медленно, въ глубокой задумчивости и, приблизившись къ морю, точно въ изнеможеніи опустилась на скамейку.

Князь видѣлъ ее опять въ профиль, и опять онъ началъ мучительно себя спрашивать,—гдѣ же онъ видѣлъ эту дѣвушку? На этотъ разъ онъ рѣшился во что бы то ни стало покончить съ назойливой загадкой. Онъ продолжалъ идти въ прежнемъ направленіи, затѣмъ вдругъ круто повернулъ назадъ, но уже вдоль самаго моря, такъ чтобы пройти между нимъ и дѣвушкой, сидѣвшей теперь неподвижно на скамейкѣ. Пока онъ къ ней приближался, онъ продолжалъ видѣть ее только въ профиль, и загадка оставалась загадкой. Но когда онъ съ ней поровнялся, она невольно взглянула на него, потому что проходъ между ска-

мейкой и перилами набережной былъ довольно тѣсный, и естественно возникало предположеніе, что появившійся тутъ человѣкъ шелъ къ ней. Когда она взглянула на князя снизу вверхъ, загадка сразу разрѣшилась, и князь снялъ шляпу, привѣтствуя ее молчаливымъ поклономъ, потому что твердо помнилъ только ея фамилію, но совершенно забылъ ея имя и отчество, если вообще ихъ когда-нибудь зналъ. Фамилія ея была Левецкая, встрѣчалъ онъ ее нѣсколько разъ въ Петербургѣ у общихъ знакомыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ еще состоялъ на дипломатической службѣ и пріѣхалъ въ Россію во время отпуска.

Дѣвушка его сразу признала.

— Здравствуйте, князь,—отвѣтила она на его поклонъ.

— Давно мы съ вами не встрѣчались,—замѣтилъ князь.

Они стали припоминать обстоятельства своихъ встрѣчъ, общихъ знакомыхъ. Князь кое-что разсказалъ о себѣ; дѣвушка отвѣчала односложно, какъ бы желая поскорѣе прекратить разговоръ съ полузнакомымъ ей человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, рѣчь зашла о томъ, почему она пріѣхала въ Ниццу. Заговорили объ ея больномъ братѣ. Тутъ дѣвушка стала разговорчивѣе, но въ то же время ея лицо приняло такое печальное выраженіе, что князю стало ее жаль. Онъ вдругъ что-то вспомнилъ.

— Вы знаете, что теперь въ Ниццѣ находится знаменитый спеціалистъ?

И князь назвалъ извѣстнаго профессора. Онъ думалъ, что это извѣстіе обрадуетъ дѣвушку, но она отнеслась къ нему довольно равнодушно.

— Кажется, уже поздно,—произнесла она съ такою безнадежностью, что князю стало жутко.

Глаза ея были устремлены на море. Въ нихъ не было слезъ, была только неподвижность, но эта неподвижность и была страшна.

— А все-таки, если позволите, я этого спеціалиста вамъ приведу. Я съ нимъ хорошо знакомъ: онъ лечилъ нашего посла, и хотя здѣсь практикой не занимается, но не откажетъ,—я въ этомъ увѣренъ.

— Очень вамъ благодарна,—отвѣтила дѣвушка, но трудно было сказать, даетъ ли она себѣ отчетъ въ собственныхъ словахъ.

— Такъ позвольте вашъ адресъ,—прибавилъ князь.

— Да мы живемъ здѣсь, вотъ въ этой виллѣ,—отвѣтила дѣвушка и, повернувшись, указала на зданіе за своей спиной.

— Такъ мы явимся завтра или послѣзавтра, какъ только профессору можно будетъ. Вашъ братъ не выѣзжаетъ?

— Нѣтъ, за послѣдніе дни ему пришлось и отъ этого отказаться,—отвѣтила дѣвушка.—Благодарю васъ.

Князь, низко поклонившись, отошелъ съ свойственной ему степенностью. Но вскорѣ онъ ускорилъ шагъ, и походка его сдѣлалась нервною, торопливою. Подходя къ Jetée, онъ сказалъ себѣ: „Я словно обратился въ бѣгство отъ этой дѣвушки. Что это значитъ?“ И тутъ только онъ понялъ причину своей нервности: его преслѣдовалъ неподвижный взглядъ красивыхъ глазъ Левецкой. Онъ этотъ взглядъ уловилъ уже въ глазахъ ея брата тогда, на улицѣ St. François de Paule. У сестры это было отраженіе—„отраженіе смерти“,—сказалъ себѣ князь. И онъ рѣшилъ тотчасъ же отправиться къ знаменитости: надо спасти и брата, и сестру.

Онъ засталъ профессора дома и былъ встрѣченъ имъ очень любезно. Можетъ быть, онъ немного скучалъ по паціентамъ, предаваясь непривычному отдыху. Вспомнили объ общихъ знакомыхъ, слегка посплетничали о высокопоставленныхъ особахъ, профессоръ звучно смѣялся. Рѣшено было навѣстить больного на другой день въ девять часовъ утра.

Князь былъ очень доволенъ, что все устроилось такъ гладко. „Только не было бы этого взгляда“,—повторилъ онъ нѣсколько разъ, возвращаясь домой.

XI.

Но ему не суждено было отдохнуть. Онъ вспомнилъ, что всесвѣтная знаменитость ему строго-на-строго наказала переговорить съ пользующимъ больного мѣстнымъ врачомъ, чтобы, не обижая его, назначить день и часъ консиліума. „Онъ, конечно, согласится съ назначеннымъ мною временемъ,—прибавила знаменитость, — но коллегіальная вѣжливость должна быть соблюдена“.

Такимъ образомъ пришлось съѣздить еще разъ на Promenade des Anglais, узнать отъ Мари адресъ пользовавшаго Левецкаго врача и съѣздить къ нему. Въ этотъ день князю везло: онъ и этого врача засталъ дома. Какъ предвидѣла знаменитость, онъ согласился на назначенное ему время консиліума, хотя и сдѣлалъ видъ, что ему это очень трудно, потому что онъ страшно занятъ. Наконецъ все было улажено, но оставалось съѣздить еще разъ къ Левецкимъ и предупредить ихъ относительно времени консиліума, такъ что было уже почти шесть часовъ, когда князь вернулся къ себѣ въ отель.

Во время этихъ разъѣздовъ его все занимала мысль,—съ чего это онъ такъ принялъ къ сердцу участь молодого Левецкаго. Не все ли ему равно, что съ нимъ будетъ? Можетъ быть, шалопай какой-нибудь, а онъ разъѣзжаетъ по городу, чтобы спасти его жизнь. Притомъ сестра сама говоритъ, что спасать брата уже поздно. Значитъ, нечего и хлопотать. Это соображеніе показалось ему настолько убѣдительнымъ, что ему все хотѣлось разсмѣяться надъ самимъ собою, когда онъ торопилъ фіакръ и мчался изъ одного конца города въ другой, звонилъ къ докторамъ, уговаривалъ ихъ согласиться на его предложеніе или таинственно перешептывался у подъѣзда Левецкихъ о здоровьи больного и о предстоявшемъ консиліумѣ.

И, тѣмъ не менѣе, онъ все это дѣлалъ и зналъ, что сколько бы онъ себѣ ни приводилъ доводовъ въ ненужности всего имъ затѣяннаго, онъ все-таки ни отъ чего не откажется, даже еслибы все это требовало отъ него гораздо болѣе значительныхъ жертвъ. Ему стоило закрыть глаза, и онъ видѣлъ неподвижный взглядъ Левецкой, который всему въ сущности и былъ причиной. „Только не этотъ взглядъ, только не этотъ взглядъ!“ Эти слова онъ повторялъ точно заученный урокъ.

Наконецъ онъ былъ дома. Онъ съ удовольствіемъ растянулся на кушеткѣ. Но и тутъ взоръ Левецкой его преслѣдовалъ. „Что же это наконецъ такое?“—воскликнулъ онъ внутренно. И опять на него нашло то чувство необъяснимой тревоги, которое отравляло ему жизнь за послѣднее время.

Онъ всталъ и направился къ письменному столу. На видномъ мѣстѣ тутъ лежало письмо, которое онъ не замѣтилъ, входя въ комнату. Его всегда предупреждали, если въ его отсутствіе получались письма; на этотъ разъ, однако, должно быть, забыли.

Это была изящная открытка, исписанная незнакомымъ почеркомъ. Внизу красовались инициалы: „М. Р.“

Онъ сѣлъ въ кресло тутъ же у письменнаго стола и сталъ читать:

„Ужасно захотѣлось бульябесу. Знатоки говорятъ, что его лучше всего приготовляютъ въ... (слѣдовало названіе одного изъ самыхъ шикарныхъ ресторановъ Ниццы). Буду тамъ обѣдать сегодня ровно въ семь. Теперь дѣлаю въ разныхъ магазинахъ покупки. Если вы не заняты, приходите: проведемъ вечеръ вмѣстѣ. Если заняты или меня боитесь, пообѣдаю одна. Ваша М. Р.“

Князь прочелъ письмо, и первое его впечатлѣніе была досада. „Особа эта рѣшительно мнѣ навязывается,—подумалъ онъ,—Съ чего это она выдумала, что я пойду на этотъ tête-à-tête?“—

въ сердцахъ проговорилъ онъ. Это чувство досады было такъ сильно, что онъ на мигъ забылъ о своей внутренней тревогѣ. Но затѣмъ эта тревога возродилась съ новою силою, и ему почему-то показалось, что и полученное имъ письмо находится съ ней въ какой-то связи. Онъ спросилъ себя,—почему онъ могъ получить это письмо, и необычайно ясно вспомнилъ, какъ онъ съ Мариной сидѣлъ на скамейкѣ изъ туфа, и она ему разсказывала, что онъ любитъ. Онъ вспомнилъ ея слова. „А жаль: вѣдь каждая изъ этихъ далекихъ звѣздочекъ представляетъ собою цѣлый міръ", вспомнилъ серьезное выраженіе ея красиваго лица, вспомнилъ, какъ онъ вглядывался въ нее и настойчиво спрашивалъ себя: „Да кто же она, наконецъ,—Галатея, ожидающая своего Пигмаліона?" Онъ вспомнилъ все это, и ему какимъ-то внутреннимъ чувствомъ стало до очевидности ясно, что онъ на назначенное ему свиданіе пойдетъ.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ снова сталъ размышлять. „Зачѣмъ я пойду? — спросилъ онъ себя.—Вѣдь не хочу я въ самомъ дѣлѣ попасть въ сѣти этой женщины? Въ сѣти?—переспросилъ онъ себя.—А если сѣтей никакихъ нѣтъ? Или сѣти могутъ быть не изъ числа опасныхъ?" Нѣтъ, эту мысль онъ отвергалъ. Въ Маринѣ было нѣчто слишкомъ опредѣленное, слишкомъ положительное, чтобы можно было предположить простой капризъ съ ея стороны. А покушеніе, и притомъ очень основательное, на его кошелекъ, на его состояніе? Князь задумался надъ этимъ вопросомъ. Онъ вспомнилъ то, что ему разсказалъ о Маринѣ Комовъ. Многіе, и до ея мужа, остались при „печальномъ интересѣ": вѣдь между ними были навѣрное и богатые ухаживатели. А для Марины можно было раскошелиться. Не даромъ Мароковъ говорилъ, что онъ „такихъ штучекъ еще не видалъ". Чѣмъ болѣе князь вдумывался въ этотъ вопросъ, тѣмъ рѣшительнѣе онъ отвергалъ простое покушеніе на свой карманъ.

Такъ въ чемъ же дѣло? Зачѣмъ же Марина написала ему это приглашеніе? Что побудило ее искать его общества съ нарушеніемъ обычныхъ формъ приличія? И не свидѣтельствовало ли именно это обстоятельство о томъ, что Марина стоитъ выше всякихъ подозрѣній, что она нисколько не боится скомпрометировать себя? Вѣдь изъ десяти тысячъ женщинъ ни одна не поступила бы такъ?

И вдругъ у князя возникло представленіе, которое онъ съ перваго раза даже не сумѣлъ назвать. Князь и она, оба въ жизни одинокіе, оба любящіе свободу больше всего, оба съ любопытствомъ присматривающіеся къ людямъ, немного скептически

настроенные, иронизирующіе надъ собой и другими, совершающіе свой жизненный путь самостоятельно, не оглядываясь на свѣтъ, на то, что̀ его печалитъ, радуетъ, волнуетъ, „далекія звѣздочки“ для всѣхъ, но звѣздочки, которыя представляютъ собою цѣлый міръ своеобразныхъ взглядовъ, настроеній, чувствъ,—да что̀ же это? Это вѣдь сродство душъ. Какъ могла бы Марина такъ вѣрно уловить его духовный обликъ, еслибы она не была ему родственною душою?

И когда князь произнесъ это слово, для него все вдругъ какъ будто озарилось яркимъ свѣтомъ. Вотъ почему онъ умомъ хотѣлъ отойти отъ нея, а сердцемъ приближался къ ней. Ему хотѣлось не только любоваться ея красотою, ему хотѣлось проникнуть въ ея душу, съ увѣренностью, что онъ найдетъ въ ней откликъ собственной душѣ.

И опять княземъ овладѣвали сомнѣнія. Все-таки какое странное прошлое у этой женщины! Почему жизнь другихъ женщинъ складывается совершенно иначе, почему выработались опредѣленныя категоріи, подъ которыя можно подвести всѣхъ женщинъ, а Марину ни подъ одну изъ нихъ не подведешь? Странно, очень странно! Неужели она совершенно исключительная натура? И, подумавъ это, князь улыбался своей саркастическою улыбкою. „Да въ такомъ случаѣ вѣдь и я — совершенно исключительная натура, потому что между нами несомнѣнно очень много общаго“.

И все-таки...

Князь только-что подумалъ, что онъ умомъ хочетъ отойти отъ Марины, а сердцемъ приближается къ ней. Теперь выходило наоборотъ: умъ приводилъ его къ Маринѣ, сердце отталкивало отъ нея. Ея прошлое... Сколько мужчинъ уже говорили ей слова любви, сколько уже написала она записокъ, вродѣ той, которая теперь лежала у него на столѣ? Или онъ первый избранникъ? Что̀ за вздоръ! Не онъ, человѣкъ опытный, которому скоро стукнетъ уже сорокъ лѣтъ, который всю жизнь внимательно присматривался къ людямъ, этому повѣритъ. Она не только пала,—она пала и падала. Откуда иначе у нея этотъ жизненный опытъ, это умѣнье обращаться съ мужчинами, этотъ увѣренный взглядъ, это спокойствіе удовлетворенной страсти, это бравированіе независимостью отъ свѣтскихъ приличій и... и... этотъ дѣвственный обликъ? „Casta diva“, — произнесъ князь почти вслухъ. Неужели наружность можетъ быть до того обманчива?

Князь колебался; онъ не находилъ рѣшенія загадки, теперь сдѣлавшейся столь же мучительной, какъ безотчетная тревога, такъ часто имъ овладѣвавшая.

въ сердцахъ проговорилъ онъ. Это чувство досады было такъ сильно, что онъ на мигъ забылъ о своей внутренней тревогѣ. Но затѣмъ эта тревога возродилась съ новою силою, и ему почему-то показалось, что и полученное имъ письмо находится съ ней въ какой-то связи. Онъ спросилъ себя,—почему онъ могъ получить это письмо, и необычайно ясно вспомнилъ, какъ онъ съ Мариной сидѣлъ на скамейкѣ изъ туфа, и она ему разсказывала, что̀ онъ любитъ. Онъ вспомнилъ ея слова. „А жаль: вѣдь каждая изъ этихъ далекихъ звѣздочекъ представляетъ собою цѣлый міръ“, вспомнилъ серьезное выраженіе ея красиваго лица, вспомнилъ, какъ онъ вглядывался въ нее и настойчиво спрашивалъ себя: „Да кто же она, наконецъ,—Галатея, ожидающая своего Пигмаліона?“ Онъ вспомнилъ все это, и ему какимъ-то внутреннимъ чувствомъ стало до очевидности ясно, что онъ на назначенное ему свиданіе пойдетъ.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ снова сталъ размышлять. „Зачѣмъ я пойду? — спросилъ онъ себя.—Вѣдь не хочу я въ самомъ дѣлѣ попасть въ сѣти этой женщины? Въ сѣти?—переспросилъ онъ себя.—А если сѣтей никакихъ нѣтъ? Или сѣти могутъ быть не изъ числа опасныхъ?“ Нѣтъ, эту мысль онъ отвергалъ. Въ Маринѣ было нѣчто слишкомъ опредѣленное, слишкомъ положительное, чтобы можно было предположить простой капризъ съ ея стороны. А покушеніе, и притомъ очень основательное, на его кошелекъ, на его состояніе? Князь задумался надъ этимъ вопросомъ. Онъ вспомнилъ то, что̀ ему разсказалъ о Маринѣ Комовъ. Многіе, и до ея мужа, остались при „печальномъ интересѣ“: вѣдь между ними были навѣрное и богатые ухаживатели. А для Марины можно было раскошелиться. Не даромъ Мароковъ говорилъ, что онъ „такихъ штучекъ еще не видалъ“. Чѣмъ болѣе князь вдумывался въ этотъ вопросъ, тѣмъ рѣшительнѣе онъ отвергалъ простое покушеніе на свой карманъ.

Такъ въ чемъ же дѣло? Зачѣмъ же Марина написала ему это приглашеніе? Что̀ побудило ее искать его общества съ нарушеніемъ обычныхъ формъ приличія? И не свидѣтельствовало ли именно это обстоятельство о томъ, что Марина стоитъ выше всякихъ подозрѣній, что она нисколько не боится скомпрометировать себя? Вѣдь изъ десяти тысячъ женщинъ ни одна не поступила бы такъ?

И вдругъ у князя возникло представленіе, которое онъ съ перваго раза даже не сумѣлъ назвать. Князь и она, оба въ жизни одинокіе, оба любящіе свободу больше всего, оба съ любопытствомъ присматривающіеся къ людямъ, немного скептически

настроенные, иронизирующіе надъ собой и другими, совершающіе свой жизненный путь самостоятельно, не оглядываясь на свѣтъ, на то, что̀ его печалитъ, радуетъ, волнуетъ, „далекія звѣздочки“ для всѣхъ, но звѣздочки, которыя представляютъ собою цѣлый міръ своеобразныхъ взглядовъ, настроеній, чувствъ,—да что̀ же это? Это вѣдь сродство душъ. Какъ могла бы Марина такъ вѣрно уловить его духовный обликъ, еслибы она не была ему родственною душою?

И когда князь произнесъ это слово, для него все вдругъ какъ будто озарилось яркимъ свѣтомъ. Вотъ почему онъ умомъ хотѣлъ отойти отъ нея, а сердцемъ приближался къ ней. Ему хотѣлось не только любоваться ея красотою, ему хотѣлось проникнуть въ ея душу, съ увѣренностью, что онъ найдетъ въ ней откликъ собственной душѣ.

И опять княземъ овладѣвали сомнѣнія. Все-таки какое странное прошлое у этой женщины! Почему жизнь другихъ женщинъ складывается совершенно иначе, почему выработались опредѣленныя категоріи, подъ которыя можно подвести всѣхъ женщинъ, а Марину ни подъ одну изъ нихъ не подведешь? Странно, очень странно! Неужели она совершенно исключительная натура? И, подумавъ это, князь улыбался своей саркастическою улыбкою. „Да въ такомъ случаѣ вѣдь и я — совершенно исключительная натура, потому что между нами несомнѣнно очень много общаго“.

И все-таки...

Князь только-что подумалъ, что онъ умомъ хочетъ отойти отъ Марины, а сердцемъ приближается къ ней. Теперь выходило наоборотъ: умъ приводилъ его къ Маринѣ, сердце отталкивало отъ нея. Ея прошлое... Сколько мужчинъ уже говорили ей слова любви, сколько уже написала она записокъ, вродѣ той, которая теперь лежала у него на столѣ? Или онъ первый избранникъ? Что̀ за вздоръ! Не онъ, человѣкъ опытный, которому скоро стукнетъ уже сорокъ лѣтъ, который всю жизнь внимательно присматривался къ людямъ, этому повѣритъ. Она не только пала,—она пала и падала. Откуда иначе у нея этотъ жизненный опытъ, это умѣнье обращаться съ мужчинами, этотъ увѣренный взглядъ, это спокойствіе удовлетворенной страсти, это бравированіе независимостью отъ свѣтскихъ приличій и... и... этотъ дѣвственный обликъ? „Casta diva“, — произнесъ князь почти вслухъ. Неужели наружность можетъ быть до того обманчива?

Князь колебался; онъ не находилъ рѣшенія загадки, теперь сдѣлавшейся столь же мучительной, какъ безотчетная тревога, ікъ часто имъ овладѣвавшая.

въ сердцахъ проговорилъ онъ. Это чувство досады было такъ сильно, что онъ на мигъ забылъ о своей внутренней тревогѣ. Но затѣмъ эта тревога возродилась съ новою силою, и ему почему-то показалось, что и полученное имъ письмо находится съ ней въ какой-то связи. Онъ спросилъ себя,—почему онъ могъ получить это письмо, и необычайно ясно вспомнилъ, какъ онъ съ Мариной сидѣлъ на скамейкѣ изъ туфа, и она ему разсказывала, что онъ любитъ. Онъ вспомнилъ ея слова. „А жаль: вѣдь каждая изъ этихъ далекихъ звѣздочекъ представляетъ собою цѣлый міръ", вспомнилъ серьезное выраженіе ея красиваго лица, вспомнилъ, какъ онъ вглядывался въ нее и настойчиво спрашивалъ себя: „Да кто же она, наконецъ,—Галатея, ожидающая своего Пигмаліона?" Онъ вспомнилъ все это, и ему какимъ-то внутреннимъ чувствомъ стало до очевидности ясно, что онъ на назначенное ему свиданіе пойдетъ.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ снова сталъ размышлять. „Зачѣмъ я пойду? — спросилъ онъ себя.—Вѣдь не хочу я въ самомъ дѣлѣ попасть въ сѣти этой женщины? Въ сѣти?—переспросилъ онъ себя.—А если сѣтей никакихъ нѣтъ? Или сѣти могутъ быть не изъ числа опасныхъ?" Нѣтъ, эту мысль онъ отвергалъ. Въ Маринѣ было нѣчто слишкомъ опредѣленное, слишкомъ положительное, чтобы можно было предположить простой капризъ съ ея стороны. А покушеніе, и притомъ очень основательное, на его кошелекъ, на его состояніе? Князь задумался надъ этимъ вопросомъ. Онъ вспомнилъ то, что ему разсказалъ о Маринѣ Комовъ. Многіе, и до ея мужа, остались при „печальномъ интересѣ": вѣдь между ними были навѣрное и богатые ухаживатели. А для Марины можно было раскошелиться. Не даромъ Мароковъ говорилъ, что онъ „такихъ штучекъ еще не видалъ". Чѣмъ болѣе князь вдумывался въ этотъ вопросъ, тѣмъ рѣшительнѣе онъ отвергалъ простое покушеніе на свой карманъ.

Такъ въ чемъ же дѣло? Зачѣмъ же Марина написала ему это приглашеніе? Что побудило ее искать его общества съ нарушеніемъ обычныхъ формъ приличія? И не свидѣтельствовало ли именно это обстоятельство о томъ, что Марина стоитъ выше всякихъ подозрѣній, что она нисколько не боится скомпрометировать себя? Вѣдь изъ десяти тысячъ женщинъ ни одна не поступила бы такъ?

И вдругъ у князя возникло представленіе, которое онъ съ перваго раза даже не сумѣлъ назвать. Князь и она, оба въ жизни одинокіе, оба любящіе свободу больше всего, оба съ любопытствомъ присматривающіеся къ людямъ, немного скептически

настроенные, иронизирующіе надъ собой и другими, совершающіе свой жизненный путь самостоятельно, не оглядываясь на свѣтъ, на то, что̀ его печалитъ, радуетъ, волнуетъ, „далекія звѣздочки“ для всѣхъ, но звѣздочки, которыя представляютъ собою цѣлый міръ своеобразныхъ взглядовъ, настроеній, чувствъ,—да что̀ же это? Это вѣдь сродство душъ. Какъ могла бы Марина такъ вѣрно уловить его духовный обликъ, еслибы она не была ему родственною душою?

И когда князь произнесъ это слово, для него все вдругъ какъ будто озарилось яркимъ свѣтомъ. Вотъ почему онъ умомъ хотѣлъ отойти отъ нея, а сердцемъ приближался къ ней. Ему хотѣлось не только любоваться ея красотою, ему хотѣлось проникнуть въ ея душу, съ увѣренностью, что онъ найдетъ въ ней откликъ собственной душѣ.

И опять княземъ овладѣвали сомнѣнія. Все-таки какое странное прошлое у этой женщины! Почему жизнь другихъ женщинъ складывается совершенно иначе, почему выработались опредѣленныя категоріи, подъ которыя можно подвести всѣхъ женщинъ, а Марину ни подъ одну изъ нихъ не подведешь? Странно, очень странно! Неужели она совершенно исключительная натура? И, подумавъ это, князь улыбался своей саркастическою улыбкою. „Да въ такомъ случаѣ вѣдь и я — совершенно исключительная натура, потому что между нами несомнѣнно очень много общаго“.

И все-таки...

Князь только-что подумалъ, что онъ умомъ хочетъ отойти отъ Марины, а сердцемъ приближается къ ней. Теперь выходило наоборотъ: умъ приводилъ его къ Маринѣ, сердце отталкивало отъ нея. Ея прошлое... Сколько мужчинъ уже говорили ей слова любви, сколько уже написала она записокъ, вродѣ той, которая теперь лежала у него на столѣ? Или онъ первый избранникъ? Что̀ за вздоръ! Не онъ, человѣкъ опытный, которому скоро стукнетъ уже сорокъ лѣтъ, который всю жизнь внимательно присматривался къ людямъ, этому повѣритъ. Она не только пала,—она пала и падала. Откуда иначе у нея этотъ жизненный опытъ, это умѣнье обращаться съ мужчинами, этотъ увѣренный взглядъ, это спокойствіе удовлетворенной страсти, это бравированіе независимостью отъ свѣтскихъ приличій и... и... этотъ дѣвственный обликъ? „Casta diva“, — произнесъ князь почти вслухъ. Неужели наружность можетъ быть до того обманчива?

Князь колебался; онъ не находилъ рѣшенія загадки, теперь сдѣлавшейся столь же мучительной, какъ безотчетная тревога, такъ часто имъ овладѣвавшая.

вало. Но князь чувствовалъ, что на него дѣйствуетъ и вино,—онъ вообще пилъ очень мало,—и Марина, дыханіе которой его странно взволновало, когда она сообщала ему на ухо свою тайну. Онъ всталъ и какъ-то неумѣстно сказалъ, указывая на окно:

— Какъ море волнуется!

Марина тоже встала, подошла къ окну и стала рядомъ съ нимъ. Въ этомъ движеніи было что-то, указывавшее на установившуюся между ними близость.

— Море бушуетъ, а у меня на душѣ тихо; мнѣ хорошо,—прошептала Марина.

Князь не разслышалъ этихъ словъ; онъ ихъ уловилъ въ ея ясномъ, спокойномъ взглядѣ. Она продолжала стоять возлѣ него молча, и это молчаніе усиливало ихъ близость.

Марина видѣла волненіе князя и, сѣвъ на отоманку, словно замерла.

— Шампанскаго я больше пить не буду, да и кофе не хочу,—произнесла она тихимъ, какъ бы отсутствующимъ голосомъ, въ которомъ трудно было признать ея сочный контральтъ.

— А я все-таки велю подать шампанскаго,—отвѣтилъ князь, не садясь:—самъ буду пить.

Марина не возражала. Она какъ будто понимала настроеніе князя. Онъ позвонилъ. Новая бутылка появилась на столѣ.

— Черезъ полчаса вы намъ подадите кофе,—распорядился князь.

Это была дипломатическая хитрость: князь опять боялся предстоящаго tête-à-tête.

Дверь снова закрылась. Теперь князь волей-неволей долженъ былъ сѣсть возлѣ Марины.

— Итакъ, будемъ продолжать говорить о дѣлѣ,—сказала она, улыбаясь, но тѣмъ же сдержаннымъ, беззвучнымъ голосомъ.

— О любви?—спросилъ князь, улыбаясь.

— Объ искренности,—поправила его Марина, и голосъ ея звучалъ уже увѣреннѣе.

— Ахъ, да, объ искренности,—согласился князь, и въ умѣ его промелькнуло все, что онъ думалъ о Маринѣ за послѣднее время.

— Я сказала,—заявила она,—что есть положенія, когда ложь не только тягостна, но и преступна. Я думаю, что мы съ вами, князь, находимся въ такомъ именно положеніи теперь. Не хотите ли вы мнѣ что-нибудь сказать о себѣ или предложить мнѣ вопросъ?.. Я буду охотно отвѣчать.

Она смотрѣла на князя ясно и увѣренно, но взглядъ ея, казалось, былъ подернутъ и нѣжностью.

Князь колебался. Онъ далъ бы много, чтобъ уклониться отъ прямого отвѣта, но онъ былъ прижатъ къ стѣнѣ: отступленіе было невозможно.

Марина, видимо, и тутъ читала въ его душѣ. Она дотронулась до его руки и оставила свои пальцы на ней.

— Князь,—сказала она съ необыкновенною ласкою въ голосѣ: — неужели вамъ такъ трудно быть искреннимъ? Ну, скажемъ, вы ошиблись. Вы шли на одно свиданіе, когда прочли мою записку, а попали на другое. Вы думали найти одну изъ такихъ дамъ, а встрѣтили совсѣмъ не то. Но увѣрены ли вы, что дѣйствительно ошиблись?

Князь не отнималъ руки у Марины, но и не смотрѣлъ на нее: ея прямота его подавляла.

А она продолжала тѣмъ же ласкающимъ голосомъ:

— Я васъ буду допрашивать потомъ; начнемъ съ меня.

— Слушайте, Марина, бросимте этотъ разговоръ, — произнесъ онъ и взглянулъ на нее благодарнымъ взглядомъ:—каковы бы ни были ваши или мои намѣренія, каково бы ни было ваше или мое прошлое, я могу васъ только уважать за то, какъ вы со мной говорите. Такіе люди, какъ вы, встрѣчаются рѣдко.

Ея пальцы слегка нажали его руку.

— Скажите, князь, неужели васъ мое прошлое уже совсѣмъ не интересуетъ? Было бы жаль...

— Зачѣмъ все это, Марина!—сказалъ онъ.

Чуть замѣтная краска выступила на ея лицѣ, темныя рѣсницы закрыли ея глаза, она была удивительно хороша въ эту минуту.

Знала ли это Марина, но она сидѣла неподвижно, глаза ея все были опущены, и только какая-то отрѣшенная, нѣжная улыбка заиграла на тонкихъ ея губахъ.

— Марина, вы человѣка околдовать можете, — произнесъ князь.

— Знаю, хорошо это знаю,—отвѣтила Марина, не поднимая глазъ и сохраняя прежнее выраженіе:—а мое прошлое васъ все-таки не интересуетъ?

— Нѣтъ, Марина, я не хочу его знать,—вырвалось у князя стремительно.

— Вы не хотите, а я вамъ все-таки его разскажу. Когда мы сегодня разстанемся, оно васъ будетъ мучить. Князь,—сказала она, поднимая взоръ, и темные ея глаза, прямо устрем-

ленные на него, выражали состраданіе и нѣжность:—Кому можетъ быть пріятно мучить другого? Вы должны меня выслушать.

Она довѣрчиво приблизилась къ нему, такъ что ея платье коснулось его колѣна.

— Но нѣтъ, — спохватилась она: — велите сперва подать вашъ несносный кофе.

Она отодвинулась. Князь всталъ и позвонилъ. Онъ чувствовалъ легкую дрожь во всемъ тѣлѣ. Эта женщина вызывала въ немъ и порывы страсти, и какой-то безотчетный страхъ.

Кофе былъ поданъ. Лакей ушелъ.

— Ну, садитесь, князь. Шампанскаго я не хочу, но ликера выпью. Налейте мнѣ кохинура, выпьемъ вмѣстѣ.

Князь повиновался. Онъ начиналъ себя чувствовать какимъ-то безвольнымъ.

Было душно. Князь раскрылъ окно; раскаты бушевавшихъ волнъ ворвались въ комнату и словно наполнили ее.

— Вамъ, Марина, это не будетъ мѣшать?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, напротивъ, веселѣе будетъ: я буду пѣть, море—аккомпанировать.

И она, дѣйствительно, запѣла изъ „Маленькаго Фауста“:

„Fleur de candeur,
Je suis la petite Marguerite“...

Князя словно что-то рѣзнуло.

— Зачѣмъ это, Марина?—воскликнулъ онъ почти съ ужасомъ.

— Простите, князь, это самое подходящее вступленіе къ моему разсказу, — отвѣтила Марина, и вдругъ ея лицо приняло очень серьезное выраженіе:—Самое подходящее по тѣмъ мыслямъ, — поправилась она, — отъ которыхъ вы не можете отдѣлаться. Садитесь же и слушайте.

Князь сѣлъ на прежнее мѣсто возлѣ Марины, но она къ нему не приблизилась, а напротивъ, углубилась въ отоманку.

— Много я испытала въ жизни,— заговорила она. — Всего не разскажешь, да это было бы однообразно. Умеръ мой отецъ, когда я была совсѣмъ молода, оставивъ намъ съ матерью небольшую пенсію. Началась проза жизни, о которой вы, князь, вѣроятно, даже понятія не имѣете. Вѣчный недочетъ въ деньгахъ, безконечныя заботы о томъ, какъ урѣзать расходы, униженія, подчасъ оскорбленія, — словомъ, безпросвѣтное горе маленькихъ людишекъ. Да и о горѣ собственно нельзя говорить; просто сѣренькій осенній день съ нависшею мглою, грязный, скучный, и, что̀ хуже всего, конца ему не предвидѣлось...

— Марина, вы очень страдали въ это время вашей жизни?..

— Нѣтъ, къ чему эти громкія слова? Я не страдала, я просто прозябала, и съ каждымъ днемъ во мнѣ все крѣпла рѣшимость покончить съ этимъ безотраднымъ прозябаніемъ, уничтожавшимъ во мнѣ человѣка.

Марина задумалась, но вдругъ оживилась.

— Бывалъ у насъ въ домѣ тогда,— продолжала она,— студентъ-филологъ, тщедушный, но съ громадной копной волосъ надъ тощимъ, рябымъ лицомъ. Этотъ студентъ былъ поэтъ. Онъ былъ безумно въ меня влюбленъ и по меньшей мѣрѣ разъ въ недѣлю читалъ мнѣ свои стихи. Читалъ онъ плохо, тараща глаза и ударяя ладонью по столу, такъ что я подчасъ вздрагивала. Стиховъ его я не помню,— помню только, что они были тягучи и однообразны. Но содержаніе одного изъ этихъ стихотвореній я твердо помню. Форма совершенно улетучилась изъ моей памяти, но содержаніе навсегда врѣзалось въ нее. Вамъ не скучно, князь?

— О, нѣтъ, продолжайте, Марина.

— Стихотвореніе это было озаглавлено: „Весталка". Въ немъ описывались: любовь весталки къ богатому римскому юношѣ, ея грѣхопаденіе, мучительная смерть, когда ее заживо зарывали въ землю, а затѣмъ и смерть юноши. Относительно послѣдней студентъ-поэтъ пояснилъ мнѣ, что она не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ, потому что въ его описаніи юношу закалываютъ кинжалами, а на самомъ дѣлѣ такихъ юношей засѣкали до смерти. Студентъ находилъ, что розги нарушили бы поэтичность его стихотворенія. Я конечно съ нимъ не спорила, а только его спросила: „Скажите, пожалуйста, а теперь соблазнителей дѣвушекъ, хранящихъ свое цѣломудріе, не засѣкаютъ нигдѣ?" — „О, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ: — это не мирилось бы съ современными понятіями о гуманности". — „Странно, — замѣтила я: — дѣвушки, нарушающія цѣломудріе, попрежнему обрекаются на страшныя страданія и часто даже на смерть, а ихъ соблазнители, какъ ни въ чемъ не бывало, гуляютъ себѣ по бѣлу свѣту и ищутъ безнаказанно новыхъ жертвъ". Я не знаю, князь, происходилъ ли этотъ разговоръ на самомъ дѣлѣ, но помню твердо, что когда я мысленно возвращалась къ стихотворенію студента, то именно таковъ былъ ходъ моихъ мыслей, и что я тогда уже твердо рѣшила никогда не быть... соблазненной весталкой.

Князь взглянулъ на Марину и удивился суровости выраженія ея лица: нельзя было сомнѣваться, что это была исповѣдь ея души.

— Марина,—сказалъ онъ: — я васъ въ первый разъ увидѣлъ въ костюмѣ весталки...

— Ахъ, тогда, на костюмированномъ вечерѣ,— промолвила она, точно очнувшись и отвѣчая на взглядъ князя улыбкой: — я васъ тогда тоже замѣтила, и, вѣрите ли, мнѣ тогда уже пришло на умъ то сравненіе, которое я сдѣлала на Капъ-Ферà, когда говорила о далекой звѣздочкѣ. Но тогда я подумала, что мы оба— такія звѣздочки, блуждающія одиноко по бѣлому свѣту и ищущія встрѣчи, чтобы скрывающійся въ насъ міръ своеобразныхъ чувствъ, стремленій и мыслей могъ, наконецъ, проявиться...

Князь взялъ руку Марины: она была холодна.

— Такъ вотъ,—сказалъ онъ: — я хотѣлъ васъ спросить,— было ли это случайностью, что вы тогда выбрали костюмъ весталки?

— Странный вопросъ! — улыбнулась Марина: — я выбрала этотъ костюмъ, потому что онъ мнѣ идетъ, а потомъ... потомъ потому что я имѣю полное право его носить, не подвергаясь опасности... быть заживо погребенною.

Князь слегка привлекъ Марину къ себѣ.

— Но, Марина, вѣдь вы были замужемъ? — спросилъ онъ мягко. Лицо Марины было совсѣмъ близко отъ него, онъ тонулъ въ ея взглядѣ, правдивомъ, довѣрчивомъ и любовномъ.

Князь болѣе не сомнѣвался.

— Да, я была замужемъ,—подтвердила Марина шопотомъ:— бѣдность привела меня къ этому замужеству, но, къ счастью,— прибавила она и, словно застыдившись, поникла головой, такъ что ея пышные волосы коснулись лица князя:—но, къ счастью... я замужемъ не была.

И словно испугавшись своей чрезмѣрной откровенности и близости къ князю, она встала и обошла столъ, такъ что между ними теперь была преграда. Она оперлась на столъ обѣими руками и все съ тѣмъ же потупленнымъ взоромъ и поникшей головой сказала:

— Теперь, князь, вы знаете все.

Онъ медленно всталъ и приблизился къ ней.

— Неужели эта преграда между нами нужна? — произнесъ онъ необыкновенно серьезно. — Вы меня боитесь, Марина? Вы не довѣряете моей порядочности или не хотите въ свою очередь выслушать мою исповѣдь?

— Исповѣдь мужчины! — молвила Марина, не поднимая глазъ.—Я вѣдь вамъ уже сказала, князь: для мужчины любовь— развлеченіе. Не развлекаетесь ли и вы?

Князь взялъ ея руку.

— Взгляните на меня, Марина!

Вѣки ея поднялись. Она глядѣла на князя кротко и нѣжно.

— Моя исповѣдь будетъ коротка,— произнесъ онъ съ ударе-ніемъ: —до сихъ поръ я не любилъ ни одной женщины. Сегодня я, кажется...

Отдѣливъ быстрымъ движеніемъ руки отъ стола, Марина сдѣлала жестъ, какъ будто зажимаетъ князю ротъ, а онъ схватилъ эти руки и сталъ ихъ по очереди цѣловать.

— Ахъ, вы, злой человѣкъ, — говорила между тѣмъ Марина:—какъ вы меня измучили!

Она въ задумчивости высвободила свои руки, сняла съ безымяннаго пальца кольцо съ звѣздой изъ бриллiантовъ и рубиновъ и надѣла его на мизинецъ князя.

— Это на память о „звѣздочкѣ“ и о сегодняшнемъ вечерѣ... не то вы, пожалуй, о нихъ скоро забудете,—сказала она.

Князь привлекъ Марину къ себѣ. Она не сопротивлялась. Онъ цѣловалъ ея душистые волосы.

Она прильнула губами къ его уху, такъ что ея дыханіе обожгло его, и шептала прерывающимся голосомъ:

— Милый... дорогой...

Но, какъ бы очнувшись, она легкимъ движеніемъ оттолкнула его, быстро направилась къ камину, гдѣ лежала ея шляпа, и, надѣвая ее, проговорила уже звучнымъ голосомъ:

— Теперь на воздухъ. Я слишкомъ счастлива.

— Я васъ провожу, Марина...

— Ѣдемъ, ѣдемъ!—отвѣтила она и уже въ шляпѣ подошла къ электрическому звонку, протянула къ нему лѣвую руку, а правой поманила къ себѣ князя, чтобы съ нимъ проститься наединѣ.

Онъ быстро подошелъ къ ней. Она подставила ему свои губы для поцѣлуя, а глаза ея и сіяли, и голубили, и нѣжили. Но она еле коснулась губъ князя и тотчасъ нажала кнопку. Вдали послышался звонокъ. Князь отошелъ, и дверь отворилась, чтобы пропустить лакея.

Они ѣхали въ темнотѣ. Онъ согрѣвалъ ея холодную руку. Когда свѣтъ газоваго фонаря или электрическаго трамвая ихъ освѣщалъ, Марина улыбалась князю счастливою улыбкой. Они не говорили. Было сказано такъ много, что уста теперь нѣмѣли.

XIII.

Когда князь съ Мариной обѣдали подъ рокотъ взволновавшагося моря, на противоположномъ концѣ города, въ извѣстной

уже читателю виллѣ, Таня внимательно слѣдила, съ тѣмъ же вязаньемъ въ рукахъ, за своимъ больнымъ братомъ. Она хорошо знала, что завтрашній консиліумъ не предотвратитъ рокового исхода. Мало ли знаменитостей уже пользовали брата, а болѣзнь шла своимъ чередомъ и теперь очевидно близилась къ концу. Кончится болѣзнь, кончится и дорогая жизнь, спасеніе которой было единственною ея мыслью за послѣдніе полтора года. Другіе могли еще вѣрить въ возможность исцѣленія, она уже не вѣрила: ея любящій и наблюдательный глазъ ясно видѣлъ, что развязка наступитъ не сегодня-завтра. Она вся содрогалась при этой мысли, но надо было ей подчиниться. Такова воля судьбы, такова воля Божія, говорила она себѣ, потому что никогда еще она не была такъ близка къ Богу, какъ въ эти страшные дни. По временамъ ей казалось, что умъ ея мутится, и только обращеніе къ Богу давало ей силу нести свой крестъ. „Онъ меня поддержитъ, Онъ не отниметъ единственной любящей руки у брата въ его смертный часъ“,—твердили ея уста, и она съ новою силою принималась за исполненіе своихъ обязанностей.

— Гриша, тебя море не безпокоитъ? — обратилась она къ брату: — оно сегодня такое бурное. Можетъ быть, лучше закрыть окно?

— Ты что-то сказала, Танюша? Я не разслышалъ,— отвѣтилъ братъ изъ подушекъ, которыми онъ былъ обложенъ въ своемъ креслѣ.

Она встала и приблизилась къ нему.

— Я закрою окна, милый. Вѣтрено, море бушуетъ.

— Да, пожалуй, закрой: мнѣ и такъ будетъ видно.

Онъ не отрывалъ глазъ отъ моря. Таня закрыла окна. Когда она возвращалась къ своему мѣсту, онъ окликнулъ ее:

— Таня!

— Что, Гриша?

— Дай мнѣ руку!

Онъ слабымъ движеніемъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

— За что, Гриша?—вырвалось у нея невольно.

— Я цѣловалъ руки у хорошенькихъ женщинъ; вотъ когда надо было спросить: за что? — отвѣтилъ братъ. — И вотъ что еще: у другихъ женщинъ можно цѣловать руку, когда и сколько угодно, у тебя—только въ торжественныя минуты, когда сердце полно уваженія и благодарности...

— Зачѣмъ ты это, Гриша?

— Еслибы на свѣтѣ было больше такихъ женщинъ, какъ ты, и жить, и умирать было бы легко... вотъ какъ мнѣ теперь.

Она хотѣла что-то возразить, но онъ остановилъ ее.

— Подсядь ко мнѣ, Таня...

— Ты хочешь со мной говорить, Гриша? Отложимъ: ты сегодня слабъ.

— Давно я не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ сегодня.

Она взяла стулъ и близко подсѣла къ брату. Его глаза глядѣли на нее съ такою нѣжностью, словно она была ему не сестра, а любимая мать.

— Ты знаешь, Таня, я былъ очень несправедливъ къ тебѣ.

— Нѣтъ, я этого не знаю, Гриша.

— Но я это знаю, и никогда я этого такъ не чувствовалъ, какъ въ послѣдніе дни.

— Что же случилось особеннаго, милый мой?

— Ничего особеннаго, а такъ знаешь, Танюша, когда лежишь цѣлыми днями и много бесѣдуешь съ моремъ, лучше сказать, сливаешься съ нимъ, какъ съ родною стихіею, которая тебя убаюкиваетъ и незамѣтно уноситъ въ безконечность, тогда все видишь въ иномъ свѣтѣ, успокаивающемъ и примиряющемъ... Нѣтъ, Таня, открой окно,—хотя бы то, крайнее: я хочу явственнѣе слышать шумъ моря.

Таня встала.

— Но, Гриша, оно сегодня такое бурное.

— Оно меня не пугаетъ. Для другихъ оно, можетъ быть, страшно, для меня—нѣтъ.

Когда Таня исполнила желаніе брата и вернулась къ нему, онъ опять указалъ ей мѣсто возлѣ себя.

Онъ долго молчалъ, прислушиваясь къ мѣрному рокоту волнъ. Таня не напоминала ему о прерванномъ разговорѣ. Она была бы рада, еслибы братъ забылъ о немъ.

Но онъ, взглянувъ на нее съ прежнею нѣжностью, продолжалъ:

— Да, Таня, я былъ очень несправедливъ къ тебѣ, и море мнѣ это подсказало. Разбушуется оно,—волны, такія свирѣпыя, набрасываются бѣшено на берегъ, словно хотятъ все залить, затопить, разрушить, уничтожить,—и я чувствовалъ себя передъ нимъ такимъ ничтожнымъ, жалкимъ. Но это продолжалось недолго. Оно успокоится, засіяетъ своею безмятежною красотою,—и я сливаюсь съ нимъ, мы начинаемъ жить общею жизнью. Представь себѣ, Таня, глядя на него, я совершенно отрѣшился отъ себя, и все, что мнѣ раньше казалось значительнымъ, что наполняло мой умъ, мое сердце,—освѣтилось для меня съ новой стороны. И я понялъ тебя.

— Что ты этимъ хочешь сказать, Гриша?

— Видишь ли, Таня, жить для меня значило быть исключительно занятымъ собою, своими мыслями, своими чувствами. Когда я тяжело заболѣлъ и потомъ началъ жить жизнью моря, чего-то самостоятельнаго, большого, внѣ меня лежащаго... Слышишь, Таня, какъ оно шумитъ? И никакая сила человѣческая не можетъ заставить его умолкнуть ..

Таня испугалась словъ брата: не бредъ ли это, не ухудшеніе ли его болѣзни?

— Ты не усталъ, Гриша?—спросила она.

Но онъ на ея вопросъ не отвѣтилъ. Очевидно, слухъ его все болѣе притуплялся... Онъ продолжалъ говорить.

— Вотъ вы съ отцомъ всячески старались удержать меня отъ увлеченій. Напрасный трудъ! Я жилъ тогда личною жизнью, хотя мнѣ казалось, что я живу жизнью общею: товарищей, профессоровъ, общественныхъ дѣятелей, писателей, народа. Но когда я теперь вспоминаю эту свою жизнь, я вижу ясно, что это было не то. Моему самолюбію льстило, что я стою выше толпы, что я умнѣе, лучше ея, что я стремлюсь къ великимъ цѣлямъ въ то время, какъ она преслѣдуетъ низменныя цѣли. Я и васъ съ отцомъ осуждалъ за это. Ваши взгляды, понятія казались мнѣ узкими, мѣщанскими...

— Да, Гриша, мы съ папой занимались исключительно хозяйствомъ. Очень ужъ оно отнимало у насъ много времени, — некогда было заниматься другимъ, — замѣтила Таня, но братъ, очевидно, не разслышалъ и этихъ ея словъ. Она серьезно испугалась.—„Онъ глохнетъ, глохнетъ“,—повторяла она мысленно.

— Таня, ты видишь, какъ у берега образовалась мутная полоса, какъ она въ одномъ мѣстѣ далеко врывается въ море?— говорилъ между тѣмъ братъ. — Не люблю я этого помутнѣнія чистой воды моря. А это неизбѣжно. Мы можемъ хотѣть или не хотѣть, а когда море волнуется, какъ вотъ теперь, оно будоражитъ берегъ, на которомъ мы живемъ, который намъ виднѣе. И вотъ намъ кажется, что эта часть моря захватитъ собою все, что она завладѣетъ всѣмъ моремъ. Но этому не бывать. Море опять стихнетъ, уляжется, и опять будетъ величественно-спокойно, такое, какимъ я его люблю, чистымъ, голубымъ, манящимъ, претворяющимъ меня въ себѣ. Таня, тебѣ не кажется, что это— наша милая родина? Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось слиться навѣки не только съ моремъ, но и съ нею, далекой, дорогой и вѣчножеланной...

— Гриша, мы съ тобой вернемся на родину, въ тѣ мѣста, гдѣ мы только и можемъ быть счастливы...

— Что ты сказала, Таня: мы туда вернемся? Тебѣ возвращаться нечего. Ты оттуда уйти не можешь, какъ рыба не можетъ покинуть воды. Ты всегда плавала и будешь плавать въ глубинѣ моря, въ глубинѣ народной жизни, и берегъ тебя не влечетъ. Можно ли тебя спрашивать: любишь ли ты родину? Можно ли рыбу спрашивать, любитъ ли она воду? Я тоже любилъ родину, но не такою любовью. Мы всѣ хотимъ подчинить ее себѣ и сдѣлать ее счастливою по-своему. Ты никого не хочешь себѣ подчинить, ты сама всѣмъ подчиняешься, а, смотришь,— кто къ тебѣ приблизится, тотъ благословляетъ судьбу, тотъ счастливъ. Я очень былъ къ тебѣ несправедливъ. Но теперь, когда я сливаюсь съ моремъ, съ великимъ, безконечнымъ, я тебя понялъ, я вижу, что твоя душа отражаетъ, какъ роса—солнце, великое, безконечное...

Таня не понимала словъ брата. Она только чувствовала его любовь.

— Ты не усталъ, Гриша?—спросила она его.

— Дай сказать еще два слова. Вотъ почему... Ты слышишь, какъ море разбушевалось? Ты читала сегодня газеты? Что у насъ происходитъ на родинѣ?

Она взяла его руку и стала ее гладить. Больной смотрѣлъ на сестру внимательно. Сперва его взоръ выражалъ какъ бы вопросъ, потомъ этотъ вопросъ смѣнился выраженіемъ нѣжности и признательности. Онъ видимо успокоивался, а Таня улыбалась ему умиротворяющею улыбкою. Онъ вздохнулъ. Въ глазахъ вспыхнулъ еще проблескъ сознанія, затѣмъ они сомкнулись. Увѣрившись, что братъ заснулъ, Таня неслышно встала, усѣлась на обычномъ своемъ мѣстѣ и взялась опять за вязанье.

Р. Сементковскій.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ

и

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ АНГЛІИ

A. V. Dicey, Lectures on the Relation between Law and Public Opinion in England, during the Nineteenth Century. London, 1905.

Окончаніе.

IV *).

Приступая къ обозрѣнію явленій третьяго періода въ развитіи англійскаго законодательства въ XIX вѣкѣ—періода „коллективизма", считаю необходимымъ напомнить читателямъ, что съ терминомъ „коллективизмъ" А. Дайси соединяетъ смыслъ нѣсколько иной сравнительно съ тѣмъ значеніемъ, въ какомъ этотъ терминъ обыкновенно употребляется въ экономической литературѣ. Подъ нимъ онъ разумѣетъ не столько опредѣленную схему соціалистическаго ученія, сколько вообще совокупность доктринъ противоположныхъ индивидуализму въ широкой области законодательства.

Начало періода коллективизма Дайси относитъ къ 1865—1870 гг., но уже въ эпоху полнаго торжества индивидуалистическихъ теченій слышны были голоса выдающихся мыслителей, которые, признавая необходимость коренныхъ реформъ, выступали противъ индивидуализма и отрицали благодѣтельность принципа „laissez faire".

Столкновеніе этихъ противоположныхъ теченій общественной

*) См. выше: октябрь, стр. 441.

мысли представляетъ не одинъ только теоретическій интересъ. Въ немъ сказалось отношеніе къ самымъ жгучимъ соціальнымъ проблемамъ современности. Пятнадцатилѣтній періодъ отъ 1830 до 1845 г., который можно назвать эпохою „акта о реформѣ", былъ однимъ изъ самыхъ критическихъ въ исторіи Англіи. Это были годы смутные и тревожные, годы тяжелыхъ бѣдствій и широко разлитого недовольства въ средѣ рабочихъ городскихъ и сельскихъ. Заработокъ послѣднихъ стоялъ на страшно низкомъ уровнѣ, условія фабрично-заводскаго труда были ужасны. Недовольство рабочихъ ярко выступаетъ въ рядѣ процессовъ по обвиненію въ мятежныхъ дѣйствіяхъ, преступныхъ соглашеніяхъ и другихъ государственныхъ преступленіяхъ за время 1832 — 1843 гг. Въ деревняхъ пылали скирды, въ городахъ совершались трэдъ-юніонистами различные акты насилія. Въ требованіяхъ „Народной Хартіи" проявлялись признаки общественнаго настроенія, предвѣщавшаго революцію. Намъ, знающимъ, что нѣкоторые пункты хартіи получили осуществленіе, не вызвавъ ни соціальныхъ, ни политическихъ смутъ, можетъ показаться, что значеніе „чартизма" представлялось современникамъ его въ преувеличенномъ видѣ. Но люди 1832 года понимали время, въ которое они жили. Въ движеніи „чартистовъ" выступали острая классовая вражда и широко разлитое недовольство всѣмъ общественнымъ строемъ. Люди, знакомые съ Англіею лишь по тѣмъ годамъ преуспѣянія и общаго спокойствія, которые слѣдовали за отмѣною хлѣбныхъ законовъ, съ трудомъ могутъ представить себѣ, съ какою настоятельностью передъ общественнымъ вниманіемъ выступалъ, въ 1832 — 1840 гг., вопросъ о внутреннемъ положеніи Англіи. Вопросъ этотъ, достаточно тревожный, состоялъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, — какимъ способомъ можно, и возможно ли даже, облегчить бѣдствія и устранить недовольство рабочихъ классовъ?

Отвѣтъ либераловъ-утилитаристовъ на этотъ вопросъ былъ ясенъ. Политика благоразумія, — настаивали они, — требуетъ, чтобы націи самой предоставлено было распоряжаться своею судьбою, что̀ и было задачею парламентской реформы. Въ результатѣ послѣдуютъ устраненіе всякихъ злоупотребленій и отмѣна несправедливыхъ законовъ, въ особенности законовъ, отяготительныхъ и несправедливыхъ по отношенію къ бѣднымъ классамъ населенія. Къ этому въ сущности и сводилась задача законодательства, такъ какъ въ дѣлѣ окончательнаго врачеванія соціальныхъ бѣдствій нужно болѣе всего полагаться на индивидуальную энергію и самопомощь.

У Сиднея Смита мы находимъ яркое выраженіе увѣренности въ благодѣтельномъ вліяніи политической реформы на всѣ стороны соціальной жизни. Оспаривая доводы торіевъ противъ парламентской реформы и рѣшительно отвергая ихъ увѣренія въ томъ, что она вовсе ненужна для интересовъ низшихъ классовъ, Сидней Смитъ въ одной изъ своихъ статей (въ 1830 г.) говоритъ: — „Спрашиваютъ, что выиграютъ отъ реформы дровосѣкъ и водовозъ? Что выиграютъ они отъ того, что мѣстечко Ольдъ-Саромъ лишится права посылать представителя въ парламентъ, а Бирмингамъ получитъ это право? Но если вы ставите такой вопросъ по отношенію къ парламентской реформѣ, то вамъ придется поставить его и по отношенію ко многимъ другимъ важнымъ реформамъ. Какую пользу могутъ принести имъ эмансипація католиковъ, отмѣна вѣроисповѣдныхъ ограниченій, революція 1688 года, любая важная политическая перемѣна, хорошее управленіе? Прежде всего, если отъ перемѣны выигрываютъ многіе, а низшіе классы не страдаютъ, то и этого одного уже достаточно, чтобы произвести перемѣну. Но и дровосѣкъ, и водовозъ получатъ прямую выгоду отъ реформы. Реформа разовьетъ бережливость и контроль; меньше будетъ всякихъ каверзъ и расточительности; войны не будутъ растягиваться на многіе годы вопреки народному желанію; налоги снимутся съ бѣдныхъ и переложатся на богатыхъ; разовьются болѣе простые нравы, когда богатымъ придется заискивать передъ бѣдными для полученія политической власти; уничтожены будутъ жестокія и тяжкія наказанія (какъ наказанія, налагаемыя за ночное браконьерство). За поимку фазана на чужой землѣ васъ накажутъ надлежащимъ образомъ, но не сошлютъ на семь лѣтъ вдаль отъ жены и дѣтей. Табакъ подешевѣетъ на два пенса на фунтъ. Понизится цѣна на свѣчи. Такіе результаты улучшеннаго управленія будутъ чувствительны. Мы не претендуемъ уничтожить бѣдность или устранить возможность бѣдствій; но если результатами реформы явятся миръ, экономія и справедливость, милліоны населенія получатъ массу мелкихъ выгодъ, которыя представляются незначительными для насъ, но не для нихъ; и связь между существованіемъ Джона Росселя и удешевленіемъ хлѣба и сыра окажется столь же очевидною, какъ очевидно, что добиться этого составляло задачу его благородной, мудрой и полезной жизни... При хорошемъ управленіи все дешевле, при дурномъ—все дороже“... Каждое изъ этихъ предсказаній осуществилось почти буквально.

Въ качествѣ иллюстраціи теченій протеста противъ господствовавшаго въ ту пору индивидуализма, А. Дайси приводитъ за-

явленія трехъ выдающихся писателей, которыхъ, при всемъ различіи ихъ между собою, объединяло недовѣріе къ принципу „laissez faire“ и убѣжденіе, что для устраненія общественныхъ бѣдствій необходимо воздѣйствіе государственной власти.

„Нравственныя бѣдствія, — писалъ (въ 1829 г.) Соути, — дѣло рукъ самого человѣка, и, безъ сомнѣнія, большую часть ихъ можно предотвратить“. Средствами къ тому являются нравственный авторитетъ церкви и воздѣйствіе государства, какъ думалъ Соути, основные взгляды котораго получили у Маколея слѣдующую характеристику. „Основной принципъ его, если мы правильно его поняли, — говоритъ Маколей, — состоитъ въ томъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ сдѣлать что-нибудь для себя столь же хорошо, какъ могутъ сдѣлать это для него правители его, кто бы они ни были, и что правительство тѣмъ болѣе приближается къ совершенству, чѣмъ болѣе оно вмѣшивается въ привычки и понятія отдѣльныхъ лицъ. Онъ, повидимому, вполнѣ убѣжденъ, что во власти правительства облегчить всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ низшіе классы“.

Д-ръ Арнольдъ, говоря о необезпеченномъ положеніи въ государствѣ рабочаго населенія, высказываетъ (въ 1838 г.) слѣдующія мысли: — „Такое пренебреженіе опирается на одно изъ самыхъ ложныхъ положеній, какія когда-либо выставлялись въ угоду людскому эгоизму подъ видомъ политической мудрости; я разумѣю положеніе о томъ, что гражданское общество должно предоставить своихъ членовъ самимъ себѣ, чтобы каждый самъ заботился о различныхъ своихъ интересахъ, подъ условіемъ не проявлять прямого обмана и насилія противъ своего ближняго. И это несмотря на несомнѣнность того, что по природнымъ силамъ своимъ они не равны и что въ еще меньшей степени они располагали когда-либо одинаковыми искусственными преимуществами; зная, къ тому же, что всякаго рода сила имѣетъ тенденцію возрастать, мы присутствуемъ безучастно при этомъ неравномъ состязаніи, забывая, что самое названіе общества предуказываетъ, что оно не должно быть простою ареною борьбы, а что его задача — заботиться объ общемъ благѣ всѣхъ путемъ ограниченія власти сильныхъ и оказанія покровительства безпомощности слабыхъ“.

„Насъ увѣряютъ, — писалъ Карлейль въ 1839 г., — что успѣхи и неудачи въ сутолокѣ жизни, которою, думали всегда, управляетъ нѣкая слѣпая богиня, на самомъ дѣлѣ являются дѣломъ рукъ зрячей богини или бога, и что нужно лишь не вмѣшиваться: сколько героическихъ усилій или вдохновенія было нужно для

того, чтобы повѣдать намъ это? Застегнуться на всѣ пуговицы и оставаться спокойными—рецептъ не сложный. Laissez faire, laissez passer! Вѣдь все то, что происходитъ, развѣ не должно было произойти?.. Такимъ въ сущности оказывается тотъ главный соціальный принципъ (если здѣсь можетъ быть рѣчь о принципѣ), который въ актѣ о реформѣ общественнаго призрѣнія смѣло выставляется наперекоръ многимъ фактамъ. Въ этотъ главный соціальный принципъ авторъ, пишущій эти строки, никогда и никоимъ образомъ не повѣритъ, а напротивъ—будетъ при всякомъ удобномъ случаѣ объявлять его въ высокой степени ложнымъ, еретическимъ и пагубнымъ"...

Въ десятилѣтіе 1830—1840 гг., между индивидуалистами и коллективистами поднялся рѣшительный споръ по вопросу о томъ, — могутъ ли широкое развитіе индивидуальной свободы и устраненіе всякаго рода стѣсненій возбудить индивидуальную энергію и самопомощь въ такой мѣрѣ, чтобы пагубныя для государства бѣдствія могли быть предотвращены этимъ средствомъ (поскольку такія бѣдствія вообще могутъ быть предотвращаемы законодательствомъ)?

На этотъ вопросъ просвѣщенное мнѣніе эпохи 1832 года, которое въ теченіе 30—40 лѣтъ, если не дольше, властвовало надъ парламентомъ, давало отвѣтъ категорическій и положительный, не взирая на протесты со стороны небольшого числа мыслителей, встрѣчавшихъ большее или меньшее сочувствіе рабочихъ классовъ. На этотъ же вопросъ общественное мнѣніе, вліяющее на англійское законодательство, начиная, приблизительно, съ 1870 года, даетъ отвѣтъ нерѣшительный, если не вполнѣ отрицательный.

Чѣмъ объясняется этотъ переворотъ въ области соціальныхъ и политическихъ взглядовъ — явленіе замѣчательное въ исторіи развитія общественнаго мнѣнія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ анализъ тѣхъ условій или причинъ, которыя благопріятствовали развитію коллективизма или, если посмотрѣть на это явленіе съ другой точки зрѣнія, подорвали авторитетъ бентамовскаго либерализма.

Ходячее объясненіе этого явленія достаточно извѣстно. Благодаря парламентскимъ реформамъ 1867 и 1884 гг., англійскій государственный строй преобразился въ демократію, и эта революція вполнѣ объясняетъ растущее вліяніе соціализма. Участь большинства населенія быть бѣдными, а бѣдные по природѣ своей соціалисты. Демократія неизбѣжно связана съ развитіемъ соціализма.

Такое разсужденіе, какъ было уже указано, представляется ошибочнымъ. Демократію нельзя отождествлять съ какимъ-либо опредѣленнымъ направленіемъ общественнаго мнѣнія. Государственный строй Англіи менѣе демократиченъ, чѣмъ государственный строй Соединенныхъ-Штатовъ, а между тѣмъ законодательство американскаго конгресса оказывается менѣе соціалистическимъ, чѣмъ законодательство англійскаго имперскаго парламента. При томъ же въ Англіи законы съ тенденціею въ сторону соціализма обязаны своимъ происхожденіемъ вовсе не политическому крушенію богатыхъ классовъ. Послѣдніе и въ демократической конституціи сохраняютъ значительную власть — они во многихъ отношеніяхъ опредѣляютъ политику страны. Богатые лишь въ слабой степени противодѣйствовали коллективистическому законодательству, если даже не прямо содѣйствовали ему.

Въ одномъ лишь развитіи демократіи нельзя найти объясненія преобладанію въ законодательствѣ коллективистическихъ теченій. Въ рядѣ причинъ этого успѣхи демократіи занимаютъ видное мѣсто; но этому содѣйствовали и нѣкоторыя другія условія, при чемъ важнѣйшія изъ нихъ выступили значительно раньше акта 1867 года о парламентской реформѣ.

Въ числѣ этихъ условій Дайси придаетъ большое значеніе тому, что онъ называетъ „торійскимъ филантропическимъ движеніемъ“, и начальной стадіи въ развитіи фабричнаго законодательства.

Къ 1830 году можно пріурочить возбужденіе вопроса о необходимости регламентировать работу на фабрикахъ въ интересахъ защиты дѣтей и женщинъ. Толчокъ этому данъ былъ опубликованіемъ писемъ Ричарда Остлера — „Рабство въ Іоркширѣ“. Въ нихъ нарисована была ужасная картина той эксплоатаціи дѣтей и подростковъ, которая приписывалась алчности предпринимателей. Общественное негодованіе, вызванное ужасами этой эксплоатаціи, первоначально не имѣло никакого соотношенія съ какими-либо соціалистическими теоріями. Необходимость регламентаціи дѣтскаго труда вполнѣ гармонировала съ традиціоннымъ принципомъ общаго права, въ силу котораго всѣмъ несовершеннолѣтнимъ должна быть оказываема защита. Не находилось это и въ противорѣчіи съ бентамизмомъ, и индивидуалисты всѣхъ оттѣнковъ съ участіемъ относились къ опасностямъ, съ которыми сопряжено для слабыхъ и безпомощныхъ господство узкихъ классовыхъ интересовъ. Кобденъ въ 1836 г. высказывался вполнѣ категорически за недопущеніе къ работѣ на бу-

магопрядильняхъ дѣтей ниже тринадцатилѣтняго возраста. Маколей, никогда не увлекавшійся соціалистическими идеалами, изъ чувства гуманности выступилъ въ парламентѣ (въ 1846 г.) съ блестящей защитою билля объ ограниченіи десятью часами рабочаго дня дѣтей и женщинъ.

Однако руководителями движенія въ пользу регламентаціи фабричнаго труда на первыхъ же порахъ явились тори: Соути, о которомъ уже было упомянуто и который являлся апостоломъ торійской филантропіи въ борьбѣ съ ужасами фабричной жизни; Остлеръ, демагогъ, получившій прозвище „фабричнаго короля“ за свою горячую борьбу противъ всей фабричной системы и своими усиліями особенно содѣйствовавшій проведенію билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ; Садлеръ, явившійся теоретикомъ движенія, развитію котораго онъ старался придать соціалистическій характеръ; наконецъ, лордъ Шефтсбери, за которымъ должны быть признаны наиболѣе выдающіяся заслуги въ дѣлѣ развитія фабричнаго законодательства,—были убѣжденными тори и протекціонистами.

На почвѣ этого движенія произошла ожесточенная парламентская борьба между индивидуализмомъ и коллективизмомъ, въ связи съ проведеніемъ билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ.

Истинный характеръ этой борьбы не былъ въ то время отчетливо сознанъ боровшимися сторонами. Осложняющимъ обстоятельствомъ явилось то, что агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ какъ разъ совпала съ движеніемъ въ области фабричнаго законодательства: отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ (1846 г.) состоялась лишь годомъ раньше принятія билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Въ обоихъ этихъ вопросахъ тори и протекціонисты были на одной сторонѣ, радикалы и фритредеры—на другой. Въ отношеніи къ вопросу о свободѣ торговли тори занимали непопулярную позицію, выступая противъ народнаго желанія и подвергая себя обвиненіямъ въ томъ, что они ради поднятія ренты землевладѣльцевъ готовы жертвовать интересами бѣдныхъ. Фритредеры, между тѣмъ, являлись въ роли друзей народа, при чемъ ихъ ораторы не останавливались передъ обвиненіемъ протекціонистовъ въ эгоистическихъ стремленіяхъ, а не въ одномъ лишь отступленіи отъ истинныхъ началъ политической экономіи. Въ борьбѣ, возникшей изъ-за фабричнаго билля, роли измѣнились. Людей, выступавшихъ съ указаніемъ вредныхъ послѣдствій государственнаго вмѣшательства, считали безсердечными, холодными мыслителями, увлеченными слѣпою вѣрою въ безстрастную науку, а мануфактуристовъ укоряли за злоупотребленіе дѣтскимъ

трудомъ ради извлеченія барышей и сравнивали ихъ съ рабовладѣльцами. Жестокимъ лицемѣріемъ объявлялся радикализмъ либераловъ, готовыхъ ради торжества принципа laissez faire изнурять дѣтей рабочихъ непосильнымъ трудомъ. Напротивъ, тори-филантропы пріобрѣли большую популярность за свое сочувственное отношеніе къ страданіямъ дѣтей и женщинъ, жертвъ алчныхъ мануфактуристовъ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что тори пожелали воспользоваться благопріятными условіями для извлеченія партійныхъ выгодъ изъ своего положенія. Дизраэли, безъ сомнѣнія, чистосердечно осуждалъ тяжелыя условія фабричной работы, но романъ его „Sybil" былъ прежде всего блестящимъ партійнымъ памфлетомъ, задачею котораго было показать, что тори—истинные друзья рабочихъ классовъ. Съ обѣихъ сторонъ проявлены были взаимное непониманіе и укоры. Если для тори-филантроповъ противники ихъ были притѣснителями, лишенными элементарныхъ чувствъ гуманности, то для мануфактуристовъ и фритредеровъ сторонники десятичасового рабочаго дня были протекціонистами, которые, подъ маскою филантропіи, стремились обезпечить за собою выгоды, и которые покровительствовали соціализму, чтобы отомстить за крушеніе протекціонизма; ихъ благожелательность въ лучшемъ случаѣ была глупостью, въ худшемъ—лицемѣріемъ, приправленнымъ клеветою.

Ко всѣмъ такимъ взаимнымъ нареканіямъ, замѣчаетъ Дайси, не было достаточныхъ основаній. Какъ руководители движенія въ пользу фабричнаго законодательства, такъ и ихъ противники были люди, проникнутые несомнѣнною гуманностью и высокимъ сознаніемъ общественнаго долга. Объясненіе антагонизма между ними слѣдуетъ искать въ томъ, что противники лорда Шефтсбери всѣ были индивидуалисты, а тори явились, хотя и не сознавая этого, лидерами реакціи противъ индивидуалистическихъ теченій. Фабричное законодательство послужило ареною столкновенія между коллективизмомъ и индивидуализмомъ, и на этой аренѣ бентамовскій либерализмъ потерпѣлъ свое первое и очень серьезное пораженіе.

„Остроту конфликта,—говоритъ Дайси,—повидимому, усиливало то, что обѣ стороны чувствовали каждая извѣстную слабость своего положенія. Опытъ показалъ, что ни та, ни другая сторона не оказалась вполнѣ правою. Актъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ не погубилъ британской промышленности, но устранилъ многія бѣдствія. Въ этомъ отношеніи политика лорда Шефтсбери оказалась правильною, а противодѣйствіе мануфактуристовъ было осуждено дѣйствительностью. Но актъ о десяти-

часовомъ днѣ тяготѣлъ въ сторону соціализма и заключалъ въ себѣ зародыши необъятнаго переворота, положительныя и отрицательныя стороны котораго никто еще не можетъ взвѣсить съ точностью; этому перевороту лордъ Шефтсбери не намѣревался содѣйствовать, и возможность его ему совершенно не представлялась. Движеніе въ области фабричнаго законодательства ввело соціалистическія мѣропріятія въ англійское право и дало престижъ и авторитетность идеямъ коллективизма".

Въ разъясненіе этого положенія Дайси говоритъ, что значеніе актовъ 1847—1850 гг. далеко выходитъ за предѣлы ихъ непосредственной задачи — служить мѣрами защиты дѣтей, подростковъ (до 18 лѣтъ) и женщинъ отъ изнурительнаго труда въ нѣкоторыхъ категоріяхъ мануфактурныхъ заведеній. „Въ дѣйствительности, это законодательство имѣло гораздо болѣе широкія послѣдствія. Оно дало признаніе принципу, по которому регулированіе труда есть дѣло государства, и положило основаніе цѣлой системѣ правительственнаго надзора и контроля. Оно установило продолжительность рабочаго времени на фабрикахъ, въ которыхъ она распространяется на всѣхъ женщинъ безъ различія возраста, и предоставило имъ защиту, наложивъ на нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе, которое совершенно чуждо общему праву Англіи и которое находится въ прямомъ противорѣчіи съ основными положеніями индивидуализма. Это фабричное законодательство установило, хотя и не прямо и не во всѣхъ случаяхъ непосредственно, нормальный рабочій день для всѣхъ, безъ различія возраста и пола, рабочихъ тѣхъ предпріятій, на которыя оно распространялось. Правда, на первыхъ порахъ оно было примѣнено только къ ограниченному числу фабрикъ, но оно заключало въ себѣ очень важныя начала, которыя были примѣнимы и которыя съ теченіемъ времени должны были получить общее примѣненіе къ различнымъ видамъ труда, имѣющимъ общественный интересъ. Оно, такимъ образомъ, несомнѣнно внесло соціалистическія нормы въ англійское рабочее законодательство. Но фабричные законы 1848—1850 гг. привели тотчасъ же или почти тотчасъ къ послѣдствіямъ еще болѣе значительнымъ. Въ то время, когда съ отмѣною хлѣбныхъ законовъ индивидуализмъ одержалъ, казалось, окончательную побѣду въ области торговли и когда преуспѣяніе, сопровождавшее установленіе свободы торговли, вызывало сильнѣйшую увѣренность въ благотворности начала „laissez faire" почти во всѣхъ областяхъ жизни, успѣхъ фабричныхъ законовъ давалъ авторитетное признаніе, и не только для этой, но и для многихъ другихъ отраслей жизни, такимъ

взглядамъ, которые, если и не являлись вполнѣ соціалистическими, тяготѣли въ сторону соціализма или коллективизма".

Въ ряду другихъ факторовъ, содѣйствовавшихъ повороту отъ индивидуализма къ коллективизму, большое значеніе имѣло то новое направленіе, которое было усвоено рабочимъ движеніемъ послѣ того, какъ въ 1848 г. „чартизму" нанесенъ былъ окончательный ударъ. Въ заботахъ руководителей рабочаго движенія и въ ихъ стремленіяхъ на первый планъ выступили, вмѣсто интересовъ политическихъ, преобладавшихъ въ эпоху „чартизма", интересы соціальные. Эти послѣдніе ярко выразились въ усиленномъ развитіи трэдъ-юніонизма, которое содѣйствовало росту коллективистическихъ теченій въ ущербъ индивидуалистическимъ.

Трэдъ-юніонизмъ, который въ основѣ своей опирается на принципъ коллективнаго соглашенія, въ связи съ практическими ограниченіями индивидуальной свободы договора, не могъ встрѣтить сочувствія со стороны либераловъ школы Бентама. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ по толкованію постановленій акта 1825 года въ отношеніи къ рабочимъ союзамъ настойчиво проводилось — въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными намѣреніями парламента — сознаніе необходимости парализовать не только всякаго рода физическое насиліе, но и такъ называемое моральное давленіе, ограничивавшее свободу соглашенія между работодателями и рабочими въ отношеніи къ условіямъ найма и работы. Противъ этого трэдъ-юніонисты вели упорную борьбу. Если нѣкоторые изъ нихъ и принимали доктрину „laissez faire", то лишь при условіи толкованія этого начала въ смыслѣ широкаго допущенія права коалицій ради всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя не являются противозаконными для каждаго отдѣльнаго лица, дѣйствующаго безъ уговора съ другими. Они настаивали на томъ, что рабочіе союзы должны быть признаваемы законными обществами, хотя бы они и вызывали стѣсненія въ промышленной области; трэдъ-юніонисты имѣютъ нравственное право, подлежащее и юридическому признанію, проявлять, — не прибѣгая къ физическому насилію и не угрожая такимъ насиліемъ, — самое рѣшительное моральное давленіе и этимъ ограничивать свободу всякаго рабочаго, который былъ бы склоненъ преслѣдовать свой собственный интересъ въ нарушеніе правилъ союза, направленныхъ къ обезпеченію интереса всѣхъ рабочихъ извѣстнаго промышленнаго предпріятія. Здѣсь рѣзко выступаетъ борьба между индивидуализмомъ и коллективизмомъ.

Перемѣна въ характерѣ рабочаго движенія имѣла, между прочимъ, тотъ результатъ, что оказалось возможнымъ сближеніе

рабочихъ съ тѣми представителями среднихъ классовъ, которые почему-либо не раздѣляли идей бентамовскаго либерализма.

„Чартизмъ“ былъ дискредитированъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые чартисты стремились достигнуть своихъ цѣлей при помощи физической силы или угрожая ею [1]). Трэдъ-юніонизмъ въ теченіе „революціоннаго періода“ примкнулъ къ „чартизму“ и различными актами насилія и другими проявленіями революціоннаго характера вооружилъ противъ себя всѣхъ дорожившихъ законностью и порядкомъ. Но между 1848 и 1868 годами юніонизмъ оказался подъ руководствомъ людей талантливыхъ и болѣе умѣренныхъ, и ему нерѣдко доводилось встрѣчать сочувственное къ себѣ отношеніе и поддержку со стороны людей, не раздѣлявшихъ соціальныхъ и экономическихъ догматовъ утилитаризма.

Къ тому же періоду относится появленіе многихъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ выступаютъ новыя теченія въ области соціальныхъ и экономическихъ идей и стремленій; въ нихъ сквозило глубокое недовѣріе къ господствовавшему либерализму, и въ огромномъ успѣхѣ такихъ произведеній нельзя было не видѣть вѣрнаго показателя приближавшагося поворота въ общественномъ мнѣніи. Наиболѣе знаменательнымъ въ этой области Дайси считаетъ появленіе въ 1848 году „Политической экономіи“ Милля. „Самое заглавіе этой знаменитой книги — *Основанія политической экономіи, съ нѣкоторыми изъ ихъ приложе-*

---

[1]) По этому поводу находимъ у Дайси слѣдующее примѣчаніе: „Въ 1848 году вожаки движенія и противники его явились жертвами иллюзіи, навѣянной традиціями французской революціи. Полагали, что возстаніе можетъ одолѣть дисциплинированныя войска. Это мнѣніе опиралось главнымъ образомъ на успѣхи, достигнутые парижскою толпою въ періодъ великой революціи и позднѣе, въ 1830 и 1848 гг. Эта идея получила чрезвычайно широкое распространеніе, а между тѣмъ она менѣе всего оправдывается дѣйствительными фактами. Вѣра въ таинственную силу народнаго энтузіазма являлась не болѣе какъ предразсудкомъ. Ни въ одномъ случаѣ за всю революціонную исторію Франціи, съ 1789 г. и до настоящаго момента, дисциплинированныя войска, подъ надлежащею командою, не были одолѣваемы возставшими. Не обнаруживала армія и какой-либо особенной склонности присоединиться къ народу. Въ этомъ отношеніи событія 1848 и 1871 гг. даютъ вполнѣ опредѣленныя указанія. Въ іюнѣ 1848 г. на сторонѣ возставшихъ были всякаго рода преимущества: они вооружались въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, сражались съ большимъ одушевленіемъ подъ защитою хорошо построенныхъ баррикадъ. Противники ихъ состояли главнымъ образомъ изъ національныхъ гвардейцевъ и Garde Mobile, навербованныхъ изъ бѣднѣйшихъ классовъ парижскаго населенія, и трудно было разсчитывать на ихъ безусловную вѣрность. Однако, возстаніе было подавлено. Въ 1871 году въ составъ правительственныхъ войскъ входили многіе, потерпѣвшіе пораженіе на войнѣ. Въ средѣ защитниковъ коммуны было много обученныхъ солдатъ. Побѣда, однако, осталась за арміей“.

ній къ соціальной философіи—имѣетъ особенный смыслъ,—говоритъ Дайси.—Трактатъ этотъ представляетъ собою попытку умнаго лидера бентамистской школы поставить признанныя экономическія доктрины въ гармонію съ стремленіями лучшихъ людей въ средѣ рабочихъ классовъ. Въ настоящее время, во всякомъ случаѣ, намъ совершенно ясно, что, начиная съ 1848 г. и позднѣе, даетъ себя чувствовать перемѣна въ умственной и нравственной атмосферѣ Англіи. Въ направленіи общественнаго мнѣнія совершалось измѣненіе, которое мы имѣемъ возможность прослѣдить теперь,—измѣненіе тѣмъ болѣе важное, что оно вліяло на подроставшее въ то время поколѣніе и, слѣдовательно, должно было сказаться на общественномъ мнѣніи двадцать-тридцать лѣтъ спустя, т.-е. въ 1870—1880 годахъ. Для насъ несомнѣнно теперь и то, что этотъ переворотъ въ мірѣ идей тяготѣлъ въ сторону соціализма"...

Въ области организаціи промышленныхъ предпріятій въ половинѣ XIX вѣка замѣчается новое характерное явленіе, имѣвшее большое значеніе. Это—замѣна начала личнаго въ веденіи предпріятій началомъ комбинированнымъ, коллективнымъ. Компаніи желѣзнодорожныя, всякаго рода акціонерныя компаніи представляютъ собою характерные типическіе образцы новой формы экономическихъ предпріятій. Развитію законодательства, санкціонировавшаго ихъ, въ сильной степени содѣйствовали либералы въ своемъ стремленіи расширить сферу договорныхъ отношеній. Акты объ акціонерныхъ компаніяхъ, вводившіе принципъ совмѣстнаго участія многихъ съ ограниченною отвѣтственностью, конечно, представляли собою расширеніе области индивидуальной свободы; но эти же акты, поскольку завѣдываніе предпріятіемъ переносилось изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ въ руки корпоративныхъ организацій, замѣняли дѣятельность индивидуальную дѣятельностью коллективною. Въ совокупности своей эти новыя явленія ослабляли значеніе индивидуальнаго начала и давали почву для расширенія области государственнаго вмѣшательства. Вслѣдъ за желѣзнодорожными предпріятіями, вызывавшими необходимость извѣстнаго контроля государства и регулированія отчужденія, тѣ же начала были широко примѣнены и ко многимъ другимъ отраслямъ экономической жизни. Развитіе корпоративныхъ формъ въ сферѣ промышленной не могло не содѣйствовать постепенному росту коллективистическихъ идей.

Въ половинѣ XIX вѣка различныя условія, подрывавшія преобладающее положеніе индивидуализма, уже оказывали постепенно свое воздѣйствіе на общественное настроеніе, и особенно въ средѣ

рабочихъ классовъ. Но въ области законодательства эти условія еще не получали сколько-нибудь замѣтнаго отраженія до 1868 г. Объясняется это тѣмъ, что до акта о реформѣ 1867 г. парламентъ являлся представительствомъ среднихъ классовъ, въ средѣ которыхъ продолжали господствовать идеи бентамизма, отвѣчавшія ихъ интересамъ и стремленіямъ.

Новая эпоха начинается съ 1865 года, со времени окончанія междоусобной войны въ Соединенныхъ-Штатахъ. Въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ двадцати лѣтъ въ Соединенномъ королевствѣ установился демократическій строй на началахъ предоставленія политическихъ правъ всѣмъ домохозяевамъ (household suffrage), сначала городскимъ рабочимъ, потомъ (въ 1884 г.) сельскимъ. Не входя въ детали самыхъ актовъ о реформѣ, что относится къ области конституціонной исторіи, Дайси анализируетъ соотношеніе ихъ съ развитіемъ теченій въ сферѣ законодательства. Онъ обращаетъ вниманіе въ особенности на два обстоятельства.

„Первое заключается въ томъ, что законы, установившіе демократическое правленіе, сами явились плодомъ теченій, вызванныхъ общественными событіями, на которыя эти теченія, въ свою очередь, оказали вліяніе.

„Движеніе въ сторону демократіи въ Англіи сильно подвинулось впередъ, благодаря побѣдѣ сѣверныхъ штатовъ въ Америкѣ. Борьба между Сѣверомъ и Югомъ разсматривалась какъ борьба между демократіею и олигархіею; участь той и другой должна была рѣшиться на полѣ сраженія, и побѣдительницею оказалась демократія. Эта побѣда усилила вѣру въ демократію, а по особеннымъ обстоятельствамъ того времени это придало вѣсъ требованію англійскихъ рабочихъ относительно предоставленія имъ всей полноты гражданскихъ правъ. Рабочіе стояли за Сѣверъ, а симпатіи землевладѣльцевъ и богатыхъ классовъ были на сторонѣ Юга. Народное сочувствіе или здравомысліе оказалось болѣе дальновиднымъ, чѣмъ консервативныя теченія, причемъ въ то же время терпѣніе, съ которымъ рабочіе Ланкашира переносили бѣдствія, вызванныя „хлопковымъ голодомъ“, возбудили къ нимъ общее расположеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ходячее увѣреніе въ томъ, что рабочимъ англійскимъ нельзя отказывать въ правѣ голоса, когда этимъ правомъ вскорѣ будутъ располагать негры въ Соединенныхъ-Штатахъ, имѣло значеніе, если не какъ логически сильный аргументъ, то какъ удобное орудіе пропаганды. Между тѣмъ какъ, благодаря всему этому, усиливался нравственный авторитетъ рабочихъ, въ средѣ ихъ, подъ руководствомъ

искусныхъ совѣтниковъ, возродился интересъ къ политикѣ, и особенно къ вопросу о парламентской реформѣ. Новое выступленіе ихъ на политической аренѣ не было, однако, возрожденіемъ чартизма. Старые „чартисты“ либо умерли, либо были забыты. Въ 1866—1867 гг. о народной хартіи и ея шести пунктахъ и не упоминалось. Мало было слышно о всеобщемъ избирательномъ правѣ, и ничего — о республикѣ. Торизмъ снова вступилъ въ странный, хотя и не случайный союзъ съ демократіею; актъ о реформѣ 1867 г. былъ проведенъ не либеральнымъ, а такъ-называемымъ консервативнымъ министерствомъ. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ дипломатическихъ уловкахъ или о дѣйствительныхъ либо мнимыхъ принципіальныхъ жертвахъ, благодаря которымъ былъ достигнутъ этотъ результатъ. Съ какой бы суровой точки зрѣнія ни смотрѣть на тѣ средства, которыми Дизраэли „воспитывалъ“ консерваторовъ, для насъ въ настоящемъ случаѣ важна лишь сущность этого воспитанія и связь его съ теченіями общественнаго мнѣнія. Урокомъ, который Дизраэли преподалъ своей партіи, была возможность, давно имъ предусмотрѣнная, союза между тори и рабочими, а настоящею основою такого союза являлось ихъ общее разномысліе съ индивидуалистическимъ либерализмомъ. Не случайностью было то, что Дизраэли и сторонники его въ гораздо меньшей степени, чѣмъ Джонъ Брайтъ, смущались тѣмъ, что, вслѣдъ за очень демократическимъ биллемъ о парламентской реформѣ, власть можетъ попасть въ руки низшихъ классовъ; не случайностью было и то, что послѣднимъ и наиболѣе энергическимъ противникомъ всякой попытки измѣнить представительную систему 1832 года явился Робертъ Лоуе, который и по характеру его взглядовъ, и по свойству его ума, можетъ быть названъ послѣднимъ представителемъ чистаго бентамизма. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что измѣненія въ конституціи палаты общинъ, начатыя актомъ 1867 г. и завершенныя актомъ 1884 г., были результатомъ извѣстнаго направленія общественнаго мнѣнія, и въ особенности увѣренности со стороны тори—основательна ли она была или нѣтъ—въ томъ, что конституціонныя измѣненія на практикѣ не вызовутъ никакого революціоннаго послѣдствія, но уменьшатъ вліяніе либерализма.

„Второе обстоятельство заключается въ томъ, что если съ одной точки зрѣнія демократическое движеніе 1866—1884 гг. является болѣе умѣреннымъ, то съ другой точки зрѣнія оно представляется идущимъ гораздо дальше, чѣмъ „чартистское“ движеніе 1838—1848 гг.

„Чартисты требовали всеобщаго избирательнаго права; они домогались участія въ политической власти, какъ одного изъ естественныхъ правъ человѣка. Съ другой стороны, рабочіе, снова принявшіеся за политическую агитацію, требовали не всеобщаго голосованія, а лишь предоставленія права голоса домохозяевамъ (household suffrage); они домогались избирательныхъ правъ не какъ одного изъ правъ человѣка, а какъ средства добиться такого законодательства (напр., измѣненія законовъ о коаліціяхъ), которое соотвѣтствовало бы желаніямъ трэдъ-юніонистовъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія политической, умѣренность новой демократіи находится въ очевидномъ контрастѣ съ революціоннымъ настроеніемъ „чартистовъ". Сравненіе представится въ другомъ видѣ, если оба эти движенія разсматривать съ точки зрѣнія соціальной. Опредѣленно выступающее стремленіе къ соціальнымъ измѣненіямъ со стороны новой демократіи находится въ явномъ контрастѣ съ желаніемъ просто политическихъ измѣненій, выразившемся въ „чартизмѣ". Тотъ же контрастъ станетъ еще болѣе рѣзкимъ, если мы сравнимъ не чартистовъ и позднѣйшихъ демократовъ, а движеніе за реформу 1832 г. съ движеніемъ за реформу 1866—1884 гг. Первый актъ о реформѣ былъ проведенъ средними классами и ради ихъ интересовъ. Онъ былъ дѣломъ людей, которые стремились произвести измѣненія въ конституціи парламента, потому что они желали законодательства въ соотвѣтствіи съ началами индивидуализма [1]). Акты о реформѣ 1867—1884 гг. были проведены во вниманіе къ стремленіямъ и при поддержкѣ рабочихъ классовъ, которые, хотя и въ смутной и неопредѣленной формѣ, желали такихъ законовъ, которые могли бы содѣйствовать осуществленію идеаловъ соціализма или коллективизма. Замѣтьте также, что тогда какъ реформисты 1832 года располагали программою законодательныхъ преобразованій, созданною геніемъ Бентама и долженствовавшею провести въ жизнь его принципы, новая демократія вступила въ обладаніе властью подъ воздѣйствіемъ смутныхъ стремленій и не располагая какимъ-либо опредѣленнымъ планомъ законодательства. Если мы замѣнимъ слово „страсти" словомъ „желанія", то къ англійскимъ рабочимъ 1868 года вполнѣ примѣнимо будетъ то, что̀ сказалъ Токвиль о французскихъ рабочихъ 1848 года: „Я признаю, что рабочіе классы... въ настоящее время спокойны... Ихъ дѣйствительно не волнуютъ собственно политиче-

[1]) Здѣсь Дайси дѣлаетъ ссылку на приведенныя выше замѣчанія Сиднея Смита въ связи съ реформою 1832 года.

скія страсти въ той степени, въ какой онѣ волновали ихъ прежде; но не замѣчаете ли вы, что ихъ страсти изъ политическихъ сдѣлались соціальными?" Эти стремленія можно, пользуясь выраженіемъ другого французскаго писателя [1]), назвать „соціализмомъ безъ доктринъ" или желаніемъ соціалистическихъ законовъ безъ сознательнаго воспринятія соціалистической теоріи".

Въ заключеніе этого очерка, Дайси указываетъ, какъ на характерное явленіе, на „радикальную программу", съ которою въ 1885 г. выступили передовые либералы. Въ ней привѣтствовалось окончательное установленіе новой демократіи и предусматривалось крушеніе системы „laissez faire". Демократіи предстоитъ широкое развитіе, и это развитіе, — гласитъ упомянутая программа, — „пойдетъ, вѣроятно, усиленнымъ тэмпомъ въ томъ направленіи, къ которому тяготѣло законодательство прошлой четверти вѣка, а именно, въ направленіи государственнаго вмѣшательства въ пользу слабаго противъ сильнаго, въ интересахъ труда противъ капитала, нужды и страданія противъ роскоши и довольства". Въ 1885 году радикальные лидеры пришли къ убѣжденію, что въ ближайшемъ будущемъ законодательство разовьется въ направленіи коллективизма, и никто не скажетъ, что это убѣжденіе оказалось ошибочнымъ.

V.

Разсмотрѣніе явленій, характеризующихъ періодъ коллективизма, Дайси дѣлитъ на двѣ части. Въ первой—онъ освѣщаетъ принципы коллективизма, поскольку они выдвигаются и иллюстрируются англійскимъ законодательствомъ конца XIX вѣка; во второй—онъ анализируетъ общую тенденцію этого законодательства.

Основнымъ принципомъ, присущимъ всѣмъ сторонникамъ соціализма или коллективизма, въ той или другой формѣ, является вѣра въ благодѣтельное для народныхъ массъ значеніе воздѣйствія или вмѣшательства государства даже въ тѣ области, которыя могутъ быть и часто бываютъ предметомъ безконтрольнаго завѣдыванія заинтересованными лицами. Изъ этого начала вытекаютъ два положенія: во-первыхъ, отрицаніе идеи „laissez faire", какъ принципа разумнаго законодательства для большинства случаевъ или для многихъ случаевъ; во-вторыхъ, увѣренность въ

[1]) Métin, „Le Socialisme sans doctrines".

пользѣ государственнаго руководительства или вмѣшательства, хотя бы оно и сопровождалось значительнымъ ограниченіемъ области личной свободы.

Для того, чтобы уяснить себѣ значеніе изложеннаго принципа въ соотношеніи съ развитіемъ англійскаго законодательства, нужно остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ отдѣльныхъ проявленій этого принципа, которыя получили выраженіе въ самомъ законодательствѣ. Проявленія эти могутъ быть сведены къ четыремъ группамъ: 1) расширеніе идеи защиты; 2) ограниченіе договорной свободы; 3) предпочтеніе коллективныхъ формъ дѣятельности—дѣятельности индивидуальной; 4) уравненіе удобствъ (equalization of advantages) въ интересахъ людей, не располагающихъ одинаковыми съ другими людьми средствами обезпечить ихъ за собою. Нужно имѣть въ виду, что въ отдѣльныхъ законахъ могутъ получать выраженіе одновременно нѣсколько изъ этихъ тенденцій, которыя такъ тѣсно связаны одна съ другою, что между ними не слѣдуетъ проводить, хотя бы мысленно, рѣзкую демаркаціонную линію.

1) *Расширеніе идеи защиты.* — Самые крайніе индивидуалисты допускаютъ необходимость особеннаго покровительства или помощи со стороны государства въ отношеніи къ нѣкоторымъ лицамъ, которыя, какъ, напр., дѣти или душевно-больные, будучи неспособными понимать свои интересы, не могутъ сами защитить себя. Съ другой стороны, самые убѣжденные бентамиты не только допускаютъ, но рѣшительно настаиваютъ на томъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣ люди нуждаются въ государственной защитѣ, напр. въ защитѣ отъ грабежей или въ полученіи возмѣщенія за ущербы, причиненные неисполненіемъ договора или правонарушеніемъ. Но такая государственная помощь является, въ глазахъ послѣдовательныхъ индивидуалистовъ, въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ защитою индивидуальной свободы, и, слѣдовательно, не находится въ противорѣчіи съ индивидуалистическимъ міровоззрѣніемъ. Съ точки зрѣнія людей, склонныхъ къ соціализму, идея защиты можетъ получить гораздо болѣе широкое значеніе.

Во-первыхъ, „защита“ можетъ незамѣтно превратиться въ „руководительство“ и получить примѣненіе къ цѣлымъ категоріямъ такихъ людей, которые, хотя ихъ собственно и нельзя признать „неспособными“ вести свои дѣла, оказываются, по убѣжденію законодателя, не въ состояніи обезпечить свои интересы въ такой мѣрѣ, въ какой это можетъ сдѣлать общество. Рабочій, арендаторъ-фермеръ или совершеннолѣтняя женщина почувство-

вали бы себя оскорбленными, еслибы сказать имъ, что они не могутъ сами вести свои дѣла; и дѣйствительно, каждый изъ нихъ пользуется такою же полною законною правоспособностью (во всякомъ случаѣ въ области частнаго права), какъ и другіе граждане. Однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они считаются какъ бы неправоспособными. Рабочій не можетъ заключить договоръ о выдачѣ ему заработной платы не деньгами, а припасами; онъ не можетъ по договору отказаться отъ преимуществъ, предоставляемыхъ ему актами о вознагражденіи рабочихъ въ случаѣ причиненія имъ увѣчій. Женскій трудъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже дома, регулируется закономъ; женщина не допускается, какъ полагаютъ—въ ея же собственныхъ интересахъ, къ нѣкоторымъ работамъ, за которыя она сама, можетъ быть, и желала бы взяться. Всѣмъ такимъ лицамъ государство даетъ защиту, налагая на нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныя ограниченія, и въ новѣйшемъ законодательствѣ обнаруживается тенденція къ увеличенію числа такихъ „защищаемыхъ“ категорій и цѣлыхъ классовъ.

Во-вторыхъ, защита принимаетъ иногда форму мѣръ охраненія не отдѣльныхъ классовъ, а всѣхъ гражданъ отъ ошибокъ, предотвратить которыя люди часто могли бы и собственными своими усиліями. Таковы мѣры, имѣющія въ виду устранить фальсификацію съѣстныхъ припасовъ или предоставить возможность подвергать ихъ анализу при помощи органа государственной власти (начиная съ акта 1860 г. о фальсификаціи продуктовъ и кончая актомъ 1899 г. о продажѣ съѣстныхъ припасовъ и аптекарскихъ товаровъ). Въ основѣ этихъ мѣръ, предназначенныхъ защищать гражданъ отъ опасностей, избѣжать которыхъ они могли бы и собственными усиліями и осторожностью,—правда, цѣною большихъ хлопотъ,—лежитъ присущая коллективизму идея о томъ, что государство лучше, чѣмъ самъ человѣкъ, можетъ судить объ его интересѣ или, во всякомъ случаѣ, о надлежащемъ способѣ обезпечить таковой.

2) *Ограниченіе договорной свободы.* — Поскольку индивидуализмъ расширяетъ область договорной свободы, постольку коллективизмъ ее съуживаетъ. Основанія этого различія очевидны. Расширеніе возможности договорныхъ сдѣлокъ знаменуетъ собою расширеніе области индивидуальной свободы, и въ зависимости отъ того, вѣритъ ли или не вѣритъ законодатель въ разумность предоставленія каждому человѣку широкой самодѣятельности, область договорной свободы расширяется или съуживается. Въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка выступаетъ опредѣленная тенден-

ція къ ограниченію такой свободы. Въ изданныхъ въ 1870 и 1881 гг. земельныхъ законахъ для Ирландіи, которыми регулируются отношенія между землевладѣльцами и арендаторами, рѣзко проявляется отрицательное отношеніе къ началу свободнаго соглашенія въ сферѣ земельныхъ отношеній. Появленіе такого законодательства раньше, напр. между 1830 и 1860 годами, было бы невозможно, за отсутствіемъ въ парламентѣ, да и въ средѣ избирателей, тѣхъ убѣжденій, которыя нашли выраженіе въ указанныхъ земельныхъ актахъ.

И въ собственно англійскомъ законодательствѣ новѣйшаго времени также выступаетъ эта тенденція съуживать область договорной свободы. Вотъ, напр., какъ Дайси анализируетъ положенія, вытекающія изъ серіи актовъ, которыми арендаторамъ-фермерамъ воспрещается отказываться, по договору, отъ преимуществъ (вознагражденія за произведенныя улучшенія), которыя законодатель обезпечиваетъ за ними.

Въ развитіи этого законодательства можно прослѣдить двѣ стадіи. Въ первой стадіи законъ усвоиваетъ за извѣстнаго рода договорами смыслъ, особенно благопріятный для одной изъ сторонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ сторонамъ устранять этотъ смыслъ посредствомъ особой оговорки въ текстѣ соглашенія. Въ позднѣйшей стадіи законъ запрещаетъ сторонамъ уклоняться, путемъ особыхъ условій договора, отъ того смысла, какой сообщается ему закономъ.

Различіе между этими двумя стадіями ярко выступаетъ въ договорѣ о съемкѣ земли между землевладѣльцемъ и арендаторомъ. По прежнему законодательству съемщикъ земли не имѣлъ права на вознагражденіе за улучшенія, произведенныя имъ за время аренды, если это право не было особо оговорено въ самомъ текстѣ контракта. Такой порядокъ былъ признанъ обременительнымъ для съемщиковъ земли, и парламентъ установилъ, что въ договорѣ и съемкѣ земли само собою предполагается право съемщика на вознагражденіе за произведенныя имъ улучшенія, если въ договорѣ нѣтъ спеціальной оговорки въ противномъ смыслѣ. До сихъ поръ еще нѣтъ вмѣшательства въ область договорной свободы ни землевладѣльца, ни арендатора, такъ какъ сторонамъ предоставляется возможность, путемъ особой оговорки, устранять право съемщика на вознагражденіе. Жизнь, однако, обнаружила, что, подъ дѣйствіемъ этого закона, право съемщика обыкновенно устранялось условіями контракта, и что онъ, такимъ образомъ, не получалъ тѣхъ выгодъ, которыя законодатель имѣлъ въ виду предоставить ему. И вотъ, даль-

нѣйшею мѣрою парламента было совершенно воспрещено при заключеніи контрактовъ устранять право съемщика на вознагражденіе. Здѣсь вторженіе въ область договорной свободы очевидно. Необходимость запрещенія съемщику налагать на себя обязательства въ отступленіе отъ условій, указываемыхъ закономъ, не доказываетъ, конечно, чтобы политика предоставленія ему абсолютнаго права на вознагражденіе была неразумною, но она служитъ очевиднымъ показателемъ того, что землевладѣльцы были склонны покупать, а съемщики были склонны продавать права, предоставленныя имъ по закону, и что актъ, возбраняющій сторонамъ при заключеніи контрактовъ вступать въ желательную для нихъ сдѣлку, съуживаетъ договорную свободу. Переходъ отъ мѣръ факультативныхъ къ мѣрамъ принудительнымъ свидѣтельствуетъ о ростущемъ вліяніи коллективизма.

3) *Коллективныя формы дѣятельности.* — Предпочтеніе коллективныхъ формъ дѣятельности покоится на двухъ главныхъ основаніяхъ.

Первымъ является увѣренность въ томъ, что тамъ, гдѣ интересы трудящихся сталкиваются съ интересами капиталистовъ и особенно когда заключается сдѣлка о размѣрѣ заработной платы, отдѣльный рабочій не можетъ обезпечить за собою выгодныхъ условій сдѣлки: онъ безсиленъ передъ богатымъ фабрикантомъ и еще болѣе передъ большимъ товариществомъ, располагающимъ богатствомъ, которое, сравнительно съ его собственными рессурсами, представляется безпредѣльнымъ. Продажа труда находится не въ одинаковыхъ условіяхъ съ продажею товаровъ. Торговецъ можетъ попридержать свои товары въ ожиданіи повышенія цѣнъ, между тѣмъ какъ рабочій, отказывающійся стать на работу при низкой заработной платѣ, рискуетъ нищетою или голодомъ.

Другимъ основаніемъ является присущее каждому коллективисту сознаніе, что отдѣльный индивидуумъ можетъ не понимать своего интереса и особенно интереса своего класса такъ хорошо, какъ понимаетъ его трэдъ-юніонъ или государство, членомъ котораго онъ является. Эта увѣренность въ томъ, что всякаго рода ассоціаціи представляютъ собою организмы, которые могутъ быть болѣе разумными и болѣе сильными, чѣмъ лица, ихъ составляющія, вліяетъ на общую оцѣнку значенія комбинированной дѣятельности, по сравненію ея съ дѣятельностью индивидуальною, и оказываетъ немалое воздѣйствіе на новѣйшее законодательство.

Иллюстраціями такого предпочтенія коллективныхъ формъ дѣятельности могутъ служить актъ 1875 г. о коалиціяхъ и новѣйшіе акты о посредничествѣ.

Актъ 1875 г. о коалиціяхъ и стоящіе въ связи съ нимъ акты 1871 — 1875 гг. о трэдъ-юніонахъ ставятъ всякаго рода промышленныя коалиціи, въ видѣ ли стачекъ или рабочихъ союзовъ, въ положеніе совершенно иное сравнительно съ тѣмъ, какое принадлежало имъ по законодательству (1825 г.) эпохи бентамизма. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія слѣдующія особенности дѣйствующаго права въ области коалицій, которое можно назвать компромисомъ 1875 года.

a) Коалиція въ видахъ совершенія какого-либо дѣйствія вслѣдствіе промышленнаго конфликта между предпринимателями и рабочими ставится, такъ сказать, въ привилегированное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, законъ устанавливаетъ, что „соглашеніе или коалиція двухъ или болѣе лицъ для совершенія какого-либо дѣйствія въ виду или вслѣдствіе промышленнаго конфликта между предпринимателями и рабочими не можетъ быть предметомъ уголовнаго преслѣдованія по обвиненію въ преступномъ соглашеніи (indictable as a conspiracy) [1]), если такое дѣйствіе, будучи совершено отдѣльнымъ лицомъ, не почитается преступленіемъ". Такимъ образомъ создается различіе между коалиціями промышленными и другими, въ результатѣ чего не считается преступнымъ, если вслѣдствіе промышленнаго конфликта возникаетъ соглашеніе совершить такое дѣйствіе (напр., нарушить договоръ), которое не вмѣняется въ преступленіе при совершеніи его отдѣльнымъ лицомъ, тогда какъ соглашеніе о совершеніи того же дѣйствія (т.-е. нарушенія контракта) въ виду какой-либо иной цѣли можетъ быть признано преступнымъ. Въ итогѣ получается слѣдующее: соглашеніе между рабочими о нарушеніи договора ихъ съ предпринимателемъ, напр. объ оставленіи работъ безъ предувѣдомленія съ цѣлью принудить его повысить заработную плату, не будетъ преступленіемъ, тогда какъ соглашеніе между съемщиками земли объ отказѣ, въ нарушеніе договора, уплатить арендную плату землевладѣльцу, съ цѣлью принудить его уменьшить эту плату, составитъ преступленіе.

b) Своего рода санкція дается тѣмъ пріемамъ „сниманія съ работы", которые обозначаются терминомъ „пикетированія" (picketing), въ связи съ промышленнымъ конфликтомъ, поскольку въ этихъ пріемахъ не проявляется угрозы или насилія.

c) Трэдъ-юніонъ, который по законодательству 1825 года представлялся болѣе или менѣе незаконнымъ обществомъ уже просто въ силу того, что цѣлью его могло быть стѣсненіе про-

[1]) Но оно можетъ быть предметомъ гражданскаго иска („actionable").

мышленности, теперь не почитается, какъ таковой, противозаконнымъ. Поэтому трэдъ-юніонъ въ отношеніи къ своимъ фондамъ пользуется защитою, и расхищеніе этихъ фондовъ не можетъ совершаться агентами союза безнаказанно, чему бывали примѣры прежде. Трэдъ-юніоны, хотя и не являются юридическими лицами, пользуются защитою закона. Однако нарушеніе правилъ союза кѣмъ-либо изъ его членовъ не даетъ права иска къ нему какъ за неисполненіе договора.

d) Различнаго рода угрозы со стороны трэдъ-юніоновъ или со стороны рабочихъ во время стачки, съ цѣлью парализовать свободу дѣйствій какъ другихъ рабочихъ, такъ и предпринимателей, признаются преступными, т.-е. воспрещаются подъ страхомъ наказаній. (Напр., всякій, кто, съ цѣлью повліять на другого, будетъ угрожать ему или станетъ преслѣдовать его, или спрячетъ его инструменты, или будетъ подкарауливать либо нарушать его домашній покой, или будетъ гнаться за нимъ по улицамъ, вызывая безпорядокъ, подлежитъ лишенію свободы на три мѣсяца съ принудительными работами).

Законъ 1875 г. представляетъ собою, на первый взглядъ, компромиссъ между желаніемъ коллективистовъ содѣйствовать коллективнымъ соглашеніямъ и убѣжденіемъ индивидуалистовъ, что каждому должна быть предоставлена полная свобода вступать въ договоры, поскольку онъ не вторгается въ сферу правъ своихъ ближнихъ. Но въ этомъ компромиссѣ проявляется значительная перемѣна въ духѣ англійскаго законодательства: хотя въ немъ и заключаются нѣкоторыя суровыя мѣры защиты индивидуальной свободы, однако, сравнительно съ прежнимъ законодательствомъ, онъ особенно благопріятенъ промышленнымъ коалиціямъ.

Законъ 1875 г. о коалиціяхъ составляетъ прямую противоположность закону 1800 года. Поскольку первый благопріятствуетъ, постольку второй препятствуетъ коалиціямъ какъ среди рабочихъ, такъ и среди предпринимателей. Законъ 1875 г. считаетъ стачку явленіемъ вполнѣ законнымъ и даетъ трэдъ-юніонамъ признанное, хотя и нѣсколько своеобразное положеніе; между тѣмъ, законъ 1800 г., въ сущности, относится къ стачкѣ какъ къ преступленію, а къ трэдъ-юніону—почти какъ къ длящемуся преступному соглашенію.

По духу своему законъ 1875 г. существенно отличается и отъ закона 1825 г. Закономъ 1875 г. предусматриваются и облегчаются коллективныя соглашенія рабочихъ и хозяевъ; между тѣмъ, въ бентамовскомъ законодательствѣ имѣлось въ виду установить въ области труда начало свободной конкурренціи, и про-

мышленныя коалиціи допускались или терпѣлись лишь поскольку онѣ составляли проявленіе и принадлежность такого порядка. Въ законѣ 1875 г. главною задачею является расширеніе права коалиціи въ отношеніи къ сдѣлкамъ между рабочими и хозяевами, и уже на второмъ планѣ стоитъ защита свободы индивидуумовъ въ области продажи или покупки труда; между тѣмъ, въ законѣ 1825 г. прежде всего дается защита договорной свободѣ каждаго лица, будетъ ли то продавецъ или покупщикъ труда, и лишь на второмъ планѣ стоитъ расширеніе права коалиціи, поскольку это признавалось необходимымъ для дѣйствительнаго обезпеченія въ области труда принципа свободной конкурренціи.

Законодательствомъ 1875 г. дается такой широкій просторъ праву ассоціаціи, что у людей компетентныхъ возникало даже сомнѣніе по вопросу о томъ, достаточно ли обезпечивается этимъ законодательствомъ договорная свобода какъ отдѣльнаго рабочаго, такъ и отдѣльнаго предпринимателя. Правда, сомнѣніе это въ значительной степени устраняется рядомъ судебныхъ рѣшеній, послѣдовавшихъ недавно; этими рѣшеніями установлено, во-первыхъ, что хотя коалиціи, имѣющія отношеніе къ промышленному конфликту, не подлежатъ уголовному преслѣдованію, какъ преступныя соглашенія, однако лица, въ нихъ участвующія, подлежатъ гражданской отвѣтственности за убытки, причиненные ими, и во-вторыхъ, что трэдъ-юніоны могутъ быть признаны отвѣтственными за ущербы, причиненные ихъ агентами. Какъ бы то ни было, одно совершенно ясно: авторы компромиса 1875 года и общественное мнѣніе, которымъ этотъ компромисъ санкціонированъ, весьма далеки отъ признанія бентамовскаго идеала примѣненія къ области труда начала свободной конкурренціи.

Очеркъ развитія законодательства о коалиціяхъ Дайси заканчиваетъ указаніемъ, что въ отдѣльныхъ моментахъ этой эволюціи особенно ярко выступаетъ соотношеніе, существующее между развитіемъ законодательства и смѣною теченій общественнаго мнѣнія.

Въ законодательствѣ 1800 года отразилось тревожное настроеніе эпохи стараго торизма.

Законодательство 1824—1825 гг., даже въ своихъ колебаніяхъ, соотвѣтствуетъ бентамовскому идеалу свободной конкурренціи въ области труда и даетъ выраженіе этому идеалу.

Компромисъ 1875 г. отражаетъ комбинированное вліяніе демократіи и коллективизма—вліяніе, встрѣчающее, однако, противовѣсъ или противодѣйствіе въ идеяхъ и стремленіяхъ индивидуалистическаго либерализма.

Въ судебномъ толкованіи этого компромиса, вызванномъ двойственностью законодательныхъ нормъ, выступаетъ убѣжденіе, имѣющее и нынѣ, какъ прежде, огромное значеніе у англичанъ, въ томъ, что индивидуальная свобода должна быть признаваема священною, и что этой свободѣ угрожаетъ большая опасность отъ неограниченнаго права коалиціи. Если мы спросимъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ усилилось, послѣ 1875 года, сознаніе этой опасности, то всѣ онѣ могутъ быть выражены однимъ словомъ: „бойкотъ". Терминъ этотъ, получившій признаніе повсемѣстно, появился впервые осенью 1800 года; широкое распространеніе получилъ онъ потому, что онъ былъ лишь новымъ обозначеніемъ старой болѣзни, возродившейся въ новой формѣ. Сознана была грозная опасность того, что право коалицій, будучи ничѣмъ не ограничено, можетъ нанести смертельный ударъ свободѣ.

Иногда говоритъ, что современное законодательство по этому предмету отличается неясностью; но этой неясности, поскольку она дѣйствительно существуетъ, соотвѣтствуетъ неясность въ направленіи самого общественнаго мнѣнія, — говоритъ Дайси. — „Всѣ мы въ Англіи до сихъ поръ воображаемъ, что мы вѣримъ въ благодѣтельность свободы, и однако, по выраженію, ставшему ходячимъ, — теперь всѣ мы соціалисты". Неясность эта гораздо глубже, чѣмъ простое несоотвѣтствіе между взглядами различныхъ классовъ. Пусть каждый постарается отдать себѣ отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и окажется, что внутри происходитъ борьба самыхъ несовмѣстимыхъ одна съ другою соціальныхъ теорій. Знаменитый судья лордъ Брамвелль, убѣжденнѣйшій индивидуалистъ, являлся въ концѣ своей жизни поразительнымъ и интереснымъ олицетвореніемъ взглядовъ минувшей эпохи; однако, лордъ Брамвелль писалъ однажды своему другу: „я немного соціалистъ".

Законодательство о коалиціяхъ, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать его развитіе въ различные періоды, служитъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ положенія о томъ, что въ современной Англіи законъ есть отраженіе общественнаго мнѣнія.

Что касается законодательства о посредничествѣ, то развитіе его началось съ акта 1867 г. и — пока — завершается актомъ 1896 г. (примирительномъ производствѣ. Между первыми мѣрами этого рода и позднѣйшими замѣчается существенное различіе. Болѣе ранними актами о посредничествѣ имѣлось въ виду установить (ммарные и практическіе способы для разрѣшенія опредѣленных столкновеній между хозяевами и ихъ рабочими, по образцу

того порядка, какой существуетъ для разрѣшенія торговыхъ споровъ общими судами. Новѣйшіе акты о примирительномъ производствѣ преслѣдуютъ новую задачу, и въ основѣ ихъ лежатъ новыя идеи. Задача ихъ состоитъ не только въ разрѣшеніи опредѣленныхъ столкновеній, возникшихъ между предпринимателями и ихъ рабочими, но также въ предупрежденіи такихъ столкновеній въ будущемъ, причемъ они стремятся достигнуть этой цѣли путемъ нравственнаго воздѣйствія государства, проявляющагося въ дѣятельности правительственныхъ органовъ. Въ идеяхъ, лежащихъ въ основѣ этихъ мѣръ, проявляется тенденція въ сторону коллективизма. Правда, по дѣйствующему законодательству, государственное вмѣшательство въ конфликты, возникающіе въ области труда, поставлено въ извѣстные предѣлы: оно можетъ принять форму либо простого изслѣдованія даннаго столкновенія, либо третейскаго разбирательства по просьбѣ *обѣихъ* сторонъ. Но одной возможности такого вмѣшательства уже достаточно для того, чтобы общественное мнѣніе—оно никогда не отличается безпристрастіемъ—сказалось во всей своей силѣ въ вопросѣ объ отношеніяхъ, существующихъ въ каждомъ данномъ случаѣ между хозяиномъ и его рабочими; къ тому же сфера воздѣйствія государства можетъ съ каждымъ днемъ расшириться. Настоящее время есть переходная стадія въ развитіи посреднической роли государства. Попытки въ этомъ отношеніи, если онѣ не будутъ оставлены вовсе, должны дойти до своего логическаго конца и привести къ установленію принудительнаго посредничества, которое является лишь болѣе скромнымъ терминомъ для обозначенія регулированія труда государствомъ, по всей вѣроятности при помощи судовъ [1]).

[1]) Обязательное посредничество должно осуществляться либо судами, либо органами исполнительной власти. Дайси выражаетъ, однако, сомнѣніе въ томъ, что и тѣ, и другіе окажутся подходящими для этой задачи. „Съ одной стороны,—говоритъ онъ,—судьи по самому существу недостаточно компетентны для дѣйствительнаго посредничества по вопросамъ, по которымъ у нихъ не можетъ быть спеціальныхъ знаній; къ тому же суды не располагаютъ надлежащими способами обезпечить исполненіе своихъ посредническихъ рѣшеній по отношенію къ участникамъ конфликта. Можно предвидѣть также, что возложеніе на судей работы не-судебной можетъ подорвать репутацію полнаго безпристрастія, которымъ особенно славятся судьи въ Англіи. Съ другой стороны, исполнительная власть представляется органомъ болѣе подходящимъ, чѣмъ суды, для исполненія рѣшеній, но парламентскій кабинетъ не обладаетъ и не можетъ обладать тѣмъ безпристрастіемъ, которое является для посредника первымъ условіемъ выполненія имъ своихъ обязанностей. Министерство, призванное постановить рѣшеніе по столкновенію между предпринимателемъ и его рабочими, въ рѣшеніи своемъ неизбѣжно будетъ считаться съ тѣмъ вліяніемъ, какое это рѣшеніе можетъ имѣть на ближайшихъ общихъ выборахъ".

4) *Уравненіе удобствъ* (Equalization of advantages). — Въ тѣсной связи со стремленіемъ коллективистовъ расширить область покровительства находится идея предоставленія одинаковыхъ жизненныхъ удобствъ. Въ каждомъ обществѣ большинство членовъ не могутъ обезпечить себѣ тѣ удобства, которыя выпадаютъ на долю ихъ болѣе богатыхъ и болѣе счастливыхъ ближнихъ. Государство, — полагаютъ коллективисты, — должно защищать трудящіеся классы отъ такого послѣдствія бѣдности и, въ цѣляхъ этой защиты, оно должно принять мѣры къ обезпеченію за каждымъ гражданиномъ по возможности такихъ же удобствъ, въ видѣ образованія или физическаго благосостоянія, какія люди состоятельные получаютъ на собственныя свои средства. Во второй половинѣ XIX вѣка въ Англіи было издано немало законовъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ такому уравненію удобствъ въ отношеніи ко всѣмъ классамъ, что̀ на дѣлѣ сводится къ предоставленію трудящимся различныхъ преимуществъ за счетъ всѣхъ налогоплательщиковъ.

Дайси отмѣчаетъ эту тенденцію въ развитіи законодательства о начальномъ народномъ образованіи, объ отвѣтственности предпринимателя за увѣчья, полученныя рабочими во время работы, и въ муниципализаціи промышленныхъ предпріятій.

До 1832 года государство не принимало никакого участія въ дѣлѣ народнаго образованія, при чемъ и на родителей не возлагалось юридической обязанности давать своимъ дѣтямъ образованіе. Впервые въ 1833 г. изъ государственныхъ средствъ было назначено 20.000 фунт. стерл. въ годъ на выдачу пособій двумъ большимъ обществамъ, занимавшимся распространеніемъ образованія въ народныхъ массахъ. Выдачею пособій, правда все болѣе и болѣе значительныхъ, и ограничивалось въ теченіе долгаго времени участіе государства въ дѣлѣ народнаго образованія. Болѣе широкое участіе государства не мирилось бы съ господствовавшими индивидуалистическими теченіями эпохи. Дайси обращаетъ вниманіе на то, что Джонъ Милль еще въ 1859 г., въ своемъ трактатѣ о свободѣ, высказывался отрицательно по вопросу о прямомъ участіи государства въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ и считалъ, что государство должно лишь обязывать родителей обезпечить своимъ дѣтямъ элементарное образованіе.

Въ 1870 году впервые народное образованіе сдѣлалось предметомъ государственнаго управленія, и государство возложило на родителей обязанность предоставлять своимъ дѣтямъ начальное образованіе, и притомъ на средства самихъ родителей, такъ какъ

они были обязаны уплачивать за школьное обученіе дѣтей. Въ 1876 г. приняты были мѣры къ болѣе дѣйствительному обезпеченію выполненія родителями ихъ обязанности, а въ 1880 г. впервые сдѣлано было всеобщимъ обязательное посѣщеніе дѣтьми школъ. Въ 1891 г. родители дѣтей, обязанныхъ посѣщать школы, были освобождены отъ обязанности вносить школьную плату, и начальное обученіе сдѣлалось безплатнымъ.

Эта послѣдняя реформа вполнѣ гармонируетъ съ идеями коллективизма. Она создаетъ, съ одной стороны, такой порядокъ, при которомъ А, воспитывающій своихъ дѣтей на свой счетъ или вовсе не имѣющій учащихся дѣтей, обязанъ платить за обученіе дѣтей у В, который, хотя и имѣетъ средства для уплаты за ихъ ученіе, но предпочитаетъ, чтобы платили другіе. Съ другой стороны, она приводитъ къ тому, чтобы дѣтей богатыхъ и бѣдныхъ поставить, въ отношеніи къ начальному обученію, въ одинаковое положеніе. Тогда какъ въ началѣ XIX вѣка въ области народнаго образованія всецѣло господствовали принципы индивидуалистическіе, въ настоящее время въ государственной системѣ школьнаго дѣла выступаютъ начала коллективизма.

Въ духѣ коллективизма совершается и развитіе законодательства объ отвѣтственности предпринимателей. Около 1800 года судами былъ установленъ принципъ, по которому предприниматель отвѣтственъ передъ третьимъ лицомъ за ущербъ, причиненный ему вслѣдствіе небрежности служащихъ или рабочихъ во время ихъ работъ. Въ періодъ между 1830 и 1840 гг., въ отношеніи къ предѣламъ отвѣтственности предпринимателя, судами было установлено ненормальное ограниченіе. По ихъ толкованію, предприниматель не обязанъ уплачивать вознагражденіе кому-либо изъ своихъ служащихъ или рабочихъ за ущербъ, причиненный ему по небрежности его сотоварища во время ихъ общей работы. Это положеніе извѣстно подъ названіемъ „доктрины совмѣстной работы“. Оно относится къ эпохѣ индивидуализма и опиралось на экономическую теорію, сомнительнаго, правда, достоинства, въ силу которой, при вступленіи рабочаго въ какое-либо предпріятіе, рискъ, естественно связанный съ его работою, принимается въ соображеніе при опредѣленіи заработной платы. Въ связи съ этимъ указывалось, что рабочій самъ можетъ быть отчасти отвѣтственъ за несчастный случай, отъ котораго онъ страдаетъ, хотя онъ и не является непосредственнымъ виновникомъ его: такъ, если рабочіе порохового склада имѣютъ обыкновеніе, въ нарушеніе правилъ, курить тамъ, и если А, одинъ изъ нихъ, самъ дѣлаетъ или допускаетъ это, то онъ можетъ ока-

заться отвѣтственнымъ за взрывъ, жертвою котораго онъ будетъ, хотя бы взрывъ послѣдовалъ и не отъ его трубки. Какъ бы то ни было, доктрина совмѣстной работы приводила къ тягостнымъ послѣдствіямъ. Если желѣзнодорожное несчастіе случилось по винѣ машиниста, то каждый пострадавшій пассажиръ могъ получить вознагражденіе отъ желѣзнодорожной компаніи, но кондукторъ не могъ получить никакого вознагражденія, такъ какъ онъ пострадалъ вслѣдствіе небрежности своего товарища по общей работѣ. Такой порядокъ, имѣвшій примѣненіе и въ Массачузетсѣ въ такой же степени, какъ въ Англіи, нельзя было бы объяснить антидемократическими чувствами, но онъ вызывалъ частые протесты со стороны рабочихъ. Однако предоставленіе послѣднимъ политическихъ правъ (въ 1867 г.) не тотчасъ привело къ отказу отъ доктрины совмѣстной работы. Актомъ 1880 г. объ отвѣтственности предпринимателей ограничено было примѣненіе правила, отъ котораго страдали трудящіеся, но оно не было отмѣнено. Въ 1894 г. палата общинъ приняла билль, всецѣло упразднявшій доктрину совмѣстной работы, но билль этотъ былъ оставленъ его авторами послѣ того, какъ палата лордовъ внесла въ него ограничительную поправку. Только въ 1897 году законодательство по этому предмету вступило на новый путь. Изданный въ этомъ году актъ о вознагражденіи рабочихъ ввелъ въ законодательство новое начало, по которому предприниматель обязанъ, за нѣкоторыми ограниченіями, страховать своихъ рабочихъ отъ риска, сопряженнаго съ работою. Въ то же время право рабочаго отчуждать свое право на вознагражденіе было фактически устранено, такъ какъ соглашеніе объ отказѣ отъ вознагражденія, обезпечиваемаго закономъ за рабочимъ, можетъ быть признано дѣйствительнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда соглашеніемъ между предпринимателемъ и его рабочими за послѣдними обезпечиваются выгоды не меньшія сравнительно съ тѣми, которыя предоставляются актами о вознагражденіи, при чемъ такія соглашенія должны быть санкціонированы должностнымъ лицомъ.

„Это законодательство отражаетъ, — говоритъ Дайси, — всѣ характерныя черты коллективизма. Рабочіе защищаются отъ риска труда не своими собственными усиліями или предусмотрительностью и не въ силу договоровъ съ предпринимателями, а системою страхованія, которую законъ дѣлаетъ обязательною для предпринимателей. Начало договорнаго соглашенія какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны предпринимателей устраняется. Предпочтеніе дается коллективному соглашенію. Зако-

номъ, наконецъ, обезпечивается за однимъ классомъ общества та выгода, въ отношеніи къ страхованію отъ несчастныхъ случаевъ, которую другіе классы могутъ получить лишь своими собственными средствами, и хотя договоръ о наймѣ на работу и теперь еще заключается непосредственно между хозяевами и рабочими, однако позади стоитъ государство, которымъ опредѣляется одно изъ важнѣйшихъ условій рабочаго договора".

Характернымъ, съ точки зрѣнія успѣховъ коллективизма, представляется то широкое развитіе, какое получили въ муниципалитетахъ различныя промышленныя предпріятія. Въ началѣ XIX вѣка городскія управленія не брались за предпріятія, которыя съ успѣхомъ велись частными лицами или компаніями. До реформы 1835 г. они и по самому устройству своему были мало пригодны для этой цѣли; не гармонировала она и съ индивидуалистическими теченіями времени. Постепенный поворотъ въ общественномъ мнѣніи по этому предмету обнаруживается съ половины XIX вѣка, когда все болѣе и болѣе въ руки муниципалитетовъ стали переходить различныя предпріятія по водоснабженію, устройству рынковъ, газовому освѣщенію и т. п. На первыхъ порахъ муниципалитеты сосредоточивали въ своихъ рукахъ предпріятія, стоявшія въ близкой связи съ задачами городского управленія. Область ихъ, однако, быстро расширялась и захватывала все новыя отрасли, и въ настоящее время замѣчается настоящая дѣятельная конкурренція между муниципалитетами, оперирующими на средства, взимаемыя въ качествѣ налоговъ, и частными предпринимателями, располагающими лишь своими рессурсами. Къ тому же, — говоритъ Дайси, — „цѣлью муниципальныхъ предпріятій является использованіе средствъ, собираемыхъ съ налогоплательщиковъ, такимъ образомъ, чтобы можно было предоставить всѣмъ обитателямъ данной мѣстности такія удобства, напримѣръ, дешеваго передвиженія, какія они не могли бы получить сами. Здѣсь мы видимъ, въ самой наглядной формѣ, стремленіе къ уравненію удобствъ".

Переходя къ анализу тѣхъ общихъ тенденцій, которыя выступаютъ въ новѣйшемъ законодательствѣ Англіи, Дайси приводитъ изъ книги Джона Морлея: „Жизнь Кобдена", небольшое извлеченіе, которое онъ называетъ классическимъ по глубинѣ и яркости данной въ немъ характеристики основныхъ теченій этого законодательства.

„Не подлежитъ сомнѣнію,—писалъ Морлей въ 1881 году,—

что Кобденъ былъ совершенно правъ, называя тенденціи этого законодательства (фабричнаго) соціалистическими. Это въ высшей степени яркое проявленіе государственной власти, которая устанавливаетъ, въ интересахъ рабочаго, опредѣленныя ограниченія въ области распоряженія капиталомъ. Актъ 1844 г. являлся лишь начальнымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Въ 1847 г. билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ сдѣлался закономъ. Кобденъ въ то время былъ заграницею и не принималъ участія въ послѣднихъ стадіяхъ проведенія билля. Въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ тридцати лѣтъ указанный принципъ примѣнялся все болѣе и болѣе съ изумительнымъ постоянствомъ. Въ настоящее время мы имѣемъ полный, подробный и обширный кодексъ для защиты труда; зданія должны быть содержимы въ чистотѣ; опасныя машины должны быть обнесены перилами; дѣти и подростки не должны чистить машины, когда онѣ находятся въ движеніи; рабочее время дѣтей и подростковъ не только ограничено, но опредѣлено въ точности; непрерывная работа не должна превышать извѣстнаго числа часовъ, смотря по роду производства, при чемъ въ законѣ даются точныя указанія по отдѣльнымъ случаямъ; закономъ устанавливается число праздничныхъ дней; дѣти должны посѣщать школу, и предприниматель обязанъ имѣть за каждую недѣлю удостовѣреніе по этому предмету; если произойдетъ несчастный случай, подлежащимъ органамъ должно быть послано извѣщеніе; особыя предписанія установлены для хлѣбопекаренъ, для производства кружевъ, для каменноугольныхъ копей и для цѣлой серіи другихъ спеціальностей; для того, чтобы обезпечить надлежащее выполненіе и тщательный надзоръ по этой массѣ подробныхъ предписаній, имѣется огромный штатъ инспекторовъ, врачей и другихъ властей, задача которыхъ состоитъ въ непрестанномъ надзорѣ за всякаго рода трудомъ, начиная съ женщины, которая плететъ солому, сидя у входа въ свою хижину, и вплоть до углекопа, спускающагося въ подземелье, или моряка, развозящаго по самымъ отдаленнымъ частямъ свѣта плоды и издѣлія міровой промышленности. Но все это одна изъ обширныхъ отраслей того, чего обыкновенно требуютъ наиболѣе настойчивые изъ соціалистовъ; и если къ этому сложному фабричному законодательству мы прибавимъ нашу систему общественнаго призрѣнія, то мы въ результатѣ придемъ къ довольно неожиданному заключенію, а именно — что въ странѣ, въ которой о соціализмѣ толковали меньше, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ, принципы его получили наиболѣе широкое примѣненіе".

Морлей имѣлъ въ виду только фабричное законодательство, но сказанное имъ примѣнимо и ко многимъ другимъ отраслямъ, при чемъ вѣрность его замѣчаній получала съ каждымъ годомъ все новыя подтвержденія.

Рабочее законодательство 1878 года значительно расширено дѣйствующимъ теперь кодексомъ, изданнымъ въ 1901 г. подъ названіемъ „Factory and Workshop Act". Сфера рабочаго законодательства расширилась далеко за предѣлы обычнаго понятія фабрикъ и мастерскихъ, и, повидимому, недалеко время, когда вмѣшательство государства коснется всѣхъ видовъ труда. Съ другой стороны, законодательство о народномъ здравіи, начавшееся въ 1848 г. со скромной попытки устранить нѣкоторыя вредныя для здоровья условія, развилось въ санитарный кодексъ 1875 г., который заключаетъ въ себѣ въ высшей степени сложныя и мелочныя предписанія. Акты о жилищахъ для рабочихъ классовъ мало-по-малу также развились въ сложное законодательство, предоставляющее мѣстнымъ органамъ закрывать нездоровыя жилища и даже сносить ихъ, въ случаѣ признанія ихъ непригодными для жилья, при чемъ органы мѣстнаго управленія уполномочиваются возводить постройки для обезпеченія рабочихъ жилищами и, въ этихъ видахъ, пріобрѣтать землю съ правомъ, въ случаѣ надобности, обращаться къ принудительному отчужденію ея. Въ послѣднее время обезпечена также возможность предоставлять мелкіе участки (allotments) сельскимъ рабочимъ, которые не могутъ сами купить или арендовать землю по рыночной цѣнѣ или которые живутъ тамъ, гдѣ землевладѣлецъ не желаетъ вовсе ни продавать, ни отдавать въ наемъ участки земли. Мѣстные органы, въ силу Allotments Acts, уполномочены пріобрѣтать землю, въ случаѣ необходимости на началахъ принудительнаго отчужденія, и затѣмъ сдавать ее участками сельскимъ рабочимъ.

Въ извѣстномъ соотношеніи съ развитіемъ коллективизма находятся нѣкоторыя явленія въ области общественнаго призрѣнія, системѣ котораго издавна былъ присущъ соціалистическій элементъ. Усиленіе этого элемента ясно выступаетъ изъ сравненія между идеями, которыми характеризуется реформа 1834 г. въ области призрѣнія бѣдныхъ, и тѣми идеями, которыя въ настоящее время отчасти уже вызвали законодательныя измѣненія, а отчасти получаютъ выраженіе въ способахъ завѣдыванія призрѣніемъ.

Въ глазахъ людей, проводившихъ реформу 1834 года, система обязательнаго призрѣнія является большимъ, хотя въ

данное время и неизбѣжнымъ зломъ. Примѣненіе ея они стремились поставить въ возможно болѣе узкіе предѣлы. Они разсчитывали въ недалекомъ будущемъ положить конецъ системѣ оказанія пособій на-дому. Многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, питали даже надежду на то, что въ концѣ концовъ можно будетъ совершенно упразднить систему обязательнаго призрѣнія. Въ интересахъ ограниченнаго примѣненія ея они придавали особенное значеніе двумъ обстоятельствамъ. Одно изъ нихъ заключается въ строгомъ ограниченіи помощи случаями дѣйствительной нищеты: задачею помощи должно быть спасеніе отъ голода, но не предоставленіе комфорта. Во-вторыхъ, съ пауперизмомъ—это явленіе совершенно отличное отъ обыкновенной бѣдности—должно связываться извѣстное безчестіе: получающій призрѣніе утрачиваетъ избирательныя права.

Съ теченіемъ времени произошла перемѣна во взглядахъ, и самое желаніе ограничить оказаніе помощи на-дому исчезло въ широкихъ кругахъ населенія. Мысль о возможности упраздненія системы обязательнаго призрѣнія уже не входитъ въ сферу задачъ практической политики. Немало, съ другой стороны, сдѣлано для уменьшенія тѣхъ неудобствъ, которыя связываются съ пауперизмомъ. Актомъ 1894 г. попечительнымъ совѣтамъ предоставлено было, при разрѣшеніи ходатайствъ о пособіяхъ на-дому, не принимать въ соображеніе того, что проситель, въ качествѣ члена общества взаимопомощи, „дружескаго общества“ (friendly society), получаетъ изъ кассы общества пособіе не свыше пяти шиллинговъ въ недѣлю. Новымъ актомъ 1904 г. по тому же предмету *право* попечительныхъ совѣтовъ въ этомъ отношеніи было превращено въ ихъ *обязанность*. Съ другой стороны, по закону 1885 г. полученіе пособія на дому въ формѣ врачебной помощи не лишаетъ получающаго ее права осуществлять избирательныя функціи. Въ будущемъ можно ожидать дальнѣйшаго движенія въ томъ же направленіи: теперешній премьеръ, сэръ Кэмпбель-Баннерманъ заявилъ въ 1904 г., въ качествѣ лидера оппозиціи, что онъ—„въ пользу отмѣны избирательныхъ ограниченій для получающихъ временное призрѣніе“.

Съ точки зрѣнія законодательныхъ теченій немалый интересъ представляютъ и проекты, еще не обратившіеся въ законы, такъ какъ въ нихъ обнаруживаются желанія и стремленія избирателей. Дайси останавливается на нѣкоторыхъ изъ нихъ, проникнутыхъ уже отмѣченнымъ стремленіемъ къ „уравненію удобствъ“. Такъ въ проектъ установленія пенсій для престарѣлыхъ, достигшихъ шестидесяти-пяти-лѣтняго возраста, на средства, получаемыя отъ

налогоплательщиковъ. Таково же предположеніе предоставить попечителямъ о бѣдныхъ право устраивать „для достойныхъ нуждающихся престарѣлыхъ“ особые коттеджи, обитатели которыхъ „съ надлежащею заботливостью обезпечивались бы пищею и другими удобствами“. Другими словами, говоритъ Дайси, это значитъ, „что они будутъ пользоваться по меньшей мѣрѣ такимъ же, а можетъ быть и бо̀льшимъ комфортомъ, чѣмъ тотъ, который составляетъ удѣлъ энергичнаго труженика, обезпечившаго себѣ, на склонѣ жизни, своимъ заработкомъ и сбереженіями скромную независимость. Всѣ такіе планы, каковы бы ни были ихъ преимущества, имѣютъ нѣкоторыя общія черты. Всѣ они имѣютъ въ виду освободить полученіе общественнаго призрѣнія отъ того униженія и нѣкотораго ограниченія въ правахъ, которыя до сихъ поръ связывались съ пауперизмомъ; они подрываютъ идею о томъ, что въ принципѣ каждый гражданинъ обязанъ самъ заботиться о своихъ нуждахъ не только въ молодости, но и въ старости; и что если преклонный возрастъ, съ которымъ сопряжена утрата работоспособности, можетъ быть названъ болѣзнью, то все-таки это болѣзнь настолько неизбѣжная, что она должна вызывать особенную обязанность обезпечить себя въ виду ея“.

Въ нѣкоторыхъ билляхъ 1904 г. выступаетъ также другая характерная особенность коллективизма, а именно благопріятное отношеніе, которое лица, усвоившія соціалистическіе идеалы, проявляютъ къ коллективной дѣятельности сравнительно съ индивидуальной. Трэдъ-юніонисты добиваются полнаго переворота въ области права коалицій. Они требуютъ, въ отношеніи къ промышленнымъ конфликтамъ, фактической отмѣны законовъ о преступныхъ соглашеніяхъ, узаконенія такъ называемаго мирнаго „пикетированія“ и—что̀ является совершенною аномаліею—освобожденія трэдъ-юніоновъ и ихъ членовъ отъ гражданской отвѣтственности за ущербы, причиненные кому-либо дѣйствіями членовъ рабочаго союза. „Всѣ эти измѣненія приводятъ къ тому заключенію,—говоритъ Дайси,—что англійскіе рабочіе ощущаютъ живѣйшую потребность въ томъ, чтобы оказывать сильнѣйшее „нравственное воздѣйствіе“—воздѣйствіе, по отношенію къ которому едвали, однако, даже при распространительномъ толкованіи было бы справедливо примѣнять терминъ „нравственное“—съ цѣлью парализовать эгоизмъ рабочаго или предпринимателя, дѣйствующаго вразрѣзъ съ интересами группы трудящихся. Но эти же предполагаемыя измѣненія свидѣтельствуютъ о томъ, что англійскіе рабочіе слѣпы къ опасностямъ, сопряженнымъ съ та-

нимъ расширеніемъ права ассоціаціи, которое можетъ привести къ серьезному сокращенію области индивидуальной свободы. Эта склонность обезцѣнивать значеніе личной свободы и переоцѣнивать значеніе классовыхъ интересовъ иллюстрируется до извѣстной степени биллемъ объ иммиграціи иностранцевъ (биллемъ, который въ 1905 г. сталъ закономъ). Мѣра эта имѣетъ въ виду ограничить водвореніе въ Англіи неимущихъ иностранцевъ и вообще нежелательныхъ иммигрантовъ, присутствіе которыхъ можетъ увеличить англійскую бѣдноту. Она была предложена парламенту правительствомъ, причемъ есть основаніе думать, что ей сочувствуютъ рабочіе классы. Нельзя отрицать, что въ пользу билля объ иностранцахъ могутъ быть приведены доводы, заслуживающіе вниманія; но всякій безпристрастный наблюдатель не можетъ не замѣтить, что билль этотъ находится въ соотвѣтствіи съ стремленіемъ ограничить всякаго рода конкурренцію, идущую вразрѣзъ съ непосредственными интересами англійскихъ рабочихъ [1]). Какъ бы то ни было, въ этомъ биллѣ обнаруживается рѣшительная реакція противъ традиціонной въ Англіи политики благопріятнаго отношенія къ иммиграціи иностранцевъ, причемъ въ нѣкоторыхъ постановленіихъ его выступаетъ индифферентное отношеніе къ тому уваженію, которымъ въ Англіи всегда пользовалась личная свобода, хотя бы и иностранца, и которое можно назвать естественнымъ индивидуализмомъ общаго права".

Въ неменьшей степени, чѣмъ въ Англіи, коллективистическими тенденціями проникнуто и новѣйшее задонодательство нѣкоторыхъ самоуправляющихся колоній Англіи. Обязательное посредничество во всѣхъ конфликтахъ между предпринимателями и рабочими, или, иначе говоря, регулированіе государствомъ отношеній между этими двумя классами; широкое развитіе фабричнаго законодательства, предусматривающаго, между прочимъ, регулированіе закономъ продолжительности рабочаго дня во всѣхъ видахъ труда, въ томъ числѣ и домашней прислуги; предоставленіе государствомъ работы безработнымъ; опредѣленіе закономъ справедливой заработной платы; суровое примѣненіе за-

[1]) Основательность этого замѣчанія Дайси находитъ себѣ яркое подтвержденіе въ томъ дополненіи къ акту объ иммиграціи иностранцевъ, которое внесено было въ новую палату общинъ, въ 1906 году, по иниціативѣ рабочихъ членовъ парламента. Этимъ дополнительнымъ биллемъ воспрещается доступъ въ Англію иностранцамъ-рабочимъ, нанятымъ предпринимателемъ во время конфликта между нимъ и рабочими. Билль этотъ принятъ палатою общинъ, но не могъ обратиться въ законъ, такъ какъ палата лордовъ отвергла его, вызвавъ этимъ рѣзкое неудовольствіе въ средѣ рабочихъ классовъ.

конодательства о крѣпкихъ напиткахъ съ возможною задачею сдѣлать трезвость обязательною; недопущеніе всѣхъ тѣхъ иммигрантовъ, хотя бы они и были англійскими подданными, присутствіе которыхъ нежелательно рабочимъ;—всѣ эти и имъ подобныя мѣры находятъ полное сочувствіе въ средѣ гражданъ Австраліи и Новой Зеландіи.

„Сходство между законодательствомъ, которое дѣйствительно нашло себѣ мѣсто въ этихъ колоніяхъ,—говоритъ Дайси,—и тѣми законами, которые уже проведены или намѣчены въ Англіи, заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ оно проливаетъ яркій свѣтъ на естественныя тенденціи того скрытаго соціализма или коллективизма, еще не вылившагося въ опредѣленныя соціалистическія формулы, который въ теченіе послѣднихъ тридцати слишкомъ лѣтъ выступалъ, со все возрастающею силою, въ развитіи англійскаго законодательства“.

VI.

Въ предшествующемъ изложеніи я старался исчерпать главное содержаніе интересной книги Дайси, чтобы дать читателямъ возможно болѣе ясное представленіе о важнѣйшихъ фазисахъ развитія англійскаго законодательства XIX вѣка въ соотношеніи съ послѣдовательною смѣною теченій общественнаго мнѣнія. Въ этомъ развитіи наиболѣе ярко выступаетъ постепенный переходъ отъ индивидуализма къ коллективизму. Переходъ этотъ, какъ мы видѣли, представляетъ собою явленіе не случайное и не мимолетное, будучи вызванъ дѣйствіемъ цѣлой совокупности причинъ, вліяніемъ цѣлаго ряда измѣнившихся условій соціальной жизни. Въ области законодательства эта смѣна теченій общественной мысли сказалась весьма рѣзко, и причину этого Дайси вполнѣ основательно усматриваетъ въ коренномъ различіи, которое существуетъ у индивидуалистовъ и коллективистовъ въ опредѣленіи отношенія между человѣкомъ и государствомъ.

„Либералы-бентамиты, — говоритъ Дайси, — смотрятъ на людей, главнымъ образомъ и черезчуръ исключительно, какъ на отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ каждый долженъ собственными своими усиліями устраивать свое счастье и благосостояніе; при этомъ они считали, что преуспѣяніе общества, напр. англійской націи, означаетъ не что иное, какъ преуспѣяніе или благополучіе всѣхъ или большинства его членовъ. Они полагали также, и конечно не безъ основанія, что, при правильномъ по-

пиманіи человѣкомъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, истинное благополучіе каждаго гражданина будетъ и истиннымъ благополучіемъ государства. Поэтому либералы, въ эпоху преобладающаго вліянія ихъ, содѣйствовали развитію такого законодательства, которое увеличивало бы свободу, энергію и независимость каждаго гражданина, которое развивало бы въ немъ пониманіе своихъ дѣйствительныхъ интересовъ и которое укрѣпляло бы въ немъ чувство собственной индивидуальной отвѣтственности за результаты своего личнаго поведенія, какъ въ отношеніи къ себѣ самому, такъ и въ отношеніи къ своимъ ближнимъ.

„Коллективисты, съ другой стороны, смотрятъ на людей, главнымъ образомъ и черезчуръ исключительно, не столько какъ на отдѣльныхъ индивидовъ, сколько какъ на существа, которыя по самой природѣ своей являются гражданами и частями большого организма — государства, членами котораго они состоятъ. Реформисты, вниманіе которыхъ такимъ образомъ всецѣло поглощалось соціальною стороною человѣческой природы, были убѣждены или, скорѣе, чувствовали, что счастье каждаго гражданина зависитъ отъ благополучія націи, и считали, что въ обезпеченіи благополучія націи лежитъ единственный путь къ обезпеченію счастья каждаго индивидуальнаго гражданина. Поэтому коллективисты содѣйствовали развитію такого законодательства, которое усиливало бы соціальныя и симпатическія чувства каждаго человѣка и укрѣпляло бы въ немъ сознаніе отвѣтственности общества или государства передъ благополучіемъ или счастьемъ каждаго индивидуальнаго гражданина“...

При всемъ различіи между индивидуалистическимъ либерализмомъ эпохи бентамизма и демократическимъ соціализмомъ послѣдняго времени, оба эти теченія имѣютъ, однако, нѣкоторыя общія черты. „Отъ бентамизма,—говоритъ Дайси,—современные соціалисты (прибавимъ—англійскіе) унаслѣдовали законодательную догму, законодательное орудіе и законодательную тенденцію“.

Это положеніе Дайси разъясняетъ въ рядѣ весьма тонкихъ замѣчаній, представляющихъ выдающійся интересъ для установленія надлежащей точки зрѣнія на соотношеніе между смѣнившими одно другое теченіями общественной мысли.

Основной догматъ бентамизма—знаменитый принципъ полезности. Когда въ 1776 году вышло въ свѣтъ сочиненіе Бентама: „Fragment on Government“, генеральный атторней Веддерборнъ, провидѣвъ въ замыслахъ утилитаризма революціонную тенденцію, высказалъ убѣжденіе въ томъ, что „принципъ полезности—принципъ опасный“. Такая квалификація основного на-

чала утилитаризма вызвала со стороны Бентама ироническое указаніе на то, что Веддерберн въ значительной степени правъ, и что людямъ, которые извлекаютъ многія выгоды изъ олигархическаго порядка управленія, не можетъ не казаться опаснымъ принципъ, по которому единственно *справедливою* и закономѣрною цѣлью управленія является наибольшее счастье наибольшаго числа людей.

Въ настоящее время, когда принципъ наибольшаго благополучія сталъ трюизмомъ, усвоеннымъ консерваторами въ неменьшей степени, чѣмъ демократами, опасеніе Веддерберна можетъ показаться страннымъ. „Однако,—говоритъ Дайси,—Веддербернъ, со своей точки зрѣнія, далъ вѣрную оцѣнку принципу полезности. Это былъ принципъ, чреватый настоящимъ переворотомъ; онъ предполагалъ упраздненіе всякой должности и всякаго учрежденія, которыя не оправдывались соображеніями общественной пользы; онъ подрывалъ въ корнѣ всѣ злоупотребленія, вродѣ дорого оплачиваемыхъ синекуръ, которыхъ было такъ много въ 1776 г. во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго и церковнаго управленія; онъ наносилъ смертельный ударъ не только оптимизму Блэкстона, но и историческому консерватизму Борка. Онъ, въ сущности, шелъ даже гораздо дальше, такъ какъ въ виду того, что въ каждомъ государствѣ бѣдные и нуждающіеся всегда составляютъ большинство, излюбленный догматъ бентамизма приводилъ къ заключенію,—безусловно чуждому англійскимъ государственнымъ людямъ XVIII-го вѣка,—а именно, что настоящею задачею законодательства должно быть обезпеченіе благополучія не дворянства или джентри, а рабочихъ и вообще трудящихся".

Законодательнымъ орудіемъ бентамизма являлось парламентское верховенство въ надлежащемъ его использованіи.

„Всемогущество парламента, усвоенное Бентамомъ отъ Блэкстона,—говоритъ Дайси,—могло, въ качествѣ абстрактной доктрины, вызывать спокойное восхищеніе знаменитаго комментатора. Но всемогущество парламента, воплощенное въ дѣйствительность и направленное смѣлыми реформистами къ устраненію всѣхъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ злоупотребленій, могло вызвать тревогу не только въ спекуляторахъ, извлекавшихъ себѣ выгоды и почетъ изъ данныхъ условій общественной жизни, но и въ государственныхъ людяхъ, вродѣ Питта и Вильберфорса, не находившихся подъ воздѣйствіемъ какихъ-либо корыстныхъ интересовъ. Словомъ, парламентское верховенство, выдвинутое Блэкстономъ въ теоріи и утилизированное Бентамомъ на практикѣ, является орудіемъ весьма пригоднымъ для установленія демократическаго деспотизма".

Законодательною тенденціею бентамизма было постоянное усложненіе и усовершенствованіе механизма управленія.

Стремясь къ развитію законодательства въ соотвѣтствіи съ принципомъ полезности, бентамиты ближайшимъ образомъ озабочивались расширеніемъ области индивидуальной свободы, видя въ этомъ лучшее средство обезпечить наибольшее благополучіе наибольшаго числа людей. Однако, въ своихъ стремленіяхъ они на каждомъ шагу встрѣчали либо противодѣйствіе, либо инертность со стороны классовыхъ интересовъ. При всей своей убѣжденности въ благотворности принципа „laissez faire", они были постоянно приводимы къ сознанію того, что для достиженія ихъ цѣлей безусловно необходимо улучшеніе и усиленіе механизма управленія, и въ этомъ отношеніи они находили поддержку со стороны многихъ, которые, не будучи адептами какой-либо политической теоріи, понимали практическую необходимость въ административныхъ реформахъ для удовлетворенія разнообразныхъ и сложныхъ потребностей современнаго общества съ развитою промышленною жизнью. Въ результатѣ интенсивной законодательной работы, вслѣдъ за парламентскою реформою 1832 года, постепенно создалась сложная административная система, съ весьма развитою централизаціею—система, требовавшая постоянныхъ исправленій, дополненій и приспособленія къ новымъ запросамъ жизни.

Слѣпо вѣря въ догматъ „laissez faire", индивидуалисты упускали изъ вида, что нѣтъ необходимой логической связи между этимъ догматомъ и тѣмъ принципомъ наибольшаго благополучія, который одинаково можетъ быть присущъ какъ защитникамъ индивидуальной свободы, такъ и сторонникамъ попечительной системы управленія. Весьма характерно, что въ основѣ отрицательнаго отношенія Герберта Спенсера къ утилитаризму лежитъ именно то соображеніе, что утилитаристы, стремясь къ обезпеченію наибольшаго счастья наибольшаго числа людей, часто свободу индивидовъ приносятъ въ жертву дѣйствительному или призрачному благу государства, т.-е. большинства гражданъ.

Дайси подчеркиваетъ также то странное явленіе, что развитію тенденціи бентамизма въ сторону расширенія государственнаго вмѣшательства содѣйствовало то, что въ немъ примиряло виговъ съ умѣренными либералами, а именно—безусловное пренебреженіе бентамитовъ къ доктринѣ естественныхъ правъ и общественнаго договора. „Это пренебреженіе дѣйствительно было гарантіею противъ увлеченія якобинскими принципами, но оно лишало индивидуальную свободу одного изъ охраняющихъ ее

устоевъ, такъ какъ доктрина прирожденныхъ правъ, при всей слабости ея съ логической точки зрѣнія, полагала въ теоріи извѣстный предѣлъ деспотизму большинства. Доктрина эта является, правда, весьма слабою преградою передъ крайностями демагогической тираніи: „Декларація правъ человѣка“ не спасла ни одного изъ тысячи невинныхъ гражданъ, осужденныхъ революціоннымъ трибуналомъ; американская „Декларація независимости“, торжественно объявившая права человѣка неотъемлемыми, не освободила отъ рабства ни одного негра. Но эти знаменитые акты были все-таки формальнымъ признаніемъ того, что верховная власть не можетъ превратить силу въ право. Они оказали несомнѣнное вліяніе на общественное мнѣніе. Во Франціи „Декларація правъ человѣка“ поддерживала убѣжденіе въ томъ, что законодательное собраніе не должно обладать неограниченною властью. Въ нѣсколькихъ статьяхъ конституціи Соединенныхъ-Штатовъ, проникнутыхъ духомъ „Декларація независимости“, индивидуальная свобода получила серьезную опору; одна изъ этихъ статей въ немалой степени содѣйствовала тому, что увѣренность въ священномъ характерѣ обязательности договоровъ вошла какъ бы въ кодексъ общественной нравственности американцевъ и въ настоящее время служитъ реальною преградою развитію соціалистическаго законодательства. Такимъ образомъ, либералы 1830-хъ годовъ, ревниво относясь къ индивидуальной свободѣ, исповѣдывали, однако, такіе взгляды, которые—безсознательно для людей, ихъ исповѣдывавшихъ,—могли, при измѣнившихся соціальныхъ условіяхъ, содѣйствовать развитію деспотизма демократическаго государства“.

Реальныя послѣдствія извѣстнаго міросозерцанія могутъ оказаться въ рѣшительномъ несоотвѣтствіи съ намѣреніями людей, его вырабатывавшихъ: идеи, однажды усвоенныя, даютъ свои конечные логическіе результаты главнымъ образомъ подъ воздѣйствіемъ обстоятельствъ. „Въ періодъ между 1868 и 1900 годами произошли три перемѣны, выдвинувшія элементъ властности въ системѣ бентамовскаго либерализма. Вѣра въ „laissez faire“ пошатнулась, и принципъ полезности сдѣлался аргументомъ уже не въ пользу индивидуальной свободы, а въ пользу всемогущества государства. Парламентъ, съ развитіемъ демократіи, сдѣлался представительствомъ не среднихъ классовъ, а совокупности всѣхъ домохозяевъ, и такимъ образомъ парламентское верховенство стало означать, въ концѣ концовъ, неограниченное вліяніе трудящихся классовъ. Наконецъ, административный механизмъ подвергся реформамъ и былъ усиленъ. Такимъ образомъ

созданы были средства для практическаго расширенія государственнаго воздѣйствія; но, какъ говоритъ мудрая испанская пословица, „чѣмъ больше большаго, тѣмъ меньше меньшаго"—чѣмъ болѣе расширяется область государственнаго вмѣшательства, тѣмъ меньше становится область свободы каждаго отдѣльнаго гражданина. Бентамиты, какъ оказалось, выковали оружіе, въ которомъ болѣе всего нуждаются соціалисты, и англійскіе коллективисты унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ-утилитаристовъ законодательную доктрину, законодательное орудіе и законодательную тенденцію,—въ высшей степени пригодныя для осуществленія соціалистическихъ экспериментовъ".

Такая преемственность служитъ, по нашему мнѣнію, весьма вѣскимъ показателемъ того, что новое направленіе въ развитіи англійскаго законодательства является дальнѣйшею нормальною ступенью въ естественномъ процессѣ эволюціи. Новый фазисъ этой эволюціи воспринялъ отъ фазиса предшествующаго тѣ элементы, которые сохраняютъ жизнеспособность и которые, составляя какъ бы связующее звено между ними, сглаживаютъ рѣзкость перехода отъ одного къ другому.

Относительно будущаго, Дайси ограничивается слѣдующими замѣчаніями. „Сила коллективизма,—говоритъ онъ,—мы всѣ это инстинктивно чувствуемъ, не исчерпана и, по всѣмъ признакамъ, даже не ослабѣваетъ. Нечего, однако, и удивляться тому, что теперь и въ теченіе неопредѣленнаго будущаго законодательство будетъ все дальше и дальше отклоняться отъ тѣхъ путей, которые были намѣчены Бентамомъ и по которымъ слѣдовали либералы 1830-хъ годовъ. Общественное мнѣніе, какъ мы видѣли, находится гораздо болѣе подъ воздѣйствіемъ обстоятельствъ, чѣмъ силы аргументовъ, а обстоятельства, благопріятствовавшія развитію коллективизма, продолжаютъ существовать и оказывать свое вліяніе на общественные взгляды и чувства. Законы, съ другой стороны, являются въ ряду наиболѣе сильныхъ факторовъ, вліяющихъ на образованіе тѣхъ теченій общественнаго мнѣнія, которыя, затѣмъ, отражаются въ законодательствѣ; между тѣмъ, законодательство въ духѣ коллективизма развивается уже 25—30 лѣтъ, и оно успѣло создать моральную и интеллектуальную атмосферу, въ которой соціалистическія идеи растутъ и процвѣтаютъ. Это настолько несомнѣнно, что современные индивидуалисты сами оказываются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соціалистами. Стало быть, внутренняя логика явленій приводитъ къ развитію и расширенію законодательства, носящаго на себѣ печать коллективизма".

Оканчивая этою цитатою изложеніе книги Дайси, считаю умѣстнымъ высказать нѣсколько соображеній о характерѣ переживаемаго Англіею перехода отъ „индивидуализма“ къ „коллективизму“. Уже пройденныя стадіи этого перехода вѣроятно окажутся, по своему внутреннему значенію, не столь существенными, какъ предстоящія въ будущемъ явленія въ этой области; но онѣ, прошедшія въ спокойной обстановкѣ постепенной законодательной работы, могутъ служить надежными показателями того, что и грядущія измѣненія въ условіяхъ соціальной жизни совершатся безъ катастрофъ и рѣзкихъ потрясеній, путемъ мирнаго обновленія этихъ условій. Это послѣднее свойство сдѣлалось настолько присущимъ Англіи, съ окончательнымъ упроченіемъ въ ней, въ XIX вѣкѣ, свободнаго политическаго строя на разумныхъ демократическихъ началахъ, что нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что указанное свойство будетъ служить регуляторомъ и въ послѣдующихъ стадіяхъ ея соціальнаго развитія.

Характернымъ свидѣтельствомъ въ пользу этой увѣренности должно быть признано отрицательное отношеніе огромнаго большинства англійскихъ соціалистовъ къ тѣмъ планамъ и пріемамъ, которые встрѣчаютъ такое широкое сочувствіе въ средѣ соціалистическихъ партій на континентѣ и всего болѣе въ странахъ съ слабо развитою культурою, какъ Россія. Весьма опредѣленно это явленіе обнаружилось на послѣднихъ общихъ выборахъ въ Англіи, въ январѣ текущаго года. Выборы эти, знаменующіе собою новый шагъ въ развитіи англійской демократіи, дали наиболѣе демократическій изъ всѣхъ парламентовъ, какіе когда-либо избирало англійское населеніе. Въ частности, въ новой палатѣ общинъ значительно увеличилось число представителей рабочихъ классовъ (поднявшись до 54 вмѣсто 12 избранныхъ на предыдущихъ выборахъ 1900 г.), причемъ часть ихъ образовала впервые самостоятельную и независимую рабочую партію въ составѣ 29 членовъ, изъ которыхъ большинство соціалисты. Въ средѣ ихъ нѣтъ, однако, ни одного представителя соціалъ-демократической федераціи: всѣ семеро кандидатовъ послѣдней были забаллотированы, въ томъ числѣ и глава федераціи Гайндманъ, неудача котораго оказывается тѣмъ внушительнѣе, что счастливымъ соперникомъ его на выборахъ былъ рабочій-либералъ [1]).

Неуспѣхъ соціалъ-демократическихъ теченій и безпочвен-

[1]) См. мою брошюру — „Новыя явленія въ развитіи англійской демократіи“ (Спб. 1906), стр. 33.

ность боевого соціализма въ Англіи очень выразительно оттѣняются тою складкою, какую приняли соціально-экономическіе идеалы и запросы въ средѣ рабочей партіи, даже въ лицѣ тѣхъ ея руководителей, которые причисляютъ себя къ соціалистамъ. Они не только далеки отъ стремленія положить классовую борьбу и ея интересы въ основу своей дѣятельности, но совершенно опредѣленно предрекаютъ неудачу и разложеніе рабочей партіи, если она съузитъ свои задачи цѣлями классоваго движенія. По убѣжденію руководителей этой партіи, она въ своей дѣятельности должна опираться на „понятія о справедливомъ и несправедливомъ, присущія всѣмъ классамъ", и „обращаться къ чувствамъ справедливости, призывъ къ которымъ никогда не оказывался тщетнымъ". Это — выраженія Д. Рамзея Макдональда, одного изъ талантливыхъ и самыхъ вліятельныхъ предводителей новой партіи, въ статьѣ объ этой партіи и ея политикѣ, напечатанной въ мартовской книгѣ журнала „Independent Review".

Въ этой же статьѣ Макдональдъ говоритъ, что его мало интересуютъ разсужденія о томъ, какія отношенія сложатся между рабочею партіею и другими партіями. Эти отношенія будутъ развиваться въ зависимости отъ обстоятельствъ. „Только улыбку, если не досаду, могутъ вызвать хвастливыя угрозы разгромить ту или другую партію",—прибавляетъ онъ, намекая на статью, появившуюся въ соціалистическомъ журналѣ „Clarion" подъ заглавіемъ: „Почему соціалисты будутъ громить либеральную партію". „Рабочая партія,—продолжаетъ Макдональдъ,—сама переживаетъ періодъ испытанія, да и кромѣ того, „разгромъ" не есть процессъ политическаго развитія. Существуютъ люди, которые до сихъ поръ мечтаютъ о революціяхъ; но ихъ мечтанія и должны быть направлены именно къ тому, чтобы палата общинъ никогда не видѣла въ своей средѣ никакой рабочей или соціалистической партіи. Старыя партіи не могутъ подлежать „разгрому". Онѣ раскалываются, онѣ приходятъ въ упадокъ, онѣ ассимилируются. Наступаетъ переходное время, въ политической жизни проявляется замѣшательство, прогрессивныя партіи и группы становятся реакціонными; но въ одинъ прекрасный день обнаруживается, что боевыя колонны опять готовы къ дѣлу, и возобновляется вѣчная борьба между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть".

При такихъ основныхъ воззрѣніяхъ руководителей новой рабочей партіи соціализмъ, ее вдохновляющій, не можетъ быть пугаломъ и угрозою мирному и спокойному развитію, а является важною принципіальною основою того направленія, въ которомъ

они намѣрены вести политику соціальныхъ реформъ. Въ этомъ отношеніи новое направленіе находится въ тѣсной органической связи съ тѣми теченіями общественной мысли, которыя уже давно выступили въ эволюціи соціальнаго законодательства Англіи и которыя выразились въ постепенномъ поворотѣ отъ преобладанія индивидуалистическихъ началъ, получавшихъ нерѣдко одностороннее развитіе, къ подчиненію этихъ началъ идеаламъ и требованіямъ соціальной справедливости.

Главный интересъ послѣдняго произведенія Дайси и заключается въ превосходномъ анализѣ основныхъ проявленій указанной эволюціи. По характеру пережитыхъ стадій этой эволюціи есть полное основаніе думать, что и въ будущемъ она можетъ идти и пойдетъ въ Англіи тѣмъ же путемъ мирнаго и спокойнаго улучшенія соціальныхъ условій и развитія чувства общественной солидарности, при которыхъ прочно установляется болѣе гармоническое соотношеніе между благополучіемъ государства и благомъ отдѣльныхъ его гражданъ. Примѣръ же Англіи настолько полонъ глубокаго смысла и поученъ, что въ него вдумываться — обязательно для руководителей и дѣятелей всякихъ политическихъ партій, въ особенности крайнихъ, при установленіи способовъ осуществленія соціальныхъ реформъ...

Владиміръ Дерюжинскій.

ВЪ СТРАНѢ ТУНЕЯДСТВА

Романъ Генриха Манна.

Heinrich Mann. Im Schlaraffenland. Ein Roman unter feinen Leuten. München, 1904. Albert Lange.

I.—Кафѣ „Ура!“.

Въ теченіе зимы Андреасъ занимался со всѣмъ усердіемъ студента, которому трудно разсчитывать на присылку изъ дому, но весною съ нимъ произошла перемѣна. Безденежье лишило его возможности поѣхать домой на праздники и навело на размышленія о большомъ количествѣ братьевъ и сестеръ и плохомъ урожаѣ прошлаго года. Все, на что онъ могъ разсчитывать въ случаѣ успѣшнаго окончанія курса, это—мѣсто школьнаго учителя въ прогимназіи своего роднаго города Гумплаха. Что за будущность для него—Андреаса Цумзее, писавшаго съ восемнадцати лѣтъ стихи, заслужившіе полное одобреніе его друзей и даже—его самого?! „Обозрѣватель Гумплаха“ помѣстилъ послѣ этого его повѣсть, доставившую ему благоволеніе мѣстнаго мецената. Въ каждомъ городѣ имѣется старичокъ, слывущій среди сограждан безвреднымъ чудакомъ, такъ какъ онъ интересуется литературою.

Въ Берлинѣ у Андреаса не было ни души знакомой, но, несмотря на это, онъ, бывая въ театрѣ, прятался за колонну, стыдясь своего дешеваго мѣста. Разглядывая оттуда знаменитыхъ журналистовъ и рецензентовъ, толпившихся въ партерѣ, онъ случайно познакомился съ сосѣдомъ, скромно одѣтымъ бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ, оказавшимся коллегою. Сосѣдъ отре-

комендовался: „Фридрихъ Кёпфъ, писатель“, и услышавъ отъ Андреаса, что тотъ, къ сожалѣнію, не имѣетъ связей въ литературномъ мірѣ, предложилъ ввести его въ кафѐ „Ура!“, посѣщаемое выдающимися литераторами. Происхожденіе этого названія объяснялось такимъ образомъ. Ранѣе посѣтители его исповѣдывали разрушительные для общественнаго строя принципы, но со времени признанія соціалъ-демократіи несвоевременной они подвинулись нѣсколько вправо, признавъ себя сторонниками правительственнаго либерализма и бьющаго на ура патріотизма. Кафѐ получило свое названіе въ память этой эволюціи.

Андреасъ посѣщалъ его до осени въ сладостномъ убѣжденіи, что онъ вращается въ избранномъ литературномъ кругу. Тамъ онъ познакомился съ редакціонными тайнами распространенныхъ листковъ и закулисными сплетнями о брилліантахъ Лизи Лаффѐ, находящейся на склонѣ лѣтъ подъ покровительствомъ банкира Тюркгеймера, и тому подобномъ. Непризнанные геніи и великіе лѣнтяи „перехватывали“ у него малую толику, вслѣдствіе чего ему приходилось заглядывать иногда въ вегетаріанскую кухмистерскую и не платить прачкѣ; раза два ему предложили побывать на судѣ въ качествѣ репортера, но этимъ ограничились выгоды, пріобрѣтенныя имъ отъ вступленія въ литературный міръ.

Порядкомъ разочарованный, онъ вздумалъ зайти за совѣтомъ къ ментору своему Кёпфу и уже приготовилъ подходящую къ случаю рѣчь, но когда тотъ встрѣтилъ его восклицаніемъ:—А, здравствуйте, коллега!—Андреасъ замѣтилъ, что онъ „сытъ по горло коллегами“.

— Ага! Я это зналъ заранѣе, но радъ, что вы сами пришли къ такому открытію. Не жалѣйте, впрочемъ, что вы познакомились съ шуточною стороною жизни вашихъ коллегъ. Теперь вы желаете приступить къ жизни въ серьёзъ?

— Но какъ?—спросилъ Андреасъ, недовольный его тономъ и не питая особаго довѣрія къ его мнѣнію.

— Для этого имѣются различные пути, а именно: пресса, театръ и общество.

— Вы забываете литературу?

— Ничуть. Я сказалъ: театръ; другой литературы у насъ нѣтъ.

Андреасъ вспомнилъ, что романы Кёпфа не имѣли успѣха, и не безъ удовольствія подмѣтилъ раздраженіе собрата. Но какъ же быть съ театромъ? Онъ не написалъ ни одной пьесы.

— И не нужно!—увѣренно продолжалъ Кёпфъ:—у театра есть литературная сторона, но гораздо важнѣе—общественная.

Въ театрѣ вы имѣете дѣло съ людьми, въ литературѣ—только съ книгами. Настоящая литература требуетъ серьезнаго отношенія къ себѣ, замкнутости, рѣшительности, словомъ, такихъ качествъ, которыя въ театрѣ послужатъ вамъ лишь во вредъ. Но вы, милый мой,—человѣкъ общественный. Хотите знать, почему я такъ увѣренъ въ этомъ? Въ кафѣ „Ура!“ никто не отнесся къ вамъ серьезно. Не сердитесь... Подлецъ, напримѣръ,—сказалъ ли онъ вамъ хотя одну дерзость? Нѣтъ? И это потому, что онъ не видѣлъ въ васъ конкуррента. Люди сейчасъ же поняли, что у васъ слишкомъ жизнерадостная, счастливая натура для того, чтобы отвоевывать себѣ мѣсто въ литературѣ и прессѣ.

— Я и самъ готовъ думать то же самое,—сказалъ Андреасъ, стараясь принять видъ настоящаго „blasé“.

— Вы—одна изъ тѣхъ завидныхъ натуръ, на которыя большой спросъ въ театрѣ, т.-е. въ обществѣ. Тамъ нужно имѣть видъ человѣка счастливаго для того, чтобы вамъ дѣйствительно счастье привалило. Даже ваша наивность, или—если вы предпочитаете—кажущаяся наивность—будетъ какъ нельзя болѣе къ мѣсту. И въ салонахъ къ вамъ отнесутся не серьезно, какъ и въ кафѣ „Ура!“, но именно въ этомъ—тайна вашего успѣха. Женщины позволятъ вамъ то, чего не позволятъ другимъ. Вы рождены, мой милый, для того, чтобы женщины составили ваше счастье.

Андреасъ посмотрѣлъ на Кёпфа съ нескрываемой досадой. Но по добродушному лицу Кёпфа, украшенному, однако, подозрительно острымъ носомъ, ничего нельзя было заключить. Андреасъ сухо замѣтилъ, что онъ весьма польщенъ выслушанными имъ любезностями, но просилъ бы собрата указать ему: къ кому онъ долженъ обратиться для устройства своей карьеры?

— Какъ? Развѣ я вамъ не сказалъ? Очень просто. Ступайте къ главному редактору „Ночного Курьера“, доктору Бединеру, и устройте такъ, чтобы онъ далъ вамъ рекомендательную карточку къ Тюркгеймерамъ.

— Тюркгеймеръ, покровитель Лиззи Лаффѣ?

— А, вы знакомы съ обстоятельствами дѣла?

— Разумѣется,—съ гордостью отвѣтилъ Андреасъ.

— Въ такомъ случаѣ вы знаете, какъ держать себя. Извѣстите меня о результатѣ,—сказалъ Кёпфъ, пожимая гостю руку на прощанье.

Андреасъ обѣщалъ. Мысленно онъ спрашивалъ себя: неужели Кёпфъ все время втайнѣ потѣшался надъ нимъ? Но теперь ему ничего не оставалось, какъ только послѣдовать его совѣту. И на

слѣдующее же утро, съ непріятнымъ ощущеніемъ холодка въ желудкѣ, но съ гордо поднятою головою, онъ уже поднимался въ редакцію „Ночного Курьера“.

II.—Нѣмецкая духовная культура.

Новый, но выпачканный грязью коверъ на лѣстницѣ ослѣпилъ взоры Андреаса. Все въ домѣ говорило о богатствѣ и кипучей дѣятельности. Элегантные, но въ забрызганныхъ грязью панталонахъ молодые люди пробѣгали мимо него. Въ большой, полной народа пріемной Андреасъ обратилъ вниманіе на стеклянную дверь, ведшую въ обширный залъ, гдѣ сидѣло за конторками и столами человѣкъ тридцать сотрудниковъ, просматривавшихъ газеты или чинившихъ карандаши.

Распахнулась створчатая дверь, и въ пріемную вошелъ важнаго вида господинъ съ бакенбардами въ формѣ котлетъ рыжеватаго оттѣнка, въ надвинутомъ на лобъ цилиндрѣ.

— Главнаго редактора еще нѣтъ?

Подбѣжавшій къ нему служитель низко поклонился и доложилъ:—Они сейчасъ будутъ, господинъ генеральный консулъ.

— А, наконецъ-то!—и консулъ привѣтливо протянулъ руку только-что вошедшему высокому элегантному господину, сбросившему свое пальто на руки служителю. Прежде чѣмъ они оба исчезли за створчатою дверью, слышно было, какъ генеральный консулъ спросилъ редактора:

— Вы были въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ? Ну, что говоритъ министръ?

Андреаса охватила почтительная дрожь,—эти слова открыли передъ нимъ перспективы безграничнаго могущества и почета. Докторъ Бединеръ имѣлъ доступъ во дворецъ на Вильгельмъштрассе, какъ самъ государственный секретарь! И не была ли вся редакція съ ея отдѣлами—подобіемъ государства съ его округами и отвѣтственными министрами-редакторами, надъ которыми царилъ богачъ издатель Іекузеръ, клавшій въ свой карманъ львиную долю подписныхъ пфенниговъ, получавшихся съ читателей?

Послѣ долгаго ожиданія, затерянный въ суматохѣ, Андреасъ рѣшился передать служителю привезенное имъ съ собою рекомендательное письмо гумплахскаго мецената къ доктору Бединеру. Оно пролежало у него въ карманѣ цѣлый годъ, такъ какъ онъ не придавалъ большого значенія рекомендаціи г-на Шмюкке.

Къ удивленію Андреаса, его пригласили въ кабинетъ редактора, и онъ послѣдовалъ туда, весь красный, увѣренный, что всѣ обратили вниманіе на выпавшее на его долю отличіе.

Онъ поклонился со всѣмъ доступнымъ ему изяществомъ д-ру Бединеру, который, улыбаясь, протянулъ ему свою сверкавшую брилліантами руку.

— Васъ рекомендуютъ намъ въ качествѣ таланта, подающаго большія надежды, господинъ...?

— Цумзее, — подсказалъ Андреасъ. Онъ опустился на указанное ему мѣсто, говоря себѣ, что пріемъ не могъ быть любезнѣе. Редакторъ продолжалъ говорить. Рекомендація тѣмъ болѣе цѣнится имъ, что она исходитъ отъ его стариннаго друга. Онъ надѣется, что г. Шмюкке здоровъ?

Андреасъ поспѣшилъ отвѣтить успокоительно. Въ душѣ онъ дивился близости могущественнаго редактора къ Шмюкке, который никогда ею не хвастался.

— Мнѣ кажется, я уже встрѣчалъ ваше имя въ печати, господинъ...?

— Цумзее, — подсказалъ Андреасъ. Неожиданная любезность редактора вскружила ему голову: онъ онѣмѣлъ отъ восторга и сидѣлъ весь красный, не спуская глазъ съ д-ра Бединера, который, повторивъ его фамилію, задумчиво провелъ двумя пальцами по своему высокому, красивому лбу. Никогда еще не видѣлъ Андреасъ такихъ изысканныхъ манеръ, такого свѣтскаго обращенія, такого лоска въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ. Д-ръ Бединеръ сидѣлъ немного бокомъ, облокотясь одною рукою о ручку кресла и описывая другою по временамъ легкій, неподражаемо закругленный жестъ, поясняющій его слова. Улыбка его относилась исключительно къ его собесѣднику: нельзя было представить себѣ, чтобы онъ могъ такъ улыбаться кому-нибудь другому. И все же, при всей его доступности, Андреасъ чувствовалъ себя вознесеннымъ въ какія-то дипломатическія сферы, изъ которыхъ онъ рисковалъ низринуться каждую минуту. Удалось ли г. Цумзее найти себѣ занятія? Андреасъ скромно отвѣтилъ, что, въ качествѣ начинающаго, ему трудно приходится, хотя онъ знаетъ двоихъ-троихъ редакторовъ: д-ра Полаца, напримѣръ...

— О, Полацъ! — д-ръ Бединеръ сдѣлалъ пренебрежительное движеніе: — я цѣню его, какъ человѣка, но (между нами!) сотрудничество въ его газетѣ принесло бы вамъ мало пользы.

Андреасъ поклонился, польщенный конфиденціальностью сообщенія. Хорошо, что Полацъ не подумалъ предложить ему со-

трудничать въ „Якорѣ“. Онъ, затаивъ дыханіе, слушалъ разъясненія д-ра Бединера.

— Всѣ эти строго партійные органы — не мѣсто для подающаго надежды таланта. Вы понапрасну скомпрометировали бы себя, между тѣмъ какъ у насъ всякій сохраняетъ свою индивидуальность, высказывая личные свои взгляды. „Ночной Курьеръ“ первый сдѣлалъ открытіе, что партійная печать пережила себя. Мѣсто ея займетъ либеральное хозяйственно-политическое направленіе. Но, собственно говоря, мы считаемъ себя органомъ духовной нѣмецкой культуры.

Д-ръ Бединеръ почти разгорячился, но сейчасъ же вернулъ себѣ свое аристократическое самообладаніе. Онъ не безъ самодовольства замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе и даже улыбнулся, сдѣлавъ открытіе, что взглядъ Андреаса, осѣненный длинными, густыми рѣсницами, отличался, при всемъ своемъ простодушіи, вкрадчивою ласковостью, а безграничное восхищеніе, выражавшееся въ немъ, могло быть весьма пріятнымъ для дамы. У него даже мелькнула мысль о г-жѣ Тюркгеймеръ.

Онъ еще колебался, такъ какъ плохо сшитый черный сюртукъ придавалъ стройному юношѣ нѣкоторую мѣшковатость, требовавшую осторожности. Волосы его были плохо подстрижены, но голову Андреасъ держалъ высоко. Д-ръ Бединеръ рѣшился.

— Вы должны попытать счастья на театрѣ, то-есть въ кругахъ общества, имѣющихъ отношеніе къ театру. Это ничего не значитъ, что вы еще не писали для сцены. Нынче завоевываютъ міръ не изъ рабочаго кабинета. Въ настоящее время и писатель долженъ выступать самолично. Вамъ надо пріобрѣсти положеніе въ обществѣ.

„Заговоритъ ли онъ о Тюркгеймерахъ?“ — подумалъ Андреасъ.

Но редакторъ все еще колебался.

— Придерживайтесь покуда нашего органа. Воскресное приложеніе „Новое Время“ — открыто для молодыхъ талантовъ; это послужитъ вамъ на пользу, когда вы напишете что-нибудь для сцены.

Андреасъ уже увидѣлъ листы „Ночного Курьера“ оказывающими самое широкое гостепріимство его произведеніямъ, и, весь пылая отъ смущенія, онъ дерзнулъ обратиться къ д-ру Бединеру съ просьбою — дать ему постоянную работу при редакціи.

Лицо редактора выразило озабоченность.

— Вы не такъ меня поняли. Мы не желаемъ подвергать такимъ испытаніямъ молодыхъ людей, которыхъ намъ рекомендуютъ. Видѣли вы несчастныхъ, посаженныхъ въ той комнатѣ

г. Іекузеромъ? Изъ нихъ вырабатываются мелкіе сотрудники, часть ихъ уходитъ въ провинцію. Неужели ваши честолюбивые замыслы этимъ ограничиваются? Нѣтъ, милый мой, мы имѣемъ для васъ въ виду нѣчто лучшее.

Андреасъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. Отъ грознаго „мы“ — его прохватывала дрожь. Выраженіе глазъ д-ра Бединера говорило, что аудіенція кончена, но Андреасъ не имѣлъ духу уйти; пусть редакціонный служитель выведетъ его. Своею глупою просьбою онъ испортилъ первое хорошее впечатлѣніе. Онъ кусалъ себѣ губы и глаза его не поднимались выше лакированныхъ ботинокъ редактора, на которыя граціозно ниспадали сѣрые панталоны. Андреасъ слышалъ, какъ онъ слегка забарабанилъ пальцами по столу; положеніе становилось нестерпимымъ. Молодой человѣкъ украдкою кинулъ на него робкій взглядъ, но, къ изумленію его, д-ръ Бединеръ улыбался, держа въ рукѣ письмо Шмюкке. Быть можетъ, настойчивость Андреаса внушила ему нѣкоторое уваженіе къ выдержкѣ юноши. Не бѣда! Неудачный сюртукъ сойдетъ въ придачу ко всему другому. Наружность Андреаса и письмо Шмюкке—говорятъ за него.

— Я считаю общественныя связи—самымъ главнымъ, и со своей стороны готовъ облегчить вамъ первые шаги. Я намѣренъ дать вамъ рекомендательную карточку въ домъ, гдѣ подающіе надежды молодые таланты встрѣчаютъ благосклонный пріемъ. Хозяйка дома собираетъ въ своихъ салонахъ цвѣтъ интеллигенціи и искусства. Вы познакомитесь тамъ съ вліятельными людьми, и я совѣтую вамъ воспользоваться настроеніемъ, царящимъ въ домѣ Тюркгеймеровъ, милый другъ.

Не чувствуя отъ счастья подъ собою ногъ, Андреасъ сбѣжалъ по лѣстницѣ и чуть не опрокинулъ поднимавшагося наверхъ человѣка. Они крѣпко обнялись для того, чтобы не упасть. Это былъ средняго роста плотный молодой человѣкъ, прилично одѣтый, въ цилиндрѣ. Онъ обладалъ острымъ собачьимъ взглядомъ и такимъ носомъ, который, казалось, могъ обнюхать васъ безъ того, чтобы вы нашли въ этомъ что-нибудь неприличное. Въ немъ было нѣчто настолько добродушное и беззаботное, что ему можно было довѣрить, что угодно, не придавая этому никакого значенія. Что можетъ быть желаннѣе для репортера? Самое движеніе, съ какимъ онъ вѣжливо отодвинулъ Андреаса въ сторону, показывало, что онъ не боится препятствій и всякія столкновенія ему ни почемъ. Уже поднявшись на двѣ ступени, онъ вернулся для того, чтобы спросить: въ какомъ настроеніи редакторъ? Вѣдь коллега, конечно, отъ редактора?

— Я былъ у доктора Бединера,—подтвердилъ Андреасъ.

— Вы можете мнѣ сказать: зачѣмъ?

Тонъ вопроса былъ такъ простъ и дружелюбенъ, что Андреасъ въ своихъ собственныхъ интересахъ счелъ нужнымъ разсказать незнакомцу о томъ, зачѣмъ онъ былъ у редактора, и назвать себя.

— Скажите, онъ далъ вамъ рекомендательное письмо къ Тюркгеймерамъ? Поздравляю. Прекрасный домъ и красивая хозяйка, — онъ смачно прищелкнулъ языкомъ, — благодарю васъ. Когда патронъ посылаетъ кого-нибудь къ Тюркгеймеру, значитъ, онъ въ хорошемъ настроеніи. Быть можетъ, и мое дѣло насчетъ прибавки выгоритъ. Всего лучшаго! До свиданія.

Дома Андреасъ прежде всего занялся обозрѣніемъ своего гардероба; онъ обладалъ врожденнымъ вкусомъ по части туалета, и невзрачный видъ его сюртука заставилъ его отложить на два дня визитъ къ Тюркгеймерамъ. Не безъ трепета позвонилъ онъ у дверей палаццо въ стилѣ германскаго ренессанса; онъ рисовался себѣ въ видѣ сказочнаго принца у порога заколдованнаго замка. Дверь отворилась, но рослый зеленый съ серебромъ лакей обладалъ властью—прогнать смѣлаго завоевателя отъ вратъ земного рая. Онъ заявилъ, что барыни нѣтъ дома, и, удрученный этимъ извѣстіемъ, Андреасъ вручилъ ему свою карточку вмѣстѣ съ письмомъ редактора. Онъ сейчасъ же пожалѣлъ объ этомъ. Что если наглый, заподозрившій въ немъ „искателя“ лакей не передастъ его карточки?

Но уже на слѣдующее утро онъ получилъ по почтѣ приглашеніе на вечеръ 10-го ноября отъ г-жи Адельгейды Тюркгеймеръ.

III.—Тюркгеймеры.

Андреасъ Цумзее явился поздно, считая это хорошимъ тономъ. Лицо величественнаго швейцара выражало лишь внушительную холодность. На лакея, оказавшагося тѣмъ самымъ, который принималъ отъ него карточку, онъ даже не взглянулъ. „Ты все-таки не помѣшалъ мнѣ попасть сюда“,—подумалъ онъ.

Самоувѣренность, съ какою онъ совершилъ свое вступленіе, помогла ему скрыть его робость, но зато сдѣлала его неосторожнымъ. При входѣ онъ наступилъ на шлейфъ желтаго шолковаго съ дорогимъ шитьемъ манто, и недостаточно быстро отступилъ для того, чтобы не замѣтить, какъ обладательницу его цѣловалъ снимавшій манто съ ея плечъ высокій молодой человѣкъ. Это была полная блондинка, и ея взбѣшенное, со вздернутымъ

носомъ лицо преисполнило Андреаса такимъ ужасомъ, что онъ ретировался, сконфуженно извиняясь.

Потокъ гостей, поднимавшихся по лѣстницѣ, увлекъ его въ буфетную. Въ тѣснотѣ онъ толкнулъ плечомъ пожилого господина изящной наружности и уже не былъ въ силахъ пробормотать ни одного слова въ извиненіе, но господинъ, любезно проговоривъ: „Pardon!“, подалъ ему тарелку и приборъ. Бѣдный Андреасъ узналъ по шолковымъ чулкамъ метрдотеля и—багрово покраснѣлъ. Онъ соображалъ: какого бы вина ему выпить для храбрости, какъ вдругъ позади него разсмѣялись. Испытанныя имъ униженія такъ его обозлили, что онъ обернулся, съ намѣреніемъ дать пощечину тому, кто вздумаетъ косо взглянуть на него, но, очевидно, смѣявшіеся имѣли въ виду совсѣмъ не его; одинъ изъ нихъ заговорилъ:

— Совѣтую вамъ выпить вотъ этого шабли—лучшее вино въ здѣшнемъ домѣ.

Андреасъ выпилъ, и настроеніе его сразу поднялось; онъ ощутилъ потребность поговорить,—очевидно, здѣсь знакомились сами.

— Да вѣдь это Кафлишъ!—воскликнулъ онъ, словно узрѣвъ давно невиданнаго друга. Репортеръ стоялъ подъ-руку съ представительнымъ брюнетомъ и, узнавъ недавняго знакомца, пожалъ ему руку.

— Радъ васъ видѣть. Вотъ какъ дѣйствуетъ рекомендація нашего патрона!

— Великолѣпно!—отвѣтилъ Андреасъ, ощущая особую предпріимчивость.—Не знаете ли вы, гдѣ хозяйка дома?

— А вы развѣ отъ Ратибора?—спросилъ брюнетъ.

— Нѣтъ, я изъ Гумплаха,—отвѣтилъ Андреасъ, причемъ брюнетъ благосклонно улыбнулся, а Кафлишъ расхохотался и объяснилъ, что хозяйкѣ было бы пріятно видѣть посланнаго отъ Ратибора. Представляться же ей безъ всякой цѣли—не имѣетъ смысла.

— Это знаменитый адвокатъ Гольдгерцъ?—спросилъ Андреасъ, когда брюнетъ отошелъ.

— Онъ самый, и всякому, кого вы видите здѣсь, онъ можетъ когда-нибудь пригодиться. Я видѣлъ ваши стихи въ иллюстрированномъ „Новомъ Времени“.

— Вы прочли ихъ?

— Ну, этого вы не можете требовать. „Новое Время“ помѣщаетъ стихи каждаго рекомендованнаго патрону молодого таланта. Но второго стихотворенія вамъ долго придется ждать. О

дальнѣйшемъ сами позаботьтесь. А вотъ и Аста! — прервалъ онъ себя, указывая на проходившую мимо молодую особу.

— Кто такая Аста?—спросилъ Андреасъ, оборачиваясь, но его развязность отомстила за себя: онъ наступилъ дамѣ на шлейфъ, и она обратила къ нему полное презрѣнія лицо.

— Попали вы въ бѣду. Это она сама.

— Да кто такая Аста?—развязно смѣясь, спросилъ Андреасъ, котораго трудно было теперь испугать.

— Дочь здѣшняго дома, мой юный другъ. А когда она бываетъ въ одномъ концѣ зала—значитъ, мать ея находится въ противоположномъ.

— Почему?—спросилъ Андреасъ, все же немного струсившій.

— Почему? Святая невинность! Аста—дѣвица съ принципами, причесывается à la Ибсенъ, она—модернистка, а мать ея—добрая женщина, и даже черезчуръ добра къ нашему брату.

— Понимаю,—сказалъ Андреасъ съ интонаціей, которая должна была звучать многозначительно.—А это, кажется, Лиззи Лаффѣ?—спросилъ онъ, смутившись при видѣ дамы, которую онъ оскорбилъ своею неловкостью въ передней. Онъ узналъ актрису и припомнилъ разговоры въ кафѣ „Ура!“ по поводу ея близости къ Тюркгеймеру. И безъ манто ея туалетъ былъ ослѣпителенъ, вся она сіяла брилліантами. Она шла подъ-руку съ тѣмъ же кавалеромъ, съ которымъ Андреасъ уже видѣлъ ее—безбородымъ молодымъ человѣкомъ съ вызывающимъ лицомъ и широкими плечами.

— Добрый вечеръ, Лиззи!—на ходу поздоровался съ нею Кафлишъ. Андреасъ почувствовалъ, что труситъ передъ этою женщиной, имѣвшей видъ оскорбленной королевы, да и спутникъ ея казался человѣкомъ, съ которымъ шутки плохи. Онъ что-то пробормоталъ относительно присутствія Лиззи здѣсь въ домѣ.

— Она, очевидно, входитъ въ здѣшній инвентарь?—попробовалъ онъ пошутить. Кафлишъ осклабился.

— Надолго ли только? Она прискучила Тюркгеймеру, и какъ разъ въ такое время, когда жена его разсталась съ Ратиборомъ. Забавно!

Андреасъ передалъ ему о томъ, что онъ видѣлъ, но это не произвело впечатлѣнія на Кафлиша.

— Только-то? Дитрихъ Клемпнеръ—ея домашній пёсикъ. Вотъ бы и вамъ такое мѣстечко, милѣйшій. Клемпнеръ—искатель счастья, но безъ Лиззи онъ былъ бы ничѣмъ.

— Что же онъ такое?

— Драматическій писатель. Вы не видѣли его имени ни-

афишѣ? Ничего не значитъ. Если онъ что-нибудь напишетъ, это будетъ драма. Понимаете?

Они входили въ первый изъ трехъ салоновъ, расположенныхъ анфиладою; онъ былъ блѣдно-зеленый, второй—красный, третій—голубой въ стилѣ рококо. Народу было масса, но Кафлишъ обладалъ особымъ талантомъ прокладывать себѣ путь, обмѣниваясь рукопожатіями направо и налѣво.

— Кафлишъ, знаете ли вы что-нибудь о „Мести"?—окликнули его двое молодыхъ людей, по фамиліи Зюссъ и Душницкій.

— Все знаю! Тюркгеймеръ провелъ ее у директора полиціи черезъ посредство своего будущаго зятя, барона фонъ-Гохштеттена.

— И это—не единственная услуга, которую барону придется оказать своему будущему тестю; онъ еще долженъ выхлопотать ему орденъ: это входитъ въ условія брачнаго контракта. Орденъ „Солнца" Пуэрта-Вергонья уже не удовлетворяетъ его.

— А многое вычеркнули изъ „Мести"?

— Пустяки. Пропустили баррикады, убійство управляющаго раздраженными пролетаріями, сѣченіе банкирской жены пролетарками. Не дозволили только оскорбленія святыни.

Вокругъ разговаривавшихъ собралась группа, всякій спѣшилъ вставить свое слово. Почему нельзя коснуться поповъ? Стройная блондинка, подошедшая подъ-руку съ мужемъ, замѣтила, что религіи не должно касаться, и Андреасъ, которому показалось глупымъ стоять молча, поддержалъ ея мнѣніе. Ихъ познакомили. Душницкій воскликнулъ, что въ настоящее время принято забрасывать грязью честь буржуа...

— Нашу славную армію!—подхватилъ Зюссъ.

— Высочайшихъ особъ...

— Честь женщины...

— Полиція должна была бы это запретить! — воскликнулъ Зюссъ.

Тѣмъ временемъ среди другой группы ораторствовалъ старичокъ съ птичьею головкой, покрытой рѣдкимъ бѣлымъ пухомъ. Онъ восклицалъ визгливымъ голоскомъ:

— Темная сила вновь поднимаетъ голову...

— Да это поэтъ Вольдемаръ Веннихенъ?—спросилъ Андреасъ.

— Не хотите ли присоединиться къ кружку его почитателей?—предложилъ Кафлишъ, которому уже наскучило возиться съ новичкомъ. Онъ познакомилъ его по дорогѣ съ очень серьезнымъ господиномъ, чернобородымъ и одѣтымъ въ безукоризненный фракъ.

— Г. Андреасъ Цумзее, писатель; г. Либлингъ, сіонистъ.

Оба они прислушались къ фистулѣ маститаго поэта, писавшаго романы изъ жизни добродѣтельнаго купечества, борющагося съ аристократическими предразсудками и побѣждающаго ихъ. Онъ все еще повѣствовалъ о „завоеваніяхъ буржуазной революціи". Романы его давно уже не читались, и его перевели на половинный гонораръ. Андреасъ ощутилъ нѣчто вродѣ самодовольнаго сожалѣнія къ бѣдному, пережившему себя старику, который казался ему изъ Гумплаха звѣздою первой величины.

Обличенія Веннихеномъ „гасителей свѣта" имѣли нѣкоторый успѣхъ, но затѣмъ неожиданно заговорилъ своимъ звучнымъ голосомъ Либлингъ.

— Если мы желаемъ свободы, мы должны научиться править народомъ,—иначе онъ, въ своей безпомощности и неумѣньи разобраться въ сужденіяхъ, дозволитъ реакціонерамъ завлечь себя въ западню. Мы должны защитить народъ отъ него самого, и это можно сдѣлать лишь посредствомъ forza, farina e feste.

— Фью!—присвистнулъ какой-то острякъ. Всѣ разсмѣялись. Что за шутникъ этотъ Либлингъ!

— Онъ правъ,—замѣтилъ кто-то:—если мы не дадимъ народу хлѣба и зрѣлищъ, онъ рано или поздно вздернетъ насъ на висѣлицу.

Либлингъ возразилъ, что таково его истинное убѣжденіе, и онъ намѣренъ сдѣлать опытъ надъ роднымъ своимъ народомъ. Если ему и его единомышленникамъ удастся отвести евреевъ въ страну обѣтованную, они не сдѣлаютъ ихъ несчастными, давъ имъ парламентъ и прессу. Долой европейское развращеніе!

Всѣ зааплодировали. Андреасу показалось, что сіонизмъ Либлинга никто не принимаетъ въ серьёзъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ создаетъ ему извѣстное положеніе въ обществѣ.

Къ группѣ подошелъ господинъ, передъ которымъ всѣ невольно разступились. Онъ былъ худощавъ, нервенъ, съ желчнымъ цвѣтомъ лица. Его ястребиный носъ и острый взглядъ, казалось, бросали вызовъ каждому, кто вздумалъ бы ему противорѣчить. Его элегантность напоминала дуэлиста и биржевика.

— Это Ратиборъ! — шепнулъ кто-то.—Надо имѣть мѣдный лобъ для того, чтобы придти сюда!

Пришедшій заговорилъ не терпящимъ возраженія тономъ, сопровождая слова рѣзкимъ движеніемъ руки.

— Надо столковаться, господа. Не все ли равно, какъ управляютъ страною, лишь бы порядокъ не былъ нарушенъ!

Этотъ взглядъ вызвалъ наибольшія одобренія. Андреасъ посмотрѣлъ на Ратибора съ завистью и восхищеніемъ. Внушать

людямъ почтеніе самымъ своимъ видомъ — какая недосягаемая мечта! Но онъ подивился неустойчивости мнѣній, выказываемой господствующими классами. Буржуазный абсолютизмъ Либлинга былъ всего болѣе въ ихъ интересахъ, но одновременно они дѣлали видъ, что раздѣляютъ устарѣвшіе на пятьдесятъ лѣтъ взгляды Веннихена. Въ сущности больше всего пришлось имъ по душѣ мнѣніе Ратибора. Андреасъ рѣшилъ пріобщиться къ нему, и это рѣшеніе ничего ему не стоило.

Утомленный впечатлѣніями и толкотнею, онъ захотѣлъ присѣсть, но не находилъ подходящаго сидѣнья. У стульевъ moderne были узкія жесткія спинки, у креселъ — треугольныя, или имъ недоставало ручекъ. Наконецъ, онъ нашелъ удобное мѣстечко въ салонѣ bleu-mourant и, прислонившись головою къ мягкой спинкѣ, безнадежно уставился въ сверкающій золотыми розетками для электричества потолокъ. Ни одного путнаго знакомства! Онъ не подвинулся ни на единый шагъ! Онъ окидывалъ взглядомъ робкаго завоевателя сидѣвшихъ вокругъ разряженныхъ женщинъ—полныхъ и изнѣженныхъ, какъ одалиски, худощавыхъ, подносившихъ лорнеты къ своимъ окаймленнымъ синевою, вызывающимъ глазамъ. Тотъ, кого онѣ подарятъ своею благосклонностью,—обезпеченъ на всю жизнь. Деньги валяются здѣсь на полу, и люди не дѣлаютъ ничего другого, какъ только набиваютъ ими карманы. Что за жизнь въ этой странѣ тунеядства, въ странѣ молочныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ!

Безобразный покрой его фрака бросился въ глаза молодому человѣку, сравнивавшему свой костюмъ съ безупречными костюмами остальныхъ, и при каждомъ сравненіи бѣшенство его возрастало. Онъ поклялся себѣ, что если черезъ полчаса не произойдетъ перемѣны къ лучшему, онъ уйдетъ отсюда съ тѣмъ, чтобы уже болѣе сюда не возвращаться.

Близъ него, напротивъ бержерки, осѣненной пальмами, на которой сидѣла полная высокая дама, остановились двое молодыхъ людей. Дама была уже не первой молодости, но бѣлизна ея лица отъ этого не пострадала, а такія дивныя плечи едвали были у нея въ юности,—подумалъ Андреасъ. Черные волосы, поднимавшіеся въ видѣ пышнаго шлема надъ узкимъ лбомъ, придавали ея крупнымъ чертамъ характерность. Она была въ бѣломъ шелку, и ниспадавшія съ корсажа кружева придерживались брилліантовыми аграфами.

— Она все еще хороша, хотя немного тяжеловата,— въ восточномъ вкусѣ,—замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— А Ратиборъ съ нею разошелся. Вотъ оселъ!

— Говорятъ, что это—изъ за мужа.

— Неужели Тюркгеймеръ разыгралъ такую смѣшную роль? Послѣ того, какъ онъ двадцать лѣтъ предоставлялъ ей полную свободу?..

Собесѣдникъ пояснилъ. Ратиборъ оказался неблагодарнымъ. Благодаря близости къ фрау Адельгейдѣ, онъ проникъ въ кое-какія тайны, и Тюркгеймеръ сталъ замѣчать, что на биржѣ многое уплываетъ у него изъ-подъ носу. Онъ, какъ умный человѣкъ, не мѣшается въ частныя дѣла своей жены, но въ дѣлахъ профессіи онъ строгъ.

— И онъ разорилъ Ратибора?

— Плохо же вы его знаете. Онъ предложилъ ему долю въ одномъ предпріятіи подъ условіемъ разрыва Ратибора съ его женою...

Въ эту минуту Андреасъ увидѣлъ въ дверяхъ изящнаго д-ра Бединера, съ моноклемъ въ глазу. Молодой человѣкъ ринулся на встрѣчу къ редактору.—Не будетъ ли г. докторъ такъ добръ: не представитъ ли его хозяйкѣ дома?

— Comment donc, mon cher!—воскликнулъ д-ръ Бединеръ, бывшій ранѣе парижскимъ корреспондентомъ:—я васъ ищу часа два, милѣйшій господинъ...

— Андреасъ Цумзее.

Редакторъ подхватилъ своего protégé подъ-руку и подвелъ къ фрау Тюркгеймеръ со словами:

— Прекрасная дама, позвольте вамъ представить моего талантливаго молодого собрата, г. Андреаса Цумзее, котораго я поручаю вашей благосклонности въ будущемъ.

И редакторъ моментально исчезъ.

Андреасъ поклонился такъ низко, что фрау Тюркгеймеръ подавила сострадательную улыбку и заговорила съ нимъ очень милостиво.

— Нашъ домъ открытъ для молодыхъ писателей, въ особенности — для талантливыхъ людей, рекомендованныхъ намъ д-ромъ Бединеромъ, г. Цумзее.

Андреасъ снова поклонился и присѣлъ на указанный фрау Тюркгеймеръ табуретъ. Она спросила, давно ли онъ занимается литературою?

— Очень недавно, и я не смѣлъ надѣяться на столь благосклонный пріемъ съ вашей стороны, дѣлающій меня безконечно счастливымъ. Интересъ къ литературѣ такъ ничтоженъ у насъ, что мы, начинающіе писатели, должны быть глубоко признательны тѣмъ немногимъ домамъ, въ которыхъ культивируется утонченный литературный вкусъ.

Эта заранѣе придуманная рѣчь отдавала провинціализмомъ, и, вѣроятно, фрау Тюркгеймеръ ждала другого, а потому посмотрѣла на Андреаса съ бо̀льшимъ вниманіемъ. Она даже откинулась въ глубину бержерки и улыбнулась — видимо польщенная.

Андреасъ, опасавшійся дамскихъ лорнетовъ справа и слѣва, не отрываясь, глядѣлъ фрау Тюркгеймеръ прямо въ глаза, и взглядъ его голубыхъ глазъ, густо опушенныхъ загнутыми рѣсницами, производилъ впечатлѣніе, предугаданное д-ромъ Бединеромъ. Она нашла его пріятнымъ, свободнымъ отъ всякой дерзости и полнымъ юношеской преданности. Чувствуя, что его разсматриваютъ, Андреасъ покраснѣлъ, что̀ очень шло къ его бѣлокурому юношескому лицу съ легкимъ пушкомъ на верхней губѣ. Она продолжала его разглядывать. Тайная скорбь, набросившая тѣнь на ея черты, перешла въ забытье. Отъ нея осталась лишь нѣжная меланхолія, усиленная видомъ молодого человѣка, также нуждавшагося въ сочувствіи сострадательной души. Она освѣдомилась:

— Какъ вы чувствуете себя въ Берлинѣ? Вы, кажется, недавно оставили родину?

— Я съ береговъ Рейна.

— Это слышно по вашему выговору. Ахъ, Рейнъ!—вздохнула фрау Тюркгеймеръ, но не остановилась, однако, на рейнскихъ настроеніяхъ. Онъ долженъ чувствовать себя очень одинокимъ? Голосъ ея невольно понизился. Грусть, состраданіе и мечтательность—опутывали своими сѣтями молодого человѣка.

— Здѣсь холоднѣе, не правда ли, чѣмъ у васъ на Рейнѣ? У васъ умѣютъ веселиться, здѣсь—только потѣшаться. А деньги! Вы должны знать, что здѣсь нѣтъ ничего такого, чего бы люди не продали изъ-за выгодъ...

Андреасу казалось, что онъ слышитъ въ этихъ спокойныхъ словахъ вопль израненной души. Онъ былъ польщенъ ея довѣріемъ. Она небрежно прибавила:

— У васъ уже есть портной, г. Цумзее? Вы нуждаетесь въ дружескомъ руководительствѣ. Почему бы мнѣ не взять этого на себя?

Андреасъ поклонился. Ему показалось, что онъ ослышался.

— Ступайте къ Беренду въ Моренштрассе. Можете сослаться на меня. Онъ доставитъ вамъ безукоризненный гардеробъ. Я пришлю вамъ мою карточку.

Она протянула ему прекрасной формы, нѣсколько пухлую подъ перчаткою руку.

— Пожалуйста, не забывайте насъ. Я дома по пятницамъ...

Андреасъ вскочилъ, поцѣловалъ руку и отошелъ, задерживая дыханіе. Всѣ его мысли спутались. Когда онѣ слегка прояснились, онъ услышалъ позади себя голосъ, говорившій:

— Чортъ возьми! Вотъ кому счастіе во снѣ привалило. Вы не знаете исторіи съ портнымъ? Подателю карточки онъ дѣлаетъ за пятьдесятъ марокъ костюмъ, стоящій намъ триста.

Нѣсколько поодаль Андреасъ увидѣлъ генеральнаго консула съ острымъ брюшкомъ и подкрашенными котлетками-бакенбардами, встрѣченнаго имъ въ редакціи. Этотъ господинъ такъ ласково улыбнулся Андреасу, когда тотъ проходилъ мимо, что молодой человѣкъ счелъ долгомъ поклониться, и получилъ любезный отвѣтный поклонъ.

Какой-то незнакомецъ подошелъ къ Андреасу и безъ околичностей потрясъ его руку.

— Вы давно уже въ Берлинѣ?—спросилъ онъ:—всего тринадцать мѣсяцевъ? Ну, вотъ видите ли, а я здѣсь тринадцать лѣтъ, а г-жа Тюркгеймеръ еще не порекомендовала мнѣ портного,—и съ этими словами незнакомецъ отошелъ.

Въ дверяхъ второго салона Андреаса нагналъ протежé Лиззи—Дитрихъ Клемпнеръ, отрекомендовавшійся ему.

— Мы съ вами коллеги, не такъ ли? Ну, и везетъ же вамъ! Впрочемъ, при нашей спеціальности иначе и нельзя.

— Простите,—указалъ ему Андреасъ на господина съ бакенбардами въ видѣ котлетъ:—не знаете ли вы, кто это?

— Это? Ни болѣе, ни менѣе какъ самъ Тюркгеймеръ.

Андреасъ чуть не лишился чувствъ. Г. генеральный консулъ—вотъ что̀ сбило его съ толку! Приглашеніе на раутъ было просто отъ г-жи Адельгейды Тюркгеймеръ. Дитрихъ Клемпнеръ усмѣхнулся.

— Вамъ кажется страннымъ, что онъ такъ любезно улыбнулся вамъ? А между тѣмъ это понятно. Вы одержали побѣду надъ ненавистнымъ ему Ратиборомъ.

IV.—Демократическая аристократія.

За ужиномъ Андреасъ оказался рядомъ съ Клемпнеромъ, Душницкимъ и Зюссомъ, взбѣшеннымъ потому, что Верда Бирацъ, актриса, воздушная, нѣжная блондинка въ прозрачномъ голубомъ платьицѣ безъ всякихъ украшеній, казавшаяся олицетвореніемъ дѣвической невинности, въ послѣднюю минуту бро-

сила своего кавалера для того, чтобы взять подъ-руку Ратибора. Зюссъ, не могшій успокоиться, пробормоталъ сквозь зубы что-то вродѣ „канальи“ по адресу этого юнаго созданія; правда, она не носитъ брилліантовъ, какъ Лиззи Лаффе́, у которой только они одни и остались отъ прошедшихъ черезъ ея руки сотенъ тысячъ, но зато она имѣетъ поль-милліона въ банкѣ и даетъ деньги подъ проценты не хуже любого ростовщика...

Лиззи велъ къ ужину издатель Іекузеръ, толстякъ съ гладко выбритымъ лицомъ стараго актера, въ черномъ парикѣ. Андреасъ нашелъ его голову замѣчательной, но не встрѣтилъ сочувствія: тутъ не принято было чѣмъ-нибудь восхищаться. Сіонистъ Либлингъ оказался кавалеромъ русской путешественницы, княгини Бубуховой, а поэтъ Веннихенъ—прекрасной хозяйки дома. Тюркгеймеръ предложилъ руку миловидной г-жѣ Блохъ; мужъ ея велъ негласно различныя выгодныя, но сомнительныя дѣла, въ которыхъ уважаемому дому Тюркгеймера неудобно было принимать гласное участіе. Супруги Блохъ считались самою примѣрною супружескою четою въ Берлинѣ. Андреасъ, стоявшій съ Клемпнеромъ у стѣны, пропускалъ мимо себя безчисленныя, слѣдовавшія въ столовую, пары, но теперь онъ уже не оставался незамѣченнымъ въ людскомъ потокѣ. За послѣдніе полчаса онъ пріобрѣлъ имя и положеніе, онъ выдѣлился изъ толпы, благодаря капризу могущественной повелительницы. Андреасъ съ гордостью выдерживалъ испытующіе взгляды женщинъ и радовался, когда мужчины подходили съ нимъ знакомиться. Это былъ часъ его торжества.

Молодой человѣкъ изумлялся громаднымъ размѣрамъ столовой, въ которой было разставлено множество накрытыхъ столовъ, что придавало ей сходство съ общею залою большого ресторана. Гладкія бѣлыя стѣны украшались золочеными розетками; кромѣ гигантской люстры, столовая освѣщалась канделябрами подъ розовыми абажурами, стоявшими на каждомъ столѣ. Стукъ ножей и вилокъ не мѣшалъ разговору, изъ котораго Андреасъ узналъ различныя подробности о присутствовавшихъ. Пикантные разсказы и острый салатъ изъ омаровъ вызвали у него жажду, заставивъ его выпить болѣе, нежели онъ желалъ, такъ какъ онъ боялся „скомпрометировать“ себя. Онъ завидовалъ другимъ, могшимъ безнаказанно быть легкомысленными; ему предстояло еще упрочить свое положеніе. Онъ только дѣлалъ первые робкіе шаги, какъ учащійся ходить ребенокъ.

Послѣ ананаснаго крюшона начались рѣчи. Надъ головами гостей поднялась маленькая улыбающаяся голова съ развѣваю-

щимся вокругъ нея сѣдымъ пухомъ волосъ. Это Вольдемаръ Веннихенъ заговорилъ о союзѣ двухъ патриціанскихъ домовъ, о демократической аристократіи и тому подобномъ.

Когда онъ кончилъ, кругомъ зашептались о томъ, что нынѣшній раутъ — предпраздненство по случаю свадьбы фрейлейнъ Асты Тюркгеймеръ съ высокороднымъ барономъ фонъ Гофштеттеномъ.

Тотчасъ взоры всѣхъ обратились къ жениху и невѣстѣ, причемъ Андреасъ замѣтилъ, что Аста дѣлаетъ недовольную мину. Она была красива, но, по мнѣнію Андреаса, не могла выдерживать сравненія съ матерью. Ея склонная къ полнотѣ фигура была приземиста, смуглое лицо не отличалось чистотою кожи, а густыя брови и упрямый ротъ придавали чертамъ нѣчто высокомѣрное, пугавшее Андреаса.

Женихъ ея оказался тѣмъ самымъ господиномъ съ жидкою бородкой и бѣлесоватыми волосами, къ которому Аста шла на встрѣчу, когда Андреасъ такъ некстати наступилъ ей на шлейфъ. Баронъ подпиралъ узкою, блѣдною, непомѣрно длинною рукою голову и сонно прислушивался къ словамъ невѣсты, причемъ ни одинъ мускулъ не шевелился на его лицѣ. Длинная, отвисшая челюсть и тонко изогнутый носъ придавали его профилю нѣчто лошадиное. Выраженіе блѣдно-голубыхъ глазъ могло быть въ зависимости не столько отъ мечтательности, сколько отъ малокровія. Андреасъ понялъ это, когда за сосѣднимъ столомъ раздалось принадлежащее остроумному адвокату Гольдгерцу восклицаніе:

— Усталая раса!

Въ этомъ опредѣленіи заключалось цѣлое сокращенное міровоззрѣніе, которое защитнику случалось не разъ проводить на практикѣ передъ судомъ. Оно отчасти составило его славу.

Легкое опьяненіе шампанскимъ, благодаря сангвиническому темпераменту Андреаса, побѣдило въ немъ робость новичка, и онъ уже не видѣлъ препятствій на своемъ пути. Онъ завоюетъ Адельгейду; въ сущности это — не особенно трудная, но славная задача. Конечно, это — не идиллія, а лишь ступень къ его возвышенію. Не увезетъ же онъ генеральную консульшу на необитаемый островъ!

— Вотъ за кѣмъ бы вамъ слѣдовало поухаживать! — сочувственно сказалъ Душницкій, видя, что Андреасъ поглядываетъ въ сторону Асты, — для того, чтобы обезпечить себѣ ея дружескій нейтралитетъ.

— Совершенно вѣрно! — подтвердилъ Клемпнеръ. — Вы знаете,

что Аста смотритъ на друзей своей матери какъ на своихъ личныхъ враговъ. Это она сыграла штуку съ Ратибором.

— Дьявольскій характеръ, — слезливо пробормоталъ Зюссъ, котораго шампанское настраивало на грустный ладъ.

— Развѣ Аста завидуетъ матери? — освѣдомился Андреасъ.

— Вотъ еще! Она презираетъ ее.

— Она такъ добродѣтельна?

— Изъ снобизма, — пояснилъ Клемпнеръ, — она простила бы матери троихъ старыхъ графовъ заразъ, но у нея рѣшительное предубѣжденіе противъ молодыхъ талантовъ.

Андреасъ, вспомнивъ опредѣленіе Кафлиша, замѣтилъ, что Аста — модернистка, въ ней интеллектъ преобладаетъ надъ женственностью.

— Она очень moderne въ смыслѣ траты денегъ, — замѣтилъ Душницкій: — отцу она обходится такъ же дорого, какъ любая изъ его „дамъ“.

— А дочери этого не полагается! — горестно заключилъ Зюссъ.

— Она покупаетъ себѣ аристократическое имя. Кому нужны эти старыя, истрепанныя имена? Такихъ барановъ и тайныхъ совѣтниковъ можетъ заводить себѣ и средній кругъ, съ тѣхъ поръ какъ знать ударилась въ либерализмъ, который у насъ уже не въ модѣ.

За столомъ закурили, и Андреасъ, закуривая папиросу, обратилъ вниманіе на серебряный канделябръ, изображавшій собою изящную колонну, къ которой прислонилась Коломбина. Ее обнималъ какой-то господинъ, а Полишинель скромно держалъ подсвѣчникъ. Андреасъ, бывшій въ радужномъ настроеніи, ощутилъ потребность восхититься группою, но, вспомнивъ, что здѣсь восхищеніе не принято, снисходительно замѣтилъ:

— Недурная работа.

Клемпнеръ, подъ впечатлѣніемъ винныхъ паровъ, принялся излагать теорію о роли Полишинеля въ исторіи человѣчества. Онъ видѣлъ въ немъ комическій типъ первобытнаго, лишеннаго предразсудковъ человѣка, равно склоннаго къ героическимъ подвигамъ и къ низкимъ дѣламъ. Онъ сравнилъ его съ Зигфридомъ и Парсивалемъ, представляющимъ тотъ же типъ съ трагической стороны. Взоръ его, отуманенный виномъ, остановился на лицѣ Андреаса.

— А вѣдь и въ васъ, милѣйшій, есть нѣкоторыя особенности этого типа.

Андреасъ былъ черезчуръ миролюбиво настроенъ для того,

чтобы обидѣться; поэтому онъ ограничился вопросомъ объ имени художника. Зюссъ отвѣтилъ ему съ горестнымъ негодованіемъ:

— Откуда вы явились, что не знаете имени Клодіуса Мертенса? Взгляните въ ту сторону, и вы удостоитесь лицезрѣть великаго человѣка.

Посмотрѣвъ по указанному направленію, Андреасъ увидѣлъ широкоплечаго господина съ добродушнымъ лицомъ, бѣлокурою бородой и небрежно повязаннымъ галстукомъ. Рука его съ толстыми пальцами, лежавшая на столѣ, показалась Андреасу такою сильной, что онъ съ сомнѣніемъ взглянулъ на тонкую и хрупкую группу его работы. Странно, что онъ не слыхалъ имени художника.

— Это не мудрено,—замѣтилъ Душницкій:— Мертенсъ работаетъ лишь для двухъ-трехъ домовъ, платящихъ ему колоссальныя деньги, и ничего не выставляетъ. Не хотите ли взглянуть на его произведенія?

Они встали изъ-за стола, но по дорогѣ Душницкій и Зюссъ исчезли, и Андреаса проводилъ Клемпнеръ въ маленькій зеркальный кабинетъ, сообщавшійся съ большою оранжереей. Тамъ на стройныхъ цоколяхъ, полускрытыхъ группами растеній, стояли бронзы, терракотты и серебряныя статуэтки, принадлежавшія къ одной и той же семьѣ худощавыхъ фавновъ, опьяненныхъ луннымъ сіяніемъ сильфовъ, сладострастныхъ козловъ и загадочно улыбавшихся мальчиковъ. Сюжеты были рискованные, но это, казалось, не смущало сидѣвшихъ на диванахъ пожилыхъ мужчинъ и вооруженныхъ лорнетами дамъ. Хрупкая нимфа имѣла отдаленное сходство съ юною актрисою Вердою Бирацъ, а улыбка и толстое брюхо преслѣдовавшаго ее мраморнаго сатира—показались Андреасу знакомыми: онъ видѣлъ ихъ гдѣ-то въ этой толпѣ.

— Вотъ искусство Клодіуса Мертенса!—сказалъ Клемпнеръ съ мрачною торжественностью.

— А что же дѣлаетъ художникъ кромѣ этого? — спросилъ Андреасъ, не будучи въ состояніи побѣдить чувства нѣкоторой неловкости.

— Не осуждайте Мертенса,—онъ продуктъ нынѣшняго общества!—воскликнулъ трагически Клемпнеръ, бія себя въ грудь:— въ молодые годы Мертенсъ мечталъ о томъ, чтобы воскресить искусство Микель-Анджело, и питался въ тѣ времена черствымъ хлѣбомъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ открылъ какое-то новое искусство, нужное въ настоящее время любителямъ художествъ, онъ получаетъ по десяти приглашеній въ недѣлю и ему дѣлаютъ заказы тутъ же за ужиномъ.

Они вернулись въ первый салонъ, уже снова наполнившійся. Воздухъ въ немъ былъ свѣжъ и ароматенъ, и гости жадно вдыхали его.

— Совсѣмъ горный воздухъ, не правда ли? — сказалъ, улыбаясь, Тюркгеймеръ. Онъ объяснилъ, что это дѣйствуетъ аппаратъ съ озогеномъ. — Благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, можно за какую-нибудь тысячу марокъ дышать цѣлый вечеръ чистѣйшимъ горнымъ воздухомъ.

— На тысячу марокъ воздуху! — воскликнула восхищенная Лиззи Лаффѣ.

— Я готовъ пустить тысячу марокъ на воздухъ ради удобства моихъ гостей, — отвѣтилъ Тюркгеймеръ съ любезнымъ поклономъ.

Когда большой залъ наполнился гостями до такой степени, что трудно было двигаться, вздумали танцовать. Откуда-то появившійся кругленькій господинъ, потирая руки, скользнулъ къ роялю и сейчасъ же энергично заигралъ вальсъ, подъ звуки котораго закружились четыре-пять паръ, наступая людямъ на ноги и очищая себѣ такимъ образомъ мѣсто. Андреасъ не безъ страха глядѣлъ на молодыхъ дѣвушекъ, опасаясь, что Тюркгеймеръ подведетъ его къ одной изъ нихъ. У худощавыхъ былъ маленькій вырѣзъ, у полныхъ — значительно большій. Андреасу онѣ казались чванными какъ принцессы и дерзко-насмѣшливыми какъ уличные мальчишки; у него было неясное ощущеніе, что ему нечего съ ними дѣлать. Счастье его можетъ составить лишь зрѣлая женщина, опытность которой позволитъ ей оцѣнить по заслугамъ преданность и довѣріе молодого человѣка.

„Я слишкомъ наивенъ для молодыхъ дѣвушекъ“, — подумалъ Андреасъ, и вдругъ замѣтилъ неподалеку хозяйку дома, шедшую съ двумя дамами. Ея гордая походка понравилась Андреасу еще болѣе, чѣмъ ея усталая поза въ креслѣ. Ея бюстъ и круглая талія отъ этого выигрывали, а манеру ея высоко держать голову съ шлемомъ черныхъ волосъ онъ нашелъ прямо обольстительной. Онъ почтительно поклонился.

— А, вотъ мы и опять встрѣтились, г. Цумзее, — проговорила она, какъ бы случайно остановясь рядомъ съ нимъ; Клемпнеръ удалился съ деликатностью, не оставшейся незамѣченною.

— Вы еще не танцовали?

— Нѣтъ еще.

— Ахъ, эти нынѣшніе молодые люди! Но почему же?

Андреасъ, продолжая смотрѣть ей въ глаза, покраснѣлъ. Повторить какую-нибудь ложь, много разъ ею слышанную отъ

другихъ, — глупо. Не лучше ли—попросту сознаться въ своей робости?

— Вы станете надо мною смѣяться,—началъ онъ, поощряемый ея улыбкою,—но я еще ни разу не танцовалъ въ Берлинѣ, и долженъ вамъ сознаться, что до сихъ поръ я не сказалъ ни слова ни съ одною берлинскою барышней.

— Сознайтесь, что вы трусите, — замѣтила она, шутливо ударивъ его вѣеромъ по рукѣ.

— Въ чемъ тутъ сознаваться?—вздохнулъ онъ:—послѣ тѣхъ словъ, которыми вы такъ осчастливили меня, что̀ могъ бы я сказать этимъ молодымъ особамъ?

Она улыбнулась съ оттѣнкомъ задумчивости. Его на этотъ разъ импровизированная рѣчь показалась ей не банальною и произвела хорошее впечатлѣніе. Она быстро и дружелюбно кивнула головою молодому человѣку и бросила ему, уходя:

— Веселитесь же. До свиданія!

Кафлишъ, неожиданно оказавшійся передъ Андреасомъ, подалъ ему изящно согнутую калачикомъ руку и, поднявъ къ нему свое ухмыляющееся лицо, шепнулъ:—Обольститель!

Они прошли черезъ боковой кабинетъ въ обширную комнату, гдѣ группа гостей тѣснилась у круглаго стола, обнесеннаго на нѣкоторомъ разстояніи рѣшеткою. На столѣ Андреасъ замѣтилъ весьма остроумнаго устройства горизонтальное колесо, каждая спица котораго обозначалась лошадкою изъ слоновой кости. На лошадкахъ возсѣдали наѣздницы изъ серебра и перламутра, позы которыхъ отличались большою рискованностью. Никто кромѣ Клодіуса Мертенса не могъ быть ихъ творцомъ.

— Вы никогда не играли въ petits-chevaux? — спросилъ Кафлишъ, и такъ какъ Андреасъ не рѣшился солгать, громогласно провозгласилъ:—Господа, я покажу вамъ нѣчто невиданное. Вотъ господинъ, никогда не игравшій въ лошадки.

Въ рядахъ гостей пронесся шопотъ. Какой-то худощавый игрокъ, съ дрожащими руками, спросилъ, сколько лѣтъ Андреасу, и затѣмъ, обернувшись къ сидѣвшему за рѣшеткою и принимавшему ставки толстяку, крикнулъ:

— Нумеръ 5-й!

— Одну секунду, г. Штибицъ, — остановилъ толстяка д-ръ Бединеръ, главный редакторъ „Курьера“:—Не хотите ли вы поставить, господинъ...?

— Цумзее!—подсказалъ Андреасъ.

— Конечно, поставьте! — дружески посовѣтовалъ Тюркгеймеръ, благосклонно ему улыбавшійся.

— Нумеръ 5-й! — громко произнесъ Андреасъ, голосомъ, перенятымъ имъ у худощаваго игрока.

— Сколько?—спросилъ Штибицъ.

Андреасъ увидѣлъ на зеленомъ сукнѣ цѣлыя горки золота, и ему стало не по себѣ. Боясь, что онъ неприлично-долго колеблется, онъ вынулъ портмонэ и небрежнымъ движеніемъ бросилъ на столъ двѣ монеты по двадцати марокъ. Штибицъ пустилъ колесо. Пятый нумеръ выигралъ, и передъ Андреасомъ очутилось 280 марокъ.

Андреасъ мелькомъ взглянулъ на деньги и не взялъ ихъ; онъ боялся покраснѣть отъ удовольствія. Серебряная наѣздница, оскорблявшая, сама этого не подозрѣвая, общественное приличіе, казалось, ободряюще ему улыбалась. Онъ снова поставилъ на пятый нумеръ.

— Седьмой! — спокойно сказалъ Тюркгеймеръ послѣ того, какъ ставки были сосчитаны.

— Пятый! — проговорилъ подошедшій къ нимъ сіонистъ Либлингъ.

Снова заскрипѣло колесо, медленно задвигались лошадки. Опять выигралъ 5-й нумеръ. Штибицъ положилъ передъ Андреасомъ билетъ въ тысячу марокъ, одинъ—въ пятьсотъ, четыре—по сту и три монеты по двадцати марокъ. Тюркгеймеръ подошелъ къ молодому человѣку и подалъ ему руку, поглаживая другою свои бакенбарды.

— Право, мнѣ было пріятно проиграть вамъ. Я цѣлый вечеръ ставлю на 7-й нумеръ. Долженъ же онъ когда-нибудь выйти.

Андреасъ коротко поблагодарилъ. У него захватило духъ отъ страха проиграть такую сумму. Въ третій разъ уже не выиграешь, и рука его, подвигавшая-было Штибицу деньги, остановилась. Уйти съ выигрышемъ — неприлично, но почему жертвовать всѣмъ? Наслѣдственный здравый смыслъ его предковъ, честныхъ винодѣловъ, дрожавшихъ надъ каждымъ грошомъ, одержалъ верхъ надъ свѣтскими соображеніями. Пусть берлинцы разыгрываютъ изъ себя такихъ дураковъ!—Андреасъ подвинулъ Штибицу триста марокъ и, засунувъ остальныя деньги небрежно въ карманъ, снова объявилъ 5-й нумеръ. Онъ оглянулся, думая, что надъ нимъ смѣются, но, наоборотъ, его поведеніе вызвало, повидимому, нѣчто вродѣ восхищенія.

На этотъ разъ вышелъ нумеръ седьмой, выигралъ Тюркгеймеръ, и Андреасъ отошелъ, обмѣнявшись вѣжливымъ поклономъ съ хозяиномъ, проговорившимъ ему вслѣдъ: „Браво!“ У дверей

онъ встрѣтилъ Либлинга. Сіонистъ поздравилъ его и крѣпко пожалъ ему руку, но посовѣтовалъ больше не играть: счастье не повторяется.

Было уже болѣе трехъ часовъ ночи, когда Андреасъ спускался побѣдителемъ по уставленной цвѣтущими растеніями лѣстницѣ, превращенной въ висячій садъ. На подъѣздѣ онъ столкнулся съ Кафлишемъ; была ясная, морозная ночь, и по всей улицѣ снѣгъ блестѣлъ отъ фонарей экипажей, стоявшихъ двумя рядами. Кафлишъ предложилъ взять извозчика; дорогою они разговорились о Тюркгеймерахъ, въ домѣ которыхъ Андреасъ надѣялся занять опредѣленное положеніе.

— Чтò, Тюркгеймеръ очень богатъ?

— Ничего-себѣ,—отвѣтилъ Кафлишъ,—особенно послѣ спекуляціи съ желѣзными дорогами Puerta Vergogna.

Онъ вкратцѣ изложилъ Андреасу эту загадочную исторію. Тюркгеймеръ убѣдилъ президента этой страны (чуть ли не бѣглаго каторжника) въ необходимости проведенія въ ней желѣзнодорожныхъ путей и получилъ на нихъ концессію вмѣстѣ съ званіемъ генеральнаго консула. У нѣмецкой публики есть особое влеченіе къ бумагамъ съ звонкими названіями; но когда изъ семидесяти милліоновъ президентъ не получилъ ни гроша, онъ понялъ, что Тюркгеймеръ будетъ посильнѣе бѣглаго каторжника, и отказался отъ сдѣлки. Теперь наше правительство собирается принять мѣры для огражденія интересовъ германскихъ подданныхъ.

— Семьдесятъ милліоновъ! — мечтательно проговорилъ Андреасъ.

— Великій человѣкъ, не правда ли? — воскликнулъ Кафлишъ.—Наполеонъ, Бисмаркъ, Тюркгеймеръ!

Въ заключеніе, онъ занялъ у „собрата“ сто маровъ и предоставилъ ему заплатить извозчику.

V.—„Особый интересъ“.

Первая мысль, съ которою Андреасъ проснулся около полудня, была о портномъ Берендѣ. Нехорошо, что исторія съ карточкою оказывалась старою исторіей, но кто хочетъ преуспѣть—долженъ быть выше предразсудковъ. Онъ вынулъ банковые билеты, разгладилъ ихъ, но тотчасъ же небрежно засунулъ ихъ въ карманъ, словно обладаніе этими деньгами было нѣчто вполнѣ естественное и должное. Жизнь, для которой онъ былъ созданъ, только теперь начиналась.

Онъ собирался выйти, когда лакей принесъ ему карточку фрау Тюркгеймеръ. Уже? Андреасъ, насвистывая, сбѣжалъ по лѣстницѣ со своего четвертаго этажа, взялъ хорошаго извозчика и остановилъ его „Подъ Липами“. Прежде всего онъ купилъ шляпу, модный галстукъ, перчатки, батистовый платокъ, и уже затѣмъ, собравшись съ духомъ, позавтракалъ у Aimé устрицами и шабли—въ память вчерашняго вечера. Послѣ завтрака онъ, съ сигарою въ зубахъ, отправился къ своему первому совѣтнику—Кёпфу.

— Ну, что, вы довольны?—встрѣтилъ тотъ его не безъ любопытства.

— Ничего-себѣ. Я выигралъ двѣ тысячи марокъ, и вскорѣ надѣюсь, на основаніи личнаго опыта, сообщить вамъ нѣкоторыя интимныя подробности относительно фрау Тюркгеймеръ.

— Скоро, однако!—замѣтилъ Кёпфъ со своею двусмысленною улыбкой.

— Хотите доказательствъ?—Андреасъ уже схватился за боковой карманъ сюртука, но подумалъ, что карточка къ портному—не такой уже лестный документъ, чтобы ею хвастаться.—Серьезно, я имѣлъ успѣхъ, но въ такомъ домѣ, гдѣ царитъ пріятный свободный тонъ, это и не трудно. Женщины дѣлаютъ вамъ глазки, золото само собою сыплется къ вамъ въ карманъ...

— Да неужели?

— По-моему, тамъ люди цѣлый день бьютъ баклуши. Не знаю, что они называютъ „дѣлами“, но, вѣроятно, эти дѣла отнимаютъ у нихъ немного времени. У однихъ—страшно много денегъ, у другихъ—совсѣмъ ничего нѣтъ. Отличная ѣда, тонкія вина, женщины, остроуміе, искусство, удовольствія — все это имѣется тамъ, словно въ странѣ медовыхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ...

— Браво! Вотъ что я называю искреннимъ восторгомъ!

Андреасъ осѣкся; ему показалось, что онъ хватилъ черезъ край, и онъ сказалъ:

— Конечно, нашъ братъ писатель подходитъ къ этому со своей мѣркой. Мы обличаемъ это общество.

— Оставьте!—усмѣхнулся Кёпфъ.—Смотрите на дѣло проще, милый другъ. Не разыгрывайте, честолюбія ради, какого-то жалкаго обличителя. У васъ слишкомъ счастливая для этого натура: вы должны нравиться. А затѣмъ не думайте, что дамы у Тюркгеймеровъ — какія-то маркизы XVIII-го вѣка. Онѣ совсѣмъ не такъ доступны, смѣю васъ завѣрить по личному скромному опыту. Хорошій тонъ требуетъ, чтобы напускать на себя цинизмъ и по-

рочность, а въ сущности всѣ онѣ—дамы буржуазныя и дорожатъ принципами извѣстной морали.

Андреасъ вспомнилъ Асту и продолжалъ внимательно слушать Кёпфа, для котораго судьба Андреаса представляла родъ интереснаго эксперимента. Какъ разовьется этотъ безсознательный спекуляторъ и наивный искатель счастья въ той жирной почвѣ, въ которую его пересадили?

— Вамъ слѣдуетъ, напримѣръ, убѣдить женщину, любви которой вы добиваетесь, что романъ съ вами не есть нѣчто заурядное, испытанное, но нѣчто совсѣмъ иное, вносящее въ ея жизнь новизну, оригинальность, особый интересъ, даже льстящее ей. На ряду съ преданностью и покорностью, вы должны стараться чѣмъ-нибудь импонировать ей: не быть „какъ всѣ". Это тѣмъ легче для васъ, что вы—рейнскій уроженецъ. Ваша культура—болѣе древняя, и каждый захудалый вашъ крестьянинъ—болѣе аристократъ, чѣмъ выходцы съ востока, живущіе въ палатахъ...

Андреасъ отъ восторга привскочилъ на мѣстѣ, хлопнувъ себя по колѣнямъ. Онъ принялся ходить по комнатѣ, проявивъ вдругъ необычайную развязность, передразнивалъ вчерашнихъ гостей, походку Зюсса, гнусавый говоръ Тюркгеймера и его манеру пощипывать бородку. Конечно, всѣ они—выскочки, уроженцы Галиціи или Помераніи. Онъ смѣялся надъ толщиною Адельгейды, надъ женщинами вообще, а Кёпфъ слушалъ его, посмѣиваясь и такъ предательски поблескивая глазами, что нельзя было понять: забавляютъ ли его разсказы Андреаса или самъ Андреасъ.

Въ заключеніе Андреасъ попросилъ Кёпфа занять для него комнату въ томъ же домѣ. Эта мѣстность—приличная, и если важная дама пожелаетъ осчастливить посѣщеніемъ бѣднаго поэта...

— Конечно. Такая предусмотрительность дѣлаетъ вамъ честь, и я начинаю думать, что вамъ дѣйствительно суждено имѣть успѣхъ.

Отъ Кёпфа Андреасъ поѣхалъ къ знаменитому портному, имѣвшему видъ посланника. Г. Берендъ пригласилъ его въ салонъ, убранный со строгимъ великолѣпіемъ, и спросилъ: чѣмъ можетъ ему служить? Андреасъ побоялся обнаружить свое невѣжество въ выборѣ матерій и фасоновъ, но въ этомъ не оказалось надобности,—г. Берендъ прервалъ его на первыхъ же словахъ.

— Понимаю, вамъ необходимъ полный гардеробъ, отвѣчающій вкусу знатнѣйшихъ домовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣляющій вашу индивидуальность? Ничего преувеличеннаго по части по-

слѣднихъ требованій. Мода—съ одной стороны, и легкій оттѣнокъ художественности — съ другой. Разрѣшите мнѣ поближе изучить вашъ жанръ. Будьте добры, пройдитесь вонъ до того зеркала.

Г. Берендъ, прищуривъ глазъ, внимательно изучалъ заказчика, и когда тотъ вернулся, поблагодарилъ его.

— Очень вамъ признателенъ. Я совершенно удовлетворенъ.

Онъ позвонилъ, явился закройщикъ, и г. Берендъ съ поклономъ удалился, такъ какъ ничтожное дѣло—снятіе мѣрки—уже не требовало его присутствія.

Въ пятницу — пріемный день фрау Тюркгеймеръ—Андреасъ получилъ свои костюмы, которые пришлось разложить по всей мебели, не видавшей ни разу въ жизни такого великолѣпія, хотя лѣтъ ей было немало.

Произведенія г. Беренда могли служить иллюстраціей свѣтскихъ обычаевъ — такъ тщательно были они приспособлены къ различнымъ случаямъ жизни. Каждая пара была снабжена билетикомъ съ надписью, спасшей Андреаса отъ возможной ошибки: „визитный костюмъ“, „вечерній“ (en petit comité), „костюмъ для прогулки“, „смокингъ“ и т. д.

Андреасъ выбралъ костюмъ, снабженный этикеткою „five o'clock“, и когда онъ подошелъ совсѣмъ готовый къ зеркалу, взору его предсталъ воочію давно лелѣянный имъ въ мечтахъ идеалъ. Безукоризненный черный сюртукъ до колѣнъ при свѣтлыхъ жемчужно-сѣрыхъ панталонахъ, изящный жилетъ, бѣлоснѣжный отливъ плиссированной рубашки. Натягивая перчатки, онъ изучалъ передъ зеркаломъ свои позы.

Въ карманѣ пальто Андреасъ нашелъ счетъ портного — на четыреста марокъ; выходило на кругъ по тридцати марокъ за костюмъ, т.-е. значительно менѣе того, что̀ бралъ портной въ Гумплахѣ.

По дорогѣ Андреасъ заѣхалъ расплатиться съ г. Берендомъ, и на этотъ разъ уже съ чувствомъ собственнаго достоинства онъ вступилъ въ еще незнакомый ему салонъ фрау Тюркгеймеръ, обитый желтымъ атласомъ, уставленный причудливою черною съ золотомъ лакированною мебелью и устланный зеленоватымъ ковромъ.

При входѣ Андреаса воцарилось молчаніе; только Аста, сидѣвшая съ женихомъ поодаль, продолжала разговаривать.

Андреаса представили фрау Моръ и фрау Пимбушъ. Первая — красивая, просто одѣтая, съ милою улыбкой и честнымъ лицомъ — казалась воплощенною добродѣтелью; у нея даже не было лорнета, всегда пугавшаго Андреаса. Ходили слухи, что

только недостатокъ въ деньгахъ мѣшаетъ ей быть добродѣтельною въ жизни, но она добывала деньги въ другомъ кругу — знатныхъ иностранцевъ и иностранныхъ принцевъ, притомъ — съ соблюденіемъ всевозможныхъ приличій, такъ что буржуазная мораль отъ этого не страдала. Она была предана Аделькейдѣ, а потому ея улыбка какъ бы сказала Андреасу: „Я—вашъ другъ".

Фрау Пимбушъ, супруга водочнаго фабриканта, казалась, наоборотъ, олицетвореніемъ порока: все въ ней кричало объ этомъ— начиная съ ярко-красныхъ взбитыхъ волосъ, украшенныхъ аметистовыми гребнями. Надъ ея низкимъ зеленоватымъ лбомъ, казалось, копошились нечистыя мысли. Зеленоватые же глаза были обведены розовыми кругами до самыхъ скулъ и среди этого подозрительнаго румянца бѣлый какъ мѣлъ длинный носъ и острый подбородокъ выдавались впередъ, какъ у клоуна. Кроваво-красные уголки губъ двусмысленно кривились; несмотря на худобу, лицо ея казалось распухшимъ, и вся голова ея на длинной шеѣ— походила на пестрый, налитый сокомъ ядовитый цвѣтокъ на черезчуръ тонкомъ стеблѣ.

Самъ Пимбушъ былъ типичнымъ обитателемъ страны тунеядства, наслѣдникомъ знаменитаго водочнаго феодала, основавшаго милліонное дѣло. Пимбушъ презиралъ „лѣнивыхъ пролетаріевъ", напивавшихся и опивавшихся его водкою; мечтою жизни его было прослыть утонченнѣйшимъ джентльменомъ эпохи упадка. Онъ взялъ себѣ образцомъ для подражанія—высокороднаго барона фонъ-Гофштеттена, а такъ какъ къ тридцати-пяти годамъ онъ облысѣлъ и пріобрѣлъ пергаментный цвѣтъ кожи, это значительно облегчило его задачу. Этотъ отпрыскъ здоровыхъ бюргеровъ подошелъ къ идеалу совершеннѣйшаго кретинизма почти такъ же близко, какъ и потомокъ нюрнбергскихъ маркграфовъ.

Совсѣмъ въ сторонѣ сидѣла съ недоступною миною фрейлейнъ фонъ Гофштеттенъ, тридцатилѣтняя особа съ фамильнымъ носомъ, исключавшимъ всякую претензію на красоту. Каждою чертою своего худого надменнаго лица она словно говорила, что не одобряетъ женитьбы брата, но готова получить свою часть денегъ въ этой сдѣлкѣ. Она находила, что великолѣпные бюргерскіе салоны пахнутъ лавкою, а на изящныхъ джентльменахъ лежитъ неизгладимый налетъ обвѣшиванія и обмѣриванія; супруги же ихъ, какъ ни стараются онѣ обезьянничать свѣтскихъ дамъ и кокотокъ — остаются въ сущности жалкими мѣщанками. Дѣвица фонъ-Гофштеттенъ была такъ же молчалива, какъ и ея братъ, только онъ молчалъ по причинѣ малокровія, а она — изъ высокомѣрія.

Кромѣ нихъ, въ гостиной былъ еще Либлингъ, и Андреасъ, сравнивъ его сюртукъ со своимъ, отдалъ должное тонкому чутью г. Беренда, понимавшаго: кому что̀ нужно. Жанръ Либлинга требовалъ простой корректности; даже въ покроѣ жилета сказывался моралистъ.

Всѣ съ увлеченіемъ говорили о предстоящемъ представленіи „Мести", разрѣшеніе которой къ постановкѣ потребовало такихъ хлопотъ. Узнавъ, что всѣ билеты распроданы, Пимбушъ поблѣднѣлъ. Не быть на такой première! Онъ выполнялъ свѣтскій ритуалъ съ благоговѣніемъ мистика, и счелъ бы себя опозореннымъ, еслибы цилиндръ его имѣлъ менѣе семи отливовъ, а тубероза въ его бутоньеркѣ—менѣе тринадцати лепестковъ.

— Ты слышишь, Клэра,—обратился онъ къ женѣ:—у насъ не будетъ ложи на „Месть".

— Въ такомъ случаѣ придется отъ нея отказаться, — снисходительно отвѣтила она, играя лорнетомъ.

— Но это невозможно! Всѣ тамъ будутъ.

— Еще бы! На сценѣ—революція, бьютъ все и вся!—насмѣшливо отозвалась Аста.

— Какая грубость!—заявилъ Либлингъ.

Заговорили о томъ, кто бы могъ быть авторъ? Навѣрное — кто-нибудь изъ ихъ круга.

— Вы—писатель, вы должны знать его!—воскликнула фрау Пимбушъ, повернувшись къ Андреасу и гипнотизируя его взглядомъ.

— Увѣряю васъ, я ничего не знаю.

— Но вы будете на спектаклѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, смутясь.

— Почему?

Въ сущности онъ и самъ и не зналъ: почему? Навѣрное, нашлось бы какое-нибудь мѣсто. Фрау Тюркгеймеръ мелькомъ взглянула въ его сторону при этихъ словахъ.

Либлингъ заговорилъ о современномъ паденіи нравовъ, строго осуждая порокъ и расточительность и приводя въ примѣръ молодого Іесселя, спустившаго три милліона въ полтора года. Фрау Пимбушъ заспорила: нынѣшніе молодые люди боятся страсти и берегутъ свое драгоцѣнное здоровье,—женщинѣ нечего опасаться съ ихъ стороны. Фрау Моръ добродушно разсмѣялась — тихимъ смѣхомъ уважаемой матроны, относящейся снисходительно къ рискованной выходкѣ младшей подруги. Андреасъ, рѣшившійся поразить тонкостью своихъ замѣчаній, проговорилъ, что нынѣшнее поколѣніе, происходящее отъ переутомленныхъ работою отцовъ, должно соблюдать осторожность. Всѣ устои расшатались, и никто

не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что завтра ему не придется работать.

Онъ мысленно ликовалъ, сидя между двухъ дамъ, платья которыхъ задѣвали его колѣни, и разговаривая съ ними о такихъ интимныхъ предметахъ. Взоръ фрау Моръ нѣжно убаюкивалъ его, а зеленоватые глаза фрау Пимбушъ, вмѣстѣ съ запахомъ раздражающихъ духовъ, обволакивали его странными чарами.

На часахъ пробило пять, причемъ охранявшій ихъ зеленозолотой драконъ пять разъ разинулъ пасть.

Тотчасъ же открылись двери, и двое лакеевъ внесли столикъ съ чайнымъ приборомъ. Хозяйка дома разливала чай, а фрейлейнъ Аста подавала чашки гостямъ. Когда она подошла къ Андреасу, онъ, желая снискать ея милость, высказалъ предположеніе, что слѣдовало бы отпраздновать особеннымъ образомъ свадьбу многоуважаемой фрейлейнъ.

— Съ кѣмъ это вы желаете праздновать?—отрѣзала Аста, не глядя на него, и между ея густыхъ бровей показалась складка. Она презрительно пожала своими сутуловатыми плечами.

У бѣднаго молодого человѣка, мечтавшаго побѣдить ея нѣмую непріязнь, улыбка застыла на губахъ. Гнѣвъ приземистой брюнетки напомнилъ ему негодованіе поблекшей блондинки, буфетчицы въ кафе „Ура!“, отвѣтившей на его попытку обнять ее:—Что это вы о себѣ вообразили, юноша?!

Фрау Пимбушъ ѣдко улыбнулась, а фрау Моръ шепнула:—Я забыла васъ предупредить, что Аста не желаетъ никакихъ празднествъ.—Затѣмъ она проговорила, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ:

— Въ сущности это нехорошо, милая Аста, что вы не позволяете вашимъ друзьямъ принять участіе въ самомъ торжественномъ днѣ вашей жизни.

— Тихая свадьба — самая модная,—замѣтилъ подошедшій Пимбушъ.

— Съ какой стати я буду вмѣшивать людей въ мои личныя дѣла!—возразила Аста.—Это уже отжило.

Либлингъ что-то неодобрительно пробормоталъ, но не рѣшился противорѣчить рѣшительной молодой дѣвушкѣ. Андреасъ проговорилъ почти про себя:

— У фрейлейнъ Асты современныя воззрѣнія, она—модернистка.

— Отжило?—повторила задумчиво фрау Пимбушъ.—Дѣйствительно, я нахожу, что въ свадьбѣ есть что-то неловкое...—и, наморщивъ лобъ, она прибавила:—я сказала бы: почти неприличное.

Аста съ багровымъ лицомъ стояла нахмуренная, а затѣмъ вдругъ повернулась и вышла изъ комнаты; за нею, какъ во снѣ, послѣдовалъ баронъ, за барономъ—Пимбушъ, ставшій его тѣнью.

Андреасъ чувствовалъ, что послѣ нанесенной ему Астою обиды ему слѣдуетъ уйти, но не можетъ же онъ поставить на карту свою будущность, и сознавая все свое униженіе, онъ остался. Дамы, отвернувшись отъ него, заговорили съ Либлингомъ. По счастію для него, появленіе новой гостьи произвело диверсію. Въ салонъ впорхнула маленькая элегантная фрау Гольдгерцъ, жена адвоката, съ развѣвающимися перьями на шляпѣ, съ развѣвающимся кружевнымъ волановъ платья. Она перепархивала съ мѣста на мѣсто и безъ умолку щебетала. У нихъ тоже нѣтъ ложи на „Месть“,—всѣ билеты проданы.

— И у меня нѣтъ ложи,—сказала фрау Тюркгеймеръ, наливая ей чай. Замѣтивъ исчезновеніе Асты, она обратилась къ Андреасу:

— Г. Цумзее, будьте такъ любезны, помогите мнѣ хозяйничать.

Андреасъ поспѣшилъ повиноваться; онъ снова выросъ въ собственныхъ глазахъ, и гостья одобрительно осмотрѣла его въ свой лорнетъ.

Общій разговоръ оживился; пользуясь этимъ, фрау Тюркгеймеръ заговорила съ Андреасомъ, и сама положила ему пирожнаго на тарелку, предлагая шартрезу или бенедиктину. Какъ только онъ замѣчалъ, что она глядитъ на него, онъ мечтательно поднималъ на нее свои дѣвственно-чистые глаза съ длинными, изогнутыми рѣсницами, и ея лицо съ двойнымъ подбородкомъ начало мало-по-малу окрашиваться слабымъ румянцемъ, что̀ наполнило его гордостью побѣдителя. Грудь ея высоко поднималась подъ синимъ шолковымъ плиссе ея tea-gown. Она спросила его, почему онъ такъ задумчивъ? Андреасъ отвѣтилъ, что онъ удивляется, видя на столѣ простые цвѣты: левкои, георгины, астры, флоксусы, скабіозы. Адельгейда объяснила, что теперь эти цвѣты самые модные; ихъ ввели въ моду художники, такъ какъ подобные цвѣты изображались на старинныхъ картинахъ.

— Вы такъ внимательно слушаете,—закончила она.

— Когда *вы* что-нибудь объясняете мнѣ.

Въ улыбкѣ, съ которою она взглянула на его костюмъ, было столько доброты, что юный побѣдитель не удержался. Пользуясь тѣмъ, что остальные сидѣли къ нимъ спиною, онъ наклонился и приложился губами къ нѣсколько пухлой, но съ удлиненными пальцами ручкѣ Адельгейды, лежавшей на краю серебрянаго подноса. Прикосновеніе къ ея кожѣ согрѣло его, и губы его

поднялись выше браслета, покрывая руку легкими поцѣлуями. Фрау Тюркгеймеръ отняла ее и спросила совершенно спокойно:

— Вы будете на „Месѣи“?

— По всей вѣроятности—нѣтъ.

— Но почему? У васъ какой-то таинственный видъ.

Андреасъ подумалъ, что, быть можетъ, ему не мѣшаетъ имѣть таинственный видъ, и отвѣтилъ, что онъ никакъ не можетъ быть.

Адельгейда настаивала. Вѣдь это воскресенье, и если она получитъ ложу, то разсчитываетъ на его присутствіе. Спектакль—утренній. Какъ? Онъ, все-таки, не можетъ? Какъ это скучно! Отчего же ему нельзя быть въ театрѣ?

— Оттого что я буду въ церкви.

— Въ церкви?—Адельгейда была совсѣмъ поражена: — Въ какой церкви?

— Въ католической. Въ храмѣ св. Гедвиги.

Фрау Тюркгеймеръ онѣмѣла. Идея Андреаса, между тѣмъ, крѣпла и развивалась. Онъ никогда не бывалъ въ театрѣ утромъ, и когда Адельгейда заговорила о воскресеньѣ, онъ мысленно услышалъ звонъ гумплахскихъ колоколовъ, и вслѣдствіе почти безсознательной ассоціаціи идей отвѣтилъ, что пойдетъ въ церковь. Но когда онъ увидѣлъ, какъ поражена была генеральная консульша Тюркгеймеръ его строго религіозными воззрѣніями, почти импонировавшими ей, онъ понялъ, что „особенность“, необходимая для обезпеченія ему успѣха, найдена. Кёпфъ внушилъ ему, что ему необходимо, въ качествѣ уроженца рейнской стороны, выдѣлиться своею высшею культурою, но эта религіозная marotte—была его собственнымъ геніальнымъ вдохновеніемъ. Строго вѣрующій католикъ — что̀ могло быть удивительнѣе въ этомъ берлинскомъ кругу! Андреасъ льстилъ себя мыслью, что онъ оставитъ въ тѣни Либлинга съ его сіонизмомъ.

— Вы бываете тамъ каждое воскресенье?—спросила Адельгейда бережно и нѣжно. Онъ кивнулъ головою.

— И вы не можете не пойти туда одинъ разъ? Не примите моего вопроса за навязчивость.

Она говорила тихо, съ очаровательною довѣрчивостью.

— Чего бы я не сдѣлалъ по вашему приказанію! Но, подумайте, именно теперь наступаетъ въ моей жизни переломъ. Въ провинціи я жилъ лишь наполовину, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ вашемъ домѣ, я болѣе пережилъ и узналъ, чѣмъ за многіе годы провинціальной жизни. Это волнуетъ меня, и я ощущаю привитую мнѣ съ дѣтства потребность искать успокоенія тамъ, гдѣ я привыкъ его находить.

Онъ перевелъ духъ. Адельгейда сложила руки на колѣняхъ и внимательно слушала.

— Это еще не все,—продолжалъ онъ:—я долженъ почерпнуть силъ для борьбы съ охватившею меня страстью. То, чего я желаю—великій грѣхъ, и, тѣмъ не менѣе, я желаю этого со всею силой моей страстной любви! — шепнулъ онъ, поднявъ на нее свои краснорѣчивые глаза.—Въ вопросахъ совѣсти мы всегда совѣтуемся съ духовникомъ.

— Вы бываете на исповѣди?—произнесла она почти со страхомъ. Онъ смущенно потупился. Онъ самъ не знаетъ, почему онъ говоритъ все это ей, именно ей?

— Развѣ все это такъ уже страшно?—осмѣлилась произнести Адельгейда. Она находила молодого человѣка оригинальнымъ и поэтичнымъ, но онъ не долженъ заходить въ исполненіи религіозныхъ обязанностей слишкомъ далеко: это можетъ испортить игру.

— А еслибы я... безъ исповѣди отпустила вамъ вашъ великій грѣхъ, не зная, конечно, въ чемъ онъ состоитъ?—спросила она съ очаровательною улыбкой.—Итакъ, вы будете въ воскресенье?

Онъ измѣнился въ лицѣ — отъ удивленія вслѣдствіе успѣха своей выдумки, но она приняла это за признакъ душевной борьбы.

— Изъ любви ко мнѣ,—сказала она почти нѣжно.

Кто-то входилъ, пора было положить конецъ. Андреасъ поднялся.

— Я ни въ чемъ не могу вамъ отказать, — отвѣтилъ онъ съ низкимъ поклономъ.

Вошелъ редакторъ, привезшій ложу на „Месть“, которую у него, буквально, изъ рукъ рвали, но онъ счастливъ, что можетъ услужить дамамъ. За нимъ вошелъ Тюркгеймеръ съ нѣсколькими молодыми людьми, и, сразу оцѣнивъ опытнымъ взоромъ положеніе вещей, онъ, лукаво посмѣиваясь, подошелъ къ Андреасу и пожалъ ему руку.

— Очень радъ снова встрѣтиться съ вами.

Андреасъ, поздоровавшись съ Зюссомъ и Душницкимъ, рѣшилъ, что ему пора лишить фрау Тюркгеймеръ своего присутствія. Воображеніе ея сильнѣе заработаетъ. Но уже на улицѣ онъ спросилъ себя: не нашла ли она его смѣшнымъ?

— Ба! Она любитъ меня, если повѣрила. Если послѣ всего, что я нагородилъ ей, она не сочла меня сумасшедшимъ, значитъ она любитъ меня.

VI.—„Месть“.

— Блестящій залъ!—сказалъ Пимбушъ Андреасу, входившему въ ложу. Адельгейда съ Клэрой помѣщались впереди, и сидѣвшая сзади Аста, указавъ вѣеромъ на роскошную спину матери, замѣтила Либлингу:

— Я ничего не увижу, но, можетъ быть, это и лучше.

Либлингъ осторожно возразилъ, что надо подождать. Съ своей стороны онъ видитъ признакъ общественнаго оздоровленія въ знакомствѣ со средою пролетаріевъ и даже въ посѣщеніи маленькаго народнаго театра съ грязными стѣнами, гдѣ народъ проводитъ свои досуги.

— Мы точно на похоронахъ,—замѣтилъ Андреасъ, но Пимбушъ не согласился:—Здѣсь все лучшее общество!—Въ эту минуту въ оркестрѣ что-то загромыхало, въ залѣ стало посвѣтлѣе, и Андреасъ увидѣлъ, что грязныя ложи сіяли сверху до низу огнями брилліантовъ и переливами атласныхъ манто и накидокъ. Обнаженныя руки въ кружевныхъ рукавахъ облокачивались о неопрятные барьеры, запахъ духовъ смѣшивался съ пылью. Фрау Моръ сидѣла рядомъ съ фрау Блохъ.—Какъ? И эти скромницы здѣсь?

Изъ сосѣдней ложи раскланялся банкометъ Штибицъ; всюду виднѣлись знакомыя лица, щелкали лорнеты, критиковались туалеты. На фрау Тюркгеймеръ было темное платье moirée, и подъ кружевомъ корсажа ея плечи соблазнительно отливали матовою бѣлизною. Въ публикѣ называли имена извѣстностей; вся критика была на лицо, начиная съ д-ра Абеля изъ „Курьера“ и профессора Швенке, эманципированнаго академика. Дипломатическій корпусъ былъ представленъ нѣсколькими загорѣлыми иностранцами въ орденахъ. Среди нихъ былъ и консулъ Puerta Vergogna.

Наконецъ, адскій шумъ въ оркестрѣ кончился, и среди торжественной тишины началось представленіе соціалистической пьесы „Месть“.

Дѣйствіе происходило на фабрикѣ въ восточной Пруссіи; экспозиція отличалась краткостью и энергичностью. Воскресенье. Хозяинъ трактира отказывается отпускать водку задолжавшимъ ему рабочимъ, и у нихъ является поэтому стремленіе отомстить обществу за всѣ претерпѣваемыя ими несправедливости. Они ежедневно имѣютъ дѣло съ ртутью и прочими ядами; въ сорокъ

лѣтъ они умираютъ стариками, большинство—въ чахоткѣ. Все зло—отъ директора, развращающаго и спаивающаго дѣвушекъ, и отъ его жены, надѣляющей молодыхъ рабочихъ дурною болѣзнью.

Это открытіе возбудило волненіе въ публикѣ. Исхудалые пролетаріи топчутся въ снѣгу, бьютъ себя въ грудь, задыхаются, и на сценѣ больше кашляютъ, чѣмъ говорятъ. Выходятъ женихъ съ невѣстою. Ее преслѣдуетъ директоръ, его—директорша; они должны покориться, дабы не лишить пропитанія своихъ престарѣлыхъ родителей. Въ разгаръ хрипѣнія больныхъ, за сценою раздается яростный вопль; мужчины втаскиваютъ на сцену Мессалину, женщины заворачиваютъ ей на голову юбки и подвергаютъ ее публично тѣлесному наказанію.

Противъ этой сцены никто не устоялъ. Крикъ мести оскорбленнаго народа потрясъ театръ. На дамахъ зазвенѣли бриллианты, фрау Пимбушъ срывалась съ мѣста, и Адельгейда должна была ее успокаивать. Милліонеры въ партерѣ закричали: „bis!“ На сцену подали исполнительницѣ главной роли лавровый вѣнокъ.

Второй актъ. Гнусному директору удалось избѣжать засады, онъ въ окно палитъ въ пролетаріевъ изъ ружья; тѣ бомбардируютъ его камнями и, наконецъ, убиваютъ. Начинаютъ громить домъ, разбивать мебель, все летитъ въ дребезги. Слышны колокольчики. Къ мѣсту происшествія спѣшатъ въ саняхъ власти; ихъ берутъ въ плѣнъ; сани идутъ на растопки, чтобы поджечь домъ директора; подоспѣвшіе-было жандармы обращаются въ бѣгство.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ зрители задерживали дыханіе, затѣмъ раздался громъ рукоплесканій. У дамъ блестѣли на глазахъ слезы торжества, мужчины поблѣднѣли, всѣ были потрясены видѣннымъ и слышаннымъ.

— Это—произведеніе въ духѣ Микель-Анджело!—возвѣстилъ Пимбушъ, куда-то сбѣгавшій на развѣдки,—такъ сказалъ профессоръ Швенке. Либлингъ согласился, что въ драмѣ есть подъемъ. Лишь Аста, сдвинувъ брови, презрительно заявила, что это—безвкусная чепуха. Всѣ набросились на нее.

— Аста, мнѣ васъ жаль!—воскликнула Клэра:—у васъ нѣтъ пониманія возвышеннаго. Намъ предстоитъ еще большее наслажденіе.

— Чего же еще? Вѣдь народъ уже отомстилъ,—замѣтила довольно равнодушно фрау Тюркгеймеръ, на что фрау Пимбушъ отвѣтила своею развращенно-загадочною улыбкою.

Андреасъ былъ недоволенъ: Либлингъ и Пимбушъ мѣшали

ему любоваться спиною Адельгейды. Зачѣмъ она пригласила его? Тѣмъ временемъ на сценѣ шла пальба, мятежники забаррикадировались въ церкви; тутъ же была и порочная директорша въ одной рубашкѣ. Мужчины перекидывали ее по сценѣ, какъ мячъ, и, наконецъ, окунули въ большую купель, что̀ вызвало въ публикѣ сочувственный хохотъ.

Партеръ корчился отъ смѣха, дамы въ ложахъ прямо всхлипывали отъ удовольствія. Постановка была достойна большой сцены. Исхудалые, умирающіе люди съ перекошенными ненавистью лицами, мечущіеся при свѣтѣ факеловъ по разоренной церкви, производили фантастическое впечатлѣніе. Но такъ какъ задуманная авторомъ „жестокая“ финальная сцена не была дозволена къ представленію,—интересъ къ концу акта нѣсколько ослабѣлъ, хотя нападеніе войскъ было отбито пролетаріями.

Пимбушъ обезпокоился; фрау Пимбушъ заявила, что это—недостаточно сильно. Либлингъ выразилъ мнѣніе, что этого нельзя признать искусствомъ. Гдѣ же нравственная идея?

— Она вытекаетъ изъ всей пьесы, — кротко заявила фрау Тюркгеймеръ.

— Настоящій chef d'oeuvre! — воскликнулъ, появившись въ дверяхъ, Кафлишъ.—Соціальная драма! Явить грубые, но могучіе народные инстинкты въ одухотворенномъ свѣтѣ — вотъ задача автора. — Онъ втянулъ въ себя воздухъ и продолжалъ: — Чувствуете ли вы запахъ народной души? „Месть“ напоминаетъ мнѣ-знаете ли что̀? „Записки горничной“: „Ненависть, месть и отчаяніе толкнули меня на путь порока“.

Дамы сдѣлали гримасу, но тутъ заговорилъ женихъ Асты, казавшійся менѣе обыкновеннаго усталымъ. Онъ видѣлъ конецъ акта; это—сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ, и если узнаютъ, что онъ пропустилъ пьесу, тогда, тогда... Его сіятельство шутить не любитъ...

Онъ видимо трусилъ. Дурное впечатлѣніе, произведенное ея женихомъ, разсердило Асту, и она такъ громко крикнула ему:—„Подай мнѣ манто!“—что изъ сосѣдней ложи обернулись. Они вышли вмѣстѣ.

Всѣ интересовались именемъ автора; Кафлишъ объявилъ, что идетъ на развѣдки, къ нему присоединилась фрау Пимбушъ; ложа мало-по-малу опустѣла; въ ней осталась лишь Адельгейда, отговорившаяся усталостью. Андреасъ вышелъ съ другими, но сейчасъ же вернулся.

— Какъ вы скоро! — лукаво улыбнулась она, и прибавила, что свѣтъ рѣжетъ ей глаза, вслѣдствіе чего понятливый молодой

человѣкъ догадался набросить ея манто на спинку креселъ, отгородивъ, такимъ образомъ, аванложу отъ нескромныхъ взоровъ.

— Вы не интересуетесь именемъ автора?

— Я пришелъ сюда совсѣмъ не для того. Я все время думалъ о васъ и сожалѣлъ, что эти господа не даютъ мнѣ возможности видѣть букетикъ фіалокъ на вашемъ плечѣ и ваши плечи подъ кружевною тканью...

Говоря это, онъ покраснѣлъ; Адельгейда улыбнулась. Однако, какимъ вещамъ научился онъ въ Берлинѣ! Онъ сѣлъ на указанный ею стулъ такъ близко, что его колѣна пришлись между складокъ ея платья. Она смотрѣла на него нѣжно-вопрошающимъ взоромъ.

— Итакъ, вмѣсто исповѣди, вы пришли сюда? А вдругъ вы загубили вашу душу ради меня? Или это не было серьезно?

Андреасъ сдѣлался, наоборотъ, чрезвычайно серьезенъ и закусилъ губы. Она испугалась: не обидѣла ли она его? Онъ съ укоромъ поднялъ на нее глаза.

— Вамъ не слѣдовало бы напоминать мнѣ объ этомъ.

— Простите!

Онъ еще ниже наклонился къ ней.

— Вы знаете, Адельгейда, что я всѣмъ готовъ пожертвовать для васъ. Вѣрьте мнѣ...

— Вѣрю вамъ, мой милый Андреасъ.

Онъ схватилъ ея руку и, почувствовавъ, что она чуть замѣтно притягиваетъ его къ себѣ, такъ нагнулся, что, не удержавшись, почти упалъ въ ея объятія, шепча:

— О, позволь мнѣ, Адельгейда, всю жизнь любить тебя такъ же, какъ здѣсь, въ эту минуту!

Но онъ тотчасъ упрекнулъ себя за неудачныя слова. Обнимать г-жу Тюркгеймеръ въ театральной ложѣ—такое счастье не могло длиться вѣчно. Ея матово-бѣлое, широкое лицо съ томнымъ взглядомъ было совсѣмъ близко къ его лицу, и губы Андреаса утонули въ ея мягкихъ красныхъ губахъ, какъ въ подушкѣ изъ бархатистыхъ розовыхъ лепестковъ. Она отстранилась и вздохнула:

— Не здѣсь, Андреасъ!

Въ ту же минуту въ оркестрѣ опять загрохотало, и пока взволнованный Андреасъ отодвигалъ свой стулъ, ему показалось, что дверь въ ложу тихо отворилась и затворилась. Андреасу на секунду даже померещилось въ отверстіе двери лицо Тюркгеймера, но, безъ сомнѣнія, это былъ обманъ чувствъ.

— Когда же?

— Постой... Дай сообразить. Завтра, въ среду, я—у портнихи, позднѣе—на базарѣ въ пользу дѣтей преступниковъ. Въ четвергъ? Можетъ быть, въ четвергъ ты будешь дома и прочтешь мнѣ свои стихи? Со временемъ ты долженъ написать драму, которая будетъ имѣть такой же успѣхъ. Ты прославишься, я этого хочу.

„Кёпфъ правъ, — подумалъ Андреасъ: — она желаетъ убѣдиться, что я окажусь достойнымъ ея протекціи".

Дверь съ шумомъ открылась. Фрау Пимбушъ воскликнула:

— Нѣтъ, какъ вы думаете — кто авторъ? Человѣкъ, котораго мы всѣ знаемъ...

— Принадлежащій къ лучшему обществу,—нахмурясь, проговорилъ Либлингъ.

— Вы можете видѣть его отсюда, — не воздержался Пимбушъ.—Вотъ онъ сидитъ между толстою Лиззи Лаффе́ и маленькою Вердою Бирацъ. Это не кто иной, какъ Дитрихъ Клемпнеръ.

— Онъ кажется такимъ благонамѣреннымъ!—сказалъ удивленный Андреасъ.

— А проповѣдуетъ разрушеніе!—сокрушенно вздохнулъ Либлингъ.

— Какъ это пикантно!—воскликнула фрау Пимбушъ, лорнируя поэта, въ ложѣ котораго появилось двое критиковъ.

Послышались разныя сужденія о пьесѣ. Ничего не писалъ—и сразу такой успѣхъ! Теперь очередь за г. Цумзее. Пимбушъ авансомъ поздравилъ его. Въ залѣ раздалось шиканье, приглашавшее къ молчанію. Начался послѣдній актъ.

Андреасъ, занявшій лучшее мѣсто, слушалъ все такъ же невнимательно. Его безпокоила мысль Адельгейды—сдѣлать его драматургомъ. Вступить въ соревнованіе съ Клемпнеромъ, позволявшимъ убивать на сценѣ людей, съ которыми онъ пировалъ въ жизни? Ему не нравилась „Месть"; онъ находилъ ее грубоживотною и ненавистническою. Получивъ нѣжное обѣщаніе фрау Тюркгеймеръ, Андреасъ чувствовалъ себя собственникомъ, и нападки на состоятельный классъ были ему глубоко несимпатичны. Онъ удивлялся, какъ это буржуа могутъ апплодировать своему посмѣянію и униженію!

На сценѣ происходило тѣмъ временемъ крушеніе поѣзда, подстроенное пролетаріями. Они душили уцѣлѣвшихъ пассажировъ, пытавшихся выкарабкаться изъ-подъ обломковъ. Члену суда распороли животъ, кровь его обагрила снѣгъ. Опьяненные местью, пролетаріи корчились отъ восторга, плясали вокругъ своихъ жертвъ, изрыгая хриплыя проклятія, прищелкивали языкомъ, вра-

щали глазами и продѣлывали это такъ естественно, что зрителя охватывалъ пріятный ужасъ. Какой-то хмурый господинъ громко освѣдомился: сколько бычачьей крови было пріобрѣтено для пролитія ея на сценѣ, но его тотчасъ удалили.

Оргія мести все разгоралась; нѣсколько чахоточныхъ потащили въ кусты двухъ оставшихся въ живыхъ женщинъ, и дамы въ ложахъ приподнялись съ мѣстъ, чтобы лучше видѣть. Имъ казалось, что игра должна продолжаться и за кулисами. Иллюзія была такъ сильна, что болѣе нервныя особы поднесли платки къ носу; другія же, полузакрывъ глаза и поблѣднѣвъ отъ волненія, широко раздували ноздри, втягивая въ себя запахъ крови, несшійся со сцены. Когда раздались апплодисменты, онѣ вдругъ ослабѣли отъ избытка возбужденія, на лицахъ ихъ и шеяхъ проступила влага, кое-гдѣ слышался нервный смѣхъ, двумъ барышнямъ сдѣлалось дурно. Кажется, во всей залѣ оказалось лишь нѣсколько человѣкъ, оставшихся безучастными, между прочими— добродѣтельная фрау Блохъ, жена Тюркгеймеровскаго повѣреннаго по сомнительнымъ дѣламъ, и старый поэтъ Веннихенъ, удивлявшійся, почему достойный уваженія средній классъ, побѣдившій злую силу аристократіи, привѣтствуетъ теперь тріумфъ „черни“ и свое паденіе?

Апоѳеозъ пролетаріата заставилъ многихъ подняться съ мѣста. При свѣтѣ краснаго бенгальскаго огня—отблескъ пожаровъ, уничтожившихъ буржуазный строй,—народъ шелъ попарно на встрѣчу зарѣ гуманности и братства. Дѣвушка и парень, жертвы фабриканта и его жены, держали другъ друга въ объятіяхъ, намѣреваясь вступить въ законный бракъ. Основы народнаго міросозерцанія—нравственны. Самъ Либлингъ могъ считать себя удовлетвореннымъ такимъ выводомъ.

Когда утомленные своими упражненіями актеры въ одиннадцатый разъ появились передъ рампою и залъ уже сталъ пустѣть, господа въ партерѣ, апплодировавшіе до того, что порвали свои бѣлыя перчатки, потребовали исполненія рабочей марсельезы. Оркестръ грянулъ ее, публика подхватила, и Тюркгеймеръ, сидѣвшій въ ложѣ дипломатическаго корпуса, одобрительно улыбаясь, отбивалъ тактъ.

Андреасъ вернулся домой въ глубокой задумчивости. Успѣхъ пьесы и видъ Клемпнера, окруженнаго поклонницами-психопатками, заставилъ его оцѣнить „Месть“. Въ немъ также пробуждались грубые инстинкты. Онъ спрашивалъ себя: не чувствуетъ ли онъ себя пролетаріемъ, жаждущимъ крови буржуа? Быть можетъ,

его мужицкая кровь возмущается противъ этой утонченной культуры? Ему начинало казаться, что, овладѣвъ Адельгейдою, онъ выполнитъ священную месть, онъ отомститъ ей и ей подобнымъ за страданія цѣлаго народа. Онъ будетъ жестокъ, холоденъ, недоступенъ, она найдетъ въ немъ суроваго властелина.

На слѣдующее утро онъ написалъ ей письмо, заканчивавшееся такъ:

„Не легко мнѣ было разстаться съ моимъ бѣднымъ жилищемъ, гдѣ такъ хорошо работалось, но для тебя, моя горячо желанная, чего бы я не сдѣлалъ! Я живу теперь во второмъ этажѣ,—приходи скорѣе, утоли мою жажду нѣжностью твоей улыбки! Приказывай, повелѣвай! Чѣмъ еще могу я тебѣ пожертвовать?“

Андреасъ отказался отъ мысли украсить свое жилище чѣмъ-либо, исключая строгой простоты. Онъ просмотрѣлъ стихи, которые намѣревался ей прочесть. Придетъ она въ три или въ четыре часа? А вдругъ совсѣмъ не придетъ? Можетъ быть, она уже забыла о немъ? Но въ эту самую минуту позвонили. Онъ задержалъ дыханіе и прислушался. Шелестъ шолковаго платья... Это она.

Адельгейда постучала, онъ не отвѣчалъ. Она отворила дверь, вошла, но тотчасъ отступила, едва удержавшись отъ крика. Въ комнатѣ на деревянномъ табуретѣ, за простымъ сосновымъ столомъ, спиною къ двери сидѣлъ монахъ! Не ошиблась ли она дверью? Изъ-подъ капюшона выбивалась прядь бѣлокурыхъ волосъ, и лишь это удержало ее отъ отступленія. Монахъ медленно поднялъ голову, обернулся, она узнала его профиль, казавшійся въ сумеркахъ блѣднымъ. Совсѣмъ тихо и не безъ трепета она подкралась къ нему и опустила руку на его голову.

— Какъ ты испугалъ меня!—шепнула она.

— Испугалъ? Чѣмъ? — спросилъ онъ, вставъ и подавая ей стулъ:—моею рясою? Но вѣдь это—мое рабочее платье.

— Развѣ ты всегда носишь такой шлафрокъ? — спросила она наивно. Онъ обидѣлся.

— Конечно, вы не можете понять, какое значеніе имѣетъ для насъ рабочій костюмъ! Неужели ты думаешь, что если я надѣну фракъ, то мнѣ придутъ въ голову такія же мысли, какія являются съ этою рясой?

— Конечно нѣтъ, — согласилась Адельгейда; особенности Андреаса начинали смущать ее, но онѣ были такъ интересны! У замѣчательныхъ людей бываютъ свои фантазіи, а въ его фантазіи есть особый шикъ.

— Я понимаю тебя, Андреасъ, и понимаю, какъ ты пишешь...

— Я пишу по-католически!—рѣшительно заявилъ онъ, глядя куда-то въ окно. Его ряса и полумракъ въ комнатѣ пронизывали ее ощущеніемъ сладкаго ужаса. Она радовалась своему выбору: ни фрау Моръ, ни коммерціи совѣтница Вешереръ, ни сама Лиззи Лаффе—никогда не переживали ничего подобнаго. Онъ былъ достоинъ ея любви, притомъ ряса шла къ нему.

Она нѣжно заглянула ему въ лицо, поблѣднѣвшее отъ думъ и аскетической жизни. Онъ еще не успѣлъ поправиться послѣ вегетаріанскаго „menu", связаннаго съ эпохою кафѣ „Ура!". Почему онъ даже не спрашиваетъ ее, отчего она опоздала?

— Ты можешь придти во всякое время, и я долженъ быть благодаренъ тебѣ,—отвѣтилъ онъ тономъ, въ которомъ слышалось:—Если такъ надо, я готовъ и совсѣмъ отъ этого отказаться.

Онъ холодно скользнулъ взоромъ по ея пышной фигурѣ въ платьѣ tailleur. Адельгейда почувствовала острую боль при мысли, что ею пренебрегаютъ, и со вздохомъ схватилась рукою за сердце.

— Мнѣ нехорошо!—прошептала она.

Андреасъ поддержалъ ее; онъ почувствовалъ, что не будетъ въ состояніи перенести ее на диванъ. Она сама это поняла, и потому откинулась на спинку кресла. Андреасъ предложилъ открыть окно.

— Нѣтъ, не надо. Поболтаемъ... Я еще не знаю, какъ тебѣ понравился третій актъ. А читалъ ты рецензію д-ра Абеля?

Она говорила очень быстро для того, чтобы заглушить свои опасенія. Неужели она стара, слишкомъ стара для него? Неужели онъ ею пренебрегаетъ?

— Ужасный вздоръ!—сказалъ Андреасъ, и, взявъ „Курьеръ", онъ сталъ читать, комически подчеркивая главныя мѣста: „Новая звѣзда на драматическомъ горизонтѣ... Геніальный синтезъ дифференцированной общественной психологіи... Наполеоновское движеніе массъ"...

Андреасъ принялъ надлежащую позу и заговорилъ, подражая элегантному д-ру Бединеру:

— Понятно само собою, что въ передовицахъ мы поддерживаемъ здоровую либеральную, соотвѣтствующую интересамъ имущественныхъ классовъ политику, и оправдываемъ гнуснѣйшихъ владѣльцевъ фабрикъ. Но въ фельетонѣ мы принимаемъ сторону угнетенныхъ—слѣдствіе присущаго намъ чувства справедливости. Мы смотримъ на себя какъ на органъ духовной нѣмецкой культуры.

Онъ поднялъ лѣвую бровь, какъ бы выбрасывая моноклъ. Адельгейда, придя въ восторгъ, захлопала въ ладоши.

— Какой ты талантливый! Ты все можешь!

— А Клемпнеръ? — продолжалъ польщенный Андреасъ: — развѣ это благородно? Сидя за твоимъ столомъ и въ другихъ богатыхъ домахъ, онъ въ то же время предавалъ имущественный классъ поруганію и посмѣянію. Что ты объ этомъ скажешь? Я скажу: гадко!

— И ты правъ. Ты—благородный человѣкъ.

Въ ея кругу еще никто не подумалъ о томъ, что высказалъ Андреасъ, и его деликатность преисполнила ее искреннимъ восхищеніемъ.

— Ты благороденъ, — повторила она, и подумала, что онъ не продалъ бы ее, какъ Ратиборъ.

Успѣхъ обезоружилъ Андреаса. Онъ простилъ ей черезчуръ нѣжное письмо, которое онъ написалъ ей, и часъ ожиданія. Она была наказана, и теперь онъ могъ смягчиться. Онъ ближе придвинулъ къ ней стулъ и, обнявъ ее, шепнулъ: — Какая ты милая! Будь всегда такою. Хорошо?

— Ты благороденъ, — повторила она, тая подъ впечатлѣніемъ его невиннаго взора и ласковаго голоса.

— Мнѣ нравится твоя шея!—сказалъ онъ, коснувшись губами нѣжной бѣлой кожи ея двойного подбородка:—какая чудная линія подбородка!

— Ты благор...—Она не докончила.

Андреасъ неожиданно для себя искренно увлекся и былъ польщенъ своею побѣдою. Затѣмъ онъ вспомнилъ, что еще не прочелъ ей своихъ стиховъ. Подавляя легкую зѣвоту, она согласилась, но тутъ же фантазія ея заработала. Блѣдный поэтъ въ рясѣ,—она не позволила ему снять ее,—осыпающій ее, во грѣхѣ любимую, розами своего вдохновенія! Онъ читалъ рѣзкимъ голосомъ, сопровождая чтеніе торжественными жестами. Нравится ли ей нюансировка чувствъ? Чувствуетъ ли она настроеніе сумеречныхъ ароматовъ, красокъ и тоновъ? Адельгейда отвѣчала впопадъ, она выказала понятливость и вставляла время отъ времени реплики:—Очень мило! Шикарно! Восхитительно!

Ода „Къ раскаянію!“ заставила ее расплакаться: ихъ любовь—грѣхъ! Андреасу пришлось утѣшать ее, и онъ заплакалъ вмѣстѣ съ нею. Нѣсколько успокоившись, они оба закурили. Въ это время часы пробили половину шестого, и Адельгейда вскочила.

— Вотъ такъ исторія! Я опоздаю домой.

Она подбѣжала къ зеркалу, спѣша привести въ порядокъ свой туалетъ. Андреасъ самодовольно слѣдилъ за нею глазами.

На ряду съ гордостью побѣдителя онъ ощущалъ благодар-

ность. У него была красивая возлюбленная изъ лучшаго общества. Кто бы это подумалъ? Еслибы въ Гумплахѣ объ этомъ знали! Ея нѣсколько отяжелѣвшая красота неожиданно плѣнила бѣднаго молодого человѣка, всегда жившаго впроголодь, довольствовавшагося зачастую вегетаріанскимъ „menu“ и случайными ласками худосочныхъ дѣвицъ. Въ объятіяхъ Адельгейды въ немъ впервые проснулись темпераментъ и жажда наслажденій, сдерживаемые до сихъ поръ нищенскимъ режимомъ.

Она съ кокетливою улыбкою повернулась къ нему, стоя у зеркала и держа шпильки въ зубахъ. Она тоже была преисполнена гордости и признательности: ей удалось побѣдить скромнаго, набожнаго молодого человѣка съ суровыми принципами. Какъ сумѣетъ она намекнуть фрау Моръ и фрау Пимбушъ о своемъ новомъ счастьѣ! Онъ будетъ скроменъ: у него такая благородная натура. Ратибору она отомстила. Какъ глупа она была, опасаясь, что Андреасъ найдетъ ее слишкомъ старою! Madame de Chaulnes права: въ глазахъ буржуа герцогинѣ всегда будетъ тридцать лѣтъ.

Онъ не броситъ ее, такъ какъ у него нѣтъ денегъ, и будущность его—у нея въ рукахъ. Ея мечтою всегда было — создать долговременныя любовныя обязательства на почвѣ дружескаго довѣрія, и въ сорокъ-пять лѣтъ она была готова со свойственною ей воспріимчивостью цѣликомъ уйти въ интересы новаго возлюбленнаго, дѣлить съ нимъ его ощущенія и склонности, подражать его манерѣ выражаться, приспособляться къ нему, словно это должно было длиться цѣлый вѣкъ. Со спортсмэномъ она думала только о лошадяхъ; съ музыкантомъ такъ усердно посѣщала концерты, что заболѣла галлюцинаціей слуха; въ угоду банкиру Ратибору она стала спекулянтшей и обманывала мужа не только въ своемъ будуарѣ, но и на биржѣ. Съ Андреасомъ она ощутила небывалый нравственный и умственный подъемъ.

Онъ подошелъ къ ней, разглядывалъ ея туалетъ, поинтересовался цѣною шолка на юбкѣ. Она разсмѣялась.

— Какой ты ребенокъ!

— А что это у тебя за духи? Grab-apple? Ты такъ хорошо пахнешь.

Она полузакрыла глаза и откинула голову назадъ.

— Ты находишь меня красивою?

— Вотъ еще вопросъ!

Онъ обнялъ ее, но она освободилась. Онъ растреплетъ ей прическу, а она не захватила съ собою щипцовъ для завивки. Когда она надѣла шляпу и завязала вуаль, Андреасъ сѣлалъ

плачущее лицо. Онъ не понимаетъ въ сущности, что̀ заставляетъ ее уходить?

— Онъ еще спрашиваетъ! У меня гостиная полна людей. Хорошо, если Аста принимаетъ за меня... Не скучай, мое сокровище. Мы будемъ видѣться каждый день. А можетъ быть ты пріѣдешь ко мнѣ черезъ полчаса?

Онъ отскочилъ, пораженный ужасомъ. Какъ? Послѣ этого свиданія онъ явится къ ней въ домъ, какъ посторонній человѣкъ, и станетъ пить чай съ ея гостями?! Его гумплахская мораль была возмущена.

Адельгейда не поняла причину его волненія. Онъ нагналъ ее у двери, она коснулась губами его уха:

— Завтра въ три.

Она захлопнула ему дверь передъ носомъ. Андреасъ упалъ на стулъ.

Она принадлежала ему! Этотъ изумительный фактъ заставилъ его покачать головою. Думая о невѣроятномъ и, тѣмъ не менѣе, осуществившемся, онъ повторилъ нѣсколько разъ, все возвышая голосъ:

— Госпожа генеральная консульша Тюркгеймеръ!

Этотъ титулъ казался ему чѣмъ-то сказочнымъ; его самого словно повысили въ чинѣ. Онъ не зналъ, которая изъ двухъ половинъ—генералъ или консулъ—болѣе импонировала ему? Цѣлое было во всякомъ случаѣ фантастично.

— Г-жа генеральная консульша и притомъ — изъ Пуэрта-Вергонья! Еслибы въ Гумплахѣ это знали! При мысли о землякахъ, онъ соскочилъ со стула, высоко подпрыгнулъ отъ радости и принялся исполнять побѣдный танецъ каннибаловъ. Когда онъ остановился, въ дверяхъ стоялъ Кёпфъ.

— Что̀ это у васъ? Торжество по случаю закладки зданія?— спросилъ онъ, улыбаясь веселому монаху.

— Вотъ именно! — воскликнулъ запыхавшійся Андреасъ:— чудное зданіе, большое, богатое! Оно называется Адельгейда Тюркгеймеръ!

— Поздравляю! — Кёпфъ былъ искренно изумленъ.—Вы довольны?

— Я думаю... Роскошнѣйшая женщина, какую я видѣлъ въ моей жизни. Какія плечи! Какая талія — нѣчто могучее, великолѣпное.—И онъ принялся декламировать:

Diese schönen Gliedermassen
Kolossaler Weiblichkeit...

— Это изъ Гейне,—прибавилъ онъ съ гордостью.

VII.—Политика и народное хозяйство.

Десять дней прошли какъ въ чаду. Цѣлое утро и цѣлый вечеръ Адельгейда проводила полулежа на подушкахъ дивана, въ мечтахъ о блаженствѣ, осуществлявшихся послѣ завтрака. Фрау Моръ и Пимбушъ ожидали ее съ чаемъ въ желтой гостиной, куда она входила запыхавшаяся и веселая. Ей не нужно было возбуждать словами зависть пріятельницъ. Ея блистательная блѣдность, влажный, не нуждавшійся въ атропинѣ взоръ—ясно говорили о ея торжествѣ. Фрау Моръ, замѣтившая наканунѣ, что Адельгейдѣ можно дать не болѣе двадцати-пяти лѣтъ, заявляла сегодня:—Милочка, ты опять помолодѣла на пять лѣтъ.

— Скажите мнѣ: какой вашъ режимъ?—спрашивала фрау Вешереръ, расфранченная шестидесятилѣтняя дама, распространявшая запахъ крѣпчайшихъ духовъ.

Андреасъ тоже расцвѣлъ; щеки его, къ тайному огорченію Адельгейды, округлились и порозовѣли. Онъ облѣнился и основательно кушалъ по три раза въ день. Утоливъ голодъ кровавымъ ростбифомъ, кусочкомъ дичи, дюжинами двумя устрицъ, орошенныхъ бутылкою добраго вина, онъ ощущалъ глубокій душевный миръ и глубже погружался въ красное плюшевое кресло. Голова его поникала на грудь, онъ засыпалъ. Однажды остававшаяся у него во рту сигара упала на пластронъ рубашки и прожгла ее до кожи.

Послѣ недѣли подобной жизни Андреасъ рѣшилъ, что никогда еще ему такъ хорошо не жилось. Сонливость его распространялась на цѣлый день, его охватывала непобѣдимая лѣнь, и ему случилось задремать въ присутствіи Адельгейды. На прощанье она посовѣтовала ему чаще видѣть людей. Почему онъ запирается у себя? Это вредно.

— Тебѣ слѣдовало бы показаться у меня.

— Это неприлично.

— Напротивъ. Именно твое отсутствіе подтверждаетъ догадки.

— А развѣ догадываются?

Адельгейда пустила въ ходъ всѣ средства для того, чтобы убѣдить его. Пусть ея пріятельницы его увидятъ. Какъ онѣ станутъ ей завидовать! Этотъ аргументъ подѣйствовалъ. Андреасъ согласился придти, но съ тѣмъ, чтобы идти сейчасъ вмѣстѣ съ нею. Она испугалась. Для чего безъ нужды афишировать ихъ отношенія? Но Андреасъ вдругъ заупрямился: или сейчасъ, или

никогда. Адельгейда со вздохомъ уступила. Шелъ дождь, пришлось взять экипажъ, она сама опустила шторы у кареты, но у подъѣзда дома уже стояло купэ, изъ котораго вышла фрау Пимбушъ.

— Ахъ, милая Адельгейда, я чуть не забрызгала васъ грязью на вашемъ собственномъ подъѣздѣ! Вотъ скандалъ!

Андреасъ вошелъ за дамами; никто не обратилъ на него вниманія, только сбѣгавшая уже съ лѣстницы маленькая фрау Гольдгерцъ, страшно куда-то торопившаяся, объявила, увидѣвъ его, что она останется еще на минуточку...

Въ чайномъ салонѣ уже сидѣли фрау Моръ и Вешереръ. Андреасъ поцѣловалъ руку послѣдней, но ощутилъ на губахъ вкусъ crême Simon, въ которомъ словно консервировалась эта шестидесятилѣтняя мумія. На ея поросшемъ плѣсенью лбу низко лежала бѣлокурая накладка, а струившійся отъ нея ароматъ крѣпкихъ духовъ, казалось, заглушалъ запахъ тлѣнія. Она благосклонно улыбнулась Андреасу, но тотъ нашелъ ее прямо ужасной.

Дамы набросились на Андреаса. Фрау Пимбушъ заявила, что онъ похожъ на Тангейзера, явившагося изъ грота Венеры. Фрау Моръ кротко его упрекнула, но хозяйка заступилась за него. Г. Цумзее проводитъ дни и ночи за работою.

— Нѣтъ, каковы эти поэты!—воскликнула, загадочно сверкая глазами, фрау Пимбушъ:—удивительно, какъ они выносливы! И вы долго намѣрены продолжать въ этомъ духѣ?

— Не злоупотребляйте поэзіей,—поддержала мумія:—у васъ утомленный видъ. А вы, милая Адельгейда, еще болѣе помолодѣли,—обернулась она къ фрау Тюркгеймеръ.

Андреасъ чувствовалъ себя неловко, и лишь улыбка фрау Моръ, говорившая: „Наслаждайтесь вашимъ счастьемъ, а я стану разливать чай!“, была единственнымъ оазисомъ, обѣщавшимъ ему успокоеніе.

Появленіе Лиззи Лаффе отвлекло отъ него дамскія стрѣлы. На ней было фіолетовое бархатное манто; она остановилась на порогѣ, занявъ всю ширину двери, такъ что Клемпнеръ и репортеръ Кафлишъ, ее сопровождавшіе, остались позади. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ она обозрѣвала общество какъ бы съ высоты трона, а затѣмъ походкою театральной королевы шумно и торжественно двинулась къ хозяйкѣ.

Кафлишъ отвелъ Андреаса въ сторону. Не замѣчаетъ ли онъ въ Лиззи нѣчто особенное? Это ея прощальный бенефисъ въ здѣшнемъ домѣ. Тюркгеймеръ безповоротно разстается съ нею. Ради кого — неизвѣстно. Многіе уже держатъ пари. Вѣроятно, какая-нибудь дѣвчонка? Его потянуло на простоту. На днях

онъ заявилъ, что не переноситъ шампанскаго, — это произвело впечатлѣніе.

— А Лиззи? Останется при Клемпнерѣ?

— Клемпнеръ — нѣчто неотъемлемое. Но за поклонниками дѣло не станетъ. Она все же „Брилліантовая Лиззи". Но безъ Клемпнера у нея ничего нельзя добиться.

Кафлишъ сообщилъ еще, что новый претендентъ на сердце Лиззи — нѣкто Рещинскій, сослуживецъ Гофштеттена, недавно пріѣхавшій въ Берлинъ. Андреасъ освѣдомился объ Астѣ, появленіе которой смутно страшило его. Кафлишъ расхохотался. Какъ? Развѣ онъ не знаетъ? Аста уже замужемъ; она обвѣнчалась инкогнито, и молодые проводятъ медовый мѣсяцъ въ Норвегіи. Зимою? Ничего не значитъ. У Асты Ибсеновскій жанръ, она катается на конькахъ по фіорду.

Андреасъ былъ пораженъ; родная дочь Адельгейды вышла замужъ, а они оба такъ были поглощены своею страстью, что она даже не упомянула объ этомъ! Онъ дѣйствительно вернулся изъ грота Венеры.

Принявъ самый непринужденный видъ, онъ подошелъ къ фрау Тюркгеймеръ и проговорилъ съ поклономъ:

— Я очень смущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ не поздравилъ васъ. Но я только-что услышалъ о свадьбѣ фрейлейнъ Тюркгеймеръ. Пожалуйста, простите мою кажущуюся невѣжливость.

— Вы напрасно извиняетесь, г. Цумзее. Всѣмъ намъ извѣстно, что вы усиленно работаете.

Этотъ обмѣнъ вѣжливостей очень позабавилъ дамъ, но хладнокровіе Андреаса произвело извѣстное впечатлѣніе. Клемпнеръ, словно выросшій послѣ успѣха „Мести", пожалъ руку „собрату". Правда ли, что онъ пишетъ пьесу? Андреасъ подтвердилъ; онъ чувствовалъ увѣренность въ себѣ и готовъ былъ подтвердить что̀ угодно.

— Вѣроятно, героиня ея — женщина, не удовлетворенная жизнью?—воскликнула фрау Пимбушъ.

— Вотъ какъ!—довольно сухо отозвалась Лиззи, но Андреасъ, видя себя предметомъ общаго вниманія, заявилъ, что при созданіи главной женской роли онъ именно имѣлъ въ виду многоуважаемую фрейлейнъ, и былъ бы счастливъ, еслибы...

— Ахъ, вотъ что̀!—протянула Лиззи, и, рѣшившись указать зазнавшемуся юношѣ его мѣсто, она, прежде чѣмъ его уничтожить, смѣрила его взглядомъ съ ногъ до головы.

— Я такъ и думала. Отъ этихъ неудовлетворенныхъ жен-

щинъ не знаешь, куда дѣваться. Каждый навязываетъ вамъ подобную роль. Это старо.

— Полноте, Лиззи!—вмѣшалась фрау Моръ, а фрау Тюркгеймеръ выдала свое волненіе невольнымъ неловкимъ движеніемъ руки, но Лиззи была неумолима.

— Слава Богу, я-то знаю театръ! Теперь въ модѣ народъ, а мы должны слѣдовать за модою. Наполеоновское движеніе массъ...

— Это — изъ рецензіи д-ра Абеля, — вставила Адельгейда.

— Ну, такъ что же?—возразила разсерженная Лиззи. — Теперь интересуются только народомъ. Вспомните мое слово: „Месть“ сдѣлаетъ школу...

— Школу — пожалуй,—возразила фрау Тюркгеймеръ, — но сборовъ она, кажется, не дѣлаетъ? Или ее еще даютъ?

Вызовъ былъ брошенъ. Андреасъ, радуясь, что о немъ забыли, отодвинулся вглубь, а Клемпнеръ укрылся за спиною Лиззи.

— Сборъ? — презрительно пожала плечами актриса: — мы, артисты, чужды такихъ торгашескихъ соображеній, когда дѣло идетъ о художественномъ произведеніи, подобномъ „Мести“. Въ Поземуккелѣ и Мезерицѣ...

— А! Въ Поземуккелѣ и Мезерицѣ?..

— Да! „Месть„ имѣла тамъ громадный успѣхъ. Въ провинціи найдется больше истинныхъ цѣнителей, чѣмъ здѣсь, среди тупоумнаго берлинскаго общества. А „женскія права“ уже стали достояніемъ улицы...

— Вы думаете? Если уже говорить объ улицѣ, то въ „Мести“ слишкомъ многое пахнетъ улицею... И вообще я позволяю себѣ считать такія нападки на имущественный классъ очень некрасивыми, когда онѣ исходятъ отъ людей, менѣе всего имѣющихъ право жаловаться на насъ...

Адельгейда едва не попрекнула Клемпнера своимъ гостепріимствомъ, но покуда она остановилась, чтобы перевести дыханіе, заговорила Лиззи.—„Непонятная женщина“ (такъ, вѣроятно, называется пьеса ея протеже?) трактуетъ, конечно, лишь о правѣ на любовь?—Лиззи побѣдоносно оглядѣлась кругомъ и проговорила, подчеркивая:

— Быть можетъ, о правѣ на любовь — въ извѣстномъ возрастѣ?

— Въ *вашемъ* возрастѣ, милѣйшая фрейлейнъ, такія шутки уже не своевременны!—отвѣтила Адельгейда самымъ оскорбительнымъ тономъ.

Голосъ ея дрогнулъ, хотя вообще она лучше владѣла собою;

она поблѣднѣла, между тѣмъ какъ Лиззи начинала багровѣть; вся перегнувшись и схватившись за брилліантовый аграфъ у горла, актриса, казалось, готова была ринуться на противницу.

— Львицы, защищающія своихъ дѣтенышей!—шепнулъ Кафлишъ сосѣдкѣ.

Андреасъ и Клемпнеръ, укрывшіеся за спинами своихъ покровительницъ, не знали сначала, какъ себя держать; но затѣмъ, вслѣдствіе молчаливаго соглашенія, они рѣшили, что мужчинамъ не стоитъ вмѣшиваться въ бабью перебранку, и деликатно отвели глаза въ сторону.

Дамы замирали отъ восторга; фрау Пимбушъ была близка къ обмороку — такъ она старалась сдержать смѣхъ. Фрау Вешереръ морщила лобъ, отъ чего онъ еще болѣе напоминалъ закопошившуюся плѣсень пруда; фрау Моръ успокоительно улыбалась, а Кафлишъ строилъ страшныя рожи.

Вошедшій съ Гольдгерцемъ, Тюркгеймеръ осторожно вмѣшался.

— Дамы о чемъ-то поспорили? Не могу ли я предложить свои услуги въ качествѣ честнаго маклера, какъ нашъ великій канцлеръ?

— Чисто литературный споръ,—пояснила Адельгейда, а Кафлишъ прибавилъ:—По поводу нѣмецкой духовной культуры.

Фрау Тюркгеймеръ, обращаясь къ мужу, небрежно заявила, что имъ необходимо устроить у себя драматическій вечеръ. Нужно какъ-нибудь оживить ихъ пріемы. Не правда ли?

Тюркгеймеръ галантно согласился.

— Ты, какъ всегда, права, Адельгейда. Мы обязаны сдѣлать что-нибудь для искусства.

— Имущественные классы — въ долгу передъ рыцарями духа,— подтвердила фрау Моръ.

— Король идетъ рука объ руку съ поэтомъ!—сказалъ Кафлишъ съ поклономъ въ сторону польщеннаго Тюркгеймера, который милостиво протянулъ обѣ руки Андреасу и Клемпнеру, выражая надежду, что они напишутъ что-нибудь для проектируемаго вечера. Взглядъ Адельгейды заставилъ его замолчать. Она сказала:

— Г. Клемпнеръ слишкомъ знаменитъ, его пьеса идетъ въ Поземуккелѣ и Мезерицѣ, а мы не можемъ утруждать знаменитыхъ людей нашимъ домашнимъ спектаклемъ...

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста!—прервала Лиззи самымъ медовымъ голосомъ.—Г. Клемпнеръ кончаетъ пьесу, написанную еще болѣе широкими штрихами, нежели „Месть“. Ничего подобнаго

ей еще не бывало, смѣю думать. Авторъ былъ бы счастливъ, многоуважаемая г-жа Тюркгеймеръ, еслибы могъ поставить эту пьесу, которая должна составить эпоху въ литературѣ, именно у васъ, передъ избраннымъ кружкомъ цѣнителей, прежде чѣмъ ее увидятъ широкіе круги публики...

Адельгейда не скрывала торжества, видя соперницу у своихъ ногъ. Какъ жаль, что г. Клемпнеръ создалъ новое грандіозное произведеніе! Они нуждаются именно въ одноактныхъ вещицахъ. Пусть молодые таланты попробуютъ свои силы: каждому—свой чередъ.

— Но какъ же безъ Клемпнера?..—растерялась Лиззи.

— Причины, по которымъ мы отказываемся отъ сотрудничества г. Клемпнера,—слишкомъ лестны для него.

— Вотъ именно—лестны!—подтвердилъ Тюркгеймеръ:—такой геніальный молодой человѣкъ!

Адельгейда пояснила: Дитрихъ Клемпнеръ слишкомъ опередилъ своихъ собратьевъ. Было бы несправедливо допустить его къ состязанію съ ними. Если его пьеса — „нѣчто небывалое", она убьетъ остальныя. Это было бы плохо для программы вечера...

— Плохо, плохо!—повторилъ Тюркгеймеръ, словно эхо.

— Но безъ Клемпнера программа будетъ неполна!—полуотчаянно настаивала Лиззи.

— Придется примириться съ ея неполнотою,—спокойно отвѣтила Адельгейда.

Клемпнеръ молчалъ, словно дѣло совсѣмъ его не касалось, предоставляя своей покровительницѣ унижаться понапрасну.

Лиззи перешла въ молящій тонъ. Первый успѣхъ еще ничего не значитъ. Публика забывчива. Успѣхъ „Мести" великъ, но сборовъ она уже не дѣлаетъ. Съ постановкою второй пьесы могутъ быть затрудненія, а представленіе ея здѣсь въ домѣ—могло бы обезпечить успѣхъ пьесы...

Адельгейда повела плечами. Фрау Лаффе несправедлива къ г. Клемпнеру. Ему ли, признанной знаменитости, нуждаться въ подобной рекламѣ? Въ такомъ случаѣ и Вольдемару Веннихену они могутъ оказать протекцію? Что такое ихъ домашній спектакль? Нѣтъ, геній не долженъ быть такъ скроменъ.

— Скроменъ только сбродъ!—заявилъ Кафлишъ, и Клемпнеръ, словно все это нисколько его не касалось, расхохотался первый.

Лиззи, понявъ, что дѣло проиграно, вся багровая, захотѣла отомстить.

— Странно, что вездѣ наталкиваешься на кружковщину; люди

какъ будто бы желаютъ служить интересамъ искусства, но это дѣлается для того, чтобы показать при бенгальскомъ освѣщеніи своихъ личныхъ питомцевъ...

Адельгейда сострадательно повела головою. Дамы хихикнули, навели на Лиззи лорнеты и отодвинулись отъ нея. Но Тюркгеймеръ выказалъ неожиданно большую подвижность и оживленіе. Покачиваясь, улыбаясь и потирая руки, онъ шутливо поклонился актрисѣ.

— Личные питомцы при бенгальскомъ освѣщеніи! Ловко сказано, уважаемая фрау Лаффѣ! У всѣхъ у насъ они имѣются, и дорогонько они обходятся намъ—эти личные питомцы!

Онъ захохоталъ и, дружески хлопнувъ Клемпнера по плечу, продолжалъ смѣяться ему въ лицо. Клемпнеръ тоже засмѣялся, и съ минуту они, раскрывъ ротъ, таращили другъ на друга глаза, покуда имъ обоимъ не стало неловко.

Лиззи поднялась, съ шумомъ отодвинувъ стулъ. Она окинула всѣхъ полнымъ презрѣнія взоромъ и двинулась къ двери трагической поступью развѣнчанной королевы. Клемпнеръ послѣдовалъ за нею, поджавъ хвостъ.

Андреасъ, на котораго эта сцена произвела удручающее впечатлѣніе, пользуясь уходомъ нѣкоторыхъ гостей, тоже хотѣлъ незамѣтно ускользнуть, но Тюркгеймеръ схватилъ его за руку и освѣдомился почти съ нѣжностью:

— Вы уже уходите, милѣйшій? Если вамъ нравится у насъ, пожалуйста бывайте чаще. Жена моя очень расположена къ вамъ, я случайно это знаю.

Онъ хитро улыбнулся и добавилъ:—И я также.

На лѣстницѣ Андреаса догналъ Кафлишъ.

— Знаете ли вы, какой подвигъ вы совершили? Нѣтъ? Вы оказали Тюркгеймеру величайшую услугу, которую онъ никогда не забудетъ. Благодаря вамъ, онъ отдѣлался отъ Лиззи, о чемъ давно мечталъ. Изъ-за васъ она нагрубила Адельгейдѣ, и та, конечно, отомстила: знаете, по пословицѣ: „Бей моего жида, я стану бить твоего жида“?..

— Къ чему ваши цитаты?

— А вотъ къ чему. Теперь вы у Тюркгеймера — свой человѣкъ. Ваша будущность обезпечена. Невинность—лучше всякой политики, это ясно каждому.

И онъ исчезъ, оставивъ Андреаса въ задумчивости среди орхидей и кактусовъ, украшавшихъ лѣстницу.

Съ нѣм. О. Ч.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

НЫНѢ И ТОГДА

1600 — 1900 гг.

— La Crise révolutionnaire, 1584—1614, par K. Waliszewski.

> En énergies de toute nature, la Russie est un pays de longue accumulation et de brusque détente.

Кризисъ, переживаемый нынѣ Россіею, приводитъ мысль къ невольному сопоставленію съ эпохой великихъ потрясеній, которыя испытало московское государство три вѣка тому назадъ. Правда, ближайшіе политическіе поводы къ обоимъ этимъ государственнымъ и народнымъ кризисамъ, да и самый ходъ народныхъ движеній въ ту эпоху и въ наше время существенно различны. Но сравненіе все-таки напрашивается само собой уже потому, что объ эпохи представляютъ тѣ именно два русскія революціонныя движенія, которымъ несомнѣнно присущъ характеръ народный.

Совсѣмъ иное свойство и несравненно меньшее значеніе имѣли политическіе перевороты, ознаменовывавшіе послѣ-петровскій, такъ называемый „петербургскій“ періодъ исторіи, которому въ наше время, очевидно, наступаетъ конецъ. Въ переворотахъ этихъ, какъ почти случайныхъ революціяхъ дворцовыхъ и военныхъ, элементъ народный не игралъ никакой роли.

Но иначе представляются — революціонное движеніе начала XVII столѣтія, которое довело было Россію до политической, а

отчасти и общественной анархіи,—и современное „освободительное движеніе“, быстро сообщившееся народной массѣ и сразу поднявшее въ ней уровень политическаго сознанія.

„Годы 1610—1612, когда передъ вторженіемъ чужеземнымъ, угрожавшимъ ея независимости, и подъ натискомъ внутренней смуты, разрушавшей строй политическій и общественный, Москвѣ оставался, повидимому, только выборъ между сдачей передъ той или другой изъ этихъ силъ,—были такимъ кризисомъ, когда въ дѣйствительности стучалась въ ворота революція. Необузданные порывы къ свободѣ, смѣлыя попытки ограниченія царской власти, еще болѣе отважныя стремленія къ ниспроверженію всего существовавшаго строя—всѣ эти явленія сдѣлались извѣстны Россіи еще на зарѣ семнадцатаго вѣка. Даже внезапное осуществленіе идеала полной анархіи могло въ то время казаться близкимъ. И вотъ почему тѣ событія, которыя уже удалены отъ насъ на три вѣка, и которыя мнѣ предстоитъ излагать, могутъ казаться, тѣмъ не менѣе, какъ бы близкими къ современности, которой намъ довелось быть удивленными свидѣтелями“...

Эти слова принадлежатъ автору новѣйшаго изслѣдованія о „смутномъ времени“, вышедшаго въ текущемъ году на французскомъ языкѣ, г. Валишевскому. Въ исторической литературѣ онъ сразу сдѣлалъ себѣ имя книгой о Екатеринѣ II, сочиненіемъ, которое по тщательному собранію показаній современниковъ этой государыни, сопоставленныхъ съ ея перепиской, заслуживало болѣе серьезнаго названія, чѣмъ избранное авторомъ заглавіе: „Романъ Императрицы“ [1]). Книга эта имѣла большой успѣхъ заграницею и выдержала уже 15 изданій. Дополненіемъ къ ней служитъ этюдъ „Вокругъ престола“, посвященный государственнымъ людямъ и фаворитамъ того же царствованія. За этими сочиненіями слѣдовали: характеристика Петра Великаго, два изслѣдованія, обнимающія послѣ-петровскій періодъ до Екатерины II, наконецъ, книга о Грозномъ. Кромѣ того, Валишевскимъ издана еще біографія Маріи-Людвики, жены короля Яна Собѣсскаго, съ заглавіемъ: „Marysiénka“.

Такимъ образомъ, историческія монографіи французскаго автора, включая вышедшую нынѣ, обнимаютъ періоды съ половины XVI и до конца XVIII столѣтій. Не считая себя вправѣ давать оцѣнку научнаго ихъ значенія, отмѣтимъ только, что труды эти свидѣтельствуютъ о достаточномъ ознакомленіи автора съ

[1]) Le Roman d'une Impératrice.—Autour d'un trône.—Pierre le Grand.—L'Héritage de Pierre le Grand.—La Dernière des Romanov.—Ivan le Terrible.

главными источниками и со взглядами русскихъ историковъ, заключаютъ и нѣкоторыя малоизвѣстныя данныя, а главное, представляютъ собой очерки, въ которые вошли результаты отдѣльныхъ изслѣдованій по вновь открытымъ источникамъ, такъ что изложеніе событій каждой эпохи является уже на уровнѣ современныхъ пріобрѣтеній науки.

Сверхъ того, и независимо отъ тѣхъ недостатковъ, какіе могутъ быть указаны русскими историками, очерки Валишевскаго представляютъ, собственно для публики, достоинство сжатости изложенія, легкости литературнаго языка, оригинальности нѣкоторыхъ взглядовъ, изящной формы, а иногда и остроумныхъ сопоставленій.

I.

Обращаясь къ той темѣ, которая затронута въ предисловіи къ книгѣ, гдѣ „смутное время“ начала семнадцатаго столѣтія названо первымъ „революціоннымъ кризисомъ“ въ Россіи, позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что авторъ имѣлъ на это несомнѣнное право. Онъ оговаривается, впрочемъ, что хотя разсказъ о той эпохѣ, читаемый въ свѣтѣ современныхъ намъ событій, и представляетъ нѣкоторый parfum d'actualité, но это является помимо его воли, такъ какъ онъ приступилъ къ настоящему своему труду раньше тѣхъ потрясеній, какія представились въ войнѣ съ Японіей и настоящемъ внутреннемъ кризисѣ въ Россіи. Поэтому авторъ предваряетъ читателя, что если книга навела бы этого послѣдняго на нѣкоторыя сближенія, то это явится независимо отъ воли автора, который вовсе не имѣлъ намѣренія выходить изъ своей роли повѣствователя и критика исторической достовѣрности фактовъ.

Но въ томъ же предисловіи, написанномъ уже подъ вліяніемъ современныхъ впечатлѣній, онъ замѣчаетъ, что какъ бы то великое движеніе, которое нынѣ охватило 130-милліонный народъ, ни казалось неожиданнымъ и внезапнымъ, можно, однако, найти связь между нимъ и прежними, хотя бы отдаленными движеніями того же рода. „Воображать себѣ, что этотъ народъ до послѣдняго времени переносилъ безъ возмущенія господство грубой силы и даже, порой, самъ поддавался подъ это иго, не раскаиваясь въ томъ впослѣдствіи, — говоритъ авторъ, — было бы большой ошибкой“.

Спрашивается, однако, умѣстно ли называть „смутное время“ — „революціоннымъ кризисомъ“, какъ то сдѣлалъ авторъ, когда

прямымъ поводомъ къ смутѣ послужило прекращеніе старой династіи, а самая смута привела только къ утвержденію новой династіи, по связи свойства, съ возстановленіемъ того же самодержавнаго строя? Но едвали необходимо ограничивать понятіе о революціонныхъ кризисахъ такъ, чтобы оно могло быть примѣняемо только къ полнымъ переворотамъ политическаго строя. Намъ кажется, что понятіе это вполнѣ примѣнимо и къ тѣмъ народнымъ движеніямъ, которыя имѣли смыслъ протеста противъ бытовыхъ условій, связанныхъ съ данной политической формой, хотя бы даже то или другое движеніе и не привело къ ея отмѣнѣ непосредственно или въ близкомъ времени.

Такъ, вполнѣ возможно видѣть революціонные кризисы въ возстаніи Спартака въ древнемъ Римѣ и въ крестьянскихъ войнахъ во Франціи и Германіи. Съ другой стороны, и въ числѣ возстаній, признаваемыхъ революціями, бывали такія, за которыми слѣдовали реставраціи, и еще такія, которыя не измѣняли формы правленія, а приводили только къ перемѣнѣ династіи.

Въ этомъ смыслѣ и „смутное время“ несомнѣнно представляется кризисомъ революціоннымъ. Оно не было вызвано появленіемъ самозванца, но, наоборотъ, появленіе самозванцевъ было вызвано накопленіемъ народнаго страданія и назрѣваніемъ въ массахъ протеста противъ крутыхъ мѣръ, сопровождавшихъ московскую централизацію, противъ народнаго закабаленія и истощенія.

Правда, протестъ этотъ мало измѣнилъ условія быта; въ народѣ, подъ страхомъ полной анархіи и окончательнаго паденія не только государства, но и всякаго порядка, возобладалъ, наконецъ, инстинктъ самосохраненія, и рѣка, выступившая изъ береговъ, покрывшая землю широкимъ разливомъ, возвратилась въ прежнее русло. Надъ страстью протеста взяло верхъ опасеніе гибели, и народное движеніе испытало реакцію, которая удовольствовалась изгнаніемъ чужеземцевъ и возстановленіемъ безопасности.

Прекращеніе Рюриковскаго рода послужило только поводомъ для народнаго протеста противъ крутыхъ мѣръ, сопровождавшихъ укрѣпленіе московской государственности, а не самой причиною смутнаго времени. Между тѣмъ, дальнѣйшее усиленіе государственности, упроченіе крѣпостного права и увеличеніе народной тяготы для расширенія государства порождали мѣстные взрывы народнаго протеста, изъ которыхъ наиболѣе широкимъ и опаснымъ явилось Пугачевское возстаніе. Оно бросаетъ свѣтъ и на характеръ великаго мятежа, названнаго смутнымъ временемъ. Пугачевщина, очевидно, явилась какъ

протестъ противъ упроченія и расширенія крѣпостного права, преслѣдованія раскольниковъ и умноженія воинской и другихъ повинностей. А народный протестъ и на этотъ разъ выразился въ національной формѣ появленія самозванца.

Можно, конечно, замѣтить, что какъ бы то ни было, но послѣ революціоннаго кризиса начала XVII-го столѣтія прошло безъ малаго триста лѣтъ, а все-таки продолжалъ существовать режимъ суровой централизаціи, сдавливавшій народное развитіе, петербургскій бюрократизмъ, еще болѣе тяжелый, чѣмъ московское приказное начало съ его волокитой и лихоимствомъ. Но, вотъ, къ этому-то факту и примѣнимы начальныя слова предисловія г. Валишевскаго: „la Russie est un pays de longue accumulation et de brusque détente". Да, неумолимый, мертвенный бюрократизмъ царствовалъ еще триста лѣтъ послѣ первыхъ попытокъ къ ограниченію царской власти при Самозванцѣ, при Шуйскомъ, при королевичѣ Владиславѣ и при родоначальникѣ династіи Романовыхъ. И всего три года назадъ бюрократизмъ нашъ находился въ своемъ апогеѣ, а теперь мы уже имѣли Государственную Думу съ радикальнымъ большинствомъ, и въ этой Думѣ представители отъ крестьянъ говорили о землѣ и волѣ и нисколько не высказывались въ защиту самодержавія. Вотъ какія быстрыя перемѣны могутъ слѣдовать за вѣковыми періодами терпѣнія и назрѣванія протеста.

Но такъ было и передъ тѣмъ революціоннымъ кризисомъ, который доселѣ, по цензурнымъ причинамъ, носилъ нейтральное названіе „смутнаго времени". Періодъ установленія московской государственности, если его принять отъ начала управленія Ивана Даниловича Калиты до смерти Бориса Ѳедоровича Годунова, обнималъ также болѣе двухъ съ половиной вѣковъ. А какова была суровость тѣхъ средствъ, которыя были употреблены въ теченіе этого періода для сплоченія великорусскаго ядра, для постепеннаго расширенія государства, созданія строгой централизаціи—это легко характеризовать немногими словами, за каждымъ изъ которыхъ открывается цѣлая перспектива народныхъ жертвъ. Для достиженія этой цѣли пришлось вначалѣ прибѣгать къ помощи ордынской силы, къ погубленію многихъ соперниковъ, а впослѣдствіи—къ запрету брака для ближайшихъ родственниковъ правителя или къ тайному истребленію ихъ потомства, потребовались переходъ отъ вѣчевыхъ порядковъ къ погромамъ Грознаго, къ узаконенію кабалы и, наконецъ, къ отмѣнѣ права перехода крестьянъ, то-есть, къ такой мѣрѣ, которая приравняла вольныхъ земледѣльцевъ съ кабальными.

Отъ такого деспотическаго режима народъ сталъ бѣжать на востокъ, колонизируя Приволжье и Пріуралье, а также—въ южныя земли привольныя, въ казачество. Но [и въ центральныхъ областяхъ московскаго государства образовалось, къ началу XVII-го столѣтія, цѣлое подвижное море бѣглецовъ, оторвавшихся отъ земли, отъ рода и племени, подлежавшихъ преслѣдованію, ставшихъ внѣ закона, враждебныхъ всему существовавшему строю. Оставалось только прійти удобному случаю, чтобы всколыхнуть это внутреннее море, постоянно нараставшее въ глубину, какъ бы лишенное дна, море, не знавшее и какихъ-либо береговъ гражданскаго долга и солидарности съ жестокими условіями государственнаго быта.

Великихъ жертвъ потребовало отъ народа сплоченіе московскаго государства на началахъ единовластія и приказнаго управленія, чуждыхъ вѣчевой старинѣ, но обезпечивавшихъ большую внѣшнюю силу. Г. Валишевскій въ своемъ предисловіи кратко опредѣляетъ московскій строй словами, что режимъ этотъ создавалъ политическое величіе вмѣстѣ съ бѣдственнымъ положеніемъ народа. И въ самомъ разсказѣ о причинахъ кризиса и о томъ приближеніи къ анархіи, которое, наконецъ, выразилось въ мятежѣ Болотникова, прямо направленномъ противъ высшихъ классовъ, и въ подвигахъ шаекъ Заруцкаго, Лисовскаго, Ляпунова—онъ отмѣчаетъ въ кризисѣ важную роль всякаго рода бѣглыхъ и хищниковъ.

Но, какъ намъ кажется, авторъ недостаточно останавливается надъ отдѣльными мѣрами и явленіями, которыя вызывали это разложеніе въ народной массѣ. Въ картинѣ смутнаго времени у Костомарова,—хотя онъ и избѣгаетъ общихъ опредѣленій, выраженныхъ въ точныхъ формулахъ,—эта бытовая сторона развита несравненно глубже и полнѣе. Изъ его классическаго труда, который первоначально печатался въ „Вѣстникѣ Европы“ ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ [1]), мы позволимъ себѣ сдѣлать сокращенную выписку для уясненія того бѣдственнаго положенія, въ которое былъ приведенъ народъ, и которое оправдываетъ представленіе о смутномъ времени именно какъ о народномъ протестѣ, о революціонномъ кризисѣ, вызванномъ чрезмѣрной государственной эксплоатаціею.

„Разныя вѣтви казенныхъ доходовъ отдавались откупщикамъ, получавшимъ грамоту, сколько слѣдуетъ брать; но это не соблю-

[1]) „Смутное время“. Первая статья первой книги „Вѣстника Европы“, вышедшей въ мартѣ 1866 г. Продолженіе—въ томъ же и слѣдующемъ году.

далось, дѣлалось много произвола и злоупотребленій. Продажа вина производилась отъ казны, и пьянство стало источникомъ царскихъ доходовъ. Распространеніе пьянства столько же и разоряло народъ, сколько его развращало; явилось много праздношатающихся, пропившихся, готовыхъ на всякое порочное дѣло. Борисъ покровительствовалъ закрѣпленію холоповъ; при немъ постановлено, что всякій вольный человѣкъ, прослужившій у господина добровольно около полугода, дѣлался его вѣчнымъ холопомъ, а это привело ко всевозможнымъ насиліямъ. Сельскіе люди, имѣвшіе право свободно переходить съ земли одного владѣльца на землю другого, при Ѳедорѣ были закрѣпощены и отданы произволу владѣльцевъ, поставлены почти наравнѣ съ кабальными. Главная тягость состояла въ томъ, что они должны были безвыходно жить въ одномъ мѣстѣ, тогда какъ это было противно вѣковымъ, дѣдовскимъ привычкамъ. Охота переходить должна была еще сильнѣе одолѣвать крестьянъ послѣ закрѣпощенія. А бѣглыхъ искали, преслѣдовали, они готовы были идти противъ закона и общества. Такимъ образомъ накопились громады людей, готовыя на всякую смуту. По дорогамъ нападали на проѣзжихъ, грабили и убивали въ городахъ по ночамъ; въ Москвѣ каждое утро привозили къ земскому приказу убитыхъ ночью и ободранныхъ на улицахъ.

„Страшный голодъ въ 1601 и 1602 годахъ довершилъ подготовку московской земли къ потрясеніямъ. Тогда многіе владѣльцы стали прогонять своихъ холоповъ, чтобы не кормить ихъ. Государство постигла такая бѣда, какой не помнили отцы и дѣды. Царь велѣлъ отпереть свои житницы и раздавать хлѣбъ дешевле ходячей цѣны; но въ московской землѣ, по замѣчанію современника, всѣ должностныя лица были воры; они раздавали хлѣбъ своимъ близкимъ или тѣмъ, кто дѣлился съ ними барышами. Народъ сталъ ѣсть всякую гадость, и множество людей умирало съ голоду. Было немало случаевъ людоѣдства. Въ одной Москвѣ погибло 127 тысячъ народа. Голодъ утвердилъ въ народѣ мысль, что царствованіе Бориса не благословляется небомъ, и все дурное, что происходило на Руси, ставили въ вину ему“...

II.

Трудъ Костомарова послужилъ и г. Валишевскому однимъ изъ главныхъ пособій. Разсказывая тѣ же событія, хотя въ болѣе сжатомъ видѣ, французскій авторъ, естественно, не разъ под-

ходитъ близко къ разсказу Костомарова, но иногда подтверждаетъ тѣ же факты еще и изъ другихъ источниковъ, кромѣ тѣхъ, на которые ссылается Костомаровъ. Естественно также, что взгляды авторовъ и расходятся въ зависимости отъ тѣхъ источниковъ, которымъ каждый изъ нихъ, въ томъ или другомъ случаѣ, отдаетъ предпочтеніе.

Несмотря, однако, на то сходство въ описаніи отдѣльныхъ эпизодовъ, которое обусловливается общими первоисточниками, трудъ г. Валишевскаго является самостоятельнымъ. Въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, составилась цѣлая новая литература о самозванцахъ и вообще о событіяхъ смутнаго времени. Однимъ отцомъ Пирлингомъ издано цѣлыхъ девять сочиненій, относящихся къ событіямъ той эпохи, причемъ имъ ближе изслѣдованы источники, хранящіеся въ Ватиканской библіотекѣ. Валишевскій воспользовался и нѣкоторыми неизвѣстными въ Россіи польскими изслѣдованіями. Но и русскіе источники, сочиненія и новѣйшіе этюды, являвшіеся въ историческихъ журналахъ, извѣстны ему хорошо. Одна библіографія по избранному имъ предмету занимаетъ въ его книгѣ 21 страницу мелкаго шрифта.

Послѣ вопроса о томъ, было ли потрясеніе, происшедшее въ тогдашней Россіи, вызвано главнымъ образомъ пресѣченіемъ династіи, или же это обстоятельство послужило только поводомъ къ возстанію, а кризисъ долженъ былъ произойти вслѣдствіе долговременнаго и чрезмѣрнаго обремененія народа тяготами для усиленія могущества государства—главнымъ и доселѣ неразрѣшеннымъ вопросомъ въ исторіи смутнаго времени представляется загадка о самой личности перваго „Самозванца“. За отсутствіемъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о жизни „Названнаго царя“ передъ появленіемъ его при дворѣ кн. Вишневецкаго, изслѣдователямъ представляется широкое поле для субъективнаго предпочтенія тѣхъ или другихъ современныхъ показаній и для оцѣнки степени важности отдѣльныхъ фактовъ, логической связи ихъ и характера самого героя той трагедіи.

Что кризисъ долженъ былъ произойти, хотя бы и не явился человѣкъ, выдавшій себя за сына Грознаго, это доказывается краснорѣчивыми фактами. Въ Сѣверщинѣ, еще въ 1603 году, когда мнимый Димитрій только-что прибылъ къ Вишневецкому, образовалось революціонное скопище, подъ предводительствомъ Хлопки Косолапаго, которое современники называли только большой разбойничьей шайкой, но которое, не провозглашая никакого новаго царя, шло прямо на Москву, причемъ вождь шайки, по приводимому Костомаровымъ свидѣтельству современника, „гро-

зилъ истребить и престолъ, и бояръ, и все, что было на Руси правительственнаго, властвующаго, богатаго и утѣсняющаго". Итакъ, первая, настоящая революціонная волна нахлынула-было на Москву безъ всякаго отношенія къ самозванцу. Царскому войску удалось отбросить и разбить ее.

Что касается второго главнаго вопроса, то Валишевскій ставитъ его такъ: „что Самозванецъ былъ подлиннымъ Димитріемъ, это въ настоящее время не можетъ быть доказано съ научной достовѣрностью (scientifiquement), и мнѣніе это основывается только на вѣроятностяхъ. Но зато тезисъ противоположный, теперь, также какъ и въ прежнее время, утверждается только на такихъ данныхъ, которыя признаны неточными, недостаточными или нелѣпыми".

Костомаровъ въ „Смутномъ времени", передавъ результаты слѣдственнаго дѣла о смерти царевича Димитрія, произведеннаго Шуйскимъ, и разсказы нѣкоторыхъ современниковъ объ этомъ событіи, замѣчаетъ: „Но при всѣхъ извѣстіяхъ, русскихъ и иностранныхъ, событіе остается темнымъ для исторіи". Въ другомъ мѣстѣ Костомаровъ допускаетъ, что самъ Борисъ Годуновъ могъ „не быть увѣренъ въ смерти Димитрія; онъ не видалъ убійцъ его, да еслибы и видѣлъ, еслибы былъ вполнѣ убѣжденъ, что въ Угличѣ зарѣзали царственнаго отрока, то и тогда не могъ бы поручиться, что зарѣзанный былъ настоящій Димитрій, что царевича не спасли заранѣе и не подмѣнили другимъ мальчикомъ".

Въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ показанія царицы Марѳы, которая знала всю правду, и Костомаровъ отмѣчаетъ, что ее при слѣдствіи не спрашивали. Онъ же приводитъ свѣдѣніе изъ разсказа Исаака Массы, что въ 1604 г., когда „названный Димитрій" уже собиралъ въ Польшѣ войско, чтобы идти на Москву, Годуновъ лично допрашивалъ приведенную для того Марѳу, и на вопросъ: „живъ ли твой сынъ или нѣтъ?"—получилъ отъ нея отвѣтъ: „Я не знаю; мнѣ говорили, что моего сына тайно увезли изъ русской земли безъ моего вѣдома, а тѣ, что мнѣ такъ говорили, давно умерли",—и отвѣтъ этотъ разсердилъ царя Бориса.

Приведемъ по Костомарову еще отвѣтъ, приписываемый Марѳѣ другимъ иностранцемъ и данный будто бы ею, когда, послѣ убіенія мнимаго Самозванца, толпа приволокла трупъ его къ Вознесенскому монастырю и, вызвавъ царицу Марѳу, требовала, чтобы она сказала, ея ли это сынъ. Царица будто бы сказала: „было бъ меня спрашивать когда онъ былъ живъ; а теперь, какъ вы его убили, онъ уже не мой". Правда, Костомаровъ не довѣряетъ

подлинности этого отвѣта. Но какъ бы то ни было, вотъ тѣ единственные случаи, когда приписываемое Маѳѣ отношеніе къ убіенію ея сына или Самозванца не истекало, такъ сказать, изъ оффиціальной необходимости.

Во время слѣдствія она не сдѣлала никакого заявленія; царю Годунову она будто бы сказала, что ея малолѣтняго сына увезли изъ Россіи, а толпѣ, убившей Самозванца, по другому сказанію, она дала отвѣтъ загадочный. Затѣмъ, всѣ эти отзывы Маѳы, взаимно-противорѣчивые и потому не заслуживающіе довѣрія, были прямо продиктованы ей уже самой перемѣной обстоятельствъ. Передъ воцареніемъ Годунова царица признала, что сынъ ея умеръ; при вступленіи названнаго Димитрія въ Москву она признала его сыномъ, а по воцареніи Шуйскаго и открытіи имъ мощей мученика Димитрія, она будто бы передъ „всѣмъ народомъ“ признавалась, что сынъ ея былъ убитъ по велѣнью Годунова, а мнимый Димитрій „былъ разстрига, лютый еретикъ и чернокнижникъ“, о чемъ она не объявила раньше потому, что онъ запретилъ ей „злымъ запрещеніемъ“, въ чемъ она и кается. По крайней мѣрѣ, такое признаніе было приписано бывшей царицѣ Маріи (Маѳѣ) въ грамотѣ царя Василія Шуйскаго народу.

А что касается самой грамоты и другихъ заявленій самого Шуйскаго, который при слѣдствіи въ Угличѣ могъ узнать правду, то они опровергаютъ одно другое еще въ гораздо большей степени, чѣмъ показанія, приписываемыя царицѣ-инокинѣ Маѳѣ. По слѣдственному дѣлу, при жизни царя Ѳедора и правленіи Годунова, Шуйскій призналъ, что царевичъ Димитрій убилъ самъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни, а передъ вступленіемъ мнимаго самозванца въ Москву Шуйскій съ Лобнаго мѣста объявилъ народу, что Годуновъ посылалъ убить царевича Димитрія, но царевича спасли, а вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ. Затѣмъ тотъ же Василій Шуйскій руководилъ мятежомъ противъ мнимаго самозванца и лично направлялъ на него убійцъ, говоря: „Кончайте скорѣй съ воромъ Гришкой Отрепьевымъ“. А по своемъ воцареніи, онъ же разослалъ грамоту, въ которой совершенно опровергалъ прежнее свое дознаніе и излагалъ убіеніе царевича по повелѣнію Годунова и исторію о Гришкѣ Отрепьевѣ и Лжедимитріѣ, какъ она съ тѣхъ поръ всегда и признавалась оффиціально. Наконецъ, онъ же придумалъ открытіе мощей и перенесеніе ихъ изъ Углича въ Москву для того, чтобы самому утвердиться на царствѣ.

Признаніе царевича Димитрія святымъ и нахожденіе мощей

представили значительное затрудненіе для вполнѣ безпристрастнаго изслѣдованія всего дѣла о Самозванцѣ будущими историками. Едвали можно сомнѣваться, что не только Карамзинъ или Устряловъ, но и Соловьевъ были предрасположены къ признанію второй оффиціальной версіи Шуйскаго объ убіеніи въ Угличѣ истиннаго Димитрія по волѣ Годунова — отчасти потому, что иначе имъ пришлось бы отвергнуть явленіе мощей и признаніе царевича святымъ мученикомъ.

Костомаровъ уже и въ „Смутномъ времени" находилъ вторую версію Шуйскаго болѣе правдоподобной, чѣмъ его заключеніе по слѣдственному дѣлу. А черезъ семь лѣтъ, когда появился въ печати пространный разборъ слѣдственнаго дѣла, написанный г. Бѣловымъ въ смыслѣ нѣкотораго довѣрія къ факту самоубійства царевича, то Костомаровъ въ статьѣ „О слѣдственномъ дѣлѣ", напечатанной также въ „Вѣстникѣ Европы" [1]), высказалъ уже такое, вполнѣ опрѣдѣленное мнѣніе по этому поводу: „Кажется, едвали можно сомнѣваться въ истинѣ того факта, что Димитрій царевичъ былъ зарѣзанъ". Притомъ, Костомаровъ вѣрилъ, что убійство совершилось именно по указанію или внушенію Годунова. „Царь Ѳедоръ могъ скоро умереть,— говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—провозгласили бы царемъ Димитрія, Нагіе захватили бы власть и было бы первымъ ихъ дѣломъ погубить Бориса съ его семьей и родней. Не было для Бориса другого выхода: либо Димитрія сгубить, или самому со дня на день ждать гибели; человѣкъ этотъ уже привыкъ не останавливаться передъ выборомъ средствъ". Костомаровъ допускаетъ только, что Борисъ, „какъ умный человѣкъ", не давалъ прямого повелѣнія на убійство, но убійцы знали, что это дѣло будетъ угодно Борису, что оно—въ видахъ его.

Наконецъ, Костомаровъ отвергаетъ первую версію Шуйскаго уже и по соображенію чисто психологическому, потому что не считаетъ Шуйскаго способнымъ выставить въ церкви, на поклоненіе, остатки самоубійцы и допустить причисленіе его къ лику святыхъ, тѣмъ болѣе, что еслибы Шуйскій вѣрилъ тому, что самъ утверждалъ прежде, то-есть, что мальчикъ закололъ себя въ припадкѣ бѣшенства, то не рѣшился бы возвести въ святые того, кто, по понятіямъ тогдашняго времени, долженъ былъ представляться одержимымъ злымъ духомъ.

Замѣтимъ, что этотъ доводъ имѣетъ несомнѣнное значеніе по отношенію къ слѣдственному дѣлу, и онъ терялъ бы силу при

[1]) Сентябрь 1873 г., стр. 164.

предположеніи, что въ Угличѣ былъ похороненъ не самоубійца-Димитрій, а другой мальчикъ, поповъ сынъ.

Но обратимся теперь къ предположеніямъ г. Валишевскаго. Онъ является однимъ изъ сторонниковъ заявленнаго и нѣкоторыми новѣйшими русскими изслѣдованіями предположенія, что первый Самозванецъ могъ быть истиннымъ царевичемъ Димитріемъ. Какъ уже упомянуто выше, онъ признаетъ, что этотъ фактъ—въ настоящее время—не можетъ быть доказанъ научнымъ образомъ. Но, приводя всѣ свидѣтельства за и противъ, нашъ авторъ все-таки склоняется въ пользу предположенія о подлинности „названнаго" Димитрія. Но и въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій не было открыто документа, которымъ въ споръ по этому предмету вводился бы какой-нибудь важный новый фактъ, за исключеніемъ найденнаго польскаго оригинала одного письма Димитрія, или Лжедимитрія, къ папѣ, имѣвшагося раньше только въ латинскомъ текстѣ; а потому предпочтеніе, оказываемое г. Валишевскимъ свидѣтельствамъ въ пользу истинности названнаго Димитрія, зависитъ отъ его субъективнаго взгляда на степень достовѣрности разныхъ показаній, давно извѣстныхъ.

Но вѣдь то же самое надо сказать и о приверженцахъ гипотезы противоположной. А что касается документа только-что упомянутаго, то гг. Пташицкій и Бодуэнъ-де-Куртенэ доказали съ достаточной, по нашему мнѣнію, убѣдительностью, что польскій подлинникъ письма былъ написанъ русскимъ. Итакъ, документъ этотъ представляетъ важность только какъ опроверженіе высказывавшихся иными догадокъ, будто названный Димитрій былъ полякъ. Но для спора о томъ, былъ ли это истинный Димитрій, пробравшійся въ Польшу, или Гришка Отрепьевъ, попавшій туда же, оригиналъ этотъ не имѣетъ никакого значенія.

Сказаніе или легенда о томъ, какъ погибъ царевичъ, и о появленіи Гришки Отрепьева, „растриги, злаго еретика и чернокнижника", въ Польшѣ и при дворѣ самого короля является недостаточно доказаннымъ, но оно представляетъ связный разсказъ о цѣломъ событіи, хотя въ челобитной, приписанной Варлааму, есть явныя несообразности, указанныя самимъ Костомаровымъ. Однако разсказъ этотъ такъ уже усвоенъ всѣми, что отъ автора, который склоненъ считать Самозванца истиннымъ Димитріемъ, естественно было требовать объясненія, какъ онъ себѣ представляетъ возможность допустить, что царевичъ остался живъ, долго могъ укрываться и, наконецъ, открыть свое происхожденіе, уже въ чужой странѣ, гдѣ онъ могъ найти безопасность и даже ожидать

помощи. Вотъ почему, какъ надо полагать, г. Валишевскій развиваетъ свой тезисъ, такъ сказать, въ три пріема.

III.

Въ первый разъ онъ для того разбираетъ слѣдственное дѣло, веденное Шуйскимъ. Указать на пропуски и на разныя странности въ этомъ дѣлѣ представляется нетруднымъ. Слѣдователи не осматривали трупа жертвы, царица Марія (инокиня Марѳа) не была допрошена; показанія множества свидѣтелей, принадлежавшихъ къ различнымъ сословіямъ, слишкомъ тождественны, словно по выучкѣ, повторяютъ заявленіе мамки Волоховой объ игрѣ царевича въ тычку и пораненіи имъ себя взятымъ для этого ножомъ. Представляется маловѣроятнымъ, чтобы семилѣтнему мальчику, подверженному припадкамъ падучей болѣзни, позволили взять ножъ. Изъ Нагихъ, дядей Димитрія, двое, которые, впрочемъ, не были свидѣтелями самаго факта, показали, что царевичъ убился самъ, а третій, Михайло, одинъ изъ всѣхъ свидѣтелей, утверждалъ, что царевича зарѣзали Данило Битяговскій, сынъ надзирателя, сынъ мамки Осипъ Волоховъ и состоявшій при надзирателѣ Битяговскомъ Качаловъ. Но въ день убійства Михайло Нагой былъ совсѣмъ пьянъ, притомъ же онъ имѣлъ личную злобу противъ Битяговскаго, изъ-за денегъ. Иные свидѣтели показывали, что ранившій себя мальчикъ долго еще бился на рукахъ кормилицы Ждановой, а царица въ это время била полѣномъ мамку Волохову, кричала народу, что царевича зарѣзали Данило Битяговскій съ товарищами, и приказывала народу убить ихъ; а потомъ тѣмъ же полѣномъ билъ мамку Волохову братъ царицы, Григорій Нагой. Но такъ какъ никого изъ свидѣтелей на мѣстѣ преступленія не было, пока не ударили въ набатъ, то они только повторяютъ разсказъ той же мамки Волоховой. Валишевскій находитъ невѣроятнымъ, чтобы мать въ такую минуту оставила умиравшаго или хотя бы уже умершаго ребенка на рукахъ служанки, а сама занималась только мщеніемъ. Григорій Нагой который, хотя не видѣлъ самаго факта убійства или самоубійства, но засталъ царевича еще бившимся, также билъ мамку Волохову, а между тѣмъ онъ съ однимъ братомъ показалъ согласно ея же разсказу, что царевичъ убился самъ.

Затѣмъ спрашивается, почему не былъ допрошенъ третій изъ Нагихъ—Аѳанасій? Остается предположить, что онъ бѣжалъ изъ

Углича. Но почему онъ, а не другіе братья? Между тѣмъ, народъ, возбужденный Михайломъ Нагимъ, перебилъ предполагаемыхъ убійцъ, и Валишевскій высказываетъ догадку, что Нагіе, погубивъ ненавидимаго ими Битяговскаго, должны были затѣмъ поддерживать свое обвиненіе и на слѣдствіи, чтобы оправдать себя, но что двое изъ нихъ отказались отъ этого намѣренія, а настаивалъ на немъ только одинъ изъ братьевъ—Михайло.

Находя совсѣмъ неправдоподобнымъ, чтобы событіе 1591 года совершилось такимъ образомъ, какъ оно изложено въ слѣдственномъ дѣлѣ Шуйскаго, Валишевскій, на томъ же основаніи, не убѣждается и позднѣйшими заявленіями Шуйскаго, что царевичъ былъ убитъ въ Угличѣ и что названный Димитрій былъ именно Гришка Отрепьевъ. Авторъ считаетъ разсказъ, представленный въ слѣдственномъ дѣлѣ, нисколько не менѣе заслуживающимъ вѣры, чѣмъ позднѣйшее объявленіе того же Шуйскаго.

Но пропуски очевидные въ слѣдственномъ дѣлѣ авторъ сопоставляетъ съ характерными свидѣтельствами нѣкоторыхъ современниковъ-иностранцевъ. Таковы: разсказъ Флетчера, что уже ранѣе были покушенія на жизнь Димитрія; извѣстіе Исаака Массы, что при откопаніи въ 1606 году тѣла убитаго въ Угличѣ отрока въ одной рукѣ трупа былъ найденъ платокъ, а въ другой орѣхи; затѣмъ, повѣствованіе находившагося въ Ярославлѣ во время самаго событія 1591 года англійскаго агента Горсея, что черезъ нѣсколько дней послѣ предполагаемаго самоубійства царевича, когда уже было приступлено къ слѣдствію, къ нему ночью явился Аѳанасій Нагой, объявилъ ему о смерти царевича и просилъ дать лекарствъ для царицы Маріи, которая будто бы подверглась попыткѣ отравленія.

При основномъ взаимопротиворѣчіи двухъ оффиціальныхъ описаній событія 1591 года, приведенныя выше сообщенія хорошо освѣдомленныхъ иностранцевъ внушаютъ нѣкоторыя догадки.

Если уже раньше были производимы покушенія на жизнь царевича, то можно допустить, что онъ былъ гдѣ-нибудь укрытъ матерью и подмѣненъ другимъ мальчикомъ. Если обѣ руки у убитаго мальчика были заняты, то онъ не могъ самъ себя поразить ножомъ, и стало быть тотъ, который самъ себя ранилъ въ припадкѣ падучей болѣзни или на котораго совершено было покушеніе, не умеръ, а вмѣсто него похороненъ другой мальчикъ. Это объясняло бы исчезновеніе Аѳанасія изъ Углича съ самаго дня происшествія, и въ такомъ случаѣ можно предположить, что дядя царевича Аѳанасій Нагой увезъ его, можетъ быть, раненаго, тайно въ Ярославль и нуждался въ лекарствѣ — не для

матери убитаго царевича, какъ онъ говорилъ иностранцу, но для спасеннаго имъ настоящаго Димитрія. Тогда пришлось бы предположить также, что другіе братья Нагіе согласились между собой показывать, что царевичъ былъ убитъ — для того, чтобы предотвратить поиски за нимъ и охранить его, но что двое изъ братьевъ устрашились пытокъ и показали о самоубійствѣ въ угоду Борису, и только одинъ Михайло настаивалъ на совершеніи убійства Битяговскимъ и его сообщниками.

Затѣмъ, г. Валишевскій возвращается къ „загадкѣ“ уже послѣ того, какъ имъ описано появленіе „Самозванца“. Онъ допускаетъ, что этотъ послѣдній могъ не быть ни Гришкой Отрепьевымъ, ни истиннымъ Димитріемъ. Но Пирлингъ приводитъ свѣдѣніе, что въ самый день коронованія названный Димитрій, вопреки принятому обычаю, обратился къ народу съ рѣчью, въ которой пространно разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ. Неужели же это не было записано, а если было, то почему такой записи не оказывается въ московскихъ архивахъ? Авторъ не хочетъ вѣрить, что въ теченіе царствованія Самозванца не велось никакого регистра оффиціальныхъ документовъ, но допускаетъ, что запись эта могла быть изъята впослѣдствіи изъ архива тѣми, кому она приходилась не на-руку.

Ссылались на поминальный синодикъ Макарьевскаго монастыря, включающій, въ числѣ именъ покойныхъ членовъ семьи Грознаго, имя инока Леонида, и догадывались, что подъ этимъ именемъ могъ быть укрытъ умершій царевичъ Димитрій. Авторъ предполагаетъ здѣсь ошибку или описку, но при этомъ самъ впадаетъ въ ошибку, допуская, что имя „инока Леонида“ могло относиться къ монахинѣ этого имени, „потому что по-русски именительный падежъ имени женскаго можетъ быть смѣшанъ съ родительнымъ падежомъ имени мужского“. Но это показываетъ только, что автору неизвѣстно слово „инокиня“, которое никакъ не можетъ быть смѣшано съ родительнымъ падежомъ слова „инокъ“.

Въ донесеніи князя Вишневецкаго королю Сигизмунду о называющемъ себя московскимъ царевичемъ Димитріемъ, которое имѣется только въ передачѣ папскаго нунція въ Краковѣ, Рангони, приводится собственный разсказъ названнаго царевича о его спасеніи въ Угличѣ. Сущность разсказа заключается въ томъ, что Димитрій былъ спасенъ отъ убійства своимъ наставникомъ, который на кровати царевича велѣлъ спать другому мальчику, и тотъ былъ принятъ ночью убійцами за царевича. Но — въ этомъ, по крайней мѣрѣ, можно повѣрить слѣдствію — собы-

тіе 1591 г. совершилось днемъ, а не ночью. Притомъ, въ разсказѣ наставникъ не названъ, не упомянуто и о томъ, гдѣ онъ укрылъ спасеннаго имъ царевича. Валишевскій находитъ въ этомъ разсказѣ и другія невѣроятности, и полагаетъ, что Вишневецкій невѣрно передалъ то, что слышалъ отъ своего гостя, и не придаетъ этому разсказу никакой цѣны. Онъ допускаетъ впрочемъ, что самъ Димитрій, имѣя 24 года отъ роду, могъ только смутно помнить то, что происходило, когда ему было всего 7 лѣтъ.

Переходя къ оффиціально принятому утвержденію, что названный Димитрій, или Самозванецъ, былъ не кто иной, какъ чернецъ Григорій Отрепьевъ, бѣжавшій изъ Чудова монастыря, авторъ доказываетъ несостоятельность этого толкованія. Оно появилось впервые въ посланіи патріарха Іова, 14-го января 1605 г., обращенномъ ко всему духовенству. Въ посланіи этомъ сообщалось, что изъ Чудова монастыря бѣжалъ инокъ Григорій Отрепьевъ, и что многіе свидѣтели, изъ которыхъ названы двое: Венедиктъ и Степанъ (а не Варлаамъ и Мисаилъ, выданные впослѣдствіи за товарищей бѣглеца, причемъ первому былъ приписанъ извѣтъ или челобитная, обличавшая Самозванца), видѣли его на дорогѣ изъ Москвы въ Кіевъ и показали, что это былъ тотъ человѣкъ, который затѣмъ явился въ Брагинѣ, у кн. Вишневецкаго, и выдалъ себя за царевича Димитрія. Но свидѣтели эти въ Брагинѣ не были и не видѣли того человѣка, который явился къ Вишневецкому, а къ тому же самъ патріархъ причисляетъ ихъ къ бродягамъ и ворамъ. Чего же стоитъ ихъ свидѣтельство?

Отрепьевымъ прозывался въ 1497 году одинъ изъ Нелидовыхъ, захудалаго рода, котораго члены прежде бывали боярами. Въ Григоріѣ видятъ потомка этого Отрепьева. Григорій былъ на службѣ у одного изъ бояръ Романовыхъ, былъ выгнанъ за дурное поведеніе, потомъ еще проштрафился, укрылся отъ наказанія въ монастырь и, бродя по обителямъ, попалъ наконецъ въ московскій Чудовъ монастырь, гдѣ, между прочимъ, служилъ переплетчикомъ книгъ у самого патріарха Іова. Но за дурное поведеніе и воровство онъ былъ выгнанъ, бѣжалъ въ Польшу и вздумалъ выдать себя за царевича.

И вотъ, едвали не наиболѣе убѣдительнымъ изъ доводовъ Валишевскаго представляется тотъ, что бѣжавшій изъ дома юноша, бродившій затѣмъ по монастырямъ и знавшійся съ другими бродягами, не могъ имѣть ни того образованія, ни того характера, ни свѣтскости, какіе согласно отмѣчаются всѣми знавшими названнаго Димитрія въ Польшѣ.

Вотъ, напр., какъ его описываетъ папскій нунцій въ Краковѣ: „Димитрію около 24 лѣтъ, онъ одаренъ живымъ умомъ, весьма краснорѣчивъ, вполнѣ приличенъ по внѣшности, интересуется изученіемъ литературы, скроменъ и сдержанъ". Трудно предположить, чтобы и кн. Вишневецкій могъ принять Гришку Отрепьева за царевича. А вѣдь назвавшійся Димитріемъ сумѣлъ держать себя при блестящемъ дворѣ короля Сигизмунда, оказывался замѣчательнымъ всадникомъ, хорошо фехтовалъ, бѣгло говорилъ по-польски, зналъ нѣсколько и латинскій языкъ, умѣлъ говорить и съ нунціемъ, и съ королемъ, и успѣшно ухаживать за дочерью воеводы сандомирскаго, Мнишка. Словомъ, это былъ придворный кавалеръ. И если онъ явился въ Польшу въ 1602 году, какъ то было показано въ послѣдней оффиціальной реляціи, составленной въ Москвѣ, то какъ же онъ могъ бы представиться такимъ, какимъ его видѣлъ въ Краковѣ, въ 1604 году, нунцій Рангони?

Иные, правда показываютъ, что Димитрій впервые появился въ Польшѣ еще въ 1600 году, а по первоначальнымъ оффиціальнымъ извѣстіямъ изъ Москвы, онъ бѣжалъ въ Польшу еще въ 1593 г. Но и четырехъ лѣтъ (1600—1604) было недостаточно, чтобы изъ бродяги сдѣлать свѣтскаго и даже, по тогдашнему, образованнаго человѣка. А если принять 1593-й годъ, то послѣ годичнаго состоянія при патріархѣ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Чудовомъ, а раньше еще въ другомъ монастырѣ, Григорію въ 1604 г. уже должно было быть лѣтъ 30; а между тѣмъ, по описанію Рангони, у видѣннаго имъ московскаго царевича еще не росла борода. Наконецъ, весь такъ-называемый извѣтъ Варлаама о томъ, какъ онъ встрѣтился на Варваркѣ съ Гришкой, и тотъ тотчасъ убѣдилъ его идти вмѣстѣ съ нимъ и монахомъ Мисаиломъ въ Кіевъ, какъ потомъ Гришка скрылся отъ нихъ, а Варлаамъ обличалъ его въ Польшѣ, слишкомъ похожъ на вымыселъ,—какъ то признано и новѣйшими русскими изслѣдователями.

Въ многочисленныхъ современныхъ разсказахъ о Григоріѣ Отрепьевѣ находится много противорѣчій, которыя историки стараются объяснить и сгладить такъ, чтобы всѣ имѣющіяся свѣдѣнія могли относиться къ одному и тому же лицу. Но именно на основаніи несовмѣстимости нѣкоторыхъ изъ этихъ извѣстій г. Валишевскій высказываетъ предположеніе, что они относятся къ двумъ разнымъ лицамъ. Не найдя никакого новаго показанія, которое бы бросало какой-нибудь свѣтъ на судьбу названнаго Димитрія передъ появленіемъ его въ Польшѣ, авторъ думаетъ, что изъ прежнихъ свѣдѣній одни относятся дѣйствительно къ

Григорію Отрепьеву, который, бѣжавъ отъ отца, сталъ холопомъ одного изъ Романовыхъ, потомъ пошелъ въ монахи, замѣнивъ свое имя Георгія (Юшка) именемъ Григорія, попалъ въ Чудовъ монастырь и, благодаря своимъ способностямъ, былъ посвященъ въ діаконы, затѣмъ былъ писцомъ сперва у архимандрита Пафнутія, потомъ у патріарха Іова, но не отличался нравственностью, хотя и въ этомъ отношеніи его, вѣроятно, слишкомъ очернили тѣ услужливые люди, которые выдавали его даже за еретика и чернокнижника. Таково одно лицо.

Остальная часть показаній о Гришкѣ, какъ Самозванцѣ, должна относиться къ другому лицу, къ юношѣ неизвѣстнаго происхожденія, который появился, быть можетъ, изъ той же Галицкой области, на сѣверѣ, и встрѣтился тамъ со св. Трифономъ, основателемъ монастыря въ Вяткѣ, и былъ имъ постриженъ въ монахи, вопреки каноническому правилу, въ возрастѣ 14 лѣтъ, на что могла быть важная причина. Затѣмъ, юный монахъ переходилъ изъ одного монастыря въ другой, ни въ которомъ изъ нихъ не оставаясь долго, какъ бы избѣгая грозящей ему опасности и стараясь скрыть свой слѣдъ, причемъ странникъ этотъ долженъ былъ имѣть вліятельныхъ покровителей, благодаря которымъ онъ могъ такъ легко, въ юномъ возрастѣ, мѣнять мѣсто жительства и повсюду находитъ пріемъ.

Этотъ Гришка — если и его называть такъ — былъ уже непохожъ на перваго. Онъ также побывалъ въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, и познакомился тамъ съ діакономъ Отрепьевымъ, даже былъ у него келейникомъ. Въ одномъ изъ первыхъ разсказовъ о Гришкѣ упоминается, что онъ, еще находясь въ Чудовомъ монастырѣ, дерзнулъ выдавать себя за царевича Димитрія. Онъ вскорѣ исчезъ изъ Чудова монастыря. Дѣло, повидимому, дошло до свѣдѣнія царя Бориса, и онъ сослалъ архимандрита Пафнутія въ Бѣлоозеро. Вскорѣ послѣ своего келейника, бѣжалъ изъ Чудова монастыря и діаконъ Отрепьевъ. Они встрѣтились въ Кіевѣ, но потомъ опять разстались. Настоящій Григорій Отрепьевъ пошелъ въ Запорожье и затѣмъ на Донъ, продолжая бродяжническую жизнь, а бывшій его келейникъ отправился въ Острогъ, къ покровителю православія князю Острожскому, откуда перешелъ въ Гощу и, наконецъ, явился въ Брагинъ, къ князю Вишневецкому.

Въ поясненіе, почему предполагаемый претендентъ ушелъ изъ Чудова монастыря, мы считаемъ не лишнимъ привесть изъ цитируемаго Костомаровымъ письма короля Сигизмунда къ брестскому воеводѣ Зеновичу свѣдѣніе, данное самимъ названнымъ

Димитріемъ, а именно, что, послѣ покушенія на его жизнь, „его увезли къ одному сыну боярскому; тамъ онъ воспитывался въ неизвѣстности, а чтобы лучше сохранить его отъ Бориса, удалили его въ монастырь; онъ ходилъ изъ монастыря въ монастырь, но потомъ Годуновъ узналъ о его существованіи и сталъ сильно искать его, и онъ ушелъ въ Украйну, во владѣніе польскаго короля".

Но кто же были тѣ покровители, которые заботились о спасеніи этого юноши, укрывали его и давали ему средства переходить откуда-то съ сѣвера въ Москву, въ Кіевъ, наконецъ въ Брагинъ, къ кн. Вишневецкому? Самъ Самозванецъ указывалъ на вліятельнаго при Годуновѣ дьяка Щелкалова, о которомъ имѣются свѣдѣнія, что онъ вступалъ во враждебные Годунову переговоры съ посланникомъ цесаря и попалъ подъ опалу въ 1594 году.

Но Валишевскій предпочитаетъ иное предположеніе. Побѣгъ подразумѣваемаго подъ именемъ Гришки Отрепьева царевича Димитрія въ Польшу совпалъ съ немилостью царя Годунова къ Романовымъ и къ Бѣльскому, котораго нѣкоторые также считаютъ покровителемъ претендента. Авторъ и высказываетъ догадку, что враждебно настроенные къ Борису Романовы, Бѣльскій, да и самъ кн. Шуйскій, который въ 1591 г. производилъ слѣдствіе, могли подготовлять въ истинномъ Димитріѣ орудіе, чтобы ниспровергнуть Бориса, орудіе, которое они могли впослѣдствіи и устранить, еслибы для нихъ открылась возможность иной, болѣе для нихъ выгодной комбинаціи. Здѣсь Валишевскій ссылается на находящееся въ флорентинскомъ архивѣ письмо неизвѣстнаго изъ Архангельска, помѣченное 4-мъ іюля 1605 г., въ которомъ сказано, что младшій сынъ Грознаго былъ укрытъ въ безопасномъ мѣстѣ московскими „знатными лицами", во-время предугадавшими замыслы Годунова. Письмо это, какъ допускаетъ авторъ, могло исходить отъ одного изъ членовъ существовавшей въ Архангельскѣ при концѣ XVI в. венеціанской колоніи.

Наконецъ, авторъ указываетъ еще на фактъ любопытный, если только достовѣрны источники, изъ которыхъ онъ почерпнутъ. Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, сосланный Годуновымъ въ Сійскъ и постриженный подъ именемъ Филарета (будущій патріархъ) былъ возвращенъ въ Москву мнимымъ Самозванцемъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Иваномъ. Другіе братья Романовы, сосланные Годуновымъ въ разные города, погибли тамъ, въ чемъ подозрѣніе падаетъ опять на Годунова. И вотъ, Ѳедоръ, который при ссылкѣ желалъ скорѣйшей смерти себѣ и своей женѣ, также постри-

женной, возвращаясь затѣмъ въ Москву, куда вступили войска Самозванца, проявлялъ уже совсѣмъ иное настроеніе. Онъ прогналъ отъ себя приставленнаго къ нему монаха Иринарха, пересталъ соблюдать монашескія правила, говорилъ, что займется снова охотой, и на увѣщанія другихъ монаховъ отвѣчалъ: „вотъ, увидите скоро, чѣмъ я еще буду!“

Во всемъ этомъ г. Валишевскій видитъ „серьезныя указанія, которымъ, быть можетъ, недостаетъ лишь нѣсколькихъ доводовъ документальныхъ, уничтоженныхъ или — слишкомъ старательно оберегаемыхъ. Если они уничтожены не были—продолжаетъ онъ,— то вѣроятно недалекъ уже день, когда они будутъ оглашены. Это не нарушило бы никакого уважительнаго интереса. Допуская даже, что Романовы принимали участіе въ той интригѣ, изъ которой вышелъ претендентъ, надо принять въ соображеніе, что въ ней участвовали болѣе или менѣе дѣятельно всѣ слои общества“.

IV.

Если разсматривать смутное время какъ отдѣльную историческую драму, въ которой завязкою послужило появленіе загадочнаго человѣка въ роли Димитрія, то главный интересъ этой драмы, представляется, конечно, въ вопросѣ—кѣмъ былъ этотъ человѣкъ? Говорящихъ лицъ въ этой драмѣ множество, и говорятъ они такъ различно, такъ противорѣчиво, что иные даже прямо противорѣчатъ самимъ себѣ, притомъ не разъ, какъ Шуйскій, царица Марія (Марѳа), патріархъ Іовъ, Басмановъ. Показаній имѣется великое множество, и они могутъ укладываться въ различныя комбинаціи, въ зависимости отъ избраннаго угла зрѣнія, какъ стеклышки въ калейдоскопѣ укладываются въ разныя построенія, по обороту руки наблюдателя.

При такихъ условіяхъ, очевидно, что не только имѣется мѣсто для критерія психологическаго, но за этимъ критеріемъ должно быть даже признаваемо особое значеніе въ сопоставленіи фактовъ и оцѣнкѣ показаній, именно въ виду ненадежности и сбивчивости тѣхъ и другихъ. Руководствуясь преимущественно психологическими соображеніями, г. Валишевскій довольно убѣдительно доказываетъ, что названный Димитрій, какъ онъ являлся на глазахъ кн. Вишневецкаго, сандомирскаго воеводы Мнишка, папскаго нунція, короля Сигизмунда III и его двора, не могъ быть Гришкой Отрепьевымъ. Авторъ при этомъ признаетъ вѣроятнымъ, что это былъ истинный Димитрій. Но, затѣмъ, въ сво-

ихъ догадкахъ о роли бояръ въ той „интригѣ, изъ которой вышелъ претендентъ", онъ свой психологическій методъ направилъ какъ бы противъ того заключенія, къ какому самъ пришелъ по отношенію къ главному герою драмы.

Въ самомъ дѣлѣ, если предположить, что враждебные Годунову бояре могли, чтобы погубить его, вызвать тѣнь Димитрія, то вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что это и была только тѣнь, призракъ царевича, а не онъ самъ, спасенный и воспитанный боярами.

Психологическій критерій побуждалъ бы выдвинуть здѣсь на первое мѣсто то несомнѣнное и довольно внушительное обстоятельство, какое представляла внезапная и крутая перемѣна, происшедшая въ настроеніи и характерѣ правленія Бориса Годунова въ 1600 году. Выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ двухъ мѣстъ у Костомарова. „Въ первые два года своего царствованія,—говоритъ историкъ,—Борисъ дѣлалъ все, чтобы привязать къ себѣ народъ и утвердить любовь къ себѣ и своему роду... Онъ освободилъ сельскій народъ отъ всѣхъ податей на одинъ годъ... Вдовы, сироты получали отъ него вспоможеніе, онъ кормилъ и одѣвалъ неимущихъ. „Около него, по современному извѣстію, аки море яденія и езеро питія разливашеся". Сидѣвшіе прежде въ тюрьмѣ пріобрѣтали свободу, опальные получали прощеніе... Не было казней, Борисъ наказывалъ только воровъ и разбойниковъ, и то не смертью".—Вотъ какъ началъ царствовать Борисъ Годуновъ семь и восемь лѣтъ послѣ событія въ Угличѣ.

Но наступилъ 1600-ый годъ, и разнесся слухъ, что Димитрій не убитъ, а предохраненъ друзьями и живъ до сихъ поръ. „Эта роковая вѣсть—говоритъ Костомаровъ — перевернула Годунова и измѣнила до корня. Мягкосердечіе его исчезло, въ немъ проснулся прежній Годуновъ, воспитанникъ страшныхъ годовъ Ивановской опричины... Онъ увидѣлъ, что у него есть враги, а у враговъ можетъ явиться страшное орудіе,—надобно было найти это орудіе, истребить своихъ враговъ... Борисъ, когда услышалъ, что толкуютъ о Димитріѣ, соображалъ, что, вѣрно, гдѣ-то ему пріискиваютъ Димитрія, можетъ быть фальшиваго, а можетъ быть и настоящаго".

Замѣчательно, что первой жертвой этой перемѣны въ настроеніи Годунова сдѣлался Бѣльскій, которому еще самъ Иванъ Грозный поручилъ охранять своего младшаго сына. Уже въ 1599 году Годуновъ удалилъ Бѣльскаго изъ Москвы въ Украйну, пославъ его строить городъ Борисовъ. А въ 1600 г. сослалъ

его куда-то на Низъ и заключилъ въ тюрьму. Но „слѣдъ Димитрія не былъ отысканъ — говоритъ Костомаровъ,—и Борисъ, растоптавъ Бѣльскаго, принялся за другихъ. Пострадала вся фамилія Романовыхъ и нѣсколько другихъ, родственныхъ и дружескихъ съ нею фамилій". Въ дружбѣ съ Романовыми состоялъ и Бѣльскій.

Отмѣчая такую внезапную перемѣну въ Годуновѣ и прямо относя ее къ дошедшимъ до него слухамъ о появленіи Димитрія, Костомаровъ объясняетъ опасеніе, которое вызвало эту перемѣну въ Борисѣ, только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ увѣренъ въ смерти Димитрія, а еслибы и былъ увѣренъ, что убійство въ Угличѣ совершилось, то могъ опасаться, что убили другого мальчика, а царевичъ спасся. — Однако представляется довольно невѣроятнымъ, чтобы такой проницательный и рѣшительный политикъ, каковъ былъ Годуновъ, допустилъ возможность малѣйшаго для себя сомнѣнія въ самомъ важномъ дѣлѣ, а именно въ дѣлѣ замѣны прежней династіи новою, своею. Развѣ онъ не долженъ былъ предвидѣть, что всякая неувѣренность въ этомъ отношеніи не дастъ ему никогда покоя, отравитъ все будущее его царствованіе? Оффиціально онъ не могъ поставить во главѣ слѣдствія одного изъ своихъ клевретовъ. Для того, чтобы устранить всякое подозрѣніе въ глазахъ царя Ѳеодора Ивановича, онъ долженъ былъ поручить слѣдствіе человѣку независимому, каковъ былъ князь Шуйскій, зная притомъ, что Василій Шуйскій— такой человѣкъ, который былъ готовъ на всякую ложь, какъ то и удостовѣрилось впослѣдствіи двукратнымъ отреченіемъ Шуйскаго отъ собственныхъ торжественныхъ заявленій. Всѣ согласны, что Шуйскій зналъ истину о томъ, что случилось въ Угличѣ, и едвали онъ рѣшился бы не сообщить ее Годунову, такъ какъ еслибъ утайка случайно раскрылась, то вся вина пала бы на голову слѣдователя. Но непохоже было на Годунова, правителя въ высшей степени подозрительнаго, чтобы онъ положился на одного Шуйскаго. Вмѣстѣ съ нимъ, онъ послалъ преданнаго ему Клешнина, да, вѣроятно, и другихъ людей, въ которыхъ онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ.

Мало того, скорѣе, чѣмъ остаться въ малѣйшей неувѣренности относительно смерти царевича, Годуновъ могъ тайно съѣздить въ Угличъ, велѣть разрыть гробницу похороненнаго мальчика и убѣдиться на мѣстѣ, или же велѣть тайно привезть тѣло въ Москву. Все это можно признать болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ то, чтобы такой человѣкъ, какъ Годуновъ, могъ сохранить малѣйшую неувѣренность насчетъ дѣйствительности смерти Димитрія.

А еслибы онъ зналъ навѣрное, что Димитрія уже нѣтъ въ живыхъ—самъ ли онъ убился, или былъ убитъ, все равно,—то не имѣлъ бы повода ни такъ страшно карать угличанъ, какъ онъ это сдѣлалъ, ни, въ особенности, до такой степени смутиться впослѣдствіи, при первомъ же извѣстіи, будто Димитрій живъ. Это извѣстіе не могло бы поразить его такъ сильно, что оно „перевернуло“ его и онъ самъ сталъ инымъ, какъ говоритъ Костомаровъ.

Еслибы у Годунова было полное убѣжденіе, что настоящій Димитрій умеръ, то появленіе самозванца едвали могло бы подѣйствовать на него въ такой степени. Полная увѣренность создаетъ силу, и Годуновъ думалъ бы, что ему легко будетъ найти людей, которые уличатъ ложь. Едвали онъ зналъ о появленіи самозванца донъ-Себастіана въ Португаліи, хотя оно случилось въ его время. А въ Россіи раньше не бывало такого примѣра. Ему могло быть страшнымъ, могло прямо поразить его ужасомъ только появленіе истиннаго Димитрія, но не самозванца. А если Годуновъ безусловно зналъ правду о событіи 1591 года, то онъ или остался бы спокоенъ при появленіи самозванца, зная, что онъ только самозванецъ, или долженъ былъ именно придти въ ужасъ, зная, что Димитрій убитъ не былъ, и что, стало быть, появился онъ самъ.

Казни и массовая ссылка въ Угличѣ также едвали достаточно объясняются желаніемъ наказать виновныхъ въ убійствѣ Битяговскихъ, Волохова и Качалова, или заботой Годунова, чтобы въ Угличѣ не осталось свидѣтелей того, что царевичъ не закололся самъ, но былъ зарѣзанъ. Двѣсти угличанъ были казнены и почти все населеніе города сослано въ Пелымъ. Нагіе были подвергнуты пыткамъ и сосланы въ далекія мѣста; царица Марія (Марѳа) была сослана въ дальній монастырь. Еслибы Годуновъ зналъ навѣрное, что царевичъ погибъ, то чѣмъ объяснить такую жестокость, которая могла только усилить нелюбовь къ нему и составить затрудненіе для вступленія его впослѣдствіи на престолъ? Вѣдь все-таки нельзя же было имѣть увѣренность, что сосланы будутъ всѣ свидѣтели, что ни одного не останется на мѣстѣ. А наказывать столь жестоко населеніе за то, что толпа убила приставовъ, считая ихъ убійцами царевича,—это едвали соотвѣтствовало даже нравамъ того времени.

Все дѣло представится совершенно иначе, если предположить, что попытка убійства не удалась, что царевичъ былъ только раненъ, но заслоненъ близкими людьми, а сбѣжавшаяся толпа отбила злодѣевъ и умертвила ихъ; что раненый царевичъ, на ея глазахъ, былъ унесенъ и затѣмъ, разумѣется, вывезенъ въ не-

извѣстное мѣсто. Въ такомъ случаѣ руководители убійства могли исполнить данное имъ порученіе, только подмѣнивъ царевича другимъ умершимъ мальчикомъ, а Волохова, какъ было ей внушено заранѣе, должна была показывать, что царевичъ закололся самъ, въ припадкѣ болѣзни. Это все-таки вело къ той цѣли, чтобы Димитрій считался умершимъ, какъ это было нужно Годунову.

Но онъ, узнавъ, что убійство не удалось, что царевичъ въ дѣйствительности остался живъ и куда-то исчезъ, могъ впасть въ страшный гнѣвъ, казнить всѣхъ заподозрѣнныхъ въ отраженіи и убіеніи злодѣевъ, т.-е. толпу около двухсотъ человѣкъ, и сослать все населеніе просто изъ мести, какъ то дѣлывалъ Иванъ Грозный. Вѣдь былъ сосланъ въ Сибирь даже тотъ соборный колоколъ, въ который били въ набатъ. Неужели же и колоколъ, оставаясь въ Угличѣ, могъ быть опаснымъ для Бориса свидѣтелемъ? Скорѣе же ссылка чуть не всего населенія, какъ и колокола, выражала злобу Годунова вслѣдствіе неудачи его намѣренія, чѣмъ заботу объ устраненіи свидѣтелей.

Былъ ли убитъ или не былъ царевичъ, едвали можно допустить, чтобы Годуновъ не зналъ объ этомъ навѣрное. Но если онъ зналъ, что Димитрій остался живъ, однако надѣялся, что тотъ такъ и заглохнетъ гдѣ-нибудь въ монастырѣ, и вдругъ, черезъ девять лѣтъ, услышалъ, что появился тотъ, кого онъ выдавалъ за умершаго, то это, дѣйствительно, могло произвесть на него потрясающее впечатлѣніе, именно „перевернуть“ его, направить его руку на всѣхъ, въ комъ онъ подозрѣвалъ своихъ враговъ и, можетъ быть, укрывателей истиннаго Димитрія.

Только при этомъ условіи представились бы вполнѣ понятными тѣ усиленные поиски за Димитріемъ, на которыхъ настаиваетъ Костомаровъ. Искать исчезнувшаго Димитрія раньше, наугадъ, по всей странѣ, было невозможно, да и опасно, такъ какъ повсемѣстные поиски, поручаемые, по необходимости, мелкимъ мѣстнымъ властямъ, повели бы къ возникновенію слуховъ. Для того, чтобы надѣяться на успѣхъ поисковъ, „нужно было потормошить бояръ: авось либо у нихъ найдутъ нити, по которымъ можно добраться до тайны“. Костомаровъ примѣняетъ это собственно къ Романовымъ. Но Годуновъ велѣлъ обыскать и сослать въ дальнія мѣста и Бѣльскаго, и кн. Сицкаго, и князей Репниныхъ, Шестуновыхъ, Карповыхъ, наконецъ, Щелкалова. А за такое дѣло онъ не могъ приняться до тѣхъ поръ, пока о Димитріѣ не было слуха, что продолжалось нѣсколько лѣтъ. За это время было благоразумнѣе являться милосердымъ правителемъ, источникомъ всякихъ милостей.

Только тогда, когда сталъ распространяться слухъ о появленіи Димитрія, царь Борисъ Ѳедоровичъ долженъ былъ потерять надежду, что царевичъ такъ и останется въ неизвѣстности,—долженъ былъ подумать, что приводится въ исполненіе планъ враждебныхъ бояръ, и тогда уже можно было прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ, бросить маску благодушія и начать поиски съ надеждой успѣха, по тѣмъ нитямъ, которыя могли открыться только при разгромѣ всѣхъ бояръ, внушавшихъ подозрѣнія. Когда слухъ уже пошелъ, то нечего было опасаться возбудить его поисками.

И вотъ, когда и у сосланныхъ бояръ не нашлось слѣда, когда „желанный Димитрій не отыскивался", а Годуновъ получилъ отъ своихъ агентовъ извѣстіе, что „тайные враги спроваживаютъ этого Димитрія за рубежъ, въ Польшу", тогда Борисъ велѣлъ устроить на западной границѣ кордонъ и не пропускать черезъ границу никого, а всѣхъ задерживать и доносить о нихъ ему. При этомъ пострадало много народа, но „того, кого Борису было нужно, не нашли".

Спрашивается, могъ ли умный человѣкъ дойти до такихъ крайнихъ мѣръ, еслибы онъ зналъ положительно, что истинный Димитрій умеръ и еслибы слухъ о появленіи Димитрія онъ самъ считалъ ложнымъ? Да и какъ могли бы задержать на кордонѣ ложнаго Димитрія, по какимъ признакамъ? Ясно, что узнать могли только опредѣленное лицо, котораго и примѣты были, вѣроятно, разосланы. А такимъ лицомъ могъ быть только истинный Димитрій. Крайнія мѣры и безпокойство, внушенное Борису слухомъ о самозванцѣ, Костомаровъ объяснялъ тѣмъ, что Годуновъ могъ не знать, умеръ ли истинный царевичъ, не былъ ли онъ подмѣненъ инымъ мальчикомъ. Но вѣдь, повторимъ, представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы такой человѣкъ, какъ Борисъ, не добился еще въ 1591 г. полной правды по такому вопросу, отъ котораго могла зависѣть личная судьба его самого и его династіи.

И еслибы онъ зналъ навѣрное, что царевичъ умеръ, то первый же слухъ о самозванцѣ не перевернулъ бы его до такой степени, что онъ вдругъ предпринялъ погромъ бояръ, поиски за Димитріемъ и задержку всѣхъ желавшихъ перейти границу, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя мѣра все-таки не могла бы обнаружить ложнаго Димитрія, который, очевидно, выступилъ бы въ этомъ качествѣ, уже только перейдя границу. Убѣжденный въ смерти истиннаго Димитрія, энергичный царь Борисъ Ѳедоровичъ не могъ впасть при одномъ ложномъ слухѣ въ такое по-

ложеніе, что онъ „каждую минуту боялся за свой вѣнецъ, за свое существованіе, за свой родъ и былъ несчастнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ",—какъ говоритъ Костомаровъ.

Повторяемъ еще разъ: Годуновъ не могъ не знать правды. И вотъ, если онъ зналъ, что царевичъ остался живъ, въ такомъ случаѣ, при слухахъ о появленіи Самозванца, онъ не могъ не впасть въ чрезвычайное безпокойство и не принять тѣхъ крайнихъ мѣръ, какія имъ были приняты. Только при такомъ предположеніи все это оказалось бы вполнѣ естественнымъ и доказывало бы именно, что Борисъ надѣялся захватить истиннаго Димитрія, зная о его существованіи.

V.

Только-что высказанныя нами соображенія подтверждали бы ту мысль, въ пользу которой склоняется г. Валишевскій. Говоря о книгѣ этого автора, мы позволили себѣ дополнить ими тѣ факты, на которыхъ онъ основываетъ свой выводъ, что первый „Самозванецъ" могъ быть истиннымъ Димитріемъ. Авторъ, напомнимъ объ этомъ, признаетъ, что научно этого вывода доказать нельзя. А намъ хотѣлось только показать, что психологическій анализъ дѣйствій самого царя Бориса скорѣе подтверждаетъ этотъ именно выводъ, чѣмъ издавна установившееся мнѣніе о Самозванцѣ.

Мы сказали вначалѣ, что г. Валишевскій проводитъ свою мысль о названномъ царѣ Димитріѣ какъ бы въ три пріема. Онъ сперва разбираетъ слѣдственное дѣло и высказываетъ догадку, что царевичъ могъ быть раненъ, но спасенъ. Затѣмъ, онъ подвергаетъ критикѣ вторую оффиціальную версію Шуйскаго, ставшаго уже царемъ, что царевичъ не закололся самъ, но былъ убитъ, и что царствовавшій Самозванецъ былъ не кто иной, какъ монахъ Гришка Отрепьевъ.

Наконецъ, третій пріемъ автора заключается въ томъ, что въ теченіе всего своего разсказа онъ охотно останавливается на тѣхъ частностяхъ, которыя наводятъ на мысль, что Самозванецъ, по его воспитанію, свѣтскости, отвагѣ и характеру, легкомысленному, но открытому и великодушному, являлся болѣе похожимъ на настоящаго царевича, чѣмъ на проходимца низшаго званія. Правда, научное образованіе претендента было поверхностное. Онъ приводилъ священные тексты невполнѣ точно, свѣдѣнія его по исторіи и географіи были довольно смутныя, упо-

миновенія его о Филиппѣ и Александрѣ, Константинѣ и Максентіи были неопредѣленны, а ссылки на Геродота и Θукидида—рискованны. Но авторъ, съ своей точки зрѣнія, удачно замѣчаетъ, что эта отрывочность невольно напоминаетъ собой „тревожный умъ Ивана IV", предполагаемаго отца претендента. И нельзя не согласиться, что эта характеристика вполнѣ подходитъ къ познаніямъ Грознаго, какъ они проявлялись въ его письмахъ къ Курбскому и въ извѣстномъ его преніи съ Поссевиномъ.

„Открытый" характеръ претендента не мѣшалъ ему, однако, быть хитрымъ политикомъ. Онъ принимаетъ католичество, въ письмѣ къ папѣ называетъ себя самой покорной изъ овецъ его стада, обѣщаетъ присоединить свой народъ къ католической церкви, беретъ съ собой въ лагерь двухъ іезуитовъ, Сигизмунду обѣщаетъ за одну нравственную поддержку и позволеніе набирать войско—Сѣверщину и Смоленскъ, а также помощь для пріобрѣтенія шведскаго престола. Но впослѣдствіи всѣ эти обѣщанія, по мѣрѣ успѣховъ предпріятія, теряютъ въ его глазахъ обязательность. Всего вѣроятнѣе, что они и сначала были даны безъ намѣренія сдержать ихъ. Когда, по его воцареніи, король требуетъ отъ него обѣщанныхъ территоріальныхъ уступокъ, то названный Димитрій отвѣчаетъ ему уклончиво, да еще торгуется о признаніи себя императоромъ, а папѣ, вмѣсто присоединенія Россіи къ католичеству, предлагаетъ союзъ Россіи съ Польшей и имперіей для изгнанія турокъ изъ Европы.

Въ Марину Мнишекъ названный Димитрій былъ искренно влюбленъ, но она, какъ слѣдуетъ заключить изъ фактовъ, приводимыхъ авторомъ, руководилась однимъ честолюбіемъ. Отмѣтимъ мимоходомъ, что г. Валишевскій напрасно приписываетъ Костомарову ошибочное свѣдѣніе, будто Марина была старшая изъ *двухъ* дочерей Мнишка. Ссылаясь на гербовникъ Нѣсецкаго, г. Валишевскій доказываетъ, что у Мнишка было *пять* дочерей. Но авторъ, должно быть, не замѣтилъ выноску у Костомарова, въ которой даже названы по именамъ всѣ пять дочерей и шесть сыновей Мнишка. Костомаровъ говоритъ только, что Марина была старшая изъ двухъ дочерей отъ перваго брака. Младшая была за кн. Константиномъ Вишневецкимъ. Самого Мнишка г. Валишевскій представляетъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Это былъ расточитель, который вѣчно нуждался въ деньгахъ и готовъ былъ на самыя низкія услуги королю. По всей вѣроятности онъ же побудилъ Марину признать мужемъ второго, уже несомнѣннаго самозванца.

Замѣчательно, что когда Сигизмундъ III снесся съ знатнѣй-

шими сенаторами королевства, спрашивая ихъ мнѣнія относительно „подлинности“ претендента и возможнаго участія Польши въ его предпріятіи, то всѣ имъ спрошенные, кромѣ двоихъ, отвѣчали отрицательно. Замѣтимъ, что едвали это могло бы случиться, еслибы было справедливо высказываемое Костомаровымъ мнѣніе, что „источникъ потрясенія (т.-е. всего смутнаго времени)“ былъ „на Западѣ, а не въ Москвѣ“; что „виды Польши и стремленія, освященныя преданіями, какъ нельзя лучше сходились съ видами Рима“, и что „когда и въ Римѣ, и въ Польшѣ крѣпко думали о Московіи, явился названный Димитрій“. На этомъ предположеніи, не подкрѣпленномъ никакими фактическими данными, кромѣ словъ, кѣмъ-то сказанныхъ въ польскомъ сенатѣ въ 1671 году, что источникъ этого дѣла заключается въ тайныхъ умышленіяхъ, старательно скрываемыхъ (слова, которыя даже поставлены эпиграфомъ на изслѣдованіи Костомарова), историкъ заключалъ, что именно въ польскихъ источникахъ должно открыться когда-нибудь неожиданное для объясненія тайны всего этого дѣла.

Но, вотъ, прошли еще сорокъ лѣтъ, и все то, что̀ доселѣ открылось въ польскихъ источникахъ новаго о Самозванцѣ, нисколько не приблизило насъ къ разгадкѣ тайны. Однако, еслибы покровительство, оказанное претенденту Сигизмундомъ, основывалось на видахъ Польши и стремленіяхъ, освященныхъ преданіями, то какъ же могло случиться, что всѣ виднѣйшіе польскіе сенаторы, за исключеніемъ двухъ, высказались и противъ подлинности Димитрія, и противъ оказанія ему помощи? Самъ канцлеръ Янъ Замойскій положительно отсовѣтовалъ королю вдаваться въ это предпріятіе, говоря, что если оно окончится неудачей, то это осрамитъ Польшу, а если претендентъ (въ которомъ Замойскій не признавалъ Димитрія) возсядетъ на московскомъ престолѣ, то онъ не сдержитъ данныхъ имъ обѣщаній. И независимо отъ кратковременности царствованія перваго самозванца, изъ собственныхъ его грамотъ къ королю достаточно ясно, что онъ и не намѣренъ былъ исполнить обѣщаній, данныхъ въ то время, когда онъ не только еще не явился въ Россію, но и не имѣлъ никакого войска, а потому готовъ былъ обѣщать что̀ угодно.

Нельзя не прибавить, что приведенному заключенію Костомарова, будто источникъ смутнаго времени былъ на Западѣ, и что смутное время не представляло собой такого явленія, которое должно было произойти отъ внутреннихъ причинъ, каковы бы ни были внѣшнія обстоятельства,—противорѣчитъ та картина всеобщаго недовольства, броженія, утѣсненія народа, накопленія

множества бѣглаго люда, находившагося во враждѣ съ закономъ и властью, которая превосходно начертана тѣмъ же глубокимъ и безпристрастнымъ изслѣдователемъ въ первой половинѣ его труда. Можно, конечно, допустить, что несмотря на внутреннее броженіе и накопленіе всѣхъ данныхъ для революціоннаго движенія, оно все-таки могло и не произойти, еслибы основа власти оставалась попрежнему крѣпкою.

Но когда основа эта въ глазахъ народа пошатнулась, когда вѣнецъ Рюриковой династіи надѣлъ бывшій временщикъ татарскаго происхожденія, нелюбимый какъ народомъ, такъ и боярами, а вдобавокъ подозрѣваемый въ убіеніи или попыткѣ къ убіенію законнаго наслѣдника, то такой *случай* и послужилъ поводомъ къ тому взрыву, который самъ по себѣ вовсе случайнымъ не былъ, такъ какъ для него накопилось слишкомъ много данныхъ. Внѣшніе враги могли воспользоваться этимъ положеніемъ, могли содѣйствовать взрыву, но въ ихъ содѣйствіи едвали основательно видѣть его главную причину, самый источникъ происшедшаго потрясенія.

Зато та догадка о личности Самозванца, которой Костомаровъ отдаетъ предпочтеніе, а именно, что тотъ, кто первый назвалъ себя Димитріемъ, былъ, по происхожденію, изъ сыновей одного изъ тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые, въ значительномъ количествѣ, убѣгали, въ царствованіе Ивана Грознаго, во владѣнія Рѣчи Посполитой, несомнѣнно представляется не менѣе вѣроятной, чѣмъ гипотеза г. Валишевскаго, что это могъ быть истинный Димитрій. По мнѣнію Костомарова, какъ и Валишевскаго, несомнѣнно только одно, а именно, что названный царь Димитрій не могъ быть Гришкой Отрепьевымъ.

Однако, изъ того, что онъ не былъ Отрепьевымъ, и что онъ, несомнѣнно, былъ русскимъ, очевидно, еще не слѣдуетъ, что это былъ истинный Димитрій. Тѣ личные признаки, которые побуждаютъ г. Валишевскаго предпочесть это послѣднее предположеніе, могли случайно совмѣщаться и въ иномъ человѣкѣ, вышедшемъ изъ высшей среды и получившемъ то „кавалерское“ воспитаніе, какимъ отличался претендентъ. Костомаровъ также признаетъ, что онъ былъ, по всей вѣроятности, русскій, но воспитанный въ Польшѣ, и указываетъ въ немъ „черты, которыя и теперь располагаютъ изслѣдователя склониться къ признанію его дѣйствительнымъ сыномъ Ивана Грознаго: его постоянная, смѣлая увѣренность, съ которою онъ высказывался, нигдѣ не измѣняя себѣ, съ самаго начала своего поприща до трагическаго конца... характеръ, чуждый подозрительности и до край-

ности довѣрчивый, несовмѣстимый съ званіемъ сознательнаго обманщика". Но все-таки почтенный историкъ признаетъ, что „остается много такого, что мѣшаетъ исторической критикѣ окончательно признать это".

VI.

Зато г. Валишевскій нѣсколько расходится съ Костомаровымъ во взглядѣ на то значеніе, какое потрясеніе, испытанное Россіею въ смутное время, могло имѣть для ея будущности. Костомаровъ высказываетъ такое мнѣніе, что та эпоха, которую г. Валишевскій назвалъ теперь „революціоннымъ кризисомъ", не оставила никакого слѣда ни въ учрежденіяхъ московскаго государства, ни въ стремленіяхъ русскаго народа къ болѣе „льготному" быту. Такую безслѣдность эпохи, длившейся цѣлый рядъ лѣтъ, потрясшей государство изъ конца въ конецъ и угрожавшей ему разложеніемъ, трудно допустить безъ особаго объясненія. И вотъ безслѣдность эту Костомаровъ и объясняетъ тѣмъ, что самая причина испытаннаго переворота была „не внутри, а внѣ Россіи".

И г. Валишевскій, вслѣдъ за Костомаровымъ, признаетъ, что описываемый имъ революціонный кризисъ „оказался безплоднымъ, не внесъ въ національную жизнь никакого новаго начала, не двинулъ ея будущность въ какомъ-либо новомъ направленіи". Но онъ объясняетъ это иначе. Онъ находитъ, что „борьба классовъ" не привела ни къ чему, потому что велась ими изъ-за отдѣльныхъ, эгоистическихъ интересовъ, безъ какой-либо политической программы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Бояре, разгромленные Грознымъ и унижаемые Годуновымъ, не нашли для обороны своихъ преимуществъ иныхъ средствъ, кромѣ возбужденія или поддержки разныхъ претендентовъ и призыва иностраннаго вмѣшательства, что, наконецъ, совершенно уронило значеніе бояръ въ глазахъ народа.

„До извѣстной степени, — говоритъ онъ, — смутное время имѣло для московскихъ бояръ такія же послѣдствія, какъ война „Двухъ розъ" для англійскихъ бароновъ XV-го вѣка. Но лорды все-таки руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ интересомъ государственнымъ, и потому значеніе ихъ возстановилось вмѣстѣ съ силой самого государства. Между тѣмъ, эгоистическая политика московскихъ олигарховъ привела ихъ къ безвозвратной утратѣ не только принадлежавшихъ имъ преимуществъ, но и всякаго общественнаго вліянія".

Что касается средняго, городского, торговаго класса, кото-

рый сперва участвовалъ въ переворотахъ, то онъ въ концѣ той эпохи сыгралъ важную роль, взявъ въ свои руки защиту національной независимости и возстановленіе порядка. „Но послѣ этого великодушнаго движенія ему точно не хватило дыханія, чтобы идти впередъ, и, взявъ однажды власть въ свои руки, сословіе это не сумѣло удержать изъ нея хотя бы частицу для себя. Держаніе власти точно жгло ему руки, и городское сословіе поспѣшило отдѣлаться отъ нея, совершивъ вполнѣ безкорыстное, но и отмѣченное робостью отреченіе, предаваясь вновь тому же принципу самодержавія, который повергъ его снова въ прежнее рабство". Наконецъ, „казачество, принимавшее столь дѣятельное участіе въ событіяхъ той эпохи, оказалось неспособнымъ сознать и выполнить какой-нибудь идеалъ,—мысль о реформѣ политической или соціальной. Казачество въ ту пору просто возставало противъ всякой власти и всякаго порядка, и идейное безсиліе привело къ той полицейской роли, которая выпала ему впослѣдствіи въ удѣлъ".

Какъ Костомаровъ, такъ и расходящійся съ нимъ только въ объясненіи, но не въ приговорѣ, Валишевскій имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что самодержавный строй, какъ онъ существовалъ до смутнаго времени, возстановился и въ послѣдующее время, почти на цѣлыя триста лѣтъ. Но все-таки едвали не слишкомъ безусловнымъ представляется такой отзывъ Костомарова, съ которымъ, въ сущности, согласенъ и авторъ разсматриваемой нами книги, что „смутная эпоха ничего не измѣнила, ничего не внесла новаго въ государственный механизмъ, въ строй понятій, въ бытъ общественной жизни, въ нравы и стремленія", и что послѣдовательный, разумный ходъ русской исторіи „какъ будто перескакиваетъ черезъ смутное время и далѣе продолжаетъ свое теченіе тѣмъ же путемъ, тѣмъ же способомъ, съ тѣми же пріемами, какъ прежде".

Впрочемъ, г. Валишевскій, писатель современный, не могъ замкнуться безусловно въ такомъ приговорѣ. Упомянувъ еще въ своемъ предисловіи, что послѣ тогдашняго потрясенія Россія послушно подчинилась игу строя, возстановленнаго на давнишнихъ началахъ, спокойно возвратилась въ свою вѣковую колею, Валишевскій вставляетъ оговорку: „Все было спасено,—замѣчаетъ онъ,—но и отъ тогдашней преждевременной и опасной попытки вступить на крутой путь, ведущій къ свободѣ, не все было утеряно безъ слѣда... Нѣчто отъ нея осталось въ глубинѣ народнаго сознанія, а это нѣчто должно было вновь проявиться современемъ и привесть къ новому этапу на временно покинутомъ

пути. Въ самой природѣ такихъ необычайныхъ явленій лежитъ то, что̀ заставляетъ ихъ повторяться, и если политическія вѣянія настоящаго момента опредѣляютъ исторію завтрашняго дня, то и они сами, въ значительной степени, проистекаютъ изъ дня вчерашняго". А вотъ заключительныя слова книги: „Не все въ той страшной бурѣ было только сумасбродствомъ и преступнымъ развращеніемъ. Въ ней проявлялись и благородные инстинкты, законныя стремленія, которыя только временно утонули и исчезли въ общемъ водоворотѣ. Свобода требуетъ продолжительнаго искуса. Нравственный прогрессъ совершается въ Россіи медленно, какъ медленно развивается въ ней и жизнь физическая. Но революціонная буря XVII-го столѣтія, глубоко вспахавшая Россію, заложила въ ея малоурожайной почвѣ сѣмена, которыхъ присутствіе и энергія нынѣ уже не могутъ быть непризнаваемы".

Послѣдняя часть изслѣдованія Костомарова о смутномъ времени [1]) была помѣчена числомъ 9-мъ іюня 1867 года. Это былъ годъ полнаго развитія той реакціи, которая послѣдовала за покушеніемъ Каракозова, и еще не начиналась, когда онъ приступалъ къ своему труду. Наступленіе новой безпросвѣтной поры не могло не внушать настроенія пессимистическаго. Этой разностью въ субъективномъ настроеніи, быть можетъ, объясняется нѣкоторое несходство въ тонѣ обсужденія автора въ началѣ и въ концѣ его труда.

Въ началѣ его историкъ, выступая во всеоружіи знанія той эпохи, не только всесторонне, но и краснорѣчиво описывалъ плачевное состояніе народа въ царствованіе Годунова, а изъ этого описанія читатель легко понимаетъ и признаетъ естественнымъ то потрясеніе, которое излагается далѣе. Въ концѣ же своего изслѣдованія авторъ приводитъ къ такому заключенію, что весь кризисъ былъ вызванъ не внутренними причинами, но внѣшними интригами, и признаетъ тотъ кризисъ совершенно безплоднымъ, безслѣднымъ. „Наша смутная эпоха, — говоритъ онъ, — была школою своевольства, несогласія, безначалія, политическаго неразумія, двоедушія, обмана, легкомыслія, распущенности, мелкаго эгоизма, не цѣнящаго общихъ нуждъ,—словомъ, всего того, что̀ впослѣдствіи впилось въ плоть и кровь польскаго общества и повело его къ разложенію".

Но если старая Польша разложилась вслѣдствіе дурно понятой свободы, перешедшей въ своеволіе и мелкій эгоизмъ, не цѣнившій общихъ нуждъ, то все-таки польское общество возро-

[1]) „Вѣстникъ Европы", сентябрь 1867 г.

дилось послѣ паденія государства. И если Россія начала XVII вѣка имѣла то преимущество, что въ ней одержалъ верхъ національный инстинктъ самосохраненія, которому временно принесена была въ жертву идея свободы, то самая идея эта, въ силу народной потребности, должна была воспрянуть снова, пользуясь новыми событіями, уронившими нравственный авторитетъ власти. Событія эти были непохожи на прежнія, но они сыграли ту же роль, какъ въ прежнее время перемѣна династіи и общее недовольство правленіемъ Годунова.

Нельзя, конечно, на протяженіи трехъ столѣтій выслѣдить фактическую связь современнаго движенія съ тѣмъ взрывомъ, который представляется „смутнымъ временемъ". Но преемственность заключается именно въ томъ, что продолжали существовать — прежній государственный строй, прежнее нерадѣніе власти о народѣ; шли — дальнѣйшее укрѣпленіе централизаціи и увеличеніе сонма приказныхъ и служилыхъ людей, жившихъ на счетъ бѣдствовавшаго народа, давившихъ его своимъ произволомъ и стяжаніями, — однимъ словомъ, продолжалось возрастаніе государственнаго бремени безъ всякаго соотвѣтствія съ силами населенія.

Костомаровъ признаетъ, что въ движеніи областей противъ Москвы въ смутное время еще отзывались преданія вольнаго вѣчевого времени, что земли, соединенныя московскимъ государствомъ, проявили сознаніе своей самобытности, Казань и Астрахань пытались оторваться, Псковъ припомнилъ себѣ былую независимость, а Новгородъ сталъ считать себя государствомъ. Въ такомъ случаѣ, возможно ли допустить, чтобы эпоха смутнаго времени прошла совершенно безслѣдно, не оставила въ умахъ народа своихъ слѣдовъ?

Что почва, по которой прошло пламя возстанія, и послѣ него тлѣла еще долго, это доказывается мятежомъ Разина, который произошелъ черезъ полвѣка, въ царствованіе второго уже царя изъ дома Романовыхъ, Алексѣя. Мятежъ этотъ не прекратился сразу даже послѣ казни Разина и продолжался четыре года, а обнималъ онъ губерніи астраханскую, саратовскую, самарскую, нижегородскую, тамбовскую, пензенскую и симбирскую. Разинъ нѣсколько разъ разбивалъ царскихъ воеводъ, бралъ большіе города и велъ бѣглый народъ, крестьянъ, казаковъ, инородцевъ, да и горожанъ, противъ бояръ и приказныхъ людей, провозглашалъ всеобщее равенство. И онъ прибѣгъ къ прежнему средству, — провозгласивъ самозванца, мнимаго царевича Алексѣя, умершаго сына царя.

Государственная сила одолѣла и этотъ мятежъ и продолжала расширяться, все болѣе проникая въ глубь областной и городской жизни, продолжая завоеванія, укрѣпляя еще болѣе крестьянскую неволю, да еще преслѣдуя религіозное движеніе, проявившееся въ народѣ, то-есть расколъ. И вотъ, еще лѣтъ черезъ сорокъ, уже при Петрѣ, проявился новый анти-государственный мятежъ, бунтъ Булавина, который охватилъ все Поволжье, съ прежнимъ, знакомымъ кличемъ „противъ князей, бояръ и нѣмцовъ, которые отвращаютъ отъ истинной вѣры". Далѣе, спустя еще почти шестьдесятъ лѣтъ послѣ Булавинскаго бунта, при Екатеринѣ II, ровно черезъ столѣтіе по подавленіи Разинскаго мятежа, явилось возстаніе Пугачева, который также былъ самозванцемъ, выдавая себя за умерщвленнаго Петра III, подобно тому, какъ прежній претендентъ выдавалъ себя за умерщвленнаго царевича Димитрія. Народный лозунгъ былъ все тотъ же: противъ бояръ, противъ дворянъ, противъ народнаго рабства, за вѣру. „Тряхнемъ Москвой!" — говорили яицкіе казаки, попрежнему разумѣя подъ Москвой тяжкую власть государства и давившее народъ государственное бремя.

Этотъ мятежъ былъ подавленъ, какъ и предшествовавшіе. Какъ правительство сумѣло освобождаться отъ тѣхъ ограниченій его власти, какія были установлены при царѣ Шуйскомъ, при призывѣ Владислава, при избраніи Михаила Ѳедоровича, наконецъ, при воцареніи Анны Ивановны,—такъ ему удавалось усмирять и народные мятежи противъ тягостей, налагаемыхъ долгимъ завоевательнымъ временемъ „собиранія земель", которое обнималось такъ называемыми московскимъ и петербургскимъ періодами. Но нельзя отрицать преемственной связи всѣхъ тѣхъ движеній, въ которыхъ выражался народный протестъ, а также и позднѣйшихъ революціонныхъ попытокъ, предпринятыхъ интеллигенціей, какъ военное возстаніе 1825 года и то подземное, вулканическое кипѣніе, о которомъ свидѣтельствовалъ цѣлый рядъ покушеній въ теченіе послѣдняго сорокалѣтія.

Въ настоящее время мы видимъ впервые, что волненіе, проникшее въ народъ, истекло уже не изъ темныхъ слуховъ о самозванцахъ или о посягательствахъ на вѣру, и выражается не въ формѣ неопредѣленнаго анти-государственнаго протеста, стремленія къ разрушенію всего существующаго, но въ видѣ воспринимаемыхъ народомъ отъ образованныхъ слоевъ и усвоиваемыхъ болѣе или менѣе ясно политическихъ понятій объ установленіи предѣловъ правительственной власти и о созданіи средствъ для подъема народнаго быта.

Но какъ бы то ни было, въ этой долговременной эволюціи, которая вела къ возстановленію въ политическомъ бытѣ русскаго народа законнаго вѣчевого начала свободы, и смутное время представляло собой звено, черезъ которое исторія уже не могла „перескочить“, не заимствовавъ ничего отъ того великаго кризиса. Каждое изъ предшествовавшихъ движеній, въ свою очередь, вспахивало почву и влагало въ нее сѣмена, которыя когда-нибудь должны были взойти и дать Россіи наконецъ урожай свободы.

VII.

Указывая въ настоящей статьѣ тѣ факты, въ объясненіи или оцѣнкѣ которыхъ французскій авторъ расходится съ классическимъ изслѣдованіемъ русскаго историка смутнаго времени, мы должны остановиться на одной частности, не лишенной значенія. Мы хотимъ упомянуть еще о разногласіи г. Валишевскаго съ Костомаровымъ по вопросу объ ограниченіи власти перваго изъ царей династіи Романовыхъ.

Костомаровъ признаетъ въ смутномъ времени свидѣтельство, что „государство во многомъ еще не было достроено; московское единодержавіе еще несовсѣмъ успѣло истребить элементы прежняго строя удѣльновѣчевой Руси... И вотъ, князья и бояре стали думать объ ограниченіи самодержавія боярской думою, а народная громада искала вольности“. Но, желая затѣмъ доказать полную безслѣдность этого кризиса, онъ принимаетъ за фактъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ былъ избранъ безъ всякихъ ограниченій власти. „Противное свидѣтельство русскаго эмигранта Котошихина—говоритъ онъ—не подтверждается еще ничѣмъ положительнымъ; да еслибы было что-нибудь въ этомъ родѣ для насъ неизвѣстное, все-таки, впослѣдствіи мы видимъ полное самодержавіе въ Россіи“. Но едвали позволительно сомнѣваться въ томъ, что, ограничивъ царскую власть дважды подрядъ, бояре оставили безъ ограниченія власть вновь избираемаго царя-юноши, о которомъ Ѳедоръ Шереметевъ писалъ Голицыну, что избранъ будетъ „Миша Романовъ, юный и незрѣлый умомъ“. Что „для насъ неизвѣстное“ могло все-таки быть, этого не отвергаетъ безусловно и самъ Костомаровъ.

А между тѣмъ, свидѣтельство Котошихина, почти современника, совершенно положительно. Онъ говоритъ, что на послѣднихъ царей до Алексѣя налагалось ограниченіе власти, и съ Михаила взято было обязательство, чтобы ему, безъ согласія бояръ,

ничего важнаго не дѣлать. Съ сына же его такого письма не брали, разумѣя его быть гораздо тихимъ. Что доселѣ не найденъ или остается недоступнымъ документъ, который бы составилъ доказательство юридическое даннаго факта—это не можетъ служить опроверженіемъ такого свидѣтеля, какъ Котошихинъ. Вѣдь отъ московской Руси не осталось юридическаго опредѣленія правъ какъ боярской думы, такъ и земскихъ соборовъ, ни избирательнаго закона, ни даже закона о престолонаслѣдіи. Съ Алексѣя могли и не взять новаго обязательства, такъ какъ онъ наслѣдовалъ власть отца. Это представлялось совершенно въ духѣ времени, когда всѣ отношенія носили характеръ преимущественно личный, а не опредѣлялись точными юридическими институтами.

Что Котошихинъ впослѣдствіи выѣхалъ изъ Россіи—это неважно. Но очень важно, что онъ былъ дьякомъ посольскаго приказа, что онъ подробно описываетъ всѣ формы внѣшнихъ сношеній, выписываетъ самыя формулы обращенія къ разнымъ иностраннымъ монархамъ, съ точностью излагаетъ составъ и предметы вѣдѣнія всѣхъ приказовъ, то-есть всего центральнаго управленія. Показаніе такого свидѣтеля по вопросу о правленіи государствомъ едвали не имѣетъ рѣшающаго значенія. Немало значитъ и тотъ фактъ, что первые три года царь Михаилъ правилъ вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ.

Эти соображенія побуждаютъ насъ склониться къ мнѣнію г. Валишевскаго, что власть перваго царя изъ дома Романовыхъ была ограничена. Заслуживаетъ вниманія и тотъ фактъ, что Михаила и отца его, патріарха Филарета, писали въ оффиціальныхъ актахъ, вмѣстѣ, „великими государями“. Валишевскій ссылается еще и на близкія къ тому времени показанія иностранцевъ, что власть царя Михаила была ограниченной.

Зато не имѣется ни одного свидѣтельства, чтобы это повторилось при вступленіи на престолъ царя Алексѣя. Наоборотъ, и Котошихинъ прямо говоритъ, что онъ волёнъ былъ рѣшать дѣла по своему усмотрѣнію. Но отъ кончины Алексѣя до кончины Петра прошло всего сорокъ-девять лѣтъ и при послѣдовавшихъ затѣмъ царствованіяхъ до Екатерины II, если даже оставить въ сторонѣ извѣстные пункты, которыми формально обязалась Анна Ивановна, хотя тотчасъ же и отмѣнила ихъ, мы видимъ преобладаніе придворной олигархіи и цѣлый рядъ переворотовъ. А черезъ пять лѣтъ по кончинѣ Екатерины II, Александромъ I-мъ уже учреждается государственный совѣтъ и, по мысли Сперанскаго, проектируется учрежденіе государственной думы.

Итакъ, въ теченіе трехъ вѣковъ, минувшихъ отъ начала

смутнаго времени, въ позднѣйшихъ движеніяхъ сказывались еще отзвуки народнаго протеста противъ пренебреженія къ тяжкимъ условіямъ быта массы со стороны государственной власти, постоянно одержимой духомъ завоеваній и сдавливанія несмѣтныхъ, разнородныхъ областей все болѣе и болѣе сдвигавшимися оковами централизаціи. Но мысль о необходимости реформы въ политическомъ строѣ, хотя и выражалась въ нѣсколькихъ попыткахъ или предположеніяхъ, не могла однако пустить корней, пока она сама не проникла въ глубь народнаго сознанія. Въ наше время это, повидимому, уже совершилось, и въ этомъ нельзя не почерпнуть увѣренности, что великое движеніе, нынѣ охватившее Россію, приведетъ ее къ установленію политическаго быта на такихъ основахъ, въ которыхъ сила государства будетъ согласована съ интересами народнаго благосостоянія и свободнаго развитія народнаго духа.

Л. Полонскій.

ЗАКОНЫ

И

ОПЕЧАТКИ

Посмертный трудъ.

20-го ноября исполнится годъ со дня кончины Александра Львовича Боровиковскаго. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу оригинальный и богато-одаренный человѣкъ, соединявшій съ живымъ пониманіемъ духа Судебныхъ Уставовъ 1864 г. вѣрное имъ служеніе словомъ и дѣломъ. Онъ былъ сотрудникомъ и помощникомъ многаго множества русскихъ цивилистовъ въ ихъ практической дѣятельности. Можно сказать, что безъ его помощи и руководства въ дремучемъ лѣсу нашихъ кассаціонныхъ рѣшеній не обходился за послѣднія 20 лѣтъ ни одинъ юристъ-практикъ, постоянно прибѣгая къ его „Законамъ гражданскимъ“ и „Уставу гражданскаго судопроизводства“, вдумываясь и вчитываясь въ ихъ богатые подстатейные тезисы. За нимъ, однако, не одна заслуга кропотливаго и усидчиваго труда, вложеннаго въ эти книги. Онъ былъ не только комментаторомъ и толкователемъ нашихъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и остроумнымъ, проницательнымъ критикомъ нашего гражданскаго права и проектовъ его улучшенія, но онъ былъ и судьею, отзывчивымъ на нужды и скорби практической жизни.

Все въ его натурѣ и дѣятельности стояло въ противорѣчіи съ узко-формальнымъ и подъяческимъ отношеніемъ къ живой дѣйствительности, къ ея условіямъ и запросамъ, и это, вмѣстѣ

съ яркой логикой и прочнымъ знаніемъ, не могло не придавать его взглядамъ особой цѣны и вѣса. Читая написанныя имъ рѣшенія или тонкія критическія замѣтки, слушая его заключенія, приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ правда матеріальная, правда житейская выступала наружу, пробивая кору формальной и условной истины. При этомъ нельзя было съ обычной у насъ презрительной или снисходительной усмѣшкой сказать: „да, но какой же это юристъ"?—ибо это былъ настоящій, „всамдѣлѣшный" юристъ, не только по праву службы, но и по праву опыта и знанія занимавшій должности члена судебной палаты, оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента и сенатора.

У насъ было время, когда звѣздами первой величины между цивилистами нерѣдко считались люди приказнаго склада, для которыхъ мертвыя правовыя схемы казались скрижалями завѣта, заставлявшими чаянія и упованія жизни смолкать предъ своимъ мертвымъ глаголомъ. Такого рода цивилистамъ, конечно, казалось, что не юридическія нормы должны расширяться и принимать въ себя жизнь, но что самую жизнь можно втолкнуть, болѣзненно и насильственно, въ ихъ узкія рамки. Отсюда вытекали тѣ толкованія, которыя исходили отъ „духомъ хладныхъ скопцовъ" и, восхищая подобныхъ имъ, оставляли въ недоумѣніи здравомыслящихъ людей. Послѣднимъ трудно было забыть, что „не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка", и что слова одного изъ героевъ Щедрина: „по естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентахъ этого не написано—ну и попался" — были остроумной шуткой, а не торжественно провозглашеннымъ мнѣніемъ патентованныхъ юристовъ. Противъ этой-то бездушной узкости и казуистичности всѣми силами своего ума и знанія вооружался Боровиковскій. Его замѣчательная книга — „Отчетъ судьи",—лучше всего показываетъ, какъ далекъ онъ былъ отъ формальнаго отношенія къ праву. Особенно въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія III-ій томъ „Отчета судьи", названный авторомъ: „Дѣла мужичьи".

Нигдѣ въ области гражданскаго права и процесса „summum jus" не обращается въ „summa injuria" такъ легко, какъ въ дѣлахъ вельскихъ обывателей, несвѣдущихъ въ законѣ, не отдающихъ себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствительныхъ правахъ и обязанностяхъ и часто дѣлающихся жертвою корысти заугольныхъ адвокатовъ;—нигдѣ такъ не противно справедливости безучастное положеніе судьи, который только разсматриваетъ представленныя сторонами доказательства и, „спокойно зря на правыхъ и виновныхъ", не снисходитъ въ своемъ олимпійскомъ величіи до

разъясненія темному человѣку, какія доказательства отъ него требуются по существу дѣла и какимъ способомъ ихъ добыть. „Предметъ мужичьяго иска, — говоритъ Боровиковскій, — десятина-другая полевой земли или нѣсколько квадратныхъ саженъ земли усадебной; обычная цѣна иска — какіе-нибудь 150 — 200 р. *„Какіе-нибудь“*... — такъ говоримъ мы. А они, истцы и отвѣтчики, навѣрное выражаются иначе: „цѣлые“ 150 р., „цѣлые“ 200 р.!.. „Ничтожный клочекъ“ земли — тамъ „все достояніе семьи“, драгоцѣнная „батьковщина“, либо пріобрѣтенія на „капиталъ“, сколоченный многолѣтними трудами. Рѣдко въ крупныхъ процессахъ рѣшаются столь важные для сторонъ интересы, какъ здѣсь. Эти мелкіе „споры о правѣ гражданскомъ“ вѣрнѣе было бы назвать „спорами о хлѣбѣ насущномъ“... — Отмѣчая, что строгое примѣненіе правила 367-ой статьи Уст. Гр. Суд. о несобираніи судомъ самимъ ни въ какомъ случаѣ доказательствъ и справокъ — имѣетъ практическое удобство, состоящее въ томъ, что для безучастнаго слушанія состязанія сторонъ не нужно даже знать дѣло, а достаточно лишь имѣть терпѣливый нравъ, Боровиковскій восклицаетъ: „Нѣтъ, судья, отличай *нежелающаго* отъ *неумѣющаго* отстаивать свое право! Къ нежелающему будь равнодушенъ, а неумѣющему помоги. Это — святая обязанность судьи. Этого требуетъ отъ судьи законъ, — тотъ самый законъ, который проникнутъ принципомъ состязательности гражданскаго процесса. Не навязывай судебной защиты нежелающему — вотъ это состязательность; оставаться же безучастнымъ къ желающему, но неумѣющему защищаться—это не „состязательность“, а неправосудіе. Правосудіе должно склоняться въ пользу того, кто правъ, а не того, кто лучше говоритъ, кто смышлёнѣе и хитрѣе“. И въ подтвержденіе этого положенія онъ приводитъ рядъ примѣровъ. Человѣкъ пришелъ на судъ; противникъ говоритъ, а онъ молчитъ. Развѣ это непремѣнно молчаливое признаніе? Быть можетъ, онъ молчитъ вовсе не потому, что сознаетъ правоту противника, а просто потому, что *не умѣетъ* говорить. „Подзовите его къ судейскому столу, — говоритъ Боровиковскій, — помогите оправиться отъ смущенія, предложите въ понятной для него формѣ вопросъ“. Или — простая женщина говоритъ слова, которыя можно счесть „признаніемъ“; но въ сущности она просто болтаетъ, не понимая смысла своихъ словъ. „Не лови ее на безсознательномъ словѣ, — совѣтуетъ Боровиковскій судьѣ, — а разспроси, растолкуй и если по совѣсти убѣдишься, что это было не признаніе, а лишь бабья болтовня (быть можетъ, обусловленная смущеніемъ отъ обстановки судебнаго засѣданія), и

что когда „тяжущейся“ объяснили нелѣпость ея словъ, она пришла въ ужасъ и отъ нихъ отрекается,—закрой законы о признаніи: они отнюдь не желаютъ, чтобы эта баба была изловлена на глупомъ словѣ и изъ-за этого лишилась хлѣба насущнаго. Ты не исполнишь законъ, а оскорбишь его“. Такъ относился Боровиковскій къ дѣламъ мужичьимъ.

Съ трогательной откровенностью, которою проникнута вся его прекрасная книга, онъ сознается, что несмотря на то, что дѣла мужичьи самыя легкія для доклада и изложенія рѣшеній, тѣмъ не менѣе въ нихъ есть очень непріятная сторона, а именно — сомнѣніе въ правосудности постановленнаго рѣшенія вслѣдствіе безсилія суда вполнѣ выяснить обстоятельства дѣла. „Ясно сознаешь, — говоритъ Боровиковскій, что для выясненія истины тутъ нужны были бы совсѣмъ другіе пріемы, да и споръ надлежало бы рѣшить вовсе не тѣми нормами, какими обязанъ руководствоваться гражданскій судъ. Конечно, у насъ есть оправданіе: доказательства представлялись (либо не представлялись) въ порядкѣ, указанномъ уставомъ; истецъ долженъ доказать свой искъ, отвѣтчикъ свои возраженія; недоказанное считается несуществующимъ;—мы такъ и поступили, а затѣмъ къ установленнымъ такимъ образомъ фактамъ примѣнили законъ. И все-таки чувствуешь себя какъ бы невольнымъ пособникомъ какого-то грѣха“...

Во всѣхъ отдѣлахъ этой недостаточно оцѣненной и мало извѣстной у насъ книги — говоритъ ли авторъ о давности, о чиншевомъ правѣ, о третьихъ лицахъ въ процессѣ, о судѣ и семьѣ или, наконецъ, о законѣ и судейской совѣсти — въ его словахъ звучитъ участливое отношеніе къ человѣку и стараніе вложить въ дѣятельность судьи стремленіе къ истинному правосудію, а не къ формальному только его отправленію. Онъ даетъ глубокіе и вдумчивые совѣты по вопросамъ объ аналогіи и о толкованіи законовъ, — съ ироніей рисуетъ развившееся у насъ „скоросудіе“, идущее въ разрѣзъ съ правильнымъ понятіемъ о скоромъ судѣ, и горой стоитъ за гласность суда, требуя соблюденія ея съ педантическою ортодоксальностью. „Я не сочувствую,—говоритъ онъ,—обычаю рѣшать дѣла, не выходя изъ комнаты, если нѣтъ ни сторонъ, ни публики. Когда въ церкви молящихся нѣтъ, служба совершается сполна, согласно съ церковнымъ уставомъ. Трудно поставить точную границу между опущеніемъ пустыхъ формальностей — и халатностью. Я бы счелъ желательною даже гласность совѣщанія судей. Говорятъ—тайна совѣщаній ограждаетъ свободу мнѣній судей;—да у судей нѣтъ

такой „свободы“ мнѣній, для проявленія которой нужно „удаленіе въ особую комнату“. Судья обязанъ рѣшить дѣло сообразно установленнымъ фактамъ и велѣніямъ закона. Еслибы было введено гласное совѣщаніе, судьи стѣснялись бы этимъ развѣ на первое время, съ непривычки. На первыхъ порахъ я, послѣ рѣшеній, постановленныхъ безъ публичнаго доклада, въ совѣщательной комнатѣ, испытывалъ смущеніе, которое уподобляю именно тому, какое испыталъ бы священникъ, еслибы вмѣсто провозглашенія молитвы среди церкви, какъ требуется церковнымъ уставомъ, прочелъ молитву вполголоса, не выходя изъ алтаря и не облачаясь... Скоро я къ этому порядку привыкъ, и *тѣмъ хуже для меня!*“

Особенною содержательностью отличаются его работы объ участіи судебной власти въ семейныхъ дѣлахъ. Онъ признаётъ, что гражданскій законъ можетъ охранять лишь внѣшній миръ семьи, но не предписывать почтеніе и любовь, какъ это онъ дѣлаетъ. Въ семейной распрѣ гораздо полезнѣе помощь и посредничество нравственнаго авторитета родственника, друга, духовника, но обращеніе къ суду только еще пуще расшатываетъ семью. По образному выраженію Боровиковскаго, „исполнительный листъ является въ семью не вѣткой мира: онъ, напротивъ, закрѣпляетъ вражду казенной печатью!“—Въ распоряженіи судебной власти нѣтъ цемента, которымъ можно замѣнить единственную связующую супруговъ силу—любовь. „Замѣна любви принужденіемъ, замѣна священныхъ узъ брака веревочными путами явилась бы кощунственной каррикатурой. Судъ безсиленъ *присудить семьѣ счастье:* онъ долженъ ясно сознавать предѣлы той помощи, которую въ состояніи оказать“. Свои взгляды на судъ и семью Боровиковскій подробно развилъ въ двухъ блестящихъ статьяхъ (1902 г.): „Конституція семьи“ и „Бракъ и разводъ“, въ которыхъ подвергаетъ суровой и вмѣстѣ съ тѣмъ полной юмора критикѣ проектъ новаго гражданскаго уложенія съ его стремленіемъ замѣнить въ семейномъ правѣ юридическія начала—педагогическими, дидактическими и экономическими соображеніями. На множество вопросовъ, гдѣ жизнь приходитъ въ столкновеніе съ буквой закона, отозвался онъ статьями, полными чуткой и жизненной критики, чуждой педантической авторитетности, но сильной внутреннимъ содержаніемъ. Таковы его статьи въ юридическихъ журналахъ: „О правѣ и фактѣ“, „О семейномъ правѣ раскольниковъ“, „О проектѣ устава объ опекахъ“, „Объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ“, „О правахъ женщинъ по литовскому статуту“, „О существѣ дѣлъ“ и, наконецъ, „О печатномъ листѣ“, кото-

рая, вѣроятно, и послужила поводомъ къ приглашенію его въ члены коммиссіи о пересмотрѣ законовъ о печати подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко.

Это былъ человѣкъ оригинальный во всемъ, съ живою и остроумной рѣчью, проникнутой милымъ малороссійскимъ юморомъ. Съ нимъ можно было не соглашаться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, но никогда нельзя было не отдать справедливости самостоятельности и независимости его взглядовъ. Русскій человѣкъ во всемъ, начиная съ неравномѣрности работы подъ вліяніемъ настроеній и кончая нѣкоторою наружной небрежностью, онъ привлекалъ къ себѣ незлобивостью, отсутствіемъ всякой ходульности и умѣньемъ иногда искренно подсмѣиваться и надъ самимъ собою. Такимъ онъ былъ и въ старые годы своихъ первыхъ шаговъ на судебномъ поприщѣ въ только-что открытомъ харьковскомъ судебномъ округѣ; такимъ пробылъ въ петербургской прокуратурѣ, гдѣ блисталъ своими заключеніями по гражданскимъ дѣламъ; такимъ остался на каѳедрѣ новороссійскаго университета и во всей своей дальнѣйшей широкой служебной дѣятельности. Онъ былъ не только выдающимся юристомъ, но и поэтомъ. Это его свойство сказалось еще въ его первомъ литературномъ трудѣ: „О женской долѣ по малороссійскимъ пѣснямъ“, а многія его стихотворенія, не могшія попасть въ печать, ходили по рукамъ, доставляя истинное наслажденіе красотой стиха и сжатостью, а также сердечностью сквозившаго въ нихъ чувства. Между ними почти нѣтъ лирическихъ, но по поводу такъ называемыхъ „гражданскихъ мотивовъ“ онѣ являются зрѣлой сатирой или проникнуты трогательными образами.

Онъ умеръ хотя и не молодымъ, но не состарившимся человѣкомъ, внезапно, среди оживленной дѣятельности. Память о немъ будетъ долго жить среди знавшихъ его, а будущимъ юристамъ надо будетъ учиться у него умѣнью примирять толкованія холоднаго закона съ сострадательнымъ отношеніемъ къ условіямъ и тягостямъ гражданскаго быта.

Печатаемая ниже замѣтка Боровиковскаго осталась въ его бумагахъ и характеризуетъ оригинальный складъ ума и стиля покойнаго автора.

Z.

I.

„Законность"... Юристы говорятъ, что законность есть основное благо правильной государственной жизни.

Законность—это дѣйствія, согласныя съ закономъ. Значитъ, если законъ хорошъ—хороша и законность; если же законъ злой—то и законность злая?

Герценъ о современной ему русской жизни острилъ, говоря, что „въ Россіи только и можно жить благодаря безпорядкамъ", т.-е. отступленіямъ отъ законовъ.

— Гдѣ тутъ правда?

II.

Возьмемъ самый грубый примѣръ.

Иродъ „послалъ избить всѣхъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ и во всѣхъ предѣлахъ его, отъ двухъ лѣтъ и ниже". Такое жестокое повелѣніе Иродъ далъ потому, что „разгнѣвася зѣло". Тѣмъ не менѣе, повелѣнія царя іудейскаго были въ его царствѣ закономъ—безразлично, въ какомъ настроеніи они давались, благодушномъ или сердитомъ.

Нарочно беру примѣръ изъ далекаго прошлаго—чтобы обсудить тему безъ примѣси ужаса, гнѣва и состраданія. Еслибы невинные младенцы не были убиты, примѣрно, во второмъ году по Р. Хр., они въ двадцатомъ году нашей эры стали бы юношами, въ шестидесятомъ году стариками, бородатыми и сѣдыми евреями, а не позже 100-го года всѣ перемерли бы естественною смертью. Давнымъ-давно все равно слѣдъ бы простылъ и отъ тѣхъ младенцевъ, и отъ Ирода, и отъ его посланныхъ. Передъ нами — только казусъ для теоретическихъ размышленій.

III.

Исполненіе Иродова повелѣнія,—т.-е. избіеніе въ Виѳлеемѣ и въ предѣлахъ его всѣхъ младенцевъ до двухъ-лѣтняго возраста включительно,—являлось *законностью*.

Еслибы посланные пощадили указанныхъ Иродомъ младенцевъ—это было бы *противозаконіемъ*.

Но, съ другой стороны, *противозаконіемъ* было бы и то, еслибы посланные стали избивать младенцевъ старше двухъ лѣтъ, или стали бы избивать младенцевъ внѣ „Виѳлеема и предѣловъ его".

IV.

Не лучше ли было бы, еслибъ Иродъ велѣлъ своимъ посланнымъ избивать младенцевъ по ихъ, посланныхъ, „усмотрѣнію": если, молъ, младенецъ,—гдѣ бы то ни было и какого бы то ни было возраста,—покажется вамъ подозрительнымъ, какъ возможный въ будущемъ претендентъ на мое, Иродово, царство—убивайте его; если къ такому подозрѣнію основаній не усмотрите—оставляйте младенца въ покоѣ. Но знайте, что за недогадливость вы мнѣ отвѣчаете; прозѣваете—я съ васъ взыщу жестоко.

Какая же изъ такихъ двухъ бѣдъ была бы болѣе тяжкою? правило—или усмотрѣніе, произволъ?

V.

Поставивши такой вопросъ, я чувствую себя въ положеніи сказочнаго всадника, который доѣхалъ до распутья, гдѣ стоитъ надпись: „Поѣдешь направо—волкъ съѣстъ, налѣво—разбойникъ зарѣжетъ".

Ну ихъ, такіе вопросы!

Но мой вопросъ, какъ онъ ни труденъ, все-таки легче. Легче уже потому, что какъ бы я его ни рѣшилъ, меня ни волкъ не съѣстъ, ни разбойникъ не зарѣжетъ. Я разсуждаю спокойно, на разстояніи вѣковъ, съ птичьяго полета,—рѣшаю отвлеченную задачу.

Евреи того времени, жившіе внѣ Виѳлеема и его предѣловъ, а равно и виѳлеемскіе, у которыхъ дѣти были старше двухлѣтняго возраста, предпочли бы, конечно, законность, правило: оно не касалось ихъ дѣтей,—и вопили бы противъ усмотрѣнія, которое могло коснуться и ихъ. Евреи же, дѣти которыхъ подходили подъ жестокое правило, вѣроятно предпочли бы усмотрѣніе: имъ оставалась еще надежда, что посланныхъ можно умилостивить просьбами, подкупить взяткой, одурманить женскою лаской,—авось бѣда ихъ и минуетъ!..

Но какъ рѣшить вопросъ съ нашей точки зрѣнія,—когда онъ не имѣетъ уже шкурной остроты? Какъ его рѣшить, разсуждая объективно?

Надо сообразить *сумму* бѣды, грозившей въ томъ и въ иномъ случаѣ.

При усмотрѣніи, бѣда грозила всему іудейскому народу, каждой его семьѣ. Никто не былъ безопасенъ. На милосердіе, на подкупъ деньгами или женщиной—надежды плохи,—въ особенности когда и надъ посланными виситъ угроза: „прозѣваете—жестоко отвѣтите!". А у кого нѣтъ денегъ? нѣтъ женщины, которая могла бы, въ глазахъ посланныхъ, пересилить страхъ отвѣтственности? И пошли бы взяточничества, вымогательства, обезчещеніе женъ и дочерей... Сосчитайте всѣ эти бѣдствія.

При законности же—погибли бы указанныя Иродомъ дѣти въ указанномъ имъ районѣ. Но всѣ дѣти въ Виѳлеемѣ, переросшія двухлѣтній возрастъ, и всѣ жившія внѣ округа, оставались бы спокойными.

И борьба въ пользу отмѣны закона—все же легче, чѣмъ борьба противъ произвола. Чтобы добиться отмѣны закона—надо было дѣйствовать на одного Ирода: задобрить его, задарить, наконецъ, наслать на него какую-нибудь новую Далилу. Гораздо труднѣе борьба съ многоголовымъ произволомъ.

VI.

Я взялъ самый крайній случай—чтобы и на немъ иллюстрировать мысль о законности и произволѣ. Даже и въ этомъ случаѣ законность лучше.

Но обыкновенно вопросъ не стоитъ такъ круто, какъ въ разбираемомъ случаѣ избіенія невинныхъ дѣтей. На другихъ случаяхъ тотъ же тезисъ могъ бы быть иллюстрированъ еще съ большей очевидностью.

Итакъ, согласимся съ юристами, что законность дѣйствительно благо,—или, по меньшей мѣрѣ, что произволъ—зло гораздо большее, чѣмъ самая суровая законность.

VII.

Городничій Градобоевъ спрашиваетъ обывателей:—„Какъ хотите: судить ли мнѣ васъ по законамъ, или по душѣ, какъ мнѣ Богъ на сердце положитъ?"

— „Нѣтъ ужъ, за что же, Серапіонъ Мардарьичъ,—суди по душѣ, будь отецъ!“—отвѣчаютъ ему.

Вотъ до чего доводятъ привычки обѣихъ сторонъ къ произволу!

Горе народу, если у него слагаются пословицы: „не бойся суда, а бойся судьи“; „до Бога высоко,—до царя далеко“. Есть времена, когда, какъ выразился поэтъ,—

„Законы святы,
Да исполнители—лихіе супостаты“.

Нѣтъ, законность и законность! Ненуженъ, вреденъ произволъ!

VIII.

Что же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда гнететъ не законъ, даже не произволъ, а нѣчто неимѣющее съ закономъ ничего общаго.

Возьму опять случай самый грубый.

Разскажу сказку.

Жилъ-былъ въ Астрахани земскій исправникъ. Былъ почти канунъ освобожденія крестьянъ, 1859-ый годъ. Крѣпостное право, однакожъ, еще свирѣпствовало во всей силѣ. Помѣщики драли крестьянъ,—драли, между прочимъ, и за „вольнодумство“, проявлявшееся тогда въ распространеніи слуховъ о „волѣ“. Драли у себя дома, „на конюшнѣ“,—либо посылали для экзекуціи въ полицію.

Вѣроятно, исполнялъ такія порученія и названный исправникъ. И вотъ, положилъ ему Богъ на душу—справиться съ закономъ. Видитъ, въ законѣ (Сводъ Зак. изд. 1857 г., т. XIV, уст. о предупрежд. и пресѣченіи преступленій, ст. 390) напечатано, что помѣщику или управляющему имѣніемъ съ помѣщичьими крестьянами предоставляется расправа и, между прочимъ, дозволено имъ подвергать наказанію розгами до сорока или *палками* до *пятидесяти* ударовъ. Другой бы на этомъ и угомонился: законъ... Но нашъ исправникъ сталъ разсуждать: вѣдь палки несравненно больнѣе розогъ; какъ же, розогъ 40 ударовъ, а палокъ 50?! И вотъ, сталъ онъ „рыться“ въ законахъ, и тамъ вычиталъ, что соотвѣтствующее правило есть и въ другомъ томѣ Свода Законовъ, гдѣ также предоставляется помѣщикамъ и управляющимъ расправа и, между прочимъ, наказаніе розгами до сорока или палками „уже только“ до *пятнадцати* ударовъ (т. XV того же изд., стр. 851). Добрякъ-исправ-

никъ не успокоился, и рапортомъ отъ 9-го іюня 1859 г. донесъ губернскому правленію объ оказавшемся по справкѣ—и, „чтобы не встрѣтить затрудненія въ мѣрѣ наказанія помѣщичьихъ крестьянъ палками, просилъ разрѣшенія".

Губернское правленіе взялось за дѣло съ необычайною быстротой. Черезъ два мѣсяца, а именно 10-го сентября того же года, оно „сообразило означенный рапортъ съ законами", признало слово „пятьдесятъ" *опечаткою*—и „предписало астраханскому земскому исправнику руководствоваться въ вышеозначенныхъ случаяхъ 851 ст. угол. зак.".

Обо всемъ этомъ губернское правленіе 30-го того же сентября „донесло Правительствующему Сенату для свѣдѣнія".

И въ Сенатѣ дѣло залежалось всего лишь около девяти мѣсяцевъ. 22-го іюня 1860 г. Сенатъ рапортъ губернскаго правленія „слушали и приказали: признавая рапортъ губернскаго правленія по настоящему дѣлу правильнымъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: для увѣдомленія о семъ Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи въ Департаментъ Министерства Юстиціи передать копію съ сего опредѣленія, а астраханскому губернскому правленію дать знать указомъ".

Лѣнюсь справиться, какое распоряженіе сдѣлано со стороны Главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ. Вѣроятно, поправка вошла въ очередное „Продолженіе" къ Своду Зак., и едвали не явилась уже запоздалою, въ виду 19 февраля 1861 г.

Интересно вотъ что: сомнѣніе возбуждено лишь въ одномъ уѣздѣ; исправники всѣхъ прочихъ уѣздовъ не встрѣчали сомнѣній, и въ другихъ уѣздахъ и губерніяхъ опечатка свирѣпствовала за законъ. И исправленіе ея коснулось только астраханскаго уѣзда; нѣтъ даже слѣда, чтобы о томъ оповѣщены были прочіе исправники, а тѣмъ болѣе—помѣщики.

Сосчитайте: сколько мужичьихъ спинъ пострадало отъ опечатки?..

Эта сказка—быль. Она помѣщена во Второмъ Полномъ Собраніи Зак. Росс. Имперіи, 1860 г., № 35973, подъ заглавіемъ: „О исправленіи опечатки въ Сводѣ Законовъ, изд. 1857 г., касательно опредѣленія мѣры наказанія крестьянамъ помѣщиками или ихъ управляющими".

IX.

Повторяю, я привелъ случай самый грубый—когда роль закона играла опечатка.

Откуда она взялась? Преступная неряшливость корректора? Неужели можно допустить, что кто-либо изъ „редакторовъ“ Свода умышленно столь злодѣйски „подшутилъ“? Конечно, почти несомнѣнно—первое предположеніе.

Ошибки, способныя переиначить законъ, возможны и не по небрежности, а, напр., по недоразумѣнію кодификаторовъ. Кассаціонный сенатъ много разъ усматривалъ такія ошибки, возстановлялъ истинный смыслъ закона и разъяснялъ, что „кодификаціоннымъ, а не законодательнымъ путемъ—не можетъ быть произведена перемѣна въ законахъ“.

X.

Все это—ошибки. Печальныя, причинившія зло—но все-таки ошибки. Онѣ болѣе или менѣе простительны, а если даже и непростительны, то подлежатъ осужденію какъ ошибки.

Но иногда бываетъ, что именемъ закона дѣйствуютъ распоряженія, явно неимѣющія на то права. Некомпетентная, но фактически могущественная власть отдаетъ приказанія, на которыя закономъ вовсе не уполномочена. Либо дѣйствуетъ распоряженіе, въ форму закона не облеченное и даже не оглашенное. И все это дѣйствуетъ какъ законъ.

Понадобилась, наконецъ, коммиссія для рѣшенія вопроса: что̀ есть законъ?

Вѣдь если сила закона присвоится тому, что̀ вовсе не есть законъ,—это, въ сущности, почти то же, что ставится на мѣсто закона опечатка.

XI.

Мы доживаемъ вѣкъ подобныхъ „опечатокъ“. До сихъ поръ онѣ жили и плодились, какъ живутъ и плодятся черви въ ямахъ, полныхъ гнили и недоступныхъ солнечному свѣту. Всякому, пытавшемуся возстать противъ опечатки смѣлымъ словомъ—грозилъ рискъ попасть подъ дѣйствіе опечатки, придуманной для откровеннаго слова. Теперь стало дышаться свободнѣе. Уличенныя при яркомъ лучѣ свѣта опечатки—стыдливо склоняютъ голову и прячутся куда-то въ норы. И лишь изрѣдка опечатка не хочетъ уступить свое мѣсто и отстаиваетъ свое право кусаться.

Я, конечно, не берусь здѣсь за изложеніе ни „исторіи“, ни „системы“ замѣны закона тѣмъ, что̀ я назвалъ „опечатками“.

Для этого потребовалась бы не короткая замѣтка, а цѣлыя изслѣдованія. Это—дѣло будущей исторіи доживаемаго нами времени. Я ограничусь лишь нѣсколькими указаніями и намеками (sapienti sat), чтобы пояснить мою мысль.

Развѣ, напр., „гражданская“ исторія раскола не полна случаями, когда силу закона имѣли *не законы?* Распоряженія, жестокія даже для жестокаго вѣка, не рѣшались одѣваться въ форму закона, не оглашались въ общее свѣдѣніе, вѣдомы были лишь тѣмъ, кого били и угнетали, да тѣмъ, кто билъ и угнеталъ.

Развѣ, напр., малороссійская литература была загнана законами? Негласными распоряженіями она доведена была до того, что теперь невольно напрашивается вопросъ: въ силахъ ли будетъ освобождаемое малорусское слово оправиться и поднять голову?

Развѣ наша печать не терпѣла больше отъ незаконныхъ распоряженій, чѣмъ отъ самихъ законовъ? Достаточно указать на почти невѣроятную практику невинной 140 ст. Уст. ценз.

Развѣ такое невинное по мысли закона учрежденіе, какъ Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, не держало народъ въ темнотѣ своими каталогами?

И т. д., и т. д., и т. д. Все это—не законы, а нѣчто весьма близкое къ извращенію законовъ опечатками.

Я гдѣ-то читалъ, — кажется, у Бокля, — такую мысль: если юристы сдѣлали что-либо для цивилизаціи, то развѣ лишь устраненіемъ тѣхъ для нея преградъ, которыя они же сами раньше создали.

Можно бы поставить юристамъ задачу еще болѣе скромную: пусть *защитятъ законъ*; пусть очистятъ его отъ болѣзненныхъ наростовъ и „новообразованій“.

Уже одна эта операція принесла бы немалую пользу. Законъ *стыдливъ*, стыдливъ *инстинктивно*, какъ инстинктивно стыдливы порядочные люди. Законъ, выходя въ свѣтъ, и принарядится, и причешется. Законъ не скажетъ грубой жестокости и несправедливости. Исполнители же способны и къ жестокости, и къ несправедливости; но дѣлать это они могутъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь *извращая* законъ.

XII.

Еще одно теоретическое замѣчаніе.

Вообразите себѣ, что въ законахъ было бы сказано: „исправнику дозволяется продѣлывать съ обывателями все, что̀ ему вздумается“. Было ли бы это „закономъ“?

Конечно нѣтъ. Это только доказывало бы, что не все написанное въ книгахъ законовъ есть законъ.

Законъ есть правило. *Повелѣваетъ* законодатель; исполнитель закона ничего не *повелѣваетъ*: онъ самъ—рабъ закона. Законъ—*правило*, правило *слѣпое*; онъ затрогиваетъ всякаго, кто подъ него подходитъ, и не трогаетъ никого, кто подъ него не подходитъ. Исполнитель—только *примѣняетъ* правило.

Возможно, что исполнительной власти предоставляется и *установлять правила*; тогда, въ сущности, на него переносится законодательная власть. Но все-таки, сперва должно быть правило, а потомъ—его примѣненіе. „Усмотрѣніе“ же не предполагаетъ правила,—сливаетъ установленіе правила ad hoc и его примѣненіе въ одинъ моментъ.

Упомянутое предоставленіе исправнику дѣлать, что̀ ему вздумается—было бы попыткой „узаконить произволъ“, т.-е. сдѣлать „холодный огонь“, „сухую воду“. Законъ стыдливъ—и подобныхъ фразъ не говоритъ.

Это—исполнители иногда читаютъ въ законѣ то, что̀ въ немъ вовсе не написано. Это тоже „опечатки“.....

Александръ Боровиковскій.

1904 г.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Пѣснь о Сорренто.

Изъ Поля Гейзе.

Эти дни, эти страстныя ночи,
Ароматомъ любовнымъ полны,
Звѣздъ недремлющихъ кроткія очи,
Бѣлоснѣжные всплески волны...
И цвѣтовъ лучезарная лента,
Кипарисовъ зеленый чертогъ...
О, любимый лазурный Сорренто,
О, волшебный земли уголокъ!

Тихой ночью журчитъ Луизелла
И шумитъ мелодичной волной,
И звучитъ, и звенитъ тарантелла
О цвѣтахъ и любви молодой.
Озаряетъ уснувшее море
Голубая царица-луна...
О, Сорренто, въ вечернемъ уборѣ,
О, моя неземная страна!

Здѣсь на радостномъ, гордомъ просторѣ
Вспоминается прошлое вновь,
И въ стыдливомъ, мечтательномъ флёрѣ
Выплываетъ былая любовь,

Вырастаетъ любовь золотая,
Словно сказочный алый цвѣтокъ...
О, Сорренто, преддверіе рая,
О, волшебный земли уголокъ!

Море шепчетъ лазурныя сказки;
Подъ могучую пѣсню валовъ
Рѧсцвѣтаютъ уснувшія ласки
И гирлянды несбыточныхъ сновъ.
Вьется поѣздъ, какъ сѣрая лента...
О, какъ я безконечно далекъ
Отъ тебя, мой любимый Сорренто,
О, волшебный земли уголокъ!

Анатолій Доброхотовъ.

ДЕБРИ

РОМАНЪ.

— Upton Sinclair. The Jungle. London 1906 (W. Heinemann).

Окончаніе.

XXIII [1]).

Ранней осенью Юргисъ снова направился въ Чикаго. Возможность скитанія прекращалась съ наступленіемъ холода, и кромѣ того Юргисъ, какъ тысячи другихъ его товарищей, надѣялся, что, попавъ въ городъ до наплыва безработныхъ, онъ легче устроится. У него было запрятано въ сапогѣ пятнадцать долларовъ — единственныя деньги, которыя онъ приберегъ на черный день изъ боязни остаться безъ работы на зиму. Онъ рѣшилъ какъ можно меньше тратить, спалъ въ хорошую погоду гдѣ-нибудь въ паркѣ, или подъ навѣсомъ, а въ дождь и холодъ укрывался въ самой дешевой ночлежкѣ, ѣлъ въ благотворительныхъ кухмистерскихъ, и рѣшилъ мѣсяца два перебиваться такимъ образомъ, надѣясь за это время найти работу. Пришлось, конечно, отказаться отъ пріобрѣтенныхъ за лѣто привычекъ чистоты; въ городѣ негдѣ было даже помыться,—а купаться въ озерѣ было уже слишкомъ холодно.

Онъ навѣдался сначала въ сталелитейномъ заводѣ и на машинной фабрикѣ, гдѣ прежде работалъ, но мѣсто его оказалось занятымъ. На скотные дворы онъ не хотѣлъ идти; онъ рѣшилъ пробить себѣ дорогу одинъ и боялся возобновленія прежнихъ се-

[1]) См. выше: октябрь, стр. 588.

мейныхъ связей. Онъ обошелъ всѣ фабрики и заводы, искалъ работы по объявленіямъ, не попадаясь впрочемъ на удочку агентовъ, такъ какъ пріобрѣлъ опытъ и узналъ про ихъ продѣлки отъ товарищей-бродягъ.

Послѣ цѣлаго мѣсяца исканій Юргисъ нашелъ, наконецъ, работу черезъ посредство газеты. Онъ прочелъ, что требуется сто рабочихъ, подумалъ, что это опять какая-нибудь ловушка для неопытныхъ, но все-таки пошелъ, такъ какъ идти было очень недалеко. Онъ засталъ цѣлую толпу ожидавшихъ очереди, но протолкался впередъ, и часа черезъ два очутился въ конторѣ, гдѣ его принялъ толстый ирландецъ, стоявшій за конторкой.

— Работали раньше въ Чикаго?—отрывисто спросилъ ирландецъ, и по наущенію своего добраго ангела Юргисъ отвѣтилъ:—Нѣтъ, сэръ.

— Гдѣ работали? Есть рекомендаціи?

— Работалъ въ Канзасѣ. Рекомендація одна—сильныя руки.

— Мнѣ нужны люди для тяжелой работы подъ землей. Рыть туннели для телефоновъ. Это вамъ подойдетъ?

— Я на все согласенъ, сэръ. А какая плата?

— Пятнадцать центовъ въ часъ.

— Я согласенъ, сэръ.

— Хорошо. Пойдите запишитесь.

Черезъ полчаса Юргисъ уже сталъ на работу и очутился глубоко подъ землей. Туннель былъ странный—не такой, какіе прокладываются обыкновенно для телефоновъ; онъ былъ вышиной футовъ въ восемь съ широкой платформой наверху. Онъ былъ освѣщенъ электричествомъ, и наверху проложенъ былъ двойной рельсовый путь. Только впослѣдствіи Юргисъ узналъ, что это предпріятіе было мошеннической аферой, что, подъ предлогомъ устройства телефоновъ, трестъ фабрикантовъ провелъ подземный рельсовый путь для перевозки грузовъ. Всѣ фабрики и заводы соединены были подземными путями, чѣмъ нарушались привилегіи рабочаго союза перевозчиковъ. Капиталисты рѣшили тайно закончить сѣть подземной дороги, чтобы потомъ держать въ своихъ рукахъ рабочихъ и прижимать ихъ какъ угодно. Рабочій союзъ поднялъ шумъ; по его жалобѣ городской совѣтъ назначилъ коммиссію для разслѣдованія, но, благодаря подкупамъ фабрикантовъ, коммиссія бездѣйствовала. Скандалъ разросся,—доказано было, что городское управленіе совершило рядъ подлоговъ, и что многіе чикагскіе капиталисты совершили уголовныя преступленія, за которыя должны были бы подвергнуться тюремному заключенію,—чего въ дѣйствительности судебная власть не

приводила въ исполненіе. Члены городского совѣта доказывали, что они понятія не имѣли о туннелѣ,—хотя входъ въ туннель устроенъ былъ черезъ черный ходъ въ кабакѣ, принадлежащемъ одному изъ городскихъ альдерменовъ.

Юргисъ получилъ работу по устройству новой вѣтви подземнаго канала, и могъ разсчитывать, что работы хватитъ на всю зиму. На радостяхъ онъ даже подвыпилъ въ первый же вечеръ. Потомъ онъ сравнительно дешево устроился; за пять долларовъ въ недѣлю онъ имѣлъ мѣсто для спанья и ѣду по близости отъ мѣста работы. У него оставалось болѣе четырехъ долларовъ въ недѣлю, что̀ составляло неслыханное богатство по его понятіямъ. Вначалѣ пришлось еще поиздержаться на покупку инструментовъ, прочныхъ сапогъ и фланелевой рубахи. Но этимъ его расходы и ограничились. Онъ хотѣлъ-было купить теплое пальто у еврея-старьевщика, но раздумалъ: все равно весь день онъ будетъ работать подъ землей, а на ночь у него обезпечена постель,—такъ что теплое верхнее платье было бы лишней роскошью.

Но разсчетъ этотъ былъ неправильный, такъ какъ холодъ гналъ его каждый вечеръ въ кабакъ. Работая съ семи часовъ утра до половины пятаго, съ перерывомъ въ полчаса для обѣда, онъ никогда не видѣлъ дневного свѣта въ будни, а по вечерамъ долженъ былъ отправляться въ кабакъ, если хотѣлъ обогрѣться; тамъ было̀ свѣтло, тепло, уютно и было съ кѣмъ поболтать и посмѣяться. У него не было ни семьи, ни друзей, и ему оставалось только общество товарищей по пьянству. По воскресеньямъ ему тоже некуда было дѣваться. Въ церковь пойти было непріятно: всѣ сторонились отъ грязнаго рабочаго, отъ котораго дурно пахло и у котораго ползали насѣкомыя по шеѣ. Комната, въ которой онъ нанималъ уголъ, не отапливалась, окно выходило на стѣну; гулять безъ пальто въ стужу тоже не представляло удовольствія—оставалось только пойти въ кабакъ. Тамъ, выпивъ стаканчикъ-другой, онъ получалъ право расположиться какъ дома, играть въ кости или въ карты, разсматривать картинки въ засаленныхъ журнальчикахъ, гдѣ помѣщались портреты убійцъ и полунагихъ женщинъ. На такія удовольствія онъ тратилъ всѣ свои деньги, и такъ проводилъ время въ теченіе шести недѣль, работая на чикагскихъ капиталистовъ, которые придумали еще одно средство закабалить рабочихъ.

Работы велись въ туннелѣ съ полнымъ пренебреженіемъ къ безопасности рабочихъ, и несчастія,—взрывы, крушенія стропилъ и балокъ,—случались довольно часто. Вскорѣ и Юргисъ сдѣлался

жертвой несчастнаго случая,—на него наскочилъ паровозъ, неожиданно появившійся изъ-за угла, и отбросилъ его къ стѣнѣ, ударивъ въ плечо. Юргисъ потерялъ сознаніе и очнулся уже въ санитарной каретѣ. Онъ лежалъ въ ней, прикрытый одѣяломъ, и его медленно везли по шумнымъ улицамъ. Въ городскомъ госпиталѣ, куда его привезли, молодой хирургъ вправилъ ему плечо, затѣмъ его вымыли и уложили въ постель въ одной палатѣ съ десяткомъ другихъ искалѣченныхъ рабочихъ.

Юргисъ провелъ въ госпиталѣ Рождество, и оно было для него однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Америкѣ. По поводу порядковъ въ госпиталѣ, гдѣ онъ лежалъ, ежегодно поднимали шумъ въ газетахъ, обвиняя докторовъ въ томъ, что они продѣлывали всяческіе эксперименты надъ больными. Но Юргисъ этого не зналъ и былъ доволенъ уходомъ. Онъ только протестовалъ противъ пищи. Больныхъ кормили мясными консервами, а Юргисъ зналъ по опыту, что ими и собакъ кормить грѣхъ. Юргисъ въ свое время размышлялъ о томъ, кому идутъ въ пищу издѣлія консервныхъ фабрикъ,—теперь онъ уже зналъ, что ихъ скупали поставщики разныхъ учрежденій: консервами кормили солдатъ и матросовъ, заключенныхъ, артели рабочихъ и больныхъ въ городскихъ больницахъ.

Черезъ двѣ недѣли Юргиса выписали изъ госпиталя—не потому, что онъ совершенно вылечился, а только потому, что въ дальнѣйшей хирургической помощи онъ не нуждался, а на его мѣсто было уже много другихъ кандидатовъ, болѣе больныхъ, чѣмъ онъ. А до того, что онъ не можетъ работать и что ему не на что будетъ жить до выздоровленія, больничному начальству не было дѣла. Онъ остался совсѣмъ безъ денегъ: несчастье случилось съ нимъ въ понедѣльникъ, а въ субботу онъ уплатилъ за комнату и ѣду, и остатокъ израсходовалъ въ воскресенье въ кабакѣ. У него было въ карманѣ теперь всего семьдесятъ-пять центовъ. Онъ бы, конечно, могъ потребовать возмѣщенія убытковъ съ хозяевъ, но не зналъ, что имѣетъ на это право, а сообщать ему это никто не былъ обязанъ. Онъ только пошелъ получить плату за проработанные полъ-дня, взялъ свои инструменты—и послѣ того остался безъ пристанища. Хозяйка, у которой онъ жилъ, поняла, что онъ не въ состояніи будетъ работать мѣсяца два, и отказалась содержать его въ долгъ. Былъ страшный холодъ, у Юргиса не было теплаго пальто, и онъ пришелъ въ полное отчаяніе. Ему некуда было идти, весь его капиталъ заключался въ двухъ долларахъ и шестидесяти пенсахъ, и онъ зналъ, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не смо-

жетъ заработать ни цента. Рука у него была на привязи, и всякая работа становилась невозможной. Онъ не только не могъ заработать что-нибудь нагрузкой или разгрузкой товаровъ, но даже не годился въ газетчики, потому что не могъ справиться съ конкуррентами. Слабыхъ не жалѣютъ, и никто имъ не помогаетъ. Даже еслибы онъ сталъ просить милостыню, то очутился бы въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ другіе.

Юргисъ зашелъ въ знакомый кабакъ выпить съ горя, заплатилъ за свой стаканъ и подошелъ къ огню погрѣться. Но по освященному обычаемъ закону потребителю предоставлялось грѣться у огня столько же времени, сколько онъ пилъ свой стаканъ,—потомъ полагалось потребовать еще стаканъ или уйти. Юргисъ, какъ старый завсегдатай, могъ посидѣть подольше. Но онъ отсутствовалъ двѣ недѣли,—хозяинъ понялъ, что ему не повезло, и постарался отдѣлаться отъ него. Вѣдь еслибы кабатчикъ имѣлъ мягкое сердце и жалѣлъ такихъ людей, какъ Юргисъ, то у него всегда околачивались бы всѣ бродяги. Юргисъ пошелъ въ другое заведеніе и заплатилъ опять за стаканъ водки. При этомъ онъ не могъ устоять противъ соблазна и съѣлъ горячаго супа, такъ какъ онъ былъ очень голоденъ. Вслѣдствіе этого ему пришлось уйти еще скорѣе,—хозяинъ сталъ посматривать на него весьма недоброжелательно. Онъ направился въ кабакъ низшаго разбора, гдѣ когда-то бывалъ съ однимъ цыганомъ въ поискахъ легко доступнаго женскаго знакомства. Хозяинъ того кабака пускалъ зимой одного или двухъ жалкихъ съ виду бродягъ, съ цѣлью оживить торговлю. Человѣкъ зайдетъ послѣ работы выпить, и ему непріятно глядѣть на мрачное, страдальческое лицо бродяги. „Ну, чего носъ повѣсилъ?—скажетъ онъ. — Давай выпьемъ, авось повеселѣешь!“ Они выпьютъ, и если у бродяги достаточно несчастный видъ, то еще повторятъ. А если потомъ еще окажется, что они земляки, или работали гдѣ-нибудь вмѣстѣ, то они сядутъ за столъ и просидятъ часа два, и у хозяина, глядишь, лишній долларъ въ выручкѣ. Это можетъ показаться гнуснымъ, дьявольскимъ разсчетомъ, но нельзя винить кабатчика; онъ въ такихъ же тискахъ, какъ заводчикъ и фабрикантъ, принужденные поддѣлывать товаръ и обманывать покупателя. Не онъ, такъ другой продѣлаетъ то же самое, а если онъ будетъ деликатничать, то его легко могутъ описать за долги крупные заводчики, если только онъ не членъ городского совѣта, какъ многіе изъ дѣйствительно преуспѣвающихъ кабатчиковъ. Но въ этотъ день какъ разъ вездѣ уже понабилось бродягъ больше, чѣмъ полагалось, и Юргисъ не смогъ нигдѣ приткнуться даромъ. Ему пришлось ка-

ждый разъ платить, и онъ уже побывалъ въ шести кабакахъ, каждый разъ за деньги, когда только еще начало смеркаться; а полицейскіе участки открывались для ночлега только въ полночь. Въ послѣднемъ кабакѣ, куда онъ попалъ, ему позволили побыть дольше, но наконецъ все-таки пришлось уйти. Выйдя на улицу въ восьмомъ часу, онъ увидѣлъ еще издали яркое освѣщеніе; подойдя, онъ прочелъ на афишѣ, что въ этотъ вечеръ состоится собраніе какого-то религіознаго общества. Юргисъ очень обрадовался. До открытія дверей оставалось еще полчаса, и онъ чуть не замерзъ въ ожиданіи, хотя все время быстро ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ. Наконецъ, въ половинѣ девятаго, Юргисъ съ толпой другихъ бездомныхъ ворвался въ освѣщенную теплую залу; онъ даже чуть снова не сломалъ руку, протискиваясь въ двери. Устроители собранія могли быть довольны наплывомъ публики. Зала биткомъ набилась, и у дверей стояло еще много не попавшихъ во внутрь. Празднество началось съ пѣнія гимновъ; потомъ одинъ изъ трехъ устроителей, сидѣвшихъ на эстрадѣ,— высокій, гладко выбритый, худощавый человѣкъ въ очкахъ — сталъ произносить рѣчь. Юргисъ напряженно слушалъ, главнымъ образомъ потому, что боялся заснуть,— онъ зналъ, что громко храпитъ во снѣ, и что его за это могутъ выгнать. Ораторъ говорилъ объ искупленіи грѣховъ и о безконечной благости Господа, прощающаго грѣшникамъ. Говорилъ онъ убѣжденно и искренно,—но Юргисъ сразу почувствовалъ къ нему ненависть. Что этотъ сытый господинъ въ черномъ сюртукѣ и накрахмаленномъ воротникѣ знаетъ о грѣхѣ и страданіи? Какъ онъ можетъ наставлять и рѣшать задачи жизни, когда самъ онъ—на сторонѣ мучителей и угнетателей? Хорошо проповѣдывать смиреніе, стоя въ теплой залѣ, имѣя деньги въ карманѣ,—а каково голоднымъ слушать? Эти проповѣдники будто бы стремятся спасти души бѣдняковъ,—а не видятъ, что души гибнутъ оттого, что тѣло слишкомъ страдаетъ отъ лишеній.

Собраніе кончилось въ одиннадцать часовъ, и до двѣнадцати Юргисъ чуть не замерзъ на улицѣ. А потомъ, у входа въ участокъ, собралась огромная толпа; когда двери открыли, началась свалка, и многіе такъ и не попали во внутрь. Въ числѣ оставшихся на улицѣ, когда закрылись двери, былъ и Юргисъ. Ему пришлось опять потратить грошъ изъ своего жалкаго капитала, чтобы попасть въ ночлежный домъ. Напрасно онъ сидѣлъ на митингѣ и ждалъ у дверей участка,—только время потерялъ. Теперь онъ могъ улечься на свою койку только въ половинѣ перваго, а уже въ половинѣ седьмого ночлежниковъ выгоняли. То

же повторялось и въ слѣдующіе дни; меньше чѣмъ черезъ недѣлю всѣ сбереженія Юргиса были истрачены, и ему оставалось только просить милостыню.

Начиналъ онъ работу подъ вечеръ, когда люди возвращались домой изъ конторъ. Тогда онъ выходилъ изъ кабака, гдѣ сидѣлъ и ждалъ, улучалъ минуту, когда не видать было полисмена, подходилъ къ прохожимъ и, разсказывая про свои несчастья, просилъ грошъ на бѣдность. Получивъ подаяніе, онъ быстро шелъ обратно въ кабакъ согрѣться. Если подавшій ему прохожій это видѣлъ, онъ возмущался и рѣшалъ, что никогда больше не будетъ давать милостыни. Но онъ при этомъ не думалъ о томъ, куда было идти Юргису, какъ не въ кабакъ, гдѣ онъ могъ удобно погрѣться у огня и гдѣ находилъ подобіе домашняго очага. Вѣдь никто не удѣлилъ бы ему угла у своего очага,—возмущенный прохожій тоже вѣдь не позвалъ бы его къ себѣ.

Казалось бы, что несчастный Юргисъ имѣлъ всѣ данныя для успѣха въ качествѣ нищаго. Онъ только-что вышелъ изъ госпиталя, имѣлъ очень больной видъ и держалъ руку на перевязи. Но среди господства поддѣлокъ во всѣхъ отрасляхъ производства его дѣйствительная болѣзнь и слабость не могли выдержать конкурренціи съ искусными поддѣлками. Юргисъ былъ жалкимъ дилеттантомъ въ сравненіи съ профессіональными нищими. Что онъ говоритъ, чтобы вызвать жалость прохожихъ? Что на-дняхъ вышелъ изъ больницы? Но это слишкомъ избито, и какъ доказать, что это правда? У него рука на перевязи; но даже всякій новичокъ съ презрѣніемъ отвергъ бы такой азбучный пріемъ. Стояніемъ на холоду безъ пальто тоже трудно убѣдить и разжалобить. Профессіоналы умѣли очень искусно принимать видъ нищихъ въ лохмотьяхъ. Про иного можно было бы побожиться, что онъ—въ разодранной холщевой куртке и дырявыхъ панталонахъ, а между тѣмъ у него было надѣто снизу теплое шерстяное платье. У многихъ профессіональныхъ нищихъ были хорошо обставленные дома и тысячи долларовъ въ банкѣ; многіе уже удалились отъ дѣлъ и занимались только преподаваніемъ своего ремесла дѣтямъ, а также и взрослымъ. У нѣкоторыхъ руки были привязаны къ туловищу, а въ рукавахъ торчали обрубки въ тряпкахъ. Были поддѣльные безногіе и слѣпые. Иные, менѣе ловкіе профессіоналы, искусственно калѣчили себя или вытравляли себѣ химическими препаратами страшныя язвы, выставляя ихъ потомъ на-показъ. Эти несчастные выходили изъ подонковъ города, ютились въ сырыхъ погребахъ, въ курильняхъ опіума, съ женщинами самаго низшаго разбора, выгнанными даже китай-

цами. Каждый день полиція дѣлала облавы по разнымъ притонамъ и уводила сотни нищихъ въ тюремный госпиталь, представлявшій изъ себя адъ въ миніатюрѣ. Тамъ была толпа людей съ испитыми, звѣрскими лицами; они хохотали, кричали, бранились и бросались другъ на друга, какъ собаки или обезьяны.

XXIV.

Юргису приходилось очень тяжело въ виду такой конкурренціи, а между тѣмъ необходимо было доставать денегъ хоть на ночлегъ,—иначе онъ бы замерзнулъ на улицѣ. Тогда только онъ увидѣлъ культурную жизнь общества въ истинномъ свѣтѣ. Онъ убѣдился, что въ мірѣ управляетъ только грубая сила, и для него, какъ для побѣжденнаго, весь окружающій міръ превратился въ тюрьму. Всюду за нимъ слѣдили глаза враговъ: сытый полисменъ норовилъ накрыть его на преступленіи и забрать; въ кабакѣ хозяинъ выпроваживалъ его злыми взглядами, если онъ сидѣлъ слишкомъ долго, ничего не заказывая; на улицахъ его мучили холодные взгляды прохожихъ, равнодушныхъ къ его просьбамъ о подаяніи. У всѣхъ были свои дѣла, и никому не было дѣла до него. Все было на замкѣ, за желѣзными засовами—и сходство съ тюрьмой было полное.

Однажды Юргисъ пережилъ необычайное приключеніе—единственное въ его жизни. Было уже поздно, и онъ еще не собралъ на уплату за ночлегъ. Шелъ снѣгъ, и онъ промерзъ до костей. Онъ пробирался среди публики, выходившей изъ театра, и долженъ былъ ловко маневрировать, пользуясь минутами, когда не видать было полицейскихъ. Вдругъ онъ завидѣлъ полисмена и быстро свернулъ за уголъ. Увидавъ прохожаго, Юргисъ преградилъ ему дорогу.

— Дайте на ночлегъ, сэръ!—началъ онъ привычную канитель.—У меня сломана рука, я не могу работать, и въ карманѣ—ни цента. Я—честный рабочій и никогда не просилъ подаянія до сихъ поръ. Не моя вина, сэръ, что я оказался въ такомъ положеніи.

Юргиса обыкновенно обрывали на полусловѣ, но, къ его удивленію, прохожій на этотъ разъ остановился и сталъ его слушать, не прерывая. Юргисъ только замѣтилъ, что онъ нетвердо стоитъ на ногахъ.

— Это вы про что говорите?—спросилъ прохожій слегка заплетающимся голосомъ.

Юргисъ сталъ опять повторять свое, говоря болѣе отчетливо и медленно, но онъ не дошелъ и до половины, какъ его слушатель положилъ ему руку на плечо.

— Ахъ ты бѣднята, бѣднята!—сказалъ онъ.—Плохо тебѣ, видно, пришлось! Да и мнѣ, знаешь, того, не хорошо. Тяжело жить на свѣтѣ!

Онъ неожиданно обнялъ Юргиса за шею и подошелъ съ нимъ ближе къ фонарю. Юргисъ увидѣлъ, что онъ—юноша лѣтъ восемнадцати, съ красивымъ дѣтскимъ лицомъ. На немъ было роскошное пальто съ мѣховымъ воротникомъ и цилиндръ.

— Плохо мнѣ, дружище! — повторилъ онъ. — Родители у меня—тираны. А съ тобой что случилось?

— Я лежалъ въ больницѣ.

— Въ больницѣ — вотъ оно что! — воскликнулъ юноша съ блаженной улыбкой.—Это—какъ тетя Полли. У нея была двойня. Ну, а съ тобой что было?

— Я руку сломалъ.

— Вотъ какъ! Ну, пройдетъ, пройдетъ. Хоть бы мнѣ руку сломать—можетъ быть, они стали бы лучше со мной обращаться. А отъ меня тебѣ что нужно?

— Я голоденъ, сэръ,—сказалъ Юргисъ.

— Голоденъ? Чего жъ ты не идешь ужинать?

— Денегъ нѣтъ.

— Денегъ нѣтъ? Руку, товарищъ! Какъ и у меня. Ты бы домой пошелъ, какъ я.

— У меня нѣтъ дома.

— Вотъ какъ—ты пріѣзжій. Знаешь что: пойдемъ ужинать ко мнѣ. У насъ домъ пустой—никого нѣтъ. Старикъ—заграницей, Бубби путешествуетъ—медовый мѣсяцъ. Прямо можно запить съ тоски. Одинъ старый Гэмъ торчитъ въ столовой и прислуживаетъ къ столу,—чортъ бы его побралъ! И меня заставляютъ каждый день приходить ночевать домой—старикъ отдалъ приказъ. Вся прислуга слѣдитъ, чтобы я не утромъ возвращался, а вечеромъ. Вѣдь подумай только! Уѣхалъ въ Европу, а меня здѣсь не оставляетъ въ покоѣ. Вотъ, возвращайся каждую ночь домой—да и только! Приходится оставлять Китти. Она не отпускаетъ, а я, какъ дуракъ, долженъ все-таки уйти. Она вѣдь—такая штучка, скажу я тебѣ... Не отпускаетъ, говоритъ, что я пьянъ. А я ей на это: „Не пьянѣе тебя, кошечка!“ Хотѣла звать кэбъ. А я говорю: „самъ найду!“ Ну, вотъ, и пошелъ. А теперь идемъ ко мнѣ. Мы весь домъ освѣтимъ и такое учинимъ—вотъ увидишь. Дома я воленъ дѣлать, что хочу.

У Юргиса кружилась голова, и онъ пересталъ понимать, что съ нимъ дѣлается, когда неожиданный новый знакомый потащилъ его съ собой. На вопросъ Юргиса, далеко ли имъ идти, онъ сказалъ, что нѣтъ, но рѣшилъ, что все-таки лучше поѣхать, и попросилъ Юргиса позвать кэбъ.

— Ты только позови, я заплачу самъ,—сказалъ онъ и вынулъ изъ кармана толстую пачку банковыхъ билетовъ.

Юргисъ, никогда не видавшій въ жизни столько денегъ, вытаращилъ глаза.

— Это только кажется, что много,—сказалъ его спутникъ, комкая билеты.—Это все мелочь, а до перваго мнѣ не дадутъ ни цента больше — такъ онъ приказалъ. Я ему сегодня каблограмму послалъ: „Умираю съ голода. Спасите честь семьи, пришлите корку хлѣба. А то съ голода поѣду вслѣдъ за вами.— Фредди“... И правда вѣдь,—я изъ школы убѣгу, если не пришлетъ.

Юноша продолжалъ неумолчно болтать, а Юргисъ дрожалъ отъ волненія. Онъ бы могъ безнаказанно завладѣть всей этой огромной суммой, но онъ не былъ воромъ по природѣ и легко побѣдилъ искушеніе. „Фредди“ отдѣлилъ одинъ билетъ — они стояли передъ окномъ кабака, и Юргисъ увидѣлъ, что билетъ этотъ въ сто долларовъ—и передалъ Юргису, прося заплатить за кэбъ и оставить у себя сдачу.

— Я вѣдь дѣлъ не понимаю, такъ и старикъ говоритъ,— сказалъ онъ.—Потому-то онъ и поручилъ тетѣ Полли смотрѣть за мной, а она въ госпиталѣ, и у нея близнецы... Эй, кэбъ!

Кэбъ остановился, и Юргисъ съ трудомъ усадилъ въ него мастера Фредди; возница сначала было не пустилъ Юргиса сѣсть рядомъ съ юношей, но Фредди окрикнулъ его, и онъ угомонился. Фредди назвалъ нумеръ дома по набережной; они ѣхали съ полчаса; и кэбъ, наконецъ, остановился. Юргисъ разбудилъ своего новаго пріятеля. Мастеръ Фредди сталъ жаловаться на холодъ и, выйдя изъ кэба, пригласилъ Юргиса слѣдовать за нимъ.

Они очутились передъ гранитнымъ домомъ колоссальныхъ размѣровъ, съ башнями и выступами. Юргисъ думалъ, что произошла ошибка, не вѣря, чтобы частные люди жили въ такихъ дворцахъ. Но ошибки не было. Мастеръ Фредди ощупалъ звонокъ съ помощью Юргиса и позвонилъ. Черезъ секунду дверь открылась и появился слуга въ синей ливреѣ. Онъ остановился какъ вкопанный. Спутникъ Юргиса увлекъ его за собой, и Юргисъ очутился въ какомъ-то непонятномъ полутемномъ помѣщеніи. Въ глубинѣ были колонны, поднималась широкая лѣстница,

полъ былъ изъ цвѣтного мрамора, на стѣнахъ висѣли яркія ткани и все утопало въ багровой полумглѣ. Человѣкъ въ ливреѣ, молча, приблизился къ нимъ. Мастеръ Фредди передалъ ему шляпу и съ трудомъ снялъ, при его помощи, пальто. Тѣмъ временемъ явился другой человѣкъ въ ливреѣ, торжественный какъ палачъ, подошелъ къ Юргису и, схвативъ его за руку, направился съ нимъ къ входнымъ дверямъ, но вдругъ раздался голосъ Фредди:

— Гамильтонъ, мой другъ остается ужинать со мной.

— Мастеръ Фредди!—воскликнулъ человѣкъ въ ливреѣ.

— Заплатите за кэбъ!—раздался въ отвѣтъ голосъ Фредди.

Юргисъ хотѣлъ-было сказать: „деньги у меня“, но удержался. Толстый человѣкъ въ ливреѣ сдѣлалъ знакъ другому, который вышелъ на крыльцо, а самъ онъ послѣдовалъ за молодымъ господиномъ и Юргисомъ.

— Гамильтонъ,—скомандовалъ мастеръ Фредди,—откройте двери въ столовую и освѣтите!

Лакей нажалъ кнопку, и потокъ яркаго электрическаго свѣта, струившагося сверху, ослѣпилъ Юргиса. На стѣнахъ висѣли огромныя картины, изображавшія танцы нимфъ и дріадъ, охоту Діаны съ собаками, дѣвушекъ, купающихся въ лѣсномъ ручьѣ. Юргису казалось, что все это—живое, что онъ очутился въ какомъ-то волшебномъ дворцѣ. Посрединѣ стоялъ большой столъ, черный, съ серебряными и золотыми инкрустаціями, а на немъ—огромная ваза; въ ней сверкали искусственные папоротники и орхидеи, въ которыхъ спрятаны были электрическія лампочки.

— Это—столовая,—объяснилъ Фредди съ блаженной улыбкой.—Не дурно вѣдь, ты какъ полагаешь, пріятель?—Онъ подождалъ-было отвѣта Юргиса, но, не дождавшись, спросилъ: — Да ты, можетъ, никогда такого дома не видалъ? Можетъ, ты изъ провинціи и въ большихъ городахъ не бывалъ?

— Да,—проговорилъ Юргисъ.

— Тогда—другое дѣло. Провинціалы ничего такого, конечно, не видывали. Мой старикъ позволяетъ пріѣзжимъ приходить осматривать домъ даромъ. Они приходятъ какъ въ циркъ, смотрятъ, смотрятъ, потомъ дома разсказываютъ. Знай, молъ, какъ живетъ Джонсъ,—старикъ Джонсъ, фабрикантъ мясныхъ консервовъ. Вѣдь онъ разбогатѣлъ на торговлѣ свининой, чортъ его побери! Правда вѣдь, стоитъ посмотрѣть домишко. Ты что скажешь? Слыхалъ ты про фабриканта Джонса, члена мясного трёста?

Юргисъ невольно вздрогнулъ, и его собесѣдникъ, зорко слѣдившій за нимъ, замѣтилъ это.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.—Ты слыхалъ о немъ?

— Я работалъ у него на скотныхъ дворахъ.

— Да неужели?—крикнулъ мастеръ Фредди.—Ты работалъ на скотныхъ дворахъ? Вотъ такъ славно! Руку, пріятель! Мой старикъ былъ бы радъ тебѣ. Онъ въ дружбѣ съ рабочими—капиталъ и трудъ, общность интересовъ и все такое прочее... Гамильтонъ, представляю вамъ: другъ дома, старый другъ моего старика, работаетъ на скотныхъ дворахъ. Пришелъ провести со мной вечеръ, выпить вмѣстѣ. Мой другъ, м-ръ... Какъ тебя звать, дружище?

— Рудкусъ,—Юргисъ Рудкусъ.

— Мой другъ Рудкусъ!—Гамильтонъ, пожмите ему руку!

Величественный мэтръ д'отель кивнулъ головой, не двигаясь и не издавая ни звука, и мастеръ Фредди со смѣхомъ воскликнулъ, указывая на него пальцемъ:

— А я знаю, что у васъ на умѣ теперь, Гамильтонъ,—пари держу, что знаю. Вы думаете, что я подвыпивши? Что, угадалъ?

— Да, сэръ,—отвѣтилъ Гамильтонъ съ поклономъ, и мастеръ Фредди расхохотался.

— Какая дерзость!—кричалъ онъ съ хохотомъ.—Сказать, что я пьянъ!

Потомъ, взявъ подъ-руку своего пріятеля, онъ вдругъ спросилъ:

— Хочешь осмотрѣть домъ? Я тебѣ покажу—поведу по всѣмъ комнатамъ, какъ мой старикъ, когда онъ показываетъ гостямъ. Покажу парадныя залы—Луисъ Кенсъ—Луисъ Сэсъ—кресла по три тысячи долларовъ штука. Салонъ для чая—Мари-Антнетъ; картина: танцующіе пастухи, Рюисдаль—двадцать-три тысячи. Бальная зала—колонны для хоръ привезены на спеціально построенномъ для этого пароходѣ—шестьдесятъ-восемь тысячъ. Потолокъ расписанъ въ Римѣ—какъ звать художника, Гамильтонъ?—Мататони? Макарони?—Потомъ вотъ эта столовая.—Серебряная ваза—Бенвенуто Челлини. И органъ—тридцать тысячъ долларовъ, сэръ.—Заведите его, сэръ Гамильтонъ, пусть м-ръ Реднозъ послушаетъ. Да что я—совсѣмъ забылъ! Онъ сказалъ, что ѣсть хочетъ, Гамильтонъ. Дай намъ поужинать. Только не здѣсь, пойдемъ лучше ко мнѣ; тамъ уютнѣе. Идемъ,—только не поскользнись. Гамильтонъ, пришлите холодный ужинъ и вина.—Пришлите мадеры тридцать-восьмого года.

— Слушаюсь, сэръ,—отвѣтилъ мэтръ д'отель.—Но отецъ вашъ оставилъ распоряженія...

Мастеръ Фредди выпрямился.

— Отецъ оставилъ распоряженія мнѣ, а не вамъ!—сказалъ онъ и, взявъ Юргиса подъ-руку, нетвердо вышелъ изъ столовой.

По дорогѣ онъ еще остановился, спросилъ, послана ли каблограмма отцу, не возмутился, узнавъ, что не послана, и освѣдомился еще о здоровьи близнецовъ тети Полли. Потомъ они поднялись вдвоемъ по монументальной лѣстницѣ, наверху которой стояла статуя нимфы у фонтана, освѣщенная такъ, что тѣло казалось теплымъ и розовымъ. Наверху они вступили въ огромный дворъ подъ сводами, куда выходилъ цѣлый рядъ помѣщеній. Гамильтонъ отдалъ приказанія и послѣдовалъ за ними. Онъ нажалъ кнопку, и все озарилось ослѣпительнымъ свѣтомъ. Потомъ онъ раскрылъ одну изъ дверей, и они вошли въ огромный кабинетъ. Посреди нѣ стоялъ столъ, покрытый книгами и принадлежностями для куренія; стѣны были увѣшаны спортсменскими принадлежностями, призами, полученными при состязаніяхъ въ теннисъ, гольфъ, охотничьими трофеями, головами буйволовъ и оленей. На полу лежали медвѣжьи и тигровыя шкуры, всюду стояло множество креселъ и диванов съ кучами подушекъ. Одинъ уголъ былъ убранъ въ персидскомъ вкусѣ, съ диваномъ и лампой, сверкающей разноцвѣтными камнями. Изъ кабинета открывалась дверь въ спальню, а за спальней виднѣлся мраморный бассейнъ, стоившій, по словамъ Фредди, около сорока тысячъ долларовъ. Когда вошелъ мастеръ Фредди, изъ сосѣдней комнаты выскочилъ огромный бульдогъ и кинулся къ нему, радостно виляя хвостомъ. На Юргиса онъ сразу огрызнулся и сталъ рычать. Но хозяинъ успокоилъ собаку.

— Смирно, Дьюи! — сказалъ онъ.—Это мой пріятель Реднозъ,—старый другъ моего старика, — позвольте васъ познакомить. Мой другъ м-ръ Реднозъ, адмиралъ Дьюи. Ну, что, хорошъ песъ? Больше восьми тысячъ долларовъ стоилъ.

Фредди опустился въ кресло, и адмиралъ Дьюи легъ у его ногъ. Онъ уже не рычалъ, но не сводилъ глазъ съ Юргиса. Адмиралъ былъ совершенно трезвъ и не довѣрялъ незнакомцу. Гамильтонъ закрылъ дверь и сталъ у нея, наблюдая за Юргисомъ. Явился вскорѣ человѣкъ въ ливреѣ съ складнымъ столикомъ. За нимъ послѣдовали два лакея съ закрытыми блюдами въ рукахъ. Они накрыли столъ и уставили его холодными блюдами: тамъ были нѣсколько паштетовъ, ломтики холоднаго мяса, сандвичи, свѣжіе персики со сливками (въ январѣ), пирожныя съ блѣдно-голубой и розовой глазурью и полъ-дюжины бутылокъ во льду.

— Ну, садись ѣсть, дружище!—сказалъ Фредди, садясь самъ за столъ. Лакей налилъ вина, и Фредди выпилъ одинъ за другимъ три стакана и опять позвалъ Юргиса, который все еще

не рѣшался сѣсть за столъ. Гамильтонъ пробовалъ было протестовать, но это ни къ чему не привело. Фредди велѣлъ ему уйти и оставить ихъ вдвоемъ. Гамильтону пришлось повиноваться, и онъ вышелъ. Но Юргисъ замѣтилъ, что онъ вынулъ предварительно ключъ изъ двери, чтобы можно было смотрѣть черезъ замочную скважину.

— Ну, ѣшь же!—сказалъ Фреди, усаживая Юргиса за столъ.—Мнѣ самому ѣсть не хочется,—я только пить буду, а ты ѣшь, не стѣсняйся.

Юргисъ послѣдовалъ приглашенію и налегъ на ѣду. Вооружившись вилкой и ножомъ, онъ набивалъ себѣ ѣду въ ротъ точно двумя лопатами. Голодъ у него былъ волчій, и онъ ѣлъ до тѣхъ поръ, пока не очистилъ все, что было на столѣ. Фредди смотрѣлъ на него съ восхищеніемъ и передалъ ему бутылку.

— Теперь пей!—сказалъ онъ.

Юргисъ сталъ пить прямо изъ бутылки, и почувствовалъ, что въ него вливается волшебный напитокъ, наполняющій его блаженствомъ. Онъ выпилъ все до конца, и потомъ только выговорилъ:—А-а-а!

— Недурное вѣдь винцо, что?—сказалъ Фредди и откинулся въ креслѣ, глядя на Юргиса добрыми глазами. Теперь и Юргисъ внимательно оглядѣлъ его. Онъ былъ очень красивъ; у него были золотистые кудрявые волосы и голова Антиноя. Беззаботно и ласково улыбаясь, онъ разсказалъ Юргису исторію всей своей семьи. Братъ Чарли влюбился въ опереточную пѣвицу—высокодобродѣтельную дѣвушку, и чуть не женился на ней; но отецъ пригрозилъ лишить наслѣдства и, кромѣ того, подарилъ ему столько денегъ, что даже добродѣтель артистки не устояла,—и они теперь уѣхали въ свадебное путешествіе безъ вѣнца. Сестра его Гвендолина тоже разсердила отца, выйдя замужъ за итальянскаго маркиза и уѣхавъ въ его замокъ. Но онъ сталъ швырять въ нее тарелки за завтракомъ, узнавъ, что отецъ не хочетъ давать ей денегъ, и она телеграфировала отцу. Тотъ поѣхалъ ублажать маркиза. Такъ они всѣ уѣхали теперь и оставили Фредди одного, давъ ему всего двѣ тысячи долларовъ на карманные расходы. Но онъ не сдастся. Если ему не пришлютъ денегъ, онъ будетъ телеграфировать, что женится на Китти,—тогда отецъ запоетъ другое.

Фредди продолжалъ болтать, пока не утомился. Глаза у него стали слипаться; онъ отъ времени до времени еще пытался открывать ихъ, но черезъ нѣсколько времени окончательно за-

крылъ и крѣпко заснулъ. Нѣсколько минутъ Юргисъ сидѣлъ неподвижно, наслаждаясь дѣйствіемъ шампанскаго. Потомъ вдругъ дверь тихо раскрылась, вошелъ на цыпочкахъ мэтръ д'отель и указалъ ему на дверь.

— Вонъ!—проговорилъ онъ.

Юргисъ продолжалъ, однако, сидѣть. Тогда Гамильтонъ взглянулъ на громко храпѣвшаго Фредди и сказалъ уже громче:

— Убирайся сейчасъ же,—не то я расшибу тебѣ голову!— Такъ какъ къ его словамъ присоединилось рычаніе пса, то Юргисъ пересталъ сопротивляться и направился къ двери. Они сошли вмѣстѣ внизъ, но прежде, чѣмъ выпустить Юргиса на улицу, Гамильтонъ потребовалъ, чтобы онъ поднялъ руки и далъ себя обыскать, грозя призвать въ противномъ случаѣ полицію. Но Юргисъ энергично запротестовалъ, говоря, что ни до чего не коснулся въ ихъ проклятомъ домѣ. Гамильтонъ испугался, что онъ станетъ кричать и разбудитъ Фредди, и не настаивалъ. Онъ быстро выпроводилъ, Юргиса, такъ сильно толкнувъ его ногой въ спину при этомъ, что Юргисъ повалился въ снѣгъ.

XXV.

Юргисъ поднялся взбѣшенный и, почувствовавъ прежде всего острый холодъ, пустился бѣжать. Но, добѣжавъ до оживленныхъ улицъ, онъ замедлилъ шаги, чтобы не возбуждать вниманія прохожихъ. Онъ забылъ про нанесенную ему Гамильтономъ обиду, помня только то, что у него сто долларовъ, и ощупывая въ карманѣ банковый билетъ. Но положеніе его оставалось по прежнему бѣдственнымъ, такъ какъ кромѣ этого билета у него не было ни одного цента, и ему не на что было пойти въ ночлежный домъ. Размѣнять сто долларовъ въ ночлежкѣ было опасно: его бы ограбили и даже могли бы убить. Въ отель тоже нельзя было идти въ нищенскомъ платьѣ: подумаютъ, что онъ укралъ сто долларовъ. Объяснить происхожденіе денегъ онъ не могъ. А Фредди навѣрное замѣтитъ, проснувшись, что у него недостаетъ билета въ сто долларовъ; будутъ искать и его накроютъ. Оставалось одно — размѣнять деньги въ кабакѣ. Юргисъ сталъ искать подходящій кабакъ. Всюду было слишкомъ полно, и онъ не рѣшался войти. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ онъ увидѣлъ, что посѣтителей нѣтъ, а хозяинъ стоитъ одинъ у стойки. Юргисъ собрался съ духомъ, зашелъ и, подойдя къ кабатчику, спросилъ:

— Не размѣняете ли вы мнѣ сто долларовъ?

Кабатчикъ, плотный рослый человѣкъ, силачъ съ виду, съ щетинистымъ, давно небритымъ лицомъ, изумленно взглянулъ на Юргиса. Юргисъ еще разъ повторилъ свой вопросъ.

— Откуда эти сто долларовъ?—спросилъ кабатчикъ.

— Это все равно,—возразилъ Юргисъ. — У меня есть билетъ въ сто долларовъ, и нужно размѣнять его. Вы можете?

— Я долженъ посмотрѣть, не фальшивый ли онъ? Я такъ ничего не могу сказать.

Юргисъ не сразу рѣшился выпустить изъ рукъ драгоцѣнную бумажку, но въ концѣ концовъ все-таки передалъ ее кабатчику. Тотъ сталъ внимательно разглядывать ее. Бумажка была новая, и это возбуждало подозрѣніе кабатчика.

— Гмъ,—сказалъ онъ и опять зорко поглядѣлъ на бродягу въ лохмотьяхъ.—Откуда у него сто долларовъ?

— Налить чего-нибудь?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Юргисъ.—Дайте стаканъ пива.

— Хорошо, — сказалъ кабатчикъ.— Я размѣняю деньги.— Онъ положилъ билетъ въ карманъ, налилъ Юргису стаканъ пива и поставилъ на стойку. Потомъ онъ наклонился надъ кассой и сталъ медленно собирать мелочь. Набравъ около доллара, онъ отсчиталъ плату за пиво и пододвинулъ сдачу Юргису. Тотъ сначала ждалъ дальнѣйшихъ денегъ, потомъ крикнулъ:

— Гдѣ же остальное? Гдѣ девяносто-девять долларовъ? Сдача со ста?

— Пошелъ!—сердито сказалъ кабатчикъ.—Вонъ отсюда!

Юргисъ взглянулъ на него дикими глазами. На минуту онъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса; потомъ, охваченный стихійнымъ бѣшенствомъ, онъ громко вскрикнулъ и, схвативъ кружку пива, пустилъ ее въ голову хозяину, который едва успѣлъ уклониться отъ удара. Но Юргисъ уже снова бросился на него сначала съ бутылкой, попавшейся ему въ руки, потомъ голыми руками. Но силачу хозяину удалось повалить на земь ослабѣвшаго Юргиса, и онъ позвалъ на помощь. Изъ-за перегородки выскочили два человѣка, спрятанные на случай дракъ въ кабакѣ. Всѣ трое кинулись на Юргиса; черезъ минуту явился также полицейскій съ улицы и сталъ такъ колотить палкой обезсиленнаго Юргиса, что тотъ окончательно свалился на земь, какъ бревно. Потомъ полицейскій спросилъ хозяина о томъ, что собственно случилось. Хозяинъ сказалъ, что Юргисъ чуть не расшибъ ему голову бутылкой, что онъ навѣрное пьянъ, и посовѣтовалъ вызвать полицейскую каретку, чтобы отвезти его въ полицію. Но полицейскій отвѣтилъ, что его отлично можно будетъ отвести пѣшкомъ, тѣмъ

болѣе, что до участка очень недалеко. Хозяинъ пошелъ за водой, чтобы оживить лежавшаго на полу Юргиса, по дорогѣ спряталъ доставшійся ему банковый билетъ въ кассу и вернулся съ водой. Юргисъ слабо стоналъ. Его подняли и вытащили на улицу, а потомъ свели въ участокъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ въ тюремной камерѣ и провелъ ночь въ полузабытьи, страдая отъ жажды и головной боли. Никто не шелъ на его зовъ. Въ участкѣ было и помимо него много другихъ съ расшибленными головами, и они также терзались въ жару; такихъ людей сотни и тысячи на землѣ, и никто ихъ не слышитъ, никто не приходитъ имъ на помощь.

Утромъ Юргису дали воду и кусокъ хлѣба, а потомъ повезли въ ближайшую камеру мирового судьи. Тамъ его держали взаперти, пока не дошла очередь до разбирательства его дѣла. Его ввели тогда въ залу и вызвали кабатчика для показаній въ качествѣ свидѣтеля. Онъ принялъ присягу и разсказалъ, какъ было дѣло: обвиняемый, по его словамъ, пришелъ въ его заведеніе совершенно пьяный, потребовалъ кружку пива и далъ долларъ. А когда онъ, хозяинъ, далъ ему сдачу, обвиняемый сталъ требовать сдачи не съ одного, а со ста долларовъ, запустилъ въ него бутылкой и буйствовалъ такъ, что чуть не переколотилъ всего въ заведеніи. Послѣ свидѣтеля привели къ присягѣ и обвиняемаго, жалкаго нищаго съ забинтованной въ грязныя тряпки рукой, съ расшибленной головой. На вопросъ судьи, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе, Юргисъ сказалъ, что далъ сто долларовъ, а получилъ сдачу съ одного. Но судья поглядѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Откуда у васъ взялся билетъ въ сто долларовъ?—спросилъ онъ.

— Я получилъ его, господинъ судья, отъ одного молодого человѣка на улицѣ, у котораго просилъ милостыни.

Все присутствіе стало хихикать. Юргисъ возмутился.

— Я говорю правду, господинъ судья,—возбужденно крикнулъ онъ. Но судья его остановилъ.

— Вы вчера вечеромъ не только просили милостыню, но, вѣроятно, и подвыпили, не правда ли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, господинъ судья,—возразилъ Юргисъ.

— Совсѣмъ ничего не пили?

— Нѣтъ, кое-что пилъ,—выпилъ бутылку какого-то страннаго вина,—оно, какъ огонь, всего согрѣло.

Опять въ публикѣ раздался смѣхъ. Судья поднялъ глаза на Юргиса и насупился.—Вы судились раньше?—отрывисто спросилъ онъ.

Юргисъ замялся; но когда судья повторилъ вопросъ, онъ сознался, что работалъ на скотныхъ дворахъ и былъ присужденъ къ тюремному заключенію за то, что поколотилъ надзирателя.

— Ну да, понимаю,—сказалъ судья, не давъ ему закончить разсказа.—Перестаньте пить, тогда вы будете больше въ силахъ сдерживать себя. Десять дней и издержки. Слѣдующее дѣло!

Юргисъ крикнулъ отъ бѣшенства, когда полицейскій оттащилъ его за воротъ. Сидя въ сосѣдней комнатѣ въ ожиданіи другихъ арестантовъ, уведенныхъ на судъ, онъ плакалъ какъ ребенокъ отъ бѣшенства. Ему казалось чудовищнымъ, что полиція и судьи ни во что не ставятъ его слова, а вѣрятъ только кабатчику. Но онъ не зналъ, что хозяинъ кабака платилъ пять долларовъ въ недѣлю полиціи за всякаго рода снисхожденія, что онъ былъ опорой демократическаго лидера въ своемъ околоткѣ и пріобрѣталъ ему множество голосовъ.

Такъ Юргисъ попалъ вторично въ Брайдуэль, и на второй же день, гуляя по двору, встрѣтилъ своего стараго знакомца, Джэка Дуана, который чуть не обнялъ его на радостяхъ.

— Ба, да это „вонючка"!—воскликнулъ Дуанъ.—Что это съ вами? Видъ у васъ такой, точно васъ изрубили на колбасную начинку. Въ чемъ дѣло?

Юргисъ разсказалъ о своихъ прежнихъ злоключеніяхъ, потомъ разсказалъ всей компаніи свою невѣроятную исторію,—но только Джэкъ, знавшій, что онъ никогда не вретъ, повѣрилъ ему. Другіе сильно усомнились. Потомъ Юргисъ сталъ разспрашивать стараго пріятеля о его судьбѣ, и узналъ, что онъ попалъ теперь въ тюрьму только потому, что не подкупилъ во-время полицію. Юргисъ слушалъ разсказы Дуана и другихъ товарищей по заключенію иначе, чѣмъ въ первый разъ, когда думалъ только о возвращеніи въ семью. Теперь онъ сталъ однимъ изъ ихъ числа и внимательно слушалъ разсказы объ ихъ подвигахъ,—зная, что и ему придется пробиваться въ жизни такими же путями, какъ имъ. Выйдя изъ тюрьмы, онъ прямо направился къ Джэку Дуану за обѣщаннымъ содѣйствіемъ. Онъ не нашелъ его по указанному адресу одной молоденькой француженки, его подруги. Но она сказала ему, гдѣ скрывается Дуанъ,—у нея онъ могъ бы попасться, такъ какъ полиція знала ея адресъ. Юргисъ нашелъ его, послѣ долгихъ поисковъ, у „отца Гансона", содержателя виннаго погребка и укрывателя воровъ и преступниковъ. Дуанъ далъ ему полезные совѣты, т.-е. ввелъ его въ кругъ чикагскихъ преступниковъ. Онъ обрадовался приходу Юргиса, такъ

какъ былъ безъ гроша и надѣялся, что при помощи Юргиса сможетъ поправить свои дѣла. Онъ предупредилъ Юргиса, что въ эту зиму онъ не можетъ разсчитывать на удачи: въ виду больной руки, онъ долженъ будетъ вдвойнѣ остерегаться, но пока полиція его не знаетъ, онъ будетъ въ полной безопасности. Тутъ, у „отца Гансона", онъ сможетъ укрываться сколько угодно, а все, что они награбятъ, можно будетъ сбывать ростовщику, который покупаетъ краденое за треть цѣны. Въ первый же вечеръ, послѣ одиннадцати часовъ, Юргисъ участвовалъ впервые въ ночномъ грабежѣ: Дуанъ отправился вмѣстѣ съ нимъ на одну изъ пустынныхъ улицъ, по близости, затушилъ фонарь и сталъ ждать, лавируя такъ, чтобы не попасться на глаза полиціи. Вскорѣ ему удалось остановить одного прохожаго, и онъ подозвалъ Юргиса, который долженъ былъ держать жертву, пока Дуанъ ловко обшаривалъ карманы. Потомъ они оставили среди улицы полузадушенную жертву и быстро разошлись въ разныя стороны. Вернувшись къ отцу Гансону, они осмотрѣли захваченную добычу и уничтожили всѣ предметы, которые могли бы служить уликой—бумажникъ, кошелекъ и т. д. Послѣ того Дуанъ раздѣлилъ поровну деньги, и на долю Юргиса пришлось пятьдесятъ-пять долларовъ. Онъ сталъ протестовать, говоря, что не имѣетъ права на половину, но Дуанъ настоялъ на ровномъ дѣлежѣ. На слѣдующій день они купили газету, чтобы прочесть отчетъ о своемъ подвигѣ, и чтеніе подробностей привело Юргиса, какъ новичка, въ ужасъ. Оказалось, что у ограбленнаго сдѣлалось сотрясеніе мозга отъ испуга и ударовъ по головѣ, и что кромѣ того его нашли почти замерзшимъ, и ему пришлось отнять три пальца правой руки. Дуанъ смѣялся надъ волненіемъ Юргиса. Въ ихъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ этого,—сказалъ онъ,—такъ что нужно мириться. Онъ увѣрялъ Юргиса, что вскорѣ онъ будетъ такъ же равнодушенъ къ страданіямъ жертвъ, какъ къ страданіямъ быковъ на бойняхъ.

— Все жъ таки онъ намъ не сдѣлалъ никакого зла,—сказалъ Юргисъ.

— Но онъ навѣрное причинилъ кому-нибудь другому столько зла, сколько только могъ, ручаюсь за это,—возразилъ Дуанъ.

Дуанъ объяснилъ Юргису, что ему лучше скрываться; если полиція узнаетъ о его принадлежности къ ихъ шайкѣ, ему придется тратить слишкомъ много денегъ на подкупы. Юргисъ сначала было согласился, но черезъ нѣсколько недѣль, когда рука его стала заживать, онъ сталъ тяготиться затворничествомъ. Дуанъ старался развлечь его, уступилъ ему свою хорошенькую

француженку, но когда и это не помогло, то согласился водить его съ собой въ разные кабаки и притоны, гдѣ собирались крупные артисты ихъ профессіи; вскорѣ Юргисъ познакомился съ преступниками высшаго разряда въ Чикаго. Онъ узналъ, какую роль они играютъ въ городскомъ управленіи. Собственниками города были собственно промышленники, управлявшіе отъ имени народа, и для сохраненія власти они содержали огромную армію приверженцевъ при помощи систематическихъ подкуповъ. Во время выборовъ весной и осенью тратились милліоны долларовъ на спаиваніе и подкупъ народныхъ массъ, т.-е. на покупку голосовъ. Но армію приверженцевъ нужно было содержать круглый годъ. Лидеровъ и организаторовъ заправилы оплачивали прямымъ путемъ: альдерменовъ—подкупами, адвокатовъ—жалованьями, подрядчиковъ—заказами, журналистовъ—объявленіями. Но низшіе слои, помогавшіе заправиламъ выборныхъ организацій, получали награду въ видѣ безпрепятственнаго разрѣшенія эксплуатировать населеніе. На правѣ эксплуатаціи держалась полиція, пожарная команда, водопроводное общество—всѣ они могли безнаказанно мошенничать и грабить населеніе, вступивъ въ союзъ съ властями. Полиція собирала обильную дань съ кабатчиковъ, которымъ разрѣшала за деньги нарушать законъ о воскресномъ отдыхѣ, съ содержательницъ притоновъ разврата, игорныхъ домовъ, воровъ и укрывателей краденаго, съ торговцевъ бѣлыми рабынями. Всѣ эти категоріи преступниковъ составляли тѣсный союзъ; иногда даже полицейскія власти были собственниками притоновъ, на которыхъ они будто бы дѣлали облаву, или же, дѣлая видъ, что преслѣдуютъ грабителей, они на самомъ дѣлѣ дѣлились съ ними добычей. А въ дни выборовъ вся эта армія темныхъ людей становилась грозной силой и могла устроить выборы по своему усмотрѣнію.

Послѣ нищенской голодной жизни Юргисъ вдругъ сталъ жить широко, имѣя всегда сколько угодно денегъ. Его свели съ однимъ ирландцемъ, Букомъ Галораномъ, который, поговоривъ съ нимъ, сейчасъ же предложилъ ему заработокъ; онъ нуждался въ человѣкѣ, вполнѣ похожемъ на рабочаго. Юргисъ принялъ его предложеніе, и въ слѣдующую же субботу „сталъ на работу“. Ему поручили отправиться въ контору, гдѣ производилась уплата жалованья городскимъ рабочимъ, сказать, что его имя—Михаилъ О'Флагери, получить конвертъ съ деньгами и передать его Галорану, который ждалъ его въ кабакѣ. А потомъ онъ долженъ былъ продѣлать ту же процедуру еще нѣсколько разъ подъ именемъ Іоанна Шмидта, потомъ Сержа Реминицкаго и т. д. За

эту работу онъ получалъ каждый разъ пять долларовъ. Вскорѣ онъ убѣдился въ удобствахъ знакомства съ Галораномъ: онъ попалъ разъ въ участокъ за буйство въ какомъ-то притонѣ, но такъ какъ ему не захотѣлось провести ночь среди бродягъ, то онъ послалъ за Галораномъ, который тотчасъ же по телефону потребовалъ его освобожденія. Его потомъ приговорили къ штрафу въ десять долларовъ, но уплаты ихъ не потребовали.

Денегъ у него было теперь много, но онъ пилъ и безчинствовалъ меньше, чѣмъ прежде; онъ хотѣлъ извлечь выгоды изъ своего положенія и прочно устроиться,—а для этого нужно было сохранять ясность мыслей. Онъ даже удерживалъ отъ кутежей и своего пріятеля Дуана. Вскорѣ его связи стали расширяться, и онъ пріобрѣлъ много полезныхъ знакомствъ. Однажды онъ съ Дуаномъ высмотрѣлъ въ одномъ изъ кабаковъ покупщика товаровъ для провинціальнаго склада; они пошли за нимъ, когда онъ вышелъ изъ кабака сильно выпивши, и въ темномъ мѣстѣ ограбили его. Потомъ они сейчасъ же вернулись въ кабакъ—хозяинъ былъ предупрежденъ,—пробрались черезъ черный ходъ въ ближайшій притонъ, а тамъ черезъ крышу въ другой, въ третій и совершенно замели слѣды. Это былъ обычный пріемъ, которымъ часто пользовались, чтобы скрыть какую-нибудь дѣвушку, завлеченную въ притонъ обманомъ, когда ее разыскивала семья. Иногда родныхъ приходилось пустить въ домъ, гдѣ находилась дѣвушка,— но ее сплавляли по крышамъ куда-нибудь въ другое мѣсто. За свое содѣйствіе кабатчикъ получилъ отъ Дуана и Юргиса двадцать долларовъ изъ ста-тридцати, взятыхъ ими у ограбленнаго, но онъ въ свою очередь познакомилъ Юргиса съ нѣкоимъ Гольдбергеромъ, агентомъ игорнаго дома. Тотъ попросилъ Юргиса расшибить голову одному пріѣзжему шуллеру, съ которымъ онъ поссорился изъ-за женщины. Юргисъ готовъ былъ размозжить головы всѣмъ чикагскимъ шуллерамъ, но спросилъ, чѣмъ онъ при этомъ рискуетъ. Гольдбергеръ сказалъ, что при его связяхъ можно все дѣлать совершенно безнаказанно. Тутъ же онъ сообщилъ по секрету о своемъ участіи въ „скаковомъ трёстѣ“, и Юргисъ узналъ, что таковой существуетъ, что онъ держится подкупами въ колоссальныхъ размѣрахъ. Скачки перестали быть спортомъ, по словамъ Гольдбергера, и сдѣлались крупнымъ коммерческимъ предпріятіемъ, организація котораго стоитъ милліоны. Трёстъ устраивалъ скачки, и результаты ихъ зависѣли всецѣло отъ него; онъ устраивалъ побѣду или пораженіе всякой лошади, подкупая жокеевъ и пользуясь множествомъ другихъ профессіональныхъ уловокъ. Устраивались колоссальныя аферы,—причемъ

иногда собственники играли противъ своихъ же лошадей. За деньги продавались заранѣе программы достовѣрныхъ результатовъ;—Гольдбергеръ предложилъ Юргису участвовать въ такой предварительной игрѣ, и дѣйствительно выигрышъ оказался совершенно вѣрнымъ въ виду того, что Гольдбергеръ былъ членомъ скакового синдиката. Юргисъ и Дуанъ готовы были изъ благодарности, за выигрышъ и за драгоцѣнныя справки, убить врага Гольдбергера,—но тотъ своевременно скрылся.

Въ общемъ дѣла Юргиса шли недурно. Тѣмъ временемъ наступили выборы, и Юргисъ уже зналъ, какъ воспользоваться ими. Такъ какъ Галоранъ былъ „демократъ“, то и Юргисъ примкнулъ къ его партіи, не выказывая, впрочемъ, чрезмѣрнаго партійнаго рвенія: онъ дружилъ и съ республиканцами, побѣда которыхъ предвидѣлась на слѣдующихъ выборахъ, тѣмъ болѣе, что республиканцы платили въ предшествующую кампанію по четыре доллара за голосъ, а демократы—три. Оказалось, что можно одновременно агитировать для обѣихъ партій: Юргису разсказалъ товарищъ, какъ на прошлыхъ выборахъ Галоранъ скупалъ голоса цѣлой партіи итальянскихъ рабочихъ вмѣстѣ съ агентомъ республиканцевъ. По общему соглашенію, итальянцевъ раздѣлили на двѣ половины, платя каждому по кружкѣ пива за голосъ, а Галоранъ и его политическій соперникъ подѣлили между собой агитаціонныя суммы.

Вскорѣ послѣ этого Юргисъ рѣшилъ перемѣнить профессію и заняться политикой. Грабежъ и разбой были дѣломъ труднымъ и все-таки недостаточно выгоднымъ. Дуану, къ тому же, пришлось удрать,—слишкомъ ужъ скандаленъ былъ его открытый побѣгъ изъ тюрьмы послѣ того, какъ его поймали на взламываніи кассы. Газеты подняли шумъ, обвиняя полицію въ наглomъ взяточничествѣ, и Дуанъ предпочелъ скрыться. А Юргисъ какъ разъ познакомился съ Гарперомъ, бывшимъ ночнымъ полицейскимъ у Броуна, который доставилъ ему право гражданства въ Америкѣ въ первый годъ его пріѣзда. Они познакомились на рабочемъ балу, и Гарперъ сказалъ, что онъ поссорился съ полицейскимъ начальствомъ и всей душой льнетъ къ рабочимъ союзамъ. Потомъ оказалось, что эта ссора притворная, и Гарперъ—шпіонъ, получающій опредѣленное жалованье за выслѣживанье того, что дѣлается въ рабочихъ союзахъ. Гарперъ вскорѣ сманилъ Юргиса на подобную же работу. Онъ самъ былъ выборнымъ агентомъ Майка Скелли, представителя демократовъ на скотныхъ дворахъ. Скелли затѣялъ на этотъ разъ очень сложную комбинацію. Онъ поддерживалъ богатаго пиво-

вара, которому хотѣлось стать альдерменомъ, и пользовался огромными деньгами своего очень глупаго довѣрителя для своихъ цѣлей. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ республиканцами, которые по его наущенію выбрали своимъ кандидатомъ ничтожнаго клеврета Скелли; его кандидатуру Скелли и рѣшилъ поддерживать деньгами пивовара, не имѣвшаго въ сущности никакихъ шансовъ. А зато республиканцы обязывались не выставлять кандидата на слѣдующихъ выборахъ, когда самъ Скелли собирался выступить кандидатомъ демократовъ. Республиканцы согласились, но дѣйствовали какъ дураки,—впрочемъ, только дураки и могли оставаться республиканцами тамъ, гдѣ царитъ Скелли. Они не понимали, что нужно дѣйствовать тайкомъ, что демократы не могутъ открыто поддерживать республиканцевъ. Конечно, все это можно было бы въ концѣ концовъ уладить,—да вотъ мѣшаютъ соціалисты. Юргисъ не имѣлъ никакого представленія о соціалистахъ, и помнилъ только, что несчастный Тамошисъ Кушлейка былъ соціалистомъ; Гарперъ объяснилъ ему, что это—враги американскаго государственнаго устройства, и Юргисъ удовлетворился этимъ объясненіемъ. Майкъ Скелли боялся, что демократы, недовольные тѣмъ, что онъ оффиціально поддерживаетъ кандидатуру богатаго капиталиста, перейдутъ къ соціалистамъ, а не къ республиканцамъ, какъ онъ разсчитывалъ, держа уже лидеровъ республиканской партіи въ своихъ рукахъ. Нужно было поэтому имѣть надежныхъ помощниковъ. Юргисъ какъ разъ годился для этого. У него навѣрное много знакомствъ на скотныхъ дворахъ съ прежнихъ временъ, а политическаго прошлаго у него нѣтъ, такъ что онъ отлично можетъ вступить въ рабочій союзъ и агитировать тамъ въ пользу республиканскаго кандидата и противъ пивовара. Скелли съ своей стороны устроитъ на средства пивовара „союзъ молодежи республиканской партіи“; Юргисъ можетъ, при помощи республиканскихъ лидеровъ, устраивать митинги, поить пивомъ членовъ новаго союза молодежи и создать такимъ образомъ республиканское большинство на выборахъ. Юргисъ согласился, но думалъ, что его ни за что не примутъ обратно на скотные дворы. Оказалось однако, что по одному слову агента Скелли онъ сейчасъ же получилъ мѣсто на бойнѣ. Онъ снова сдѣлался рабочимъ, отыскалъ старыхъ пріятелей, вступилъ въ рабочій союзъ и сталъ агитировать за республиканскаго кандидата Дойля, выхваливая его, какъ настоящаго товарища рабочихъ. „Зачѣмъ же подавать голоса за негодяя милліонера и играть въ руку Майку Скелли?—доказывалъ онъ.—Что онъ такое сдѣлалъ для рабочихъ, чтобы

постоянно поддерживать его кандидатовъ?" На деньги Скелли нанята была потомъ большая зала, и Юргисъ водилъ туда каждый вечеръ съ дюжину новыхъ членовъ „Дойлевскаго республиканскаго союза". Устроено было открытіе союза съ музыкой, фейерверками, съ угощеніемъ пивомъ, и несчастный кандидатъ долженъ былъ, весь дрожа отъ волненія, три раза повторить заученную наизусть маленькую рѣчь, которую составилъ помощникъ Скелли. Кромѣ того, знаменитый своимъ краснорѣчіемъ сенаторъ Спершенкъ, кандидатъ на президентскій постъ, произнесъ рѣчь о священныхъ правахъ американскихъ гражданъ и о благополучіи американскихъ рабочихъ. Его рѣчь приводилась потомъ цѣликомъ въ газетахъ; въ нихъ сообщалось также изъ достовѣрныхъ источниковъ, что неожиданная популярность Дойля, республиканскаго кандидата въ альдермены, очень тревожитъ м-ра Скелли, предсѣдателя демократическаго городского совѣта.

Еще больше, какъ казалось, непріятенъ былъ предсѣдателю демократическаго совѣта грандіозный факельцугъ членовъ „Дойлевскаго республиканскаго союза"; всѣ члены были въ красныхъ плащахъ—и во время процессіи всѣхъ даромъ угощали пивомъ. Юргисъ работалъ безъ устали и по устройству этой процессіи, и въ дальнѣйшей агитаціи. Рѣчей онъ не произносилъ,—это было дѣломъ другихъ интеллигентныхъ дѣятелей партіи,—но устраивалъ собранія, собиралъ на нихъ толпы людей, поилъ пивомъ, устраивалъ фейерверки. Вначалѣ онъ обращался съ чужими деньгами съ полной добросовѣстностью, ничего не оставляя себѣ и довольствуясь условленной платой за свой трудъ. Но онъ вскорѣ замѣтилъ, что за это на него косятся со всѣхъ сторонъ, такъ какъ его честность мѣшала другимъ представлять преувеличенные счета. Не желая возстановлять другихъ противъ себя, онъ измѣнилъ тактику и даже вознаградилъ себя за пропущенное время. Въ день выборовъ онъ заслужилъ полное одобреніе Скелли. Въ его распоряженіи былъ большой шарабанъ, въ которомъ онъ ѣздилъ изъ дому въ домъ, собирая избирателей; затѣмъ онъ самъ подавалъ голосъ разъ двѣнадцать, и всѣ его друзья тоже слѣдовали его примѣру.

Онъ собралъ также цѣлыя толпы иностранцевъ—литовцевъ, поляковъ, словаковъ,—которые подавали голоса по его указаніямъ во всѣхъ избирательныхъ участкахъ. Онъ, не жалѣя, раздавалъ при этомъ деньги, оставляя и у себя въ карманѣ добрую четверть того, что ему давали организаторы. Зато Дойль былъ избранъ большинствомъ болѣе чѣмъ въ тысячу голосовъ. Послѣ выборовъ Юргисъ, всѣ его пріятели и почти все рабочее насе-

леніе скотныхъ дворовъ закутили на всю ночь, празднуя побѣду народнаго большинства и пораженіе наглой плутократіи.

XXVI.

Послѣ выборовъ Юргисъ продолжалъ работать на скотныхъ дворахъ: агитація противъ союза полиціи съ грабителями была въ полномъ разгарѣ, и лучше было на время держаться въ сторонѣ. У Юргиса было уже триста долларовъ въ банкѣ, и онъ бы могъ даже устроить себѣ каникулы, но работа у него была легкая, и онъ предпочиталъ не отказываться отъ нея. Кромѣ того, и Майкъ Скелли совѣтовалъ ему остаться, говоря, что скоро можетъ подвернуться новый заработокъ. Юргисъ разспрашивалъ знакомыхъ про свою семью, узналъ, что Ельзбета съ семьей уѣхали въ городъ, и пересталъ думать о нихъ. Онъ проводилъ свободное время въ холостой компаніи. Онъ уже давно сбросилъ ужасное платье, пропитанное фосфатами, а начавъ заниматься политикой, сталъ носить полотняный воротничокъ и грязный красный галстукъ. Онъ часто ѣздилъ съ товарищами въ городъ, ходилъ въ дешевые театры и кафе-шантаны или проводилъ вечера въ кабакахъ, играя въ карты и кости. По субботамъ онъ, какъ и другіе, посѣщалъ рабочіе балы, куда каждый являлся съ дамой, гдѣ всѣ напивались и танцовали до одуренія.

Вскорѣ Юргисъ понялъ, на какой новый заработокъ намекалъ ему Скелли. Въ маѣ кончался срокъ условія между фабрикантами и рабочими союзами и начались переговоры о новыхъ условіяхъ платы. Стали ходить слухи о готовящейся стачкѣ. Прежнее условіе регулировало только положеніе рабочихъ-спеціалистовъ, а чернорабочіе, т.-е. двѣ трети рабочей массы, работали по частному соглашенію. Трэдъ-юніоны хотѣли теперь установить для чернорабочихъ плату въ восемнадцать съ половиной пенсовъ въ часъ; это они получали обыкновенно и по частному соглашенію. По точнымъ разсчетамъ, за вычетомъ нерабочихъ часовъ, это составляло заработокъ около семи долларовъ, т.-е. какъ разъ достаточно, чтобы не умирать съ голоду семейному человѣку. Въ виду того, что цѣна на мясные консервы сильно поднялась, а на живой скотъ понизилась, фабриканты могли бы согласиться на это; но они не захотѣли и отклонили требованія союза. Когда срокъ условія съ союзомъ кончился, они понизили плату тысячи рабочихъ до шестнадцати

пенсовъ, а старикъ Джонсъ сказалъ, что понизитъ ее даже до пятнадцати — только для того, чтобы не уступать заправиламъ союза. Въ странѣ есть полтора милліона безработныхъ, и въ одномъ Чикаго ихъ сто тысячъ, такъ что замѣстителей не трудно будетъ достать. Все это произошло въ іюнѣ, и рабочіе союзы рѣшили объявить стачку. Переговоры ни къ чему не вели, такъ какъ фабриканты упрямо стояли на своемъ; возбужденіе достигло высшей точки, и наконецъ изъ центральнаго управленія рабочихъ союзовъ полетѣли телеграммы во всѣ главные фабричные центры Соединенныхъ Штатовъ — и началась большая „мясная стачка“. Юргисъ направился къ Майку Скелли, который жилъ въ очень красивомъ домѣ, и попросилъ дать ему занятіе на время стачки; онъ вѣдь обѣщалъ ему свое покровительство. Скелли пристально поглядѣлъ на него, прежде чѣмъ отвѣтить. Юргисъ читалъ въ утреннихъ газетахъ рѣзкія нападки Скелли на фабрикантовъ за ихъ возмутительное отношеніе къ рабочимъ; лидеръ демократовъ взывалъ къ городскимъ властямъ, требуя, чтобы снесли всѣ скотные дворы; можно себѣ представить по-этому изумленіе Юргиса, когда Скелли спросилъ его, почему онъ не хочетъ продолжать работу.

— Вы предлагаете мнѣ идти противъ товарищей?—воскликнулъ Юргисъ.

— Зачѣмъ бросать работу?—возразилъ Скелли.—Какъ разъ теперь фабриканты нуждаются въ преданныхъ рабочихъ и предложили бы вамъ отличныя условія. Зачѣмъ дѣйствовать противъ своей выгоды?

— Нѣтъ, ужъ вы лучше дайте мнѣ другія занятія—по политической агитаціи.

— Это невозможно. Вѣдь вы республиканецъ, а я не намѣренъ продолжать поддерживать республиканцевъ. Мой пивоваръ и такъ въ бѣшенствѣ отъ послѣднихъ выборовъ.

— Я... я могу стать демократомъ, — робко предложилъ Юргисъ.

— Это сразу не дѣлается. И кромѣ того, до новыхъ выборовъ далеко, такъ что никакой агитаціонной работы нѣтъ. Я помогаю своимъ, но теперь ничего не могу больше сдѣлать. Сегодня меня осаждаютъ весь день просьбами; я опредѣлилъ семнадцать человѣкъ на городскія работы и больше не могу никого устроить. Повѣрьте, лучше всего продолжать работу. Стачка ни къ чему не приведетъ. Она кончится черезъ нѣсколько дней пораженіемъ рабочихъ, а, работая, вы можете значительно улучшить свое положеніе.

Юргисъ понялъ всю благоразумность этого совѣта и на слѣдующій же день отправился на бойню къ Дургэму. Тамъ мясники оставили длинный рядъ свиныхъ тушъ въ различныхъ стадіяхъ приготовленія, и человѣкъ тридцать конторскихъ служащихъ пытались подъ руководствомъ надзирателя закончить работу. Когда Юргисъ заявилъ, что станетъ на работу, надзиратель очень обрадовался и сразу согласился поднять ему плату до трехъ долларовъ, согласно его требованію. Но въ тотъ же еще день Юргисъ узналъ, что клерки и стенографы получаютъ по пяти долларовъ, и былъ внѣ себя отъ своей непрактичности.

Юргисъ сдѣлался такимъ образомъ однимъ изъ „новыхъ американскихъ героевъ“, но геройство его было не изъ трудныхъ, такъ какъ никакихъ лишеній онъ не испытывалъ. Ему хорошо платили, его снабдили одеждой, дали хорошую постель и отлично кормили три раза въ день. Никакой опасности онъ не подвергался, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда рѣшался выйти изъ воротъ и пойти выпить пива. Но и тогда онъ могъ разсчитывать на помощь чикагской полиціи, защищавшей штрейкбрехеровъ. Къ тому же стачечники рѣшили не пускать въ ходъ насилія. Въ первый же день послѣ работы Юргисъ нарочно вышелъ съ товарищами за ворота фабрики и пошелъ по Гальстетъ-Стриту. Черезъ нѣсколько времени они встрѣтили товарищей, которые совѣтовали имъ бросить работу. Изъ домовъ и кабаковъ появились еще человѣкъ двѣнадцать и стали ругать и стыдить Юргиса и его товарищей. Юргисъ остановился, сталъ слушать стачечниковъ ради забавы, потомъ завязалась драка, довольно, впрочемъ, непродолжительная. Послѣ того всѣ разошлись. Но тѣмъ временемъ явилась полиція, а вслѣдъ за нею газетные репортеры; они сейчасъ же стали выспрашивать очевидцевъ происшествія,—и уже черезъ нѣсколько часовъ продавцы газетъ выкрикивали на бѣгу: „Насиліе на скотныхъ дворахъ! Штрейкбрехеры, окруженные яростной толпой!“ На слѣдующее утро исторія о томъ, какъ Юргисъ пошелъ выпить пива и подвергся нападкамъ стачечниковъ, сдѣлалась извѣстной черезъ газеты по всей Америкѣ—въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ; она послужила сейчасъ же матеріаломъ для безконечныхъ публицистическихъ разглагольствованій. Но Юргису предстояло испытать еще много волненій въ дальнѣйшемъ теченіи стачки. Послѣ работы онъ могъ или поѣхать кутить въ городъ, или остаться спать на фабрикѣ, гдѣ приготовлены были койки для рабочихъ. Онъ остался, но потомъ пожалѣлъ, потому что не могъ спать: всю ночь приходили отовсюду штрейкбрехеры; это

были иностранцы низшаго разбора, греки, румыны, словаки. Ихъ привлекала не столько высокая плата, какъ перспектива всякаго рода безчинствъ. Они буянили всю ночь и собрались спать уже тогда, когда пришли звать ихъ на работу.

Утромъ надзиратель послалъ Юргиса къ управляющему, который сталъ разспрашивать его, хорошо ли онъ знаетъ работу на бойняхъ. У Юргиса забилось сердце отъ радости: очевидно, его назначатъ надзирателемъ, и осуществится мечта его жизни. Многіе изъ надзирателей были членами союзовъ, а другіе, не члены, тоже пристали къ стачечникамъ, такъ что на бойняхъ былъ большой недостатокъ въ людяхъ, знающихъ дѣло. Свѣжее мясо было нужнѣе, чѣмъ консервы. Недостатокъ его былъ бы чувствителенъ для отелей, ресторановъ и богатыхъ домовъ, а если бы тамъ стали терпѣть неудобства отъ стачки, то общественное мнѣніе заставило бы фабрикантовъ сдаться. Юргисъ зналъ это, и рѣшилъ не упускать случая выдвинуться. Онъ сказалъ, что отлично знаетъ дѣло и можетъ быть надзирателемъ. Но онъ требовалъ высокой платы—и не только на время стачки. Управляющій призналъ справедливость его притязаній, и они условились, что Юргисъ будетъ получать во время стачки по пяти долларовъ въ день, а потомъ—двадцать-пять въ недѣлю. Ему дали высокіе сапоги и куртку, и онъ тотчасъ же сталъ на работу. Бойня представляла теперь необычайный видъ. Тамъ, гдѣ еще наканунѣ отдѣлывалось четыреста тушъ въ часъ съ головокружительной быстротой, теперь толпа глупыхъ негровъ и иностранцевъ, не понимавшихъ, что имъ говорятъ, вмѣстѣ съ блѣдными конторщиками, которымъ дѣлалось дурно отъ запаха крови, съ величайшими усиліями обрабатывали дюжины двѣ штукъ скота. Негры очень плохо работали и все старались улизнуть и поспать въ тѣни послѣ безсонной ночи. Командовать этой разнузданной толпой было чрезвычайно трудно, а Юргисъ, привыкшій повиноваться, не умѣлъ къ тому же проявлять достаточную рѣшительность въ приказаніяхъ. Но даже когда онъ принималъ строгій видъ и ругалъ негровъ за медлительность, это все-таки не помогало: „Работайте сами, если я вамъ не гожусь!“—отвѣчали ему негры. Послѣ перваго же обѣда пропали всѣ стальные ножи,—всѣ негры засунули по ножу въ сапогъ, такъ что связываться съ ними становилось опасно. Юргисъ понялъ, что внести порядокъ въ этотъ хаосъ невозможно, и сталъ мириться съ плохой работой, съ порчей свиныхъ тушъ, съ тѣмъ, что люди уходили среди работы. Во время стачки вѣдь все сходило съ рукъ. Вскорѣ у Юргиса открылся новый источникъ

дохода. Когда онъ набросился съ бранью на одного изъ плохихъ рабочихъ—это произошло случайно безъ свидѣтелей,—тотъ сунулъ ему въ руку десять долларовъ, и онъ ихъ принялъ. Другіе стали пускать въ ходъ тотъ же пріемъ, и доходы Юргиса сильно поднялись.

Въ виду всѣхъ этихъ осложненій, собственники скотныхъ дворовъ хотѣли прикончить и приготовить для продажи хотя бы только больныхъ и искалѣченныхъ въ дорогѣ свиней. Было очень жарко, появились случаи холеры между свиньями, и нужно было заколоть ихъ всѣхъ, прежде чѣмъ эпидемія распространится. Агенты фабрикантовъ собирали негровъ на югѣ и привозили ихъ въ Чикаго, соблазняя ихъ платой пяти долларовъ въ день—и не упоминая о стачкѣ. Въ Чикаго стали стекаться толпы всякаго сброда; многіе города воспользовались этимъ случаемъ, чтобы очистить свои тюрьмы и рабочіе дома: судебныя власти отпускали на свободу заключенныхъ съ обязательствомъ уѣхать въ теченіе сутокъ, а агенты изъ Чикаго поджидали освобожденныхъ у выхода и отправляли ихъ цѣлыми партіями на скотные дворы. Въ то же время туда доставлялись цѣлые поѣзда съ припасами, включая водку и пиво—для того, чтобы у рабочихъ не являлось желанія уходить съ фабрикъ. Имъ устроили койки для спанья—рядомъ съ помѣщеніями для работницъ, тоже набранныхъ изъ подонковъ населенія. Но все-таки не было возможности удовлетворять спросу мясного рынка съ такими совершенно деморализованными рабочими. Общество стало требовать прекращенія стачки, пресса шумѣла, и необходимость соглашенія сдѣлалась самой настоятельной. Фабриканты предложили назначить третейскій судъ,—союзы послѣ десяти дней стачки приняли предложеніе. Рѣшено было, что въ теченіе полутора мѣсяца всѣ рабочіе будутъ приняты обратно,—не исключая членовъ рабочаго союза. Юргисъ было-испугался, думая что ему не сдобровать, когда на фабрику вернутся члены союза, но его успокоили, и дѣйствительно, оказалось, что фабриканты только схитрили, чтобы протянуть время. Во всѣ крупные центры мясного производства посланы были телеграммы: „не принимать членовъ союза“. Когда къ Дургэму явились снова на работу двадцать тысячъ человѣкъ съ голодными, измученными лицами, то управляющій прошелся по рядамъ и сталъ отдѣлять тѣхъ, кого принималъ обратно. Юргисъ ясно видѣлъ, что онъ обходитъ всѣхъ дѣятелей и ораторовъ союза. Толпа рабочихъ стала волноваться, и возбужденіе возросло до крайности, когда въ числѣ непринятыхъ оказался предсѣдатель мясного трэдъ-юніона; сотни голо-

совъ стали кричать, что въ такихъ условіяхъ никто не согласенъ вернуться. Возмущенный предсѣдатель, толстый, плотный мясникъ, крикнулъ: „Опять бросать работу, товарищи!“ Тутъ же объявлена была новая стачка: тѣ, которые уже пошли работать на бойню, побросали ножи и разбѣжались во всѣ стороны — объявлять о возобновленіи стачки. Положеніе сдѣлалось на этотъ разъ еще болѣе острымъ. Теперь штрейкбрехерамъ приходилось плохо, и случаи столкновеній со стачечниками учащались, хотя вожди движенія удерживали своихъ людей отъ насилія. Но трудно было справиться съ сотней тысячъ рабочихъ, доведенныхъ до отчаянія голодомъ и нищетой.

А на скотныхъ дворахъ хозяева организовали новую армію труда. Каждый вечеръ являлись тысячи двѣ штрейкбрехеровъ, изъ которыхъ лишь незначительное число были опытные и знающіе рабочіе; большинство были негры южныхъ штатовъ. Ихъ размѣстили, какъ скотъ, въ фабричныхъ зданіяхъ, хотя законъ запрещалъ держать рабочихъ въ неприспособленныхъ для жилья помѣщеніяхъ. Нравы установились тамъ за это время самые невообразимые. Еще передъ самой стачкой предсѣдатель городского совѣта съ гордостью заявлялъ, что въ городѣ прекратились кулачные бои и картежная игра. А теперь снова налетѣла компанія шуллеровъ, вошедшая въ союзъ съ полиціей, чтобы обыграть до чиста негровъ. Каждую ночь шла игра до утра. Совершенно еще дикіе негры, привыкшіе къ рабству, наслаждались теперь свободой, понимая ее какъ потворство всѣмъ разнузданнымъ страстямъ. На фабрики доставлялась въ безграничномъ количествѣ водка, пріѣзжали цѣлые обозы женщинъ, набранныхъ изъ послѣднихъ притоновъ въ Чикаго. Стали умножаться случаи заразныхъ болѣзней, и все это происходило въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, гдѣ изготовлялась пища, разсылаемая во всѣ концы міра. Скотные дворы въ Чикаго никогда не были привлекательнымъ мѣстомъ, но теперь они сдѣлались чѣмъ-то ужасающимъ — станомъ двадцатитысячной арміи звѣроподобныхъ людей. Подъ палящимъ солнцемъ зловоніе отъ мясныхъ отбросовъ на бойнѣ становилось ужасающимъ, и къ нему присоединялись испаренія изъ котловъ на мыловарняхъ, запахъ фосфатовъ и, кромѣ того, еще зловоніе тряпья, сушившагося на солнцѣ, и гніющихъ отбросовъ пищи! Столовыя были черны отъ мухъ, устройство жилищъ было самое негигіеничное во всѣхъ подробностяхъ. И средя этого зловонія, грязи и гнили толпа негровъ проводила ночи въ попойкахъ, игрѣ, крикахъ и пѣсняхъ.

Рабочіе же въ это самое время голодали, и руководители

стачки приходили въ полное отчаяніе. Фабриканты не уступали; притокъ новыхъ рабочихъ силъ не изсякалъ, и не было надобности церемониться съ старыми рабочими. Юргисъ тоже очень измѣнился, запилъ, сталъ притѣснять рабочихъ, доводя ихъ до изнеможенія, и постоянно ругался и кричалъ на свою команду.

Однажды, въ концѣ августа, вбѣжалъ на бойню управляющій и крикнулъ, чтобы всѣ бросили работу и поспѣшили за нимъ. Оказалось, что убѣжалъ быкъ изъ загона, и его схватили стачечники. На улицѣ поднялся шумъ. Прибѣжавъ на мѣсто происшествія, Юргисъ увидѣлъ огромную толпу народа. Стачечники успѣли заколоть быка и, какъ люди умѣлые въ своемъ дѣлѣ, отрѣзали уже самые лучшіе куски. Полиція накинулась на нихъ и стала немилосердно колотить всѣхъ, кто попадался подъ руку. Юргисъ со своими людьми присоединился къ полиціи, и началась звѣрская погоня за стачечниками, которыхъ загоняли въ дома и тамъ избивали и калѣчили. Юргисъ и два полицейскихъ загнали одного стачечника въ кабакъ, и тамъ стали его колотить, а кстати хватили палкой и хозяйку кабака, толстую польку, протестовавшую противъ ворвавшихся полицейскихъ. Пока она лежала на полу безъ чувствъ, Юргисъ выпилъ нѣсколько бутылокъ водки, а потомъ всѣ вмѣстѣ ограбили выручку. Послѣ того они положили бычачью тушу на телѣгу и съ торжествомъ повезли обратно на скотные дворы. Имъ кричали и свистали во слѣдъ, бросали въ нихъ камни; потомъ обо всемъ этомъ подробно писали въ газетахъ, не упоминая только объ эпизодѣ съ ограбленной выручкой.

Поздно днемъ они вернулись на бойню, закончили уборку бычачьей туши и нѣсколькихъ другихъ, оставшихся недодѣланными съ утра, и затѣмъ прекратили работу. Юргисъ отправился съ пріятелями въ городъ, поужиналъ, зашелъ играть въ рулетку и потерялъ пятнадцать долларовъ,—онъ былъ несчастливъ въ игрѣ. Послѣ того онъ рѣшилъ напиться, чтобы утѣшиться, и вернулся на фабрику уже въ два часа ночи. Когда онъ направлялся въ комнату, отведенную ему для спанья, его остановила по дорогѣ нарумяненная женщина въ грязномъ кимоно и поддержала его, видя, что онъ шатается. Они пошли вмѣстѣ черезъ темную комнату, какъ вдругъ отворилась дверь и вошелъ человѣкъ съ фонаремъ въ рукахъ.

— Кто тутъ?—сердито спросилъ онъ.

Юргисъ остановился, человѣкъ поднялъ фонарь, и при свѣтѣ его можно было разглядѣть его лицо. Юргисъ остолбенѣлъ отъ ужаса; его охватила бѣшеная ярость,—передъ нимъ стоялъ Кон-

норъ, соблазнитель его жены, виновникъ всѣхъ его несчастій. Юргисъ думалъ иногда, что, попавъ снова на скотные дворы, онъ рискуетъ встрѣтиться съ Коннoромъ, но теперь, увидавъ его въ дѣйствительности, онъ обезумѣлъ отъ бѣшенства. Не помня себя, онъ кинулся на врага, сшибъ его на землю кулакомъ, а когда онъ упалъ на полъ, то схватилъ его за горло и сталъ стучать головой о каменный полъ. Женщина, стоявшая тутъ же, подняла крикъ; сбѣжались люди. Фонарь потухъ, и нельзя было разглядѣть, что происходитъ; слышно было только тяжелое, прерывистое дыханіе Юргиса. Опять повторилось старое. Юргисъ укусилъ своего врага, и у него остался на зубахъ кусокъ щеки Коннора. Опять его оттаскивали, и онъ отбивался до тѣхъ поръ, пока не пришелъ полицейскій и не избилъ его до безчувствія.

Конецъ ночи Юргисъ провелъ въ полицейскомъ участкѣ при скотныхъ дворахъ. Очнувшись, онъ потребовалъ пить,—теперь положеніе его было другимъ, чѣмъ при первомъ столкновеніи съ Коннoромъ; потомъ онъ послалъ письмо къ Гарперу, требуя, чтобы онъ пришелъ, но Гарперъ явился только на слѣдующій день. Юргиса съ утра же повели на судъ и потребовали у него пятьсотъ долларовъ залога, чтобы отпустить его до тѣхъ поръ, пока опредѣлится состояніе его жертвы. Юргисъ былъ въ бѣшенствѣ. Ему удалось убѣдить судью, что онъ судится впервые и что Коннoръ первый напалъ на него, и еслибы послѣ этого кто-нибудь замолвилъ за него слово, его бы сейчасъ отпустили. Гарперъ сказалъ, что поздно получилъ записку Юргиса, но обѣщалъ тотчасъ же все устроить.

— Пятьсотъ долларовъ,—сказалъ онъ Юргису,—не нужно будетъ платить; придется только дать кое-что, чтобы замять дѣло.

Но когда Юргисъ назвалъ свою жертву, Гарперъ отшатнулся въ полномъ ужасѣ.

— Коннoръ?—воскликнулъ онъ.—Какой ужасъ! Въ такомъ случаѣ я безсиленъ выпутать васъ изъ бѣды. Коннoръ—правая рука Скелли, человѣкъ очень вліятельный. Къ несчастью, Скелли самого теперь нѣтъ; онъ уѣхалъ по дѣламъ стачки, а я даже не смѣю внести залогъ за васъ—иначе и я погибъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—съ ужасомъ проговорилъ Юргисъ.—Похлопочите; потомъ вы скажете, что не знали, съ кѣмъ я связался.

— Ужъ не знаю, право,—возразилъ Гарперъ.—И судиться-то вамъ не слѣдовало бы,—хорошаго ничего не выйдетъ. Единственное, что остается—это внести залогъ и удрать. Я постараюсь понизить сумму залога. Сколько у васъ денегъ?

— Около трехсотъ долларовъ,—чистосердечно отвѣтилъ Юргисъ.

— Я постараюсь, по дружбѣ, освободить васъ за эту сумму—не то вѣдь васъ могутъ закатить въ тюрьму года на два. Жаль мнѣ васъ.

Юргисъ вынулъ свою чековую книжку, запитую въ платьѣ, и подписалъ ордеръ на всю сумму. Гарперъ пошелъ съ деньгами въ судъ, разсказалъ, что Юргисъ очень порядочный человѣкъ и другъ Скелли, и что на него напалъ штрейкбрехеръ. Въ судѣ согласились отпустить Юргиса за триста долларовъ. Гарперъ не сказалъ Юргису при этомъ, что ему легко будетъ до суда вытребовать обратно залогъ; онъ рѣшилъ воспользоваться этими деньгами, какъ вознагражденіемъ за услугу и за то, что онъ рисковалъ поссориться изъ-за Юргиса съ Скелли. Юргисъ такъ обрадовался свободѣ, что про все другое забылъ. Онъ горячо поблагодарилъ своего спасителя, взялъ оставшіеся еще въ банкѣ долларъ и четырнадцать центовъ, положилъ ихъ въ карманъ вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими послѣ ночного кутежа двумя долларами съ четвертью, сѣлъ въ конку и поѣхалъ на другой конецъ Чикаго.

XXVII.

Юргисъ опять превратился въ бродягу. Онъ сразу лишился всѣхъ средствъ, которыя помогали ему жить удобно и пріятно. Ему не надъ кѣмъ стало командовать, онъ не могъ больше безнаказанно воровать, онъ опять смѣшался съ толпой и очутился даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ другіе, такъ какъ долженъ былъ скрываться. Кромѣ того, борьба за жизнь сдѣлалась для него теперь болѣе трудной, чѣмъ прежде; онъ уже пріобрѣлъ привычки къ удобствамъ, и потребности его увеличились; въ особенности же онъ привыкъ выпивать, и теперь готовъ былъ лучше голодать цѣлый день, чѣмъ отказаться отъ стакана водки. Юргису пришлось снова осаждать ворота фабрикъ, но теперь труднѣе было разсчитывать на удачу, чѣмъ когда-либо, главнымъ образомъ въ виду наступившаго экономическаго кризиса. Около двухъ милліоновъ рабочихъ были безъ работы всю весну и осень, и далеко не всѣ вернулись на прежнія мѣста. Къ нимъ прибавились еще новыя толпы безработныхъ; призванные на время стачки негры и иностранцы тоже оставались въ Чикаго и искали заработка. Ихъ Юргисъ избѣгалъ самымъ тщательнымъ образомъ, боясь, что кто-нибудь изъ нихъ узнаетъ его и выдастъ полиціи.

Онъ бы охотно уѣхалъ совсѣмъ изъ Чикаго, еслибы не то, что у него не было ни гроша денегъ.

Черезъ десять дней у Юргиса осталось всего нѣсколько пенсовъ, и онъ все еще былъ безъ работы. Его охватилъ стихійный ужасъ при мысли, что его дѣйствительно ожидаетъ голодная смерть. Онъ ходилъ съ утра до ночи по улицамъ, прося подаянія, ища работы. Онъ исходилъ огромный городъ изъ конца въ конецъ и всюду встрѣчалъ толпы такихъ же несчастныхъ, какъ онъ самъ. Взоръ встрѣчалъ всюду изобиліе благъ, но безпощадная рука преграждала путь къ нимъ. Бываютъ тюрьмы такого рода, что люди заключены за рѣшеткой, а все, чего они жаждутъ—снаружи. А есть еще тюрьмы, гдѣ все желанное спрятано за рѣшеткой, а человѣкъ стоитъ передъ нею и не можетъ ничего взять.

Юргисъ пустился на всѣ способы борьбы съ нищетой, питался черствымъ хлѣбомъ, рылся въ мусорныхъ ящикахъ, стоящихъ у домовъ, и выбиралъ оттуда съѣдобные отбросы. Но голоданіе губительно отзывалось на немъ; онъ становился слабѣе и слабѣе съ каждымъ днемъ; ему дали разъ, случайно, работу въ товарномъ складѣ, мимо котораго онъ проходилъ; но какъ только онъ началъ складывать и носить товары, смотритель объявилъ, что ему не справиться съ работой, и отпустилъ его. Юргисъ продолжалъ стоять у склада въ полномъ отчаяніи, и на его же глазахъ нанятъ былъ на ту же работу другой человѣкъ. Онъ ушелъ, едва сдерживая рыданія, чувствуя себя обреченнымъ, погибшимъ. Потомъ его охватило бѣшенство, и онъ сталъ придумывать планы мести. Проходя мимо овощной лавки, онъ увидѣлъ большую корзину съ капустой, стоявшую у самаго входа. Быстро оглянувшись вокругъ, онъ схватилъ одинъ кочанъ, быстро побѣжалъ съ нимъ и скрылся за уголъ. За нимъ погнались, но онъ быстро сворачивалъ изъ улицы въ улицу разными закоулками и проходами, спрятавъ кочанъ подъ пальто. Уйдя достаточно далеко, онъ вынулъ капусту, съѣлъ полъ-кочана сырымъ, а вторую половину спряталъ въ карманъ, на ужинъ.

Какъ-разъ въ это время одна изъ чикагскихъ газетъ устроила, для рекламы, безплатную столовую для безработныхъ, гдѣ весь вечеръ и всю ночь давали каждому пришедшему даромъ тарелку сытнаго, горячаго супа. Шутники говорили, что это дѣлалось для того, чтобы всѣ покупатели, на которыхъ газета разсчитывала, не умерли пока съ голоду. Когда Юргисъ узналъ объ этомъ учрежденіи, онъ рѣшилъ, что съѣстъ въ одинъ вечеръ шесть тарелокъ супу. Но на самомъ дѣлѣ едва добился одной, такъ какъ

передъ входомъ въ столовую стоялъ длинный рядъ голодныхъ, и многіе такъ и ушли ни съ чѣмъ. Ходить въ столовую было нѣсколько опасно для Юргиса; въ этой части города его могли узнать. Но онъ былъ въ такомъ отчаяніи, что даже тюрьма представлялась ему какимъ-то желательнымъ убѣжищемъ. Приближалась зима, дулъ рѣзкій вѣтеръ, и Юргисъ зашелъ два раза въ одинъ вечеръ выпить; у него осталось еще всего два пенса, и съ ними онъ отправился въ низшаго разряда пивную, гдѣ пиво изготовлялось изъ отбросовъ, подправленныхъ химическими суррогатами, и гдѣ за два цента продавалась большая кружка пива вмѣстѣ съ правомъ проспать ночь рядомъ съ другими бродягами, мужчинами и женщинами. Юргису было особенно тяжело перейти на положеніе нищаго, такъ какъ онъ видѣлъ, сколько шансовъ на удачу онъ терялъ по собственной винѣ. Опять приближались выборы, на этотъ разъ президентскіе; онъ видѣлъ плакаты и флаги—и безумствовалъ отъ отчаянія, что самъ онъ теперь ни при чемъ тутъ, хотя, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы разбогатѣть въ короткое время. Были дни, когда приходилось особенно трудно. Разъ онъ цѣлый день просилъ милостыню—и не получилъ ни одного цента; только подъ вечеръ ему удалось помочь какой-то старой дамѣ, которая выходила изъ электрическаго трамвая со свертками; онъ разсказалъ ей о своихъ несчастіяхъ и возбудилъ въ ней довѣріе; она повела его въ ресторанъ и заплатила за его обѣдъ. Онъ сытно пообѣдалъ, получивъ супъ, мясо, хлѣбъ, бобы и даже кофе съ пирожнымъ, и вышелъ изъ ресторана подкрѣпленный. Издали онъ увидѣлъ на улицѣ, сквозь дождь и темноту, красные огни и услышалъ барабанный бой. Очевидно, тамъ происходилъ митингъ, и Юргисъ направился туда.

Выборы подготовлялись очень вяло на этотъ разъ; никто не интересовался борьбой между партіями, и трудно было залучить публику на митинги. Особенно не удавались митинги въ Чикаго. Теперь долженъ былъ говорить очень видный ораторъ, кандидатъ въ вице-президенты, и организаторы дрожали, боясь провала. Но на ихъ счастье былъ холодный вечеръ и шелъ проливной дождь. Достаточно было, поэтому, ярко освѣтить входъ, подольше бить въ барабанъ, и тогда можно было надѣяться, что всѣ бездомные на версту вокругъ прибѣгутъ и наполнятъ залу. А на слѣдующій день можно будетъ оповѣстить въ газетахъ о безконечныхъ овацiяхъ и прибавить, что публика состояла не изъ дамъ въ шолковыхъ чулкахъ, а это—доказательство, что кандидатъ пользуется симпатіями рабочихъ массъ. Юргисъ вскорѣ очу-

тился въ большой залѣ, украшенной флагами, и послѣ короткой рѣчи предсѣдателя, подъ звуки туша, сыгранаго оркестромъ, поднялся ораторъ, для котораго собрали митингъ. Къ величайшему своему изумленію, Юргисъ узналъ сенатора, который поддерживалъ кандидатуру Дойля и говорилъ на собраніи „Дойлевскаго республиканскаго союза". Юргису сдѣлалось горько до слезъ. Онъ вспомнилъ о золотомъ времени, когда и онъ принималъ дѣятельное участіе въ выборной кампаніи. Теперь опять всѣ шансы на сторонѣ республиканцевъ, и онъ могъ бы участвовать въ прибыляхъ, не будь съ нимъ этого страшнаго несчастья.

Краснорѣчивый сенаторъ разъяснялъ всѣ выгоды протекціонизма—системы, при которой рабочіе позволяютъ фабрикантамъ продавать имъ все по высокимъ цѣнамъ для того, чтобы фабриканты могли дороже платить имъ за трудъ; такимъ образомъ, вынимая деньги изъ кармановъ рабочихъ одной рукой, фабриканты клали ихъ обратно другой. Сенаторъ видѣлъ въ этомъ источникъ величія Америки. Всѣ ея будущіе успѣхи и ея слава среди другихъ націй зависятъ, по его словамъ, отъ рвенія и преданности, съ которыми каждый гражданинъ будетъ поддерживать созидателей ихъ благополучія, т.-е. членовъ доблестнаго союза, называемаго „великой старой партіей".

Тутъ раздались звуки оркестра, и Юргисъ встрепенулся. Онъ старался вслушиваться въ слова сенатора и понять его теорію процвѣтанія Америки, потому что ему необходимо было не заснуть. Онъ зналъ, что, заснувъ, онъ начнетъ громко храпѣть, и его выгонятъ. Но онъ сытно пообѣдалъ, былъ страшно утомленъ, сидѣть ему было тепло и удобно; поэтому, несмотря на всѣ старанія, лицо сенатора стало расплываться въ туманѣ передъ его взоромъ, и онъ незамѣтно задремалъ. Сначала онъ еще встрепенулся, когда сосѣдъ толкнулъ его въ бокъ, потомъ опять захрапѣлъ уже такъ громко, что вышелъ скандалъ. Публика возмутилась, призвали полицейскаго, который схватилъ Юргиса за воротъ и вытолкалъ его съ руганью на улицу, подъ дождь. Юргисъ могъ еще благодарить судьбу за то, что его не избили и не арестовали, что могло бы легко произойти. Онъ выругалъ внутренно самого себя и сталъ обдумывать, что дѣлать. Лилъ дождь, и нужно было гдѣ-нибудь укрыться. Денегъ у него не было ни пенса, идти переночевать было нѣкуда. Оставалось опять просить милостыню. Увидавъ хорошо одѣтую даму подъ зонтикомъ, онъ подошелъ къ ней и, идя съ ней рядомъ, сталъ просить денегъ на ночлегъ. Но вдругъ онъ остановился. При свѣтѣ фонаря, мимо котораго они прошли, онъ узналъ даму: это была

Елена Ясайтитъ, которая, когда-то, танцовала на его свадьбѣ и слыла красавицей. Онъ ее съ тѣхъ поръ видѣлъ всего разъ или два; ея женихъ бросилъ ее, и она уѣхала изъ фабричнаго района неизвѣстно куда. Она тоже узнала его и была страшно поражена.

— Юргисъ Рудкусъ!—воскликнула она.—Какъ это вы очутились тутъ?

— Мнѣ не повезло,—пробормоталъ онъ.—Я безъ работы, и у меня нѣтъ ни денегъ, ни мѣста, гдѣ переночевать. А вы, Елена, замужемъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—не замужемъ, но у меня хорошее мѣсто... Я бы хотѣла помочь вамъ, Юргисъ,—прибавила она, помолчавъ.—Но я вышла безъ кошелька, и у меня нѣтъ ни гроша. Но вотъ что—пойдите къ Марьѣ, я вамъ дамъ ея адресъ. Она будетъ вамъ страшно рада.

— Да неужели Марья здѣсь?—радостно воскликнулъ Юргисъ. Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ онъ бѣжалъ со скотныхъ дворовъ, какъ изъ тюрьмы, спасаясь бѣгствомъ именно отъ Ельзбеты и Марьи. Но теперь онъ несказанно обрадовался при одномъ имени Марьи. Ему захотѣлось увидѣть ее, вернуться домой. Онѣ простятъ его, и онъ опять будетъ имѣть свой домъ и семью. Узнавъ улицу и нумеръ дома, гдѣ жила Марья, онъ сейчасъ же направился туда. Очутившись передъ домомъ очень аристократическаго вида, онъ позвонилъ у кухонной двери. Ему отворила молоденькая негритянка, посмотрѣвшая на него съ крайнимъ недовѣріемъ.

— Что вамъ нужно?—спросила она.

Когда онъ спросилъ, здѣсь ли живетъ Марья Берчинская, дѣвушка сначала спросила, зачѣмъ она понадобилась. Юргисъ отвѣтилъ, что она—его родственница. Негритянка его впустила, затѣмъ пошла куда-то справиться и вернулась съ отвѣтомъ, что такой особы здѣсь не имѣется. Хозяйка не знаетъ никакой Марьи Берчинской. Юргисъ постоялъ въ нерѣшительности, потомъ печально повернулся къ двери. Но въ эту минуту въ дверь постучались, негритянка пошла отворять, потомъ Юргисъ услышалъ громкій топотъ ногъ; служанка вскрикнула, побѣжала назадъ, съ испугомъ промчалась мимо Юргиса и, быстро побѣжавъ вверхъ по лѣстницѣ, закричала:—Полиція! Облава!

Юргисъ ничего не могъ понять, но, увидавъ синіе мундиры полиціи, побѣжалъ вслѣдъ за служанкой. Ея крики подняли весь домъ; населеніе его оказалось весьма многочисленнымъ, и изо всѣхъ дверей стали появляться съ криками испуганныя жен-

щины, большей частью въ однихъ капотахъ, и мужчины, тоже полуодѣтые. Черезъ одну изъ открывшихся дверей Юргисъ увидѣлъ большую комнату съ мягкими креслами и столами, на которыхъ стояли бутылки и стаканы. На полу валялись игральныя карты, по ковру текло вино изъ разбитыхъ бутылокъ. Какая-то молодая женщина лежала въ обморокѣ и около нея суетились двое мужчинъ. Еще около дюжины человѣкъ толпились у дверей. Стуки въ дверь возобновились съ удвоенной силой. Съ лѣстницы сбѣжала толстая женщина съ нарумяненными щеками и крупными брилліантами въ ушахъ и крикнула: — Скорѣе! Всѣ къ черному ходу!

Она провела всѣхъ въ кухню, и Юргисъ послѣдовалъ за остальными. Въ кухнѣ толстая женщина нажала кнопку, кухонный шкафъ откинулся, и за нимъ открылась дверь, которая вела въ темный корридоръ.

— Сюда!—крикнула она собравшимся, и они покорно стали исчезать черезъ потайную дверь. Ихъ было человѣкъ двадцать-тридцать. Но едва прошелъ послѣдній, какъ раздались опять крики, и испуганная толпа стала возвращаться въ ужасѣ: —Полиція и съ той стороны. Мы въ западнѣ!—кричали они.

— Наверхъ!—скомандовала толстая женщина, и вся толпа бросилась вверхъ по лѣстницѣ. На самомъ верху дома была лѣстница, которая вела на крышу и открывалась какъ трапъ; но оказалось, что на ней сверху кто-то сидитъ, и что нѣтъ спасенія и этимъ путемъ. А снизу раздался голосъ: „Не прячьтесь. Мы на этотъ разъ не выпустимъ“.—Толпа остановилась въ нерѣшительности, и черезъ нѣсколько минутъ полиція вошла въ домъ и стала пересчитывать свои жертвы. Мужчины были, видимо, очень смущены и испуганы, а женщины, большинство которыхъ были совершенно пьяны, громко хохотали, шутили надъ полицейскими и готовы были начать драку. Громче всѣхъ кричала и хохотала женщина въ красномъ кимоно, и, взглянувъ на нее, Юргисъ въ ужасѣ отшатнулся: это была Марья. Его невольный крикъ заставилъ обернуться и ее, и она въ испугѣ вскочила.

— Юргисъ!—крикнула она.—Ты какъ сюда попалъ?

— Я только-что пришелъ—повидаться съ тобой. Мнѣ Елена Ясайтитъ дала твой адресъ. Я встрѣтилъ ее на улицѣ.

Онъ замолчалъ, и они молча поглядѣли другъ на друга.

— А ты живешь здѣсь?—спросилъ Юргисъ.

— Да,—отвѣтила Марья.

Въ это время снизу раздался крикъ:

— Эй вы, дѣвицы, одѣвайтесь и сходите внизъ! Торопитесь—не то такъ заберемъ. А на дворѣ-то вѣдь дождь.

— Бр-р!—произнесъ кто-то съ содроганіемъ, и женщины, сидѣвшія въ передней, разошлись по комнатамъ.

— Пойдемъ,—сказала Марья Юргису и повела его въ свою маленькую комнатку, гдѣ стояли кровать, стулъ, вѣшалка. На полу валялись платья, и въ комнатѣ былъ безнадежный безпорядокъ: баночки съ румянами и флаконы съ духами валялись въ перемежку съ шляпами и грязными тарелками на столикѣ; пара туфель, часы и бутылка виски стояли на стулѣ.

На Марьѣ были надѣты только кимоно и чулки, и она стала, не стѣснялись, одѣваться въ присутствіи Юргиса и даже не закрыла дверь въ корридоръ. Юргисъ уже понялъ, куда онъ попалъ, и хотя онъ много уже видалъ въ жизни, и его не легко было привести въ ужасъ, все же ему стало очень горестно. Онъ привыкъ къ мысли, что семья его исключительно порядочная. Какъ Марью не удержало воспоминаніе о прошломъ? Но онъ самъ засмѣялся надъ собой. Какое право имѣетъ онъ требовать порядочности отъ другихъ?

— Ты здѣсь давно?—спросилъ онъ.

— Около года. Нужно же жить чѣмъ-нибудь,—и я не могла видѣть, какъ дѣти голодаютъ.

— Ты потеряла работу?

— Я заболѣла, а потомъ и очутилась безъ гроша. А когда послѣ смерти бѣднаго Станислава...

— Станиславъ умеръ?

— Да развѣ ты не зналъ? Ахъ, да, я забыла, что это было послѣ тебя. Его загрызли крысы. Его наняли приносить пиво рабочимъ на одной фабрикѣ. Онъ носилъ обыкновенно кружки на длинномъ шестѣ и отпивалъ понемножку отъ каждой кружки. Разъ онъ слишкомъ много выпилъ и заснулъ въ углу. Его не замѣтили и заперли на ночь. Къ утру нашли только его трупъ, обглоданный крысами.

Юргисъ онѣмѣлъ отъ ужаса. Марья спокойно зашнуровывала ботинки, и потомъ торопилась кончить одѣваться въ виду окриковъ полицейскаго.

— А другіе всѣ живы? Чѣмъ они живутъ?

— Живы. Они здѣсь живутъ недалеко. Теперь имъ ничего. Я ихъ поддерживаю,—я много зарабатываю.

Юргисъ помолчалъ и спросилъ:

— А они знаютъ, какъ ты живешь?

— Ельзбета знаетъ, я не могу скрывать отъ нея ничего.

А теперь и дѣти, вѣроятно, догадались. Да я не стыжусь—нужно вѣдь жить какъ-нибудь.

— А Тамошисъ знаетъ?—спросилъ онъ.

Марья пожала плечами.

— Не знаю,—сказала она.—Я ужъ годъ, какъ не видѣла его. У него сдѣлалось зараженіе крови, пришлось отрѣзать палецъ, и онъ не могъ больше играть на скрипкѣ. Онъ послѣ того ушелъ навсегда.

Юргисъ смотрѣлъ на Марью, изумляясь перемѣнѣ въ ней. Она стала такая спокойная—жесткая. Онъ разсказалъ ей въ свою очередь о себѣ и спросилъ, винитъ ли она его за то, что онъ тогда убѣжалъ отъ нихъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—Я не виню. Слишкомъ было тяжело,—всѣ мы не сумѣли справиться тогда. Не знали ничего, не умѣли бороться. Теперь бы мы иначе дѣйствовали. Вотъ даже ты—не такъ бы поступилъ, когда вышла исторія съ Оной. Когда люди голодаютъ, они должны продать все, за что̀ можно выручить деньги. Теперь, я думаю, ты это понялъ. Тогда Она могла бы поддержать насъ всѣхъ.

Марья сказала это безстрастно и дѣловито, и Юргисъ не рѣшился признаться ей, что заплатилъ триста долларовъ и потерялъ мѣсто надзирателя за удовольствіе вторично поколотить Коннора. Раздался опять голосъ полицейскаго, торопившаго всѣхъ сходить внизъ. Марья надѣла огромную шляпу со страусовыми перьями и вышла вмѣстѣ съ Юргисомъ внизъ, а полицейскій сталъ осматривать, нѣтъ ли кого-нибудь за дверями или подъ кроватью. Юргисъ спросилъ, что̀ все это значитъ; ему сказали, что это—полицейская облава,—это было обычное дѣло—и мадамъ, вѣроятно, еще до утра столкуется съ полиціей. Юргисъ испугался, сказалъ Марьѣ по-литовски, что полиція его разыскиваетъ, и что его могутъ посадить надолго въ тюрьму, если узнаютъ, кто онъ. Марья встревожилась, но обѣщала выпутать его. Она стала шептаться съ мадамъ, и та объяснила полицейскому коммиссару, что Юргисъ — братъ Марьи, пришедшій навѣстить ее. Коммиссаръ недовѣрчиво улыбнулся и сказалъ, что ему приказано забрать всѣхъ. Собрали всю компанію — среди мужчинъ были мальчики, гимназисты и сѣдобородые старики, которые годились имъ въ дѣдушки. Нѣкоторые были во фракахъ,—и, кромѣ Юргиса, не было ни одного бѣднаго человѣка. Тѣмъ временемъ пріѣхали полицейскія каретки, и при стеченіи сосѣдей, которые съ любопытствомъ и злорадствомъ смотрѣли на скандалъ, ихъ отвезли всѣхъ въ полицейскій участокъ. Юр-

гисъ назвался вымышленнымъ польскимъ именемъ, и его посадили въ камеру вмѣстѣ съ нѣсколькими другими. Тѣ принялись разговаривать вполголоса, а Юргисъ легъ въ углу и погрузился въ мысли. Много онъ видѣлъ ужасовъ за годъ скитанія, и считалъ все человѣчество уродливымъ и презрѣннымъ,—но для своей семьи онъ дѣлалъ исключеніе. То, что Марья сдѣлалась падшей женщиной, а Ельзбета съ дѣтьми живетъ ея позоромъ, потрясло до самой глубины его заснувшую душу и пробудило всѣ старыя муки. Онъ сталъ вспоминать прежнія мечты о честной свободной жизни. Передъ нимъ воскресъ нѣжный образъ Оны и маленькаго сына, изъ котораго онъ мечталъ сдѣлать настоящаго человѣка. Онъ заново пережилъ ужасъ, охватившій его, когда онъ узналъ о позорѣ Оны, о ея страданіяхъ. А теперь Марья спокойно говоритъ, что онъ дѣйствовалъ какъ дуракъ, что нужно было торговать честью жены. А бѣдный Станиславъ! Какъ равнодушно Марья разсказала его исторію! Картина его смерти леденила кровь Юргису. Всѣ эти чувства внезапно нахлынули на душу Юргиса; онъ думалъ, что они уже никогда не будутъ больше тревожить его; вѣдь онъ сдѣлалъ все, чтобы убить ихъ въ себѣ. А теперь они незамѣтно пробрались въ душу; заговорили забытые голоса, возстали тѣни прошлаго. Нѣтъ, пусть они расплываются въ туманѣ. Онъ никогда больше не станетъ ихъ слушать... онъ затушитъ въ себѣ всякую искру честности и совѣсти...

XXVIII.

Утромъ Юргисъ, вмѣстѣ съ другими, предсталъ на судъ и страшно боялся, что его узнаютъ: тотъ же судья и тотъ же секретарь засѣдали теперь, какъ и тогда, когда разбиралось его дѣло послѣ исторіи съ Коннором. Но судья не узналъ его, равнодушно выслушалъ объясненіе о его родствѣ съ Марьей и, сухо посовѣтовавъ ему помѣстить сестру въ болѣе приличное мѣсто, отпустилъ его, а съ каждой изъ дѣвицъ потребовалъ штрафа въ пять долларовъ. За все заплатила мадамъ, и этимъ дѣло кончилось. Юргисъ отправился вмѣстѣ съ Марьей къ ея дому. Полиція ушла, и уже стали приходить посѣтители. Ясно было, что къ вечеру все войдетъ въ норму. Марья привела Юргиса къ себѣ въ комнату. Увидавъ ее при дневномъ свѣтѣ, Юргисъ замѣтилъ, что у нея совершенно желтое лицо и черные круги подъ глазами.

— Ты болѣла?—спросилъ онъ.

— Да я все время больна,—отвѣтила она.—Иначе и быть не можетъ при этой чортовой жизни.—Все отъ морфія... я теперь безъ него совсѣмъ жить не могу.

— А на что это тебѣ?

— Ужъ такъ полагается. Или морфій, или водку,—а то не выдержать. Мадамъ пріучаетъ къ этому съ самаго начала, или давая незамѣтно въ ѣдѣ, или какъ средство отъ головной боли. А какъ привыкнешь, такъ и не отстать. Я ужъ, по крайней мѣрѣ, не отстану.

— Долго ты еще здѣсь останешься?

— Не знаю. Вѣрно, всю жизнь. Вѣдь у меня ни гроша нѣтъ. Денегъ я получаю много — половину платы съ каждаго гостя. Иногда долларовъ тридцать за ночь,—а не остается ничего. За комнату и ѣду такія цѣны берутъ, какія тебѣ и не снились, и за все отдѣльно,—особенно за питье. Часто присчитываютъ и то, чего не брала. За стирку бѣлья берутъ двадцать долларовъ въ недѣлю—подумай только!... И во всякомъ другомъ мѣстѣ было бы то же самое. Я сберегаю только пятнадцать долларовъ въ недѣлю для Ельзбеты, и дѣти могутъ ходить въ школу.

Помолчавъ, Марья опять стала разсказывать Юргису о порядкахъ у нихъ. Всякую новую пріѣзжую запутываютъ прежде всего въ долги, потомъ отнимаютъ у нея все платье, грозятъ тюрьмой, и она поневолѣ остается,—особенно иностранки, не понимающія ни слова по-англійски. Иныя пріѣзжаютъ по обманнымъ объявленіямъ,—думаютъ, что поступаютъ на честное мѣсто, конторщицей или въ этомъ родѣ. А ихъ приводятъ сюда, дурманятъ, а потомъ запираютъ, и имъ приходится покориться. Одна недавно изъ окна выскочила,—тогда былъ большой скандалъ. За доставку пансіонеровъ платятъ много—по сорока долларовъ за каждую, и ихъ доставляютъ изо всѣхъ странъ. У насъ здѣсь семнадцать—изъ девяти разныхъ странъ. Больше всего француженокъ, потому что мадамъ говоритъ по-французски. Француженки—самыя худшія изъ всѣхъ,—кромѣ еще японокъ. Тутъ рядомъ есть домъ, полный японокъ. Я бы не согласилась жить вмѣстѣ съ ними. Но большинство женщинъ—порядочныя, даже трудно повѣрить. Имъ тяжело продаваться, — онѣ отъ крайней нужды здѣсь, и потому пьютъ, чтобы одурманиться.

Юргисъ разсказалъ о своей судьбѣ за это время, и Марья внимательно слушала,—по ея лицу видно было, что она его жалѣла, особенно когда онъ разсказывалъ, какъ голодалъ.—Теперь тебѣ будетъ легче,—сказала она. — Я тебѣ буду помогать, пока достанешь работу.

— Я не хочу, чтобы ты....

— Почему? Изъ-за того, что я здѣсь?

— Нѣтъ, а потому, что я такъ поступилъ съ вами—бросилъ въ нуждѣ.

— Пустяки!—Мы тебя не винили. А теперь давай, позавтракаемъ. Ты навѣрное голоденъ.

Она позвонила и велѣла вошедшей негритянкѣ принести имъ завтракъ.

Юргисъ дѣйствительно былъ голоденъ, и они сытно поѣли вдвоемъ, разговаривая объ Ельзбетѣ и дѣтяхъ. Едва они успѣли кончить завтракъ, какъ пришла другая негритянка и сказала, что мадамъ зоветъ „литовку Марію“. Марьѣ пришлось уйти. Она дала новый адресъ Ельзбеты, поселившейся въ еврейскомъ кварталѣ. Когда Юргисъ смущенно попросилъ у нея денегъ, она заявила, что не дастъ ему ничего, кромѣ четверти доллара,—потому что иначе онъ все пропьетъ. Она сказала, чтобы онъ немедленно пошелъ къ Ельзбетѣ, гдѣ ему страшно обрадуются, и гдѣ у него будутъ кровъ и пища.

Уйдя отъ Марьи, Юргисъ не сразу направился къ Ельзбетѣ, а сталъ ходить по улицамъ въ надеждѣ все-таки найти работу. Идя безъ опредѣленной цѣли, онъ очутился подлѣ дома, гдѣ наканунѣ былъ на политическомъ митингѣ. На этотъ разъ тамъ не было красныхъ огней, у входа не били въ барабанъ, но вывѣшено было объявленіе о происходящемъ тамъ митингѣ, и въ двери входило много публики. Билетовъ у входа не продавали,—значитъ, входъ былъ свободный, и Юргисъ вошелъ. Никакихъ украшеній на этотъ разъ онъ не увидѣлъ въ залѣ, но эстрада была полна народу, и зала была тоже биткомъ набита. Юргисъ сѣлъ въ заднихъ рядахъ, и забывъ тотчасъ же, гдѣ онъ сидитъ, погрузился въ мысли о личныхъ дѣлахъ, о томъ, какъ его встрѣтитъ Ельзбета, и о томъ, какъ бы ему достать работу.

Вдругъ Юргисъ услышалъ взрывъ апплодисментовъ. Толпа задвигалась, стала махать платками—очевидно, прибылъ ораторъ. Но Юргисъ только удивился, что эти люди такъ глупы и такъ увлекаются тѣмъ, что̀ не можетъ принести имъ никакой выгоды. Онъ опять предался своимъ мыслямъ, сталъ внутренно подготовлять объясненіе съ Ельзбетой; сначала онъ еще старался прислушаться къ словамъ оратора на эстрадѣ, но не могъ уловить нити и вскорѣ заснулъ. Онъ проснулся отъ прикосновенія чьей-то руки и встрепенулся, увѣренный, что онъ опять захрапѣлъ и что его выведутъ; но къ изумленію онъ услышалъ ласковый женскій голосъ, говорившій ему:—Вы бы послушали, товарищъ,—эта рѣчь

могла бы васъ заинтересовать.—Онъ взглянулъ на свою сосѣдку—молодую, красивую, красиво одѣтую даму. И она назвала его „товарищемъ"—что это значило?

Онъ сталъ искоса поглядывать на сосѣдку и былъ совершенно пораженъ. Она, видимо, забыла о немъ, увлеченная тѣмъ, что говорилось съ эстрады. Юргисъ сталъ прислушиваться, ничего не понималъ и опять поглядѣлъ на странную даму. Она сидѣла окаменѣвшая, тѣсно сжавъ руки на колѣняхъ, съ блѣднымъ, взволнованнымъ лицомъ. Она напряженно глядѣла на эстраду, прерывисто дышала и изрѣдка быстро смачивала засохшія отъ волненія губы. Что это значило? Очевидно, ее сильно волновали слова человѣка, говорившаго съ эстрады. Кто онъ такой? Юргисъ наконецъ догадался поглядѣть на него.

Внѣшность оратора поразила его, какъ дикое зрѣлище въ природѣ — горный лѣсъ подъ бурей или корабль на разъяренныхъ волнахъ. Онъ былъ высокаго роста, худой, съ большой черной бородой и дикими, глубоко сидящими глазами. Онъ говорилъ возбужденно и сильно жестикулировалъ. Голосъ у него былъ глубокій и звучный, но Юргисъ былъ слишкомъ занятъ его глазами, чтобы помнить о голосѣ. Онъ долго глядѣлъ на него, и вдругъ ему показалось, что ораторъ точно нарочно указываетъ на него, обращается къ нему, и тогда Юргисъ почувствовалъ странное обаяніе его взволнованнаго голоса. Юргисъ сталъ вслушиваться и весь застылъ.

— Вы слушаете меня,—говорилъ ораторъ,—и думаете: все это, можетъ быть, и придетъ, но не въ мое время и мнѣ не поможетъ. А пока вы продолжаете работать на другихъ, живя въ нищетѣ, болѣзняхъ, умирая отъ лишеній. Съ каждымъ днемъ борьба становится все ожесточеннѣе, съ каждымъ днемъ приходится вамъ работать тяжелѣе. Проходятъ мѣсяцы, годы—вы приходите опять сюда, и я спрашиваю: прозрѣли ли вы наконецъ? Я все жду.—Что же мнѣ дѣлать? Нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бы я могъ укрыться отъ зрѣлища страданій. На всѣхъ концахъ міра происходитъ то же самое. И я не могу перестать говорить, не могу успокоиться. Меня не останавливаетъ страхъ тюрьмы и преслѣдованій, — я буду продолжать свою проповѣдь, я твердо увѣренъ, что если сумѣю наконецъ высказать правду, которую ношу въ душѣ, то она потрясетъ и пробудитъ всѣ спящія души, уничтожитъ ложь и лицемѣріе и водворитъ торжество правды на землѣ. Я говорю отъ имени нѣмыхъ страдальцевъ, не поднимающихъ голоса за себя, говорю отъ имени всѣхъ обездоленныхъ, для которыхъ весь міръ—тюрьма,—дѣтей, изнемогающихъ

на фабрикахъ, бѣдняковъ, умирающихъ въ трущобахъ, молодыхъ дѣвушекъ, которымъ приходится или броситься въ воду, или вступить на путь разврата,—говорю отъ имени всѣхъ, попадающихъ подъ колеса кровожаднаго бога—Жадности. Во имя человѣколюбія, во имя безсмертной души человѣка, возстающей отъ праха, взываю къ освобожденію, къ свѣту...

Ораторъ остановился, и наступило минутное молчаніе, во время котораго всѣ затаили дыханіе, потомъ изъ тысячи устъ раздался согласный крикъ восторга. Одинъ Юргисъ сидѣлъ неподвижно, весь дрожа и не сводя глазъ съ эстрады. Ораторъ поднялъ руку, опять все смолкло, и онъ продолжалъ:

— Я взываю ко всѣмъ жаждущимъ истины и справедливости,—и въ особенности обращаюсь къ вамъ, рабочіе. Вы создаете благоденствіе страны—и васъ отстраняютъ отъ управленія ею; вы готовите обильную жатву для другихъ, а сами просите взамѣнъ только корку хлѣба и кровъ. Я несу вамъ вѣсть о спасеніи. Я знаю вашу жизнь, я самъ жилъ, какъ вы, долгіе годы питался однимъ хлѣбомъ и спалъ на лѣстницахъ или подъ навѣсами. Я знаю, что̀ значитъ создавать гордыя мечты и видѣть ихъ крушеніе,—я прозрѣлъ, платясь за это тяжкими страданіями тѣла и духа. Я дошелъ до отчаянія и знаю, что отчаяніе родитъ великую силу. И я твердо вѣрю, что мои слова пробудятъ вашу силу, открывъ вамъ глаза на ужасы вашей жизни. Вы прозрѣете и станете свободными людьми, сами освободите себя отъ рабства. Товарищи, проснитесь, прозрѣйте, порвите путы привычекъ и предразсудковъ,—поймите уродство теперешняго строя жизни во всей его презрѣнности! Подумайте, на поляхъ Манчжуріи двѣ враждебныя арміи сошлись теперь лицомъ къ лицу; льется невинная кровь сотенъ тысячъ людей, и это происходитъ черезъ девятнадцать вѣковъ послѣ того, какъ на землѣ жилъ Учитель мира и любви, проповѣдь котораго признана божественной. У насъ есть школы, книги, газеты. Сколько философовъ проповѣдывали истину, сколько поэтовъ мечтали о любви,—а чудовище жестокости попрежнему свирѣпствуетъ на землѣ. Представьте себѣ ясно эти искалѣченныя тѣла. Объ этомъ пишутъ, объ этомъ говорится въ церквахъ, а люди это терпятъ и не возстаютъ... Если Манчжурія слишкомъ далека, чтобы возбудить ваше воображеніе, подумайте о томъ, что̀ дѣлается тутъ, въ Чикаго: каждую ночь десять тысячъ женщинъ должны продавать свое тѣло подъ угрозой голодной смерти; десятки тысячъ мужчинъ скитаются безъ крова и просятъ подаянія, чтобы не замерзнуть на улицѣ. Сотни тысячъ матерей живутъ въ страшной

нуждѣ, чтобы прокормить дѣтей, а старики призываютъ смерть, какъ избавительницу отъ страданій. Люди работаютъ, какъ рабы, за нищенскую плату, проводятъ жизнь въ безрадостномъ трудѣ, обреченные на вѣчную нищету, на жизнь въ грязи и невѣжествѣ, въ пьянствѣ и порокахъ. А посмотрите на другую сторону картины. Тысячи, десятки тысячъ живутъ въ роскоши трудами своихъ рабовъ, строятъ себѣ дворцы, платятъ сотни долларовъ за пару сапогъ, за носовой платокъ, тратятъ милліоны на лошадей, автомобили, яхты. Они соперничаютъ между собой въ безсмысленныхъ тратахъ, въ разрушеніи полезныхъ предметовъ, пользуются для своихъ выгодъ слезами и кровью рабочихъ массъ. Землепашецъ обрабатываетъ землю, рудокопъ извлекаетъ богатство изъ земли, ткачъ готовитъ пряжу, каменотесъ обрабатываетъ камни, люди высокаго ума дѣлаютъ открытія, — и результатами ихъ трудовъ пользуются только праздные богачи, завладѣвшіе рабочими силами всего міра. Въ ихъ рукахъ сосредоточивается управленіе страной, и своей властью они пользуются лишь для собственныхъ выгодъ, самовольно расширяютъ свои права, стараются прорыть все болѣе и болѣе широкіе каналы, по которымъ стекались бы въ ихъ руки богатства всѣхъ странъ. А вы, рабочіе, добровольно становитесь вьючными животными для нихъ. Неужели вы полагаете, что такъ и быть должно, что всегда результаты труда будутъ идти на пользу только праздныхъ лѣнтяямъ, на удовлетвореніе ихъ капризовъ,— а не будутъ наконецъ принадлежать человѣчеству, идти на общее благо? Но какъ же это произойдетъ? Какая сила измѣнитъ порядокъ вещей? Неужели вы полагаете, что ваши хозяева и угнетатели сами помогутъ вамъ освободиться и выкуютъ для васъ мечъ, своими деньгами будутъ строить для васъ школы, способствовать вашему развитію, помогутъ вамъ организоваться въ политическія партіи для борьбы съ ними? Нѣтъ, поймите, что это ваше собственное дѣло—что вы сами должны возстать противъ гнета и не бояться жертвъ для святого дѣла. Готовьтесь бороться, страдать, голодать. Наступитъ часъ торжества, купленный тяжкой борьбой,—голосъ труда станетъ звучать бодро и смѣло. Жажда свободы удовлетворится, мечта превратится въ дѣйствительность. Распадутся оковы, армія труда воспрянетъ, расправитъ члены, и изъ всѣхъ грудей раздастся мощный крикъ радости.

Голосъ оратора оборвался отъ волненія. Онъ стоялъ, протянувъ впередъ руки. Вся толпа слушателей поднялась съ мѣста, какъ одинъ человѣкъ, съ криками восторга, и Юргисъ кричалъ

теперь громче всѣхъ, чтобы дать исходъ своимъ чувствамъ. Его потрясли не только слова оратора, но весь его видъ, его голосъ. Онъ открылъ Юргису новый міръ, пробудилъ въ немъ какія-то невѣдомыя ему самому силы, преисполнилъ его радостью, смѣшанной съ великой печалью. Все въ немъ воскресло,—его прежнія надежды и мечты, его минувшія печали и отчаяніе. Въ одну минуту къ нему вернулись всѣ пережитыя имъ за всю его жизнь чувства — только странно преображенныя. Теперь ему казалось нестерпимымъ, что онъ сносилъ столько униженій безъ ропота, что въ немъ убивали систематически душу, и онъ допускалъ это. Теперь все рушилось, всѣ подпоры его души сломились. Имъ овладѣлъ духъ возмущенія, и онъ тихо шепталъ: „Клянусь! клянусь!“

XXIX.

Ораторъ снова сѣлъ на свое мѣсто на эстрадѣ, и тогда только Юргисъ понялъ, что рѣчь его кончена. Долго еще продолжались апплодисменты, потомъ кто-то запѣлъ, и всѣ подхватили пѣсню, которая увлекла Юргиса своей дикой воодушевленностью. Это была марсельеза. Онъ въ жизни не испытывалъ ничего подобнаго,—произошло какое-то чудо. Его спасли изъ бездны отчаянія, онъ почувствовалъ себя свободнымъ; что бы теперь ни случилось, еслибы даже пришлось снова просить подаянія, онъ бы отнесся къ этому совсѣмъ иначе, понимая смыслъ всего, имѣя цѣль передъ собой.

Послѣ оратора, такъ волшебно повліявшаго на Юргиса, говорили другіе. Послѣ сбора взносовъ на покрытіе расходовъ по устройству митинга, предсѣдатель предложилъ начать пренія, и опять Юргисъ удивился. Ему казалось, что говорить уже нечего послѣ такихъ словъ,—что остается только осуществлять, дѣйствовать самому и поднимать другихъ. Но пренія все-таки начались и велись въ спокойно разговорномъ тонѣ; тогда Юргисъ вернулся къ сознанію дѣйствительности. Нѣсколько минутъ передъ тѣмъ онъ готовъ былъ поцѣловать руку своей прекрасной сосѣдки, обнять человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ по другую сторону. А теперь онъ вспомнилъ, что онъ—бродяга и въ лохмотьяхъ, что отъ него дурно пахнетъ, и что ему негдѣ переночевать. Митингъ кончился; начали расходиться, и Юргисъ былъ въ ужасѣ. Ему казалось, что прекрасное видѣніе, представшее передъ нимъ такъ неожиданно, никогда уже не повторится. Онъ сталъ оглядывать публику. Всѣ обсуждали рѣчь ора-

тора; къ нему никто не обращался, да онъ и не могъ бы ничего сказать; онъ даже не зналъ имени оратора. Онъ чувствовалъ только, что долженъ подойти къ нему и поговорить съ нимъ, и что этотъ человѣкъ не отнесется къ нему съ презрѣніемъ, хотя онъ и бродяга. Юргисъ сталъ ждать, пока зала опустѣетъ. Оратора не было на эстрадѣ, но дверь въ комнату для участвующихъ была открыта; Юргисъ собрался съ духомъ и пошелъ туда вмѣстѣ съ другими. Въ большой комнатѣ онъ увидѣлъ оратора, который сидѣлъ въ углу съ утомленнымъ до крайности, блѣднымъ лицомъ. Одна рука у него безсильно свѣсилась. Около него стоялъ плотный господинъ въ очкахъ и отстранялъ входившихъ. „Пожалуйста, не подходите,—говорилъ онъ,—вы видите, до чего товарищъ усталъ". Юргисъ стоялъ и смотрѣлъ. Отъ времени до времени утомленный ораторъ поднималъ глаза и обмѣнивался нѣсколькими словами съ подходившими къ нему. Увидавъ Юргиса, онъ съ особымъ вниманіемъ взглянулъ на него. Юргисъ подошелъ къ нему.

— Я хочу поблагодарить васъ,—проговорилъ онъ торопливо и волнуясь.—Я не могу уйти, не сказавъ, какъ я счастливъ, что слушалъ васъ. Я вѣдь ничего этого не зналъ.

Господинъ въ очкахъ хотѣлъ-было отстранить Юргиса отъ „утомленнаго товарища", но тотъ остановилъ его.

— Дайте ему говорить. У него есть что сказать мнѣ. Вы хотите побольше узнать о соціализмѣ?—спросилъ онъ Юргиса.

— Я не зналъ, что это соціализмъ,—возразилъ съ удивленіемъ Юргисъ.—Я хочу помочь... Все, о чемъ вы говорили, я испыталъ въ жизни.

— Гдѣ вы живете?—спросилъ тотъ.

— У меня нѣтъ дома.

Узнавъ затѣмъ, что Юргисъ литовецъ, ораторъ попросилъ позвать товарища Остринскаго, поляка, говорящаго по-литовски, а самъ объяснилъ Юргису, что дѣйствительно страшно утомленъ, такъ какъ уже цѣлый мѣсяцъ говоритъ на собраніяхъ каждый вечеръ. Онъ попросилъ поэтому извинить его.

— Я васъ познакомлю съ человѣкомъ, который вамъ поможетъ такъ же, какъ и я,—прибавилъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ появился товарищъ Остринскій, маленькій человѣкъ съ морщинистымъ лицомъ, очень уродливый и слегка хромой. На немъ былъ длинный потертый сюртукъ и зеленые очки, что придавало ему до крайности комичный видъ. Но онъ дружески пожалъ руку Юргису и заговорилъ съ нимъ по-литовски, что сразу расположило Юргиса къ нему.

— Хотите поговорить о соціализмѣ? — спросилъ онъ.—Отлично. Пойдемте вмѣстѣ отсюда и поговоримъ по дорогѣ.

Юргисъ попрощался съ околдовавшимъ его ораторомъ и вышелъ съ Остринскимъ. Тотъ предложилъ проводить Юргиса домой, но, узнавъ, что у него нѣтъ дома, попросилъ разсказать о своихъ обстоятельствахъ. Юргисъ разсказалъ обо всемъ, что съ нимъ произошло на скотныхъ дворахъ, о томъ, какъ онъ лишился семьи и сдѣлался бродягой.

На этомъ мѣстѣ разсказа Остринскій крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— Вы прошли черезъ всю каторгу рабочей жизни, мы сдѣлаемъ изъ васъ борца!

Затѣмъ онъ разсказалъ о себѣ. Оказалось, что онъ живетъ въ двухъ комнаткахъ, что жена его больна и что онъ можетъ предложить Юргису мѣсто для ночлега только въ кухнѣ. Юргисъ съ радостью принялъ это предложеніе и пошелъ съ нимъ.

— Завтра мы достанемъ что-нибудь получше, — прибавилъ Остринскій. — Мы стараемся всегда выпутывать товарища изъ бѣды.

Остринскій жилъ въ еврейскомъ кварталѣ, въ подвалѣ. Входа туда, они услышали дѣтскій плачъ. У Остринскаго было трое маленькихъ дѣтей и четвертый только-что родился. Онъ повелъ Юргиса на кухню, извиняясь за безпорядокъ въ домѣ и объясняя его болѣзнью жены. Въ кухнѣ стоялъ большой портняжный столъ. Остринскій былъ портной; спеціальность его заключалась въ заканчиваніи брюкъ для магазиновъ готоваго платья. Онъ бралъ работу на домъ, и ему помогала жена, когда была здорова. Но имъ приходилось все тяжелѣе, такъ какъ, работая по двѣнадцати-четырнадцати часовъ въ сутки, они все-таки едва могли заработать достаточно на пропитаніе семьи. Работа эта не требовала особаго умѣнья, и предложеніе ея поэтому было огромное, а въ виду конкурренціи плата все болѣе понижалась. Вотъ съ вопроса о конкурренціи Юргисъ и долженъ начать изученіе соціализма, сказалъ ему Остринскій. Усѣвшись съ нимъ на кухнѣ, онъ сталъ излагать ему въ элементарной формѣ принципы борьбы пролетаріата противъ капитализма и очень убѣдительно говорилъ о грядущемъ торжествѣ соціализма; онъ увѣрялъ, что вѣра въ эту побѣду облегчаетъ жизнь для всякаго соціалиста и подкрѣпляетъ его въ борьбѣ за осуществленіе идеала. Онъ говорилъ о положеніи въ Чикаго, гдѣ экономическая борьба особенно трудна, такъ какъ рабочей партіи противопоставлены могущественныя организаціи капиталистовъ, мѣшаю-

щія успѣхамъ стачекъ. Но именно тѣмъ, что неравная борьба обезсиливаетъ трэдъ-юніоны, она подготовляетъ торжество соціалистамъ,—такъ какъ члены профессіональныхъ рабочихъ союзовъ все болѣе и болѣе переходятъ въ ихъ ряды.

Остринскій ознакомилъ Юргиса съ организаціей партіи и ея развѣтвленіями во всѣхъ частяхъ Америки, разсказалъ о количествѣ изданій, посвященныхъ интересамъ партіи, и объяснилъ, что все это—дѣло нѣсколькихъ лѣтъ. Остринскому было лѣтъ пятьдесятъ. Онъ былъ полякъ родомъ изъ Силезіи и принималъ участіе въ пролетарскомъ движеніи семидесятыхъ годовъ, когда Бисмаркъ обратилъ свою политику „желѣза и крови“ противъ „интернаціонала“. Остринскій сидѣлъ два раза въ тюрьмѣ, но тогда онъ былъ молодъ и все ему казалось нипочемъ. У себя на родинѣ онъ уже видѣлъ соціализмъ въ полномъ развитіи, ставшимъ признанной политической силой въ государствѣ, а потомъ пріѣхалъ въ Америку, и пришлось все начать сначала. Въ Америкѣ относились со смѣхомъ къ соціализму; всѣ считали себя и такъ „свободными“. „Какъ будто политическая свобода дѣлаетъ экономическое рабство менѣе чувствительнымъ!“ воскликнулъ Остринскій. Онъ говорилъ тихо, чтобы не разбудить жену и дѣтей, и весь онъ казался Юргису такимъ же поразительнымъ, какъ ораторъ на митингѣ. Такой онъ, казалось бы, жалкій, ничтожный, а между тѣмъ какая смѣлость, сколько онъ уже сдѣлалъ, какой онъ герой! И такихъ, какъ онъ, тысячи, и всѣ они—рабочіе. Что прогрессъ создается рабочими, товарищами Юргиса, казалось ему поразительнымъ; онъ даже почти не могъ этому вѣрить.

Остринскій сталъ объяснять ему тактику соціалистовъ въ политикѣ, отстаиваніе интересовъ рабочихъ массъ. Онъ разсказалъ про международную организацію соціализма, вліяющаго теперь уже на политику почти во всѣхъ странахъ, говорилъ о цѣляхъ движенія, о томъ, что оно хочетъ водворить и навѣрное водворитъ справедливость и равенство на землѣ, что это—грядущая новая религія человѣчества, или, вѣрнѣе, исполненіе прежней, ибо соціализмъ исполняетъ всѣ завѣты Христа.

Долго сидѣлъ Юргисъ, внимая своему новому знакомому. Ему казалось, что все, что произошло съ нимъ въ этотъ вечеръ,—чудо. Онъ какъ бы встрѣтилъ человѣка изъ новаго міра, человѣка четырехъ измѣреній, который разъяснилъ ему такъ просто и ясно все, что было до сихъ поръ для Юргиса непонятнымъ хаосомъ. Въ глазахъ Юргиса собственники скотныхъ дворовъ были какимъ-то ромомъ, отъ котораго нѣтъ спасенія. А Остринскій объяснилъ ему организацію мясного трѣста, который путемъ чудо-

вищнаго накопленія капитала сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ власть надъ страной и пренебрегалъ всѣми законами. Юргисъ когда-то жалѣлъ свиней на бойнѣ,—а Остринскій объяснилъ ему, что онъ самъ совершенно въ положеніи такого же бѣднаго животнаго, изъ котораго хозяева выжимаютъ всю пользу, какую только могутъ. При теперешнемъ строѣ на землѣ царитъ жадность,—страшное чудовище, у котораго тысяча пастей, тысяча копытъ. Остринскій разсказалъ, какъ власть крупныхъ капиталовъ уничтожаетъ всю мелкую торговлю и доводитъ людей часто до сумасшествія и самоубійства, какъ мясной трёстъ опредѣляетъ цѣны по всей Америкѣ и какъ захватилъ всю торговлю мясомъ. Организація трёста, сосредоточенія всѣхъ средствъ производства въ своихъ рукахъ,—очень мощная; несчастье только въ томъ, что она не служитъ общимъ интересамъ, а обогащаетъ отдѣльныхъ капиталистовъ. Дѣло соціализма—отнять власть у пиратовъ и взять въ свои руки организацію мясного трёста, чтобы управлять имъ дѣйствительно въ интересахъ рабочихъ массъ. Юргисъ слушалъ съ восхищеніемъ его слова о грядущей побѣдѣ труда и долго еще потомъ не могъ заснуть, представляя себѣ будущій видъ скотныхъ дворовъ, когда они окажутся собственностью самихъ рабочихъ.

XXX.

Утромъ, позавтракавъ съ Остринскимъ и его семьей, Юргисъ отправился къ Ельзбетѣ. Онъ уже не боялся перваго объясненія съ ней, какъ наканунѣ, а тотчасъ же сталъ посвящать ее въ свою новую вѣру. Ельзбета обрадовалась его приходу, но слова его о соціализмѣ не проникали въ ея сознаніе,—она была человѣкомъ стараго міра, слишкомъ закаменѣвшая въ предразсудкахъ среди жизненныхъ страданій и недоступная проповѣди новыхъ идей. Но она рада была, что новая вѣра Юргиса отвлекла его отъ пьянства, и потому сочувствовала перемѣнѣ, совершившейся въ немъ.

Юргисъ сталъ искать работы, и ему сразу улыбнулась удача: онъ получилъ мѣсто привратника въ отелѣ, и оказалось, что хозяинъ, Томми Гиндъ,—одинъ изъ главныхъ дѣятелей соціалистической партіи. Когда это выяснилось, то отношенія между хозяиномъ и „товарищемъ Юргисомъ“ установились самыя близкія, причемъ Юргисъ далеко не пренебрегалъ своими обязанностями въ отелѣ, а работалъ еще болѣе усердно, убиралъ и чи-

стилъ весь домъ, носилъ сундуки пріѣзжихъ и чувствовалъ себя прекрасно.

Томми Гиндъ былъ въ юности рабочимъ, подмастерьемъ въ кузницѣ, состоялъ членомъ рабочаго союза и, ознакомившись на практикѣ съ системой эксплуатаціи капиталистовъ, примкнулъ къ соціалистической партіи и очень ревностно занялся пропагандой. Онъ писалъ соціалистическіе памфлеты, обличая всѣ злоупотребленія капиталистовъ, съ которыми въ достаточной мѣрѣ познакомился, пробивая себѣ путь въ жизни. Онъ привлекалъ многихъ въ свою партію, и въ этомъ смыслѣ скромный отель, который онъ содержалъ, оказывалъ ему пользу. Туда пріѣзжало много скотопромышленниковъ изъ южныхъ штатовъ,—именно тѣхъ, которые страдали отъ эксплуатаціи мясного трёста, не могли жить въ большихъ отеляхъ и старались устроиться дешево. Ихъ Томми Гиндъ возстановлялъ противъ стараго порядка и обращалъ въ соціализмъ. Вскорѣ ему сталъ помогать въ этомъ и Юргисъ, котораго онъ призывалъ для бесѣдъ съ пріѣзжими. Юргисъ разсказывалъ о порядкахъ на бойняхъ въ Чикаго и научился говорить сильно и убѣжденно. Кромѣ того, для успѣха пропаганды онъ сталъ многому учиться, читать, и укрѣплялся въ своихъ новыхъ убѣжденіяхъ. Онъ не понималъ, какъ каждый не видитъ сразу же правоты соціализма. Но ему пришлось испытать и много разочарованій, биться съ упрямыми людьми, не понимающими смысла того, что̀ имъ говорили соціалисты.

Юргисъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ партіи, познакомился со многими выдающимися товарищами, принималъ участіе въ организаціи митинговъ и видѣлъ, какъ постепенно растетъ сила соціализма и какъ успѣшно идетъ пропаганда стачекъ и борьба съ политиканами. Когда снова подготовлялись выборы, то положеніе дѣлъ въ Чикаго совершенно измѣнилось. Скелли совсѣмъ уже не могъ разсчитывать на большинство; напротивъ того, проповѣдь соціалистовъ разросталась и процвѣтала. Юргисъ познакомился съ представителями разныхъ толковъ среди соціалистовъ, слушалъ въ домѣ одного единомышленника пламенную проповѣдь религіозно настроеннаго соціалиста, который связывалъ свое ученіе съ проповѣдью Христа и поднималъ рабочихъ во имя Евангелія. Познакомился онъ также съ другимъ дѣятелемъ, называвшимъ себя „философскимъ коммунистомъ“, который спорилъ съ соціалистами. Онъ вѣрилъ въ побѣду только матеріальнаго прогресса, былъ убѣжденнымъ позитивистомъ и въ то же время идеализировалъ человѣчество. Онъ вдохновенно говорилъ о времени, когда исчезнетъ система заработной платы, и человѣчество

придетъ къ свободному труду и свободному творческому пользованію всѣми силами человѣческаго духа. Онъ проповѣдывалъ общинное владѣніе землей. Его теоріи опровергались соціалистами въ преніяхъ, на которыхъ присутствовалъ Юргисъ, но его привлекалъ духовный обликъ этого проповѣдника братской любви между людьми. Прошелъ годъ, и успѣхи соціализма въ Чикаго превысили всѣ ожиданія. Наступилъ день выборовъ. Юргисъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ и всѣми служащими въ отелѣ съ утра волновались и слѣдили за подачей голосовъ. Побѣда оказалась поразительной: кандидаты демократической партіи, столь сильной прежде въ фабричномъ районѣ Чикаго, были побиты, и на ихъ мѣсто выбраны соціалисты. Вечеромъ того же дня состоялся грандіозный соціалистическій митингъ. Вдохновенно говорившій съ эстрады ораторъ торжествовалъ побѣду и взывалъ къ рабочимъ, требуя отъ нихъ, чтобы они организовывались и твердо шли по пути соціализма. „Тогда,—говорилъ онъ,—мы окончательно уничтожимъ оппозицію,—и Чикаго будетъ нашимъ!“

Съ англ. З. В.

ЛЮБОПЫТНЫЯ ПАРАЛЛЕЛИ

Письмо въ Редакцію.

I.

Весной нынѣшняго года меня очень заинтересовали пренія, происходившія въ петербургской Городской Думѣ по вопросу объ обязательномъ увольненіи учительницъ городскихъ школъ въ случаѣ ихъ выхода замужъ. Петербургская печать отвела этимъ преніямъ не мало мѣста, будучи почти вся на сторонѣ противниковъ такого правила, но оно было оставлено въ силѣ совершенно неожиданно, повидимому, для его защитниковъ—большинствомъ всего одного голоса, 41 противъ 40. —если только память мнѣ не измѣняетъ,—причемъ либеральная печать смотрѣла на это большинство какъ на реакціонное, противное духу прогресса въ народномъ школьномъ дѣлѣ. А лѣтъ 10, 15 тому назадъ, вопросъ этотъ занималъ общественное мнѣніе и обсуждался прессой также и въ нашемъ штатѣ Калифорніи, но не въ принципіальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ практическаго неудобства: спеціально подготовленныхъ учащихъ, съ дипломами нормальныхъ школъ, т.-е. учительскихъ семинарій, въ западной Америкѣ далеко не хватаетъ, и потому нѣкоторыя школьныя власти думали, что слѣдуетъ временно поступиться принципомъ, чтобы не остаться совсѣмъ безъ учащихъ. Тѣмъ не менѣе, принципъ одолѣлъ, и правило, что замужество учительницы равносильно подачѣ ею прошенія объ отставкѣ, было повсемѣстно принято совѣтами народнаго образованія въ графствахъ и городахъ нашего штата. На Востокѣ и въ Центрѣ Союза оно было повсюду давно въ силѣ,—а теперь преобладаетъ и на Западѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что принципіальная его сторона, въ

смыслѣ необходимости для пользы школы уволить учительницу, если она выходитъ замужъ, давно рѣшена у насъ безповоротно въ утвердительномъ смыслѣ всѣми авторитетами страны по народному образованію, и въ Америкѣ вопросъ этотъ давно пересталъ быть спорнымъ. Я не буду приводить теоретической аргументаціи pro и contra, такъ какъ вообще въ настоящемъ письмѣ разсчитываю только констатировать нашу американскую дѣйствительность по разнымъ вопросамъ, составляющимъ и современную русскую „злобу дня".

Народное образованіе въ Союзѣ организовано чрезвычайно своеобразно въ томъ смыслѣ, что у насъ нѣтъ никакихъ центральныхъ учрежденій для его урегулированія; не только федерація государствъ, Союзъ, какъ цѣлое, совсѣмъ не вмѣшивается въ него, но и отдѣльныя государства, штаты, касаются его только чрезвычайно поверхностно, въ общихъ чертахъ; вся администрація дѣла народной школы предоставлена мѣстнымъ учрежденіямъ графствъ и городовъ, а также примитивнымъ самоуправляющимся административнымъ единицамъ, которыя во всѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ совершенно самостоятельны и руководствуются только своими собственными постановленіями и правилами. На практикѣ это выражается выборными совѣтами народнаго образованія, обыкновенно многочленными — отъ 7-ми до 15-ти членовъ, въ числѣ которыхъ почти всюду есть женщины,—служащими безвозмездно и обновляемыми каждые 2, 3 или 4 года, смотря по тому, на какой срокъ выбираются въ данномъ штатѣ штатные чины; при вступленіи въ должность они пересматриваютъ правила, принятыя прежними совѣтами, и установляютъ какъ ихъ, такъ и школьные бюджеты и личный составъ—на свой срокъ службы. Само собой разумѣется, что общее положеніе извѣстнаго штата и извѣстной мѣстности вліяетъ всего больше на сущность этихъ постановленій, и что насколько разнообразны личные составы совѣтовъ, настолько же разнообразны и учреждаемыя ими правила. Всякое умственное теченіе, всякое абстрактное положеніе найдетъ въ нихъ своихъ приверженцевъ и имѣетъ возможность высказаться и оформиться; очевидно, слѣдовательно, что общепринятыя во всемъ Союзѣ правила перешли стадію спорности и должны считаться результатомъ долговременнаго и повсемѣстнаго опыта и голосомъ общей народной воли. Только совѣты самыхъ крупныхъ административныхъ единицъ — большихъ графствъ и значительныхъ городовъ —печатаютъ свои правила,—большинство же довольствуется писанными протоколами своихъ засѣданій, причемъ вновь принимаемыя постановленія разбросаны въ нихъ и только очень рѣдко правильно систематизируются. Я не могъ найти ни одного штата, который обладалъ бы сводомъ такихъ постановленій своихъ мѣстныхъ совѣтовъ народнаго образованія. Федеральный департаментъ народ-

наго образованія въ Вашингтонѣ въ своемъ отчетѣ за 1904 г. имѣетъ главу, посвященную систематизаціи штатныхъ законовъ по народному образованію,—за исключеніемъ шести, а департаментъ народнаго образованія штата Нью-Іорка въ своемъ 361-мъ бюллетенѣ за декабрь 1905—указываетъ сущность школьныхъ законовъ своего штата; но изученіе этихъ документовъ даетъ только самое общее понятіе о положеніи дѣла народнаго образованія въ странѣ и штатѣ Нью-Іоркѣ, и ровно ничего о мѣстной дѣятельности совѣтовъ, составляющей сущность дѣла. Словомъ, децентрализація администраціи дѣла народнаго образованія въ Союзѣ такова, что для того, чтобы имѣть точное понятіе о состояніи какого-либо отдѣльнаго вопроса, необходимо снестись со *всѣми* совѣтами народнаго образованія въ странѣ,—а ихъ нѣсколько тысячъ, такъ какъ во всемъ Союзѣ насчитывается до 2.904 графствъ и до 1.176 городовъ съ населеніемъ свыше 4.000 въ каждомъ. Чтобы имѣть подъ собой твердую почву по поводу вышеприведеннаго вопроса, я написалъ цѣлой сотнѣ совѣтовъ, въ разные районы, штаты, города, графства, и нашелъ всюду *безъ исключенія* въ силѣ правило, что замужество учительницы народной школы равносильно подачѣ ею прошенія объ отставкѣ. Именно, это самое выраженіе принято вездѣ. Отвѣты совѣтовъ дали мнѣ, кромѣ того, нѣсколько интересныхъ фактовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вышедшія замужъ и немедленно уволенныя учительницы подавали жалобы въ судъ, требуя выдачи жалованья за весь срокъ, на который онѣ были назначены,—но судъ всегда имъ отказывалъ въ этихъ искахъ, признавая правило законнымъ и не подлежащимъ компетенціи судебной власти. Въ городѣ Чикаго не могутъ быть учительницами только тѣ замужнія женщины, у которыхъ есть дѣти моложе двухъ лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ штата Пенсильваніи дѣвушка-учительница, прежде чѣмъ она можетъ быть назначена на мѣсто, должна дать подписку, что не выйдетъ замужъ до окончанія срока, такъ какъ неожиданныя смѣны учительницъ, особенно въ сельскихъ мѣстностяхъ, вызываютъ всегда болѣе или менѣе долгіе перерывы въ занятіяхъ, вредные для школъ. Помимо такихъ частныхъ ограниченій, довольно многочисленныхъ и разнообразныхъ, замѣчается и нѣкоторая реакція противъ учительницъ и женщинъ вообще, основанная, во-первыхъ, на томъ, что ощущается излишняя феминизація учениковъ-мальчиковъ народныхъ школъ, особенно среднихъ, а во вторыхъ—по дороговизнѣ для штата приготовленія учительницъ. Такъ, штатъ Калифорніи съ полутора-милліоннымъ населеніемъ, содержитъ 5 нормальныхъ школъ, которыя, помимо стоимости и расходовъ на помѣщенія, обходятся ему около двухсотъ тысячъ долларовъ въ годъ и выпускаютъ ежегодно нѣсколько менѣе 500 учащихъ, въ томъ числѣ всего около 30 мужчинъ. Тогда какъ получившій такое

спеціальное образованіе мужчина, только за очень рѣдкими исключеніями, служитъ на образовательномъ поприщѣ до смерти, дѣвушки-учительницы служатъ, въ среднемъ, менѣе 5-ти лѣтъ, причемъ свыше 80% оставляютъ учительство очень рано, потому что выходятъ замужъ. Большинству изъ нихъ штатъ даетъ даровое, дорого стоящее образованіе, не получая ничего взамѣнъ; нормальныя школы переполнены, а штатъ постоянно нуждается въ компетентныхъ учащихъ, хотя и приготовляетъ ихъ гораздо больше, чѣмъ то нужно, еслибы они только оставались на службѣ.

Для безпристрастнаго посторонняго наблюдателя, не подверженнаго непосредственно вліяніямъ современной русской „злободневности", съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе дѣлается яснымъ, что переживаемый Россіей острый политическій кризисъ оказываетъ самое мощное давленіе на всѣ стороны ея жизни,—между прочимъ, и на такія общественныя явленія, которыя не должны бы имѣть ничего общаго съ политикой и страстями, а разрѣшаться только сообразно ихъ внутренней добротности,—если можно такъ выразиться. Такъ и вышеочерченный спеціальный вопросъ не удержался на принадлежащей ему почвѣ, а, какъ я уже упомянулъ, печать назвала его защитниковъ реакціонерами. Опасности такого положенія дѣлъ въ странѣ прямо неисчислимы. Политическій фанатизмъ, въ моемъ представленіи, ни въ чемъ не уступаетъ религіозному, и, въ своей апогеѣ, совершенно такъ же односторонненъ. Серьезнѣйшіе люди незамѣтно для самихъ себя подпадаютъ его исключительному руководству, утрачиваютъ способность свободно оріентироваться и различать пшеницу отъ плевелъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, и кончаютъ тѣмъ, что подчиняютъ всѣ свои симпатіи и антипатіи извѣстному шаблону. Самообладаніе исчезаетъ, и люди дѣлаются рабами „злобы дня". Неумѣренный политическій неврозъ такъ же силенъ и такъ же одуряющъ, какъ воздѣйствіе на нервную натуру гашиша, опіума, морфія...

Всякому русскому читателю извѣстно дѣло газеты „Двадцатый Вѣкъ" съ его рабочими. Извѣстно оно и въ Америкѣ. Нигдѣ въ мірѣ ремесленные союзы не достигли той силы и развитія, какъ у насъ, особенно нѣкоторые, въ томъ числѣ и типографскій. Конечно, въ Россіи воскресенье далеко не имѣетъ того значенія, которое оно имѣетъ въ Америкѣ, особенно если принять въ соображеніе, что, кромѣ воскресенья, у насъ нѣтъ въ году и полудюжины общепринятыхъ праздниковъ какого бы то ни было рода а въ Россіи ихъ масса. Тѣмъ не менѣе, наши газеты выходятъ 365 разъ въ году, и за ту четверть вѣка, что я живу въ Америкѣ, я никогда не слыхалъ и не читалъ, чтобы кто-либо

когда-либо заикнулся о томъ, что газеты не должны выходить по понедѣльникамъ, такъ какъ типографщикамъ нуженъ воскресный отдыхъ. Если несомнѣнно то, что всякому работнику необходимъ отдыхъ хотя бы разъ въ недѣлю, то несомнѣнно и то, что человѣкъ рождается, умираетъ, ѣстъ и пьетъ и вообще живетъ и по воскресеньямъ, и что ему необходимое должно удовлетворяться такъ или иначе и по этимъ днямъ. Если типографщикъ желаетъ отдыхать непремѣнно въ воскресенье,—почему не имѣютъ права требовать того же и доктора, и госпитали, и отели, и рестораны, и желѣзныя дороги и т. д.? Вотъ что сказалъ мнѣ по этому поводу президентъ типографскаго союза въ нашемъ городѣ: „Культурный человѣкъ не можетъ обходиться въ наше время 48 часовъ безъ газеты. Мы, типографщики, сами первые взбунтовались бы, еслибъ газеты вздумали не выходить по понедѣльникамъ. Пока у насъ воскресенье, въ другихъ частяхъ Свѣта понедѣльникъ или суббота, и было бы дико не знать, что у нихъ произошло. Жизнь не останавливается изъ-за воскресенья, и культурному человѣку должно бы быть легче обойтись безъ обѣда, чѣмъ безъ газеты. Мы, напримѣръ, устроились въ нашемъ городѣ такъ, что работаемъ только одно воскресенье изъ пяти, такъ какъ намъ, работающимъ въ газетныхъ типографіяхъ, помогаютъ товарищи изъ типографій, гдѣ печатанія газетъ нѣтъ. Намъ несравненно легче жить, чѣмъ, напр., „мотормэнамъ“ и кондукторамъ городскихъ трамваевъ: у нихъ каждое воскресенье двойная работа противъ будней. Они всѣ работаютъ каждое воскресенье, и ничего съ этимъ не подѣлаешь. Вы сами знаете, что по воскресеньямъ весь городъ ѣдетъ за городъ, лѣтомъ на берегъ океана, зимой—въ деревню. Попробовали бы они забастовать въ это время,—да весь городъ жестоко взбунтовался бы противъ нихъ и имъ бы досталось отъ публики. У всякаго ремесла свои выгоды и свои невыгоды—съ этимъ ничего не подѣлаешь, и ваши петербургскіе типографщики въ этомъ дѣлѣ поступали просто—сгазу. Такія нелѣпыя требованія и возстановляютъ общество противъ ремесленныхъ союзовъ,—и потому имъ слѣдуетъ быть умнѣе и резоннѣе“. А въ Петербургѣ большинство газетъ не только подчинилось требованію типографщиковъ—не выходить по понедѣльникамъ, но и возстало противъ своего сотоварища, „Двадцатаго Вѣка“; по этому дѣлу засѣдалъ даже третейскій судъ. Культура, здравый смыслъ, право—все было принесено въ жертву политикѣ только потому, что требованіе было предъявлено рабочими, оно было радикально, и какое бы то ни было ему противодѣйствіе считалось поэтому реакціонерствомъ.

Я очень радъ, что, несмотря на серьезнѣйшія сомнѣнія, я все-таки послалъ мою замѣтку по аграрному вопросу, и тѣмъ не менѣе она нашла себѣ мѣсто въ майской книжкѣ вашего журнала. Замѣтка эта вызвала очень много писемъ ко мнѣ съ родины, давшихъ мнѣ цѣлую массу драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній, которыми я не располагалъ. Возраженій по существу нѣтъ,— напротивъ, оказывается, что я былъ слишкомъ оптимистиченъ,— что удобной къ воздѣлыванію частно-владѣльческой земли у насъ, вѣроятно, меньше въ дѣйствительности, чѣмъ это вычисляютъ, а безземельныхъ настолько больше, чѣмъ я предполагалъ, что и всѣхъ частно-владѣльческихъ земель не можетъ хватить на нихъ однихъ, даже при самомъ небольшомъ минимумѣ надѣла. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, отлично освѣдомленный, опредѣляетъ ихъ въ двадцать милліоновъ душъ; г. Щербина, во 2-мъ выпускѣ „Политической Энциклопедіи", установляетъ, что ихъ не меньше одного милліона хозяйствъ, и думаетъ, что, за несовершенствомъ статистическихъ данныхъ, цифра эта гораздо ниже дѣйствительности; принимая за базисъ воронежскую губернію, по которой эти данныя полнѣе, онъ думаетъ, что всѣхъ безземельныхъ въ Европейской Россіи—до 15.840,000 душъ. Даже малоземельнымъ, не говоря уже о большинствѣ, очевидно, не на что надѣяться. Но я не буду входить въ детали, а опять остановлюсь только на сущности дѣла. Резюмируя весь находящійся теперь въ моемъ распоряженіи новый матеріалъ по поводу современнаго положенія аграрнаго вопроса въ Россіи, я пришелъ къ тому заключенію, что оно является результатомъ двухъ главныхъ факторовъ: 1) обѣщаній крестьянству правительствомъ и нѣкоторыми лѣвыми партіями надѣлить его землей, и 2) объединеннаго стремленія всѣхъ соціалистическихъ фракцій воспользоваться политическимъ неврозомъ, въ которомъ находится страна, и продѣлать опытъ съ національзаціей земли во что бы то ни стало. Я не знаю, что могло имѣть въ виду правительство, дѣлая невыполнимыя обѣщанія, такъ какъ не могу допустить, чтобъ оно не знало дѣйствительности; самые опасные аппетиты крестьянства возбуждены, а удовлетворять ихъ придется двумя рыбами и пятью хлѣбами. Оно, повидимому, намѣрено въ этой крайности пожертвовать даже частью лѣсовъ,— что я считаю завѣдомымъ преступленіемъ противъ общаго благосостоянія страны [1]). Лѣвыя же партіи были очевидно увлечены

[1]) Америка, хотя ея лѣса далеко не такъ еще истощены, какъ въ большей части Европейской Россіи, напротивъ, несмотря на начинающійся уже и здѣсь земельный голодъ, энергично расширяетъ съ каждымъ годомъ свои лѣсныя резерваціи; за послѣднее десятилѣтіе учреждено 38 резерваціи, съ общей суммой 45 м. акровъ въ ихъ предѣлахъ,—нѣкоторыя съ огромными расходами на отчужденіе частныхъ въ нихъ владѣній.

стремленіемъ привлечь на свою сторону на выборахъ крестьянскія массы даже невыполнимыми обѣщаніями — обычная ошибка всѣхъ неопытныхъ политиковъ,—и „кадетамъ", успѣвшимъ, отчасти благодаря этимъ обѣщаніямъ сконцентрировать въ свою пользу большинство въ распущенной Думѣ, придется, вѣроятно, расплачиваться за этотъ эфемерный успѣхъ весьма долгое время. Вообще, аграрный вопросъ представляется мнѣ страшно осложненнымъ своимъ недавнимъ политическимъ прошлымъ,—„злоба дня" и стремленіе побѣдить во что бы то ни стало, очевидно, пересилили благоразуміе и дѣйствительные интересы страны. Серьезная американская пресса, да, повидимому, и большинство западно-европейской, приписываютъ распущеніе Думы, главнымъ образомъ, именно постановкѣ ею аграрнаго вопроса. Но, какъ ни интересенъ этотъ первый факторъ для его настоящаго положенія, особенно въ практическомъ смыслѣ его вліянія на непосредственное будущее Россіи, я не стану дальше на немъ останавливаться, а перейду ко второму.

Америку, главнымъ образомъ, поразили тѣ заявленія извѣстной части русской печати, которыя утверждаютъ, что отнынѣ Россія поведетъ за собой цивилизованный міръ по новому пути — государственной и соціальной реорганизаціи,—и что соціализмъ будетъ немедленно положенъ въ основы ея будущаго, начиная съ націонализаціи земли. Нельзя, конечно, отрицать, что идея эта успѣла-таки пробраться и въ то немногое въ практическомъ смыслѣ, что̀ удалось высказать по аграрному вопросу первой Думѣ. Въ то же время едвали подлежитъ сомнѣнію, что обычное русское доктринерство успѣло съузить и соціализмъ настолько, что въ русской практикѣ онъ отожествился съ марксизмомъ, который въ настоящій моментъ и руководитъ всѣмъ дѣломъ. Насколько глубоко онъ захватилъ современную Россію, я не знаю; хотя, судя по многочисленности и аггрессивности марксистскихъ органовъ печати, и можно бы думать, что онъ широко распространенъ,—но я, лично пережившій увлеченія русской интеллигенціи въ шестидесятыхъ годахъ матеріализмомъ и естественными науками, а въ семидесятыхъ народничествомъ, затѣмъ внимательно слѣдившій за „пустопорожнимъ мѣстомъ" восьмидесятыхъ и „толстовствомъ" девяностыхъ годовъ, — невольно отношусь съ серьезнѣйшими сомнѣніями относительно дѣйствительной глубины всѣхъ подобныхъ увлеченій. Въ моемъ представленіи извѣстные, наиболѣе активные слои современной русской интеллигенціи захвачены марксизмомъ настолько сильно, что и инертное громадное большинство до извѣстной степени подвержено этому идолопоклонству, и на этой-то пассивной подвер-

женности эти слои и основываютъ всѣ свои надежды. Эта инертность боится бойкаго, крикливаго, самоувѣреннаго теченія, которое только одно и знаетъ, что̀ ему нужно, и ни въ чемъ не сомнѣвается; она опасается какъ-либо ему противодѣйствовать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно окрестило себя „научнымъ соціализмомъ“ и въ этомъ новомъ чинѣ провозгласило свою непогрѣшимость. Въ „Войнѣ и Мирѣ“ есть чудно обрисованная фигура нѣмецкаго генерала-теоретика Пфуля, благодаря исключительно научной, якобы, импозантности, успѣвшаго-таки заставить весь россійскій генералитетъ укрѣпиться въ дрисскомъ лагерѣ, хотя онъ и былъ до очевидности безсмысленъ. И русскій аграрный вопросъ нашъ марксизмъ разрѣшаетъ очень просто: Марксъ, Энгельсъ, Каутскій говорятъ то-то,—слѣдовательно, объ чемъ же тутъ дальше разсуждать?! Коротко и ясно, рѣшено и подписано. Такъ, по крайней мѣрѣ, относятся къ дѣлу нѣкоторыя дошедшія до меня статьи и брошюры. Въ то же время, политическая дѣйствительность такъ тяжела и мрачна, необходимость ея коренной реорганизаціи такъ неотложна, а надежды добиться чего-либо, хоть сколько-нибудь отвѣчающаго потребностямъ, такъ проблематичны, что и неимѣющіе ничего общаго съ марксизмомъ люди цѣпляются за него изъ-за его рѣшительности и аггрессивности. Въ американскомъ же представленіи марксизмъ—не что̀ иное, какъ нѣмецкая версія соціализма, которая по общей нѣмецкой методѣ относительно подобныхъ отвлеченностей доведена до крыши безъ экспериментальной провѣрки и теперь разстрѣливается критикой до того, что отъ первоначальнаго зданія скоро не останется и слѣда. Лучшія и наиболѣе активныя силы нѣмецкой интеллигенціи такъ увлеклись этой неблагодарной работой, этой умственной гимнастикой, что въ политическомъ отношеніи Германія отстала отъ всей Европы, и реакція и милитаризмъ дѣйствуютъ въ ней на самомъ широкомъ просторѣ и безъ малѣйшей узды. Все принесено въ жертву этому новому Молоху. Америка [1]) думаетъ, что марксизмъ—метафизика, безпочвенное доктринерство, которое никогда не можетъ имѣть практическаго значенія, и что покуда и чистый, необезображенный схоластикой соціализмъ есть только очень древняя политико-экономическая теорія, которая, несмотря на множество и разнообразіе придававшихся ей въ разное время конкретныхъ формъ, при экспериментальной провѣркѣ всегда оказывалась почему-либо несостои-

[1]) Когда я говорю: Америка, я, конечно, подразумѣваю выводы большинства ея серьезной печати и общественныхъ силъ. Въ Америкѣ немало соціалистовъ,—хотя, конечно, во много разъ меньше относительно, чѣмъ въ любомъ европейскомъ государствѣ,—но между ними очень мало марксистовъ; они встрѣчаются только между нашими эмигрантами, вкупѣ съ нѣмцами, составляющими большинство американскихъ соціалистовъ вообще.

тельной. Америка полагаетъ, что какая-либо теорія — техническая, научная, соціальная, — какъ бы симпатична и многообѣщающа она ни была, — должна пройти сквозь положительную экспериментальную провѣрку, прежде чѣмъ какое-либо производство, наука или государство могутъ строить на ней что-либо. Паръ, конечно, эффективнѣе лямки, лошади, веселъ, парусовъ, — но ушло цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ удачная экспериментальная провѣрка довела его до настоящаго состоянія, и все-таки онъ и до сихъ поръ не только не вытѣснилъ этихъ средствъ къ передвиженію, но, конечно, и никогда вполнѣ ихъ не вытѣснитъ. Въ моемъ архивѣ лежитъ больше десятка присланныхъ мнѣ въ разное время русскими изобрѣтателями проектовъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ — съ прекрасными чертежами, сложными вычисленіями и самыми страстными доказательствами ихъ абсолютнаго совершенства, — а сколько тысячъ такихъ проектовъ ждетъ по всему бѣлому свѣту шансовъ къ примѣненію! Теоретически воздухоплаваніе несомнѣнно привлекательнѣе всякаго другого средства къ передвиженію, — но я не могу себѣ представить страны, которая бы уничтожила свои желѣзныя дороги и пароходы, дабы замѣнить ихъ воздухоплаваніемъ въ его настоящемъ состояніи. Оно еще не выдержало требованій экспериментальной провѣрки—того же, чего не выдержалъ еще и соціализмъ. Я не буду говорить о неудачныхъ русскихъ опытахъ — о петербургскихъ коммунахъ шестидесятыхъ годовъ, о земледѣльческихъ колоніяхъ по Энгельгардту семидесятыхъ,—объ интеллигентныхъ поселкахъ „толстовцевъ“ въ девяностыхъ,—мнѣ могутъ возразить, что общія жизненныя условія Россіи въ тѣ времена сами по себѣ исключали возможность успѣха. Но я собралъ громадный матеріалъ по этому предмету въ Америкѣ — матеріалъ преимущественно литературный и историческій, но подтвержденный за послѣднюю четверть вѣка и многими личными моими изслѣдованіями и наблюденіями. Матеріалъ этотъ такъ великъ и поучителенъ, что его просто жаль комкать въ журнальную статью, — тѣмъ не менѣе, и безъ многихъ интереснѣйшихъ деталей, онъ кажется мнѣ достойнымъ самаго трезваго обсужденія. Въ Америкѣ эти эксперименты, конечно, никогда не встрѣчали ни малѣйшаго противодѣйствія со стороны какихъ-либо властей; да и мѣстное населеніе относилось къ нимъ всюду и везд не только безъ враждебности, но и скорѣе симпатично, чѣмъ индифферентно. Извѣстны достовѣрно многіе случаи, когда окрестные фермеры долгое время поддерживали коммуны даровыми съѣстными припасами. Было до десятка судебныхъ дѣлъ, два раза доходившихъ до верховнаго суда, когда судьи поддерживали коммуны противъ ихъ же собственныхъ членовъ, пытавшихся расторгнуть ихъ требованіемъ выдѣла своего личнаго имущества, добровольно ими уступленнаго при

организаціи. Фрикція засвидѣтельствована только въ двухъ, трехъ случаяхъ, разъ съ шэкерами по поводу ихъ отказа носить оружіе во время революціонной войны — 1776,—или когда слишкомъ публично практиковались разныя крайности, вродѣ „свободной любви", — хотя „Онеидская коммуна" просуществовала цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Соціалистическіе эксперименты начались въ Америкѣ еще въ 1713 г., т.-е. почти двѣсти лѣтъ тому назадъ; они обнимаютъ собою около 300 отдѣльныхъ случаевъ, и почти безъ всякихъ исключеній никогда не страдали отъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній.

Американскіе соціалистическіе эксперименты слѣдуетъ прежде всего раздѣлить на религіозные и чисто-экономическіе, затѣмъ—на производившіеся иностранцами и природными американцами. Религіозными я называю такіе, въ основу которыхъ была положена религія, а соціализмъ былъ только ея аттрибутомъ. Всѣ таковые, за исключеніемъ одного, были основаны иностранцами, эмигрировавшими въ Америку съ исключительной цѣлью привести ихъ въ исполненіе. Первымъ по времени была коммуна Эфрата, основанная въ 1713 г. въ штатѣ Пенсильваніи нѣмцами, подъ предводительствомъ Конрада Бейцеля. Они признавали только Евангеліе, отрицали всякую обрядность и практиковали безусловный коммунизмъ всякой собственности и строгое безбрачіе. Бейцель былъ автократомъ во всѣхъ отношеніяхъ, прожилъ очень долго, и подъ его управленіемъ коммуна эта достигла значительной численности—по преданіямъ, одно время въ ней было нѣсколько тысячъ членовъ—и высокаго матеріальнаго благосостоянія. Объ ея дѣятельности въ XVIII столѣтіи не сохранилось, однако, достовѣрныхъ письменныхъ данныхъ; извѣстно только, что назначенный Бейцелемъ его преемникъ уже не пользовался его авторитетомъ, и коммуна, пополнявшаяся только извнѣ европейскими эмигрантами, нѣмцами же, стала мало-по-малу приходить въ упадокъ и окончательно вымерла въ 1858 г., когда надъ остатками ея имущества была назначена мѣстными властями правительственная опека. Хотя Эфрата была наиболѣе долговѣчной коммуной изъ всѣхъ занесенныхъ въ исторію американскаго соціализма,—о ней вообще сохранилось только очень мало свѣдѣній.

Второй по времени общиной были шэкеры, о которыхъ, наоборотъ, имѣется обширная литература—нѣсколько крупныхъ книгъ и многое множество журнальныхъ и газетныхъ статей. Основаніе имъ положила жена мастерового, безграмотная англичанка Анна Ли, эмигрировавшая отъ притѣсненій на родинѣ въ Америку въ 1774 году съ нѣсколькими приверженцами, чѣмъ и прекратилось шэкерское дви-

женіе въ самой Англіи, гдѣ оно было отголоскомъ французскихъ камизардовъ начала XVIII столѣтія. Анна Ли основала первую шэкерскую общину въ Ватервлитѣ, въ штатѣ Нью-Іоркѣ, разошлась съ мужемъ, отъ котораго имѣла четверыхъ дѣтей и который оставилъ ея общину и женился вторично; она была признана своими послѣдователями женственнымъ олицетвореніемъ Христа на землѣ, и установила управленіе общиной откровеніемъ свыше, безусловный коммунизмъ имущества и безбрачіе. Единственное занесенное въ исторію столкновеніе американскихъ соціалистическихъ общинъ съ властью, и то кратковременное и не имѣвшее серьезныхъ послѣдствій, было вызвано ея отказомъ позволить членамъ общины носить оружіе, что̀ требовалось патріотами того времени по поводу революціонной войны за освобожденіе колоній. Анна Ли умерла въ 1784 году; но шэкеры, подъ умѣлымъ управленіемъ ея преемника Мичама, а позже Иванса, разрослись очень быстро въ числѣ, выдѣлили изъ себя многія подраздѣленія, такъ что въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія составляли уже 18 общинъ съ 6.000 членовъ, раскиданныхъ въ девяти штатахъ и владѣвшихъ поземельнымъ имуществомъ въ 150.000 акровъ. Въ глазахъ свѣта, шэкеры управляются совѣтомъ изъ четырехъ лицъ, двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ, но въ дѣйствительности однимъ старшиной, предсѣдателемъ этого совѣта, такъ какъ онъ назначаетъ своей властью и его членовъ, и своего преемника. Общины подраздѣлены на семьи, конечно, не въ обычномъ понятіи этого слова, такъ какъ, за безусловнымъ безбрачіемъ, семейныхъ отношеній у шэкеровъ нѣтъ и быть не можетъ, а въ смыслѣ объединенія симпатизирующихъ другъ другу индивидуумовъ обоего пола въ отдѣльныя общежитія и хозяйства, и съ теченіемъ времени собственность такихъ семей и общинъ болѣе или менѣе обособилась, хотя въ общихъ дѣлахъ секты онѣ и подчинены безусловно центральному совѣту. Шэкеры—отличные хозяева; для тяжелыхъ работъ, а въ послѣднее время и для домашнихъ, они нанимаютъ посторонннихъ рабочихъ и занимаются разными особенно выгодными земледѣльческими спеціальностями: разведеніемъ сѣмянъ, выводковъ, и т. д. Они владѣютъ нѣсколькими очень цѣнными имѣніями, стоящими на высокой степени культуры, съ превосходными постройками и образцовыми инвентарями. Пополняются шэкеры исключительно извнѣ, пріемомъ, послѣ продолжительнаго испытанія, взрослыхъ членовъ, но преимущественно круглыхъ сиротъ дѣтей, и въ ихъ составѣ есть представители всѣхъ націй. Послѣ своего расцвѣта въ шестидесятыхъ годахъ, они быстро пошли на убыль; въ 1875 г. ихъ было уже всего 2.415, въ 1890—1.728, а въ 1900—меньше 1.200. И число общинъ, и число семей тоже постепенно уменьшаются, за вымираніемъ членовъ. Воспи-

тываемая ими молодежь неизмѣнно покидаетъ ихъ, придя въ возрастъ; приливъ взрослыхъ членовъ совершенно прекратился; старики медленно вымираютъ; и не подлежитъ сомнѣнію, что если они не реорганизуются на новыхъ началахъ очень скоро,—настоящая четверть вѣка увидитъ ихъ совершенное исчезновеніе.

Въ 1804 году нѣмецъ Раппъ съ 600 послѣдователями изъ Вюртемберга основалъ въ штатѣ Пенсильваніи общину подъ именемъ „Общества Гармоніи", болѣе извѣстную подъ именемъ раппистовъ. Они оставили Германію вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій,—были извѣстны тамъ подъ именемъ секты сепаратистовъ, однородныхъ съ мистиками и піэтистами XVIII столѣтія, но болѣе радикальной относительно отрицанія всякой обрядности и упорствѣ въ отказѣ носить оружіе или оказывать какое-либо активное сопротивленіе злу. Съ самаго начала рапписты были коммунистами, а въ 1807 г. приняли и безбрачіе. Въ 1815 г. они переселились въ штатъ Индіану, а въ 1825 г. продали и это новое мѣстожительство Роберту Оуэну, для его коммуны, и основали новую, подъ именемъ „Экономіи", гдѣ, подъ управленіемъ Раппа, а затѣмъ его сына, людей очень дѣловитыхъ и пользовавшихся между ними неограниченнымъ авторитетомъ, быстро достигли сравнительно высокаго матеріальнаго благосостоянія, и, при помощи прилива новыхъ эмигрантовъ изъ Германіи, насчитывали одно время въ своихъ рядахъ до тысячи членовъ. Но, со смертью второго Раппа, и эта община пошла на убыль, была вынуждена прибѣгнуть къ наемному труду, и къ 1900 г. отъ нея оставалось въ живыхъ всего девять очень престарѣлыхъ членовъ. Въ настоящій моментъ и она перестала существовать.

Въ 1817 г. нѣмецъ Баумюллеръ основалъ въ штатѣ Охайо общину зоаритовъ,—какъ и рапписты, составленную изъ германскихъ сепаратистовъ. Ихъ религія была основана преимущественно на „Проповѣди на Горѣ". Они практиковали безусловный коммунизмъ, но признавали бракъ, и сначала ихъ число и благосостояніе быстро возрастали, достигнувъ одно время 1800 членовъ съ имуществомъ, оцѣнившимся въ $ 3000^{00} per capita. Баумюллеръ, человѣкъ очень энергичный, умный и практичный, былъ долгое время неограниченнымъ, и религіознымъ, и дѣловымъ руководителемъ зоаритовъ; ихъ земли были выбраны чрезвычайно удачно, были введены выгодныя промышленныя производства, и въ матеріальномъ отношеніи эта коммуна была обставлена лучше всѣхъ остальныхъ. Но со смертью Баумюллера начались раздоры, приведшіе ко многимъ судебнымъ тяжбамъ членовъ между собой и общиной, и въ 1898 г. она распалась окончательно, существенно обѣднѣвъ за періодъ раздоровъ.

Въ 1844 г. нѣмецъ Метцъ основалъ общину эбенезеровъ, посе-

лившуюся сначала въ штатѣ Нью-Іоркѣ, но вскорѣ перебравшуюся въ штатъ Эйоуэ, гдѣ она пріобрѣла 30.000 акровъ превосходной земли; община эта извѣстна болѣе подъ именемъ „Общества Амана", и существуетъ и теперь. Эбенезеры представляютъ собою отпрыскъ германскаго религіознаго движенія Рока и Грубера въ 1714 году; ихъ религія основана на откровеніи свыше, и управленіе общиной чисто деспотическое. Хотя они допускаютъ бракъ, но въ его примѣненіи являются мальтузіанцами, и церковь управляетъ и дѣторожденіемъ, руководствуясь экономическимъ положеніемъ общины;—раза два дѣторожденіе было останавливаемо на нѣсколько лѣтъ.

Въ 1844 г. нѣмецъ докторъ Кейль, мистикъ и послѣдователь магнетизма въ медицинѣ, основалъ общину въ штатѣ Миссури подъ именемъ Бетеля. Подъ его чисто деспотическимъ, но дѣловитымъ управленіемъ, община быстро разрослась настолько, что въ 1856 г. ей стало тѣсно, и около половины членовъ перебрались въ штатъ Орегонъ, гдѣ они основали новую коммуну подъ именемъ „Авроры", сохранившую, однако, общность управленія и имущества съ Бетелемъ. Хотя обѣ эти общины въ матеріальномъ отношеніи были довольно успѣшны, держались онѣ исключительно вліяніемъ Кейля, и, съ его смертью, быстро распались, просуществовавъ около сорока лѣтъ.

Въ 1846 г. шведы, подъ предводительствомъ Ольсона и Янсона, основали общину „Bishop Hill" въ штатѣ Иллинойсѣ. И они, какъ всѣ вышеописанныя нѣмецкія коммуны, были послѣдствіемъ религіозныхъ вліяній мистиковъ и піэтистовъ въ Швеціи, съ довольно однородными съ ними религіозными основами. Но управленіе этой коммуной было выборное, приближающееся къ демократическому, и вожаки не пользовались особеннымъ вліяніемъ. Хотя колонія была довольно многочисленная, обладала сравнительно хорошими средствами и первые годы обѣщала-было матеріальное благосостояніе, но раздоры скоро вызвали нѣсколько судебныхъ тяжбъ, и разложеніе въ ней произошло гораздо быстрѣе,—она распалась окончательно въ 1862 году.

Единственной религіозно-коммунистической американской общиной была „Онеидская коммуна" въ штатѣ Нью-Іоркѣ, основанная докторомъ Нойсомъ въ 1848 г., состоявшая изъ природныхъ американцевъ и просуществовавшая до 1880 г. Хотя она и претендовала на демократическое управленіе, но въ дѣйствительности Нойсъ былъ неограниченнымъ, и религіознымъ, и дѣловымъ ея главой. Это былъ отлично образованный, дѣловитый человѣкъ съ желѣзной волей, весьма однако односторонній и склонный къ крайнему доктринерству и отчасти мистицизму. Онъ ввелъ выдѣлку разныхъ ловушекъ для ловли дикихъ звѣрей, производства шолка, чугуно-литейное дѣло, и матеріальная сторона коммуны находилась въ очень хорошемъ состояніи. Рели-

гіозную свою доктрину Нойсъ назвалъ „перфекціонизмомъ", то-есть достиженіемъ душевнаго совершенства посредствомъ общенія съ божествомъ и вытравленія всякой грѣховности посредствомъ взаимнаго критицизма членовъ и постояннаго публичнаго покаянія во всякомъ грѣховномъ помышленіи. Общность имущества сопровождалась и общностью тѣла, т.-е. „свободной любовью", причемъ любовь, т.-е. взаимное влеченіе половъ, отдѣлялась отъ требованій поддержанія вида, и дѣторожденіе руководилось коммуной, посредствомъ особаго устава, основаннаго якобы на научныхъ основаніяхъ. Одно время „Онеидская коммуна", насчитывала до 700 членовъ и владѣла имуществомъ, оцѣнивавшимся въ шестьсотъ тысячъ долларовъ,—но держалась она исключительно Нойсомъ и „свободной любовью", такъ какъ съ ея уничтоженіемъ и смертью Нойса немедленно распалась, обративъ свое имущество въ акціонерную компанію.

Всѣ вышеперечисленныя нѣмецкія и шведская коммуны состояли изъ невѣжественныхъ сельчанъ и мастеровыхъ, религіозныхъ фанатиковъ, слѣдовавшихъ безпрекословно за своими деспотическими и болѣе интеллигентными вожаками, умѣвшими поддерживать въ своихъ стадахъ религіозный экстазъ. Въ учредительныхъ хартіяхъ всѣхъ ихъ безъ исключенія—даже въ „Онеидской"—я нахожу прежде всего изреченіе евангелиста Луки: „и всѣ, кто вѣрилъ, жили вмѣстѣ, и владѣли всѣмъ сообща, и надѣляли всѣхъ, смотря по нуждѣ каждаго". Это были попытки возстановить примитивную христіанскую церковь, вернуться къ жизненнымъ условіямъ двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, посредствомъ искусственнаго опрощенія, аскетизма и безусловнаго повиновенія избранникамъ божіимъ на землѣ. Непротивленіе злу и отказъ носить оружіе требовались всѣми ими; во время междоусобной войны 1861—1865 гг. наборы замѣнялись наймомъ охотниковъ за призванныхъ на службу членовъ. Всѣ платили государственные и мѣстные налоги, хотя и не безъ болѣе или менѣе сильныхъ протестовъ, основанныхъ на томъ, что государство имъ не нужно. Всѣ носили грубую, однообразную, для женщинъ умышленно некрасивую одежду, употребляли только самую простую, однообразную пищу, причемъ большинство не ѣло мяса, не признавали свѣтскихъ книгъ и развлеченій, и, подъ предлогомъ экономическихъ надобностей, образованіе дѣтей у всѣхъ стояло на самомъ послѣднемъ планѣ и не шло дальше грамоты на собственномъ языкѣ и церковнаго пѣнія. Тѣ, которые допускали бракъ, подчиняли его регулированіе требованіямъ коммуны, а не личному усмотрѣнію членовъ. Свои крайне ограниченныя потребности они удовлетворяли отчасти земледѣліемъ, отчасти мануфактурными производствами, преимущественно лѣсопильнымъ, мукомольнымъ, шерстянымъ, и вся ихъ жизнь проходила въ тяжелой ра-

ботѣ. Хотя нѣкоторыя общины достигали большого матеріальнаго благосостоянія, тѣмъ не менѣе, въ среднемъ, оно, вѣроятно, стояло ниже благосостоянія ихъ вольныхъ сосѣдей, въ то же время удовлетворявшихъ своимъ гораздо болѣе высокимъ жизненнымъ потребностямъ. По крайней мѣрѣ, оцѣнка имущества „Общества Амана“ per capita стоитъ ниже средней, и для штата Эйоуэ, и для графства, въ которомъ оно расположено. Общинная работа, несмотря на долгіе часы и непрерывность, оказывается повсюду гораздо менѣе производительной, чѣмъ вольная, индивидуальная. Изучивъ подробно уставъ этихъ американскихъ коммунъ и ихъ литературу, я совсѣмъ пересталъ понимать, почему русское „толстовство“ окрещено этимъ именемъ: главныя его основы, безъ какихъ-либо исключеній, входятъ или полностью, или отчасти въ эти уставы и обыкновенно разработаны въ нихъ съ гораздо большей послѣдовательностью и обстоятельностью. Даже всю аргументацію „Крейцеровой сонаты“ можно найти въ нихъ съ начала до конца.

За исключеніемъ вымирающихъ шэкеровъ, изъ всѣхъ этихъ общинъ перешло въ XX-е столѣтіе только „Общество Амана“, насчитывавшее, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, около 1.800 членовъ. Свѣдущіе люди утверждаютъ, что оно обязано этимъ предусмотрительности своихъ настоящихъ вожаковъ, содержащихъ всю общину въ строгой изоляціи отъ внѣшняго міра. Несмотря, однако, и на это, уже замѣчаются признаки разложенія: молодежь начинаетъ уходить въ „свѣтъ“, и прежняя безусловная покорность членовъ исчезаетъ.

Всѣ вышеперечисленныя мною общины признавали абсолютную равноправность мужчины и женщины и формально проповѣдывали равное участіе всѣхъ членовъ въ управленіи. Но на практикѣ эти догматы сводились къ абсолютизму одного лица; единственное исключеніе составляли шведы въ коммунѣ „Bishop Hill“, которая и оказалась наименѣе долговѣчной. Одно признаніе принципа откровенія свыше само по себѣ дѣлаетъ всякую равноправность лицемѣрнымъ фарсомъ.

Объ экономическомъ соціализмѣ въ Америкѣ поговорю въ другой разъ.

П. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ.—Калифорнія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1906.

Тяжелый годъ. — Неприкосновенность закона о выборахъ. — Разъясненіе его Сенатомъ.—Высочайшій указъ 5-го октября. — Новыя правила о старообрядцахъ и сектантахъ.—Вопросы земскій, еврейскій и аграрный на съѣздѣ „группы центра“ Государственнаго Совѣта.—Циркуляры о военно-полевомъ судѣ и объ отношеніи должностныхъ лицъ къ политическимъ партіямъ.

Сколько потрясеній перенесла Россія въ теченіе года, сколько пережила и мрачныхъ, и свѣтлыхъ минутъ! Первыхъ, къ несчастью, гораздо больше, чѣмъ послѣднихъ. Непродолжительна была радость, вызванная манифестомъ 17-го октября: непосредственно вслѣдъ за его изданіемъ на улицахъ Петербурга, Москвы, другихъ большихъ городовъ пролилась кровь—и стала расширяться сфера дѣйствій военнаго положенія. Недолговѣчна была и надежда на спокойное, безпрепятственное развитіе дѣятельности перваго народнаго представительства: поколебленная еще до созыва Думы, образованіемъ кабинета Горемыкина-Столыпинскаго, эта надежда исчезла 13-го мая, когда былъ прочитанъ отвѣтъ министерства на адресъ Думы. Безконечно тянулись, наоборотъ, періоды томительнаго ожиданія. Пассивъ одного изъ нихъ — перерывъ сначала желѣзнодорожнаго, потомъ почтоваго и телеграфнаго сообщенія, бунтъ въ Кронштадтѣ, открытое возстаніе въ Москвѣ, анархія въ остзейскомъ краѣ и на Кавказѣ, карательныя экспедиціи, аграрные безпорядки; пассивъ другого, открывшагося роспускомъ Думы—военные бунты въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, ужасающій сѣдлецкій погромъ, ужасающія проявленія краснаго террора, небывалое обостреніе чрезвычайныхъ репрессій. При такой обстановкѣ предстоитъ жить еще почти четыре мѣсяца, до новаго созыва Думы; при такой обстановкѣ предстоитъ приступить къ выборамъ. И все-таки мы не теряемъ вѣры въ близость лучшаго будущаго. Мы по-

мнимъ, что безправіе, господствовавшее въ мартѣ и апрѣлѣ 1906-го года, не помѣшало побѣдѣ оппозиціи на первыхъ думскихъ выборахъ. Такую же побѣду мы считаемъ возможной, даже вѣроятной и теперь—не въ томъ, конечно, смыслѣ, что въ Думу вернутся всѣ бывшіе ея члены, а въ томъ, что большинство окажется на сторонѣ искренне конституціонныхъ партій, готовыхъ и способныхъ заложить основы новаго государственнаго и общественнаго строя. Чѣмъ тяжелѣе уроки недавняго прошлаго, тѣмъ яснѣе необходимость избѣжать прежнихъ ошибокъ и сосредоточить усилія на достиженіи важнѣйшихъ цѣлей. Россія должна стать правовымъ государствомъ, обезпечивающимъ народу—*всему* народу—всѣ блага свободы и культуры.

Все больше и больше крѣпнетъ увѣренность въ томъ, что̀ еще недавно возбуждало серьезныя сомнѣнія: созывъ Думы не будетъ отсроченъ, время выборовъ вскорѣ будетъ назначено и самые выборы состоятся на основаніи дѣйствующаго избирательнаго закона. На измѣненіе этого закона продолжаютъ надѣяться только тѣ „истинно-русскіе люди“, для которыхъ вообще законъ не писанъ. Игнорируя все совершившееся въ теченіе послѣдняго года, они рѣшаютъ, на недавно окончившемся кіевскомъ съѣздѣ, ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ, „не благоугодно ли ему будетъ, въ силу принадлежащей ему верховной *неограниченной* власти, повелѣть, дабы *до назначенія новыхъ выборовъ* въ Государственную Думу былъ изданъ новый выборный законъ и дабы, *если* снова будетъ созвана Дума, ей было даровано лишь законосовѣщательное значеніе“. Для своеобразныхъ монархистовъ не существуетъ, слѣдовательно, воли монарха, столь ясно и опредѣленно выраженной какъ въ манифестахъ 17-го октября и 20-го февраля, такъ и въ новой редакціи основныхъ законовъ. Удивительнаго здѣсь нѣтъ ничего: союзамъ, объединившимся подъ рукою г. Гринмута, „тщетны всѣ препоны“, воздвигаемыя совѣстью и разумомъ. Но вотъ чего трудно было ожидать: тенденція, восторжествовавшая въ Кіевѣ, нашла сторонниковъ въ такъ называемой „группѣ центра“ Государственнаго Совѣта, собиравшейся недавно въ Петербургѣ для обсужденія „злобы дня“. Правда, они остались въ меньшинствѣ, повидимому незначительномъ: большинство группы признало недопустимымъ не только анти-конституціонное измѣненіе избирательной системы, но и самое возбужденіе вопроса о такомъ измѣненіи. Характерно, однако, уже и то, что мысль о перемѣнѣ, равносильной государственному перевороту, не сразу и не единодушно была отвергнута собраніемъ лицъ, призванныхъ къ участію въ законодательной дѣятельности; еще болѣе характерно, что между

ея защитниками оказались и земскіе избранники. Если по такому вопросу могло произойти разногласіе въ средѣ „центра“ Государственнаго Совѣта, то чего же слѣдуетъ ожидать отъ „правыхъ“ его членовъ? Можно ли, затѣмъ, сомнѣваться въ непригодности Государственнаго Совѣта для той роли, которая отведена ему въ нашей новой политической жизни? Въ настроеніи земскихъ собраній произошла глубокая перемѣна, откинувшая ихъ далеко назадъ, сдѣлавшая ихъ неспособными отзываться на запросы времени. Совершенно понятно, что не на требуемой высотѣ оказываются и представители ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Далеки отъ нея и многіе изъ числа назначенныхъ членовъ, вся жизнь которыхъ прошла при условіяхъ прямо противоположныхъ переживаемымъ Россіей въ настоящее время; далеки отъ нея и избранники дворянства, теперь усерднѣе чѣмъ когда-либо отстаивающаго все отжившее и устарѣвшее... Акклиматизація въ Россіи двухпалатной системы станетъ возможной только тогда, когда произойдетъ радикальная перемѣна въ устройствѣ и составѣ верхней палаты.

Прежде, чѣмъ приступить къ выборамъ, министерство нашло нужнымъ получить отъ Сената разъясненіе нѣкоторыхъ статей Положенія о выборахъ. Въ ежедневной печати возникъ вопросъ о томъ, въ правѣ ли Сенатъ давать такія разъясненія. Положеніемъ 6-го августа повѣрка выборовъ въ Государственную Думу была возложена на первый департаментъ Сената; указомъ 11-го декабря она предоставлена самой Думѣ. Отсюда, по мнѣнію прогрессивныхъ газетъ, слѣдуетъ заключить, что только Дума уполномочена, въ настоящее время, толковать законы, относящіеся къ выборамъ. Участвуя въ отправленіи законодательной власти, Дума не можетъ быть связана, въ одной изъ своихъ функцій, опредѣленіями подзаконнаго учрежденія, какимъ является Сенатъ. Противоположнаго взгляда держится оффиціозная пресса, основываясь на отсутствіи закона, которымъ прямо ограничивался бы, въ указанномъ выше смыслѣ, кругъ дѣйствій Сената. Для насъ совершенно ясно, что такое ограниченіе вытекаетъ само собою изъ высокаго положенія, занимаемаго Государственной Думой. Разъ что повѣрка выборовъ, на всѣхъ ступеняхъ избирательнаго производства, предоставлена палатамъ, онѣ, *и только онѣ*, компетентны разрѣшать *всѣ* связанные съ нею вопросы. Есть государства, гдѣ повѣрка выборовъ производится судомъ—но судомъ безусловно независимымъ, дѣйствующимъ съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій правильно организованнаго процесса. Первый департаментъ Сената ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи не принадлежитъ къ числу судебныхъ учрежденій; его члены не пользуются несмѣняемостью, его дѣлопроизводство не

имѣетъ ничего общаго съ судебнымъ. Изъятіе изъ его вѣдѣнія вопросовъ отдѣльныхъ выборовъ не достигло бы цѣли, еслибы за нимъ сохранилось право установлять, путемъ интерпретаціи закона, общія положенія, обязательно предрѣшающія правильность или неправильность избранія. Было время, когда неблагопріятныя условія дѣятельности перваго департамента уравновѣшивались, по крайней мѣрѣ отчасти, личными качествами сенаторовъ, входившихъ въ его составъ и руководившихъ его занятіями (В. А. Арцимовичъ, А. Д. Шумахеръ): но это время прошло, и теперь меньше чѣмъ когда-либо министерство можетъ найти твердую точку опоры въ авторитетѣ перваго департамента.

Обратимся теперь къ существу разъясненій, данныхъ Сенатомъ по вопросамъ избирательнаго права. На основаніи ст. 17-ой Положенія о выборахъ въ Государственную Думу, въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ, избираемые изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости. Кто же принадлежитъ къ составу сельскаго общества? Очевидно—*всѣ* приписанные къ нему крестьяне. Сельскія общества, за силою ст. 17-ой и 40-ой Общаго Положенія 1861-го года, составились изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика. Никакого различія между крестьянами-домохозяевами и не-домохозяевами эти статьи не установляютъ; понятіе о крестьянахъ-домохозяевахъ выступаетъ на сцену только въ ст. 47-ой, опредѣляющей составъ *сельскаго схода*—но и на сельскомъ сходѣ домохозяинъ можетъ замѣнить себя однимъ изъ членовъ своего семейства. Для избранія въ члены волостного схода ст. 71-ая не требуетъ принадлежности къ числу домохозяевъ. Ст. 130-ая обусловливаетъ увольненіе крестьянина изъ сельскаго общества, между прочимъ, согласіемъ его родителей; это служитъ подтвержденіемъ тому, что членами сельскаго общества должны считаться не одни домохозяева. Совершенно несогласнымъ съ истиннымъ смысломъ и даже съ буквой закона представляется, поэтому, разъясненіе Сената, признавшаго, что въ уполномоченные отъ волостныхъ сходовъ могутъ быть избираемы *только* крестьяне-домохозяева. Въ положеніи о выборахъ для такого ограниченія свободы дѣйствій волостного схода и правъ крестьянъ-не-домохозяевъ нельзя найти и тѣни основанія. Мысль законодателя заключалась въ томъ, чтобы сохранить за крестьянскими выборами характеръ сословный—а въ составъ крестьянскаго *сословія* несомнѣнно входятъ всѣ формально изъ него не вышедшіе.

Еще менѣе согласнымъ съ закономъ кажется намъ другое разъясненіе Сената, относящееся къ крестьянскимъ товариществамъ и

отдѣльнымъ крестьянамъ, пріобрѣвшимъ землю при содѣйствіи крестьянскаго банка. Право участвовать въ выборахъ Сенатъ признаетъ за ними только въ составѣ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, находя, что въ списки уѣздныхъ землевладѣльцевъ они, по владѣнію вышеозначенною землею, вносимы быть не могутъ. Угадать юридическія основы этого разъясненія мы не беремся. Ст. 12-ая Положенія о выборахъ, опредѣляющая составъ съѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ, не установляетъ никакого различія между землевладѣльцами ни по сословію, ни по способу пріобрѣтенія земли. Ничего въ этомъ отношеніи не измѣнилъ и Высочайшій указъ 11-го декабря, увеличившій, а не уменьшившій число избирателей. Откуда же опала, которой Сенатъ подвергаетъ многочисленную категорію землевладѣльцевъ? Вѣдь нельзя же считать покупку земли при помощи банка обстоятельствомъ, умаляющимъ права владѣльца. Если поводомъ къ своеобразному правоограниченію служитъ обремененіе земли банковымъ долгомъ, то чѣмъ же послѣдній отличается отъ другихъ долговъ, лежащихъ на землѣ безъ всякаго ущерба для политическихъ правъ владѣльца?..

Третьимъ разъясненіемъ Правительствующаго Сената признано, что рабочіе на фабрикахъ и заводахъ, участвующіе въ выборахъ, *какъ рабочіе*, въ особомъ порядкѣ, установленномъ указомъ 11-го декабря, не могутъ одновременно участвовать въ выборахъ ни въ городскомъ избирательномъ участкѣ, ни въ съѣздѣ землевладѣльцевъ, ни въ съѣздѣ городскихъ избирателей, ни въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей. Это разъясненіе было бы вполнѣ понятно и правильно, еслибы въ нашихъ избирательныхъ законахъ было послѣдовательно проведено право избирателя участвовать въ выборахъ только одинъ разъ, только въ одномъ качествѣ. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно другое. Крестьянинъ-членъ сельскаго общества, владѣющій на правѣ собственности въ уѣздѣ—землею, въ городѣ—недвижимымъ имуществомъ, а въ другомъ городѣ занимающій отдѣльную квартиру, можетъ подавать голосъ, сообразно числу соединяющихся въ немъ качествъ, въ четырехъ различныхъ избирательныхъ коллегіяхъ. Лица другихъ сословій могутъ вотировать, на томъ же основаніи, въ трехъ мѣстахъ, три раза. Единственной тому помѣхой можетъ оказаться назначеніе выборовъ въ такіе сроки, которыми фактически исключалось бы двукратное или трехкратное выступленіе одного и того же лица въ роли избирателя. Справедливо ли, затѣмъ, изъ общаго правила дѣлать исключеніе только для однихъ рабочихъ? Мотивировано оно, по видимому, тѣмъ, что отъ рабочихъ, какъ таковыхъ, не требуется имущественнаго ценза; но развѣ есть какое-нибудь существенное различіе между заработной платой и содержаніемъ по должности, служа-

щимъ, какъ бы оно ни было незначительно, источникомъ избирательнаго права (отд. I указа 11-го декабря)? Подъ понятіе объ имущественномъ цензѣ и то, и другое одинаково подходитъ—или одинаково не подходитъ, смотря по тому, какой смыслъ, широкій или узкій, соединяется съ этимъ понятіемъ.

Всѣмъ тремъ разъясненіямъ Сената свойственна одна общая черта: они всѣ ограничиваютъ сферу дѣйствій избирательнаго права, отстраняя отъ участія въ выборахъ цѣлыя группы крестьянъ и рабочихъ, среди которыхъ немало „безпокойныхъ“ элементовъ. Къ этимъ группамъ принадлежали нѣкоторые изъ числа „трудовиковъ“, всего больше выдвинувшихся въ Государственной Думѣ. Отсюда возможность предположеній, основательныхъ или неосновательныхъ, но во всякомъ случаѣ неблагопріятныхъ и для Сената, и для обратившагося къ нему министерства. Отсюда, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность разногласія между Сенатомъ и будущей Думой. Поводовъ къ конфликтамъ, затрудняющимъ правильный ходъ мирной законодательной работы, безъ того уже слишкомъ много: большой ошибкой является каждый шагъ правительства, грозящій новыми столкновеніями. Не такъ великъ, притомъ, и выигрышъ, обѣщаемый устраненіемъ нѣсколькихъ „нежелательныхъ“ кандидатовъ. Гдѣ избиратели-крестьяне настроены оппозиціонно, тамъ они найдутъ выразителей этого настроенія и между самыми настоящими „домохозяевами“. Прошло то время, когда крестьянской массой могла руководить „властная рука“. Все больше и больше народъ сознаетъ свои нужды и дорожитъ своими правами, все рѣшительнѣе идетъ свободно выбраннымъ путемъ, къ ясно намѣченнымъ цѣлямъ.

Несомнѣнно связаны съ предстоящими выборами тѣ перемѣны въ юридическомъ положеніи крестьянъ, которыя принесъ съ собою Высочайшій указъ 5-го октября. Все то, что имъ дано—и еще многое другое—составляло цѣлые десятки лѣтъ предметъ пожеланій, выражавшихся и въ земскихъ собраніяхъ, и въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, и въ печати, но остававшихся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Не дальше, какъ три года тому назадъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ изготовленъ длинный рядъ узаконеній, прямо противоположныхъ по духу и цѣли, основнымъ началамъ только-что совершившейся реформы. Въ Высочайшемъ указѣ 8-го января 1904-го года, передавшемъ министерскіе проекты на разсмотрѣніе бюрократически составленныхъ губернскихъ совѣщаній, провозглашена была рѣшимость „сохранить крестьянамъ сословный строй“. На самомъ дѣлѣ этотъ строй не только сохранялся, но обособлялся еще больше прежняго. Между привилегированными сословіями и крестьянствомъ, съ приравненными къ нему

„низшими“ классами сельскаго населенія, сооружалась настоящая китайская стѣна. Широко раздвигался кругъ вѣдомства волостного суда, въ руководство которому предназначались особый уставъ о наказаніяхъ, особый сельскій гражданскій уставъ, особый процессуальный кодексъ. Демаркаціонная линія проводилась глубокая, укрѣпленная по всѣмъ правиламъ бюрократической фортификаціи. Чудовищность затѣи была такъ очевидна, что противъ нея возстали, еще при жизни ея иниціатора (В. К. фонъ-Плеве), даже нѣкоторыя губернскія совѣщанія (напр. петербургское). Устоять противъ новыхъ вѣяній, вызванныхъ первыми неудачами въ войнѣ съ Японіей, она не могла. Высочайшій указъ 12-го декабря 1904-го года, произнесся смертный приговоръ надъ политикой „контръ-реформъ“, призналъ необходимость обезпеченія за крестьянами положенія полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей. Колебаніямъ, однако, еще не наступилъ конецъ: нѣсколько мѣсяцевъ спустя внезапно было закрыто особое совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства, которому указъ 12-го декабря предоставлялъ главную роль въ движеніи крестьянскаго вопроса—и закрыто именно потому, что не отступало передъ радикальными рѣшеніями. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полутора года. До 17-го октября, да и позже, ничто не мѣшало осуществить обѣщанную полноправность крестьянства; ничто не мѣшало внести соотвѣтствующій законопроектъ на разсмотрѣніе Государственной Думы. Ни то, ни другое сдѣлано не было: вопросъ объ уравненіи сословій былъ возбужденъ самою Думой, но, вмѣстѣ со многими другими, остался безъ разсмотрѣнія за роспускомъ Думы. Цѣлыхъ три мѣсяца понадобилось для несложной работы, результатомъ которой явился, наконецъ, указъ 5-го октября. Ограниченія, подлежавшія отмѣнѣ, давно были всѣмъ извѣстны; необходимость покончить съ ними не возбуждала никакихъ сомнѣній. Запоздалость правительственныхъ мѣръ вошла у насъ, очевидно, въ обычай, хотя ею до крайности уменьшается ихъ значеніе. Въ половинѣ 90-хъ годовъ, когда въ первый разъ былъ поставленъ на очередь пересмотръ положенія о крестьянахъ, глубокое и сильное впечатлѣніе было бы произведено всякимъ шагомъ впередъ къ гражданскому равенству. Въ меньшей степени такое впечатлѣніе было возможно даже два года тому назадъ, когда только-что начиналось освободительное движеніе. Теперь, послѣ столькихъ отсрочекъ, дѣйствіе наконецъ состоявшагося рѣшенія сведено къ минимуму. Этому способствуетъ, помимо запоздалости, и разсчетъ, несомнѣнно лежащій въ основѣ рѣшенія—разсчетъ на то, что оно не останется безъ вліянія на предстоящіе выборы. Не случайно же выдающуюся роль въ выработкѣ указа 5-го октября съигралъ тотъ администраторъ, который еще такъ недавно являлся главнымъ исполнителемъ предначертаній

В. К. Плеве. Если король французскій могъ забыть обиды, нанесенныя герцогу Орлеанскому, то отсюда еще не слѣдуетъ, что товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ забылъ стремленія и взгляды управлявшаго земскимъ отдѣломъ. Пройдя чрезъ руки г. Гурко, освободительная мѣра приняла явно оппортунистскій характеръ.

Если указу 5-го октября не суждено оказать большого вліянія на избирателей, то это, конечно, не уменьшаетъ его внутреннюю цѣнность для крестьянской массы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прислушаться къ ламентаціямъ „Московскихъ Вѣдомостей". Въ статьѣ, озаглавленной: „*Упраздненіе* крестьянскаго сословія", газета г. Грингмута называетъ уравненіе крестьянъ съ другими сословіями, насколько оно касается государственной службы, „тяжелымъ ударомъ дворянству", вызваннымъ „республиканской теоріей эгалитаризма", а насколько оно касается вступленія въ высшія школы—„упраздненіемъ русской науки". Въ разрѣшеніи крестьянамъ, получившимъ образованіе или вступившимъ въ гражданскую службу, оставаться въ составѣ своихъ сельскихъ обществъ, усматривается „открытіе пути для вторженія въ деревню революціоннаго третьяго элемента". Крайне вреднымъ признается умаленіе власти земскихъ начальниковъ, „предоставляющее крестьянству самопроизволъ (!) какъ разъ въ то время, когда оно нуждается въ наибольшемъ попеченіи" (!). Всѣ эти „сожалѣнія" являются лучшей похвалой новому закону. Настоящій его недостатокъ—неполнота, до нѣкоторой степени, впрочемъ, оправдываемая способомъ его изданія. Если онъ ограничился „умаленіемъ власти" земскихъ начальниковъ, то это объясняется тѣмъ, что совершенная отмѣна безусловно несостоятельнаго института должна идти рука объ руку съ кореннымъ преобразованіемъ мѣстнаго суда и управленія—а такая сложная работа можетъ быть произведена только въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ. Тою же причиною обусловливается незначительность перемѣнъ, внесенныхъ указомъ 5-го октября въ правила о волостномъ судѣ.

Безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій указъ 5-го октября могъ бы, какъ намъ кажется, пойти гораздо дальше по пути отступленій отъ дѣйствующаго земскаго положенія. Въ этомъ отношеніи онъ ограничивается: 1) возвращеніемъ крестьянамъ-личнымъ землевладѣльцамъ потеряннаго ими въ 1890-мъ году права участія въ избирательныхъ землевладѣльческихъ съѣздахъ и 2) устраненіемъ административнаго произвола въ установленіи личнаго состава гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. До сихъ поръ изъ числа кандидатовъ, избранныхъ волостями, гласными становились тѣ, кого призывалъ къ тому губернаторъ; теперь кандидатамъ предоставляется самимъ избирать гласныхъ изъ своей среды. Особенно недостаточной кажется намъ

послѣдняя мѣра: она оставляетъ въ силѣ неравномѣрность представительства, созданную, въ ущербъ крестьянамъ, положеніемъ 1890-го года. Запоздалость, отъ которой страдаетъ весь указъ 5-го октября, отразилась съ особенною силой на той его части, которая касается земства: еслибы указъ былъ распубликованъ хоть нѣсколько раньше, онъ могъ бы быть примѣненъ къ выборамъ, недавно происходившимъ во многихъ губерніяхъ, или, по меньшей мѣрѣ, къ земскимъ собраніямъ, сессія которыхъ почти вездѣ происходила въ сентябрѣ. Замѣна гласныхъ назначенныхъ гласными выбранными внесла бы, можетъ быть, свѣжую струю въ составъ собраній, уменьшивъ вліяніе земскихъ начальниковъ и предводителей дворянства. Назначались въ гласные, сплошь и рядомъ, волостные старшины, сельскіе старосты, волостные писаря; избранными оказались бы, можетъ быть, рядовые крестьяне, менѣе зависимые отъ начальства. Въ томъ уѣздѣ, который намъ болѣе всего знакомъ, намъ пришлось наблюдать, во время послѣдняго земскаго собранія, нѣкоторое озлобленіе крестьянъ-должностныхъ лицъ противъ крестьянской массы. Объясняется оно, вѣроятно, тѣмъ, что крестьянскія власти нерѣдко привлекаются къ отвѣтственности за недостатокъ служебнаго рвенія — и вымещаютъ свою обиду на односельцахъ, изъ-за неисправности или непокорности которыхъ они пострадали.

Общій нашъ выводъ таковъ: указъ 5-го октября — небольшая, сравнительно, уплата въ счетъ долга, давно лежащаго на правительствѣ. Особой благодарностью по отношенію къ должнику кредиторъ, въ подобныхъ случаяхъ, не обязанъ.

Уплатой въ счетъ долга, накоплявшагося въ теченіе столѣтій, являются и Высочайше утвержденныя 14-го октября правила о старообрядцахъ и сектантахъ. Развивая основное начало, установленное указомъ 17-го апрѣля 1905-го года, они опредѣляютъ какъ порядокъ образованія и дѣйствія старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ, такъ и права и обязанности лицъ, входящихъ въ составъ этихъ общинъ. О старообрядцахъ и о сектантахъ говорится въ различныхъ отдѣлахъ правилъ, но говорится почти одно и то же. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ, предоставляется свободное исповѣданіе ихъ вѣры и отправленіе религіозныхъ обрядовъ, по правиламъ ихъ вѣроученій; какъ тѣ, такъ и другіе могутъ образовать общины, пользующіяся правами юридическихъ лицъ, сооружать молитвенные дома [1]), составлять общія собранія членовъ общины, избирать,

[1]) Старообрядцы имѣютъ право сооружать, кромѣ молитвенныхъ домовъ, храмы, скиты и обители, а сектанты—„иныя, предназначенныя для богомоленія помѣщенія“.

для завѣдыванія общинными дѣлами, совѣты, избирать наставниковъ [1]), уполномоченныхъ носить присвоенныя имъ по ихъ вѣроученію одѣянія, освобожденныхъ отъ призыва на дѣйствительную военную службу и пользующихся многими другими правами духовенства, въ томъ числѣ и правомъ вести книги, удостовѣряющія гражданское состояніе, т.-е. совершать записи о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ. Для старообрядцевъ, не объединенныхъ въ общины, и для сектантовъ, у которыхъ нѣтъ наставниковъ, метрическія книги ведутся въ городахъ—городскими управами или городскими старостами, въ уѣздахъ—волостными правленіями. Несогласной съ общимъ духомъ новыхъ правилъ представляется только слѣдующая статья, повторенная и въ отдѣлѣ о старообрядцахъ, и въ отдѣлѣ о сектантахъ: „если въ дѣятельности общины обнаруживаются дѣйствія, противныя закону и ограждающимъ нравственность постановленіямъ, губернаторъ или градоначальникъ, пріостановивъ собственною властью дѣйствіе общины, о закрытіи ея предлагаетъ на разрѣшеніе губернскаго или областного правленія. Жалобы на состоявшіяся по сему предмету постановленія губернскаго или областного правленія приносятся въ первый департаментъ Прав. Сената и разрѣшаются имъ окончательно". Дѣйствія, противныя закону или нравственности, всегда могутъ быть установлены судомъ: ему, и только ему, слѣдовало бы предоставить право закрытія общины—право чрезвычайно важное уже потому, что въ случаѣ закрытія все остающееся за покрытіемъ долговъ имущество общины поступаетъ въ вѣдѣніе правительства (для употребленія на благотворительныя цѣли). Губернское правленіе не обладаетъ ни безпристрастіемъ, ни знаніями, необходимыми для рѣшенія столь серьезнаго вопроса; слишкомъ трудно, притомъ, предположить, что оно когда-нибудь позволитъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ губернатора, ясно выразившимся въ пріостановкѣ дѣйствій общины. Въ первомъ департаментѣ Сената разсмотрѣніе жалобы на постановленіе губернскаго правленія неизбѣжно приметъ чисто формальный характеръ. Не имѣя возможности провѣрить факты, послужившіе поводомъ къ закрытію общины, Сенатъ поневолѣ ограничится удостовѣреніемъ въ томъ, что губернаторомъ и губернскимъ правленіемъ соблюдены, съ внѣшней стороны, требованія закона. Пока не отмѣнена приведенная нами статья правилъ, положеніе старообряд-

Эта разница въ редакціи правилъ объясняется, по нашему мнѣнію, не желаніемъ ограничить права сектантовъ, а предположеніемъ, что они не нуждаются въ монастыряхъ и храмахъ.

[1]) Старообрядцамъ предоставлено избирать, кромѣ наставниковъ, духовныхъ лицъ (настоятелей). И въ этомъ мы также видимъ не ограниченіе правъ сектантовъ, а отраженіе мысли, что у сектантовъ нѣтъ духовенства въ обычномъ смыслѣ слова. Ничто не мѣшаетъ „наставнику" исполнять функціи „духовнаго лица".

ческихъ и сектантскихъ общинъ не можетъ считаться прочно обезпеченнымъ.

Не смотря на указанный нами недостатокъ правилъ 14-го октября, не смотря на то, что остаются въ силѣ постановленія уголовнаго закона, направленныя противъ пропаганды не-православныхъ вѣроученій, шагъ впередъ несомнѣнно сдѣланъ большой. Очень мало, въ сущности, положеніе старообрядцевъ и сектантовъ было измѣнено къ лучшему законами 19-го апрѣля 1874-го и 3-го мая 1883-го года—единственными, на протяженіи цѣлаго вѣка, въ основѣ которыхъ лежало нѣчто похожее на вѣротерпимость. Первый изъ этихъ законовъ, имѣвшій въ виду предоставить старообрядцамъ возможность доказывать свои права по происхожденію и имуществу, оставался почти безъ примѣненія, какъ потому, что дѣйствіе его не распространялось на вновь „уклонившихся отъ православія", такъ и потому, что веденіе метрическихъ книгъ было возложено на полицію, къ которой крайне неохотно обращались старообрядцы. Второй законъ ставилъ постройку новыхъ и даже починку старыхъ молитвенныхъ зданій въ зависимость отъ разрѣшенія администраціи, произволъ которой ничѣмъ не былъ ограниченъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ неудовлетвореннымъ оставалось естественное желаніе собираться для молитвы въ предназначенныхъ и приспособленныхъ къ тому зданіяхъ, и милліоны христіанъ оставались лишенными права, предоставленнаго не-христіанамъ. Въ девяностыхъ годахъ, въ самый разгаръ реакціи, безъ того уже до крайности ограниченная вѣроисповѣдная свобода подверглась новому стѣсненію: штундистамъ запрещена была общая молитва даже въ частныхъ квартирахъ. Стоитъ только припомнить, что писалось, до послѣдняго времени, въ отчетахъ синодальнаго оберъ-прокурора [1]), чтобы понять серьезность опасности, постоянно грозившей всѣмъ „иначе вѣрующимъ". Если опасность исчезла, если осуществлены въ значительной мѣрѣ требованія истинной вѣротерпимости, то это объясняется не столько перемѣной настроенія въ правительственныхъ сферахъ, сколько измѣненіемъ условій, среди которыхъ протекаетъ государственная жизнь. Для благодарности и здѣсь нѣтъ особой причины, и на результатъ выборовъ новое положеніе старообрядцевъ и сектантовъ едвали повліяетъ сколько-нибудь замѣтно. Они не забудутъ, во всякомъ случаѣ, съ какой стороны могутъ надвинуться на нихъ новыя тучи. Достаточно яснымъ напоминаніемъ объ этомъ служитъ пріемъ, оказанный представителю старообрядцевъ на кіевскомъ съѣздѣ „истинно-русскихъ людей".

[1]) Разборы этихъ отчетовъ, постоянно появлявшіеся въ „Вѣстникѣ Европы", сведены въ одно цѣлое въ книгѣ: „Свобода совѣсти и вѣротерпимость" (Спб., 1904).

Чѣмъ бы ни были вызваны указы 5-го и 14-го октября, каковы бы ни были ихъ недочеты и пробѣлы, несомнѣнно одно: они не установляютъ ничего такого, что шло бы въ разрѣзъ съ программой перваго народнаго представительства и съ задачами будущей Государственной Думы. Новой Думѣ будетъ предстоять не отмѣна мѣръ, декретированныхъ этими указами, а ихъ дальнѣйшее развитіе. Съ этой точки зрѣнія можно было бы привѣтствовать и примѣненіе статьи 87-ой основныхъ законовъ къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ. Мы уже имѣли случай показать, насколько желательно и осуществимо немедленное устраненіе наиболѣе крупныхъ его недостатковъ. Нѣсколько иначе взглянула на этотъ вопросъ группа центра Государственнаго Совѣта: признавая его важность, она не нашла нужнымъ настаивать на неотложномъ его рѣшеніи. Теперь же, по мнѣнію группы, можетъ и должна быть принята другая мѣра: распространеніе дѣйствующаго земскаго положенія на царство польское, остзейскій край и западныя губерніи. Безспорно, чѣмъ скорѣе расширится область мѣстнаго самоуправленія, тѣмъ лучше: но едвали цѣлесообразно *вводить* гдѣ бы то ни было порядокъ, уже обреченный на уничтоженіе. Группа центра предлагаетъ для западныхъ и остзейскихъ губерній *сословное* земство—то сословное земство, несостоятельность котораго яснѣе чѣмъ когда-либо обнаружилась именно въ настоящее время. Мотивируется это предложеніе тѣмъ, что въ земствѣ безсословномъ господствующая роль досталась бы меньшинству, польскому или нѣмецкому. Мы думаемъ, наоборотъ, что къ такому результату привела бы именно сословность земскихъ учрежденій; именно она оказалась бы неблагопріятной для массы населенія—бѣлоруссовъ и литовцевъ, латышей и эстовъ... Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ земствѣ, созданномъ при участіи Государственной Думы, сословному началу суждено блистать только своимъ отсутствіемъ. Съ этимъ близкимъ будущимъ необходимо считаться при изданіи временныхъ правилъ, относящихся къ земскимъ учрежденіямъ.

По еврейскому вопросу въ средѣ группы центра произошло разногласіе. Меньшинство высказалось за немедленную отмѣну тѣхъ, неоправдываемыхъ государственными видами постановленій полицейскаго характера, которыя стѣсняютъ гражданскую и экономическую жизнь еврейскаго населенія. Большинство, не отрицая необходимости существенныхъ улучшеній въ законодательствѣ о евреяхъ, нашло пересмотръ его несвоевременнымъ. Намъ кажется, что большинствомъ группы руководила чрезмѣрная осторожность. Въ еврейскомъ вопросѣ есть, несомнѣнно, стороны, которыхъ не слѣдуетъ касаться до постановки его въ Государственной Думѣ; но мы не видимъ препятствій къ немедленной отмѣнѣ правоограниченій, состоявшихся сравнительно

недавно и крайне тяжело отзывающихся на положеніи евреевъ. Назовемъ, въ видѣ примѣра, правила 3-го мая 1882-го года, названныя „временными“, но дѣйствующія уже цѣлую четверть вѣка. Искусственно скучивъ евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ, они довели многихъ и многихъ до крайней, ужасающей нищеты, нисколько не поднявъ благосостоянія деревни. Мы указывали, вслѣдъ за изданіемъ правилъ [1]), на неизбѣжность такого результата; въ настоящее время онъ признанъ всѣми и неоднократно былъ констатированъ мѣстными и центральными властями. Зачѣмъ же откладывать устраненіе очевиднаго зла? До законодательнаго рѣшенія еврейскаго вопроса пройдетъ, въ лучшемъ случаѣ, еще немало времени — а нужда среди евреевъ растетъ все больше и больше. Смягчить раздраженіе, накоплявшееся годами, не можетъ никакая полумѣра—но въ политической жизни, кромѣ разсчета, необходимо принимать въ соображеніе и справедливость, требующую немедленнаго облегченія невыносимаго гнета.

Еще большую нерѣшительность, чѣмъ въ еврейскомъ вопросѣ, группа центра выказала въ вопросѣ аграрномъ. Въ резолюціяхъ по этому предмету нѣтъ даже намека на возможность принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Центръ Государственнаго Совѣта остается здѣсь, такимъ образомъ, позади партіи мирнаго обновленія, а можетъ быть даже и союза 17-го октября. Это предвѣщаетъ мало хорошаго для будущей законодательной сессіи. Въ Государственной Думѣ, каковъ бы ни былъ исходъ выборовъ, едва ли составится большинство, враждебное главному желанію крестьянства—и между Думой и Совѣтомъ произойдетъ конфликтъ, грозящій опасными послѣдствіями... Полумѣры, въ чемъ бы онѣ ни заключались, недостаточны для правильнаго и мирнаго удовлетворенія крестьянской земельной нужды. Къ числу такихъ полумѣръ мы относимъ и состоявшееся 14-го октября пониженіе платежей по ссудамъ, выданнымъ и имѣющимъ быть выданными изъ крестьянскаго поземельнаго банка. Оно облегчаетъ, безспорно, положеніе крестьянъ, пріобрѣвшихъ и могущихъ еще пріобрѣсти землю при содѣйствіи крестьянскаго банка; но оно вовсе не касается всей остальной крестьянской массы и не даетъ никакого ручательства въ томъ, что частновладѣльческія земли будутъ поступать въ продажу, по сходной цѣнѣ, именно тамъ, гдѣ въ нихъ всего больше нуждаются крестьяне.

Мы показали, мѣсяцъ тому назадъ, что учрежденіе военно-полевыхъ судовъ не удовлетворяетъ ни одному изъ тѣхъ условій, внѣ ко-

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1882 г.

торыхъ немыслимъ нормальный, правильно организованный и правильно дѣйствующій судъ. Новымъ, яркимъ подтвержденіемъ нашего вывода является недавній циркуляръ предсѣдателя совѣта министровъ [1]). Неполнота правилъ привела, какъ и слѣдовало ожидать, къ совершенно произвольному ихъ примѣненію. Сфера дѣйствій военно-полевого суда не была точно опредѣлена: ее стали распространять все больше и больше, включая въ нее самыя разнородныя преступныя дѣянія, независимо отъ времени ихъ совершенія. Страшно широка была власть, предоставленная администраціи: нѣкоторыя изъ числа лицъ, облеченныхъ этою властью, стали расширять ее еще дальше, выводя изъ нея право требовать пересмотра состоявшагося рѣшенія и усиленія назначенной имъ кары. Отсюда необходимость умѣряющихъ и сдерживающихъ разъясненій. Нельзя сказать, однако, чтобы эти разъясненія были свободны отъ недостатковъ, къ искорененію которыхъ они направлены. Въ правилахъ о военно-полевомъ судѣ преступныя дѣянія, ему подсудныя, не перечислены вовсе; въ циркулярѣ 6-го сентября сюда были отнесены вооруженныя нападенія на частныхъ и должностныхъ лицъ, разбои, грабежи и насилія; въ новомъ циркулярѣ не упоминается о *насиліяхъ*, но зато введена новая группа преступленій—изготовленіе, пріобрѣтеніе, храненіе, ношеніе и сбытъ взрывчатыхъ веществъ. Циркуляръ, такимъ образомъ, присвоиваетъ себѣ функціи закона. Преданіе военно-полевому суду—гласитъ слѣдующій пунктъ циркуляра — „допустимо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда учиненіе (даннымъ лицомъ) преступнаго дѣянія представляется вполнѣ *очевиднымъ*, т.-е. когда обвиненіе можетъ быть основано на *достовѣрныхъ* и не требующихъ *особой провѣрки* данныхъ, а слѣдовательно, *главнымъ образомъ*, если преступникъ задержанъ или застигнутъ на мѣстѣ преступленія, при самомъ совершеніи послѣдняго или непосредственно по его совершеніи". Неопредѣленныя уже сами по себѣ, понятія объ очевидности и достовѣрности становятся еще болѣе эластичными вслѣдствіе дальнѣйшихъ оговорокъ циркуляра. Что такое „особая провѣрка" и чѣмъ она отличается отъ провѣрки простой, обыкновенной, которую можно возлагать и на военно-полевой судъ? Не ясно ли, что данныя, требующія провѣрки—хотя бы и не „особой"—не могутъ уже считаться очевидными и безусловно достовѣрными? Не парализуется ли словами: *главнымъ образомъ* требованіе задержанія на мѣстѣ преступленія, вслѣдъ за его совершеніемъ? Не даютъ ли эти слова возможность разсуждать такъ:

[1]) Помѣщаемая выше (стр. 5) статья Н. С. Таганцева: „Законопроектъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ", написана и сдана въ редакцію раньше чѣмъ состоялся этотъ циркуляръ.

подозрѣваемое лицо захвачено не на мѣстѣ преступленія, нѣсколько часовъ спустя послѣ его совершенія—но виновность его очевидна, и потому изъ общаго правила слѣдуетъ сдѣлать изъятіе, допускаемое совѣтомъ министровъ?... Въ основѣ циркуляра лежитъ внутреннее противорѣчіе: онъ направленъ къ регулированію того, что̀ не поддается никакой регламентаціи. Правила о военно-полевомъ судѣ узаконяютъ произволъ; произволомъ неизбѣжно должно быть проникнуто и всякое ихъ толкованіе.

А между тѣмъ, каждый день приноситъ съ собою новыя подтвержденія безцѣльности и безплодности военно-полевого суда. Съ каждымъ днемъ становится все яснѣе и яснѣе, что стремительность расправы никого не устрашаетъ и ничего не предупреждаетъ. Странно было бы сомнѣваться въ этомъ особенно теперь, послѣ того какъ 14-го октября, въ двѣнадцатомъ часу дня, на одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ столицы, произведено—и отчасти удалось—открытое, вооруженное нападеніе на карету, въ которой, подъ конвоемъ жандармовъ, перевозились значительныя денежныя суммы. Нападавшіе знали, чѣмъ они рискуютъ: они знали, что они могутъ погибнуть и отъ собственныхъ бомбъ, и отъ перестрѣлки съ охранителями кареты, и, наконецъ, отъ быстро свитой веревки палача. Тройная опасность ихъ не остановила—и преступленіе совершилось, только благодаря счастливой случайности не стоивъ жизни никому изъ оборонявшихся и никому изъ толпы прохожихъ. Не пора ли положить конецъ кровавому эксперименту, продолжающемуся уже около двухъ мѣсяцевъ? Политика репрессіи à outrance достигла, въ правилахъ о военно-полевомъ судѣ, своего крайняго выраженія; дальше идти некуда—остается только отказаться отъ пути, избраніе котораго было роковой ошибкой. Чѣмъ ближе выборы въ Государственную Думу, тѣмъ менѣе цѣлесообразна борьба противъ террора—терроромъ, тѣмъ болѣе необходимы другіе способы умиротворенія страны.

Какъ ни велика разница между правилами о военно-полевомъ судѣ и мѣрами, регулирующими отношеніе должностныхъ лицъ къ политическимъ партіямъ, одна черта сходства между ними существуетъ несомнѣнно: какъ тѣ, такъ и другія одинаково безплодны. Въ самомъ дѣлѣ, чего можетъ достигнуть циркуляръ совѣта министровъ, воспрещающій должностнымъ лицамъ „всякое участіе въ политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ, не только явно революціонныхъ, но и такихъ, которыя обнаруживаютъ стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ или призываютъ къ ней населеніе“? Партійная дѣятельность должностныхъ лицъ и до сихъ поръ, за рѣдкими исключе-

ніями, была весьма незначительна. Ее охотно преувеличивала, охотно расцвѣчивала яркими красками реакціонная печать; но въ сущности— если оставить въ сторонѣ совпавшія съ періодомъ наибольшаго развитія забастовокъ выступленія нѣкоторыхъ союзовъ, — она не шла дальше платоническихъ заявленій сочувствія той или другой оппозиціонной группѣ. Сочувствіе не поддается никакому внѣшнему воздѣйствію; противъ него безсильны самые строгіе циркуляры. Загнанное, если можно такъ выразиться, внутрь, оно легко принимаетъ болѣе острую форму. Число чиновниковъ, подъ покровомъ избирательной тайны подающихъ голосъ за оппозиціонныхъ кандидатовъ, циркуляръ совѣта министровъ не уменьшитъ, а увеличитъ. Неуловимыми и неустранимыми останутся и многія другія услуги, оказываемыя оппозиціоннымъ партіямъ—напр. распространеніе партійныхъ изданій, рекомендація намѣчаемыхъ партіями выборщиковъ, безъименные денежные взносы на партійныя цѣли. Правда, циркуляръ требуетъ отъ начальствующихъ лицъ постояннаго наблюденія за подчиненными—но едвали между этими лицами найдется много такихъ, которыя захотятъ и съумѣютъ организовать бдительный надзоръ за частною жизнью служащихъ. Циркуляръ легко можетъ оказаться „ударомъ шпаги по водѣ“ — но движеніе волнъ, образующихся на мѣстѣ удара, будетъ достаточно сильно, чтобы поколебать авторитетъ держащихъ шпагу.

Что понимаетъ циркуляръ подъ именемъ „борьбы съ правительствомъ“? Отождествляется ли здѣсь понятіе о правительствѣ съ понятіемъ о министерствѣ? Если да, то остается еще доказать, что отрицательное отношеніе къ случайнымъ, быстро мѣняющимся министрамъ умаляетъ значеніе власти. Столь же неопредѣленно понятіе о борьбѣ, обнимающее собою цѣлую скàлу оттѣнковъ, отъ сдержанной критики до ожесточеннаго порицанія, отъ пассивнаго неодобренія до прямого противодѣйствія. И чего же, въ концѣ концовъ, требуетъ отъ должностныхъ лицъ циркуляръ? Абсолютнаго нейтралитета, невозмутимаго равнодушія? Нѣтъ: онъ разрѣшаетъ участіе въ партіяхъ, стоящихъ на сторонѣ правительства (т.-е. министерства)— а отъ разрѣшенія, въ такихъ случаяхъ, очень недалеко до рекомендаціи. Членами партій, не подходящихъ подъ запретъ циркуляра, могутъ быть даже лица, стоящія во главѣ самостоятельныхъ частей управленія или отдѣльныхъ мѣстныхъ учрежденій; они не должны только принимать на себя руководящей роли и входить въ составъ партійныхъ бюро и комитетовъ. Ничто, слѣдовательно, не мѣшаетъ чиновникамъ всѣхъ степеней, отъ низшихъ до высшихъ, вступать въ ряды союза русскаго народа и ему подобныхъ организацій, очень мало озабоченныхъ охраненіемъ общественнаго спокойствія...

Не вполнѣ согласнымъ, въ этомъ отношеніи, съ циркуляромъ мо-

жетъ показаться опредѣленіе Сената, признавшаго, что судьи не могутъ примыкать, въ качествѣ членовъ, къ преслѣдующимъ политическія цѣли обществамъ, союзамъ и партіямъ. Различія между партіями, по ихъ направленію и окраскѣ, здѣсь не сдѣлано никакого. Нетрудно, однако, убѣдиться въ томъ, что практически опредѣленіе Сената не расходится съ циркуляромъ: стоитъ только припомнить, что высшее дисциплинарное присутствіе Сената, отъ котораго зависитъ воздѣйствіе на судей, приступаетъ къ разбору дѣлъ этого рода не иначе, какъ по предложеніямъ министра юстиціи. Понятно, что при господствѣ системы, породившей обсуждаемый нами циркуляръ, министръ юстиціи не станетъ привлекать къ отвѣтственности судей, примкнувшихъ къ одной изъ „благонамѣренныхъ“ партій и даже активно работающихъ въ ея духѣ. Оставаясь на почвѣ закона, высшее дисциплинарное присутствіе не будетъ въ правѣ уволить судью, вступившаго въ оппозиціонную партію: основаніемъ къ увольненію можетъ служить только безнравственный или предосудительный поступокъ, несовмѣстный съ достоинствомъ судейскаго званія. Нелегко будетъ мотивировать и менѣе строгую мѣру—перемѣщеніе въ другую мѣстность, на равную судейскую должность: для принятія ея необходимо, по закону, установить такія *дѣйствія* судьи, которыя „даютъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи имъ судейскихъ обязанностей“. Подобнымъ „дѣйствіемъ“ принадлежность судьи къ политической партіи очевидно считать нельзя... Если высшее дисциплинарное присутствіе не выйдетъ за предѣлы своей власти, циркуляръ о партіяхъ по отношенію къ судьямъ останется мертвой буквой.

ВЛАДИМІРЪ ДАНИЛОВИЧЪ СПАСОВИЧЪ

ВЪ ЕГО ПОСЛѢДНИХЪ ПИСЬМАХЪ

(Февраль - августъ 1906 г.).

Покойный Владиміръ Даниловичъ оставилъ Петербургъ всего четыре года тому назадъ, осенью 1902 года; угрожавшая ему тогда болѣзнь вынудила его искать болѣе мягкаго климата и менѣе суровой зимы; — такимъ образомъ, онъ переселился въ Варшаву. Но до того времени В. Д. прожилъ безвыѣздно въ Петербургѣ болѣе полувѣка, начиная съ 1845 года, — когда онъ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, явился въ Петербургъ 16-ти-лѣтнимъ юношей (род. въ 1829 г.). Окончивъ передъ тѣмъ курсъ гимназіи въ городѣ Минскѣ, мѣстѣ его рожденія въ семьѣ мѣстнаго доктора, онъ поступилъ въ здѣшній университетъ, на юридическій факультетъ, и кончилъ курсъ въ 1849 году. Я зналъ В. Д. и теперь еще хорошо помню его на университетской скамьѣ: я кончалъ курсъ по историко-филологическому факультету въ 1846—47 году, а Спасовичъ тогда только еще начиналъ (1845—46 г.). Въ половинѣ 50-хъ годовъ мы опять встрѣтились съ нимъ и сошлись на этотъ разъ гораздо ближе—на университетской каѳедрѣ, работая каждый по своему факультету: одновременно мы оставили и каѳедру (въ 1861 году), вмѣстѣ съ нашимъ профессорскимъ кружкомъ, во главѣ котораго стоялъ К. Д. Кавелинъ. Этотъ кружокъ сохранилъ дружественныя отношенія, и по оставленіи нами каѳедры, вплоть до 1865 года, когда въ этомъ же кружкѣ, подъ вліяніемъ отмѣны предварительной цензуры, въ Петербургѣ, закономъ 6-го апрѣля 1865 года, образовалась и вслѣдъ за тѣмъ осуществилась мысль объ основаніи научнаго журнала, какимъ и явился въ 1866 году „Вѣстникъ Европы“, который долженъ былъ отчасти замѣнить намъ оставленную нами каѳедру въ университетѣ.

Всѣ сорокъ лѣтъ существованія журнала В. Д. оставался неизмѣннымъ его сотрудникомъ [1]); и вотъ опять мы работали съ нимъ

[1]) Вотъ главнѣйшіе труды В. Д. Спасовича въ журналѣ, подписанные имъ:

Въ первый годъ изданія журнала, въ 1866 году: „Новѣйшая исторія Австріи“ (мартъ, сентябрь и декабрь). — Въ 1870 г.: „Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета“ (апр., май).)—Въ 1872 г.: „Польскія фантазіи на славянофильскую тему“ (августъ).—Въ 1873 г.: „Опытъ построенія соціологіи“ (апр.).—„Новѣйшая исторія Австріи“: „Десять лѣтъ реакціи“ (май, іюнь, декабрь).—1874 г: „Вопросъ о так-

вмѣстѣ, и нынѣшній разъ до самаго конца его замѣчательной жизни. Конечно, въ этотъ періодъ времени, В. Д. составилъ себѣ почетное имя и прочную славу на поприщѣ служенія Судебнымъ Уставамъ. Не и профессорская карьера В. Д., и особенно его судебная дѣятельность остались и останутся долгое время въ памяти не однихъ его современниковъ. Никто такъ вѣрно и съ такимъ мастерствомъ не начерталъ облика Спасовича, какъ на каѳедрѣ университета, такъ и въ судѣ, какъ Ан. Ѳ. Кони въ „Рѣчи", читанной имъ въ годовомъ собраніи петербургскаго „Юридическаго Общества", 23 февраля 1903 года [1]).

„Какъ сейчасъ вижу, — говорилъ А. Ѳ. Кони,—обширный думскій залъ, гдѣ читались въ 1862 году лекціи перваго свободнаго русскаго университета [2]), гдѣ раздавались вдохновенныя слова Кавелина—и гдѣ на эстраду, на которой была поставлена каѳедра, по три раза въ недѣлю входилъ быстрою походкою человѣкъ въ очкахъ, съ коротко остриженною головою, энергическимъ лицомъ и живыми, пронзительными глазами, въ глубинѣ которыхъ горѣло пламя мысли и смѣлаго стремленія къ истинному знанію. Сложное понятіе о преступленіи и наказаніи развивалось передъ внимательной и пестрой аудиторіей ярко и понятно, очень часто художественно, и всегда съ той широтой, которая одна даетъ уголовному праву основаніе называться наукой, а не сборомъ теоретическихъ положеній, чуждыхъ жизни и подчасъ тяжелыхъ для совѣсти человѣка.—Этотъ профессоръ—былъ Спасовичъ"...

называемой литературной собственности" (іюнь).—1880 г.: „Маркизъ А. Велепольскій, его рѣчь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ" (окт., ноябрь).—1881 г.:—Тоже (февраль, май, іюнь, декабрь). — 1885 г.: „Памяти К. Д. Кавелина" (іюнь). — „Разборъ послѣднихъ трудовъ Кавелина" (окт.). — 1887 г.: „Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго" (апрѣль).—1888 г.: „Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова" (мартъ, апр.). — 1889 г.: „Черногорія и имущественный законникъ Богишича" (февр.).—1891 г.: „Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права" (октябрь). — „Лермонтовъ въ книгѣ Н. Котляревскаго" (дек.). — 1894 г.: „Дружба Шиллера и Гёте" (февраль, мартъ, апр.).—1896 г.: „Адольфъ Павинскій, историкъ польскаго сеймика" (дек.). — 1897 г.: „Мережковскій и его „Вѣчные спутники" (іюнь). — „К. Д. Кавелинъ" (февраль). — „Чествованіе памяти Палацкаго" (окт.).—1899 г.—„Адамъ Мицкевичъ и его поэтическое творчество" (авг.).—1900 г.: „Эволюція романа по новой книгѣ П. Д. Боборыкина (окт.).—1891 г.: Вл. С. Соловьевъ, какъ публицистъ" (январь).—Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ (май, іюнь).

[1]) А. Ѳ. Кони „Очерки и воспоминанія. — Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки". Спб. 1906 г. Стр. 771 и слѣд.

[2]) По закрытіи университета въ сентябрѣ 1861 года, оставившіе каѳедру профессора, вмѣстѣ съ другими, какъ Костомаровъ, открыли курсы въ большой залѣ Городской Думы, что, дѣйствительно, имѣло видъ перваго опыта частнаго университета, не связаннаго административнымъ произволомъ, и потому „свободнаго" отъ такого произвола.

„Затѣмъ,—продолжаетъ ниже А. Ѳ. Кони,—мнѣ пришлось встрѣтиться со Спасовичемъ черезъ нѣсколько лѣтъ на службѣ Судебнымъ Уставамъ, которымъ онъ отдалъ свои лучшія силы. Вмѣстѣ со многими, сошедшими теперь со сцены, я былъ свидѣтелемъ его трудовъ и горячо привѣтствовалъ тѣ основы судебной этики, которыя закладывались имъ и въ судебныхъ преніяхъ, и въ опредѣленіяхъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Въ числѣ многихъ и многіе годы я восхищался его оригинальными непокорными словами, которыя онъ вбивалъ, какъ гвозди, въ точно соотвѣтствующія имъ понятія,—любовался его горячими жестами и чудесной архитектурой рѣчей, неотразимая логика которыхъ соперничала съ ихъ глубокою психологіей и указаніями долгаго и опытнаго житейскаго раздумья. Какъ часто приходилось представлять себѣ кого-либо, пришедшаго въ первый разъ послушать въ судъ *знаменитаго Спасовича* и сначала удивленно вопрошающаго себя: „Какъ, неужели это Спасовичъ? не можетъ быть"!—говорящаго себѣ, потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ:—„А вѣдь, пожалуй, это и онъ", и восклицающаго, наконецъ, съ восторгомъ:—„Да, это онъ! онъ и никто другой"! На поприщѣ судебныхъ состязаній намъ пришлось поработать вмѣстѣ... И побѣжденный, и побѣдитель, я возвращался домой всегда и прежде всего—благодарнымъ ученикомъ Спасовича"...

Переселеніе В. Д. Спасовича нисколько не измѣнило нашихъ отношеній; съ 1902 г. болѣзнь не позволила ему принимать участіе въ журналѣ, и въ 1901 году появились послѣднія его статьи, посвященныя воспоминаніямъ о нашихъ общихъ друзьяхъ: Вл. С. Соловьевѣ и В. А. Арцимовичѣ; но зато личная бесѣда замѣнилась перепиской. Благодаря этому обстоятельству, я могу теперь познакомить читателя, по крайней мѣрѣ, съ послѣдними письмами В. Д. Спасовича, писанными въ 1906 году; они представляютъ большой интересъ особенно для будущаго его біографа, какъ свидѣтельство того, что В. Д. до конца своей жизни внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что̀ совершалось въ эти послѣдніе годы у насъ; очевидно, связь его съ нами, въ теченіе 60-ти лѣтъ жизни въ нашей средѣ, окрѣпла до того, что онъ, и по удаленіи изъ Петербурга, мысленно продолжалъ жить съ нами.

Зиму съ 1905 на 1906 годъ В. Д., по совѣту врачей, долженъ былъ провести въ Ниццѣ, такъ какъ и климатъ Варшавы все еще недостаточно былъ благопріятенъ для него. Возвратившись изъ Ниццы въ Варшаву, еще въ началѣ февраля, онъ отвѣчалъ мнѣ:

Варшава 13 (26) февраля 1906 г.

„Дорогой М. М., не дожидаясь весны, я перебрался изъ Ниццы въ Варшаву, поздоровѣвъ. Сижу дома, берегусь отъ холодовъ и ни-

хожусь въ довольно сносномъ положеніи. Въ Ниццѣ я побывалъ на могилѣ Герцена; карточку съ изображеніемъ надгробнаго памятника прилагаю.—Войдя въ вагонъ спѣшнаго поѣзда въ Ниццѣ, 1/14 февраля, я уже не выходилъ изъ него вплоть до Варшавы, въ которой очутился, послѣ 50-ти часовъ ѣзды, въ пятницу 3/16 февраля.

„Вскорѣ затѣмъ я получилъ февральскую книжку „Вѣстника Европы" и накинулся на статью: „*Партія демократическихъ реформъ и ея программа*". Первое мое движеніе было — откликнуться на вызовъ, на стр. 787: „Лица, желающія присоединиться къ партіи, благоволятъ заявить о томъ письменно редакціи „Вѣстника Европы". Все въ программѣ, касающейся польской національности, одобрилъ я безъ оговорокъ.—Я противникъ самаго термина „автономія", коимъ пользуются, нерѣдко и вкривь, и вкось, мои земляки, воздерживаясь отъ точнаго ея опредѣленія. Это темное пятно служитъ имъ вмѣсто отверстія, изъ котораго они вытаскиваютъ, по возможности, побольше историческаго старья съ тѣмъ, чтобы его реставрировать. Никто не можетъ глядѣть одновременно и взадъ, и впередъ! Теперь намъ слѣдуетъ примыкать, а не отщепаться, и стать твердою ногою въ общероссійскомъ парламентѣ. Сила вещей поведетъ къ образованію промежуточныхъ, между центральными и губернскими учрежденіями, еще и областныхъ съ разноцвѣтными окрасками. Съ большинствомъ 59-ти §§ я мирюсь и имъ сочувствую, но есть между ними и такіе, которыхъ я не могу признать ни предрѣшенными *правилами*, ни широко распространенными *взглядами*, какъ исходнымъ пунктомъ для общей дѣятельности.

„Мы переживаемъ тревожный промежуточный моментъ, въ ожиданіи обѣщанной, но неготовой еще конституціи. Каждый подобный переходъ имѣетъ свои неотложные очередные вопросы, требующіе соглашенія, хотя бы и предвидѣлось, что, по минованіи тревожнаго момента, согласившіеся совсѣмъ разойдутся, и это даже въ ближайшемъ будущемъ. Въ Евангеліи сказано: „Довлѣетъ дневи злоба его". Есть и въ политикѣ золотое правило: *Quieta non movere*! Къ числу поднятыхъ, но не очередныхъ вопросовъ отношу я вопросъ о *правахъ женщинъ*, затронутый въ § 19 программы въ словахъ: „Представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія должно быть основано на всеобщемъ голосованіи *безотносительно къ полу*". Сочинявшій программу комитетъ устранилъ женщинъ отъ участія въ выборахъ въ Нижнюю Палату, въ Государственную Думу (§ 6). Маленькій начатокъ допущенія женщинъ къ выборамъ въ органы земскаго и городского самоуправленія существуетъ уже въ Городовомъ и Земскомъ Положеніяхъ, но онъ сдѣланъ только въ пользу владѣлицъ недвижимой собственности, которыя хотя и участвуютъ въ выборахъ, но только не лично, а лишь посредствомъ своихъ уполномоченныхъ. Вмѣсто того, чтобы только увеличить нѣсколько этотъ бутончикъ, параграфъ 19-ый программы вводитъ весь женскій полъ не въ одни выборы, но въ цѣлую область представительства въ мѣстномъ самоуправленіи, наравнѣ съ мужчинами, и, повидимому, съ допущеніемъ женщины къ должностямъ по этому самоуправленію. Разъ она будетъ, наравнѣ съ мужчинами, допущена въ городское и земское самоуправленіе, я не понимаю, какъ можно устранить ее логически отъ участія въ самомъ народномъ пред-

ставительствѣ, если не въ первой или Нижней Палатѣ, то во второй, въ Верхней, комплектуемой не по выбору населенія, а по назначенію отъ органа земскаго самоуправленія.—Лично я горячій сторонникъ эмансипаціи женщинъ, но полагаю, что это вопросъ весьма крупный и весьма еще далекій. Съ нимъ слѣдовало бы повременить, не подливая кипятку къ общественному броженію, которое и безъ того становится почти не въ моготу.

„Второе мое возраженіе противъ программы партіи относится къ настойчиво и сильно пропагандируемому въ ней „suffrage universel" по французскому образцу. Это учрежденіе сильно пропагандируется у насъ въ шаблонной формулѣ, состоящей изъ существительнаго: *голосованіе* съ четырьмя заученными—точно это слова молитвы—прилагательными: *всеобщее*, *равное*, *прямое и закрытое*. Параграфъ 5-ый дѣлаетъ для народнаго представительства одно малое изъятіе, выкидывая прилагательное *прямое*, пока не будетъ окончательно рѣшено, будутъ ли выборы въ Нижнюю Палату (Государственную Думу) прямые или двустепенные; но для мѣстнаго самоуправленія предлагаются полностью всѣ четыре прилагательныя, между тѣмъ какъ для мѣстнаго самоуправленія эта-то формула не годится, потому что голосованіе никакъ не можетъ быть всеобщее.

„Во всѣхъ устроенныхъ мѣстныхъ общежитіяхъ всѣ жители пользуются выгодами благоустроеннаго сожительства, но всю тяготу благоустройства несутъ на себѣ только плательщики особыхъ мѣстныхъ податей и сборовъ, т.-е. лица, подходящія подъ извѣстный имущественный цензъ. Къ нимъ слѣдовало бы присоединить въ подмогу жителей съ извѣстнымъ цензомъ по образованію. Помнится мнѣ, что М. М. Ковалевскій соглашался въ прежнее время на „suffrage universel" по итальянскому образцу, то-есть, при непремѣнномъ условіи, по крайней мѣрѣ, грамотности. Нынѣ онъ отступилъ, повидимому, отъ этого условія, подписавъ программу партіи.—Я лично опасаюсь для Россіи всеобщаго голосованія. Боюсь рискованнаго скачка въ неизвѣстное, въ виду отсталости и темноты громадныхъ массъ нашего крестьянскаго населенія.

„Третье и послѣднее мое возраженіе имѣетъ предметомъ *аграрную* политику программы, въ статьяхъ 36—46, посвященную осуществленію идеаловъ не „демократическихъ", а скажу напрямикъ—соціалистическихъ. Пунктъ *а* въ § 37 возлагаетъ на государство непосильную и прямо невозможную, на мой взглядъ, обязанность, которой донынѣ оно не несло,—надѣлять землею малоземельныхъ или безземельныхъ, на чужой почвѣ работающихъ земледѣльцевъ. Эти надѣлы будутъ, по § 40, не въ собственность, а въ пользованіе безсрочное,—слѣдовательно, повидимому, во владѣніе наслѣдственное. Программа предлагаетъ, такимъ образомъ, приступъ къ такъ-называемой аграрной *націонализаціи* земли. Дареніе малоимущимъ будетъ принудительное, въ сущности, на счетъ многоземельныхъ владѣльцевъ, получающихъ не настоящее, а лишь умѣренное вознагражденіе,—значитъ, будетъ сопровождаться извѣстнаго рода конфискаціею. Законъ установитъ не *минимальный*, какъ бы то слѣдовало, а *максимальный* размѣръ частнаго владѣнія, который будетъ продолжаться, пока вся земля каждой мѣстности будетъ раздана до тла, такъ какъ населеніе быстро

растетъ, между тѣмъ какъ къ земельной площади не прибавится ни одного вершка. При такихъ условіяхъ произойдетъ мельчаніе и исчезновеніе крупной, а затѣмъ и средней поземельной собственности. Это мельчаніе повлечетъ за собою уменьшеніе производительности земли, такъ какъ крестьянское хозяйство вездѣ и всегда отсталое и не интенсивное. Голодовки будутъ случаться чаще, нежели теперь.

„Аграрная политика программы похожа, на мой взглядъ, на гнѣздо, свитое московскимъ славянофильствомъ послѣдняго пошиба, идеализирующимъ общину и предполагающимъ ввести безсрочное владѣніе, вмѣсто собственности, даже и тамъ, гдѣ крестьянское владѣніе не общинное, а подворное (§ 40). Эта попытка совпадаетъ съ моментомъ, когда всѣ чувствуютъ, что „мужика“ надлежало бы сдѣлать полноправнымъ гражданиномъ, подчинивъ его одному общему для всѣхъ состояній гражданскому кодексу.

„Вамъ понятно, конечно, дорогой М. М., что, при всемъ своемъ западничествѣ, К. Д. Кавелинъ былъ, по части обожанія общины, полный славянофилъ. Не знаю, какъ бы онъ отнесся къ предложенію о націонализаціи земли, но могу васъ увѣрить, что и я, и мои земляки, почти всѣ, кромѣ немногихъ соціалистовъ, и вообще всѣ жители мѣстностей, гдѣ крестьянское владѣніе—не общинное, но подворное, мы—противники, мы—рѣшительные противники перенесенія къ намъ великорусскихъ общинныхъ мірскихъ порядковъ. Это отрицательное отношеніе къ общинному владѣнію отдѣляетъ насъ отъ коренной Россіи сильнѣе, чѣмъ какія бы то ни было сепаратистическія мечты объ автономіи. Мы надѣемся, что и въ Государственной Думѣ, по общинному безличному владѣнію, мы будемъ не сепаратисты, а большинство. Еще недавно, въ декабрьской книжкѣ „В. Е.“ за 1905 г. (Внутреннее Обозрѣніе), стр. 786, вашъ журналъ былъ съ нами за одно, говоря такъ: „Если осуществленіе соціалистическихъ идеаловъ не ставится въ Германіи на ближайшую очередь, то что же сказать о Россіи съ ея умственною и матеріальною отсталостью?! Цѣлесообразно ли уничтожить на мѣстахъ тѣ небольшіе культурные центры, какими служили довольно многія помѣщичьи усадьбы? Цѣлесообразно ли лишить мѣстное самоуправленіе точекъ опоры въ бывшихъ дѣятеляхъ, столь много успѣвшихъ сдѣлать скудными средствами и вопреки всякаго рода препятствіямъ...“

„Кончаю длинное письмо, предваряя, что оно написано, главнымъ образомъ, для вашего „субботняго“ кружка, въ особенности для К. К., А. Ѳ. и В. Д.“.

Между тѣмъ, здоровье В. Д. снова пошатнулось; письма его ко мнѣ становятся все рѣже и рѣже; во второй половинѣ апрѣля онъ пишетъ уже съ трудомъ:

Варшава. 20-го апрѣля (3-го мая) 1906 г.

„Вы, вѣроятно, имѣете извѣстіе обо мнѣ и о моемъ житьѣ-бытьѣ отъ нашего общаго знакомаго Анатолія Leroy Beaulieu, котораго мы чествовали въ Варшавѣ, и который направился въ Петербургъ созер-

пать, какъ выклёвывается цыпленокъ изъ своего яйца.—Я наблюдалъ въ первый разъ въ жизни избирательную агитацію, и она не пришлась мнѣ по душѣ—я радъ былъ, что меня миновала эта чаша, а могъ бы постараться, чтобы меня выбрали въ винницкомъ уѣздѣ, гдѣ я землевладѣлецъ, но я отклонилъ всякія этого рода предложенія. Они уже не по нашему съ вами возрасту; мы потрудились на своемъ вѣку и имѣемъ полное право на покой...

„Намъ приходится быть только зрителями спектакля, который весьма интересенъ. Но это еще цвѣточки, будутъ и ягодки; порою попадаются между ними и весьма кислыя,—тѣмъ не менѣе, я счастливъ, что дожилъ до нашего тревожнаго времени и не мирюсь съ пессимистическимъ взглядомъ на нашего Януса.

„Въ качествѣ больного я обреченъ на Наугеймскія воды, для пользованія которыми отправлюсь въ началѣ іюня стараго стиля. Очень хотѣлъ бы повидаться съ вами за-границей"...

Мѣсяцъ спустя, В. Д. извѣщаетъ, наконецъ, о своемъ отъѣздѣ на-воды и еще разъ возвращается къ мыслямъ о нашихъ дѣлахъ:

Варшава.—21 мая (4 іюня) 1906 г.

„Въ будущую субботу, 27 мая (9 іюня), ѣду лечиться въ Наугеймъ, съ сестрою, на пять недѣль. Около половины іюля я намѣренъ прокатиться куда-нибудь на взморье—вѣроятно, на берега Адріатическаго моря. Вернемся въ Варшаву въ началѣ русскаго сентября. Прошу васъ, дайте мнѣ вѣсточку, въ Bad-Nauheim (Hessen), p.-r., о томъ, куда поѣдете вмѣстѣ съ Л. И. Постараюсь направить свой обратный путь такимъ образомъ, чтобы съ вами повидаться...

„Тяжело жить: день ото дня не легче! Нравы общественные страшно дичаютъ; взрывы бомбъ, выстрѣлы, грабежи и убійства совершаются каждый божій день—и на улицѣ! Тошно иногда становится и отъ того, что говорятъ и пишутъ даже наши литературные друзья и единомышленники,—напримѣръ, отъ того, что печатаетъ въ органѣ, съ которымъ и вы находитесь въ близкихъ отношеніяхъ—одинъ изъ его столповъ. Группа друзей этого органа отошла въ „правую" сторону отъ „кадетовъ", чтобы не быть заодно съ революціонерами и анархистами, и дала себѣ особое названіе. На дѣлѣ однако, выходитъ что эту новую партію заполонилъ „блокъ" „кадетовъ" и повлекъ на приступъ... Меня также удивляетъ и то, что партія демократическихъ реформъ не заняла особаго положенія и не выдѣлилась изъ „блока"...

„Я радъ, что я не въ Петербургѣ и не засѣдаю въ Думѣ. У правительственныхъ министровъ, мало впрочемъ образованныхъ, находится, однако, довольно здраваго смысла, чтобы понять, что Думу, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ разгонять...

„Надѣюсь, что скоро увижусь съ вами гдѣ-нибудь на Рейнѣ"...

Но эта надежда и обоюдныя желанія не осуществились, какъ не осуществился и планъ В. Д. прогуляться на берега Адріатики: воды

вовсе не облегчили больного. Возвратившись въ Варшаву, онъ пишетъ мнѣ—и на этотъ разъ послѣднее письмо, недѣли за двѣ до смерти.

Варшава.—25 авг. (7 сент.) 1906 г.

„Достойнѣйшій нашъ староста [1]) и юбиляръ М. М.

„Вопреки ожиданіямъ, мы не съѣхались съ вами лѣтомъ за-границею, и васъ я потерялъ изъ виду въ Маріенбадѣ, а самъ вернулся въ Варшаву, болѣе больнымъ, чѣмъ до отъѣзда за-границу. Знаю я, что если не тѣлесно, то душевно вы будете присущи 28 сего августа, въ понедѣльникъ, въ Петербургѣ, гдѣ собираются справить вашъ тройной юбилей: восемьдесятъ лѣтъ отъ рожденія, шестьдесятъ—литературнаго труда, и сорокъ—издательства „Вѣстника Европы". Настоящее посланіе должно привести въ извѣстность право старѣйшихъ и преданнѣйшихъ вашихъ друзей, стоящихъ у самой средины юбилейнаго кружка, чествовать васъ; я моложе васъ и бывалъ еще студентомъ на вашихъ лекціяхъ; въ литературной дѣятельности мы были неразлучно въ одномъ и томъ же лагерѣ; мы были когда-то апостолами того либерализма, который слылъ у противниковъ нашихъ, лѣвой стороны передовыхъ, буржуазнымъ. Мы пытались (въ началѣ 80-хъ годовъ), подъ вашимъ главенствомъ, создать „порядокъ" (названіе газеты), который былъ, однако, какъ опережающій свое время, закрытъ (въ январѣ 1882 г.)... Послѣ сорока лѣтъ существованія, органъ вашъ, по моему мнѣнію, не нуждается въ измѣненіи: онъ всегда стоялъ за всякій прогрессъ, но легальный, за всякую эволюцію, но не революцію, за установленіе порядка по соглашенію всѣхъ партій на аренѣ парламента—безъ кровопролитія и убійствъ"...

— — —

Такимъ сердечнымъ привѣтомъ журналу, въ которомъ онъ работалъ, начиная съ его основанія, заканчивается послѣднее письмо В. Д., полученное мною незадолго до печальной вѣсти о его кончинѣ, въ 10 часовъ вечера 13-го октября. При жизни В. Д. имѣлъ немало враговъ въ печати, но замѣчательно то, что смерть его вызвала единодушное сочувствіе къ покойному и признаніе за нимъ заслугъ на различныхъ поприщахъ общественной жизни.

М. Ст.

[1]) Шутка В. Д. относится къ моему старѣйшинству, въ нашемъ кружкѣ, по возрасту: впрочемъ, самъ В. Д. былъ моложе меня всего на три года.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1906

I.

— Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. М. 1906.

„Эмиль Верхарнъ долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ поэтовъ, пищущихъ въ наши дни на французскомъ языкѣ. Онъ принадлежитъ къ числу писателей, именемъ которыхъ означаются цѣлыя эпохи. Вліяніе его только недавно начало расти, но невозможно предвидѣть, какъ широко распространится оно во всемірной литературѣ. Верхарнъ создалъ свой міръ поэзіи, какъ создали свой міръ Данте, Шекспиръ, Гете, Гюго, Ибсенъ. Онъ разработалъ темы, которыхъ до него почти не касались, онъ создалъ новые пріемы въ литературѣ, которымъ еще долго будутъ подражать, онъ преобразовалъ и оживилъ французскій стихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Верхарнъ—одинъ изъ современнѣйшихъ поэтовъ, и, можетъ быть, не далеки отъ истины тѣ, кто называютъ его Дантомъ современной европейской жизни. Знакомство съ Верхарномъ столь же необходимо для мыслящаго человѣка, какъ знакомство со всѣми великими дѣятелями искусства“. Такъ опредѣляетъ Верхарна г. Брюсовъ. Неподдѣльное увлеченіе, которымъ согрѣты эти строки, понятно въ переводчикѣ, сроднившемся съ поэтомъ въ процессѣ анатомированія и оживленія его души. „Онъ создалъ свой міръ поэзіи...“ Это—высшая похвала и величайшая дань признанія для поэта, независимо отъ того, согласится ли исторія обозначить его именемъ эпоху, или изберетъ другой способъ увѣковѣченія его памяти.

Да, Верхарнъ создалъ особый міръ поэзіи и жизни. Его пѣсни—

невѣтныя пѣсни, въ которыхъ отразился тревожный и порывистый духъ, неукротимо рвущійся къ тайнамъ, къ „безумнымъ неизвѣстностямъ", гдѣ испаряется мысль и зарождается туманность чувства. Ступени развитія болѣзненно-чуткой души поэта вели его отъ здороваго, свѣжаго реализма „фландрской деревни" къ высотамъ сверхъчувственныхъ постиженій, къ символамъ вѣчнаго, страдальчески разбросаннаго въ жизни. Но и здѣсь Верхарнъ не однообразенъ и ничего не отдаетъ прошлому безвозвратно—ни цѣльнаго чувства любви къ конкретной обыденности „быта", ни красоты родныхъ деревень и луговъ. „Не однообразенъ"—мало сказать. Изъ современныхъ поэтовъ едва ли можно назвать другого, кто былъ бы столь переливчато-измѣнчивъ въ настроеніяхъ и образахъ, какъ Верхарнъ. Это—неистощимый родникъ всего, отъ чего свѣтится и темнѣетъ душа—восторга, безумія, любви, отчаянья, скорби, муки; у него это—безчисленныя тропинки, на которыя разбилась и разсыпалась жизнь,—онѣ ведутъ въ міръ непостигнутаго, не схваченнаго словомъ, онѣ усѣяны шипами и розами, надъ ними носятся туманы, скрывающіе солнце...

О, вѣчно ль небесамъ мечтать въ алмазномъ снѣ?
И сонмамъ звѣздъ глядѣть съ своихъ высотъ ко мнѣ
Неумолимо и сурово?
И вѣчно-ль не сорвать покрова
Предъ золотой Изидой въ вышинѣ!

Такъ переводитъ г. Брюсовъ послѣднюю строфу одного изъ безумнѣйшихъ, по страстному порыву мысли, стихотвореній Верхарна („Числа"). Въ этой формѣ ставитъ Верхарнъ старый, какъ муки человѣчества, вопросъ души, не довольствующейся внѣшней жизнью. Мысль фламандскаго поэта не устремляется въ „алмазный сонъ" небесъ. Она проникаетъ глубоко въ землю, стремясь исторгнуть тайну у „духа земли". Страстная пытливость придаетъ его языку необыкновенную оригинальность, силу, рѣжущую стремительность мысли.

Aubes rouges, midis fumeux, couchants vermeils,
Dans le tumulte violent des heures
Elles demeurent;
Et leur âme, par au-delà du temps et de l'espace,
S'éternise, devant le flux et le reflux qui passent.
Et la première c'est la force
Epanouie ou souterraine,
Multipliée en poings, en bras, en torses,
Ou tout à coup sereine,
Dans un cerveau suprême et foudroyant.
Par à travers l'or effrayant,
Les cris, la chair, le sang, la lie,
Elle apparait: celle qui tend ou qui délie
L'énorme effort humain bandé vers la folie.

Кажется, никакой другой языкъ не въ силахъ передать это пылкое воображеніе, эту стремительность и остроту. Въ особенности русская рѣчь, сила которой не въ энергіи и не въ рѣзкой металличности образовъ, но въ льющейся мягкости, въ легкости переходовъ отъ образовъ къ чувству, отъ мысли къ настроеніямъ. Если въ пьесахъ энергіи и силы, въ родѣ „Le Forgeron", гдѣ слышатся оглушающіе удары молота о наковальню, Верхарнъ, въ переводѣ г. Брюсова, нѣсколько смягчается, то это не вина переводчика. Онъ сдѣлалъ все, чтобы приблизиться къ оригиналу, не становясь его рабомъ, достигъ возможной близости подлинника и, во многихъ строфахъ, желѣзной твердости и сухости стиха.

Son front
Exempt de crainte et pur d'affronts,
Sur les flammes se penche, et tout à coup rayonne.
Devant ses yeux, le feu brûle en couronne.
Ses mains grandes obstinément
Manient, ainsi que de futurs tourments,
Les marteaux clairs, libres et transformants
Et ses muscles s'élargissent, pour la conquête
Dont le rêve dort en sa tête.

У г. Брюсова:

Вотъ онъ,
Сомнѣній чуждъ и чуждый страха,
Склоненный подъ огнемъ, внезапно озаренъ,
И пламя передъ нимъ, какъ рядъ живыхъ коронъ.
Вотъ, молотъ бросивши съ размаха,
Его вздымаетъ онъ, упрямъ и напряженъ,
Свой молотъ, изъ руды творящій
Оружіе побѣдъ,
Тѣхъ, что провидитъ онъ за далью лѣтъ!

Это—не переводъ, это почти перековка металла изъ одной въ другую — близкую форму, и она говоритъ объ огромномъ трудѣ переводчика, о большой чуткости къ оригиналу.

Смягченнымъ является Верхарнъ и въ своей знаменитой „La Révolte", гдѣ переводчикъ съ большимъ тактомъ обходитъ всѣ образы, которые могли бы рѣзко нарушить строй его перевода и разбить звуковую волну русской рѣчи. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ образчиковъ перевода г. Брюсова въ названной пьесѣ.

La toux des canons lourds,
Les lourds hoquets des canons sourds
Mesurent seuls les pleurs et les abois de l'heure.
Les cadrans blancs de carrefours obliques,
Comme des yeux en des paupières,

Sont défoncés à coups des pierres:
Le temps normal n'existant plus
Pour les coeurs fous et résolus
De ces foules hyperboliques.

Въ переводѣ:

Гулы глухіе орудій
(Кашель чугунный безжалостныхъ грудей)
Мѣрятъ печальные вздохи минутъ.
Циферблаты разбиты на башняхъ высокихъ,
Не льется на площади ровный ихъ свѣтъ
(Словно очи столицы смежили рѣсницы);
Времени болѣе нѣтъ
Для сердецъ опьяненныхъ, жестокихъ,
Для толпы, свершающей судъ!

Передача *впечатлѣнія* подлинника—основная задача г. Брюсова, и ей онъ не разъ приноситъ въ жертву близость къ оригиналу и точность. Но, взамѣнъ этого, переводчикъ достигаетъ поразительныхъ эффектовъ въ передачѣ общаго колорита и настроенія. Вотъ, напримѣръ, строфа изъ пьесы „Le Vent", порывистой, пронизанной дрожью осенняго холода и тоски.

Dans les étables lamentables,
Les lucarnes rapiécées
Ballottent leurs loques falotes
De vitres et de papier.
— Le vent sauvage de Novembre!—
Sur sa butte de gazon bistre,
De bas en haut, à travers airs,
De haut en bas, à coups d'éclairs,
Le moulin noir fauche, sinistre,
Le moulin noir fauche le vent,
Le vent
Le vent sauvage de Novembre.

„Точность"—неприложимое понятіе въ передачѣ подобныхъ стиховъ, и г. Брюсовъ, естественно, менѣе всего думалъ о „точности", когда переводилъ:

...Вотъ старой рамой
Стучитъ упрямо;
Вотъ въ крышѣ стонетъ, словно проситъ
И молкнетъ съ яростью безсилья.
А тамъ, надъ краснымъ краемъ рва,
Большія мельничныя крылья
Летящій вѣтеръ косятъ, косятъ—
Разъ-два, разъ-два...

Иногда же, стремясь къ передачѣ впечатлѣнія, г. Брюсовъ слишкомъ далеко отходитъ отъ оригинала и свободно разрабатываетъ

сюжетъ, не стѣсняясь дополнять картину новыми образами, что̀ приближаетъ переводъ къ импровизаціи на извѣстный мотивъ. Такова, напр., передача стихотворенія „Au Nord".

Deux vieux marins des mers du Nord
S'en revenaient, un soir d'automne,
Da la Sicile et de ses îles mensongères,
Avec un peuple de Sirènes,
A bord.

De la rive, les gens du port
Les regardaient, sans faire un signe:
Aux cordages, le long des mâts
Les Sirènes, couvertes d'or,
Tordaient, comme des vignes,
Les lignes
Sinueuses de leurs corps.
Les gens se regardaient, ne sachant pas
Ce qui venait de l'océan, là-bas,
Malgré les brumes,
Le navire semblait comme un panier d'argent
Rempli de chair, de fruits et d'or bougeant
Qui s'avançait, porté sur des ailes d'écume.

. . . . . .

Ils ne reconnurent ni leurs amis
—Les deux marins—ni le navire de leur pays,
Ni les focs, ni les voiles
Dont ils avaient cousu la toile,
Ils ne comprirent rien à ce grand songe
Qui enchantait la mer de ses voyages,
Puisqu'il n'était pas le même mensonge
Qu'on enseignait, dans leur village;
Et le navire auprès du bord
Passa, les allèchant vers sa merveille,
Sans que personne, entre les treilles,
Ne recueillît les fruits de chair et d'or.

Стоитъ только сравнить съ этими воздушными, нѣжными абрисами поэтической грусти переводъ г. Брюсова, чтобы видѣть, какой упорной борьбой достигается русское выраженіе пьесы, и какимъ диссонансомъ звучатъ, сравнительно съ подлинникомъ, неизбѣгнутые прозаизмы:

Два моряка возвращались на сѣверъ.
Ихъ челнъ не боится осенниxъ тумановъ!
Въ царствѣ садовъ, и дворцовъ, и обмановъ,
Какъ добыча, досталась имъ въ плѣнъ
Семья сиренъ.

Толпились на пристани люди.
Толпа изумленно глядѣла
На челнъ, увлекаемый крыльями пѣны.
Привязаны къ мачтамъ сирены
— Къ небесамъ устремленныя груди —
Извивали линіи тѣла,
И золото ихъ украшеній горѣло.
Глядѣла толпа изумленно,
Не зная, что близится къ нимъ съ океана.

Сквозь дымку тумана
Казались корзиной серебряной челны,
Наполненной вверхъ золотыми плодами,
Золотыми живыми цвѣтами.

Они не узнали друзей—двухъ моряковъ—
Имъ знакомыхъ давно.
Не узнали снастей, ни ихъ парусовъ,
А сами соткали для нихъ полотно.
Молчаливые, косные люди!

И мимо прошелъ торжествующій сонъ,
На мигъ озаривъ ихъ родной небосклонъ.
Для тысячей нѣмъ,
Не понятъ никѣмъ,
Ибо слишкомъ онъ былъ непохожъ
На скучную ложь,—
На разсказы учителей мѣстныхъ...

Все нѣжное, воздушное, граціозно-любовное въ поэзіи Верхарна, чѣмъ полны, напримѣръ, его „Les heures d'après midi", еще не нашло своего выраженія у г. Брюсова въ настоящей книгѣ, отведенной по преимуществу „стихамъ о современности", гдѣ трепещетъ и бьется въ тискахъ непостижности и сомнѣнія во все извѣрившаяся и неустанно-пытливая мысль. Поэту кажется, что человѣкъ „въ неистовствѣ все знать, все взвѣсить, все измѣрить" достигнетъ, наконецъ, и счастья, и свободы, найдетъ свои „всемірныя права", но кончаетъ насмѣшливымъ восклицаніемъ: права и долгъ—„лишь бѣглыя мечтанья", плѣняющія молодежь: да здравствуетъ жизнь, исполненная сознанья, что „радость—въ буйствѣ силъ, въ ихъ полнотѣ!"

Поэзія толпы, большихъ городовъ, массовыхъ движеній такъ же близка душѣ Верхарна, какъ и поэзія ужаса и смерти. Когда онъ изображаетъ улицу въ день возстанія, слышится гулъ и ревъ обезумѣвшей, опьяненной толпы, и залпы орудій, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется вѣяніе мечты, во имя которой люди идутъ умирать. Это прекрасно передано г. Брюсовымъ въ нервныхъ и сильныхъ звукахъ, въ образахъ, разительныхъ своеобразіемъ и чеканкой. Но ужасъ, неподдѣльный ужасъ картины, отъ которой дыбомъ встаютъ волосы,—

неожиданно разрѣшается у Верхарна раздумьемъ, разсудительнымъ, взвѣшивающимъ взглядомъ со стороны.

Все, что мечталось когда-то,
Что геніи, въ пѣснѣ крылатой,
Провидѣли въ темной дали,
Что въ души, какъ сѣвъ, западало,
Чѣмъ души, какъ травы, цвѣли,
Все встало,
Въ мигѣ, смѣшавшемъ, какъ сплавъ:
Ненависть, силу, сознаніе правъ!..

Верхарнъ воспѣваетъ Лондонъ, „чугунный и желѣзный", банкира, рѣшающаго „судьбы царствъ и королей", „женщину въ черномъ" на перекресткѣ, моръ, картины старыхъ фламандскихъ мастеровъ, постигнувшихъ „всю красоту, всю прелесть тѣлъ", вѣтеръ,—поэтъ неистощимъ въ сюжетахъ, безконечно-разнообразенъ въ настроеніяхъ и стилѣ. Онъ не избѣгаетъ прозаизмовъ и не боится образовъ, рѣзкихъ для слащаво-воспитаннаго вкуса. Есть прозаизмы, едва ли, впрочемъ, преднамѣренные, и въ переводѣ г. Брюсова, есть и неудачныя выраженія, но мы на нихъ останавливаться не будемъ: они — мало замѣтная мелочь въ большомъ трудѣ переводчика; кромѣ того, въ одномъ изъ критическихъ разборовъ они были уже отмѣчены. Самъ же переводчикъ, давшій въ предисловіи живую и продуманную характеристику творчества Верхарна, говоритъ о своихъ переводахъ слѣдующее: „выборъ переведенныхъ пьесъ довольно случаенъ. Никто, съ такимъ горькимъ сознаніемъ, какъ переводчикъ стиховъ, не повторяетъ стараго изреченія: „Въ искусствѣ дѣлаешь не то, что хочешь, но что можешь". Мои переводы даютъ не то, что я считаю самымъ характернымъ у Верхарна, но то, что мнѣ удалось перевести удачнѣе другого. Верхарномъ написано около двадцати сборниковъ стихотвореній, обнимающихъ въ общемъ до 400 пьесъ, часто очень длинныхъ, по 80 — 100 стиховъ. Я даю здѣсь въ своемъ переводѣ менѣе двадцати поэмъ, и, разумѣется, онѣ не могутъ ознакомить читателей со всѣми сторонами многообразнаго творчества Верхарна. Скажу прямо: переведенныя мною пьесы отражаютъ болѣе или менѣе полно лишь одну сторону въ поэзіи Верхарна, являютъ его, прежде всего, какъ пѣвца современности".

Но и этихъ переводовъ достаточно, чтобы сообщить читателю наиболѣе яркія черты творчества Верхарна: любовь къ жизни, движенье и порывъ.

Паденье и полетъ, величье и позоръ,—
Преображаетъ все костеръ существованья.
О, только-бъ, кругозоръ смѣнивъ на кругозоръ,
Всегда готовымъ быть на новыя исканья!

Это такъ характерно для Верхарна!

За стихами въ книгѣ г. Брюсова слѣдуютъ нѣсколько образчиковъ прозы Верхарна и библіографія его произведеній и литературы о немъ.

II.

— Нелидовъ, Ѳ. Ѳ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. 1-я часть. М. 1906.

— Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка. М. 1906.

— Келтуяла, В. А. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія. Ч. I. Исторія древней русской литературы. Книга первая. Спб. 1906.

— Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Ч. I.—Вып. I. (Народная словесность); ч. I.—Вып. II. (Исторія литературы съ XI—XVIII вв.). Ч. II. (Исторія литературы съ эпохи Петра до Пушкина).

Въ хорошихъ учебникахъ и руководствахъ для изученія русской словесности давно существуетъ пробѣлъ, и нельзя не порадоваться тому, что съ разныхъ сторонъ предпринимаются попытки удовлетворить этой потребности тѣмъ или инымъ способомъ. Къ сожалѣнію, на пути къ наилучшему осуществленію задачи, предстоящей составителямъ такихъ руководствъ, которыя, вмѣстѣ съ отрицаніемъ всего устарѣлаго и шаблоннаго въ прежнихъ руководствахъ, заключали бы въ себѣ итоги глубокаго и разносторонняго изученія, стоятъ оффиціальныя программы, которыя измѣняются крайне медленно и все еще полны схоластики и казеннаго формализма. Забывая ту атмосферу общественныхъ интересовъ, въ которой воспитывается въ настоящее время учащаяся молодежь, оффиціальное руководительство его просвѣщеніемъ усиливается искусственно удержать молодую мысль на той ступени изученія родной литературы, за которой начинается критическое отношеніе къ дѣйствительности, изъ опасенія, можно думать, „превратныхъ толкованій“ и „вольнодумства“. Но „вольнодумство“, какъ извѣстно, проникаетъ въ головы учащихся многими путями, которыхъ не въ силахъ преградить никакія программы, а „превратныя толкованія“ не становятся менѣе превратными оттого, что изъ школьныхъ стѣнъ изгнано изученіе цѣлаго ряда литературныхъ явленій высокой художественной и общественно-идейной цѣнности. Это налагаетъ такой отпечатокъ на книгу, что по отношенію къ изображенію литературы въ XIX вѣкѣ, положенный въ основу изложенія принципъ „примѣнительно“ или „непримѣнительно“ къ оффиціальнымъ программамъ является первымъ отличительнымъ признакомъ для книгъ одного и другого рода. Въ этомъ смыслѣ мы привѣтствуемъ книгу г. Нелидова, предназначаемую имъ для ознакомленія съ „талантливѣйшими русскими писателями послѣгоголевскаго періода, проложившими

русской литературѣ широкую дорогу въ Европу, но до сихъ поръ еще не удостоившимися занять соотвѣтствующаго ихъ первокласснымъ талантамъ мѣста въ русской школѣ".

Исходя изъ того основанія, что средняя школа тщательно обходитъ молчаніемъ все наиболѣе важное для историческаго изученія: вліяніе окружающей среды, идейныхъ теченій, общественныхъ настроеній,—г. Нелидовъ, повидимому опытный педагогъ, вноситъ такое пониманіе въ задачи школьнаго изученія литературы: „Если мы искренно желаемъ воспитать подрастающее поколѣніе въ лучшихъ идеяхъ, возбудить въ немъ высокія нравственныя стремленія, то мы должны позаботиться о возможномъ сближеніи школьнаго преподаванія съ серьезными запросами жизни, къ чему изученіе новѣйшей литературы нашей служитъ наилучшимъ средствомъ. Отзывчивость нашихъ писателей на потребности времени обязываетъ насъ обратить особенное вниманіе на идейную сторону ихъ произведеній, познакомиться съ историческими условіями, при которыхъ имъ пришлось развиваться и дѣйствовать, и съ тѣми задачами, которыя ставило передъ ними ихъ время. Нельзя поэтому выбрасывать изъ программы такихъ писателей, какъ Бѣлинскій, Достоевскій, Л. Н. Толстой, такихъ поэтовъ, какъ Некрасовъ, и суживать задачу школьнаго изученія литературы, ставя исключительною его цѣлью „выработку эстетическаго вкуса и стиля" учащихся. Нельзя также давать кое-какіе обрывки ихъ біографій и кое-что изъ ихъ произведеній, тенденціозно выбравши наименѣе затрогивающее окружающую жизнь, наиболѣе удаленное отъ живыхъ ея вопросовъ".

Посвящая первую часть „Очерковъ" исторіи литературы Николаевской эпохи, г. Нелидовъ сосредоточиваетъ преимущественное вниманіе на Герценѣ и Бѣлинскомъ, какъ на наиболѣе яркихъ и талантливыхъ выразителяхъ своего времени. Своему изложенію авторъ предпосылаетъ нѣсколько предварительныхъ и, замѣтимъ, чрезвычайно обдуманныхъ замѣчаній, касающихся выясненія понятія „исторіи литературы", какъ науки, ея объема и задачъ, во „введеніи" же дается краткій общій обзоръ всей русской литературы, отъ начала письменности до 30-хъ годовъ XIX ст. Слѣдуя во взглядѣ на общественный характеръ Николаевской эпохи, въ значительной степени, автору „характеристикъ литературныхъ мнѣній", г. Нелидовъ останавливается, между прочими, на слѣдующихъ вопросахъ: „Вліяніе правительственной системы въ царствованіе Николая I на общественную жизнь и литературу", „Нѣмецкая идеалистическая философія и ея вліяніе на русское общество 30-хъ и 40-хъ годовъ", „Вліяніе западно-европейской поэзіи и утопическаго соціализма", „П. Я. Чаадаевъ", „Общественное движеніе 40-хъ годовъ" и др. Въ необходимыхъ случаяхъ

авторъ останавливается на философскихъ и литературныхъ явленіяхъ Запада, сжато и мѣтко характеризуетъ ихъ вліяніе и связи съ умственными теченіями въ Россіи. Основная точка зрѣнія автора—прогрессъ во имя свободной общественности и науки; достоинства его изложенія — популярность, ясность, отчетливость; коренная особенность — преобладаніе общественно-историческаго элемента надъ художественнымъ, что заставляетъ автора подолгу останавливаться на фактахъ, самихъ по себѣ интересныхъ, но ближайшаго отношенія къ литературѣ въ собственномъ смыслѣ не имѣющихъ.

Что возможно сдѣлать при „новыхъ", „расширенныхъ" программахъ учебнаго курса, допустившихъ нѣкоторыхъ писателей послѣгоголевскаго періода, сдѣлано г. Саводникомъ въ его „Очеркахъ". Избѣгая, въ нѣкоторую противоположность г. Нелидову, всего спорнаго, узко-субъективнаго, авторъ отказался отъ мысли дать общую картину литературнаго движенія во вторую половину XIX вѣка, ограничившись характеристикой наиболѣе выдающихся писателей въ связи съ ихъ важнѣйшими трудами. „Изъ числа писателей, не включенныхъ въ программу,—несмѣло замѣчаетъ г. Саводникъ,—авторъ рѣшился внести въ свою книгу С. Т. Аксакова, какъ одного изъ наиболѣе яркихъ представителей русскаго національнаго духа въ литературѣ. Но зато онъ счелъ себя вынужденнымъ исключить изъ учебника оцѣнку дѣятельности новыхъ русскихъ поэтовъ",—потому, какъ объясняетъ г. Саводникъ, что, съ одной стороны, было бы затруднительно дать въ сжатомъ видѣ сколько-нибудь полную характеристику, а съ другой — изъ боязни не избѣжать субъективности въ ихъ оцѣнкѣ. Стремясь сдѣлать свою книгу по возможности обстоятельной въ отношеніи фактическихъ свѣдѣній и оставаясь на почвѣ научнаго объясненія фактовъ, авторъ съ большимъ вниманіемъ относится къ эстетическому и моральному элементамъ литературныхъ произведеній, хотя подъ часъ излишняя боязнь субъективности держитъ автора подъ властью шаблонныхъ опредѣленій и устарѣлыхъ пріемовъ въ разборѣ художественныхъ произведеній. Первая часть книги посвящена характеристикѣ литературныхъ направленій первой половины девятнадцатаго вѣка, затѣмъ, главнымъ образомъ, изображенію дѣятельности Пушкина, затѣмъ слѣдуютъ Лермонтовъ, Гоголь. Во второй части авторъ останавливается на дѣятельности С. Т. Аксакова, Тургенева (наиболѣе обстоятельно), Гончарова, Островскаго, Л. Н. Толстого и Достоевскаго. Изложеніе отчетливое и ясное. Книга г. Саводника, страдая общимъ недостаткомъ общественно-историческаго фона, тѣмъ не менѣе служитъ полезнымъ руководствомъ и представляетъ серьезный полезный вкладъ въ нашу педагогическую литературу.

Г. Келтуяла предназначаетъ свой курсъ исторіи русской литературы въ пособіе лицамъ, стремящимся къ самообразованію. Это пока еще первая часть, посвященная исторіи древней русской литературы. Въ основу своего изложенія авторъ полагаетъ два принципа—соціологическій и хронологическій. „Моей основной задачей было—изложить исторію русской литературы такъ, чтобы изучающіе предлагаемый „курсъ" вынесли изъ него, съ одной стороны, достаточный запасъ историко-литературныхъ свѣдѣній, а съ другой,—отчетливое пониманіе хода развитія русской литературы и его условій". Въ зависимости отъ этого авторъ даетъ подробное изложеніе содержанія произведеній русской литературы, справедливо полагая, что знать исторію литературы въ ея развитіи нельзя безъ предварительнаго знакомства съ ея произведеніями. Работа г. Келтуялы — большая, обстоятельная и въ высшей степени продуманная работа, въ которой онъ проявилъ большую самостоятельность, какъ въ выборѣ, такъ и въ распредѣленіи матеріала. Многія его объясненія гипотетичны, но его добросовѣстное отношеніе къ источникамъ и спорнымъ мнѣніямъ заставляютъ видѣть въ нихъ результатъ серьезной критической мысли, способной пробудить въ молодыхъ читателяхъ и любознательность, и столь же критическое отношеніе. Въ основу соціологическаго принципа авторъ пытается положить идею о классовомъ происхожденіи и характерѣ древней русской литературы.

Но одно дѣло — пособія, которыя предназначены для чтенія, для свободнаго и болѣе или менѣе самостоятельнаго изученія, и другое дѣло—учебники, по которымъ гг. педагоги будутъ заставлять учить, а кое-гдѣ и „зубрить" своихъ учениковъ. Трудъ ихъ составленія—сложный и въ высшей степени отвѣтственный трудъ, и требованія къ нимъ должны быть предъявляемы совсѣмъ другія. Изъ лежащихъ передъ нами книгъ для цѣлей учебника предназначаются книги г. Сиповскаго, автора нѣсколькихъ ученыхъ работъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросамъ педагогическаго дѣла. Выпуская на книжный рынокъ свои учебники, г. Сиповскій тоже отвѣтилъ несомнѣнной потребности, но, къ сожалѣнію, его работа не во всѣхъ частяхъ представляетъ удачное разрѣшеніе назрѣвшей школьной нужды въ отношеніи исторіи литературы. Позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на той изъ частей его учебника, которая наиболѣе, по нашему мнѣнію, нуждается въ переработкѣ.

Въ предисловіи къ первому выпуску первой части, посвященному ученію о народной словесности, г. Сиповскій дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, въ которыхъ онъ указываетъ отличительныя черты своего изложенія. „Всѣмъ извѣстно,—говоритъ авторъ,—какъ печально поставлено у насъ школьное изученіе народной поэзіи: въ большинствѣ

случаевъ, ни интереса, ни любви этотъ важный отдѣлъ у молодежи не возбуждаетъ; въ учебникахъ излагается онъ сжато, даже скомканно, тоже безъ всякаго интереса и любви, безъ малѣйшаго желанія освѣжить старый, давно изношенный матеріалъ, безъ попытки внести въ освѣщеніе этого матеріала новое слово". Новое слово г. Сиповскаго прежде всего тотъ субъективный элементъ, котораго такъ боится г. Саводникъ. Въ своей работѣ г. Сиповскій—„не старался маскировать свою любовь къ народному творчеству тѣмъ сухимъ и безличнымъ изложеніемъ, которое обычно въ нашихъ учебникахъ; я не побоялся внести въ этотъ элементарный курсъ и „немножко учености" съ цѣлью показать ученикамъ, какъ изучается народное творчество, какъ оно сложно, богато и разносторонне по своимъ пріемамъ, содержанію и настроеніямъ; я сознательно не избѣгалъ ссылокъ на имена русскихъ изслѣдователей—съ цѣлью показать, сколько почтенныхъ русскихъ людей свою жизнь отдали и отдаютъ на изученіе народной поэзіи"...

Вотъ какъ надо изучать народную словесность!—воскликнетъ съ отрадой въ сердцѣ читатель, познакомившись со взглядомъ г. Сиповскаго. Однако осуществленіе этого прекраснаго взгляда на дѣло способно въ значительной степени расхолодить восторгъ читателя. Такъ, несмотря на то, что между составителями прежнихъ учебниковъ и г. Сиповскимъ лежитъ (на что онъ и самъ указываетъ въ концѣ предисловія) замѣчательная работа Владимірова „Введеніе въ исторію русской словесности, значительно облегчавшая работу г. Сиповскаго и въ отношеніи освѣженія матеріала, и въ отношеніи къ „немножко учености",—„учености" эта не разработана для цѣлей учебника средней школы, и изложеніе автора, при несомнѣнной способности къ живой и популярной передачѣ, носитъ именно скомканный и конспективный характеръ. Съ другой стороны, въ отношеніи пріемовъ, содержанія и настроеній народнаго творчества, авторъ воспользовался далеко не всѣмъ матеріаломъ, который былъ бы и наученъ, и въ высшей степени интересенъ въ средней школѣ. Въ отношеніи „пріемовъ"—для г. Сиповскаго остались неиспользованными многія цѣнныя наблюденія акад. Веселовскаго, Потебни; по отношенію къ былинамъ—авторъ почти оставилъ въ сторонѣ тотъ историко-бытовой фонъ, (Труды Всев. Миллера, Жданова), на которомъ они могли создаваться; нѣтъ указаній на взаимныя связи различныхъ видовъ народнаго творчества въ генетическомъ и формальномъ отношеніяхъ. Вообще, обаяніе поэзіи, при всей любви г. Сиповскаго къ народному творчеству, не чувствуется въ его изложеніи. На послѣднемъ отразились слѣды нѣкоторой, можно думать, спѣшности, чѣмъ объясняется далеко не совершенная точность въ выраженіяхъ и наличность оборотовъ, если

можно такъ выразиться, домашняго характера. Примѣры неточныхъ опредѣленій: „заговоры—это эпическая формула, имѣющая принудительное значеніе,—она должна вызвать или устранить какое-нибудь явленіе“ (элементъ воли, составляющій „принудительность“, какъ выражается авторъ, не составляетъ исключительной принадлежности заговора: онъ можетъ входить въ пѣсню, поговорку, даже сказку; отличительнымъ признакомъ заговора является „заключительное“ указаніе на дѣйствіе, обрядъ)... „Для нашихъ предковъ она (природа) была матерью, не красавицей—онъ жилъ съ ней, жилъ въ ней. Впрочемъ, тѣ небольшіе осколки языческой миѳологіи, которые дошли до насъ, хотя бы въ названіяхъ боговъ, олицетворяющихъ силы природы, доказываютъ ясно (будто бы?), что еще до принятія христіанства наши предки доросли (?) до вопросовъ о жизни міра. Стоитъ перечитать, хотя бы, соч. Аѳанасьева: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“,—и мы въ собранныхъ имъ, правда позднихъ фактахъ все-таки безъ труда усмотримъ слѣды указаній, несомнѣнно, древнихъ“... Голыя ссылки на *такихъ-то* ученыхъ (часто безъ указанія сочиненій), на *такія-то* школы въ изученіи различныхъ вопросовъ едва ли способны содѣйствовать развитію любознательности учащихся въ данномъ направленіи, безъ ближайшаго руководства учебника или учителя. Изъ неудачныхъ оборотовъ: „всѣ типичныя черты ихъ (былинныхъ героевъ) бережно сохранены (у Ал. Толстого) и въ то же время въ нихъ тонко и художественно отмѣчены тѣ *мелкіе* (?) *изгибы* ихъ души, которые теряются въ *грубомъ* (?) рисункѣ народа“... „Лавровскій *особенно подчеркиваетъ* пѣсню, въ которой „царь борется съ драгуномъ“... „Внѣшнія отношенія къ нѣмцамъ, финнамъ, къ Москвѣ въ этихъ (новгородскихъ) былинахъ совершенно *игнорируются*“... Изъ второго выпуска: „Всѣ совѣты Мономаха *живо прикасались* къ жизни“... *Широкими аккордами* выражаетъ свое горе авторъ „трудной повѣсти“... Все это были бы, можетъ быть, и мелочи, еслибы онѣ встрѣчались не въ учебникѣ, предназначенномъ служить цѣлямъ художественнаго познанія родного слова.

Внѣшнія проявленія субъективнаго элемента выражаются въ заявленіяхъ въ родѣ: „я перехожу теперь къ разряду пѣсенъ бытовыхъ; въ возбужденіи въ учащихся эмоцій: эстетическихъ („красиво начало многихъ заговоровъ: оболокусь оболоками“...)—вмѣсто научнаго объясненія—и моральныхъ: „Историческая судьба русской народной поэзіи достойна всяческаго (!) сожалѣнія“... „Къ сожалѣнію, эти произведенія (лирическія) сохранились хуже“... Въ дальнѣйшемъ авторъ обращаетъ къ учащимся сожалѣніе, что до сихъ поръ на сказки обращали меньше вниманія, чѣмъ онѣ этого заслуживаютъ. Конечно, возбужденіе добрыхъ чувствъ—важнѣйшая задача истинной педагогіи, но способъ,

принѣняемый г. Сиповскимъ, можетъ вызвать въ учащихся сожалѣніе совершенно обратнаго характера: зачѣмъ сохранилось и то, что̀ сохранилось, если его дѣлаютъ предметомъ такой трудной и, въ сущности, такъ еще мало разработанной науки?..

Второй выпускъ разработанъ г. Сиповскимъ гораздо удовлетворительнѣе: здѣсь менѣе настойчивъ „субъективный элементъ“; добросовѣстно использованы многіе результаты обширной спеціальной литературы, замѣтно стремленіе сдѣлать произведенія древней письменности удобопонятными для учащихся со стороны и внутренняго смысла, и исторической перспективы. Лишнее и здѣсь есть въ такихъ, напримѣръ, утвержденіяхъ, которыя столь же отвѣтственны, сколь и недоказуемы авторомъ: „Только изученіе идеаловъ далекой, родной старины объяснитъ намъ многія особенности современнаго интеллигентнаго русскаго человѣка; *только* это изученіе *облегчитъ* возможность понять *очень многое* въ жизни *простого* (?) *русскаго мужика*, поможетъ разобраться въ міросозерцаніи раскола, въ „двоевѣрной“ поэзіи народа, помирившаго (будто ?) свое *старое* язычество съ *новымъ* христіанствомъ. Только пониманіе идеаловъ русской старины дастъ намъ возможность вѣрно понять все великое историческое значеніе Достоевскаго и Толстого—этихъ искателей Христа въ сердцахъ простыхъ русскихъ людей“. Еслибы это было такъ легко, то и Достоевскій и Толстой были бы давнымъ давно объяснены и „вѣрно поняты“ истолкователями идеаловъ русской старины, но въ томъ-то и дѣло, что, сравнительно со старорусскими идеалами, такъ много *другого* необходимо для истолкованія этихъ писателей, что изслѣдователи древней письменности и не берутся за это истолкованіе. Желательно, чтобы въ учебникѣ не было подобныхъ голословныхъ утвержденій, которыхъ, къ сожалѣнію, не мало. Но въ общемъ второй выпускъ производитъ гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе, особенно во второй своей части, въ главѣ „Юго-западно-русская литература XVII в.“. Изложеніе толковое, характеристики мѣтки и матеріалъ выбранъ удачно.

Въ общемъ благопріятное впечатлѣніе производитъ и вторая часть, представляющая, по сообщенію автора, во многихъ отдѣлахъ результатъ его собственныхъ изслѣдованій. Расположеніе матеріала: 1) Петровскій періодъ русской литературы, 2) Екатерининскій періодъ, 3) Александровскій періодъ; каждый изъ этихъ періодовъ заключаетъ въ себѣ подраздѣленіе литературнаго матеріала по направленіямъ, что̀ составляетъ, на нашъ взглядъ, дѣйствительно удобный принципъ группировки, особенно если присоединять къ отдѣльнымъ очеркамъ, какъ это и дѣлаетъ авторъ, сжатыя вступительныя замѣтки теоретическаго свойства—о родахъ и видахъ литературныхъ явленій, о на-

правленіяхъ на Западѣ и т. д. Спорный элементъ и здѣсь есть, но это уже вопросы спеціальной критики. Ставя въ центрѣ всего своего курса Пушкина, г. Сиповскій имѣлъ возможность, пользуясь этимъ принципомъ, охарактеризировать и отмѣтить цѣлый рядъ писателей и произведеній, которые въ прежнее время опускались вовсе въ учебныхъ курсахъ, а съ другой стороны, освободить отъ лишняго балласта свѣдѣнія о такихъ писателяхъ, какъ Карамзинъ и Жуковскій, сосредоточивъ вниманіе, главнымъ образомъ, на литературной сторонѣ ихъ дѣятельности. Правда, при томъ порядкѣ распредѣленія, какой принятъ г. Сиповскимъ, ускользаетъ представленіе объ эволюціи литературнаго развитія въ его цѣломъ, но зато пріобрѣтается бо̀льшая наглядность. Трудно требовать отъ тѣсныхъ предѣловъ учебника, чтобы въ немъ подобающее мѣсто занималъ общественный элементъ эпохи,—это уже дѣло пособій. Словомъ, поскольку допускаетъ роковое „примѣнительно“, въ этой части своего труда г. Сиповскій стоитъ на своей почвѣ, и это прежде всего отражается на изложеніи, живомъ и содержательномъ.

III.

— Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. I томъ, Спб. 1905; II т., вып. 1, 2 и 3. Спб. 1906. (Исполнено въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ).

Намъ уже приходилось, по поводу одного изъ выпусковъ, указывать на выдающіяся достоинства этого замѣчательнаго изданія. Послѣдующіе выпуски усиливали впечатлѣніе обширной и чрезвычайно тщательной работы, направленной на разысканіе и художественное выполненіе того матеріала, значительная часть котораго могла бы остаться совершенно недоступной для широкихъ круговъ интересующейся публики, или же, какъ показываютъ отдѣльные случаи, рисковала бы исчезнуть безслѣдно (какъ это и случилось уже, если не ошибаемся, съ нѣкоторыми оригиналами, воспроизведенными въ этомъ изданіи). Подлинники заимствовались для настоящаго изданія не только изъ многочисленныхъ собраній въ Россіи (великаго князя Николая Михаиловича, Нарышкиныхъ, кн. Куракиныхъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, художественныхъ галлерей и т. д.), но и заграницей (изъ собраній гр. Разумовскихъ, Ланскоронскаго, Красинскаго) и представляютъ собой цѣлую сокровищницу портретовъ и миніатюръ, чрезвычайно интересныхъ въ историческомъ и въ художественномъ отношеніяхъ.

Историческая галлерея лицъ объединена духомъ той эпохи, которая наложила на нихъ неизгладимую печать своего, какъ выраз-

лись въ старину, генія. Конецъ Елизаветинскаго царствованія, съ надменной улыбкой вельможи на петиметрово расшаркиваніе Запада, смѣняется величавой привѣтливостью фаворита-мецената, еще умѣющаго управлять мечемъ, но уже склонившагося передъ дерзновеннымъ паренiемъ Разума и свободолюбивыхъ мечтаній,—и переходитъ въ аристократически-упрощенный девятнадцатый вѣкъ, уже тронутый тревогой мысли, уже утомленный и разочарованный въ грандіозныхъ замыслахъ пережитой эпохи. И всѣ стадіи развитія человѣческой личности, отъ вырожденія до геніальнаго подъема духовныхъ силъ, проходятъ, схваченныя кистью художника, отвоеванныя у забвенья, говорящія о жизни, которая была и больше не повторится, завѣщавъ свой смыслъ, свою духовную особность суду исторіи и вдумчивой памяти потомковъ.

Изъ группы царствовавшихъ особъ отмѣтимъ типичный портретъ Петра III, узкогрудаго, узкоголоваго, „взрослаго ребенка“, легкомысленно сбросившаго царскую порфиру и какъ бы отвернувшагося съ безпечной улыбкой отъ короны; Екатерины II (работы Левицкаго) въ типичныхъ условностяхъ царственнаго величія; Павла I (изъ Останкинской галлереи гр. Шереметева, писанъ Аргуновымъ); Александра I и Елизаветы Алексѣевны (работы Монье, изъ собранія Строгановыхъ); имп. Маріи Ѳедоровны, удивительный по экспрессіи и живости (изъ гатчинскаго дворца, работы безподобнаго Ритта), а также замѣчательныя миніатюры, изображающія дочерей Павла.

Изъ портретовъ государственныхъ дѣятелей, военныхъ и гражданскихъ, обращаютъ на себя вниманіе портреты фельдмаршаловъ С. С. Апраксина и св. кн. Н. И. Салтыкова; кн. Багратіона; гр. В. В. Орлова-Денисова; кн. В. М. Долгорукова-Крымскаго, работы Рослена; гр. П. П. Коновницына (писалъ Кипренскій). Никита Панинъ, гр. А. И. Морковъ, гр. Н. С. Мордвиновъ, гр. А. И. Васильевъ встаютъ, какъ живые. въ воспроизведеніи знаменитыхъ мастеровъ портретной живописи (Рослена, Изабе, Дау, Боровиковскаго).

Далѣе группируются фавориты имп. Екатерины II и Павла: Зубовы (Лампи), гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ (Аргунова), кн. Гр. Орловъ (Рокотова). Многіе изъ портретовъ рѣдки, какъ, напримѣръ, изображенія С. В. Салтыкова, А. П. Ермолова, гр. И. П. Кутайсова, П. Х. Обольянинова. Очень интересна миніатюра кн. Е. Р. Дашковой, живо напоминающей своимъ обликомъ данное ей Фридрихомъ Вел. прозвище „la mouche vaniteuse du coche“. Къ ея портрету Державинъ сочинилъ извѣстный „стишокъ“, намекая на ея президентство въ Академіи Наукъ:

Сопутницей была,
Когда съ небесъ

На тронъ возсѣсть Астрея шла,
А нынѣ—Аполлонъ.

Далѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе портреты Н. С. Перекусихиной, гр. А. С. Протасовой, А. П. Лопухиной съ сестрами. Примѣчательны портреты гр. М. Ю. Віельгорскаго (работы К. Брюллова), игравшаго въ свое время видную роль въ общественной жизни, друга ученыхъ, художниковъ и музыкантовъ, и А. Н. Оленина, президента Акад. Художествъ, горячо и безкорыстно преданнаго интересамъ отечественныхъ наукъ и искусствъ. Изъ писателей немногимъ посчастливилось быть увѣковѣченными кистью великихъ мастеровъ, да и изъ нихъ, можно думать, не всѣ еще вошли въ появившіеся выпуски разбираемаго изданія. Однако въ немъ представлены Г. Р. Державинъ, А. Ф. Лабзинъ (оба Боровиковскаго), Н. М. Карамзинъ (Тропинина), П. М. Карабановъ, тотъ самый, котораго Воейковъ въ своемъ „Парнасскомъ календарѣ“ назвалъ—„именнымъ стихотворцемъ, долженствующимъ всегда имѣть въ запасѣ нѣсколько піесъ на рожденіе, крещеніе, бракосочетаніе и кончину знатныхъ особъ обоего пола“. Затѣмъ мы встрѣчаемъ здѣсь М. М. Хераскова (миніатюра), А. С. Грибовскаго (Фюгера), В. И. Майкова, гр. В. Н. Головину, автора „Записокъ“, г-жу Криденеръ (рѣдкая миніатюра изъ собранія гр. Ланскоронскаго въ Вѣнѣ), впервые появляющееся изображеніе А. С. Грибоѣдова (Жигалева, 1826), затѣмъ Тропининскаго Пушкина, И. А. Крылова и др.

„Классическія“ черты танцовщицы Н. С. Семеновой, сестры „великолѣпной“ Екатерины Семеновой, упомянутой въ „Онѣгинѣ“, и Е. И. Колосовой, поразительной въ свое время красавицы, исторгавшей своимъ искусствомъ, по отзывамъ современниковъ, слезы у зрителей, напоминаютъ тѣ пламенныя увлеченія балетнымъ искусствомъ, которыя обезсмертилъ поэтъ въ своихъ тоскующихъ и призывныхъ строфахъ:

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Все тѣ же-ль вы? Другія-ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу-ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?

Отдѣльно упомянемъ изображенія знаменитаго А. С. Шишковскаго, Умскаго (работы Левицкаго), а также иностранцевъ, помѣщенныхъ здѣсь по тѣмъ или инымъ отношеніямъ къ Россіи: Дидро (Левицкаго), австрійскаго посла Лебцельтерна, гр. Лаваль, Поццо-ди-Борго.

Къ портретамъ приложены краткія біографіи, и ихъ необходимо имѣть въ виду при знакомствѣ съ изданіемъ. Ихъ достоинства—с:ы-

тость, точность, иногда новизна сообщаемыхъ свѣдѣній, корректная объективность, доходящая до лѣтописнаго безпристрастія. При послѣднемъ условіи наиболѣе приближаются къ цѣлямъ исторической иллюстраціи очерки тѣхъ лицъ, жизнь которыхъ была богата событіями внѣшняго и внутренняго характера. Но тамъ, гдѣ біографическій матеріалъ былъ не изъ благодарныхъ, воплощаясь въ сухихъ біографическихъ данныхъ или формулярныхъ спискахъ, и очерки были далекими отъ того „духа жива", который сохраненъ картиной. При нѣкоторыхъ же портретахъ какъ-то инстинктивно хочется искать соотвѣтствія живого слова съ той замѣчательной экспрессіей художественнаго воспроизведенія, которая способна вызвать иллюзію движенія и жизни. Поменьше внѣшнихъ чертъ, поменьше разсказа о служебныхъ успѣхахъ, награжденіи чинами, орденами и т. д., и побольше экспрессіи въ деталяхъ, изъ которыхъ складывается живая личность, побольше „стиля эпохи"—въ направленіи къ тому моменту, который изобразилъ художникъ...

Таковы идеальныя желанія, которыя можно обратить къ иллюстраціямъ *нѣкоторыхъ* портретовъ. Въ общемъ же, составители совершили большую и въ высшей степени внимательную работу, въ задачу которой, конечно, не могли входить требованія художественно-психологическаго построенія.—Евг. Л.

IV.

— Н. Рожковъ. Происхожденіе самодержавія въ Россіи. М. 1906.

Основное содержаніе этой книги совершенно не соотвѣтствуетъ ея заглавію. Ея главная тема—исторія московскихъ приказовъ, а не происхожденіе самодержавія. О „самодержавіи" собственно, или о „политической сторонѣ развитія верховной власти", авторъ говоритъ немного, на 20-ти страницахъ предпослѣдней главы, и говоритъ о ней мало новаго, основываясь, главнымъ образомъ, на изслѣдованіяхъ г. Платонова. Напротивъ того, московскіе приказы или „технику высшаго управленія" авторъ разсматриваетъ обстоятельно, въ 6-ти главахъ, извлекая много новыхъ свѣдѣній изъ трехъ московскихъ архивовъ: министерства юстиціи, иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора. Въ этой части, несомнѣнно цѣнной, какъ самостоятельное спеціальное изслѣдованіе въ неразработанной еще области, г. Рожковъ изучаетъ взаимоотношенія между верховной властью и подчиненными органами въ управленіи военномъ, финансовомъ, судебномъ, полицейскомъ, въ дѣлахъ землевладѣнія, въ контролѣ и надзорѣ за администраціей, наконецъ, въ дѣлахъ церковныхъ. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ управленія—

„къ половинѣ XVII вѣка техника высшаго управленія постепенно преобразовалась въ смыслѣ усиленія самостоятельности бюрократіи и избавленія верховной власти отъ множества мелкихъ дѣлъ, прежде до нея восходившихъ". Подчиненные органы управленія постепенно сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ самостоятельное вѣдѣніе многихъ важныхъ дѣлъ.

Съ этою „спеціальной частью" книги, трактующей о техникѣ управленія, искусственно соединена небольшая „общая часть", посвященная государственному и соціальному строю древнѣйшаго времени въ связи съ народнымъ хозяйствомъ. Повторяя главные выводы своего „Обзора русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія", г. Рожковъ характеризуетъ древнѣйшее государство кіевской Руси, до XII вѣка, какъ „неорганизованное двоевластіе вѣча и князя", а государство сѣверо-восточной Руси, до XV вѣка, какъ „типическое вотчинное государство, въ которомъ государственныя функціи разсматривались, какъ простые хозяйственные аттрибуты земельнаго владѣнія". Но затѣмъ, переходя къ своей спеціальной части, къ государству XVI, XVII вѣковъ, г. Рожковъ совершенно не связываетъ ея съ этими опредѣленіями и оставляетъ открытыми вопросы: въ чемъ именно заключались характерныя черты новаго государственнаго порядка, и чѣмъ онъ отличался по существу отъ древнѣйшаго вотчиннаго государства? Недостаточность такого опредѣленія государства древнѣйшей Удѣльной Руси обнаруживается при сопоставленіи его съ московскимъ государствомъ XVII вѣка. Г. Рожковъ выясняетъ, что въ XVII вѣкѣ въ высшемъ управленіи „старый хаосъ смѣняется нѣкоторымъ порядкомъ" (стр. 124); но такое „нѣкоторое" упорядоченіе управленія не можетъ служить отличительнымъ признакомъ новаго государственнаго строя отъ стараго, потому что это управленіе покоилось на старыхъ основахъ и „Москва, какъ государство", и въ XVII вѣкѣ оставалась „типическимъ высшимъ видомъ русской вотчины" [1]). Изучая образованіе „самодержавія", или, вѣрнѣе, вообще московскаго государственнаго порядка, г. Рожковъ упускаетъ отмѣтить важнѣйшій моментъ: закрѣпленіе на службу государству боярства и дворянства, возникновеніе государственнаго подданства. Великій князь Удѣльной Руси былъ вотчиннымъ государемъ лишь по отношенію къ своимъ дворцовымъ землямъ; въ отношеніи же бояръ онъ не былъ ни „вотчинникомъ", ни „государемъ", въ собственномъ смыслѣ слова, потому что бояре были у него не подданными, а свободными, „вольными слугами".

Государственные и соціальные порядки г. Рожковъ тѣсно связы-

[1]) Забѣлинъ, „Большой боярин въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ"—„Вѣстникъ Европы", 1871 г., № 2.

ваетъ съ отношеніями экономическими. Нельзя не пожалѣть, что разысканія свои въ этой сложной области изученія экономическаго фундамента исторіи онъ ведетъ безъ должной осмотрительности. Его формулы взаимозависимости экономическихъ и государственныхъ явленій вызываютъ недоумѣніе даже у сочувствующихъ ему читателей. Мы, напримѣръ, совершенно отказываемся понять, какъ „зарожденіе денежнаго хозяйства и сопровождавшій его экономическій кризисъ“ могли „*вызвать*“ въ числѣ другихъ явленій также „извѣстную степень развитія административной техники, избавившую верховную власть отъ вмѣшательства во всѣ мелочи текущей работы по управленію“, и какъ это „въ результатѣ *всего этого*“, въ томъ числѣ и административной техники, „сложилась самодержавная власть“? (стр. 208). Отказываемся понять также, какъ это въ XV и первой половинѣ XVII в. столь разныя учрежденія, какъ земское самоуправленіе и воеводская бюрократія, могли послѣдовательно смѣнять одно другое „*соотвѣтственно* хозяйственнымъ и соціальнымъ условіямъ“, которыя за это время оставались по существу одинаковыми (стр. 205).

Изучая зарожденіе денежнаго хозяйства въ XVI вѣкѣ и сравнивая его, по книгѣ Бюхера, съ западнымъ, г. Рожковъ приходитъ къ выводу, что русское денежное хозяйство „отличалось тою особенностью“, что оно было не городскимъ, не хозяйствомъ небольшихъ изолированныхъ городскихъ рынковъ, какъ было на Западѣ, а хозяйствомъ „народнымъ“, или „по крайней мѣрѣ, каждый рынокъ охватывалъ очень значительный районъ“. Это уже не „особенность“, а коренное отличіе. Минуя стадію „городского хозяйства“ съ торговымъ оборотомъ въ небольшомъ замкнутомъ районѣ, минуя эту стадію, въ которой долго прозябало хозяйство Германіи, мы сразу, очень рано, въ XVI вѣкѣ шагнули въ стадію народнаго денежнаго хозяйства съ обширными рынками. Положеніе — сомнительное само по себѣ, и десятка два извѣстій, собранныхъ г. Рожковымъ о торговыхъ связяхъ между отдаленными пунктами, не устраняютъ нашихъ сомнѣній. Карлъ Бюхеръ, устанавливая три формы хозяйства, подчеркиваетъ, что онѣ „не представляютъ собою такихъ послѣдовательныхъ стадій, которыя бы цѣликомъ другъ друга исключали“. Онъ утверждаетъ только, что въ извѣстные періоды одна изъ этихъ формъ хозяйства являлась господствующей. Въ періодъ замкнутаго городского хозяйства, указываетъ онъ, велась также и оптовая торговля продуктами отдаленныхъ районовъ. И въ числѣ предметовъ этой торговли онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, рыбу и соль, тѣ самые продукты, которые не разъ упоминаются въ извѣстіяхъ г. Рожкова объ оптовомъ торговомъ обмѣнѣ между отдаленными рынками. Извѣстія эти, такимъ образомъ, никакъ не могутъ служить доказательствомъ того, что оптовая торговля у

насъ рано, въ противоположность Германіи, получила преобладаніе надъ торговлей въ небольшомъ замкнутомъ районѣ.—Н. П. С.

V.

— Проф. М. А. Рейснеръ. Русскій абсолютизмъ и европейская реакція.

Профессоръ казанскаго университета, М. А. Рейснеръ, живя нѣсколько лѣтъ заграницей и лично наблюдая смѣну настроеній и недоумѣній западно-европейскаго общества,—въ виду измѣнчивыхъ перипетій борьбы русскаго освободительнаго движенія съ правительствомъ,—высказываетъ мнѣніе, что это колебаніе настроенія и пессимистическая оцѣнка посторонними наблюдателями совершающихся въ Россіи событій, какъ „процесса анархическаго разложенія страны“ или, по крайней мѣрѣ, какъ „торжества анархіи“,—имѣетъ нѣкоторыя основанія. Основанія эти заключаются въ томъ, что процессъ обновленія государственнаго строя Россіи идетъ, по мнѣнію автора, „тяжелымъ, медленнымъ ходомъ и глубоко взрываетъ собою народную муть. Все, что столѣтіями накапливалось и таилось на днѣ національной жизни, все, что залегло темными пятнами въ ея изгибахъ подъ вліяніемъ абсолютизма, все это теперь сразу вышло наружу и представило собою зрѣлище столь же громадное, сколь—мрачное“. Врагъ, съ которымъ борется русское освободительное движеніе, по мнѣнію автора, „чрезвычайно могучъ и силенъ“. Передъ нами—не простая смѣна правительствъ. „Передъ нами рушится и отживаетъ цѣлый политическій міръ, захватившій полъ-Европы и треть Азіи; крушеніе системы, сумѣвшей дожить до XX вѣка, примѣнившей къ своимъ цѣлямъ всѣ тѣ богатства европейской техники и культуры, которыя были добыты тяжелымъ трудомъ цѣлыхъ поколѣній“. Авторъ оставляетъ безъ доказательства утвержденіе о могучей будто бы силѣ стараго государственнаго строя (который, по нашему мнѣнію, напротивъ того, ежедневно обнаруживаетъ свое безсиліе бороться съ освободительнымъ движеніемъ даже въ пассивной его формѣ); но своей задачей ставитъ развитіе другой, высказанной имъ мысли, мысли о томъ, что „русское государство съумѣло во многихъ отношеніяхъ достичь своеобразныхъ и оригинальныхъ успѣховъ; что оно взяло у Запада и приспособило къ своимъ потребностямъ все то, что могло взять, а новѣйшія пріобрѣтенія современной политической мысли въ Европѣ съумѣло переварить въ себѣ и создать изъ нихъ новыя опоры для своего средневѣковаго господства“.

Изъ сказаннаго видно, что проф. Рейснеръ имѣетъ въ виду раз-

работать ту общепринятую въ наукѣ идею, что средства, которыми русское самодержавіе укрѣпляетъ свои позиціи, въ значительной мѣрѣ заимствованы у Запада, подготовлены западно-европейской реакціей. Авторъ примѣняетъ эту идею къ новѣйшему времени, а общая схема его построеній заключается въ слѣдующемъ. Въ западной Европѣ исторія послѣдовательно выдвигала на сцену идеи, служившія выраженіемъ назрѣвшихъ реформъ государственно-общественнаго быта. Пока эти идеи написаны были на знамени прогрессивныхъ партій, русское правительство относилось къ нимъ враждебно. Но когда идея, выполнивъ свою миссію, теряетъ прогрессивное значеніе, обращается на службу чистой эксплуатаціи и реакціи, тогда за нее ухватывается наша власть, выставляетъ ее, какъ знамя своей политики, обновляетъ при ея помощи устарѣвшіе доспѣхи деспотизма, нѣсколько укрѣпляетъ такимъ образомъ свои позиціи и зарекомендовываетъ себя Западу, какъ учрежденіе, идущее въ уровень съ вѣкомъ.

Такое схематизированіе сложныхъ явленій способствуетъ яркости изображенія, но врядъ ли всегда находится въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Такъ, вопреки тому факту, что „знаменитая священная тріада русской самодержавной политики"—православіе, самодержавіе и народность—провозглашена еще во времена Николая I, г. Рейснеръ утверждаетъ, что „вплоть до Александра III ничего не было слышно спеціально о русской народности, и Россіей управляли одинаково русскіе, нѣмцы, поляки и татары съ русской душой". Замѣтимъ прежде всего, что здѣсь кроется нѣкоторое смѣшеніе понятій, и „провозглашеніе при Александрѣ III національнаго начала" вовсе не означало отказа пользоваться для цѣлей абсолютизма личными силами инородцевъ. Это доказывается указаніемъ самого автора на такія „блестящія имена" участниковъ послѣдней войны, какъ Штакельбергъ, Гриппенбергъ, Стессель, Ренненкампфъ, Келлеръ, и на такихъ „національно-русскихъ героевъ" новѣйшаго времени, какъ гг. Плеве, Вааль, Клейгельсъ, Нейдгардтъ, Скалонъ и др. Обратимся, однако, къ развитію высказанной авторомъ мысли. Національная идея, говоритъ онъ, родилась „среди бурь французской революціи" и явилась въ сочетаніи съ идеей свободы. Уже поэтому русское самодержавіе не могло не отнестись къ ней враждебно, что̀ испытали на себѣ даже апологеты русскаго самодержавія—славянофилы. „Но вотъ народилась на Западѣ новая національная идея; она вышла изъза купеческаго прилавка и изъ канцеляріи броненоснаго кулака... Ея пророкомъ стало филистерство и девизомъ сдѣлались гнетъ и эксплуатація. Безмѣрный захватъ чужихъ земель, рынковъ, колоній, полное пренебреженіе къ чужой культурѣ и традиціямъ, къ чужому языку, исторіи и самобытности... Такая національность годилась вполнѣ для

русскаго полицейскаго строя. Это была новая идея, созданная передовымъ человѣчествомъ, и при ея помощи полицейскій механизмъ русской бюрократіи могъ получить блестящій современный фасонъ и самоновѣйшую окраску... И нельзя отказать совѣтникамъ Александра III въ политической ловкости за провозглашеніе ими національнаго начала", которое послужило оправданіемъ аггрессивной внѣшней политики русскаго правительства и гоненія на инородцевъ внутри страны. Новыя идеи имперіализма и національнаго русскій абсолютизмъ использовалъ, такимъ образомъ, какъ орудіе противъ народной свободы. „Современная европейская реакція со своимъ идейнымъ аппаратомъ сослужила такимъ образомъ великую службу русскому полицейскому строю и модернизировала его".

Вліяніе западнаго имперіализма на русскую политику отрицать, конечно, нельзя; но мы полагаемъ, что новѣйшая политика правительства относительно инородцевъ объясняется проще и возникла изъ развитія внутреннихъ отношеній. Идея національности въ формѣ „народности" выдвинута на защиту и для обоснованія нашего абсолютизма еще при Николаѣ I. Но тогда къ ней прибѣгали для борьбы съ либерализмомъ, проникавшимъ съ Запада въ среду интеллигентныхъ слоевъ общества, и соотвѣтствующая аргументація отличалась, поэтому, нѣкоторой тонкостью мысли и философскимъ характеромъ. Въ новѣйшее время національная идея служитъ для дискредитированія идеи политической свободы, проникающей въ умы низшихъ слоевъ культурнаго общества, того, что̀ можно, пожалуй, считать третьимъ сословіемъ, и въ народныя массы изъ среды русскаго же общества. Въ надеждѣ на умственную неразвитость всѣхъ этихъ слоевъ, распространеніе политическаго недовольства приписали нашимъ инородцамъ, чуждымъ истинно-русской государственной идеѣ; а для вящшаго убѣжденія россіянъ въ истинѣ этого утвержденія, матеріальные интересы инородцевъ въ борьбѣ за существованіе стали приноситься въ жертву интересамъ русскихъ служащихъ, ремесленниковъ, фабрикантовъ, торговцевъ, а евреи такъ прямо отданы были на потокъ и разграбленіе.

По тому же плану, какъ и отношеніе русскаго абсолютизма къ національной идеѣ, построено г. Рейснеромъ и разъясненіе политики русскаго правительства въ области соціальныхъ отношеній. „Полицейское государство стараго типа,—говоритъ г. Рейснеръ,—не задавалось соціальными проблемами; оно смотрѣло на вещи до крайности просто. Свои фискальные интересы оно ставило на первый планъ и „полицеистъ" сѣялъ для того, чтобы камералистъ могъ собирать жатву. Промышленность насаждалась всѣми возможными и невозможными средствами, съ единственной цѣлью создать изъ нея курицу, несущую

для фиска золотыя яйца". Старое полицейское государство на Западѣ и въ Россіи „было системой безконечной опеки и невообразимой регламентаціи, бумажнымъ зданіемъ изъ предписаній, поученій, приказаній, наставленій и увѣщаній, построенныхъ на полицейскомъ принужденіи и административномъ произволѣ (стр. 15—17). Въ Европѣ это состояніе смѣнилось другимъ: состояніемъ политической и экономической свободы, поведшимъ къ полному преобразованію экономическаго быта на началахъ индустріализма и капитализма, къ огромному развитію богатствъ и блестящей внѣшней культуры. „Но всѣ эти завоеванія вѣка нисколько не подвинули русское полицейское государство перемѣнить свой курсъ и повернуть его въ сторону экономическаго и политическаго либерализма. Словно хитрый и осторожный дикарь, Россія дѣлала у себя нѣкоторые опыты, но въ общемъ выжидала. Русской бюрократіи далеко не нравилась эта энергичная сознательная самодѣятельная личность, этотъ свободный создатель своего счастія, на которомъ держалась европейская эра. Она страшилась этой жизни, пульсирующей и бьющейся въ самыхъ различныхъ формахъ, этой силы и мощи освобожденнаго капитала и ему подвластнаго, ему служащаго генія. Оно выжидало". Русское правительство восприняло европейскія соціальныя идеи въ то время, когда,—послѣ выяснившагося стремленія капитализма монополизировать всѣ источники народнаго богатства, овладѣть государственной властью и задавить свободу, если не прямымъ насиліемъ, то денежной тираніей, и послѣ того, какъ на борьбу съ капитализмомъ выступили рабочіе классы—западноевропейскія правительства вышли изъ роли простого наблюдателя экономической борьбы, „вторглись непосредственно въ область классовой борьбы и сдѣлали суверенитетъ однимъ изъ факторовъ, регулирующихъ національное производство и потребленіе"... „Но воистину удивительно то употребленіе, которое было сдѣлано изъ этихъ новыхъ идей русскимъ полицейскимъ государствомъ. Эта система дала русскому полицейскому строю совершенно неожиданную возможность обновленія и перекраски. Не имѣя за собой европейскаго расцвѣта индустріи, не обладая сложнымъ европейскимъ аппаратомъ представительства и правовой защиты, русская бюрократія рѣшила сразу преобразовать свою финансовую и административную машину и перескочить въ одинъ мигъ изъ государства Филиппа II въ эпоху культурнаго и соціальнаго законодательства". Оно продолжало попрежнему обирать народъ налогами, заставляли его желѣзнодорожными тарифами вывозить заграницу хлѣбъ, нужный самому себѣ, накопляло такимъ образомъ золотой запасъ, привлекало для той же цѣли иностранные капиталы, захватывало въ свои руки желѣзнодорожное хозяйство, „отравляло народъ при помощи водочной моно-

поліи", поощряло капиталистическіе синдикаты; „и на все это хищническое хозяйство наклеивались ярлыки, заимствованные изъ практики культурнаго и соціальнаго строя Европы". Эта культурная внѣшность дала правительству возможность надѣлать государственныхъ долговъ, немыслимыхъ для чисто полицейскаго государства. „Въ непостижимомъ ослѣпленіи Европа не замѣчала разницы между русскимъ полицейскимъ строемъ и правовымъ государствомъ новаго времени и открывала свой кредитъ Россіи въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ Англіи, Франціи и т. п." Русское правительство воспользовалось и идеей классовой борьбы и разжигало вражду капиталистовъ и рабочихъ, мѣшая такимъ образомъ ихъ объединенію для политическаго протеста; а въ послѣднее время эту соціальную политику дополняетъ еще одно явленіе, неизвѣстное западной Европѣ. Явленіе это заключается въ правительственной организаціи „пятаго" класса населенія, такъ называемаго Lumpenproletariat'a. Этотъ классъ „бродягъ, воровъ, громилъ и сутэнеровъ получилъ профессіональную организацію. Изъ нихъ образованы знаменитыя черныя сотни, представляющія собой вѣрноподданническія „народныя" массы, избивающія и грабящія всѣхъ, кто осмѣливается протестовать противъ русскаго „культурнаго" и „соціальнаго" государства".

Приведеннаго выше достаточно для того, чтобы составить понятіе о сильныхъ и слабыхъ сторонахъ пріема трактованія предмета, усвоеннаго г. Рейснеромъ. Въ томъ же духѣ разсмотрѣны авторомъ отношенія русскаго абсолютизма къ идеямъ нравственной личности, равенства, правового государства и народнаго представительства. Всѣми этими идеями правительство пользуется для поддержанія полицейскаго режима. Книжка написана сильно и займетъ, конечно, свое мѣсто въ дѣлѣ правильной оцѣнки колеблющагося, но еще господствующаго полицейскаго строя.

VI.

— А. И. Шершенко. Правовое и экономическое положеніе иногородныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ въ связи съ развитіемъ края. Статистическій очеркъ. Выпускъ первый. Кубанская область. Екатеринодаръ. 1906.

Сѣверный Кавказъ составляетъ въ настоящее время одинъ изъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ новѣйшихъ районовъ хлѣбной производительности Европейской Россіи; и по причинѣ своей молодости, а также потому, что тамъ дѣйствуютъ еще старыя административныя учрежденія, экономическое положеніе края представляется совершенно почти неизслѣдованнымъ. Сказанное о Сѣверномъ Кавказѣ вообще

приложимо и къ одной его части,—къ Кубанской области въ частности; а между тѣмъ эта область должна бы привлечь наше вниманіе не только своею производительностью, но и той ролью, какую она, въ качествѣ рѣдко населенной страны, играла, какъ пріемникъ избыточнаго земледѣльческаго населенія черноземной Россіи, и тѣми отношеніями, какія сложились тамъ (какъ, впрочемъ, и въ другихъ казацкихъ областяхъ) между различными классами общества. Извѣстно, какимъ обаяніемъ еще такъ недавно пользовались среди русскихъ земледѣльцевъ магическія слова: „Черноморье", „Кубань", манившія ихъ на земельныя приволья Кавказа. И хотя вся почти территорія Кубанской области въ 1792 г. „пожалована въ вѣчное владѣніе войску черноморскому въ воздаяніе заслугъ, доказанныхъ на водѣ и сушѣ въ войну съ Оттоманскою Портою", но пришлые земледѣльцы были желанными тамъ гостями, потому что казаки, обязанные тяжелой военной службой, не могли сами обрабатывать свои обширныя владѣнія, нуждались въ пришлыхъ рабочихъ рукахъ земледѣльцевъ, торговцевъ и ремесленниковъ „и гостепріимно открывали двери всякому пришельцу—будь то свободный промышленникъ, рабочій или бѣглый". Первоначально пришлый народъ стремился сюда на временную работу, а затѣмъ онъ сталъ устраиваться здѣсь на постоянное жительство. „Первое время войсковое начальство энергично боролось противъ наплыва въ область иногородныхъ, которые устраивались въ станицахъ подъ видомъ родственниковъ казаковъ, но увеличивающійся изъ года въ годъ притокъ такихъ лицъ привелъ, наконецъ, войсковое начальство къ сознанію трудности борьбы съ этимъ „зломъ"; а въ 1863 г. оно само ходатайствовало о легализированіи положенія пришлаго, такъ называемаго „иногороднаго" населенія. Населеніе это давно уже пріобрѣтало въ станицахъ усадебныя постройки, а закономъ 1868 г. ему было дано легальное право пріобрѣтать таковыя и пользоваться общественнымъ выгономъ для выпаса скота, съ условіемъ уплачивать войску за право пользованія усадьбой ежегодно посаженную плату. „Слухъ, что въ казачьихъ станицахъ могутъ селиться и не казаки, быстро распространился по Россіи, и въ Кубанскую область массами стали стекаться переселенцы". Главный наплывъ послѣднихъ относится, однако, къ самымъ послѣднимъ годамъ. Это видно изъ того, что съ 1887 по 1904 годъ невойсковое населеніе Кубанской области увеличилось почти на 900 тыс. человѣкъ, а перепись 1897 г. зарегистрировала тамъ 616 тыс. лицъ, родившихся внѣ области. Въ настоящій моментъ невойсковое населеніе Кубанской области преобладаетъ надъ войсковымъ: изъ 2248 тыс. душъ населенія 1904 года 1.243 тыс. душъ, или 55%, принадлежало лицамъ невойскового сословія. Въ этой части населенія слѣдуетъ, однако, отличать такъ называе-

мыхъ коренныхъ жителей—крестьянъ, получившихъ надѣлъ отъ казны или пріобрѣвшихъ землю въ собственность, и иногородныхъ, не владѣющихъ полевою землею. Первыхъ числилось въ 1904 г. 324 тыс. душъ, а вторыхъ—920 тыс. душъ. Послѣдняя группа населенія должна быть въ свою очередь раздѣлена на двѣ подгруппы: около 600 тыс. душъ принадлежатъ къ семьямъ, владѣющимъ усадьбами, и 324 тыс. иногородныхъ не имѣютъ въ предѣлахъ Кубанской области никакой недвижимости.

Этой-то, иногородной части населенія Кубанской области и посвященъ трудъ г. Шершенко, названный въ заголовкѣ нашей замѣтки. Какъ видно изъ заглавія книги, авторъ имѣетъ въ виду характеризовать положеніе иногородныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ вообще, и настоящій его трудъ, касающійся Кубанской области, составляетъ первый выпускъ задуманной имъ работы. Данныя, касающіяся положенія иногородныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ, слишкомъ малочисленны для того, чтобы можно было представить по этому предмету сколько-нибудь обстоятельное изслѣдованіе. Поэтому самъ авторъ характеризуетъ свою работу, какъ опубликованіе „нѣкоторыхъ матеріаловъ, касающихся этого класса населенія". Новымъ матеріаломъ, используемымъ авторомъ, служатъ данныя о положеніи мѣстнаго населенія, собираемыя ежегодно областнымъ статистическимъ комитетомъ черезъ станичныя, волостныя и сельскія управленія, но оставляемыя комитетомъ безъ разработки. Данныя эти, конечно, обладаютъ всѣми недостатками, свойственными такъ называемой волостной статистикѣ, но какъ первоначальный матеріалъ они имѣютъ извѣстное значеніе, а нѣкоторыя важныя свѣдѣнія этихъ матеріаловъ должны даже обладать довольно большой точностью, потому что они служатъ для мѣстнаго обложенія (о числѣ скота). По поводу свода этихъ данныхъ въ разсматриваемомъ изданіи мы должны выразить сожалѣніе, что авторъ не раздѣлилъ коренное населеніе области на войсковое и невойсковое, и что онъ ограничился таблицами среднихъ цифръ и процентныхъ отношеній, а не привелъ абсолютныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ выведены послѣднія. Какъ матеріалъ, абсолютныя, такъ сказать, первоначальныя данныя имѣютъ гораздо бо́льшую важность, чѣмъ цифры производныя, которыя, при наличности первыхъ, могутъ быть выведены каждымъ, для кого они интересны.

Вопросъ о положеніи иногородныхъ въ казацкихъ областяхъ и въ ставропольской губ. и о ихъ будущей судьбѣ очень мало привлекаетъ къ себѣ вниманіе литературы; а между тѣмъ этотъ классъ населенія обнимаетъ милліоны лицъ, и лица эти не имѣютъ никакого обезпеченія, кромѣ усадебной осѣдлости, которою владѣютъ, впрочемъ, далеко не всѣ. Вопросъ о судьбѣ иногородныхъ есть настоящій соціальный

вопросъ Донской, Кубанской и другихъ областей и рано или поздно не можетъ не остановить на себѣ вниманіе общества. Трудность разрѣшенія вопроса объ этой категоріи безземельнаго населенія усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что, при разсмотрѣніи вопроса о надѣленіи его землею, нельзя не коснуться земель казацкаго войска. Дѣйствительно, на милліонное почти населеніе иногородныхъ, напр., Кубанской области, не считая земли, принадлежащей войску (6,3 милл. десятинъ), имѣется менѣе милліона десятинъ частновладѣльческихъ и 650 тысячъ казенныхъ земель. Но казенныя земли занимаютъ склоны Кавказскаго хребта и непригодны для устройства земледѣльцевъ; а частновладѣльческія составляютъ лишь около 1 десятины на душу обоего пола класса иногородныхъ. Для сколько-нибудь достаточнаго обезпеченія послѣднихъ земельными угодьями врядъ ли можно, поэтому, обойтись безъ того, чтобы не коснуться казацкихъ земель. И иногородные имѣютъ всѣ права на эти земли. Ихъ именно трудами, главнымъ образомъ, и воздѣлываются эти земли; вносимыми ими платежами покрываются общественные расходы станицы и „во многихъ станицахъ, гдѣ иногородныхъ мало, казаки прямо говорятъ, что безъ иногородныхъ имъ трудно содержать общественныя учрежденія“. Они участвуютъ наравнѣ съ казаками въ отбываніи повинностей: подводной, постойной, по содержанію дорогъ, мостовъ и переправъ. Казацкое населеніе области высказывается, конечно, противъ того, чтобы войсковыя земли были обращены на обезпеченіе иногородныхъ. И оно, пожалуй, право, потому что нести тяжелую военную службу, не имѣя доходовъ отъ этой земли, обработываемой иногородными, казаки не имѣли бы возможности. Но постановка вопроса измѣняется, если военная служба казаковъ—этотъ остатокъ старины—будетъ отмѣнена и полу-военное казацкое сословіе обращено въ чистыхъ земледѣльцевъ. Въ средѣ самихъ казаковъ начинаетъ распространяться мысль, что постановка аграрнаго вопроса, въ случаѣ отмѣны обязательной военной службы казаковъ, должна измѣниться.

Положеніе иногородныхъ въ казацкихъ областяхъ заслуживаетъ, однако, вниманія и въ другихъ отношеніяхъ. Этотъ слой населенія лишенъ теперь почти всякихъ мѣстныхъ, такъ сказать, правъ. Иногородные почти вовсе не участвуютъ въ мѣстномъ управленіи, лишены права безплатнаго пользованія такими общественными учрежденіями, какъ школа, медицинская помощь, хлѣбозапасные магазины, несмотря на то, что эти учрежденія содержатся, главнымъ образомъ, на суммы, получаемыя отъ обложенія иногородныхъ; не имѣютъ права безъ разрѣшенія станичныхъ обществъ перестраивать, пристраивать и возводить новыя постройки на состоящихъ въ ихъ пользованіи усадебныхъ участкахъ и, въ заключеніе, подчинены юрисдикціи станичнаго суда,

состоящаго исключительно изъ казаковъ. Измѣненіе положенія иногородной части населенія казацкихъ областей въ указанныхъ отношеніяхъ должно составлять ближайшую задачу нашего общественнаго управленія.—В. В.

Въ октябрѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Агафоновъ, В. К.—Наука и жизнь. Спб. 906. Ц. 1 р.

Бергъ, Гуго (фабричный рабочій).—Долой безработицу! Съ предисловіемъ А. Вильбрандта. Съ нѣм., пер. Е. Рахмиловичъ. Спб. 906. Ц. 25 коп.

Бирюковъ, П.—Левъ Николаевичъ Толстой (графъ). Біографія. В. I. Съ 29 иллюстраціями. М. 906. Ц. 2 р.

Блатгнеръ, Карлъ.—Карманный словарь русскаго и нѣмецкаго языковъ. Съ указаніемъ произношенія по фонетической системѣ методы Туссэна-Лангеншейдта. Ч. I: Русско-нѣмецкая. Берл. 906.

Бёмэ, Маргарита.—Дневникъ падшей. Подлинныя записки, обработанныя для печати. Съ нѣм. Ф. Ельяшевичъ, со вступительной статьей С. Франца. Спб. 906. Ц. 70 к.

Берендтсъ, Э.—Кое-что о современныхъ вопросахъ. 907. Ц. 60 к.

Блосъ, В.—Исторія германской революціи 1848 года. Съ нѣм. Г. Радомысльскій. Спб. 906. Ц. 1 р. 20 к.

Бобошко, О. Л.—Рабочій и аграрный вопросы. Николаевъ. 906. Ц. 5 к.

Бородинъ, Н. А., членъ первой Госуд. Думы.—Государственная Дума въ цифрахъ. Спб. 906. Стр. 72. Ц. 25 к.

Бубликовъ, А., инж.—Современное положеніе Россіи и желѣзнодорожный вопросъ. Спб. 906. Ц. 50 к.

——— Замѣтки по очереднымъ вопросамъ желѣзнодорожной политики. Спб. 906. Ц. 1 р.

Вейль, Ж. — Исторія соціальнаго движенія во Франціи (1852—1902 г.). Перев. М. Брагинскій. Спб. 906. Ц. 1 р. 80 к.

Воскресенскій, А.—Опытъ философской пропедевтики.—Ч. I: Наука и философія. Ч. II: Очерки психологіи. Орелъ. 905. Ц. 75 и 85 к.

Верещагинъ, Н.—Трудовыя колоніи. Кооперація въ дѣлѣ воспитанія. Спб. 906. Ц. 16 к.

Гарлицкій, Э. Ѳ.—Краткій учебникъ химіи. Съ 29-ю рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 906. Ц. 45 к.

Годлевскій, С.—Всемірная послѣдняя борьба.—Краткая повѣсть объ Антихристѣ Влад. Соловьева и его предсказаніе о всемірной войнѣ. Спб. 906. Ц. 10 к.

Г. С. Ш.—Князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Спб. 906.

Гуго фонъ-Гофманнсталь.—Драмы. Перев. С. Орловскаго. М. 906. Ц. 1 р.

Дамашке, А.—Аграрная реформа. Спб. 906. Ц. 50 к.

Де-Волланъ, Григ.—Въ странѣ милліардовъ и демократіи. Очерки и замѣтки. Съ 12 иллюстр. Спб. 906. Ц. 2 р. 25 к.

Димъ, Н.—Сельскій пролетаріатъ въ Россіи. Спб. 906. Ц. 12 к.

Довнаръ-Запольскій, проф., М. В.—Тайное общество декабристовъ. Историческій очеркъ, написанный на основаніи слѣдственнаго дѣла. М. 906. Ц. 1 р.

Додэ, Альфонсъ.—Малышъ. Полный перев. А. Трачевской-Калугиной. Съ біограф. и примѣч. проф. А. Трачевскаго. Съ портретомъ автора и рисунками. Спб. 906.

Емельяновъ, Ег. — Золото въ розсыпяхъ и коренныхъ мѣсторожденіяхъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

——— Научныя экскурсіи въ область загадочнаго. Спб. 905. Ц. 60 к.

——— Радій въ роли Дракона. Спб. 906. Ц. 50 к.

Жерве, Ник. — Неосуществившійся проектъ народнаго представительства 1881 года, предложенный гр. Лорисъ-Меликовымъ. Спб. 906. Ц. 10 к.

Жуковскій, Юл. Г.—Населеніе и земледѣліе. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ-Разумникъ. — Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. Т. II. Спб. 907. Ц. за оба тома—3 руб.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга Новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. 9-ое. Спб. 906. Ц. 1 р. 45 к.

Куно Фишеръ.—Исторія новой философіи. Декартъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Съ нѣм. пер. Н. Н. Полилова. Съ портретомъ Декарта. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Ковалевская, О. П.—Молочный скотъ и молочное хозяйство. Руководство для сельскохозяйственныхъ колоній, народныхъ школъ и хозяевъ-практиковъ. Спб. 906. Ц. 30 к.

Ковалевскій, Максимъ.—Отъ прямого народоправства къ представительному, и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій. Т. II. М. 906. Ц. 2 р.

Крачковскій, В. Н.—Афоризмы. Спб. 906. Ц. 1 р.

Кричевскій, Б.—Восьмичасовой рабочій день. Спб. 907. Ц. 10 к.

Кулябко-Корецкій, Н. И.—Франція въ XIX вѣкѣ. Политическія волненія и революціонныя бури. М. 907. Ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. А.—Въ люди вышелъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Лернеръ, Н., и Ставрогинъ, Н.—Гражданскіе мотивы въ русской поэзіи отъ Пушкина до нашихъ дней. Спб. 906. Ц. 60 к.

Локоть, проф., Т. В.—Первая Дума. Статьи, замѣтки и впечатлѣнія бывшаго члена Государственной Думы. 906. Ц. 1 р. 20 к.

Лопатины, Ив. и Пав.—Очеркъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ. Варш. 906. Ц. 15 к.

Любомудровъ, М.—Введеніе въ науку о справедливости Герберта Спенсера. Составлено по Отто Гаупну. Ковровъ. 906.

Марксъ, Карлъ.—Теорія прибавочной стоимости. Изъ неизданной рукописи. Къ критикѣ политической экономіи. Вып. I-й. Перев. съ изданія Каутскаго П. Стрѣльскій, подъ ред. І. Плеханова. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д. С.—Трилогія: Христосъ и Антихристъ. I. Смерть боговъ, Юліанъ Богоотступникъ. Спб. 906. Ц. 2 р.

Мечниковъ, проф., И.—Что такое старость? Съ франц. Спб. 905.

Могилянскій, П.—Интернаціоналъ. Очеркъ изъ исторіи рабочаго движенія второй половины XIX вѣка. Спб. 906. Ц. 15 к.

Мошинъ, Алексѣй.—Ясная Поляна и Васильевка. Спб. Ц. 50 к.

——— Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ. О писателяхъ. Спб. 905. Ц. 20 к.

——— Штрихи и настроенія. Кн. 2-я. Ц. 1 р.

Николаевъ, Юрій.—Запросы мысли. Спб. 906.

Пёльманъ, Р.—Очеркъ греческой исторіи въ связи съ источниковѣдѣніемъ. Съ нѣм. А. Русанова, Н. Кремлева и Е. Бекетова.

Первушинъ, П. М.—Святой Великій Князь Владиміръ Равноапостольный. Гимнъ-поэма. Ч. 1. Пенза, 906. Ц. 10 к.

Поссе, В. А.—Рабочія стачки. I, II, III и IV. Спб. 906. Цѣна всѣхъ четырехъ выпусковъ—95 к. Государственная Дума. Спб. 906. Ц. 30 к.

Понрковъ, Николай.—Солнечныя пѣсни. 1903—05 г. М. 906. Ц. 60 к.

Пуанкаре, Анри. Цѣнность науки. Съ франц., подъ ред. А. Бачинскаго и Н. Соловьева. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Раль, Томасъ. Элементарная политика. Перев. съ англ. Н. П. Дружинина. Москва. 906. Стр. 142. Ц. 45.

Ренанъ, Эрнестъ.—Калибанъ. Философская драма. Перев. М. А. Головкина. М. 906. Ц. 40 к.

Родіоновъ, Л.—Правовое государство. Краткіе очерки по государственному праву. М. 906. Ц. 35 к.

Розановъ, В. В.—Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Рожковъ, Н. А.—Какъ произошло и какъ развилось самодержавіе въ Россіи. Спб. 907. Ц. 60 к.

Сомовъ, П. О.—Векторіальный анализъ и его приложенія. Спб. 907.

Сухоплюевъ, И.—Послѣдствія неурожаевъ въ Россіи. М. 906.

Тотоміанцъ, В.—Задачи городского самоуправленія. Краткій очеркъ муниципальнаго соціализма. Изд. 2-е. Спб. 906. Ц. 8 к.

Трачевскій, Ал.—Наполеонъ I. Первые шаги и консульство. 1769—1804. М. 907. Ц. 1 р. 25 к.

——— Учебникъ Новой исторіи. Съ 133 рис. Спб. 906. Ц. 1 р. 75 к.

Трофимовъ, А. Н—Теорія прибавочной стоимости К. Маркса съ технической точки зрѣнія. Спб. 906.

Трубниковъ, А. А.—Помнишь—бывало... Спб. 906. Ц. 85 к.

Тылова, К.—Балдушкинъ. Разсказъ изъ манчжурской эпопеи. Спб. 906. Ц. 40 к.

Франческо Риччолли.—Государственное устройство свободныхъ государствъ. Съ приложеніемъ таблицъ конституцій. Съ итальян., подъ ред. Н. Рейнгардта. Спб. 906. Ц. 40 к.

Храневичъ, В. І.—Очерки экономическаго быта крестьянства въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 906. Ц. 60 к.

Чернышевскій, Н. Г.—Полное собраніе сочиненій. Т. IX: „Современникъ" 1862—1863 гг. Статьи экономическія.—Отдѣлъ „Политики".—Романъ „Что дѣлать?" Спб. 906.

——— Т. I: „Отечественныя Записки", 1853—56 гг.—„Атеней", 1858.—„Современникъ", 1853—1855 г. Критика и библіографія. Спб. 906.

——— Т. X, ч. 2. Отдѣльныя статьи (1842—1863). Статьи послѣдняго времени (1885—1889). Спб. 906. Ц. 18 руб. за 10 томовъ.

Шарпантье, С.—Нищій у порога Европы. Политическій и географическій очеркъ Марокко. Съ картой. Спб. 906. Ц. 60 к.

Штукенбергъ, А.—Фауна Верхне-Каменноугольной толщи самарской луки. Спб. 906.

Щаповъ, А. П.—Сочиненія, въ 3-хъ томахъ. Т. I. Спб. 906. Ц. 3 р.

Щукинъ, Н. И.—Краткое описаніе новаго владѣнія Имп. Россійскаго Историческаго Музея, имени имп. Александра III, въ городѣ Москвѣ. Съ 25-ью фототипіями работы К. Фишера. М. 906.

Эль, П.—Соціально-сатирическіе этюды. Спб. 906. Ц. 80 к.
Эльцбахеръ, П.—Сущность анархизма. Спб. 906. Ц. 75 к.
Якимовъ, Василій.—Morituri. Разсказы. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Библіотека „Общественной пользы": 1) Э. Бюиссонъ, Всеобщая стачка, перев. П. С., съ прилож. статьи Н. Кудрина: „Всеобщая забастовка" (ц. 15 к.), 2) К. Марксъ, Революція и контръ-революція въ Германіи, съ предисл. К. Каутскаго (ц. 25 к.). 3) Л. Василевскій, Современная Польша и ея политическія стремленія (ц. 50 к.). 4) Н. А. Бородинъ, Государственная Дума въ цифрахъ, (ц. 25 к.). Спб. 906.

— Библіотека по общественно-экономическимъ вопросамъ: проф. Н. Х. Озеровъ, I. Что̀ должны имѣть въ виду рабочіе. II. Страхованіе трудящихся въ Германіи. III. Фабричные комитеты. IV. Земельный вопросъ въ Россіи. V. Финансовая реформа въ Россіи. Ц. 5-ти вып. 95 к. М. 906.

— Бой-Котъ. Пѣсни о четырехъ свободахъ. Вып. 1. Спб. 906. Ц. 10 к.

— Городскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвованія и капиталы, пожертвованные московскому городскому общественному управленію въ теченіе 1863—1904 гг. М. 906.

— Ежегодникъ Имп. Театровъ. Сезонъ 1903—4 г. Выпускъ XIV, съ Приложеніемъ. Спб. 906.

— Изданіе журнала „Образованіе": 1) Полицейскій соціализмъ въ Россіи (ц. 20 к.), 2) Кочетковой, З., Соціализмъ и земледѣліе (ц. 40 к.), 3) Лоранъ-Дешенъ, Рабочіе синдикаты въ Бельгіи, перев. съ франц. Ц. 40 к. 4) А. Богдановъ, Революція и философія. Спб. 906. Ц. 7 к.

— Изданія журнала „Русское Богатство": 1) Григ. Бѣлорѣцкій, „Безъ идеи". Спб. 906. Ц. 75 к. 2) С. Савинкова, „Годы скорби". Спб. 906. Ц. 15 к. 3) П. Лавровъ, „Задачи позитивизма и его рѣшеніе". Спб. 906. Ц. 40 к.

— „Искра". За два года. Спб. 906. Ц. 2 р. 25 к.

— Какъ устраиваются городскія общественныя работы. Опытъ германскихъ городовъ. Перев. съ нѣм. Б. А. Гагена. Спб. 906. Ц. 70 к.

— Краткія біографіи членовъ Государственной Думы. Спб. 906. Ц. 30 к.

— Крестьянскіе наказы самарской губерніи. Опытъ собиранія матеріаловъ въ русской революціи. Съ вступительными статьями А. Васильева и В. Кудрявцева. Самара. 906. Ц. 45 к.

— Матеріалы для исторіи факультета восточныхъ языковъ. Т. II. 1865—1901 г. Спб. 906.

— Матеріалы по статистикѣ начальнаго образованія на русскихъ казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогахъ—на 1 января 1900 года. Спб. 906.

— Передъ церковнымъ соборомъ. Трудъ московской коммиссіи по церковнымъ дѣламъ. М. 906. Ц. 1 р. 35 к.

— Политическая Энциклопедія. Подъ ред. Л. З. Слонимскаго. Т. I, вып. 2 (Аргау—Антисемитизмъ). Второе изданіе. Спб 906. Ц. 1 р.

——— Т. I, вып. 3 (Бразилія—Выборы). Спб. 906. Ц. 9 р. за 12 выпусковъ.

— Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой, графа Л. Н. Толстого. Т. III. Спб. 906. Ц. 65 к.

— Сборникъ женской гимназіи А. С. Пушкина. Т. I. Подъ ред. А. Ясинскаго. Юрьевъ. 906. Ц. 2 р. 40 к.

— Сборникъ Товарищества „Знаніе" за 1906 г. Кн. XII. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1903 г. Спб. 906.

— Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый Обществомъ

ревнителей просвѣщенія въ память имп. Александра III. Кн. XI. Спб. 906. Ц. 2 р.

— Труды Полтавскаго Общества сельскаго хозяйства по аграрному вопросу. Полт. 906.

— Хозяйственно-Статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1905 годъ. Годъ X-й. Уфа. 906. Ц. 2 р. 25 к.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1906 г.

Мемуары князя Гогенлоэ. — Разоблаченія относительно причинъ и обстоятельствъ отставки Бисмарка.—Новыя черты для характеристики „Желѣзнаго канцлера".—Забавно-поучительная исторія въ Кепеникѣ.—Перемѣна министерства во Франціи.—Австрійскіе министры иностранныхъ дѣлъ.

Въ теченіе послѣднихъ недѣль сдѣлалось необыкновенно популярнымъ въ Германіи имя князя Хлодвига Гогенлоэ, третьяго канцлера имперіи, умершаго въ 1901 году. Всѣ газеты говорятъ о немъ, приводятъ его слова, обсуждаютъ его поступки и обнаруживаютъ вообще такой интересъ къ его личности, какого не замѣчалось во время его канцлерства. Тихій и скромный при жизни, онъ неожиданно нашумѣлъ послѣ смерти и пріобрѣлъ, можно сказать, всемірную славу—если не какъ политическій дѣятель, то какъ авторъ мемуаровъ, возбуждающихъ любопытство публики пикантными разоблаченіями и анекдотами изъ новѣйшей исторіи Германіи и отчасти Европы. Неизмѣнно корректный и сдержанный дипломатъ, великосвѣтскій царедворецъ по рожденію и фамильнымъ связямъ, князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ является теперь въ видѣ тонкаго, ядовитаго наблюдателя, откровенно разглашающаго чужія интимныя бесѣды и политическія тайны. Никто не зналъ, что съ половины шестидесятыхъ годовъ онъ аккуратно записывалъ все происходившее при немъ или при его участіи и распорядился приготовить этотъ матеріалъ къ печати послѣ его смерти; а тѣ, которые слышали объ его мемуарахъ, не могли предвидѣть, что они будутъ имѣть подобный нескромный характеръ. Воля покойнаго была исполнена его третьимъ сыномъ, принцемъ Александромъ, и мемуары вышли въ свѣтъ въ двухъ большихъ томахъ, въ Штутгартѣ, подъ редакціею и наблюденіемъ профессора Курціуса, сына знаменитаго историка. Отрывки изъ этихъ мемуаровъ, касающіеся причинъ и обстоятельствъ отставки Бисмарка, появились въ то же время въ распространенномъ популярномъ журналѣ „Ueber Land und Meer", откуда они были перепечатаны большинствомъ нѣмецкихъ газетъ. Императоръ Вильгельмъ II послалъ князю Филиппу Гогенлоэ грозную телеграмму: „Только-что читаю съ изумленіемъ и негодованіемъ опубликованныя подробности самыхъ интимныхъ частныхъ разговоровъ между твоимъ отцомъ и мною, отно-

сительно удаленія князя Бисмарка. Какъ могло случиться, что такого рода матеріалъ могъ быть преданъ гласности, безъ предварительнаго моего дозволенія? Я долженъ признать этотъ образъ дѣйствій въ высшей степени безтактнымъ, нескромнымъ и крайне неумѣстнымъ, такъ какъ нигдѣ не слыхано, чтобы обстоятельства, относящіяся до царствующаго суверена, оглашались безъ его одобренія". Оказалось, впрочемъ, что старшій сынъ и наслѣдникъ князя Хлодвига, князь Филиппъ Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о содержаніи записокъ своего отца и не принималъ никакого участія въ ихъ обнародованіи; покойный поручилъ это дѣло болѣе либеральному принцу Александру, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ еще депутатомъ въ имперскомъ сеймѣ и заслужилъ своими рѣчами кличку „краснаго принца". Иногда этотъ принцъ публично возражалъ или подавалъ голосъ противъ правительственныхъ законопроектовъ, внесенныхъ или поддерживаемыхъ его отцомъ, и послѣдній, въ отвѣтъ на высказываемыя по этому поводу недоумѣнія, ссылался на то, что его сынъ—совершеннолѣтній. Впослѣдствіи принцъ Александръ поступилъ на государственную службу и занялъ постъ начальника одного изъ округовъ Эльзаса; но теперь онъ вынужденъ былъ внезапно выйти въ отставку. Нельзя отрицать, что въ данномъ случаѣ либерализмъ его заключалъ въ себѣ какую-то неправильность, которая вполнѣ оправдывала раздраженіе Вильгельма II. Въ мемуарахъ дѣйствительно сообщаются разныя интимныя замѣчанія императора, вовсе не предназначенныя для публики, и наслѣдники князя Гогенлоэ, конечно, не имѣли нравственнаго права оглашать подобныя частныя бесѣды безъ вѣдома и согласія заинтересованныхъ лицъ. Нѣкоторыми изъ этихъ разоблаченій затронуты важные и щекотливые вопросы международной политики, напр. по поводу отношеній Германіи къ Россіи, — вопросы, входящіе уже прямо въ область секретной придворной дипломатіи. Очевидно, князь Хлодвигъ Гогенлоэ, вопреки своей репутаціи, не раздѣлялъ обычныхъ взглядовъ и традицій прусско-германскаго чиновничества; отъ этихъ взглядовъ и традицій чувствовалъ себя свободнымъ и принцъ Александръ, хотя и состоявшій на службѣ имперіи. Дѣло въ томъ, что въ имперскомъ строѣ Германіи сохранились средневѣковыя феодальныя черты, въ силу которыхъ представители извѣстныхъ фамилій находятся лишь въ вассальномъ подчиненіи императору и не считаются вообще чьими-либо подданными; фамилія Гогенлоэ принадлежитъ именно къ числу этихъ старинныхъ владѣльческихъ династій, занимающихъ особое привилегированное положеніе въ имперіи. Князь Хлодвигъ имѣлъ титулъ и званіе имперскаго князя; по своимъ земельнымъ владѣніямъ онъ былъ связанъ съ Баваріей и ея королевскимъ домомъ, тогда какъ

его старшій братъ, герцогъ Ратиборъ и Корвей, владѣлъ землями въ Пруссіи и потому былъ вассаломъ прусскаго короля. Этимъ объясняется и тотъ независимый тонъ, въ какомъ говорится въ мемуарахъ о Гогенцоллернахъ и въ частности о Вильгельмѣ II.

Особенный интересъ представляютъ тѣ главы записокъ князя Гогенлоэ, которыя относятся къ знаменитымъ мартовскимъ днямъ 1890 г., когда совершилось паденіе Бисмарка. Утромъ 21-го марта Гогенлоэ прибылъ въ Берлинъ и заѣхалъ къ своему брату, герцогу Виктору Ратибору, у котораго засталъ уже газету съ напечатаннымъ рескриптомъ императора объ отставкѣ Бисмарка и о пожалованіи ему титула герцога Лауенбургскаго; слухи о серьезныхъ причинахъ разрыва подтверждались съ разныхъ сторонъ. „Обращеніе Бисмарка съ императоромъ, пренебрежительные отзывы его о послѣднемъ въ разговорахъ съ дипломатами, и взаимная натянутость въ личныхъ сношеніяхъ дѣлали разрывъ неизбѣжнымъ. Такъ какъ императоръ уже нѣсколькими недѣлями раньше совѣщался съ Каприви по поводу вѣроятнаго назначенія его канцлеромъ и Бисмаркъ узналъ объ этомъ, то дѣло не могло тянуться долго. Здѣсь настроеніе — двойственное: одни говорятъ, что императоръ правъ, другіе—что правъ Бисмаркъ. Княгиня также не способствовала умиротворенію, а напротивъ, подзадоривала своего мужа. Утверждаютъ, напр., что Бисмаркъ въ послѣднее время часто мѣнялъ свои взгляды и этимъ возбуждалъ недовѣріе императора; къ этому присоединились разныя мелочи, раздражавшія Бисмарка". Во дворцѣ, за обѣдомъ, 24-го марта, министръ Стошъ подробно разсказывалъ князю Гогенлоэ о своихъ несогласіяхъ съ Бисмаркомъ, и былъ, повидимому, очень радъ, что можетъ теперь говорить свободно, что не надо уже бояться великаго человѣка. „Это чувство облегченія преобладаетъ здѣсь. Вновь оправдывается истина, что только кроткіе владѣютъ симпатіями на землѣ. Лишь бы только въ иностранной политикѣ осмотрительно слѣдовали по пути Бисмарка! Послѣ обѣда императоръ такъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, что у меня пальцы закрустѣли; онъ также чокнулся со мною, и я такъ почтительно поклонился ему при этомъ, что едва не пролилъ своего шампанскаго. Я былъ принятъ затѣмъ императрицей Фридрихъ, которая не одобряетъ способовъ и пріемовъ, употребленныхъ при отставкѣ Бисмарка. Она думаетъ, что я долженъ былъ бы быть его преемникомъ; но когда я напомнилъ ей, что я родился въ томъ же году, какъ ея отецъ и мать, то она согласилась со мною, что поздно брать на себя такую задачу. Въ вопросахъ соціальной политики она раздѣляетъ мое мнѣніе, и, по ея словамъ, императоръ Фридрихъ всегда возставалъ противъ бисмарковскаго законодательства". Великій герцогъ Баденскій, съ которымъ авторъ видѣлся на слѣдующій день, сообщилъ ему много лю-

бопытнаго; онъ утверждаетъ, что причиною разрыва между императоромъ и канцлеромъ былъ вопросъ о власти и что всѣ другія разногласія имѣли лишь второстепенное значеніе. Важнѣйшимъ предметомъ спора былъ кабинетный приказъ 1852 года, исключавшій отдѣльные доклады министровъ у короля помимо министра-президента; Бисмаркъ настойчиво подтвердилъ министрамъ необходимость соблюденія этого стараго порядка, чѣмъ отнималъ у нихъ право непосредственныхъ сношеній съ монархомъ. Императоръ хотѣлъ, чтобы упомянутый приказъ былъ отмѣненъ, а Бисмаркъ возставалъ противъ этого. При разговорѣ съ императоромъ Бисмаркъ былъ такъ раздраженъ, что Вильгельмъ II замѣтилъ потомъ: „хорошо еще, что онъ не бросилъ въ меня чернильницей". Императоръ относился подозрительно и къ иностранной политикѣ канцлера; „онъ предполагалъ, что Бисмаркъ намѣренъ вести эту политику по своимъ особымъ, неизвѣстнымъ императору планамъ, и имѣетъ въ виду пожертвовать Австріею и тройственнымъ союзомъ ради соглашенія съ Россіею, тогда какъ императоръ этого не желаетъ и стоитъ за тройственный союзъ. Въ Вѣнѣ также господствуетъ недовѣріе къ графу Герберту Бисмарку. Говорятъ еще, что императоръ написалъ безъ вѣдома канцлера письмо къ королевѣ Викторіи и что это письмо сдѣлалось извѣстнымъ въ Берлинѣ". Черезъ два дня, 27-го марта, князь Гогенлоэ былъ у Бисмарка, котораго нашелъ вполнѣ здоровымъ и бодрымъ. „Когда я сказалъ ему,—пишетъ онъ въ дневникѣ,—что событіе произошло вполнѣ неожиданно для меня, то онъ добавилъ: „и для меня", такъ какъ тремя недѣлями раньше онъ не думалъ, что дѣло кончится подобнымъ образомъ. „Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—я долженъ былъ этого ожидать, ибо императоръ хочетъ уже самъ управлять". Онъ говорилъ затѣмъ о различныхъ пунктахъ разногласій между нимъ и императоромъ, упоминалъ о законѣ для защиты рабочихъ, который кажется желательнымъ императору, но который на дѣлѣ былъ бы только закономъ принужденія и опеки для рабочихъ, — и перешелъ къ вопросу о положеніи министра-президента, причемъ признавалъ недопустимымъ, чтобы каждый министръ могъ имѣть докладъ у короля безъ спроса министерскаго совѣта или его президента. Онъ сильно возстановленъ противъ министровъ, потому что они не поддержали его; они больше боятся императора, чѣмъ канцлера. При такихъ условіяхъ онъ не могъ сохранить свой авторитетъ. Великаго герцога Баденскаго онъ также причисляетъ къ своимъ противникамъ. Когда я высказалъ ему предположеніе, что рано или поздно императоръ попроситъ его вернуться, онъ отклонилъ эту мысль: онъ не желаетъ вторично провести такія три недѣли. „Здѣсь вы меня больше не увидите; но если пріѣдете ко мнѣ въ Варцинъ или Фри-

дрихсруэ, то буду очень радъ". Въ заключеніе онъ совѣтовалъ мнѣ, какъ намѣстнику Эльзаса-Лотарингіи, принять мѣры къ тому, чтобы императоръ возможно меньше заботился объ этой области". Будучи уже въ Страсбургѣ, князь Гогенлоэ узналъ, въ какой формѣ императоръ объяснилъ командующимъ генераламъ причины удаленія Бисмарка. „Вопросъ о правѣ доклада министровъ и крайняя неумѣренность, съ какою канцлеръ выступалъ противъ императора, сдѣлали для него невозможною дальнѣйшую совмѣстную работу. Лучше было, поэтому, разойтись теперь же, когда можно еще разстаться мирно, чѣмъ доводить дѣло до серьезнаго конфликта. Далѣе императоръ сообщилъ генераламъ, что Россія хочетъ занять Болгарію своими войсками и заручиться для этого нейтралитетомъ Германіи; но онъ обѣщалъ австрійскому императору, что останется его вѣрнымъ союзникомъ, и онъ исполнитъ свое обѣщаніе. Занятіе Болгаріи русскими войсками означаетъ войну съ Австріею, и онъ не можетъ оставить Австрію безъ поддержки. Все болѣе выясняется, что разногласіе относительно русскихъ плановъ ускорило разрывъ между императоромъ и канцлеромъ. Бисмаркъ не хотѣлъ оказать помощь Австріи въ случаѣ нужды; императоръ же хочетъ дѣйствовать заодно съ Австріею, не останавливаясь даже предъ опасностью быть вовлеченнымъ въ войну съ Россіею и Франціею. Этимъ я объясняю себѣ замѣчаніе Бисмарка, что императоръ ведетъ политику въ духѣ Фридриха-Вильгельма IV. Это черная точка для будущаго". Въ Карлсруэ великій герцогъ Баденскій передавалъ князю Гогенлоэ дальнѣйшія подробности о канцлерскомъ кризисѣ. По его словамъ, „дѣло шло въ концѣ концовъ о томъ, должна ли царствовать династія Бисмарка или династія Гогенцоллерновъ. Еслибы императоръ уступилъ на этотъ разъ, то онъ потерялъ бы всякій авторитетъ; всѣ смотрѣли бы только на Бисмарка и слушались бы его одного. Положеніе становилось уже невыносимымъ. Великій герцогъ разсказывалъ о послѣднемъ своемъ свиданіи съ Бисмаркомъ. Онъ замѣтилъ къ нему проститься и сказалъ при этомъ, что всегда будетъ съ благодарностью вспоминать то время, когда они вмѣстѣ работали для блага Германіи; но князь отвѣтилъ, что самъ великій герцогъ виноватъ въ его теперешнемъ удаленіи, ибо онъ высказывался предъ императоромъ въ пользу новаго рабочаго законодательства и этимъ содѣйствовалъ разладу между императоромъ и Бисмаркомъ. Великій герцогъ оспаривалъ это, напомнивъ, что къ разрыву привели недоразумѣнія въ области прусскихъ дѣлъ, а въ прусскія дѣла онъ никогда не вмѣшивался; „тогда Бисмаркъ сдѣлался грубъ",—но великій герцогъ не повторилъ того, что̀ сказалъ тогда Бисмаркъ; свиданіе окончилось, такимъ образомъ, далеко не дружественно. Въ апрѣлѣ князь Гогенлоэ имѣлъ случай провести цѣлый часъ наединѣ съ импера-

ромъ при совмѣстной поѣздкѣ въ охотничій домъ, въ окрестностяхъ Страсбурга; въ дорогѣ императоръ безъ перерыва излагалъ всю исторію своихъ пререканій съ Бисмаркомъ. По этому разсказу, охлажденіе началось еще въ декабрѣ 1889 года. Тогда уже императоръ требовалъ, чтобы сдѣлано было что-нибудь по рабочему вопросу; канцлеръ былъ противъ этого. Императоръ исходилъ изъ того соображенія, что если правительство не возьметъ на себя иниціативы, дѣло перейдетъ въ руки имперскаго сейма и его партій, соціалистовъ, центра и прогрессистовъ, и авторитету правительства будетъ причиненъ ущербъ. Канцлеръ хотѣлъ опять предложить новому рейхстагу законъ о соціалистахъ, съ правомъ высылки, и въ случаѣ отклоненія закона думалъ распустить парламентъ, а еслибы возникли безпорядки, то энергически подавить ихъ вооруженной силой. Императоръ возражалъ противъ этого, говоря, что еслибы его великій дѣдъ послѣ долгаго славнаго царствованія вынужденъ былъ дѣйствовать противъ возставшихъ, никто не могъ бы упрекнуть его за это; но не таково положеніе его, Вильгельма II, который ничего еще не сдѣлалъ для государства. Ему ставили бы въ вину, что онъ начинаетъ свое царствованіе съ разстрѣливанія своихъ подданныхъ. Онъ готовъ будетъ прибѣгнуть къ силѣ, если понадобится; но онъ можетъ дѣлать это только съ чистой совѣстью, послѣ того, какъ онъ пытался бы удовлетворить основательныя жалобы рабочихъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ бы все для исполненія ихъ основательныхъ требованій. Императоръ требовалъ поэтому въ особомъ министерскомъ совѣщаніи, чтобы представлены были проекты мотивированныхъ приглашеній на международную рабочую конференцію; но Бисмаркъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Императоръ передалъ вопросъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, и наконецъ ему удалось осуществить свою мысль, несмотря на возраженія Бисмарка. Между тѣмъ Бисмаркъ втихомолку противодѣйствовалъ, старался побудить Швейцарію уклониться отъ участія въ конференціи, что было предупреждено только лойяльнымъ поведеніемъ швейцарскаго посланника въ Берлинѣ, и работалъ въ этомъ же духѣ между дипломатами. Отношенія между императоромъ и канцлеромъ мало-по-малу разстроились; они стали крайне тягостными вслѣдствіе возникшихъ споровъ изъ-за кабинетнаго приказа 1852 года. Бисмаркъ неоднократно совѣтовалъ императору призывать отдѣльныхъ министровъ для объясненій и докладовъ по дѣламъ ихъ вѣдомствъ; но когда сношенія императора съ министрами сдѣлались болѣе частыми, Бисмаркъ былъ опять недоволенъ, сдѣлался ревнивымъ, и выдвинулъ кабинетный приказъ 1852 года, чтобы опять отдалить министровъ отъ императора. Противъ этого протестовалъ императоръ и требовалъ отмѣны кабинетнаго приказа; Бисмаркъ сначала согласился, а потомъ

долго не давалъ о себѣ знать. Тогда императоръ поручилъ сказать князю, что онъ долженъ или внести проектъ объ отмѣнѣ кабинетнаго приказа, или выйти въ отставку; князь колебался, но 18-го марта онъ подалъ наконецъ прошеніе объ отставкѣ. Нужно замѣтить, что еще въ началѣ февраля 1890 г. Бисмаркъ сообщилъ о своемъ намѣреніи удалиться на покой; но, нѣкоторое время спустя, онъ увѣдомилъ императора, что раздумалъ и рѣшилъ остаться; это было непріятно для Вильгельма II, который, однако, не спорилъ и сдерживался, пока не разыгралась исторія съ кабинетнымъ приказомъ. Секретные переговоры съ Виндгорстомъ послужили также матеріаломъ для непріятныхъ объясненій; вообще, такихъ конфликтовъ было много въ послѣднія три недѣли. Императоръ повторилъ фразу о династіи Бисмарка или династіи Гогенцоллерновъ; онъ коснулся также иностранной политики и указалъ на то, что канцлеръ скрывалъ отъ него нѣкоторыя свои дѣйствія. Онъ полагаетъ, что Бисмаркъ довелъ до свѣдѣнія петербургскаго двора о желаніи императора вести антирусскую политику; но, прибавилъ Вильгельмъ II, для этого нѣтъ точныхъ доказательствъ.

Мемуары князя Гогенлоэ внесли мало существенно новаго въ извѣстныя уже свѣдѣнія о причинахъ отставки Бисмарка; они только яснѣе подчеркиваютъ тотъ интересный для насъ фактъ, что нѣкоторую роль въ канцлерскомъ кризисѣ игралъ вопросъ о политикѣ Германіи относительно Россіи. Въ 1890 году истекалъ срокъ своеобразнаго договора секретной международной перестраховки, которымъ Германіи гарантировался русскій нейтралитетъ въ случаѣ нападенія Франціи, а Россіи обезпечивался германскій нейтралитетъ въ случаѣ нападенія Австріи; эта сомнительная комбинація, устроенная Бисмаркомъ за спиною тройственнаго союза и безъ вѣдома союзниковъ, противорѣчила идеямъ и чувствамъ Вильгельма II и была имъ безусловно отвергнута — не изъ вражды къ Россіи, какъ увѣряли поклонники канцлера, а просто въ силу политической честности, не позволяющей въ одно и то же время находиться въ союзѣ съ двумя противниками. Императоръ хотѣлъ остаться вѣрнымъ тройственному союзу, и въ частности союзу съ Австріею, пока этотъ союзъ существуетъ, и потому онъ отказался отъ возобновленія договора съ Россіею, направленнаго косвенно противъ Австріи; но изъ этого еще нельзя было заключить, что онъ враждебно настроенъ относительно Россіи и думаетъ воевать съ нею въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ. Съ другой стороны, если Бисмаркъ готовъ былъ парализовать значеніе австрійскаго союза, чтобы связать Россію договоромъ съ Германіею, то изъ этого вовсе не вытекалъ выводъ о твердомъ рѣшеніи его поддерживать миръ и дружбу съ Россіею при всякихъ

обстоятельствахъ. Бисмаркъ умышленно давалъ спорному вопросу неправильную постановку: выходило такъ, что Вильгельмъ II, оставаясь при одномъ тройственномъ союзѣ, этимъ самымъ создаетъ опасность войны съ Россіею, а Бисмаркъ, сѣявшій всегда раздоръ и тревожное безпокойство между державами, является охранителемъ общаго мира и сторонникомъ прочной дружбы съ Россіею. Послѣ разоблаченій князя Гогенлоэ становится уже почти несомнѣннымъ, что та же тема объ опасностяхъ мнимой антирусской политики императора занимаетъ видное мѣсто въ объясненіи канцлерскаго кризиса со стороны Бисмарка и что отчасти по этой же причинѣ было признано въ свое время неудобнымъ напечатаніе третьяго тома его „воспоминаній". Теперь этотъ запретъ вѣроятно будетъ уже снятъ, и міръ въ состояніи будетъ оцѣнить всю глубину его разсужденій о сложныхъ и трудныхъ вопросахъ политики. Люди безпристрастные, не ослѣпленные величіемъ Бисмарка, какъ историческаго дѣятеля, находятъ, что его воспоминанія и размышленія только тяжеловѣсны и далеко не всегда интересны; въ этомъ отношеніи неизданный еще третій томъ едва ли можетъ значительно отличаться отъ первыхъ двухъ. Въ нихъ нѣтъ признаковъ геніальности, и не видно также проявленій свѣтлаго и широкаго ума, ибо Бисмаркъ былъ великъ въ дѣйствіяхъ, а не въ разсужденіяхъ. Записки Гогенлоэ, который въ сущности, заодно со всѣми нѣмецкими патріотами, преклоняется предъ Бисмаркомъ, даютъ немало характерныхъ черточекъ для надлежащаго освѣщенія личности перваго германскаго канцлера. По мнѣнію Бисмарка, прусскіе юнкеры не могутъ ему простить того, что онъ возвысился и получилъ титулъ князя; положеніе Гогенлоэ является будто бы гораздо болѣе благопріятнымъ, потому что, въ качествѣ прирожденнаго имперскаго князя, онъ ни въ комъ не возбуждаетъ зависти. Самъ Бисмаркъ до конца своей жизни оставался въ душѣ прусскимъ юнкеромъ, необузданнымъ и суровымъ; достигнувъ громкой славы, онъ давилъ ею всѣхъ окружающихъ и не терпѣлъ при себѣ никакой самостоятельной индивидуальности. Король, впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I съ сознательнымъ самоотверженіемъ выносилъ на себѣ гнетъ тяжелаго характера своего канцлера; въ августѣ 1874 года онъ жалуется князю Гогенлоэ, что Бисмаркъ принуждаетъ его къ совершенію такихъ актовъ, которые противорѣчатъ его волѣ и его симпатіямъ, и что при всякомъ несогласіи онъ тотчасъ грозитъ своей отставкой; „такъ дальше идти не можетъ". Въ сентябрѣ 1876 года, въ Варцинѣ, Бисмаркъ говоритъ о своемъ намѣреніи сложить съ себя должность канцлера и министра-президента; онъ „не можетъ постоянно нести отвѣтственность за все, что совершается, и въ то же время не имѣть средствъ самому выбирать своихъ коллегъ; одни изъ министровъ ему проти-ю-

дѣйствуютъ, другіе слишкомъ слабы и держатъ у себя неподходящихъ совѣтниковъ. Такъ не можетъ продолжаться; поэтому онъ давно уже просилъ объ отставкѣ, но онъ предвидитъ, что тогда иностранныя дѣла пойдутъ плохо, ибо никто не обладаетъ по отношенію къ императору такою властью, какую пріобрѣлъ онъ, Бисмаркъ. Онъ думалъ однако создать себѣ такое положеніе, чтобы быть въ состояніи вліять на ходъ иностранныхъ дѣлъ, не имѣя на себѣ бремени и отвѣтственности канцлерскаго поста. Еслибы императоръ сдѣлалъ его генералъ-адъютантомъ, то это былъ бы единственный вѣрный способъ къ достиженію цѣли". Князь Гогенлоэ позволилъ себѣ замѣтить, что Бисмаркъ, быть можетъ, ошибается. Когда императоръ перестанетъ въ немъ видѣть имперскаго канцлера со всѣмъ его могуществомъ, онъ ускользнетъ отъ его вліянія, и другіе легко оттѣснятъ его. На это канцлеръ сказалъ, что онъ выступитъ также кандидатомъ на выборахъ въ депутаты, и это доставитъ ему нужное значеніе и власть; въ противномъ случаѣ всегда останется за нимъ право совершеннаго удаленія отъ дѣлъ.—Тѣмъ не менѣе, Бисмаркъ оставался канцлеромъ и послѣ смерти Вильгельма I, и въ короткое царствованіе несчастнаго Фридриха III, и готовился уже крѣпко держать власть при молодомъ Вильгельмѣ II, который привыкъ смотрѣть на него какъ на естественнаго своего руководителя и наставника. Бисмаркъ стоялъ даже за то, чтобы безнадежно-больной кронпринцъ Фридрихъ, лишенный голоса вслѣдствіе горловой болѣзни, заранѣе предоставилъ царствовать своему сыну; въ этомъ случаѣ, какъ и въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ Фридрихомъ III и его супругою, онъ проявилъ необыкновенное безсердечіе, опираясь на существовавшій идейный антагонизмъ между либеральными родителями и воинственнымъ наслѣдникомъ. На первыхъ порахъ по вступленіи своемъ на престолъ, Вильгельмъ II всецѣло подчинялся авторитету Бисмарка. По свидѣтельству князя Гогенлоэ, онъ видимо не рѣшался высказывать о чемъ-либо мнѣніе, несогласное съ идеями канцлера. Вдова императора Фридриха III съ горечью отзывалась о „злобныхъ и грубыхъ людяхъ", отравлявшихъ послѣдніе мучительные мѣсяцы покойнаго; о немъ говорили, что онъ вовсе не способенъ былъ заниматься дѣлами и ничего не успѣлъ сдѣлать, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ съ напряженіемъ работалъ и самостоятельно принималъ рѣшенія по разнымъ вопросамъ. „Гербертъ Бисмаркъ имѣлъ дерзость сказать принцу Уэльскому, что императоръ, который не можетъ говорить, не долженъ былъ бы и царствовать... Бисмаркъ-отецъ правилъ неограниченно болѣе двадцати лѣтъ и не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы монархъ имѣлъ свою волю. Молодой императоръ находится вполнѣ въ его рукахъ; нельзя еще знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать". Съ своей стороны принцъ

Уэльскій разсуждалъ осторожно, но онъ возмущался грубостью семьи Бисмарковъ, отца и сына Герберта. Въ январѣ 1889 года даже смиренный Гогенлоэ былъ пораженъ непонятнымъ озлобленіемъ канцлера противъ хвалителей умершаго императора и особенно противъ Геффкена, напечатавшаго дневникъ Фридриха III. „Онъ какъ-то вцѣпился въ это дѣло и не хочетъ отъ него отстать, — замѣчаетъ Гогенлоэ.—Онъ производитъ на меня впечатлѣніе умственно не совсѣмъ здороваго человѣка. Неудовольствіе во всѣхъ классахъ народа растетъ, и Бисмаркъ вредитъ больше себѣ, чѣмъ мертвому императору". Тогда же Вильгельмъ II убѣдился, что немыслимо живому и дѣятельному человѣку ужиться съ Бисмаркомъ; всѣ кругомъ сознавали, что крутой и безпокойный режимъ стараго канцлера потерялъ свой прежній смыслъ и становится источникомъ опасности для мирнаго внутренняго развитія Германіи. Нѣтъ надобности отыскивать или предполагать особыя таинственныя причины отставки Бисмарка; напротивъ, надо удивляться тому, что онъ упорно удерживалъ свое владычество и домогался еще расширенія своихъ полномочій въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ послѣ смерти Вильгельма I. Исполнивъ свою историческую миссію, онъ не ушелъ своевременно и пережилъ свою славу; легенда „желѣзнаго канцлера", безъ сомнѣнія, осталась бы болѣе цѣльною и внушительною, еслибы она не затемнялась образомъ угрюмаго старца, болѣзненно боровшагося за власть.

Въ мемуарахъ Гогенлоэ встрѣчается множество поучительныхъ фактовъ, отрывочныхъ наблюденій и безпритязательныхъ замѣтокъ, относящихся къ правительствамъ и дворамъ разныхъ европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи. Приведемъ здѣсь только одно сообщеніе, помѣченное 20-мъ мая 1881 года. „Кронпринцесса много говорила о Россіи, и затѣмъ также кронпринцъ. Оба они въ отчаяніи отъ положенія русскихъ дѣлъ, и кронпринцесса вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе, что только конституціонная система можетъ помочь въ данномъ случаѣ. Правда, имперскій канцлеръ опасается, что законодательное собраніе заставитъ императора назначить хорошихъ ораторовъ министрами, но я этого не сказалъ кронпринцессѣ. Кронпринцъ очень доволенъ дружескимъ отношеніемъ къ нему русскаго императора... Императоръ высказался противъ конституціи" [1]).

[1]) Приведенныя цитаты изъ записокъ князя Гогенлоэ заимствованы нами изъ нѣмецкихъ газетъ, помѣстившихъ пространныя изъ нихъ извлеченія; самые мемуары еще не получены въ Петербургѣ, а первое изданіе, по слухамъ, уже разошлось, второе же появится вѣроятно въ неполномъ видѣ, съ значительными пропусками и урѣзками, въ виду многочисленныхъ протестовъ.

Почти столько же шуму, какъ мемуары Гогенлоэ, надѣлала въ Пруссіи и Германіи комическая исторія захвата ратуши въ мѣстечкѣ Кепеникъ близъ Берлина небольшимъ военнымъ отрядомъ подъ предводительствомъ какого-то таинственнаго капитана. Мирные обыватели мѣстечка были взволнованы необычайнымъ событіемъ: явилась вооруженная сила, заняла всѣ входы и выходы въ зданіи ратуши, арестовала бургомистра и бухгалтера, забрала кассу въ суммѣ четырехъ тысячъ марокъ и отправила арестованныхъ въ Берлинъ на гауптвахту; все это было исполнено по особому словесному предписанію высшаго начальства, на которое формально ссылался офицеръ привилегированнаго прусскаго полка, командовавшій экспедиціею. Солдаты возвращались съ караула, когда встрѣтившійся капитанъ остановилъ ихъ и велѣлъ слѣдовать за нимъ для исполненія служебнаго порученія; по дорогѣ присоединилась еще, по распоряженію того же капитана, вторая группа солдатъ, и всѣ они направлены были по желѣзной дорогѣ къ Кепенику. Капитанъ былъ довольно пожилой и очень серьезный; въ костюмѣ замѣчались нѣкоторые недочеты; фуражка не соотвѣтствовала формѣ, и даже кокарда была поставлена навыворотъ, но это объяснялось, быть можетъ, его почтеннымъ возрастомъ; зато онъ командовалъ рѣзкимъ и властнымъ тономъ, который вызывалъ безусловное повиновеніе. Прибывъ на мѣсто съ своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ одиннадцати человѣкъ, капитанъ распоряжался спокойно и методично, безъ всякихъ колебаній, чисто по военному; для поддержанія порядка около ратуши онъ обратился за содѣйствіемъ къ мѣстному полиціймейстеру, который тотчасъ отдалъ въ его распоряженіе своего помощника. Капитанъ съ двумя гренадерами вошелъ въ комнату бургомистра, доктора Лангерганса, и объявилъ ему, что долженъ арестовать его по особому секретному повелѣнію; растерявшійся бургомистръ потребовалъ письменнаго приказа, но ему пригрозили употребленіемъ силы, и онъ, для доказательства своего права на болѣе вѣжливое обращеніе, сослался на свое званіе офицера запаса, забывъ уже о должности бургомистра; у него сразу какъ будто исчезли изъ головы обычныя понятія о гражданскихъ правахъ всякаго вообще обывателя и о законныхъ условіяхъ ареста; онъ скромно покорился авторитету военныхъ мундировъ и только про себя раздумывалъ о загадочныхъ мотивахъ принятой мѣры. Капитанъ перешелъ въ помѣщеніе бухгалтера, заявилъ ему также объ арестѣ и потребовалъ передачи всей наличности подъ росписку, что и было безпрекословно исполнено; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ конфисковалъ вновь полученную почту, вскрывалъ письма и пакеты, распорядился закрыть телефонное сообщеніе съ городомъ, приготовилъ карету для арестованныхъ и далъ инструкцію конвойнымъ, куда ихъ везти; на прощаніе онъ выдалъ солдатамъ

по одной маркѣ на человѣка и уѣхалъ. Солдаты были очень довольны своимъ кратковременнымъ начальникомъ; они съ спокойной совѣстью отправились въ свои казармы и сообщили о служебной причинѣ опозданія; но когда явились тѣ изъ нихъ, которые сопровождали арестантовъ, то истинный смыслъ всего этого приключенія раскрылся съ полною очевидностью. Доставленные на гауптвахту узники возбудили всеобщій веселый смѣхъ и должны были сами смѣяться надъ собою: подвигъ предпріимчиваго „кепеникскаго капитана“ надолго занялъ собою воображеніе публики и въ теченіе цѣлой недѣли служилъ матеріаломъ для газетнаго остроумія, для назидательныхъ разсужденій и тонкихъ полицейскихъ догадокъ. Судя по цѣлесообразной и твердой распорядительности мнимаго офицера, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣетъ военный опытъ и состоялъ дѣйствительно на военной службѣ; нѣкоторые доказывали даже, что онъ обнаружилъ весьма цѣнныя качества военнаго человѣка—находчивость, предусмотрительность и способность внушать слѣпое довѣріе подчиненнымъ. Прошло десять дней, и загадочный герой попался въ руки берлинской полиціи, которая вообще не имѣетъ привычки довольствоваться составленіемъ протокола и оффиціальнымъ удостовѣреніемъ, что „преступникъ скрылся“.

Кто же оказался этимъ ловкимъ мошенникомъ, съумѣвшимъ такъ удачно сыграть роль толковаго и авторитетнаго прусскаго офицера? Къ ужасу нѣмецкаго офицерства и къ общему смущенію благонамѣренной нѣмецкой публики, этотъ искусный поддѣльный капитанъ привилегированнаго прусскаго полка былъ... простымъ сапожникомъ по рожденію и ремеслу, и въ то же время заурядным мазурикомъ, осужденнымъ пять разъ за кражи и подлоги и просидѣвшимъ значительнѣйшую часть своей жизни — цѣлыхъ 27 лѣтъ — въ тюрьмѣ и смирительномъ домѣ. И такого субъекта съ грубою и безсмысленною физіономіею, не умѣющаго ни вести себя прилично, ни говорить интеллигентнымъ языкомъ, всѣ принимали за властное лицо только потому, что на немъ былъ офицерскій сюртукъ! Трудно придумать болѣе яркую иллюстрацію того зловреднаго и опаснаго извращенія, до котораго доводитъ людей слѣпая военная дисциплина, въ связи съ односторонним культомъ военнаго мундира. Если простой сапожникъ, прошедшій многолѣтнюю тюремную школу, могъ заставить повиноваться себѣ вооруженную силу и направить эту силу куда угодно и для какой угодно цѣли, при помощи одного только взятаго на прокатъ чудодѣйственнаго офицерскаго мундира,—то чего не въ состояніи сдѣлать интеллигентный и смѣлый человѣкъ въ генеральской формѣ? Очевидно, военная дисциплина не должна исключать права и обязанности подчиненныхъ, въ случаѣ сомнѣнія, провѣрять полномочія распоряжа-

щихся лицъ и входить въ оцѣнку законности дѣлаемыхъ ими распоряженій; иначе судьба Кепеника можетъ угрожать всему государству. Духъ слѣпого повиновенія и пассивное рабство народныхъ массъ превращаютъ армію въ мертвый механизмъ, могущій съ одинаковымъ успѣхомъ служить и добру и злу, и защитѣ права, и преступному его упраздненію; оттого забавная кепеникская исторія представляетъ собою весьма поучительный наглядный урокъ, изъ котораго можно и слѣдуетъ извлечь пользу не для одной только Пруссіи.

Перемѣна министерства во Франціи произошла по случайнымъ личнымъ причинамъ, независимо отъ какихъ-либо политическихъ обстоятельствъ. Глава кабинета, Саррьенъ, давно уже добивается отставки по слабости здоровья; онъ временно принялъ власть въ мартѣ текущаго года, во имя концентраціи республиканскихъ группъ, и предполагалъ удалиться отъ дѣлъ тотчасъ послѣ майскихъ парламентскихъ выборовъ, чтобы подвергнуться основательному леченію; но вслѣдствіе настоянія президента Фалліера онъ отложилъ свою отставку до осени, и затѣмъ окончательно покинулъ министерство около 20-го октября (н. ст.). По установившемуся обычаю, вмѣстѣ съ отставкой предсѣдателя совѣта министровъ, вернули свои портфели всѣ члены кабинета, и президентъ республики, какъ и слѣдовало ожидать, поручилъ образованіе новаго министерства самому выдающемуся изъ министровъ, министру внутреннихъ дѣлъ Клемансо. Такъ какъ кабинетъ Саррьена пользовался общимъ довѣріемъ республиканцевъ и располагалъ значительнымъ большинствомъ въ парламентѣ, то въ сущности можно было ограничиться только частичнымъ обновленіемъ министерскаго персонала; но нѣкоторые изъ наиболѣе даровитыхъ членовъ кабинета, какъ Леонъ Буржуа и Пуанкарѐ, рѣшительно уклонились отъ участія въ новой министерской комбинаціи, такъ что Клемансо вынужденъ былъ замѣнить ихъ другими лицами. По обыкновенію, многіе дѣятели и депутаты, къ которымъ обращался Клемансо, упорно отказывались отъ чести быть министрами; подобные отказы, мотивируемые разными политическими соображеніями, составляютъ, какъ извѣстно, особенность конституціонныхъ странъ, въ отличіе отъ государствъ стараго придворно-бюрократическаго режима, гдѣ не принято отказываться отъ предлагаемыхъ выгодныхъ должностей и гдѣ министры съ удивительною цѣпкостью держатся за свои мѣста въ теченіе многихъ лѣтъ, хотя бы въ явный ущербъ интересамъ страны.

Кабинетъ Клемансо окончательно сформировался 26-го октября; самый интересный изъ новыхъ министровъ—несомнѣнно генералъ Пикаръ, герой и жертва знаменитаго процесса Дрейфуса, только недавно

возстановленный въ своихъ служебныхъ правахъ и повышенный въ дивизіонные генералы. Сдѣлать Пикара военнымъ министромъ, главою французской арміи, послѣ многолѣтнихъ несправедливыхъ гоненій и преслѣдованій, выпавшихъ на его долю,—мысль чрезвычайно смѣлая и остроумная, достойная Клемансо. Другая новая и оригинальная мысль, получившая теперь свое осуществленіе,—это созданіе новой должности „министра труда и соціальной предусмотрительности", съ назначеніемъ на этотъ постъ молодого, талантливаго оратора-соціалиста, депутата Вивіани.

Вѣнскій кабинетъ играетъ еще довольно крупную роль въ общей международной политикѣ Европы, но на Балканскомъ полуостровѣ онъ рѣшительно занимаетъ господствующее положеніе, которымъ пользуется съ неизмѣннымъ искусствомъ для реальной пользы Австро-Венгріи, безъ ущерба для прочнаго мира и дружбы съ другими державами и особенно съ Россіею. Русская дипломатія давно уже отреклась отъ своихъ историческихъ правъ и интересовъ на ближнемъ Востокѣ, предоставивъ тамъ первенство болѣе настойчивому и систематическому австрійскому вліянію. Заслуга этихъ мирныхъ австрійскихъ успѣховъ на Балканахъ принадлежитъ главнымъ образомъ австро-венгерскимъ министрамъ иностранныхъ дѣлъ, олицетворяющимъ собою такъ называемый вѣнскій кабинетъ. Когда говорятъ о вѣнскомъ кабинетѣ, то при этомъ прежде всего имѣютъ въ виду австро-венгерское министерство иностранныхъ дѣлъ или даже только главу этого министерства; такимъ оффиціальнымъ главою и руководителемъ австрійской дипломатіи былъ съ мая 1895 года графъ Агеноръ Голуховскій, который въ послѣднее время возбудилъ противъ себя неудовольствіе венгерскаго парламента и правительства и долженъ былъ вслѣдствіе этого выйти въ отставку (21 октября н. ст.). Съ его именемъ связано извѣстное соглашеніе съ Россіею, состоявшееся въ охотничьемъ замкѣ Мюрцштегѣ въ Штиріи, въ бытность тамъ императора Александра III, въ октябрѣ 1893 года; этимъ соглашеніемъ опредѣлялась совмѣстная дѣятельность обѣихъ державъ для умиротворенія христіанскихъ областей Турціи, причемъ выработана была особая, крайне скромная программа мѣстныхъ реформъ и международнаго контроля для Македоніи. Эта политика робкихъ дипломатическихъ полумѣръ имѣла, однако, до сихъ поръ очень мало практическаго успѣха. Преемникомъ графа Голуховскаго и продолжателемъ той же политики назначенъ баронъ Эренталь, проведшій многіе годы своей дипломатической службы въ Петербургѣ и занимавшій здѣсь съ 1899 г. постъ австро-венгерскаго посланника.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Marcel Prevost. Monsieur et Madame Moloch. Paris, 1906 (Alph. Lemerre, éditeur).

Въ національной жизни Франціи есть вопросъ, не теряющій интереса и даже остроты, хотя онъ связанъ уже съ казалось бы отошедшимъ въ историческое прошлое событіемъ. Это—вопросъ объ утраченной Эльзасъ-Лотарингіи. Долго Франція жила мечтой о „реваншѣ". Теперь это прошло, и націоналистическіе идеалы не пользуются прежней популярностью. Но въ литературѣ событія франко-прусской войны и созданное ею болѣзненное отношеніе къ Германіи продолжаютъ сохранять прежнюю жизненность. Все еще не только политики, но и романисты устанавливаютъ каждый свое отношеніе, даютъ каждый свое объясненіе событіямъ національнаго пораженія, освѣщаютъ психологію участниковъ войны, судятъ виновныхъ, устанавливаютъ отношенія новыхъ поколѣній къ побѣдителямъ. Почти каждый изъ лучшихъ французскихъ романистовъ написалъ свой романъ на эту тему. Начиная съ „Débâcle" Зола, появился длинный рядъ романовъ изъ исторіи 1870 года. Новѣйшіе романисты уже не связаны личными переживаніями съ седанской трагедіей, но и у нихъ чувствуется страстно живое отношеніе къ ней. Романы братьевъ Маргеритъ посвящены исторіи самыхъ событій войны, психологіи пораженій, выясненію скрытыхъ общественныхъ причинъ, вызвавшихъ и опредѣлившихъ судьбу войны. Поль Аданъ тоже изучаетъ самую войну. Но другіе, какъ, напримѣръ, Рене Базенъ, изображаютъ слѣдующее поколѣніе французовъ, уже выросшихъ въ покоренной странѣ. Его цѣль показать, что если среди тѣхъ, которые переживали войну, многіе смирились, остались на старыхъ мѣстахъ подъ властью побѣдителя, то дѣти ихъ, не пережившія самыхъ ужасовъ войны, инстинктивно, стихійно тяготѣютъ къ утраченной родинѣ. Историческое прошлое становится, такимъ образомъ, источникомъ острыхъ національныхъ чувствъ у молодыхъ поколѣній.

Новымъ прибавленіемъ къ литературѣ на тему національныхъ чувствъ является интересный романъ Марселя Прево, „Monsieur et Madame Moloch". Онъ освѣщаетъ отношеніе современныхъ молодыхъ французовъ къ болѣзненному еще вопросу о захватѣ французской земли и связанное съ этимъ враждебное отношеніе къ Германіи.

Марсель Прево выступаетъ въ этомъ романѣ въ новой роли. Онъ извѣстенъ какъ авторъ модныхъ романовъ на эротическія темы, какъ психологъ современной парижанки, свѣтской женщины, жрицы комфорта и моды. А въ послѣднее время онъ перешелъ отъ изображенія женской порочности или холодной извращенности къ прославленію сильныхъ и свободныхъ женщинъ,—vierges fortes. Но всѣ эти произведенія сводятся къ однообразно узкой области свѣтской суеты. Въ изображеніи безконечныхъ варіацій женской психологіи Прево впадаетъ иногда въ безсодержательную пошлость.

„Monsieur et Madame Moloch"—въ иномъ родѣ, и по замыслу—оригинальная, серьезно продуманная вещь. Въ романѣ двѣ основныя темы, и обѣ разработаны съ большой вдумчивостью. Прево пытается дать характеристику нѣмецкаго національнаго духа, и эта характеристика, сдѣланная французомъ, во всякомъ случаѣ любопытна. Далѣе,—это, въ сущности, главная тема—Прево изображаетъ эволюцію національнаго чувства въ современныхъ молодыхъ французахъ, свободныхъ отъ шовинизма и, казалось бы, равнодушныхъ къ вопросу о захватѣ Эльзасъ-Лотарингіи нѣмцами. Они не пережили сами момента отчужденія родной земли, и для нихъ прошлое—историческій фактъ, не вызывающій острыхъ ощущеній до тѣхъ поръ, пока пребываніе въ Германіи не открываетъ имъ самимъ ихъ дѣйствительныхъ чувствъ. Такимъ образомъ, книга Прево—этюдъ національной психологіи, и тема ея, очевидно,—болѣе широкая, чѣмъ обычный анализъ женскихъ переживаній и любовныхъ экспериментовъ.

Прево изображаетъ нѣсколько разныхъ взглядовъ на вопросы національной розни и со стороны французовъ, и со стороны нѣмцевъ. Повѣствованіе ведется отъ имени молодого француза, дружественно расположеннаго къ Германіи; но дѣйствительный герой романа—нѣмецкій ученый профессоръ, врагъ культа силы, на которомъ зиждется нѣмецкая культура. При такой постановкѣ получаются своеобразныя психологическія комбинаціи и является даже иллюзія безпристрастія со стороны француза къ традиціонному національному врагу. Въ дѣйствительности этого безпристрастія нѣтъ, и авторъ нашелъ только довольно искусный пріемъ полемики: все накипѣвшее негодованіе противъ германской политики онъ вкладываетъ въ уста нѣмца, котораго изображаетъ духовнымъ титаномъ, а отъ лица молодого француза превозноситъ все, что̀ велико и привлекательно въ нѣмецкой культурной жизни, не будучи обиднымъ для французскаго самолюбія, т.-е. нравственную силу нѣмецкихъ писателей и философовъ, красоты старинныхъ германскихъ уголковъ, нѣмецкихъ лѣсовъ и т. д. Французъ и нѣмецъ въ романѣ перемѣнились ролями. Нѣмецъ возстаетъ противъ того, что̀ составляетъ силу нѣмецкой завоевательной политики,

а французъ восхваляетъ истинныя достоинства нѣмецкой націи. Но, размежевавъ такимъ образомъ оцѣнку добра и зла въ нѣмецкой жизни и устроивъ, такъ сказать, декорацію безпристрастнаго суда, Прево уже совершенно свободно выражаетъ свои сужденія о Германіи и даетъ въ романѣ полную характеристику нѣмецкаго національнаго духа,—конечно, съ точки зрѣнія француза. Есть страстность въ его судѣ, и въ этомъ скорѣе достоинство книги. Въ художественномъ произведеніи живой темпераментъ писателя гораздо цѣннѣе отвлеченной разсудочной истины. Въ романѣ француза, описывающаго и судящаго Германію, не слѣдуетъ, конечно, искать исторически вѣрныхъ сужденій о нѣмецкой національной жизни. Но если въ авторѣ чувствуется искренность, то романъ его будетъ, во всякомъ случаѣ, вѣрнымъ отраженіемъ чувствъ француза къ нѣмецкой дѣйствительности.

Это, дѣйствительно, мы находимъ въ „Monsieur et Madame Moloch". Французскій романъ изъ нѣмецкой жизни—довольно рѣдкое литературное явленіе; также и въ этомъ отношеніи книга Прево оригинальна. А такъ какъ главное въ ней—отношеніе француза къ тому, что онъ видитъ и переживаетъ въ Германіи, то романъ становится тѣмъ болѣе національно-французскимъ. И выводъ, къ которому приходитъ авторъ, — характерно-національный, но онъ подходитъ къ нему такъ искусно, что получается нѣкоторая иллюзія безпристрастности.

Итакъ, „Monsieur et Madame Moloch"—повѣсть о далеко небезстрастныхъ, а напротивъ того, болѣзненно-сложныхъ впечатлѣніяхъ француза, изучающаго характерныя черты германской жизни. Конечно, писатель, дѣйствительно побѣдившій призракъ націонализма, писатель, подобный Анатолю Франсу, посмотрѣлъ бы съ бо̀льшей высоты на нѣмецкую культуру, не сталъ бы превозносить въ ней только то, что̀ не опасно для Франціи, и горячо возмущаться тѣмъ, что̀ составляетъ угрозу для Франціи. Мудраго безпристрастія нѣтъ въ романѣ Прево; онъ судитъ какъ французъ, національное чувство котораго укрѣпляется во время пребыванія въ странѣ врага. Но именно въ этихъ условіяхъ его чуткость обостряется и его описанія нѣмецкой дѣйствительности пріобрѣтаютъ страстность и сочность.

Фабула романа—не сложная; она составлена изъ происшествій, составляющихъ обычную пищу газетъ. Романъ нѣмецкой принцессы съ французскимъ учителемъ ея сына; анархическое покушеніе,—довольно, впрочемъ, безобиднаго свойства—вотъ, въ сущности, все, что̀ происходитъ въ повѣствованіи. Но это служитъ только рамками для изображенія національныхъ чертъ нѣмецкой политики и борющейся съ ней нѣмецкой духовной культуры. Въ нѣмецкой жизни автора романа интересуютъ не столько народныя массы, какъ правящія власти, т.-е. то, что̀ можетъ наиболѣе отразиться на судьбахъ Франціи. Въ „Monsieur

et Madame Moloch" изображенъ дворъ маленькаго герцогства Ротбергъ, и принцъ Отто—самостоятельный правитель герцогства, явная карикатура на главу нѣмецкой имперіи. Къ этому двору попадаетъ, въ качествѣ воспитателя наслѣднаго принца Макса, молодой французъ Дюберъ, отъ имени котораго ведется повѣствованіе. Отецъ Дюбера былъ богатый, но легкомысленный дѣлецъ и умеръ совершенно разоренный; его сыну пришлось прекратить беззаботное существованіе богатаго молодого буржуа, и онъ принужденъ искать заработка, чтобы содержать себя и молоденькую сестру-институтку. Луи Дюберъ попадаетъ въ Германію къ герцогскому двору—и очень доволенъ. У него нѣтъ никакихъ національныхъ предубѣжденій противъ Германіи; онъ привыкъ считать бывшія французскія провинціи нѣмецкими и не испытываетъ никакихъ непріятныхъ эмоцій въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Ему симпатиченъ его ученикъ, интересно наблюдать за окружающей жизнью и, главное, у него складываются дружескія, слегка романтичныя отношенія съ нѣсколько сентиментальной, красивой матерью его ученика, принцессой Эльзой. Дюберъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней на встрѣчу своей сестрѣ, четырнадцатилѣтней Гритѣ, которая пріѣзжаетъ къ нему гостить на каникулы. За время отсутствія, онъ получаетъ нѣжное письмо отъ принцессы и возвращается въ Ротбергъ вмѣстѣ съ Гритой, радостно возбужденный. Ему съ сестрой отводятся комнаты не въ герцогскомъ дворцѣ, гдѣ онъ жилъ, когда былъ одинъ, а въ одной изъ виллъ курорта по сосѣдству съ дворцомъ. Дюберъ успѣлъ уже въ теченіе первой зимы въ Ротбергѣ освоиться съ новой средой; онъ знаетъ хорошо и языкъ, и нравы, и можетъ съ нѣкоторой твердостью судить объ окружающемъ. Въ этихъ условіяхъ начинается для него новый періодъ жизни въ Ротбергѣ, и его юная сестрица, обладающая чисто-французскимъ живымъ умомъ и воспріимчивостью, тоже очень заинтересовывается нѣмецкой жизнью. Въ романѣ отмѣчено съ особой настойчивостью, что и старшій братъ, и молоденькая сестра пріѣзжаютъ въ Германію съ открытой душой, безъ чувства національной враждебности; дальнѣйшее ихъ отношеніе опредѣляется уже впечатлѣніями, полученными въ новой средѣ.

„Безпристрастная" критика нѣмецкой жизни начинается въ романѣ съ легкаго вышучиванія мелкихъ недостатковъ. Тактичность и природный вкусъ четырнадцатилѣтней парижанки Гриты выдвигаются въ романѣ особенно ярко на фонѣ нѣмецкаго безвкусія и нѣмецкой безтактности. Уже на нѣмецкомъ вокзалѣ въ тюрингенскомъ городкѣ она покоряетъ всѣхъ своей граціей французской школьницы, и даже нѣмецкій носильщикъ сразу повинуется ея приказаніямъ, загипнотизированный превосходствомъ ея спокойной, властной граціи. Во время дальнѣйшаго долгаго путешествія въ коляскѣ вмѣстѣ съ представи-

телями мѣстнаго буржуазнаго общества, проявляется ея превосходство надъ тяжеловѣсностью ея нѣмецкихъ спутниковъ. Негг Граусъ, собственникъ виллы, гдѣ отведено помѣщеніе для брата и сестры, говорить по-французски съ комичнымъ педантизмомъ—первый недостатокъ; затѣмъ онъ не имѣетъ представленія о Парижѣ—второй признакъ некультурности. Онъ обѣщаетъ показать Гритѣ красоты своей родины съ наилучшей стороны—чтобы ей было о чемъ разсказывать своимъ подругамъ, „гуляя по парижскимъ бульварамъ": онъ не знаетъ, что парижскіе бульвары—не мѣсто прогулокъ для молоденькихъ барышенъ изъ общества. Затѣмъ, у него очень грубые вкусы:—онъ предполагаетъ, что живописность стараго германскаго городка должна показаться скучной молоденькой парижанкѣ, и обѣщаетъ ей, что новомодные дома въ Ротбергѣ гораздо болѣе удовлетворятъ ея требованіямъ. И каждый разъ Грита показываетъ свое превосходство, восторгаясь именно грустными романтичными видами природы и высказываясь противъ красотъ новой нѣмецкой архитектуры. Она обнаруживаетъ во всѣхъ сужденіяхъ латинское чувство художественной мѣры и такта,—нѣмцы во всемъ тяжелы и грубы. Это причина первыхъ столкновеній, первыхъ проявленій розни. Въ первомъ разговорѣ со своимъ сверстникомъ, молодымъ принцемъ Максомъ, Грита является представительницей болѣе утонченной духовной культуры. Мальчика воспитываетъ Hofmayor Марбахъ „на прусскій ладъ", какъ говоритъ Максъ, стѣсняясь дать болѣе точныя объясненія, т.-е. сказать, что майоръ его колотитъ, чтобы привить ему духъ прусской дисциплины. Максъ воспитанъ въ принципахъ узкаго аристократизма, а Грита сразу же объясняетъ ему, что благородство крови—предразсудокъ, уничтоженный французской революціей, а есть только различіе между хорошо и дурно воспитанными людьми. Она даетъ также молодому принцу урокъ хорошаго вкуса, объясняя различіе между пышностью и красотой. Въ разговоръ подростковъ вмѣшивается военный воспитатель принца, графъ Марбахъ, и дѣлаетъ суровый выговоръ дѣвочкѣ за то, что она проникла въ часть парка, закрытую для публики, и даже сорвала цвѣты противъ правилъ; она опять ведетъ себя съ необычайнымъ для дѣвочки—даже француженки—достоинствомъ и приводитъ майора въ смущеніе своимъ справедливымъ гнѣвомъ и тактомъ. Словомъ, сразу устанавливается различіе двухъ націй—и превосходство французской—въ вопросахъ внѣшнихъ формъ обхожденія. А затѣмъ критика распространяется на болѣе серьезныя стороны жизни.

Наблюдая за окружающимъ и обсуждая духовную жизнь Германіи, Цюберъ приходитъ къ убѣжденію, что есть двѣ Германіи—сѣверная, воплощенная въ Пруссіи и въ прусской политикѣ,—Германія грубой силы,—и затѣмъ южная Германіи мысли и поэзіи. Это дѣленіе

составляетъ сущность всѣхъ сужденій въ книгѣ Прево; оно позволяетъ автору выражать всѣ симпатіи мыслящей Германіи, и въ то же время дать волю національной ненависти къ побѣдителю, сильному своей военной организаціей. Дворъ принца Отто, вся сложная бюрократическая система въ маленькомъ герцогствѣ воплощаетъ культъ національной грубой силы, и чѣмъ больше Дюберъ сталкивается съ этимъ, тѣмъ острѣе въ немъ заговариваетъ національное чувство. Самонадѣянность принца Отто, его неделикатность, пренебреженіе ко всякой духовности все болѣе и болѣе раздражаютъ его,—и, къ сильному его разочарованію, та же мелкая властность сказывается и въ принцессѣ Эльзѣ. Ихъ нѣжность возрастаетъ; онъ увлекается поэтичностью и красотой принцессы и охотно поддается ея сентиментальнымъ капризамъ, совершаетъ съ нею уединенныя прогулки, является на тайныя свиданія въ павильонъ, построенный однимъ изъ предковъ герцога для французской танцовщицы.—Весь дворъ замѣчаетъ расположеніе принцессы къ молодому французу, и ему приходится выслушивать множество намековъ и колкостей со стороны завистливыхъ придворныхъ; но это въ порядкѣ вещей и не особенно смущаетъ его. Взаимное увлеченіе разростается, и принцесса первая говоритъ о томъ, что согласна тайкомъ уѣхать отъ мужа, оставить сына, который все равно отнятъ у нея строгостью военнаго воспитанія, и уѣхать съ своимъ молодымъ другомъ. Дюберъ, однако, смутно чувствуетъ, даже въ разгарѣ своего увлеченія, національныя черты въ принцессѣ — ея властность и надменность. Она всегда говоритъ тономъ повелительницы, „разрѣшаетъ“ ему выражать свои чувства и постоянно даетъ чувствовать разстояніе между владѣтельной особой и плебеемъ французомъ. Это его расхолаживаетъ, но онъ старается не обращать вниманія на всѣ эти черты, искупаемыя искренностью и нѣжностью ея чувства. Смутно онъ чувствуетъ роковую національную рознь, которая должна разрушить ихъ любовь, но не сразу сознается въ этомъ самъ себѣ. Онъ старается объяснить слова и дѣйствія Эльзы понятіями ея среды, которая становится ему все болѣе и болѣе ненавистной.

У Дюбера есть союзникъ и даже скорѣе учитель въ дѣлѣ пониманія германскаго національнаго духа. Онъ самъ нѣмецъ, но врагъ основного принципа нѣмецкой жизни, культа грубой силы. Этотъ учитель—профессоръ Циммерманъ, философъ и ученый. Въ философіи онъ пламенный идеалистъ, провозглашающій превосходство идеи надъ матеріей. Онъ увѣренъ въ побѣдѣ идейности надъ грубымъ насиліемъ, нарушающимъ гармонію едино прекраснаго, равнаго во всѣхъ своихъ явленіяхъ міра. Онъ основалъ цѣлую школу молодежи, исповѣдующей монизмъ; у нихъ есть даже нѣкоторый культъ, объединяющій членовъ

кружка, и всѣ они преклоняются предъ своимъ учителемъ, профессоромъ Циммерманомъ изъ Іены. Циммерманъ—не только философъ, а также ученый, и занимается спеціально химіей и ученіемъ о взрывчатыхъ веществахъ. Въ жизни онъ отличается классической профессорской разсѣянностью и неприспособленностью къ обстоятельствамъ внѣшней жизни. Но у него есть ангелъ-хранитель въ лицѣ его жены, вся жизнь которой проходитъ въ заботахъ о мужѣ. Ихъ соединяютъ нѣжная, сохранившаяся до старости, любовь и вѣра жены въ ученіе мужа. Эта странная парочка — чудакъ профессоръ уродливъ какъ обезьяна, а его жена сохраняетъ и въ старости слѣды необычайной красоты—привлекаетъ вниманіе Гриты Дюберъ уже по дорогѣ въ Ротбергъ со станціи. Граусъ, сопровождающій Дюберовъ, говоритъ имъ, что это профессоръ Циммерманъ, знаменитый „динамологъ", т.-е. теоретикъ науки о взрывчатыхъ веществахъ. Это мудреное техническое слово Грита сразу передѣлываетъ въ болѣе удобное для нея слово „Молохъ", и старикъ ученый съ женой сохраняютъ въ романѣ прозвище: „Monsieur et Madame Moloch".

Ученость профессора Циммермана очень высоко цѣнится въ Германіи, но его утопическая философія, враждебная основному принципу нѣмецкой политики, безпокоитъ правительство. Пока онъ ограничивается проповѣдью своихъ утопій въ кругу учениковъ, его не трогаютъ. „Это человѣкъ, живущій химерами", объясняетъ Граусъ Дюберу и его сестрѣ, разсказывая имъ про профессора; „онъ не знаетъ практической жизни, но это для Германіи не опасно: пусть философы полны химеръ, — есть правительство и солдаты, и они сумѣютъ защитить дѣйствительную жизнь отъ философскихъ бредней".

Въ видахъ этой „защиты отъ философскихъ бредней" профессору Циммерману приходится терпѣть гоненія. Онъ врагъ милитаризма — въ этомъ его главное преступленіе. Онъ участвовалъ въ французской кампаніи, былъ раненъ, но вмѣсто того, чтобы укрѣпиться въ военно-патріотическихъ чувствахъ, сдѣлался послѣ войны убѣжденнымъ противникомъ торжества силы надъ духомъ. Онъ считаетъ войну величайшимъ позоромъ, вѣритъ только въ побѣду духа, возмущается мечтами имперіалистовъ и пангерманистовъ и проповѣдуетъ духовное единеніе народа въ общей культурной борьбѣ на пути къ новымъ завоеваніямъ въ области духа и мысли. Monsieur Moloch—воплощеніе благородной мыслящей Германіи, и его устами авторъ резюмируетъ свое отношеніе къ нѣмцамъ. Профессоръ разговариваетъ ночью на террасѣ со своей женой, глядя вдаль, на разстилающуюся предъ ними равнину, гдѣ все прекрасно, кромѣ уродливаго герцогскаго замка, напоминающаго не то казармы, не то госпиталь: „Погляди на эту долину, Цицилія", говоритъ онъ: „она—яркій символъ современной

Германіи. Уланъ воздвигнулъ въ ней съ гордостью свое жилище. Онъ представляетъ собой прусскую Германію, Германію грубой силы. Но когда имя принца Отто падетъ въ бездну забвенія, вмѣстѣ съ столь же темными именами его предковъ, мое имя останется на устахъ людей, потому что его имя означаетъ силу, а мое означаетъ мысль. Да, есть двѣ Германіи. Пусть филистеры восхваляютъ торжество нѣмецкой силы,—я вѣрю только въ торжество нѣмецкой мысли. Германія мечтаній, поэзіи, испытующей мысли, истинно святая Германія, я остаюсь твоимъ рыцаремъ!"

Въ центрѣ романа изображено торжество, которое даетъ исходъ всѣмъ противорѣчивымъ элементамъ, собравшимся въ маленькой нѣмецкой резиденціи. Это торжество—празднованіе седанской годовщины въ день 2-го сентября. Всѣмъ въ этотъ день представляется случай проявить свои чувства. Во-первыхъ, это праздникъ для толпы, т.-е. для тѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ, которыхъ авторъ клеймитъ, какъ представителей грубаго насилія. Патріотическое торжество совершается съ мелкой заносчивостью и грубымъ самодовольствомъ. Пока городъ только радостно возбужденъ, этотъ естественный подъемъ патріотическихъ чувствъ ничуть не задѣваетъ молодого француза. Онъ внутренно провѣряетъ свои чувства, и находитъ, что въ сущности не сознаетъ въ душѣ отвѣтственности за ошибки французскихъ вождей и ихъ пораженія, что личныя чувства его не связаны съ минувшей національной катастрофой и нѣмецкій національный праздникъ не долженъ вызывать въ немъ болѣзненныхъ настроеній. Но въ теченіе дня онъ видитъ такъ много неделикатности и грубости, что чувства его мѣняются. Праздникъ годовщины Седана знаменуется въ Ротбергѣ открытіемъ статуи Бисмарку, и по этому поводу происходитъ оффиціальное торжество съ рѣчами. Противникъ нѣмецкаго милитаризма, профессоръ Циммерманъ, назначаетъ на этотъ день публичную лекцію „о седанской годовщинѣ", но ему ее запрещаютъ. Убѣжденія профессора извѣстны, и его рѣчи противъ войны и насилія считаются слишкомъ опасными. Дюберъ слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ. Съ утра онъ еще философски спокоенъ, но, видя толпы праздничнo разряженныхъ ветерановъ войны, направляющихся на празднество, онъ уже съ грустью думаетъ: „О, французскіе ветераны, не слѣдовало уступать врагу!" За рѣчами при открытіи памятника Дюберъ слѣдитъ изъ дворцоваго павильона, гдѣ принцесса Эльза назначила ему свиданіе. Тутъ впервые Дюберъ обмѣнивается словами любви и поцѣлуями со своей подругой, и они рѣшаютъ уѣхать и принадлежать другъ другу. Но именно тутъ онъ чувствуетъ все сильнѣе наростающее враждебное настроеніе; его поражаетъ неделикатность, съ которой

принцесса говоритъ объ удачномъ патріотическомъ праздникѣ, не считаясь съ чувствами молодого француза.

Празднество кончается неожиданной катастрофой. Нѣмцы произносятъ длинныя рѣчи, восхваляя силу нѣмецкаго оружія, превосходство твердой воли вождей и стойкости всего народа. Рѣчь одного изъ ораторовъ принимаетъ рѣзко-полемическій характеръ и направлена противъ врага родины, который въ такой радостный для національной гордости день выступаетъ противъ нѣмецкаго торжества. Онъ намекаетъ на запрещенную лекцію Циммермана и клеймитъ его за нарушеніе патріотическаго долга. Но неожиданно вслѣдъ за нимъ вскакиваетъ на трибуну неизвѣстно откуда появившійся Циммерманъ и произноситъ громовую рѣчь противъ войны. Онъ кричитъ во всеуслышаніе, что единственный врагъ отечества — Бисмаркъ, передъ статуей котораго происходитъ торжество. Единеніе Германіи, говоритъ онъ, произошло бы на пути духовныхъ завоеваній, а Бисмаркъ утопилъ родину въ крови, основывалъ побѣды на лжи и жестокости. Но побѣда силы—мнимая; ее уничтожитъ побѣда духа. Циммермана хотятъ схватить, гофъ-майоръ Марбахъ готовъ броситься на него; но Циммерманъ обращаетъ свои обличенія прямо противъ него, называетъ его однимъ изъ лже-Бисмарковъ, продолжающихъ губить Германію, и совѣтуетъ беречься его. Онъ смѣется надъ угрозами Марбаха и кричитъ: „Помни мое предсказаніе: ты хотѣлъ убить Идею— но Идея тебя убьетъ!“

Съ этими словами онъ сходитъ съ трибуны и направляется къ выходу черезъ мѣсто, огороженное для помѣщенія въ немъ придворныхъ экипажей. Спустя нѣсколько времени, когда всѣ садятся въ экипажи, чтобы уѣхать, въ каретѣ графа Марбаха происходитъ взрывъ. Поднимается страшная суматоха; сначала думаютъ, что графъ убитъ. Но когда его переносятъ въ павильонъ, — откуда Дюберъ едва успѣваетъ во-время уйти,—то оказывается, что онъ только въ обморокѣ и совершенно невредимъ. Взрывъ былъ невинный, произведенный очевидно только съ цѣлью напугать. Но все-таки Молоха считаютъ виновникомъ и сажаютъ въ тюрьму. Принцъ Отто, любитель сенсаціонныхъ событій и словъ, самъ раздуваетъ эту исторію, телеграфируя во всѣ концы міра объ анархическомъ покушеніи; и потомъ онъ самъ не радъ своей поспѣшности, такъ какъ она навлекаетъ на него нежелательную защиту Пруссіи. Ему присылаютъ въ большомъ количествѣ прусскія войска. Циммерманъ ведетъ себя достойно въ тюрьмѣ; онъ спокойно заявляетъ о своей непричастности къ взрыву, но увѣренъ, что его все-таки осудятъ. Въ послѣднюю минуту, когда уже дѣло отъ слѣдователя перешло въ судъ, въ тюрьму является принцъ Максъ и, рыдая отъ отчаянія, объясняетъ, что онъ—виновникъ злой шутки надъ графомъ, котораго ненавидитъ за его жестокія педаго-

гическія мѣры. Все разъясняется, и принцу Отто съ трудомъ удается потушить вызванный имъ же скандалъ.

Дюберъ выноситъ изъ всѣхъ этихъ впечатлѣній окончательное убѣжденіе, что нѣмцы—дѣйствительно враги Франціи, и въ немъ самомъ крѣпнетъ національное сознаніе. Это окончательно выясняется въ его отношеніяхъ къ принцессѣ Эльзѣ. Она готова бросить мужа и открыто приблизить къ себѣ молодого француза,—не измѣняя, однако, удобствъ жизни, такъ какъ у нея большое личное состояніе. Но когда онъ не соглашается и требуетъ, чтобы она отказалась отъ всѣхъ родовыхъ привилегій и стала его женой, она не можетъ даже скрыть своего возмущенія передъ дерзостью плебея. Любовь свою она ему дала, но равнымъ признать его не можетъ. Это окончательно убѣждаетъ его порвать; внутренно онъ уже и до того понялъ, что въ ней слишкомъ сильны національныя нѣмецкія черты, и что никакой истинной близости между ними не можетъ быть. Онъ разъясняетъ все это ей въ прощальномъ письмѣ, которое посылаетъ ей, вмѣсто того чтобы ѣхать самому на условленное мѣсто свиданія. Послѣ того онъ уѣзжаетъ съ сестрой обратно въ Парижъ. Дѣвушка рада, такъ какъ и она тоже испытала много разочарованій въ дѣтской любви, установившейся между ней и Максомъ и разрушенной его грубостью. Дюберъ уѣзжаетъ изъ Германіи въ другихъ настроеніяхъ, нежели пріѣхалъ,—съ прежними симпатіями къ духовной Германіи, но съ ясно сознанной враждебностью къ политическому врагу.

Говорить о безпристрастномъ изображеніи Германіи въ романѣ Прево, конечно, нельзя. Походъ французскаго романиста противъ культа силы объясняется только тѣмъ, что сила эта—въ рукахъ врага. Вся современная культура исходитъ изъ того же принципа, изъ тѣхъ же позитивныхъ началъ, какъ и нѣмецкая завоевательная политика. Рыцарямъ духа, которые есть вездѣ, въ Германіи, какъ и во Франціи и въ другихъ странахъ, побѣды грубой силы дѣйствительно кажутся призрачными. Но нѣтъ среди современныхъ европейскихъ націй народовъ, которые были бы всецѣло жрецами идеи. Франція также стремится осуществить позитивные идеалы, достичь матеріальныхъ благъ путемъ силы и захвата, и въ этомъ смыслѣ ни одна нація не можетъ быть судьей другой. Въ борьбѣ съ Германіей Франція также стремилась къ побѣдѣ, какъ и Германія. Ея пораженіе—не результатъ идеальныхъ стремленій духа, а только недостаточности силъ сравнительно съ нѣмецкими. Разочарованіе молодого француза поэтому очень искусственно пристегнуто къ идеализму и характерно только для пристрастности всякихъ націоналистическихъ сужденій. Но въ замыслѣ книги интересно другое—самое раздѣленіе всякой національной жизни на два противоположныхъ теченія. Этимъ жизнь націи сводится къ

основнымъ началамъ всего живого, къ кажущемуся противорѣчію и внутреннему взаимодѣйствію начала духа и начала плоти...—З. В.

II.

Eugène Pierre. Traité de droit politique, électoral et parlementaire. Supplément. Paris, 1906 („Bibliothèque parlementaire").

Книга Эжена Пьера появилась какъ нельзя болѣе кстати для насъ, въ моментъ зарождающейся и у насъ парламентской жизни. Сочиненіе Пьера сыграло уже немаловажную роль въ исторіи нашей Государственной Думы: являясь наиболѣе полнымъ изо всѣхъ существующихъ руководствъ по парламентскому праву, оно было широко использовано президіумомъ Думы при установленіи началъ и пріемовъ нашей парламентской практики. Многія изъ указаній, которыя дѣлались на засѣданіяхъ Государственной Думы по вопросамъ парламентской процедуры, были внушены книгой Пьера. Кромѣ того, для ознакомленія членовъ Думы съ этой процедурой сдѣланы были, по иниціативѣ президіума, извлеченія изъ руководства Пьера: первое изъ нихъ, розданное членамъ Думы на засѣданіи 29-го мая, касалось провѣрки полномочій депутатовъ, второе—о функціяхъ бюро и о парламентской дисциплинѣ — было роздано въ концѣ іюня. Предполагалось продолжать и дальше изданіе такихъ извлеченій по наиболѣе важнымъ вопросамъ парламентской практики, но преждевременный роспускъ Думы не далъ возможности осуществить это намѣреніе. Авторитетъ, пріобрѣтенный книгой Пьера въ нашей первой Государственной Думѣ, заставляетъ обратить особое вниманіе на появившееся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ добавленіе къ ней, которое, несомнѣнно, послужитъ цѣннымъ руководствомъ при выработкѣ еще далеко не установившихся пріемовъ русской парламентской дѣятельности. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ свое добавленіе авторъ уже внесъ свѣдѣнія о русской Государственной Думѣ по положенію 6-го августа.

Сочиненіе Э. Пьера вышло первымъ изданіемъ въ 1893 г.; второе изданіе его, значительно дополненное, появилось въ 1902 г.; наконецъ, въ нынѣшнемъ году обнародованъ упомянутый выше „Supplément" ко второму изданію. „Supplément" составляетъ непосредственное продолженіе послѣдняго; онъ группируетъ новыя данныя парламентскаго права и практики по тѣмъ же рубрикамъ, на какія подраздѣлено второе изданіе, причемъ нумерація параграфовъ сохранена и въ добавленіи, такъ что обѣ книги представляютъ собой одно цѣлое и изученіе ихъ должно вестись одновременно, чему и способствуетъ указанная выше система дѣленія ихъ на однѣ и тѣ же главы

съ одинаковой нумераціей статей. Изданіе 1902 г. представляетъ собой толстый томъ въ 1.400 страницъ слишкомъ; добавленіе обнимаетъ 550 страницъ. На этихъ двухъ тысячахъ страницъ зарегистрованы по соотвѣтствующимъ отдѣламъ всѣ до мельчайшихъ случаи въ исторіи французской палаты и сената, имѣющіе отношеніе къ началамъ и пріемамъ осуществленія народнаго представительства. Авторъ болѣе чѣмъ кто-либо вправѣ говорить объ этой исторіи: слишкомъ тридцать лѣтъ онъ служитъ въ канцеляріи палаты депутатовъ и въ настоящее время занимаетъ въ ней отвѣтственный постъ главнаго секретаря президентства палаты (secrétaire général de la présidence de la Chambre des Députés); какъ это видно изъ предисловія къ первому изданію его книги, онъ присутствовалъ съ начала до конца на всѣхъ засѣданіяхъ палаты въ теченіе почти двадцати-пяти лѣтъ. Этотъ практическій опытъ и продолжительное наблюденіе дали Э. Пьеру возможность изучить до тонкости все относящееся къ принципамъ и техникѣ парламентаризма, и плодомъ этого опыта явилось его капитальное сочиненіе, которое онъ справедливо называетъ „un livre vécu“. Но въ характеристикѣ отдѣльныхъ сторонъ парламентскаго строя онъ не ограничивается одною практикой французскаго парламента третьей республики: хотя главное содержаніе его книги сосредоточено на исторіи палаты депутатовъ послѣ парламентской реформы 1875 г., тѣмъ не менѣе каждую главу онъ начинаетъ изложеніемъ исторіи даннаго вопроса со времени великой революціи и той постановки его, какую онъ послѣдовательно получалъ при различныхъ режимахъ, смѣнившихся во Франціи послѣ конституціи 1791 г.; кромѣ того, по каждому вопросу авторъ приводитъ параллельные случаи въ конституціяхъ и парламентской процедурѣ всѣхъ другихъ державъ, имѣющихъ представительное правленіе. Эта система, строго выдержанная во всѣхъ отдѣлахъ его трактата и добавленія къ нему, сообщаетъ его труду особое значеніе, ибо даетъ наглядное понятіе о порядкахъ всѣхъ конституціонныхъ государствъ по всѣмъ, даже самымъ мелкимъ, вопросамъ парламентскаго права и о ходѣ ихъ историческаго развитія на французской почвѣ. Главнымъ источникомъ Э. Пьера въ этомъ отдѣлѣ его работы послужило извѣстное сочиненіе Дареста: „Les constitutions modernes“. Что же касается до матеріаловъ, какими онъ пользовался для характеристики дѣйствующаго парламентскаго права Франціи, то тутъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать „Анналы“, т.-е. стенографическіе отчеты палаты депутатовъ и сената съ ихъ приложеніями. Каждое положеніе конституціи или парламентскаго наказа иллюстрируется Э. Пьеромъ выдержками изъ „Анналовъ“, въ тѣхъ случаяхъ, когда это положеніе было предметомъ обсужденія въ парламентѣ, такъ что сухая формула закона или правила получаетъ ося-

зательность и жизненность, и мотивировка ея становится ясной изъ возникшихъ по ея поводу преній. Кромѣ „Анналовъ", источниками для Э. Пьера послужили всѣ оффиціальные акты, обнародованные обѣими палатами, и наконецъ—личное наблюденіе автора за ходомъ парламентскихъ дебатовъ.

Все сочиненіе Э. Пьера,—какъ самый трактатъ, такъ и добавленіе къ нему,—подраздѣлено на семь частей. Первая, вступительная часть касается раздѣленія государственной власти между органами учредительной, законодательной и исполнительной властей; въ этомъ отдѣлѣ особое значеніе имѣетъ глава о правѣ законодательной иниціативы палатъ. Вторая часть посвящена избирательному праву и процедурѣ выборовъ членовъ парламента, а также—президента республики; здѣсь же авторъ разсматриваетъ вопросъ объ условіяхъ роспуска палатъ. Въ третьей части, озаглавленной: „организація палатъ", трактуется о тѣхъ первыхъ шагахъ въ дѣятельности всякаго представительнаго собранія, безъ которыхъ невозможно дальнѣйшее правильное его функціонированіе, а именно — провѣрка правильности выборовъ, организація бюро и выработка наказа; особая глава посвящена вопросу о парламентской дисциплинѣ и мѣрахъ къ ея охраненію. Изъ этой части и сдѣланы были тѣ извлеченія, которыя раздавались членамъ Государственной Думы въ ея первую сессію. Четвертая и пятая части книги Пьера разсматриваютъ вопросы о предѣлахъ законодательной и исполнительной властей и ихъ взаимоотношеніяхъ, причемъ каждой изъ функцій палатъ посвящена особая глава. Шестая часть касается процедуры парламентской работы, а седьмая—прерогативъ палатъ, т.-е. неприкосновенности членовъ ихъ, почестей, которыя имъ оказываются, и вознагражденія ихъ.—Нельзя сказать, чтобы книга Э. Пьера читалась легко: крайняя, доходящая до педантизма, детальность въ разработкѣ мельчайшихъ сторонъ въ техникѣ парламентаризма и однообразіе системы изложенія затрудняютъ ея чтеніе, такъ что получается впечатлѣніе, что читаешь сухой сборникъ законовъ и правилъ, который разнообразитъ только мотивировка, приводимая авторомъ послѣ каждаго выставленнаго имъ положенія. Но эти особенности книги неизбѣжны: авторъ задался цѣлью свести въ одно цѣлое и закрѣпить все разнообразіе дѣйствующаго парламентскаго права и обычая во Франціи; для ясности изложенія и точности выводовъ онъ не могъ придумать лучшей системы, которой онъ и пожертвовалъ красотою формы. Его книга, благодаря избранному имъ методу, является поэтому наиболѣе полнымъ и всестороннимъ кодексомъ парламентскаго права въ современномъ его развитіи. Черезъ весь трудъ Э. Пьер красною нитью проходитъ убѣжденіе автора въ томъ, что это развитіе далеко не закончилось; парламентаризмъ, въ той формѣ, какую

онъ принялъ во Франціи, есть созданіе новѣйшаго времени, и ростъ его не завершился; народное представительство продолжаетъ завоевывать съ каждымъ днемъ все большее мѣсто въ государственномъ организмѣ, и Э. Пьеръ предвидитъ тотъ моментъ, когда вся политика, внутренняя и внѣшняя, будетъ обсуждаться не въ тайнѣ кабинетовъ, а гласно и открыто въ парламентскихъ залахъ, когда для соціальныхъ и экономическихъ интересовъ, какъ и для международныхъ антагонизмовъ, избирательная борьба будетъ единственной ареной ихъ столкновеній. Э. Пьеръ бодро вѣритъ въ это грядущее завоеваніе народнымъ представительствомъ почти всей государственной власти, а потому и трудъ свой считаетъ особенно полезнымъ въ настоящую минуту, когда еще не завершилось его полное развитіе. Нужно умѣть присматриваться къ росту парламентаризма, говоритъ онъ, если хочешь, чтобъ онъ способствовалъ національному прогрессу; въ прежнія времена написать проектъ общественнаго договора значило оказать громадную услугу скорѣйшему водворенію свободы; теперь же не меньшей заслугой является обнаруженіе тѣхъ пружинъ, которыя движутъ механизмомъ управленія; съ каждымъ днемъ должно входить въ міръ все больше справедливости и свободы, а для этого необходимо, чтобы съ каждымъ днемъ этотъ механизмъ работалъ съ большей правильностью и закономѣрностью. Выяснить условія, при которыхъ достигаются эта правильность и закономѣрность, и составляетъ задачу трактата Э. Пьера. Онъ не обольщаетъ себя мыслью, что эта цѣль уже достигнута; напротивъ того, онъ указываетъ разные недочеты въ современномъ функціонированіи французскаго парламента и рядъ мѣръ къ устраненію ихъ; но проникнутый глубокой вѣрой въ жизнеспособность Франціи и сознаніемъ ея культурной миссіи, онъ бодро глядитъ въ будущее, въ увѣренности, что на почвѣ Франціи расцвѣтетъ истинный демократизмъ подъ сѣнью законовъ, всѣми одинаково уважаемыхъ, и учрежденій, въ которыхъ должна найти свое выраженіе воля всей націи. Это бодрое настроеніе, проникающее все сочиненіе Э. Пьера, придаетъ ему особую цѣнность для насъ, помимо его значенія какъ кодекса парламентскаго права и обычая: въ минуту, когда Россія стоитъ на распутьи между двумя режимами и двумя сессіями Государственной Думы, когда старый строй грозитъ стереть еще слабые зачатки парламентаризма, идея котораго едва успѣла проникнуть въ сознаніе народныхъ массъ, исполненный вѣры въ будущее призывъ Э. Пьера къ укрѣпленію и развитію началъ парламентскаго строя, какъ соединяющаго въ себѣ наибольшую сумму справедливости съ наилучшей гарантіей національнаго благополучія, пробуждаетъ бодрящее чувство надежды на осуществимость и у насъ того идеала демократической конституціи, который сдѣлался лозунгомъ всѣхъ нашихъ

прогрессивныхъ партій: современная Франція по сравненію съ Франціей 1871-го года является примѣромъ того, чего можетъ достигнуть страна совокупными усиліями свободныхъ и равноправныхъ гражданъ, направленными къ усовершенствованію политическаго механизма и къ установленію наиболѣе прочныхъ гарантій свободы и порядка „посредствомъ осторожнаго приспособленія государственнаго зданія къ ежедневно нарождающимся потребностямъ". — Кн. Н. Г.

ВОСПОМИНАНІЯ О В. Д. СПАСОВИЧѢ

Я зналъ В. Д. Спасовича почти полвѣка. Первая встрѣча моя съ нимъ относится къ 1860-му году. Я былъ въ то время помощникомъ редактора только-что основаннаго „Журнала Министерства Юстиціи", въ которомъ В. Д. помѣстилъ сначала статью о воровствѣ-кражѣ, потомъ — о преступленіяхъ противъ чести. Послѣдняя статья вызвала, почему-то, неудовольствіе въ высшихъ сферахъ. Пришлось оправдываться, писать объясненія; участіе въ ихъ составленіи принялъ В. Д., съ которымъ я по этому именно поводу и познакомился у редактора журнала, А. М. Троицкаго. Молодой профессоръ, незадолго передъ тѣмъ вступившій на каѳедру уголовнаго права, занималъ уже тогда выдающееся мѣсто въ богатомъ силами юридическомъ факультетѣ. Проницательный взглядъ В. Д., его подвижная фигура, оригинальная рѣчь—все сразу привлекало къ себѣ вниманіе. Въ разговорѣ, скоро перешедшемъ отъ собравшаго насъ дѣла къ болѣе общимъ темамъ, поражала чуткая отзывчивость его на всѣ вопросы дня. То же впечатлѣніе, но еще болѣе сильное, я выносилъ и изъ слѣдующихъ встрѣчъ съ Спасовичемъ (бо́льшею частью у Д. В. Стасова, гдѣ собирался тогда кружокъ молодыхъ юристовъ, готовившихся къ судебной реформѣ и мечтавшихъ объ адвокатурѣ). Помню въ особенности его живой, о́бразный разсказъ о первыхъ волненіяхъ въ Варшавѣ, откуда онъ пріѣхалъ осенью 1861-го года. Въ слѣдующемъ, 1862-мъ году, уже послѣ выхода Спасовича изъ университета, онъ предложилъ мнѣ принять участіе, вмѣстѣ съ нимъ, В. П. Гаевскимъ и Д. В. Стасовымъ, въ защитѣ тверскихъ мировыхъ посредниковъ, преданныхъ суду Сената за рѣзкое заявленіе объ условіяхъ, безъ которыхъ невозможенъ успѣхъ крестьянской реформы. Единственною возможной тогда формой защиты было такъ называемое рукоприкладство — письменное изложеніе основаній, говорящихъ въ пользу подсудимыхъ. Помню, что наше совѣщаніе по этому дѣлу происходило въ тотъ день, когда вспыхнулъ самый большой изъ тогдашнихъ страшныхъ петербургскихъ пожаровъ. Для свиданія съ нашими кліентами въ Петропавловской крѣпости мы должны были получить разрѣшеніе отъ военнаго генералъ-губернатора, которое и было намъ дано кн. Суворовымъ; но самое свиданіе происходило въ присутствіи коменданта, жандармскаго офицера и плацъ-адъютанта. Подсудимые были признаны виновными и присуждены къ заключенію въ смирительномъ домѣ, но почти немедленно помилованы, безъ снятія, однако, наложенныхъ на нихъ

правоограниченій. Для В. Д., какъ и для его товарищей, это дѣло было первымъ опытомъ уголовной защиты.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я видѣлся съ В. Д. рѣдко, хотя не переставалъ слѣдить за его дѣятельностью. Весною 1866-го года мы стали участниками общаго дѣла, и съ тѣхъ поръ наши сношенія уже никогда не прерывались. На долю перваго с.-петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, въ составъ котораго входилъ и я, выпала честь принятія В. Д. въ среду новорожденной корпораціи. Въ августѣ того же года В. Д. сдѣлался членомъ юридическаго кружка, о которомъ я упомянулъ выше: мы постоянно встрѣчались и тамъ, и въ судѣ, а потомъ и въ Совѣтѣ, членомъ котораго В. Д. былъ выбранъ 30-го апрѣля 1867-го года. Какъ велика была популярность, пріобрѣтенная имъ въ короткое время—объ этомъ можно судить по числу полученныхъ имъ голосовъ: 41 изъ 51. Съ тѣхъ поръ онъ выходилъ изъ состава Совѣта только по очереди или по собственному желанію, для отдыха; много лѣтъ онъ состоялъ его предсѣдателемъ. Семь лѣтъ сряду я былъ свидѣтелемъ его неутомимой работы по организаціи присяжной адвокатуры, по разрѣшенію безчисленныхъ вопросовъ, связанныхъ съ новымъ, непривычнымъ дѣломъ. Приходилось устанавлять основныя требованія, которыя Совѣтъ могъ и долженъ былъ предъявлять къ присяжнымъ повѣреннымъ и къ желающимъ получить это званіе; приходилось вырабатывать руководящія начала для корпоративнаго суда, одинаково далекія отъ излишняго формализма и отъ товарищескаго потворства; приходилось устраивать бытъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, которымъ судебные уставы дали только одно: имя. Надъ всѣми этими задачами В. Д. трудился съ глубокимъ пониманіемъ ихъ важности. Всегда справедливый, снисходительнымъ онъ былъ лишь настолько, насколько это позволяли интересы сословія и всего общества. „Мы изобрѣли и наложили на себя—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ чудесныхъ застольныхъ рѣчей—узы самой безпощадной дисциплины; мы не колеблясь жертвуемъ своими вкусами, своей свободой тому, что скажетъ громада—великій человѣкъ. Это подчиненіе особаго рода—не людямъ, а началу, себя—себѣ же самому, съ громадской точки зрѣнія разсматриваемому... Намъ дорога та сила, которую даютъ крѣпкіе, суровые нравы“. Лучше нельзя формулировать ту точку зрѣнія, которой въ Совѣтѣ всегда держался Спасовичъ.

Защитникомъ на судѣ В. Д. выступилъ во второй или третій день первой въ Петербургѣ сессіи суда присяжныхъ. Дѣло было заурядное, но въ рѣчи В. Д. ярко выступали на видъ тѣ черты, которыя скоро обезпечили за нимъ громкую извѣстность. Упрочила его славу защита Гайдебурова, обвинявшагося въ непредставленіи книги Вундта: „Душа

человѣка и животныхъ" въ духовную цензуру. Я коснусь только тѣхъ рѣчей Спасовича, которыя я самъ слышалъ и которыя оставили во мнѣ самое яркое воспоминаніе. Въ январѣ 1869-го года въ Спб. окружномъ судѣ слушалось дѣло чиновника государственнаго банка Харкевича и содержателя мѣняльной лавки Лютикова; они обвинялись въ подлогѣ, совершенномъ съ корыстною цѣлью. Харкевича защищалъ я, Лютикова — Спасовичъ. До сихъ поръ я не могу забыть, какое онъ обнаружилъ знаніе банковой техники, до самыхъ тонкихъ ея деталей, насколько они играли роль въ данномъ дѣлѣ — и съ какою удивительною наглядностью воспроизвелъ ихъ въ своей защитительной рѣчи. Въ такомъ всеоружіи В. Д. являлся всегда, чего бы ему ни приходилось касаться. Его рѣчи полны интереснѣйшихъ экскурсій въ самыя различныя области: исторіи, богословія, психологіи, физіологіи, медицины, народныхъ и общественныхъ обычаевъ, государственнаго права. Никогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не предпринималъ такихъ экскурсій безъ надобности. Его цѣлью всегда было только всестороннее освѣщеніе вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію суда—все равно, относились ли они къ личности подсудимаго или къ событію преступленія. Особенно цѣннымъ этотъ способъ веденія защиты былъ въ тѣ тяжелыя времена, когда до крайности ограничена была свобода печати. Съ его помощью удавалось иногда приподнять на судѣ хоть край занавѣса, за которымъ творилось столько темныхъ дѣлъ. Благодаря широкой постановкѣ защиты, многія рѣчи В. Д. имѣли въ свое время общественное значеніе—и сохраняютъ до сихъ поръ историческую цѣнность.

Въ 1870-мъ году разбиралось громкое дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона. Спасовичъ защищалъ одну изъ обвиняемыхъ, Александру Авдѣеву или „Сашу большую"—семнадцатилѣтнюю дѣвушку, успѣвшую уже пройти всѣ ступени паденія. Картина ея жизни была написана рукою мастера. В. Д. ничего не скрывалъ, ничего не старался затушевать или изобразить въ мягкомъ свѣтѣ; но суровая правдивость его слова громче говорила въ пользу подсудимой, чѣмъ самыя трогательныя фразы. Потрясенный самъ, онъ произвелъ потрясающее дѣйствіе на слушателей. Уже тогда легко было предвидѣть, до какой высоты можетъ подняться Спасовичъ, если порывъ таившейся въ немъ страстности будетъ вызванъ глубокой, важной идеей—такой идеи, служеніе которой можетъ наполнить цѣлую жизнь. Соединеніемъ этихъ двухъ условій, достигнутымъ безъ всякой натяжки, безъ всякаго разсчета на эффектъ, обусловливается необыкновенная сила рѣчи, произнесенной Спасовичемъ (10-го іюля 1871-го года) въ защиту Кузнецова, одного изъ подсудимыхъ по такъ называемому „Нечаевскому" дѣлу. Говоря о ней нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ статьѣ объ этомъ про-

цессѣ, я назвалъ ее „непревзойденнымъ до тѣхъ поръ образцомъ русскаго ораторскаго искусства". Такимъ образцомъ, она остается въ моихъ глазахъ и теперь; мнѣ не приходилось слышать рѣчи, которая сильнѣе дѣйствовала бы на умъ, на воображеніе, на сердце. Кульминаціоннымъ ея пунктомъ была параллель между польскою и русскою молодежью, между заманчивостью воспоминаній, которыми располагаетъ первая, и неприглядностью того, что видитъ позади себя вторая. Послѣ столькихъ лѣтъ я точно слышу звукъ голоса Спасовича, говорящаго о „пурпурѣ, и златѣ", въ которыхъ возникаетъ передъ глазами молодого поляка прошлое его отчизны. Именно такимъ, я въ этомъ убѣжденъ, оно возставало въ ту минуту передъ умственнымъ взоромъ самого оратора, высоко поднимая его надъ настоящимъ и раздвигая стѣны суда до размѣровъ парламентской залы. И нужно замѣтить, что, при всемъ своемъ общемъ значеніи, параллель, проведенная Спасовичемъ, не только не выходила изъ рамокъ защиты, но наоборотъ, составляла существенную ея часть, бросая яркій свѣтъ на настроеніе Кузнецова и его товарищей. Въ характеристикѣ русской молодежи семидесятыхъ годовъ нетрудно найти черты, примѣнимыя и къ переживаемой нами эпохѣ... Никогда я не видѣлъ Спасовича такимъ взволнованнымъ, какъ по окончаніи рѣчи за Кузнецова. Руки его были холодны какъ ледъ, взглядъ направленъ куда-то вдаль; „міръ видѣній", имъ вызванныхъ, все еще держалъ его въ своей власти. Взволнованы были и его слушатели, и нелегко было слѣдовавшему за нимъ защитнику возвратиться въ обычную колею судебнаго процесса.

Во всю свою ширь дарованіе Спасовича могло развернуться только въ дѣлахъ уголовныхъ; но и въ гражданскихъ дѣлахъ написанное и сказанное имъ замѣтно возвышалось надъ общимъ уровнемъ. Во всемъ сказывался разносторонне образованный юристъ — сказывался тѣмъ ярче, чѣмъ сложнѣе и чѣмъ жизненнѣе были спорные вопросы, подлежавшіе разрѣшенію суда. Имѣть его противникомъ было опасно, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересно, потому что приходилось слѣдовать за нимъ или предупреждать его въ всесторонней разработкѣ дѣла.

Мой выходъ изъ присяжной адвокатуры, въ 1874 г., не измѣнилъ моихъ отношеній къ Спасовичу. Я видѣлся съ нимъ очень часто, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ изъ болѣе или менѣе случайнаго гостя въ „Вѣстникѣ Европы" я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ журнала, къ которому съ самаго его основанія такъ близко стоялъ Спасовичъ. На юридической почвѣ мы встрѣчались въ небольшомъ кружкѣ, который—замѣнивъ собою прекратившіяся около 1870-го года старыя юридическія собранія,—группировался одно время около В. Д., а нѣсколько позже—въ юридическомъ обществѣ, во всѣхъ отдѣленіяхъ котораго онъ дѣятельно работалъ. Какъ ни занимали Спасовича во-

просы права, замкнуться въ ихъ сферу онъ не могъ: слишкомъ сильно былъ въ немъ развитъ интересъ къ общественнымъ наукамъ, къ изящной литературѣ, къ искусству. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ сложились два небольшихъ кружка: въ одномъ читались и обсуждались такія книги, какъ „Основныя начала“ Спенсера, „Политика какъ наука“ Стронина, „Россія и Европа“ Данилевскаго; другой посвятилъ себя подробному изученію Шекспира. Душою обоихъ былъ Спасовичъ. Первый кружокъ—къ которому принадлежали, между прочимъ, А. А. Кнримъ и Д. В. Стасовъ,—существовалъ недолго, года три или четыре; второй имѣетъ длинную исторію. Въ теченіе трехъ зимъ (1875—78) онъ оправдывалъ вполнѣ названіе „Шекспировскаго“, которое осталось за нимъ и позже. Всѣ произведенія Шекспира были разобраны въ рядѣ обстоятельныхъ рефератовъ, за которыми слѣдовала оживленная, иногда продолжительная бесѣда; „Гамлету“, напримѣръ, было отведено цѣлыхъ три вечера. Референтами выступали, кромѣ В. Д. и меня, А. Ѳ. Кони, Е. И. Утинъ, А. И. Языковъ, В. К. Случевскій, А. Т. Серебряковъ, иногда и дамы. В. Д. представилъ четыре доклада (сонеты Шекспира, „Мѣра за мѣру“, „Гамлетъ“, „Антоній и Клеопатра“), обработанные съ свойственнымъ ему искусствомъ. Въ дебатахъ онъ принималъ всегда самое горячее участіе, готовясь къ нимъ внимательнымъ изученіемъ литературы о Шекспирѣ. Осенью 1878 г. кружокъ, къ которому присоединились кн. А. И. Урусовъ, С. А. Андреевскій, П. Д. Боборыкинъ, перешелъ къ такой же работѣ надъ Шиллеромъ, Лессингомъ и Гёте; иногда она прерывалась экскурсіями въ другія литературныя области. Когда, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, среди нѣкоторыхъ членовъ кружка стало замѣчаться охлажденіе къ его занятіямъ, его составъ, по иниціативѣ В. Д., былъ значительно обновленъ и каждому участнику предоставлено избирать для рефератовъ любую литературную тему. Въ кружокъ вступили, тогда же или позже, Д. А. Коропчевскій, В. В. Чуйко, М. А. Кавосъ, Н. М. Минскій, Д. С. Мережковскій, А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, Л. З. Слонимскій, С. А. Венгеровъ, П. И. Вейнбергъ, Н. А. Котляревскій, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и др. Были періоды, когда кружокъ собирался довольно часто и работалъ усердно; были періоды сравнительнаго застоя — и одинъ изъ нихъ наступилъ послѣ отъѣзда В. Д. въ Варшаву. Не знаю, удастся ли кружку найти другого вдохновителя. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: для всѣхъ участниковъ кружка, особенно — для самыхъ раннихъ, онъ связанъ съ цѣлымъ рядомъ свѣтлыхъ воспоминаній, средоточіемъ которыхъ является фигура В. Д. Спасовича, безсмѣннаго предсѣдателя кружка, вносившаго въ него

весь запасъ своихъ знаній, всю глубину своей мысли, весь блескъ своего слова и весь пылъ своей натуры.

Въ торопливо набросанныхъ строкахъ я только слегка затронулъ дорогой мнѣ образъ. Богатое наслѣдство, оставленное Спасовичемъ, требуетъ достойной его оцѣнки. Ее должны дать соединенныя усилія всѣхъ тѣхъ, кому близка та или другая сторона дѣятельности покойнаго.

К. Арсеньевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1906.

Годовые итоги.—Процессъ совѣта рабочихъ депутатовъ.—Судебная ликвидація „дней свободы“ и войны.—Предварительное слѣдствіе о бывшихъ членахъ Государственной Думы.—Городскіе выборы въ Петербургѣ.—Несостоявшійся пріемъ англійской депутаціи.—В. Д. Спасовичъ †.—Александръ Веселовскій и В. В. Стасовъ †.—И. Н. Захарьинъ-Якунинъ †.

Только одинъ годъ прошелъ съ 17 октября 1905 г. Не вѣрится!.. Кажется, что прошли многіе, долгіе годы... Были дни полной безформенной свободы. Были дни торжества захватнаго права. Были дни, когда народъ открыто боролся съ властью. Мѣстами—были недѣли, когда власть формально уходила изъ рукъ правительственныхъ агентовъ и принадлежала забастовочнымъ и стачечнымъ комитетамъ и другимъ, революціоннымъ путемъ создавшимся организаціямъ... Была горячая предвыборная борьба. Были выборы. Была побѣда конституціоналистовъ. Была первая въ Россіи Государственная Дума... Была увѣренность, что вѣковое прошлое дѣйствительно стало прошлымъ. Была надежда, что административный гнетъ, насиліе и произволъ рухнули и не возродятся. Обновленіе всего строя государственной и общественной жизни ожидалось въ самомъ близкомъ времени... И въ тотъ же годъ было разочарованіе! Разочарованіе—въ искренности намѣреній и обѣщаній власти. Разочарованіе—въ возможности для общества начать творческую работу обновленія. Разочарованіе въ томъ, что наличныя общественныя силы готовы къ творческой работѣ... Одно въ теченіе года было неизмѣнно—убійства, стрѣльба, взрывы и кровь...

Реальный результатъ года: въ отношеніи созиданія и творчества—никакого; въ отношеніи усиленія стараго режима—военно-полевые суды. Манифестомъ 17-го октября былъ призванъ къ жизни новый и сложный законодательный аппаратъ. Онъ дѣйствовалъ всего семьдесятъ-два дня, и прежде, чѣмъ Дума успѣла что-либо сдѣлать, она была распущена. Но, несмотря на это, законодательная дѣятельность развивалась цѣлый годъ безостановочно. Развивалась—все дальше и дальше возводя начальственный произволъ въ правовой принципъ. Законъ за годъ ничего положительнаго не далъ: онъ только боролся. Запоздалую отмѣну правовыхъ ограниченій для крестьянъ, само собою разумѣется, нельзя считать за творческій актъ. Также—боевые про-

тивъ Думы законы о продажѣ казенныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель. Нота борьбы съ народнымъ представительствомъ звучитъ гораздо сильнѣе всего другого въ основныхъ законахъ, изданныхъ за четыре дня до созыва Думы... Говоря коротко, годовой результатъ работы „временнаго" законодательнаго механизма формулируется такъ: то самое, за что въ 1900 г. въ Китаѣ, во время усмиренія возстанія боксеровъ, начальникъ военнаго отряда былъ преданъ суду и подвергнутъ наказанію—устройство импровизированнаго „скорорѣшительнаго" судьбища—и что въ декабрѣ и январѣ совершалось, какъ преступленія, подъ Москвой и въ Прибалтійскомъ краѣ—то самое съ августа стало нормой закона.

Идейнаго результата протекшаго года еще учесть нельзя. Одно можно сказать: насколько русскій человѣкъ не сталъ гражданиномъ, имѣющимъ права, и остался обывателемъ, живущимъ милостью начальства, настолько въ немъ не подвинулось впередъ развитіе сознанія гражданскихъ обязанностей, долга и отвѣтственности. Первые выборы въ Государственную Думу воочію показали, что общество—не исключая крестьянскихъ слоевъ—политически созрѣло—въ смыслѣ пониманія соотношенія между гражданами и властью и въ смыслѣ общей обрисовки положительныхъ идеаловъ. Дальнѣйшая же зрѣлость его въ смыслѣ детальнаго конкретизированія положительныхъ идеаловъ въ условіяхъ времени и пространства—могла наступить только впослѣдствіи. Необходимыя условія для наступленія законченной политической зрѣлости общества до 27 апрѣля ожидались. Общество тогда жило на-пока. Оно готовилось слиться съ властью и къ принятію на себя бремени отвѣтственности—и это умѣряло ростъ чувства голаго протеста. Видя передъ собою фактъ правительственной ошибки или произвольнаго внутренне-незакономѣрнаго дѣйствія, каждый общественный дѣятель въ то время, вслѣдъ за осужденіемъ, невольно спрашивалъ себя: а какъ надо было поступить, какъ поступилъ бы „я"? Встаетъ ли передъ нимъ съ прежней силой этотъ вопросъ теперь? Съ грустью должно признать, что нѣтъ...

Главное зло бюрократическаго режима въ томъ, что его основа—противоположеніе и борьба. Противоположеніе власти народу и народа власти. Борьба съ одной стороны за свободу; съ другой—за порядокъ. Бюрократическій режимъ слагался вездѣ постепенно и исторически и у насъ удержался столь долго, что въ глазахъ нѣкоторыхъ, даже теоретиковъ, получилъ признаніе „исконнаго", специфически русскаго начала, незыблемаго и неизмѣннаго. Но историческое образованіе отнюдь не мѣшаетъ ему быть совершенно искусственной конструкціей, создающей неестественныя условія государственнаго бытія. Онъ разбиваетъ власть и народъ на два вражескихъ стана. Онъ отри-

цаетъ общность ихъ задачъ. Во имя порядка, власть при немъ ведетъ постоянную борьбу съ стремленіемъ народа къ свободѣ. А народъ, во имя свободы, ведетъ такую же постоянную борьбу съ стремленіемъ власти сохранять порядокъ. Какъ будто гражданская свобода не должна быть одинаково дорога власти, какъ и народу! Какъ будто сохраненіе порядка народу не нужно!.. 17 октября прошлаго года борьбѣ и противоположенію былъ объявленъ конецъ. Было объявлено слитіе власти съ народомъ въ одно органически связанное и неразрывное цѣлое. Черезъ шесть мѣсяцевъ за объявленіемъ послѣдовалъ первый практическій шагъ на пути осуществленія новыхъ отношеній между властью и народомъ. Первый—и послѣдній. Уже на второй день послѣ созыва Думы стало ясно, что скораго дѣйствительнаго конца борьбы ожидать нельзя. А когда, еще спустя съ небольшимъ два мѣсяца, Дума была распущена, власть открыто стала на прежнія боевыя позиціи. Усиленная охрана замѣнилась чрезвычайной. Появились военно-полевые суды...

Вернулась къ борьбѣ власть — вернулось къ одному сплошному протесту и общество. Раскройте любую газету любого лагеря. Въ каждой строкѣ вы прочтете протестъ. Мысль надъ созиданіемъ не работаетъ. Мысль только анализируетъ и критикуетъ. И „Рѣчь", „Око", „Русскія Вѣдомости" или „Страна", съ этой точки зрѣнія, мало отличаются отъ „Московскихъ Вѣдомостей", не говоря уже о революціонныхъ изданіяхъ вродѣ „Русскаго Знамени". Только правительственныя газеты—„Россія" и „Новое Время"—какъ будто держатся другого тона. Но именно „какъ будто". Въ сущности онѣ исключительно заняты полемикой, защищая распоряженія министерства во что̀ бы то ни стало, путемъ нападокъ на противниковъ.

Чрезвычайно характерна въ данномъ отношеніи статья М. М. Ковалевскаго, напечатанная въ № 186 „Страны". Авторъ горячо призываетъ къ единенію передъ выборами конституціонные элементы. Онъ развертываетъ „надъ знаменами отдѣльныхъ партій одно великое знамя русской свободы и законности". Что̀ же должно стоять на объединяющемъ великомъ знамени, по мнѣнію этого строго лойяльнаго и послѣдовательнѣйшаго изъ конституціоналистовъ?—„Долой полевые суды и ссылки въ административномъ порядкѣ въ Нарымскій край! Долой намордникъ, наложенный на печать и собранія; долой давленіе администраціи на правосудіе! Да исполнятся царскія слова, да позволено будетъ, наконецъ, каждому, будь онъ простымъ обывателемъ или чиновникомъ, жить въ мирѣ со своей совѣстью и исповѣдывать то, что̀ онъ думаетъ!"... И затѣмъ М. Ковалевскій вспоминаетъ недавнее прошлое: „Когда насъ разъединяли въ Таврическомъ дворцѣ партійныя несогласія, достаточно было появленія на министерскихъ скамьяхъ

людей, выяснявшихъ намъ разумность тѣхъ порядковъ, при которыхъ, послѣ отказа въ преслѣдованіи со стороны судебной власти, администрація продолжаетъ держать заключенныхъ въ тюрьмѣ, чтобы всѣ мы, какъ одинъ человѣкъ, воспрянули духомъ и тѣломъ, крича: „Долой со всѣмъ этимъ старымъ безправіемъ!“ Пусть этотъ лозунгъ и будетъ впредь написанъ на знамени русской свободы“...

Кто рискнетъ сказать, что М. М. Ковалевскій неправъ? Кто скажетъ, что онъ невѣрно опредѣлилъ жгучую и основную потребность минуты?.. На кого надѣть „намордникъ“, надъ кѣмъ виситъ возможность безъ суда и разбора быть брошеннымъ въ тюрьму или подвергнуться ссылкѣ, или даже лишиться жизни по рѣшенію суда, въ составъ котораго воспрещено допускать юристовъ, — тотъ не можетъ спокойно отдаваться мыслямъ о государственномъ строительствѣ. Лозунгъ „долой!“ для него есть первый и самый близкій. А между тѣмъ вѣдь это боевой кличъ, ничего, кромѣ протеста и отрицанія, въ себѣ не заключающій. Это — лозунгъ, связующій индивидуалистовъ съ соціалистами, оппозиціонеровъ съ революціонерами, конституціоналистовъ съ анархистами. Въ Таврическомъ дворцѣ онъ дѣйствительно объединялъ всѣхъ членовъ Думы. Но развѣ въ этомъ единодушіи была творческая сила Думы? Развѣ не оно, напротивъ, препятствовало Думѣ проявить творческую дѣятельность?

До 17-го октября прошлаго года вся мыслящая Россія соединялась подъ флагомъ: „долой!“ Прошелъ годъ — и опять нѣтъ другого объединяющаго знамени. Общественнымъ силамъ необходимо размежеваться между собой: оппозиціи отдѣлиться отъ революціи. Власть, въ лицѣ сложной совокупности центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, тоже представляетъ собою крупную общественную силу. Она должна найти и имѣть свое мѣсто среди общественныхъ теченій. Только при этихъ двухъ условіяхъ возможна плодотворная созидательная работа.

Графъ Витте въ первые дни послѣ манифеста это сознавалъ и пытался занять опредѣленное политическое положеніе въ обществѣ. Попытка успѣха не имѣла. Правительство осталось изолированнымъ. И. Л. Горемыкинъ и П. А. Столыпинъ и попытокъ въ этомъ направленіи не дѣлали. Послѣ роспуска Думы ее хотѣли было сдѣлать по своей иниціативѣ графъ Гейденъ, М. А. Стаховичъ, Н. Н. Львовъ и Д. Н. Шиповъ, но встрѣтили неодолимыя препятствія. Потомъ — ее безрезультатно повторилъ А. И. Гучковъ. Дальнѣйшихъ попытокъ уже навѣрное не будетъ. Всѣми своими циркулярами, казнями, запретами и полнымъ подавленіемъ гражданской свободы правительство изолировалось отъ общества непроницаемой стѣной. И общественныя силы, вмѣсто размежеванія, объединились въ протестѣ противъ него и въ отрицаніи его такъ, какъ не были объединены никогда.

Печальный итогъ года возвѣщенной свободы!.. Еще печальнѣе итоги цифръ, заимствуемые нами изъ № 188 „Страны“. „Реализація манифеста 17-го октября 1905 г., — пишетъ Михаилъ Кауфманъ, — началась въ день опубликованія въ столицахъ и на слѣдующій день—во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. На дѣйствительную неприкосновенность личности низы отвѣтили погромами интеллигенціи и евреевъ въ 84 городахъ. Началось кровопролитіе, которое не остановилось до сего дня. За годъ убито и ранено въ Россіи по „политическимъ“ причинамъ 16.992 человѣка; если изъ этого числа удалить раненыхъ, то получимъ убитыми 7.331 чел. Въ общее число пострадавшихъ вошли и обыватели, и власти. На обывателей падаетъ 13.381 жертва, а представителей власти, убитыхъ, раненыхъ и подвергшихся покушеніямъ, насчитывается 3.611 человѣкъ. Обыватели гибли слѣдующимъ образомъ: повѣшено 215 ч., разстрѣляно по „обыкновенному“ военному суду 341, казнено по суду военно-полевому 221 чел. (въ теченіе $1^1/_2$ мѣс.), убито карательными отрядами 741, а остальные убиты солдатами, казаками, городовыми, хулиганами, экспропріаторами и т. п.“...

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы писали, что амнистія въ отношеніи всего того, что совершалось въ юридическомъ хаосѣ объявленной, но не облеченной въ формулы закона, свободы, подсказывается столько же чувствомъ, сколько и холоднымъ разсудкомъ. Мы писали, что она необходима, какъ единственный выходъ изъ цѣлаго лабиринта противорѣчій между закономъ и жизнью. Иллюстраціей къ нашимъ словамъ служитъ только-что закончившійся грандіозный процессъ совѣта рабочихъ депутатовъ, разсматривавшійся петербургской судебной палатой въ теченіе почти мѣсяца.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ образовался въ дни октябрьской забастовки прошлаго года. Первое его засѣданіе происходило 13-го октября при участіи 40 рабочихъ. На слѣдующій день участвовало уже 112 избранныхъ по фабрикамъ и заводамъ депутатовъ. А затѣмъ число депутатовъ дошло до 248. Подъ угломъ зрѣнія уголовнаго уложенія, это было преступное сообщество, поставившее себѣ цѣлью и т. д. Фактически же это былъ, какъ справедливо говорили подсудимые, „пролетарскій парламентъ“, обладавшій въ теченіе октября и ноября диктаторской силой. По его слову останавливались работы во всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ — останавливались и затѣмъ въ назначенные день и часъ возобновлялись; желѣзныя дороги прекращали движеніе; изъ сберегательныхъ кассъ выбирались деньги и т. д., и т. д. Въ составъ его люди входили не по преступному произволу, а на основаніи выборовъ, по нормѣ — одинъ депутатъ на пятьсотъ

рабочихъ. Парламентъ имѣлъ свою правильно организованную исполнительную власть — исполнительный комитетъ, сносившійся со всей Россіей и всюду посылавшій приказы и распоряженія. Дѣйствовалъ онъ настолько открыто, что съ нимъ вступалъ въ сношенія самъ первый министръ. Какъ обнаружилось на судѣ, въ петербургскомъ почтамтѣ было однажды получено письмо съ адресомъ: „въ рабочее правленіе",—и почтамтъ доставилъ письмо въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Помнится, въ ноябрѣ передавался по городу такой разсказъ: во время почтово-телеграфной забастовки, кто-то обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой оказать содѣйствіе для отправленія экстренно нужной телеграммы. П. Н. Дурново отвѣтилъ, что ничего не можетъ сдѣлать, и указалъ обратиться въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Совѣтъ принялъ телеграмму, и она немедленно была передана адресату. Мало того: графъ Витте получилъ отвѣтъ на срочный запросъ изъ Кушки относительно состоявшагося тамъ смертнаго приговора только черезъ посредство совѣта.

Подобный фактическій захватъ власти былъ, конечно, дѣйствіемъ незаконнымъ и объективно преступнымъ. Но насколько нынѣ судившіеся депутаты являлись въ тотъ моментъ субъективно преступными—еще большой вопросъ. Какъ вопросъ, формулировалъ субъективную виновность подсудимыхъ и представитель обвиненія, по крайней мѣрѣ въ заключительной части своей рѣчи. „По силѣ разумѣнія своего — говорилъ г. Бальцъ (цитируемъ по газетному отчету) — я исполнилъ лежавшую на мнѣ трудную, сложную и, говорю откровенно, тяжелую задачу, и я чувствую себя совершенно спокойнымъ передъ собственной совѣстью. Совѣсть подсказываетъ мнѣ объективную правильность моего конечнаго вывода изъ дѣла. Выводъ этотъ слѣдующій. Въ водоворотѣ политической жизни, охватившемъ Россію и въ частности Петербургъ послѣ 17-го октября минувшаго года, совѣтъ рабочихъ депутатовъ вторгся своей дѣятельностью въ такое русло, входъ въ которое загражденъ законами, но дѣйствовалъ совѣтъ въ такое время, когда въ силу событій сдвинулись со своихъ мѣстъ всѣ составныя части громаднаго государственнаго механизма и не успѣли еще освоиться и укрѣпиться на тѣхъ новыхъ устояхъ, которымъ суждено въ будущемъ регулировать дальнѣйшее теченіе русской государственной жизни".

Эту исключительность момента прокуроръ рекомендовалъ вниманію палаты при опредѣленіи мѣры и степени отвѣтственности подсудимыхъ. И палата, очевидно, съ нимъ согласилась. Подсудимымъ, признаннымъ виновными по ст. 102 угол. улож., нормальное наказаніе —каторга до 10 лѣтъ — понижена до ссылки на поселеніе. А признаннымъ виновными по ст. 129, вмѣсто поселенія, назначено заклю-

ченіе въ крѣпости на 8 мѣс. и на 1 годъ 6 мѣсяцевъ. Но намъ думается, что такая исключительность момента логически ведетъ дальше—къ устраненію вмѣненія содѣяннаго въ вину.

Когда былъ арестованъ предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ, Хрусталевъ-Носарь, въ извѣстіяхъ совѣта было напечатано, что правительственная полиція его взяла „въ плѣнъ". И эта характерная фраза повторялась на судѣ и подсудимыми, и свидѣтелями. Имѣли ли они основаніе считать арестъ Хрусталева-Носаря плѣномъ? Въ виду фактической роли, которую онъ игралъ, приходится сказать, что да. Нельзя забывать, что въ то время все было перепутано. Въ газетахъ тогда нерѣдко можно было прочесть подобныя, напримѣръ, замѣтки: „во время засѣданія такого-то союза явился неизвѣстный человѣкъ въ полицейской формѣ и сталъ что-то говорить; предсѣдатель предложилъ ему не мѣшать и удалиться, что онъ немедленно и исполнилъ".

Въ теченіе всего судебнаго процесса подсудимые и судъ говорили на разныхъ языкахъ, и у внимательно читавшихъ отчеты осталось общее впечатлѣніе, что происходило нѣчто, весьма мало похожее на судебное разбирательство. Долго, кропотливо и настойчиво устанавливались безспорные факты, напр., что совѣтъ рабочихъ депутатовъ не былъ тайной организаціей. Цѣлый рядъ свидѣтелей оглашалъ принесенные съ заводовъ резолюціи. Свидѣтелей-рабочихъ экзаменовали въ знаніи ими политическихъ терминовъ, вродѣ „учредительное собраніе" и т. п. Прокуратура, отправляясь отъ законныхъ признаковъ состава статей уголовнаго уложенія, всячески домогалась установить, что въ ряду принимавшихся совѣтомъ рѣшеній былъ хоть одинъ разъ принятъ призывъ къ вооруженному „выступленію". Защита же не менѣе упорно домогалась доказать, что совѣтъ самъ ни къ чему не призывалъ, а лишь формулировалъ призывы, шедшіе отъ заводовъ, и что предположенія о дѣйствіи оружіемъ касались не нападенія, а обороны на случай нападенія со стороны черносотенцевъ, которыми руководила, по утвержденію подсудимыхъ и защиты, полиція. Подсудимые подробно развивали свои теоретическія воззрѣнія. Для нихъ скамья подсудимыхъ была трибуной, съ которой они черезъ судъ говорили обществу вообще и своимъ избирателямъ-рабочимъ, въ частности. Десятки свидѣтелей выражали недоумѣніе, почему ихъ не предали суду, и вмѣсто свидѣтельскихъ показаній совершали то, что на языкѣ устава уголовнаго судопроизводства именуется „явкой съ повинной". Свидѣтели жандармы предупредительно отвѣчали на вопросы прокурора и предсѣдателя и отмалчивались на вопросы защитниковъ. Свидѣтели рабочіе—наоборотъ...

Въ отношеніи общественнаго своего значенія процессъ окончился

ранѣе приговора. 14-го октября всѣ двадцать-два защитника отказались отъ дальнѣйшаго въ немъ участія. По просьбѣ подсудимыхъ, палата освободила и ихъ отъ личнаго присутствованія въ засѣданіяхъ.

Поводомъ для защиты и для подсудимыхъ покинуть залъ засѣданій послужилъ отказъ палаты включить въ число судебныхъ доказательствъ доставленную однимъ изъ защитниковъ копію письма бывшаго директора департамента полиціи, г. Лопухина, и вызвать г. Лопухина въ качествѣ свидѣтеля. Письмо въ русской печати не появлялось, и полное содержаніе его намъ неизвѣстно. Но чего оно касалось—даетъ понятіе отчетъ о засѣданіи палаты 14 октября. О. О. Грузенбергъ, прежде прочтенія письменнаго заявленія защитниковъ, сказалъ устно нѣсколько словъ и, между прочимъ, говорилъ: „Участіе правительственныхъ властей въ организаціи погромовъ, въ убійствахъ... вотъ коренной вопросъ настоящаго дѣла, такъ какъ совѣтъ организовалъ народныя массы для самозащиты. Для этого мы представили неопровержимый документъ—письмо одного представителя власти къ другому. Для этого мы просили вызвать свидѣтеля, автора этого письма. Намъ отказали“... Въ письменномъ заявленіи тайну содержанія письма раскрываетъ слѣдующее мѣсто: „особое присутствіе... отказалось получить авторитетныя свѣдѣнія отъ лица, по порученію правительства спеціально изслѣдовавшаго анархическую и погромную дѣятельность органовъ власти, а именно директора департамента полиціи г. Лопухина, и такимъ образомъ въ настоящемъ процессѣ получилась одна лишь внѣшняя видимость всесторонняго разслѣдованія, а на дѣлѣ особое присутствіе палаты стѣсняло подсудимыхъ, и защита была стѣснена въ выясненіи ближайшихъ побудительныхъ причинъ дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ“.

Хотя законъ, въ общемъ правилѣ, не допускаетъ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, влекущихъ высшія наказанія, въ отсутствіи подсудимыхъ, но въ то же время уставъ уголовнаго судопроизводства послѣдовательно устраняетъ всякое принужденіе подсудимыхъ къ активному участію въ процессѣ. Подсудимые могутъ отказаться отъ защиты, могутъ ничего не спрашивать и не говорить и даже не отвѣчать на предлагаемые вопросы. А потому мы считаемъ, что какъ они не сдѣлали никакого нарушенія, заявивъ просьбу объ освобожденіи отъ присутствованія при судебномъ разбирательствѣ, такъ и палата удовлетвореніемъ ихъ просьбы смысла закона не нарушила. Но на отказъ отъ участія въ процессѣ защиты мы смотримъ иначе. Уголовный защитникъ—не только представитель интересовъ подсудимаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый участникъ состязательнаго процесса и, какъ таковой, органъ правосудія. Безъ защитника невозможно со-

стязаніе. Безъ состязанія получается уродливая форма суда, при которой нѣтъ ни возраженій, ни спора. Сознавая это, защитникъ едва ли имѣетъ нравственное право „бастовать“ по своей иниціативѣ. Только если этого требуетъ подсудимый въ силу своего права не защищаться—только въ такомъ случаѣ можно оправдать оставленіе защитникомъ—все равно, по избранію или по назначенію—залы суда. Конечно, мы исключаемъ случаи, напр., прямого его оскорбленія предсѣдательствующимъ и т. п., когда помимо его процессъ обрекается на безрезультатность въ смыслѣ неизбѣжной отмѣны производства въ кассаціонномъ порядкѣ.

Одновременно съ судебной ликвидаціей „дней свободы“ происходитъ такая же ликвидація войны. Военно-морскимъ судомъ уже разсмотрѣно дѣло о сдачѣ миноносца „Бѣдовый“. Въ скоромъ времени предстоятъ процессы адмирала Небогатова и генерала Стесселя. Въ періодѣ предварительнаго изслѣдованія находится еще нѣсколько однородныхъ дѣлъ.

Мы далеки отъ мысли отрицать необходимость и цѣлесообразность судебнаго преслѣдованія за преступныя дѣянія, совершенныя во время войны. На войнѣ особенно важно точное соблюденіе предписаній закона и долга службы, а потому тѣмъ менѣе допустима безнаказанность злоупотребленій. Но мы опасаемся обратной стороны медали. Мы опасаемся, что осужденіе и наказаніе Стесселя, Небогатова и др. размѣняютъ на мелочи впечатлѣніе нашихъ сплошныхъ пораженій и на сушѣ, и на морѣ. Легко можетъ получиться такой результатъ, что въ сознаніи общества и особенно правительства причиной всѣхъ причинъ окажутся личныя свойства тѣхъ или другихъ генераловъ и адмираловъ—недобросовѣстность, нерѣшительность, быть можетъ, трусость и т. п. При каждомъ крупномъ событіи—желѣзнодорожномъ крушеніи или пораженіи въ бою—первымъ вопросомъ обыкновенно возникаетъ: кто виноватъ? Не *что* виновато, а именно *кто*. Мысль всегда ищетъ наиболѣе простого и легкаго разрѣшенія мучительныхъ сомнѣній. *Что*—это сложная совокупность явленій и факторовъ разнаго порядка, сотканныхъ вмѣстѣ въ нѣчто громадное—въ систему. *Кто*—это конкретный человѣкъ. Найти человѣка, назвать по имени и успокоить себя—не представляетъ никакого особеннаго труда. Разобраться же въ системѣ, породившей событіе, выдѣлить изъ нея факторы, непосредственно опредѣлившіе его наступленіе—чрезвычайно трудно.

Между тѣмъ, такъ позорно проигранная война была именно слѣдствіемъ системы. Неужели можно хоть минуту подумать, что еслибы

Стессель или Небогатовъ были не такими людьми, какими ихъ обрисуютъ судебныя о нихъ дѣла, то Артуръ не перешелъ бы къ японцамъ и русскій флотъ не погибъ бы въ Цусимскомъ или другомъ проливѣ? Проигрышъ войны былъ роковымъ образомъ предрѣшенъ за многіе годы до того, какъ устраивались торжественные проводы Куропаткина, какъ прославлялось имя Стесселя, какъ Небогатова его начальникъ аттестовалъ—„не адмиралъ, а конфетка". Проигрышъ войны опредѣлили надменное самомнѣніе, полный разрывъ власти съ народомъ, раболѣпіе, возведенное въ принципъ, игра въ солдатики, вмѣсто боевой подготовки арміи, принесеніе всего въ жертву показному порядку... И только пока сознаніе не отвлечено отъ яснаго пониманія этихъ причинъ пораженія—только до тѣхъ поръ можно имѣть надежду, что событія, подобныя войнѣ съ Японіей, не станутъ повторяться.

Есть еще и другая опасность въ судебной ликвидаціи войны. Давно сказано: побѣдителей не судятъ. Этотъ афоризмъ разрѣшаетъ неизбѣжныя противорѣчія между практикой войны и теоріей. Нѣтъ науки побѣждать, а есть искусство побѣды. Искусство же не поддается регламентаціи закона вообще и особенно закона карающаго. Но афоризма: побѣжденнаго не судятъ—не существуетъ. Напротивъ, его судятъ, т.-е. оцѣниваютъ его дѣйствія съ точки зрѣнія отвлеченныхъ формулъ военно-уголовныхъ законовъ. А между тѣмъ развѣ въ моментъ совершенія этихъ дѣйствій онъ не находился въ однихъ условіяхъ съ тѣмъ, кто послѣ боя оказался побѣдителемъ? Въ результатѣ легко могутъ получаться формально правильныя, но внутренне несправедливыя рѣшенія. Сюда надо прибавить еще то, что русско-японская война была первой войной при нынѣшнихъ техническихъ средствахъ боя. Законы же, на основаніи которыхъ судъ будетъ оцѣнивать дѣйствія генераловъ и адмираловъ, написаны тогда, когда не было ни дальнобойныхъ орудій, ни броненосцевъ, когда, словомъ, условія боевой обстановки были совершенно иныя.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. „Солдатъ долженъ сражаться до послѣдней капли крови"—въ этомъ онъ клялся, присягая на вѣрность службы, въ этомъ его долгъ. Вотъ несложное отправное положеніе, на которомъ построено дѣйствующее законодательство. И положеніе это несомнѣнно имѣло прежде реальное основаніе. При несовершенствѣ механическихъ факторовъ боя, человѣкъ—его духовныя свойства, его психика—былъ главной боевой силой. Угадать психическіе процессы, совершающіеся въ противникѣ, для сражающагося невозможно. Противникъ, когда все, кажется, слагается въ его пользу, можетъ не выдержать, дрогнуть. Сильный духомъ одинъ можетъ побѣдить десятерыхъ. А потому отъ сражающагося естественно было

требовать бодрости и активнаго боя „до послѣдней капли крови". Теперь—человѣкъ, какъ боевая сила, занялъ другое мѣсто. Особенно—въ морскомъ сраженіи. Оно начинается и кончается на разстояніи десяти верстъ между противниками. Если у одного орудія стрѣляютъ на десять верстъ и корабли имѣютъ двадцать узловъ въ часъ хода, а у другого дальность стрѣльбы—девять съ половиной верстъ и скорость—пятнадцать узловъ, то первый разстрѣляетъ и потопитъ второго, какъ бы ни была сильна духомъ команда этого второго. И этотъ исходъ можно учесть гораздо раньше „послѣдней капли крови" съ математической точностью. Теперь, слѣдовательно, реальное основаніе отправного положенія закона упало, и осталось одно голое требованіе самопожертвованія. Не споримъ, отвлеченно-идеологическое основаніе предъявляемыхъ солдату требованій само по себѣ также не лишено значенія. Но, во всякомъ случаѣ, отдѣльные факты, напр. сдача корабля въ морскомъ бою, требуютъ уже оцѣнки по другому масштабу.

Любопытный эпизодъ, тоже относящійся къ судебной ликвидаціи войны, представляетъ собою дѣло капитана Булгакова. Объ этомъ дѣлѣ еще лѣтомъ писалось въ газетахъ, а недавно было напечатано особое сообщеніе въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Капитанъ Булгаковъ командовалъ фортомъ въ Портъ-Артурѣ. Послѣ сдачи крѣпости, онъ добровольно отправился въ плѣнъ, въ Японію, и тамъ, повидимому, не чуждался своихъ бывшихъ подчиненныхъ и бесѣдовалъ съ ними. Кто-то на него донесъ. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ преданъ суду и признанъ виновнымъ въ томъ, „что, находясь въ плѣну въ Японіи, 24-го октября 1905 года, въ городѣ Хамодерахъ, сказалъ военно-плѣннымъ нижнимъ чинамъ рѣчь, въ которой порицалъ дѣйствія высшихъ военныхъ начальниковъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ, по возвращеніи въ Россію и по увольненіи въ запасъ, насильственно отнимать у помѣщиковъ землю". Преступленіе это судъ войскъ Дальняго Востока подвелъ подъ признаки 129 ст. угол. улож. и приговорилъ капитана Булгакова къ заключенію въ крѣпости на три съ половиной года. Прокуроръ опротестовалъ приговоръ, такъ какъ дѣяніе осужденнаго было совершено на иностранной территоріи и по японскимъ законамъ не наказуемо. Для выясненія этого послѣдняго вопроса—говорится въ оффиціальномъ сообщеніи—„въ настоящее время происходятъ сношенія между главнымъ военно-суднымъ управленіемъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. По выясненіи вопроса, дѣло будетъ разсмотрѣно въ кассаціонномъ порядкѣ. *Въ настоящее время капитанъ Булгаковъ отбываетъ наказаніе въ гор. Харбинѣ*".

Заключительная фраза „сообщенія" лучше всего! Приговоръ опротестованъ и потому не вступилъ въ законную силу, собираются справки,

дѣло еще будетъ разсматриваться—а капитанъ Булгаковъ уже отбываетъ наказаніе. Не напрасно по этому поводу г. Коровиченко („Око", № 39) вспоминаетъ величественныя слова И. Л. Горемыкина, сказанныя имъ 13-го мая въ Государственной Думѣ: „Что касается заботъ Государственной Думы объ укрѣпленіи въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права, то въ этомъ отношеніи правительство заявляетъ, что въ войскахъ Его Императорскаго Величества начала эти съ давнихъ поръ установлены на незыблемыхъ основаніяхъ"...

Еще однимъ предстоящимъ судебнымъ процессомъ занято въ настоящее время общественное вниманіе—процессомъ бывшихъ членовъ Государственной Думы, участвовавшихъ въ составленіи извѣстнаго выборгскаго воззванія. Вѣрнѣе будетъ сказать, что въ данный моментъ интересъ представляетъ не столько предстоящее судебное разбирательство, сколько способъ веденія предварительнаго слѣдствія въ связи съ тѣмъ, что привлеченнымъ къ нему лицамъ предстоитъ въ теченіе всего времени его производства быть ограниченными въ политическихъ правахъ. А это время, судя по всему, надо считать годами.

Только почти черезъ три мѣсяца послѣ начала слѣдствія судебный слѣдователь приступилъ къ допросу обвиняемыхъ. Когда это было отмѣчено печатью, въ газетахъ появилась замѣтка, что министръ юстиціи предписалъ ускорить дѣло и о ходѣ его представлять свѣдѣнія ему, министру. Но вскорѣ затѣмъ появилась другая замѣтка, что министръ юстиціи сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ дѣла о членахъ Думы, возникшія по обвиненію нѣкоторыхъ изъ нихъ въ распространеніи воззванія, были сосредоточены и производились въ Петербургѣ тѣмъ слѣдователемъ, который ведетъ дѣло о составленіи воззванія. Если первое распоряженіе министра, въ отношеніи ускоренія слѣдствія, выразить величиной x, то второе, въ отношеніи его замедленія, составитъ, по меньшей мѣрѣ, десять такихъ x. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, противъ ничтожнаго лишь меньшинства изъ ста восьмидесяти привлеченныхъ по общему дѣлу бывшихъ членовъ Думы возбуждены отдѣльныя обвиненія въ распространеніи воззванія, но возбуждены они въ самыхъ различныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга и отъ Петербурга углахъ. Противъ громаднаго большинства такихъ обвиненій не возникало. А ждать снятія правоограниченій имъ придется очень долго и тогда, когда ихъ дѣло будетъ окончено.

Мы написали: ждать *снятія* правоограниченій. Ничѣмъ другимъ процессъ для обвиняемыхъ не можетъ окончиться. Юридически обвиненіе обосновано чрезвычайно слабо. Для устраненія подсудности по

мѣсту составленія воззванія—на основаніи финляндскихъ законовъ—самостоятельная дѣятельность составителей квалифицирована, какъ дѣятельность служебная для распространенія. Между тѣмъ, и по русскому, и по финляндскому уголовному уложенію—составленіе возбуждающаго воззванія есть одно дѣяніе, а распространеніе — другое. Поэтому самый вѣроятный исходъ процесса—прекращеніе, или въ стадіи преданія суду, или потомъ сенатомъ, за силою 1 ст. уст. угол. судопр. Но если прекращенія и не послѣдуетъ и состоится обвинительный приговоръ, то, дабы онъ повлекъ за собою для всѣхъ обвиняемыхъ лишеніе правъ, необходима совокупность прямо невѣроятныхъ условій: во-первыхъ, чтобы всѣ они были признаны виновными, какъ конкретные участники распространенія воззванія, и, во-вторыхъ, чтобы судъ отвергъ по отношенію ко всѣмъ наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ. При всѣхъ другихъ комбинаціяхъ наказаніе не можетъ превысить заключенія въ тюрьмѣ или въ крѣпости безъ всякихъ правоограниченій.

А что каждый день читаемъ въ газетахъ? Тотъ членъ Государственной Думы, подписавшій выборгское воззваніе, устраненъ изъ числа гласныхъ земскаго собранія или городской думы. Другой—уволенъ отъ должности. Третьему — запрещено священнослуженіе... Но главное, однако, не въ этомъ. Главное—въ томъ, что ста-восьмидесяти избранникамъ народа при первыхъ выборахъ закрыта возможность участвовать въ предстоящихъ вторыхъ... Правосудіе должно стоять выше политической борьбы партій. На органахъ его лежала нравственная обязанность довести до конца дѣло о выборгскомъ воззваніи раньше, чѣмъ наступитъ время для выборовъ въ Думу. И они могли ее исполнить—это мы говоримъ съ полной отвѣтственностью за слова. Со стороны слѣдственной техники дѣло громоздко только числомъ обвиняемыхъ. Послѣ составленія выборгскаго воззванія были возстанія въ Свеаборгѣ и въ Кронштадтѣ. И дѣла о многихъ сотняхъ участниковъ ихъ давно окончены даже судебнымъ разсмотрѣніемъ...

Уже назначены дни выборовъ новыхъ гласныхъ петербургской городской думы по первому и второму разрядамъ и осталось до послѣдняго дня всего двѣ недѣли. А предвыборная кампанія, собственно говоря, еще не начиналась. Повидимому, такой кампаніи, какая велась три года назадъ, и вовсе на этотъ разъ не будетъ.

Тогда было вновѣ, во-первыхъ, предоставленіе избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ и, во-вторыхъ, широкое разрѣшеніе предвыборныхъ собраній. Тогда раскрывался доступъ въ органы городского самоуправленія тѣмъ элементамъ населенія, которые всегда

были отъ участія въ дѣлахъ городского хозяйства устранены. И это было сдѣлано въ первый разъ, въ видѣ опыта, только для Петербурга. Тогда незнакомо было городскимъ обывателямъ, что̀ значитъ собраніе для открытаго, гласнаго обсужденія общественныхъ нуждъ и средствъ ихъ удовлетворенія — безъ риска попасть за такое обсужденіе въ тюрьму или оказаться въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ. Тогда государственное представительство было запретнымъ плодомъ мечтаній. Тогда была надежда, что новые элементы не только вольютъ новую струю въ рутинные пріемы веденія хозяйства въ городѣ, но своей дѣятельностью доставятъ торжество идеѣ общественнаго служенія въ ея борьбѣ съ идеей бюрократическаго, сторонняго управленія... Естественно, что, при такихъ условіяхъ, въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ 1903 г. Петербургъ, можно сказать, жилъ выборами.

Теперь обстоятельства рѣзко измѣнились. Позади—полоса митинговъ и бурныхъ собраній, подготовлявшихъ выборы въ Государственную Думу. Теперь — городское и земское самоуправленіе утратили бо̀льшую часть своего идейнаго значенія. Теперь выступили въ полной силѣ органическіе пороки, какъ закона о городскихъ выборахъ, такъ и закона о порядкѣ дѣйствій и о компетенціи городскихъ думъ и земскихъ собраній. Въ общественномъ сознаніи они стали учрежденіями отжившими, подлежащими скорому и полному реформированію. Къ выборамъ въ органы мѣстнаго самоуправленія теперь нѣтъ и не можетъ быть прежняго интереса.

Выборы, однако, какъ-ни-какъ состоятся—и 81 новыхъ гласныхъ будутъ избраны. Въ какомъ направленіи отразится предвыборная апатія на личномъ составѣ на-половину обновляемой городской думы? Съ большой вѣроятностью можно предсказать, что въ думѣ усилится та группа гласныхъ, которая сама себя именуетъ „центромъ“, а въ общежитіи болѣе извѣстна подъ давнимъ названіемъ „стародумцевъ“. Эта группа и въ 1903 г. публичной агитаціи на основѣ программныхъ вопросовъ не вела. Ея избирательные пріемы были другіе. Она непосредственно обращалась къ имѣющимъ право голоса и воздѣйствовала убѣжденіемъ съ глазу на глазъ, черезъ пріятелей и знакомыхъ, т.-е. примѣняла тотъ способъ собиранія голосовъ, который съиздавна практикуется въ городахъ и также передъ дворянскими выборами внѣ городовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь энергично ведется такая же закулисная работа, и такъ какъ она не встрѣчаетъ противовѣса въ сосредоточеніи голосовъ противниковъ, то ея успѣхъ представляется весьма и весьма вѣроятнымъ.

Мы живо помнимъ, какъ три года назадъ во всѣхъ частяхъ города чуть не каждый день собирались многія сотни избирателей, какъ горячо громились непорядки въ городскомъ хозяйствѣ, какъ раскры-

вались широкіе горизонты муниципализаціи общественныхъ предпріятій, какъ дѣлались попытки установленія постоянной связи избирателей съ кандидатами въ гласные. Эта агитація дала побѣду шестидесяти противникамъ „стародумцевъ“, которые все-таки сохранили за собой около ста мѣстъ. Если же изъ числа послѣднихъ исключить пятьдесятъ-девять мѣстъ для избирателей перваго разряда, при общемъ ихъ числѣ всего въ триста съ небольшимъ человѣкъ, то нельзя будетъ не признать, что побѣда публичной предвыборной борьбы была немалая. Но затѣмъ эти новые элементы какъ-то вдругъ опустили руки. На первыхъ же порахъ въ думѣ, при выборѣ исполнительныхъ органовъ, они потерпѣли пораженіе. Чрезвычайно трудно, правда, плодотворно работать въ условіяхъ дѣйствующаго городового положенія, имѣя противъ себя не только правительственную администрацію, но и своихъ исполнителей. Упорство въ работѣ, казалось бы однако, отъ этого должно было усилиться. Вмѣсто того, получилось какое-то непонятное охлажденіе. Далѣе, весьма скоро обнаружилось, что группа противниковъ стародумцевъ никакой общей идеей между собой не связана. Не даромъ еще передъ выборами она все искала, да такъ и не нашла для себя названія. Въ концѣ концовъ, по истеченіи трехлѣтія дѣятельности въ петербургской городской думѣ новыхъ квартиронанимательскихъ элементовъ, получилось такое общее впечатлѣніе: гораздо болѣе хорошихъ словъ, чѣмъ упорной работы и умѣлаго участія въ дѣлѣ.

До сихъ поръ появилось въ печати одно воззваніе къ городскимъ избирателямъ—отъ временнаго комитета прогрессивныхъ городскихъ избирателей второго разряда. Воззваніе предлагаетъ „объединиться всѣмъ прогрессивнымъ элементамъ въ средѣ избирателей, устранивъ какія бы то ни было группировки на почвѣ политическихъ партійныхъ программъ“. Наши симпатіи цѣликомъ на сторонѣ того, что̀ написано въ воззваніи. Но мы желали бы, чтобы тѣ гласные, которые войдутъ въ думу подъ его флагомъ, проявили въ полной мѣрѣ активность, помня, что они идутъ не пожинать лавры, а бороться съ тѣмъ, что̀, какъ говорится въ воззваніи, привело городъ „къ невѣроятному санитарному состоянію“, „къ крайне неудовлетворительному состоянію способовъ сообщенія въ городѣ и къ полной отсталости въ этомъ отношеніи Петербурга отъ многихъ, даже провинціальныхъ, городовъ Россіи“, и „къ небывалой безцеремонности въ расходованіи общественныхъ денегъ при выполненіи милліонныхъ построекъ и ко многимъ хорошо извѣстнымъ обывателямъ неурядицамъ въ другихъ отрасляхъ городского хозяйства“.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы писали, что на 3-е октября готовился пріемъ англійской депутаціи, которая должна была вручить адресъ бывшему предсѣдателю Государственной Думы, С. А. Муромцеву. Депутація не пріѣхала и пріемъ не состоялся. По этому поводу распорядительный комитетъ по устройству пріема опубликовалъ слѣдующее:

„23-го и 25-го сентября с.-петербургскій комитетъ по устройству пріема англійской депутаціи получилъ отъ лондонскаго комитета телеграммы съ просьбой пересмотрѣть вопросъ о торжественномъ пріемѣ депутаціи, „въ виду ложныхъ толкованій и нападокъ", также какъ „въ виду слуховъ о контръ-демонстраціяхъ и безпорядкахъ, могущихъ возникнуть въ Петербургѣ". Не будучи въ состояніи, съ своей стороны, гарантировать пріѣзжихъ гостей отъ послѣдствій искусственной агитаціи, с.-петербургскій комитетъ отвѣтилъ въ соотвѣтственномъ смыслѣ. На свой отвѣтъ, 26-го сентября комитетъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ секретаря лондонскаго комитета:

„Съ глубочайшимъ сожалѣніемъ и разочарованіемъ комитетъ рѣшилъ просить васъ отмѣнить всѣ распоряженія, сдѣланныя для публичнаго пріема депутаціи. Мы глубоко признательны за благородную рѣшимость, съ которой вы дѣлали эти обширныя приготовленія къ пріему, не останавливаясь передъ встрѣченными затрудненіями. Адресъ самъ по себѣ уже встрѣтилъ фактически всеобщее одобреніе, и мы надѣялись на возможность принять участіе въ торжественномъ пріемѣ, какъ на способъ публично показать британскія симпатіи русскому народу въ его борьбѣ за конституціонную свободу. Но комитетъ полагалъ, что англичане не должны брать на себя отвѣтственности за вовлеченіе своихъ русскихъ друзей въ возможныя осложненія, такъ какъ полуоффиціальный союзъ русскихъ людей, характеръ котораго хорошо извѣстенъ, грозилъ насильственнымъ протестомъ. Дружба двухъ великихъ націй, имѣющихъ въ прошломъ горькія воспоминанія о напрасно и безсмысленно пролитой крови, была бы на много лѣтъ подвергнута опасности, въ случаѣ подобнаго событія. Наши международныя отношенія налагали на насъ обязанность принять эту предосторожность. Память объ адресѣ сохранится надолго послѣ того, какъ инцидентъ этотъ будетъ забытъ, какъ доказательство нашего уваженія и симпатіи, какъ залогъ демократической дружбы, которая приметъ опредѣленную форму, когда Россія выйдетъ свободной изъ страданій настоящаго кризиса. Vive la Douma!"

Скончавшійся 13-го октября, въ Варшавѣ, Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ пользовался исключительно широкой извѣстностью. Это

былъ человѣкъ. поражавшій, кромѣ знаній, талантливости и рѣдкой работоспособности, самой чуткой отзывчивостью и разносторонностью интереса, буквально, ко всѣмъ проявленіямъ общественности. Онъ вездѣ бывалъ, за всѣмъ слѣдилъ. Его все интересовало—вплоть до борьбы атлетовъ. Въ нервный вѣкъ напряженной политической работы, люди, занимающіеся общественными вопросами — особенно пишущіе—тѣмъ болѣе отдаются имъ, тѣмъ болѣе отстаютъ отъ литературы и отъ искусства. Имъ постоянно некогда; они всегда торопятся — и многаго — очень многаго! — не поспѣваютъ сдѣлать. Покойный Владиміръ Даниловичъ, наоборотъ, удивлялъ умѣньемъ быть хозяиномъ своего времени. До конца дней онъ служилъ живымъ укоромъ тѣмъ, кто и хотѣлъ бы, да не умѣетъ находить часы, чтобы бывать въ театрахъ, на выставкахъ, а главное—читать. Въ Петербургѣ много лѣтъ существовалъ такъ называвшійся „Шекспировскій“ кружокъ. Когда сталъ сильнѣе биться пульсъ политической жизни, кружокъ началъ распадаться и собранія его прекратились. В. Д. никакъ не могъ съ этимъ примириться. Хотя онъ былъ едва ли не самымъ старшимъ по возрасту членомъ кружка, но именно онъ возродилъ кружокъ. Уѣхалъ В. Д. въ Варшаву—и кружокъ опять пересталъ собираться.

Любопытно и характерно мотивировалъ покойный въ 1902 г., помимо болѣзни, свое рѣшеніе переѣхать изъ Петербурга въ Варшаву. Онъ говорилъ: „пора начать новую жизнь“. И это говорилъ человѣкъ, имѣвшій въ то время за плечами 74 года! Другіе, столько, какъ онъ, поработавшіе на своемъ вѣку, въ этомъ возрастѣ естественно думаютъ о заслуженномъ отдыхѣ и покоѣ. А Спасовичъ ѣхалъ въ Варшаву, очевидно, съ тѣмъ, чтобы въ условіяхъ непосредственнаго общенія, на мѣстѣ, посвятить себя трудному дѣлу рѣшенія рокового русско-польскаго вопроса. Единеніе національно и культурно самостоятельной Польши съ новой Россіей, скинувшей оковы рабства съ себя и отказавшейся отъ порабощенія другихъ, — было мечтой всей жизни Спасовича. Онъ вѣрно предугадалъ въ 1902 г., что скоро наступитъ моментъ, когда вопросъ станетъ на ближайшую очередь. И онъ провидѣлъ, что сто лѣтъ политики обрусѣнія безконечно затруднили этотъ способъ разрѣшенія конфликта между родственными народами... В. Д. Спасовичу не удалось направить польскую общественную мысль въ русло спокойной оцѣнки взаимныхъ интересовъ, и онъ умеръ въ глазахъ многихъ поляковъ „угодовцемъ“, т.-е. человѣкомъ „компромиса“. Но пройдетъ время, закроются раны, которыя сто лѣтъ наносила и потомъ систематически растравляла Польшѣ и полякамъ оффиціальная Россія. Тогда въ памяти поляковъ воскреснетъ Спасовичъ не какъ „угодовецъ“, а какъ истинный польскій патріотъ...

Скончавшіеся 10-го октября Александръ Николаевичъ Веселовскій и Владиміръ Васильевичъ Стасовъ принадлежали къ числу крупныхъ величинъ нашего времени, какихъ вообще бываетъ немного. А. Н. Веселовскій воспиталъ, какъ профессоръ с.-петербургскаго университета, нѣсколько поколѣній филологовъ и обогатилъ русскую и европейскую науку цѣлымъ рядомъ выдающихся трудовъ, во многомъ проложившихъ новые пути и установившихъ новые взгляды. В. В. Стасовъ, также не мало сдѣлавшій въ научной области—достаточно назвать его выдающуюся работу о происхожденіи русскихъ былинъ,—оставилъ особенно глубокій слѣдъ какъ художественный критикъ въ исторіи русскаго искусства и покровитель нарождающихся художественныхъ талантовъ. Дѣятельность обоихъ, какъ А. Н. Веселовскаго, такъ и В. В. Стасова, можетъ быть оцѣнена вполнѣ и соотвѣтственно ихъ заслугамъ только въ подробныхъ характеристикахъ, охватывающихъ всѣ стороны ихъ плодотворной дѣятельности. Какъ А. Н. Веселовскій, такъ и В. В. Стасовъ много потрудились и для нашего журнала, и мы еще постараемся вскорѣ возвратиться къ ихъ памяти [1]).

На югѣ Россіи, въ началѣ истекшаго октября мѣсяца, скончался И. Н. Захарьинъ-Якунинъ, имя котораго не безъизвѣстно нашимъ читателямъ. Онъ родился въ 1840 году, а свою литературную дѣятель-

---

[1]) Труды Александра Веселовскаго въ „Вѣстникѣ Европы“: 1866 г.—Данте и символическая поэзія католичества (т. IV).—1871 г.—Джордано Бруно (дек.).—1872 г.—Калики перехожіе и богомильскіе странники (апр.).—Двѣ варшавскія диссертаціи (окт.).—1875 г.—Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ (апр.).—1876 г.—Беллетристика у древнихъ грековъ: греческіе эротическіе романы (дек.).—1877 г.—Индѣйскія сказки въ русскомъ переводѣ проф. Минаева (мартъ).—1878 г.—Рабле и его романъ (мартъ).—1879 г.—Робертъ Гринъ и его изслѣдователи (авг.).—1882 г.—Новая книга о миѳологіи Воеводскаго (апр.).—1886 г.—Гадательныя книги на Западѣ и у насъ (апр.).—Вступительныя лекціи профессора Ягича (нояб.).—1887 г.—Новый журналъ сравнительной исторіи литературы (янв.).—1888 г.—Русскій эпосъ и новые его изслѣдователи (іюль).—1891 г.—Учители Боккаччіо (нояб.).

Труды В. В. Стасова въ „Вѣстникѣ Европы“:

1866 г.—Археологическая замѣтка о постановкѣ „Рогнѣды“, Сѣрова. Письмо къ Н. И. Костомарову (т. II.).—1868 г.—Происхожденіе русскихъ былинъ (янв.—апр.; іюнь—іюль).—Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ (окт.).—1870 г.—Критика моихъ критиковъ (февр., мартъ).—1876 г.—Столицы Европы и ихъ архитектура (февр., мартъ).—1880 г.—Живописецъ А. И. Ивановъ (янв.).—1881 г.—М. П. Мусоргскій (май—іюнь).—1882 г.—Египетская сказка (февр.).—Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства (нояб., дек.).—1883 г.—Наша скульптура за послѣднія 25 лѣтъ (февр.).—Наша архитектура за послѣднія 25 лѣтъ (іюль).—Наша музыка за послѣднія 25 лѣтъ (окт.).—1885 г.—Тормазы новаго русскаго искусства (февр.—май).—1886 г.—Старая и новая Россія въ картинахъ (нояб.). — 1887 г.—И. Н. Крамской (нояб., дек.).—1902 г.—М. М. Антокольскій (авг.).

ность началъ въ 70-хъ годахъ, принимая участіе—замѣтками, корреспонденціями—во многихъ періодическихъ изданіяхъ. Предшествовавшая его дѣятельность была посвящена мировымъ учрежденіямъ въ провинціи и снабжала его богатымъ матеріаломъ для послѣдовавшей затѣмъ литературной дѣятельности. Въ нашемъ журналѣ И. Н. печаталъ свои труды въ послѣднемъ пятилѣтіи; такъ, въ 1901 г. появилась его статья: „Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ“ (апр.); въ 1904 и въ 1905 гг. (апр.):—„Графиня А. А. Толстая“.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ партіи „демократическихъ реформъ".

Организованная сравнительно поздно партія демократическихъ реформъ не получила, до первыхъ выборовъ въ Государственную Думу, большого распространенія. Въ самой Думѣ, однако, сразу нашли мѣсто нѣкоторые представители партіи, къ которымъ вплоть до роспуска Думы не переставали примыкать другіе ея члены. Это укрѣпляетъ въ насъ увѣренность, что партія имѣетъ основаніе сохранить свою программу и продолжать самостоятельное существованіе.

Попрежнему усматривая въ партійной программѣ не сборникъ правилъ, которыя всѣ одинаково обязательны для каждаго члена партіи, а выраженіе взглядовъ, могущихъ служить исходной точкой для общей дѣятельности, мы выдѣляемъ изъ программы нѣсколько основныхъ положеній, признаніемъ которыхъ обусловливается вступленіе въ партію. Это необходимо для болѣе строгаго отграниченія партіи какъ слѣва, такъ и справа.

Находя, какъ и ранѣе, несвоевременнымъ установленіе строгой партійной дисциплины, мы считаемъ достаточнымъ намѣтить, въ главныхъ чертахъ, отношеніе партіи къ важнѣйшимъ вопросамъ настоящей минуты. „Мы возстаемъ,—сказано было въ нашемъ первомъ обращеніи къ обществу,—противъ всякаго стѣсненія личной свободы и личныхъ правъ, откуда бы оно ни исходило; въ чрезвычайныхъ репрессіяхъ, постигающихъ обезоруженнаго противника, мы видимъ недопустимое и преступное превышеніе власти; мы признаемъ, что всякая попытка возвратиться хоть отчасти къ безусловно осужденному прошлому угрожаетъ величайшею опасностью народу и государству".

Обстоятельства, при которыхъ были написаны эти слова, значительно измѣнились къ худшему. Никогда еще не получали такого широкаго распространенія военное положеніе и чрезвычайная охрана. Никогда основныя нормы судоустройства и судопроизводства не нарушались такъ рѣзко, какъ учрежденіемъ военно-полевыхъ судовъ. Никогда не было произносимо и приводимо въ исполненіе столько смертныхъ приговоровъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не повторялись такъ часто и въ такихъ ужасающихъ формахъ террористическіе акты.

Безсильная остановить и предупредить ихъ, политика чрезвычайныхъ репрессій приводитъ только къ умноженію и укрѣпленію элементовъ, враждебныхъ правильному ходу освободительнаго движенія. Ничего, кромѣ вреда, не приносятъ и продолжающіеся въ громадныхъ размѣрахъ административные аресты и ссылки. Въ рукахъ должностныхъ лицъ, облеченныхъ почти диктаторскими полномочіями, обязательныя постановленія принимаютъ характеръ мѣстнаго законодательства, не стѣсняющагося никакими правовыми нормами. Свобода со-

браній и союзовъ существуетъ только по имени. Періодическія изданія пріостанавливаются по усмотрѣнію градоначальниковъ и губернаторовъ.

Уголовныя преслѣдованія нерѣдко возбуждаются по дѣламъ о печати и государственнымъ съ видимой цѣлью ограничить до судебнаго приговора политическія права обвиняемыхъ.

Въ порядкѣ, установленномъ только на случай крайней необходимости, издаются временныя правила, примѣненіе которыхъ создастъ величайшія затрудненія при возвратѣ на путь нормальнаго законодательства. Таковы, напр., указы о продажѣ удѣльныхъ и казенныхъ земель, дающіе аграрному вопросу направленіе прямо противоположное тому, которое было намѣчено громаднымъ большинствомъ Государственной Думы.

Источникъ всѣхъ указанныхъ нами золъ одинъ и тотъ же: переходъ отъ абсолютизма къ конституціонному строю, возвѣщенный манифестомъ 17-го октября, совершился только на бумагѣ. Къ проведенію его въ жизнь должны быть направлены усилія всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ мирнаго, но безостановочнаго движенія впередъ—къ народному благу и народной свободѣ. На этой почвѣ возможенъ и желателенъ предвыборный союзъ всѣхъ истинно-конституціонныхъ партій и безпартійныхъ конституціоналистовъ. Справа отъ него останутся не только сторонники отжившихъ порядковъ, но и всѣ защищающіе или оправдывающіе курсъ, взятый министерствомъ послѣ роспуска Думы. Слѣва останутся крайнія революціонныя партіи, настаивающія на немедленной ломкѣ, насильственнымъ путемъ, всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеній.

Истинно-конституціонныя партіи не могутъ, у насъ въ Россіи, не опираться на народную массу; онѣ не могутъ, слѣдовательно, довольствоваться однѣми политическими реформами и должны стремиться къ соціальнымъ преобразованіямъ, т.-е. къ разрѣшенію, на широкихъ демократическихъ началахъ, вопросовъ аграрнаго и рабочаго. Невозможно, поэтому, даже временное соглашеніе между ними и односторонними защитниками крупнаго землевладѣнія и, вообще, капиталистическаго строя.

Готовиться къ избирательной борьбѣ различныя группы русскихъ конституціоналистовъ могутъ отдѣльно; вести ее онѣ должны вмѣстѣ, соединенными силами.

Основныя положенія программы партіи демократическихъ реформъ.

1. Россійская имперія составляетъ наслѣдственную конституціонную монархію. Министры, какъ въ составѣ министерства, такъ и каждый особо, въ политической дѣятельности своей отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ.

2. Народное представительство состоитъ изъ двухъ палатъ. Одна изъ нихъ избирается всѣми совершеннолѣтними и полноправными гражданами мужского пола на равныхъ для всѣхъ началахъ, закрытой подачей голосовъ, а другая—органами мѣстнаго самоуправленія, распространеннаго на всю имперію и основаннаго на всеобщемъ, рав-

нымъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи мѣстнаго населенія, безотносительно къ полу.

3. Народному представительству должно принадлежать право законодательнаго почина, не исключая вопросовъ, отнесенныхъ къ области основныхъ законовъ.

4. Всѣмъ россійскимъ гражданамъ должны быть предоставлены равныя права и прочно обезпечена политическая свобода во всѣхъ ея видахъ.

5. Царству Польскому, а въ случаѣ надобности и другимъ областямъ имперіи, должны быть, при наличности опредѣленныхъ закономъ условій, предоставлены законодательныя полномочія по вопросамъ исключительно мѣстнаго значенія, не затрагивающимъ единства имперіи и круга дѣйствій общаго государственнаго управленія.

6. Смертная казнь подлежитъ отмѣнѣ. Тѣлесныя наказанія ни при какихъ условіяхъ не допускаются.

7. Ни въ какомъ случаѣ и ни въ какой формѣ не долженъ существовать военный судъ надъ невоенными. Исключенія изъ этого правила могутъ быть допускаемы лишь на театрѣ военныхъ дѣйствій во время войны съ иностраннымъ государствомъ.

8. Необходимо безотлагательно приступить къ созданію условій, при которыхъ начальное обученіе могло бы стать всеобщимъ, безплатнымъ и обязательнымъ.

9. Финансовая система должна быть пересмотрѣна въ видахъ сокращенія непроизводительныхъ расходовъ и перенесенія значительной части податного бремени на болѣе достаточные классы населенія.

10. Необходимо принудительное (возмездное) отчужденіе частновладѣльческихъ земель, въ видахъ надѣленія землею вовсе не имѣющихъ ея земледѣльцевъ и увеличенія площади землепользованія малоземельныхъ—по меньшей мѣрѣ до высшихъ надѣльныхъ нормъ 1861 года. Изъ учреждаемаго для этой цѣли государственнаго земельнаго запаса земли должны быть отводимы, за установляемую закономъ плату, смотря по мѣстнымъ условіямъ—или въ общинное, или въ подворное владѣніе, безъ права отчужденія и залога.

11. Арендныя земельныя отношенія должны быть упорядочены закономъ въ цѣляхъ прочнаго обезпеченія положенія земледѣльцевъ и защиты ихъ труда.

12. Въ области рабочаго законодательства необходимо облегчить образованіе профессіональныхъ союзовъ, обезпечить право стачекъ, сократить по возможности рабочій день и ввести страхованіе рабочихъ во всѣхъ его видахъ.

II. — Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемыя страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагопріятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачъ изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писателей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 января сего года *по расходному капиталу—изъ котораго, по Уставу, только и можетъ быть производима большая часть выдачъ Фонда*—дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращавшихся въ Фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собой превышеніе расходовъ надъ поступленіями. Еслибы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію наростанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Томъ II. вып. 2. Спб. 906. Ц. за томъ изъ 4 выпусковъ — 50 рублей, безплатно.

Мы не разъ упоминали объ этомъ роскошномъ и интересномъ изданіи портретовъ дѣятелей эпохи Екатерины II. Павла I и Александра I (1762—1855), по-прежнему съ нами краткій библіографическій очеркъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Настоящимъ, третьимъ выпускомъ второй томъ изданія, согласно его плану и заявленнымъ выпускамъ каждаго тома, — заканчивается по своему составу. Въ этомъ выпускѣ помѣщается 12 портретовъ, иногда очень удачно, и 36 гравюръ съ миніатюръ, не менѣе удачныхъ. Между портретами указанныхъ жанровъ портретъ князя Пушкина работы Тропинина, снятый въ 1827 году и имѣющій оригинальную судьбу; Лазаревскихъ В. А. Кропотова, работы К. Брюллова; затѣмъ слѣдуютъ фамильною группою: кн. Голицынскихъ, Шуваловыхъ, Гагариныхъ, Шаховскихъ, занимавшихъ видныя мѣста при Дворѣ и на государственной службѣ.

Кавелинъ Константинъ Дмитріевичъ. Отъ крѣпкаго народодержавства къ представительному, и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Т. II. М. 906. Ц. 2 р.

Идея Аристотеля — на историческихъ примѣрахъ доказать, какъ совершается ростъ государства, и какъ въ то же время этотъ ростъ отражается на исторіи политическихъ ученій, проникая въ сознаніе общества и народа. Въ первомъ выпускѣ, такимъ образомъ можно встрѣтить изложеніе политическихъ доктринъ протестантизма въ Франціи и Нидерландахъ; политической литературы Англіи до революціи XVII вѣка и общественныхъ въ ней движеній въ эпоху республики, и, наконецъ, происхожденіе политической литературы Голландіи, которой вопросы, какіе отражались во Франціи и въ Англіи о правахъ гражданъ и о народовластіи, и кончилъ ея главнымъ ихъ заключеніемъ — въ освободительномъ смыслѣ.

— Политическая Энциклопедія, подъ ред. Л. З. Слонимскаго. Т. I, вып. третій. Спб. 906. Ц. 1 р.

Данный выпускъ содержитъ въ себѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, статьи отъ слова: „Бразилія" до слова „Виборгъ", и, подобно прежнимъ выпускамъ, снабженъ географическими и этнографическими картами по отдѣльнымъ губерніямъ, а въ біографіяхъ болѣе замѣчательныхъ лицъ сопровождается ихъ портретомъ, какъ, напримѣръ, Брунсвикъ, фонъ-Бюловъ, Виктора Эммануила III, Вильгельма II, С. Ю. Витте и др.

С. Ѳ. Платоновъ. Очерки изъ исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ предупреждаетъ въ началѣ книги, говоря, что онъ въ своемъ трудѣ разсмотрѣлъ лишь главные основные вопросы финансовой исторіи царствованія Екатерины II: высшее финансовое управленіе, государственные доходы и расходы и образованіе государственнаго долга, какъ отраженіе результатовъ финансовой политики той эпохи. Весь этотъ трудъ, заполняющій авторскій читателю и подробно, но его слѣдовало бы облегчить трудъ другого работника въ этой важной и обширной, но мало разработанной еще области въ исторіи нашихъ финансовъ: но, сказать не менѣе, авторъ, въ заключеніе своего труда, приходитъ къ тремъ положеніямъ, выражающимъ полное осужденіе финансовой политики въ эпоху Екатерины II: высшее финансовое управленіе стояло на низкомъ уровнѣ; во-вторыхъ, авторъ, имѣя такъ, предъявляетъ той эпохѣ требованія, какія можно дѣлать въ наше время, вмѣсто того, чтобы сравнить финансовую политику Екатерины II съ такою же ея современною финансовой политикою другихъ государствъ, — а это было бы и вѣрнѣе, и справедливѣе. Вторымъ своимъ положеніемъ авторъ хотѣлъ бы ставить въ вину Екатеринѣ II то обстоятельство, что Россія сдѣлала „за время дѣлами отсталости" крайне незначительное экономическое движеніе впередъ; и наконецъ, третье положеніе автора указываетъ на то, что при Екатеринѣ II долгъ возросъ до 200 милліоновъ, но въ то же время авторъ говоритъ о „цѣнныхъ результатахъ" той эпохи: освобожденіе славянъ отъ Турціи, пріобрѣтеніе Крыма и т. д., а потому тѣ долги едва ли можно назвать безплодными.

— Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, въ 10 томахъ, съ 4 портретами. Т. X, кн. 2, съ портретомъ автора. Спб. 906. Ц. за всѣ 10 томовъ—16 рублей.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается предпринятое сыномъ покойнаго Чернышевскаго полное собраніе сочиненій его отца; эти сочиненія, во всякомъ случаѣ, сохранятъ историческое значеніе, служа показателемъ умственнаго движенія той уже невозвратно отдаленной отъ насъ эпохи, и вмѣстѣ составятъ памятникъ ихъ автору. Въ нынѣшнемъ выпускѣ помѣщенъ „Дневникъ Н. Г. Чернышевскаго" (1852—53 гг.), сохранившійся въ дѣлахъ Сенатскаго Архива, гдѣ онъ пролежалъ многіе годы вмѣстѣ съ другими бумагами, отобранными при арестѣ Чернышевскаго въ 1862 году.

— Сочиненія А. П. Щапова, въ 3-хъ томахъ, съ его портретомъ. Т. I. Спб. 906. Ц. 2 р.

Аѳанасій Прокопьевичъ Щаповъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей послѣдняго истекшаго столѣтія. Получивъ высшее духовное образованіе, онъ былъ впослѣдствіи профессоромъ русской исторіи въ Казани; его труды по русскому расколу составили ему прочное имя въ ученомъ мірѣ и въ огромномъ большинствѣ были до сихъ поръ разбросаны по журналамъ, а потому появленіе полнаго собранія сочиненій Щапова приходится назвать, весьма кстати. Въ появившемся нынѣ первомъ томѣ помѣщенъ и главный его трудъ: „Русскій расколъ старообрядства" (1858 г.), составляющій эпоху въ этомъ отдѣлѣ нашей церковной исторіи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1907 Г.

(Сорокъ-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:	На полугодіе:		По четвертямъ года:			
	Январь-Іюль	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другихъ городахъ, съ перес. 17 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ государ. почтовые союзы . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка на полугодіе: съ января и съ іюля, и на четверть года: съ января, съ апрѣля, съ іюля и съ октября, принимается — безъ повышенія годовой цѣны журнала.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циммермана, Исаакій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ И. Н. [illegible] баронскаго, на Моховой и въ Конторѣ И. Печатниковой, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. И. И. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Обр[illegible]“ Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ И. О. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ непремѣннымъ указаніемъ почтоваго учрежденія, изъ котораго выписывается журналъ, если оно не значится въ числѣ городскихъ мѣстожительствъ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщаема Конторѣ журнала письменно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, при переходѣ въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки заявляются исключительно въ Редакціи журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеозначенныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже 15-го числа получена слѣдующая книга журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые препроводятъ ей вмѣстѣ съ подписной суммой 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Соб., Гагаринская, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., Академич. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 12.

ДЕКАБРЬ, 1906.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., № 28.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1906.

I.—Н. П. ГАЛАХОВЪ.—Одинъ изъ „людей сороковыхъ годовъ" — **М. Гершензона**.

II.—СРЕДИ ЕВАНГЕЛІЙ. — Пьеса. — XIV—XXIV. — Окончаніе. — **Р. Сабатье-ковольскаго**

III.—ДОМАШНЯЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ. — Наблюденія и замѣтки. — **Вар. Г. Гейкинга.**

IV.—ДѢЛО ЪАТЮШЪЛЬ.—Разсказъ изъ судебной практики.—**С. Андреевскаго.**

V.—ВЪ СТРАНѢ ТУПЕЛОЙСТВА. — Романъ Генриха Манна. — H. Mann. Im Schlaraffenland.—VII—XII.—Окончаніе.—**Сл. изъ. О. Ч.**

VI.—КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІИ. — Историческій очеркъ по архивнымъ матеріаламъ ревизіи 1882—1883 гг.—I—VI.—**И. Б.**

VII.—КЛАРИССА МИРАБЕЛЬ.—Разсказъ.—Jakob Wassermann. Clarissa Mirabel (Die Schwestern).—**Сл. изъ. Э. В.**

VIII.—ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО. — По поводу „Біографіи Л. Н. Толстого", г. Бирюкова, т. I, и „Полнаго собранія соч. гр. Л. Н. Т.", выходящаго заграницей, т. I.—**Кн. А. Лицкаго.**

IX.—ХРОНИКА.—Хронологическія параллели. — Письмо въ Редакцію.—II—III.—**И. А. Теверенаго**

X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Условія, въ которыя поставлены наши политическія партіи. — Военно-полевые суды и вопросъ о смертной казни. — Основы 17-го октября и „монархическія" партіи.—Партія мирнаго обновленія.—Предвыборныя „блока".—Указъ 9-го ноября.—Будущее земскаго начальниковъ.—„Еврейскія правила" и „англо-русскіе виды".—Post scriptum.

XI.—ЗАМѢТКА.—Нѣсколько замѣчаній по поводу партійныхъ программъ.—**Л. З. Слонимскаго**

XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — I. Пушкинскій сборникъ, изд. 6-ой. — II. Евгеній Сивилоръ. „Чаша", романъ. — Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1906 г., кн. XI.—Кн. Л.—III. Ю. Г. Жуковскій. Домъ и семья.—IV. Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Двадцатипятилѣтіе соціальнаго законодательства въ Германіи. — Особенности аграрной внутренней политики. — Отсутствіе реформъ при добросовѣстности правительства. — Изумительная самоувѣренность. — Рѣчь кн. Бюлова въ имперскомъ совѣтѣ. — „Личный режимъ" и нравственная отвѣтственность министровъ. — Программа министерства Клемансо.—Сербскія дѣла

XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Anatole France. Vers les temps meilleurs.—II. Jérome-Jean Tharaud, Dingley, l'illustre écrivain.—**Л. В.**

XV.—ПАМЯТИ ЕП. Д. В. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО.—**И. Ушакова**

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Позволена ли революція и наступило ли успокоеніе? — Партійная предвыборная страстность министерства. — Дѣло Гурко-Гедеона. — Изъ практики партійно-военнаго. — Результаты разсѣянія выборовъ въ Петербургѣ.—В. А. Тальцевъ т.

XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ „Попечительства Трудовой Помощи"

XVIII.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. — „Вѣстникъ Европы" за 1906 г.

XIX.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" въ 1906 г.

XX.—ОТЪЯВЛЕНІЯ

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Ливчакъ, В. И. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора первой половины XIX столѣтія. — Кузьминъ-Караваевъ В. Д. Изъ эпохи законодательнаго движенія. Ч. I. По 17-е октября 1905 г.—Э. Н. Бернгардъ. Кое-что о современныхъ вопросахъ.—Ольгизеръ Вильгельмъ. Исторія германской революціи 1848-го года. Полный переводъ съ нѣм., подъ ред. А. Лунатчарскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ. — Третій дополнительный Каталогъ „Вѣстника Европы" — роскошныя магнитныя изданія журнала: 1901—1905 гг., съ Алфавитнымъ Указателемъ именъ авторовъ.

ОТЪЯВЛЕНІЯ.—I—VIII.

☞ **Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1907 г.** ☜
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

HARVARD
DEC
CAMBRIDGE

И. П. ГАЛАХОВЪ

Одинъ изъ „людей сороковыхъ годовъ".

I.

Иванъ Павловичъ Галаховъ былъ сверстникъ и пріятель Герцена, Огарева, Грановскаго и многихъ другихъ „людей сороковыхъ годовъ", его имя часто попадается въ ихъ перепискѣ, еще чаще встрѣчаются имена его двухъ сестеръ—Кенни и особенно Фроловой, замѣчательной женщины, оказавшей сильное вліяніе на развитіе Станкевича и Грановскаго. Нѣсколько страницъ въ „Быломъ и Думахъ", гдѣ Герценъ грустнымъ привѣтомъ почтилъ память Галахова, содержатъ все, что̀ мы знаемъ о послѣднемъ. Эти свѣдѣнія слишкомъ отрывочны, да и весь силуэтъ, набросанный Герценомъ, при всей своей привлекательности слишкомъ блѣденъ, чтобы остановить на себѣ наше вниманіе. Зачѣмъ же, спросятъ, вызывать изъ забвенія это безвѣстное имя и давно угасшую тѣнь?

Мы знали бы объ И. П. Галаховѣ немного, еслибы не уцѣлѣла пачка писемъ на французскомъ языкѣ къ женщинѣ, которую онъ любилъ. Въ этихъ письмахъ сказалась такая полнота жизни, такъ ярко отразился въ нихъ духъ времени, что они даютъ возможность глубоко заглянуть не только въ душу писавшаго ихъ, но и вообще въ душу „человѣка сороковыхъ годовъ". [illegible]ъ къ исторіи идей всегда лежитъ въ исторіи чувства. Ка[illegible]ѣненія земной поверхности являются лишь слѣдствіемъ про[illegible]ъ, совершающихся въ нѣдрахъ земли, такъ, говоря вообщ[illegible] всякое умственное теченіе имѣетъ своимъ источникомъ [illegible]ую и сложную чувственную сферу человѣческаго духа.

Во всякую данную эпоху, каждая общественная группа обладаетъ своимъ особеннымъ психическимъ складомъ; по законамъ, которыхъ еще и не пытались изслѣдовать психологи, въ каждой такой группѣ вырабатываются типическія чувства и наклонности, типическіе полу-инстинктивные способы реагированія на различныя стороны жизни,—и какъ ни велико вліяніе идей на психику, вообще надо признать, что сознательное міровоззрѣніе данной группы обусловливается прежде всего этими чувственными навыками,—при этомъ мы, конечно, оставляемъ въ сторонѣ первоначальное вліяніе экономическихъ, соціальныхъ и другихъ *внѣшнихъ* условій. Есть эпохи, въ исторіи которыхъ это особенно замѣтно; кто изучалъ исторію итальянскаго „возрожденія", тотъ знаетъ, что понять это движеніе можно только, разсматривая его какъ революцію въ области чувствованій, и что такой простой фактъ, какъ возникновеніе въ эту эпоху неизвѣстнаго до тѣхъ поръ умѣнья чувствовать красоту ландшафта, гораздо больше даетъ для пониманія „ренессанса", нежели кропотливыя изслѣдованія о вліяніи античной литературы. Сказаннымъ, конечно, вовсе не отрицается самостоятельная важность изслѣдованій, направленныхъ на выясненіе развитія идей, какъ таковыхъ.

Съ указанной точки зрѣнія великое движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ еще почти совсѣмъ не изучено. Это былъ прежде всего великій переворотъ въ области чувства; каковы же были формы чувственной жизни, унаслѣдованныя тѣмъ поколѣніемъ отъ прежнихъ,—какъ ломало оно эти формы и какъ создавало новыя, какія чувствованія преобладали у него? и т. д., и т. д.,—тутъ возникаетъ рядъ такихъ вопросовъ, методологически первостепенной важности. И вотъ, въ этомъ смыслѣ письма Галахова являются драгоцѣннымъ памятникомъ эпохи. Въ нихъ нѣтъ наблюдающаго глаза; въ нихъ дышетъ, стремится, ликуетъ и плачетъ сама жизнь, и въ этой жизни такъ ярко отражается историческій процессъ того времени, что они получаютъ характеръ какъ бы демонстраціи больного передъ аудиторіей.

Предъ нами обыкновенная исторія, какія случаются каждый день; характерно не то, что̀ случилось, а то, какъ̀ оно было пережито. Фабула нашей повѣсти заключается въ томъ, что Галаховъ полюбилъ жену своего друга Огарева; повидимому, она отвѣчала Галахову взаимностью,—и передъ Галаховымъ всталъ страшный вопросъ: что̀ дѣлать?—тѣмъ болѣе страшный, что онъ искренно любилъ и уважалъ Огарева. Это былъ вопросъ о правахъ свободнаго чувства и о смыслѣ брака. Поколѣніемъ раньше Галахова и поколѣніемъ позже его молодой человѣкъ въ его по-

женіи рѣшилъ бы вопросъ конкретно, не спускаясь для этого на дно вещей; но то поколѣніе, къ которому принадлежалъ Галаховъ, было призвано пересмотрѣть всѣ устои нравственнаго быта и оттого ко всему подступало съ принципіальной стороны. Галаховъ принялся резонировать или,—какъ тогда говорили—grübeln.

Это было въ 1841 году, а въ 1842-мъ Герценъ писалъ („По поводу одной драмы"): „Отличительная черта нашей эпохи есть—„grübeln". Мы не хотимъ шага сдѣлать, не выразумѣвъ его, мы безпрестанно останавливаемся, какъ Гамлетъ, и думаемъ, думаемъ... Некогда дѣйствовать; мы переживаемъ безпрерывно прошедшее и настоящее, все случившееся съ нами и съ другими,—ищемъ оправданій, объясненій, доискиваемся мысли, истины. Все окружающее насъ подверглось пытующему взгляду критики. Это болѣзнь промежуточныхъ эпохъ. Встарь было не такъ: всѣ отношенія, близкія и дальнія, семейныя и общественныя, были опредѣлены—справедливо ли, нѣтъ ли,—но опредѣлены. Оттого много думать было нечего: стоило сообразоваться съ положительнымъ закономъ, и совѣсть удовлетворялась".

II.

Въ 1841 году, въ разгаръ романа, Галахову было, вѣроятно, лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Онъ происходилъ изъ аристократической семьи, юношей былъ отданъ въ гвардію, но скоро оставилъ ее и жилъ съ тѣхъ поръ независимымъ человѣкомъ, то въ пензенскихъ своихъ деревняхъ, то скитаясь по Европѣ въ поискахъ истины и красоты. Такъ скитались тогда—въ 1838—42 гг.—и Огаревъ, и Сатинъ, и Станкевичъ, и Тургеневъ, и многіе другіе богатые помѣщичьи сынки, которымъ на родинѣ было слишкомъ душно, а на Западѣ слишкомъ шумно. Всѣ они соединяли въ себѣ высшіе запросы европейской мысли съ бурной воспріимчивостью варваровъ, а Галаховъ былъ среди нихъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и наиболѣе пылкихъ. Вотъ какъ изображаетъ его Герценъ: „Умъ сильный, но больше порывистый и страстный, чѣмъ діалектическій, онъ съ строптивой нетерпѣливостью хотѣлъ вынудить истину, и притомъ практическую, сейчасъ прилагаемую къ жизни". Въ этихъ страстныхъ поискахъ онъ бросался всюду—„постучался даже въ католическую церковь", потомъ углубился въ философію, но, напуганный ея холодностью, ушелъ и отъ нея и на нѣсколько лѣтъ увлекся фурьеризмомъ. Глубокая неудовлетворенность, внутренній разладъ и

растущая вмѣстѣ съ опытомъ безнадежность обрѣсти душевную гармонію наложили на него печать тайной грусти, которая еще оттѣнялась присущимъ ему юморомъ. Онъ томился въ праздности и не могъ найти себѣ дѣла, ненавидѣлъ русскую грубость и презиралъ западное вылощенное „мѣщанство". Въ его нѣжной организаціи было много женскаго, и не только въ смыслѣ трепетной чуткости сердца, но и въ смыслѣ упорнаго консервативнаго романтизма. Этотъ романтизмъ, придающій такую чарующую теплоту его образу, сдѣлалъ то, что Галаховъ, какъ и Грановскій, остановился на полдорогѣ въ дѣлѣ освобожденія собственной личности,—дѣлѣ, къ которому было призвано ихъ поколѣніе, и, можетъ быть, именно поэтому Галаховъ такъ типиченъ.

Онъ типиченъ для своего поколѣнія, прежде всего, сочетаніемъ чрезвычайной напряженности чувства, доходящей до восторга, до слезъ, до умиленія,—съ непрестаннымъ самоанализомъ, оцѣнивающимъ каждое переживаніе и подозрѣвающимъ въ искусственности каждое собственное чувство. Всѣ они жили двойной жизнью: въ мірѣ мечты и въ банальной ежедневности; той здоровой середины, которую мы теперь зовемъ дѣйствительностью, они совсѣмъ не знали,—отсюда чувство глубочайшаго разлада между требованіями своего духа и жизнью, никогда не покидавшее ихъ. Правда, ихъ мысль дѣятельно работала надъ вопросомъ о перестройкѣ жизни согласно требованіямъ просвѣщеннаго разума, но эта работа оставалась чисто-теоретической, и результаты ея, такъ сказать, извнѣ прикладывались къ жизни, а не являлись плодомъ опыта, освѣщаемаго теоріей.

Письма Галахова къ Марьѣ Львовнѣ необыкновенно ярко рисуютъ весь этотъ рядъ чувствованій и настроеній. „Иногда,—пишетъ онъ,—сердце такъ полно, что невозможно передать. Тутъ и радости, и надежды, и особенно стремленія, которыя трудно выразить, потому что они превосходятъ не только дѣйствительность, но и нынѣшнюю возможность; между тѣмъ, они даютъ мгновенія восторга, часы и дни отчаянія. Наперекоръ всѣмъ силамъ природы внутренній голосъ, печальный и гармоничный вмѣстѣ, шепчетъ: выходъ—только въ смерти, потому что ничего не случилось, потому что воображеніе, мысль и чувство превосходятъ все, что можетъ быть достигнуто нашими средствами". Этому мучительному разладу онъ приписываетъ и свою склонность къ странствіямъ. Скитальческая жизнь ему надоѣла, но все же онъ предпочитаетъ ее неподвижности: „желаніе и мысль не даютъ покоя, а дѣйствительность—всегда лишь зародышъ". „Ахъ, Марія!—пишетъ онъ:—я не могу угадать окончательнаго

направленія, которое приметъ моя жизнь. Она была тревожна и трудна, въ ней и теперь нѣтъ спокойствія; я не могу сидѣть на мѣстѣ; едва остановлюсь гдѣ-нибудь, уже я долженъ бѣжать, какъ изъ тюрьмы. Это болѣзнь; мнѣ кажется даже, что всего лучше я чувствую себя въ самой дорогѣ, гдѣ отсутствуетъ всякій житейскій укладъ. Я желаю отъ себя и отъ вещей большаго, чѣмъ въ нихъ есть. А время уходитъ, и я съ нимъ".

Изъ этого разлада рождалось особое чувство, представлявшее собою какъ бы фокусъ чувственной жизни тѣхъ людей: я говорю о жаждѣ упоенія или блаженства. Вѣнцомъ жизни казались тѣ минуты, когда какое-нибудь одно мощное впечатлѣніе всецѣло овладѣваетъ душой и возноситъ ее до восторга, такъ что пошлая дѣйствительность исчезаетъ изъ глазъ, нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, ни рефлексіи. Это упоеніе дается искусствомъ, всего чаще любовью, но способно рождаться въ душѣ и самопроизвольно, напримѣръ подъ дѣйствіемъ воспоминанія; одни называли его „полнымъ аккордомъ", а Огаревъ—его призванный пѣвецъ—называлъ шутя свою тоску по немъ жаждою того, „чѣмъ изъ самовара пахнетъ" (угара). Это чувство близко знакомо и Галахову. „Часто—пишетъ онъ Огаревой—я слышу музыку изъ моего окна, и когда звучитъ одинъ изъ этихъ вѣнскихъ вальсовъ, то молящихъ, то влекущихъ и торжествующихъ,—я слушаю и хотѣлъ бы вмѣстѣ съ вами быть на какомъ-нибудь блестящемъ празднествѣ; и при звукахъ этого пошлаго танца мои мечты и сожалѣнія несутся, мнѣ жаль моей молодости и исчезающей, почти уже исчезнувшей свѣжести—я хотѣлъ бы, чтобы меня подхватилъ и унесъ вихрь наслажденій и блаженства, который поднимаетъ въ моемъ воображеніи призывъ смычка. А вокругъ меня все такъ сурово—жизнь другихъ и моя собственная, и надо идти среди самоотреченія, борьбы и ночи, и иной разъ такъ не хочется—а нужно".

Это писано съ Гельголанда, маленькаго острова въ Сѣверномъ морѣ, гдѣ Галаховъ прожилъ нѣсколько дней лѣтомъ 1841 года. Онъ пишетъ далѣе, что иногда ему кажется спасеніемъ—всецѣло отдаться общимъ интересамъ, но порою этотъ спасительный маякъ исчезаетъ за облаками личной жизни. „И потомъ, я не могу довольствоваться тѣмъ, что моя голова набита мыслями, какъ книга: мнѣ надо жить и дѣйствовать ими и среди нихъ, иначе я долженъ жить чѣмъ-нибудь другимъ. Между тѣмъ я и это ставлю себѣ въ вину; мнѣ точно стыдно, что я неспособенъ мирно жить мыслью и чувствомъ, безъ всякой внѣшней сферы отношеній и дѣятельности, на безконечно маломъ пространствѣ

этого островка и въ безконечно тѣсныхъ предѣлахъ моей комнаты. Но увѣряю васъ—это невозможно: можно задохнуться. Лучшее, что̀ остается, это—сѣсть въ лодку и выкупаться съ небольшой мели, которая лежитъ насупротивъ. Это я и сдѣлалъ сегодня. Потомъ ходишь вокругъ своего дома, какъ на игральной картѣ, и возвращаешься въ свою лачужку, какъ плѣнникъ".

Онъ не живетъ совсѣмъ,—потому что нельзя же назвать жизнью то пассивное существованіе, которое онъ влачитъ,—но, не живя, онъ безпрестанно занятъ размышленіемъ о томъ, что̀ ему нужно для настоящей жизни. Общія условія довольства ему совершенно ясны: это, прежде всего, привязанность, затѣмъ интересъ къ вещамъ, потомъ здоровье и наконецъ занятіе. Но каковы его личныя, спеціальныя условія, требуемыя его природой? На это Галаховъ, по тщательномъ самоуглубленіи, отвѣчаетъ такъ: „Я долженъ любить женщину и быть съ нею, или любить какую-нибудь вещь, какой-нибудь принципъ, т.-е. либо одного человѣка, либо весь міръ,—но кто бы ни былъ предметъ моей любви, мнѣ нужно, чтобы онъ владѣлъ мною, наполнялъ меня, чтобы я могъ ему служить, быть дѣятельнымъ для него, вести его впередъ, потому что я вижу—мнѣ совершенно нестерпимо жить въ отрицаніи или голомъ созерцаніи, также какъ положительно жить для себя, ограничиваясь собственной драгоцѣнной особой, т.-е. заботой о томъ, чтобы быть здоровымъ, хорошо себя чувствовать, хорошо ѣсть и пить и т. д.".

Но этотъ отвѣтъ былъ еще недостаточно ясенъ: оставался выборъ между человѣкомъ и идеей, и спустя нѣкоторое время Галаховъ выноситъ свое окончательное рѣшеніе: „Я испыталъ себя и сказалъ себѣ:—либо существо, которое любишь и которое тебя любитъ, котораго не покидаешь и которое тебя не покидаетъ никогда—никогда,—либо культъ добра и сознанной истины и настойчивая дѣятельность, обусловливаемая имъ,—внѣ этой дилеммы я не вижу спасенія для себя. И въ то самое мгновеніе я почувствовалъ себя равнодушнымъ къ дѣлу добра и искапію истины,—болѣе равнодушнымъ, чѣмъ до того; я потерялъ ея слѣдъ и возлѣ меня не было никого, я былъ одинъ и видѣлъ себя одинокимъ въ будущемъ, и меня охватило отчаяніе. Я не могу такъ жить,—звучалъ внутри меня голосъ,—это невозможно; я всѣми силами ухвачусь за первую женщину, которая захочетъ остаться со мною". Мало того, что это—постулатъ его сердца, онъ возводитъ его и въ принципъ; онъ пишетъ въ другомъ письмѣ, что и самъ когда-то поклонялся будущему и славѣ,—„но когда, долго вглядѣвшись, откроешь вмѣсто божественныхъ

чертъ обличья грозящихъ чудовищъ и груду разнородныхъ элементовъ, тогда уходишь съ горечью въ сердцѣ и пустотой въ головѣ; надежда гаснетъ и вѣра исчезаетъ. Но если изъ глубины души возникнетъ любовь и благость, которымъ ничто не чуждо, тогда все спасено для личности и общества, — вмѣсто идоловъ, созданныхъ воображеніемъ и отдѣльными страстями, поклоняешься Богу, ищешь истину, и каждая частица этой истины, найденная умомъ, движимымъ любовью, содѣйствуетъ водворенію порядка, свободы и благоденствія, оживотворенію вѣры и надежды". Любовь всегда благотворна для человѣка—даже любовь ко многимъ, тѣмъ болѣе къ одному существу; она не убиваетъ рвенія къ добру, а напротивъ, усиливаетъ его: „Изъ глубочайшаго самоотреченія и полнѣйшаго взаимнаго присвоенія въ любви рождается для человѣка наибольшая свобода и наибольшая мощь во-внѣ, ибо, найдя себя въ одномъ существѣ, перестаешь искать себя въ остальныхъ".

III.

И вотъ Галаховъ полюбилъ и встрѣтилъ взаимность.

Женщина, которую онъ полюбилъ, представляла, можно сказать, его противоположность: насколько въ немъ воплотился сѣверный типъ, тяжелый, меланхолическій и нервный, настолько Марія Львовна Огарева олицетворяла собою капризъ и легкую женственность. Натура даровитая, гибкая, смѣлая, она была дѣйствительно „измѣнчива какъ волна", и законы свѣта были ей ни почемъ. Бѣдная племянница провинціальнаго губернатора, она быстро развернулась, выйдя замужъ за милліонера Огарева, и, быстро разойдясь съ нимъ во вкусахъ, зажила блестящей и угарной жизнью львицы модныхъ курортовъ, среди дилетантскихъ увлеченій искусствомъ, флирта и пр. Безъ сомнѣнія, въ ней жили какіе-то глубокіе и страстные запросы, которыхъ она не умѣла осмыслить; самая любовь къ ней Галахова свидѣтельствуетъ о тонкости и изяществѣ ея духовнаго склада. Ей было въ это время лѣтъ двадцать-пять; она была уже три года замужемъ за Огаревымъ. Судя по портретамъ, ее нельзя назвать красавицей, но ея оживленное, миловидное лицо и граціозная фигура, вѣроятно, производили очень выгодное впечатлѣніе. Галаховъ зналъ ее всѣ эти три года, и она всегда ему нравилась; но рѣшающее значеніе имѣла зима 1840 года, которую оба они провели въ Москвѣ. Марія Львовна сумѣла вовлечь Галахова въ водоворотъ своей жизни, въ свои легкія и непринужденныя затѣи.

Позднѣе онъ какъ-то писалъ ей: „Мнѣ любопытно знать, какъ вы будете чувствовать себя теперь въ Неаполѣ, встрѣтите ли симпатичныхъ вамъ людей, чтобы смѣяться съ ними надъ всякимъ пустякомъ, какъ со мною. Теперь я уже такъ не смѣюсь; я говорилъ вамъ всегда, что это было исключеніемъ, что это была ваша вина, что обыкновенно я серьезенъ, грустенъ и даже молчаливъ. Вѣроятно, мнѣ уже никогда не провести такой оживленной, занятой и упоительной зимы, какую я провелъ бокъ-о-бокъ съ вами, и едва-ли я встрѣчу еще женщину, въ которой было бы столько находчивости, воли, капризовъ и фантазій, какъ въ васъ". Результатомъ этой дружбы было то, что „лучистый взоръ и дѣтская веселость" Маріи Львовны околдовали Галахова. Его короткій романъ разыгрался слѣдующимъ лѣтомъ (т.-е. 1841 года), когда М. Л. жила въ Эмсѣ и Карлсбадѣ, а онъ точно въ горячкѣ метался отъ нея къ сестрѣ въ Кёзенъ, отсюда въ Гамбургъ, обратно въ Карлсбадъ, и т. д., всюду унося съ собою ея образъ, отовсюду простирая къ ней руки въ страстной тоскѣ: „Où êtes vous, chère Marie, ma réalité phantastique?"

Сначала, когда онъ только-что созналъ свое чувство, въ немъ не возникало никакой борьбы. *Она*—жена другого, жена друга, хотя и охладѣвшая къ мужу и живущая въ разлукѣ съ нимъ,—значитъ, *его* чувство должно умереть; тутъ нѣтъ мѣста ни сомнѣніямъ, ни вопросу. Самое большее, о чемъ онъ можетъ мечтать, это—жить въ одномъ городѣ съ нею, сохранить ея дружбу. Въ іюлѣ 1841 г., въ одну изъ своихъ кратковременныхъ отлучекъ, онъ пишетъ Маріи Львовнѣ: „Моя милая, добрая, увлекательная Марія, какъ мнѣ грустно быть вдали отъ васъ!—я твержу вамъ объ этомъ со дня отъѣзда. Мнѣ кажется, что разлука съ вами еще ни разу не мучила меня такъ. Обнимаю ваши колѣни; вы выказали мнѣ столько привязанности, вниманія и интимности, что эта роскошь сдѣлалась для меня необходимостью—и что я принужденъ отказаться отъ нея. Но зачѣмъ же удаляться, почему не оставаться вмѣстѣ?... Гмъ!—потому что ко всему примѣшивается противорѣчіе, и потому что я не могу выносить его ежедневно, не подвигаясь ни въ ту, ни въ другую сторону. Иногда я испытываю то сожалѣніе — долгое, хотя длящееся мигъ,—которое чувствуетъ, можетъ быть, изгнанникъ, когда передъ нимъ убѣгаетъ его родная страна, а онъ вынужденъ искать новое отечество. Вы, столь хрупкая, столь юная, то шаловливая, веселая, то грустная или унылая,—вы могли бы быть для меня стойкой опорой: человѣкъ обезпеченъ во всемъ, когда удовлетворена его главная потребность; между тѣмъ нужно уйти, нужно

искать другихъ симпатій, новыхъ интересовъ и связей, когда вовсе этого не хочется, когда хотѣлось бы только продолженія старыхъ. Вы не скажете, что это сдѣлка съ самимъ собою или пустыя бредни,—вы поймете, что, по крайней мѣрѣ для одной стороны, это невозможность и справедливость—и вмѣстѣ жертва. Но сколько боли во всемъ этомъ!" Марія Львовна собиралась оставаться за границей еще годъ или два для леченія, а Галахову предстояло осенью по дѣламъ имѣнія надолго вернуться въ Россію; по этому поводу онъ пишетъ далѣе: „Я еще не могу освоиться съ мыслью, что мы разстанемся надолго, и меня охватываетъ желаніе броситься къ вамъ или крикнуть вамъ:—вернись и останься! Страшно подумать, что время отдалитъ насъ другъ отъ друга, что мы состаримся и охладѣемъ и будемъ искать иныхъ отношеній и передѣлывать старыя. Но что дѣлать?! Люди и жизнь такъ странно устроены; кажется, будто второстепенные интересы одерживаютъ верхъ надъ высшими, но въ дѣйствительности высшіе одерживаютъ верхъ надъ тѣми. Я боюсь рабства и лжи; свобода и честность легко подвергаются опасности. Можетъ быть, вамъ будетъ скучно читать мою болтовню, но вы поймете, что я хотѣлъ сказать вамъ только, что много люблю васъ, что вы очаровательны, что мнѣ недостаетъ васъ, что безъ васъ мѣняется цвѣтъ вещей, что я тоскую по васъ, Марія, что любовью меня подкупаютъ безконечно, что, оставаясь одинъ, я долженъ призывать на помощь все свое мужество, чтобы жить, что мнѣ безумно хочется васъ видѣть". Подъ-конецъ онъ опять возвращается къ мысли о разлукѣ и пишетъ по-русски: „Я хоть немножко стою васъ—и такъ смѣшонъ, что воображаю, что хоть горько, но надо васъ мнѣ убѣгать; какая глупость! А такъ хочется быть съ вами много-много, долго-долго! Бросьте лечиться, пріѣзжайте въ Москву!..."

Но его страсть развивалась быстрымъ тэмпомъ. Прошло еще три недѣли, и онъ уже едва владѣетъ собою. То, что онъ раньше съ грустной покорностью принималъ какъ элементарный долгъ, теперь ему уже почти не подъ силу. 2-го августа, онъ опять уѣхалъ на два-три дня изъ Карлсбада къ сестрѣ въ Кёзенъ, и въ тотъ же день, ночью, онъ оттуда пишетъ Марьѣ Львовнѣ (это письмо писано по-русски): „Видно, я къ вамъ очень привязался. Я два часа тому какъ пріѣхалъ. Вечеръ былъ свѣжій, но ясный, мѣста красивыя, я ѣхалъ одинъ и скоро, вѣтеръ дулъ въ лицо; мысли наединѣ разныя ходили, я жался и крѣпился, заглядывая въ даль свою, и говорилъ себѣ между прочимъ: разорву записку и писать не стану, — надо пожертвовать и обо-

ротъ дать другой, необходимый, ограниченный, не себялюбивый. Наконецъ подъѣхалъ я къ дому сестры—она вышла, мы обнялись. У ней мило; она была весела, обняла меня, радовалась, нашла, что я сталъ веселъ, спросила про васъ — и мнѣ такъ стало ужасно жалко, что васъ тутъ нѣтъ;—пробывъ съ сестрой, готовъ бы сейчасъ опять къ вамъ скакать; такая жажда быть съ вами совсѣмъ короткимъ, и вы чтобъ также были какъ сестра,—издалека кажется возможнымъ, и забываешь бунтующую природу, и хочется какого-то невыразимаго наслажденія и свободы, и любви, и продолженія, и близости,—и не разстраивая вещей и безъ укора все это хочется найти въ васъ, — и такъ жалко-жалко, что надо отвлекаться, такъ досадно, что надо смотрѣть за собой! И я почувствовалъ въ себѣ какую-то свѣтлую, сильную минуту, мнѣ какъ будто все принадлежало и могъ бы всѣмъ владѣть—и оттого пишу, и благодарю, и обнимаю васъ, и цалую у васъ руки". Онъ говоритъ дальше о своемъ твердомъ рѣшеніи уѣхать въ Россію: какъ ни тяжело отрываться отъ тѣхъ, кого онъ любитъ, но долгъ и необходимость повелѣваютъ ему ѣхать. Марія Львовна, должно быть, дразнила его пророчествомъ, что въ Россіи онъ женится. „У меня просьба къ вамъ, Марія,—пишетъ онъ.—Если я женюсь, сдѣлайте съ вашей любовью ко мнѣ что̀ хотите,—я не буду жаловаться, я не скажу ни слова; но до тѣхъ поръ сохраните мнѣ живую и нѣжную привязанность, и когда я вернусь къ вамъ, будьте со мною, какъ другъ,—вполнѣ свободной. Я не вернусь раньше, нежели созна̀ю, что могу выносить и заслуживаю это". И тутъ же внезапный взрывъ страсти и восхищенія: „Вы обворожительны и прекрасны, и наивны, и смѣлы, и забавны, я помню все въ васъ, и ваши бѣлыя и фіолетовыя платья, которыя я такъ люблю".

Очевидно, надо было на что-нибудь рѣшиться. 8-го августа мы видимъ Галахова на о. Гельголандѣ: истерзанный, раздираемый страстью и рефлексіей, онъ бѣжалъ сюда, чтобы собраться съ мыслями передъ окончательной разлукой. Девять дней, проведенные лицомъ къ лицу съ моремъ, дѣйствительно успокоили его. Разумѣется, онъ писалъ ежедневно. Сидя подолгу на уступѣ береговой скалы, онъ передумывалъ свою жизнь, думалъ „о безплодности своихъ дней, о смерти глубокихъ убѣжденій, животворящихъ вѣрованій", думалъ о томъ, почему ускользаютъ отъ него люди и вещи, и онъ вѣчно одинъ, и чего жаждетъ его тоскующая душа; здѣсь въ письмахъ къ Марьѣ Львовнѣ онъ формулировалъ тѣ свои желанія и мечты объ активной любви, о женской привязанности, съ которыми читатель уже познакомился

выше. И всѣ эти мысли сводились къ ней и къ вопросу, какъ быть. Не практической развязки онъ жаждалъ, а внутренняго просвѣтленія, мира съ самимъ собою; ему стала не въ моготу эта жгучая нерѣшимость,—лучше было не родиться, чѣмъ такъ тянуть изо дня въ день. По мѣрѣ того, какъ онъ успокоивался, сознаніе одерживало верхъ надъ страстью: хорошо, онъ попытается жить одинъ въ мірѣ идей, не мучась отсутствіемъ людей, довольствуясь дальними привязанностями, а если это окажется ему не подъ-силу, онъ откажется отъ всякаго притязанія на роскошь бытія и станетъ жить близъ нея, если она позволитъ, нѣтъ—близъ нихъ (онъ разумѣетъ ее и Огарева), вѣрнымъ другомъ до смерти, довольный ея ежедневной добротой и по мѣрѣ силъ стараясь быть полезнымъ для ихъ существованія. Если же не удастся и это, тогда онъ будетъ жить несчастный, съ вѣчнымъ упрекомъ самому себѣ и судьбѣ.

Пока онъ такъ размышлялъ, Марія Львовна тоже рѣшала возникшую задачу, но рѣшала по-своему. Галаховъ былъ до такой степени поглощенъ самоанализомъ, что въ сущности вовсе забылъ о Маріи Львовнѣ. Размышляя и рѣшаясь, онъ совершенно не принималъ въ разсчетъ *ея* чувствъ, *ея* положенія въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, въ ней романъ съ Галаховыхъ вызвалъ совсѣмъ другія чувства и мысли, и Галаховъ долженъ былъ бы понять это. Она сама говорила ему, что никакой мужчина не можетъ сдѣлать ее счастливой надолго, да она и сама неспособна дать не то что счастіе, а даже покой; она говорила ему, что предпочитаетъ брать, чѣмъ давать, что не любитъ слова „всегда“, что она неукротима и причудлива, что ее можно отпугнуть однимъ словомъ, и тогда она способна сразу порвать связь, казавшуюся прочной. Это все онъ повторяетъ въ своихъ письмахъ. Онъ очень хорошо ее знаетъ; онъ пишетъ ей однажды: „Когда вы любите, вы способны на всякія сумасбродства не хуже мужчины. И несмотря на мужскія черточки въ вашемъ характерѣ, вы больше женщина, чѣмъ всякая другая, вы своенравны сердцемъ въ высочайшей степени; съ вами нечего разсуждать—васъ надо заставить полюбить себя“. Но на дѣлѣ, въ своихъ принципіальныхъ выкладкахъ онъ считался только со своими чувствами и своими потребностями. Этотъ безсознательный эгоизмъ очень характеренъ для человѣка 40-хъ годовъ.

Когда, 18-го августа, Галаховъ, простившись съ Гельголандомъ, переплылъ въ Любекъ, онъ нашелъ здѣсь два письма отъ Маріи Львовны, въ отвѣтъ на свои, писанныя съ Гельголанда. Эти два письма изумили, потрясли, больше того—испугали его;

въ нихъ грозно и требовательно прозвучало то, о чемъ онъ совсѣмъ и не подумалъ, — голосъ женской страсти и женскаго оскорбленнаго самолюбія. Марія Львовна, наконецъ, потеряла терпѣніе; ей надоѣло быть объектомъ самоанализа, ей противно стало смотрѣть на эту безсильную любовь, ее возмущало пренебреженіе правами *ея* чувства, *ея* волею. „Вы три года добивались моей любви,—писала она;—вы дѣлали все, чтобы привлечь мое вниманіе и возбудить во мнѣ чувство къ вамъ, — и когда вы, наконецъ, достигли цѣли, вы медлите въ нерѣшительности. Вы добились моей любви,—почему же вы не взяли меня? Такъ ли поступаетъ страсть? Нѣтъ, еслибы вы дѣйствительно любили, вы не стали бы философствовать, васъ не остановили бы принципіальныя сомнѣнія. Да и какой тутъ можетъ быть вопросъ? Страсть сама въ себѣ носитъ свое право. И почему смотрѣть на обладаніе женщиной съ суевѣрнымъ страхомъ и обставлять его тысячью условій, какъ нѣкое священнодѣйствіе? Я горько проучена вами, и отнынѣ буду осторожнѣй. Мнѣ не нужно больше любви; я буду искать твердой дружеской руки, которая удерживала бы меня отъ необдуманныхъ шаговъ и непослѣдовательности; вы же и впредь останетесь мнѣ дороги, но только какъ книга".

Это было ударомъ бича, и въ первую минуту Галаховъ растерялся. Что онъ могъ противопоставить этой неотразимой цѣльности чувства? Ее можно было побѣдить только другою, высшею цѣльностью, а онъ самъ былъ такъ далекъ отъ гармоніи, въ немъ все было такъ раздергано, такая путаница чувствъ и мыслей! Между тѣмъ, отречься отъ своихъ сомнѣній онъ не могъ. Цѣльность Маріи Львовны была цѣльностью *неосмысленной* страсти; признать ея законность значило для Галахова запятнать свой человѣческій образъ, отказаться отъ собственнаго сознанія. Вся задача и гордость его поколѣнія заключалась въ томъ, чтобы внести логику и справедливость въ хаосъ человѣческихъ отношеній, подчинить жизнь, бытъ, собственное поведеніе—разуму: могъ ли Галаховъ измѣнить этому великому дѣлу? могъ ли признать абсолютное право за страстью?

Онъ отвѣчалъ Маріи Львовнѣ огромнымъ письмомъ въ двѣнадцать страницъ убористаго почерка, писаннымъ частью въ ночь того же 18-го августа, пока не догорѣла свѣча, частью утромъ. Въ этомъ письмѣ много любви, много страданія, но вопросъ уже рѣшенъ опредѣленно. Ударъ, нанесенный Галахову письмомъ Маріи Львовны, оказался благотворнымъ: онъ окончательно созналъ себя—и на декларацію *безусловныхъ* правъ страсти отвѣчаетъ деклараціей правъ *разума надъ страстью*.

„Я спѣшилъ сюда, — пишетъ онъ, — чтобы найти отъ васъ вѣсточку, Марія, и сегодня получилъ ваши два письма. Ихъ содержаніе кипитъ и клокочетъ и заливаетъ меня, какъ волны моря, которое я только-что покинулъ; но я не въ силахъ справиться съ нимъ и выхожу изъ него не укрѣпленный, а сломленный. Чтобы отвѣтить на это изліяніе, источникъ котораго въ нашемъ взаимномъ влеченіи и взаимномъ лишеніи, надо было бы все сказать, все объяснить, убѣдить и столковаться съ полной ясностью и искренностью, а для того, чтобы это объясненіе было дѣйствительнымъ и удовлетворило насъ, оно должно было бы сопровождаться превращеніемъ желанія въ добровольное самоотреченіе и личнаго чувства — въ культъ общихъ идей и чувствъ; — или же ничего не сказать, фактически подать руку другъ другу, прижать другъ друга къ груди, любить и идти такъ въ жизни и умереть, если можно, вмѣстѣ въ безумствѣ восторга. Ни тотъ, ни другой отвѣтъ, повидимому, невозможенъ. Но какъ остаться безмолвнымъ въ виду всего, что содержатъ ваши страницы? Въ сущности намъ не о чемъ разсуждать и не о чемъ объясняться, кромѣ нашего взаимнаго отношенія, — потому что, столковавшись о немъ, мы бы, думаю, легко согласились во всемъ прочемъ. Но именно этого нѣтъ, и мы бродимъ вокругъ вещей и принциповъ, чтобы найти по крайней мѣрѣ разумное основаніе для этихъ отношеній и поступковъ. И это законно, потому что не надо дѣйствовать безумно или по капризу, надо сохранить остатокъ разсудительности и воли, надо знать, для чего насилуешь и мучишь себя. У васъ немного запутана голова, а у меня немного запутаны сердце и чувства — поэтому вы не будете послѣдовательны въ вашихъ мысляхъ, чтобы не слишкомъ страдать сердцемъ, я же не буду послѣдователенъ въ требованіяхъ сердца и чувствъ, чтобы не слишкомъ страдалъ мой умъ. Отдаться мужчинѣ, говорите вы, столь же предосудительно, какъ выпить стаканъ шампанскаго. Вы правы: это столь же естественно — еслибы послѣдствія не были иныя. Стоитъ мнѣ пожелать васъ, и вы моя, — это для меня куда какъ удобно; но въ этомъ случаѣ вы не уподобите обладаніе вами глотку шампанскаго, вы отвергнете его, какъ унижающую васъ пошлость: вы ставите условіемъ симпатію, дружбу, прочность отношеній. Прекрасно, — это условіе принимаю, но тогда разстаньтесь съ мужемъ, съ его богатствомъ и именемъ, они болѣе не принадлежатъ вамъ, это ясно какъ день. Да и что ему дѣлать, этому третьему, между двухъ людей, которые принадлежатъ другъ другу сердцемъ, тѣломъ и душою, — потому что обладаніе есть великое присвоеніе любимаго суще-

ства. И затѣмъ признайте справедливымъ и естественнымъ, чтобы общество знало, что вы любите такого-то и принадлежите ему, и не бойтесь огласки. Но этого вы не хотите, вы хотите компромисса въ мысляхъ, а въ дѣйствительности невозможнаго. Любовникъ-другъ, любовникъ или другъ! Я былъ бы счастливъ быть для васъ первымъ, могъ бы быть и вторымъ—съ горечью за васъ и за себя, но третьимъ теперь и вблизи я не могу быть искренно. Чтобы не увязнуть въ пошлости, лжи и противорѣчіяхъ, чтобы эмансипироваться, т.-е. стать свободной на дѣлѣ, какъ на словахъ, воздѣйствовать примѣромъ на прогрессъ, женщина должна безповоротно выбрать одно изъ двухъ началъ: либо законы современнаго брака, либо фурьеризмъ; и если она хочетъ теперь же выступить изъ круга установленныхъ отношеній, она должна гражданскн поставить себя независимо и взять себѣ одного или нѣсколькихъ любовниковъ, рискуя въ современномъ обществѣ остаться со всѣми своими дѣтьми на рукахъ,—такова Жоржъ-Зандъ. Но нужно мужество, чтобы такъ поступать передъ лицомъ общества, столь сурово карающаго за явные грѣхи. Все остальное—противорѣчіе. Утверждать, что женщина способна въ томъ и въ другомъ случаѣ быть цѣльной и послѣдовательной, не значитъ презирать ее".

Во второй половинѣ письма Галаховъ какъ бы прощается со своимъ чувствомъ. Онъ говоритъ о томъ, какъ больно ему сознавать, что онъ долженъ искать счастія у другой женщины, и что встрѣча съ этой другой навѣки отдалитъ его отъ *нея*. Когда онъ думаетъ объ этомъ, его сердце сжимается, краски блекнутъ въ его глазахъ. Онъ желаетъ ей счастія — если возможно, съ Огаревымъ, потому что онъ любитъ Огарева. „Онъ игралъ важную роль въ нашихъ отношеніяхъ. Когда бы не онъ—простите, Марія, но я говорю не о васъ, а только о своемъ поведеніи,—съ однимъ собою я не боролся бы такъ и наперекоръ всѣмъ нашимъ теоріямъ легче поддался бы соблазну не такъ много жертвовать идеямъ"... „Вы не знаете, чего мнѣ стоитъ эта борьба и разрывъ, каково мнѣ сдерживать мое страстное чувство къ вамъ, тѣмъ болѣе, что минутами это мнѣ самому кажется нелѣпымъ. Я не притягиваю чувства за́ волосы, напротивъ, я не довѣряю своимъ и часто подрываю чужія, но то, что́ я говорю, вѣрно. Минутами я испытываю безмѣрную потребность видѣть васъ, держать васъ возлѣ себя, во мнѣ молча звучитъ голосъ: „несчастенъ безъ нея, счастливъ съ нею",—тогда я начинаю метаться и говорить себѣ, что это выдумка, что я могу найти счастіе въ чемъ-нибудь другомъ, въ другой женщинѣ, — и въ

ту же минуту мнѣ этого не хочется, я люблю мое страданіе, а все прочее мнѣ кажется невозможнымъ или основаннымъ на умерщвленіи чувства, которое я не хочу приносить въ жертву... Но, ради Бога, поймите и не говорите, что я неправъ. Вѣрьте, что мнѣ самому иной разъ невыносима моя правота,—но я не могу отдаться въ рабство духомъ и положеніемъ, это сильнѣе меня,—и вотъ почему я разрываю. Говорите мнѣ, что еще любите меня, говорите мнѣ, какъ вы живете, но не давайте мнѣ и не требуйте отъ меня объясненій; они немногаго стоятъ,—мы оба правы. Но скажите мнѣ—были бы вы навѣки счастливы со мною? хотѣли бы вы никогда не оставлять меня, всегда быть со мною и любить меня страстно, не потому, что я этого стою, а по прихоти, безъ всякой причины?"

IV.

Галаховъ сдержалъ слово и осенью уѣхалъ въ Россію. Обаяніе Маріи Львовны еще долго не теряло силы надъ нимъ. Онъ пишетъ ей, что, несмотря на время, разстояніе и рѣшимость, онъ иной разъ столько же жаждетъ, сколько боится свиданія съ нею. „Мнѣ жаль невыпитой чаши. Я не встрѣчу женщины, которая была бы въ такой степени самой собою, столь свободной, непринужденной, лишенной предразсудковъ, какъ вы, которая такъ подстрекала бы любопытство, самолюбіе, желаніе нравиться ей и имѣть вліяніе надъ нею". Одно письмо онъ кончаетъ такъ: „Дай Богъ вамъ всего лучшаго. Ужели мы будемъ такъ долго въ разлукѣ? А годы идутъ. Я ничего не понимаю ни въ человѣкѣ, ни въ судьбѣ, ни въ чемъ. Надо вѣрить въ безсмертіе или быть счастливымъ. Будьте счастливы, мой другъ".

Она тоже не была счастлива. Ея отношенія съ Огаревымъ становились все мучительнѣе. Несмотря на шумъ и блескъ своей жизни, несмотря и на мимолетныя свои увлеченія, она чувствовала себя глубоко одинокой, жаждала любви и съ тоскою взывала къ Огареву. Между ними шла безконечная переписка, запальчивая и мятежная съ ея стороны, полная мягкости и разсужденій съ его стороны. Это были настоящіе переговоры о мирѣ, и каждая сторона настаивала на своихъ условіяхъ. По существу это былъ тотъ же конфликтъ, какъ между М. Л. и Галаховымъ. Огаревъ требовалъ, чтобы въ основу ихъ совмѣстной жизни была положена отнынѣ не слѣпая сила страсти, а разумная человѣчность; онъ требовалъ строгаго равенства отношеній и взаим-

ной свободы, при которой онъ, мужчина, могъ бы безпрепятственно отдаваться высшимъ запросамъ своего духа; любовь не должна ни поглощать его всецѣло, ни даже въ малой степени связывать. При этомъ Огаревъ, разумѣется, не спрашивалъ себя, что̀ станетъ дѣлать со своей свободой женщина. Не спрашивала и Марія Львовна, но съ вѣрнымъ чутьемъ своего женскаго интереса она гнѣвно отвергала этотъ холодный договоръ: любовь безусловна, она беретъ всего человѣка, ей нельзя отвести уголка въ сердцѣ; настоящая любовь не терпитъ равенства и свободы: „я хочу властвовать или быть рабой".

Въ этомъ спорѣ Галаховъ, довѣренный и мужа, и жены, былъ, разумѣется, всецѣло на сторонѣ Огарева. Въ отвѣтъ на письмо Маріи Львовны къ Огареву, которое послѣдній показалъ ему, онъ пишетъ ей: „Нѣтъ, женщина не должна и не можетъ властвовать въ любви, потому что сколько-нибудь развитой мужчина не можетъ подчинять свои убѣжденія и тенденціи, какъ бы ввѣренныя ему человѣческимъ обществомъ,—вкусамъ и взглядамъ женщины, часто невѣрнымъ. Подчиниться должны вы. Признайте суверенитетъ общихъ истинъ, научитесь обуздывать ваши неопредѣленныя желанія и вкусы, перестаньте вѣрить, что всякій инстинктивный порывъ и каждая своенравная мысль законны—и васъ будутъ любить нѣжно и беззавѣтно".

Неудачный романъ съ Маріей Львовной не прошелъ безслѣдно для внутренняго развитія Галахова. Ему дорого стоило разстаться съ мечтою о личномъ счастіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ окончательно вышелъ на свободу, по крайней мѣрѣ въ сознаніи. Мы располагаемъ еще только однимъ его письмомъ къ Маріи Львовнѣ—отъ 18-го декабря 1842 г. Оно всецѣло посвящено ей, анализу ея положенія, но для насъ оно удивительнымъ свѣтомъ освѣщаетъ его собственную душу.

Онъ задается вопросомъ, почему она чувствуетъ себя такъ безмѣрно несчастной и печальной. Неужели потому, что она видитъ охлажденіе къ ней Огарева? Но она первая охладѣла къ нему, да и никогда особенно не дорожила его любовью. Почему же она теперь мечется въ тоскѣ и такъ страстно добивается хотя кое-какъ оживить угасшее чувство? Очевидно, дѣло не въ Огаревѣ и его охлажденіи; это просто знакъ болѣзненнаго состоянія ея души. „Я знаю: есть люди, которые должны пройти чрезъ тяжкія испытанія. Они живутъ — и чувствуютъ, какъ ихъ охватываетъ холодъ смерти; они кажутся мертвыми среди окружающаго ихъ міра, и носятъ пожирающій пламень въ своей душѣ. Ища спасенія, они цѣпляются то за человѣка,

то за вещи, и долго безъ успѣха, пока въ судилищѣ своей воли не принесутъ своего самовластнаго „я“ въ жертву верховной истинѣ и не примирятся съ Богомъ путемъ внутренней моральной и умственной работы, которая снова вноситъ порядокъ и свободу въ ихъ мысль и чувство. Вотъ, милый другъ, къ чему мы должны стремиться, а не считать себя погибшими потому, что такой-то человѣкъ насъ покинулъ или такое-то личное чувство ослабѣло въ насъ. Въ васъ бьется и страдаетъ не столько женщина, сколько человѣкъ вообще. Самое разнообразіе вашихъ дарованій усиливаетъ ваше страданіе: они сталкиваются и теребятъ васъ со всѣхъ сторонъ,—они не пріобрѣли достаточно энергіи, чтобы выступить планомѣрно. У васъ нѣтъ моральнаго или умственнаго центра тяжести — и въ то же время ваша натура не настолько пассивна, чтобы тихо и покорно идти путемъ традиціонныхъ принциповъ. Hinc itur ad astra“!..

Марія Львовна не послѣдовала этому совѣту, да и могла ли она? Она продолжала искать счастья по-своему, любила и заблуждалась, и умерла, десять лѣтъ спустя, въ духовной и матеріальной нищетѣ. Но и Галаховъ, какъ Моисей, только издали увидѣлъ обѣтованную страну. У него хватило силъ освободиться только наполовину, потому что въ каждомъ освобожденіи—двѣ ступени: мало стать вольноотпущеннымъ,—надо стать еще свободнымъ, какъ бываетъ свободенъ человѣкъ свободно-рожденный. На дѣлѣ Галаховъ до конца ни очага себѣ не устроилъ, ни алтаря общей идеѣ; онъ такъ и остался „лишнимъ человѣкомъ“. Еще семь лѣтъ скитался онъ по Европѣ, лишь изрѣдка наѣзжая домой, раздѣляя высшіе интересы своего вѣка и влача, какъ проклятіе, свою роковую праздность. Послѣдніе два года своей жизни онъ былъ особенно друженъ съ Герценомъ, много спорилъ съ нимъ (однимъ изъ этихъ разговоровъ начинается „Съ того берега“) и писалъ ему письма, полныя оригинальности. Онъ умеръ въ 1849 году.

М. Гершензонъ.

СРЕДИ БЕЗДѢЛЬЯ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XIV *).

На другой день, ровно въ девять часовъ, къ виллѣ, занимаемой Левецкими, съѣхались профессоръ, мѣстный врачъ и князь. Въ знакомой уже намъ пріемной ихъ встрѣтила Таня съ нѣсколько повеселѣвшимъ лицомъ: братъ прекрасно спалъ всю ночь, и что-то въ родѣ надежды зародилось въ ея сердцѣ, хотя она сознавала, что эта надежда—одинъ только обманъ.

— Гдѣ же больной? — спросилъ профессоръ, когда всѣ поздоровались.

Врачи съ Таней отправились въ сосѣднюю комнату, князь же остался въ пріемной одинъ. Когда онъ увидѣлъ повеселѣвшую Таню, вся эта исторія съ больнымъ ея братомъ окончательно перестала его интересовать: „Напрасно только впутался,—говорилъ онъ себѣ,—и безъ меня дѣло обошлось бы прекрасно". Онъ всецѣло занятъ былъ другимъ—Мариною, о которой онъ думалъ непрерывно съ тѣхъ поръ, какъ вчера разстался съ нею въ Больё. Украдкой, передъ самымъ отелемъ она, пользуясь темнотою и отсутствіемъ людей, поцѣловала его еще разъ на прощанье, и этотъ поцѣлуй остался у него въ памяти какимъ-то жгучимъ воспоминаніемъ, соблазнительнымъ, чарующимъ и въ то же время нездоровымъ,—странно!—даже преступнымъ. Онъ не могъ дать себѣ отчета въ своемъ чувствѣ къ Маринѣ, но одно

*) См. нояб., стр. 100.

онъ ясно сознавалъ: этотъ поцѣлуй его не успокоилъ, а, наоборотъ, усилилъ ту тревогу, которая его теперь такъ часто терзала. И онъ спрашивалъ себя: что же это значитъ? Сомнѣнія его относительно Марины разсѣялись: онъ вѣрилъ въ безупречность ея прошлаго, вѣрилъ ей.

Въ сосѣдней комнатѣ по временамъ глухо раздавались голоса, передвигалась мебель. Старый Франсуа вышелъ оттуда, добродушно взглянулъ на князя и зачѣмъ-то прошелъ въ прихожую, но оттуда больше не возвращался: очевидно, изъ прихожей былъ другой ходъ въ комнату больного. Князь видѣлъ и слышалъ все, какъ во снѣ. Марина неотступно стояла передъ нимъ и загадочно ему улыбалась. Она говорила: „Да, любовь доставляетъ человѣку страданія, но и какое блаженство она даетъ!“ Эта мысль заставила князя вздрогнуть. „Если любовь не можетъ дать успокоенія, то всѣ ея блаженства мнѣ не нужны“,— проговорилъ въ немъ внутренній голосъ.

И онъ продолжалъ лихорадочно размышлять.

„Старикъ я, что-ли, что мнѣ нуженъ только миръ, успокоеніе? Да развѣ истинная любовь можетъ обойтись безъ бурь, безъ страданія, безъ сладостныхъ надеждъ и мучительнаго ожиданія? Я до сихъ поръ еще не любилъ, я собственно еще не знаю, что такое любовь. И вотъ я начинаю ее испытывать—и сразу требую мира, успокоенія. Что за вздоръ! Что за непослѣдовательность! Если я хочу спокойствія, то мнѣ любви не надо; если мнѣ любовь нужна,—мнѣ нечего желать спокойствія. Кажется, ясно. И что я дѣлалъ всѣ эти годы? Фланировалъ по Европѣ. Подумаешь, какой тяжелый трудъ, послѣ котораго требуется отдыхъ, миръ, успокоеніе“...

И снова передъ нимъ стояла Марина, снова она ему улыбалась, манила его къ себѣ, сулила счастіе.

„Да вѣрю ли я ей?“

Онъ всталъ и, забывая, гдѣ онъ находится и что его сюда привело, началъ быстро шагать по комнатѣ.

„Я не могу ей не вѣрить и... все-таки не вѣрю. До чего доводитъ человѣка самоанализъ! Жалкій я гамлетикъ,—вотъ что!“

Такъ размышлялъ князь еще долго. Онъ не замѣчалъ, какъ проходило время.

Портьера раздвинулась, и въ пріемную вошелъ профессоръ въ сопровожденіи врача. Послѣдній тщательно закрылъ дверь за собою.

— Мы будемъ здѣсь совѣщаться, — произнесъ внушительно знаменитый профессоръ:—но вы, князь, какъ человѣкъ, не осо-

бенно близко стоящій къ семьѣ больного, намъ не помѣшаете.

Лицо его выражало сосредоточенность, приличествовавшую серьезности случая.

— Къ тому же,—прибавилъ онъ:—намъ надо кому-нибудь сообщить о результатѣ нашего совѣщанія, а такъ какъ онъ не можетъ быть, какъ я предвижу, особенно утѣшительнымъ, то придется его сообщить вамъ для того, чтобъ вы могли подготовить къ нему сестру больного.

Князь въ знакъ согласія наклонилъ голову, хотя въ сущности думалъ мало о томъ, что̀ ему говорилъ профессоръ: ему все это представлялось соблюденіемъ какихъ-то неизбѣжныхъ формальностей,—такъ далеки и чужды ему были эти Левецкіе.

Врачи усѣлись, князь—въ нѣкоторомъ отдаленіи. Началось совѣщаніе, которое велось врачами вполголоса. Князь разслышалъ слово: „tabes“; затѣмъ они довольно долго говорили о вывихѣ и переломѣ позвонка; профессоръ очень авторитетно разъяснилъ, что при данномъ паденіи перелома произойти не могло, и что поэтому надо остановиться на вывихѣ.

Въ пріемную былъ приглашенъ Франсуа. Врачъ далъ ему въ присутствіи профессора подробныя инструкціи относительно ухода за больнымъ. Это длилось долго. Наконецъ, и это было окончено, и Франсуа было приказано пригласить въ пріемную „madame“.

Когда Франсуа ушелъ, профессоръ обратился къ князю, понижая, насколько возможно, свой звучный басъ.

— Случай безнадежный, — сказалъ онъ по-нѣмецки, должно быть полагая, что этотъ языкъ менѣе понятенъ окружающимъ.— Болѣзнь продлится уже недолго. Надо предупредить сестру, но осторожно... Вы это сдѣлаете, князь? Какой счастливый случай, что мы можемъ довѣрить эту трудную задачу дипломату!

Въ комнату вошла Таня.

Профессоръ тотчасъ же обратился къ ней съ замѣчаніемъ, что не надо никогда отчаиваться, привелъ нѣмецкую поговорку, что Богъ ближе всего во время тяжелыхъ испытаній, сказалъ еще, что больничному служителю даны точныя инструкціи, какъ ухаживать за больнымъ, затѣмъ съ чувствомъ пожалъ руку Тани и удалился вмѣстѣ съ своимъ коллегою.

Князь и Таня остались одни.

Простымъ движеніемъ руки она пригласила князя сѣсть.

— Большое вамъ спасибо, князь, — сказала она, — за вашу услугу. Братъ тоже хотѣлъ васъ поблагодарить, но изслѣдованіе его очень утомило, и я настояла на томъ, чтобы онъ отъ своего намѣренія на сегодня отказался.

Таня говорила съ тою естественною простотою, которая свойственна людямъ, думающимъ только о томъ, что они говорятъ. У князя же вниманіе раздваивалось. Онъ хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго порученія, возложеннаго на него профессоромъ, и въ то же время мысль его была занята Мариною.

— Я очень радъ, что случай позволилъ мнѣ быть полезнымъ вашему брату,—отвѣтилъ онъ, стараясь говорить такъ же просто, какъ Таня.

— Затѣмъ еще одинъ вопросъ, князь: что сказалъ профессоръ о здоровьи брата?

Князь смутился. Онъ только-что собирался подумать о томъ, какъ подготовить Левецкую, но она уже поставила ребромъ вопросъ. И вдругъ онъ вспомнилъ ея неподвижный взглядъ на набережной, который его такъ напугалъ.

— Да, видите ли,—проговорилъ онъ:—положеніе, конечно, серьезно, но...

— Я прошу васъ,—прервала его Таня,—повторить мнѣ то, что сказалъ вамъ профессоръ. Вѣдь онъ долженъ былъ кому-нибудь сообщить свое мнѣніе о болѣзни, а этотъ „кто-нибудь“ при данныхъ обстоятельствахъ могли быть только вы.

Князь сдѣлалъ усиліе надъ собою и рѣшился солгать.—„Солгать до завтра“,—подумалъ онъ.

— Профессоръ сказалъ,—отвѣтилъ онъ,—что положеніе серьезно, даже очень серьезно, но что надежды терять не слѣдуетъ...

Таня внимательно взглянула на него.

— Князь, вы хорошій, добрый человѣкъ,—сказала она:—вамъ тяжело мнѣ причинить боль. Но, извините, профессоръ этого сказать не могъ: неужели онъ, опытный врачъ, не видитъ того, что я сама вижу такъ ясно?

Князь промолчалъ.

— Вотъ что, — продолжала Таня: — тогда, когда вы меня встрѣтили на набережной, я окончательно разсталась съ надеждой... Правда, я иногда еще стараюсь себя обмануть, но другіе меня обманывать не должны: человѣкъ всегда и во всемъ долженъ видѣть ясно.

И то, чего князь такъ опасался, случилось: свѣтъ потухъ въ глазахъ Тани...

Что-то странное произошло съ княземъ. Его охватила непреодолимая жалость къ Танѣ. Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

Замѣтивъ это движеніе, Таня проговорила, какъ бы совершенно забывъ о присутствіи князя:

— Братъ мнѣ вчера сказалъ, что мою руку можно цѣловать только когда сердце исполнено уваженія и благодарности,— онъ хотѣлъ сказать: сожалѣнія...

Затѣмъ она, вдругъ опомнившись, продолжала:

— Спасибо, князь, за сочувствіе. Я очень несчастна. Два года тому назадъ я потеряла отца. Послѣ его смерти насъ было только двое на свѣтѣ: братъ и я. Теперь я и его теряю.

— Скажите, — спросилъ князь съ большимъ участіемъ:—у васъ здѣсь, въ Ниццѣ, близкихъ людей нѣтъ?

— Нѣтъ никого,—отвѣтила Таня.—Да и въ Россіи знакомыхъ много, но близкихъ людей, какъ это обыкновенно понимаютъ, нѣтъ. Я и отецъ жили почти исключительно съ крестьянами.

— Съ крестьянами?—переспросилъ князь.

— Да, у насъ въ имѣніи,—отвѣтила Таня.—Извините, князь, я должна теперь идти къ брату: онъ остается такъ долго безъ меня.

Князь всталъ. Она протянула ему руку и хотѣла уже удалиться, но вдругъ остановилась.

— Еще одно слово, князь,—обратилась она къ нему.—Вы, вѣроятно, испытали въ жизни горе, если можете съ такимъ участіемъ относиться къ чужому горю? Если не испытали, то, при вашемъ добромъ сердцѣ, можете его испытать. Обѣщайте мнѣ, что если съ вами случится что-нибудь печальное, вы придете ко мнѣ и посидите со мною такъ, какъ посидѣли теперь, когда я такъ несчастна. Прощайте, князь.

Она протянула ему еще разъ руку и вышла изъ комнаты.

Въ прихожей князя ожидала Марѝ. Уходя, онъ, самъ не сознавая, что̀ дѣлаетъ, отдалъ ей свою карточку съ адресомъ отеля, въ которомъ онъ жилъ, и настойчиво просилъ увѣдомить его въ случаѣ, если въ домѣ потребуется помощь.

XV.

Отъ Левецкихъ князь быстрыми шагами направился къ лучшему ювелиру на Avenue Masséna. Войдя въ магазинъ, онъ попросилъ показать ему брошки.

— Какого рода и на какую цѣну? — спросилъ его тучный, но очень благообразный хозяинъ, тотчасъ же замѣнившій приказчика, сунувшагося-было къ князю.

Выборъ продолжался очень долго. Хозяинъ не могъ угодить

князю, а самъ князь внутренно раздражался, что все это тянется такъ долго.

Наконецъ, одна брошка остановила его вниманіе. Это была не брошка, а скорѣе аграфъ, довольно значительной величины. Изображалъ онъ букетикъ изъ пармскихъ фіалокъ. Въ чашечкѣ каждой фіалки сверкалъ довольно крупный брилліантъ; кромѣ того, весь букетъ былъ покрытъ брилліантовою пылью. Въ общемъ получалось впечатлѣніе настоящихъ цвѣтовъ, покрытыхъ росою, и это впечатлѣніе должно было усиливаться при электрическомъ свѣтѣ.

Князь долго разсматривалъ аграфъ. Отдѣлка была безукоризненна; она свидѣтельствовала объ искусствѣ мастера. Князь наконецъ рѣшился.

— Эта вещь мнѣ нравится, — сказалъ онъ хозяину.—Что она стоитъ?

— Сезонъ кончается,—отвѣтилъ тотъ:—и мы вамъ ее уступимъ за четыре тысячи франковъ.

— Хорошо, я беру ее.

Въ его душѣ боролись обрывки чувствъ. „Вотъ эта дѣвушка, мнѣ совершенно чуждая, эта Левецкая,—размышлялъ онъ,—возбуждаетъ къ себѣ безусловное довѣріе: я ни на мигъ не задумался бы довѣриться ей. А Марина, которую я люблю, вызываетъ во мнѣ одни лишь сомнѣнія. Эта Левецкая—какое-то ничтожество, которое можно только жалѣть, а Марина—выдающаяся женщина, выдающаяся по уму, красотѣ, смѣлому взгляду на людей и на жизнь. Между ними нѣтъ ничего общаго, и различіе между ними доходитъ до того, что... одной я готовъ сразу довѣриться, а другой никакъ довѣриться не могу“.

„Нѣтъ,—рѣшилъ князь,—я къ Маринѣ не поѣду. Это будетъ слишкомъ торжественно, это меня окончательно свяжетъ. Лучше встрѣтиться на нейтральной почвѣ“.

— Не найдется ли у васъ конверта и почтовой бумаги?—спросилъ онъ.

— Къ вашимъ услугамъ,—предупредительно отвѣтилъ хозяинъ. Князь быстро написалъ двѣ строчки, безъ обращенія и подписи: „Не позавтракаемъ ли мы сегодня на Jetée? Я буду тамъ ровно въ два часа. Мой фіакръ васъ привезетъ“.

Вложивъ листъ съ этими строками въ конвертъ и надписавъ на немъ адресъ, онъ отрѣзалъ отъ другого листа почтовой бумаги маленькую полоску, написалъ на ней: „Звѣздочка—звѣздочкѣ“, вложилъ ее въ футляръ съ аграфомъ и попросилъ хозяина завернуть его такъ, чтобы незамѣтно было, что это за вещь.

— Можете вы отпустить одного изъ вашихъ приказчиковъ часа на два въ Больё?—спросилъ онъ, когда его приказаніе было исполнено.

— Пожалуйста!—повторилъ хозяинъ свою неизмѣнную фразу.

— Онъ свезетъ эту вещь по адресу въ моемъ фіакрѣ и вручитъ ее г-жѣ Ригò лично.

Князь вышелъ изъ магазина вмѣстѣ съ приказчикомъ и, убѣдившись лично, что лошади не утомлены, отпустилъ ихъ, а самъ направился къ себѣ въ отель пѣшкомъ.

Приказчикъ прямо изъ магазина поѣхалъ въ отель, гдѣ жила Марина, и передалъ ей письмо и аграфъ отъ князя. Марина стояла передъ трюмò и довершала свой туалетъ къ завтраку. Прочитавъ небрежно письмо, она отпустила приказчика, еще разъ внимательно прочла записку, затѣмъ развернула пакетъ, открыла футляръ и, увидѣвъ аграфъ, улыбнулась. Прищуривъ немного глаза, какъ она обыкновенно это дѣлала, когда хотѣла сообщить что-нибудь неожиданное и въ то же время пріятное, она крикнула:

— Мама, пойди сюда!

Изъ сосѣдней комнаты вышла знакомая намъ старушка, только не въ богатомъ платьѣ, а въ очень небрежномъ утреннемъ дезабильѣ, не скрывавшемъ морщинистой шеи, и, увидавъ въ рукахъ дочери аграфъ, нетерпѣливымъ шопотомъ спросила:

— Отъ князя?

— Отъ кого же еще?—отвѣтила Марина.

Мать сѣла въ ближайшее кресло и стала внимательно разсматривать подарокъ.

— Да, это подарокъ,—замѣтила она, подводя итогъ своей оцѣнкѣ.—Тысячи полторы стоитъ.

— Ты думаешь?—спросила Марина, стоя опять передъ трюмо.

— Ну, и сдѣлала же ты дѣло,—продолжала между тѣмъ мать, все еще любуясь аграфомъ:—колечко твое стоило двѣсти рублей, а это—ну, тысяча двѣсти; тысяча въ карманѣ.

— Ахъ, мама, какъ ты иногда глупо шутишь!—сказала Марина съ раздраженіемъ.—Лучше посовѣтуй, какое платье мнѣ одѣть. Я сейчасъ ѣду въ Ниццу завтракать. Лошади ждутъ.

— Съ нимъ?—откликнулась мать.—Это очень хорошо. Но смотри, дочка, чтобы все не кончилось завтраками да подарками.

Марина повернулась лицомъ къ матери.

— Ну, мама, мнѣ это лучше знать,—сказала она съ чувствомъ превосходства.

— Знаю, знаю, дочка, что ты у меня умница,—проговорила мать, и въ тонѣ ея слышалось почти подобострастіе.—Я только такъ.

И мать съ дочерью начали обсуждать вопросъ о туалетѣ.

Когда Марина черезъ полчаса вышла на перрòнъ, чтобы сѣсть въ экипажъ, ее окликнулъ изъ сада Комовъ.

— Вы куда, Марина?

Подошелъ и Мароковъ. Они, очевидно, вмѣстѣ сидѣли въ саду.

Марина не тотчасъ отвѣтила. Потомъ она съ удареніемъ проговорила:

— Ѣду по дѣламъ въ Ниццу, потомъ погуляю на Promenade des Anglais. День чудесный, и хочется людей посмотрѣть.

— Мы съ Комовымъ, значитъ, уже не люди,—пробасилъ Мароковъ.

Но Марина его уже не слушала. Она вскочила въ экипажъ, насмѣшливо кивнула головою и исчезла, скрывшись за чернымъ кружевнымъ зонтикомъ.

XVI.

Князь увидѣлъ Марину еще издали, когда она подъѣзжала къ Жетэ. Сердце у него замерло, и онъ самъ удивлялся своей взволнованности. „Точно влюбленный мальчишка, ожидающій перваго свиданія“,—подумалъ онъ.

Онъ не покидалъ своего мѣста у входа и ждалъ ея приближенія. Выходя изъ фіакра, она его тоже замѣтила и шла ему на встрѣчу, улыбаясь. Она была вся въ черномъ, и это придавало новое обаяніе ея красотѣ. Князь какъ будто видѣлъ незнакомую ему женщину, улыбавшуюся не ему, а кому-то другому, и онъ подумалъ: „Какъ счастливъ долженъ быть тотъ, кому она улыбается этой обворожительной улыбкой!“

Наконецъ, она приблизилась къ нему совсѣмъ. На груди сверкали пармскія фіалки князя. А онъ, стоя неподвижно, продолжалъ любоваться ею.

— Вы меня не узнаете, князь?—спросила она, заглядывая ему въ глаза.

— Узнаю и не узнаю,—отвѣтилъ онъ, пожимая ея руку.

— На половину забыли въ теченіе этой ночи?—спросила она снова, довѣрчиво касаясь плечомъ его плеча, пока они шли по Жетэ.

— О, нѣтъ, не забылъ,—произнесъ онъ сдавленнымъ голосомъ, точно ему не хватало воздуха:—но вы со дня на день мѣняетесь.

— Къ худшему?—она заглянула ему снова въ глаза.

— Марина, говорите серьезнѣе... Мнѣ хорошо.

— Тебѣ хорошо, милый, а я счастлива,—шепнула она тихо, почти касаясь губами его уха.

— Гдѣ же мы будемъ завтракать?—спросилъ князь.

— Конечно, на воздухѣ въ такой чудный день,—отвѣтила она и, понизивъ голосъ, прибавила:—а обѣдать, если хочешь, будемъ опять въ отдѣльной комнатѣ.

На верандѣ почти никого не было. Только въ отдаленномъ углу сидѣли двое посѣтителей, углубившись въ свои газеты. Князь предоставилъ Маринѣ заказывать завтракъ, а самъ смотрѣлъ на нее съ напряженнымъ вниманіемъ. Всецѣло занятая выборомъ блюдъ и переговорами съ гарсономъ, она о князѣ точно забыла. Она говорила очень увѣренно на своемъ русско-французскомъ языкѣ и не столько заказывала, сколько приказывала, при чемъ два раза полупрезрительными морщинками надъ правой красивой ноздрей оборвала не сразу понявшаго ее гарсона.

Тонъ ея положительно не нравился князю, но затѣмъ это прошло.

Гарсоны засуетились у стола. Марина не умолкала ни на мигъ. Она успѣвала и ѣсть съ аппетитомъ, и говорить, говорить безъ конца. Ею какъ будто овладѣла лихорадочная потребность рѣзвиться, дразнить князя, занимать его остроумными замѣчаніями, дѣйствовать на его страсть игрою глазъ. Она не давала ему отвѣчать, закидывала его вопросами, разсказывала о разныхъ уморительныхъ встрѣчахъ заграницею, искусно передразнивала Марокова и Комова. Князь смотрѣлъ на нее и по большей части отвѣчалъ лѣниво, иногда невпопадъ, потому что имъ снова овладѣвалъ вопросъ: „Боже, да что это за женщина, что за женщина?“

Къ концу завтрака Марина вдругъ умолкла. Тѣнь скользнула по ея только-что оживленному лицу, глаза подернулись грустью, она застыла въ несвойственной ей неподвижности.

— Князь, вы счастливы?—спросила она и, не дождавшись отвѣта, сказала:—Нѣтъ, еслибы вы были счастливы, вы понимали бы мое счастье.

— Полно, Марина,—замѣтилъ князь:—у каждаго человѣка своя натура, каждый счастливъ по-своему. У меня не такая жизненная натура, какъ у васъ.

— Я попробую поддѣлаться подъ вашу натуру, чтобъ у насъ счастье выражалось одинаково.

— Да зачѣмъ же это?—возразилъ князь.—Ради Бога, будьте собою! Вы такъ хороши въ своемъ оживленіи.

— Ахъ, я вамъ нравлюсь?—отвѣтила Марина, словно успокоенная.—Я бы такъ хотѣла вамъ нравиться!—воскликнула она съ большою искренностью.

Когда подали кофе, Марина опять была оживлена, острила, дурачилась. Она нѣсколько разъ обмѣнялась съ княземъ чашками, желая узнать его мысли. Но у нея это не выходило, потому что она приписывала князю явныя несообразности въ родѣ того, что ему хотѣлось бы теперь сидѣть не здѣсь на Жетэ, а въ какомъ-нибудь посольствѣ и обсуждать дипломатическія дѣла съ посломъ, страдающимъ рамолисментомъ; или что князь пріѣхалъ въ Ниццу вовсе не для того, чтобы встрѣтиться съ нею, Мариной, а съ какой-нибудь старой дѣвой, бразильянкой, которая занимала бы его досуги разсужденіями о бразильской политической жизни. Только разъ она какъ будто угадала мысль князя, сказавъ ему, что онъ жаждетъ предвкусить благодарность за аграфъ, и что самымъ удобнымъ мѣстомъ для этого будетъ Château съ его тѣнистымъ водопадомъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, не поѣхать ли намъ туда?—тотчасъ же согласился князь.

— Поѣхать или пойти?—спросила Марина.

— А вамъ не трудно будетъ подняться по крутой лѣстницѣ?

— Пустяки,—отвѣтила она:—я взбираюсь на кручи, какъ коза.

— Какъ козочка,—поправилъ ее князь, которому она снова удивительно какъ нравилась.

Они ушли съ Жетэ полными друзьями. Она такъ довѣрчиво опиралась на его руку и по временамъ такъ наивно и любовно заглядывала ему въ глаза, что князь снова забылъ о всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ и всецѣло отдался чувству любви.

У самаго выхода на набережную они столкнулись почти лицомъ къ лицу съ Мароковымъ и Комовымъ. Оба видимо смутились. Комовъ даже какъ будто поблѣднѣлъ, но Мароковъ тотчасъ же оправился и весело проговорилъ:

— Королева, не унижаете ли вы своего королевскаго достоинства, идя подъ руку съ невладѣтельнымъ княземъ?

Съ княземъ онъ дружелюбно поздоровался. Комовъ подалъ руку князю какъ-то неохотно.

— А гдѣ же тутъ владѣтельные князья?—спросила Марина, повидимому нисколько не смущенная встрѣчею.—Что же, мнѣ оставаться безъ кавалера?

Князь высвободилъ руку и отошелъ, чтобы отпустить подъѣхавшій-было фіакръ.

— Ну, за кавалеровъ и мы можемъ сойти, — продолжалъ Мароковъ.—Мы пріѣхали въ Ниццу спеціально за тѣмъ, чтобы съ вами погулять, королева.

— А вы развѣ знали, что королева будетъ гулять именно здѣсь?—спросилъ вернувшійся князь.

— Какъ же, — отозвался Мароковъ:—королева сама намъ сказала. Вотъ мы и явились сюда, не желая проскучать безъ нея весь день.

— Такъ что же, господа, давайте гулять. Въ какую сторону мы идемъ?—спросилъ князь наружно совершенно спокойно, хотя въ душѣ его зародилось очень недоброе чувство къ Маринѣ, въ размѣрахъ котораго онъ самъ еще не давалъ себѣ яснаго отчета.

Вся компанія, подчиняясь уносившему ее потоку людей, двинулась въ противоположномъ направленіи отъ Château.

— Ну, теперь, генералъ, будьте вы моимъ кавалеромъ, — молвила Марина, взявъ его подъ-руку:—вы кажется, напрашивались, а князю я уже надоѣла.

— Можетъ ли такая женщина, какъ вы, королева, когда-нибудь и кому-нибудь надоѣсть! — отвѣтилъ Мароковъ, молодцовато ведя Марину.

Князь шелъ рядомъ съ генераломъ, Комовъ—рядомъ съ Мариной.

Но Комовъ тотчасъ отсталъ, встрѣтивъ какого-то знакомаго.

— А вотъ и моя испанка, — шепнулъ Мароковъ князю.— Посмотрите, какіе глаза! Съѣстъ живьемъ.

— Что вы тамъ шепчетесь?—спросила Марина, наклоняясь къ князю.

— Интимныя дѣла, королева,—отвѣтилъ Мароковъ.—Вы не обидитесь, если я скажу, что, кромѣ королевъ, существуютъ на свѣтѣ и огненныя женщины.

— Гдѣ же онѣ?—спросила Марина.

— Что съ возу упало, то пропало: прошла, но въ Больё вы можете опять ее встрѣтить.

— Слушайте, генералъ, вы, кажется, мнѣ измѣняете.

— А развѣ я давалъ вамъ обѣтъ вѣрности?

— Обѣта не давали, но вы на вѣрность и неспособны.

— Неспособенъ?—протянулъ Мароковъ.—Ахъ, королева,— вздохнулъ онъ:— еслибы вы только мнѣ дали случай доказать вамъ мою вѣрность!

— Да развѣ я огненная женщина?

— Вы, королева, больше и выше, вы—идеалъ женщины.

— Опять я на недосягаемой высотѣ!—взмолилась Марина.—Только-что я унижала свое королевское достоинство, идя подъ-руку съ невладѣтельнымъ княземъ... А гдѣ же я найду идеальнаго мужчину?

Разговаривали только Марина и Мароковъ. Князь все еще молчалъ.

— Позвольте, королева! я узрѣлъ идеальнаго мужчину! — воскликнулъ Мароковъ.—Хотите, я васъ съ нимъ познакомлю?

— Ради Бога, избавьте! Я не люблю идеальныхъ людей.

— Да, но мнѣ съ этимъ идеальнымъ человѣкомъ надо поздороваться,—возразилъ Мароковъ.—Старый товарищъ, котораго я цѣлый вѣкъ не видалъ. Сейчасъ догоню васъ.

И, выпустивъ руку Марины, онъ поклонился ей и князю и направился къ какому-то господину, сидѣвшему на боковой скамейкѣ. Марина съ княземъ продолжали путь.

Князь молчалъ.

— Вы чѣмъ-то недовольны, князь? — обратилась къ нему Марина.

— Чѣмъ же мнѣ быть недовольнымъ?—возразилъ уклончиво князь.

— Вы, какъ будто, дуетесь,—проговорила Марина, пытаясь заглянуть князю въ глаза.

— Скажите, Марина, вы предупредили Марокова и Комова, что будете гулять сегодня по набережной?

Марина гордо выпрямилась, не глядя на князя и не отвѣчая ему. Негодованіе, выразившееся на ея дѣвственномъ лицѣ, придавало ему выраженіе суровости. Она казалась неприступно-величественною и была очень эффектна. Вотъ когда она производила впечатлѣніе королевы. Только судорожно сдвинутыя брови немного портили ея красивое лицо: оно казалось не только суровымъ, но и злымъ.

Князь взглянулъ на Марину. Его лицо выражало страданіе.

Оба они были настолько заняты своими мыслями и чувствами, что не замѣтили устремленнаго на нихъ внимательнаго взгляда сидѣвшей на скамейкѣ Тани.

— Это—допросъ? — отвѣтила Марина. — Я человѣкъ свободный и дѣлаю то, что̀ мнѣ вздумается. Кто мною недоволенъ, можетъ отъ меня отойти. Любя свободу, я никого не неволю. Но вамъ, князь, я отвѣчу. Вы — единственный человѣкъ, для котораго я готова отказаться отъ доли своей свободы.

Сказавъ это, она опять умолкла.

Такъ они шли рядомъ нѣсколько минутъ.

— Вы настаиваете на вашемъ вопросѣ, князь? — спросила наконецъ Марина.

— Да, настаиваю,— отвѣтилъ князь: — не потому, чтобы я хотѣлъ лишить васъ свободы, но потому, что мнѣ это необходимо, чтобы окончательно выяснить наши отношенія.

— Вы считаете ихъ еще невыясненными, князь? Извольте, я отвѣчу. Никого я ни о чемъ не предупреждала. Уѣзжая изъ Больё, я случайно встрѣтила Марокова и Комова. Они меня спросили, куда я ѣду. Я отвѣтила, что ѣду по дѣламъ въ Ниццу,— мнѣ незачѣмъ было прибавлять, по какимъ именно, — и что, пользуясь чудною погодою, можетъ быть, погуляю на набережной, чтобы людей посмотрѣть, себя показать. Обращаю ваше вниманіе на то, что прогулка по набережной между нами, князь, не была предусмотрѣна. Вотъ и все.

Князь виновато взглянулъ на Марину. Но лицо его выражало уже не страданіе, а какое-то радостное успокоеніе.

— Вы меня простите, Марина,—произнесъ онъ:—когда я съ вами, я самъ не знаю, что дѣлаю и говорю. Я подчиняюсь только своимъ чувствамъ.

— Это хорошо, дорогой, — шепнула ему Марина, утратившая свой гордый видъ и глядѣвшая теперь на него нѣжно: — но подчиняйся только добрымъ чувствамъ, а не злымъ.

Затѣмъ, подумавъ немного, она прибавила:

— Отсюда до Puits aux Étoiles, должно быть, недалеко. Поѣдемъ туда. Выйдетъ пріятная прогулка, а кто пожелаетъ—получитъ обѣщанную благодарность.

Они свернули на Pont Magnan. Мароковъ и Комовъ были забыты.

XVII.

Проснувшись на другое утро, князь почти съ ужасомъ замѣтилъ, что тревога въ немъ все растетъ, и тутъ онъ ясно почувствовалъ, что не Марина въ ней виновата. Она была такъ мила во время вчерашней прогулки, такъ нѣжно глядѣла на него. Чего онъ могъ больше желать, если онъ жаждалъ женской любви? Но въ женской ли любви тутъ дѣло? Не начались ли эти приступы тревоги гораздо раньше? Собственно когда же они начались? Онъ сталъ припоминать. Вполнѣ счастливымъ онъ себя почувствовалъ, когда разстался со службой, которая его страшно тяготила. Но почему же она его тяготила? Во-первыхъ,

зачѣмъ онъ ее избралъ? „Какъ это странно!“ — подумалъ онъ: онъ и до сихъ поръ въ точности не зналъ, почему онъ выбралъ именно дипломатическую карьеру. Свѣтское общество, въ которомъ онъ вращался въ Петербургѣ, ему надоѣло. Ему хотѣлось воздуха, свободы. Заграницей все же лучше, а служить надо. Вотъ все, что̀ онъ зналъ. Не для службы поступилъ онъ на службу, а отъ бездѣлья. Но бездѣлье продолжалось и на службѣ: всѣ вѣдь знали, что она ему въ сущности совсѣмъ не нужна, и самъ онъ придерживался того же мнѣнія. Это стало тягостнымъ, невыносимымъ. И какъ онъ обрадовался, когда, наконецъ, отдѣлался отъ этого служебнаго бездѣлья! Съ какимъ увлеченіемъ онъ занялся своею виллою на Лаго-Маджіоре, когда для него настало блаженное время „свободы и покоя“. Но надолго ли? Нѣтъ, уже тамъ, въ этомъ благословенномъ уголкѣ, какое-то внутреннее безпокойство стало закрадываться ему въ душу и отравлять ему жизнь. Онъ бросилъ виллу и сталъ слоняться по Европѣ, подчиняясь тому же чувству внутренняго безпокойства. Откровенно говоря, онъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста, ища все новыхъ развлеченій, чтобы справиться съ этимъ мучительнымъ чувствомъ. Переживаемый имъ въ настоящее время романъ съ Мариной составлялъ только одно изъ такихъ развлеченій, наряду со многими другими, надоѣдавшими ему раньше, чѣмъ онъ успѣвалъ проникнуться ихъ прелестью. Сегодня нравится, завтра перестаетъ нравиться. Это была какая-то безконечная цѣпь разочарованій и въ общемъ получалось только чувство пресыщенія.

Онъ отставилъ недопитую чашку кофе, который показался ему вдругъ совершенно безвкуснымъ. Не было настоящаго аппетита.

„Такъ и во всемъ,—продолжалъ онъ разсуждать. — Что̀ же это значитъ? Очевидно, душа моя больна. Вѣдь никто не сомнѣвается, что если вкусно приготовленная пища перестаетъ нравиться раньше, чѣмъ человѣкъ насытился, то, значитъ, онъ боленъ. И развѣ это не примѣнимо и къ духовной нашей жизни?“

Раздался стукъ въ дверь.

Въ комнату вошелъ своею развалистою походкою Комовъ. Лицо у него было сосредоточенное и даже какъ будто злое. Поздоровались гость и хозяинъ сухо.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ князь, когда они усѣлись.

Комовъ не тотчасъ отвѣтилъ.

— Я къ вамъ по щекотливому дѣлу, — произнесъ онъ наконецъ.

На лицѣ князя мелькнула свойственная ему саркастическая улыбка.

— Вы увѣрены, что этого дѣла избѣжать нельзя? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не увѣренъ,—отвѣтилъ Комовъ:—и тѣмъ не менѣе, какъ видите, князь, я къ вамъ пришелъ.

— Не потрудитесь ли говорить яснѣе?—замѣтилъ князь.

— Я отвѣчаю не менѣе ясно, чѣмъ вы спрашиваете.

Князь молчалъ. Лицо его говорило: „жду". Онъ откинулся на спинку кресла.

— Буду выражаться кратко, — продолжалъ Комовъ. — Насколько я могу судить, взгляды наши различны...

— Простите мени,—прервалъ князь:—но я вашихъ взглядовъ не знаю. Мы такъ мало съ вами знакомы; да я думаю, что и вы находитесь относительно меня въ томъ же положеніи...

— Поторяю, я буду говорить кратко,—возразилъ Комовъ.— Вы — представитель великосвѣтскаго общества, я — помѣщикъ средней руки. Ваши взгляды и мои не могутъ быть одинаковы.

— Вы, значитъ, индивидуальность ставите невысоко, — отвѣтилъ князь:—а кастовыя различія имѣютъ для васъ существенное значеніе. Однако, не для пререканій подобнаго рода вы, вѣроятно, ко мнѣ пришли.

— Нѣтъ, пререкаться я съ вами нисколько не намѣренъ, хотя причина моего визита имѣетъ непосредственное отношеніе къ тому, о чемъ я говорю.

— Слушаю васъ съ большимъ вниманіемъ,—отвѣтилъ князь, сохраняя свою нѣсколько небрежную позу.

— Я зашелъ съ вами поговорить о Маринѣ,—какъ-то неестественно торопливо проговорилъ Комовъ.

— Вѣроятно, по собственному почину?—спросилъ князь.

— Да, по собственному почину.

— Что вы мнѣ о ней хотите сказать?

— Мой отвѣтъ покажется вамъ страннымъ, неумѣстнымъ...

— О, пожалуйста, будьте откровенны, — прямодушіемъ вы меня никогда не оскорбите.

— Такъ вы позволяете мнѣ быть съ вами вполнѣ откровеннымъ?—переспросилъ Комовъ.

— Прошу васъ объ этомъ,—отвѣтилъ князь.

— Прекратите ваши отношенія къ Маринѣ,— съ тою же неестественною торопливостью заявилъ Комовъ.

— Что это?—спросилъ князь, и стальной блескъ сверкнулъ въ его глазахъ:—требованіе, предложеніе или просьба?

— Я не могу ни требовать, ни предлагать; я могу только просить.

Князь отдѣлился отъ спинки кресла и взглянулъ Комову прямо въ глаза.

— Чѣмъ объясняется ваша просьба?

— Моею любовью къ Маринѣ, — отвѣтилъ Комовъ, точно подчиняясь какому-то непреодолимому внутреннему порыву.

Князь внимательно посмотрѣлъ на него. Онъ не сомнѣвался въ его искренности.

— Но вѣдь и я, кажется, люблю Марину, — сказалъ онъ.

— Любите ли? Серьезны ли ваши намѣренія?

— Позвольте вамъ отвѣтить контръ-вопросомъ. Серьезны ли ваши намѣренія, — намѣренія женатаго человѣка?

— Ахъ, это не то! — съ мукою въ голосѣ воскликнулъ Комовъ. — Я ее люблю и всегда буду любить, но никогда на ней не женюсь.

— Почему?

— Потому что она никогда не выйдетъ за меня замужъ.

— Ваша любовь отвергнута?

— Она теперь не могла быть отвергнута, потому что я ее не предлагалъ.

— Прошу васъ быть вполнѣ откровеннымъ, — и я съ своей стороны обѣщаю вамъ то же, — мягко проговорилъ князь.

— Извольте, князь. Чтобы понять то, о чемъ я васъ прошу, надо вамъ выяснить мои отношенія къ Маринѣ. Я вамъ говорилъ о ней, — помните, тогда, на Капъ-Ферà. Но я вамъ тогда многаго не досказалъ...

— Помню, помню, вы говорили о ней очень неохотно...

— Да, это было мнѣ тяжело. Я ее въ первый разъ увидѣлъ дѣвочкой-подросткомъ. Все въ ней было непропорціонально, угловато, но глаза смотрѣли проницательно, совсѣмъ не по-дѣтски, и на всякій вопросъ отвѣтъ былъ тотчасъ готовъ, — отвѣтъ по большей части живой, осмысленный, подчасъ остроумный. Меня привело въ домъ ея отца одно дѣло по имѣнію. Дѣло рѣшилось въ мою пользу, но не такъ скоро. Пришлось часто бывать въ министерствѣ и въ домѣ отца Марины. Но когда дѣло кончилось и мнѣ доводилось бывать въ Петербургѣ — случалось это, правда, очень рѣдко, — я непремѣнно заходилъ къ Конарскимъ, и если заходилъ, то ради Марины. Мать ея вы знаете и, конечно, сразу поймете, что она не могла служить приманкою. То же можно сказать и объ отцѣ, типичномъ чиновникѣ, помышлявшемъ исключительно о томъ, какъ бы нажить состояніе, и

пускавшемся для этого даже въ аферы. Но онъ былъ слишкомъ бездаренъ, чтобъ имѣть успѣхъ. И вотъ въ такомъ-то домѣ выросла Марина. Это почти походитъ на чудо, и это чудо меня заинтересовало. Я началъ питать нѣжность къ этой дѣвочкѣ-подростку, и мнѣ страстно хотѣлось, чтобъ она не погибла. Наступило время тяжелаго испытанія: отецъ умеръ, средства семьи были ничтожны, а изъ Марины вышла красавица. Ухаживателей было много: сперва бѣднота, потомъ и люди обезпеченные. Я даже серьезно началъ опасаться за Марину, тѣмъ болѣе, что семья, повидимому, перестала нуждаться и вела открытый домъ. Марина сводила мужчинъ съ ума и обращалась съ ними такъ вольно, что мнѣ на умъ приходили самыя невыгодныя для нея предположенія. Но чѣмъ больше я къ ней присматривался, тѣмъ больше убѣждался внутренно, что мои опасенія неосновательны. Грязь къ ней не приставала. Это было тоже своего рода чудо, которое заставляло меня съ интересомъ слѣдить за ея жизнью. Но, конечно, тутъ примѣшивалось и другое чувство: я уже тогда полюбилъ ее.

— Вы ей тогда сдѣлали предложеніе?

— Не сразу. Меня что-то удерживало, — именно вольность ея обращенія съ мужчинами. Она и со мною обращалась такъ вольно, что мысль о женитьбѣ — мною инстинктивно отклонялась. Но постепенно я убѣдился, что она — дѣвушка нравственная. Я, наконецъ, сдѣлалъ ей предложеніе и... получилъ отказъ.

— Она васъ не любила, — замѣтилъ князь.

— Она никого не любила, — отвѣтилъ Комовъ. — Я простился съ нею навсегда. Ей было тогда восемнадцать лѣтъ. Ахъ, какъ она была тогда уже хороша, и одинъ Богъ знаетъ, сколько я выстрадалъ. Потомъ я слышалъ, что она вышла за очень симпатичнаго и богатаго человѣка. Я самъ встрѣтилъ дѣвушку во всѣхъ отношеніяхъ достойную и женился на ней. Бракъ мой счастливъ. И теперь снова эта страсть...

Комовъ своимъ тучнымъ тѣломъ какъ бы совсѣмъ ушелъ въ кресло и прикрылъ рукою лицо.

Молчаніе, не прерываемое княземъ, длилось довольно долго.

— Иванъ Петровичъ, такъ что же вы собственно хотите отъ меня? — спросилъ, наконецъ, князь.

— Неужели вы не поняли, князь? — отвѣтилъ Комовъ, отнимая руку отъ лица. Маленькіе его глаза выражали страданіе.

— Чтобы я отказался отъ Марины?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Только вотъ о чемъ я хотѣлъ васъ просить. Марина полюбила васъ перваго. Мнѣ стоитъ взглянуть на

нее, когда она съ вами, и я ясно вижу, что она васъ любитъ. А такая женщина, если она разъ полюбитъ, пойдетъ на все. Не губите ее. Я много изъ-за нея страдалъ и страдаю—не прибавляйте новаго страданія. Меня терзаетъ мысль, что она, устоявъ противъ ряда искушеній, теперь все-таки можетъ пасть...

Князь протянулъ Комову руку.

— Мои намѣренія чисты,— произнесъ онъ твердо.— Даю вамъ слово, что Марина никогда моею любовницею не будетъ...

— Вы на ней женитесь?—спросилъ еще Комовъ.

— На этотъ вопросъ я вамъ сегодня отвѣтить не могу.

Они разстались менѣе враждебно, чѣмъ встрѣтились.

XVIII.

Когда князь остался одинъ, сомнѣнія снова овладѣли имъ. Комовъ—по природѣ, очевидно, честный человѣкъ—ребромъ поставилъ вопросъ, который терзалъ князя уже столько времени. Они оба любили Марину, но Комовъ, казалось, не задумался бы ни на минуту жениться на ней, еслибы она его полюбила; онъ же никакъ не можетъ рѣшиться и откладываетъ вопросъ до безконечности.

И опять онъ вспомнилъ слова Левецкой: „Человѣкъ всегда и во всемъ долженъ видѣть ясно“. Эта, на видъ недалекая, дѣвушка сказала ему слово, котораго онъ забыть не можетъ.

Вспомнивъ о Левецкой, онъ позвонилъ и велѣлъ подать фіакръ.

Таня встрѣтила его съ повеселѣвшимъ лицомъ. Брату было опять лучше.

Больной полулежалъ, окруженный подушками, въ своемъ большомъ креслѣ, на обычномъ мѣстѣ. Онъ слабымъ движеніемъ протянулъ князю руку.

— Благодарю васъ,— проговорилъ онъ.— Послѣ посѣщенія профессора мнѣ стало лучше, да и море сегодня такое спокойное. Посидите съ нами. Побесѣдуйте съ Танею, а я буду васъ слушать: мнѣ самому трудно говорить.

Таня пригласила князя сѣсть, а сама заняла обычное мѣсто и тотчасъ же принялась за свое вязанье.

— Какой у васъ отсюда чудный видъ на море!—заговорилъ князь, чтобы сказать что-нибудь.

— Да,— отвѣтила Таня:— я нарочно выбрала эту виллу. Гриша такъ любитъ море; оно его успокаиваетъ.

— Говорятъ, однако,—возразилъ князь,— что нервныхъ больныхъ море иногда раздражаетъ.

Гриша отрицательно покачалъ головой.

— О, нѣтъ,—замѣтила Таня:—брата оно никогда не раздражаетъ... Да и я полюбила море, хотя вижу его въ первый разъ, если не считать Финскаго залива.

— Вы постоянно живете у себя, въ имѣніи? — полюбопытствовалъ князь.

— Да,—отвѣтила Таня.—Только по случаю болѣзни брата пришлось жить въ Петербургѣ, а теперь—въ Ниццѣ. Прежде только братъ жилъ въ Петербургѣ,—онъ вѣдь студентъ.

— На какомъ вы факультетѣ, Григорій...

— Григорьевичъ,—шепнула, улыбаясь, Таня, замѣтивъ, что князь запнулся. И потомъ пояснила громко:—Онъ—на юридическомъ, и теперь кончалъ бы курсъ, еслибы не болѣзнь. Но онъ наверстаетъ,—онъ у меня такой способный.

— Да и лекцій все время не было,—прибавилъ князь.

— Для насъ это хорошо, пока Гриша не поправится... Что, милый?—обратилась она, вставъ, къ брату, замѣтивъ, что онъ хочетъ что-то спросить.

— Писемъ не было?

— Не было: Марѝ сейчасъ бы подала.

Таня снова усѣлась на своемъ мѣстѣ.

— Онъ все безпокоится,—пояснила она князю:—боится, что аграрные безпорядки коснутся нашего имѣнія. Я ему говорю, что этого не можетъ быть, но онъ мнѣ не вѣритъ. Онъ вѣдь не знаетъ нашихъ крестьянъ такъ, какъ я ихъ знаю.

— Да, что ни говорите, Татьяна Григорьевна, — замѣтилъ князь: — а я очень радъ, что раздѣлался съ своими имѣніями. Оно спокойнѣе.

Таня удивленно взглянула на князя.

— Гдѣ же были ваши имѣнія?—спросила она.

— Въ разныхъ мѣстахъ. Жалѣю я болѣе всего имѣніе въ лифляндской губерніи: тамъ было гнѣздышко моей покойной матери. Но я и его продалъ. И хорошо сдѣлалъ. Вы, конечно, читали объ ужасахъ, которые тамъ творятся.

— Такъ вы всѣ свои имѣнія продали и даже любимое имѣніе вашей покойной матери?—переспросила Таня, пытливо глядя на князя.—Вы родились не въ этомъ имѣніи?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ князь:—я родился въ Петербургѣ. Мой покойный отецъ тамъ постоянно служилъ: вы слышали, конечно,— онъ былъ при дворѣ...

— Скажите, князь,—продолжала допрашивать Таня:—и вы въ вашихъ имѣніяхъ никогда не жили?

— Нѣтъ, Татьяна Григорьевна,—отвѣтилъ князь съ простотою, которая его самого удивляла, потому что онъ вообще не любилъ говорить о себѣ: — я родился въ Петербургѣ, воспитывался въ лицеѣ, а потомъ сразу поступилъ на дипломатическую службу и жилъ въ разныхъ европейскихъ городахъ.

— Вы развѣ теперь не служите?—спросила Таня.

— Нѣтъ, вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ я вышелъ въ отставку и живу то на Лаго-Маджіоре, то въ разныхъ курортахъ.

— И васъ нисколько не тянетъ въ Россію?

— Нѣтъ, Татьяна Григорьевна. Что тамъ хорошаго?

— Можетъ быть, и мало хорошаго, но еслибы мнѣ пришлось навсегда разстаться съ Россіею, я бы этого не перенесла.

И лицо Тани сдѣлалось очень печальнымъ.

— Почему же вы такъ любите Россію?—спросилъ князь.

— Почему?—переспросила Таня. — Какъ бы вамъ сказать? Я съ отцомъ много занималась ботаникою. Такъ вотъ: есть ягода,—поленика. Она растетъ на опушкѣ лѣса, на сѣверѣ. Ученые садоводы всячески старались ее искусственно культивировать, выбирали для нея самыя подходящія мѣста. Но она либо хирѣла, либо не давала плодовъ, либо утрачивала свой ароматъ, по большей части погибала. Вѣроятно, я—такая ягода.

— Вы этою любовью любите всю Россію?

— Нѣтъ, князь, только то мѣсто, гдѣ я родилась. Тамъ мое „все“, за исключеніемъ брата, который, какъ только поправится, тоже будетъ стремиться туда, потому что онъ одной со мною породы,—прибавила она, глядя на брата, и въ ея глазахъ свѣтилось столько любви, что князь вдругъ почувствовалъ себя какъ бы брошеннымъ, одинокимъ.

Таня, должно быть, замѣтила это, потому что спросила:

— Ваша мать давно умерла, князь?

— Нѣтъ, не такъ давно, но мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ прошла цѣлая вѣчность: при ней время проходило скорѣе.

Таня очень внимательно взглянула на князя и, какъ бы подводя итогъ вынесенному ею впечатлѣнію, сказала:

— Вы любили вашу мать, какъ я—своего отца. Я всѣмъ обязана ему. Только нехорошо, князь,—прибавила она,—что вы продали ваши имѣнія.

— Почему?—спросилъ князь, не понимая Таниной логики.

— Потому что если вы такъ могли любить вашу мать, то

и въ васъ есть немного свойства... поленики. Это если не теперь, то со временемъ скажется.

— Вы думаете, Татьяна Григорьевна? — промолвилъ князь, глядя вмѣстѣ съ Гришею на разстилавшееся передъ окномъ лазурное море.

Въ комнатѣ водворилось молчаніе, но оно никого не тяготило.

Вошла Марѣ и подала Танѣ письмо. Взглянувъ на адресъ, она вся просіяла.

— Это отъ Прохора, Гриша!—воскликнула она.

— Ну, слава Богу!—промолвилъ братъ.—Что же онъ пишетъ?

Князь, самъ не зная почему, также заинтересовался тѣмъ, что пишетъ невѣдомый ему Прохоръ.

— Это—нашъ управляющій, которому мы довѣрили все имѣніе, когда уѣзжали,—пояснила Таня князю.—Онъ—замѣчательный хозяинъ, и на него можно положиться, какъ на каменную гору. Онъ воспитанъ моимъ отцомъ,—прибавила она съ гордостью.—Посмотрите, какъ онъ смѣшно выводитъ на адресѣ незнакомыя ему французскія буквы.

И Таня протянула князю конвертъ. Сама же она быстро пробѣжала письмо.

— Все благополучно, Гриша. Ты видишь, что совсѣмъ напрасно безпокоишься,—обратилась она къ брату.—Вотъ что онъ пишетъ въ концѣ письма: „Живите, дорогая барышня, спокойно заграницею, пока молодой баринъ не поправится. Правда, въ уѣздѣ пошаливаютъ, но наши крестьяне только въ бороду посмѣиваются: шалите, молъ, а мы свое дѣло знаемъ и нашу барышню никогда не выдадимъ, какъ не выдали бы покойнаго барина. Онъ насъ всѣхъ на ноги поставилъ, и мы за него и за нее—вѣчные молельщики". Гриша, Гриша, ты слышишь? И не грѣхъ ли тебѣ сомнѣваться?

Она подошла къ брату и съ нѣжностью его поцѣловала.

— Да, теперь я вѣрю,—произнесъ онъ медленно:—тебя выдать—это невозможно. На это не хватитъ ни у кого совѣсти.

— Ахъ, — обратилась Таня къ князю, — какъ я рада, что добрая вѣсточка получена при васъ!

Потомъ она взглянула на брата.

— Не усталъ ли ты, однако, Гриша?—спросила она съ нѣкоторымъ безпокойствомъ въ голосѣ.

Князь всталъ, хотя ему не хотѣлось уходить. Чѣмъ-то милымъ, добрымъ, роднымъ вѣяло на него въ этомъ домѣ, чѣмъ-то такимъ, отъ чего онъ давно отвыкъ.

Таня проводила его въ пріемную.

— Скажите,—спросила она его, передъ тѣмъ какъ окончательно проститься:—кто эта дама, съ которою вы вчера гуляли по набережной?

Князь слегка смутился отъ неожиданнаго вопроса.

— Это—нѣкто г-жа Риго. Она—русская. Я съ ней познакомился здѣсь, въ Ниццѣ.

— Какъ она красива!—продолжала Таня съ неподдѣльнымъ восхищеніемъ.—Жаль только, что видъ у нея... какъ бы это сказать... слишкомъ увѣренный. И потомъ, скажите... съ ней ничего не случилось... несчастія какого-нибудь?..

— Почему вы это думаете?—удивился онъ.

— Вы смотрѣли на нее точь-въ-точь какъ тогда на меня... помните, когда мы съ вами бесѣдовали послѣ визита знаменитаго профессора. Тогда у васъ было такое же выраженіе... страданія или состраданія,—не умѣю сказать.

— Нѣтъ, Татьяна Григорьевна, могу васъ увѣрить, что съ нею никакого несчастія не было.

— А съ вами?.. Помните, я васъ тогда просила,—если у васъ будетъ горе, раздѣлить его со мною, какъ вы дѣлите теперь со мною мое тяжелое горе.

— Благодарю васъ, Татьяна Григорьевна,—сказалъ князь и вышелъ.

Таня смотрѣла ему вслѣдъ, въ раздумьи покачивая головой.

XIX.

Выходя отъ Левецкихъ, князь торопливо взглянулъ на часы. Было почти двѣнадцать, они же рѣшили съ Мариной завтракать пораньше, чтобы совершить по знаменитой „Route de la Corniche“ экскурсію на Обсерваторію. Надо было торопиться: князь уже и такъ опоздалъ.

Сборный пунктъ былъ назначенъ въ „Jardin Public“, у памятника. Какъ на зло, не оказалось ни одного фіакра. Свой онъ отпустилъ. Надо было очень торопиться: князь не любилъ опаздывать. Онъ пришелъ на мѣсто свиданія запыхавшись.

Марина, вся въ бѣломъ, сидѣла въ сторонкѣ, скрываясь отъ солнца. Она первая увидѣла князя, но не встала, а, напротивъ, закрывалась зонтикомъ, поворачивая его такъ, чтобы князь не могъ видѣть ея лица. Однако онъ сразу призналъ ее, но все-таки не рѣшался подойти, опасаясь ошибки. Она забавлялась его неловкимъ положеніемъ. Онъ прошелъ мимо, повернулъ

назадъ, и тутъ только она сжалилась надъ нимъ, приподняла зонтикъ и лукаво глядѣла на него снизу вверхъ.

— Дорогой! — сказала она чуть слышно, когда онъ усѣлся возлѣ нея, не протягивая ему руки и привѣтствуя его только глазами. Потомъ она вдругъ перемѣнила тонъ, замѣтивъ, что князь раскраснѣлся и усиленно дышитъ.

— Что вы такъ запыхались, князь?

— Да было у меня маленькое дѣло—опоздалъ.

— Какое дѣло?.. Не секретъ?

— Развѣ я вамъ не говорилъ? Встрѣтилъ тутъ, на набережной, полузнакомую барышню, у которой братъ умираетъ. Предложилъ ей врача, котораго я знаю. Она согласилась. Онъ былъ. Сегодня я зашелъ, чтобы провѣдать.

— Что же сказалъ врачъ?

— Сказалъ, что спасенія нѣтъ. Бѣдная Таня! Для нея это—ужасный ударъ.

И по лицу князя пробѣжала тѣнь.

— Какое у васъ доброе сердце, князь! Даже полузнакомая барышня вызываетъ въ васъ такое состраданіе, что вы ее называете уменьшительнымъ именемъ. Или вы ее уже знавали ребенкомъ?

Князь не сразу отвѣтилъ.

— Марина, вы ревнивы?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, князь, я не ревнива. Но факты остаются фактами,—отвѣтила она, улыбаясь.

— Да, да, Марина; факты фактами, но одни мы замѣчаемъ, другихъ не замѣчаемъ: все зависитъ отъ нашего настроенія. Идемъ?—спросилъ онъ, вставая.

— Не лучше ли еще отдохнуть? Вы оправились отъ вашего бѣшенаго бѣга?

— Перестаньте, Марина! Бѣга никакого не было, и я готовъ хоть сейчасъ взобраться на Обсерваторію пѣшкомъ.

— Не позавтракавъ?

— Да, могу и безъ завтрака, но только съ вами.

— Вы меня хотите съѣсть? Развѣ вы людоѣдъ? Нѣтъ, вы не людоѣдъ, но, кажется, — вздохнула она: — вы—сердцеѣдъ. Однако, я шутить устала. Мнѣ хочется ѣсть.

И она широко раскрыла свои темные глаза, стискивая зубы и поматывая головой, точно у нея, дѣйствительно, былъ волчій аппетитъ.

Они позавтракали на скорую руку. Они оба чувствовали, что предстоитъ объясненіе, что намѣренія князя должны же, наконецъ,

нецъ, выясниться. Марина ждала этого момента съ тревожнымъ любопытствомъ, князь—съ нерѣшительностью, приводившею его въ смущеніе. Вагончикъ ихъ счастья, въ которомъ они усѣлись, катился по наклонной площади, и не было тормаза, который могъ бы его остановить. Все, что они говорили, казалось лишь вступленіемъ къ чему-то значительному, важному, и оно вотъ-вотъ должно было наступить помимо ихъ воли, вслѣдствіе какой-нибудь случайности.

Они встали изъ-за стола съ облегченіемъ. Имъ теперь казалось, что поѣздка на Обсерваторію все рѣшитъ. Но когда они сѣли въ экипажъ и медленно поднимались по живописной дорогѣ, чувство стѣсненности опять овладѣло ими. Князь сравнивалъ эту дорогу съ другими живописными дорогами. Марина слушала его невнимательно, иногда улыбалась ему безъ всякаго видимаго повода, на что князь отвѣчалъ такою же улыбкою. Разъ она положила свою руку на его руку и долго сохраняла ее въ этомъ положеніи. Но все это было не то, что требовалось. Сущность заключалась въ томъ нерѣшительномъ взглядѣ, который князь украдкой бросалъ на Марину и который она ловила, дѣлая видъ, что его не замѣчаетъ.

Передъ самою Обсерваторіею Марина начала разсказывать князю, въ первый разъ со времени ихъ знакомства, подробности изъ своей прошлой жизни, отдѣльные эпизоды, встрѣчи, забавные инциденты. Но все это выходило незанимательно, скучно, вяло. Князь не узнавалъ живого ума Марины и спрашивалъ себя, — зачѣмъ она разсказываетъ это. Но выводъ былъ подсказанъ самой Мариною: она вѣчно была одинока.

Князь пропустилъ этотъ выводъ мимо ушей. Онъ молчалъ, потому что говорить значило—слишкомъ много сказать.

Они подъѣхали къ сторожкѣ. Дальше надо было идти пѣшкомъ. Несмотря на точныя указанія сторожа, которыя они, впрочемъ, занятые своими мыслями, прослушали невнимательно, они сбились съ настоящей дороги и довольно долго блуждали. Ихъ поглощалъ вопросъ,—какъ выбраться къ Обсерваторіи, — и они оба были этому очень рады.

Наконецъ, они подошли къ цѣли. Начались совѣщанія, — осматривать ли Обсерваторію? Что она можетъ представлять интереснаго днемъ? Таково было мнѣніе Марины. Князь же указывалъ, что здѣсь—величайшій въ Европѣ рефракторъ.

— Рефракторъ, въ который мы все равно ничего не увидимъ, — возражала Марина. — А посмотрите, князь, какъ здѣсь хорошо!

Видъ со скамейки, на которой они сидѣли, былъ, дѣйствительно, великолѣпенъ. Вдали—безконечное голубое море, у ихъ ногъ—Ницца, подернутая дымкою, съ проступавшими, чѣмъ выше, тѣмъ яснѣе, бѣлыми зданіями съ красными черепичными крышами, надъ нею—возвышавшіяся со всѣхъ сторонъ амфитеатромъ горы съ ихъ мягкими, почти воздушными очертаніями, темнозеленыя у города, сѣровато-желтыя и даже бѣлыя тамъ, гдѣ онѣ приближались къ лазурному небу. Все это застыло въ сказочной неподвижности, все это тонуло въ тишинѣ, которая побѣдила и охватила и суетливую Ниццу, и море, и дремавшія горы, и возвышавшіяся тутъ же деревья, и притаившихся въ нихъ птицъ. Безмолвіе было такое глубокое, что, казалось, малѣйшій звукъ или даже шорохъ прозвучитъ какимъ-то рѣзкимъ диссонансомъ. Застылъ въ этой тишинѣ и князь. Она проникла во все его существо: не хотѣлось говорить, не хотѣлось спрашивать, не хотѣлось даже думать,—хотѣлось только воспринимать эту тишину, дышать ею, наполнить ею душу, суетящуюся, терзаемую страстью тамъ, внизу, гдѣ живутъ люди, и гдѣ этой тишины быть не можетъ, потому что она дается только тѣмъ, кто высоко стоитъ надъ людьми, кто стоитъ ближе къ небу.

— Не правда ли, здѣсь хорошо?—повторила Марина, и ея голосъ прозвучалъ рѣзко, такъ, что князь вздрогнулъ.

— Не правда ли, здѣсь хорошо, такъ хорошо, что вы даже забыли обо мнѣ?—повторила Марина еще разъ.

— Простите, я такъ залюбовался видомъ.

— А я любовалась вами. Такъ вы и поэтъ, князь?

— Люблю природу.

— А женщина вамъ не мѣшаетъ, когда вы увлекаетесь природою?

— Вы все шутите, Марина...

— Да, мнѣ опять весело.

— Развѣ вамъ было грустно?

— Да, въ экипажѣ, когда я вамъ разсказывала о своей жизни. Я сочувствія не встрѣтила. Природѣ вы больше сочувствуете.

— Марина, какъ вамъ не стыдно?

Онъ взялъ ея руку и привлекъ ее къ себѣ. Она покорно подчинилась, глядя ему серьезно въ глаза.

Такъ они сидѣли молча, а тишина вокругъ росла и росла.

Взоръ Марины затуманился. Она безсильно склонилась къ нему на грудь. Князь думалъ: „Она одинока, одинокъ и я. Что намъ мѣшаетъ слить наши жизни, какъ мы сливаемся теперь съ природою, забывая о себѣ, обо всемъ?“

Онъ не успѣлъ додумать этой мысли, какъ чары тишины были нарушены. Назойливый вопросъ, суета жизни, ворвались въ нее, и уже казалось, что въ ней все ожило.

Марина выпрямилась, заглянула ему въ глаза прежнимъ серьезнымъ взглядомъ и подставила ему губы для поцѣлуя. Онъ принялъ этотъ поцѣлуй, и на мигъ ему опять показалось, что тишина овладѣла всѣмъ.

Но Марина снова нарушила очарованіе. Она высвободилась изъ его объятій и стояла передъ нимъ съ опущеннымъ взоромъ, стыдливая, трепетная.

— Пора домой,—произнесла она чуть слышно.

— Пора,—подтвердилъ князь такъ же тихо.

И, стараясь ступать по возможности неслышно, не говоря ни слова, точно воры, боявшіеся преслѣдованія, они спустились съ горы.

Рѣшено было прямо проѣхать въ Больё.

Сидя въ колескѣ, князь все еще предавался упоенію тишины, заглянувшей въ его душу. Онъ чувствовалъ себя такъ же, какъ тогда, когда онъ ѣхалъ съ Мариной ночью, и она улыбалась ему при свѣтѣ фонарей. Онъ и теперь по временамъ бралъ ея руку, и она сильнымъ пожатіемъ отвѣчала на его ласку. Можно было подумать, что между ними безъ словъ было все рѣшено. Солнце обдавало и ихъ, и все вокругъ мягкимъ свѣтомъ. Природа, развертывая передъ ними всю свою красоту, нѣжила и успокаивала ихъ. Было въ ней что-то мечтательное. Высокіе, развѣсистые кедры встрѣчали ихъ торжественно; попадавшіеся на ихъ пути дома и домики смотрѣли на нихъ задумчиво; прохожіе мило имъ улыбались, любуясь красотою Марины. Все какъ будто было настроено празднично, когда протяжный вечерній звонъ призываетъ къ умиротворяющей молитвѣ. И въ тонъ этому настроенію Марина спрашивала:

— Тебѣ хорошо, милый?

Онъ, улыбаясь кроткою улыбкою, въ отвѣтъ ловилъ ея руку и тихо пожималъ ее.

Такъ они доѣхали почти до Больё.

Тутъ князь какъ бы очнулся отъ сладкаго сна и торопливо проговорилъ:

— Марина, вы доѣдете однѣ, а я пѣшкомъ дойду.

— Отчего, милый?—шепнула она.

— Такъ лучше,—отвѣтилъ онъ.

— Хорошо,—согласилась она.—Но вѣдь это лишнее.

Онъ все-таки приказалъ кучеру остановиться и вышелъ изъ коляски. Она закивала ему головой, точно родному.

Когда князь вошелъ позже на террасу, все общество было въ сборѣ, какъ тогда, въ день первой встрѣчи его съ Мариной. Мароковъ привѣтствовалъ его шумно, Марина поздоровалась съ нимъ, какъ будто они сегодня еще не видѣлись, мать взглянула на него съ нескрываемымъ любопытствомъ, только Комовъ смотрѣлъ какъ-то подозрительно.

— Прямо изъ Ниццы? — спросилъ Мароковъ.

— Да, почти, — отвѣтилъ князь.

— Публики убываетъ? — спросилъ еще Мароковъ, принимая поданный ему супъ.

— Понемногу.

— Пора въ Швейцарію, на Женевское озеро. Жарко становится, и другъ-пріятель что-то пріунылъ.

— Не могутъ же всѣ быть вѣчно веселыми, — огрызнулся Комовъ.

— Вотъ и врешь, милый человѣкъ, — замѣтилъ Мароковъ: — я никогда не бываю веселъ, но я всегда доволенъ, потому что въ унынiи не нахожу никакой прелести. А что правда, то правда. Пора разъѣзжаться, если даже наша королева пріуныла.

Комовъ взглянулъ на Марину.

— Въ самомъ дѣлѣ, королева, — продолжалъ Мароковъ: — что это вы обижаете князя и до сихъ поръ не сказали ему ни одного слова? Вѣдь онъ у насъ, въ Больё, нѣкоторымъ образомъ гость.

— Я думаю, что мы всѣ здѣсь нѣкоторымъ образомъ гости, — отвѣтила Марина, улыбаясь.

— Ну, только не князь, — протянулъ Мароковъ. — Нашъ домъ — Россія, а гдѣ его домъ — одному Богу извѣстно.

— Господа, — возразилъ князь: — я избралъ благую часть. Жить въ вашемъ „домѣ“ не особенно пріятно.

— А что, есть что-нибудь новенькаго? — полюбопытствовалъ Мароковъ.

— Нѣтъ, ничего не знаю, да и знать не хочу. Узнать — это растравить незаживающую рану.

— Ой, господа! — взмолилась Марина: — только не о политикѣ. Что вамъ за охота въ моемъ обществѣ возбуждать вопросы, въ которыхъ я ничего не смыслю!

— Скромность украшаетъ нѣмецкаго юношу и хорошенькую женщину, къ какой національности она бы ни принадлежала, — сентенціозно протянулъ Мароковъ. — Будто бы вы въ политикѣ ничего не понимаете, королева? Всѣ вѣдь теперь о политикѣ разсуждаютъ.

— Позвольте, позвольте, генералъ,—воскликнула Марина:—кто вамъ разрѣшаетъ оскорблять женщинъ? Я за нихъ заступаюсь. Зачѣмъ ихъ ставить на одну доску съ пренебрежительнымъ: „всѣ“? Съ какихъ это поръ вы стали такъ относиться къ женщинамъ? Или васъ постигли какія-нибудь разочарованія, и въ васъ говоритъ месть?

— Королева, королева, и вы спрашиваете? Кто же мнѣ навесъ почти смертельный ударъ, какъ не вы?

При этомъ генералъ съ большимъ аппетитомъ прожевывалъ кусокъ сочной пулярдки.

— Нѣтъ, шутки въ сторону,—замѣтилъ князь:—если я бѣжалъ изъ Россіи, то именно потому, что тамъ всѣ занимаются политикой. Кажется, даже военные...

— Спасибо, князь, — весело поблагодарила его Марина: — вы чудесно отомстили генералу за его пренебрежительное отношеніе къ женщинамъ.

— Да, военнымъ политикой заниматься не слѣдуетъ,—подтвердилъ, улыбаясь, князь.

— Чтобы они могли служить вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ реакціи,—вмѣшался Комовъ язвительно.

— Чтобы они могли служить вѣрнымъ орудіемъ порядка, въ чьихъ бы рукахъ власть ни находилась,—возразилъ князь.

— Ну, ужъ простите, князь, — рѣшительно заявилъ Мароковъ:—если власть будетъ находиться въ рукахъ нынѣшнихъ господъ, то я лично порядокъ поддерживать не намѣренъ.

— Это только доказываетъ, что вы въ душѣ больше политикъ, чѣмъ военный, — мягко возразилъ князь. — Задача арміи поддерживать народную волю, и если народъ выскажется за господъ „кадетскихъ“ представителей...

— Да этого никогда не будетъ,—рѣшительно заявилъ Мароковъ.

— Почемъ знать, Егорушка,—иронически ввернулъ Комовъ.

— Почемъ знать, Егоръ Герасимовичъ,—подтвердилъ князь. —И въ предвидѣніи подобной возможности я и предпочелъ ликвидировать свои дѣла въ Россіи.

— Это не мирится съ чувствомъ патріотизма, — замѣтилъ Комовъ.

— А мирится ли съ чувствомъ патріотизма аплодировать японцамъ, когда они бьютъ русскихъ, и ставить на карту всю будущность страны изъ-за ненависти къ правительству? — спросилъ князь.—Я—не человѣкъ дѣла; я—простой наблюдатель, и поэтому не несу нравственной обязанности принимать непосредственное участіе въ разыгравшейся борьбѣ.

Споръ обострялся, и увѣщанія Марины, приглашавшей общество обратиться къ темамъ, ей болѣе доступнымъ, оставались тщетными. Она прибѣгла къ рѣшительному средству.

— Господа, здѣсь, на террасѣ становится свѣжо: кто хочетъ со мною пить кофе въ комнатѣ?—спросила она.

Пожелали всѣ.

XX.

Хотя князь и отрекся отъ Россіи, но онъ утромъ всегда внимательно читалъ газеты.

На другой день послѣ прогулки на Обсерваторію, онъ развернулъ листъ мѣстной газеты, чтобы просмотрѣть свѣжія телеграммы, но вдругъ ему бросилась въ глаза замѣтка съ знакомою фамиліею. Въ ней сообщалось, что вчера въ девять часовъ вечера скончался „симпатичный членъ здѣшней русской колоніи, Mr. Grégoire de Levetzky, юноша, подававшій блестящія надежды и горько оплакиваемый своею сестрою, M-lle Tatiane de Levetzky, которой мы спѣшимъ выразить наше искреннее соболѣзнованіе".

„Уже!"—подумалъ князь. Почему-то ему казалось, что смерть эта наступитъ еще не такъ скоро.

Онъ тотчасъ же рѣшилъ съѣздить къ Левецкимъ, чтобы выразить Танѣ сочувствіе и предложить ей свои услуги въ виду предстоявшихъ хлопотъ. „У нея вѣдь здѣсь никого нѣтъ",—вспомнилъ князь.

Въ большой комнатѣ, гдѣ Гриша любилъ смотрѣть съ своего кресла на море, онъ теперь лежалъ въ гробу, окруженный цвѣтами. Шла панихида. Кромѣ духовенства, пѣвчихъ, Франсуа и Марѝ, никого не было. Таня стояла посреди комнаты, стройная, прямая. Ея лица не было видно. Князь занялъ мѣсто въ сторонкѣ. Пахло ладаномъ. Свѣтъ врывался въ комнату цѣлыми снопами, такъ что Гришино лицо ясно просвѣчивало сквозь кисею, которою оно было прикрыто. Священникъ служилъ истово, читалъ надгробную поэму Іоанна Дамаскина съ искреннимъ чувствомъ: должно быть, ему было жаль юношу, лежавшаго передъ нимъ въ гробу. Пѣвчіе, мужчины и женщины, произносили слова съ французскимъ акцентомъ, но пѣли прекрасно. Князь вспомнилъ, что онъ давно не былъ на богослуженіи, даже не молился, и онъ внутренно притихъ, подчиняясь настроенію молившихся. Онъ невольно подражалъ Танѣ, крестился, точно такъ же, какъ она, склонялъ медленно голову, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, и опускался на колѣни, набожно, какъ и

она. Онъ дѣлалъ это безотчетно: ему хотѣлось просто въ этотъ горестный часъ ея жизни соединиться съ нею въ одномъ чувствѣ.

Панихида кончилась. Всѣ стали расходиться. Таня подошла къ священнику подъ благословеніе и долго съ нимъ о чемъ-то говорила. На князя она не взглянула, точно не замѣчая его присутствія. Но онъ наблюдалъ за нею. То, чего онъ опасался, не случилось. Лицо у нея было спокойно, только брови еще болѣе сдвинулись и придавали ему выраженіе какой-то суровой рѣшимости. Глаза смотрѣли опредѣленно, ясно. Въ эту страшную для нея ночь она какъ будто возмужала.

Когда всѣ ушли, Таня направилась прямо къ князю, и онъ замѣтилъ, что лицо ея нѣсколько смягчилось; въ глазахъ блеснуло что-то доброе.

— Я васъ ожидала,—сказала она, подавала ему руку, точно она его увѣдомила о случившемся.—Пойдемте взглянуть на Гришу.

Они приблизились къ гробу. Таня бережно отстранила кисею. Гриша лежалъ въ гробу какъ мраморное изваяніе.

— Вы видите, князь: онъ нисколько не измѣнился. Перемѣна произошла гораздо раньше.

Она умолкла и смотрѣла на брата долгимъ взглядомъ. Должно быть, безконечный рядъ печальныхъ мыслей овладѣлъ ею, потому что она о князѣ забыла.

— Милый!—прошептала она съ тоскою въ голосѣ, опустилась на колѣни, чтобы быть ближе къ его лицу, припала къ нему губами и потомъ безсильно поникла головою на его грудь, глядя на князя. Глаза ея какъ бы говорили: „Вы видите, я не могу, не могу“... И горе ея было такъ трогательно, что у князя къ горлу подступила судорога.

Таня пригласила его взглядомъ приблизиться. Онъ подошелъ съ другой стороны гроба и сталъ противъ нея, наклонивъ голову къ покойнику.

— Я его все звала изъ шумнаго Петербурга въ наше деревенское затишье,—говорила Таня какъ бы про себя:—но онъ попалъ въ другую тишину.

Она опять умолкла.

— Сколько надеждъ я на него возлагала!—промолвила она черезъ нѣкоторое время почти шопотомъ.—Я знала, что онъ отрѣшится отъ Петербурга, вернется къ намъ, что онъ приметъ дорогое наслѣдіе отца, будетъ работать со мною рука объ руку, тамъ, гдѣ работники такъ ужасно нужны. И вотъ эти надежды лежатъ въ этомъ гробу, и никакая сила не можетъ ихъ воскресить... Князь, князь, да что же это такое!

Она опять припала лицомъ къ груди покойника. Князь не зналъ, чѣмъ ее утѣшить, чѣмъ ободрить, чувствовалъ только непреодолимую потребность сказать ей доброе слово, но и это слово не навертывалось на уста. Такъ онъ стоялъ, выжидая, чтобы горе Тани немного улеглось.

Она продолжала лежать на груди брата, точно у нея не было другого мѣста на бѣломъ свѣтѣ.

Въ комнату вошелъ Франсуа и сдѣлалъ какой-то знакъ князю.

— Франсуа здѣсь,—шепнулъ князь Танѣ.

Она тотчасъ же встала и снова бережно надвинула кисею на лицо брата.

— Ахъ, это насчетъ перевезенія тѣла, — сказала она по-французски.

— Не могу ли я помочь? — спросилъ князь. — Я человѣкъ свободный, да и приходилось два раза отправлять покойныхъ товарищей изъ Франціи въ Россію.

Таня внимательно взглянула на князя.

Въ его взглядѣ выражалось, должно быть, большое сочувствіе, потому что Таня тотчасъ же согласилась.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо, князь. Франсуа въ вашемъ распоряженіи: онъ мнѣ вѣдь теперь не нуженъ.

Они направились въ пріемную, и князь ушелъ.

Вечеромъ онъ снова заѣхалъ къ Танѣ и обѣдалъ у нея. Она встрѣтила его такъ, какъ будто само собою подразумѣвалось, что онъ пріѣдетъ. Была она молчалива, но князь ея молчаніемъ не тяготился. Въ маленькой столовой было уютно. Несмотря на присутствіе въ домѣ покойника, во всемъ царилъ порядокъ. Таня, сосредоточенная, съ застывшимъ на лицѣ рѣшительнымъ выраженіемъ, вела себя такъ просто и въ то же время дружественно, что князю было по-себѣ. Онъ присматривался къ Танѣ и все не могъ понять, почему въ ея обществѣ, даже когда у нея такое горе, дышится свободно и легко. По осунувшемуся ея лицу, по темнымъ кругамъ подъ глазами, по невольному движенію руки, хватавшейся за сердце, ясно было видно, какъ она страдаетъ, даже еслибы князь не помнилъ того неподвижнаго взгляда, который на набережной такъ напугалъ его. Но тѣмъ не менѣе у нея находилось ласковое слово для князя, ободряющее замѣчаніе для Марѝ, — которая, подавая за столомъ, ходила съ заплаканными глазами,—и внимательное отношеніе къ обязанностямъ хозяйки. Во всемъ этомъ чувствовалась разъ навсегда пріобрѣтенная привычка думать о другихъ, а не о себѣ.

Послѣ обѣда Таня пригласила князя пройти въ пріемную, сама же удалилась въ комнату брата. Она тамъ оставалась долго. „Бесѣдуетъ съ покойникомъ“, подумалъ князь. Онъ сѣлъ у круглаго стола, на которомъ, кромѣ кипсековъ и альбомовъ, онъ увидалъ не замѣченную имъ раньше книгу въ изящномъ переплетѣ. Онъ раскрылъ книгу. Это была: „Анна Каренина“.

Князь удивился. Утромъ этой книги не было. Значитъ, Таня ее читала въ теченіе дня. „Что общаго между Таней и Анной?“ — спросилъ себя князь, и тотчасъ же задумался о Маринѣ. Вотъ Марина и Анна—другое дѣло. Обѣ красавицы, жизнерадостны, сильны какою-то внутреннею всепобѣждающею силою. Образъ Марины стоялъ, какъ живой, передъ нимъ. Онъ закрылъ глаза и любовался имъ. Эти пышные волосы, это цвѣтущее здоровьемъ лицо, эти темные прекрасные глаза, то вспыхивающіе умомъ, то заволакивающіеся нѣжностью, эта стройность стана... Онъ вспомнилъ Марину, какъ она стояла передъ нимъ вчера на Обсерваторіи, послѣ поцѣлуя, и сладкая дрожь пробѣжала по его тѣлу. Отчего же онъ не можетъ рѣшить мучительнаго вопроса? Оба они свободны и любятъ другъ друга, и, конечно, были бы счастливы. Въ чемъ же дѣло, въ чемъ препятствіе? И вдругъ что-то черное, грозное встало между нимъ и Мариною. Это—ея прошлое. „Не могу я его понять,—прошепталъ князь.—Весталка? Что она за весталка!? Хранитъ свое цѣломудріе? Можетъ быть. Жрица богини домашняго очага? Что за вздоръ!“ И опять имъ овладѣла тревога, та мучительная тревога, которую Марина не только не успокоила, а, напротивъ, усилила до степени душевной боли. И душа его металась, изнывала отъ происходившей въ немъ внутренней борьбы.

— О чемъ вы задумались, князь?

Онъ вздрогнулъ. Онъ совершенно забылъ, гдѣ находится, забылъ объ этой милой дѣвушкѣ, вошедшей незамѣтно въ комнату и стоявшей теперь передъ нимъ, глядя на него добрымъ взглядомъ своихъ печальныхъ темно-голубыхъ глазъ.

— А я побесѣдовала съ моимъ покойникомъ,—продолжала Таня, присаживаясь къ князю.—Какъ онъ мирно спитъ, и море его убаюкиваетъ. Тамъ, на родинѣ, ему будетъ недоставать моря,—онъ его такъ любилъ. Но на нашемъ кладбищѣ есть развѣсистыя сосны: онѣ своимъ шумомъ будутъ напоминать ему море.

Таня задумалась, точно она унеслась на милую ей родину. Затѣмъ она взглянула на князя.

— Ну, вотъ теперь у васъ лицо опять спокойнѣе,—сказала она.—А когда я вошла въ комнату, оно было ужасно тревожно.

Князь, милый князь, не сердитесь на меня, но мнѣ очень хотѣлось бы знать... Вы любите ту женщину... ту красавицу, съ которой я васъ видѣла на набережной?

— Кажется, да...

Онъ самъ не зналъ, какъ у него сорвались съ языка эти слова, въ которыхъ все было неожиданно и противорѣчило свѣтскимъ приличіямъ, какъ неожиданъ былъ и вопросъ Тани. Онъ видѣлъ только ея добрый, сострадательный взглядъ, онъ чувствовалъ, что всѣ условности тутъ неумѣстны, что малѣйшая фальшь невозможна, потому что душа говоритъ съ душою.

— Но вы въ этомъ не увѣрены?

— Нѣтъ, не увѣренъ.

— Тревога, которую я такъ часто вижу на вашемъ лицѣ, мучила васъ уже и раньше?

— Да, мучила, хотя и не такъ жестоко.

— Князь, передъ вами лежитъ любимая моя книга...

— Ваша любимая книга? — спросилъ князь машинально, повторяя мысль, пришедшую ему уже раньше въ голову.

— Да, „Анна Каренина“. Я никогда не разстаюсь съ нею. Только, конечно, не Анна меня занимаетъ,—откровенно говоря, я даже не понимаю этой женщины. Меня занимаетъ Левинъ. Дайте мнѣ книгу.

Князь исполнилъ ея желаніе.

Таня раскрыла книгу въ концѣ, перелистала нѣсколько страницъ и начала читать.

„Всю эту весну онъ былъ не свой человѣкъ и пережилъ ужасныя минуты. Счастливый семьянинъ, здоровый человѣкъ, Левинъ былъ нѣсколько разъ такъ близокъ къ самоубійству, что спряталъ шнурокъ, чтобы не повѣситься на немъ, и боялся ходить съ ружьемъ, чтобы не застрѣлиться... Когда Левинъ думалъ о томъ, что онъ такое, и для чего онъ живетъ, онъ не находилъ отвѣта и приходилъ въ отчаяніе; но когда онъ переставалъ спрашивать себя объ этомъ, онъ какъ будто зналъ, и что онъ такое, и для чего живетъ, потому что твердо и опредѣленно дѣйствовалъ и жилъ; даже въ это послѣднее время онъ гораздо тверже и опредѣленнѣе жилъ, чѣмъ прежде“.

— Вы помните эти страницы? — спросила Таня. — Какъ только Левинъ отходитъ отъ своего родного гнѣзда и его заботъ и трудовъ, онъ не находитъ себѣ мѣста, и ужасныя мысли приходятъ ему въ голову. Посмотрите на меня. Вы застали меня въ такое время, когда меня поразило двойное, почти непосильное для меня горе. Но я не прихожу въ отчаяніе. Есть во мнѣ сила,

которая все преодолѣваетъ. А вы? Знаете ли, откуда у васъ эта тревога? Вы мнѣ разсказывали, что продали свои имѣнія, что скитаетесь по Европѣ. Милый князь, у васъ нѣтъ родины, а безъ родины человѣкъ жить не можетъ.

Князь смотрѣлъ на Таню и думалъ: „Она всѣхъ мѣритъ на свой аршинъ“; но въ то же время чувство умиленія проникало въ его душу. Онъ говорилъ себѣ: „Такое у нея горе, а душа ея рвется помогать другимъ. Что за душа, что за золотое сердце!“

И онъ протянулъ руку Танѣ.

— Я пришелъ, чтобы васъ ободрить въ вашемъ большомъ горѣ, а выходитъ такъ, что вы ободряете меня въ моихъ маленькихъ тревогахъ,—сказалъ онъ съ чувствомъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Таня:—ваши тревоги не маленькія. Онѣ могутъ испортить вамъ всю жизнь, если вы не найдете родины.

XXI.

Князь завершалъ на другой день съ какою-то лихорадочною торопливостью приготовленія къ отъѣзду Тани. И только когда онъ все кончилъ и заѣхалъ къ ней, чтобы извѣстить ее о томъ, что на слѣдующій день утромъ она можетъ тронуться въ путь, у него отъ сердца какъ будто отлегло. Онъ засталъ ее такою же сосредоточенною, съ тѣмъ же выраженіемъ рѣшимости на блѣдномъ лицѣ. Они долго спокойно бесѣдовали. Она разсказывала ему о своихъ предположеніяхъ и планахъ, о томъ, что она намѣрена дѣлать въ имѣніи по возвращеніи на родину. Князь былъ очень неопытенъ въ этихъ дѣлахъ и удивлялся знаніямъ Тани, а еще больше—той любви, которою были проникнуты всѣ ея слова. Усадьба и все, что съ нею связано, точно оживали въ представленіи князя. Это было живое существо, для котораго стоило жить и которому легко было приносить всевозможныя жертвы. Чѣмъ-то успокоительнымъ и отраднымъ вѣяло отъ Таниной усадьбы, отъ этого маленькаго хозяйства, затерявшагося въ громадной мало-культурной странѣ съ ея дикими выходками, безконечными убійствами, поджогами, грабежами, погромами, хищничествомъ, всякаго рода неправдою. Князь, который съ „презрѣньемъ отряхнулъ отчизны прахъ съ своихъ одеждъ“, слушалъ съ тайнымъ недовѣріемъ разсказы Тани о прелестяхъ русской деревенской жизни, но въ то же время никогда не испытанное имъ чувство вторгалось въ его душу. Танина „родина“ пробуждала въ немъ тоску по чемъ-то неизвѣданномъ, но ми-

ломъ, дорогомъ,—болѣе дорогомъ, чѣмъ все, что̀ его до сихъ поръ прельщало или соблазняло. Имѣть свой родной уголъ, имѣть близкихъ людей, съ которыми дѣлишь и горе, и радость, для которыхъ работаешь, живешь, съ которыми сливаешься въ общихъ помыслахъ и чувствахъ, — почему эта мысль не пришла ему раньше въ голову? Онъ вспоминалъ свое воспитаніе, всю свою жизнь: они съ этой тоской по родинѣ не имѣли ничего общаго. Но вдругъ онъ вспомнилъ о матери. Развѣ она не описывала ему съ тѣмъ же увлеченіемъ прелести ихъ лифляндскаго имѣнія? И князь взглянулъ совершенно другими глазами на Таню.

— Татьяна Григорьевна,—прервалъ онъ ее, какъ бы пораженный своимъ открытіемъ:—какъ вы похожи на мою покойную мать!

— Лицомъ?—спросила она, и ласка мелькнула въ ея печальныхъ глазахъ. Князь внимательно смотрѣлъ на Таню: онъ припоминалъ.

— Нѣтъ, лицомъ вы на нее не похожи,—отвѣтилъ онъ:—развѣ только въ вашихъ глазахъ, когда они такъ ласково смотрятъ на меня, есть что-то общее съ добрымъ взглядомъ моей матери. Но она съ такимъ же увлеченіемъ разсказывала мнѣ о своемъ лифляндскомъ имѣніи, какъ вы—о своей усадьбѣ.

— Князь, вы любили свою мать и все-таки продали ея родное гнѣздо?!—проговорила Таня.

— Да, можетъ быть, это нехорошо,—отвѣтилъ князь,—но вѣдь я тамъ никогда не жилъ.

— И не полюбопытствовали заглянуть? Если вы когда-нибудь вздумаете заглянуть въ Россію, заѣзжайте къ намъ въ имѣніе, и вы увидите, что ничего не можетъ быть для человѣка дороже родного гнѣзда.

— Татьяна Григорьевна, вы, какъ моя покойная мать, немного увлекаетесь.

— Не знаю, князь. Но я думаю, что ваша покойная мать, какъ и я, любила и охраняла домашній очагъ.

„Весталка“,—подумалъ князь, вспомнилъ о Маринѣ, и что-то кольнуло его въ сердце. Ему показалось, что настоящая жрица Весты—не та красавица, а эта простая дѣвушка, такъ ласково глядящая на него, и своимъ кроткимъ нравомъ, и своею отрѣшенностью отъ собственнаго „я“ осѣняющая его тревожную душу миромъ и тишиной.

— Вы и сегодня пообѣдаете у насъ?—спросила Таня.

— Нѣтъ, сегодня я отозванъ; но завтра, конечно, пріѣду васъ провожать,—отвѣтилъ князь.

— Жаль,—отвѣтила Таня.—Впрочемъ, если вы мнѣ обѣщаете, что вы на весь день сохраните то спокойное выраженіе лица, съ какимъ смотрите теперь на меня, то я охотно поскучаю одна. Итакъ, до завтра.

Князь всталъ.

— До завтра, Татьяна Григорьевна. А тамъ, Богъ дастъ, встрѣтимся опять въ Россіи.

— Вотъ это славно,—отвѣтила Таня:—въ родномъ моемъ гнѣздѣ!

Они простились.

Выйдя отъ Тани, князь шелъ своею увѣренною, спокойною походкою, но не успѣлъ онъ дойти до Жетэ, какъ вдругъ заторопился, почувствовавъ, что ему надо сдѣлать еще какое-то важное дѣло, что ему непремѣнно надо поскорѣе быть дома. Какое это дѣло, онъ самъ не зналъ или, лучше сказать, онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета. Въ немъ происходилъ какой-то безотчетный процессъ мысли, на время задержанный, но именно вслѣдствіе этой задержки возобновившійся съ новою силою.

Только когда онъ сидѣлъ уже у себя въ отелѣ, онъ ясно понялъ, о чемъ ему надо было думать. „Теперь или никогда“,—сказалъ онъ себѣ. И тутъ онъ взглянулъ на часы. Было почти три. Это его успокоило. „Неужели я въ теченіе трехъ часовъ не успѣю все сообразить, взвѣсить и рѣшить?“—подумалъ онъ и началъ соображать, взвѣшивать и рѣшать: слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ жениться на Маринѣ? Извѣстныя величины были: красота и умъ Марины, пожалуй любовь къ ней и та близость, которая установилась между нимъ и Мариной. „Нѣтъ,—говорилъ онъ себѣ,—тутъ есть какая-то погрѣшность. Красота и умъ Марины—величина неизвѣстная. Чего же не хватаетъ, чтобы Марина стала для меня величиною вполнѣ опредѣленною? Я въ сущности не знаю, какая она женщина. Да, не знаю. И что я требую отъ брака,—я тоже не знаю...“

„Можно ли,—спрашивалъ онъ себя далѣе,—продолжать знакомство съ Мариной, не выяснивъ вопроса о томъ, намѣренъ ли я на ней жениться? Нельзя,—отвѣтилъ онъ рѣшительно,—потому что это знакомство зашло уже слишкомъ далеко. Зашло ли оно такъ далеко только по моей винѣ? Нѣтъ, Марина тутъ даже больше виновата, чѣмъ я: она меня пригласила на тайное свиданіе и сдѣлала мнѣ вполнѣ ясные авансы. Но въ такомъ случаѣ я имѣю право порвать съ нею, если не хочу на ней жениться. Право я, конечно, имѣю, но лишь половинчатое, потому что ея авансы все-таки мною приняты. Еслибы я рѣшительно отказался

принять эти авансы, тогда, конечно, все обстояло бы благополучно. Почему же я ихъ принялъ? Потому что Марина мнѣ понравилась, и если я шелъ дальше по этому пути, то потому, что она продолжала мнѣ нравиться. Почему же она мнѣ сдѣлала авансы? Да потому что меня полюбила, и потому что она—человѣкъ болѣе рѣшительный, чѣмъ я. Итакъ, мы другъ друга любимъ, мы люди вполнѣ свободные, денегъ у меня больше, чѣмъ нужно для двоихъ. Не ясно ли, что надо жениться? Но какъ же жениться, когда я не знаю, кто собственно Марина, и чего я отъ брака ожидаю?"... И началась опять сказка про бѣлаго бычка.

„Вотъ что,—рѣшилъ князь:—я въ Монборонъ не поѣду, а пошлю ей записку, что наши свиданія должны прекратиться въ виду невыяснившихся между нами отношеній. Да что я—идіотъ, что ли? Написать такую записку—все равно, что сказать: „я васъ не люблю"; или: „я не знаю, люблю ли васъ". Глупо, просто глупо! Въ лучшемъ случаѣ она можетъ повѣрить моей искренности и сказать: „Ну, если вы меня недостаточно знаете, то постарайтесь познакомиться со мною ближе". И будемъ встрѣчаться... Опять начнется сказка про бѣлаго бычка только въ другомъ направленіи".

Князь взглянулъ на часы. Было уже четыре, а рѣшеніе вопроса нисколько не подвинулось. И имъ опять овладѣла тревога, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вспомнилъ, какъ ему было хорошо у Тани. Тамъ—умиротвореніе, душевное спокойствіе, и на этомъ фонѣ зарождались хорошія чувства: вѣришь во что-то, надѣешься на что-то. Здѣсь—одни сомнѣнія, порывы, душевная неудовлетворенность, вѣчные запросы, остающіеся безъ отвѣта, что-то нездоровое, лихорадочное. И князь вспомнилъ, какъ онъ при первой встрѣчѣ съ Таней сказалъ себѣ: „эту не любишь, но готовъ тотчасъ же ей довѣриться; ту любишь, а никакъ ей довѣриться не можешь".

„Да, но приближаетъ ли все это меня къ рѣшенію вопроса?"—сказалъ себѣ князь, и сталъ приготовляться къ выѣзду. „Чего я захотѣлъ? Любовь, бракъ,—все это лотерея. Тутъ навѣрняка идти нельзя. Взгляну еще разъ на Марину,—и, можетъ быть, сегодня, наконецъ, все выяснится".

У него точно гора съ плечъ свалилась, и теперь онъ уже съ нетерпѣніемъ ожидалъ часа свиданія. Сѣвъ въ экипажъ, онъ заторопилъ кучера, точно опоздалъ. Пріѣхалъ же онъ за три четверти раньше назначеннаго времени. Онъ сталъ заказывать обѣдъ. Но времени оставалось еще не мало. Онъ вышелъ на

террасу, усѣлся тамъ и сталъ смотрѣть на дорогу, по которой Марина должна была пріѣхать или придти. Время тянулось безконечно. Показывались разныя дамы, и всякій разъ сердце у него замирало. „Фу, да я влюбленъ!“—говорилъ онъ себѣ, и это казалось ему нелѣпымъ. Но вдругъ сердце у него совсѣмъ замерло. На этотъ разъ онъ увидѣлъ Марину.

Она шла, прикрываясь зонтикомъ, своею твердою, опредѣленною походкою и держала въ лѣвой рукѣ какую то книгу. По мѣрѣ того, какъ она приближалась, какъ ея станъ въ гладкомъ англійскомъ платьѣ все яснѣе обрисовывался, а черты лица становились явственнѣе, княземъ овладѣвало чувство удивленія. Онъ видѣлъ ее уже часто, но никогда еще не видѣлъ такою красивою. „Да, ея красота можетъ хоть кого съ ума свести“,—повторилъ онъ мысленно, и съ трепетомъ ожидалъ, какъ она приблизится, протянетъ ему руку и улыбнется. Она протянула ему руку раньше, чѣмъ онъ ожидалъ,—ему казалось, что должно было пройти больше времени,—но не улыбнулась. Лицо у нея было задумчивое, серьезное и, можетъ быть, поэтому такое прекрасное. Передъ нимъ стояла новая Марина, такая, какою онъ ее еще не видѣлъ.

— Вы давно уже здѣсь, князь?—спросила она какимъ-то утомленнымъ голосомъ.

— О, нѣтъ, Марина, но успѣлъ уже распорядиться.

— Мы гдѣ обѣдаемъ? Мнѣ бы хотѣлось на воздухѣ. Душно въ Ниццѣ. Пора уѣзжать отсюда. Такъ гдѣ же мы обѣдаемъ?

Рѣшено было обѣдать тутъ же, на террасѣ, и предложеніе исходило отъ Марины.

— Ахъ, какъ я устала!—вздохнула она, усаживаясь.

— Вамъ нездоровится, Марина? — спросилъ князь съ участіемъ.

— Нѣтъ, ничего. Ну, что подѣлываетъ ваша полузнакомая Таня? Все плачетъ?

И, не дождавшись отвѣта, она сказала:

— А я вамъ принесла книгу, очень интересную книгу.

Она протянула князю книгу, которую принесла съ собою.

Это былъ только-что вышедшій французскій романъ совершенно неизвѣстнаго автора.

— Какая же идея проводится въ этомъ романѣ?

— Почитаете — увидите. Одно только вамъ скажу: героиня этого романа не имѣетъ ничего общаго съ добродѣтельными хныкающими или не хныкающими барышнями, съ эмансипированными дѣвушками, дающими себя распропагандировать,—словомъ,

со всею этой обыденщиной, отъ которой человѣкъ готовъ бѣжать на край свѣта, чтобы только вздохнуть свободно.

— Да развѣ добродѣтель такъ обыденна, Марина?

— А вы въ ней отыскали что-нибудь новое?

— Нѣтъ, Марина, я только хочу сказать, что она встрѣчается очень рѣдко.

— Добродѣтель встрѣчается очень рѣдко?! Да помилуйте, князь, все ею такъ наполнено, что дѣваться отъ нея некуда! Добродѣтель индивидуальная, добродѣтель общественная, добродѣтель политическая—объ этомъ говорятъ всѣ. Богъ съ нею, съ добродѣтелью! Нужна не добродѣтель, нужна сила. Я мало читала Ницше; знаю только нѣсколько дюжинъ его афоризмовъ, но каждый изъ нихъ—перлъ. И подумайте только, какая трагическая участь: человѣкъ вѣритъ только въ силу, а основа силы, умъ, начинаетъ ему измѣнять, подтачиваемый душевною болѣзнью. Ахъ, это ужасно!

— И все-таки, Марина, обыденна не добродѣтель, обыденны только разговоры о ней. Сама же она встрѣчается очень рѣдко, а порокъ — такое общераспространенное явленіе, что можно только удивляться тѣмъ романистамъ, которые, описывая его, воображаютъ; что они даютъ что-то новое. Этихъ порочныхъ героинь теперь въ иностранныхъ и въ скроенныхъ по ихъ образцу русскихъ романахъ не оберешься, и новаго въ нихъ развѣ то, что у этихъ противныхъ женщинъ зеленые глаза, какіе-то совершенно небывалые костюмы, и что онѣ называютъ черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ...

— Князь, — возразила Марина утомленнымъ голосомъ: — бросьте добродѣтель и порокъ! Сила не въ нихъ, сила—въ силѣ. Къ тому же, я устала спорить. Я васъ и себя считаю сильными людьми, умѣющими прожить свою жизнь своеобразно. Прочитайте врученный вамъ романъ, и мы вернемся къ этой темѣ. А теперь довольно споровъ. Милый, я устала,—шепнула она и безсильно откинулась на спинку стула.

— Марина, да что съ вами?—испугался князь.

— Ничего, ничего,—отвѣтила она, и глаза ея, устремленные на князя, выражали нѣжность и мольбу:—я сказала, что считаю себя сильной, а въ сущности я, кажется, очень слаба...

Князь былъ встревоженъ: у Марины былъ такой серьезный и печальный видъ, какъ будто она испытывала или предчувствовала большое горе. Князь то-и-дѣло поглядывалъ на нее и добрымъ взглядомъ, а иногда и словомъ старался ее успокоить. Такъ прошелъ обѣдъ. Надвинулись вечернія сумерки, море по-

темнѣло, кое-гдѣ замигали огни, освѣтилась и терраса, и тогда на дворѣ стало еще темнѣе.

Подали шампанское. Но Марина еле дотрогивалась губами до бокала и вскорѣ заторопилась.

— Милый, пойдемъ!—шепнула она.

Они вышли изъ отеля.

— Погуляемъ; это меня освѣжитъ,—сказала она на улицѣ, взяла руку князя и прижалась къ нему.

— Куда же мы пойдемъ? — спросилъ князь, и близость этой женщины въ ея новомъ настроеніи волновала его все сильнѣе.

— Возьмемъ налѣво. Тамъ есть таинственная и густая оливковая роща, а выше, тамъ, хвойныя деревья — цѣлый лѣсъ. Смотри, смотри,—продолжала она, все ближе прижимаясь къ князю:—луна уже свѣтитъ. Скоро она зальетъ своими мягкими лучами всю окрестность, а въ лѣсу будетъ жутко и сладко. Пойдемъ, пойдемъ скорѣе туда!

И она заторопилась.

А по дорогѣ она говорила безъ умолка, лихорадочно:

— Я люблю лунный свѣтъ, потому что онъ обманываетъ, потому что при немъ все кажется инымъ, чѣмъ при будничномъ солнечномъ свѣтѣ,—болѣе таинственнымъ, болѣе прекраснымъ. То, что я тебѣ говорила за обѣдомъ, неправда. Когда я ясно вижу, мнѣ становится страшно за себя. Ясно видѣть—это значитъ быть ко всему готовымъ: въ жизни все—случайность. То, во что мы вѣримъ, на что надѣемся, что намъ дороже всего, можетъ оказаться только призракомъ. О, не будемъ вѣрить, не будемъ надѣяться, не будемъ любить! Одни страданія лишь впереди. О, милый, будемъ счастливы, не думая о завтрашнемъ днѣ! Посмотри, какъ луна освѣтила море, посмотри на эту широкую, колеблющуюся полосу! Какъ она красива! Глазъ не можетъ отъ нея оторваться, а что она такое? Нѣчто неуловимое. Такъ и человѣческое счастіе: сегодня оно есть, завтра отъ него и слѣда не останется...

Князь прислушивался къ рѣчамъ Марины, и ему казалось, что онъ начинаетъ понимать то, что до сихъ поръ отъ него ускользало, что онъ начинаетъ понимать ея душу.

За какимъ-то зданіемъ съ фальшивыми окнами, ярко освѣщеннымъ, какъ и дорога, луной, вела на гору каменная лѣстница. Только нижнія ступеньки ея были видны, сама же лѣстница уходила въ темноту густой рощи.

— Остановимся,—сказала Марина.

Она повернула князя такъ, что лицо его было освѣщено, положила ему руки на плечи и долго смотрѣла ему въ глаза. Князь больше чувствовалъ, чѣмъ видѣлъ устремленный на него взглядъ этой странной женщины. Никого на дорогѣ не было. Вся природа застыла въ лунномъ сіяніи.

Вдругъ Марина сняла руки съ его плечъ и быстро взошла на первыя ступеньки.

— За мной, въ темноту!—сказала она и остановилась.

Князь послѣдовалъ за ней, и какъ только ихъ окутала темнота, онъ почувствовалъ себя въ ея объятіяхъ. Марина осыпала его лицо поцѣлуями. Все это произошло такъ неожиданно, что князь не могъ опомниться. Цѣлуя его, Марина шептала:

— Ты мой, ты навсегда мой! Скажи только одно слово. Ты молчишь? Ну, скажи, скажи...

— Марина,—шепталъ князь въ отвѣтъ, чувствуя, что онъ все-таки не можетъ сказать того слова, котораго требовала Марина.

А она продолжала его страстно цѣловать и, цѣлуя, говорила:

— Счастье ты мое колеблющееся, сіяющая полоса моей жизни, свѣтъ моего одинокаго существованія, мой избавитель, моя вѣра, моя любовь, ну, откликнись, милый, на зовъ моего усталаго сердца...

И снова она его душила въ своихъ объятіяхъ.

— Ты молчишь?

— Марина, дорогая...

— Ты молчишь?

— О, Марина, зачѣмъ вы мучаете и себя, и меня?

— Ты молчишь? — спросила она въ третій разъ, вдругъ умолкла и выскользнула изъ его объятій.

— Подожди немного и закрой глаза, какъ тогда, помнишь, на Жетэ?

Онъ повиновался.

— Прощай, мой Эми!—послышался ея голосъ уже какъ бы издалека.

„Куда она ушла?“—спросилъ себя князь, и тотчасъ быстро сталъ подниматься по ступенькамъ по направленію ея голоса.

— Прощай, мой Эми! — раздалось еще разъ, но уже еле слышно, точно она была уже очень далеко отъ него.

— Марина, куда ты уходишь?—крикнулъ князь съ внутреннею тревогою. Онъ плохо видѣлъ въ темнотѣ. Лѣстница кончилась. Ему показалось, что голосъ Марины раздался въ послѣдній разъ справа. Онъ взглянулъ туда, но ничего не видѣлъ. Онъ

взглянулъ налѣво, и ему показалось, что въ просвѣтѣ скользнула тѣнь. Онъ быстро, насколько позволяла темнота, направился въ ту сторону, но на нѣкоторомъ разстояніи наткнулся на каменную ограду. Онъ хотѣлъ ее обойти, но она тянулась безконечно. Все время онъ звалъ: „Марина, Марина!“ Отвѣта не было. Все стихло, и только его зовъ раздавался тревожно въ темнотѣ.

Онъ началъ соображать, гдѣ онъ находится. Изъ отеля они взяли налѣво, затѣмъ шли нѣкоторое время внизъ къ морю, взяли опять налѣво, на этотъ разъ въ гору, пока не дошли до лѣстницы съ лѣвой стороны дороги, поднялись по этой лѣстницѣ, и онъ взялъ опять налѣво. Значитъ, они описали кругъ, и онъ теперь стоитъ лицомъ къ отелю, который долженъ быть подъ нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. Но ограда мѣшаетъ ему идти дальше. Онъ еще разъ громко крикнулъ: „Марина!“ Опять ни звука въ отвѣтъ. Что было дѣлать? Оставаться здѣсь и ждать? Но, можетъ быть, Марина ушла? Вѣдь она ему два раза крикнула: „прощай!“... Онъ постоялъ довольно долго въ перѣшительности. Потомъ опять позвалъ Марину, но и на этотъ разъ безуспѣшно. Ему пришло въ голову, что она, вѣроятно, мѣстность знаетъ,—иначе не рѣшилась бы разстаться съ нимъ въ этихъ дебрахъ. Онъ началъ искать лѣстницу, по которой они попали сюда. Это ему не безъ нѣкотораго труда удалось. Онъ спустился по лѣстницѣ и снóва попалъ въ яркій лунный свѣтъ. Постоявъ немного на дорогѣ, онъ вдругъ подумалъ, что Марина, навѣрное, въ отелѣ. Онъ быстро направился туда. Но въ отелѣ ея не оказалось. Тамъ вообще было пусто, и только неотпущенный фіакръ терпѣливо его ожидалъ.

— Et madame?—спросилъ его кучеръ.

— Мы растерялись,—отвѣтилъ князь, чувствуя, что его отвѣтъ совершенно неправдоподобенъ.

— Мнѣ показалось, что она прошла тамъ, внизу къ морю. Вѣроятно, взяла трамвай,—замѣтилъ кучеръ.

— Ну, тогда поѣзжайте въ Больё!—приказалъ князь.

— Я не совсѣмъ увѣренъ,—сказалъ еще кучеръ:—но думаю, что не ошибаюсь.

Они тронулись въ путь.

Пріѣхавъ въ отель, князь прошелъ прямо въ ресторанъ, спросилъ себѣ чаю и велѣлъ гарсону освѣдомиться, вернулась ли г-жа Ригò..

Гарсонъ скоро принесъ отвѣтъ, что г-жа Ригò еще не вернулась.

Князь рѣшилъ подождать полчаса и, если Марина къ этому

времени не вернется, снова поѣхать въ Монборонъ и начать серьезные поиски. Но уже черезъ четверть часа доложили ему, что г-жа Ригò вернулась. Князь тотчасъ же потребовалъ бумаги и конвертъ и быстро написалъ: „Удѣлите мнѣ минуту; надо поговорить", и послалъ эту записку Маринѣ. Отвѣтъ получился почти немедленно. Марина писала: „Нездоровится, очень устала. До завтра. Прощай, милый".

Князь вышелъ изъ отеля, сѣлъ въ экипажъ и велѣлъ кучеру ѣхать въ Ниццу, домой.

XXII.

Послѣ тревожно проведенной ночи, князь на другое утро пришелъ къ твердому выводу, что Марина безусловно права. Онъ отрѣшался отъ всѣхъ впечатлѣній прошлаго вечера, отъ формы, въ которую вылился ея протестъ, но по существу протестъ этотъ былъ не только вполнѣ законный, но болѣе того: онъ ограждалъ достоинство ихъ любви. Марина знала, чего она хочетъ, знала ясно, опредѣленно; самъ же онъ этого не зналъ, а между тѣмъ поступалъ такъ, какъ будто знаетъ. Онъ сказалъ вчера Маринѣ: „Зачѣмъ вы себя и меня мучаете?" Но мучителемъ былъ онъ, а не она. Она полюбила и дѣлаетъ ясный выводъ изъ своей любви, а онъ полюбилъ и спрашиваетъ: что же дальше, или, лучше сказать, ничего не спрашиваетъ, а просто не знаетъ, что дѣлать, на что рѣшиться.

Послѣ безсонной ночи онъ всталъ поздно. Былъ уже одиннадцатый часъ, а въ двѣнадцать уѣзжала Таня. Онъ засуетился. Надо было одѣться, напиться кофе, купить Танѣ цвѣтовъ на дорогу, пріѣхать немного раньше, чтобъ встрѣтить ее на вокзалѣ. Онъ собирался выйти изъ дому, когда ему подали письмо безъ почтоваго штемпеля. Онъ быстро вскрылъ конвертъ, узнавъ почеркъ Марины, и прочелъ слѣдующее: „Чувства мои извѣстны. Теперешнія отношенія невозможны. Я уѣзжаю сегодня утромъ въ Каннъ, а оттуда на Женевское озеро, въ Монтрё-Вернэ. Прощай, мой Эми. Неизмѣнно твоя—Марина".

„Это слишкомъ жестоко,—подумалъ князь:—такого наказанія я не заслужилъ, но я все-таки виноватъ. Сегодня же все улажу вечеркомъ, а теперь провожу Таню".

На вокзалѣ Тани еще не было. Онъ прохаживался по пэррону, поджидая ее. Наконецъ, она подъѣхала и встрѣтила его словами:

— А я все-таки думала, что вы вчера зайдете.

Затѣмъ, направляясь съ нимъ къ платформѣ, она сказала:

— На прощанье получила дурныя извѣстія изъ Россіи. Паша серьезно заболѣла. Ахъ, да, вы не знаете!—спохватилась она: — это дочка моего сосѣда - крестьянина, такая славная дѣвчурка. Братъ ее очень любилъ. Неужели она умретъ?

— Да что̀ вы, Татьяна Григорьевна, — успокаивалъ ее князь:—Богъ милостивъ.

— Ахъ, князь, я такъ напугана. Мнѣ кажется, что все, что̀ мнѣ мило и дорого, обречено на гибель. И вы, князь, тоже все въ какой-то тревогѣ.

Сторожъ подалъ князю букетъ, который онъ оставилъ ему на храненіе до пріѣзда Тани. Вручая его, князь сказалъ:

— Эти цвѣты не успѣютъ завянуть, какъ тревога моя кончится.

— Правда?—спросила Таня и очень внимательно посмотрѣла на князя.

— И не успѣютъ завянуть эти цвѣты, какъ вы, Татьяна Григорьевна, обо мнѣ забудете, — прибавилъ князь, какъ бы не разслышавъ вопроса Тани.

— Уляжется ли ваша тревога,—сказала Таня чрезвычайно серьезно,—я не знаю, потому что родины вы еще не нашли; но что я васъ никогда не забуду,—это я знаю, потому что память о васъ связана со смертью Гриши, и потому что вы были очень добры ко мнѣ въ одну изъ самыхъ трудныхъ минутъ моей жизни, а сдѣланнаго мнѣ добра я никогда не забываю. Со смертью брата я стала совсѣмъ одинока, а вы, пока я была въ Ниццѣ, смягчали мое чувство одиночества.

Раздался звонокъ, надо было садиться въ вагонъ. Металлическій гробъ съ тѣломъ Гриши былъ поставленъ въ вагонъ уже съ вечера, и Таня съ княземъ видѣли, какъ его прицѣпили къ поѣзду.

— Таня вошла въ свой вагонъ и заняла мѣсто у окна.

— Прощайте, князь,—сказала она ему.—Спасибо вамъ за все. Сейчасъ поѣздъ тронется, а мнѣ хочется сказать вамъ еще два слова. Это—потребность моей души, и вы, пожалуйста, не сердитесь... Когда мой отецъ вздумалъ жениться, онъ только мелькомъ видѣлъ свою суженую въ Москвѣ. Она, однако, сразу завладѣла его сердцемъ. Но онъ рѣшилъ раньше двухъ мѣсяцевъ не дѣлать предложенія и уѣхалъ къ себѣ въ усадьбу. Милый князь, когда мы находимся въ обществѣ человѣка, мы видимъ его, но далеко не всегда его душу. Въ разлукѣ намъ эта душа лучше раскрывается. Отецъ мой былъ счастливъ въ бракѣ. Я такъ хотѣла бы, чтобъ и вы были счастливы...

Въ ея глазахъ видна была мольба. Князь сравнивалъ эти глаза, такъ трогательно устремленные на него, съ глазами Марины, и онъ удивился своему открытію: Танины глаза были красивѣе глазъ Марины — въ нихъ свѣтилась несказанная доброта.

Онъ нагнулся къ рукѣ Тани и почтительно поднесъ ее къ губамъ. Затѣмъ лицо его вдругъ оживилось и приняло свойственное ему выраженіе.

— Постараюсь поступить такъ, какъ поступилъ вашъ отецъ,— сказалъ онъ рѣшительно.

Таня не спускала съ него глазъ. Она была, видимо, имъ довольна.

Суматоха вокругъ увеличивалась. Каждую секунду надо было ожидать, что поѣздъ тронется.

— Мнѣ васъ очень будетъ недоставать, Татьяна Григорьевна,—сказалъ князь, когда поѣздъ тронулся.

— И я васъ полюбила, — отвѣтила Таня и закивала ему головой.—Прощайте, князь!

— Прощайте, Татьяна Григорьевна.

Князь долго еще стоялъ на платформѣ, пока поѣздъ съ Таней совсѣмъ не скрылся.

Князь преобразился. Таня подсказала ему то, что̀ ему самому должно было придти на умъ. Если онъ находился въ нерѣшительности, то потому, что въ сущности онъ души Марины не знаетъ. Сказать ей прямо, что онъ требуетъ времени, конечно, нельзя. Но она сама предложила временную разлуку, и онъ долженъ пойти на нее. Если Марина его въ самомъ дѣлѣ полюбила, то кратковременная разлука не унесетъ этой любви. Они могутъ по временамъ встрѣчаться, и постепенно вопросъ выяснится самъ собою. Онъ рѣшилъ написать Маринѣ, что онъ по дѣламъ долженъ уѣхать на Лаго-Маджіоре, но что непремѣнно пріѣдетъ въ Монтрё-Верне.

На Avenue de la Gare онъ встрѣтилъ Комова, выходившаго изъ какого-то магазина. У него былъ видъ сравнительно довольный или, по крайней мѣрѣ, не такой безразличный, какъ обыкновенно.

— Здравствуйте, князь!—привѣтствовалъ онъ его съ оттѣнкомъ дружелюбія.

Они пошли рядомъ.

— Слышали новость?—спросилъ онъ князя.

— Какую? политическую?

— Нѣтъ, не политическую, — улыбнулся Комовъ: — Наша „королева“ уѣхала.

— А...—протянулъ князь.

— Да, уѣхала,—продолжалъ Комовъ.—Сегодня утромъ. Направилась въ Каннъ, а оттуда собирается на Женевское озеро.

— Понемногу всѣ разъѣдутся,—замѣтилъ князь.—Вотъ и я собираюсь.

— Куда?—съ видимымъ интересомъ освѣдомился Комовъ.

— Къ себѣ, на Лаго-Маджіоре.

— А...—протянулъ въ свою очередь Комовъ.—Сегодня мы съ Егорушкой вышли на террасу кофе пить, а человѣкъ намъ докладываетъ, что г-жа Ригò желаетъ съ нами проститься. Ну, и удивились же мы! Пошли провожать. Сѣла Марина въ вагонъ и укатила, оставивъ багажъ съ мамашей до вечера въ Больё... Все это очень непонятно. Не знаете ли вы, князь, что-нибудь?—спросилъ Комовъ, взглянувъ на князя внимательно.

— Знаю только то, что̀ вы мнѣ сообщили, то-есть, что Марина уѣхала въ Каннъ, а оттуда собирается на Женевское озеро.

— Странно,—удивился Комовъ:—да вообще она—странная женщина.

Они дошли до Jardin Public.

— У васъ есть минута свободнаго времени?—спросилъ князь, какъ бы принявъ внезапное рѣшеніе.

— Сколько угодно,—отвѣтилъ Комовъ:—я здѣсь, на Ривьерѣ, только баклуши бью.

— Такъ присядемте. Вотъ скамеечка въ сторонѣ.

— Съ удовольствіемъ,—согласился Комовъ.

Они присѣли.

— Вы оказали мнѣ большое довѣріе, Иванъ Петровичъ,—началъ князь:—я это очень цѣню. Не знаю, позволите ли вы мнѣ имъ еще разъ воспользоваться, но мнѣ хотѣлось бы предложить вамъ нѣсколько вопросовъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣтилъ Комовъ.

Князь какъ бы еще колебался, но, взглянувъ на Комова, вдругъ окончательно рѣшился. Ему бросились въ глаза его пухлыя, сочныя, влажныя губы, которыхъ онъ раньше почему-то не замѣтилъ.

— Вы мнѣ говорили,—продолжалъ онъ,—о прежней жизни Марины, о томъ, что она находилась въ очень стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и, тѣмъ не менѣе, вела открытый домъ. Какъ вы думаете, отвуда она брала средства для этого?

— Это—вопросъ сложный,—отвѣтилъ Комовъ:—сложный и нѣсколько, на мой взглядъ, темный.

— Вы ей не давали денегъ?

— Ей—никогда; ея матери—да.

— Почему же вы имъ давали деньги?

— Да я вамъ уже докладывалъ, что мнѣ было жаль ихъ, и что я полюбилъ Марину.

— Не полагаете ли, что и другіе находились въ вашемъ положеніи?

— Не только полагаю,—я почти въ этомъ увѣренъ.

— Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ сложный и темный вопросъ въ сущности разрѣшается очень просто.

— Конечно, если только предположить, что находилось немало лицъ, готовыхъ раскошелиться для прекрасныхъ глазъ Марины,—а это мало вѣроятно, потому что у большинства людей есть привычка платить только за реальныя услуги.

— А вы полагаете, что такихъ реальныхъ услугъ не было оказано?—спросилъ князь не безъ смущенія.

— Князь,—замѣтилъ Комовъ рѣшительно:—жизнь научила меня многому не вѣрить. Но я не могу, нѣтъ, не могу не вѣрить въ цѣломудріе Марины.

— Да, да, Иванъ Петровичъ, и я не сомнѣваюсь,—продолжалъ князь:—но вы мнѣ говорили о вольности, съ какою держала себя Марина по отношенію къ мужчинамъ. До какого предѣла шла эта... вольность?

Задавая этотъ вопросъ, князь снова взглянулъ на сочныя, красныя губы Комова, и онѣ стали ему до невѣроятности противны.

— До какого предѣла? — переспросилъ Комовъ. — Ну, извѣстное дѣло: она постоянно кокетничала и любезничала съ мужчинами, умѣла оказывать особенное вниманіе тому или другому, влюбляла ихъ въ себя и прочее...

— Какими же средствами?

— Вы спрашиваете? Конечно, красотой, умомъ. Развѣ этого мало?

— Да, да,—отвѣтилъ князь, повидимому, думавшій уже о другомъ. Онъ вдругъ спохватился, что совершенно забылъ о Комовѣ.—Благодарю васъ,—сказалъ онъ,—теперь я знаю все, что мнѣ нужно.

Но Комовъ продолжалъ:

— Изъ всѣхъ мужчинъ, встрѣченныхъ Мариной, вы, князь, одинъ могли ей быть опаснымъ. Она къ вамъ относилась совершенно иначе, чѣмъ къ другимъ мужчинамъ.

— Вы полагаете?—спросилъ князь разсѣянно.

— Да, я въ этомъ увѣренъ. Для васъ она могла забыть о многомъ, и поэтому я началъ сильно опасаться за нее. Но вы мнѣ сказали...

— Повторяю, Иванъ Петровичъ: она моею любовницею никогда не будетъ...

— А женою?..

— Вы были очень искренни со мною, Иванъ Петровичъ, и я считаю своимъ долгомъ отплатить вамъ тѣмъ же. Я думаю, что Марина и женою моею не будетъ.

Комовъ окончательно повеселѣлъ.

— Благодарю васъ, князь,—сказалъ онъ,—за довѣріе, какое вы мнѣ оказали. Радъ, очень радъ знакомству съ вами. Авось встрѣтимся въ Россіи.

— Все на свѣтѣ бываетъ, — отвѣтилъ князь уже совсѣмъ разсѣянно.—До свиданія.

— Прощайте, князь.

Они разстались, забывъ даже спросить другъ друга, не по пути ли имъ. Князь сразу прошелъ отъ скамейки въ боковую улицу.

Онъ шелъ въ задумчивости, не соображая, куда онъ идетъ. „Такъ вотъ оно что, такъ вотъ оно что!“—повторялъ онъ мысленно. Теперь все до очевидности ясно. Первая записка Марины, приглашавшая его на свиданіе въ ресторанѣ, исповѣдь съ поцѣлуями, прогулка на Обсерваторію съ поцѣлуями, столь чувствительная сцена на Монборонѣ, внезапное ея исчезновеніе... „Ловкая комедіантка,—нечего сказать! Все это она продѣлывала уже сто разъ, съ тѣми же поцѣлуями въ ресторанахъ или подъ открытымъ небомъ, въ таинственныхъ рощахъ при лунномъ свѣтѣ: „Мой избавитель, моя вѣра, моя любовь, ну, откликнись на зовъ моего усталаго сердца, милый“... Фу, какъ противно! Сколько дураковъ уже прослушали все это и получали тѣ же страстные поцѣлуи! Да были ли они въ самомъ дѣлѣ дураками? Вѣроятно, они знали, въ чемъ дѣло, а я вѣрилъ. Дуракомъ-то я оказываюсь одинъ. Надо было просто платить, а я разводилъ идиллію. Смѣшно и глупо, глупо и смѣшно!“

Затѣмъ князь старался вникнуть въ душевное состояніе этой женщины. „Любая падшая женщина, продающая свою любовь, во сто кратъ нравственнѣе ея. Та открыто торгуетъ собою и даетъ то, за что ей платятъ. А эта ничего не даетъ, кромѣ платоническихъ поцѣлуевъ, а требуетъ и получаетъ много. Она — перворазрядная обманщица. И терпитъ же земля подобныхъ женщинъ“!

И вдругъ образъ Марины предсталъ передъ нимъ во всей обольстительной красотѣ. „Да что же это такое?—внутренно воскликнулъ онъ.—Значитъ, сирены не миѳъ, значитъ, онѣ на самомъ дѣлѣ существуютъ?“ И ему послышался какъ бы издалека зовъ Марины: „Прощай, Эми!“ Сколько нѣжности было въ этомъ зовѣ, сколько затаенной глубокой тоски. „Нѣтъ, Богъ мнѣ свидѣтель, въ этомъ зовѣ звучала правда!“

Князь удивился: онъ былъ опять въ Jardin Public, только подошелъ къ нему съ другой стороны. Онъ опустился въ изнеможеніи на скамейку.

Когда онъ всталъ, тоска была у него въ сердцѣ, но онъ былъ спокоенъ принятымъ рѣшеніемъ: онъ не только не поѣдетъ къ Маринѣ, но и не напишетъ ей ни одной строки. Слишкомъ она умная женщина, чтобы не понять его молчанія: она пойметъ, что онъ все понялъ.

XXIII.

Марина съ душевнымъ трепетомъ прождала князя два дня. Но онъ не пріѣзжалъ, не было отъ него и письма. На третій день Марина рѣшила, что все кончено. „Кончено? Не можетъ быть!“—сказала она себѣ.—До сихъ поръ она побѣждала всѣхъ мужчинъ, даже не любя. На этотъ разъ она сама полюбила,—могли ли ея чары оказаться менѣе дѣйствительными? Она этого не допускала. Князь просто обидѣлся. Она невѣрно разсчитала ударъ. Она думала, что внезапное ея исчезновеніе должно было побудить князя, человѣка нерѣшительнаго, какъ она предполагала, объясниться съ нею. Вышло такъ, что онъ обидѣлся. Въ его любви Марина нисколько не сомнѣвалась.

На третій день утромъ она поѣхала въ Ниццу, прямо къ князю. Она рѣшила сказать ему, что безъ него жить не можетъ, что она согласна на все, только бы не утратить его любви. Ложь ея жизни должна исчезнуть безслѣдно: она устала, она больше не можетъ...

Въ отелѣ ее поразили извѣстіемъ, что князь уже третьяго дня уѣхалъ. Билетъ взятъ въ Лавено. На Лаго-Маджіоре? Да. Марина тотчасъ же вернулась въ Каннъ, уложила на-скоро самое необходимое. Ни мать, ни Комовъ, также переѣхавшій уже въ Каннъ, не могли добиться отъ нея толка. Она говорила только, что уѣзжаетъ, и что черезъ три дня будетъ обратно или пришлетъ письмо. Мать сердилась. „Князь тебѣ вскружилъ голову,—говорила она:—до сихъ поръ была умница, а теперь ду-

рить". Но Марина ея не слушала... Ее нельзя было узнать. Вся ея уравновѣшенность исчезла.

Путешествіе въ Лавено тянулось безъ конца. Мысль Марины лихорадочно работала, а нетерпѣніе увидѣть поскорѣе князя росло съ каждою минутою. Наконецъ, она доѣхала. Надо было разузнать, гдѣ находится вилла князя. Послѣ долгихъ поисковъ она получила точныя свѣдѣнія. Но надо было ждать парохода. Наконецъ, она добралась до виллы князя. Она позвонила. Привратникъ ей почтительно доложилъ, что сегодня утромъ князь уѣхалъ.

— Куда?—спросила она, вся похолодѣвъ.

— Адреса не оставилъ; вѣроятно, будетъ телеграфировать; впрочемъ, можетъ быть, вернется: онъ такъ много путешествуетъ.

Марина задумалась. Видъ у нея былъ такой печальный, что привратнику ее стало жаль.

— Можетъ быть, вы напишете, а я, какъ только получу адресъ, тотчасъ перешлю письмо.

— Хорошо,—отвѣтила Марина, сама не зная, что говорить:—напишу.

Они вошли въ вестибюль, сплошь выложенный rosso antico и тонувшій въ тропическихъ растеніяхъ. Буракрасный цвѣтъ мрамора и темная зелень растеній, освѣщенные сверху, придавали входу въ эту роскошную виллу таинственность. Марина шла впереди и быстро поднялась по лѣстницѣ. Теперь она подчинялась охватившему ее чувству любопытства: ей хотѣлось видѣть домъ любимаго человѣка, побывать въ комнатахъ, гдѣ онъ цѣлыми мѣсяцами проводилъ время.

— Мнѣ можно осмотрѣть виллу?—спросила она привратника.

— Князь никакихъ инструкцій не оставилъ; поэтому я полагаю, что можно.

— Гдѣ столовая, гдѣ спальная, гдѣ кабинетъ? — торопила Марина.

Они прошли по комнатамъ, отдѣланнымъ съ большимъ вкусомъ... Марина внутренно все повторяла: „И я могла быть здѣсь хозяйкой"!..

Они вышли на террасу. Отсюда открывался дивный видъ на Борромейскіе острова, на широкую водную поверхность, на противоположные берега съ возвышавшимися надъ ними мягкими горными очертаніями. Марина стояла точно очарованная, но не столько этимъ дивнымъ видомъ, сколько внутреннимъ голосомъ, нашептывавшимъ ей: „Все это можетъ быть твоимъ"... „Можетъ?"—вдругъ спросила она себя и, круто повернувъ, вошла

опять въ комнаты. На воздухѣ яркій солнечный свѣтъ ее ослѣпилъ. Теперь ее вдругъ охватилъ мракъ,—мракъ полной безнадежности. Грозная тѣнь покрыла все. Она съ необыкновенной ясностью поняла значеніе этой тѣни. Это — смущавшая ее иногда уже раньше ложь ея жизни, ея прошлое, которое не смыть, ни вытравить, ни уничтожить нельзя. Князь увидѣлъ это прошлое и отшатнулся. Она привыкла обманывать, хотѣла обмануть и его, чтобы завоевать свое счастье. Карточный домикъ рухнулъ...

Она была въ кабинетѣ. Всѣ письменныя принадлежности лежали на столѣ въ величайшемъ порядкѣ. Она сѣла за столъ и начала быстро писать.

„Дорогой князь! Въ вашей виллѣ я поняла все. Я поняла, что то, что̀ было, разрушаетъ то, что̀ могло бы быть. Ахъ, какъ оно прекрасно, то недосягаемое, къ чему рвется моя душа теперь, когда я полюбила впервые! Но къ нему нѣтъ пути: мое прошлое отравляло бы счастье любви и превратило бы его для васъ въ пытку. Еслибы я раньше полюбила такъ, какъ полюбила теперь, не было бы прошлаго, и счастье мое было бы возможно. Его не было бы и въ томъ случаѣ, еслибы я была счастлива въ дни моей ранней молодости, еслибы не испытала униженій отъ бѣдности и бездушія той среды, въ которой выросла. Несчастіе родитъ несчастіе. Пишу вамъ, князь, чтобы поблагодарить васъ за лучъ яркаго свѣта въ моей постылой жизни. Этотъ лучъ сохранится навсегда въ моемъ больномъ сердцѣ. Прощайте, и если когда-нибудь вспомните о Маринѣ, то пусть въ вашей памяти воскреснетъ оливковая роща, гдѣ мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ: тамъ я хотѣла проститься съ прошлымъ, тамъ я хотѣла начать новую жизнь, тамъ я потеряла все. Дорогой князь, будьте вы, по крайней мѣрѣ, счастливы“.

Она задѣлала письмо, передала его привратнику и тихо вышла изъ комнаты. Какъ бы прощаясь со всѣмъ дорогимъ въ жизни, она миновала другія комнаты, медленно спустилась съ лѣстницы и ушла изъ виллы, не оглядываясь. Только на поворотѣ она еще разъ взглянула на нее долгимъ, безнадежнымъ, прощальнымъ взглядомъ.

XXIV.

Прошло почти два мѣсяца.

Князь весь день возился въ Петербургѣ съ дѣлами и возвращался по Невскому къ себѣ въ гостинницу. Онъ почти

измѣнился, былъ такъ же элегантенъ, корректенъ и только казался гораздо спокойнѣе; иногда только въ глазахъ его мелькнетъ тѣнь прежней тревоги или озабоченности,—мелькнетъ и исчезнетъ.

— А, князь, вотъ и вы!—окликнулъ его знакомый голосъ.

Это былъ Мароковъ, въ генеральскомъ мундирѣ, свѣжій, моложавый, какъ всегда, довольный.

— Здравствуйте, Егоръ Герасимовичъ,—привѣтствовалъ его дружелюбно князь.

— Точно и не разставались,—продолжалъ Мароковъ, взявъ князя подъ-руку.—Ну, что подѣлываете? Какъ попали въ Россію? Вѣдь вы, кажется, совсѣмъ разстались съ нею? Анъ, нѣтъ, пріѣхали!

— Да, пріѣхалъ въ Россію, но въ Петербургѣ я не надолго: завтра уѣзжаю.

— Куда?

— Да такъ, хочу прокатиться по Россіи.

— Прокатиться по Россіи?—изумился Мароковъ.—Ну, и фантазія! Нашли время! Нѣтъ, знаете что, князь, вернитесь лучше заграницу.

— Подумаю,—отвѣчалъ разсѣянно князь.—А вы что подѣлываете?

— Служимъ-съ. И время горячее, впрочемъ для другихъ, а не для меня. Все это, вспомните мое слово, разрѣшится войною. Тогда и для меня настанетъ хорошее время. Разгромимъ врага, турка, что ли, и все войдетъ въ норму. А пока я больше насчетъ дамъ. Что прикажете, слабость!

— Кто же теперь?—спросилъ, улыбаясь, князь.—Какой націи? Не испанка ли? Помните ту, въ Болье?

— Нѣтъ, не испанка. Представьте себѣ, нѣмка. Цвѣтъ волосъ—какъ у нашей „королевы“, но глаза не темные, а голубые, какъ лазурь небесная. Это, знаете, князь, лучше: требованія не такъ значительны у этихъ блондинистыхъ нѣмокъ. А наша королева! Вотъ перемѣнилась: вы бы ее не узнали. Встрѣтилъ въ Павловскѣ, и знаете—съ кѣмъ? Съ Комовымъ. Отъ королевы ничего не осталось. Правда, красива она попрежнему, даже, пожалуй, еще лучше, но въ другомъ родѣ. Была королева, а теперь больше на скромную пастушку смахиваетъ, и на пастушку огорченную. При ней пастушокъ, нашъ милый Ванечка: точно утенокъ за ней все ходитъ, разваливаясь. А она все на него поглядываетъ, робко такъ и боязливо, точно онъ въ самомъ дѣлѣ золото. Нашъ Ванечка-то—золото! А между тѣмъ, c'est sérieux. Имѣніе, жену забросилъ, о разводѣ хлопочетъ. Какъ только пастушка скажетъ: „да“,—онъ за ней и въ огонь, и въ воду.

— А пока не сказала?—спросилъ князь съ нѣкоторымъ интересомъ.

— Должно быть, ужъ сказала, потому что видъ у Ванечки по временамъ ужъ очень довольный. Только исторія съ женой мнѣ не нравится. Чѣмъ она-то виновата? Бѣдная женщина!

— Вы ее знаете?

— Какъ не знать! Вѣдь сосѣди по имѣнію. Она хорошенькая, изъ добродѣтельныхъ, хозяйка, мать и прочее. Еслибъ я вздумалъ когда-нибудь жениться—вы знаете, князь, этого никогда не будетъ—я бы выбралъ такую. Полная противоположность гетэры, а я, entre nous soit dit, только ихъ и люблю. Ну, а вы, князь, все философствуете?

— Понемногу.

— Вамъ все еще не надоѣло: приближаться къ хорошенькимъ и потомъ такъ вдругъ незамѣтно улетучиваться?

— Нѣтъ, еще не надоѣло.

— Ой, вижу по глазамъ, что надоѣло!—пошутилъ Мароковъ.—Не отобѣдаемъ ли вмѣстѣ?

— Съ удовольствіемъ,—любезно отвѣтилъ князь.

Они пообѣдали вмѣстѣ, но разговоръ не клеился. Выручили общіе знакомые.

Возвращаясь домой, князь думалъ о Маринѣ, и былъ радъ, что судьба ея устраивается. Только упоминаніе о женѣ Комова оставило въ немъ тяжелое чувство. Онъ вспомнилъ, что Комовъ въ послѣдней бесѣдѣ съ нимъ говорилъ о „нашихъ нравахъ", о томъ, что не слѣдуетъ быть пуристомъ. „Однако, нравы!"—подумалъ князь.—„Впрочемъ, Мароковъ называетъ меня философомъ. Должно быть, моими философскими наклонностями объясняется и то, что вся эта исторія вызываетъ во мнѣ чувство какой-то брезгливости. Бросить хорошую, честную жену безъ всякой вины съ ея стороны? Можетъ быть, это и соотвѣтствуетъ „нравамъ"—какой ужъ бракъ, когда мужъ любитъ другую—но почему это у насъ случается такъ часто? Бѣгалъ же Комовъ за Мариной: и въ Петербургѣ, и въ Больё, и въ Каннѣ, и Богъ вѣсть еще гдѣ, а теперь—въ Павловскѣ. Не бѣгалъ бы, и страсть бы не разгорѣлась. Простой честности и способности держать себя въ рукахъ—вотъ чего намъ не хватаетъ".

Потомъ онъ вспомнилъ о теперешней скромной „пастушкѣ" Маринѣ. Онъ не сомнѣвался, что она будетъ умной женой, но въ то же время благословлялъ судьбу, что самъ во-время отошелъ. Онъ съ нею счастливымъ быть не могъ: ему теперешніе „нравы" не приходились по вкусу.

Тутъ князь сладко улыбнулся новой мысли, пришедшей ему въ голову, но вслѣдъ затѣмъ у него въ глазахъ мелькнула озабоченность.

Не прошло двухъ дней, какъ князь въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ средней Россіи нанялъ подъ-вечеръ экипажъ и налегкѣ тронулся въ путь. Онъ сперва хотѣлъ выѣхать на другое утро, но нетерпѣніе его одолѣло. Надо было проѣхать всего десять верстъ, но путь показался князю очень длиннымъ. Онъ разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ и поощрялъ извозчика ѣхать скорѣе, хотя лошади бѣжали доброй рысью. Вдругъ, какъ-то совсѣмъ неожиданно для князя, извозчикъ остановился у воротъ, слѣзъ съ козелъ, самъ открылъ ворота, провелъ экипажъ съ княземъ, опять затворилъ ворота и поѣхалъ дальше, но почти тотчасъ же снова остановился. Они были на мѣстѣ, передъ крылечкомъ не новымъ, но чрезвычайно опрятнымъ.

Вышла такая же опрятная дѣвушка, не то горничная, не то крестьянка.

— Барышня дома?—спросилъ князь.

— По хозяйству распоряжаются. Сейчасъ придутъ,—отвѣтила дѣвушка.

Князь вышелъ изъ экипажа, оставилъ въ прихожей верхнее платье и послѣдовалъ за дѣвушкой, которая провела его въ гостиную.

— Какъ сказать о васъ?

— Скажите, что заѣхалъ навѣстить знакомый.

Дѣвушка удалилась, съ любопытствомъ поглядывая на князя. Онъ остался одинъ. „Такъ вотъ какъ она живетъ!“—подумалъ князь и сталъ внимательно осматривать все вокругъ. Мебель была простая, старая, но во всемъ чувствовался вкусъ и замѣчались необыкновенная чистота и аккуратность. А сердце у князя билось усиленно: ему было такъ жутко, что онъ готовъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ.

Изъ боковой двери, которую онъ не замѣтилъ, вышла Таня. Увидѣвъ князя, она поблѣднѣла, какъ полотно. Онъ кинулся къ ней и бережно усадилъ ее въ кресло.

— Что съ вами, Татьяна Григорьевна? Я васъ напугалъ?—спрашивалъ онъ тревожно.

— Скажите, князь, съ вами случилось несчастіе?

— Почему вы это думаете?—продолжалъ тревожно князь.

— Помните, я васъ просила пріѣхать, если у васъ будетъ горе...

Князь глядѣлъ на Таню почти съ восторгомъ; его глаза сіяли. Онъ зналъ все, что душа его жаждала знать.

— Ничего со мною дурного не случилось, а ожидаетъ меня— я это чувствую—великая радость: я, кажется, нашелъ родину.

— Радость? Родина?—спрашивала въ величайшемъ смущеніи Таня.

Онъ взялъ ея похолодѣвшую руку.

— Татьяна Григорьевна, успокойтесь! Вотъ—я у васъ въ гостяхъ. Вы меня вѣдь звали, вы хотѣли мнѣ показать ваше гнѣздышко, а мы еще и не поздоровались.

Таня все еще глядѣла на него испуганно и ничего не отвѣчала. Такъ прошла минута. Потомъ она заговорила сдержанно:

— Хорошо. Я вамъ покажу усадьбу.

Она встала, потомъ опять сѣла.

— Нѣтъ, князь, я не знаю, зачѣмъ я вамъ буду показывать. Домъ опустѣлъ: я одна, совсѣмъ одна.

— Да развѣ это вамъ мѣшаетъ принять гостя, сердечно вамъ преданнаго?

— Нѣтъ, не могло бы помѣшать, еслибъ...

Она не договорила.

— Хорошо,—повторила она:—я вамъ усадьбу покажу.

Она снова встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ двери, въ которую вошла, но князь еще не успѣлъ послѣдовать за ней, какъ она вернулась и пригласила князя опять сѣсть.

— Князь, зачѣмъ вы пріѣхали?

— Мнѣ трудно такъ сразу отвѣтить,—почти взмолился князь.

— Ахъ, князь, отчего вы меня письмомъ не увѣдомили, что будете? Войти въ домъ такъ, какъ вы вошли, означаетъ либо большую близость, либо желаніе установить близость, а съ моей стороны никакого повода къ этому не было дано.

— Простите меня, Татьяна Григорьевна... Я нарушилъ правила приличія, но...

— Не въ приличіи тутъ дѣло. Но скажите, зачѣмъ вы пріѣхали?

— Я пріѣхалъ просить вашей руки,—отвѣтилъ князь робко и виновато, самъ окончательно смущенный.

— Моей руки?!.. Ахъ, я не могу ничего отвѣтить вамъ на это!..

Смущеніе князя достигло крайняго предѣла. Онъ смотрѣлъ на Таню, и теперь только замѣтилъ, что она сильно похудѣла, что она положительно имѣла видъ больной. И въ то же время онъ вспомнилъ, какъ она въ тѣ роковые часы, когда любимый ея братъ боролся со смертью, и потомъ, когда она его потеряла, забывала о своемъ страшномъ горѣ, внимательно присматривалась къ его, князя, лицу и, замѣчая на немъ слѣды тре-

воги, вызванной его любовными похожденіями, старалась его утѣшить, ободрить, а онъ?!.. Злоба его душила. Весь охваченный радостью сознанной любви къ Танѣ, онъ ни на мигъ не задумался о ней, о томъ, какъ она должна встрѣтить его неожиданное предложеніе. Онъ былъ увѣренъ, что стоитъ ее только осчастливить своею любовью, какъ она сразу бросится ему на шею и скажетъ: „Возьми меня“. Задумался ли онъ хоть на мигъ надъ ея дѣвическою жизнью, надъ тѣмъ, что происходитъ у нея въ душѣ, подошелъ ли онъ къ ней съ тѣмъ чувствомъ деликатности, къ которому его обязывала не только его любовь, но и простое уваженіе къ чужой личности? Нѣтъ, онъ былъ грубъ, эгоистиченъ, онъ велъ себя, какъ побѣдитель дурного тона. Онъ себя до глубины души ненавидѣлъ въ эту минуту, которая могла быть счастливѣйшею минутою въ его жизни, а превратилась въ пытку для него и для любимаго имъ существа.

Всѣ эти мысли молніею пронеслись въ его головѣ.

— Простите меня, Татьяна Григорьевна!—произнесъ онъ съ мольбою въ голосѣ. Губы у него дрожали. Онъ имѣлъ видъ жалкій и растерянный.

Таня, взглянувъ на него, вдругъ засуетилась.

— Князь, милый князь, я васъ обидѣла?—заговорила она быстро:—Я этого не хотѣла. Я виновата, я думала только о себѣ и забыла о васъ. Простите меня!

Негодованіе князя на себя смѣнилось чувствомъ благоговѣнія передъ этой дѣвушкой. Онъ только заговорилъ о бракѣ, а она уже давала ему высокій примѣръ истинно-супружескихъ чувствъ.

— А теперь позвольте мнѣ уѣхать. Я такъ виноватъ передъ вами...

— Князь, вы обидѣлись?

— Нѣтъ, Татьяна Григорьевна, я не обидѣлся. Я только, какъ всегда при встрѣчѣ съ вами, сталъ лучше. И теперь, когда я знаю, что я вамъ не совсѣмъ чужой, не совсѣмъ безразличный человѣкъ, я долженъ уѣхать и буду терпѣливо ждать, чтобы вы меня позвали и сообщили мнѣ о своемъ рѣшеніи, свободно обдуманномъ и принятомъ. Я ничѣмъ не хочу его предрѣшать, не хочу вліять на вашу доброту, возбуждать въ васъ жалость къ человѣку, который могъ бы быть безконечно счастливъ, но который приметъ и вашъ отказъ, какъ заслуженный приговоръ надъ собою, съ довѣріемъ къ вамъ, а не къ себѣ.

Князь всталъ. Встала и Таня. Въ ея глазахъ была видна усиленная работа мысли. Князь ждалъ, сознавая лишь одно: потерять эту дѣвушку было бы для него истиннымъ несчастіемъ.

Таня, наконецъ, рѣшилась.

— Нѣтъ,—сказала она.—Я васъ еще отпустить не могу. Я должна съ вами объясниться, потому что вы меня можете не понять. Вы были вполнѣ откровенны, и я не могу допустить, чтобы въ такомъ важномъ для насъ обоихъ вопросѣ что-нибудь осталось невыясненнымъ. Вы убѣдились, что вы для меня не безразличны. Это—правда, которую я не скрываю и которую я могла бы скрыть только въ томъ случаѣ, еслибы я васъ не считала честнымъ человѣкомъ. Выражусь проще: я васъ люблю. Въ Ниццѣ я могла еще въ этомъ сомнѣваться, но теперь, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, я это твердо знаю. Вы говорите, что и вы меня любите. Я этому тѣмъ охотнѣе вѣрю, что это соотвѣтствуетъ сильному влеченію моего сердца. Но развѣ этого достаточно, чтобы намъ вступить въ бракъ? Ахъ, сколько браковъ въ нашемъ уѣздѣ заключается „по любви", и сколько на видъ счастливыхъ супруговъ расходятся или становятся совершенно чуждыми другъ другу уже очень скоро! Дѣло не въ одной любви. Князь, я не могу вступить въ бракъ только потому, что люблю. Этого еще слишкомъ мало.

— Татьяна Григорьевна, въ чемъ же вы сомнѣваетесь, почему вы думаете, что нашъ бракъ можетъ не соотвѣтствовать истинному браку?

— Присядьте, князь, и поговоримъ съ открытою душой такъ, какъ еслибы насъ слушали самыя дорогія намъ существа: ваша покойная мать и мой отецъ.

Они снова сѣли. Таня все болѣе завладѣвала сердцемъ князя, и онъ уже съ тоскою думалъ о томъ, что не выдержитъ предстоявшаго ему испытанія, что онъ окажется недостойнымъ этой дѣвушки.

— Въ чемъ я сомнѣваюсь?—отвѣтила она князю.—Еслибы вы знали, какъ мнѣ трудно говорить! Я такъ мало еще освоилась съ тѣмъ, о чемъ мы теперь съ вами бесѣдуемъ. Но постараюсь высказать вамъ то, что я думаю. Вы знаете уже, князь, что моя мать умерла очень рано, и что настоящимъ моимъ воспитателемъ былъ мой отецъ. Онъ мнѣ разъяснилъ и значеніе брака. Я считаю бракъ не только правомъ на счастье, но и обязанностью способствовать счастью мужа, дѣтей, родины. Бракъ, по-моему,—служеніе, которое часто требуетъ подвига. Я только съ такими чувствами могу вступить въ бракъ. Поэтому взаимная любовь, которая лежитъ въ его основѣ, должна быть чиста...

— Татьяна Григорьевна, я васъ увѣряю, что я васъ люблю именно этою любовью,—замѣтилъ князь.—Ей предшествовала

любовь человѣка къ человѣку, превратившаяся въ нѣжность брата къ сестрѣ тамъ, въ Ниццѣ, когда вы утратили брата по крови. Мнѣ такъ хотѣлось тогда хоть на одинъ волосъ замѣнить вамъ брата, отнятаго у васъ смертью. На этой почвѣ выросла любовь къ вамъ, какъ къ женщинѣ.

— Князь,—продолжала Таня:—я васъ полюбила перваго.

— Татьяна Григорьевна, я васъ первую люблю, какъ...

Князь не выдержалъ робкаго взгляда Тани, онъ прибавилъ тихо:

— Какъ человѣка и женщину.

— До меня, князь, вы отдѣляли человѣка и женщину,— продолжала Таня.—Вы могли любить женщину и забывать, что она—человѣкъ.

— Да,—отвѣтилъ князь, и отъ этого простого вопроса Тани ему стало страшно.

— А ту красавицу... въ Ниццѣ,—спросила Таня:—какою любовью вы любили?

— Татьяна Григорьевна, я ее не любилъ; я только думалъ, что ее люблю.

— Почему вы думали, что можете ее любить, и почему вы въ этомъ разувѣрились?

— Ея красота, ея умъ, ея видимая искренность влекли меня къ ней; ея нравственная испорченность оттолкнула меня отъ нея.

— Въ чемъ выразилась ея нравственная испорченность?

— Она съ ранней молодости торговала священнымъ чувствомъ любви, вышла замужъ за старика, изъ-за денегъ, и теперь выходитъ замужъ за женатаго человѣка, который бросаетъ изъ-за нея свою ни въ чемъ неповинную жену.

Таня вздрогнула.

— Это ужасно!—сорвалось съ ея устъ.—Но знаетъ ли она это? И потомъ, вы подошли къ этой красавицѣ, очевидно, не какъ къ человѣку, а какъ къ женщинѣ,—иначе она не могла бы васъ такъ обмануть.

— Да, Татьяна Григорьевна, и она подошла ко мнѣ не какъ къ человѣку, а какъ къ выгодному жениху; когда же она открыла во мнѣ человѣка, то было уже поздно: узнавъ все, я не могъ больше ее любить.

Таня задумалась. Потомъ, какъ бы стряхнувъ съ себя что-то, она сказала:

— Я никогда не покину этой усадьбы.

— Гдѣ вы будете, тамъ буду и я,—отвѣтилъ князь.

— Князь, я бы васъ попросила сегодня не уѣзжать. Мы сейчасъ поужинаемъ. Затѣмъ вы переночуете во флигелькѣ, по-

строенномъ еще отцомъ для покойнаго брата. Это — мой любимый уголокъ. Завтра утромъ я вамъ сообщу мое рѣшеніе. Я бы это тотчасъ сдѣлала, еслибы подчинилась только влеченію моего сердца. Но я еще разъ должна обдумать все ради себя и, главное, ради васъ, потому что ваше несчастіе было бы и моимъ несчастіемъ...

Князь глазами искалъ разрѣшенія приблизиться къ ней. Она смотрѣла на него робко и нѣжно. Татьяна Григорьевна исчезла; предъ нимъ стояла Таня, сама застыдившаяся того глубокаго чувства, которое она въ немъ возбудила.

Ужинъ въ маленькой, скромной столовой прошелъ тихо. Таня разсказывала о своихъ дѣлахъ по усадьбѣ. „Пашу я выходила: она теперь здоровёхонька“, — сообщила она и стала знакомить князя съ наиболѣе ей близкими крестьянскими семьями. Но врядъ-ли князь много слышалъ и понялъ. Онъ любовался Таней, а она бросала иногда на него тотъ же робкій и нѣжный взглядъ.

Въ десять часовъ они разошлись. Онъ ночью часто просыпался. Но чувства тревоги въ немъ не было и слѣда. Ему казалось, что послѣ безконечнаго плаванія онъ добрался до благоухающей пристани. Онъ просыпался со словами: „Таня и родина“, и оба эти представленія сливались для него въ одно обаятельное цѣлое, наполнявшее его душу какимъ-то неизвѣданнымъ еще сладкимъ чувствомъ.

Онъ всталъ очень рано: не было еще семи. Но вскорѣ его позвали въ усадьбу. Онъ быстро прошелъ туда. Въ гостиной его ожидала Таня въ свѣтломъ платьѣ, точно она одѣлась къ пасхальной заутрени. Она стояла по серединѣ комнаты...

— Князь, вы знаете уже мое рѣшеніе, — сказала она. — Я думала всю ночь; я страшилась отвѣтственности, которую принимаю на себя, но внутренній голосъ мнѣ сказалъ, что иначе быть не можетъ. Мы не искали другъ друга, а между тѣмъ такъ прочно другъ друга нашли. Я думаю, что Богъ такъ судилъ.

Онъ привлекъ ее къ себѣ. Она заплакала на его груди. Потомъ подняла голову и взглянула на него сквозь слезы сіяющимъ взглядомъ.

Онъ чувствовалъ, что новая сила наполняла все его существо, что тревогѣ его насталъ конецъ, что онъ нашелъ то святое, за что̀ бороться, страдать и даже умереть не страшно.

Р. Сементковскій.

ДОМАШНЯЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ

ЖИЗНЬ

ВЪ АНГЛІИ

Наблюденія и замѣтки.

Первое, что̀ бросается въ глаза иностранцу, соприкасающемуся съ англичанами на ихъ родинѣ, это—ихъ, въ большинствѣ, здоровый, цвѣтущій видъ. Свѣжій цвѣтъ лица, эластичная походка и рѣшительность въ движеніяхъ обличаютъ въ нихъ здоровую кровь и вполнѣ здоровый образъ жизни. Дѣйствительно, они не пренебрегаютъ главными условіями здоровья: крайнею чистоплотностью, пользованіемъ свѣжимъ воздухомъ, тѣлесными упражненіями и раціональнымъ питаніемъ. Англичанинъ каждое утро беретъ холодную или теплую ванну. Стòитъ только пріучиться къ этому режиму ежедневнаго очищенія всего тѣла, чтобы убѣдиться въ его благотворномъ вліяніи на самочувствіе и здоровье.

Въ Англіи встаютъ рано; спальни большею частью не отапливаются; поэтому тамъ одѣваются скоро, причемъ первая операція утренняго туалета, купаніе, совершается въ ванной, помѣщаемой обыкновенно рядомъ съ спальней. Какъ извѣстно, англичане живутъ каждый въ отдѣльномъ небольшомъ домѣ, при чемъ спальни помѣщаются въ верхнихъ этажахъ, а жилыя комнаты—гостиная, столовая, рабочій кабинетъ—въ нижнихъ. Окончившій туалетъ спускается въ нижній этажъ, гдѣ его ожидаетъ пріятная теплота у камина. Климатъ британскихъ острововъ настолько умѣ-

ренъ, что нѣтъ необходимости въ печкахъ, и достаточно отоплять комнаты каминами, горящими весь день и очищающими воздухъ производимою огнемъ постоянною тягою. Оттого воздухъ въ англійскихъ домахъ чище и богаче кислородомъ, чѣмъ въ жилыхъ домахъ на сѣверѣ континентальной Европы, нагрѣваемыхъ печками и тщательно предохраняемыхъ отъ всякаго движенія воздуха. Въ континентальныхъ странахъ недостаточно сознаютъ, что питаніе легкихъ необходимыми для обмѣна веществъ газами не менѣе важно для жизни, чѣмъ принятіе подходящей пищи. Англичанинъ спитъ ночью съ полуоткрытымъ окномъ и всячески старается запастись свѣжимъ воздухомъ. Человѣкъ для того созданъ, чтобы жить въ тѣсной связи съ природою, и чѣмъ болѣе онъ отчуждается отъ естественныхъ условій жизни, въ помѣщеніяхъ, въ которыхъ свѣжій воздухъ не имѣетъ достаточнаго доступа, тѣмъ болѣе онъ подвергается опасности вырожденія. Высшіе слои культурнаго общества, удалившіеся отъ природныхъ условій существованія людей утонченными, искусственными обычаями, постоянно вырождаются и вымираютъ, будучи постепенно замѣняемы восходящими лицами изъ низшихъ слоевъ народа, стоящихъ, по своему образу жизни, въ болѣе тѣсной связи съ природою. Въ континентальныхъ странахъ страшно боятся сквозняковъ и всякихъ теченій воздуха, считающихся почти смертоносными; забываютъ, что свѣжій, обильный кислородомъ воздухъ представляетъ для человѣческаго организма насущную пищу. Англичане боязни сквозныхъ вѣтровъ не знаютъ. Въ ихъ комнатахъ дуетъ отъ оконъ къ камину, отъ оконъ—къ дверямъ, отъ пола—къ окнамъ, отъ пола—къ камину и т. д. Эти вѣтерки со столькихъ сторонъ иногда дуютъ такъ энергично, что просто не знаешь, сидишь ли гдѣ-то въ саду, на свѣжемъ воздухѣ, или въ комнатѣ. Конечно, для подобнаго устройства надо имѣть закаленное тѣло и носить теплыя фуфайки подъ бѣльемъ. Свѣжій воздухъ играетъ громадную роль въ жизни англичанъ, и такимъ образомъ они въ состояніи пользоваться комфортомъ, къ которому привыкъ культурный человѣкъ, не подвергаясь, при этомъ, опасности тѣлеснаго вырожденія.

Правда, понятія отдѣльныхъ народовъ о томъ, что именно составляетъ комфортъ, весьма различны. Очевидно, подъ комфортомъ подразумѣваютъ—жить по собственному вкусу и собственнымъ обычаямъ. Англійскіе же вкусы и обычаи весьма различаются отъ вкусовъ и обычаевъ другихъ странъ, такъ что иногда довольно трудно для иностранца признать комфортомъ то, что англичане считаютъ таковымъ. Такъ, напримѣръ, русскій чело-

вѣкъ признаетъ первымъ дѣломъ комфорта имѣть зимою ровную теплую температуру въ занимаемой имъ квартирѣ. Англичанину подобный комфортъ неизвѣстенъ. Между температурою отдѣльныхъ комнатъ его дома всегда большая разница, и даже въ одной и той же комнатѣ бываетъ чрезвычайно тепло передъ каминомъ и холодно вдали отъ него. Англійскія ежедневныя купанья будутъ русскому не столь по вкусу, какъ возможность основательно выпариться въ русской банѣ, совершенно неизвѣстной въ Англіи. Тогда какъ англичанинъ считаетъ почти необходимымъ комфортомъ жизни занимать отдѣльный домъ, при чемъ комнаты одного жилища расположены въ разныхъ этажахъ, русскій совершенно не въ состояніи оцѣнить эту англійскую прелесть, а предпочитаетъ занять отдѣльный этажъ дома, въ которомъ можно жить безъ постоянной бѣготни по лѣстницамъ. Поэтому, не всегда возможно сойтись съ англичанами въ томъ, что они считаютъ комфортомъ. Но, допуская разность въ понятіяхъ о комфортѣ, надо отмѣтить ту интересную въ культурномъ отношеніи отличительную черту англичанъ, что они больше другихъ народовъ стараются завести въ своихъ домахъ порядокъ, соотвѣтствующій ихъ понятіямъ о комфортѣ. Они способны отказать себѣ во многомъ, но по отношенію къ наиболѣе утонченному и удобному устройству своихъ „home“ они не скупятся. Они любятъ „home“ и гордятся имъ. По англійскимъ правовымъ понятіямъ, домъ пользуется личною неприкосновенностью его хозяина, на основаніи закона Habeas corpus: „An Englishman's house is his castle“.

Внѣшность англійскихъ домовъ не особенно привлекательна. Цѣлыя длинныя улицы представляютъ видъ голыхъ кирпичныхъ стѣнъ безъ стиля, окраски и штукатуры. Но зато внутренняя обстановка домовъ чрезвычайно уютна. Полы и лѣстницы покрыты толстыми коврами. Окна и двери украшены красивыми гардинными занавѣсами и портьерами. На стѣнахъ висятъ хорошія гравюры, мягкая мебель удобна. Во всѣхъ комнатахъ, и въ томъ числѣ въ кухнѣ, царитъ безупречная чистота. Вообще говоря, жилыя помѣщенія всѣхъ классовъ общества въ Англіи несравненно уютнѣе жилищъ соотвѣтствующихъ классовъ въ континентальныхъ странахъ. Не замѣчается въ Англіи случаевъ, въ которыхъ люди со средствами жили бы въ квартирахъ неуютныхъ, неудобныхъ или нечистыхъ. Любовь къ домашнему очагу свидѣтельствуетъ о культурности англичанъ.

То же слѣдуетъ сказать и о порядкахъ, соблюдаемыхъ англичанами за столомъ. Не только въ богатыхъ домахъ, но и у ма-

ленькаго лавочника обѣденный столъ накрывается съ утонченнымъ вкусомъ. Приборы бываютъ изъ хорошаго англійскаго серебра или изъ „silver plated“ красивой отдѣлки. Сервизы болѣе или менѣе украшены разными цвѣтами и узорами, или просты и одноцвѣтны, и всегда находятся въ цѣломъ и чистомъ видѣ; скатерти и салфетки сверкаютъ бѣлизною. Сервировка изысканна и довольно сложна. Вообще говоря, въ Англіи въ среднемъ сословіи ѣдятъ при болѣе чистой обстановкѣ, чѣмъ въ соотвѣтствующей средѣ въ континентальныхъ странахъ.

Главная заслуга—что „home“ имѣетъ столь привлекательный видъ, принадлежитъ англійской хозяйкѣ. Своею безпрестанною заботою и неутомимымъ трудомъ она создаетъ въ своемъ домѣ тотъ уютный уголокъ, къ которому сердце англичанина привязывается. Англичанка соединяетъ трудолюбіе съ воспріимчивостью для возвышенныхъ сторонъ жизни, кротость — съ твердымъ характеромъ, женственность—съ практическимъ умомъ. Благодаря смѣшенію римскихъ, англо-саксонскихъ, датскихъ и норманскихъ завоевателей Англіи съ туземными кельтами, женщины въ Великобританіи представляютъ весьма разнообразные типы. Ихъ волосы—то самаго чернаго, то бѣлокураго, то золотисто-краснаго цвѣта; ихъ глаза—то черны, какъ ньюкастльскій уголь, то каріе, какъ глаза дикой козули, то голубые, какъ небо и море, то зеленые, какъ озеро въ горахъ. Выраженіе ихъ лицъ—скромное и прямодушное. Въ нихъ не обрисовывается пылъ южной страсти, но угадывается способность къ искренней привязанности и глубокой задушевности. Англичанки сохраняютъ свою красоту до старости лѣтъ, благодаря умѣренному климату британскихъ острововъ и постояннымъ тѣлеснымъ упражненіямъ на свѣжемъ воздухѣ. Тогда какъ итальянская старуха съ лицомъ, изборожденнымъ слѣдами страстей, съ впалыми щеками, тусклыми глазами и съ беззубымъ ртомъ, часто распространяетъ вокругъ себя ужасъ,—свѣжее лицо съ правильными чертами англійской старухи напоминаетъ красивое зрѣлище закатывающагося солнца. Лишь по отношенію тѣлосложенія англичанки оставляютъ желать нѣчто. Ваятель, создавшій капитолійскую Венеру, не нашелъ бы въ Англіи подходящей модели. Англичанки показались бы ему слишкомъ тоненькими и угловатыми. Но, впрочемъ, худоба женщинъ нынѣ вошла въ моду: это—тоже признакъ распространенія англійскаго вліянія.

Англійская кухня не задается цѣлью, по примѣру французской, предоставить вкусу наибольшее кулинарное наслажденіе, но признаетъ главною своею задачею приготовить цѣлесообразную,

здоровую пищу. Она не можетъ удовлетворять избалованнаго кулинарнымъ своимъ искусствомъ француза, но зато она отличается богатствомъ и разнообразіемъ своихъ припасовъ. На англійскомъ столѣ появляется отличное мясо, трудно получаемое въ такомъ качествѣ въ другихъ странахъ. Англичане преимущественно питаются мясомъ, и относительно качества мяса они очень требовательны. Кромѣ того, они пользуются первоклассными свѣжими овощами и фруктами, производимыми въ самой Англіи или привозимыми туда со всѣхъ концовъ свѣта. Благодаря обширному торговому флоту, въ Великобританіи возможно имѣть круглый годъ свѣжіе овощи и разнообразные фрукты, приходящіе изъ обоихъ полушарій, за недорогія цѣны. И въ этомъ отношеніи англичане избалованы. Наконецъ, море снабжаетъ ихъ вкусною и питательною рыбою и другими морскими животными въ большомъ количествѣ. Такимъ образомъ, Англія превосходитъ любую другую страну міра по разнообразію и обилію своихъ питательныхъ продуктовъ.

Первый завтракъ, обыкновенно въ восемь или девять часовъ, не состоитъ изъ одного чая съ булками, какъ въ Россіи, или маленькой чашки чернаго кофе, какъ въ Италіи, но изъ ряда питательныхъ блюдъ. Тутъ есть шотландская овсянка, яйца, ветчина, рыбныя блюда, чай, кофе или какао, поджаренные ломтики хлѣба, масло и варенье. Въ богатыхъ домахъ три стола покрыты съѣстными продуктами, составляющими „breakfast“. Второй завтракъ, „lunch“, подается въ половинѣ второго и точно также состоитъ изъ ряда рыбныхъ и мясныхъ блюдъ, супа, пудинга и фруктовъ. Дѣловой человѣкъ обыкновенно изъ своей конторы не возвращается домой на „lunch“, но удовлетворяется завтракомъ въ ближайшемъ ресторанѣ. Обѣдъ въ семь или восемь часовъ вечера соединяетъ все семейство и представляетъ собою самую основательную питательную процедуру. Если къ этому прибавить чай въ пять часовъ пополудни, съ разными сэндвичами и кексами, то становится яснымъ, что англичане слишкомъ много ѣдятъ, и поэтому неудивительно, что они часто бываютъ вынуждены прибѣгать къ соотвѣтственнымъ лекарствамъ. Талантливый шотландскій драматургъ Бари по этому поводу написалъ забавную комедію „Little Mary“: такимъ именемъ онъ назвалъ желудокъ. Въ комедіи всѣмъ членамъ фешенэбльной семьи хронически нездоровится. Докторъ прописываетъ разныя лекарства и произноситъ глубокомысленныя рѣчи о причинахъ болѣзней, когда на сценѣ появляется молодая ирландка и заявляетъ, что она можетъ вылечить болѣзни при помощи

„маленькой Мэри“. Рѣшаютъ послѣдовать ея совѣтамъ: упраздняется поздній обѣдъ и заводится болѣе скромная діэта. Всѣ выздоравливаютъ, и дѣло пошло бы на ладъ, еслибы ирландка не шокировала семью провозглашеніемъ истинной причины болѣзней, т.-е. хроническаго объѣданія, и не раскрыла бы, что „Little Mary“, которая, будто бы, помогла ей совершить успѣшное леченіе—желудокъ самихъ паціентовъ. Послѣ этого страшнаго разоблаченія, ее сейчасъ же выгоняютъ, и семья снова возвращается къ позднимъ обѣдамъ и т. д.

Широкая политическая свобода, какою англичане пользуются, благодаря свободному строю своего государства, имѣетъ свой противовѣсъ и коррективъ въ строгомъ соблюденіи установленныхъ вѣками національныхъ обычаевъ. Нигдѣ, какъ въ Англіи, національные нравы не пользуются такимъ авторитетомъ и не считаются столь безусловно обязательными, не только для самихъ туземцевъ, но и для иностранцевъ, приходящихъ съ ними въ соприкосновеніе. Поэтому для иностранцевъ, вращающихся среди англичанъ или собирающихся вступить съ ними въ общественныя или дѣловыя сношенія, полезно быть хорошо освѣдомленными относительно обычаевъ, соблюдаемыхъ въ англійской общественной жизни и часто противоположныхъ обычаямъ на материкѣ Европы.

Заведеніе знакомства обставлено въ Англіи иначе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ континентальныхъ странахъ Европы принято, что пріѣхавшій въ новое мѣсто и желающій познакомиться съ тамошнимъ обществомъ дѣлаетъ первый визитъ въ тѣхъ домахъ, съ которыми онъ желаетъ завести общественныя сношенія. Наоборотъ, въ Англіи подобный образъ дѣйствія считался бы навязчивымъ, свидѣтельствующимъ о недостаткѣ воспитанія, и нисколько не повелъ бы къ желаемому результату. По англійскому обычаю первый шагъ къ заведенію знакомства принадлежитъ мѣстнымъ обывателямъ, и поэтому лицу, поселившемуся въ новомъ мѣстѣ, подобаетъ подождать, пока мѣстные обыватели сдѣлаютъ ему первый визитъ или оставятъ у него свои визитныя карточки. Даже въ случаѣ, если имѣются рекомендательныя письма къ лицамъ мѣстнаго общества, не принято являться къ нимъ съ визитомъ первымъ, а обыкновенно рекомендательныя письма посылаются къ нимъ вмѣстѣ съ собственною визитною карточкою, съ обозначеніемъ адреса. Затѣмъ ожидается первый визитъ лица, на имя котораго письмо было адресовано, или прямо приглашеніе отъ него.

Вообще говоря, въ Англіи вновь пріѣхавшему слѣдуетъ дер-

жаться правила противоположнаго континентальнымъ обычаямъ, т.-е. не выходить изъ своего выжидательнаго положенія, пока мѣстные обыватели не сдѣлаютъ шага ему на встрѣчу. Такъ, напримѣръ, въ континентальномъ обществѣ ставится мужчинамъ въ обязанность заботиться о томъ, чтобы быть представленными дамамъ, особенно если они находятся въ немногочисленномъ общественномъ собраніи. Напротивъ, въ Англіи подобной обязанности не существуетъ, и даже считается неумѣстнымъ, если мужчина домогается безъ особаго повода быть представленнымъ дамѣ. Часто случается, что мужчины не представляются своимъ сосѣдямъ за обѣденнымъ столомъ. Отъ хозяевъ дома зависитъ представлять гостей другъ другу по собственнымъ соображеніямъ, или же дама первая заявляетъ хозяину о своемъ желаніи познакомиться съ извѣстнымъ господиномъ. Если же мужчина, почему-то, самъ пожелаетъ быть представленнымъ дамѣ, то для этого сперва необходимо испросить у нея на это особое разрѣшеніе черезъ третье лицо. При уходѣ изъ общественнаго собранія, мужчины прощаются только съ хозяевами и иногда съ сидящими по близости дамами и стараются уйти какъ можно незамѣтнѣе, чтобы не помѣшать разговору остающихся. Точное соблюденіе этихъ правилъ обязательно для каждаго, желающаго избѣгнуть репутаціи обременительнаго человѣка, не имѣющаго общественнаго воспитанія.

На улицѣ, мужчина не кланяется дамѣ первымъ; онъ только тогда снимаетъ шляпу, если дама признала знакомство съ нимъ легкимъ кивкомъ головы. Такимъ же образомъ поступаетъ подчиненный со своимъ начальникомъ. Вообще, иниціатива къ поклону принадлежитъ тому, который стоитъ выше по общественному или служебному положенію; въ континентальныхъ странахъ Европы, наоборотъ, мужчина обязанъ кланяться дамѣ, не дождавшись, чтобы она ему поклонилась первая. Мужчины въ Англіи не снимаютъ шляпъ другъ передъ другомъ, но ограничиваются легкимъ кивкомъ головы. Когда мужчина на улицѣ идетъ рядомъ съ дамою, то онъ ей предоставляетъ мѣсто близъ стѣнъ домовъ, а самъ шагаетъ по сторонѣ тротуара, прилегающей къ проѣзжей дорогѣ, все равно, находится ли онъ при этомъ направо или налѣво отъ дамы. Если мужчина встрѣчаетъ даму на перекресткѣ улицы, то онъ обязанъ сперва пропустить ее впередъ и затѣмъ только, т.-е. за ея спиною, проходить черезъ улицу. Въ вагонахъ и трамваяхъ мужчины уступаютъ свои мѣста дамамъ, не нашедшимъ мѣстъ вслѣдствіе переполненія вагоновъ. Комплименты дамамъ, на которые континентальные кавалеры

такъ щедры, въ Англіи не нужны и даже неумѣстны. Одна свѣтская дама говорила мнѣ про иностранца, разсмѣшившаго ее комплиментомъ о ея радушіи и умѣньи принимать гостей. „Не знаю, — прибавила она, — чего этотъ господинъ собственно отъ меня ожидалъ". Очевидно, комплиментъ пропалъ совершенно даромъ и даже понятъ въ противномъ смыслѣ.

На улицѣ не смотрятъ прохожимъ пристально въ лицо, а стараются какъ можно меньше обращать вниманія на близко стоящихъ или проходящихъ. Считаютъ общимъ правиломъ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ вагонахъ, трамваяхъ, ресторанахъ, театрахъ и т. д., какъ можно болѣе игнорировать другъ друга и какъ можно меньше тревожить незнакомыхъ своимъ присутствіемъ. По той же причинѣ принято въ публичныхъ мѣстахъ разговаривать лишь вполголоса, чтобы не принудить посторонникъ лицъ слышать неинтересующія ихъ бесѣды. Вообще, за исключеніемъ публичныхъ рѣчей, англичане говорятъ ровнымъ, нѣсколько монотоннымъ и тихимъ голосомъ, не выкрикивая отдѣльныхъ словъ, по манерѣ итальянцевъ, и избѣгая движеній руками. Они соблюдаютъ холодную сдержанность и ненавидятъ шумную экспансивность, кажущуюся имъ недостойною культурныхъ людей.

Въ холодной, корректной обстановкѣ англійской общественной жизни иностранцамъ часто становится жутко: англійскіе нравы на нихъ производятъ впечатлѣніе чрезмѣрнаго стѣсненія личной свободы, и особенно если они еще не успѣли привыкнуть къ новой средѣ, у нихъ является какъ бы душевная одышка, подобно тому, какъ англійскіе туманы ложатся тяжкимъ гнётомъ на легкія, еще не привыкшія къ густой атмосферѣ. Но, привыкая къ условіямъ жизни въ Англіи, легко убѣждаешься, что тамошніе нравы весьма цѣлесообразно регулируютъ общественныя сношенія и при этомъ являются выраженіемъ тонкаго уваженія правъ ближняго, рыцарскаго почтенія къ женскому полу и высоко развитой культурности. Правда, многіе прибывшіе въ Англію изъ континентальныхъ странъ Европы предпочтутъ тяжеловѣснымъ строгимъ нравамъ Альбіона болѣе гибкія и свободныя общественныя формы Франціи. Но нетерпимый въ національномъ отношеніи англичанинъ не способенъ сообразоваться съ нравами другой національности, такъ что для иностранца, собирающагося вступить въ общественныя или дѣловыя сношенія съ англичанами, нѣтъ другого исхода, какъ повиноваться англійскимъ нравамъ, соблюденіе которыхъ является для него — conditio sine qua non.

Обязательнымъ условіемъ для общенія съ англичанами я-

ляется также знаніе ихъ языка. Сами англичане обыкновенно не умѣютъ говорить на иностранныхъ языкахъ. При ихъ крайнемъ нежеланіи говорить на другомъ языкѣ, но не на англійскомъ, лингвистическія ихъ занятія ограничиваются зубреніемъ французской и нѣмецкой грамматикъ и письменными упражненіями на школьной скамьѣ, послѣ чего все это мученіе съ иностранными языками предается безвозвратному забвенію. Такимъ образомъ, англичане пріобрѣли репутацію полной бездарности при изученіи иностранныхъ языковъ. Но если они принуждены особыми жизненными обстоятельствами не только учиться иностраннымъ языкамъ, но практически упражняться въ нихъ, они достигаютъ замѣчательныхъ результатовъ. Они, напримѣръ, относительно произношенія русскаго языка имѣютъ предъ другими иностранцами то преимущество, что не затрудняются въ произношеніи столь непривычнаго для иностранцевъ русскаго гортаннаго „л“, вслѣдствіе того, что въ англійскомъ языкѣ имѣется звукъ, соотвѣтствующій русскому „л“ (напримѣръ, звукъ русскаго „л“ въ словахъ: жилъ, пилъ, билъ, одинаковъ съ звукомъ англійскаго „l“ въ словахъ: till, ill, will). Труднѣе всего англичанину дается французскій языкъ. Онъ на своемъ языкѣ говоритъ staccato, и плавное legato французскаго языка ему совершенно непривычно.

Подъ такими условіями иностранецъ, сталкивающійся съ англичаниномъ, не имѣетъ повода разсчитывать на его практическое знаніе другого языка, кромѣ англійскаго. Извѣстный писатель Тэккерей упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ романовъ о томъ, что при встрѣчѣ двухъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ, поневолѣ приходится одному изъ нихъ играть роль дурака, говоря на чужомъ и непривычномъ ему языкѣ. Въ виду того, что англичанинъ, прибавляетъ Тэккерей, не желаетъ играть подобной роли, онъ ее охотно предоставляетъ иностранцу, вынужденному такимъ образомъ говорить на англійскомъ языкѣ. Дѣйствительно, національная гордость играетъ немаловажную роль въ нежеланіи англичанъ говорить на иностранныхъ языкахъ. Наконецъ, причина незнанія англичанами иностранныхъ языковъ кроется также въ томъ, что они въ нихъ не нуждаются. Благодаря колонизаторской дѣятельности Англіи, распространившей англійскій языкъ почти на весь земной шаръ, и вслѣдствіе своей расовой неподатливости, англичане, такъ сказать, могутъ себѣ позволить роскошь говорить лишь на собственномъ языкѣ. Обратная сторона этого положенія кроется въ томъ, что англичане знаютъ лишь свою народность и вслѣдствіе этого стра-

дaютъ отъ преувеличеннаго національнаго самомнѣнія. При отсутствіи знакомства съ литературой и бытомъ чужихъ народовъ, ихъ этнографическій кругозоръ остался узкимъ и односторонним, и по *общему* своему образованію они куда менѣе развиты, чѣмъ другіе культурные народы.

Разговоръ въ англійскомъ обществѣ по своему содержанію скуденъ. Главною и неизсякаемою темою служитъ погода. На балахъ, на five o'clock чаяхъ, garden parties, обѣдахъ, въ ресторанахъ и даже въ магазинахъ, постоянно обмѣниваются болѣе или менѣе глубокомысленными мнѣніями о погодѣ. Подобная любознательность относительно атмосферныхъ и температурныхъ измѣненій производитъ на иностранца впечатлѣніе, что англичане глубоко заинтересованы метеорологіею; но, всматриваясь ближе въ этотъ необычайный интересъ къ погодѣ, легко убѣдиться въ томъ, что онъ является своеобразною формою англійской вѣжливости, и нельзя не признаться въ томъ, что для вступленія въ разговоръ и послѣдующаго затѣмъ перехода къ болѣе интереснымъ предметамъ, общедоступная тема погоды имѣетъ свои преимущества. Однако, въ этомъ отношеніи англичане часто злоупотребляютъ погодою!

Въ англійскомъ обществѣ избѣгаютъ разговоровъ о религіи, политикѣ и о личныхъ обстоятельствахъ. Не принято ставить вопросы личнаго свойства или противорѣчить другъ другу. Если противорѣчіе неизбѣжно, то, по крайней мѣрѣ, сперва извиняются. Но разговоръ въ обществѣ никогда не долженъ принимать оборота диспута, какъ это часто бываетъ въ нѣмецкомъ и русскомъ обществахъ. Сплетни и злословіе недопустимы. Каламбуры считаются низкою формою остроумія; англичане далеко не такъ падки на подобнаго рода шутки, какъ, напримѣръ, французы. Зато проявленіе юмора высоко цѣнится англичанами, и обладающій имъ въ разговорѣ скоро становится популярнымъ въ обществѣ, будь это задушевный безобидный юморъ Диккенса, или ѣдкій саркастическій смѣхъ Тэккерея,—но при этомъ не слѣдуетъ задѣвать чувствительности присутствующихъ. Неумѣстны всякіе скабрёзные намеки. Въ этомъ отношеніи англійское общество соблюдаетъ строгія правила и рѣзко отличается отъ французскаго и итальянскаго, руководствующихся пословицею: naturalia non sunt turpia, и допускающихъ разговоры объ интимныхъ предметахъ, затрагиваніе которыхъ немыслимо въ Англіи. Даже мужчины въ разговорѣ между собою избѣгаютъ скабрёзности. Англичане любятъ слышать послѣ обѣда немного музыки; они считаютъ фешенэбльнымъ показываться въ концертахъ и операхъ, но они,

вообще говоря, не обнаруживаютъ глубокаго интереса къ музыкѣ. За исключеніемъ кельтскихъ валлійцевъ и шотландскихъ гейлендеровъ, обладающихъ музыкальнымъ даромъ и вкусомъ, англичане удивительно немузыкальны. За время ихъ многовѣковой исторіи они не произвели ни одного выдающагося музыкальнаго генія. Ихъ музыкальная бездарность является обратной стороной ихъ существенно практическаго ума, склоннаго къ индуктивному мышленію, основывающемуся всегда на опытѣ и на опредѣленныхъ фактахъ. Они, такимъ образомъ, составляютъ противоположность германцамъ, у которыхъ выдающееся музыкальное творчество стоитъ въ причинной связи съ ихъ любовью къ отвлеченному, спекулятивному, дедуктивному мышленію и къ мечтательности.

Англичане имѣютъ страсть къ анекдотическимъ разсказамъ, иногда очень забавнымъ, но часто обусловливаемымъ непослѣдовательностью и постоянными скачками въ разговорѣ,— тѣмъ, что французы называютъ „une conversation à batons rompus“. Англичане злоупотребляютъ анекдотомъ въ ущербъ правильнаго обмѣна мыслей, мнѣній, чувствъ, жизненныхъ опытовъ, однимъ словомъ, утонченной бесѣды, которою отличаются французы. Формализмъ англичанъ и ихъ природное отвращеніе ко всякой вульгарности легко даютъ ихъ разговору отпечатокъ педантизма и чопорности. Теряется простота, задушевность и искренность. Царствуетъ безконечное повтореніе фразъ вѣжливости, томительное пустословіе и скука. Генрихъ Гейне поэтому пришелъ къ такому заключенію, что англичане распространяютъ вокругъ себя атмосферу скуки, а другая тонкая наблюдательница, супруга бывшаго отъ 1812 до 1834 г. русскимъ посломъ въ Лондонѣ князя Ливена, замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ [1]): „Уставши удивляться безконечной цѣпи совершенствъ въ Англіи, вы желаете чувствовать что-нибудь; но Англія — не страна чувствъ“. Англичане сами сознаютъ, что ихъ общественная жизнь не весела; они говорятъ: „We take our pleasures sadly“ („Мы веселимся печальнымъ образомъ“). Дѣйствительно, ихъ постоянная забота о корректности исключаетъ воодушевленіе; ихъ холодный, разсчетливый умъ, направленный на практическую цѣлесообразность, парализуетъ свободное проявленіе теплыхъ человѣческихъ чувствъ, кажущихся имъ ненужною сентиментальностью. При всемъ ихъ превосходствѣ, англичане не представляютъ себѣ возможности наслаждаться простою животною радостью существованія, въ тихомъ прозрачномъ воздухѣ, подъ золотистыми лучами

[1]) Letters by Dorothea, Princess Lieven. London, 1902, 2 volumes.

даютъ отъ
ствіи зна
ихъ этн
и по о
другіе

ску
бе
у

572 вѣстникъ европы.

дневного свѣтила, какъ наслаждаются жизнью народы южныхъ странъ. Постоянные сильные вѣтры, разражающіеся надъ британскими островами, туманъ, скрывающій солнечные лучи, угольный дымъ, отъ котораго грудь задыхается, оказываютъ вредное вліяніе на душевное настроеніе людей. Колоніальные англичане, живущіе въ южныхъ климатахъ, образуютъ новую расу, все болѣе и болѣе отдаляющуюся отъ особенностей, присущихъ англичанамъ метрополіи.

Англійскіе джентльмены держатся въ обществѣ иначе, чѣмъ континентальные кавалеры, ставящіе себѣ задачею быть какъ можно любезнѣе, разговорчивѣе и остроумнѣе. Подобное напряженіе не соотвѣтствовало бы наклонностямъ англичанъ, никогда не желающихъ жертвовать своимъ комфортомъ. Кромѣ того, они считали бы неумѣстною слабостью показать стараніе нравиться. Они, поэтому, въ обществѣ соблюдаютъ корректную, холодную сдержанность, задаются цѣлью неустанно уважать себя, и ни подъ какими условіями не выходятъ изъ обыкновеннаго своего равнодушія и самомнѣнія. Проявленіе качества, считаемаго по континентальнымъ понятіямъ любезностью, т.-е. наклонность по возможности идти на встрѣчу собесѣднику, легкая обходительность, доступность, привлекательная сердечность, отсутствуютъ въ Англіи и даже не признаются нравственными цѣнностями. Характерно, что у англичанъ нѣтъ выраженія для обозначенія любезности въ континентальномъ смыслѣ. Происшедшее отъ французскаго языка слово „aimable“ имѣетъ смыслъ уступчивости, не считающейся достойною похвалы для мужчины. Слово „obliging“ употребляется лишь въ смыслѣ готовности къ услугамъ; „genial“ — относится къ проявленіямъ симпатичнаго отношенія; „kind“ — означаетъ христіанскую, сердечную доброту, дружелюбіе, милосердіе.

Въ извѣстномъ словарѣ англійскихъ синонимовъ Ричарда Солъ [1]) приведено не менѣе 33 синонимовъ слова „kind“, но ни одинъ изъ нихъ не соотвѣтствуетъ по своему смыслу русскому понятію о любезности, нѣмецкому liebenswürdig, итальянскому amabile или французскому aimable. Изъ этой своеобразной бѣдности англійскаго языка можно заключить, что англичане не цѣнятъ той формы любезности, которая цѣнится другими европейскими народами. Поэтому иностранцу, вращающемуся въ англійскомъ обществѣ, подобаетъ, въ собственномъ интересѣ, не стараться блистать своею любезностью передъ другими, а силиться быть всегда горделивымъ, самоувѣреннымъ и равнодуш-

[1]) Richard Soule: Dictionary of English Synonyms, London. 1901.

нымъ, на подобіе англичанъ, давая имъ понять такимъ образомъ, что ему рѣшительно все равно, какое впечатлѣніе онъ на нихъ производитъ. Подобнымъ поведеніемъ онъ скорѣе всего обезпечитъ за собою высокую котировку на англійской общественной биржѣ. Въ противномъ же случаѣ, онъ наткнется на высокомѣрное обращеніе, покровительственные пріемы и снобизмъ, къ которымъ англичане, а особенно тѣ изъ нихъ, кто еще сохранилъ всѣ чары островного кругозора, такъ любятъ прибѣгать въ обращеніи съ иностранцами.

Если, такимъ образомъ, англичане оставляютъ желать многаго въ смыслѣ континентальныхъ понятій о любезности, то они зато удовлетворяютъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ въ дѣлѣ соблюденія общественнаго приличія, вѣжливости и услужливости. Вообще, англичане во всемъ укладѣ своей общественной жизни обнаруживаютъ утонченные вкусы и аристократическія манеры. Въ этомъ отношеніи французское общество, прежде задававшее тонъ всей Европѣ, уступило свой престижъ Англіи. Въ настоящее время тѣ европейскіе общественные классы, которые имѣютъ претензію на извѣстную элегантность, все болѣе и болѣе стараются приноровляться къ англійскимъ модамъ, спортамъ и нравамъ и ко всему англійскому образу жизни. Во всемъ культурномъ мірѣ считается рекомендаціею быть членомъ хорошаго англійскаго клуба. Англоманія растетъ. Эдуардъ VII, признаваемый первымъ джентльменомъ, и его дворъ заняли въ элегантномъ обществѣ мѣсто, принадлежавшее когда-то французскому королевскому дому. Трудно рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли поздравить міръ съ подобною перемѣною. Во всякомъ случаѣ, разница между общественными образцами, данными Парижемъ и Лондономъ — огромная. Въ Парижѣ: веселье, безпечность, легкое и нѣсколько фривольное отношеніе къ жизни; пріятная, заманчивая внѣшность, лоскъ и мимолетное наслажденіе, цѣнящееся выше дѣйствительнаго содержанія жизни и личнаго достоинства. Въ Лондонѣ: основательность, солидность, преобладаніе практической стороны жизни, натянутость, поддержаніе всякаго личнаго достоинства, лишь бы не показаться легко обходительнымъ и дешевымъ („not to make oneself cheap“). Французъ болѣе доступенъ общечеловѣческимъ соображеніямъ, по принципу: „homo sum, nil humani a me alienum puto“. Англичанинъ, напротивъ, руководится мыслью, что онъ, во-первыхъ, англичанинъ и только во-вторыхъ — человѣкъ.

Кромѣ формализма и преувеличеннаго самомнѣнія, естественная простота въ общественныхъ сношеніяхъ страдаетъ въ Англіи еще отъ снобизма и ханжества. Тэккерей, въ классической своей

книгѣ о „снобахъ“, приходитъ къ тому заключенію, что снобъ—тотъ, кто мерзкимъ образомъ преклоняется передъ мерзостями („he who meanly admires mean things, is a snob“). Но къ примѣтамъ снобизма, кромѣ того, еще принадежитъ мнимое величіе человѣка, придающаго себѣ чрезмѣрное значеніе и смотрящаго на окружающихъ людей свысока, не имѣя на то достаточнаго основанія. Стремленіе выдѣлиться чѣмъ-нибудь изъ окружающей среды и стать выше ея, хотя бы на-чуточку, зиждется въ самомъ существѣ человѣка, повторяется болѣе или менѣе во всѣхъ странахъ и обществахъ и проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе развито индивидуальное самосознаніе, какъ въ Англіи. Надменное отношеніе къ людямъ, стоящимъ хотя бы на одинъ мизинецъ ниже по имущественнымъ или другимъ обстоятельствамъ жизни, встрѣчается во всѣхъ классахъ англійскаго народонаселенія. Нечего говорить о томъ, что у быстро разбогатѣвшаго спекулянта-торговца или промышленника легко является преувеличенное представленіе о своемъ значеніи, и неудивительно, что англійскіе плутократы, пожалованные въ рыцари, баронеты и лорды, кичатся своими новыми званіями не хуже всякаго „parvenu“ и „nouveau riche“ въ остальномъ мірѣ. Но болѣе странно то, что далеко не-демократическіе инстинкты снобизма проникаютъ въ Англіи и до рабочаго класса. Рабочій, трудъ котораго требуетъ извѣстной подготовки и спеціализаціи (skilled labourer), ставитъ себя настолько выше простого рабочаго (general labourer), что онъ не считается съ нимъ за панибрата и относится къ нему съ такою же гордостью, какъ аристократъ къ плебею. Между коммерсантами и представителями разныхъ профессій существуютъ почти неуловимыя общественныя различія, въ силу которыхъ одинъ обращается свысока съ другимъ; ниже его стоящимъ. Любимою фразою какой-нибудь мѣщанской семьи будетъ: „we are select people“ („мы не простой народъ“).

Къ снобизму также слѣдуетъ отнести страсть англичанъ къ титуламъ. Для полученія какихъ-нибудь титуловъ англичане способны жертвовать большія суммы денегъ, какъ и для благотворительныхъ цѣлей. Преувеличенное вниманіе къ титуламъ выражается, между прочимъ, и въ томъ, что принято упоминать на адресахъ писемъ отдѣльными буквами не только дворянскіе титулы, но и ордена, почетныя званія, ученыя степени и тому подобное. Напримѣръ, членъ парламента обозначается на адресѣ буквами M. P. послѣ его фамиліи; мировой судья—J. P.; докторъ гражданскихъ правъ—D. C. L,; докторъ медицины—M. D.; рыцарь ордена Бани — C. B.; членъ географическаго обще-

ства—F. R. G. S. Иногда за фамиліею адресата слѣдуетъ цѣлая вереница буквъ и непремѣнно, если адресатъ не имѣетъ дворянскаго титула, буквы: Esq. Эсквайрами раньше величали младшихъ сыновей дворянъ, не имѣющихъ титула. Потомъ стали расточать этотъ, никѣмъ не пожалованный, самозванный титулъ всѣмъ членамъ джентри, т.-е. высшему слою средняго сословія, снискавшему пропитаніе „респектабльными“ занятіями и находящемуся въ болѣе или менѣе экономически независимомъ положеніи, „in comfortable circumstances“, или претендующему на извѣстную степень знатности. Въ настоящее же время буквы Esq. приставляются къ фамиліи вообще всѣхъ людей, не принадлежащихъ къ нищимъ, бродягамъ и преступникамъ. Если спросить англичанина объ этомъ, нигдѣ не имѣющемъ себѣ равнаго, оптовомъ расточеніи титуловъ,—обыкновенно получается отвѣтъ, что этому обычаю не придается особаго практическаго значенія. Когда мнѣ пришлось поздравить старшаго сына недавно произведеннаго въ лорды промышленника-милліонера, онъ отвѣтилъ: „It is just the same“ („Это ничего не значитъ“). Между тѣмъ повышеніе милліонера въ лорды было большимъ праздникомъ для всей его семьи, а въ особенности для старшаго его сына, на котораго лордство должно перейти по наслѣдству. Этотъ случай неискренности приводитъ насъ ко второму помянутому выше обстоятельству, мѣшающему установленію простыхъ человѣческихъ сношеній въ англійскомъ обществѣ,—къ ханжеству или „кантству“. Англійское слово „cant“ означаетъ лицемѣріе, пропитывающее все поведеніе человѣка и особенно общественныя его отношенія. Въ „кантствѣ“, встрѣчаемомъ во всѣхъ классахъ англійскаго общества и являющемся, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ господства слишкомъ властнаго общественнаго мнѣнія, парализующаго личную свободу и мужество собственнаго убѣжденія, нельзя не видѣть національнаго нравственнаго недуга Англіи. Въ англійскомъ обществѣ не разрѣшается называть имѣющіеся на лицо факты ихъ дѣйствительными именами, но требуется отъ всѣхъ, чтобы они придавали существующимъ фактамъ болѣе достойную, но ложную окраску; считается обязательнымъ говорить въ выраженіяхъ, лишь отчасти соотвѣтствующихъ дѣйствительности, напускать на себя видъ какого-то моральнаго совершенства и превозносить англійскую націю, все равно, идетъ ли рѣчь о хорошихъ, достойныхъ похвалы, или о нехорошихъ, достойныхъ порицанія, сторонахъ ея. Встрѣчаются въ Европѣ ослѣпленные англоманіею чудаки, которые преклоняются передъ англійскимъ девизомъ: „My country, right or wrong!“ („права ли

или неправа моя страна, все равно стою за нее"). Но подобная форма патріотизма совмѣщаетъ „кантство" и ложь. Во имя основныхъ принциповъ морали недопустимо, чтобы изъ-за просвѣщеннаго самолюбія, каковымъ собственно является патріотизмъ, отстаивали завѣдомую ложь, несправедливость и злоупотребленіе. Благодаря подобнымъ пріемамъ, англійская внѣшняя политика, часто не останавливавшаяся ни передъ какими нравственными соображеніями, заслужила себѣ репутацію грубаго эгоизма и безцеремонности въ преслѣдованіи собственныхъ интересовъ.

Самимъ англичанамъ хорошо извѣстно, насколько лицемѣріе и ложь вредно отзываются на ихъ общественной жизни. Знаменитый шотландскій историкъ и философъ Карлейль, извѣстный своею безпощадною правдивостью и вслѣдствіе этого ненавидимый многими англичанами, восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ на имя американскаго философа Эмерсона: „Да избавитъ насъ Богъ отъ всѣхъ формъ кантства. Да научитъ насъ Богъ смотрѣть фактамъ честно въ лицо; да предохранитъ Онъ насъ отъ окрашиванія ихъ до неузнаваемости подлою и проклятою лестью, извращая такимъ образомъ собственное Господне Евангеліе . . . . О, Боже, это самый проклятый грѣхъ людей, но онъ встрѣчается вездѣ въ настоящее время, и на улицахъ, и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ. Да избавитъ насъ Богъ отъ него. Въ этомъ состоитъ моя главная молитва". Другой знаменитый англійскій писатель, Буніанъ, бичуетъ въ своей аллегорической повѣсти морально-философскаго содержанія: „Pilgrim's Progress",—самой распространенной книгѣ, написанной на англійскомъ языкѣ,—не только кантство, но и снобизмъ, и формализмъ англичанъ. Въ уголовномъ процессѣ противъ одного изъ героевъ повѣсти, называемаго „Faithful" („Вѣрный"), обвинителями выступаютъ Зависть, Суевѣріе и Лесть. „Господинъ судья, — говоритъ Зависть,—этотъ человѣкъ не уважаетъ ни нашихъ убѣжденій, ни народа, ни законовъ, ни обычаевъ, но распространяетъ, насколько можетъ, свои нелойяльные взгляды, называемые имъ принципами, вѣрою и святостью. Напримѣръ, я слышалъ однажды, какъ онъ увѣрялъ, что христіанство и всѣ обычаи нашего города діаметрально противоположны другъ другу и не могутъ быть согласуемы. Этими словами онъ дерзнулъ осудить всѣ наши похвальныя дѣйствія". Затѣмъ, Суевѣріе заявляетъ: „Я слышалъ, что обвиняемый сказалъ, будто наша религія не можетъ нравиться Богу". Лесть высказывается такимъ образомъ: „Я слышалъ, что обвиняемый издѣвался надъ нашимъ благороднымъ принцемъ

Вельзевуломъ и поносилъ почтенныхъ друзей его, Роскошь, Тщеславіе, Прожорливость и т. д." Послѣ этихъ свидѣтельскихъ показаній судья обращается къ обвиняемому съ такими словами: „Хотя слѣдовало бы покончить съ тобою сейчасъ же, но мы готовы, для того, чтобы всѣ люди могли убѣдиться въ нашемъ безпристрастіи, услышать, что ты, подлый ренегатъ, можешь сказать въ свое оправданіе".

Однако, было бы ошибочно придать чрезмѣрное значеніе снобизму, лицемѣрію и неискренности англичанъ, — качествамъ, встрѣчающимся, впрочемъ, и у другихъ народовъ, хотя и не въ такой высокой степени. Не надо забывать, что тамъ, гдѣ культура и общественная жизнь достигли бо̀льшаго развитія, невозможно обойтись безъ извѣстной окраски голыхъ фактовъ въ пользу общественныхъ и государственныхъ цѣлей. Toute vérité n'est pas bonne à dire!—не всякая правда удобна для оглашенія. Напримѣръ, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ сѣтовать на то, что отказъ въ удовлетвореніи какого-нибудь ходатайства выражается въ возможно менѣе рѣзкой и какъ можно болѣе мягкой формѣ; что отъ опасно больного скрываются происшествія, могущія потрясти его организмъ, какъ, напримѣръ, потеря близкаго родного; что не критикуютъ умершихъ, какъ бы ни были велики ихъ недостатки при жизни,—de mortuis nil nisi bene. Формальное соблюденіе истины въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы государства и общества и морали съ нимъ сталкиваются, было бы равносильно примѣненію принципа: „Fiat veritas, pereat mundus!" — „Да погибнетъ весь міръ, лишь была бы соблюдена истина!" Человѣкъ не существуетъ для истины, а истина для человѣка—въ смыслѣ выработаннаго имъ же принципа для общественныхъ цѣлей. Правильное отношеніе къ интересамъ государства и націи требуетъ допущенія извѣстнаго компромиса между общественными интересами (тѣмъ, что̀ французскіе философы называютъ raison sociale et de l'état) и чисто формальнымъ соблюденіемъ истины. Въ сознаніи необходимости подобнаго компромиса нѣтъ макіавеллизма. Извѣстный нѣмецкій ученый Трейчке, въ своей книгѣ о „Политикѣ", приводитъ наглядный примѣръ послѣдствій односторонняго соблюденія истины. „Государственный человѣкъ, — говоритъ онъ, — не имѣетъ права согрѣвать себѣ руки у дымящихъ развалинъ своего отечества, отдавая себѣ пріятную похвалу: я никогда не лгалъ; — это добродѣтель монаха" [1]). Поэтому, обвиненія цивилизаціи и культуры

[1]) Treitschke, 1892, Band I, S. 110.

въ несостоятельности, на основаніи обусловленнаго ими компромиса между моралью и общественными цѣлями—несправедливы. Формализмъ, снобизмъ и „кантство“ англичанъ, конечно, заслуживаютъ порицанія, но смягчающимъ обстоятельствомъ въ сужденіи о нихъ можетъ служить тотъ фактъ, что они являются спутниками высокаго уровня культуры и цивилизаціи англійскаго общества и государства.

Критикуя обязательное соблюденіе общественныхъ обычаевъ и чрезвычайную строгость общественнаго мнѣнія въ Англіи, нельзя умолчать о томъ, что это явленіе, съ другой стороны, также имѣетъ и благопріятное вліяніе. Одинъ тотъ фактъ, что безнравственность и порокъ не показываются открыто въ общественной жизни, приноситъ пользу поддержанію принциповъ морали. Нравственность англійскихъ мужчинъ врядъ ли выше стоитъ, чѣмъ континентальныхъ, но, во всякомъ случаѣ, въ Англіи безнравственность держитъ себя въ болѣе скромныхъ предѣлахъ, не играетъ такой развращающей все общество роли и не дѣйствуетъ на характеръ и душу мужчинъ настолько, какъ это замѣчается во Франціи,—именно отъ того, что „полусвѣтъ“ стоитъ внѣ всякаго прикосновенія съ честнымъ обществомъ. Молодой человѣкъ въ Англіи никогда не позволитъ гризеткамъ, кокоткамъ и т. п. женщинамъ занимать въ его жизни такое значительное, зловредное мѣсто, какъ это, къ сожалѣнію, бываетъ сплошь и рядомъ у французской молодежи. Конечно, и въ кругахъ англійскаго общества, которые заняты лишь развлеченіями, творится много предосудительнаго, но какъ только дѣло доходитъ до публичнаго скандала, замѣшанные въ немъ должны разъ навсегда или надолго исчезнуть изъ общества. Банкротство, столкновеніе съ правосудіемъ, всякіе безчестные поступки влекутъ за собой въ Англіи немедленное удаленіе человѣка изъ порядочнаго круга, тогда какъ въ иныхъ странахъ европейскаго континента, общественное мнѣніе относится непозволительно пассивно къ „паршивой овцѣ“, заражающей или компрометтирующей все окружающее ее общество. Такимъ образомъ, строгость англійскаго общественнаго мнѣнія, порождающая лицемѣріе, все-таки представляетъ собою активъ въ нравственномъ балансѣ Англіи.

Въ Англіи нравственность отдѣльнаго лица зиждется не на боязни или любви, а на самоуваженіи. Мотивомъ для нравственности можетъ служить боязнь ожидаемаго отъ погрѣшности наказанія и вообще ущерба. Но собирающійся провиниться противъ морали часто знаетъ, или, по крайней мѣрѣ, надѣется, что изъ его непозволительнаго поступка не можетъ выйти для него

никакихъ непріятныхъ послѣдствій; и кромѣ того, желаніе воспользоваться выгодами, извлекаемыми изъ противозаконнаго поступка, можетъ быть сильнѣе боязни наказанія. Боязнь, поэтому, не представляетъ надежнаго фундамента для нравственности. Мотивомъ для соблюденія нравственности можетъ служить также любовь къ человѣчеству, христіанская любовь, не желающая причинить вреда кому бы то ни было. Но примѣненіе моральныхъ принциповъ и законовъ часто вовсе не находится въ связи съ филантропическою любовью и стоитъ внѣ подобныхъ соображеній, такъ что и любовь къ ближнимъ не можетъ быть прочнымъ обоснованіемъ для морали. Надежнымъ базисомъ для нравственности, поэтому, можетъ служить лишь мотивъ, являющійся рѣшающимъ соображеніемъ въ поступкахъ людей и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ боязнь предъ послѣдствіями поступка и любовь къ ближнимъ не имѣютъ силы. Англичане усмотрѣли подобный мотивъ въ самоуваженіи, и не можетъ быть сомнѣнія, что они въ этомъ не ошиблись. Нѣтъ болѣе прочнаго и практически болѣе дѣйствительнаго фактора въ послѣдовательномъ примѣненіи завѣтовъ нравственности отдѣльнымъ лицомъ, чѣмъ его сознаніе, что несоблюденіе признанныхъ имъ самимъ обязательными принциповъ морали роняетъ его собственное достоинство. Основываясь на подобныхъ соображеніяхъ, воспитаніе мальчиковъ въ Англіи задается главнымъ образомъ цѣлью насадить и развить въ нихъ самоуваженіе и чувство отвѣтственности передъ самимъ собою. Въ этомъ отношеніи мы, кажется, можемъ научиться многому у Англіи. Русская педагогика не умѣетъ вырабатывать самостоятельность характера молодыхъ людей, какъ это дѣлаетъ англійская воспитательная метода.

Кромѣ самоуваженія, нравственность въ Англіи покоится на глубокой религіозности, выражающейся не только въ богослуженіи, но и въ нравахъ обыденной жизни. Тогда какъ послѣобѣденные часы субботы посвящены развлеченіямъ и веселью, воскресенье представляетъ собою старозавѣтный „сабатъ“, т.-е. день полнѣйшаго отдыха—и спокойствія. Всѣ увеселительныя заведенія, магазины, присутственныя мѣста и даже рестораны закрыты. Зато церкви переполнены, и на площадяхъ и улицахъ ораторы „арміи спасенія“ и другихъ христіанскихъ исповѣданій проповѣдуютъ слово Божіе. Вокругъ нихъ толпится народъ; чувствуется, что христіанская духовная жизнь здѣсь бьетъ ключомъ. Это живое отношеніе къ религіи является, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ безусловной свободы исповѣданія и пропаганды какого бы то ни было религіознаго ученія.

Исторія религіознаго самосознанія въ Англіи начинается съ 1534 года, когда король Генрихъ VIII отрекся отъ папства и былъ признанъ англійскимъ парламентомъ главою церкви въ Англіи. Но это отпаденіе отъ Рима не означало реформы католическаго догмата. Ученіе о пресуществленіи, съ зависящими отъ него церковными обрядами, частная месса, исповѣдь, обязательность духовныхъ обѣтовъ, недозволеніе брака священниковъ и недопущеніе мірянъ къ пріобщенію святыхъ тайнъ подъ обѣими формами остались въ прежней силѣ. Лишь въ царствованіе Эдуарда VI, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ тогдашняго епископа Томаса Кранмера, произошла реформація въ протестантскомъ духѣ. Составленные тогда общій молитвенникъ, The book of common prayer, и статьи религіи, Articles of religion, введенные въ употребленіе королевою Елисаветою, сохранили свою дѣйствительность до настоящаго времени и различаются отъ ученія Лютера лишь въ нѣкоторыхъ несущественныхъ деталяхъ.

Въ англиканской церкви существуютъ три направленія: 1) The Low Church Party, представляющее пуританскій элементъ, придающій церковнымъ обрядамъ второстепенное значеніе въ сравненіи съ оправданіемъ вѣрою въ Христа; 2) The High Church Party, превозносящее значеніе таинствъ и церковнаго служенія; между этими противоположными направленіями стоитъ 3) The Broad Church Party, не желающее ограничить свободы въ исповѣданіи догматовъ, но придающее главный вѣсъ примѣненію христіанскаго нравоученія къ практической жизни. Каждый священникъ англиканской церкви свободенъ быть или „high“, или „low“. High Church Party выдѣлило изъ себя движеніе, называемое ритуализмомъ и склоняющееся къ принятію формы римско-католическаго богослуженія, тогда какъ Low Church Party, во главѣ съ ревнителями вродѣ недавно умершаго Dean Farrar, упрекаетъ своихъ оппонентовъ въ разрушеніи завѣтовъ реформаціи и въ скрытомъ стремленіи къ возвращенію въ лоно римской церкви. Дѣйствительно, между нѣкоторыми молодыми священниками ритуалистической партіи существуютъ болѣе или менѣе открытыя симпатіи къ римско-католической церкви, но много зависитъ отъ того, касаются эти симпатіи лишь формы богослуженія или догматовъ вѣры.

Для возможнаго выясненія этого вопроса, имѣющаго громадное практическое значеніе для будущаго Англіи, необходимо познакомиться съ богослуженіемъ въ самыхъ „высокихъ“ англиканскихъ церквахъ. По личному наблюденію я удостовѣрился въ

томъ, что въ нихъ богослуженіе ведется по порядку протестантскаго молитвенника, Common Prayer book, но вліяніе римской церкви сказывается въ цѣломъ рядѣ обычаевъ, неизвѣстныхъ въ „низшихъ" англиканскихъ храмахъ. Такъ, напримѣръ, вмѣсто обязательной проповѣди съ каѳедры, священникъ, спустившись по ступенямъ алтаря, обращается оттуда къ прихожанамъ съ короткимъ изложеніемъ библейскаго текста. Онъ одѣтъ въ роскошныя облаченія съ позолотою. Пріобщеніе святыхъ тайнъ занимаетъ мѣсто обязательной части всякаго богослуженія и совершается такимъ образомъ, что священникъ, благословивъ вино и хлѣбъ, ставъ нѣсколько разъ на колѣни и приподнявъ святые дары къ большому распятію, стоящему на алтарѣ, сперва самъ пріобщается и затѣмъ пріобщаетъ прихожанъ, приблизившихся къ алтарю для полученія святыхъ даровъ. Священникъ и прихожане во время богослуженія часто крестятся и преклоняютъ колѣни. Священникъ мѣняетъ свое облаченіе во время богослуженія. Передъ алтаремъ висятъ горящія лампы и надъ алтаремъ горитъ много свѣчей. Въ церкви производятся крестные ходы съ хоругвями, на которыхъ изображены священные знаки. Не можетъ быть сомнѣнія, что эти обряды заимствованы изъ католическаго богослуженія, но—не восприняты обязательность исповѣди, пресуществленія, обѣдни и службы святымъ и Богоматери, и не допускаются статуи въ церкви. Съ другой стороны, главный протестантскій догматъ оправданія вѣрою не отвергнутъ. Такимъ образомъ, ритуалистическія стремленія „высшей" церкви сводятся лишь къ внѣшнему сближенію съ римско-католической церковью. Еслибы англиканское духовенство рѣшилось провозгласить римско-католическую догму, то поднялся бы кличъ противъ папства: „No Popery!"—ибо въ плоть и кровь свободолюбиваго англичанина вошла потребность имѣть независящую отъ иностранной власти національную церковь. Правда, — англійскіе католики (число ихъ равняется въ Шотландіи 365.000, въ Англіи—$^1/_{10}$ всѣхъ жителей, а въ Ирландіи—даже $^4/_5$ всего народонаселенія) признаютъ верховную власть папы, и они вслѣдствіе этого какъ-то нелюбимы въ Англіи. Нельзя поэтому не придти къ заключенію, что предположеніе о предстоящемъ соединеніи англиканской „High Church Party" съ римскою церковью является преждевременнымъ.

Протестанты, не принадлежащіе къ англиканской церкви, раздѣляются на 1) пресвитеріанцевъ, къ которымъ принадлежатъ $^2/_3$ шотландцевъ; они въ 1843 году отдѣлились отъ англиканской церкви, по чисто іерархическимъ соображеніямъ, не

касающимся догматовъ; 2) независимыхъ пуританскихъ конгрегаціонистовъ; 3) баптистовъ; 4) методистовъ; 5) членовъ арміи спасенія; 6) моравскихъ братьевъ; 7) квакеровъ; 8) унитаріевъ. Со включеніемъ всѣхъ протестантскихъ сектъ, въ Великобританіи насчитывается не менѣе 293 разныхъ евангелическихъ вѣроисповѣданій. Но это распаденіе на столько самостоятельныхъ религіозныхъ обществъ нисколько не тормазило набожность. Напротивъ, церковность британскаго населенія выражается, между прочимъ, въ томъ, что общее число христіанскихъ и еврейскихъ мѣстъ для богослуженія (churches, chapels, rooms) опредѣлилось въ 1895 году въ не менѣе 25.758, т.-е. на каждую тысячу душъ приходится одно мѣсто богослуженія. Подобное распаденіе христіанъ, различающихся другъ отъ друга лишь въ незначительныхъ деталяхъ ихъ вѣроисповѣданія, или въ іерархіи, покажется католику или православному прямо чудовищнымъ. Однако, возникаетъ принципіальный вопросъ, способствуетъ ли объединеніе большихъ массъ людей въ одно формальное однообразное цѣлое по ихъ вѣроисповѣданію—дѣйствительному распространенію между ними религіозности. Какъ извѣстно, любовь къ однообразію и объединенію возможно бо̀льшаго числа людей по̀дъ однимъ шаблономъ всегда принимала въ непросвѣщенной массѣ, стоящей по̀дъ игомъ духовенства, форму слѣпой маніи, причемъ забывается, что главный смыслъ христіанской религіи лежитъ не въ однообразіи вѣроисповѣданія, а въ дѣйствительномъ примѣненіи законовъ Божіихъ къ практической жизни. Священное писаніе многократно указываетъ, что не призывающіе имя Божіе, т.-е. не исполняющіе церковные обряды окажутся праведными на страшномъ судѣ, но соблюдающіе Божьи заповѣди въ своей жизни. Изъ этого слѣдуетъ, что соблюденіе нравственности на религіозныхъ началахъ должно быть главною цѣлью религіи, и та форма исповѣданія, которая способствуетъ этому, должна быть признана полезною для цѣлей христіанской религіи. Часто наблюдается, что религіозное меньшинство развиваетъ болѣе искренности въ исповѣданіи и болѣе руководствуется ею въ практической жизни, чѣмъ религіозное большинство. Происходитъ это по тому закону общечеловѣческой душевной динамики, по которому люди тѣмъ болѣе дорожатъ извѣстнымъ достояніемъ, чѣмъ болѣе они должны напрягать свои силы для его поддержанія или страдать изъ-за него. Отъ усилій удержать мѣсто за собою, не поддаваться натиску противника, религіозныя убѣжденія становятся глубже и тверже. Въ борьбѣ съ властью большинства, меньшинство становится болѣе ревностнымъ. Не имѣя возможности выигрывать свое дѣло боль-

нимъ числомъ приверженцевъ, оно обращаетъ сосредоточенное вниманіе на практическое примѣненіе религіозныхъ заповѣдей, чтобы этимъ доказать основательность своего исповѣданія. Такъ и въ Россіи старовѣры, представляющіе религіозное меньшинство, отличаются отъ большой массы православныхъ болѣе основательнымъ примѣненіемъ нравственныхъ принциповъ въ практической жизни. Стало быть, малочисленныя религіозныя общества приносятъ пользу христіанству, и сектантство въ Англіи въ этомъ отношеніи нисколько не считается неблагопріятнымъ явленіемъ для христіанской религіи.

Другимъ обстоятельствомъ, имѣвшимъ вліяніе на развитіе религіознаго духа въ Великобританіи, является полная свобода совѣсти. Тѣмъ, что выборъ исповѣданія не подверженъ какому бы то ни было принужденію со стороны государственной или духовной власти, но предоставленъ свободному рѣшенію каждаго отдѣльнаго лица, чувство духовной отвѣтственности усиливается и развивается у каждаго, вслѣдствіе чего религіозное убѣжденіе становится болѣе зрѣлымъ и глубокимъ. Въ этомъ же состоитъ главный интересъ каждой религіи, а отнюдь не въ полномъ внѣшнемъ однообразіи исповѣданія, часто скрывающемъ религіозное равнодушіе и чисто формальную принадлежность къ данному духовному обществу. Напримѣръ, въ классическомъ государствѣ понудительнаго религіознаго единства, бывшей Церковной области римскаго папы, господствовали подъ формальною оболочкою самаго ортодоксальнаго вѣроисповѣданія религіозное равнодушіе и глубокая безнравственность. Наоборотъ, Англія можетъ служить хорошимъ примѣромъ того, что полнѣйшая свобода совѣсти содѣйствуетъ распространенію истинной религіозности и нравственности. Впрочемъ, католическій догматъ о томъ, что міръ долженъ придерживаться одного и того же ученія, предписываемаго папою до мельчайшихъ деталей, равняется вредной утопіи. Понятіе о личности и существѣ Бога и все нравственно-религіозное міросозерцаніе отдѣльнаго лица необходимо стоятъ въ тѣсной связи со степенью умственнаго его развитія. Крестьянинъ или ремесленникъ имѣетъ другое, болѣе конкретное представленіе объ основныхъ истинахъ христіанской религіи, чѣмъ ученый, привыкшій къ болѣе отвлеченному мышленію и къ далекому умственному кругозору. Поэтому, если немного всмотрѣться во внѣшнее однообразіе вѣроисповѣданія католической церкви, легко раскрыть у отдѣльныхъ ея приверженцевъ гораздо большія различія вѣры, чѣмъ существующія между исповѣданіями отдѣльныхъ евангелическихъ сектъ. Повторяющееся два раза въ годъ въ

Неаполѣ чудо превращенія твердаго тѣла, представляющаго кровь святого Януарія, въ жидкость, вполнѣ удовлетворяетъ неаполитанцевъ, а болѣе просвѣщенные изъ католиковъ считаютъ это чудо гнуснымъ обманомъ священниковъ. Предъявляемое къ лицамъ самаго различнаго умственнаго развитія и разныхъ широтъ, требованіе абсолютнаго однообразія религіозныхъ представленій есть не что другое, какъ умышленный самообманъ, производимый въ угоду идолу духовнаго рабства. Въ Англіи пролито было много крови, пока въ этомъ не убѣдились и пока не взошло солнце безусловной свободы совѣсти, вызвавшее глубокую религіозность во всѣхъ слояхъ народонаселенія.

Англія можетъ служить образцомъ и относительно понятій о чести. Какъ извѣстно, въ странахъ континентальной Европы различаютъ разные роды чести, являющіеся выраженіемъ уваженія, приносимаго отдѣльному лицу тѣмъ соціальнымъ классомъ, къ которому онъ принадлежитъ. Такъ, существуетъ честь купеческая, тождественная съ торговымъ кредитомъ, студенческая, регулируемая студенческими общественными правилами, офицерская, опредѣляемая офицерскими наказами, и кавалерская, повинующаяся рыцарскимъ внушеніямъ. Эти разныя, часто противорѣчащія другъ другу понятія о чести различныхъ классовъ общества часто сталкиваются между собою и создаютъ безвыходныя положенія. Нѣмецкій драматургъ Зудерманъ провозгласилъ, въ своей сенсаціонной драмѣ „Честь“, новую теорію о томъ, что „вовсе не существуетъ чести“. Англичане, наоборотъ, знаютъ, что честь существуетъ, но что есть только одна общая всѣмъ классамъ общества честь, не проистекающая изъ сословныхъ и классовыхъ предразсудковъ, а зиждущаяся на общеобязательныхъ моральныхъ понятіяхъ, какъ-то на порядочности, благонадежности, правдивости, искренности и т. д. Только въ такомъ случаѣ понятіе о чести не ограничено предубѣжденіями узкаго круга людей, но обнимаетъ всю націю. Въ Англіи встрѣчается то же самое понятіе о чести у дворянъ, въ буржуазіи и въ рабочей средѣ. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть большого прогресса цивилизаціи. Клевета, оскорбленія словомъ, письменно или дѣйствіемъ, и всякія посягательства на личную честь, разрѣшаются въ Англіи судомъ, а не дуэлью. Въ Англіи давно убѣдились въ томъ, что дуэль въ сущности ничего не можетъ исправить, а является лишь случайнымъ событіемъ, въ которомъ оскорбленному, вмѣсто дѣйствительнаго удовлетворенія, часто достаются пораненія или даже смерть. Могу привести примѣръ этому изъ собственной жизни. Послѣ дуэли на шпагахъ, въ которой я нанесъ

противнику тяжкое пораненіе, этотъ послѣдній, вызвавшій меня за непочтительное съ нимъ обращеніе, послѣ выздоровленія присталь ко мнѣ съ заявленіемъ, что онъ не получилъ отъ меня удовлетворенія. Вслѣдствіе того, мы дрались вторично, и этотъ разъ на пистолетахъ, но противникъ мой не достигъ болѣе благопріятныхъ для него результатовъ, я такъ и остался „безъ удовлетворенія". Случаи, напоминающіе по ихъ несправедливому исходу описанную Пушкинымъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ" дуэль, когда безсовѣстно заигрывавшій съ невѣстою друга Онѣгинъ, вдобавокъ, убиваетъ его на дуэли, повторяются часто въ дѣйствительной жизни и вызываютъ справедливое негодованіе общества; но въ континентальныхъ странахъ все еще полагаютъ, что безъ дуэли обойтись невозможно, совершенно забывая при этомъ, что греки и римляне классическаго періода и современные скандинавы, англичане и сѣверо-американцы прекрасно обходятся безъ этого не-истинѣ безсмысленнаго обычая. Въ иныхъ континентальныхъ странахъ пытались искоренить дуэль введеніемъ болѣе строгихъ карательныхъ законовъ. Но такой образъ дѣйствія не повелъ ни къ чему, потому что походъ противъ дуэли начатъ съ невѣрнаго конца. Въ Англіи дуэль вышла изъ употребленія съ тѣхъ поръ, когда само общество стало смотрѣть на нее, какъ на поступокъ одинаково непозволительный и преступный, какъ и на всякое другое умышленное убійство. Общество стало осуждать даже каждое провокаторское или оскорбительное поведеніе. Континентальный буянъ, любящій заводить драки для доказательства своей неустрашимости, не нашелъ бы въ Англіи подходящей для себя почвы. Онъ былъ бы исключенъ изъ порядочнаго общества, — его избѣгали бы какъ зачумленнаго. Положеніе оскорбителя относительно оскорбленнаго вообще въ Англіи — другое. Извиненіе въ Англіи не сопряжено съ самоуниженіемъ, какъ на него смотрятъ на континентѣ, а только имѣетъ значеніе должной дани возстановленію нормальныхъ общественныхъ отношеній. Напримѣръ, въ британскомъ парламентѣ каждый депутатъ всегда готовъ принести сейчасъ же свое извиненіе въ случаѣ, если онъ какимъ-нибудь образомъ задѣлъ чувствительность другого депутата. Происходитъ это отъ того, что англійское общество порицаетъ не оскорбленнаго (на континентѣ сказали бы: „давшаго себя обидѣть"), но оскорбителя, провинившагося противъ общественнаго приличія, которое воспрещаетъ всякія рѣзкости и оскорбительныя выходки.

Если на континентѣ все еще дерутся на дуэляхъ, то это главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что общественное

мнѣніе еще не располагаетъ достаточной просвѣщенностью, чтобы открыто осуждать дуэль. Съ своей стороны, континентальныя уголовныя законодательства все еще не рѣшились, на подобіе англійскаго Common law, установить для дуэлянтовъ ту самую кару, какая существуетъ для простыхъ убійцъ. Въ континентальныхъ странахъ надо, поэтому, начать съ того, чтобы общество и уголовный законъ смотрѣли на дуэлянтовъ какъ на обыкновенныхъ преступниковъ. Тогда все ложное обаяніе, окружающее дуэль еще до сихъ поръ, померкло бы, и для каждаго стало бы яснымъ, что этотъ отжившій остатокъ среднихъ вѣковъ—анахронизмъ, недопустимый въ современномъ культурномъ государственномъ строѣ.

Особенныя трудности представляютъ оскорбленія, въ которыхъ замѣшаны лица женскаго пола. Какъ извѣстно, континентальный кодексъ чести въ этомъ отношеніи не допускаетъ никакихъ компромиссовъ, и если защитники дуэли и готовы сдаться на другихъ пунктахъ, то они не считаютъ возможнымъ отказаться отъ убѣжденія, что мужчина обязанъ отомстить за оскорбленія, нанесенныя женскому полу, вызовомъ на дуэль. Надо признаться, что подобные случаи затрогиваютъ деликатныя отношенія и для ихъ улаживанія требуются особенная осторожность и осмотрительность. Но дуэль и въ этомъ случаѣ не можетъ ничего исправить. Фактъ, что два лица стрѣляютъ другъ въ друга и иногда убиваютъ другъ друга, не можетъ исправить случившагося обезчещенія женщины или дать какое бы то ни было вознагражденіе потерпѣвшему. Въ Англіи и въ такихъ случаяхъ не отказываются отъ примѣненія началъ здраваго и вполнѣ практическаго смысла. Англійская дѣвица сочла бы вмѣшательство рыцарскаго брата излишнимъ. Она знаетъ болѣе практичный способъ добиться удовлетворенія,—она обращается къ суду. Всякое неприличное посягательство, словами или дѣйствіемъ, на честь женщины, или же неосновательный отказъ отъ состоявшагося обрученія (breach of promise) — карается въ Англіи присужденіемъ виновнаго къ уплатѣ значительной суммы денегъ, въ силу того соображенія, что шансы дѣвицы на замужество вслѣдствіе этого пострадали, и что понесенный ущербъ долженъ быть вознагражденъ. Англійскіе судьи весьма либеральны въ присужденіи подобныхъ вознагражденій. Они исполняютъ роль защитниковъ женщинъ гораздо болѣе удачно и цѣлесообразно, чѣмъ это могъ бы сдѣлать какой бы то ни было „кавалеръ“. Практическій результатъ, извлекаемый изъ подобнаго безкровнаго, но справедливаго метода, очевиденъ для всѣхъ. Въ Англіи отно-

шенія между лицами обоего пола въ публичныхъ мѣстахъ гораздо приличнѣе, чѣмъ на континентѣ. Дамы могутъ показываться во всякое время однѣ на улицѣ, въ ресторанахъ, театрахъ и тому подобныхъ мѣстахъ, безъ опасенія подвергнуться назойливымъ приставаніямъ мужчинъ. Съ другой стороны, мужской полъ тщательно избѣгаетъ поводовъ навлечь на себя процессъ о вознагражденіи убытковъ по фривольнымъ прихотямъ, и женскій полъ, вслѣдствіе этого, занимаетъ въ Англіи по отношенію къ мужчинамъ гораздо болѣе уважаемое и равноправное положеніе, чѣмъ во многихъ странахъ европейскаго континента. Такъ напримѣръ, въ южной Италіи женщины высшихъ и среднихъ классовъ общества не могутъ показаться на улицѣ, въ садахъ или въ публичныхъ мѣстахъ однѣ, безъ сопровожденія, не подвергаясь опасности нарушенія по отношенію къ нимъ благоприличія или нахальнаго съ ними обращенія со стороны мужчинъ. Такое состояніе публичныхъ нравовъ, конечно, не можетъ не отражаться неблагопріятно на ихъ свободѣ дѣйствій и ихъ общественномъ положеніи. Поэтому не можетъ быть сомнѣнія, что англійская система защиты правъ женщинъ судомъ, по своей культурности и практической цѣлесообразности, стоитъ выше существующихъ въ континентальныхъ странахъ дикихъ нравовъ по отношенію къ женщинамъ. Англійскіе судьи пользуются большою властью и авторитетомъ. Какъ извѣстно, англійское правосудіе существенно различается отъ соблюдаемой въ другихъ европейскихъ странахъ организаціи, тѣмъ, что оно не покоится на кодифицированныхъ, всѣмъ доступныхъ законахъ, а на слѣдующемъ троякомъ базисѣ: на парламентскихъ законоположеніяхъ (statutory law), на некодифицированномъ, извлекаемомъ изъ предыдущихъ судебныхъ рѣшеній правѣ (common law) и на справедливости, въ широкомъ и почти неуловимомъ смыслѣ этого понятія (equity); другими словами, англійскому судьѣ предоставлено выносить свои приговоры и сужденія, за исключеніемъ ограниченнаго парламентскаго, опубликованнаго законодательства, по существующему лишь въ сознаніи правовѣдовъ неписанному праву и по соображеніямъ, соотвѣтствующимъ справедливости по личному ихъ убѣжденію. Судьи назначаются на всю жизнь и могутъ быть уволены лишь въ случаяхъ помѣшательства, преступленія и т. п. Въ такихъ случаяхъ необходимы петиціи обѣихъ палатъ парламента передъ королемъ. Вслѣдствіе этого власть англійскихъ судей почти неограничена, ихъ приговоры являются свободными выраженіями ихъ юридической совѣсти, и нѣтъ возможности провѣрить ихъ

справедливость или несправедливость, потому что нѣтъ кодифицированнаго закона или уложенія.

Но какъ ни культурны англійскіе порядки относительно устраненія дуэли, поведеніе обманутаго мужа въ Англіи врядъ ли можетъ встрѣтить одобреніе континентальнаго европейца. Англичанинъ не хватается за оружіе, чтобы отомстить поругателю его супружеской чести, но и онъ обращается къ судьѣ для полученія „вознагражденія за убытки", какъ бы—pour se faire dorer les cornes! Для континентальнаго европейца дѣловое использованіе обманутымъ мужемъ созданнаго измѣною жены щекотливаго для него положенія—вообще непостижимо. Въ Англіи, странѣ, гдѣ дѣловая точка зрѣнія господствуетъ почти во всѣхъ отношеніяхъ жизни надъ соображеніями чувства, нарушеніе супружескихъ правъ считается заслуживающимъ денежнаго вознагражденія, и судья не можетъ отказать въ признаніи уваженіи подобнаго тяжебнаго иска, въ интересѣ общественной нравственности. При этой прозаичной, но законной развязкѣ любовной интриги, любовникъ замужней женщины, оказавшійся на скамьѣ подсудимыхъ, какъ простой отвѣтчикъ, не имѣетъ возможности играть романтичную роль континентальнаго „корсара брака", защищающаго свое счастье съ оружіемъ въ рукахъ. Съ своей стороны, англійское общество, чувствуя себя вполнѣ солидарнымъ со своими судьями, смотритъ на осужденнаго прелюбодѣя именно какъ на простого преступника, а вовсе не какъ на какого-то героя. Вообще говоря, отношенія между лицами обоего пола основаны въ Англіи на весьма практическихъ соображеніяхъ. Они отъ того, можетъ быть, теряютъ извѣстную романтическую окраску, но, зато, въ нихъ нѣтъ столько фальши, какъ на континентѣ. Они болѣе честны, чисты, просты и искренни.

На семейную жизнь въ Англіи также благопріятно вліяетъ большое число дѣтей, имѣющее важное значеніе для дальнѣйшаго развитія колонизаторской дѣятельности англичанъ въ заокеанскихъ странахъ. На европейскомъ континентѣ самостоятельные слои общества одержимы опасеніемъ: „буду ли я въ состояніи обезпечить моимъ дѣтямъ занимаемое мною общественное положеніе?" Вслѣдствіе этого стараются какъ можно больше ограничить количество дѣтей, чтобы не слишкомъ обременить имѣющіяся имущественныя средства и не быть принужденнымъ помѣстить своихъ дѣтей на низшей соціальной ступени. Въ Англіи подобныя соображенія неизвѣстны, потому что, во-первыхъ, нѣтъ такой обособленности отдѣльныхъ классовъ общества, какъ въ странахъ континента. Англійскій дворянинъ знаетъ, что младшіе

его сыновья будутъ коммонерами. Во-вторыхъ, торговый или промышленный успѣхъ одного и неуспѣхъ другого повышаетъ одного и понижаетъ другого въ занимаемыхъ ими общественныхъ положеніяхъ. Въ Англіи дѣльный, талантливый и прилежный человѣкъ гораздо легче успѣваетъ подняться, чѣмъ въ континентальныхъ странахъ, а лѣнивый, бездарный и глупый скорѣе опускается, такъ что все зависитъ отъ личныхъ качествъ отдѣльнаго лица, и отецъ не имѣетъ возможности, при всемъ своемъ желаніи, опредѣлить, на какой ступени его сынъ очутится въ общественной жизни. Англичане поэтому направляютъ все свое вниманіе на подходящее и тщательное воспитаніе дѣтей и развитіе ихъ самостоятельности, на закаливаніе ихъ характера и какъ можно болѣе удовлетворительное и совершенное ихъ приготовленіе къ практической дѣловой жизни. Но разъ ихъ воспитаніе окончено, — и богатые отцы требуютъ отъ своихъ сыновей, чтобы они сами зарабатывали средства къ своему существованію, по мѣрѣ возможности, и начали собственную дѣловую карьеру, будь это въ важномъ или незначительномъ мѣстѣ. Честная работа ни въ какомъ случаѣ не считается постыдною, роняющею достоинство человѣка, какъ на нее смотрятъ, напр., бездѣйствующіе и, вслѣдствіе этого, обѣднѣвшіе аристократы южной Италіи. Конечно, сыновья изъ зажиточныхъ семействъ пользуются извѣстною денежною поддержкою, въ случаѣ надобности, и разными связями, облегчающими имъ успѣхъ въ избранной ими отрасли труда, но, во всякомъ случаѣ, полное тунеядство не допускается, ни въ бѣдныхъ, ни въ богатыхъ семействахъ. Отъ каждаго ожидается, чтобы онъ самъ себѣ создалъ экономическое положеніе приложеніемъ своихъ способностей къ полезному труду. Въ этомъ можно убѣдиться въ Англіи почти на каждомъ шагу. Напримѣръ, старшій сынъ богатѣйшаго лорда Джойси, нажившаго свое громадное состояніе въ угольной промышленности, не стыдится прилежно работать въ одной изъ конторъ отца. Сыновья главнаго директора большой фирмы Armstrong, Whitworth & Co, баронета Нобеля, имѣющаго годовой доходъ, превышающій 100.000 фунт. стерл. (1 милліонъ рублей), служатъ: одинъ въ частномъ банкѣ, другой — на Эльзвикскомъ пушечномъ заводѣ, а третій состоитъ представителемъ и агентомъ фирмы въ Лондонѣ. Всѣ они усердно работаютъ и не живутъ на счетъ отцовскаго достоянія. Примѣненіе подобныхъ принциповъ имѣетъ громадное значеніе для благосостоянія государства, и въ семейной жизни ими же создается возможность имѣть большое число дѣтей. Дѣти не ложатся та-

кимъ тяжелымъ бременемъ на отцовскій кошелекъ, какъ во Франціи, гдѣ опасеніе, что дѣти, вслѣдствіе недостающихъ денежныхъ средствъ отца, могли бы être déclassés, т.-е. потерять занимаемое родителями общественное положеніе, породило пагубную систему „двухъ дѣтей“, отъ которой французская нація постепенно вымираетъ. Исполненіе старозавѣтнаго предписанія: „плодитесь и размножайтесь“, предохранило маленькое іудейское племя отъ погибели, несмотря на самыя тягостныя условія жизни, въ которыя ихъ поставила трагическая исторія ихъ племени, и со временъ Моисея до настоящаго времени обезпечивало имъ неослабѣвающую національную силу. Соблюденіе того же принципа приноситъ свои благодѣтельные плоды и въ отношеніи все болѣе распространяющагося на Земномъ шарѣ англо-саксонскаго племени. Народы, какъ французскій, не исполняющіе правила: „плодитесь и размножайтесь“, по соображеніямъ роскоши и соціальной обособленности, неминуемо должны погибнуть, а народы, какъ англійскій, у которыхъ подобныя эгоистическія и непатріотичныя соображенія не существуютъ, и которые производятъ многочисленное потомство, должны въ концѣ концовъ выйти изъ борьбы за существованіе побѣдителями. Точно также отдѣльныя семейства, соблюдающія, такъ сказать, аристократическій принципъ, по которому количество дѣтей ставится въ зависимость отъ имѣющихся на лицо денежныхъ средствъ для поддержанія ихъ на экономическомъ уровнѣ, занимаемомъ родителями, постепенно вымираютъ, тогда какъ семейства, поступающія по старозавѣтному „пролетарскому“ правилу, по которому большое число дѣтей считается видимымъ Божьимъ благословеніемъ, рано или поздно занимаютъ мѣсто семействъ, вымирающихъ по малочисленности ихъ потомства.

Однако, вышесказанное не относится къ тѣмъ исключительнымъ кругамъ общества въ Англіи, которые смотрятъ свысока на людей, принужденныхъ—to work for their living (зарабатывать свое существованіе). Эти непопулярные прожигатели жизни, такъ называемый „smart set“, посвящаютъ себя въ продолженіе цѣлаго года исключительно праздной жизни. Съ начала мая до іюля привлекаетъ ихъ лондонскій „сѣзонъ“, съ его безконечными at homes и garden parties (пріемами дома и въ саду), dinner parties (обѣдами), балами, концертами, операми и съ посѣщеніями уютныхъ, комфортабельныхъ клубовъ. Въ концѣ іюля приходится дать разшатаннымъ нервамъ трехнедѣльный отдыхъ въ одной изъ фешенэбльныхъ морскихъ купаленъ: Брейтонъ, Скарборо, Истборнъ, или на континентѣ. Затѣмъ, 12-го августа начинается охота на

тщательно оберегаемыхъ до этого момента тетеревовъ. Перваго сентября очередь стоитъ за куропатками и фазанами. Кромѣ охоты, игра въ карты и сладостный флиртъ даютъ пріятное разнообразіе. Въ концѣ октября начинается излюбленная охота верхомъ—hunting,—продолжающаяся всю зиму. Наконецъ, раннею весною, когда Англія застигнута сильными вѣтрами, предпринимается путешествіе въ болѣе южныя страны—на Ривьеру, въ Италію, Египетъ и т. д.

Какъ видно изъ этого распредѣленія времени, общественная жизнь элегантнаго общества въ Англіи сосредоточивается не въ городахъ, а въ имѣніяхъ, гдѣ аристократія и мѣстная джентри проводятъ бо́льшую часть года. Надо, поэтому, посѣтить ихъ старые, средневѣковые за́мки и современныя виллы, окруженныя роскошными парками и обширными, обросшими густою обстриженною травою газонами, чтобы познакомиться съ барскою жизнью въ Англіи, не имѣющей себѣ подобной въ цѣломъ мірѣ. Гостепріимство въ Англіи превышаетъ, по своей широтѣ и утонченности, все, чѣмъ континентальная Европа можетъ гордиться въ этомъ отношеніи. Принимаютъ гостя безъ лишней пышности, но такъ, что ему дается иллюзія пребыванія у себя дома. Онъ пользуется услугами особаго камердинера; его комната, или комнаты, такъ расположены, въ башнѣ или особомъ флигелѣ, что до него не доходитъ ни малѣйшаго шума изъ остального дома; вся роскошная обстановка дома—библіотеки, галереи, биллiардная, музыкальные инструменты, и т. д., и конюшня—находятся въ его распоряженіи; онъ вполнѣ свободенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и только обязанъ соблюдать часы завтрака и обѣда. Въ комнатахъ гостей висятъ печатныя карточки съ обозначеніемъ времени завтрака и обѣда, отхода и прихода почтъ и разстоянія до ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій. По близости находятся особыя ванныя, гдѣ можно во всякое время дня или ночи принимать теплую или холодную ванну; повсюду электрическое освѣщеніе; просторные камины, нагрѣвающіе и очищающіе воздухъ комнатъ своимъ огнемъ. Постель мягка и широка,—въ ней спится превосходно; туалетъ снабженъ огромными зеркалами, письменный столъ — всѣми принадлежностями, и въ томъ числѣ почтовою бумагою, на которой, въ верхнемъ лѣвомъ углу, напечатанъ почтовый адресъ за́мка; вся мебель выдержана въ извѣстномъ стилѣ; на столѣ стоитъ большой букетъ съ отборными цвѣтами. По англійскому обычаю, спальни находятся въ верхнихъ этажахъ, тогда какъ нижній этажъ содержитъ библіотеку, столовую, салоны (drawing rooms), танцо-

вальный залъ, билліардную, картинныя галереи и большой входный залъ (entrance hall), украшенный разными оружіями и охотничьими трофеями. Часто обвиняютъ англичанъ въ недостаткѣ эстетическаго чувства,—но какія у нихъ, однако, роскошныя коллекціи цѣнныхъ картинъ! Въ Аливикѣ, замкѣ герцога Нортумберландскаго, я видѣлъ картины первоклассныхъ итальянскихъ мастеровъ, — Леонардо да Винчи, Андреа дель Сарто, Ботичелли, Рафаэля, Фра Бартоломео. Въ замкѣ Ревенсвортъ мнѣ показали Рубенса и Ванъ-Дейка. Въ Виндлестонѣ, имѣніи баронета Иденъ, находится драгоцѣннѣйшая коллекція картинъ великихъ мастеровъ почти всѣхъ главныхъ школъ европейскаго континента. Крагсайдъ и Бамборо, замки лорда Армстронга, изобилуютъ самыми разнообразными и великолѣпными картинами. Почти во всѣхъ красивыхъ виллахъ и домахъ посѣтитель находитъ большія коллекціи англійской живописи. Кромѣ того, англичане любятъ составлять коллекціи историческихъ и другихъ рѣдкостей. Особенно хороши и богаты ихъ коллекціи разныхъ фарфоровъ, — севрскаго, мейсенскаго, берлинскаго, итальянскаго, азіатскаго и англійскаго. Всѣ роды фарфора означаются довольно курьезно однимъ и тѣмъ же словомъ— „China“. Въ имѣніи Честерсъ, лежащемъ близъ римской стѣны, воздвигнутой императоромъ Адріаномъ противъ нападеній дикихъ сѣверныхъ племенъ, пиктовъ и скоттовъ, находится въ особомъ домѣ музей съ интереснѣйшими остатками римскаго владычества, найденными при римскихъ лагеряхъ, расположенныхъ вдоль Адріановской стѣны.

Эстетическое чувство англичанъ выражается также большою ихъ любовью къ цвѣтамъ. Каждый сколько-нибудь большой домъ въ графствахъ и городахъ имѣетъ свои теплицы для произведенія самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Въ большихъ имѣніяхъ теплицы и оранжереи занимаютъ обширное пространство и производятъ такое изобиліе цвѣтущихъ растеній, что можно украшать домъ круглый годъ самымъ изящнымъ образомъ. Особенно роскошно бываетъ убранъ обѣденный столъ, и замѣчателенъ тотъ фактъ, что обязательное украшеніе обѣденнаго стола цвѣтущими растеніями соблюдается не только въ богатыхъ домахъ, но и въ широкихъ слояхъ буржуазіи, которые въ континентальныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, не думаютъ о томъ, чтобы расходовать деньги на такой кажущійся имъ ненужнымъ предметъ, какъ цвѣты, не приносящіе никакой практической пользы. Изъ этого видно, что у англичанъ эстетическое чувство даже болѣе развито, чѣмъ на континентѣ, и что они достаточно ува-

ютъ цѣнить не только практическую, но и изящную сторону жизни.

Вообще говоря, распредѣленіе жизни въ англійскихъ имѣніяхъ представляетъ чрезвычайно здоровое и пріятное соединеніе тѣлесныхъ упражненій и отдыха въ комфортабельнѣйшей и роскошнѣйшей обстановкѣ. Раннее утро обыкновенно идетъ на почтовую корреспонденцію. Англичане, и особенно англичанки, пишутъ очень много писемъ, и ихъ вѣжливость въ этомъ отношеніи можетъ служить образцомъ для представителей другихъ націй. Для каждаго, имѣющаго дѣловыя или общественныя сношенія съ англичанами, полезно будетъ не забывать, что отъ него ожидаютъ приложенія той же вѣжливости, какою онъ пользуется съ ихъ стороны. Напримѣръ, въ Англіи принято отвѣчать на письмо въ тотъ же самый день, когда оно было получено, и если нельзя этого сдѣлать по сложности запросовъ, то, по крайней мѣрѣ, сейчасъ же увѣдомляютъ о полученіи письма и о предстоящемъ будущемъ подробномъ отвѣтѣ. По посѣщеніи имѣнія, возвратясь домой, необходимо немедленно послать письмо, выражая благодарность за гостепріимство. Отвѣчаютъ также на каждое письмо съ приглашеніемъ—будь это только приглашеніе на five o'clock tea.

Англичане одѣваются весьма разнообразнымъ образомъ, смотря по времени дня и опредѣленному случаю. Одежда дамъ утромъ состоитъ въ широкихъ, не тѣсно прилегающихъ платьяхъ. Мужчины бываютъ въ пиджакахъ и длинныхъ или короткихъ, съ высокими чулками, штанахъ (knickerbockers). Послѣ перваго завтрака (breakfast) происходитъ первая перемѣна декораціи — надѣвается костюмъ, соотвѣтствующій данному спорту. Почти для каждаго спорта имѣется особый костюмъ. Гардеробы мужчинъ и особенно гардеробы женщинъ — огромные. Для спорта дамы обыкновенно носятъ короткія юбки, дающія просторъ движеніямъ, и надѣваютъ при этомъ крѣпкіе сапоги. Мужская обувь снабжена широкими подошвами, облегчающими, по мнѣнію англичанъ, ходьбу. Кстати, стремленіе покрыть какъ можно больше пространства на земномъ шарѣ всегда была отличительною чертою англосаксонской расы!

Голова покрывается самыми удивительными, но практичными, плотно прилегающими фуражками. Джерси, блузы и тому подобныя, не мѣшающія движеніямъ одежды пополняютъ цѣлесообразный костюмъ, производящій, однако, впечатлѣніе маскарада, въ которомъ нѣжный полъ старается показаться въ возможно болѣе необыкновенномъ и неуклюжемъ видѣ. Особенно шотланд-

скіе береты (tam o'shanter), кокетливо едва пришпиленные къ волосамъ, или же надѣтые на всю голову, до ушей, одинаково живописны и практичны, эффектно окаймляя свѣжія личики англосаксонскихъ красавицъ. Для тенниса дамы и мужчины надѣваютъ бѣлые фланелевые костюмы; въ гольфъ играютъ въ красныхъ пиджакахъ; для футбола требуются короткіе брюки, длинные чулки и оголенныя колѣни. Шотландцы носятъ свой національный костюмъ (kilt), состоящій изъ короткой юбки и длинныхъ чулковъ, съ оголенными колѣнями. Въ Штотландіи „kilt" иногда надѣвается не только при спортѣ и горныхъ восхожденіяхъ, но и на балахъ.

При ѣздѣ верхомъ, дамы носятъ панталоны изъ чернаго сукна, юбку, падающую до сапоговъ, и тѣсно прилегающую длинную жакетку изъ той же матеріи, высокіе сапоги изъ лакированной кожи и круглую шляпу-котелокъ, покрывающую всю прическу. Нельзя сказать, чтобы костюмъ этотъ былъ дамамъ къ лицу, — для этого онъ слишкомъ напоминаетъ неудачное подражаніе мужской одеждѣ. Зато онъ болѣе цѣлесообразенъ для верховой ѣзды, чѣмъ длинная юбка и высокая шляпа наѣздницъ прошлаго столѣтія. Мужчины надѣваютъ короткіе брюки (riding breeches) и длинныя штиблеты (leggings). Управляющій охотою (Master of the Hounds) и пикёры бываютъ въ красныхъ кафтанахъ. Охота верхомъ (hunting) признается въ Англіи главнымъ изъ всѣхъ спортовъ, и дѣйствительно, удовольствіе, извлекаемое изъ жаркой погони на кровной лошади за лисицею, черезъ заборы и живыя изгороди, которыми поля и луга отдѣлены другъ отъ друга, не имѣетъ себѣ равнаго. Красивую картину представляетъ встрѣча (the meet) передъ самымъ началомъ охоты. Число лицъ, принимающихъ участіе въ гонкѣ (the field) часто доходитъ до ста. Встрѣча происходитъ въ условленномъ мѣстѣ, обыкновенно въ красивой мѣстности, по близости одного изъ имѣній. На лицахъ обрисовываются ожиданіе и радость; образуются оживленныя группы, но избѣгаютъ громкихъ возгласовъ или вульгарной экспансивности. Все происходитъ безъ шума, гладко и аристократично. Появляются гончія собаки (the pack), весело помахивая хвостами. Ихъ бываетъ, приблизительно, семьдесятъ-пять. Наконецъ, выступаетъ „мастэръ" и пикёры. Они указываютъ направленіе, по которому пойдетъ гонка, и охота начинается. Лошади, употребляемыя на этихъ охотахъ, большею частью прекрасной породы. Онѣ перескакиваютъ черезъ заборы, изгороди и каменныя преграды съ замѣчательною легкостью и вѣрностью. Въ Ирландіи всѣ поля раздѣлены другъ отъ друга не живыми

изгородями, а каменными оградами, но это нисколько не мѣшаетъ охотѣ. Если принять во вниманіе, что охота верхомъ продолжается почти полгода и что она во многихъ графствахъ производится по три и четыре раза въ недѣлю, то можно лишь удивляться рѣдкости несчастныхъ случаевъ съ удалыми наѣздниками и наѣздницами. Это показываетъ, насколько ихъ лошади надежны. Тогда какъ лисица обыкновенно бѣжитъ по одному направленію, заяцъ дѣлаетъ круги и постоянно приходитъ обратно къ прежнему мѣсту. Поэтому охота верхомъ производится лишь на лисицъ, чтобы имѣть возможность скакать на далекихъ разстояніяхъ, а на зайцевъ охотятся пѣшкомъ съ собаками меньшей породы (beagles). При этомъ не приходится бѣгать все время: часто дамы и мужчины, принимающіе участіе въ этомъ спортѣ, предполагающемъ хорошія легкія и длинныя ноги, останавливаются на возвышенныхъ мѣстахъ, чтобы слѣдить за погонею, нерѣдко вертящеюся кругомъ и возвращающеюся къ прежнему мѣсту.

Занимаются различными спортами обыкновенно до четырехъ часовъ по полудни, съ перерывомъ для второго завтрака (lunch). Къ чаю въ пять часовъ происходитъ основательное измѣненіе туалетовъ. Къ этому часу женщины переодѣваются въ элегантныя платья для визитовъ, а мужчины надѣваютъ черный сюртукъ съ лакированными сапогами или башмаками. Англичане никогда на свѣжемъ воздухѣ не носятъ калошъ, а крѣпкіе шнурованные сапоги, обмѣняемые на легкіе лакированные башмаки, когда они возвращаются домой. Время отъ five o'clock tea до обѣда, бывающаго въ восемь часовъ, проводится въ бесѣдѣ, за чтеніемъ, за билліардною игрою, въ отправкѣ писемъ и т. д. Каждый совершенно свободенъ предпринять, что̀ ему угодно. За полчаса до обѣда раздается гонгъ, предупреждающій дамъ о томъ, что пора одѣваться. На обѣдъ женщины являются въ бальныхъ туалетахъ decolletée и съ цвѣтами, мужчины—во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Часто вмѣсто обыкновеннаго чернаго фрака носитъ цвѣтной фракъ, съ изображеніями того охотничьяго общества, къ которому данное лицо принадлежитъ, короткіе шолковые штаны, высокіе черные чулки и лакированные башмаки съ серебряными пряжками. Обычай быть каждый день къ обѣду во фракѣ соблюдается приблизительно каждымъ сколько-нибудь состоятельнымъ англичаниномъ, и ихъ дамы къ этому времени одѣваютъ если не robe decolletée, то, по крайней мѣрѣ, элегантный вечерній костюмъ. Русскому человѣку обычай этотъ покажется чопорнымъ, англичанамъ же онъ кажется единственнымъ достойнымъ джентльмена и вообще культурнаго человѣка. Частая пе-

ремѣна костюма составляетъ характерную черту англійской жизни, но при этомъ у нихъ не существуетъ пустого щегольства вѣнскаго, французскаго или испанскаго petit crevé, старающихся удивить міръ какою-то изысканною манерою одѣваться. Въ Англіи никто не придаетъ особеннаго значенія тому, чтобы быть одѣтымъ какъ слѣдуетъ, и всякія излишества и стараніе выдѣлиться отъ другихъ особенно богатыми и причудливыми костюмами истолковываются какъ признаки дурного воспитанія.

Приблизительно послѣ одиннадцати часовъ, дамы уходятъ къ себѣ, и мужчины, переодѣвшись въ удобный smoking jacket, или короткіе халаты, проводятъ еще часъ въ курильной съ виски или коньякомъ, разбавленными водою. По воскресеньямъ планъ жизни измѣняется тѣмъ, что спорты и игры не допускаются, за исключеніемъ крокета; ходятъ въ церковь въ костюмахъ чернаго цвѣта, мужчины—въ длинныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ, хотя это не обязательно. Для ночи не одѣваютъ старомодной ночной рубашки, а вмѣсто нея—костюмъ причудливыхъ цвѣтовъ, такъ называемые pyjamas, т.-е. панталоны и жакетку изъ мягкой шерсти или шолка.

Какъ видно, у англичанъ нѣтъ недостатка въ savoir vivre. Жизнь въ имѣніяхъ дворянъ и мѣстнаго джентри, дѣйствительно, не оставляетъ желать лучшаго. Живущій исключительно для удовольствія кругъ людей, smart set, ею злоупотребляетъ, а для занятаго дѣлами, business man, она даетъ самый удовлетворяющій и подходящій отдыхъ. Многіе дѣловые люди постоянно живутъ въ собственныхъ или наемныхъ домахъ, далеко отъ городовъ, въ графствахъ, и каждый день пріѣзжаютъ въ городъ для своихъ дѣловыхъ цѣлей. Прекрасныя желѣзнодорожныя сообщенія и все болѣе распространяющіеся моторные экипажи способствуютъ тому.

Жизнь англичанъ этого круга вертится главнымъ образомъ около двухъ полюсовъ: business и sport. Въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ и въ спортѣ англичане показываютъ себя съ самой лучшей стороны. Они проникнуты сознаніемъ святости даннаго слова, и публичное довѣріе стоитъ въ Англіи приблизительно на столь же высокомъ уровнѣ, какъ publica fides классическаго Рима. Это же облегчаетъ дѣловыя сношенія. Отъ business man'a обязательно требуютъ fair play, т.-е. прямого и честнаго отношенія къ дѣлу. Само собой разумѣется, что и въ Англіи, въ дѣловомъ мірѣ, случаются мошенническія продѣлки, но, вообще говоря, въ Англіи окончательный успѣхъ дѣлового человѣка покоится въ большей мѣрѣ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ другихъ странахъ,

на его добропорядочности и пріобрѣтенномъ имъ общественномъ довѣріи.

Обстановка дѣловой жизни—образцовая. Какъ извѣстно, въ меркантильной странѣ, какъ Англія, главнымъ „business" считаютъ торгово-промышленныя дѣла. Въ сравненіи съ ними, остальныя отрасли человѣческой дѣятельности, какъ-то: политика, искусство, свободныя профессіи и государственная служба, имѣютъ второстепенное значеніе. При такомъ взглядѣ англичане относятся къ торгово-промышленнымъ дѣламъ съ серьезностью, доходящею почти до благоговѣнія. Неряшливость, небрежность или халатность („дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ"), куреніе табака и бесѣды, не относящіяся къ дѣлу, вовсе не допускаются въ конторахъ и присутственныхъ мѣстахъ. Соблюдается крайнее прилежаніе, педантичная аккуратность. На запросы и дѣловыя письма отвѣчаютъ по возможности съ слѣдующею же почтою. Стиль дѣловыхъ писемъ и обхожденіе съ кліентами изысканно вѣжливы, при одновременномъ избѣганіи излишнихъ фразъ и словоохотливости. Если форма веденія торгово-промышленныхъ дѣлъ въ Англіи можетъ служить образцомъ для всѣхъ странъ свѣта, то самое ихъ веденіе свидѣтельствуетъ объ умѣлости, предпріимчивости, энергіи, систематичности и изобрѣтательности. Поднятый Чемберленовскою прессою для собственныхъ цѣлей шумъ о торгово-промышленной отсталости Англіи былъ слишкомъ тенденціозенъ и сразу затихъ съ паденіемъ консервативнаго министерства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англія, производившая столько изобрѣтателей, отличившихся своимъ творчествомъ на разныхъ промышленныхъ поприщахъ, до послѣдняго времени все еще не уступаетъ другимъ народамъ въ своей торгово-промышленной дѣятельности.

Второй полюсъ, около котораго вертится жизнь въ Англіи,—спортъ—также служитъ выраженіемъ доброкачественности англосаксонской расы. Влеченіе англичанъ къ спорту кажется многимъ безполезнымъ безуміемъ. Правда, что спортъ не имѣетъ практической цѣли наживы, какъ „business", но именно отсутствіе подобныхъ соображеній дѣлаетъ изъ него самую подходящую форму отдыха для человѣка, постоянно напрягающаго всѣ свои мысли на дѣловые интересы. Ничто не освѣжаетъ умъ больше, чѣмъ временная возможно полная перемѣна въ направленіи умственной дѣятельности. Иначе было бы непонятно, что, напр., такой выдающійся государственный человѣкъ, какъ бывшій премьеръ Бальфуръ, страстно преданъ игрѣ въ гольфъ, состоящей въ томъ, что маленькій гуттаперчевый мячикъ гонится палками

съ желѣзными наконечниками въ извѣстной ямкѣ. Для этой игры требуется напряженіе всего вниманія на мячикъ, чтобы не промахнуться. Именно это напряженіе вниманія заставляетъ игрока выйти изъ обычнаго круга и даетъ ему полный умственный отдыхъ. Кромѣ этого благодѣтельнаго психическаго вліянія, спортъ также сохраняетъ физическія силы и развиваетъ мускулы. Онъ поэтому имѣетъ особенное значеніе для молодежи, предупреждая одностороннее развитіе умственныхъ способностей. Благодаря ему, въ Англіи достигается одинаковое развитіе ума и тѣла: mens sana in corpore sano.

Главная причина, почему спортъ такъ сильно привился у англичанъ, состоитъ въ томъ, что они не понимаютъ отдыха въ смыслѣ бездѣйствія, по неаполитанскому рецепту—dolce far niente. Благодаря хорошимъ климатическимъ условіямъ британскихъ острововъ и прирожденному вкусу къ движенію, они располагаютъ избыткомъ энергіи, и вслѣдствіе этого ихъ развлеченія принимаютъ форму физическихъ упражненій и состязаній. Извѣстный ученый лордъ Эвебюри (Джонъ Леббокъ) въ своей книгѣ „Счастье въ жизни“ утверждаетъ, что работа, усиліе, борьба и любовь къ преодолѣнію препятствій для англосаксонцевъ не представляютъ тягостей. И дѣйствительно, эта характерная ихъ черта, которой они обезпечили себѣ міровой успѣхъ и процвѣтаніе, проявляется не только въ работѣ, которою они снискиваютъ себѣ пропитаніе, но и въ отдыхѣ, въ которомъ они по врожденной наклонности, а не по необходимости, упражняютъ свою физическую и душевную энергію. Подходящее для нихъ удовольствіе состоитъ не столько въ театральныхъ или концертныхъ представленіяхъ или въ зрѣлищахъ другихъ увеселительныхъ заведеній, въ которыхъ на участниковъ сборища выпадаетъ лишь совершенно пассивная роль зрителя, сколько въ активномъ примѣненіи своихъ собственныхъ силъ. Другіе народы имѣютъ основаніе завидовать привычкѣ англичанъ къ постояннымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, вырабатывающимъ въ нихъ самосознаніе, настойчивость и выдержку характера. Въ странахъ европейскаго материка все еще придаютъ слишкомъ мало значенія педагогической пользѣ, извлекаемой изъ спортивныхъ упражненій на свѣжемъ воздухѣ. Не надо забывать, что служащая европейскому воспитанію образцомъ грекоримская классическая культура состояла не въ присвоеніи универсальнаго знанія, но въ образованіи ума, идущемъ рука объ руку съ возможно бо̀льшимъ развитіемъ человѣческаго тѣла.

Кромѣ развитія физическихъ силъ, спортъ имѣетъ также нравственное значеніе: онъ предупреждаетъ половую разнуздан-

ность. Во Франціи почти каждый молодой человѣкъ, достигшій зрѣлаго возраста, считаетъ своею обязанностью предаваться безпутной жизни. Въ годы ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ проводитъ большую часть своего свободнаго времени въ обществѣ развратныхъ женщинъ, и онъ очень далекъ отъ признанія необходимости ограниченія своихъ половыхъ влеченій. Напротивъ, англійскій юноша держитъ себя гораздо цѣломудреннѣе французскаго, не только въ силу нравственныхъ принциповъ, но и вслѣдствіе любви къ спорту, заполняющему почти все его свободное время и сдерживающему его половые инстинкты. Благодѣтельное вліяніе спорта въ этомъ смыслѣ незамѣнимо ничѣмъ другимъ въ свѣтѣ. Англичане сознаютъ его нравственное значеніе лучше другихъ народовъ, и вслѣдствіе этого одна изъ главныхъ ихъ заботъ состоитъ въ томъ, чтобы постоянно поддерживать вкусъ націи къ спортивнымъ упражненіямъ.

Спортивный духъ англичанъ зависитъ также отъ занимаемаго англійскою женщиною положенія въ семьѣ и обществѣ. Во Франціи вкусъ къ спорту не можетъ развиться потому, что французъ находитъ смыслъ и значеніе жизни единственно въ сношеніяхъ съ другимъ поломъ. Онъ посвящаетъ все время, не занятое снискиваніемъ пропитанія, культу женскаго пола. Само собою разумѣется, что женщины при такихъ обстоятельствахъ имѣютъ большое значеніе для мужчинъ, составляя почти единственную цѣль ихъ жизни. Но ея роль любовницы нисколько не даетъ ей равноправности съ мужчинами и одинаковой съ ними степени уваженія. По французскимъ понятіямъ, перешедшимъ къ другимъ народамъ европейскаго континента, честь мужчины различается отъ чести женщины тѣмъ, что первая обнимаетъ все гражданское и нравственное положеніе мужчины, тогда какъ честь женщины выражаетъ лишь ея половую непорочность. Въ глазахъ француза, женщина—весьма заманчивое существо, но она, въ сравненіи съ мужчиной, не считается человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Во французскомъ языкѣ и въ другихъ нарѣчіяхъ латинскихъ народовъ это понятіе рельефно выражается тѣмъ, что „homme“ не обозначаетъ женщины, т.-е. для обозначенія понятій „мужчина“ и „человѣкъ“ существуетъ лишь одно слово. Послѣ норманскаго завоеванія Англіи, этотъ характерный недостатокъ французскаго языка перешелъ въ англійскій, причемъ, однако, онъ не отражалъ перемѣны въ положеніи англосаксонской женщины. У французовъ женщина слишкомъ много цѣнится какъ куртизанка и слишкомъ мало какъ человѣкъ и равноправный товарищъ мужчины. Французскій народъ медленно, но неминуемо

клонится къ упадку оттого, что у него половая жизнь чрезмѣрно развита и носитъ признаки вырожденія, мѣшающаго тѣлесному развитію, предупреждающаго произведеніе обильнаго потомства и порождающаго легкомысленность, фривольность и поверхностность. Напротивъ, въ Англіи признаки полового развращенія отсутствуютъ. Является это, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ того, что англійская женщина занимаетъ въ обществѣ и семьѣ не только мѣсто полового существа, но и человѣка, одареннаго, какъ мужчина, умственными способностями и характеромъ. На занимаемой современнымъ цивилизованнымъ міромъ степени культуры, въ которой превосходство физической силы мужчины надъ женщиной болѣе не играетъ роли въ общественныхъ отношеніяхъ, женщина имѣетъ право на равное положеніе съ мужчинами въ обществѣ. Если женщина уступаетъ мужчинѣ въ физической силѣ, абстрактномъ и логическомъ мышленіи и въ изобрѣтательности, то она, зато, одарена болѣе тонкимъ вкусомъ, болѣе развитою чувствительностью, большею способностью пассивнаго сопротивленія, большею кротостью. Въ экономіи природы роль женщины иная, и она поэтому не можетъ конкуррировать съ мужчиною на всѣхъ поприщахъ производительнаго труда; но мужчина не можетъ замѣнить ее въ сферѣ ея дѣятельности, какъ, напр., въ пониманіи тѣлесныхъ и душевныхъ потребностей ребенка, въ кроткомъ обученіи его, въ неизсякаемомъ терпѣніи и въ неограниченной любви, на которую вообще способно только материнское сердце. Такимъ образомъ, дѣятельность женщины одинаково необходима и полезна для общества и государства, какъ работа мужчины. У народовъ,—какъ у англичанъ, сознавшихъ все нравственное и душевное значеніе добросовѣстной матери, дающей ребенку не только жизнь, но и первое воспитаніе и основы характера,—женщина пользуется не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ мужчина. На нее смотрятъ не какъ на игрушку для пріятнаго проведенія времени, но какъ на равноправный съ мужчиною факторъ въ человѣческомъ, семейномъ и общественномъ отношеніи...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что англійскій народъ не только стоитъ на высокой степени культуры, но отличается честностью, правдивостью, аккуратностью, прилежаніемъ, добросовѣстностью, энергіею, предпріимчивостью, религіозностью и духомъ гражданскимъ. Но если ближе всмотрѣться въ этотъ густой *букетъ* доблестей, то приходится убѣдиться въ томъ, что онѣ соблюдаются не въ силу возвышенныхъ нравственныхъ принциповъ, но вслѣдствіе сознанія ихъ полезности, для преуспѣянія въ

практической жизни. Это становится особенно понятнымъ, если вспомнить, что утилитарная философія Милля и Бентама, по которой соблюденіе нравственности основывается на холодномъ разсчетѣ извлекаемой изъ нея практической пользы, возродилась именно на англійской почвѣ, и что такъ называемая христіанская наука („Christian Science"), по которой религіозность и вѣра въ Іисуса Христа практикуются по соображеніямъ ихъ цѣлебнаго и вообще подкрѣпляющаго вліянія на здоровье вѣрующаго, изобрѣтена англосаксонской американкой миссисъ Эди. Проявленная англичанами стойкость характера въ примѣненіи морали изъ-за практическихъ соображеній, конечно, сама по себѣ, можетъ фигурировать какъ крупная ставка въ активѣ ихъ нравственнаго баланса, ибо многіе люди другихъ націй также усвоиваютъ убѣжденіе, что для репутаціи и кредита полезно говорить правду, не обманывать и т. д., но вслѣдствіе слабости характера оказываются неспособными обращать это убѣжденіе въ соотвѣтствующія дѣйствія. Жизнь англичанъ идетъ, какъ машина, своимъ правильнымъ практическимъ ходомъ; ихъ добродѣтели точно такъ же функціонируютъ, какъ колеса этой машины...

Бар. Г. Гейкингъ.

Newcastle-on-Tine.

ДѢЛО ВЪ ВАРШАВѢ

Разсказъ изъ судебной практики.

I.

Какъ-то въ концѣ весны, незадолго до катастрофы съ Плевне, меня пригласили защищать въ Варшавѣ молодого человѣка, Гурцмана, замѣшаннаго въ одномъ страшномъ убійствѣ. Четверо человѣкъ изъ полиціи и охраны были убиты наповалъ при жандармскомъ обыскѣ. Судились двое, Каспржакъ и Гурцманъ. Это убійство произвело панику. Ничего подобнаго, при Плевне, еще не совершалось. Преступленіе было немедленно передано въ военный судъ, и подсудимыхъ ожидала висѣлица. Изъ прочитанныхъ бумагъ и разговоровъ съ близкими Гурцмана я убѣдился, что этотъ юноша былъ нелѣпымъ образомъ припутанъ къ дѣянію, совершенному исключительно лишь другимъ подсудимымъ, Каспржакомъ, по его личной волѣ и побужденіямъ.

Вотъ сущность дѣла. Каспржакъ—сорока-пятилѣтній соціалъ-демократъ, издавна составившій себѣ громкую репутацію въ Пруссіи, намѣченный уже депутатомъ въ рейхстагъ отъ своей партіи, навѣстилъ Россію, въ цѣляхъ пропаганды, лѣтъ за пять передъ настоящимъ процессомъ. Держалъ онъ себя тогда настолько неосторожно, что его арестовали въ Варшавѣ. Въ тюрьмѣ онъ обнаружилъ признаки душевнаго разстройства. Его помѣстили въ больницу Яна Божескаго на испытаніе. Спустя четыре мѣсяца, онъ распилилъ желѣзную рѣшетку въ окнѣ своей камеры, вставилъ вмѣсто нея рѣшетку, вылѣпленную изъ чернаго хлѣба, и бѣжалъ заграницу. Его побѣгъ былъ замѣченъ только черезъ сутки. Затѣмъ онъ благополучно работалъ въ Германіи, но вес-

ною 1904 года его снова потянуло въ Россію, въ виду сильно развившагося здѣсь рабочаго движенія. Онъ предпринялъ поѣздку въ Лодзь и Варшаву, чтобы убѣдиться, насколько преуспѣваетъ соціализмъ въ Россіи, и поддержать революцію. Въ Лодзи онъ пробылъ три дня; ютился у бѣдняковъ, повидался, съ кѣмъ слѣдуетъ, и прибылъ въ Варшаву, гдѣ нѣсколько его единомышленниковъ были секретно извѣщены о его пріѣздѣ. Онъ взялъ тѣсную комнатку, на окраинѣ, у бѣднаго сапожника.

Къ тому времени, юный технологъ Бенедиктъ Гурцманъ, знавшій Каспржака только по наслышкѣ, тотчасъ по окончаніи курса примкнулъ къ соціалъ-демократамъ. Одинъ изъ товарищей увѣдомилъ его о прибытіи Каспржака и обязалъ его принести къ извѣстному часу, въ комнатку сапожника, запасъ бумаги для набора прокламаціи, сочиненной Каспржакомъ. Новичокъ Гурцманъ и старый соціалистъ Каспржакъ встрѣтились безъ долгихъ объясненій. Передавъ Каспржаку бумагу, Гурцманъ присѣлъ у окна и сталъ читать газету, а Каспржакъ занялся наборомъ прокламаціи. Ихъ окружала тишина. Было четыре часа дня.

Тайная полиція не имѣла никакихъ свѣдѣній ни о пріѣздѣ Каспржака, ни о прикосновенности Гурцмана къ соціальнымъ ученіямъ. Она искала въ этотъ день лишь того молодого человѣка, который послалъ Гурцмана къ Каспржаку, и, не заставъ преслѣдуемаго въ его квартирѣ, направилась къ сапожнику, у котораго, по свѣдѣніямъ полиціи, этотъ юноша бывалъ. Полиція ловила этого юношу совершенно независимо отъ его сношеній съ Каспржакомъ и Гурцманомъ. И вдругъ въ квартирѣ сапожника разыгралось ужасное кровопролитіе.

Гурцманъ, читавшій газету, услыхалъ за дверью русскую рѣчь. Въ предмѣстьи Варшавы это было необычайно. И онъ шепнулъ Каспржаку: „Кажется, полиція“... Каспржакъ немедленно прикрылъ бумагою шрифтъ и всю свою работу. Въ дверь постучали. Каспржакъ ее открылъ. На порогѣ показался чиновникъ охраннаго отдѣленія. Каспржакъ вынулъ револьверъ, выстрѣлилъ и убилъ его сразу. Изъ-за него высунулся околоточный. Каспржакъ убилъ и его. Двое городовыхъ, пытавшихся проникнуть въ комнату, были также повалены выстрѣлами.

Поблѣднѣвшій, оторопѣвшій Гурцманъ рѣшительно не понималъ, что творится. Онъ инстинктивно пытался вырваться изъ комнаты. Перешагнувъ черезъ два трупа и двухъ умирающихъ городовыхъ, онъ выбѣжалъ во дворъ. Каспржакъ продолжалъ защищаться одинъ, сцѣпившись съ послѣднимъ городовымъ, ворвавшимся въ комнату за нѣсколько секундъ передъ побѣгомъ

Гурцмана, такъ что убѣгавшій Гурцманъ задѣлъ этого городового или наткнулся на него, пробираясь наружу. Выстрѣлъ Каспржака въ этого городового былъ неудаченъ. Городовой отнялъ у Каспржака револьверъ и хотѣлъ тутъ же убить его, но револьверъ не выстрѣлилъ (оказалось, что въ шестиствольномъ револьверѣ Каспржака было всего пять зарядовъ). Но и послѣдняго городового Каспржакъ все-таки одолѣлъ, ранивъ его въ щеку ножомъ. Тогда городовой выбѣжалъ почти вслѣдъ за Гурцманомъ.

Каспржакъ остался въ опустѣвшей квартирѣ сапожника. Вокругъ него валялись его жертвы: два трупа и два агонизирующихъ. Но онъ дошелъ до такого бѣшенства, что передъ тѣмъ, какъ выйти, схватилъ сапожный ножъ и нанесъ имъ еще нѣсколько ранъ, какъ мертвымъ, такъ и умирающимъ. Наконецъ, и онъ выбѣжалъ во дворъ.

Въ то время Гурцману уже скрутили руки за спину и разбили до крови носъ. Наконецъ, поймали и Каспржака.

Таково истинное содержаніе дѣла, какимъ оно мнѣ выяснилось на судѣ.

Разскажу тéперь о судѣ.

II.

Я выѣхалъ въ Варшаву 17-го іюля, вечеромъ. Въ этотъ день, утромъ, похоронили Плеве. Подъѣзжая къ варшавскому вокзалу, я еще видѣлъ перебитыя окна во всѣхъ этажахъ гостинницы на мѣстѣ взрыва. Стекла были, собственно, не разбиты, но прорѣзаны продолговатыми дырками разной формы, въ видѣ языковъ, лапчатыхъ листьевъ, треугольниковъ и т. п. Въ то время, какъ я обозрѣвалъ эти ряды израненныхъ стеколъ, представляя себѣ грохотъ и силу потрясеннаго воздуха, Плеве уже покоился недалеко отъ вокзала, за оградою Новодѣвичьяго монастыря.

По пріѣздѣ въ Варшаву, я прежде всего обсудилъ дѣло вмѣстѣ съ моими товарищами по защитѣ, польскими адвокатами Кіеньскимъ и Патекомъ. Оба—очень талантливые люди. Кіеньскій—опытный юристъ, съ профессорской эрудиціей, весьма корректный, но недовѣрчивый и щепетильный въ сношеніяхъ съ русской юстиціей. Патекъ—молодой, воодушевленный ораторъ, находчивый, съ искренними интонаціями и привлекательными манерами.

Мы видѣли, что, въ случаѣ осужденія, висѣлицы неизбѣжны. Надо было постараться извлечь дѣло изъ рукъ военнаго суда. У насъ были къ тому законныя основанія. Вѣдь подсудимые подводились подъ военную казнь только благодаря состоявшемуся между Плеве и Муравьевымъ особому соглашенію для настоящаго дѣла по правиламъ усиленной охраны. Между тѣмъ, послѣ этого соглашенія, Плеве провелъ и опубликовалъ законъ о сужденіи впредь всѣхъ политическихъ убійствъ въ судебныхъ палатахъ, съ участіемъ сословныхъ представителей (чѣмъ, кажется, спасъ только собственнаго убійцу, Сазонова). Значитъ, новый общій законъ долженъ былъ парализовать ту исключительную процедуру, къ которой прибѣгали, до его изданія, Плеве и Муравьевъ для дѣла Каспржака. По меньшей мѣрѣ, слѣдовало потребовать, чтобы министры уже за свой страхъ вновь обошли только-что изданный общій законъ и вновь потребовали исключительной подсудности для нашего дѣла.

Все это мы обстоятельно написали и подали наше заявленіе въ судъ, наканунѣ процесса. Судъ собралъ экстренное распорядительное засѣданіе и оставилъ нашу просьбу безъ послѣдствій, на томъ простомъ основаніи, что законъ объ усиленной охранѣ остался неизмѣненнымъ.

Тогда я попросилъ у предсѣдателя свидѣтельство для свиданія съ подсудимымъ. Оно было уже заготовлено и подписано на печатномъ бланкѣ. Пока я пробѣгалъ бланкъ, предсѣдатель, слѣдившій за моимъ чтеніемъ, проговорилъ: „Вы увидите, что слово *наединѣ* (въ свидѣтельствѣ о свиданіи) зачеркнуто. Это потому, что у насъ, по распоряженію администраціи, при свиданіи защитника съ подсудимымъ, всегда находится жандармъ. Все равно, если мы и не зачеркнемъ слова: *наединѣ*,—это будетъ такъ. Я васъ предупреждаю".

— Да, но зачѣмъ же вы зачеркиваете?..

Я ограничился этимъ вопросомъ. Мнѣ было извѣстно, что у Кіеньскаго эта характерная мелочь уже оформлена, на случай кассаціи. Соображая въ то же время, что жизнь Гурцмана зависитъ отъ этого самаго предсѣдателя, я добавилъ, что временно примиряюсь съ этимъ незаконнымъ порядкомъ только потому, что у насъ съ Гурцманомъ нѣтъ никакихъ тайнъ, и что весь нашъ разговоръ на свиданіи можетъ быть даже теперь оглашенъ передъ судомъ. И отправился въ цитадель.

Гурцманъ содержался въ „павильонѣ" для политическихъ. Такимъ идиллическимъ словомъ именовалась та казарма, въ которой мы встрѣтились. Арестанта вывели въ довольно свѣтлую

и большую комнату „для свиданій“, гдѣ поодаль отъ насъ, но самоувѣренно и спокойно, помѣстился молодой, усатый, прекрасно упитанный и, въ сущности, совершенно равнодушный жандарискій офицеръ.

У Гурцмана было истинно-прекрасное, классически-правильное юношеское лицо. Рѣчь его была искренняя, кроткая, спокойная. Несмотря на путаницу свидѣтельскихъ показаній, онъ логически не допускалъ, чтобы судъ не доискался до правды. Онъ строго разбирался во всѣхъ впечатлѣніяхъ своей памяти и доказывалъ, что его объясненія не могутъ быть опровергнуты. Онъ не ожидалъ всѣхъ происшедшихъ убійствъ, онъ самъ ихъ испугался. Въ отношеніи своихъ политическихъ взглядовъ онъ мнѣ повѣдалъ, что принадлежитъ къ чистымъ соціалистамъ, отвергающимъ насиліе. Онъ практически перенесъ на себя трудъ рабочаго и убѣдился, что пользоваться жизнью, когда всѣ наши удобства покоятся на нечеловѣческомъ существованіи большихъ массъ, просто стыдно, совершенно недопустимо. Поэтому онъ посвятилъ себя рабочему движенію, въ защиту всѣхъ обездоленныхъ. Я видѣлъ передъ собою, въ лицѣ этого юноши, теоретически-непреклонный умъ въ соединеніи съ сильною волею практическаго идеалиста. Молодой, красивый, любимый въ семьѣ, даровитый музыкантъ, Гурцманъ легко переносилъ цѣлые мѣсяцы одиночнаго заключенія, будучи поглощенъ своими идеями, проводя время въ чтеніи философскихъ книгъ и писаніи какихъ-то замѣтокъ (что ему разрѣшалось).

Я плохо надѣялся на правосудіе; знакомство же съ подсудимымъ окончательно убѣдило меня въ его непричастности къ пролитію крови.

На слѣдующій день утромъ, 20-го іюля, при яркомъ солнцѣ, я пошелъ съ своими бумагами на Краковское-Предмѣстье, въ военный судъ, помѣщавшійся во дворѣ большого казеннаго зданія. Ворота были заперты. Множество полицейскихъ въ бѣлыхъ кителяхъ стояло у входа. Подсудимые были провезены въ судъ секретно, подъ усиленнымъ конвоемъ. Меня пропустили по документамъ. Засѣданіе было строго-закрытое, но весь залъ былъ наполненъ любопытствующими жандармами всѣхъ возрастовъ, одѣтыми по лѣтнему въ бѣломъ. Среди нихъ, на одной изъ скамеекъ, выдавалась женщина въ траурѣ. Это была жена Каспржака, вызванная свидѣтельницей, чтобы удостовѣрить его личность, такъ какъ онъ упорно называлъ себя Майеромъ. Она еще не была отведена въ свидѣтельскую комнату и, по словамъ защитника Каспржака, старалась теперь разузнать, „выдадутъ ли ей трупъ ея мужа“... Женщина лѣтъ тридцати, блѣдная, съ

тонкими чертами лица, мутными сѣрыми глазами, приподнятыми бровями и рѣзкой линіей сжатыхъ, безкровныхъ губъ. Родомъ крестьянка изъ-подъ Варшавы, повѣнчанная съ Каспржакомъ въ Лондонѣ, сперва гражданскимъ бракомъ, а затѣмъ и по католическому обряду, она не видала мужа со дня его отбытія изъ Познани. Ея траурное платье было совершенно простое, но дамскаго фасона—не крестьянское. Передъ открытіемъ засѣданія ее удалили.

Вышелъ судъ. Приказали ввести подсудимыхъ.

Изъ маленькой двери, ведущей на возвышенное мѣсто за рѣшеткой, сперва показались два конвойныхъ съ ружьями, затѣмъ Каспржакъ, затѣмъ еще два конвойныхъ, за ними Гурцманъ, и еще два вооруженные солдата. Подсудимые смотрѣли дико. Судъ чувствовалъ себя безопасно, видя хорошую и надежную охрану. Оба преступника были въ сѣромъ арестантскомъ платьѣ.

Каспржакъ заметался во всѣ концы отгороженнаго мѣста для подсудимыхъ, толкаясь между солдатами. Онъ имѣлъ видъ, какъ будто его только-что схватили. Это былъ худощавый красный человѣкъ, съ косыми, странными глазами, съ остриженной головой и безпорядочною, сѣдоватою растительностью на давно-небритомъ лицѣ. Казалось, что судебный залъ представился ему чѣмъ-то неожиданнымъ, ослѣпившимъ его сразу. Онъ закидывалъ голову назадъ и шагалъ, озираясь во всѣ стороны, держась большею частью спиною къ суду. Гурцманъ стоялъ спокойно.

Когда Каспржакъ угомонился и сѣлъ, предсѣдатель предложилъ ему черезъ переводчика обычные вопросы о виновности. Онъ не всталъ, а въ отвѣтъ переводчику, сиплымъ голосомъ крикнулъ: „Я самъ всѣхъ забилъ“. Гурцманъ далъ вполнѣ ясные отвѣты на вопросы предсѣдателя.

Началось разбирательство.

Всѣ свидѣтели согласно показывали, что стрѣлялъ и наносилъ раны только Каспржакъ. Но изъ путаницы показаній на предварительномъ слѣдствіи о томъ, кто прежде выскочилъ изъ квартиры, Каспржакъ или Гурцманъ, въ обвинительномъ актѣ набрасывалось подозрѣніе на Гурцмана, будто онъ, послѣ выхода Каспржака, прикололъ умирающихъ. Намекалось и на то, что Гурцманъ не перескочилъ черезъ городового, боровшагося съ Каспржакомъ, а сдернулъ его съ Каспржака. Поэтому оба предавались суду за то, что, завидѣвъ изъ окна приближающуюся полицію, совершили убійства совмѣстно, по предварительному соглашенію... Все это оказалось вздоромъ, т.-е. плодомъ канцелярски-мертвенной и неумѣлой записи показаній судебнымъ слѣ-

дователемъ. Напримѣръ, показаніе главнаго свидѣтеля, городового, было записано такъ: „все время, пока я боролся съ Каспржакомъ, Гурцманъ оставался *пассивнымъ*“. Я потребовалъ прочесть эту часть протокола и спросилъ свидѣтеля: „Сами ли вы сказали: „пассивный“, или слѣдователь отъ себя написалъ это слово?“—Я не говорилъ...—Тогда прокуроръ вмѣшался: „Но вѣдь слѣдователь тебѣ прочелъ твое показаніе и ты его подписалъ“. —Точно такъ.—Но я переспросилъ: „А слѣдователь объяснилъ вамъ, что̀ значитъ *пассивный*?“ — Никакъ нѣтъ.—„Не догадываетесь ли вы, по крайней мѣрѣ теперь, что̀ бы это могло значить?“—Не могу знать.

Жалкій видъ имѣли хозяева квартиры, въ которой произошли убійства, сапожникъ и его жена. Оба содержались въ тюрьмѣ уже третій мѣсяцъ, и между собою не видѣлись. Обоихъ вводили въ залъ порознь, въ сопровожденіи двухъ солдатъ съ ружьями. Запуганные и трусливые, они, чуть не сквозь слезы, горячо доказывали суду свою невиновность. Сапожникъ только и былъ виновенъ въ томъ, что допустилъ къ себѣ Каспржака жильцомъ. А его молодая жена, высокая блондинка, съ дѣтскими глазами, съ грудным ребенкомъ на рукахъ—убѣждала судъ, что послѣ неожиданныхъ, страшныхъ убійствъ она боялась рѣшительно всего, что̀ осталось отъ жильца въ его комнатѣ, и потому выбросила на грязную лѣстницу какіе-то черные кусочки, прикрытые платкомъ (это былъ шрифтъ).

Ввели жену Каспржака. Она жадными глазами впилась въ мужа, но тотъ даже не поднялъ головы. Она подтвердила, что это ея мужъ. Спросили, черезъ переводчика, Каспржака: такъ ли это?—Онъ пробормоталъ: „То есть мòя жòна“, и тутъ же рѣзко добавилъ: „Естэмъ Майеръ“ (Я—Майеръ).

Жена Каспржака не выдержала и тутъ же беззвучно расплакалась, зажимая глаза и губы платкомъ. Дежурный офицеръ поспѣшилъ поднести ей воды, но она отклонила стаканъ и тотчасъ оправилась.

Наблюдая эту сцену, Каспржакъ, съ недоумѣніемъ, вслухъ замѣтилъ: „Чего она плачетъ? Вѣроятно, она ѣсть хочетъ? И я хочу ѣсть“. Послѣднія слова онъ произнесъ такъ рѣшительно, что судъ объявилъ перерывъ для кормленія Каспржака.

Воспользовавшись мгновеніемъ, пока не были уведены подсудимые, жена Каспржака приблизилась къ рѣшеткѣ и, вновь закрывая глаза платкомъ, съ отчаяніемъ сказала мужу: „Что̀ станется съ нашимъ Ярославомъ?!“ (ихъ маленькій сынъ)... Каспржакъ разсѣянно молчалъ.

Замѣтивъ попытку жены поговорить съ мужемъ, прокуроръ, еще не ушедшій изъ залы, рѣзко закричалъ съ своего возвышенія: „Господинъ дежурный офицеръ! Какъ вы можете допускать разговоры съ подсудимыми!“

Подсудимыхъ тотчасъ увели.

Жандармы и охрана, составлявшіе публику, были настроены непримиримо. Въ особенности молодые, во время перерыва, говорили о подсудимыхъ съ ненавистью: „Не могло быть иначе... Все у нихъ обоихъ было заранѣе подстроено... Столькихъ повалили... Да послѣ этого невозможно производить обысковъ“. Я чувствовалъ, что они ко мнѣ относятся враждебно, какъ къ человѣку, пріѣхавшему вызволять одного изъ тѣхъ, кто грозитъ ихъ жизни.

При дальнѣйшемъ ходѣ процесса была, между прочимъ, оглашена прокламація, которую набиралъ Каспржакъ. Въ ней говорилось о нашемъ позорѣ на войнѣ, о негодности правительства, о несправедливости существующаго порядка, о трудовыхъ деньгахъ бѣднаго народа, оплачивающаго эту безплодную бойню, и, не смотря на хлёсткую рѣзкость языка, всѣ слушатели, собравшіеся въ эти закрытыя стѣны, всѣ, не исключая судей и жандармовъ, сохраняли спокойное, сосредоточенное выраженіе лицъ, какъ бы невольно допуская, что, пожалуй, во всемъ написанномъ много правды.

Потянулись еще новыя и новыя показанія. Все явственнѣе обозначалось, что ни одной раны Гурцманъ не нанесъ, что онъ убѣжалъ отъ кровопролитія, какъ убѣжалъ бы и каждый посторонній.

Опять перерывъ. Въ жандармской публикѣ измѣняется настроеніе. Я услышалъ фразу: „Пожалуй, Гурцманъ отдѣлается...“ На лѣстницѣ, гдѣ мы курили, меня обступило нѣсколько мундирныхъ людей, предлагая спички, желая вступить въ бесѣду. Я не удержался замѣтить: „А что, господа, вѣдь въ прокламаціи есть горькія истины?“ Болѣе солидные изъ капитановъ задумчиво молчали. Я воспользовался этой паузой и сказалъ: „То-то и есть. Мудреное дѣло наша жизнь! Мы легко ненавидимъ другъ друга. А гдѣ правые, гдѣ виноватые—не всегда разберешь“... Моя аудиторія настроилась философски. Прежняя прыть исчезла. И опять всѣ вернулись въ залъ.

Мы просидѣли въ судѣ весь первый день и разбирали дѣло почти до вечера слѣдующаго дня. Гурцманъ иногда вмѣшивался въ показанія и разъяснялъ нѣкоторыя подробности, но Каспржакъ, которому переводилось по-польски каждое показаніе съ

присоединеніемъ вопроса: „не желаете ли возразить?“, ни разу не взглянулъ на переводчика и не проронилъ ни слова.

Нужно замѣтить, что въ виду прежняго подозрѣнія насчетъ душевной болѣзни Каспржака, въ этотъ разъ, на предварительномъ слѣдствіи, его осмотрѣлъ профессоръ психіатріи Щербакъ и нашелъ здоровымъ. Однакоже, непостижимое равнодушіе этого человѣка, обреченнаго на казнь, къ своей жизни, къ семьѣ, къ суду и къ своему дѣлу, его дикая нѣмота, его лицо, недоступное никакимъ впечатлѣніямъ—все это видимо угнетало всѣхъ присутствовавшихъ въ судебномъ залѣ.

Въ концѣ судебнаго слѣдствія давалъ показаніе военный врачъ, объяснявшій свойство поврежденій, полученныхъ убитыми, происхожденіе отдѣльныхъ ранъ, виды оружія, причинившіе тѣ или другія, и т. д.

Вотъ тутъ-то и воспользовался защитникъ Каспржака Патекъ присутствіемъ на судѣ какого бы то ни было врача, чтобы поднять вопросъ о ненормальности подсудимаго. Вопросъ былъ законный, во-первыхъ, потому, что онъ поднимался ранѣе, во-вторыхъ, потому, что поведеніе подсудимаго, поражавшее всѣхъ, являлось новымъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ. Врачъ поддержалъ защитника и сказалъ, что не рѣшился бы признать Каспржака душевно-здоровымъ.

Патекъ обратился къ суду съ увлекательнымъ словомъ, прося отложить дѣло и назначить экспертизу. Прокуроръ возразилъ, что нормальность Каспржака уже установлена, что отсрочка дѣла поведетъ лишь къ вторичному побѣгу Каспржака изъ лечебницы, если его отдадутъ на испытаніе. На это Патекъ воскликнулъ: „Возможность побѣга не есть возраженіе. Я думаю, что такое могущественное государство, какъ Россія, сможетъ удержать въ своихъ рукахъ одного человѣка“...

Благодаря единодушію временныхъ судей, дѣло было отложено впредь до вызова экспертовъ въ новое засѣданіе.

Жандармы уходили изъ суда въ недоумѣніи. Жена Каспржака, спускаясь съ лѣстницы, оживленная надеждой, привѣтливо улыбнулась въ мою сторону, какъ бы говоря: „до свиданія“.

Черезъ мѣсяцъ я вновь пріѣхалъ въ Варшаву, и мы вновь продѣлали то же самое передъ тѣмъ же составомъ суда, для того только, чтобы выслушать заключенія профессора Щербака и еще одного психіатра. Тѣ же свидѣтели, въ томъ же видѣ, проходили передъ нами и давали тѣ же показанія. Сапожникъ и его жена появились, какъ и прежде, подъ конвоемъ, все еще разлученные и содержимые въ тюрьмѣ, и грудной ребенокъ, по

прежнему, плакалъ на рукахъ молодой женщины. Каспржакъ былъ такъ же страненъ, такъ же отворачивался отъ суда, такъ же упорно молчалъ. Переводчикъ неизмѣнно докладывалъ ему всѣ свидѣтельскія показанія, но онъ оставался разсѣяннымъ, или сидѣлъ, опустя голову. И только разъ онъ чуть внятно пробормоталъ про себя: „Все ненужно".—Психіатры, выслушавъ дѣло, осмотрѣвъ подсудимаго, нашли необходимымъ подвергнуть его продолжительному испытанію въ лечебницѣ.

Судъ совѣщался полчаса. Пока мы ожидали резолюціи, одинъ изъ высшихъ чиновъ полиціи, въ мундирѣ съ иголочки, элегантный и любезный, расхаживая по залу, подошелъ ко мнѣ и заговорилъ: „А вѣдь намъ будетъ большая забота, если отдадутъ на испытаніе!.." —Почему же?— „Убѣжитъ!!" —Но нельзя же вѣшать, если онъ въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій?— „Зачѣмъ вѣшать? На то есть Шлиссельбургъ. C'est un bon Hôtel!"

Судъ постановилъ: отдать Каспржака на испытаніе и затѣмъ подвергнуть его освидѣтельствованію въ окружномъ судѣ. Ну, значитъ, еще годъ жизни Каспржаку, но зато и годъ тюрьмы Гурцману.

И дѣйствительно, никакія попытки выдѣлить дѣло Гурцмана намъ не удались.

III.

И еще разъ, черезъ годъ, пришлось разбирать дѣло. Каспржакъ былъ подвергнутъ испытанію, освидѣтельствованъ въ окружномъ судѣ и признанъ нормальнымъ. Дѣло возвратилось въ военный судъ.

Казалось бы, сколько воды утекло! Былъ конецъ августа 1905 г., когда уже выпустили Булыгинскую конституцію, когда революція разгоралась на митингахъ, когда не только соціалъ-демократы, подобные Каспржаку и Гурцману, но даже соціалъ-революціонеры сгруппировались въ открытыя партіи... Каспржакъ, наглухо отрѣзанный отъ міра, конечно, ничего этого не подозрѣвалъ. Никакія вѣсти до него не достигали.

Но, несмотря на возраставшій успѣхъ революціи, положеніе Варшавы, благодаря особенному обилію въ ней политическихъ убійствъ, было въ ту минуту самое угнетенное. За три дня до моего пріѣзда, городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Я долженъ былъ пріѣхать въ Варшаву въ половинѣ десятаго вечера и не зналъ, допущена ли будетъ въ этотъ часъ ѣзда по городу, попаду ли я съ вокзала въ гостинницу. Но все обошлось

благополучно. Встрѣтившій меня братъ Гурцмана объяснилъ мнѣ, что военное положеніе сказывается только въ разъѣздахъ по городу патрулей, въ болѣе раннемъ закрытіи театровъ и гостинницъ, да еще въ необходимости всегда имѣть при себѣ видъ на жительство, въ особенности въ ночное время.

Теперь процессъ разбирался уже не въ зданіи военнаго суда, а въ цитадели. Было опасеніе, что революціонеры освободятъ подсудимыхъ, при перевозкѣ ихъ въ судъ. Хотя составъ суда для каждаго длящагося дѣла долженъ, по закону, оставаться тотъ же, и хотя нашихъ прежнихъ временныхъ судей, при желаніи, можно было собрать вновь, но, подъ разными предлогами, эти судьи были замѣнены новыми, и предсѣдатель замѣнилъ себя „военнымъ судьею“.

Предзнаменованія были скверныя.

Въ защитѣ Каспржака тоже произошла перемѣна. Патекъ уѣхалъ заграницу. Вмѣсто него выступали: мѣстный присяжный повѣренный Глясъ и московскій Стааль, всюду разъѣзжавшій на „военныя“ защиты.

Цитадель находится за городомъ. Съ полверсты надо ѣхать полемъ. У крѣпостныхъ воротъ жандармы осмотрѣли мой паспортъ и сверхъ того поставили солдата на приступку моей извозчичьей коляски. Къ чему былъ этотъ солдатъ—я не понялъ, такъ какъ онъ даже не зналъ, въ какомъ изъ крѣпостныхъ зданій происходитъ судъ, и мы только отъ встрѣчныхъ рядовыхъ узнали, что судятъ въ офицерскомъ собраніи, т.-е. въ клубѣ. Я поднялся и вошелъ въ длинный пустынный танцовальный залъ. Въ глубинѣ, подъ царскимъ портретомъ, устроили столъ съ краснымъ сукномъ для судей. Люстры и продолговатые бальные диванчики безъ спинокъ, тянувшіеся вдоль оконъ, были покрыты бѣлыми чехлами. Окна выходили въ садъ. Высокія зеленыя деревья шумно качались подъ ударами вѣтра. Наше засѣданіе совпало съ такъ-называемой „тршиднювкой“, т.-е. трехдневной осенней бурей, съ дождемъ.

И въ третій разъ пришлось мнѣ видѣть и слышать то же самое. Разница была только въ томъ, что Гурцманъ былъ теперь не въ арестантской куртѣ (которая оставалась на Каспржакѣ), а въ сюртукѣ; да еще въ томъ, что сапожникъ и его жена явились уже безъ стражи. Не знаю, сколько они пробыли въ заточеніи. Очевидно, ихъ помиловали въ административномъ порядкѣ. Это нисколько не повліяло на ихъ показанія. Они только имѣли видъ успокоенныхъ людей, которымъ, наконецъ, оказана справедливость.

И Каспржакъ какъ бы затихъ. Лицо его было утомленное, молчаніе—глухое, неодолимое.

Защитники Каспржака просили вызвать въ засѣданіе психіатровъ, свидѣтельствовавшихъ его въ судѣ, и еще новыхъ. Военно-окружный судъ отказалъ. Главный военный судъ составилъ такое толкованіе, что если подсудимый былъ освидѣтельствованъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ и признанъ нормальнымъ, то уже нельзя разбирать вопроса о его душевной болѣзни въ военномъ судѣ. Какая прямолинейность! А вдругъ подсудимый какъ разъ ко дню засѣданія сойдетъ съ ума? А вдругъ болѣе авторитетные врачи убѣдятъ военный судъ, что прежніе ошиблись? Вѣдь судъ сохраняетъ право согласиться или не согласиться съ заключеніемъ экспертовъ. Какой же смыслъ не дозволять даже ихъ вызова? Неужели такъ важно сократить засѣданія на какихъ-нибудь два-три часа, чтобы, ради этого удобства, можно было рисковать осужденіемъ сумасшедшаго?

Предсѣдатель установилъ, что засѣданіе каждаго дня будетъ оканчиваться въ семь часовъ вечера. Иначе участники процесса подвергались бы непріятностямъ военнаго положенія при возвращеніи въ городъ въ позднее время. Желающіе могли обѣдать здѣсь же, въ столовой клуба. Во время обѣденнаго перерыва, всѣ мы, за исключеніемъ предсѣдателя, соединялись за общимъ столомъ. Офицерская кухня была незатѣйливая и довольно плохая. На одномъ углу обѣденнаго стола присаживались прокуроръ и временные судьи, а затѣмъ, въ перемежку, наша публика,—секретарь, переводчикъ, кое-кто изъ жандармовъ, и наконецъ мы, защитники. Разговаривали, понятно, о чемъ угодно, но только не о дѣлѣ, какъ будто мы здѣсь соединились совершенно случайно, неизвѣстно зачѣмъ. Изъ столовой вела открытая дверь въ грязный буфетъ, а оттуда былъ ходъ въ маленькую биллiардную съ дешевымъ биллiардомъ. Въ эту половину клуба мы удалялись для куренія. Здѣсь иногда мы бесѣдовали съ нѣкоторыми жандармами и служащими въ крѣпости.

Засѣданіе длилось три дня. Каждое утро, подъѣзжая къ цитадели, я видѣлъ, какъ жена Каспржака, подъ дождемъ и бурею, въ простой соломенной шляпкѣ, съ широкою черною лентою, твердымъ шагомъ пробиралась, по травѣ, къ стѣнамъ крѣпости. Чего она ждала? Во что вѣрила?

Разбирательство происходило въ безлюдной обстановкѣ. Интересъ къ дѣлу остылъ. Жандармы и полиція были поглощены другими дѣлами. Во время перерывовъ, изъ разговоровъ, мы поняли, что среди временныхъ судей только одинъ имѣетъ само-

стоятельный голосъ, но остальные, будучи добрыми и хорошими людьми, слишкомъ подневольны, слишкомъ поддаются давленію предсѣдателя.

На третій день, послѣ чтенія нѣкоторыхъ документовъ, начались пренія. Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе цѣликомъ, т.-е. говорилъ, что и Каспржакъ, и Гурцманъ совмѣстно убивали полицейскихъ. Но на случай, еслибы судъ нашелъ, что Гурцманъ не наносилъ ранъ, прокуроръ доказывалъ, что онъ все-таки виновенъ въ попустительствѣ, т.-е. въ томъ, что, имѣя возможность предотвратить убійства, удержавъ Каспржака за руку или толкнувъ его подъ локоть во время выстрѣловъ, Гурцманъ, тѣмъ не менѣе, сознательно и намѣренно допустилъ совершеніе всѣхъ злодѣяній Каспржака. А потому прокуроръ требовалъ висѣлицы для обоихъ.

Защитникъ Каспржака, присяжный повѣренный Глясъ, болѣзненный, нервный человѣкъ, глухимъ, какъ бы сдавленнымъ голосомъ, изъ глубины груди выкрикивалъ требованіе не прибѣгать къ казни, не выслушавъ экспертовъ. Онъ съ убѣжденіемъ говорилъ, что это будетъ попраніемъ элементарныхъ требованій правосудія, что это будетъ не приговоръ, а убійство.

Богъ вѣсть, что подѣйствовало на Каспржака,—интонація ли отчаянія въ голосѣ защитника, звучавшія такъ болѣзненно,—содержаніе ли его рѣчи, или собственный внезапный бредъ,—но среди этой защиты Каспржакъ, худой, блѣдный, весь трясущійся, поднялся, вытянулся во весь ростъ, чуть не сталъ на цыпочки—и высоко поднялъ свой кулакъ, глядя прокурору въ лицо, мыча, сопя, задыхаясь, готовый издать крикъ... На него набросились конвойные.

Присяжный повѣренный Кіеньскій быстро отдернулъ меня въ сторону, говоря: „Отойдите. Я видѣлъ его глаза. Онъ въ эту минуту сумасшедшій. Онъ убьетъ всякаго“.

Подсудимыхъ увели. Засѣданіе было прервано. За дверьми послышался неистовый крикъ Каспржака. Эти страшные вопли безъ словъ разносились по всему зданію минутъ десять. Потомъ утихли. Когда подсудимый совершенно успокоился, насъ вновь позвали въ залъ.

Второй защитникъ Каспржака, Стааль, пытался примирить судъ съ личностью подсудимаго. Онъ говорилъ, что всякому понятна привязанность къ отцу, матери, женѣ, дѣтямъ, и многое, что дѣлаютъ люди во имя этой любви, имъ прощается. Но не всѣмъ ясно, что существуетъ любовь высшаго порядка, любовь къ человѣчеству вообще, къ большой массѣ нашихъ страждү-

ихъ собратій. Такой именно любви Каспржакъ посвятилъ всю свою дѣятельность. Стааль все это объяснялъ безъ пафоса, скорѣе тономъ профессора. Такъ и нужно было говорить, потому что, несмотря на общеизвѣстность темы, чувствовалось, что подобныя мысли для большинства этихъ судей были трудною, новою наукою, которую они выслушивали серьезно, но безъ малѣйшей воспріимчивости.

Наша задача съ Кіеньскимъ казалась намъ легкою. Кіеньскій коснулся юридической стороны обвиненія, а затѣмъ установилъ отсутствіе доказательства, чтобы Гурцманъ участвовалъ хотя бы въ единомъ насиліи противъ полицейскихъ. Я говорилъ о томъ, что Гурцманъ только запутанъ въ дѣло, но невиновенъ. У него не могло быть и мотивовъ къ убійству. Иное дѣло—Каспржакъ. Тотъ, пользовавшійся свободною проповѣдью своихъ идей въ Германіи, уже испыталъ однажды, какъ дорого расплачиваются за ту же проповѣдь въ Россіи. По природѣ вольный и непосидчивый, какъ птица, онъ вспомнилъ варшавскую крѣпость, больницу для сумасшедшихъ... Неистовая ярость овладѣла имъ. Онъ рѣшился пролить сколько угодно крови, чтобы только вырваться отъ оцѣпившихъ его людей и бѣжать безъ оглядки. А Гурцманъ? Арестъ не пугалъ его. Онъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ заинтересовался соціалистическимъ ученіемъ. Онъ, быть можетъ, даже не прочь былъ пострадать за свои идеи. Да, наконецъ, и по своимъ взглядамъ онъ былъ противникъ насилія. И такъ какъ Гурцманъ, за принадлежность къ соціалъ-демократической партіи, будетъ еще судиться, отдѣльно отъ настоящаго дѣла, въ судебной палатѣ, то военному суду предстоитъ только совершенно ясная обязанность: оправдать Гурцмана въ убійствахъ, совершенныхъ Каспржакомъ. Гурцмана еще обвиняютъ въ томъ, что онъ не помѣшалъ убійствамъ. Но вѣдь онъ былъ безоруженъ, и Каспржакъ убилъ бы его, какъ всякаго другого, еслибы онъ къ нему прикоснулся. Вѣдь даже полицейскіе прятались отъ выстрѣловъ Каспржака въ сараи. Какъ же требовать отъ частнаго лица, чтобы оно жертвовало своею жизнью для поимки преступника?

На этомъ кончились пренія. Судъ удалился для совѣщанія. Зная, что совѣщанія военнаго суда всегда чрезвычайно продолжительны, мы принялись блуждать по клубу, присаживаясь то въ столовой, то въ билліардной. Жандармскій капитанъ, изъ оставшихся свидѣтелей, отозвался о моей рѣчи: „Просто и ясно“. Начальникъ охраны, видимо убѣжденный, вполнѣ добродушно ска-

залъ мнѣ: „Я готовъ съ вами согласиться. Гурцманъ въ убійствахъ непричемъ".

А мы, защитники, все таки чувствовали угнетеніе. По нѣскольку разъ я возвращался въ залъ, и какъ-то увидѣлъ Стааля, присѣвшаго на одномъ изъ бальныхъ диванчиковъ возлѣ жены Каспржака. Когда онъ отошелъ отъ нея, я его спросилъ:—Развѣ вы говорите по-польски? — „Плохо. Но она все понимаетъ по-русски. Тяжело ей теперь. Поговорите съ ней и вы".

Я освѣдомился о ея сынѣ и мужѣ. Узналъ, что сынъ здоровъ, что мужъ, за все это время, въ теченіе болѣе года, при ея посѣщеніяхъ, не сказалъ ей ни слова. На свиданіяхъ неизмѣнно присутствовали посторонніе. Мужъ, сколько она помнитъ, постоянно былъ въ разъѣздахъ и заботахъ. Семью любилъ, но своихъ чувствъ не показывалъ. Мальчикъ обожаетъ отца.

— Похожъ ли онъ лицомъ на мужа?

— „Бардзо мало".

— А умомъ, характеромъ?

— „Трохе такъ"...—И она улыбнулась.

Блѣдное лицо г-жи Каспржакъ, ея простыя слова, ея мягкій голосъ—все это было воплощеніемъ глубокаго горя, сдерживаемаго сильной душой.

Въ это время въ залѣ уже сдѣлалось темно. Сторожа начали протискивать въ двери высокую лѣстницу, чтобы снять съ люстры бѣлый чехолъ, окутывавшій электрическія лампочки. И когда лѣстница возвысилась до бѣлаго чехла люстры, мнѣ померещились висѣлица и саванъ... Холодъ пробѣжалъ у меня по спинѣ. Тяжко мнѣ было смотрѣть на этотъ залъ и на закрытую дверь совѣщательной комнаты... По счастью, г-жа Каспржакъ, ушедшая куда-то далеко въ свою печаль, опустила голову и ничего окружающаго не замѣчала.

Сняли чехолъ съ люстры. Залъ освѣтился электричествомъ. Совѣщательная комната попрежнему не подавала признаковъ жизни.

Но, вотъ, засуетились сторожа. Откуда-то прошелъ слухъ, что приговоръ подписанъ. Послали за подсудимыми. Я попросилъ Кіеньскаго выслушать приговоръ за насъ обоихъ, а самъ удалился черезъ корридоръ въ столовую. Я шагалъ по ней въ одиночествѣ довольно долго. Очевидно, въ приговорѣ что-то неладное. Еслибы Гурцманъ былъ оправданъ, ко мнѣ бы тотчасъ же кто-нибудь прибѣжалъ. Наконецъ, и самый шумъ вдалекѣ какъ-то сразу затихъ. Я поторопился узнать, что произошло. У порога зала мнѣ сообщили, что Каспржакъ присужденъ къ п-

вѣшенію и уже уведенъ, а Гурцманъ (еще находившійся въ комнатѣ передъ заломъ)—къ пятнадцатилѣтней каторгѣ. Я засталъ его въ обществѣ брата и Кіеньскаго. Часовые не препятствовали нашимъ разговорамъ. Бодрѣе всѣхъ насъ былъ Гурцманъ. Лицо у него было довольное, глаза—веселые, разговоръ—искренно-спокойный. Онъ поцѣловалъ меня и, какъ бы утѣшая, твердымъ голосомъ сказалъ: „Очень важно, что они все-таки поняли, что я не убивалъ“ (его признали виновнымъ только въ „попустительствѣ“).

Гурцмана удалили, и мы разъѣхались.

На слѣдующій день ко мнѣ пріѣхалъ братъ Гурцмана, послѣ новаго свиданія съ нимъ. Онъ разсказалъ, что осужденный Бенедиктъ предвидѣлъ каторгу, какъ лучшій исходъ, и уже имѣетъ всѣ свѣдѣнія о маршрутѣ. Онъ даже интересуется каторгой, желаетъ испытать ее, какъ Достоевскій. Да, пока силы молоды. Но вѣдь срокъ ужасенъ! Для изученія каторги, изъ любознательности, довольно и мѣсяца. Лучшая пора жизни пропадаетъ. А главное—за что же?!

Я отправился въ судъ. Предсѣдатель военно-окружнаго суда (не тотъ „военный судья“, который подписалъ приговоръ, а тотъ, который велъ два предыдущія засѣданія) сладостно-мягкимъ голосомъ утѣшалъ меня: „Для Гурцмана сдѣлали все, что было возможно“.

Ну, что на это сказать?!.. Думаю, что еслибы дѣло разбиралось публично, то судъ не припуталъ бы Гурцмана къ убійству. Но процессъ велся не публично. Всей Варшавѣ было извѣстно, что на мѣстѣ преступленія пойманы двое, а убитыхъ—четверо. Кто не зналъ подробностей, тому должно было казаться, что эти двое одинаково виновны, тѣмъ болѣе, что Гурцманъ—молодой еврей (значитъ, террористъ), да и не даромъ же оба, Каспржакъ и Гурцманъ, цѣлыхъ полтора года просидѣли за эти убійства въ тюрьмѣ. Какъ же было послѣ этого объявить публикѣ, что Гурцманъ совсѣмъ невиновенъ въ кровопролитіи? Скажутъ: пристрастіе, вольнодумство, слабость. А генералъ-губернаторъ? Вѣдь тотъ не читаетъ свидѣтельскихъ показаній! А между тѣмъ, надо, чтобы въ краѣ всѣ знали о его строгости, чтобы ему никто не приписывалъ непонятныхъ нѣжностей къ преступникамъ. Наканунѣ произнесенія приговора былъ смѣщенъ Максимовичъ, и власть перешла къ Скалону. Военный судъ, очевидно, не пожелалъ дебютировать передъ Скалономъ оправданіемъ Гурцмана. Новый генералъ-губернаторъ не дозволилъ осужденнымъ подавать кассаціонныя жалобы. Много интересныхъ юридическихъ вопросовъ погибло подъ этой резолюціей!

Каспржакъ былъ повѣшенъ.

Гурцманъ, по манифесту 23-го октября 1905 года, получилъ сокращеніе каторги до пяти лѣтъ. Дѣло о принадлежности его къ соціалъ-демократической партіи, въ силу того же манифеста, прекращено.

Отецъ осужденнаго подалъ прошеніе Государю. Прошеніе пошло къ военному министру, а тотъ передалъ его генералу Павлову. Генералъ Павловъ нашелъ, что приговоръ достаточно смягченъ по манифесту, и отклонилъ докладъ.

Гурцманъ отбываетъ каторгу. Жизнь юноши, конечно, загублена...

Разсказываю же я это дѣло съ цѣлью, чтобы напомнить о судьбѣ невинно-осужденнаго; онъ могъ бы представить случай для полной амнистіи.

С. Андреевскій.

ВЪ СТРАНѢ ТУНЕЯДСТВА

Романъ Генриха Манна.

Heinrich Mann. Im Schlaraffenland. Ein Roman unter feinen Leuten. München, 1904. Albert Lange.

Окончаніе.

VII. — Честные люди *).

Андреасъ собирался встрѣтить Адельгейду очень холодно, но она явилась къ нему на слѣдующее утро такою молодою, походка ея была такъ эластична, а лицо сіяло такимъ счастьемъ, что онъ не успѣлъ выразить ей своей немилости. Она показала ему корректурный листокъ—отрывокъ изъ хроники.

— Вотъ, прочти. Это появится сегодня вечеромъ въ „Ночномъ Курьерѣ“.

Онъ пробѣжалъ строки сначала подозрительно, но онѣ обезоружили его.

„Въ здѣшнихъ литературныхъ кругахъ много говорятъ о трехъ-актной комедіи нравовъ г. Андреаса Цумзее, протежѣ одной изъ самыхъ блестящихъ дамъ высшаго круга; онъ извѣстенъ нашимъ читателямъ въ качествѣ многообѣщающаго молодого таланта. Пьеса подъ заглавіемъ: „Непонятая“, уже принята для постановки однимъ изъ первыхъ театровъ и, вѣроятно, пойдетъ въ нынѣшнемъ сезонѣ. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ этого литературнаго событія. Пьесу несомнѣнно ожидаетъ большой успѣхъ“.

*) См. выше: ноябрь, стр. 197.

— Ну, что̀ ты скажешь? — спросила Адельгейда, вопросительно улыбаясь. Онъ порывисто схватилъ ея руку и поднялъ на нее изъ-подъ загнутыхъ рѣсницъ полный любви взглядъ, какимъ онъ уже давно не дарилъ ее.

— Ты—лучше ихъ всѣхъ! — сказалъ онъ сердечно. — Но какъ же это наши имена стоятъ рядомъ въ печати?—Онъ вдругъ покраснѣлъ отъ удовольствія, сообразивъ, какъ это лестно для него.

Она откинула голову назадъ. Не все ли ей равно, что̀ скажутъ? Такая самостоятельность вызвала у Андреаса чувство уваженія. Но почему же она ставитъ въ вину бѣдной Лиззи ея протежѐ? Она, которая такъ добра... онъ чуть было не прибавилъ: къ молодымъ людямъ.

— Я, дѣйствительно, добра,—подтвердила Адельгейда,—но она задѣла меня въ моей любви, и этого я не прощаю. Тюркгеймеръ можетъ вводить въ свой домъ кого угодно, даже своихъ метрессъ. Было бы смѣшно тревожиться изъ-за этого. За исключеніемъ брилліантовъ, — онъ не многимъ могъ осчастливить ее, могу за это поручиться.

Андреасъ расхохотался — съ оттѣнкомъ смущенія. Онъ бываетъ у Тюркгеймеровъ на одинаковыхъ съ Лиззи правахъ. Впрочемъ—нѣтъ: онъ не продаженъ.

Она схватила его руку и такъ прислонилась къ его плечу, что онъ чуть-чуть покачнулся. Въ голосѣ ея слышались рыданія.

— Все это изъ-за тебя, мой возлюбленный Андреасъ! Ради тебя, я могла бы пролить кровь.

Онъ готовъ былъ повѣрить этому, глядя на ея взволнованное лицо, странно мерцавшее своею матовою блѣдностью подъ гребнемъ черныхъ волосъ, на ея полузакрытыя вѣки, окаймленные синевою глаза и раздувающіяся ноздри.

— Что она попрекнула меня годами, это я прощаю ей, и могу только пожалѣть о томъ, что въ ея годы она кажется старухою. А стара ли я—ты долженъ знать лучше, чѣмъ кто бы то ни было.

Ея порывы страсти всегда увлекали Андреаса, и онъ сожалѣлъ, когда она превращалась изъ „безстыдно-великолѣпной султанши“ въ „сентиментальную толстуху“ и осыпала его уменьшительными именами, не замѣчая его злобныхъ взглядовъ.

— А теперь мой котикъ будетъ пай-мальчикъ и напишетъ пьесу. Да? Въ январѣ она пойдетъ у насъ, а въ февралѣ я проведу ее на большую сцену,—ручаюсь тебѣ.

— Неужели это такъ къ спѣху? Нельзя вытряхнуть трехактную пьесу изъ рукава.

— Пожалуйста, постарайся! Тебѣ ничего это не стоитъ...

— А вдохновеніе? А подготовка матеріаловъ?

Онъ почти сердился. Чего ради она подгоняетъ его? Онъ готовъ былъ довольствоваться замѣткою въ „Курьерѣ“: для чего утруждать себя писаніемъ пьесы? Въ концѣ концовъ они сторговались на февралѣ.

Однажды она, прощаясь, шепнула ему на ушко:—Мы любимъ другъ друга три мѣсяца, а я еще не знаю, моя куколка, не нуждаешься ли ты въ чемъ-нибудь? Есть ли у тебя деньги?

Онъ отступилъ отъ нея, самые глаза его померкли отъ ярости. Затѣмъ онъ повернулся къ ней спиною, подобралъ рясу и засунулъ руки въ карманы. Она попыталась приблизиться къ нему, но онъ отодвинулъ ее плечомъ.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ! Ты, кажется, смѣшиваешь меня съ Лиззи Лаффѣ? Продажная личность! Не сама ли ты называла ее этимъ именемъ? А теперь...—Онъ злобно разсмѣялся.

Испуганная Адельгейда кинулась къ нему съ распростертыми объятіями. Не думаетъ ли онъ, что она предлагаетъ ему деньги?

Онъ былъ почти разочарованъ. Это портило ему его героическую роль. Она удвоила свои завѣренія. Ей просто хотѣлось... ну, позаботиться о его удобствахъ. У него нѣтъ порядочнаго зеркала, а между тѣмъ она недавно видѣла прелестную вещь—продается по случаю, всего за сто марокъ. Поэтому она и спросила: есть ли у него деньги?

— Это другое дѣло. Будь такъ добра.

Онъ досталъ портфель и подалъ Адельгейдѣ съ поклономъ, полнымъ достоинства, послѣдній билетъ въ сто марокъ.

Адельгейда замѣтила, что онъ былъ единственный.

— Я радъ, что ошибся,—проговорилъ онъ небрежно, чувствуя необходимость извиниться.

Они отпраздновали примиреніе, и она ушла съ чувствомъ благоговѣнія передъ нравственною высотою возлюбленнаго. На прощанье она шепнула ему среди поцѣлуевъ свое любимое:—Ты благороденъ!

Проводивъ ее, Андреасъ ощутилъ, однако, нѣкоторое сомнѣніе. Не лучше ли было бы попросить у нея денегъ взаймы? Онъ со вздохомъ пересчиталъ остававшіеся у него 21 марку, 35 пфенниговъ—остатки его выигрыша. Не глупо ли жить въ странѣ тунеядства, гдѣ золото валяется на полу, и обрекать себя вегетаріанству, какъ во времена кафѣ „Ура!“? Въ сущности Адельгейдѣ слѣдовало бы настоять на своемъ и попытаться привести какіе-нибудь разумные доводы.

Раздосадованный, онъ отправился въ редакцію къ Кафлишу, намѣреваясь потребовать у него свои сто марокъ, которыя тотъ и не думалъ отдавать, но встрѣтилъ репортера Подъ-Липами въ обществѣ нѣсколькихъ журналистовъ, одѣтыхъ съ банальною элегантностью и очень похожихъ другъ на друга. Кафлишъ изумился цѣли его посѣщенія. Неужели стоило разыскивать его ради этихъ грошей?!

— Хороши гроши! — сказалъ Андреасъ, которому сто марокъ казались теперь состояніемъ.

— У того, кто близокъ съ фрау Тюркгеймеръ—денегъ куры не клюютъ. Скажите по совѣсти,—перешелъ онъ въ дружескій тонъ:—неужели она не предлагала вамъ субсидіи?

Андреасъ состроилъ высокомѣрную мину. Онъ могъ бы имѣть сколько пожелаетъ.

— Неужели вы заражены ложнымъ стыдомъ, бѣдный другъ? Ха, ха, ха!

Все еще смѣясь, журналистъ увлекъ Андреаса въ кафе Бауэръ и спросилъ пива.

— Итакъ, вы не принимаете подарковъ?

— Я честный человѣкъ...

— Важная штука! Всѣ мы—честные люди, но вы имѣете право на общественное Тюркгеймеровское достояніе. Гражданинъ вы или не гражданинъ этой страны?

— Я не понимаю...

— А дѣло такъ понятно. Когда человѣкъ укралъ такъ безумно много, какъ Тюркгеймеръ, онъ не можетъ никого убѣдить въ томъ, что это принадлежитъ ему одному. Онъ человѣкъ просвѣщенный, и понимаетъ требованія извѣстнаго коммунизма. Національное достояніе должно распредѣляться среди „своихъ людей“, въ число которыхъ входятъ лица княжеской крови; порою и они не прочь посадить деревцо-другое въ саду Тюркгеймера, имѣя отъ этого свои выгоды. Понимаете ли вы меня, уважаемый другъ? Все дѣло—въ полюбовномъ раздѣлѣ.

— Отчасти понимаю. Но какія же у меня права?

— Какъ—какія? Да вы шутникъ!

— Ахъ, да!—сказалъ Андреасъ и усмѣхнулся, видимо польщенный:—это, дѣйствительно, страна медвяныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ.

— Видите, какой вы—одаренный человѣкъ. Народное хозяйство въ этой странѣ—базисъ ея преуспѣянія. Надо способствовать, но отнюдь не потрясать. Что такое Іекузеръ? Вы скажете, что издатель „Курьера“ имѣетъ дѣло съ общественными

событіями? Но важнѣйшія изъ нихъ—тѣ, которыя высосетъ изъ пальца Тюркгеймеръ или Бединеръ, — что въ сущности одно и то же.

— Тюркгеймеръ такъ могущественъ?

— Внѣ конкурренціи. Оскорбляютъ Бога и государя, но кто оскорбитъ Тюркгеймера? Тѣ, кого онъ бросилъ—отщепенцы. Эта участь постигнетъ и Лиззи съ Клемпнеромъ, а какъ хорошо жилось имъ въ сей странѣ! Кто платилъ хорошенькимъ дѣвушкамъ, въ обществѣ которыхъ Клемпнеръ отдыхалъ отъ Лиззи? Тюркгеймеръ! Видите, какъ широки границы нашей страны. Кто купилъ со всѣмъ его живымъ инвентаремъ баронскій домъ Гофштеттеновъ? Фрейлейнъ фонъ Гофштеттенъ строитъ церкви и посылаетъ въ Палестину шерстяные чулки іудейскимъ ребятишкамъ—на деньги Тюркгеймера. Сколько людей находятъ у него вѣрный кусокъ хлѣба и обезпеченіе! Либлингъ, напримѣръ...

— Такой серьезный человѣкъ? Онъ проводитъ такіе взгляды...

— А почему бы ему и не проводить ихъ? Феликсъ Либлингъ рано сталъ заниматься филантропіей. Сначала онъ учредилъ газету „Горбунъ“—центральный органъ физическаго и моральнаго развитія горбуновъ, но изданіе это не нашло сочувствія въ публикѣ. Затѣмъ онъ намѣревался открыть заведеніе „Материнское молоко“, пріютъ для подготовленія будущихъ кормилицъ, но со стороны полиціи встрѣтилось препятствіе, и тогда онъ сдѣлался сіонистомъ, что дало ему положеніе въ обществѣ, а слѣдовательно—и деньги. Либлингъ—повѣренный Тюркгеймера, не по сомнительнымъ дѣламъ, какъ Блохъ, а по дипломатическимъ или просто—личнымъ. Хочетъ ли Тюркгеймеръ спровадить старую метрессу или поднести брилліантовый мундштукъ иностранному принцу—Либлингъ самый подходящій для этого человѣкъ. Его моральные принципы выручаютъ его въ самыхъ трудныхъ случаяхъ жизни.

— Значитъ, всѣ довольны?

— Въ странѣ туняядства всегда всѣ довольны, — заявилъ Кафлишъ. Собственное краснорѣчіе привело его въ хорошее настроеніе. Онъ похлопалъ Андреаса по плечу.

— Знаете, сегодня для васъ—удачный день. Поѣдемте куданибудь. Я угощаю.

Когда они вышли на улицу, онъ объяснилъ, что акціи „Texas Bloody Bank Gold Mounts“ страшно идутъ въ гору. Всѣ сотрудники „Курьера“ кое-что наживутъ. Вмѣсто ста марокъ онъ предлагаетъ Андреасу тонкій ужинъ. Что онъ думаетъ относительно Гиллера?

Отъ Гиллера они отправились къ Ренцу, отъ Ренца—къ Кемпинскому, оттуда—въ кафе, причемъ Кафлишъ прихватилъ спутницу. Въ три часа ночи, прислонившись къ фонарю, репортеръ, обнимая пріятеля, говорилъ, съ трудомъ шевеля языкомъ:

— Сегодня, братъ и другъ, ты стоилъ мнѣ болѣе ста марокъ. Но это мнѣ — наплевать. Развѣ я не честный человѣкъ? Важная штука, подумаешь! Всѣ мы—люди честные.

VIII.—Чтеніе въ сердцахъ.

Андреасъ еще не совсѣмъ оправился съ похмелья, когда на слѣдующія сутки къ нему явилась Адельгейда, радостная и смущенная. Онъ будетъ ее бранить, но туалетный столъ оказался проданнымъ, и она рѣшила иначе употребить его деньги. Она отдала ихъ Тюркгеймеру. Такъ поступаетъ она и со своими сбереженіями. Теперь „Техасскія Золотыя Горы“ очень поднимаются. На нихъ—громадный спросъ.

— Знаю. На нихъ можно много выиграть.

— Вотъ видишь! Я взяла тебя въ долю и купила акцію. Сегодня бумаги такъ поднялись, что я рѣшила ихъ продать и привезти тебѣ твой выигрышъ чистыми деньгами.

— Напрасно ты такъ торопилась,—сказалъ онъ съ надменнымъ движеніемъ руки.

— У твоей ассигнаціи оказалось потомство. Небольшое, конечно,—вѣдь твоя часть—пятая, и наконецъ ты рисковалъ все потерять... Съ золотыми копями всегда бываютъ крахи. Тюркгеймеръ увѣряетъ, что стоящій во главѣ этого дѣла Фридрихъ-Вильгельмъ Шмеербаухъ обанкрутится со своими Gold Mounts...

— Славное названіе. Эти горы—изъ чистаго золота?

— Тюркгеймеръ того мнѣнія, что нечего ломать надъ этимъ голову,—пожала плечами Адельгейда:—Техасъ слишкомъ далеко. Дѣло во всякомъ случаѣ—рискованное.

Говоря такимъ образомъ, она робко достала изъ муфты портфельчикъ, повертѣла его въ рукахъ, словно для того, чтобы пріучить Андреаса къ его виду, и положила его на краешекъ стола. Андреасъ отвелъ глаза. Затѣмъ дѣло пошло значительно легче. Сначала Андреасъ удивлялся: какимъ образомъ могъ онъ такъ скоро выиграть на сто марокъ — пятьсотъ? Онъ углубился въ изученіе биржевыхъ бюллетеней, но, ничего не понявъ въ нихъ, отбросилъ ихъ вмѣстѣ съ заботою, и научился съ теченіемъ времени небрежно опускать въ карманъ жакетки привозимыя Адель-

гейдою суммы. Откуда являлись эти деньги — это касалось уже тѣхъ, кто правилъ волшебною страною; онъ подчинялся силѣ вещей,—вотъ и все.

Однажды онъ объявилъ Адельгейдѣ, что уже придумалъ имена дѣйствующихъ лицъ своей пьесы: героиню зовутъ Гильдегарда Трентмёнихенъ—имя, полное настроенія, герой—грубый матеріалистъ, Алоизъ Пфаундштейслеръ.

— А та большая сцена, о которой ты мнѣ разсказывалъ?

Онъ досадливо взъерошилъ свои волосы.—Пришлось бросить. У Дитриха Клемпнера есть гдѣ-то аналогичная сцена... Эти шлезвигцы каждому становятся поперекъ дороги.

Онъ началъ сомнѣваться въ своемъ произведеніи. Лиззи Лаффѣ была въ сущности права. Шлезвигцы и другіе выскочки въ искусствѣ такъ затаскали „непонятую“ и „освобожденную“ женщину, что она свалилась въ канаву. Высшая культура обязана относиться къ вопросамъ такого рода съ легкимъ скептицизмомъ: они не заслуживаютъ того, чтобы трактовать ихъ въ серьёзъ. Это открытіе вызвало въ его умѣ побѣдоносную улыбку, которою онъ полюбовался въ зеркалѣ.

Въ порывѣ увлеченія Андреасъ набросалъ стихами монологъ мужа, удивляющагося внезапной душевной пустотѣ своей жены и силящагося ее понять. Заключительныя слова были:

„Нѣтъ, я рѣшить загадки не могу,
Гнѣздящейся въ столь маленькомъ мозгу!“

Это заключеніе нѣсколько смущало его. Не покажется ли оно обиднымъ? Но онъ вспомнилъ публику, апплодировавшую „Мести“, и успокоился. Дѣйствительно, Адельгейда ничуть не была скандализирована стихами,—наоборотъ, она пришла отъ нихъ въ полный восторгъ. Репетицію назначили въ пятницу.

— Ни о чемъ не безпокойся, мое сокровище. Поэтъ долженъ держаться съ достоинствомъ. Приходи въ три часа.

У Андреаса достало духу пріѣхать поздно. Кромѣ него, на репетицію явилось шестеро остававшихся въ тѣни молодыхъ поэтовъ. Присутствовали обычные друзья дома. Андреасу представили директора Капеллера, круглаго, подвижного человѣка въ засаленномъ фракѣ, и поэтъ сразу узналъ въ немъ добровольнаго тапёра на раутѣ. Услужливость была отличительною чертою характера подвижного человѣка, бывшаго когда-то директоромъ театра и умѣвшаго сдѣлаться необходимымъ въ домѣ сильныхъ міра сего. Онъ сразу овладѣлъ положеніемъ и проговорилъ своимъ мягкимъ, сдобнымъ голосомъ, что надѣется, благо-

даря своему опыту, „создать“ роль, такъ превосходно написанную г. Цумзее, хотя произведеніе г. Андреаса Цумзее — нѣчто совсѣмъ особенное, можно сказать — небывалое. Произведеніе искусства, преисполненное новыхъ, непредвидѣнныхъ красотъ, конечно, не легко поддается воплощенію его на сценѣ. Но онъ приложитъ всѣ старанія.

Онъ сопровождалъ свои слова закругленными жестами, и вдругъ, выпятивъ толстую нижнюю губу и склонивъ голову на бокъ, окинулъ стоявшихъ рядомъ Андреаса и Адельгейду безстыдно-нѣжнымъ взглядомъ, чѣмъ разсмѣшилъ дамъ и привелъ всѣхъ въ хорошее настроеніе. Засунувъ рукописи шестерыхъ поэтовъ въ карманъ, онъ сразу занялся пьесою Андреаса и принялся декламировать монологъ сбитаго съ толку мужа, умѣло скандируя стихи, подчеркивая мысли автора, и наконецъ произнесъ громовымъ голосомъ заключительное двустишіе. Его круглая фигура такъ и каталась по предполагаемой сценѣ; онъ лукаво подмигивалъ публикѣ и повторялъ свои закругленные, понравившіеся дамамъ жесты.

Андреасъ слушалъ, затаивъ дыханіе; стихи его звучали какъ-то чуждо въ устахъ Капеллера, но они все болѣе ему нравились. Актеръ не затушевывалъ опасныхъ мѣстъ; напротивъ, засунувъ руки въ карманы панталонъ, выпятивъ животъ и откинувъ назадъ голову съ двойнымъ подбородкомъ, онъ усиленно напиралъ на нихъ съ безстыдствомъ стараго грязнаго циника — по мнѣнію Андреаса. Фрау Пимбушъ отъ удовольствія зажмурила глаза, и голова ея, похожая на пестрый ядовитый цвѣтокъ, безпокойно двигалась на тонкой шеѣ. Фрау Гольдгерцъ порхала по комнатѣ; фрау Моръ добродушно улыбалась, а Пимбушъ созерцалъ свой на диво отрощенный ноготь. Настроеніе въ публикѣ было самое благопріятное.

Капеллеръ скромно стушевался, предоставивъ автору принимать комплименты и аплодисменты. Пимбушъ заявилъ, что пьеса — „copur-chic“, а исполненіе ея — „ultra-smart“; всѣ были того мнѣнія, что міръ сразу открылъ двухъ геніевъ. Адельгейда, гордая, спокойная и сіяющая, принялась разливать чай, и каждое ея движеніе говорило: „Мнѣ принадлежитъ не только произведеніе, но и самъ поэтъ!“ Андреасъ почувствовалъ, что онъ любитъ ее за эту гордость, и нашелъ, что ею можно залюбоваться.

Окутывая свои слова облакомъ тончайшей лести, Капеллеръ предложилъ поэту, въ виду сценическихъ условій, вывести на сцену загадочную жену. Пусть она молчитъ и дѣлаетъ гримасы, какъ бы иллюстрируя слова мужа. Можно пригласить на эту

роль маленькую Верду Бирацъ. Идея была одобрена, и къ слѣдующей репетиціи явилась актриса, которую дамы сейчасъ же окружили, а фрау Пимбушъ увлекла ее въ амбразуру окна съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ: „Мы шепчемся о непозволительныхъ вещахъ“. Андреасъ глядѣлъ на скромно-дѣвственное платье актрисы и думалъ, что она охотно прогулялась бы Подъ-Липами безъ платья, еслибы ей хорошо за это заплатили.

Капеллеръ принялся въ шутливомъ тонѣ объяснять актрисѣ ея обязанности.

— Покуда я декламирую, дѣлайте гримасы и показывайте публикѣ ваши ноги. Да подберите немного ваши бандо,—изъ-подъ нихъ виденъ только кончикъ носа. Хорошо, что фрейлейнъ ничего не придется говорить,—обратился онъ къ дамамъ: -тэмбръ голоса у нея некрасивый.

— Хорошо, еслибы у васъ былъ некрасивъ одинъ лишь тэмбръ голоса,—возразила Верда Бирацъ, любезно улыбаясь при этомъ. Она понимала, что нельзя дѣлать себѣ врага изъ человѣка, популярнаго въ салонахъ.

Чутье Капеллера подсказало ему, что его придирки къ актрисѣ —тончайшая лесть по отношенію къ дамамъ изъ общества, завидовавшимъ хорошенькой гетэрѣ, обиравшей ихъ мужей и поклонниковъ. Эти нападки доставляли имъ болѣзненное удовольствіе; фрау Пимбушъ, только-что любезничавшая съ нею, вся подергивалась отъ удовольствія, и Андреасъ случайно разслышалъ въ группѣ безымянныхъ поэтовъ восклицаніе: „Каковы эти дамы! Тутъ просто какое-то сладострастіе жестокости!“

Онъ подошелъ къ Адельгейдѣ и проговорилъ:

— Вы замѣтили, какъ дамы наслаждаются дерзостями, которыя говоритъ Капеллеръ этой бѣдняжкѣ? Это—какое-то сладострастіе жестокости.

— Ты неумолимо проницателенъ,—отвѣтила она съ трепетнымъ восхищеніемъ.

Въ день спектакля Андреаса охватило отчаяніе. Что онъ за дуракъ! На кой чортъ понадобилось ему написать пьесу? Этимъ онъ ставитъ все на карту. Неуспѣхъ сдѣлаетъ его смѣшнымъ въ глазахъ Адельгейды. Онъ всталъ поздно, плотно покушалъ и выпилъ за обѣдомъ цѣлую бутылку шампанскаго. Въ десять часовъ Капеллеръ долженъ былъ произнести первыя слова монолога, и лишь двадцать минутъ спустя авторъ вошелъ въ бѣлую съ золотомъ залу, въ концѣ которой была устроена сцена. Общество размѣщалось за маленькими столиками; одни пили пиво,

другіе—шампанское. Воздухъ былъ насыщенъ испареніями, исходившими отъ раздушенныхъ платьевъ, крѣпкой туалетной воды, пропитывавшей головную кожу дамъ, отъ крема, уснащавшаго ихъ лица и плечи, отъ увядающихъ цвѣтовъ, приколотыхъ къ корсажамъ, а также — отъ напомаженныхъ мужскихъ головъ—брилльянтина и опопонакса. Три люстры разливали яркій бѣлый свѣтъ; въ волосахъ и на плечахъ сверкали драгоцѣнные камни, слышался звонъ хрусталя, нервный смѣшокъ, поскрипываніе шолка; въ глазахъ женщинъ порою вспыхивалъ и погасалъ огонекъ, вызванный голосомъ толстаго маленькаго человѣка въ засаленномъ фракѣ, сѣменившаго ножками по сценѣ, между тѣмъ какъ его коротенькія ручки производили захватывающія движенія: онъ словно ловилъ что-то въ воздухѣ.

Когда онъ остановился, Андреасъ могъ видѣть, какъ колышется въ тактъ дыханію его животъ; галстукъ съѣхалъ на бокъ, бѣлила и румяна растеклись по лицу, но онъ продолжалъ неутомимо махать рукой, что̀, повидимому, очаровывало дамъ. Успѣхъ возрасталъ съ каждымъ мигомъ. Верда Бирацъ вдругъ повернулась къ нему спиною такъ ловко, что ея короткое платье поднялось чуть не до колѣнъ, обнаруживъ волны кружевъ. Видя, что приличіе не оскорблено, Либлингъ первый крикнулъ:—Браво!

И когда Капеллеръ сошелъ со сцены въ залу, его сейчасъ же окружили.

Андреаса кто-то любовно хлопнулъ по животу. Тюркгеймеръ, ободрительно улыбаясь ему и покачивая головою, говорилъ тягучимъ голосомъ:

— Вотъ что̀ значитъ имѣть... личныхъ протежѐ! Не говорилъ ли я вамъ, что жена моя очень васъ цѣнитъ, и я тоже...

Онъ пощипалъ свои рыжеватыя бакенбарды.

— Каждый по-своему, конечно. Поздравляю васъ, милѣйшій. Честь вамъ и слава!

Андреасъ радостно покраснѣлъ отъ похвалы великаго человѣка, могущаго судить объ успѣхѣ.

— Честь вамъ и слава, милѣйшій г. Цумзее!—продолжалъ повторять Тюркгеймеръ гнусаво и настойчиво.

— Кто такой этотъ красивый молодой человѣкъ, которому Тюркгеймеръ цѣлыхъ пять минутъ говорилъ комплименты?—Всѣ насторожились, и вскорѣ отъ столика къ столику пронеслось:

— Да вѣдь это авторъ!

Отъ ближайшей группы отдѣлился незнакомецъ; онъ подошелъ къ Андреасу, поклонился и назвалъ себя; за нимъ послѣдовали другіе,—это было цѣлое шествіе. Тюркгеймеръ, ухмыляясь,

потиралъ руки, подобно властителю, въ угоду которому люди готовы унижаться. Онъ назвалъ Андреасу нѣкоторыхъ поклонковъ его музы:

— Д-ръ Клумпашъ, знаменитый врачъ, архитекторъ Кокоттъ, m-me Тейфелесъ, фрау Штибицъ, г. Блохъ, г. Ратиборъ...

Послѣднему Андреасъ, хотя и стоявшій на высотѣ величія, поклонился особенно почтительно—въ виду его репутаціи бреттера и человѣка опаснаго. Тюркгеймеръ отошелъ, но наблюдалъ за тѣмъ, чтобы личному протежѐ его жены оказывалось должное почтеніе.

Андреасъ принималъ поклоненіе благосклонно и любезно; онъ пожималъ руки старымъ друзьямъ—Зюссу, Душницкому и Гольдгерцу, почтилъ Клодіуса Мертенса и профессора Швенке именемъ mâitre, а къ д-ру Бединеру обратился со словами:

— Моимъ успѣхомъ я обязанъ вамъ, дорогой учитель!

Редакторъ сердечно привѣтствовалъ со свойственнымъ ему изящнымъ дружелюбіемъ. Онъ выронилъ монокль.

— Ну, милый другъ, не оказался ли я пророкомъ? Я сразу угадалъ въ васъ многообѣщающій молодой талантъ.

Андреасъ вздрогнулъ отъ прикосновенія костлявой руки. Передъ нимъ стояла всемірная путешественница, княгиня Бубукова, глядя на него мягкими славянскими глазами.

— Vous n'y allez guère de main morte, mon ami!

— Что?—спросилъ онъ, не понявъ.

— Vous n'avez pas froid aux yeux, mon coco!

Когда и это осталось непонятымъ, она дружески хлопнула его вѣеромъ по плечу и прошла далѣе.

Среди комплиментовъ Андреасъ различилъ покашливаніе, похожее на блеяніе козы. Передъ нимъ стоялъ желтолицый человѣкъ съ орлинымъ носомъ, въ галстукѣ сомнительной бѣлизны и длиннополомъ сюртукѣ: это былъ грозный критикъ д-ръ Абель.

— Вотъ что я называю здоровымъ юморомъ, г. Цумзее!

Лицо вліятельнаго критика расплылось въ тысячу грязноватыхъ морщинокъ, и онъ обнаружилъ испорченные зубы, но Андреасъ нашелъ его симпатичнымъ.

— Вы конфузите меня вашею благосклонностью, г. докторъ.

— Благосклонность? Можетъ ли быть о ней рѣчь, когда дѣло идетъ о выдающейся новинкѣ сезона? Ваша пьеса даетъ мнѣ матеріалъ для литературнаго изслѣдованія въ области болѣе легкой поэзіи: я проведу параллель между нашими и французскими произведеніями въ этомъ жанрѣ...

Пимбушъ, разлетѣвшійся со своими: „ultra-smart“ и „copur-

chic“—прервалъ ученаго мужа. Позади уже виднѣлся длинный набѣленный носъ и двусмысленный взглядъ фрау Пимбушъ, дружески пожавшей руку автору. Наконецъ пробрался къ нему и Кафлишъ съ записною книжкою въ рукахъ.—Интервью, cher maître! Не задерживайте... Когда родились? Гдѣ? Родители? Наслѣдственность? Вкусы? Нравится ли вамъ Берлинъ? Названія вашихъ книгъ? Вы еще не выпускали ихъ? Все равно. Ну, предоставьте мнѣ придумать ихъ заглавія. Только потомъ не опровергайте.

Самъ Іекузеръ подошелъ къ молодому человѣку и предложилъ ему прислать стихи для иллюстрированнаго „Новаго Времени“. Утомленный, разбитый сильными ощущеніями, Андреасъ подавилъ зѣвокъ и замѣтилъ, что Тюркгеймеръ тоже зѣваетъ. Онъ поощрительно улыбнулся молодому человѣку, и тотъ съ гордостью подумалъ:

„Мы понимаемъ другъ друга“.

Ряды поздравителей начинали рѣдѣть. Тюркгеймеръ, которому наскучило созерцать свободныхъ швейцарцевъ, кланяющихся шляпѣ Гесслера, отошелъ. Толкаясь, наступая другъ другу на ноги, они, прежде чѣмъ преклониться передъ поэтомъ, бросали въ сторону стоявшаго у двери Тюркгеймера боязливый, выжидающій взглядъ, ясно говорившій: „Повелитель, обрати вниманіе, что я творю волю твою и оказываю субъекту, котораго тебѣ угодно возвеличить, всѣ божескія и человѣческія почести. Еслибы вмѣсто него ты поставилъ твою собачку, я распростерся бы и передъ нею. Но зато когда ты ниспошлешь на сію благословенную страну золотой дождь, вспомни, повелитель, что я—одинъ изъ рабовъ твоихъ“.

Старый поэтъ Веннихенъ привѣтствовалъ „собрата въ борьбѣ за идеалъ свободы и прогресса“, но Андреасъ холодно смѣрилъ взглядомъ престарѣлую знаменитость. Даже Іекузеръ уже не импонировалъ ему. Колоссъ на глиняныхъ ногахъ; толкнетъ его Тюркгеймеръ—и онъ упадетъ на брюхо. У всѣхъ у нихъ, начиная съ добродѣтельнаго Либлинга и кончая Капеллеромъ—угодливая собачья натура. Высоко надъ этою темною, пресмыкающеюся, готовою на всякія униженія толпою стоятъ совершенно особнякомъ два человѣка: Тюркгеймеръ и онъ самъ! Король и поэтъ! Въ сущности—какая трагическая судьба! Полное пресыщеніе,—нечего желать, нечего добиваться! Какая олимпійская скука! Единственное развлеченіе, это—чтеніе въ людскихъ сердцахъ.

Андреаса потянуло въ художественный кабинетъ. По дорогѣ

онъ встрѣтилъ баронессу Асту подъ-руку съ интереснымъ брюнетомъ. Она кинула ему взоръ, полный гнѣвнаго презрѣнія, но онъ пожалъ плечами. Безсильная злоба рабыни!

Онъ вдохнулъ полною грудью свѣжій воздухъ и опустился въ мягкое кресло въ тѣни растеній, но чуть не подскочилъ при видѣ сидѣвшаго рядомъ Дитриха Клемпнера,—когда-то введшаго его сюда и посвятившаго его въ тайну искусства Клодіуса Мертенса. Теперь они помѣнялись ролями. Какъ жизнь играетъ людьми! Но, достигнувъ высоты величія, онъ обратился къ Клемпнеру, какъ равный къ равному, назвавъ его собратомъ.

Клемпнеръ поздравилъ его.—Ну, какъ онъ переноситъ бремя славы?

— Ничего себѣ... Утомительно.

— Я того же мнѣнія. Отдаешь обществу свои лучшія силы, и для чего?

— Для чего?—подхватилъ Андреасъ.—Нѣтъ, необходимо вернуться къ груду, жить въ пятомъ этажѣ, въ пролетарскомъ кварталѣ или гдѣ-нибудь въ лѣсу, но только—работать, работать!

— Или надо обладать энергіей Клодіуса Мертенса,—замѣтилъ Клемпнеръ.

— Ну, что ему? Онъ имѣетъ десять приглашеній въ недѣлю и получаетъ заказы тутъ же за ужиномъ.

Клемпнеръ подавилъ улыбку. Это были его собственныя слова, сказанныя имъ Андреасу, но тотъ, очевидно, забылъ объ этомъ. Онъ сталъ разсказывать о дивномъ узорѣ ковра, которымъ занятъ теперь Мертенсъ: фантастическіе цвѣты и арабески составляютъ изреченіе: „*Честность прежде всего*“. Замѣчательнѣе же всего то, что этотъ коверъ предназначается для конторы Тюркгеймера.

Андреасъ опустилъ голову на спинку кресла. Все тѣло его подергивалось отъ смѣха, и онъ держался руками за бока. Непредвидѣнное, сверхъ-естественное, волшебное счастье, переполнявшее его весь вечеръ, вылилось въ этомъ безумномъ, неудержимомъ смѣхѣ. Клемпнеръ тоже смѣялся, но съ опаскою, поглядывая въ сторону двери. Конечно, Мертенсъ потѣшается надъ здѣшними нравами. Замѣтилъ ли Андреасъ, какъ ведетъ себя баронесса Гофштеттенъ? Открыто афишируется съ Рещинскимъ. Прилично ли это для дочери здѣшняго дома? Клемпнеръ, въ своей туго накрахмаленной рубашкѣ, со своимъ актерскимъ лицомъ, принявшимъ строгое выраженіе, былъ олицетвореннымъ блюстителемъ приличій, и Андреасъ уже спрашивалъ себя: что это значитъ? Но имя Рещинскаго все объяснило ему. Не этотъ ли го-

сподинъ сжалился надъ покинутою Лиззи Лаффѣ и пригрѣлъ ее? Забота о насущномъ хлѣбѣ привела сюда Клемпнера. Хороша, однако, Аста: отнять послѣднюю опору у старѣющей Лиззи и у несчастнаго, всѣми забытаго Клемпнера, пьесы котораго не идутъ даже въ Позему̀ккелѣ и Мезерицѣ.

Клемпнеръ, лицо котораго передернуло отъ волненія, продолжалъ говорить на ту же тему. Если дочь Тюркгеймеровъ, черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, публично обманываетъ мужа, дѣло ближайшихъ друзей дома—положить этому конецъ.

— Вы думаете, что я могу тутъ что-нибудь сдѣлать?

— Конечно; вы видите, что неприличное поведеніе Асты затрогиваетъ интересы многихъ лицъ, и, наконецъ, нельзя допустить, чтобы кругъ ближайшихъ друзей расширялся. Мы обязаны стоять другъ за друга противъ новыхъ пришельцевъ.

Клемпнеръ простился съ Андреасомъ крѣпкимъ пожатіемъ руки, увѣряя, что сердечно былъ радъ поговорить съ нимъ по душѣ.

Андреасъ задумчиво посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся съ достоинствомъ Клемпнеру. „Онъ желаетъ, чтобы я поговорилъ съ Адельгейдою. Въ сущности все это—некрасивая исторія, и я испорчу Астѣ ея игру... Но вѣдь она не пощадила бы меня,—съ какой же стати я буду щадить ее?“

Выходя изъ кабинета, Андреасъ попалъ въ толпу юныхъ психопатокъ, набросившихся на него, какъ онѣ набросились когда-то на Клемпнера послѣ перваго представленія „Мести“. Одна просила Андреаса написать ей что-нибудь въ альбомъ, другая желала имѣть его фотографію, третья—перчатку. Кто-то нашелъ въ немъ сходство съ Амуромъ: только крылышекъ недостаетъ. Онѣ окружили его тѣснымъ кольцомъ и упорно наступали на него; стоявшія ближе—хватали его руки; въ заднихъ рядахъ этихъ отважныхъ дѣвственницъ въ воздушныхъ платьяхъ слышалось хихиканье, и Андреасъ не могъ разобрать: гдѣ кончалось ихъ восхищеніе и гдѣ начиналась насмѣшка? У него кружилась голова отъ остраго, кисловатаго запаха ихъ молодой кожи, отъ ихъ неумолчной отрывочной болтовни. Онъ чуть не силою вырвался отъ нихъ, боясь быть растерзаннымъ, или, по крайней мѣрѣ, остриженнымъ этими юными менадами, такъ какъ въ рукѣ одной изъ нихъ уже сверкнули миніатюрныя ножницы.

Андреасъ зашелъ освѣжиться въ буфетъ, гдѣ, прожевывая закуску, бросалъ вокругъ себя свирѣпые взгляды, мстя за униженіе, испытанное имъ у дѣвицъ. Онъ послушалъ въ теченіе двухъ минутъ знаменитаго піаниста,—онъ зналъ теперь, что

артисты, игравшіе и пѣвшіе у Тюркгеймеровъ, получали по пятисотъ марокъ въ вечеръ,—но музыка показалась ему слишкомъ шумною. Въ салонѣ bleu-mourant мѣсто Адельгейды занимала ужасная развалина—фрау Вешереръ, и Андреасъ поспѣшно отступилъ, прошелъ внутреннимъ ходомъ, извѣстнымъ лишь близкимъ друзьямъ, въ желтый салонъ, закрытый для гостей во время большихъ пріемовъ.

При свѣтѣ единственной восковой свѣчи, Адельгейда стояла, облокотившись на спинку лакированнаго кресла, опираясь однимъ колѣномъ о мягкую подушку кресла, и Андреасъ не безъ самодовольства подумалъ, что она похожа на картину рѣдкой красоты въ своемъ корсажѣ изъ серебряной ткани, охватывавшемъ подобно панцырю ея роскошный бюстъ, въ юбкѣ изъ бѣлаго сукна, затканнаго голубоватыми лиліями, съ лиліями изъ драгоцѣнныхъ камней въ черныхъ волосахъ, вѣнчавшихъ ея низкій лобъ.

— Ты пришелъ!—сказала она просто.—Ну что?

Въ этомъ короткомъ словѣ заключалось множество вопросовъ: доволенъ ли ты? радуетъ ли тебя твоя слава? или тебѣ наскучили банальныя любезности, и ты хочешь омыть ихъ чистыми словами любви?

Ея взглядъ почему-то пристыдилъ его, что̀ причинило ему неудовольствіе. Обласкавъ ее взглядомъ своихъ опушенныхъ длинными рѣсницами глазъ, онъ быстро проговорилъ:

— Уфъ! Знаешь ли, это скорѣе утомительно, чѣмъ забавно! Грѣшное человѣчество отдавило мнѣ всѣ ноги. Придется массироваться. Не успѣешь нажить славу, какъ уже надо отъ нея лечиться. Кстати, нужно будетъ „подмазать“ Абеля за его замѣтку.

— Онъ дастъ о тебѣ замѣтку въ „Курьерѣ“? Чудесно.

— Да, но какъ быть съ деньгами? У меня въ настоящее время ничего нѣтъ, и я даже хотѣлъ просить тебя вернуть мнѣ двѣсти марокъ, данныхъ на покупку Gold Mounts. Или ты уже купила акцій?

— Двѣсти марокъ—слишкомъ мало, но акціи поднялись: ты выигралъ. Я завтра же пришлю тебѣ тысячу марокъ.

Онъ былъ пораженъ. Не слишкомъ ли счастье балуетъ его? Выиграть въ одинъ день восемьсотъ марокъ? Но въ сущности эти дѣла его не касаются.

— Тѣмъ лучше,—проговорилъ онъ небрежно,—этого будетъ достаточно; а теперь я долженъ поговорить съ тобою относительно твоей дочери. Она неприлично ведетъ себя.

— Но вѣдь она замужемъ. И наконецъ... удобно ли мнѣ читать ей мораль?

Такая терпимость возмутила Андреаса. Она—мать, а мать при всякихъ обстоятельствахъ остается матерью. Намекъ на двусмысленное положеніе Адельгейды взбѣсилъ его. Развѣ она не понимаетъ, что тутъ затронута честь дома, и тѣнь отъ поведенія Асты ложится и на друзей дома, которые обязаны принять свои мѣры...

Адельгейда испугалась. Онъ собирается бросить ее, потому что его нравственное чувство оскорблено. Она поспѣшила его успокоить: она все сдѣлаетъ, устроитъ Астѣ скандалъ, но неужели... неужели онъ пришелъ къ ней лишь для того, чтобы говорить объ этихъ дѣлахъ? Они стоятъ другъ передъ другомъ какъ совершенно чужіе люди, а она такъ ждала его здѣсь, куда никто не войдетъ! Она знала, что онъ долженъ придти. Она страстно зашептала:

— Сегодня—праздникъ нашей любви. Ты сдѣлался знаменитымъ писателемъ, и я счастлива, что мой поэтъ принадлежитъ мнѣ.

Онъ почувствовалъ, что долженъ чѣмъ-нибудь выразить свои чувства, и поцѣловалъ ее въ шею.

— У тебя дивная линія подбородка,—проговорилъ онъ.

Она признательно приложилась щекой къ его щекѣ; отъ волнующихся кружевъ ея корсажа ему пахнуло въ лицо опьяняющимъ ароматомъ; онъ радъ былъ найти отдохновеніе послѣ столькихъ мытарствъ. Издали музыкальныя упражненія оплаченнаго пятьюстами марками піаниста доносились въ видѣ смягченнаго эхо замирающей мелодіи.

— Онъ очень мило играетъ,—сказалъ Андреасъ.

— Съ настроеніемъ,—прибавила Адельгейда: — это двѣнадцатый этюдъ Шопена.

И они снова замолчали.

Андреасъ думалъ, что сегодняшній день измѣняетъ его отношенія къ Адельгейдѣ. До сихъ поръ его могли (какая безтактность!) называть ея протежѐ; но поэтъ, слава котораго прогремитъ на всю Германію, дѣлаетъ гостепріимно принявшему его дому громадную рекламу. Адельгейда называетъ его своимъ поэтомъ, но какія у нея на это права? Она любитъ его; но если онъ со временемъ разлюбитъ ее, онъ отстранитъ рыдающую женщину, какъ повелитель, не связывающій себя никакими узами. Первая забота художника—огражденіе своей личной индивидуальности.

Легкій шумъ потревожилъ ихъ. Адельгейда скользнула къ

двери съ легкостью, которую Андреасъ нашелъ немного забавною, и заперла дверь на задвижку.

— Заперто!—послышался голосъ Асты.—Впрочемъ, я очень спѣшу, и хотѣла бы знать: о чемъ это вы желали такъ таинственно говорить со мною?

— Вы сами знаете, милая Аста,—отвѣтилъ другой голосъ:—я желала попросить у васъ объясненія по поводу вашего страннаго поведенія. Вы компрометируете себя.

— А если я желаю скомпрометироваться.

— Аста!

— Что, милая Гризельда?

— Объясните мнѣ, что вы имѣете противъ моего брата и вашего мужа? Вы идете на скандалъ...

— На разводъ.

— Не понимаю: почему?

— Въ такихъ семьяхъ, какъ ваша, милая Гризельда, отсутствуетъ точное пониманіе многихъ вещей.

— Что вы знаете о такихъ семьяхъ, какъ наша, милая Аста?

— Знаю больше, чѣмъ желала бы знать. Вашъ братъ — мужемъ моимъ я по нѣкоторымъ причинамъ не могу его назвать—давно уже отравляетъ мнѣ жизнь своими... я сказала бы: мѣщанскими привычками. Сегодня онъ явился на раутъ моихъ родителей въ простыхъ, не лакированныхъ сапогахъ. Я не знаю законовъ, но думаю, что такія вещи могутъ послужить поводомъ для развода.

— Это она à la Нора!—шепнулъ Андреасъ Адельгейдѣ.

Аста продолжала:

— Баронъ лишенъ многихъ существенныхъ достоинствъ. О нѣкоторыхъ вещахъ не принято говорить съ дѣвицами, но милая Гризельда—въ такомъ возрастѣ, что можетъ все слышать. Она, Аста, не нашла у своего мужа того, чего вправѣ ожидать, выходя замужъ, послѣдняя нищенка.

— Допустимъ, что вы правы, — раздался холодный голосъ фрейлейнъ фонъ-Гофштеттенъ,—но вы, будучи въ дѣвицахъ, не отличались особою неопытностью, милая Аста, и должны были знать, что, выходя за человѣка стариннаго, очень стариннаго рода, вы не могли ожидать отъ него тѣхъ свойствъ, которыми надѣлены люди не родовитые.

— Онъ могъ бы мнѣ подарить наслѣдника...

— Вашихъ денегъ, милая Аста?

— А вы такъ презираете деньги, милая Гризельда? Не до-

вольствуясь шерстяными чулками для палестинскихъ дѣтей, вы покупаете на мои деньги и акціи Gold Mounts!

— Поворъ! позоръ!—раздалось восклицаніе фрейлейнъ фонъ-Гофштеттенъ.

— Вы не отрицаете этого позора, милая Гризельда?

Андреасъ корчился отъ смѣха, пряча лицо на плечѣ Адельгейды. Какъ? И эта надменная особа, глядѣвшая съ презрѣніемъ на весь міръ, и она подбираетъ валяющіяся на полу деньги не хуже, чѣмъ Дитрихъ Клемпнеръ или комикъ Капеллеръ?

— Если бы я только подозрѣвала, съ кѣмъ я буду имѣть дѣло!—воскликнула со скорбью фрейлейнъ фонъ-Гофштеттенъ.

— Вы знали это, но мирились — маленькой ренты ради. Впрочемъ, мужъ мой могъ бы оскорбиться, еслибы я выбрала себѣ въ возлюбленные моего кучера, а не человѣка нашего круга. Однако, вы прекрасно знали, что мамаша моя не соблюдаетъ даже такихъ приличій и находится въ недостойныхъ сношеніяхъ съ молодыми людьми невѣдомаго происхожденія, съ неудобопроизносимыми именами...

Андреасъ не дослушалъ до конца,—онъ услыхалъ прерывистое дыханіе Адельгейды, грудь которой тяжело поднималась, и понялъ ея молящій взоръ. Онъ шепнулъ ей на прощанье:

— Прости... если я скажу, что дочь твоя безбожна и неделикатна.

Когда Адельгейда грустно кивнула головою, онъ осчастливилъ ее ласковымъ словомъ:

— Ты—совсѣмъ другая. Благодарю тебя за все!

Онъ безшумно, но съ достоинствомъ направился къ противоположной двери. Эти оскорбленія не могли его коснуться. Онъ радовался, что и съ Гризельды снята маска. Какое наслажденіе — читать въ сердцахъ людей!

Утромъ посыльный принесъ ему роскошную коробку конфектъ со вложеніемъ билета въ 1000 марокъ.

Онъ набилъ ротъ шоколадными pralines и угостилъ хорошенькую дочку хозяйки, за которою давно уже приволакивался.

IX.—Дѣвица Мацке.

Андреасъ переѣхалъ на собственную роскошную квартиру.

Причиною этому былъ скандалъ, устроенный г-жѣ Тюргеймеръ его хозяйкою, „не допускавшею такихъ вещей въ своемъ честномъ домѣ“. Она потребовала съ Адельгейды сотню талеровъ

за молчаніе и наговорила ей дерзостей, такъ что бѣдная женщина вбѣжала вся въ слезахъ въ комнату Андреаса и тотчасъ же рѣшила, что онъ долженъ переѣхать отъ этихъ ужасныхъ людей.

Кабинетъ тисненой кожи, чудная кровать Louis XV — все это должно было стоить безумныхъ денегъ, и Андреасъ сталъ мечтать о какомъ-нибудь à la Тюркгеймеръ колоссальномъ выигрышѣ на биржѣ. Онъ даже принялся за чтеніе биржевыхъ бюллетеней.

Прежде всего онъ сдѣлалъ открытіе, что мнѣнія прессы относительно Gold Mounts рѣзко раздѣлялись: упорныя рекламныя зазыванія и восхваленія нѣмецко-американскаго дома Шмеербаухъ и К⁰ поддерживались „Телеграфомъ“ и „Вечернею Газетой“, но „Курьеръ“ держался выжидающе, — онъ даже намекалъ, что одну изъ шахтъ пришлось оставить, а въ окрестностяхъ Золотыхъ горъ имѣются болота, распространяющія гибельныя для европейцевъ лихорадки. Послѣ этого извѣстія подъемъ бумагъ затормазился, и Андреасъ рѣшилъ вынуть свои капиталы изъ сомнительнаго дѣла.

Однако, сутки спустя, газета Іекузера помѣстила у себя на видномъ мѣстѣ восторженную корреспонденцію всемірно извѣстнаго путешественника, г. фонъ-Биркенбуша-Феллерштейна, описывавшаго золотыя копи Техаса, заключающія въ себѣ несмѣтныя богатства. Климатъ — райскій, плодоносность почвы — изумительная.

— Кому вѣрить?— спрашивалъ Андреасъ.—Такой знаменитый ученый не станетъ лгать?

— Надѣюсь. что нѣтъ,—отвѣтила Адельгейда:—во всякомъ случаѣ акціи берутся сегодня съ бою.

Андреасъ провелъ тревожную ночь, а поутру прежде всего схватился за газету. Тамъ была напечатана жирнымъ шрифтомъ телеграмма г. фонъ-Биркенбуша съ заявленіемъ, что авторъ хвалебной корреспонденціи—не онъ.

Редакція со своей стороны выражала сожалѣніе по поводу того, что сдѣлалась жертвою гнуснаго мистификатора, поддѣлавшаго почеркъ знаменитаго ученаго; къ сожалѣнію, оригиналъ письма уничтоженъ.

Давно уже Андреасъ не испытывалъ подобнаго горя: онъ сокрушался о своихъ деньгахъ, словно это были его трудовые гроши, добытые въ потѣ лица. Во всемъ виновата Адельгейда: не могла продать во-время! Онъ пошелъ къ ней и, не заставъ ее дома, оставилъ записку, въ которой строжайше приказывалъ ей все продать; затѣмъ онъ отправился на Бургъ-штрассе, гдѣ

сразу попалъ въ густую толпу проигравшихся, ожидавшихъ въ грязи, подъ дождемъ. Обманутые игроки потрясали кулаками, изрыгая угрозы, и, несмотря на отрядъ полицейскихъ, толпа все прибывала, окружая зданіе биржи. Вдругъ всѣ замерли. Открылась дверь, и въ облакѣ пыли можно было различить мелькавшія въ воздухѣ руки, поднятыя палки; слышался какой-то дикій вой толпы, преслѣдовавшей человѣка въ помятомъ цилиндрѣ, разстегнутомъ порванномъ жилетѣ, который мчался какъ затравленный заяцъ и, едва переводя духъ, кинулся въ карету. Кучеръ стегнулъ по лошадямъ, и экипажъ чуть не врѣзался въ толпу, проводившую его проклятіями.

— Долой Шмеербауха! Убейте его, собаку! Мошенникъ!

Когда Андреасъ приблизился къ банкирскому дому Шмеербаухъ и К° Подъ-Липами, онъ увидѣлъ, что желѣзныя ставни у оконъ закрыты. Въ домѣ—полиція. Нѣсколько минутъ тому назадъ, слышенъ былъ выстрѣлъ: Шмеербаухъ покончилъ съ собою.

Но эта смерть не обезоружила разоренныхъ акціонеровъ, встрѣтившихъ свистомъ трупъ банкира, который пронесли мимо нихъ санитары. Собакѣ — собачья смерть. Она не вернетъ имъ потерянныхъ денегъ. Андреасъ былъ того же мнѣнія. Взбѣшенный, онъ отправился къ Тюркгеймерамъ и, не обращая вниманія на насмѣшливую улыбку лакея, въ три прыжка взбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ и, не помня себя, предсталъ предъ Адельгейдою, испустившею крикъ ужаса.

— Что случилось? Почему у тебя такой видъ?

Онъ поглядѣлъ на себя и увидѣлъ, что оставилъ за собою на паркетѣ грязные слѣды. Панталоны его были мокры внизу и отвисли, сюртукъ запачканъ: это открытіе еще болѣе обозлило его.

— Я пришелъ въ соприкосновеніе съ народомъ... Но не въ этомъ дѣло. Кто виноватъ въ томъ, что мнѣ приходится бѣгать въ подобную погоду за моими деньгами?

— За твоими деньгами?

— Пожалуйста, не разыгрывайте невинности! Вы не имѣете понятія о томъ, что дѣло Gold Mounts лопнуло?

— Ни малѣйшаго. Я все утро провела за примѣркою.

— Ага, вотъ что!

Заложивъ руки въ карманы, онъ трагически зашагалъ по паркету, утратившему всякій блескъ подъ его ногами. Вдругъ онъ остановился передъ испуганною Адельгейдою и, пронизывая ее взоромъ, заговорилъ, отчеканивая каждое слово:

— Корреспонденція была фальшивая, Gold Mounts — не

стоятъ ни гроша, Шмеербаухъ покончилъ съ собою, а я потерялъ мои двѣ тысячи...

Она молчала, испуганная и задумчивая.

— Неужели Тюркгеймеръ проигралъ? — наконецъ выговорила она.

— Вотъ единственное, что тебя интересуетъ? И это называется любовью? Благодарю васъ. Если онъ потерялъ полъ-милліона—не бѣда; вѣдь—извини меня—деньги эти все равно краденыя. И какъ это спекулянты безнаказанно дерзаютъ смѣяться надъ общественнымъ мнѣніемъ и грабить людей?

Андреасъ цѣликомъ повторилъ фразу, слышанную имъ въ толпѣ изъ устъ господина воинственнаго вида, въ сѣромъ цилиндрѣ. Она, наморщивъ лобъ, старалась придумать что-нибудь для успокоенія возлюбленнаго.

— Вѣдь и я потеряла всѣ мои сбереженія: двадцать тысячъ съ чѣмъ-то.

Андреасъ нѣсколько осѣлъ: его поразила эта цифра. Двѣ ли, двадцать ли тысячъ—все равно. Въ его духовномъ мірѣ цифры играютъ второстепенную роль, но оскорбительно чувствовать себя обманутымъ.

Адельгейда вдругъ поднялась и страстно схватила его за руку.

— Ты не подозрѣваешь, какъ глубоко ты правъ! Меня тоже всегда влекло къ высшему. Я всегда цѣнила поэтовъ, художниковъ. Конечно, могло быть и хуже: Тюркгеймеръ — покладливъ, онъ не видитъ того, чего не долженъ видѣть. Но зато какой у него характеръ: какъ только дѣло коснется биржи, онъ продастъ честь, совѣсть, вѣру, семью. Повѣришь ли, сколько разъ онъ продавалъ и снова покупалъ меня—жену свою!

Наступило молчаніе, оба вспомнили о Ратиборѣ.

Адельгейда продолжала:—Только ради дочери она до сихъ поръ не настояла на разводѣ, но въ сущности почему бы ей жертвовать собою свѣтскимъ условностямъ? Она говорила страстно, порывисто, прижимаясь щекою къ его плечу; она старалась умилостивить его, прогнать его дурное настроеніе. Ее пугалъ его холодный тонъ, — неужели ея любовь уже прискучила ему? Она на все пойдетъ ради него. Она разведется!

— Что такое... Да ты..? — Онъ даже отодвинулся отъ нея.

— Если ты этого желаешь—бѣжимъ.

— Бѣжать съ тобою?!

— Ты не вѣришь мнѣ? — улыбнулась она: — а для тебя я на все готова.

Жилы на его лбу надулись; онъ разсмѣялся—сначала тихо,

затѣмъ неудержимо, — до такой степени забавнымъ показалось ему бѣгство съ генеральною консульшею Тюркгеймеръ на необитаемый островъ. Онъ представлялъ ее себѣ граціозно прыгающею въ хрупкій челнокъ, въ которомъ они поплывутъ вдвоемъ по синему морю.

Она съ изумленіемъ и нѣкоторымъ огорченіемъ глядѣла на его безудержную веселость, но утѣшала себя мыслью, что ей удалось развлечь его. И какъ онъ былъ хорошъ, когда глаза его смѣялись, а здоровые бѣлые зубы сверкали подъ бѣлокурыми усиками! И Адельгейда сама начала смѣяться.

Въ эту минуту разбитою походкою вошелъ Тюркгеймеръ и осторожно опустился въ кресло.

— Слава Богу, тутъ можно вздохнуть! Есть еще люди, не разучившіеся веселиться! А мнѣ такъ прямо осточертѣла эта биржа!

Лукаво покачивая головою, онъ оглядѣлъ костюмъ молодого человѣка и мокрые слѣды на полу.

— Вы также были тамъ? Дикое бѣснованіе, не такъ ли?

— Я былъ на улицѣ,—отвѣтилъ Андреасъ, и Тюркгеймеръ замѣтилъ холодность его тона.

— Вамъ не понравилось?—спросилъ онъ дружески.

— Еслибы знакомство съ биржею не было такъ накладно, я ничего не имѣлъ бы противъ нея.

— Вы слишкомъ добры. Вѣроятно, вамъ учинили маленькое кровопусканіе?

— Вамъ это лучше знать, господинъ генеральный консулъ.

Адельгейда вмѣшалась.

— Джемсъ, господинъ Цумзее передавалъ тебѣ черезъ меня заказы на Gold Mounts; онъ—не единственный изъ друзей нашего дома, которому ты оказывалъ подобныя услуги.

Тюркгеймеръ погладилъ свои бакенбарды и поглядѣлъ съ улыбкою на жену, восхищаясь ея ловкимъ ходомъ. Вотъ какимъ путемъ снабжаетъ она молодыхъ людей деньгами. Какъ умны эти женщины! Онъ надѣлъ на носъ золотое pince-nez и вытащилъ записную книжку. Вѣрно. Заказъ г. Цумзее выполненъ.

— Покорно благодарю, — холодно отвѣтилъ Андреасъ,—но позвольте мнѣ сдѣлать нескромный вопросъ: покупали ли вы вчера Gold Mounts и для себя?

— Конечно—изъ услужливости, чтобы не портить игру другимъ.

— И вы попались вмѣстѣ съ другими?

Онъ радостно перевелъ духъ, но Тюркгеймеръ усмѣхнулся, склонивъ голову на бокъ.

— Вы могли бы этому порадоваться, злой вы человѣкъ? Ну, вотъ я вамъ скажу: всѣ купленныя за мой счетъ акціи я подъ шумокъ спустилъ; но не думайте, cher maître и другъ, что я хочу подвести васъ. Развѣ я не дорожу вашею дружбою? За такого знаменитаго поэта, какъ вы, надо держаться,—вы сами это знаете, не такъ ли?

— Причемъ тутъ дружба, господинъ генеральный консулъ, если вы знали, что корреспонденція ложная, и не предупредили меня?

— Не волнуйтесь, maître, это вамъ не идетъ. Вы сердитесь, что я купилъ вамъ вчера эти акціи, но сказать ли вамъ правду: я не купилъ ихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но вѣдь вы... вы...

— Восхитительно милъ?—подсказалъ Тюркгеймеръ.

Андреасъ, въ искреннемъ порывѣ, схватилъ свѣсившуюся съ ручки кресла руку банкира и потрясъ ее.

— Вы слишкомъ добры, господинъ генеральный консулъ.

— Я всегда бываю добръ, но выслушайте меня до конца. Вчера, когда онѣ стояли по сту-семидесяти выше номинальной цѣны, я не купилъ ихъ вамъ, но купилъ сегодня, когда онѣ отдавались за ничто.

Ужасъ пригвоздилъ Андреаса къ мѣсту, но Тюркгеймеръ продолжалъ говорить въ носъ, добродушно и растягивая слова, словно онъ разсказывалъ забавный анекдотъ. Шмеербаухъ заслужилъ свою судьбу: бѣда, если тонкое дѣло попадетъ въ неумѣлыя руки. Онъ искусственно поднялъ акціи, налгалъ съ три короба, но является нѣкто неизвѣстный, сжалившійся надъ этимъ предпріятіемъ, и ему удается перелгать Шмеербауха. Каковы послѣдствія корреспонденціи? Акціи поднимаются на сто-семьдесятъ выше номинальной. Каковы послѣдствія опроверженія? Онѣ падаютъ ниже номинальной. Шмеербаухъ стрѣляется. И подѣломъ ему. Что сталось съ повѣрившими ему дураками? А вѣдь дураки—по нынѣшнимъ соціалистическимъ временамъ—тоже люди. Но это еще не конецъ. Незнакомецъ изъ „Курьера“ поставитъ дѣло на прочныхъ основаніяхъ, и завтра же биржа будетъ это знать. Акціи поднимутся.

— Такъ говорите вы, господинъ генеральный консулъ.

— Будьте такъ милы, сдѣлайте довольное лицо. Во всемъ вашемъ существѣ есть нѣчто жизнерадостное, нравящееся всѣмъ намъ,—не такъ ли, Адельгейда? Впадая въ уныніе, вы выходите изъ своей роли. Завтра ваши бумажонки—хотите побиться объ закладъ на бутылку сельтерской?—кое-что принесутъ вамъ.

— Хорошо,—проговорилъ Андреасъ, стараясь принять непринужденный видъ.

Тюркгеймеръ потрясъ ему руку и, посмѣиваясь, дружески похлопалъ его по животу. Адельгейда, все время тревожно переходившая съ мѣста на мѣсто, заглянула ему въ глаза, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли онъ успокоился, но онъ отвелъ глаза отъ ея вопросительно-молящаго взора.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ растерянную, въ разстегнутомъ полудлинномъ стародѣвичьемъ пальто Гризельду фонъ-Гофштеттенъ, желавшую не замѣтить его, но онъ, раскланявшись съ нею, воскликнулъ:

— Gold Mounts упали ниже номинальной, многоуважаемая фрейлейнъ!

Онъ глубоко вздохнулъ, наслаждаясь своею местью. Ему было пріятно вспомнить, какого рода разговоръ онъ имѣлъ сейчасъ съ великимъ человѣкомъ. Немногіе рѣшились бы говорить съ Джемсомъ Тюркгеймеромъ въ такомъ тонѣ! Онъ—Андреасъ Цумзее—былъ съ нимъ почти дерзокъ.

За обѣдомъ онъ выпилъ больше чѣмъ слѣдовало; но настоящее утѣшеніе принесъ ему „Ночной Курьеръ“. Газета Іекузера дышала благороднымъ негодованіемъ: лишь теперь поняла она всю гнусность мистификаціи, понадобившейся виновному для того, чтобы довести обманъ до конца и скрыться, съ деньгами разоренныхъ имъ акціонеровъ! Своевременное опроверженіе знаменитаго ученаго помѣшало ему осуществить этотъ планъ, но подобныя продѣлки подрываютъ въ публикѣ довѣріе къ уважаемымъ дѣятелямъ биржи. Виновный самъ произнесъ надъ собою приговоръ. Habeat sibi! О мертвыхъ дурно не говорятъ; поэтому, лучше не упоминать болѣе о Фридрихѣ-Вильгельмѣ Шмеербаухѣ.

На слѣдующій день появилась напечатанная жирнымъ шрифтомъ телеграмма г. фонъ-Биркенбушъ-Феллерштейна. Хотя, возмущенный продѣлкою съ его именемъ, онъ очень рѣзко отозвался о предпріятіи, но это было сдѣлано въ виду крайняго преувеличенія, которое позволилъ себѣ невѣдомый корреспондентъ. Конечно, „Золотыя горы“ не представляютъ собою буквально горъ золота, но дѣло поставлено на строго научныхъ основаніяхъ. Онъ сожалѣетъ, что его опроверженіе вызвало панику на биржѣ. Въ дѣйствительности, прорыты двѣ большихъ и пять поперечныхъ шахтъ; можно ожидать открытія и новыхъ золотоносныхъ жилъ. Назвать климатъ райскимъ, а почву необычайно плодоносною—возможно будетъ лишь на основаніи точныхъ научныхъ изслѣдованій, но примѣненіе фланели и отсутствіе зю-

употребленія алкоголемъ дѣлаютъ климатъ сноснымъ для европейца.

Къ концу биржи Андреасъ снова былъ тамъ. Среди публики — не такой уже многочисленной и возбужденной — шли толки о событіяхъ дня. Акціи поднялись на тридцать; къ концу — повышательная тенденція ослабѣла, но нѣсколько крупныхъ сдѣлокъ закрѣпили ее.

Андреасъ, не утерпѣвъ, вмѣшался въ разговоръ двоихъ мужчинъ.

— Я случайно знаю, какъ это было,—сказалъ онъ, краснѣя отъ гордости: — третьяго дня, когда акціи страшно поднялись, онъ покупалъ ихъ только для виду; а когда онѣ упали, онъ скупилъ ихъ всѣ.

— Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ знать о подложности корреспонденціи?

— Вѣроятно, или, скорѣе, весьма возможно,—отвѣтилъ Андреасъ, загадочно улыбаясь. Онъ говорилъ безъ всякой задней мысли, но вдругъ его осѣнило вдохновеніе: ужъ не самъ ли Тюркгеймеръ—тотъ таинственный незнакомецъ, о которомъ онъ все время упоминалъ? Значитъ, это онъ помѣстилъ корреспонденцію въ „Курьерѣ", онъ вызвалъ на биржѣ панику, стоившую Шмеербауху жизни, и захватилъ дѣло въ свои руки? Какъ это онъ ранѣе не догадался?

— Однако, это уже слишкомъ!—заговорилъ кто-то въ толпѣ.— Неужели вся эта исторія—дѣло рукъ Тюркгеймера? Какимъ образомъ вамъ извѣстны подробности?

— Я очень близокъ къ дому Тюркгеймеровъ.

Небрежно бросивъ эти слова, онъ отошелъ. Въ вестибюлѣ показалось нѣсколько мужчинъ; мало-по-малу толпа стала увеличиваться и, наконецъ, разступившись по серединѣ, образовала шпалеры. Въ глубинѣ появился Тюркгеймеръ; онъ прошелъ между двухъ рядовъ почтительно склонившихся головъ; на губахъ его играла улыбка пресыщеннаго властью человѣка; онъ шелъ къ той самой двери, изъ которой въ трагическій моментъ своей жизни выбѣжалъ Шмеербаухъ. Его драгоцѣнная шуба ниспадала съ плечъ тяжелыми прямыми складками, мѣшая его походкѣ, и придавала ему нечеловѣческую неподвижность византійскаго владыки. На улицѣ его встрѣтилъ шопотъ восхищенія. Никто изъ ограбленныхъ не дерзнулъ кинуть въ лицо побѣдителю тѣ оскорбительныя слова, которыми они преслѣдовали побѣжденнаго Шмеербауха. Онъ шагалъ съ королевскимъ презрѣніемъ по спинамъ подданныхъ: пусть они ненавидятъ его, но

боятся. Никто не зналъ навѣрно, сколько онъ выигралъ сегодня: шестьсотъ тысячъ или болѣе?

Тюркгеймеръ пошелъ пѣшкомъ; за нимъ ѣхало, на нѣкоторомъ разстояніи, элегантное ландо, а серебристо-зеленый лакей слѣдовалъ за бариномъ въ трехъ шагахъ.

Андреасъ тщетно пытался поймать взглядъ великаго человѣка; по дорогѣ ему встрѣтились Зюссъ и Душницкій; онъ не преминулъ подѣлиться съ ними своими соображеніями относительно тождества неизвѣстнаго изъ „Курьера“—съ Тюркгеймеромъ. Тутъ къ нимъ подбѣжалъ Кафлишъ.

— Такъ это вѣрно? Крахъ былъ подстроенъ великимъ человѣкомъ?

— Онъ самъ сказалъ мнѣ это вчера.

Журналистъ вытащилъ свою записную книжку. Андреасъ испугался.

— Что вы дѣлаете? Онъ говорилъ мнѣ это конфиденціально...

— Хороша конфиденціальность! Почему же, въ такомъ случаѣ, вы разсказываете объ этомъ мнѣ, зная, что я предамъ ваши слова гласности? Разумѣется, онъ видѣлъ, что вы все разболтаете, поэтому и разсказалъ вамъ. Вы его не знаете. Онъ тщеславенъ и желаетъ, чтобы люди знали о его подвигахъ, но не могли ихъ доказать. А вы, cher maître, вообразили, что онъ простодушно довѣрилъ вамъ свою тайну? Ужъ эти мнѣ поэты!

Кафлишъ исчезъ. Общественный инстинктъ Андреаса подсказалъ ему, что онъ долженъ въ этотъ часъ торжества попасться на глаза побѣдителю. У памятника Фридриха Великаго онъ нагналъ его и, улучивъ минуту, раскланялся. Тюркгеймеръ любезно отвѣтилъ на его поклонъ.

— Вы мнѣ должны бутылку сельтерской!—проговорилъ онъ.

Отъ радости и гордости молодой человѣкъ не сразу могъ заговорить. Выпрямившись во весь ростъ, онъ надменно поглядывалъ на прохожихъ, видѣвшихъ его идущимъ бокъ-о-бокъ съ однимъ изъ властителей двадцатаго вѣка.

— Только бутылку сельтерской?—вырвалось у него.—Нѣтъ, господинъ генеральный консулъ, я несравненно болѣе въ долгу у васъ. Нельзя исчислить, насколько драгоцѣнно для поэта знакомство съ такимъ геніемъ, какъ вы! Пусть моралисты болтаютъ о подложныхъ корреспонденціяхъ, о глумленіи надъ общественнымъ мнѣніемъ, объ ограбленіи народа... Для меня въ вашей личности и въ вашихъ дѣйствіяхъ беретъ перевѣсъ чисто эстетическая сторона. Намъ, слабымъ современнымъ людямъ, вы являете типъ завоевателя изъ эпохи „Возрожденія“.

— Ну, ну!—скромно возразилъ Тюркгеймеръ; онъ, видимо, былъ польщенъ и выставилъ впередъ свое острое брюшко.

Андреасомъ овладѣлъ порывъ непритворнаго восхищенія.

— Я далекъ отъ низкой лести, но вы позволите мнѣ сказать, господинъ генеральный консулъ, что вы—великій человѣкъ.

— Уже съ давнишнихъ поръ. Но я замѣчаю у васъ, милѣйшій поэтъ, особый приливъ вдохновенія. Или вы чуете удачу?

— Развѣ... развѣ мой выигрышъ на Gold Mounts такъ великъ?—спросилъ Андреасъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Достаточенъ для человѣка со средними требованіями. Если вы пообождете дня два, я обѣщаю вамъ—ну, скажемъ...

Андреасъ задержалъ дыханіе. Тюркгеймеръ пошевелилъ пальцами и бросилъ на-угадъ:

— Скажемъ—тысячъ тридцать.

Андреасъ подскочилъ; онъ долженъ былъ до боли прикусить губу для того, чтобы не вскрикнуть отъ восторга. Роскошь его квартиры будетъ оплачена. Продолжая выигрывать на биржѣ, онъ скоро доберется до первой сотни тысячъ; когда же у него накопится полмилліона, онъ съѣздитъ въ Гумплахъ, чтобы ослѣпить туземцевъ своимъ величіемъ.

Комокъ грязи, брызнувшей на его панталоны, прервалъ его мечты: мимо проѣхала придворная карета, и Андреасъ, уловивъ улыбку Тюркгеймера, сталъ разглагольствовать, проводя параллель между царями биржи, этими истинными царями, и жалкими монархами, щеголяющими въ расшитыхъ мундирахъ, дрожащими передъ анархистами и травимыми прессою.

Тюркгеймеръ прервалъ его краснорѣчіе, предложивъ ему осмотрѣть постройку новаго зданія банкирской конторы. По дорогѣ имъ встрѣтился архитекторъ Кокоттъ—странная фигура въ поношенномъ сюртукѣ, узкогрудый, съ непомѣрно длинными руками и ногами, злобнымъ и, вмѣстѣ, жалкимъ взглядомъ несчастнаго, робкаго человѣка съ безсознательно-животными инстинктами. Тюркгеймеръ приказалъ ему слѣдовать за собою. Почему онъ никогда не заходитъ въ банкъ?

— Я неохотно тамъ бываю,—хрипло проговорилъ Кокоттъ, скосивъ глаза.

Тюркгеймеръ хихикнулъ.

— Никакого понятія о дѣлахъ! Что мнѣ съ вами дѣлать? Вашъ вексель просроченъ. Нужно переписать его. А сигары у васъ еще есть?

— У меня рубашки скоро на тѣлѣ не будетъ. На что мнѣ сигары?

— Вамъ незачѣмъ курить ихъ въ рубашкѣ.

Андреасъ расхохотался. Тюркгеймеръ тащилъ за собою злополучнаго архитектора, какъ злую обезьяну, которая не смѣетъ укусить. Толпа разлучила ихъ, и Андреасъ воспользовался этимъ, чтобы спросить Кокотта: онъ ли строитъ новый домъ?

— Чего тутъ строить? Американскій желѣзный ящикъ въ двѣнадцать этажей, годный лишь для банка. Причемъ тутъ искусство? Но мы, художники, для того, чтобы не умереть съ голоду, должны быть въ рабствѣ у притѣснителей и грабителей народа. У меня есть талантъ, но нѣтъ денегъ.

Онъ передалъ Андреасу, которому такія слова показались неблагодарностью, свою исторію. Тюркгеймеръ купилъ его, давъ ему въ долгъ крупную сумму денегъ, которую онъ спустилъ, и съ тѣхъ поръ ему остается одно: переписывать векселя и даромъ строить Тюркгеймеру домá до конца своей жизни, такъ какъ ему никогда не выйти изъ неоплатнаго долга. Дѣло въ томъ, что онъ началъ строить свой собственный домъ, но денегъ ему, конечно, не хватило для разсчетовъ съ поставщиками и рабочими; постройка перешла въ собственность Тюркгеймера, который, чтобы вознаградить рабочихъ, пострадавшихъ при крахѣ, великодушно предложилъ имъ работу въ своемъ новомъ зданіи. Разумѣется, имъ оставалось только согласиться.

— Мы никогда не разсчитаемся,—глухо заключилъ Кокоттъ,— развѣ только я спущу его когда-нибудь съ лѣсовъ.

Они уже поднялись въ первый этажъ, гдѣ Кокоттъ принялся докладывать своему патрону о достоинствахъ новаго паркета. Одинъ изъ рабочихъ — въ вязаной куртцѣ, лысый и рыжебородый, съ яркою окраскою носа, поднялся, ворча, и отошелъ къ окну, но Тюркгеймеръ не разсердился. Андреасъ тоже отошелъ къ окну. Двое дрожекъ продребезжали по мостовой, и тутъ же онъ услыхалъ ворчанье рабочаго:

— Ишь, толстая чертовка, ничего день-деньской не дѣлаетъ, знай-себѣ на резинкѣ катается...

Андреасъ увидѣлъ ландо Адельгейды, волшебно-быстро пронесшееся мимо. Она полулежала, откинувшись на шолковыя подушки.

Наступило неловкое молчаніе. Кокоттъ, весь передергиваясь, принялся извиняться за рабочаго, но Тюркгеймеръ заявилъ:

— Это обычная грубоватая шутливость нашего народа.

Они спустились внизъ, а „пролетарій“ приложилъ горлышко бутылки къ губамъ. Кокоттъ продолжалъ извиняться. Этотъ рабочій—исключеніе, пьяница и анархистъ. Зовутъ его Мацке.

У двери играли дѣти; они разбѣжались, когда сверху раздался окрикъ Мацке:

— Агнеска, дылда проклятая, долго ты будешь тутъ вѣшаться съ этими чертенятами! Смотри, какъ бы тебѣ дома не влетѣло!

Дѣвушка лѣтъ семнадцати, длинная, худая, оборванная, но съ претензіей на щегольство, метнула отцу ядовитый взглядъ. И тутъ же она скосила ротъ при видѣ проходившихъ мимо мужчинъ и вызывающе подмигнула своими водянистыми глазками каждому въ отдѣльности, но Тюркгеймеру — больше, чѣмъ другимъ.

Онъ шелъ маленькими шагами, тяжело сопя, соблазненный ея плечомъ—желтовато-блѣднымъ отъ подвальнаго воздуха,—выставившимся въ прорѣху рукава. Она стояла не шевелясь. Розовыя ноздри вздернутаго носа и красныя тонкія губы выдѣлились яркими пятнами на бѣлизнѣ ея лица, напоминавшей сыръ; рыжіе, цвѣта отцовской бороды, волосы ея поднимались надъ нимъ яркою растрепанною копной.

Нѣчто щекочущее и манящее, сказывавшееся въ ея обликѣ, всѣмъ бросилось въ глаза. Чувствовалось также, что какъ ни обольстительна была она, но ей еще далеко до тѣхъ границъ испорченности, для которыхъ она очевидно была предназначена судьбою.

Тюркгеймеръ осторожно взялъ ее за подбородокъ; она такъ рѣзко обернулась, что толкнула его острымъ локтемъ въ животъ. Упершись одной рукою въ бокъ, она прошмыгнула мимо него и Кокотта, подмигнувъ Андреасу.

— Нѣтъ, какова эта малютка Мацке, какова?—бормоталъ Тюркгеймеръ, подходя къ экипажу:—Я долженъ сказать, Кокоттъ, что она нравится мнѣ. Въ ней есть особая свѣжесть. Дитя народа. Въ сущности лишь это — настоящее. Что вы скажете на это, милый поэтъ?

— Какъ сказать?..

— Понимаю. Къ счастію, вашъ вкусъ—иной. Вы для этого еще не созрѣли.

Андреасъ обратилъ вниманіе на его оживленный тонъ, слабо порозовѣвшія скулы, на огонекъ, вспыхнувшій въ тусклыхъ глазахъ великаго человѣка. Замѣтилъ это и Кокоттъ.

— Г. генеральный консулъ вполнѣ правъ. Молодая дѣвушка заслуживаетъ участія, да и отецъ ея... ему пришлось многое перенести. Это надо понять.

— Понимаю. Дѣйствительно, въ нашемъ обществѣ все ненормально устроено. Надо сдѣлать что-нибудь для народа. Пришлите-ка мнѣ Мацке съ дочерью въ мою частную контору.

Тюркгеймеръ сѣлъ въ экипажъ и перевелъ духъ. Февраль мѣсяцъ, а какъ уже тепло!

Андреасъ приподнялъ шляпу, но Тюркгеймеръ поманилъ Кокотта. Онъ вынулъ изъ кармана монету въ пять марокъ и заманчиво вставилъ ее между большимъ и указательнымъ пальцами.

— Вы знаете, что̀ это такое, Кокоттъ? Состройте жидовскую рожу.

— Дайте мнѣ ваше pince-nez,—отвѣтилъ Кокоттъ. Онъ надѣлъ его на свой носъ, вдругъ сдѣлавшійся плоскимъ, выпятилъ губы и сморщилъ носъ, придавъ лицу хитрое и озабоченное выраженіе. Тюркгеймеръ затрясся отъ смѣха.

— Браво, Кокоттъ! У васъ настоящій талантъ.

— У меня есть талантъ, но нѣтъ денегъ.

Отдавая pince-nez, онъ поймалъ другою рукою монету. Экипажъ тронулся при общемъ смѣхѣ.

Нѣсколько дней спустя, Андреасъ шелъ по Люцовъ-штрассе вмѣстѣ съ первымъ своимъ ментором Кёнфомъ, которому онъ показывалъ свою квартиру. Тотъ поздравилъ его съ блестящею карьерою. Андреасъ пустился въ откровенности. Кёпфъ попрежнему видитъ въ немъ „счастливца“, безсознательнаго удачника, а онъ еще недавно, идя рядомъ съ Тюркгеймеромъ Подъ-Липами, сказалъ ему въ лицо, что видитъ въ немъ типъ завоевателя, и тогда онъ дѣйствительно этому вѣрилъ. Но онъ ошибся. У Тюркгеймера нѣтъ размаха. Собираясь ограбить публику или соблазнить дочь рабочаго, — онъ оправдывается, объясняетъ свои поступки.

— Вы удивительно проницательны, другъ мой, — замѣтилъ Кёпфъ, который не безъ удовольствія выслушалъ изъ устъ Андреаса нѣкоторые изъ своихъ собственныхъ софизмовъ,—но пусть ваши вліятельные друзья не замѣчаютъ, что вамъ понятна ихъ игра.

— Ба! Не все ли мнѣ равно? Они не менѣе нуждаются во мнѣ, чѣмъ я въ нихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Самъ Тюркгеймеръ такъ говоритъ. Я еще собираюсь кое-что высказать ему при удобномъ случаѣ.

Кёпфъ, обезпокоенный, покачалъ головою. Положимъ, онъ предвидѣлъ, что сангвиническій молодой человѣкъ скоро зарвется, но что̀ если его многообѣщающая карьера будетъ прервана въ са-

момъ началѣ, и его выдернутъ изъ той тучной почвы, въ которой онъ такъ хорошо принялся? Какъ предупредить подобную опасность?

Кёпфъ задумался и не замѣтилъ, что Андреасъ замедлилъ шагъ, уставясь на проѣзжавшій мимо экипажъ. Въ немъ сидѣла молодая дама, на рыжей головѣ которой возвышалось цѣлое красное сооруженіе изъ развѣвающихся перьевъ. Зеленое бархатное платье и бѣлое манто еще болѣе подчеркивали огненные тона прически и шляпы съ перьями. Между колѣнъ она держала тросточку съ серебряною ручкою, а рукою въ бѣлой перчаткѣ гладила шерсть сидѣвшей съ нею рядомъ собаки. На заднемъ сидѣньи помѣщался господинъ съ рыжею бородою, взиравшій съ высоты величія на прохожихъ.

Андреасъ приподнялъ-было шляпу, не рѣшаясь, однако, поклониться, но дама, взявшись за лорнетъ, принялась махать имъ вмѣсто того, чтобы поднести его къ глазамъ. Она дружески закивала головою и, улыбаясь, скрылась изъ виду, уносимая рысаками.

Молодые люди переглянулись.

— Да вѣдь это она... она...

— Маленькая Мацке!—торжественно подтвердилъ Андреасъ, на котораго, очевидно, эта роскошь произвела сильное впечатлѣніе. Подобная метаморфоза въ какихъ-нибудь двѣ недѣли! А какой блескъ! Красная съ золотомъ ливрея. Выѣздъ лучше, чѣмъ у фрау Тюркгеймеръ!

— По крайней мѣрѣ—новѣе.

Образъ маленькой Мацке, промчавшейся мимо него во всемъ своемъ великолѣпіи,—съ догомъ, лакеемъ и отцомъ,—не давалъ Андреасу покоя. Во время карнавала онъ усердно посѣщалъ маскарады, услаждая свои ночи виномъ и ухаживаніемъ, но его что-то преслѣдовало: ему казалось, что на немъ лежитъ какое-то обязательство. При первой ихъ встрѣчѣ, онъ получилъ отъ маленькой Мацке вызывающую улыбку, а Тюркгеймеръ — лишь ударъ локтемъ; а теперь она принадлежала банкиру. Андреасъ чувствовалъ, что честь его затронута. Неужели такой врагъ общества, спекуляторъ и несчастный діабетикъ, какъ Тюркгеймеръ,—долженъ владѣть этою дѣвушкою только потому, что у него есть деньги? А онъ, Андреасъ,—обязанъ весь вѣкъ служить забавникомъ для этихъ повелителей волшебной страны тунеядства? Нѣтъ, онъ обязанъ отомстить за всѣ свои униженія.

Отъ Верды Бирацъ онъ узналъ, что Тюркгеймеръ поселилъ свою возлюбленную въ Б.-Вестъ, на виллѣ Bienaimée. Собственная вилла.

— Что за Bienaimée?

— Это ея новое имя. Не называться же ей попрежнему Агнеской-дылдой!

На слѣдующій же день Андреасъ уже стоялъ передъ разолоченною рѣшеткою виллы, носившей благозвучное имя своей владѣлицы. Это было изящное строеніе, съ оранжереями, верандами, лежавшее въ глубинѣ парка. Слуга въ ливреѣ Мацке ввелъ его въ пріемную. Богатство обстановки — свѣтло-зеленая дорогая обивка стѣнъ и мебели, массивное красное дерево съ бронзовыми инкрустаціями—внушили Андреасу уваженіе къ хозяйкѣ дома. Солидная роскошь не допускала, казалось, и мысли о томъ, что здѣсь могла жить особа по имени Мацке.

Онъ залюбовался драгоцѣнными бездѣлушками работы Мартенса: омнибусомъ филигранной работы, золотою погремушкою, бонбоньеркою, осыпанною брилліантами. Стройная Венера, вырѣзанная изъ цѣльнаго оникса, держала передъ лицомъ зеркало—продолговатую жемчужину. Тѣмъ временемъ дверь отворилась, и владѣлица всего этого великолѣпія вбѣжала въ комнату. Огненные волосы ея были попрежнему растрепаны, но она волочила за собою шлейфъ ярко-голубого шлафрока, отдѣланнаго application и распахивавшагося на нѣжно-розовой юбкѣ. Маленькая Мацке произвела на гостя такое впечатлѣніе, словно она еще не опомнилась отъ изумленія, видя себя перенесенною въ эту волшебную обстановку.

— Здравствуйте! — проговорила она, протягивая ему руку, какъ другу дѣтства.—Очень пріятно, мы уже познакомившись съ вами...

— Счастливъ, что вы помните меня, фрейлейнъ Bienaimée,— отвѣтилъ Андреасъ, почтительно кланяясь.

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ. Кокоттъ мнѣ все о васъ выложилъ. Покровителя моего я про васъ не спрашивала. Такому старому хрычу ни-вѣсть что въ голову полѣзетъ.

— Вы такъ добры, милая фрейлейнъ Bienaimée...

Лицо ея озарялось признательностью при каждомъ упоминаніи ея новаго имени.

— Я предполагала такъ, что вы въ скорости пожалуете ко мнѣ, на мою виллу Bienaimée. Вѣдь вы—знаменитый сочинитель, а Тюркгеймеръ и насчетъ образованности очень ко мнѣ пристаетъ... Ужъ насчетъ всего прочаго—я и не говорю...

Она перемѣнила разговоръ, какъ свѣтская дама.—Садитесь-ка на одно изъ моихъ зеленыхъ креселъ, да потолкуемъ.

— Вы чудесно устроились, фрейлейнъ Bienaimée. Въ лучшихъ домахъ рѣдко можно встрѣтить такой вкусъ.

— Ну, это можно сказать: тьфу! А вотъ я покажу вамъ такія штуки, что у васъ глаза на лобъ вылѣзутъ. Лектричество мое видали?

Она подбѣжала къ массивной консоли, поддерживавшей четыре прозрачныхъ женскихъ фигуры изъ алебастра, державшихъ въ высоко поднятыхъ рукахъ бѣлыя лиліи, въ которыхъ при нажатіи кнопки вспыхнулъ огонь.

— Ихъ можно перетаскивать съ мѣста на мѣсто,—объявила Мацке, забавлявшаяся тѣмъ, что она соединяла и разъединяла провода и щелкала выключателемъ. Она дѣлала это осторожно, почти благоговѣйно, подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ, сжавъ губы,—очевидно, совершенно поглощенная этимъ таинственнымъ занятіемъ. Однажды пламя заупрямилось.

— Ишь ты, дрянь! — сорвалось съ устъ m-lle Бьенэмэ, но она тотчасъ же поправилась:—иной разъ не дѣйствуетъ машинка!

Изъ гостиной она повела гостя въ будуаръ, съ овальнымъ, фантастически расписаннымъ потолкомъ, зеркалами до потолка въ рамахъ цвѣта бордо и нѣжно-земляничными драпировками у пяти оконъ. Танцующія фигуры на раковинѣ изъ слоновой кости отражались въ черномъ деревѣ стола. Золоченыя маленькія кресла и диванчики, бѣлая мраморная статуя на каминѣ, эмальированныя восточныя вазы, двѣ картины испанской школы—все это сливалось въ пестрое, но гармоническое цѣлое. Маленькая Мацке стояла рядомъ съ гостемъ, положивъ палецъ въ уголъ рта.

— Вы не играете, m-lle Bienaimée?

— Вотъ выдумали! Если вы умѣете, присаживайтесь. Вы вѣдь дольше состоите при деликатной компаніи, чѣмъ я.

Андреасъ покраснѣлъ; онъ сѣлъ за рояль и принялся съ досады такъ яростно отбарабанивать польку, что стекла и хрустальный канделябръ задребезжали. Маленькая Мацке, не выдержавъ, неистово закружилась, подобно менадѣ, поднявъ руки вверхъ, откинувъ голову назадъ; ея рыжіе волосы развѣвались вокругъ лица, желтовато-бѣлаго какъ сыръ, глаза ея были полузакрыты, а шлейфъ капота вздымался и опускался на подобіе гигантскаго хвоста. Столкновеніе со столомъ чернаго дерева, опрокинувшее вазу изъ слоновой кости, привело въ себя владѣлицу виллы Bienaimée. Она остановилась запыхавшаяся и, блаженно улыбаясь, прижала руку къ сердцу.

— Здорово наплясалась!

Черезъ столовую, гдѣ серебряный сервизъ бросалъ матовый отблескъ на темныя панели и рѣзной буфетъ, они прошли въ салонъ съ мебелью гранатнаго цвѣта и померанцами у оконъ, а оттуда—на лѣстницу. Имъ поклонился рослый лакей. Bienaimée подозвала его.

— Это—Фридрихъ, ловкій малый; онъ убираетъ и чиститъ всѣ эти финтифлюшки. И изъ себя видный. Я сама ни къ чему не прикасаюсь.

На порогѣ спальни Андреасъ отступилъ: передъ нимъ стояла жирная матрона съ прилизанными волосами надъ набѣленнымъ лбомъ; грудь и животъ ея сверкали стеклярусомъ.

— Позвольте представить вамъ,—это фрау Калинке — моя домоправительница и дама для компаніи. Приставлена ко мнѣ Тюркгеймеромъ—для наблюденія, значитъ.

— Ахъ, дѣтки, чего тутъ!—вздохнула стеклярусовая дуэнья:—сама была молода, все понимаю,—и она скромно удалилась, позвякивая своими украшеніями.

— Ну, не дуракъ ли онъ!—обратилась Bienaimée къ гостю:—вдвоемъ-то мы его чище проведемъ.

„Замѣчательно!—подумалъ Андреасъ:—у такой дѣвушки—все просто. Великій человѣкъ—дуракъ въ ея глазахъ. Она презираетъ всѣхъ насъ“.

Туалеты Bienaimée, раскрывшей передъ нимъ свои шкафы,—больше всего поразили Андреаса. Женская роскошь, беззаботность женщины, въ сущности некрасивой, носившей на себѣ платье, цѣна котораго обезпечила бы цѣлую семью,—имѣла въ его глазахъ острую прелесть. Ея ванная комната съ окномъ изъ цвѣтныхъ стеколъ, серебряныя щеточки, батарея флаконовъ съ духами, разливавшими пріятный ароматъ,—все это вскружило ему голову. Онъ попробовалъ было обнять ее, но она привычнымъ жестомъ двинула его локтями въ животъ.

— Руки прочь!

Bienaimée провела пуховкою по своему лицу, а затѣмъ мазнула ею Андреаса по лбу—„для освѣженія“. Послѣ этого они мирно стали бесѣдовать въ маленькой гостиной, и она сознялась, что идеаломъ ея съ дѣтскихъ лѣтъ былъ „принцъ“ въ голубомъ костюмѣ, изображенный на коробочкѣ отъ мыла, которую она нашла плавающей въ ведрѣ съ мыльною водою, куда ее бросила горничная сосѣдей. Отъ коробки такъ сладко-сладко пахло...

На прощанье она пригласила къ себѣ Андреаса на балъ-маскарадъ, даваемый ею по случаю новоселья.

X.—Высшая развращенность.

— Вотъ еслибы теперь вошелъ мой покровитель!—сказала Bienaimée, когда она въ первый разъ посѣтила Андреаса въ его квартирѣ на Люцовъ-штрассе.

Послѣ каждаго свиданія они все болѣе охладѣвали другъ къ другу, но мысль о томъ, какую физіономію скорчитъ Тюркгеймеръ, увидѣвъ ихъ вмѣстѣ,—не позволяла имъ порвать. И каждый разъ, не видя его, они думали, что понапрасну потеряли время.

Андреасъ предложилъ встрѣчаться у нея, но она это отклонила: непорядокъ. Онъ разсердился. Конечно,—вѣдь она зависитъ отъ Тюркгеймера.

— А ты отъ кого?

— Я самъ зарабатываю деньги.

— Смотри, не надорвись на работѣ!

Она потѣшалась надъ обстановкой его спальной въ нѣжныхъ „дѣвичьихъ" тонахъ и стилѣ Луи XV, и онъ невольно покраснѣлъ, вспомнивъ нѣжный влажный взоръ Адельгейды, устраивавшей ихъ гнѣздышко; она вложила всю свою душу въ эти ткани. Какъ бы онъ отдѣлалъ Адельгейду, вздумай она въ чемъ-нибудь не согласиться съ нимъ, но ея любовь—нѣчто неотъемлемое, а это взбалмошное, злое существо приходится завоевывать каждый день сызнова. Сумѣла же она зажечь огонекъ въ тускломъ взорѣ Тюркгеймера! Онъ долженъ сохранить ее,—это вопросъ чести. Пусть она не нравится ему,—именно въ этомъ и заключается утонченнѣйшая развращеность. И онъ заставлялъ себя быть какъ можно холоднѣе съ Адельгейдою, надѣявшейся безъ помѣхи отпраздновать именно на этой квартирѣ, убранной ея заботами,—новый праздникъ любви. Но напрасно пыталась она разогрѣть своими поцѣлуями его остывшую страсть. Въ концѣ концовъ ей пришлось подчиниться его желанію и перейти на амплуа стараго друга. Она заботилась о его комфортѣ и, зная его слабость къ хорошему столу и винамъ, постоянно привозила ему рѣдкія лакомства, примирившись съ тѣмъ фактомъ, что каждый разъ, когда она привозила ему что-нибудь новое и особенно вкусное—онъ съ мѣньшимъ неудовольствіемъ встрѣчалъ ея приходъ. Послѣ тонкаго завтрака онъ иногда оказывалъ ей знаки вниманія, напоминавшіе доброе старое время, когда онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ.

— Какъ хорошо было тогда!—вздохнула она однажды.

— Я нахожу, что здѣсь много лучше! — холодно отвѣтилъ онъ.

Къ его рожденію 6-го мая она выписала полный завтракъ отъ Chevet изъ Парижа. Андреасъ сидѣлъ за столомъ во фракѣ, съ розою въ петличкѣ, но какъ онъ былъ холоденъ! Гдѣ эти дружескія изліянія, которыхъ она жаждала? Неужели душа его—въ саладѣ изъ бычачьихъ языковъ и паштетѣ изъ козули? Къ концу завтрака посыльный принесъ пару лампъ художественной работы—такихъ же, какія были у Bienaimée. Андреасъ разворчался. Къ чему эти траты? И что за кокоточный вкусъ, оскорбляющій всѣ его принципы? Пусть она подаритъ ему бездѣлушку—записную книжку, напримѣръ. Иногда онъ лихорадочно ищетъ листа бумаги и карандаша, чтобы набросать нѣсколько строкъ въ порывѣ вдохновенія, которое всегда неразлучно съ поэтомъ. Неужели она этого не замѣчала?

Адельгейда подарила ему книжку, и онъ сталъ записывать въ ней отдаваемое въ стирку бѣлье. Вообще, онъ берегъ свое добро, какъ настоящій хозяинъ на деревнѣ. Грума своего, осмѣлившагося доѣсть остатки компота, онъ сейчасъ же прогналъ. Послѣ завтрака онъ въ халатѣ, съ сигарою въ зубахъ, сводилъ счеты; иногда онъ самъ заглядывалъ въ кладовую. Онъ обѣдалъ въ два часа, затѣмъ дѣлалъ или принималъ визиты, а по вечерамъ бывалъ въ „клубѣ побѣдителей“, куда ввелъ его незамѣнимый Либлингъ, который, какъ оказалось, меблировалъ и виллу Bienaimée. Тамъ Андреасъ встрѣчалъ массу знакомыхъ: Кафлиша, Блоха, Гольдгерца, Абеля, Штибица, Капеллера, Ратибора, Бединера, Іекузера, Гофштеттена, Клодіуса Мертенса. Члены клуба пользовались холоднымъ душемъ; къ ихъ услугамъ были массажистъ и фехтмейстеръ, и они получали послѣднія новинки по части лондонскихъ галстуковъ и воротниковъ.

Андреасъ счелъ долгомъ сблизиться съ Ратибором и былъ его признательнымъ слушателемъ за вечернимъ вѣски. Въ рулетку Андреасъ не игралъ, но на биржѣ ему везло, и его положеніе было настолько упрочено, что одно его слово доставило обѣднѣвшему Дитриху Клемпнеру мѣсто въ редакціи „Патріота-Рабочаго“ (филіальное отдѣленіе „Курьера“). Изъ Гумплаца къ нему являлись дебютанты съ карточкою г. Шмюкке, и онъ, сидя за своимъ монументальнымъ письменнымъ столомъ, на которомъ стоялъ его бюстъ работы Мертенса, давалъ имъ благосклонные совѣты относительно упорнаго труда. Если они будутъ много работать, они, быть можетъ, достигнутъ такихъ же, какъ и онъ самъ, результатовъ.

Его коллекція духовъ скоро пріобрѣла извѣстность. По совѣту Либлинга, проговорившагося въ минуту слабости, онъ выписалъ для обтиранія кожи какую-то таинственную жидкость, употреблявшуюся фрау Тюркгеймеръ и другими немногими избранницами. Онъ заботился о ростѣ своихъ усовъ и старался придать своему взгляду жесткость и выразительность посредствомъ подрисовки тушью. Съ портнымъ своимъ онъ воевалъ цѣлый мѣсяцъ изъ-за того, что тотъ будто бы суживаетъ ему грудь.

На прогулкѣ онъ гордо озирался, никому не давая дороги. Когда ему встрѣчался другой свѣтскій молодой человѣкъ, оба они ощетинивались другъ на друга, какъ два кота, готовые сцѣпиться. Однажды девятнадцатилѣтній гвардейскій лейтенантъ понадѣялся было, что Андреасъ уступитъ ему дорогу, но, разочаровавшись, быстро подался корпусомъ въ сторону и даже слегка поклонился.

Андреасу показалось, что его пожаловали дворянствомъ на полѣ чести! Онъ заказалъ на двери новую дощечку съ надписью: *Андреасъ цумъ-Зее.* Это звучало аристократичнѣе; геральдическое бюро доставило ему гербъ: море (See), изъ глубины котораго поднимается женская рука.

Быстро и безъ труда привыкъ онъ къ этой жизни въ заколдованномъ кругу театровъ, ресторановъ, модныхъ поставщиковъ, гдѣ встрѣчаются постоянно одни и тѣ же лица. Весь механизмъ культурной жизни работаетъ и производитъ для того, чтобы немногіе избранные могли наслаждаться.

— Общество предъявляетъ ко мнѣ громадныя требованія,— говорилъ онъ иногда Адельгейдѣ, выслушивавшей его съ бо́льшимъ вниманіемъ, нежели маленькая Мацке,—мои свѣтскія обязанности, мое положеніе въ прессѣ, постоянная работа надъ собою... Никто не знаетъ моего внутренняго „я“. Я—одинъ изъ немногихъ, чующихъ духъ времени; мы образуемъ невидимый тайный союзъ для погруженія въ бездну утонченностей. Чувствовать—это все. Писать стихи и романы—это пустяки.

Онъ и не писалъ ихъ, но послѣ двухъ-трехъ рюмокъ шартрёза погружался въ блаженныя мечтанія.

Его охватывала жажда сверхъ-чувственныхъ наслажденій; онъ хотѣлъ прижать къ груди женщину-призракъ, Елену Троянскую или еще не существующую женщину будущихъ вѣковъ. Онъ выписалъ какія-то восточныя куренія и травы, питался два дня лишь медомъ изъ Аѳинъ и соорудилъ родъ алтаря. Когда явилась маленькая Мацке, онъ захотѣлъ посвятить ее въ таинство своего культа, но она воспротивилась.

— Чего это ты надымилъ здѣсь среди бѣла-дня? Ты хочешь прокоптить меня, какъ селедку?

Потерпѣвъ неудачу съ маленькою Мацке и отчаявшись въ возможности найти себѣ подходящую компанію по части наслажденія демонизмомъ, послѣ того какъ фрау Пимбушъ тоже не оказалась на высотѣ развращенности, онъ зазвалъ къ себѣ дочь своей хозяйки — Софи Левцанъ. Дѣвица явилась на его приглашеніе, но когда обнаружилось, что она предполагаетъ у него „честныя намѣренія", онъ страшно возмутился.

Адельгейдѣ пришлось поплатиться за всѣ перенесенныя имъ разочарованія: онъ нѣсколько разъ не принималъ ее, — а принявъ—сейчасъ же выпроваживалъ.

— У меня мигрень и я очень занятъ. Чѣмъ могу служить?

— Мы такъ рѣдко видимся!..

— Это не моя вина! Долгъ—прежде всего. Но развѣ ты не ѣдешь на-воды?

— Разстаться съ тобою, Андреасъ?!

Угнетаемая его молчаніемъ, она замолчала и затѣмъ прибавила неувѣренно, что ей, дѣйствительно, нужно бы съѣздить полечиться.

— Я тоже нахожу. У тебя испортился цвѣтъ лица. Тебѣ слѣдуетъ показываться только по вечерамъ.

— По вечерамъ?.. Но вѣдь ты знаешь, что вечеромъ я не могу...

Неужели онъ совсѣмъ хочетъ бросить ее?

Съ Мацке вышло не лучше. При слѣдующемъ ея посѣщеніи они заговорили о маскарадѣ, на которомъ Андреасъ предсталъ ей въ видѣ „принца". Она стала увѣрять, что трико болталось у него на ногахъ.

— Нѣтъ, не болталось.

— Болталось, говорятъ тебѣ.

— Нѣтъ.

— А я говорю: да.

Но тутъ она не успѣла опомниться, какъ полновѣсная пощечина свалила ее со стула. Въ первый разъ она поглядѣла на него съ уваженіемъ, почти съ нѣжностью, забывъ о Тюркгеймерѣ и принцѣ на коробкѣ съ мыломъ.

Послышались шаги. Андреасъ вошелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь.

— Опять?—воскликнулъ онъ при видѣ Адельгейды:—развѣ мой грумъ не сказалъ тебѣ, что я очень занятъ и не могу никого видѣть?

— Да, но у меня важное дѣло.

Она въ волненіи протянула руку, ища стула и не находя его. Слова съ трудомъ сходили у нея съ языка.

— Я, конечно, понимаю, что ты не можешь всегда желать моего присутствія. Я была здѣсь вчера; но когда я не вижу тебя, время такъ долго тянется... Ты знаешь, какъ я люблю тебя...

— Еще бы я этого не зналъ! Но, милая Адельгейда, мы не будемъ останавливаться на этомъ. Садись и приступай прямо къ дѣлу.

Она хотѣла заговорить, но голосъ не повиновался ей. Полчаса тому назадъ, у нея мелькнула мысль, изъ-за которой она помчалась сюда, полная надежды. Но надежда уже поколебалась. Удастся ли ей вернуть его любовь?

Въ этотъ мигъ, когда онъ стоялъ передъ нею съ жесткимъ взоромъ и сжатыми губами, — онъ казался ей такимъ далекимъ. Въ комнатѣ еще носился запахъ куреній, но она не была посвящена въ таинства его мистическаго культа. Ей вспомнились тѣ дни полнаго счастья, когда онъ принималъ ее въ рясѣ, сидя у простого бѣлаго стола.

Поэтъ и мистикъ—онъ одаренъ тонкою чувствительностью и не допускаетъ посторонняго вторженія въ свой внутренній міръ. Вотъ почему онъ умалчиваетъ о самомъ для него близкомъ. Она не знаетъ высшей духовной стороны его жизни и не должна ее знать. Они даже не одной вѣры.

— Ну, что же, я могу и подождать, — желчно произнесъ онъ, опускаясь на стулъ и начавъ нетерпѣливо перебирать бумаги. Она проговорила съ рѣшимостью отчаянія:

— Я хотѣла бы перемѣнить вѣру.

— Что такое?!

— Перейти въ твою, стать католичкой.

— Это невѣроятно! — воскликнулъ онъ, отвернувшись отъ нея и уставившись куда-то въ стѣну. Все лицо его передергивалось.

— Какъ это пришло тебѣ въ голову? — спросилъ онъ съ усиліемъ.

— Я дѣлаю это ради тебя, мой Андреасъ, то-есть...,—поправилась она,—я чувствую влеченіе къ католицизму. Разумѣется, не легко принять подобное рѣшеніе, но любовь къ тебѣ облегчитъ мнѣ переходъ...

Онъ вскочилъ и поднялъ глаза къ потолку; ей показалось, что онъ—въ экстазѣ.

Андреасу ясно представилась Адельгейда въ бѣломъ платьицѣ и вуали конфирмантки, сопровождаемая къ купели друзьями дома и Тюркгеймеромъ, лукаво поглаживавшимъ свои бакенбарды.

— Я была до сихъ поръ евангелическаго вѣроисповѣданія...

Онъ ринулся изъ комнаты. Дверь отворилась и захлопнулась. До нея долетѣли сдавленные звуки,—словно онъ боролся съ припадкомъ удушья. Она хотѣла бѣжать къ нему на помощь, но упала въ кресло: звуки эти походили на смѣхъ. Да, онъ смѣялся, уткнувшись лицомъ во что-то мягкое: не въ портьеру ли?

Вдругъ она разслышала сдержанный визгъ — женскій, несомнѣнно. Тамъ, въ углу, на этажеркѣ съ книгами лежалъ большой красный предметъ—огромная шляпа съ перьями. Ослѣпла она, должно быть, что не замѣтила ее ранѣе? На полу валялась разорванная перчатка.

Адельгейда уже перестала удивляться. Какъ она объ этомъ не подумала? Она считала его увлеченнымъ его писательскою дѣятельностью, его свѣтскою карьерою—и этимъ объясняла его холодность.

Она подошла къ зеркалу.

„Онъ правъ,—я должна показываться только по вечерамъ. При вечернемъ освѣщеніи я еще могу сойти,—да и то надолго ли меня хватитъ? Впрочемъ, теперь — все равно. Чего мнѣ еще нужно?“

Уходя изъ комнаты, она слышала за собою его смѣхъ и ея взвизгиванія. Какой хохотъ возбудила ея послѣдняя жертва! Уже на лѣстницѣ она сообразила, что вся дрожитъ. Надо бы гдѣ-нибудь отдохнуть, но гдѣ?

Въ первомъ этажѣ она замѣтила въ окнѣ нѣсколько запыленныхъ шляпъ. Модистка, утомленная женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, подумала, при видѣ неожиданной покупательницы, что этотъ простой костюмъ изъ сѣраго полотна съ кружевомъ стоитъ не менѣе трехсотъ марокъ. Шляпа изъ флорентинской соломы съ перьями и желтою розою—внушила ей благоговѣніе. Что могло понадобиться такой дамѣ въ ея лавочкѣ?

Но Адельгейда осталась довольна всѣмъ, что ей ни показывали. Она мелькомъ взглянула на двѣ матросскихъ шляпки, украшенныхъ жалкими бантиками, и затѣмъ опустилась въ кресло у окна.

— Которую прикажете завернуть, сударыня?

— Все равно. Вотъ, возьмите,—она вынула три золотыхъ.

— Прикажете снести въ экипажъ?

— У меня нѣтъ экипажа.

— Въ такомъ случаѣ—прикажете послать по адресу?

— Позвольте мнѣ немного обождать, — нетерпѣливо вздохнула Адельгейда:—кажется, идетъ дождь.

Небо было почти безоблачно. Модистка отошла. Вскорѣ къ подъѣзду подкатило блестящее ландо. Шерсть на лошадяхъ лоснилась, кучеръ и лакей были въ красныхъ съ золотомъ, сверкавшихъ на солнцѣ ливреяхъ. Черезъ минуту, на подъѣздѣ показалась фигура въ бѣломъ пике́—возбужденная и растрепанная, какъ будто послѣ схватки. Она покачивала тощими бедрами, дерзко оглядывалась и подмигивала своимъ слугамъ. Красная шляпка криво сидѣла на ея рыжихъ волосахъ. Адельгейда знала ее и всегда глядѣла на нее безъ ненависти, но теперь...

— Вамъ дурно, сударыня?—раздался надъ ея ухомъ голосъ модистки. Адельгейда на половину соскользнула съ кресла и держалась за ручку. Она попросила сходить за экипажемъ. Это оказался экипажъ второго разряда. Адельгейда велѣла поднять верхъ. Вся она дрожала отъ гнѣва.—Неблагодарный! Неблагодарный! Какихъ ухищреній стоила ей побѣда надъ его безкорыстіемъ и нежеланіемъ брать отъ нея деньги! Какую борьбу пришлось ей выдержать изъ-за него съ Лиззи Лаффе́, съ его квартирною хозяйкой, шантажировавшей ее, съ Астою, которой она въ угоду ему пригрозила лишеніемъ наслѣдства. Она слышала со всѣхъ сторонъ его имя, которое сама же она вложила людямъ въ уста. Ей вспомнилось, какъ ему льстили, какъ привѣтствовали его послѣ представленія его пьески. Она вспомнила всю свою дипломатію, искусное притворство и громадную настойчивость, которыя понадобились ей для того, чтобы создать изъ ничтожнаго студентика, жившаго въ „меблировкѣ“, вліятельнаго господина съ положеніемъ, занимающаго квартиру на Люцовъ-штрассе.

„Неблагодарный! Каждая вещица въ его комнатахъ должна напоминать ему обо мнѣ. Не будь меня,—развѣ захотѣла бы знаться съ нимъ хотя одна собака? Я—все для него: его счастье на биржѣ, его успѣхъ въ литературѣ, его общественное положеніе—все это онъ имѣетъ до тѣхъ поръ, покуда я не ушла отъ него. Неужели онъ думаетъ, что самъ выигралъ тѣ громадныя деньги, которыя онъ получаетъ уже девять мѣсяцевъ? Онъ принадлежитъ мнѣ; какъ смѣетъ онъ обманывать меня: вѣдь онъ крадетъ мои деньги? Развѣ онъ не знаетъ, что я завтра же могу его уничтожить?“

Карета остановилась. Упавшая ломовая лошадь преграждала путь, какіе-то люди заглядывали въ окна экипажа.

Ужасъ ея положенія внезапно предсталъ ей во всей своей полнотѣ: одинокая, покинутая, осмѣянная, съ послѣднимъ разочарованіемъ въ сердцѣ, — она сидѣла здѣсь, на порванныхъ подушкахъ второразряднаго экипажа, въ отдаленномъ пролетарскомъ кварталѣ! Гнѣвъ ея сразу упалъ. Она откинулась въ уголъ и закрыла лицо руками.

„Что я сдѣлала! Я оклеветала его. Онъ—поэтъ, настоящій поэтъ, почти дитя, балованное дитя, смотрящее на все сквозь розовые очки. Что онъ знаетъ о жизни? Почемъ онъ знаетъ, откуда деньги? Разумѣется, онъ вѣритъ всему, что я говорю, какъ и въ то время, когда онъ жилъ въ комнаткѣ. Почему я не оставила его тамъ? Вмѣсто этого я ввела его въ свѣтъ, предоставила его на жертву всѣмъ искушеніямъ. Его художественный темпераментъ легко поддается вліяніямъ; онъ принадлежитъ къ немногимъ европейскимъ мыслителямъ, находящимся между собою въ мистическомъ союзѣ утонченныхъ ощущеній. Что съ этимъ подѣлаешь? Онъ принадлежитъ искусству, я не имѣю на него правъ. Но я люблю его!“

Этотъ крикъ заглушилъ доводы разсудка.

„Я люблю его и должна его удержать. Кто смѣетъ отнимать его у меня? Кто-нибудь виноватъ въ этомъ. Кто? Ну, конечно, Тюркгеймеръ!“

Она нетерпѣливо задвигалась на сидѣньи и, постучавъ кучеру, приказала ему ѣхать домой.

„Я никогда не вмѣшивалась въ его любовныя исторіи, хотя видѣла, что вкусъ его становится все низменнѣе, но теперь пора положить этому конецъ. Мѣра переполнилась“.

Ее обуревали мстительныя мысли. Развестись съ нимъ, назначить надъ нимъ опеку, въ виду того, что онъ впадаетъ въ дѣтство. Однако, по мѣрѣ приближенія къ дому, она успокоивалась. Нужно соблюсти приличія. Покончить дѣло мирно, но сейчасъ же, до обѣда.

Она послала за Тюркгеймеромъ и прошла въ свой желтый салонъ, гдѣ все напоминало ей объ Андреасѣ, о послѣдней счастливой минутѣ въ день спектакля, когда она ждала его здѣсь при свѣтѣ единственной свѣчи. Она топнула ногою. Пора растоптать это недостойное счастье,—оно причиняетъ ей слишкомъ большія страданія! И вдругъ онъ предсталъ передъ нею какъ живой—блѣдный, съ молящимъ взоромъ, глядѣвшимъ на нее изъ-подъ загнутыхъ рѣсницъ и словно говорившимъ:—Не обижай меня!

Приблизились шаркающіе шаги,—это подходилъ Тюркгеймеръ.

— Что случилось? — тихо спросилъ онъ, подойдя къ ней вплотную.

Она собиралась обратиться къ нему съ рѣзкимъ словомъ, но при взглядѣ на него почти испугалась,—такимъ безнадежно опустившимся, жалкимъ показался онъ ей. Его жирныя щеки такъ отвисли, что, казалось, онъ потеряетъ свои бакенбарды. Не узналъ ли онъ объ измѣнѣ? Бѣдняга! До сихъ поръ онъ платилъ за себя, теперь — платитъ за другихъ. Она ощутила къ нему сожалѣніе, смѣшанное съ презрѣніемъ.

— У тебя были непріятности? На биржѣ, можетъ быть?

— Что мнѣ биржа!

— Ты правъ. Иногда семейныя непріятности важнѣе биржевыхъ.

— Важнѣе? Что ты называешь важнымъ?

Онъ задумался—очевидно, надъ этимъ вопросомъ. Адельгейда встревожилась: должно быть, онъ очень боленъ.

— У тебя прибавилось сахару?—спросила она:—какой теперь процентъ?

— Не знаю. Спроси у доктора.

— Джемсъ-Луи, ты тревожишь меня. Тебѣ давно бы слѣдовало быть въ Карлсбадѣ. Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Да, что я здѣсь дѣлаю?

— Ты уѣдешь завтра. Понялъ ты?

— Я уѣду завтра.

Его тупое терпѣніе тронуло ее. Очего онъ не сядетъ? Вѣдь у него колѣни дрожатъ.

— Ты можешь все мнѣ сказать. Въ твоей женѣ ты найдешь друга, которому все извѣстно.

Онъ скривилъ лицо; ея сочувствіе настроило его на плаксивый ладъ.

— Я дѣлаю глупости. Прости мнѣ, Адельгейда, если можешь... Я дѣлаю глупости.

Онъ вытащилъ изъ кармана анонимное письмо, отдалъ его женѣ и тяжело опустился въ кресло.

Анонимный корреспондентъ считалъ долгомъ увѣдомить г. генеральнаго консула, что особа низкаго происхожденія, всѣмъ ему обязанная, обманываетъ его съ молодымъ человѣкомъ А. Ц., недостойно попирая довѣріе его и его уважаемой супруги.

Адельгейда подумала прежде всего о бывшей квартирной хозяйкѣ Андреаса, фрау Левцанъ. Сколько грязи! Она сдѣлала движеніе отвращенія. Что же онъ думаетъ дѣлать?

— Что мнѣ дѣлать? Такова ужъ моя участь—быть обманутымъ за свои деньги.

— Неужели ты простишь ей, Джемсъ-Луи?—сказала Адельгейда холодно:—если *ты* желаешь быть обманутымъ, *я* не желаю раздѣлять твою участь. Понимаешь?

Онъ безпомощно заморгалъ. Въ первый разъ ему пришло въ голову, что дѣло касается его жены не менѣе, чѣмъ его самого. Адельгейда заговорила очень твердо, указывая ему на дѣловую сторону.

— Въ концѣ концовъ это было бы нашимъ разоренiемъ. Ты не знаешь, на что способна такая сухая, ничтожная съ виду дѣвчонка, нищенское отродье, не имѣвшее въ рукахъ десяти франковъ. Она въ одинъ годъ спуститъ такое состоянiе, какого ты вмѣстѣ съ Блохомъ и Ратибором не пріобрѣтешь за десять лѣтъ. Джемсъ-Луи,—продолжала она дружелюбнѣе, замѣчая дѣйствiе, произведенное ея словами:—сказать ли тебѣ, что я думала? Я говорила себѣ: онъ не въ своемъ умѣ,—иначе онъ не сталъ бы раздаривать виллы и милліоны уличной дѣвчонкѣ, онъ—устроившій дѣло съ Пуэрте-Вергонья и Gold-Mounts. Сказать ли всю правду? Я думала о публичномъ скандалѣ, о раздѣлѣ имущества, даже—о разводѣ.

— Адельгейда!—Онъ умоляюще простеръ къ ней руки.—Адельгейда, маленькая Мацке умерла и похоронена. Простишь ли ты кающагося грѣшника?—Онъ наклонился къ ней, покачнулся и упалъ передъ нею на колѣни на коверъ.

Адельгейда положила ему руку на плечо.

— Ты становишься старъ, мой бѣдный другъ.

— Да, это—несчастiе, мы становимся стары.

Она не разсердилась на его неосторожность. Онъ воскликнулъ раздирающимъ душу голосомъ:

— До чего гадокъ свѣтъ!

Она вздрогнула. Сознанiе всей глубины ея несчастья снова охватило ея душу.

— Мы становимся стары, — повторила она со слезами въ горлѣ.

Онъ рыдалъ, уткнувъ голову въ ея колѣни:

— Это несчастiе! Это несчастiе!

Адельгейда почувствовала необходимость встряхнуть его.

— Мы ѣдемъ завтра; я поѣду съ тобою, но прежде мнѣ необходимо все привести въ порядокъ. Мы должны получить должное удовлетвореніе.

— Ты права! Этотъ изящный юноша долженъ поплатиться.

Его обрюзгшее лицо побагровѣло, жажда мести охватила его.

— Вотъ шутъ гороховый! Сладко поетъ, а за спиною дѣлаетъ пакости. Не я ли вывелъ его въ люди, да еще—отъ чистаго сердца? И вотъ — признательность! Онъ забавлялъ тебя, онъ забавлялъ меня, онъ всѣхъ забавлялъ, и вдругъ подобный шутъ воображаетъ, что съ нимъ можно считаться! Развѣ ты принимала его въ серьёзъ? Развѣ кто-нибудь принималъ его въ серьёзъ? Онъ долженъ узнать наконецъ свое мѣсто.

— Не волнуйся, — прервала Адельгейда, не предвидѣвшая подобнаго взрыва:—вина больше ея, чѣмъ его. Она гонялась за нимъ.

— Она? Бѣдняжка! Да вѣдь ей всего семнадцать лѣтъ!

— Такія—самыя худшія.

— Ты думаешь? Ахъ, Адельгейда! Во всемъ бываютъ виноваты мужчины.

— Бѣдняга! Но тебѣ слѣдуетъ сдѣлать одно: отступиться...

— Я и отступаюсь отъ него. Отъ кого же еще? Съ биржею—все кончено для него. Въ клубѣ я скажу, что недоволенъ имъ, и всѣ отъ него отшатнутся. Погоди ты у меня! Черезъ мѣсяцъ онъ очутится на мостовой, и его никуда не впустятъ,—ужъ за это я ручаюсь.

Адельгейда прижала руку къ сердцу, обливавшемуся кровью при мысли о невѣрномъ. А эта особа? Такъ называемая маленькая Мацке?

— Дай себѣ отчетъ, Джемсъ-Луи, какъ она погрѣшила противъ тебя. Она отдаетъ тебя на посмѣяніе. Всякій, кто видитъ ея ландо и безстыдную ливрею,—потѣшается надъ тобою. Маленькая Мацке осрамила великаго Тюркгеймера. Честь твоя поставлена на карту. Ты долженъ уничтожить эту дѣвчонку.

— Какъ могу я это сдѣлать? Вилла со всѣмъ инвентаремъ принадлежитъ ей.

Они недовѣрчиво глядѣли другъ на друга. Стукъ экипажа прервалъ тяжелое молчаніе.

— Это наши пріѣхали къ обѣду,—сказала Адельгейда.

Вошла Аста, за нею—баронъ, а позади — Либлингъ. Молодая женщина объяснила:

— Я привезла его. Онъ можетъ понадобиться.

Она посмотрѣла въ лорнетъ на мать, потомъ—на отца, комкавшаго бумагу.

— Не безпокойся, папа. Я изъ-за этого и пріѣхала. Неужели вы думаете, что письмо послано вамъ однимъ? Весь міръ говоритъ о немъ.

— Какая гадость!—воскликнулъ Тюркгеймеръ.

— Я говорю твоему отцу, что необходимо положить этому конецъ.

Аста надменно усмѣхнулась.

— Трудно вамъ совѣтовать; вы оба хотѣли бы отомстить, и каждый — за счетъ другого. Нѣтъ, уважаемые родители, тутъ нужно дѣйствовать иначе.

Аста весело облокотилась одною рукою на высокую лирообразную спинку кресла. Ея приземистую фигуру изящно охватывало платье изъ серебристаго crêpe-lisse на болѣе темной шелковой подкладкѣ; она не сняла открытой спереди шляпы съ перьями и стояла передъ родителями съ покровительственнымъ видомъ дамы высшаго круга.

— Прежде всего, папа, ты долженъ дать молодому человѣку маленькое мѣсто со скромнымъ жалованьемъ.

— Мѣсто? Ему? Да ты...

— Мнѣ жаль тебя, папа, но иначе нельзя. Подумай, какъ долго мы терпѣли его въ нашемъ кругу и сколько вниманія ему оказывалось. Не правда ли, милая мама? Ты самъ, папа, доставилъ ему крупный выигрышъ на Gold Mounts и дозволилъ ему заглянуть за кулисы.

— Ты права, дитя мое.

— Поговори съ Іекузеромъ насчетъ мѣста при газетѣ — не слишкомъ хорошаго, ни слишкомъ плохого, и которое онъ опасался бы потерять. Я вижу, ты понимаешь меня. Ты опять становишься разсудительнымъ, папочка. А теперь — самое главное. Совѣтую поженить ихъ.

Адельгейда подскочила въ креслѣ.—Ты остришь? Какая же тутъ месть? Или это—приличія ради?..

Тюркгеймеръ вздохнулъ. Онъ ничего не имѣетъ противъ такого плана. Но какъ его осуществить?

Аста объяснила. У этой дамы—какъ ее зовутъ?—навѣрно, есть долги. Нужно напустить на нее кредиторовъ и купить виллу. Милый мальчикъ Андреасъ пойдетъ въ тотъ же счетъ. Она возьметъ его въ мужья или—ничего не получитъ.

— А онъ? а онъ? — прошептала чуть слышно Адельгейда. Она не сводила глазъ съ того мѣста, гдѣ представлялся ей блѣдный, укоряющій призракъ Андреаса. Аста улыбнулась при видѣ страданій матери.

— Не безпокойся!—сказала она почти нѣжно:—у насъ есть Либлингъ. Онъ переговоритъ съ обоими и оборудуетъ это дѣло, какъ говоритъ Капеллеръ.

Всѣ обернулись къ Либлингу, который, сѣвъ въ сторонѣ, читалъ газету. Тюркгеймеръ заохалъ.

— Твой совѣтъ хорошъ, но дорогъ. Оба они и такъ уже стоятъ мнѣ большихъ денегъ.

— А ваша месть? Неужели ты не представляешь себѣ, что это будетъ за бракъ? Карьера обѣихъ кончена. Онъ будетъ получать триста марокъ—жалованье, достаточное для скромнаго бюргера, особенно когда хозяйство находится въ рукахъ такой бережливой, привыкшей къ порядку жены, какою будетъ маленькая Мацке. Черезъ годъ появится золотушный ребенокъ. Родители—озлобленные, обнищавшіе, полные неудовлетворенныхъ желаній. Мы встрѣчаемъ ихъ въ „Тиргартенѣ". Отецъ везетъ колясочку, мать тащитъ за собою оборванный шлейфъ шолковаго платья. На ней — ботинки съ резинкою, а въ рукахъ—шерстяной дождевой зонтикъ.

— Аста, ты—воистину дочь моя! Что у тебя за характеръ! Мы отомстимъ, и отомстимъ благородно!

Тюркгеймеръ былъ въ восторгѣ; онъ взялъ дочь за подбородокъ. Асту весело настраивала перспектива мести этому ничтожеству, осмѣлившемуся вмѣшаться въ ея жизнь. Она неожиданно обнаружила очаровательную любезность. Когда буфетчикъ доложилъ, что кушать подано, Аста взяла отца подъ-руку.

— А какъ твое здоровье, папочка?

— Великолѣпно! — отвѣтилъ Тюркгеймеръ, силясь придать эластичность своей походкѣ.

Адельгейда молча ломала руки; она чувствовала, что утраченнаго вернуть нельзя: Андреасъ погибалъ на ея глазахъ. Она позволила зятю вести себя въ столовую. У двери стоялъ Либлингъ; онъ поклонился, и въ его темныхъ глазахъ, въ которыхъ свѣтилась вся душа, Адельгейда прочла сочувствіе, какого она не надѣялась найти ни у кого. Она благодарно остановила на немъ взоръ.

У него мгновенно мелькнула мысль: „Неужели это возможно?"

Онъ еще разъ поклонился съ глубоко-выразительною преданностью, сказавъ себѣ:

— Я исполню свой долгъ.

XI. — Либлингъ.

Когда Андреасъ нашелъ свой кабинетъ пустымъ, у него явилось сомнѣніе:

— Не слишкомъ ли я далеко зашелъ?

Исчезновеніе Адельгейды было молчаливымъ протестомъ, но онъ сломитъ ея возмущеніе. Нужно только не уступать. Онъ написалъ ей властное письмо, но оно осталось безъ отвѣта; а когда онъ самъ зашелъ, слуга объявилъ ему, что господа уѣхали. Секунды двѣ онъ стоялъ въ оцѣпенѣніи, затѣмъ, рѣшивъ стать „выше обстоятельствъ", вернулся домой и прилегъ на диванъ, намѣреваясь забыть во снѣ все непріятное, когда слуга доложилъ ему о г. Феликсѣ Либлингѣ.

Сюртукъ моралиста былъ наглухо застегнутъ, его чудная глянцевитая борода вздрагивала. Онъ поглядѣлъ на Андреаса задушевнымъ взглядомъ и началъ:

— Обстоятельство, приведшее меня къ вамъ, мой милый юный другъ, касается участи нѣсколькихъ превосходныхъ людей и въ томъ числѣ — вашей.

Онъ набросалъ картину завидной жизни, выпавшей на долю его юнаго друга въ волшебной странѣ. Всюду расцвѣтаютъ самые модные цвѣты, птицы распѣваютъ самыя новыя пѣсни. Накрыты столы для пиршества, его манятъ къ себѣ роскошно одаренныя природою женщины. Но вотъ распространяется какой-то подозрительный запахъ — и всѣ бѣгутъ отъ юноши...

— Милостивый государь!

Андреасъ подскочилъ, но Либлингъ удержалъ его. Это — лишь символъ, но онъ готовъ взять свое сравненіе обратно. Суть въ томъ, что юношѣ, загнанному голодомъ и жаждою къ самому берегу моря, останется только утопиться, если дружеская рука не подведетъ ему челнокъ. Челнокъ этотъ доставитъ его въ страну не столь роскошную, но гдѣ можно существовать на... скажемъ: на триста марокъ въ мѣсяцъ.

— Теперь я спрошу васъ, какъ спросилъ бы любого человѣка: неужели вы оттолкнете спасительную руку, приведшую вамъ челнъ? Поговоримъ серьезно.

Онъ всталъ и близко подошелъ къ Андреасу.

— Спасительная рука — я.

Андреасъ посмотрѣлъ на него померкшими глазами.

— Вы отъ Тюркгеймера или отъ жены? Кончайте скорѣе, скажите: чего вы хотите отъ меня?

Они снова сѣли. Андреасъ, холодный и блѣдный, дѣлая надъ собою громадное усиліе, выслушалъ Либлинга.

— Сообразите только, мой другъ, что сдѣлалъ изъ васъ Тюркгеймеръ и чѣмъ вы отплатили ему? Еще вчера вы были уважаемымъ сочленомъ хорошаго общества, однимъ изъ извѣстныхъ всему Берлину — даже всей Германіи — драматическихъ и-

сателей, любимцемъ дамъ и музъ, окруженнымъ граціями и играми. И что же? Покровителю, доставившему вамъ изъ чистѣйшаго человѣколюбія подобное положеніе, вы отплатили обольщеніемъ его единственной любимой жены, вы возстановили дочь противъ матери. И это еще не все: вы похитили у него утѣху его старости, сокровище его послѣднихъ дней...

— Вы говорите о маленькой Мацке?

— Юноша, читали ли вы въ сердцахъ стариковъ? Великій и мудрый человѣкъ преисполняется вѣрою въ чистоту дѣвочки. Не трогательна ли эта послѣдняя иллюзія? Поглядите на него: онъ, видимо, приближается къ могилѣ. И кто виною этому? Вы!

Андреасъ поникъ головою; слова Либлинга дышали такою правдою, что онъ уже начиналъ винить себя въ діабетѣ Тюркгеймера.

— И въ награду за все это онъ даетъ вамъ мѣсто редактора отдѣла при „Курьерѣ“ и женитъ васъ на своей любимицѣ, на своей Bienaimée.

Онъ нахлобучилъ Андреасу шляпу.

— Идемъ. Добрыя силы бодрствуютъ надъ вами.

— А если я откажусь?

— И не думайте объ этомъ!—испугался Либлингъ.—Представьте себѣ человѣка, надъ которымъ тяготѣетъ проклятіе Тюркгеймера, идущимъ по улицамъ Берлина. Самый воздухъ отравитъ его, асфальтъ разверзнется и поглотитъ его...

Эта картина потрясла Андреаса; онъ опустился на софу.

— Глупецъ!—прошепталъ онъ:—я не болѣе, какъ глупецъ. Они были правы, называя меня Полишинелемъ, болтуномъ... Я не понималъ жизни. Такова моя художественная натура.

Имъ овладѣло полное отчаяніе. Онъ ударилъ себя по лбу.

— Адельгейда была въ сущности самою красивою изъ видѣнныхъ мною женщинъ, и съ нею бы я какъ сыръ въ маслѣ катался! Вмѣсто этого, нужно же мнѣ было выудить маленькую Мацке—тощее созданіе, глупое и злое. И если бы это еще доставляло мнѣ удовольствіе! Но я дѣлалъ это лишь изъ самолюбія, чтобы сразить Тюркгеймера и добрую, милую Адельгейду. И вотъ я самъ сраженъ!

Либлингъ вывелъ его на улицу и дорогою старался утѣшить. Все къ лучшему. Отнынѣ въ жизнь его будетъ введенъ нравственный элементъ, а это — неизбѣжно.

И уже стоя у калитки виллы Bienaimée, онъ прибавилъ:— И удобно.

Онъ пропустилъ Андреаса впередъ, но все же у того яви-

лось безумное желаніе удрать безъ оглядки. Видѣніе, представившееся его умственному взору, удержало его. Ему почудился запахъ трудового пота и чернаго хлѣба, грубыхъ инстинктовъ, жестокости. Въ этой средѣ, гдѣ пахнетъ „народною душою", онъ, Андреасъ, долженъ неминуемо погибнуть. Ему уже показалось, что его лакированныя ботинки утратили свой блескъ, что его панталоны уже висятъ лохмотьями вокругъ ногъ. Онъ встряхнулся и вошелъ.

Съ владѣлицею виллы Bienaimée Либлингу пришлось выдержать борьбу, покуда Андреасъ ожидалъ въ пріемной.

Узнавъ, что Тюркгеймеръ разрываетъ съ нею изъ-за такого пустяка, она оскорбилась и послала его „ко всѣмъ чертямъ".

А въ отвѣтъ на предложеніе продать виллу, стоившую полмилліона, за сто тысячъ—расхохоталась. Фрау Калинке также отстаивала ея интересы. Но когда Либлингъ напомнилъ о кредиторахъ и неизбѣжномъ разореніи, дамы поколебались. Андреасъ, въ качествѣ жениха, не имѣющаго гроша за душою,—также былъ сперва отвергнутъ; но Либлингъ, помимо совѣта: не ссориться съ могущественнымъ и великодушнымъ покровителемъ, жестоко оскорбленнымъ ею, сумѣлъ выдвинуть нравственную сторону дѣла. Андреасъ получаетъ мѣсто; у невѣсты есть состояніе; Тюркгеймеръ беретъ на себя ея долги и проситъ смотрѣть на него и въ дальнѣйшемъ какъ на человѣка, отечески къ ней расположеннаго.

Bienaimée приняла видъ, исполненный достоинства. Отечески—это такъ. А чего-нибудь такого она, въ качествѣ замужней женщины, конечно, не допуститъ.

— Ахъ, не говорите, милочка! Что же, что замужняя?—вмѣшалась фрау Калинке.

Еще немного поторговались. Либлингъ накинулъ пятьдесятъ тысячъ—въ пользу „стараго пролетарія", поклявшагося, что онъ ни за что не будетъ работать, въ пользу фрау Калинке и на приданое.

„А вѣдь онъ красивый мужчина!—подумала вслухъ Bienaimée, вспомнивъ пощечину, данную ей Андреасомъ.

Фрау Калинке вышла и вернулась съ бутылкою шампанскаго; Либлингъ открылъ ее.

Андреасъ, услышавшій щелканье пробки, очнулся отъ тяжелаго забытья; во рту у него пересохло, и онъ сказалъ:—Это будетъ гадость, если они безъ меня все выпьютъ.

Но тутъ раздался голосъ Либлинга:—Дѣло слажено. Вотъ и женихъ!

Онъ отворилъ дверь въ гостиную. Bienaimée съ визгомъ вскочила на рояль, а оттуда на полъ. Фрау Калинке глядѣла на нее съ нѣжностью; Либлингъ былъ торжественно настроенъ.

Андреасъ, блѣдный, выпрямившись во весь ростъ, пошелъ, какъ загипнотизированный, навстрѣчу маленькой Мацке, раскрывшей ему объятія.

XII.—Жажда чистоты.

Маленькая Мацке оказалась, по словамъ Андреаса, безупречною женою; только хозяйка она была плохая. У нихъ рѣдко подавалось къ обѣду горячее, и постели не встряхивались. Прислуга сидѣла за кухоннымъ столомъ рядомъ съ барынею, которая, непричесанная, въ разстегнутомъ шлафрокѣ, съ папироскою въ зубахъ, раскладывала вмѣстѣ съ фрау Калинке пасьянсъ. Всѣ три потягивали настойку.

Такъ какъ семейная жизнь его оказывалась мало привлекательною, Андреасъ цѣлые часы просиживалъ безъ дѣла у себя въ редакціи. Въ чудные осенніе дни онъ любилъ смотрѣть изъ окна. На фасадѣ дома ярко блестѣли въ солнечныхъ лучахъ гигантскія выпуклыя золотыя буквы: „Редакція Ночного Курьера“, преисполнившія его такою надеждою въ день его перваго визита къ доктору Бединеру. Теперь онѣ находились подъ нимъ, цѣль была достигнута. „Ночной Курьеръ“—такъ называлась первая станція на пути его въ страну тунеядства и такъ называлась послѣдняя. Путешествіе окончилось. Для чего было оно предпринято? Андреасъ такъ отвѣчалъ себѣ на этотъ вопросъ:

— Зачастую природа и судьба прибѣгаютъ къ великимъ средствамъ для достиженія малыхъ результатовъ. Я былъ модянымъ львомъ, знаменитостью, получалъ ренту милліонера; а теперь у меня триста марокъ въ мѣсяцъ, и конечною цѣлью этого является вотъ что: вмѣсто того, чтобы сдѣлаться школьнымъ учителемъ, я сталъ редакторомъ отдѣла въ „Курьерѣ“, а это все-таки—не одно и то же.

Когда имъ овладѣвала жажда работы, Андреасъ принимался за рукопись Кёпфа, который, думая воспользоваться протекціей пріятеля, принесъ въ редакцію свой романъ.

Андреасъ возмутился подобнымъ разсчетомъ, и когда Кёпфъ явился за отвѣтомъ, жестоко раскритиковалъ его сатирическій романъ. Что знаетъ Кёпфъ о высшихъ кругахъ общества? Онъ самъ вращался въ нихъ, и его неудержимо потянуло вонъ оттуда, имъ овладѣла жажда чистоты...

— И вы женились на фрейлейнъ Мацке? Понимаю.

Кёпфъ съ серьезнымъ видомъ кивнулъ головою. Настала пауза, и затѣмъ Кёпфъ воскликнулъ:

— Тушъ!

— Что вы хотите сказать?

— Развѣ вы не слышите? Играютъ тушъ.

Они прислушались. Къ звукамъ музыки примѣшались крикъ и шумъ; что-то гремѣло и перекатывалось, потрясая стекла.

Дверь распахнулась. Вбѣжалъ Кафлишъ, крича: — Ѣдутъ! ѣдутъ!—и тотчасъ же вывѣсился изъ окна.

Приближалась толпа, посреди̇нѣ которой двигалось нѣчто сверкающее, неузнаваемое, похожее на цѣлый домъ. Кафлишъ первый понялъ, въ чемъ дѣло, и сталъ громко диктовать самому себѣ:

„Въ два часа сорокъ четыре минуты великолѣпный four in hands повернулъ съ площади, проѣхалъ мимо редакціи „Ночного Курьера“...

— Да глядите же!—крикнулъ онъ черезъ плечо:—вы ничего такого ужъ больше не увидите.

— Кто правитъ? Ратиборъ?—спросилъ Андреасъ.

Шумъ и звонъ становились все громче и неумолимѣе. На ступеняхъ охотничьяго break, имѣвшаго видъ пирамиды, стояли четыре зеленыхъ съ серебромъ лакея, трубившихъ въ громадные рога. Экипажъ былъ занятъ элегантными господами въ охотничьихъ костюмахъ; нѣкоторые были въ цилиндрахъ и свѣтлыхъ пальто. На самой высокой скамьѣ сидѣлъ Тюркгеймеръ рядомъ съ маленькимъ смуглымъ человѣкомъ. Кафлишъ продолжалъ:

„Рядомъ съ великимъ финансистомъ помѣщался его высочество великій князь Валахіи, прибывшій въ Берлинъ и нуждающійся въ поддержкѣ банкирскаго дома „Джемсъ Л. Тюркгеймеръ“ для насажденія культуры въ своей странѣ“...

— Еще семьдесятъ милліоновъ!—проговорилъ потрясенный зрѣлищемъ Андреасъ.

Вслѣдствіе скопленія народа, поѣздъ задержался на минуту подъ ихъ окнами. Лошади испугались, и Ратиборъ пригрозилъ ротозѣямъ хлыстомъ, что̀ еще болѣе усилило восторгъ публики. Школьницы съ сумками визжали и хлопали въ ладоши, прохожіе приподнимали шляпы, сапожные подмастерья бросали шапки въ воздухъ, полицейскіе стояли неподвижно. Кто-то, заглядѣвшись, свалился съ имперіала и попалъ подъ колеса. Кафлишъ тоже чуть не вывалился изъ окна; товарищи своевременно ухватили его за панталоны. Размахивая записною книжкою, онъ кричалъ: Ура!

Поѣздъ тронулся. Тюркгеймеръ и его свита покачнулись на высокомъ сидѣньи, словно восточные властители, возсѣдающіе послѣ одержанной побѣды на спинѣ разукрашеннаго перьями и пурпуромъ боевого слона, попирающаго ногами окровавленные трупы рабовъ. Поѣздъ удалялся среди трубныхъ звуковъ; красноватыя бакенбарды Тюркгеймера еще разъ блеснули на солнцѣ, подобно мистическому символу, служащему предметомъ народнаго поклоненія. И все это исчезло въ синей дали, среди розоватаго облака пыли, какъ апоѳеозъ волшебной сказки.

— А вѣдь у Тюркгеймера нехорошій видъ. Карлсбадъ плохо помогъ ему!—сказалъ Андреасъ, подумавшій, что нѣсколько недѣль тому назадъ онъ занималъ бы привилегированное мѣсто въ поѣздѣ золотого короля.

— Не придется ли мнѣ писать его некрологъ?—добавилъ онъ, развеселясь отъ этой мысли.

Кафлишъ, утомленный пареніемъ въ эѳирѣ, соскочилъ на полъ.

— Некрологъ? Чей?.. Издавайте лучше ваши собственныя посмертныя творенія, бѣдный поэтъ! Онъ переживетъ всѣхъ насъ. Онъ еще въ силахъ насаждать культуру въ чужихъ странахъ. На дняхъ зять выхлопоталъ ему орденъ. Аста помирилась съ мужемъ, тесть—съ зятемъ, Адельгейдѣ и всѣмъ имъ живется хорошо.

Андреасъ опустилъ голову. На улицѣ послышался стукъ копытъ. Изумленный Кёпфъ спросилъ:

— Кто это сидитъ рядомъ съ фрау Тюркгеймеръ? Неужели это?..

Кафлишъ затрясся отъ смѣха.

— Что съ вами? Развѣ вы не знаете Либлинга?

— Не понимаю, какъ попалъ Либлингъ въ экипажъ фрау Тюркгеймеръ?—пробормоталъ Андреасъ.

— Развѣ онъ не сіонистъ?—замѣтилъ Кёпфъ:—его призваніе—утѣшать несчастныхъ и покинутыхъ.

Кафлишъ осклабился.

— Хитрецъ! Не думаете ли вы, что онъ утѣшаетъ ее сіонизмомъ?

Андреасъ попробовалъ презрительно усмѣхнуться.

— Шутъ гороховый подъ личиною моралиста!

Онъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Адельгейда удобно откинулась на подушки—во всей красѣ своего сытаго, холенаго существованія. Она сидѣла рядомъ съ Либлингомъ, какъ сидѣла прежде рядомъ съ нимъ. Подъ черною кружевною вуалью ея широкое,

матово-бѣлое лицо соблазнительно мерцало. Онъ отошелъ отъ окна, блѣдный и дрожащій.

— Что мнѣ осталось отъ всего этого?—мелькало у него въ умѣ:—вѣчное раскаяніе и ненасытныя желанія.

Онъ старался овладѣть собою; другіе начали прощаться.

— Всего хорошаго!—крикнулъ Кёпфъ.—Радуюсь, что господа счастливы.

— Въ странѣ тунеядства всегда всѣ счастливы,—сказалъ Кафлишъ.

— Мое имъ благословеніе!—заключилъ Андреасъ.

Съ нѣмецк. О. Ч.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІИ

Историческій очеркъ, по даннымъ сенаторской ревизіи 1882—1883 гг.

Почти двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, была предпринята ревизія крестьянскаго дѣла въ Остзейскомъ краѣ; во главѣ ея стоялъ сенаторъ Н. А. Манассеинъ. Ревизія потребовала для себя цѣлыхъ пятнадцать мѣсяцевъ, изъ чего одного можно заключить, какъ основательно, всесторонне и богато было содержаніе ревизіоннаго отчета, представленнаго въ 1884 году. Нельзя, однако, сказать, чтобы этимъ отчетомъ воспользовались въ свое время надлежащимъ образомъ, чѣмъ, быть можетъ, предупредили бы и отвратили многое изъ того, чему пришлось намъ быть свидѣтелями, въ послѣднее время: дѣло дошло до полной анархіи, еще не прекратившейся въ Остзейскомъ краѣ и понынѣ. Вотъ почему тотъ отчетъ сенаторской ревизіи, можно сказать, сохранилъ и для насъ во многихъ отношеніяхъ всю свѣжесть, а содержаніе его представляетъ большой интересъ и въ наши дни, какъ разъясненіе причинъ полнаго разстройства края и указаніе на средства къ его умиротворенію, предложенныя въ томъ отчетѣ, но не вполнѣ еще использованныя.

Существовавшее двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, въ эпоху сенаторской ревизіи, земельное устройство крестьянъ лифляндской губерніи и отношенія ихъ къ по-

мѣщикамъ опредѣлялись тогда особымъ Положеніемъ, изданнымъ за двадцать лѣтъ до ревизіи, а именно въ *1860-омъ году*; оно было построено на началахъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя были положены въ основу важнѣйшаго законодательнаго акта царствованія Александра II, какимъ было Положеніе о крестьянахъ въ имперіи, 19-го февраля *1861 года*, — а между тѣмъ оба эти Положенія отстояли одно отъ другого не болѣе, какъ на одинъ годъ!

Уяснить истинное значеніе мѣстнаго закона 1860 года, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ правильно оцѣнить положеніе лифляндскихъ крестьянъ въ началѣ 80-хъ годовъ, когда происходила ревизія, — возможно было только при помощи предварительнаго обзора предшествовавшихъ ему законодательныхъ мѣропріятій по устройству быта крестьянъ лифляндской губерніи; вотъ почему ревизія и помѣстила во главѣ своего отчета весьма интересный историческій очеркъ судебъ лифляндскаго крестьянства.

I.

Во времена шведскаго владычества въ Лифляндіи былъ изданъ цѣлый рядъ законоположеній, которыя за крестьянами утвердили права собственности на пріобрѣтенное ими движимое имущество, и которыя ограждали ихъ отъ несправедливыхъ притѣсненій мѣстныхъ помѣщиковъ по отбыванію въ пользу ихъ барщинной повинности. Шведское правительство, руководствуясь тѣмъ началомъ, что права помѣщиковъ на крестьянъ основаны на пользованіи этими послѣдними землею, составляющею собственность помѣщиковъ, произвело оцѣнку, или таксу, доходамъ со всѣхъ родовъ земли, предоставленной крестьянамъ, и запретило всякія съ нихъ требованія, превышающія эту закономъ утвержденную норму. Для обоснованія означенной оцѣнки доходовъ съ крестьянскихъ земель и для точнаго, основаннаго на ней опредѣленія крестьянскихъ повинностей сообразно пространству и качеству участковъ, въ концѣ XVII-го столѣтія отправлены были во всѣ имѣнія Лифляндіи правительственныя *ревизіонныя коммиссіи*, которыя, повѣряя существовавшія повинности съ пространствомъ земельныхъ участковъ, составили подробныя описи, или „*вакенбухи*“, точно опредѣляющія родъ и мѣру этихъ повинностей. Такъ было при шведскомъ владычествѣ въ Лифляндіи.

Съ переходомъ Лифляндіи къ Россіи, уничтожена была назначенная шведскимъ правительствомъ *редукція*, или отобраніе во

владѣніе казны большей части помѣщичьихъ имѣній въ Лифляндіи,—послѣднія изъ *лэнъ* превращены были въ *вотчины* или, иначе говоря, переданы были въ *потомственное владѣніе* дворянства. Это послѣднее, стремясь доказать вѣрность и усердіе престолу и своему новому отечеству, обратилось къ военной службѣ въ предѣлахъ имперіи, но вызванное тѣмъ отдаленіе лифляндскаго дворянства отъ своихъ помѣстій послужило причиною упадка крестьянскаго благосостоянія, такъ какъ арендаторы и управляющіе имѣній, нерѣдко уклоняясь отъ предписаній закона, изнуряли поселянъ чрезмѣрными налогами и жестокостями. Такое тяжкое положеніе лифляндскихъ крестьянъ не могло не обратить на себя вниманія императрицы Екатерины II, и по ея повелѣнію предприняты были мѣры, направленныя къ облегченію такого положенія. Запрещено было, между прочимъ, продавать крестьянъ за предѣлы губерніи; подтверждено имъ свободное пользованіе и распоряженіе ихъ собственностью и издавна существовавшее право приносить въ судебныя мѣста жалобы на притѣсненія со стороны помѣщиковъ; для опредѣленія же мѣры повинностей предписано было на основаніи древней таксы составить новые „вакенбухи“ особыми коммиссіями. Затѣмъ изданъ былъ послѣдовательно рядъ законоположеній, клонившихся къ облегченію положенія лифляндскихъ крестьянъ и къ точному опредѣленію ихъ отношеній къ помѣщикамъ. Императоръ Павелъ I-й двумя указами, данными генералъ-губернатору, повелѣлъ строжайше запретить всякія требованія съ крестьянъ, несогласныя съ „вакенбухами“, подъ опасеніемъ отдачи имѣнія въ опеку, подтверждая при этомъ лифляндскому дворянству объ тстановленіи твердыхъ правилъ хозяйственнаго порядка. Въ царствованіе императора Александра I-го, въ 1804 году, было издано особое Положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ, основными началами котораго въ указѣ 11-го мая 1803 года положено было: 1) признать политическое существованіе поселянъ; 2) утвердить за ними благопріобрѣтенную собственность, и 3) оградить ихъ отъ притѣсненій путемъ опредѣленія повинностей ихъ особыми коммиссіями.

Въ развитіе этихъ началъ, Положеніе 1804 года: 1) предоставило лифляндскимъ крестьянамъ право пріобрѣтать покупкою поземельную собственность, владѣть, продавать и наслѣдовать ее по примѣру другихъ состояній въ государствѣ (ст. 31-ая), и 2) признало за крестьянами *неотъемлемое* и *наслѣдственное* право на владѣніе и пользованіе отведенными имъ и обложенными повинностями земельными участками, которыхъ они могли

быть лишены лишь въ немногихъ точно опредѣленныхъ случаяхъ и притомъ не иначе, какъ по приговору крестьянскаго суда, утвержденному приходскимъ судомъ (ст. 40-я). Сверхъ того, не только отдѣльные крестьянскіе участки, но и вся предоставленная въ пользованіе крестьянъ земля признана была *неприкосновенною*, неподлежащею присоединенію къ мызнымъ угодьямъ. Помѣщикамъ, дабы не стѣснять ихъ въ расширеніи мызныхъ хозяйствъ, предоставлено было произвести отрѣзку части крестьянской земли только въ томъ единственномъ случаѣ, когда они докажутъ, что высѣвъ мызный не соотвѣтствуетъ количеству выставляемыхъ крестьянами барщинныхъ работниковъ или не достигаетъ *двухъ лофовъ* · (^{2}/$_3$ десятины) на каждаго однодневнаго въ недѣлю работника, и когда въ имѣніяхъ ихъ не окажется никакихъ пустопорожнихъ мѣстъ, съ помощью которыхъ они могли бы увеличить мызную пашню до указанной пропорціи (ст. 33). Предварительно отобранію на этомъ основаніи части крестьянской земли, разрѣшаемому притомъ или ревизіонною коммиссіею, или судомъ, помѣщикъ обязанъ былъ за три года увѣдомить о томъ крестьянъ, а по истеченіи трехъ лѣтъ заплатить имъ наличными деньгами, по оцѣнкѣ, утвержденной судомъ: а) за всѣ употребленныя крестьяниномъ издержки на улучшеніе хозяйства, б) за весь несобранный и засѣянный имъ хлѣбъ послѣдняго года, и в) сверхъ того, всю сумму, въ какой оцѣнена была стоимость участка или причитающихся съ него повинностей.

Оградивъ столь твердыми и предусмотрительно выработанными мѣрами неприкосновенность предоставленной въ наслѣдственное владѣніе и пользованіе крестьянской земли, правительство съ тою же заботливостью и справедливостью разрѣшило вопросъ объ опредѣленіи повинностей крестьянъ въ пользу помѣщиковъ. Въ этомъ отношеніи Положеніе 1804 года признало исходною точкою для установленія мѣры частныхъ крестьянскихъ повинностей выработавшееся исторически начало, въ силу котораго всѣ подати крестьянъ, помѣщику платимыя, въ чемъ бы онѣ ни состояли, — въ работахъ, продуктахъ или деньгахъ, — должны были представлять собою не что иное, какъ *чистый доходъ съ земли, собственности помѣщика, остающейся въ пользованіи крестьянъ и предоставленной имъ, за вычетомъ, однако, того, что нужно для продовольствія поселянина и его семьи и для уплаты всѣхъ казенныхъ и общественныхъ повинностей* (ст. 54). Для сохраненія соразмѣрности возложенныхъ повинностей съ пространствомъ крестьянскихъ участковъ, приняты были за основаніе правила шведской таксаціонной методы, которыя продолжительнымъ опы-

томъ признаны справедливыми и соотвѣтствующими взаимнымъ пользамъ какъ поселянъ, такъ и помѣщиковъ. Согласно съ этими правилами, барщинныя работы каждаго работника не превышали *двухъ дней въ недѣлю*, оставляя крестьянамъ $^2/_3$ времени и силъ на собственную пользу. Для уравненія же всѣхъ повинностей крестьянъ съ оцѣнкою земель, въ ихъ владѣніи находящихся, и для составленія новыхъ и вѣрныхъ описей или вакенбуховъ (своего рода уставныхъ грамотъ), одновременно съ изданіемъ Положенія образованы были четыре ревизіонныя коммиссіи, съ предсѣдателями изъ русскихъ чиновниковъ.

Въ 1809 году изданы были дополнительныя къ Положенію 1804 года правила, и вмѣстѣ съ тѣмъ упомянутыя выше четыре ревизіонныя коммиссіи преобразованы въ одну *межевую ревизіонную коммиссію*, мѣстопребываніемъ которой назначенъ былъ городъ Валкъ. На обязанность валкской межевой ревизіонной коммиссіи возложено было, между прочимъ, *обмежевать*, на основаніи дополнительныхъ статей, въ теченіе шести лѣтъ, всѣ тѣ помѣстья, въ которыхъ крестьяне получили такъ называемые временные вакенбухи, имѣющіе силу лишь до окончанія межеванія, и взамѣнъ ихъ выдать *непремѣнные*, сохраняющіе свое значеніе навсегда (§ 22 дополнительныхъ статей 1809 года). Благодаря различнымъ возникавшимъ на мѣстѣ затрудненіямъ, какъ, напримѣръ, недостатку землемѣровъ, уклоненію помѣщиковъ отъ размежеванія имѣній, и наконецъ весьма сложной процедурѣ утвержденія вакенбуховъ, производившіяся первоначально, въ С.-Петербургѣ, въ особомъ Высочайше утвержденномъ комитетѣ для разсмотрѣнія лифляндскихъ дѣлъ, а впослѣдствіи въ Ригѣ,—работы валкской коммиссіи замедлились окончаніемъ до 1823 года, потерявъ уже въ 1819 году, съ изданіемъ Положенія объ освобожденіи лифляндскихъ крестьянъ изъ личной крѣпостной зависимости, всякое практическое значеніе по отношенію къ опредѣленію мѣры крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ. Что же касается составленныхъ межевою коммиссіею плановъ и ревизорскихъ или землемѣрныхъ описаній, а равно и самой оцѣнки земли, выраженной въ вакенбухахъ, то въ этомъ отношеніи работы межевой коммиссіи не утратили своего важнаго значенія, такъ какъ по нимъ точно могли бы быть опредѣлены размѣры мызной и крестьянской земли того времени, а равно и стоимость этой послѣдней.

Положеніе 1804 года, оградивъ крестьянъ-хозяевъ отъ излишняго и несправедливаго обремененія ихъ повинностями въ пользу помѣщиковъ, а крестьянскія земли отъ захватовъ и урѣ-

зываній, не заключало въ себѣ, однако, *никакихъ постановленій по отношенію къ безземельнымъ батракамъ и бобылямъ*, которые, между тѣмъ, составляли большинство сельскаго населенія лифляндской губерніи. Дополнительныя статьи 1809 года исправили этотъ недостатокъ, и батраки получили небольшіе участки. Что же касается бобылей, которые не находились въ прямыхъ обязательственныхъ отношеніяхъ къ хозяину и пропитывали себя или поденною работою, или ремесломъ, или снятіемъ въ аренду мелкихъ клочковъ земли, то хозяевамъ не возбранялось принимать ихъ на свои земли, хотя бы число работниковъ, на одномъ гакѣ [1]) поселенныхъ, и превышало при этомъ условіи установленную закономъ норму, т.-е. 20 человѣкъ (ст. 55-я).

Къ вышеизложенному необходимо еще присовокупить, что обложенію *сборами на общественныя потребности* подлежали лишь такъ называемыя *крестьянскія или податныя земли* каждаго имѣнія, такъ что большая часть этихъ расходовъ возложена была на крестьянъ въ томъ соображеніи, что частныя повинности ихъ въ пользу помѣщиковъ, какъ изъяснено было выше, представляли собою лишь чистый поземельный доходъ крестьянъ, остающійся ему за уплатою всѣхъ государственныхъ и общественныхъ податей и сборовъ. Установленный такимъ образомъ вполнѣ цѣлесообразный и справедливый порядокъ вещей — съ опредѣленіемъ точнаго *размѣра* крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ соотвѣтственно доходности земли, — гарантировавшій имъ *право наслѣдственнаго пользованія* земельными *участками и неприкосновенность* всей такъ называемой крестьянской или податной земли, *обезпечивавшій*, наконецъ, и *батраковъ* обязательнымъ для хозяевъ отводомъ имъ небольшихъ земельныхъ участковъ, — не могъ удовлетворять лифляндскихъ дворянъ, такъ какъ ограничивалъ ихъ хозяйственный произволъ, ихъ право распоряжаться извѣстною частью земли и облагать крестьянъ сборами и барщиною по своему усмотрѣнію. Во избѣжаніе этихъ ограниченій, лифляндское дворянство рѣшилось отказаться отъ части своихъ правъ, чтобы тѣмъ самымъ достигнуть отмѣны стѣснительныхъ для него Положенія 1804 г. и дополнительныхъ къ нему статей 1809 года. Правительство же, придавая особо важное значеніе личной свободѣ крестьянъ, отнеслось къ ходатайству лифляндскаго дворянства объ отмѣнѣ крѣпостного права весьма благосклонно и затѣмъ удовлетворило желанія дворянъ по всѣмъ

[1]) Гакъ — величина неопредѣленная; онъ можетъ быть пространствомъ отъ 37-ми до 600 десятинъ.

вопросамъ, касающимся устройства ихъ поземельныхъ отношеній къ крестьянамъ.

Изданное въ 1819 году Положеніе, которымъ дарована была крестьянамъ личная свобода, *безъ надѣленія ихъ землею*, измѣнило въ корнѣ неуспѣвшій еще окончательно сложиться и окрѣпнуть порядокъ вещей, уничтоживъ всѣ существенныя постановленія предшествовавшихъ узаконеній, а вмѣстѣ съ нимъ и двадцатилѣтній трудъ ревизіонныхъ коммиссій и комитета лифляндскихъ дѣлъ по составленію и утвержденію вакенбуховъ. Измѣненія, внесенныя Положеніемъ 1819 года въ поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, заключались главнѣйшимъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) дворянству предоставлено полное право собственности и неограниченное право распоряженія всею помѣстною землею (I ст. Положенія 1819 г.); 2) право по взаимному соглашенію съ крестьянами опредѣлять размѣръ барщинныхъ повинностей, а при отсутствіи такого соглашенія удалять ихъ изъ усадебъ (ст. VI); 3) заключать съ крестьянами арендные контракты на срокъ не менѣе одного хозяйственнаго года и, по истеченіи его, передавать усадьбу другому лицу (ст. 491 Полож. 1819 г.), и наконецъ 4) въ случаѣ смерти арендатора до окончанія контракта, передавать усадьбу не наслѣдникамъ его, а лицамъ постороннимъ (ст. 491 Полож. 1819 г.). Съ другой стороны, существовавшее и до того времени дѣленіе земель на податныя и неподатныя осталось въ своей силѣ, и вся тяжесть общественныхъ и государственныхъ повинностей попрежнему возложена была на крестьянъ съ круговою отвѣтственностью мірскихъ обществъ за несостоятельныхъ членовъ (ст. 51 Положенія 1819 года). Вредныя послѣдствія установленнаго Положеніемъ 1819 года порядка вещей не замедлили обнаружиться. Дворянство, стремясь извлекать возможно бо́льшія выгоды изъ арендной земли, и не находя въ дѣйствовавшемъ законѣ предѣловъ своимъ требованіямъ по отношенію къ крестьянамъ, стало обременять послѣднихъ непосильными барщинными работами, отбирать крестьянскія усадьбы у прежнихъ хозяевъ и передавать ихъ новымъ, которые соглашались на болѣе отяготительныя условія, и, наконецъ, *присоединять податныя крестьянскія земли* къ мызнымъ, обращая ихъ въ неподатныя. Вслѣдствіе того крестьяне, потерявшіе свои усадьбы, обращались въ батраковъ и бобылей, а оставшіеся въ усадьбахъ терпѣли отъ увеличенія барщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и тягость общественныхъ повинностей крестьянъ съ каждымъ годомъ увеличивалась, такъ какъ размѣры податной земли, предоставленной въ ихъ пользованіе и служившей имъ

единственнымъ платежнымъ источникомъ, постепенно сокращались присоединеніемъ этихъ земель къ мызнымъ угодьямъ. Личная свобода крестьянъ, дарованная имъ безъ всякаго права на землю и ограниченная къ тому же запрещеніемъ выхода за предѣлы губерніи (ст. 13 Положенія 1819 г.), не давала имъ собственно— при существовавшихъ крайне неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ мѣстнаго управленія — достаточной возможности защищать законными способами свои права противъ нарушеній ихъ дворянствомъ (въ рукахъ котораго была сосредоточена судебная и полицейская власть); потому, когда въ началѣ 40-хъ годовъ благосостояніе сельскаго населенія пришло въ полный упадокъ, возникшая между обоими сословіями вражда выразилась въ цѣломъ рядѣ *крестьянскихъ волненій и въ попыткахъ эстовъ и латышей къ самовольному выселенію массами въ другія губерніи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, суровые годы испытаній пробудили въ угнетенныхъ народностяхъ стремленіе къ бо́льшему духовно-нравственному общенію съ русскимъ народомъ, что́ и выразилось въ переходѣ въ православіе значительной части крестьянскаго населенія Лифляндіи.

По успокоеніи народныхъ волненій при помощи военной силы и изслѣдованіи ихъ причинъ, тогдашній прибалтійскій генералъ-губернаторъ, баронъ Паленъ, донесъ въ 1842 году, что главнѣйшими причинами безпорядковъ, по его мнѣнію, послужили чрезмѣрное и произвольное со стороны помѣщиковъ *возвышеніе барщины и отобраніе крестьянскихъ земель*. Вслѣдъ затѣмъ онъ предложилъ, съ Высочайшаго соизволенія, лифляндскому ландтагу о принятіи мѣръ къ устраненію на будущее время поводовъ для принесенія крестьянами жалобъ и, справедливо придавая особенно важное значеніе ненарушимости крестьянскаго владѣнія землею,—рѣшился на собственный страхъ сдѣлать распоряженіе, чтобы крестьяне-хозяева не были удаляемы помѣщиками изъ своихъ усадебъ иначе, какъ по суду.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ рапортовъ баронъ Паленъ доносилъ, что лифляндское дворянство, на ландтагѣ 1842 г., во-первыхъ, отказалось отъ предоставленнаго ему Положеніемъ 1819 г. права неограниченнаго распоряженія всѣми помѣстными землями, и что, такимъ образомъ, извѣстное количество отданныхъ крестьянамъ земель не будетъ впредь у нихъ отбираемо, черезъ что по главному существу дѣла устранено весьма невыгодное состояніе имущественныхъ отношеній поселянъ, т.-е. *совершенная ненадежность во владѣніи* употребляемыхъ ими земель; и, во-вторыхъ, дворянство постановило, что отнынѣ барщина должна быть

отправляема по точной силѣ Положенія 1804 и 1819 г., и что о родѣ и мѣрѣ повинностей крестьянъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать контракта иначе, какъ предписываютъ означенныя Положенія.

Постановленія ландтага были Высочайше утверждены, а противъ тѣхъ строкъ рапорта барона Палена, въ которыхъ изложенъ былъ отказъ дворянства отъ присоединенія крестьянскихъ земель, была сдѣлана собственноручно государемъ отмѣтка: „*очень умно и дѣльно*“. Но, согласившись, подъ вліяніемъ воздѣйствія правительства и указанныхъ выше событій, сдѣлать крестьянамъ нѣкоторыя уступки и возвратить имъ тѣ права, которыя уже были дарованы имъ въ самомъ началѣ столѣтія, дворянство попыталось выговорить для себя право, при окончательномъ *отграниченіи* крестьянской земли, отдѣлить отъ нея столько, „*сколько потребно на пополненіе господскихъ полей до 10-ти лофштелей на каждый день барщины*“. Приводя вышеозначенное ходатайство дворянства въ болѣе удобопонятномъ видѣ, генералъ-губернаторъ доносилъ, что дворянство желаетъ отдѣлить и присоединить къ своимъ угодьямъ еще $^1/_{10}$ долю крестьянской земли; причемъ, въ заключеніи своемъ по поводу такого ходатайства, онъ высказалъ предположеніе, что отобраніе этой доли крестьянскихъ угодій не можетъ ухудшить положенія крестьянъ, такъ какъ земли послѣднихъ значительно превышали *мызныя*, которыя, по собраннымъ свѣдѣніямъ, составляли не болѣе $^2/_3$ крестьянскихъ земель.

Вслѣдъ затѣмъ, по прекращеніи волненій крестьянъ, лифляндское дворянство, какъ бы сожалѣя о своей уступчивости, представило министерству внутреннихъ дѣлъ жалобу на дѣйствія генералъ-губернатора. Въ жалобѣ этой дворянство обвиняло барона Палена въ превышеніи власти, которое выразилось въ распоряженіи его, обязавшемъ помѣщиковъ удалять хозяевъ не иначе, какъ по суду, и въ искаженіи смысла постановленія ландтага объ отказѣ дворянства отъ правъ неограниченнаго распоряженія крестьянскими землями.

Независимо отъ того, ландтагъ выработалъ проектъ дополнительныхъ статей къ Положенію 1819 г., который былъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ для просмотра крестьянскихъ положеній всѣхъ остзейскихъ губерній и 23 іюня 1843 г. утвержденъ. Проектъ этотъ представлялъ собою лишь мало существенныя поправки къ Положенію 1819 г.

Болѣе существенною частью этого новаго законоположенія было возстановленіе силы *вакенбуховъ*, которые вновь признаны нормою всѣхъ условій между владѣльцами и крестьянами, съ тѣмъ,

что тамъ, гдѣ существующія нынѣ повинности ниже урочныхъ, т.-е. вакенбухами опредѣленныхъ,—они не могутъ быть возвышены, а тамъ, гдѣ барщина превышаетъ норму, древними вакенбухами опредѣленную, она должна быть ограничена согласно этимъ послѣднимъ. Постановленіе это, хотя въ немъ и не упоминалось о неприкосновенности крестьянской земли, представляло собою, во всякомъ случаѣ, весьма важный актъ въ защиту интересовъ эсто-латышскаго сельскаго населенія, но лифляндское дворянство, какъ и въ 1819 г., вскорѣ изыскало способы уничтожить его благодѣтельное значеніе.

Въ 1846 г., признано было необходимымъ вновь приступить къ изысканію и обсужденію болѣе общихъ и полныхъ мѣръ къ устройству быта крестьянъ и учредить для этой цѣли особый комитетъ по лифляндскимъ дѣламъ, съ участіемъ 5-ти представителей отъ лифляндскаго дворянства. Изъ журналовъ этого комитета видно, что дворянство въ ограниченіи права помѣщиковъ отбирать по своему произволу крестьянскія земли усматривало преграждение пути къ улучшенію имѣній и препятствіе къ успѣхамъ сельскаго хозяйства, а потому, соглашаясь на предоставленіе податной земли въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ, старалось выговорить себѣ разрѣшеніе отобрать единовременно значительную часть этой земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ комитетѣ возникъ новый споръ объ улучшеніи хозяйственнаго быта крестьянъ путемъ постепенной замѣны барщинно-издѣльныхъ контрактовъ денежно-оброчными.

Хотя Положеніе 1819 г. и дополнительныя статьи 1845 г. и не возбраняли помѣщикамъ заключать по соглашенію съ крестьянами денежные арендные контракты, но и не давали имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, права *принудительно* переводить крестьянъ съ барщины на оброкъ; этого-то права и стремилось достигнуть лифляндское дворянство въ надеждѣ, что норма денежнаго оброка закономъ опредѣлена не будетъ, и что такимъ образомъ вакенбухи, только-что возстановленные, вновь потеряютъ свое значеніе. Ожиданія его, какъ указано будетъ ниже, дѣйствительно оправдались. Но вопросомъ о переводѣ барщины на оброкъ возбужденъ въ свою очередь новый и весьма серьезный вопросъ о томъ, что произойдетъ съ такъ называемыми *батрацкими надѣлами или участками*, которые были образованы на крестьянскихъ земляхъ въ силу дополнительныхъ статей 1809 г. Возникало не лишенное основанія опасеніе, что крестьяне-хозяева, при установленныхъ арендныхъ условіяхъ на деньги или произведенія, захотятъ всецѣло пользоваться арендуемыми ими землями и уничтожатъ

участки батраковъ, вслѣдствіе чего послѣдніе неминуемо обратятся въ пролетаріевъ. Комитету надлежало такимъ образомъ въ рѣшеніи своемъ сообразоваться и съ интересами безземельнаго класса сельскаго населенія.

Постановленія комитета для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ, послѣдовавшія въ засѣданіи 24 мая 1846 г., состояли въ существѣ ихъ въ слѣдующемъ. Руководствуясь мнѣніемъ члена государственнаго совѣта генералъ-адъютанта графа Палена, и принявъ во вниманіе, что на круговую отвѣтственность лифляндскихъ крестьянскихъ обществъ возложена поставка рекрутъ, платежъ казенныхъ податей, всевозможныя земскія и общественныя повинности соразмѣрно *предоставленной имъ въ то время въ пользованіе податной земли, комитетъ единогласно призналъ необходимымъ: всю предоставленную по вакенбухамъ 1804 г. и состоящую въ употребленіи крестьянъ землю предоставить въ неотъемлемое пользованіе крестьянскихъ обществъ*, какъ необходимую для достиженія главной цѣли законоположеній по дѣламъ крестьянъ, т.-е для обезпеченія существованія и самостоятельности сельскаго сословія, чѣмъ безъ всякаго нарушенія права собственности помѣщиковъ на ту же землю опредѣлялся лишь справедливый способъ пользованія ею.

По вопросу же о батрацкихъ участкахъ, также согласно съ высказаннымъ графомъ Паленомъ мнѣніемъ,—что для предупрежденія обращенія батраковъ въ пролетаріевъ, могущаго произойти при введеніи арендной платы деньгами, необходимо предоставить въ распоряженіе каждой вотчины *часть податной земли, для надѣленія ею батраковъ,* подобно тому, какъ эти послѣдніе пользуются теперь въ каждой усадьбѣ $1^1/_2$ лофами пахотной земли въ каждомъ изъ трехъ полей съ лугами и сѣнокосами,—комитетъ единогласно постановилъ: состоящіе донынѣ въ пользованіи у рабочихъ $1^1/_2$ лофа въ каждомъ полѣ, равно какъ и луга и выгоны предоставить въ завѣдываніе помѣщиковъ съ тѣмъ, чтобы ближайшій ландтагъ опредѣлилъ правила, сообразно съ которыми *владѣлецъ долженъ распорядиться означенными участками для общаго благосостоянія рабочихъ*. Оба эти постановленія комитета признаны были имъ за *обязательныя основныя начала* будущаго Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ и въ 9-й день іюня 1846 г. были Высочайше утверждены.

Благодаря вліянію лифляндскаго дворянства на ходъ дѣлъ въ остзейскомъ комитетѣ, и аграрное и крестьянское Уложеніе 1849 г. не только не оправдало тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на него и самимъ правительствомъ, и крестьянами, но

измѣнило еще къ худшему и то положеніе вещей, которое создано было рядомъ предшествовавшихъ правительственныхъ мѣропріятій. Даже и остзейскій комитетъ признавалъ разсматривавшійся имъ проектъ не вполнѣ соотвѣтствующимъ цѣли упроченія быта крестьянскаго сословія и заключилъ привести его въ дѣйствіе лишь въ видѣ временной мѣры на 6 лѣтъ и при томъ только во вниманіе къ особому ходатайству генералъ-губернатора князя Суворова (вѣроятно, уступившему въ этомъ случаѣ вліянію лифляндскаго дворянства), который немедленное утвержденіе проекта признавалъ необходимымъ для удовлетворенія возбужденныхъ съ давняго времени надеждъ сельскаго населенія на улучшеніе его быта.

Главнѣйшія положенія закона 1849 г. были таковы:

1) По вопросу о барщинѣ, законная норма которой была только-что возстановлена (въ 1845 г.), опредѣлялось, что *вотчинникъ*, или *помѣщикъ*, *всегда властенъ и во время дѣйствія барщиннаго контракта превратить барщинно-оброчныя повинности въ денежно-оброчныя, а арендаторъ не вправѣ этому противиться* (ст. 109 Положенія 1849 г). Взамѣнъ этого арендатору предоставлено право, если онъ не желаетъ перейти съ барщины на оброкъ, *отказаться отъ аренднаго контракта* (ст. 111 Положенія 1849 г.) и оставить свою усадьбу. Что же касается мѣры денежно-оброчной повинности, то опредѣленіе ея предоставлено взаимному соглашенію помѣщика съ крестьянами (§ 1-й Положенія 1849 г.) и всѣ законныя постановленія о соразмѣреніи оброчныхъ повинностей съ величиною и производительностью оброчнаго участка признаны несоотвѣтствующими цѣли ихъ и устранены, такъ какъ, будто бы, опытомъ доказано неопровержимо, что изыскать начала правильной поземельной оцѣнки, которыя могли бы быть примѣнены на столь обширномъ и столь разносвойственномъ пространствѣ Лифляндіи, не представляется никакой возможности [1]) (§ 2 Положенія 1849 г.).

Само собою разумѣется, что въ случаѣ несогласія крестьянина на предлагаемыя помѣщикомъ условія денежной аренды, ему предоставлялось право оставить свою усадьбу и перейти въ разрядъ батраковъ.

Такимъ образомъ, стремленіе правительства опредѣлить норму крестьянскихъ повинностей и на этотъ разъ,—какъ было ранѣе,

[1]) Опытъ Россіи говоритъ, однако, совершенно иначе: „Положеніе о крестьянахъ“ 1861 г. установило вполнѣ удовлетворительныя, въ общемъ, нормы оброка для крестьянъ на гораздо болѣе обширной по пространству и разносвойственной части государственной территоріи, чѣмъ одна лифляндская губернія.

въ 1819 г.,—осталось безуспѣшнымъ, и односторонній интересъ лифляндскихъ помѣщиковъ восторжествовалъ вновь, прикрытый и въ данномъ случаѣ благовидными сужденіями, что барщина есть явленіе *ненормальное*, отжившее, служащее несомнѣнно преградою къ успѣшному развитію крестьянскаго быта (§ 4 Положенія 1849 г.), и потому лишь временно терпимое (§§ 137 и 138 Положенія 1849 г.).

2) По вопросу о предоставленіи извѣстной части земли въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ, было постановлено, что всѣ помѣстныя земли, независимо отъ дѣленія ихъ на податныя и неподатныя, раздѣляются еще—по различію правъ пользованія ими—на мызныя и повинностныя. Первыя, попрежнему, должны были оставаться въ безусловномъ распоряженіи помѣщиковъ; послѣдними же имъ предоставлялось пользоваться не иначе, какъ путемъ отдачи ихъ въ аренду или продажи членамъ крестьянскихъ обществъ (ст. 121 Положенія 1849 г.). При исчисленіи пространства повинностныхъ земель каждаго имѣнія предписывалось принять въ основаніе произведенное валкскою межевою коммиссіею регулированіе имѣнія (ст. 7 Положенія 1849 г.) и считать повинностною землею всю ту часть его, которая въ началѣ столѣтія отведена была въ пользованіе крестьянъ и которая по оцѣнкѣ на талеры и гаки обложена была сборами на государственныя и общественныя нужды.

Опредѣливъ такимъ образомъ основаніе для разграниченія помѣстныхъ земель, новый законъ разрѣшилъ помѣщикамъ присоединить значительную долю повинностной земли къ мызнымъ угодьямъ. Сверхъ того, Уложеніе 1849 г. разрѣшило помѣщикамъ отобрать или зачислить въ разрядъ мызныхъ земель всѣ тѣ пространства, которыя, находясь въ предѣлахъ крестьянской земли, не входили по вакенбухамъ въ талерную оцѣнку (14 ст. Уложенія 1849 г.), каковы, напримѣръ, лѣса, болота, воды и вообще всѣ неудобныя земли. Для опредѣленія размѣра этихъ земель и для выясненія, какая часть ихъ отобрана была фактически,—никакихъ данныхъ не имѣется, но несомнѣнно, что и въ этомъ случаѣ отобранныя земли можно считать сотнями тысячъ десятинъ, такъ какъ, судя по находившимся на разсмотрѣніи ревизіи древнимъ картамъ нѣкоторыхъ имѣній, неудобныя и невходившія въ оцѣнку пространства представляли собою въ границахъ крестьянскихъ земель почти такое же количество десятинъ, какъ и удобныя, особенно въ сѣверной части лифляндской губерніи.

3) Подлежащая отдѣленію столь значительная часть крестьянской земли, по силѣ Высочайше утвержденныхъ основныхъ

началъ, изложенныхъ въ журналѣ комитета лифляндскихъ дѣлъ отъ 24-го мая 1846 г., *предназначалась собственно для обезпеченія батраковъ*, но въ текстѣ самаго Уложенія цѣль эта не указана; вслѣдствіе чего названная земля, хотя и отдѣлена отъ крестьянской и во многихъ имѣніяхъ перешла въ непосредственное распоряженіе помѣщиковъ, но до сихъ поръ не получила назначеннаго ей употребленія.

4) По отношенію къ бобылямъ, т.-е. къ тому классу сельскаго населенія, который не находится ни въ оброчномъ, ни въ служебномъ отношеніи съ другими членами общества, постановленія закона 1849 г. отличаются особою суровостью. Законъ этотъ вмѣняетъ, между прочимъ, сельскимъ обществамъ въ обязанность принять самоближайшія мѣры къ обращенію бобылей къ болѣе законному образу жизни и къ недопущенію дальнѣйшаго ихъ приращенія (601 ст.), а вотчинной и волостной полиціи и приходскимъ судамъ поручаетъ имѣть тщательный надзоръ за строгимъ соблюденіемъ правилъ о пользованіи перелогами, гдѣ бобыли будто бы предпочтительно водворяются для безпорядочной разработки и истощенія ихъ. Въ другихъ статьяхъ Уложенія бобыли признаются нетерпимымъ классомъ (600 ст.) сельскаго населенія, такъ что каждому бобылю, не имѣющему, по крайней мѣрѣ, одной коровы и одной лошади, возбраняется всякое поземельное пользованіе (ст. 623), и каждая бобыльская усадьба, не имѣющая 5-ти лофштелей земли, обязательно присоединяется къ смежной съ нею болѣе крупной усадьбѣ, съ тѣмъ чтобы и впредь никогда не составлять отдѣльнаго поземельнаго участка (ст. 619). Приходскимъ судьямъ и губернаторамъ вмѣняется въ обязанность принимать мѣры или къ употребленію бобылей на казенныя работы, или же къ выселенію ихъ въ другія, менѣе населенныя имѣнія (ст. 634). Но классъ бобылей былъ весьма многочисленъ еще во время ревизіи, несмотря на всѣ принятыя противъ него репрессивныя мѣры.

Содержащіяся въ Положеніи 1849 г. репрессіи по отношенію къ бобылямъ можно объяснить только тѣмъ, что лифляндское дворянство, разсчитывая въ то время присоединить нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ крестьянской земли къ мызнымъ угодьямъ и, слѣдовательно, значительно увеличить мызныя запашки, весьма предусмотрительно озаботилось заручиться въ свою пользу такими предписаніями закона, которыя могли бы послужить косвеннымъ средствомъ для принудительнаго обращенія болѣе или менѣе состоятельныхъ бобылей въ простыхъ работниковъ и тѣмъ самымъ не только обезпечить себѣ достаточный контингентъ

послѣднихъ, но и достигнуть удешевленія стоимости земледѣльческаго труда въ расширенныхъ мызныхъ хозяйствахъ.

5) Нормальнымъ видомъ пользованія отграниченной крестьянамъ или такъ называемой повинностной землей Уложеніе 1849 г. признало или отдачу ея въ денежную аренду, или продажу членамъ крестьянскихъ обществъ на условіяхъ полюбовнаго соглашенія съ помѣщикомъ (ст. 137). Для содѣйствія крестьянамъ къ пріобрѣтенію земель въ собственность учрежденъ былъ такъ называемый крестьянскій непрерывно-доходный банкъ, уставъ котораго вошелъ въ текстъ закона 1849 г. (§ 23 и слѣд.), а для поддержанія цѣнности земли разрѣшено было пріобрѣтать ее не только собственно крестьянамъ, которые, какъ сословіе, имѣли историческое право на исключительное пользованіе этою землею, но и лицамъ всякаго званія и состоянія, подъ условіемъ лишь приписки ихъ къ волостному союзу (ст. 251). Вступленіе же въ волостной союзъ новаго члена, сохранявшаго за собою свои прежнія сословныя права, совершалось или по требованію помѣщика, независимо отъ согласія или несогласія на то крестьянскаго общества (ст. 301), или же самымъ фактомъ покупки крестьянскаго участка, слѣдовательно также помимо согласія общества. Вслѣдствіе того, съ 1849 г. крестьянскія земли начали переходить въ собственность не только лицъ крестьянскаго сословія, но и въ руки дворянъ, литераторъ, горожанъ и иностранныхъ подданныхъ.

II.

Уложеніе 1849 года имѣло временный характеръ и введено было въ дѣйствіе лишь на 6 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы, по минованіи ихъ, генералъ-губернаторъ Прибалтійскаго края, вмѣстѣ съ дворянствомъ лифляндской губерніи, представилъ свои предположенія объ измѣненіяхъ, которыя по указанію опыта признаны будутъ полезными. Во исполненіе этого, въ 1856 г. лифляндскимъ дворянствомъ составленъ былъ проектъ новаго Положенія о крестьянахъ, который, по разсмотрѣніи его въ остзейскомъ комитетѣ, внесенъ былъ въ государственный совѣтъ и, по подробномъ его обсужденіи, 13-го ноября 1860 г., былъ Высочайше утвержденъ.

При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ, министръ государственныхъ имуществъ обратилъ вниманіе на то, что всѣ постановленія проекта, относящіяся до предоставленія крестьянамъ правъ поземельной собственности и до огражденія

ихъ интересовъ по оброчнымъ договорамъ, обезпечиваютъ лишь однихъ крестьянъ-домовладѣльцевъ и вовсе не касаются работниковъ, которыхъ между тѣмъ вчетверо больше, чѣмъ хозяевъ, и положеніе которыхъ равнымъ образомъ требуетъ вниманія правительства. Поэтому, для обезпеченія быта этихъ послѣднихъ, по мнѣнію министра государственныхъ имуществъ, также надлежало бы, по мѣрѣ возможности, предоставить имъ участіе въ правахъ непосредственнаго пользованія землею, и для этого отводить имъ при крестьянскихъ дворахъ особые участки, исключительно предназначенные для семейныхъ работниковъ.

Съ такимъ мнѣніемъ министра государственныхъ имуществъ государственный совѣтъ согласился, и положеніе совѣта по этому предмету было, 5-го мая 1860 г., Высочайше утверждено.

Но Положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1860 г., какъ въ отношеніи поземельнаго устройства крестьянъ, такъ и во всемъ остальномъ, было почти буквальнымъ повтореніемъ Уложенія 1849 г. и ничего существенно новаго въ себѣ не содержало. Такъ, по отношенію къ бобылямъ новый законъ во всей силѣ удержалъ всѣ стѣснительныя (ст. 551—586) постановленія Уложенія 1849 года.

Что касается крестьянъ-хозяевъ, то Положеніе 1860 г., дозволивъ помѣщикамъ попрежнему принудительно (6 п. 116 ст.) переводить ихъ съ барщины на оброкъ, установило, указанное въ 1 и 2 п. 116-ой статьи, незначительное вознагражденіе, которое помѣщикъ обязанъ былъ уплатить крестьянину-хозяину въ томъ случаѣ, когда этотъ послѣдній, не признавая возможнымъ перейти съ барщины на денежный оброкъ на условіяхъ, предлагаемыхъ помѣщикомъ, вынужденъ былъ оставить усадьбу. Вознагражденіе это помѣщикъ обязывался уплатить крестьянину и тогда, когда послѣдній, по истеченіи срока арендаго контракта, не признавалъ возможнымъ согласиться на новыя, болѣе отяготительныя условія.

Условія продажи крестьянскихъ усадебъ остались также прежнія: за помѣщикомъ сохранено право опредѣлять по своему усмотрѣнію стоимость усадьбы (ст. 12), назначать сроки платежа покупной суммы (85 ст.), прерывать актомъ продажи арендные контракты и отчуждать крестьянскія усадьбы лицамъ всѣхъ сословій (ст. 55 и 219). Крестьянину-арендатору во всѣхъ этихъ случаяхъ предоставлено лишь право не согласиться на условія, предлагаемыя помѣщикомъ, и выступить изъ усадьбы.

По отношенію къ барщинѣ, Положеніе 1860 г. оставило въ силѣ всѣ постановленія предшествовавшаго закона, и повсемѣст-

ное прекращеніе издѣльной повинности послѣдовало лишь 23-го апрѣля 1868 года.

III.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ данныхъ историческаго обзора нашего законодательства по устройству быта лифляндскихъ крестьянъ, ревизія 1882 года докладывала, что въ послѣдовавшихъ со дня освобожденія лифляндскихъ крестьянъ лично отъ крѣпостной зависимости (въ 1819 г.) законоположеніяхъ допущенъ былъ рядъ правилъ, по мнѣнію ревизіи—несомнѣнно *вредныхъ* для благосостоянія крестьянъ лифляндской губерніи и притомъ, во многихъ отношеніяхъ, въ нарушеніе или даже совершенную отмѣну прежде имъ принадлежавшихъ и укрѣпленныхъ за ними правъ.

Площадь всей крестьянской или повинностной земли въ частныхъ, пасторатскихъ и городскихъ имѣніяхъ лифляндской губерніи по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ревизіонной лифляндской ландратской коллегіей, составляли 1.190.755 дес., въ числѣ коихъ насчитывалось 321.090 дес. пашни. Въ казенныхъ имѣніяхъ, на материкѣ губерніи, крестьянамъ отведено 241.944 дес. Слѣдовательно, всего въ пользованіи крестьянъ состояло 1.432.699 дес. Площадь мызной или помѣщичьей земли простиралась до 2.114.462 дес. Изъ этого слѣдовало, что всѣ земли крестьянъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ, взятыхъ вмѣстѣ, составляли въ то время лишь двѣ трети помѣщичьихъ земель, между тѣмъ какъ въ сороковыхъ годахъ, судя по донесенію прибалтійскаго генералъ-губернатора барона Палена, мызныя земли въ частныхъ имѣніяхъ находились совершенно въ обратномъ отношеніи къ крестьянскимъ, составляя лишь $^2/_3$ послѣднихъ.

Сравнивая эти данныя съ соотвѣтствующими имъ данными для всей Европейской Россіи, гдѣ по свѣдѣніямъ, собраннымъ податной коммиссіей (въ 1872 г.), площадь крестьянскихъ земель простиралась до 116 милліоновъ десят., а площадь помѣщичьихъ, оставшихся за надѣломъ крестьянъ лишь до 63 милл. дес., и принимая помѣщичье или крупное землевладѣніе за единицу, необходимо было придти къ выводу, что крестьянское землевладѣніе въ Россіи вообще выражалось цифрою 2, въ лифляндской же губерніи цифрою $^2/_3$, или иначе, что отношеніе крестьянскаго или мелкаго землевладѣнія къ помѣщичьему или крупному въ лифляндской губерніи представлялось втрое менѣе благопріятнымъ для крестьянъ, чѣмъ таковое же въ Россіи вообще.

Что касается распредѣленія повинностныхъ земель въ лифляндской губерніи между отдѣльными членами крестьянскаго сословія, то, по свѣдѣніямъ лифляндской ландратской коллегіи и прибалтійскаго управленія государственными имуществами, оказывалось въ этомъ отношеніи слѣдующее: повинностныя земли частныхъ, городскихъ и пасторатскихъ имѣній раздѣлялись тогда лишь на 25.056 болѣе или менѣе крупныхъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ-усадебъ, часть которыхъ состояла въ арендномъ пользованіи крестьянъ и, часть пріобрѣтена въ собственность; 939 усадебъ или участковъ, находящихся на податной мызной землѣ, отдѣленной отъ крестьянской по силѣ Уложенія 1849 г.;—слѣдовательно, всего въ частныхъ имѣніяхъ въ пользованіи членовъ волостныхъ обществъ состояло 25.995 усадебъ. Крестьянскія земли казенныхъ имѣній раздѣлялись на 9.458 усадебъ или участковъ, что вмѣстѣ съ предыдущими составило 35.353 усадьбы.

Принимая во вниманіе, что все сельское населеніе материковой части лифляндской губерніи простиралось до 872.535 душъ обоего пола (донесеніе губернатора) и полагая на каждый крестьянскій дворъ по 3 души мужескаго пола и столько же женскаго пола (въ Россіи вообще на крестьянскій дворъ приходится, среднимъ числомъ, 2,9 души мужескаго пола), слѣдуетъ придти къ заключенію, что въ лифляндской губерніи, при наличности указаннаго выше числа самостоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ, обезпечены землею лишь 212.518 душъ обоего пола; число же необезпеченныхъ землею простирается до 660.017 душъ обоего пола, или до 77% всего сельскаго населенія губерніи.

О ходѣ продажи крестьянскихъ земель въ лифляндской губерніи въ собственность членовъ волостныхъ обществъ имѣлись тогда слѣдующія свѣдѣнія:

Изъ общаго числа 25.056 усадебъ, находящихся на повинностной землѣ, закуплены членами волостныхъ обществъ 15.897 усадебъ, или 64,46%, оцѣненныхъ по доходности ихъ въ 322.558 талеровъ и заключающихъ въ себѣ удобной и неудобной земли 790.429 дес., въ числѣ коихъ значится 214.601 дес. пашни. Средній размѣръ проданной усадьбы по пространству составляетъ 49,72 десятины (изъ нихъ 15,51 дес. пашни), а по доходности—20 талеровъ. Средняя стоимость одного талера крестьянской земли по 1881 г. простиралась до 167 руб., а мызной и крестьянской земли, взятыхъ вмѣстѣ—до 174 руб. Въ 1881 г. средняя стоимость талера одной крестьянской земли

возрасла уже до 188 руб., причемъ низшая составляла 66 руб. 25 коп. за талеръ (въ валкскомъ уѣздѣ), а высшая—491 руб. 89 коп. (въ феллинскомъ уѣздѣ). Такія же колебанія цѣнности талера земли замѣчаются и въ каждомъ изъ уѣздовъ, отдѣльно взятомъ: такъ, напримѣръ, въ верровскомъ уѣздѣ талеръ земли продавался и по 71 р., и по 458 рублей.

Что же касается стоимости десятины одной удобной земли, то, имѣя въ виду, что на одинъ талеръ не приходится и полуторы десятины этого рода земли, и что, такимъ образомъ, площадь ея не превыситъ 700 тысячъ дес., необходимо будетъ придти къ выводу, что десятина удобной земли обойдется крестьянамъ около 125 руб.

При сравненіи этихъ данныхъ съ соотвѣтствующими имъ данными, взятыми изъ среды другихъ россійскихъ губерній, оказалось, что десятина удобной крестьянской земли въ лифляндской губерніи пріобрѣтается въ 3 и 4 раза дороже, чѣмъ десятина такой же земли въ другихъ губерніяхъ, такъ какъ, по свѣдѣніямъ главнаго выкупного учрежденія въ губерніяхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ вообще,—считая въ томъ числѣ и мѣстности черноземныя,—десятина удобной земли (за уплатою $^1/_5$ стоимости крестьянскаго надѣла, причитающейся на выкупъ усадебной осѣдлости) выкупалась, среднимъ числомъ, по 30 руб. 85 коп., въ частности же въ с.-петербургской губерніи, вблизи моря и столицы, по 27 руб., въ псковской—по 22 руб., а въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края—лишь по 17 руб. 24 коп. Въ юго-западныхъ губерніяхъ, кіевской, волынской и подольской, гдѣ естественныя свойства грунта значительно лучше, чѣмъ въ лифляндской, крестьяне за 81 милл. руб. выкупили около 4 милл. десятинъ одной удобной земли, т.-е. пространство, почти вчетверо превосходящее площадь всей лифляндской крестьянской земли (удобной и неудобной).

Вышеизложенныя данныя уясняли, какимъ тяжелымъ бременемъ должна лечь на крестьянское хозяйство въ лифляндской губерніи покупка земель, несмотря на ихъ сравнительно лучшее культивированіе; какую громадную денежную цѣнность пріобрѣтало лифляндское дворянство, удерживая, кромѣ того, за собою болѣе 2 милл. десятинъ мызной земли; какое не только экономическое, но и политическое преобладаніе въ краѣ безусловно обезпечено ему надъ другими сословіями не-нѣмецкой народности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какомъ привилегированномъ, исключительномъ положеніи стояло оно сравнительно съ россійскимъ дворянствомъ другихъ частей имперіи.

Сравнивая условія покупки крестьянскихъ земель въ лифляндской губерніи съ условіями выкупа таковыхъ же земель въ остальной Россіи, нельзя было не обратить вниманія, независимо отъ громадной разницы и въ цѣнахъ, еще на слѣдующія различія. Въ то время какъ въ имперіи крестьянинъ или сельское общество, приступивъ къ выкупу своихъ земель при содѣйствіи правительства, прекращали всякія обязательныя отношенія къ помѣщику,— лифляндскій крестьянинъ связывалъ себя съ помѣщикомъ весьма стѣснительнымъ купчимъ контрактомъ, въ силу котораго послѣдній получалъ обыкновенно право вмѣшиваться въ хозяйство крестьянина, контролировать его хозяйственный инвентарь и т. п. Вслѣдствіе этого большая часть лифляндскихъ крестьянъ-хозяевъ и въ особенности тѣ, которые не въ состояніи аккуратно уплачивать покупную сумму, находятся въ *полной* экономической зависимости отъ помѣщиковъ и вынуждены уступать имъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, гдѣ хозяйственные, національные, религіозные и другіе интересы той или другой стороны, или того или другого сословія, сталкиваются между собою. Русскій крестьянинъ или община, выкупивъ землю, становится полнымъ ея собственникомъ, съ правомъ владѣть, пользоваться и распоряжаться ею на тѣхъ же началахъ, на какихъ пользуются своими землями и помѣщики; а крестьянинъ лифляндскій, и по окончательной расплатѣ за свою землю, остается обязаннымъ различными ограниченіями своего поземельнаго права въ пользу помѣщика, какъ, напримѣръ, уступкою послѣднему права охоты на своихъ земляхъ, права проводить сухопутные и водяные пути сообщенія, пролагать водостоки, каналы для орошенія сосѣднихъ помѣщичьихъ земель и проч. (42 ст. Полож. 1860 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно выкупленная имъ земельная собственность никогда не уравнивается съ привилегированными дворянскими землями и крестьянинъ не пріобрѣтаетъ права устраивать на своей землѣ винокурни и пивоварни, открывать корчмы и проч. (ст. 220 Полож. 1860 г. и ст. 883 III т. Св. мѣстн. узак.). Наконецъ, по отношенію къ земскимъ повинностямъ помѣщичьи и выкупленныя крестьянами земли въ имперіи подлежатъ дѣйствію однихъ и тѣхъ же правилъ объ обложеніи ихъ, между тѣмъ какъ въ лифляндской губерніи на пріобрѣтенныхъ крестьянами податныхъ или черныхъ земляхъ лежитъ вся тяжесть общественныхъ или земскихъ повинностей, отъ которыхъ свободны неподатныя помѣщичьи земли (ст. 94 Полож. 1860 г.).

IV.

Въ арендномъ пользованіи членовъ волостныхъ обществъ въ лифляндской губерніи состояло 9.159 участковъ повинностной земли, представляющихъ собою площадь въ 400.326 десятинъ (въ числѣ ихъ насчитывается 106.489 десятинъ пашни) и оцѣненныхъ въ 177.863 талеровъ. Средній размѣръ аренднаго участка по пространству составляетъ до 43,71 дес. (въ числѣ ихъ 11,63 дес. пашни), а по оцѣнкѣ доходности — до 19 талеровъ 37 грошей. Средній размѣръ арендной платы за 1881 и 1882 г.г. за одинъ талеръ земли, сдаваемой помѣщикомъ, составляетъ 8 руб. 32 коп., колеблясь между 2 и 29 руб., а за талеръ земли, сдаваемой въ аренду крестьянамъ-собственникамъ,—11 руб. 50 коп., колеблясь между 3 и 40 руб. Переводя затѣмъ талеры на десятины на основаніи извѣстныхъ средней величины и цѣнности крестьянскаго участка и средняго размѣра арендной платы за талеръ земли, получался выводъ, что средній размѣръ арендной платы, требуемой помѣщикомъ за десятину земли на кругъ, т.-е. считая въ томъ числѣ и неудобную, составляетъ 3 руб. 59 коп. Имѣя затѣмъ въ виду, что на каждый талеръ не приходится обыкновенно и полуторы десятины удобной земли, слѣдуетъ заключить, что средній размѣръ арендной платы, падающей на десятину исключительно удобной земли, составитъ не менѣе 6 руб. При значительномъ развитіи сельскаго хозяйства въ лифляндской губерніи, такая плата не могла бы быть признана высокою по отношенію къ мызной землѣ, но нельзя сказать того же самаго при примѣненіи ея къ крестьянской землѣ, которая, издавна составляя достояніе крестьянъ, была воздѣлываема и улучшаема ихъ трудами и за пользованіе которою они въ теченіе нѣсколько столѣтій отбывали барщину. Арендную плату за эту землю нельзя разсматривать иначе, какъ установленный волею помѣщиковъ средній денежный оброкъ, замѣнившій собою нѣкогда нормированную закономъ издѣльную барщинную повинность. Поэтому, для правильнаго сужденія о величинѣ арендной платы за десятину крестьянской земли въ лифляндской губерніи, надлежитъ сравнивать ее не съ существующими во внутреннихъ частяхъ имперіи вольными арендными цѣнами на владѣльческія земли, а съ нормами оброка, опредѣленными Положеніемъ 19 февраля 1861 г. на отведенныя крестьянамъ земли по уставнымъ грамотамъ. При такомъ сравненіи

окажется, что средняя арендная плата за десятину удобной земли въ лифляндской губерніи весьма высока, ибо, по силѣ 168-ой ст. мѣстнаго Положенія 1861 г. о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ великорусскихъ и другихъ губерніяхъ въ лучшихъ и наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ, напримѣръ, въ курской губерніи, или нѣкоторыхъ уѣздахъ тульской и рязанской губерній при душевомъ оброкѣ въ 9 руб. (и при надѣлѣ лишь въ $2^3/_4$ десятины на душу) на десятину удобной земли падаетъ только 3 руб. 27 коп. оброка; затѣмъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга, при душевомъ оброкѣ въ 12 руб. десятина оплачивается не дороже 3 руб. 70 коп., а въ сосѣдней съ Лифляндіей псковской губерніи подесятинный оброкъ колеблется между 1 руб. 33 коп. и 1 руб. 80 коп.

Независимо отъ того, при сопоставленіи вышеизложенныхъ данныхъ о величинѣ арендной платы за десятину земли съ цѣнами, по которымъ производится продажа крестьянскихъ земель, оказывалось, что средняя покупная цѣна въ лифляндской губерніи представляла собою средній оброкъ, капитализированный изъ 4,5%, между тѣмъ какъ въ остальной Россіи, на основаніи 66-ой ст. Положенія о выкупѣ 19 февраля 1861 г. выкупъ опредѣлялся капитализаціею изъ 6%, т.-е., говоря иначе, за каждый рубль аренды лифляндскій крестьянинъ при покупкѣ земли платитъ $22^2/_3$ руб., между тѣмъ какъ крестьяне другихъ губерній — лишь 16 руб. $66^2/_3$ коп. Высокая арендная и покупная цѣна на земли лишаетъ весьма многихъ крестьянъ-арендаторовъ возможности аккуратно выплачивать помѣщику оброки, заключать новые контракты въ случаѣ увеличенія размѣра аренды и пріобрѣтать земельные участки въ собственность. Вслѣдствіе того въ Лифляндіи весьма нерѣдки случаи какъ добровольнаго оставленія крестьянами своихъ усадебъ, такъ и принудительнаго выселенія ихъ изъ нихъ по судебнымъ приговорамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ выселеніе крестьянина обыкновенно производитъ полное потрясеніе его хозяйственнаго благосостоянія и весьма часто превращаетъ его изъ самостоятельнаго хозяина въ зависимаго батрака и бобыля. Удаленный изъ усадьбы хозяинъ не находитъ иногда не только новаго участка, аренда котораго ему была бы по силамъ, но и простого помѣщенія для своей семьи и имущества [1].

[1]) При производствѣ ревизіи обнаружено было нѣсколько случаевъ, когда населенные хозяева вынуждены были даже въ осенніе мѣсяцы жить подъ открытымъ небомъ, подвергая опасности здоровье и жизнь своихъ семей и неминуемой порчѣ—свое имущество.

Общее число выдвореній арендаторовъ въ теченіе 1880, 1881 и 1882 гг., по свѣдѣніямъ лифляндской ландратской коллегіи, простиралось до 710, изъ числа которыхъ по требованію помѣщиковъ произведено было 515 выселеній, а по требованію крестьянъ-собственниковъ—195. До истеченія сроковъ контрактовъ выдворены были помѣщиками 280 хозяевъ, а по истеченіи такихъ сроковъ вслѣдствіе повышенія арендной платы, продажи усадебъ другимъ лицамъ и по инымъ причинамъ—235 хозяевъ.

Главнѣйшіе недостатки системы обложенія помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель коренились, во-первыхъ, въ существовавшемъ дѣленіи лифляндскихъ земель на неподатныя или привилегированныя и податныя или черныя, и во-вторыхъ, въ оцѣнкѣ земель на талеры и гаки. Первое обусловливаетъ собою неправильность самыхъ основаній обложенія земель, а второе — неправильность способа раскладки всякаго рода сборовъ, съ тѣхъ или другихъ земель слѣдующихъ. Хотя съ 1880 г., т.-е. со времени привлеченія лифляндской губерніи къ участію въ платежѣ государственнаго поземельнаго налога, принципъ раздѣленія земель на два названные разряда отчасти и нарушенъ, такъ какъ означеннымъ налогомъ обложены и неподатныя земли, но по отношенію къ земскимъ или общественнымъ повинностямъ указанный принципъ сохранялъ свое значеніе и во время ревизіи.

Всѣ лежавшія на земельной собственности въ лифляндской губерніи повинности, соотвѣтственно назначенію ихъ, а равно и предметамъ обложенія, ревизія раздѣлила на три слѣдующія категоріи:

1) Государственный поземельный налогъ, взимаемый на общемъ основаніи со всѣхъ удобныхъ земель, независимо отъ того, будутъ ли онѣ податныя или неподатныя.

2) Такъ называемыя дворянскія скидки, которыя взимаются исключительно съ неподатной мызной земли и, слѣдовательно, уплачиваются крупными землевладѣльцами,—

и 3) Общественныя или земскія повинности, которыми облагались исключительно податныя земли и которыя почти всецѣло уплачивались крестьянами.

Для уясненія вопроса, насколько неравномѣрно распредѣлялась тяжесть всѣхъ означенныхъ сборовъ между крестьянами и дворянствомъ лифляндской губерніи, достаточно остановиться на разсмотрѣніи государственнаго поземельнаго налога.

Государственный поземельный налогъ взимался въ лифляндской губерніи со всѣхъ удобныхъ земель, какъ крестьянскихъ, такъ и помѣщичьихъ, а основаніемъ для раскладки его служитъ

оцѣнка какъ податныхъ, такъ и неподатныхъ земель на талеры; такъ что общая сумма причитающагося на лифляндскую губернію государственнаго поземельнаго налога распредѣлялась между крестьянами и помѣщиками соотвѣтственно количеству талеровъ земли, во владѣніи тѣхъ и другихъ находящейся, съ отнесеніемъ при этомъ незначительной части этого налога на лѣса, которые, по существующимъ правиламъ, оцѣнкѣ на талеры не подлежатъ и облагаются сообразно количеству десятинъ. Въ виду неопредѣленной величины лифляндскаго талера, который можетъ простираться отъ $^2/_3$ дес. до $7^1/_2$ дес. и цѣнность котораго колеблется между 66 и 491 р., принятый въ лифляндской губерніи способъ раскладки государственнаго поземельнаго налога не могъ быть признанъ уравнительнымъ даже и по отношенію къ землѣ одной и той же категоріи; но неуравнительность эта дѣлается еще болѣе значительною, если имѣть въ виду распредѣленіе налога между мызными и крестьянскими землями, ибо при одинаковомъ обложеніи талеръ земли мызной представляется обыкновенно болѣе цѣннымъ и болѣе доходнымъ, чѣмъ талеръ земли крестьянской.

Неравномѣрность и неравноцѣнность мызныхъ и крестьянскихъ талеровъ между собою проистекаетъ, — независимо отъ злоупотребленій, допускаемыхъ помѣщиками и землемѣрами при таксаціи земель, — главнымъ образомъ, отъ того, что при кадастрѣ или оцѣнкѣ мызныхъ угодій, произведенной въ 1873—1875 гг., приняты были въ разсчетъ, согласно постановленію лифляндскаго ландтага, лишь такъ называемыя культурныя, или, вѣрнѣе, культивированныя земли, т.-е пашня, покосы и обработанная часть бушланда; вся же остальная и при томъ гораздо бо́льшая часть бушланда въ оцѣнку не вошла и показывалась тогда или въ разрядѣ лѣсовъ, вслѣдствіе чего облагалась лишь незначительнымъ сборомъ, или же въ разрядѣ земель неудобныхъ и, слѣдовательно, не подлежала никакому обложенію. Между тѣмъ въ составъ крестьянскихъ земель, оцѣненныхъ на талеры, входилъ весь, какъ обработанный, такъ и необработанный бушландъ, который въ качествѣ доходной земли былъ оцѣненъ гораздо выше, чѣмъ лѣса, и общая площадь котораго превосходила пространство пахотныхъ крестьянскихъ земель. При этихъ условіяхъ оказывалось, что крестьяне за извѣстное количество десятинъ бушланда, годнаго иногда лишь для пастьбы скота, платили государственнаго податного налога въ 5—6 разъ болѣе, чѣмъ помѣщики за такое же количество весьма цѣннаго и доходнаго лѣса.

Существовавшій тогда способъ отбыванія общественныхъ по-

винностей въ лифляндской губерніи являлся однимъ изъ наиболѣе характерныхъ остатковъ того общественнаго и земскаго строя, который имѣлъ мѣсто въ самомъ началѣ XIX-го столѣтія и совершенно не соотвѣтствовалъ позднѣйшимъ поземельнымъ отношеніямъ крестьянъ къ помѣщикамъ, а равно и отношеніямъ того и другого сословія къ земскимъ нуждамъ мѣстности. Особенность его заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что громадная часть земли, именуемой неподатною, была совершенно свободна отъ обложенія земскими сборами, и, во-вторыхъ, въ томъ, что, соразмѣрно количеству талеровъ земли податной, земскія повинности взыскивались въ весьма неравномъ размѣрѣ, какъ съ крестьянъ, такъ и съ помѣщиковъ, и притомъ независимо отъ того, находится ли податная земля имѣнія въ арендномъ пользованіи членовъ крестьянскихъ обществъ, или же она перешла въ ихъ собственность.

Денежныя земскія повинности по закону подлежали взиманію лишь съ собственниковъ податной земли, т.-е. или съ помѣщиковъ, или съ крестьянъ, купившихъ земельные участки. Крестьяне же арендаторы этихъ земель не могли быть облагаемы денежными сборами (ст. 134 Полож. 1860 г.), но на дѣлѣ этотъ законъ обходился тѣмъ, что арендаторы податныхъ земель, въ силу контрактовъ, заключенныхъ съ помѣщиками, принимали на себя обязанность отбывать всѣ повинности, слѣдовательно въ томъ числѣ и денежныя земскія, что, впрочемъ, иначе и быть не могло, такъ какъ всѣ условія аренды опредѣлялись помѣщиками. Такимъ образомъ, денежные земскіе сборы фактически лежали всецѣло на крестьянахъ, а съ переходомъ въ собственность ихъ остальной части податныхъ земель дворянство перестало быть даже и фиктивнымъ плательщикомъ означенныхъ повинностей. Между тѣмъ денежные земскіе сборы достигали весьма значительной цифры—по росписи на 1883 годъ, 127.000 р.—и, будучи обязательными, расходовались на общія нужды губерніи.

Всѣ натуральныя земскія повинности распредѣлялись между помѣщиками и крестьянами соразмѣрно количеству талеровъ податной земли каждаго имѣнія, вообще такимъ образомъ, что помѣщики отпускали необходимый для удовлетворенія той или другой общественной потребности матеріалъ, а крестьяне подвозили его къ мѣсту назначенія и выставляли требуемое количество работниковъ. Что касается содержанія духовенства и служителей лютеранской церкви, а также и содержанія почтовой станціи, то какъ помѣщики, такъ и крестьяне отпускали необходимое для того количество зерна и другихъ продуктовъ.

Общій размѣръ этихъ повинностей (за исключеніемъ дорожной), по переложеніи стоимости ихъ для крестьянъ натурою (поставками и работою) на деньги, составлялъ, по полученнымъ для 300 волостей свѣдѣніямъ, ежегодно до 160.000 руб., а слѣдовательно для всей губерніи, приблизительно, 400.000 руб.

По отношенію же дорожной повинности, заключающейся въ поправкѣ дорогъ, расчисткѣ ихъ отъ снѣга и въ устройствѣ и исправленіи различныхъ дорожныхъ сооруженій, каковы мосты, гати, переправы и проч., нужно сказать, что она представлялась особенно обременительною для крестьянъ, тѣмъ болѣе, что распредѣленіе ея между помѣщиками и крестьянами оказывалось крайне неравномѣрнымъ, такъ какъ первые отпускали лишь матеріалъ для поправки дорогъ, какъ, напримѣръ, камень, песокъ, бревна, гвозди и проч., а послѣдніе подвозили этотъ матеріалъ и выставляли необходимое количество работниковъ.

Сводя къ одной общей суммѣ доставленныя представителями 300 лифляндскихъ волостей данныя о размѣрѣ всѣхъ платимыхъ крестьянами-хозяевами поземельныхъ повинностей и раздѣляя эту общую сумму на наличное число усадебъ, въ тѣхъ же волостяхъ находящихся, оказывалось, что на каждую крестьянскую усадьбу причиталось однихъ поземельныхъ налоговъ около пятидесяти рублей въ годъ. Имѣя затѣмъ въ виду, что средній размѣръ крестьянскаго участка составлялъ по оцѣнкѣ доходности его около 20 талеровъ, а по пространству около 50 десятинъ, считая въ томъ числѣ и неудобную землю, получался выводъ, что на каждый талеръ крестьянской земли, среднимъ числомъ, упадало ежегодно поземельныхъ налоговъ до $2^1/_2$ руб., а со включеніемъ денежныхъ земскихъ повинностей до 2 руб. 68 коп. на каждую десятину земли, на кругъ болѣе 1 руб., а на десятину удобной земли не менѣе $1^1/_2$ руб. При соразмѣрномъ съ этимъ обложеніи неподатной мызной земли, дворянству пришлось бы уплачивать за одну культурную часть ея, оцѣниваемую въ 312 тыс. талеровъ, болѣе 800 тыс. руб., помимо платежей, которыми могли бы быть обложены лѣса, позже свободные отъ обложенія, и часть бушланда неправильно исключенная изъ оцѣнки на талеры при кадастрѣ мызныхъ земель въ семидесятыхъ годахъ.

V.

Сопоставляя главнѣйшія данныя объ обложеніи крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель въ лифляндской губерніи съ соотвѣтствую-

щими имъ данными для другихъ мѣстностей Россіи, нельзя было не замѣтить между ними слѣдующаго весьма невыгоднаго для крестьянскаго землевладѣнія въ названной губерніи различія:

1) Во всѣхъ другихъ россійскихъ губерніяхъ раскладка и взиманіе земскихъ повинностей производились исключительно всесословными земскими установленіями или распорядительными комитетами, причемъ большинство членовъ послѣднихъ составляли представители правительственной власти, не заинтересованные лично ни въ установленіи размѣра обложенія, ни въ опредѣленіи способа распредѣленія и взиманія этихъ повинностей; въ лифляндской же губерніи раскладка взиманія расходуемыхъ земскихъ сборовъ была предоставлена исключительно дворянскому сословію и производилась по нормамъ, имъ же установленнымъ.

2) Въ другихъ россійскихъ губерніяхъ обложенію земскими сборами подлежали всѣ удобныя земли, не исключая казенныхъ и удѣльныхъ, и при томъ безъ всякаго раздѣленія ихъ на податныя и неподатныя (ст. 11 и 12 Вр. Прав. для зем. учр. и Прил. къ 55 ст. т. IV Св. Зак. Уст. о зем. пов.); въ лифляндской же губерніи не менѣе $1^1/_2$ милліона десятинъ неподатныхъ помѣщичьихъ земель совершенно были изъяты отъ обязательнаго обложенія земскими повинностями, и дворянство уплачивало за нихъ лишь добровольные взносы, бо́льшая часть которыхъ расходовалась на нужды дворянскаго же сословія.

3) Во всѣхъ другихъ россійскихъ губерніяхъ общимъ основаніемъ размѣра обложенія служатъ цѣнность и доходность облагаемыхъ имуществъ, находящихся въ данное время въ собственности того или другого физическаго или юридическаго лица (ст. 9 Вр. Пр. для зем. учр. по дѣл. о зем. пов.); въ лифляндской же губерніи владѣльцы дворянскихъ вотчинъ отбывали натуральныя общественныя повинности (почтовый фуражъ, сборъ на содержаніе лютеранскаго духовенства, отпускъ лѣса, песку и камня) и уплачивали часть денежныхъ расходовъ (наемъ мастеровъ при общественныхъ постройкахъ, покупка желѣза, стекла и проч.) соразмѣрно количеству талеровъ податной земли, бо́льшая часть которой уже не находилась въ ихъ собственности по причинѣ продажи ея крестьянамъ и другимъ членамъ волостныхъ обществъ.

Лифляндское крестьянское и поземельное Уложеніе 1849 г., разрѣшивъ помѣщикамъ при окончательномъ разграниченіи мызныхъ и повинностныхъ земель отдѣлить 36 лофштелей пашни съ соотвѣтствующимъ количествомъ луговъ и выгоновъ отъ каждаго гака крестьянской земли, установило слѣдующія главныя правила и условія этого отдѣленія:

Во-первыхъ, повинностными землями признаны были всѣ оцѣненныя на талеры и гаки угодья, которыя, по регулированіи ихъ валкской межевой коммиссіей, предоставлены были въ началѣ столѣтія въ пользованіе крестьянъ (ст. 7 Улож. 1849 г.).

Во-вторыхъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ, послѣ произведеннаго валкскою межевою ревизіонною коммиссіею регулированія, крестьянскія дачи были уже обращены въ мызныя, — присоединенныя ранѣе 1849 г. пространства должны были быть приняты въ разсчетъ при прирѣзкѣ помѣщикамъ 36 лофштелей съ гака, т.-е., иначе говоря, подлежали вычету изъ общаго количества присоединяемыхъ земель (§ 9).

Въ-третьихъ, присоединяемая къ мызамъ доля повинностной или крестьянской земли, получившая названіе „квоты“ (quote — доля), сохраняла бы свое прежнее податное свойство, вслѣдствіе чего помѣщикъ, отбирая часть крестьянской земли, принималъ на себя и причитающуюся на эту землю часть общественныхъ повинностей соразмѣрно количеству талеровъ ея.

И, наконецъ, въ-четвертыхъ, отдѣленіе части крестьянской земли могло быть произведено не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго приходскаго суда, которому мыза въ теченіе года со дня изданія Крестьянскаго Уложенія обязана была указать, гдѣ и въ какой межѣ предполагалось отобрать присоединяемое къ мызнымъ дачамъ пространство. Независимо отъ того, въ теченіе того же годового срока должно было обозначить присоединенныя крестьянскія земли на планѣ имѣнія, а въ теченіе слѣдующихъ 5 лѣтъ провести границы между мызною и повинностною или крестьянскою землею въ натурѣ.

Присоединенная на этихъ основаніяхъ часть крестьянской земли поступала въ безусловное распоряженіе помѣщика. Что же касается остальной ея части, которая получила названіе повинностной, то ему же предоставлялось пользоваться ею не иначе, какъ путемъ отдачи ея въ аренду или продажи членамъ волостныхъ обществъ, но при этомъ за помѣщикомъ сохранялось право установлять по своему усмотрѣнію новое раздѣленіе повинностной земли и ея участковъ, измѣнять ихъ хозяйственное устройство и производить обмѣнъ угодій, къ тому или другому участку принадлежащихъ, лишь бы этимъ не нарушались контрактныя права отдѣльныхъ лицъ и крестьянское общество не устранялось отъ пользованія какою-нибудь долей повинностной земли (§ 127). Равнымъ образомъ помѣщику разрѣшалось производить и обмѣнъ участковъ повинностной земли на равноцѣнные участки мызной, однако не иначе, какъ съ добровольнаго, выраженнаго въ при

ходскомъ судѣ и записаннаго въ протоколъ, согласія мѣстнаго крестьянскаго общества; при чемъ соразмѣрное достоинство участка, передаваемаго волости при обмѣнѣ, — въ видѣ равноцѣннаго вознагражденія,—должно было быть предварительно доказано суду межеваніемъ и оцѣнкою его доходности черезъ землемѣра. Предположенный обмѣнъ въ силу этого могъ быть совершенъ лишь съ разрѣшенія приходскаго суда, который составлялъ о томъ особый актъ или такъ называемый обмѣнный листъ (Austauschlist) (§§ 128 и 129).

Вопросъ о томъ, насколько правильно и согласно съ изложенными выше требованіями закона произведено было въ лифляндской губерніи дозволенное Уложеніемъ 1849 г. присоединеніе сказанной доли крестьянской земли,—остановилъ на себѣ особое вниманіе ревизіи, вслѣдствіе чего и въ виду многочисленныхъ жалобъ, поданныхъ какъ отдѣльными крестьянами, такъ и цѣлыми обществами, на неправильные захваты крестьянскихъ земель помѣщиками и уклоненія послѣднихъ отъ платежа повинностей, упадающихъ на податную мызную землю (квоту), предпринятъ былъ рядъ изслѣдованій по этому предмету въ трехъ уѣздахъ лифляндской губерніи. Изслѣдованія эти производились на мѣстахъ, сопровождаясь сличеніемъ древнихъ и новыхъ плановъ нѣсколькихъ частныхъ помѣщичьихъ и пасторатскихъ имѣній, разсмотрѣніемъ древнихъ и новыхъ вакенбуховъ, ревизорскихъ и землемѣрныхъ описаній земель, актовъ приходскихъ судовъ объ отдѣленіи квоты и объ обмѣнѣ участковъ мызной земли на повинностную и, наконецъ, разспросомъ крестьянъ,—и все это дало ревизіи достаточно основанія для заключенія о томъ, что при отдѣленіи указанной закономъ 1849 г. доли крестьянской земли (квоты) и при разграниченіи мызныхъ и повинностныхъ земель мѣстные помѣщики дозволяли себѣ различныя злоупотребленія, состоявшія какъ въ прирѣзкѣ въ свою пользу крестьянскихъ земель свыше мѣры, закономъ указанной, такъ и въ уклоненіи отъ платежа упадающихъ на присоединенную ими землю земскихъ и общественныхъ повинностей. Заключенія ревизіи основывались на томъ, что во всѣхъ десяти изслѣдованныхъ имѣніяхъ, взятыхъ на выдержку въ различныхъ частяхъ лифляндской губерніи, изложенныя выше требованія закона 1849 г. или вовсе не были исполнены, или же исполнялись далеко не во всей ихъ точности. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ разрѣшеніе приходскаго суда на отдѣленіе квоты получено не въ теченіе перваго года со дня изданія Уложенія, какъ того требовалъ законъ, а пять, шесть лѣтъ спустя; въ другихъ—квота отдѣлена безъ вся-

каго разрѣшенія приходскаго суда; въ нѣсколькихъ имѣніяхъ обмѣнъ участковъ мызной земли на повинностную произведенъ безъ согласія крестьянскаго общества, безъ предварительнаго обмежеванія и оцѣнки этихъ участковъ чрезъ землемѣра и безъ составленія надлежащаго судебнаго акта; въ иныхъ—при отдѣленіи квоты не приняты въ разсчетъ отрѣзки земли, имѣвшія мѣсто до 1849 г., и квота присоединена къ мызнымъ землямъ во всемъ ея объемѣ; въ нѣкоторыхъ — сверхъ квоты незаконно присоединена значительная часть крестьянской земли, въ особенности лучшіе покосы, ближайшія къ мызнымъ крестьянскія пашни и нѣкогда находившіяся въ пользованіи крестьянъ обработанныя „кустовыя“ земли среди лѣсовъ. Наконецъ, въ большей части изслѣдованныхъ имѣній, за присоединенныя въ качествѣ квоты и въ особенности до 1849 г. земли, мызы не уплачивали всѣхъ причитающихся на нихъ общественныхъ повинностей, а земли, присоединенныя сверхъ квоты и безъ всякихъ законныхъ основаній, обыкновенно обращались помѣщиками въ неподатныя.

VI.

Всѣ эти указанныя ревизіею злоупотребленія, встрѣчаясь, съ одной стороны, какъ въ крупныхъ, такъ и въ менѣе обширныхъ имѣніяхъ, а съ другой—какъ въ частныхъ дворянскихъ, такъ и въ пасторатскихъ, вызывали заслуживающія вниманія жалобы на нихъ со стороны крестьянскихъ обществъ, которыя, однако, лишь въ немногихъ случаяхъ достигали законнаго удовлетворенія со стороны небезпристрастныхъ сословныхъ судебныхъ мѣстъ, склонныхъ потворствовать интересамъ помѣщиковъ (своихъ избирателей) и подчиняться ихъ вліянію. Между тѣмъ, произвольное отобраніе крестьянскихъ земель и обращеніе ихъ въ неподатныя, сокращая площадь крестьянскаго землевладѣнія и уменьшая платежные источники поселянъ, тѣмъ самымъ усиливали экономическія затрудненія народа и глубоко оскорбляли его нравственное чувство. Незаконныя урѣзки крестьянскихъ земель, подобно тому, какъ это было и въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, являются одною изъ главныхъ причинъ недовольства и глухого раздраженія крестьянъ противъ помѣщиковъ и въ связи со многими другими неблагопріятными для крестьянъ условіями землевладѣнія,—по мнѣнію ревизіи,—„*могутъ сопровождаться въ будущемъ весьма нежелательными и трудно поправимыми послѣдствіями*“.

Крупный недостатокъ закона 1849 состоялъ не только въ томъ, что дворянству разрѣшалось отдѣленіе такой значительной части крестьянской земли, относительно размѣровъ которой правительство, повидимому, не располагало въ то время надлежащими, хотя бы приблизительными свѣдѣніями, но еще и въ томъ, что самое отдѣленіе ея и вообще разграниченіе мызной земли отъ крестьянъ предоставлено было исключительному вѣдѣнію и наблюденію мѣстныхъ дворянскихъ властей, помимо всякаго участія въ томъ органовъ правительственной власти. Дѣло было далеко не легкое, требовавшее большой осмотрительности; оно близко затрогивало взаимно противоположные интересы крестьянъ и помѣщиковъ, а между тѣмъ, устроить это дѣло призвано было одно—господствующее въ краѣ, различное отъ крестьянъ по національности и издавна презрительно къ нимъ относившееся — сословіе, болѣе склонное, притомъ, къ преслѣдованію своихъ особыхъ цѣлей и выгодъ и къ поддержанію всецѣло своего привилегированнаго положенія, болѣе, чѣмъ къ дѣйствіямъ, соотвѣтствующимъ видамъ и цѣлямъ высшаго правительства, сообразно съ пользами общегосударственными и съ справедливымъ удовлетвореніемъ законныхъ правъ и потребностей большинства населенія. Не удивительно поэтому, что въ данномъ случаѣ многіе изъ членовъ дворянскаго сословія и избираемые дворянствомъ органы власти не оказались на высотѣ предстоявшей имъ задачи и пренебрегли урокомъ исторіи, выразившимся въ прискорбныхъ событіяхъ сороковыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Вообще, не путемъ справедливости и удовлетворенія законныхъ жалобъ крестьянъ старались и продолжали стараться они устранить ропотъ и недовольство сельскаго населенія и всякіе къ тому поводы, но путемъ угнетенія и суровыхъ мѣръ, искусно и успѣшно прикрывая, притомъ, существующія мѣстныя аграрныя нестроенія и злоупотребленія при посредствѣ неправды и особыхъ,—можно сказать, традиціонныхъ,—въ теченіе долгаго ряда лѣтъ выработанныхъ пріемовъ.

При производствѣ ревизіи неоднократно обнаруживались случаи, въ коихъ попытки крестьянъ путемъ законныхъ свидѣтельствъ возстановить правильныя границы крестьянской земли или нарушенное помѣщиками податное свойство присоединенной земли — вызывали удаленіе, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, изъ усадебъ наиболѣе энергичныхъ и стоящихъ въ хозяйствахъ за общіе интересы арендаторовъ и значительное возвышеніе арендной платы для остальныхъ членовъ общества.

Въ виду всего вышеизложеннаго, ревизія сочла долгомъ, въ заключеніе, снова представить со стороны крестьянскихъ обществъ

просьбы о томъ, чтобы вопросы объ отдѣленіи „квоты", разграниченіи мызныхъ и повинностныхъ земель и о правильномъ и уравнительномъ распредѣленіи общественныхъ повинностей, причитающихся съ крестьянскихъ и съ присоединенныхъ къ мызамъ податныхъ земель, подвергнуты были спеціальному изслѣдованію правительственной, составленной изъ русскихъ должностныхъ лицъ, ревизіонной коммиссіи, которая по примѣру прежде дѣйствовавшихъ правительственныхъ коммиссій могла бы оградить въ означенномъ отношеніи законныя права и справедливыя домогательства сельскаго населенія.

Независимо отъ вышеизложеннаго, ревизія признавала необходимымъ доложить и о томъ, что незаконные захваты крестьянскихъ угодій весьма удобно прикрывались при помощи принятаго въ лифляндской губерніи счета земель на талеры. Такъ какъ помѣщику не возбранялось закономъ производить во всякое время переоцѣнку крестьянскихъ участковъ, то, присоединивъ часть ихъ къ мызнымъ угодьямъ, онъ возвышалъ число талеровъ остальной крестьянской земли и тѣмъ самымъ прикрывалъ дѣйствительную убыль ея. Таксація или оцѣнка крестьянскихъ земель въ лифляндской губерніи со времени закрытія валкской межевой коммиссіи производилась исключительно частными землемѣрами, считавшимися на службѣ у дворянства, безъ всякаго правительственнаго контроля. Поэтому, и при отсутствіи твердыхъ и точныхъ правилъ означенной оцѣнки, достаточно было признать тотъ или другой участокъ пашни или покосовъ лучшимъ, чѣмъ онъ былъ прежде, по его качествамъ, или, иначе говоря, возвести его въ высшіе градусы,—и число талеровъ увеличивалось на столько, на сколько это было желательно землемѣру или помѣщику. То же самое достигалось и произвольнымъ включеніемъ въ талерную оцѣнку неудобныхъ крестьянскихъ земель, которыя не даютъ никакого дохода и которыя поэтому такой оцѣнкѣ подлежать не должны.

Устранить такія злоупотребленія было бы возможно, по мнѣнію ревизіи, установленіемъ правила, чтобы въ лифляндской губерніи (подобно другимъ губерніямъ, въ томъ числѣ и курляндской) при совершеніи всѣхъ вообще касающихся земли актовъ или сдѣлокъ и при раскладкѣ падающихъ на нее сборовъ, количество составляющей предметъ акта или подлежащей обложенію земли было обозначаемо въ десятичной мѣрѣ (2400 кв. саж.).

Параллельно съ урѣзкою крестьянскихъ земель въ лифляндской губерніи производилось и во время ревизіи сокращеніе самостоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ. Размѣръ этого сокращенія, за отсутствіемъ необходимыхъ данныхъ, съ точностью опре-

дѣлить было тогда невозможно, но изъ разсмотрѣнія древнихъ и новыхъ вакенбуховъ, относившихся къ изслѣдованнымъ имѣніямъ, оказывалось, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ число самостоятельныхъ хозяевъ уменьшилось на цѣлые десятки.

Такой способъ обезземеленія части сельскаго населенія лифляндской губерніи, не вызываемый никакими хозяйственными потребностями помѣщиковъ, — которые располагали болѣе чѣмъ двумя милліонами мызной земли, — также возбуждалъ справедливое неудовольствіе крестьянъ, такъ какъ на все количество ихъ приходилось въ частныхъ имѣніяхъ лишь 25.000 самостоятельныхъ хозяевъ.

Обезземеленные крестьяне-хозяева, быть можетъ, скорѣе безропотно примирились бы съ отнятіемъ ихъ усадебъ, еслибы послѣднія отходили отъ нихъ для обезпеченія участи батраковъ, — какъ это постановлено было правительствомъ въ 1846 и 1860-хъ годахъ, — но отобранныя земли и усадьбы находились въ безусловномъ распоряженіи помѣщиковъ, причемъ значительная часть этихъ земель была непосредственно слита съ мызными угодьями, а часть крестьянскихъ усадебъ обращена въ мызныя служебныя постройки.

Изъ историческаго обзора судебъ крестьянства, какъ вообще въ Остзейскомъ краѣ, такъ и въ частности — въ лифляндской губерніи, видно, такимъ образомъ, что ревизія 1882 года имѣла цѣлью не только изслѣдовать отступленіе отъ дѣйствовавшаго въ то время закона 1860 года, но также и сравненіе положенія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, какъ оно сложилось на основаніи упомянутаго мѣстнаго закона 1860 года, — съ положеніемъ крестьянъ въ остальной имперіи, освобожденныхъ актомъ 19 февраля 1861 года. Различіе такого положенія выступало съ очевидностью, и, конечно, далеко не въ пользу остзейскаго крестьянства. Отчетъ сенаторской ревизіи послужилъ впослѣдствіи поводомъ къ нѣкоторому улучшенію быта остзейскихъ крестьянъ, но его указанія, какъ мы уже замѣтили выше, были далеко не всѣ использованы, и потому неудивительно, если въ наше время сбылись вышеприведенныя слова ревизіи о томъ, что неблагопріятныя для лифляндскихъ крестьянъ условія землевладѣнія „могутъ сопровождаться въ будущемъ весьма нежелательными и трудно поправимыми послѣдствіями“.

Н. М.

КЛАРИССА МИРАБЕЛЬ

РАЗСКАЗЪ.

— Jakob Wassermann, Clarissa Mirabel (Die Schwestern). Berl. 1906.

I.

Въ маленькомъ городѣ Родесѣ, въ западной части Севенъ, проживалъ нѣкій адвокатъ Фуальдесъ, человѣкъ самъ по себѣ незначительный. Это былъ уже старикъ, но онъ только недавно пересталъ брать дѣла, и обстоятельства его были настолько плохи, что въ началѣ 1817 года ему пришлось продать свое помѣстье Ла-Морнъ. На вырученныя деньги онъ хотѣлъ поселиться гдѣнибудь въ тихомъ мѣстѣ и жить своею рентой. Однажды вечеромъ, девятнадцатаго марта, онъ получилъ отъ покупателя помѣстья, предсѣдателя суда Сегюрэ, остатокъ слѣдовавшей ему суммы бумагами и векселями. Онъ заперъ бумаги въ письменный столъ, затѣмъ ушелъ изъ дому и сказалъ экономкѣ, что долженъ еще разъ отправиться въ Ла-Морнъ, для необходимыхъ переговоровъ съ арендаторомъ.

Но онъ не попалъ въ Ла-Морнъ и не вернулся къ себѣ въ домъ. На слѣдующее утро, жена одного портного изъ деревни Авейронъ увидала его трупъ, лежавшій на отмели рѣки, побѣжала въ Родесъ и стала звать людей.

Скалистый берегъ былъ въ томъ мѣстѣ очень крутъ и вышиной болѣе чѣмъ въ двѣнадцать метровъ. На узкой тропинкѣ, которая вела изъ Родеса въ виноградники, оторвался большой кусокъ земли; очевидно, это и было причиной паденія въ рѣку несчастнаго Фуальдеса. Наканунѣ шелъ сильный дождь, и, по

свидѣтельству нѣсколькихъ винодѣловъ, земля сверху уже давно разрыхлѣла. Но страннымъ образомъ на шеѣ мертвеца оказалась глубокая рана; впрочемъ и это объяснялось тѣмъ, что среди камней обрыва торчали всюду острыя грифельныя плиты. При освидѣтельствованіи стѣны, не было найдено слѣдовъ крови на камняхъ и землѣ; дождь все смылъ.

Вѣсть о случившемся быстро разнеслась по городу, и въ теченіе цѣлаго дня двѣсти или триста жителей Родеса, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, стояли, какъ прикованные, по обоимъ берегамъ рѣки и заглядывали съ жаднымъ любопытствомъ и пріятной дрожью ужаса въ глубину пропасти. Разсуждали о томъ, не свелъ ли старика съ пути блуждающій огонекъ. Одна женщина сказала, что знакомый ей пастухъ слышалъ крики о помощи,—но это было уже около полуночи, а Фуальдесъ вышелъ изъ дому въ восемь часовъ. Толстый гончаръ доказывалъ, что ночь была вовсе не такая темная, какъ думаютъ: онъ самъ шелъ черезъ поле изъ Ла-Валетта въ девять часовъ, и тогда свѣтилъ мѣсяцъ. На это таможенный смотритель сердито заявилъ, что вчера было какъ разъ новолуніе,—стоило заглянуть въ календарь, чтобъ убѣдиться. Но гончаръ только пожалъ плечами, какъ бы говоря, что въ такія времена нельзя довѣрять даже календарю.

Когда наступили сумерки, всѣ стали расходиться по домамъ, попарно или маленькими группами; одни разговаривали, другіе молчали; иные спорили или таинственно шептались. Подобно тому, какъ собаки, когда что-нибудь возбуждаетъ ихъ подозрѣніе, начинаютъ кружить вокругъ одного и того же мѣста, и жадное любопытство этихъ людей искало все новой пищи. Они зорко вглядывались во все вокругъ и прислушивались съ особымъ вниманіемъ къ каждому произнесенному кѣмъ-нибудь слову. Нѣкоторые стали недовѣрчиво коситься другъ на друга. У кого были деньги въ домѣ, тотъ закрывалъ двери на запоръ и пересчитывалъ свое богатство. По вечерамъ во всѣхъ пивныхъ разсказывали о несмѣтныхъ богатствахъ, скопленныхъ за долгіе годы скупымъ Фуальдесомъ. Говорили, что помѣстье свое Ла-Морнъ онъ только потому продалъ, что не рѣшался взыскивать по суду арендную плату съ сильно задолжавшаго ему арендатора Грамона, который приходился ему племянникомъ.

Каждое произнесенное слово останавливалось выжидательно на губахъ сказавшаго и влекло за собой другое, необдуманное. Уже установлено было, какъ нѣчто несомнѣнное, что Фуальдеса, либерала и протестанта, состоявшаго на государственной службѣ

при имперіи, давно преслѣдовали угрозами противъ жизни. Вступившія на путь подозрѣній мысли усердно продолжали ткать пряжу страха. Тѣ, которые еще вѣрили въ несчастный случай, не высказывали своихъ доводовъ, чтобы не навлечь подозрѣнія на самихъ себя. Уже называли цѣлый рядъ заговорщиковъ, принадлежавшихъ сплошь къ зазнавшейся партіи легитимистовъ. Слѣпая вражда указывала на іезуитовъ, какъ на истинныхъ виновниковъ темнаго дѣянія. Правосудіе всегда медлитъ,—говорили въ городѣ, — когда преступники пользуются покровительствомъ вліятельныхъ людей.

Весеннее солнце слѣдующаго дня освѣтило напряженныя, возбужденныя лица обезпокоенныхъ гражданъ. Тревога постепенно разгоралась. Роялисты начали опасаться за сохранность своего имущества. Отчасти изъ чувства самообороны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подъ гипнозомъ общаго волненія, порожденнаго неизвѣстностью, они тоже соглашались съ предположеніемъ о совершенномъ преступленіи. Но какъ? и гдѣ? и кѣмъ?

Извѣстно, что сапожники отличаются исключительно хорошей памятью и живымъ, пытливымъ умомъ. Сапожникъ Эскарбефъ сталъ собирать вокругъ себя сосѣдей и друзей и велъ съ ними бесѣды. Оказалось, что онъ ясно помнитъ слова доктора при вскрытіи трупа: онъ стоялъ рядомъ съ докторомъ и слышалъ все отъ слова до слова.

— Положительно можно подумать, что его зарѣзали,—вотъ что сказалъ съ удивленіемъ докторъ, разсматривая рану на шеѣ Фуальдеса.

— Зарѣзали? Да что ты говоришь?—воскликнулъ одинъ изъ слушателей.

— Да, зарѣзали! — повторилъ сапожникъ торжествующимъ тономъ.

— Но вѣдь говорятъ, что къ ранѣ прилипъ песокъ,—робко возразилъ кто-то.

— Ну, что тамъ песокъ!—горячился сапожникъ: — что доказываетъ песокъ?

— Песокъ, дѣйствительно, ничего не доказываетъ,—согласились всѣ.

И уже въ полдень, во всѣхъ домахъ по сосѣдству говорили съ полной увѣренностью, что Фуальдеса зарѣзали. Это слово создавало осязательный образъ, и неугомонные языки обрадовались ему.

По таинственному стеченію обстоятельствъ, какъ разъ въ тотъ самый роковой вечеръ, ночной сторожъ нашелъ передъ

домомъ Банкаля, отдѣленнаго отъ дома адвоката Фуальдеса темной маленькой улицей Ламбрагъ, палку съ набалдашникомъ изъ слоновой кости и съ золотымъ ободкомъ. Палку эту онъ снесъ въ полицію. Экономка Фуальдеса, старая, глухая женщина, признала эту палку собственностью своего господина; ея увѣренность оказалась неопровержимой. Впослѣдствіи выяснилось, что палка принадлежала одному проѣзжему купцу, который прокутилъ ночь съ женщинами. Но съ этого момента все вниманіе сосредоточилось сразу на домѣ Банкаля; полуразрушенный, мрачный домъ съ грязными сырыми углами имѣлъ дурную славу. Прежде онъ принадлежалъ рѣзнику, и на дворѣ еще до сихъ поръ держали свиней. Туда приходили для тайныхъ любовныхъ свиданій, и обычными его посѣтителями были солдаты, контрабандисты и подозрительныя женщины. Иногда, впрочемъ, туда торопливо входили дамы подъ густыми вуалями и хорошо одѣтые мужчины. Въ нижнемъ этажѣ жили, кромѣ четы Банкаль, еще отставной солдатъ Коларъ и его возлюбленная, дѣвица легкаго поведенія Бедосъ и горбатый Мисонье. Наверху жилъ старый испанецъ, политическій эмигрантъ Сааведра съ женой.

Днемъ, двадцать-перваго марта, солдатъ Коларъ стоялъ на углу улицы Ламбрагъ и наигрывалъ на флейтѣ однообразную мелодію, которую слышалъ отъ пиренейскихъ пастуховъ. По улицѣ проходилъ въ это время лавочникъ Галтье. Онъ остановился, сдѣлалъ видъ, что слушаетъ, но вскорѣ прервалъ музыканта и строго сказалъ:

— Что это ты, Коларъ, дѣлаешь видъ, точно ничего не знаешь? Развѣ ты не слыхалъ, что Фуальдеса убили именно у васъ въ домѣ?

Коларъ отвелъ рукой щетинистые усы отъ губъ и отвѣтилъ, что онъ и Мисонье были въ тотъ вечеръ въ кабачкѣ у Розы Фераль, рядомъ съ домомъ Банкаля. — Если бы я услышалъ шумъ,—хвастливо сказалъ онъ,—то ужъ навѣрное пришелъ бы спасать. У меня вѣдь есть два ружья.

— А кто же еще былъ у Розы Фераль? — продолжалъ выспрашивать лавочникъ. Коларъ подумалъ и назвалъ Баха и Бускье, двухъ извѣстныхъ контрабандистовъ. — Не сдобровать теперь этимъ бродягамъ,—сказалъ лавочникъ. — А ты, Коларъ, пойдемъ со мной. Сегодня хоронятъ бѣднаго Фуальдеса, и не слѣдъ играть на флейтѣ.

Какъ только они вышли на главную улицу, гдѣ уже собралась многочисленная толпа, къ нимъ присоединился Бускье. Онъ велъ себя очень странно,—то смѣялся, то покачивалъ головой,

то глядѣлъ въ пространство съ идіотскимъ видомъ. Коларъ искоса взглянулъ на него, а лавочникъ, всецѣло поглощенный мыслью объ убійствѣ, сталъ зорко слѣдить за контрабандистомъ; его странное поведеніе казалось ему проявленіемъ нечистой совѣсти. И другіе тоже стали поглядывать на Бускье, и всѣмъ вдругъ стало ясно, что если кто-нибудь можетъ знать о преступленіи, совершенномъ въ домѣ Банкаля, то это именно Бускье. Взволнованный Галтье прямо спросилъ его громкимъ голосомъ, что онъ знаетъ объ убійствѣ. Бускье былъ слегка подъ хмелькомъ; непривычный видъ шумной толпы еще болѣе его возбуждалъ; онъ былъ нѣсколько смущенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почувствовалъ себя вдругъ важной особой. Сначала онъ дѣлалъ видъ, точно ему не хочется сказать то, что онъ знаетъ, но потомъ онъ разсказалъ съ очень торжественной обстоятельностью, что въ ночь, когда совершилось преступленіе, его позвалъ табачный торговецъ, одѣтый въ синій сюртукъ. Три раза посылалъ за нимъ этотъ незнакомецъ, и когда онъ, наконецъ, пришелъ, то ему дали понести тяжелый тюкъ; за это онъ получилъ золотой.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, на лицѣ его усиливалось выраженіе испуга. Онъ сталъ постепенно понимать, что можетъ выйти изъ его болтовни. Слушатели обступили его тѣснымъ кругомъ, и изъ толпы раздался пронзительный голосъ: — Въ тюкѣ-то навѣрное и былъ упрятанъ трупъ.

У Бускье былъ встревоженный видъ. Ему пришлось нѣсколько разъ начинать сначала, и пристальные взоры окружающихъ понуждали его къ изобрѣтенію новыхъ мелкихъ подробностей; такъ, онъ сообщилъ, напримѣръ, что табачный торговецъ вдругъ непонятнымъ образомъ исчезъ, и что у него была на лицѣ черная маска. — „Куда же онъ велѣлъ тебѣ понести трупъ?“ — спросилъ Галтье, стиснувъ зубы. Бускье въ ужасѣ замолчалъ; потомъ, оробѣвъ отъ множества угрожающихъ взглядовъ, тихо сказалъ: — „Къ рѣкѣ“.

Черезъ два часа его арестовали и посадили въ тюрьму. Въ тотъ же вечеръ еще его привели къ слѣдователю, Жозіону. Несчастный увидѣлъ тогда, что дѣло приняло серьезный оборотъ, что его болтовня превратилась въ свидѣтельское показаніе, что каждое его слово записывается, и что ему придется платиться за него свободой, а можетъ быть даже жизнью. Его охватилъ страхъ. Онъ сталъ отрицать исторію съ табачнымъ продавцомъ и тяжелымъ тюкомъ, а когда слѣдователь разсердился, то онъ окончательно замолкъ. Когда его привели обратно въ его камеру, онъ впалъ въ угрюмое молчаніе. — Не скупись на слова, Бускье, —

сказалъ ему сторожъ,—не томи начальство; если заупрямишься, плохія тебѣ придется провести ночи.

Бускье печально покачалъ головой въ отвѣтъ. Сторожъ принесъ толстую книгу. Самъ онъ былъ неграмотенъ, и потому позвалъ другого заключеннаго. Тотъ и прочелъ мѣсто закона, по которому явствовало, что человѣку, ставшему свидѣтелемъ преступленія противъ воли и чистосердечно въ этомъ сознавшемуся, полагается въ наказаніе только одинъ годъ тюрьмы. Сторожъ поднесъ фонарь къ желтому лицу читавшаго и ободрительно кивалъ головой Бускье. Отъ ужаса Бускье сталъ читать „Отче нашъ“. Сильно встревоженный, ища какого-нибудь выхода, онъ сказалъ наконецъ, что все дѣйствительно было такъ, какъ онъ разсказалъ, но что табачный торговецъ далъ ему не золотой, а только нѣсколько серебряныхъ монетъ. Онъ повторилъ это признаніе слѣдователю, котораго, несмотря на поздній часъ, призвали къ нему въ тюрьму.

На слѣдующее утро, весь Родесъ зналъ о признаніи Бускье. Такимъ образомъ, для всѣхъ стало несомнѣннымъ, что Фуальдеса дѣйствительно зарѣзали въ домѣ Банкаля, а трупъ его ночью снесли къ рѣкѣ. Тогда вдругъ раскрылись уста, которыя до того замыкалъ страхъ. Кто-то—кто именно, нельзя было дознаться,—сказалъ, что видѣлъ мелькающія тѣни людей передъ домомъ купца Констанса. Видѣлъ онъ также, какъ эти люди, пройдя нѣсколько шаговъ, остановились и стали шептаться; тогда, чувствуя, что готовится нѣчто ужасное, онъ поспѣшилъ убѣжать. Тщетно пытались разыскать этого свидѣтеля; его голосъ быстро затерялся среди другихъ голосовъ; но все же онъ сдѣлалъ свое—начертилъ невидимой рукой первый набросокъ картины ночного шествія. Фантазія каждаго въ отдѣльности разрисовывала себѣ эту сцену. Всѣмъ ясно представлялся самый трупъ на носилкахъ. Носилки описывались съ точностью, точно онѣ составляли особенность таинственнаго убійства. Одинъ столяръ нарисовалъ ихъ даже мѣломъ на стѣнѣ ратуши. Одна дама, страдавшая безсонницей, заявила, что сидѣла всю ночь у окна, и что, несмотря на темноту, узнала Банкаля и солдата Колара, которые несли носилки за переднія перекладины. Затѣмъ она слышала, какъ ругался рабочій Мисонье, замыкавшій шествіе. Когда ее сталъ допрашивать слѣдователь, показанія ея сдѣлались сбивчивыми, что, конечно, объяснялось ея понятнымъ волненіемъ. Однажды произнесенныя слова оставались; ихъ дѣйствіе зависѣло уже потомъ отъ особенности обстоятельствъ. То, что съ легкостью говорилось случайному слушателю, ложилось на его сознаніе

тяжестью его собственной вины, и онъ быстро старался свалить съ себя эту тяжесть и скорѣе передать ее дальше; казалось, что слова обожгутъ ему языкъ, если онъ замедлитъ передать ихъ дальше. Можетъ быть, именно эта дама, страдавшая безсонницей, а можетъ быть многоустная молва включила въ картину ночного шествія убійцъ новое лицо—высокаго, широкоплечаго человѣка, съ двустволкой въ рукахъ; онъ будто бы шелъ во главѣ шествія. Такимъ образомъ, въ сѣрой тусклой пряжѣ сталъ обозначаться центральный пунктъ; все освѣтилось и оживилось возможной и вполнѣ постижимой преступностью одного человѣка. Прошло еще двѣнадцать часовъ, и уже каждый ребенокъ въ городѣ зналъ въ точности составъ ночного шествія: впереди шелъ высокій, сильный человѣкъ съ двустволкой; затѣмъ Банкаль и Коларъ, Бахъ и Бускье несли носилки, а горбатый Мисонье шелъ позади въ качествѣ караульщика. У послѣднихъ домовъ въ городѣ, дорога къ рѣкѣ становилась узкой и крутой; нельзя было идти по-двое въ рядъ. Бускье и Коларъ понесли трупъ одни, и тогда-то Бускье—именно Бускье, а не Мисонье—сталъ громко ругаться и разбудилъ своимъ крикомъ лиценціата Кулона, который проснулся и позвалъ лакея. У крутого мѣста передъ подъемомъ въ виноградники трупъ вынули изъ тюка и бросили въ воду. Послѣ этого высокій, сильный человѣкъ, грозя ружьемъ, взялъ съ соучастниковъ клятву вѣчнаго молчанія.

Этотъ поступокъ окончательно выдвинулъ незнакомца съ двустволкой изъ тумана легендарнаго и чисто декоративнаго существованія только въ качествѣ живописной подробности картины. Его угрожающій жестъ проливалъ свѣтъ на многое. Все, что случилось послѣ убійства, пріобрѣло теперь точныя очертанія и движенія. Но неужели ничей взоръ не провожалъ бѣднаго Фуальдеса на его послѣднемъ пути, неужели никто не видѣлъ, какъ онъ, ничего не подозрѣвая, ушелъ изъ дому и, можетъ быть, даже весело насвистывалъ, идя по темной улицѣ Ламбрагъ, гдѣ навѣрное подкарауливали его сообщники убійцы? Оказалось, что были люди, видѣвшіе его. Тотъ же лиценціатъ, который испуганно проснулся ночью отъ ругани Бускье, видѣлъ, какъ старикъ повернулъ на улицу Ламбрагъ въ восемь часовъ вечера, и какъ вскорѣ послѣ того кто-то поспѣшно послѣдовалъ за нимъ,—мужчина ли или женщина, этого онъ не помнилъ. Затѣмъ объявился слесарный подмастерье, говорившій, что будто бы онъ видѣлъ людей, стоявшихъ передъ домомъ мэра: они дѣлали другъ другу условные знаки. Домъ мэра находился, правда, на противоположномъ концѣ города, но это не имѣло значенія въ столь

широко задуманномъ заговорѣ; имѣлось свидѣтельство одного кучера о томъ, что онъ въ одиннадцать часовъ видѣлъ на улицѣ Эбдомадье двухъ неподвижно стоявшихъ людей. Теперь и многіе, жившіе на этой улицѣ, стали вспоминать, что они дѣйствительно слышали шептанье, покашливанье и крики. Но, конечно, ничего не подозрѣвая, они не обратили на это вниманія. Считалось уже несомнѣннымъ, что убійцы разставили караульныхъ на всѣхъ углахъ; кто-то даже замѣтилъ женщину, стоявшую на стражѣ у воротъ ремесленной управы. Портной Брость увѣрялъ, что онъ яснѣе всѣхъ другихъ слышалъ шопотъ или стонъ. Онъ тогда будто бы открылъ окно и увидалъ, что вокругъ дома Банкаля ходятъ пять-шесть человѣкъ, и среди нихъ одинъ очень большой и сильный. Гораздо позже, въ тотъ же вечеръ, его сосѣдъ увидалъ, что кого-то тащатъ по мостовой. Онъ подумалъ, что это ведутъ въ полицію какую-нибудь пьяную уличную женщину, и не придалъ значенія шуму. Но знаменательнѣе этихъ смутныхъ слуховъ было то обстоятельство, что на улицѣ Эбдомадье въ тотъ вечеръ играла шарманка между десятью и одиннадцатью часами вечера. Цѣль игры была ясная: заглушить предсмертные крики жертвы. Вскорѣ выяснилось, что шарманщиковъ было тамъ, по крайней мѣрѣ, два. Одинъ изъ нихъ, калѣка, пріютился передъ самымъ поворотомъ на улицу Ламбрагъ. Правда, въ тотъ день была ярмарка въ Родесѣ, и присутствіе шарманщиковъ въ городѣ не представляло ничего загадочнаго. Подозрительно было только то, что они играли въ такой поздній часъ. Иные даже говорили, что слышали звуки шарманки въ полночь. Стали искать музыкантовъ по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ, но они исчезли такъ же безслѣдно, какъ и подозрительный табачный торговецъ.

Затѣмъ сдѣланъ былъ обыскъ въ домѣ Банкаля, и одинъ полицейскій нашелъ на дворѣ бѣлый платокъ съ темными пятнами; въ тотъ же день арестовали чету Банкаль, солдата Колара, Баха, рабочаго Мисонье и повезли ихъ всѣхъ въ тюрьму, надѣвъ кандалы. Ихъ везли по улицамъ въ телѣгѣ, и они тупо глядѣли на толпу людей, которая окружила ихъ, яростно грозя имъ кулаками. Вѣсть о найденномъ на дворѣ платкѣ быстро облетѣла весь городъ. Что пятна на немъ кровяныя—не подлежало никакому сомнѣнію,—и само собой разумѣлось, что платокъ этотъ служилъ для того, чтобы заткнуть ротъ жертвѣ.

Несчастный Бускье совсѣмъ растерялся. Измученный допросами, запуганный угрозами, и еще подъ вліяніемъ лживыхъ обѣщаній скораго освобожденія, онъ съ каждымъ днемъ все

въ большемъ и большемъ сознавался. Его подгонялъ сторожъ, подгонялъ слѣдователь; на послѣдняго дѣйствовали, какъ удары кнута, нетерпѣніе и неистовство толпы и болтовня газетъ. Сначала Бускье какъ будто упирался. Но его прежнія показанія становились какъ бы кредиторами, извлекавшими изъ него ростовщическіе проценты лжи. А когда онъ точно утомился и уже не находилъ словъ, чтобы передать все, что видѣлъ и слышалъ, то слѣдователь сталъ помогать ему вопросами, въ которыхъ уже заключался требуемый отвѣтъ.

Такъ, онъ сознался, что пришелъ въ домъ Банкаля, и что въ комнатѣ были тогда супруги Банкаль, табачный торговецъ, солдатъ Коларъ, контрабандистъ Бахъ, двѣ молодыя женщины и дама подъ вуалью. Чѣмъ больше людей онъ называлъ, тѣмъ лицо слѣдователя становилось добрѣе, и тогда онъ сталъ бросать крохи за крохами, точно въ пасть голоднаго звѣря. Онъ зналъ приблизительно компанію, собиравшуюся у Банкаля, и дама подъ вуалью казалась ему добавленіемъ, которое возвыситъ его въ глазахъ слѣдователя. Но, по мнѣнію Жозіона, въ перечнѣ недоставало еще одного изъ главныхъ участниковъ, и онъ спросилъ Бускье, не забылъ ли онъ еще кого-нибудь. Бускье испугался и задумался.

— Подумай хорошенько, Бускье! — убѣждалъ его слѣдователь:—вѣдь твое утаиваніе можетъ довести тебя до висѣлицы. Скажи: не былъ ли тамъ также одинъ высокій, сильный человѣкъ?

Бускье понялъ, что это новое лицо необходимо. Въ его разстроенномъ воображеніи мелькали какія-то тѣни, безпорядочно метались какія-то фигуры, и нужно было дергать эти маріонетки, чтобы онѣ плясали — въ угоду его мучителямъ. На вопросъ о томъ, каковъ былъ съ виду высокій, сильный человѣкъ и какъ онъ былъ одѣтъ, Бускье отвѣчалъ:—Какъ важный господинъ.

Затѣмъ оставалось разсказать сцену убійства, оживить картину подробностями. Бускье уже признался, что на большомъ столѣ въ комнатѣ Банкаля лежалъ вовсе не тюкъ табаку, когда его позвали, а трупъ, что онъ хотѣлъ-было убѣжать, увидѣвъ это, но высокій, сильный человѣкъ остановилъ его и пригрозилъ пистолетомъ.

Слѣдователь покачалъ головой.

— Пистолетомъ? — спросилъ онъ. — Подумай хорошенько, Бускье: можетъ быть, это было ружье, можетъ быть это была двустволка?

„Ну, хорошо,—подумалъ Бускье въ бѣшенствѣ.—Ружье, такъ ружье. Мнѣ все равно“. Онъ кивнулъ головой, точно устыдившись

сказанной неправды, и продолжалъ разсказывать, какъ онъ долженъ былъ остаться у Банкаля, подъ страхомъ смерти, и какъ ему пришлось помогать убійцамъ. Мертвеца завернули въ большую простыню, перевязали веревками и положили на носилки. Эти носилки были придуманы Бускье при помощи тюремнаго сторожа. Но когда дѣло дошло до описанія похороннаго шествія, измученный Бускье обезсилѣлъ и растерялся. Когда его еще разъ повели на допросъ поздно вечеромъ, — ночь и тусклое освѣщеніе свѣчами въ пустой залѣ всегда сильно вліяли на него, — то онъ неожиданно отъ всего отказался, сталъ плакать, кричать, молиться и велъ себя совершенно безумно. Чтобы ободрить и успокоить его, Жозіонъ рѣшилъ прибѣгнуть къ очень простому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣлому средству. Онъ сказалъ, что Бахъ и Коларъ тоже сознались, и выразилъ радость по поводу того, что ихъ показанія сходятся съ показаніями Бускье.—Такимъ образомъ,—сказалъ онъ,—если Бускье будетъ вести себя благоразумно, то скоро можно будетъ выпустить его изъ тюрьмы.

Бускье пришелъ въ ужасъ отъ словъ слѣдователя. Онъ поблѣднѣлъ и почувствовалъ ознобъ во всемъ тѣлѣ. Впечатлѣніе было такое, точно какой-то дикій сонъ вдругъ оказался несомнѣнной дѣйствительностью, или что разсказанная въ пьяномъ видѣ выдуманная исторія вдругъ подтверждается со всѣми подробностями. Странная тоска охватила Бускье; ему сдѣлалось страшно оставаться одному въ камерѣ, и онъ боялся уснуть.

Весь Родесъ внималъ съ волненіемъ показаніямъ Бускье. Наконецъ, фигура незнакомца съ двустволкой стала обозначаться въ реальныхъ очертаніяхъ. То, что у него былъ видъ важнаго господина, возбуждало негодованіе народной массы, и партія легитимистовъ, состоявшая преимущественно изъ богатыхъ и знатныхъ, стала дрожать отъ страха. Вѣроятно, въ ихъ средѣ назвали впервые имя, которое произнесено было сначала очень осторожно, потомъ уже безъ стѣсненія, и, наконецъ, виновника стали называть совершенно открыто. Изъ полосы тумана образовалась грозовая туча и остановилась, сверкая молніями, надъ головой мнимаго убійцы. Извѣстно было, что Бастидъ Грамонъ, арендаторъ помѣстья Ла-Морнъ, несмотря на свое родство съ адвокатомъ Фуальдесомъ, враждовалъ со старикомъ, или, во всякомъ случаѣ, находился въ тягостной зависимости отъ него, какъ его неоплатный должникъ. Всѣ знали — или такъ, по крайней мѣрѣ, всѣмъ казалось,—что между дядей и племянникомъ происходили часто бурныя сцены. Развѣ это не достаточный мотивъ для преступленія? Принимался также въ соображеніе рѣзкій, властный

характеръ Бастида, а также поспѣшная продажа Ла-Морнъ, и тѣсно сплоченная цѣпь другихъ подозрительныхъ обстоятельствъ,— словомъ, никакихъ сомнѣній уже больше быть не могло.

Неутомимый кузнецъ, который работалъ гдѣ-то въ облакахъ, или подъ землей, позаботился о томъ, чтобы сомкнуть гибельное кольцо, и коварно искалъ помощниковъ для работы на всѣхъ улицахъ, среди знатныхъ и простыхъ. Утромъ девятнадцатаго марта, Фуальдесъ и Грамонъ ходили по променадѣ въ Родесѣ— это всѣ знали. Какая-то старьевщица слышала, какъ Бастидъ сказалъ старику: „Значитъ, сегодня вечеромъ въ восемь часовъ?“ Каменьщикъ, сгребавшій песокъ на постройкѣ, слышалъ, какъ адвокатъ Фуальдесъ воскликнулъ: „Такъ вотъ какъ ты держишь слово!“ На это Бастидъ Грамонъ отвѣтилъ: „Успокойтесь; сегодня вечеромъ мы сведемъ счеты“. Учитель музыки Ла-Комбъ ясно помнилъ, какъ Бастидъ крикнулъ старику съ потемнѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ: „У меня, наконецъ, лопнетъ терпѣніе!“ Случайная легкомысленная болтовня пріобрѣтала въ атмосферѣ неумолчныхъ слуховъ такое же значеніе, какъ честное свидѣтельское показаніе, и все, сказанное до или даже послѣ рокового событія, сплеталось воедино съ наглой безцеремонностью и совершенно произвольно. Такъ, профессоръ Винье, одинъ изъ главарей роялистовъ, сказалъ, что онъ какъ-то незадолго передъ убійствомъ вошелъ, около семи часовъ вечера, въ фруктовую и тамъ встрѣтилъ одного коллегу; тотъ разсказалъ ему, что мимо него быстро прошелъ по улицѣ Бастидъ Грамонъ. По словамъ профессора, онъ будто бы сказалъ при этомъ: „Какое у Грамона жуткое лицо!“ Его коллега будто бы съ нимъ согласился и прибавилъ съ своей стороны, что этого человѣка слѣдуетъ остерегаться. Нашлись свидѣтели, подтверждавшіе этотъ разговоръ. Другіе свидѣтели видѣли Бастида передъ домомъ Банкаля. Онъ будто бы нѣсколько разъ рѣзко свистнулъ и затѣмъ спрятался въ тѣнь.

Бастидъ Грамонъ уже пять лѣтъ жилъ въ Ла-Морнъ. Онъ былъ, быть можетъ, единственнымъ человѣкомъ во всемъ околотвѣ, который никогда не занимался политикой, былъ внѣ всякой партіи, и эта гордая независимость возбуждала недоброе чувство и даже ненависть его согражданъ. Когда однажды въ Родесѣ готовилась манифестація въ честь Бурбоновъ, и улицы были запружены возбужденной толпой, онъ спокойно и величаво проѣхалъ на своей гнѣдой лошади мимо взволнованныхъ группъ и отвѣчалъ презрительной улыбкой на злобные взгляды.

Говорили, что онъ въ молодости очень широко жилъ въ Парижѣ, спустилъ тамъ большое состояніе и вернулся на родину

утомленнымъ отъ общенія съ людьми. Образъ жизни его былъ очень странный. Въ прежніе годы къ нему часто приходилъ въ гости одинъ ученый патеръ изъ сосѣдняго бенедиктинскаго монастыря. Казалось, что тихій монахъ, умѣвшій читать въ человѣческихъ душахъ, полюбилъ Бастида за его независимость и языески-страстную любовь къ природѣ. Но когда Бастидъ соблазнилъ и увезъ къ себѣ въ домъ швею изъ Альби, хорошенькую Шарлотту Арлабосъ, и зажилъ съ ней безъ вѣнца, то бенедиктинцу пришлось, по приказанію своего начальства, прекратить сношенія съ нимъ.

Послѣ того, Бастидъ ни съ кѣмъ болѣе не водилъ знакомства. У него не было друзей, и онъ не нуждался ни въ чьей дружбѣ. Онъ гордо замыкался въ себѣ. При появленіи новаго лица, онъ принималъ холодный видъ. Съ людьми изъ общества онъ обращался съ оскорбительнымъ равнодушіемъ. Можетъ быть, онъ рѣзко обрывалъ общеніе даже съ людьми, искренно искавшими сближенія съ нимъ, лишь потому, что боялся разочарованія: въ глубинѣ его глазъ свѣтилась жажда любви. Онъ сдѣлался жесткимъ, потому что неисполненныя желанія омрачали и отягчали его душу; онъ оставался одинокимъ, оттого что гордость не позволяла ему свободно дарить кому-либо свое горячее сердце; онъ былъ несправедливъ изъ стыдливости и ложно понятой гордости. Таковой стала его судьба—по его собственной винѣ.

Онъ цѣлыми днями бродилъ со своими собаками по долинамъ въ Севеннахъ. Онъ собиралъ камни, грибы, цвѣты, ловилъ птицъ и змѣй, охотился, пѣлъ и ловилъ рыбу. Если что-нибудь было не по немъ, и въ немъ закипала кровь,—онъ бралъ самаго горячаго коня въ конюшнѣ и ѣхалъ верхомъ въ Эріэ по самымъ опаснымъ скалистымъ дорогамъ. Зимой онъ купался въ холодные утренніе часы на рѣкѣ, а въ душныя лѣтнія ночи онъ любилъ лежать подъ открытымъ небомъ, и онъ утверждалъ, что видитъ, какъ танцуютъ звѣзды, и чувствуетъ, какъ дрожитъ земля. Во время сбора винограда онъ былъ опьяненъ, хотя самъ ничего не пилъ. Онъ устраивалъ праздники съ музыкой и факельными шествіями и покровительствовалъ всѣмъ любовнымъ парочкамъ. Если долго длилась дурная погода, онъ становился блѣднымъ, вялымъ, терялъ сонъ и аппетитъ, и на него находили припадки ярости, пугавшіе его домашнихъ. Во время одного изъ такихъ припадковъ, онъ срубилъ топоромъ полдюжины прекраснѣйшихъ деревьевъ въ саду, которыя онъ, какъ было всѣмъ извѣстно, любилъ такъ страстно, точно это были его братья.

При его неумѣньи вести хозяйство, доходность имѣнія уменьшалась изъ году въ годъ, чему никто не удивлялся, кромѣ его самого. Онъ впутался въ долги, но ему было въ высшей степени непріятно говорить или даже думать объ этомъ. Единственное, что онъ предпринималъ противъ этихъ долговъ,—было то, что онъ аккуратно покупалъ билеты на всевозможныя лотереи, и съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ожидалъ сроки розыгрышей.

Когда судъ, подчиняясь слишкомъ упорнымъ слухамъ и всеобщимъ обвиненіямъ, отдалъ приказаніе арестовать Бастида, тотъ уже зналъ, что ему предстоитъ. Онъ сидѣлъ подъ высокимъ платаномъ, и занимался рѣзьбой изъ дерева, когда полиція явилась на дворъ. Шарлотта Арлабосъ кинулась къ нему и схватила его за руку, но онъ высвободился и сказалъ:—„Оставь. Нарывъ уже давно назрѣлъ“.—Затѣмъ онъ пошелъ навстрѣчу вооруженнымъ полицейскимъ и сказалъ съ ироническою величавостью:—„Къ вашимъ услугамъ, господа“.

Все населеніе помѣстья Ла-Морнъ было подвергнуто строгому допросу. Первымъ далъ показаніе самъ Бастидъ. Онъ сказалъ, что поѣхалъ днемъ девятнадцатаго марта въ Родесъ. Въ семь часовъ вечера онъ уже былъ у своей сестры въ деревнѣ Гро, тамъ переночевалъ, затѣмъ утромъ вернулся въ Родесъ и провелъ около получаса въ домѣ Фуальдеса. Сестра его подтвердила, что онъ переночевалъ у нея, и прибавила, что онъ былъ въ тотъ вечеръ очень веселъ и разговорчивъ. И служанка, которая постлала ему постель на ночь, заявила, что онъ легъ спать въ десять часовъ.

Этимъ свидѣтелямъ не повѣрили, и даже ихъ вскорѣ послѣ того арестовали по подозрѣнію въ соучастіи. Слуги въ Ла-Морнѣ болтали каждый что попало. Только для того, чтобы сказать что-нибудь и не изображать изъ себя дураковъ или соучастниковъ, они давали запутанныя, туманныя показанія, подтверждавшія виновность Бастида. Такъ, одинъ сказалъ, что еслибы сѣрая кобыла его господина вдругъ обрѣла даръ слова, она могла бы разсказать, какъ ее загоняли въ ту ночь. Служанки что-то несвязно лопотали или проливали слезы; Шарлотта Арлабосъ пробовала убѣжать, но ее схватили въ виноградникѣ и отвели въ городскую тюрьму.

Отъ Бускье и его товарищей всѣхъ этихъ происшествій не скрывали. Напротивъ того, имъ передавали самыя ничтожныя обстоятельства, какъ нѣчто важное,—для того, чтобы укрѣпить

ихъ въ ихъ показаніяхъ и придти на помощь ихъ памяти. Слѣдователь старался повліять, главнымъ образомъ, на контрабандиста Баха, такъ какъ отъ него, также какъ отъ четы Банкалей, нельзя было добиться никакого показанія. Бахъ напугалъ слѣдователя и сторожа своими бѣшеными выходками, и его пришлось заковать въ цѣпи. Лишеніе свободы больше всего его терзало, такъ какъ онъ былъ типичный бродяга по натурѣ. Однажды ночью, когда онъ пытался удавить себя, слѣдователь Жозіонъ сообщилъ ему о признаніяхъ его товарища Бускье, и сталъ его убѣждать въ безцѣльности его упрямства, въ томъ, что пора ему наконецъ сознаться. Тогда Бахъ вдругъ измѣнилъ свое поведеніе, сталъ казаться веселымъ, общительнымъ и сказалъ, злорадно ухмыляясь:—„Ну, хорошо! Если Бускье утверждаетъ, что онъ много знаетъ, то ужъ я-то знаю еще больше“. — И дѣйствительно оказалось, что онъ знаетъ гораздо больше. Онъ былъ заика, и пользовался этимъ недостаткомъ, чтобы выгадать время на размышленіе, когда воображеніе его изсякало. И каждый разъ, когда онъ уклонялся въ сторону сказочности, проницательный Жозіонъ незамѣтно возвращалъ его на путь реальной дѣйствительности.

Вотъ что онъ разсказалъ. Когда онъ вмѣстѣ съ Бускье вошелъ въ комнату, то адвокатъ Фуальдесъ сидѣлъ на стулѣ у стола и, повидимому, подписывалъ векселя. Возлѣ него стоялъ большой, сильный человѣкъ, Бастидъ Грамонъ. Что это былъ Грамонъ, никто уже не сомнѣвался; Бахъ довѣрялъ въ этомъ отношеніи словамъ слѣдователя и утвержденіямъ молвы. Такъ вотъ, этотъ высокій, сильный человѣкъ, Бастидъ Грамонъ, бралъ у Фуальдеса подписанныя бумаги и клалъ ихъ къ себѣ въ портфель. Тѣмъ временемъ госпожа Банкаль приготовляла ужинъ, жарила курицу съ овощами и телятину съ рисомъ,—подробность, рисующая хладнокровіе убійцъ. Около восьми часовъ пришли два барабанщика, но, замѣтивъ недовольство на лицѣ хозяина и чужого господина, подумали, что мѣшаютъ, и ушли, послѣ чего заперты были ворота. Но послѣ того еще нѣсколько разъ стучались въ ворота: условнымъ знакомъ были три короткихъ удара кулакомъ. Одинъ за другимъ появились солдатъ Коларъ со своей возлюбленной, горбатый Мисонье, аристократическаго вида дама, подъ густою вуалью и съ зелеными перьями на шляпѣ, и табачный торговецъ въ синемъ сюртукѣ. Шляпа съ зелеными перьями была особенно удачнымъ созданіемъ фантазіи Баха и представляла художественный контрастъ съ выдуманнымъ предварительно табачнымъ торговцемъ въ синемъ сюртукѣ.

Въ половинѣ девятаго, госпожа Банкаль увела спать въ комнатку на чердакъ свою маленькую дочь Магдалину, и тогда Бастидъ Грамонъ объявилъ старику, что наступилъ его смертный часъ. Тщетны были мольбы несчастной жертвы. Силачъ Бастидъ схватилъ его и, несмотря на сопротивленіе, положилъ на столъ, съ котораго Банкаль быстро снялъ лежавшіе на немъ два хлѣба. Фуальдесъ жалобно молилъ, чтобы ему дали хоть время помолиться, но Бастидъ Грамонъ грубо крикнулъ ему: „Сведи скорѣе счеты съ дьяволомъ!“

На этомъ мѣстѣ слѣдователь Жозіонъ прервалъ разсказъ, и съ наивнымъ любопытствомъ спросилъ, не стала ли въ этотъ самый моментъ играть шарманка передъ домомъ. Бахъ поспѣшилъ подтвердить этотъ фактъ, и продолжалъ свой разсказъ, который уже началъ волновать его самого:— „Коларъ и Банкаль,— сказалъ онъ,—держали старика за ноги, а табачный продавецъ и возлюбленная Колара схватили его за руки и за голову. Какой-то еще человѣкъ съ деревянной ногой и въ треуголкѣ держалъ свѣчу въ высоко поднятой рукѣ“. Появленіе этой новой фигуры производило жуткое впечатлѣніе, и если она была только художественной прикрасой, завершающей изображеніе страшной ночной сцены, то вполнѣ достигала своей цѣли. Человѣкъ съ деревяшкой и со свѣчой въ поднятой рукѣ казался выходцемъ изъ преисподней, и не было уже надобности изображать особенно подробно его острый подбородокъ, туманный взглядъ и ухмыляющійся ротъ.

— Итакъ, — продолжалъ разсказчикъ, — Бастидъ Грамонъ пырнулъ старика широкимъ ножомъ. Фуальдесъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе, и ему удалось вырваться; онъ вскочилъ, бросился бѣжать, уже раненый, по комнатѣ, издавая хриплые звуки. Бастидъ Грамонъ побѣжалъ за нимъ, обхватилъ его и снова бросилъ его на столъ. Столъ зашатался, одна ножка отломалась. Тогда умирающаго положили на двѣ быстро сдвинутыя скамейки, и Бастидъ Грамонъ всадилъ ему ножъ глубоко въ горло. Когда старикъ испустилъ послѣдній вздохъ, пришли Банкаль съ женой и собрали вытекающую кровь въ глиняный горшокъ. То, что пролилось на полъ, женщины сейчасъ же смыли. Въ карманахъ убитаго нашлось пять франковъ и немного мелочи. Бастидъ Грамонъ бросилъ эти деньги въ передникъ госпожи Банкаль и сказалъ: „Возьмите; мы не изъ-за этихъ денегъ убиваемъ его“. Въ карманѣ оказался также ключъ, и Бастидъ сунулъ его къ себѣ въ карманъ. Жена Банкаля прельстилась тонкой рубашкой убитаго, но ей не позволили снять рубашку. Чтобы удовлетво-

рить ея жадность, ей подарили аметистовое кольцо съ пальца Фуальдеса. Кольцо это выкупилъ у нея на другой день незнакомый господинъ, заплативъ за него десять франковъ.

Когда разсказъ Баха сдѣлался извѣстнымъ во всей своей обстоятельности и съ подавляющимъ обиліемъ своеобразныхъ, убѣдительныхъ подробностей, всѣ стали смотрѣть на этого негодяя съ богатымъ воображеніемъ,—какъ на избавителя. Общее возмущеніе дѣлало всѣхъ легковѣрными, и всякая критика казалась предательствомъ. Публика, свидѣтели, судъ—всѣ вѣрили въ то, что совершено было убійство, и всѣ сочиняли въ перегонку обстоятельства дѣла. На очной ставкѣ между Бахомъ и Буссье они стали спорить, обзывая одинъ другого лжецомъ. Одинъ говорилъ, что явился въ домъ Банкалей до убійства, другой утверждалъ, что послѣ; одинъ показывалъ, что помогалъ убійцамъ, другой—что только унесъ трупъ, завернутый въ простыни и обвязанный веревками. Слабоумный Мисонье назвалъ еще рядъ людей, которыхъ онъ будто бы видѣлъ у Банкалей: двухъ нотаріусовъ изъ Альби и одного повара. Въ кабачкѣ Розы Фераль, гдѣ собирались разные темные люди, и гдѣ обсуждались воровскія предпріятія, какъ разъ въ вечеръ убійства шла рѣчь о грабежѣ въ домѣ одного либерала. Этотъ слухъ распущенъ былъ съ тѣмъ, чтобы усилить страхъ спокойныхъ гражданъ; и то, что потомъ всѣ заговорщики, въ томъ числѣ знатные и состоятельные люди, очутились въ домѣ у Банкаля, не представляло уже ничего страннаго. Все тѣсно сплеталось въ этой бѣсовской ткани, все какъ бы подтверждалось одно другимъ: въ карманахъ Фуальдеса не нашли никакихъ денегъ. Къ Грамону уже семнадцатаго марта явился приставъ описывать его, и это обстоятельство, своевременно выуженное изъ моря лжи, подтверждало обвиненія. Бастидъ окончательно попалъ въ сѣти. Всѣ арестованные были подавлены возрастающимъ волненіемъ въ публикѣ. Каждый считалъ другого виновнымъ, каждый подтверждалъ все, что отъ него требовали, относительно другого, чтобы только спасти себя. Они не знали, что имъ предстояло, перестали понимать смыслъ словъ, перестали чувствовать себя, свое тѣло, свою душу, чувствовали, что ихъ захватили какіе-то невидимые тиски, и каждый старался высвободиться, самъ не зная, что ему собственно слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ. Каждый день производились новые аресты, всѣмъ проѣзжимъ грозило лишеніе свободы, и чрезъ нѣсколько недѣль полъ-Франціи было охвачено яростью, страхомъ и жаждой возмездія. Изъ фигуръ страшнаго, трагикомичнаго разсказа объ убійствѣ выступали съ

большей отчетливостью то та, то другая, и чрезъ нѣкоторое время, наибольшее значеніе пріобрѣла называемая все чаще и чаще дама подъ густой вуалью и съ зелеными перьями на шляпѣ. Она постепенно превратилась въ центръ и двигательную силу кроваваго событія,—можетъ быть, только потому, что ея существованіе и происхожденіе оставались полной тайной. Многіе подозрѣвали сначала Шарлотту Арлабосъ, но она успѣла неопровержимо доказать свою невинность. Кромѣ того, она казалась слишкомъ простодушной и представлялась скорѣе жертвой жестокаго Бастида; все это не соотвѣтствовало демоническому образу таинственной незнакомки.

Бахъ и Бускье соперничали другъ съ другомъ, стараясь умилостивить судъ все новыми и новыми выдумками, и доставляли нескончаемую пищу мутнымъ потокамъ молвы, подтверждая и разукрашивая все, что доходило до нихъ окольными путями изъ городскихъ слуховъ и предположеній.

Тѣмъ временемъ солдатъ Коларъ и чета Банкалей не выдержали тяжкаго заключенія, грубаго обращенія сторожа и мучительныхъ допросовъ. Они сошли съ ума и разсказывали такія вещи, что даже слѣдователь Жозіонъ, достаточно привыкшій къ преувеличеніямъ, долженъ былъ признать ихъ слова порожденіемъ возбужденной фантазіи. Остальные заключенные продолжали подозрѣвать другъ друга, показывали сегодня одно, а завтра—отрекаясь отъ вчерашняго — другое, и то умоляли о пощадѣ, то упрямо замыкались въ молчаніи. Въ это время жители города, деревень и всей провинціи настойчиво требовали, чтобы слѣдствіе наконецъ было закончено и виновные наказаны. Среди безгранично возрастающаго потока обвиненій и навѣтовъ, слѣдствіе совершенно потеряло дорогу и становилось уже орудіемъ въ рукахъ черни. Но въ это время темнымъ силамъ, раздувающимъ возбужденіе въ народѣ, удалось отравить душу ребенка, который выступилъ свидѣтелемъ противъ отца и матери, и этимъ убѣдилъ одураченный народъ, что самъ Господь раскрылъ уста младенца.

Одиннадцатилѣтнюю дочь Банкалей, Магдалину, судебный слѣдователь уже допросилъ разъ въ самомъ началѣ, но она тогда ничего не могла сказать. Но послѣ того дѣвочка попала въ госпиталь, и тогда стали появляться люди, которые будто бы слышали отъ кого-то, кто слышалъ изъ третьихъ и четвертыхъ устъ, что дѣвочка видѣла, какъ старика положили на столъ, и какъ дали деньги ея матери. Правда, членъ суда Пино, единственный, сохранившій ясность и независимость сужденій среди

общаго смятенія, узналъ, что Магдалина получала всяческіе подарки отъ эконома госпиталя и другихъ людей. Но это обстоятельство выяснилось слишкомъ поздно, когда уже невозможно было открыть корень лжи и уничтожить его. Дѣвочку все болѣе укрѣпляли въ ея первомъ показаніи, и разсказъ ея становился все болѣе пространнымъ, по мѣрѣ того какъ на нее устремлялось общее вниманіе, льстившее ея самолюбію. Въ концѣ концовъ она дѣйствительно вообразила, что все это пережила въ дѣйствительности, и сочувствіе взрослыхъ доставляло ей большое удовольствіе. Магдалина разсказала, что мать повела ее спать на чердакъ, но ей сдѣлалось тамъ страшно и холодно, и она тихонько спустилась опять внизъ и спряталась въ кровать, стоявшую въ альковѣ. Черезъ дырку въ занавѣскѣ она видѣла всю сцену убійства. Когда старика зарѣзали, дама съ зелеными перьями стала въ ужасѣ метаться по комнатѣ и попыталась убѣжать черезъ окно. Бастидъ Грамонъ оттащилъ ее отъ окна и хотѣлъ убить и ее. Банкаль и Коларъ просили сжалиться надъ ней, и она произнесла страшную клятву, обязывавшую ее къ молчанію. Нѣсколько времени спустя, Грамонъ изъ предосторожности заглянулъ къ дѣвочкѣ въ альковъ. Магдалина представилась спящей. Онъ два раза дотронулся до нея, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли она спитъ, и сказалъ потомъ матери, что нужно спровадить ребенка. Мать обѣщала, потребовавъ за это четыреста франковъ. На слѣдующее утро мать послала Магдалину на поле, гдѣ какъ разъ отецъ рылъ глубокую яму. Дѣвочка думала, что отецъ броситъ ее туда, но онъ со слезами обнялъ ее и сталъ ей говорить, что нужно быть богобоязненнымъ ребенкомъ.

Всякое другое свидѣтельство еще можно было бы оспаривать, но показаніе ребенка казалось неопровержимымъ, и никто не задумался о томъ, какъ это показаніе было добыто, никто не думалъ, что невиннаго ребенка запутали въ сѣть, подкупили нѣжными словами и опьянили до нѣкоторой степени страхомъ. Пользовались даже тревожнымъ сномъ дѣвочки, будя ее по ночамъ. Каждую новую выдумку привѣтствовали съ радостью; дѣвочку хвалили; она думала, что поступаетъ очень хорошо, и все съ большей готовностью исполняла свою роль. Такъ изъ ничего создавались подробности, которыя придавали странную достовѣрность создавшейся картинѣ убійства. Дѣвочка говорила, напримѣръ, что мать утромъ разрѣзала хлѣбъ тѣмъ же ножомъ, которымъ наканунѣ зарѣзали стараго господина, и что она, Магдалина, отказалась ѣсть этотъ хлѣбъ, внушавшій ей ужасъ. И

затѣмъ другая подробность: кровь, собранную въ горшечкѣ, дали выпить свиньѣ, которая послѣ того взбѣсилась и съ воплемъ помчалась по двору.

Бастидъ Грамонъ претерпѣвалъ съ холоднымъ терпѣніемъ допросъ за допросомъ. Его сухость и надменность, его насмѣшливая улыбка, его нѣмое пожатіе плечъ—часто очень смущали Жозіона. Отъ времени до времени, однако, онъ выходилъ изъ себя, рѣзко обрывалъ слѣдователя, и смѣло и краснорѣчиво потрясалъ основы хрупкаго и въ то же время, казалось, незыблемаго строенія свидѣтельскихъ показаній.

— Еслибы я, дѣйствительно, задумалъ убить дядю изъ личныхъ мотивовъ, зачѣмъ бы я сталъ втягивать въ заговоръ столькихъ людей?—спрашивалъ онъ, и лицо его пламенѣло отъ презрѣнія къ людямъ.—Неужели же я былъ бы настолько глупъ и вступилъ въ союзъ съ содержателями притоновъ, контрабандистами, развратными женщинами, старыми бабами, бывшими каторжниками—съ людьми, которые держали бы меня въ рукахъ, даже еслибы умѣли хранить тайну? И кто бы сталъ хватать человѣка на улицѣ и тащить его въ подозрительный притонъ? Вѣдь это полное безсмысліе. Неужели я не могъ бы найти болѣе удобный случай? Я могъ бы залучить старика къ себѣ въ домъ, или убить его въ лѣсу и тутъ же закопать трупъ? Вы говорите, что я заставилъ его подписать векселя,—гдѣ эти векселя? Они должны же были гдѣ-нибудь объявиться и обнаружить мое преступленіе. Вы сами говорите, что домъ Банкалей совершенно ветхій, и что изъ квартиры испанцевъ можно видѣть черезъ дыры въ сгнившихъ дощатыхъ стѣнахъ все, что дѣлается у Банкалей; какъ же Сааведра ничего не слышалъ? Онъ спалъ? Ну и богатырскій же сонъ, нечего сказать! Или, можетъ быть, онъ тоже участвовалъ въ заговорѣ, какъ моя мать, моя сестра, моя подруга, мои вѣрные слуги? И допустивъ все это, неужели не достаточно было помощи Банкаля и его жены, чтобы справиться съ слабымъ старикомъ,—зачѣмъ было набирать полдюжины подозрительныхъ людей изъ кабаковъ? Почему дядя не кричалъ? Ему заткнули ротъ? Хорошо, но вѣдь тряпку, которую ему всунули въ ротъ, нашли потомъ на дворѣ. Значитъ, онъ все-таки послѣ того кричалъ;—поэтому, говорите вы, я распорядился, чтобы у воротъ въ это время играла шарманка. Исторія съ шарманкой очень остроумно придумана; но вѣдь шарманки привлекаютъ обыкновенно публику, т.-е. лишнихъ свидѣтелей. И зачѣмъ было закалывать жертву ножомъ, когда было на лицо столько сильныхъ людей, которые легко могли бы задушить его. Покажите

мнѣ докторскій протоколъ—вѣдь тамъ, кажется, говорится не о колотой, а о рваной ранѣ. И что за безсмысленная болтовня—вся эта исторія погребальнаго шествія—развѣ оно было бы возможно здѣсь, гдѣ каждый подорожный столбъ имѣетъ глаза? Меня обвиняютъ еще въ томъ, что на слѣдующее утро я ворвался въ домъ моего дяди и похитилъ тамъ бумаги. Гдѣ эти бумаги? Дядя мой умеръ почти въ бѣдности. Онъ передалъ свои требованія ко мнѣ предсѣдателю суда, Сегюрэ. Зачѣмъ же мнѣ было убивать его? Чего отъ меня хотятъ? Неужели хоть одинъ зрячій человѣкъ видитъ кровь на моихъ рукахъ?

Слова Бастида имѣли вызывающій характеръ. Они возбудили негодованіе судебныхъ властей и усилили гнѣвъ толпы, до которой дошли въ искаженномъ видѣ. Изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ, ни одинъ адвокатъ не рѣшался взять на себя защиту Бастида Грамона. Членъ суда Пино, единственный, осмѣлившійся говорить о неправдоподобности и безпочвенности большинства свидѣтельскихъ показаній, чуть было не поплатился жизнью за свою искренность и любовь къ правдѣ. Однажды ночью къ дому его пришла толпа народа, въ томъ числѣ и много крестьянъ, разбила ему стекла въ окнахъ, сломала ворота и подожгла лѣстницу. Онъ страшно испугался, съ трудомъ могъ спастись и поспѣшно уѣхалъ въ Тулузу.

Бастидъ Грамонъ понялъ, что всякое сопротивленіе съ его стороны будетъ тщетнымъ. Онъ рѣшилъ поэтому вооружиться терпѣніемъ, такъ сомкнуть уста, точно они были дверью, черезъ которую можетъ уйти навсегда надежда. Онъ, свободнѣйшій изъ людей, вынужденъ былъ теперь проводить сверкающіе солнечнымъ блескомъ весенніе дни и благоуханные лѣтніе вечера въ сырой дырѣ, гдѣ собственное дыханіе становилось противнымъ. Съ нимъ прежде говорили звѣри, на него глядѣли живыми глазами цвѣты, онъ чувствовалъ иногда влюбленность земли, а теперь, благодаря безсмысленной игрѣ обстоятельствъ, ему пришлось предвкусить ужасъ могилы и лишиться всего, что составляло истинный смыслъ его жизни. Все чаще онъ переживалъ ночи, когда его охватывало упрямство, когда взглядъ его становился тупымъ отъ мыслей о позорѣ, навлеченномъ на него; все чаще онъ томился цѣлые дни отъ непреодолимой тоски, когда каждая песчинка, отпадавшая отъ сырой стѣны, напоминала ему о таинственной жизни земли, луговъ, лѣса. Онъ съ отвращеніемъ отгонялъ всякія мысли о событіяхъ, омрачившихъ его судьбу, и почти не обратилъ вниманія на сообщеніе сторожа, который явился къ нему однажды утромъ и съ торжествомъ сообщилъ, что таин-

ственная незнакомка, главная свидѣтельница обвиненія, дама съ зелеными перьями—наконецъ найдена. Она сама заявила о себѣ, и оказалось, что это—дочь предсѣдателя суда, Сегюрэ, мадамъ Кларисса Мирабель.

Бастидъ Грамонъ нахмурился и промолчалъ; но съ этой минуты имя Клариссы Мирабель неустанно раздавалось у него въ ушахъ, какъ шумъ крыльевъ вѣющаго вокругъ его головы неотвратимаго рока.

Сторожъ сказалъ правду: мадамъ Мирабель призналась, что она была въ ночь убійства въ домѣ Банкалей. Но это признаніе вырвалось у нея подъ вліяніемъ какого-то безотчетнаго порыва, и не успѣла еще молва разнести эту вѣсть по всему городу, какъ она уже взяла обратно свое признаніе. Но слово было сказано, и событія, порожденныя имъ, потекли своимъ чередомъ.

Кларисса Мирабель была единственная дочь предсѣдателя суда, Сегюрэ. Она воспитывалась въ деревнѣ, въ старомъ замкѣ Перьé, купленномъ ея отцомъ, когда началась революція. Правильнаго образованія она не получила, въ виду политическихъ бурь и неопредѣленности революціоннаго времени, нарушившаго нормальное теченіе жизни. Глубокое уединеніе отцовскаго замка благопріятствовало развитію ея природной мечтательности. Она боготворила своихъ родителей, и въ грозныя времена смуты она въ четырнадцать лѣтъ проявляла такое мужество и такую самоотверженность, выступая рядомъ съ отцомъ, что обратила на себя вниманіе полковника Мирабеля. Пять лѣтъ спустя, онъ пріѣхалъ къ отцу ея просить ея руки. Она его не любила,—незадолго передъ тѣмъ у нея была странная романтическая дружба съ пастухомъ изъ ихъ мѣстности,—но вышла за него замужъ по приказанію отца. Бракъ ихъ не былъ счастливый; черезъ три мѣсяца она разсталась съ мужемъ. Полковникъ уѣхалъ съ войскомъ въ Испанію. Когда война кончилась, онъ вернулся и довелъ до свѣдѣнія Клариссы, что желалъ бы ея возвращенія. Она отказала и сообщила ему свой отказъ и письменно, возмущенная тѣмъ, что онъ прислалъ для переговоровъ постороннихъ людей. Но ей сообщили, что Мирабель раненъ, и это измѣнило ея отношеніе къ нему. Полковника перевезли ночью окольными путями, со всяческими, очень сложными предосторожностями, въ замокъ, положили его въ отдаленную комнату, и Кларисса ухаживала за нимъ съ трогательной преданностью. Пока все это происходило втайнѣ, Клариссу занимало своеобразное отношеніе

къ мужу, какъ къ тайному возлюбленному; но вскорѣ мать открыла тайну и обрадовалась, думая, что наступило полное примиреніе между супругами. Кларисса убѣдила тогда мужа, чтобы онъ уѣхалъ изъ замка, и устраивала тайныя свиданія въ рощѣ. Полковнику Мирабелю надоѣли причуды жены. Онъ получилъ мѣсто въ Ліонѣ и уѣхалъ туда, но вскорѣ умеръ отъ послѣдствій слишкомъ бурнаго образа жизни.

Прошли года. Умерла мать Клариссы, и Кларисса была въ такомъ отчаяніи, что проводила цѣлые дни на ея могилѣ; только изъ любви къ отцу, который легче утѣшился, она примирилась съ опустѣвшей для нея жизнью. Предоставленная всецѣло самой себѣ, она стала увлекаться чтеніемъ, читала все безъ разбора и загорѣлась желаніемъ сильныхъ переживаній. Ея причуды возбуждали много толковъ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ. Она собирала въ замкѣ дѣтей и подростковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, читала имъ стихи, устраивала спектакли, учила ихъ играть на сценѣ. Ея свободное обращеніе создало ей много враговъ. Она говорила все, что думала, обижала многихъ безъ всякаго злого умысла, преувеличивала всякія мелочи и не замѣчала дѣйствительно важнаго, любила переодѣванія, любила сочинять роли и исполняла ихъ въ совершенствѣ. При этомъ она всѣхъ очаровывала своей граціозностью, веселостью и умомъ, а также сердечностью обращенія.

Теперь ей было уже тридцать-пять лѣтъ, но она казалась восемнадцатилѣтней дѣвушкой, не потому только, что она была необычайно стройна, миніатюрна и моложава съ виду, но и тѣмъ, что въ натурѣ ея чувствовалась большая молодость; и когда взоръ ея сосредоточивался на чемъ-нибудь, онъ казался совершенно дѣтскимъ по ясности и мечтательной мягкости. Чувствовалось въ ея существѣ, что она—дитя пограничной земли: южная живость и сѣверная тяжелая кровь сочетались, создавъ безпокойный темпераментъ. Она любила углубляться въ свои мысли или играла какъ звѣрекъ, и очень нравилась всѣмъ мужчинамъ, возбуждая, однако, какое-то чувство страха.

Толки объ убійствѣ Фуальдеса не интересовали ее сначала, хотя отецъ ея, купившій помѣстье Ла-Морнъ, тѣмъ самымъ оказался причастнымъ къ происходившимъ тамъ событіямъ, и ежедневно разсказывалъ всѣ новости о сенсаціонномъ дѣлѣ, когда возвращался домой. Но вся эта исторія казалась ей слишкомъ запутанной, и все, связанное съ нею, слишкомъ отдавало грязью. Только тогда, когда стали называть имя Бастида Грамона, она стала прислушиваться и слѣдить за ходомъ дѣйствія. Она разу-

знала отъ отца и отъ служанокъ, какъ, по общему мнѣнію, произошло убійство, и обнаружила при этомъ больше сочувствія, нежели возмущенія.

Она ничего не знала о Бастидѣ Грамонѣ. И все-таки имя его, какъ только она его услышала, запало въ ея чуткую, полную ожиданій душу, какъ нѣчто, имѣющее вѣсъ. Она начала справляться о немъ, украдкой ѣздила верхомъ въ Ла-Морнъ, вызывала на разговоръ о немъ его слугъ. Однажды ей даже удалось поговорить съ Шарлоттой Арлабосъ, которую въ то время уже освободили изъ тюрьмы. То, что она узнала, вызвало въ ней странное, болѣзненное изумленіе. Ей казалось, что она упустила нѣчто очень важное въ жизни, не видавъ никогда этого человѣка.

И тогда она вспомнила, что видѣла его разъ. Это былъ навѣрное онъ, поскольку она теперь соображала по смутнымъ описаніямъ разныхъ людей. Видѣла она его за годъ передъ тѣмъ, раннимъ утромъ, въ началѣ весны. Охваченная нервнымъ волненіемъ, которое будитъ въ крови весна, она проснулась раньше обыкновеннаго и пошла пѣшкомъ черезъ виноградники въ лѣсистую долину Руа. Проходя по озаренной солнцемъ рощѣ, она радостно внимала ликующему пѣнію птицъ. Надъ нею простиралась сіяющая голубизна небеснаго свода; подъ ногами разстилалась дышащая, какъ живое тѣло, земля. Вдругъ она увидала передъ собой мощнаго человѣка, который стоялъ прямо съ непокрытой головой, поднявъ голову и вдыхая воздухъ. Поднятые вверхъ взоры впивали все, чѣмъ можно было насладиться въ рощѣ: ароматы, солнце, опьяняющую сырость, блескъ зари. Онъ втягивалъ воздухъ какъ лѣсной олень. Лицо его, поднятое кверху, выражало стихійную свѣтлую радость, а его опущенныя руки дрожали.

Кларисса испугалась его тогда. Она убѣжала, не замѣченная имъ; онъ не слышалъ шороха вѣтвей и шума шаговъ. Теперь эта картина пріобрѣтала—иное значеніе. Часто, оставаясь наединѣ, Кларисса возсоздавала въ воображеніи тотъ часъ, измышляла новую встрѣчу съ этимъ страннымъ человѣкомъ, придумывала, какъ она искусными вопросами сорветъ отвѣты съ упрямо закрытыхъ устъ, и какъ онъ потомъ не сможетъ ничего таить отъ нея, и добровольно откроетъ ей свое сердце. И потомъ онъ ночью пріѣдетъ на дикомъ конѣ, ворвется въ замокъ, возьметъ ее и уѣдетъ съ ней такъ быстро, точно бурный вѣтеръ у него въ услуженіи и точно конь его окрыленъ бурей. Когда у нихъ за столомъ или въ обществѣ заходила рѣчь о Бастидѣ Грамонѣ

и о его преступленіи, въ которомъ никто не сомнѣвался, Кларисса никогда не думала объ ужасѣ его поступка, о томъ, что онъ навсегда изгнанъ изъ общества честныхъ людей. Она чувствовала въ его преступленіи только силу, возбуждавшую ея страсть, и боль отъ сознанія близости и въ то же время недостижимости образа, не покидавшаго болѣе ея душу. Она сама испугалась себя, боялась заглянуть въ бездонную пропасть своей души. Часто ей казалось, что это она въ заточеніи, а Бастидъ ходитъ взадъ и впередъ передъ дверью, измышляя способы взломать двери ея тюрьмы, и окрыленный конь его торжествующе ржетъ.

Теперь она стала зорко слѣдить за всѣми слухами и измышленіями, и весь клубокъ лжи, въ которомъ сплелись намѣренныя клеветы и вольная фантазія, катился, все увеличиваясь, по ея дорогѣ. Ей становилось все тяжелѣе на душѣ, и воздухъ казался ей отравленнымъ. Когда она шла по улицѣ въ Родесѣ, ей казалось, что на нее устремлены всѣ взоры, требуя у нея отчета. Она ускоряла шаги, входила въ домъ, блѣдная и разстроенная, и останавливалась передъ зеркаломъ съ замирающимъ сердцемъ.

Незадолго передъ тѣмъ она гостила въ помѣстьи друзей ея отца. Однажды хозяинъ дома, ученый, не могъ найти драгоцѣнной рукописи, имѣвшейся у него, и очень встревожился. Всю прислугу подняли на ноги, обшарили всѣ комнаты, причемъ, однако, никого не подозрѣвали въ воровствѣ. Кларисса постепенно стала впадать въ мучительное состояніе. Ей померещилось, что подозрѣваютъ именно ее. Въ каждомъ словѣ она чувствовала намекъ, въ каждомъ взглядѣ—вопросъ. Она стала ревностно помогать поискамъ, воображенію ея рисовались уже тюрьма и позоръ, она хотѣла поспѣшить обратно къ отцу, убѣдить его въ своей невинности. И когда вдругъ рукопись нашлась, Кларисса облегченно вздохнула, точно ее спасли отъ смертельной опасности; и никогда до того она не была такъ остроумна и очаровательна, такъ разговорчива и оживлена, какъ нѣсколько часовъ послѣ того какъ нашли рукопись.

Когда въ воображеніи толпы возникъ образъ еще одной участницы звѣрской расправы съ несчастнымъ Фуальдесомъ—образъ дамы съ зелеными перьями—и когда этотъ образъ сталъ пріобрѣтать все болѣе точныя очертанія,—Клариссу вдругъ охватило странное волненіе. Вначалѣ она только забавлялась возникшей у нея мыслью, какъ бы пробуя себя, играя съ заманчивой возможностью,—подобно мальчику, который пробуетъ ногой проч-

ность льда на рѣкѣ. Она жадно поглощала всѣ отчеты газетъ. Боязливая игра превращалась постепенно въ истинную пытку,— главнымъ образомъ потому, что у Клариссы дѣйствительно была шляпа съ зелеными перьями. Въ этомъ не было ничего страннаго. Тогдашняя мода допускала ношеніе зеленыхъ, желтыхъ и красныхъ перьевъ; но все-таки обладаніе шляпой сдѣлалось мукой для Клариссы. Она уже не осмѣливалась касаться ея; ей казалось, что на перьяхъ лежитъ какой-то кровавый отблескъ; въ концѣ концовъ она спрятала шляпу куда-то на чердакъ. Она стала строить планы путешествія, хотѣла поѣхать въ Парижъ, но рѣшеніе ея съ каждымъ днемъ слабѣло. Наступилъ іюль. Въ Родесъ пріѣхала странствующая труппа актеровъ и назначила рядъ представленій въ театрѣ. Одинъ офицеръ, по фамиліи Клемандо, ухаживанья котораго Кларисса холодно отклоняла за его вульгарность и грубость, принесъ ей билетъ и пригласилъ ее пойти вмѣстѣ съ нимъ въ театръ. Она отклонила, но въ послѣднюю минуту ей все-таки захотѣлось пойти, и ей пришлось претерпѣть общество капитана Клемандо, который, послѣ поднятія занавѣса, сѣлъ на свободное мѣсто, по ея правую руку.

Въ этотъ вечеръ ставили мелодраму, изображавшую съ утомительной пространностью ужасное убійство невиннаго юноши. Въ концѣ перваго акта на сценѣ появилась дама, переодѣтая мужчиной; на головѣ у нея была круглая шляпа, на лицѣ — маска. Торопливая любовная сцена, проведенная шопотомъ при свѣтѣ тусклой лампы, рѣшила судьбу несчастной жертвы, стоявшей тутъ же на колѣняхъ. Публика напряженно молчала, всѣ взоры загорѣлись. Клариссѣ казалось, что она слышитъ громкій стукъ сердецъ; ее бросало въ жаръ и въ холодъ, она утратила ясное сознаніе дѣйствительности. Когда въ антрактѣ капитанъ Клемандо сталъ говорить съ нею, по обыкновенію — полуцинично, полутрусливо, она вся вздрогнула, а отъ виннаго запаха, который шелъ у него изо рта, она чуть не упала въ обморокъ. Но вдругъ она откинула голову, поглядѣла въ упоръ на его заплывшее, пьяное лицо и спросила тихимъ, рѣзкимъ, торопливымъ голосомъ:

— Что бы вы сказали, капитанъ, узнавъ, что именно я присутствовала на убійствѣ Фуальдеса въ домѣ Банкалей?

Капитанъ Клемандо поблѣднѣлъ, губы его медленно раскрылись, щеки затряслись, глаза испуганно заблестѣли, и когда Кларисса расхохоталась мягкимъ, насмѣшливымъ, но не совсѣмъ естественнымъ смѣхомъ, онъ поднялся и, неуклюже поклонившись, ушелъ. Онъ былъ наивный человѣкъ, совершенно необразованный и, какъ всѣ въ Родесѣ, былъ во власти всяческихъ

слуховъ объ убійствѣ. Когда представленіе кончилось, онъ подошелъ къ Клариссѣ, которая равнодушно направлялась къ выходу, гдѣ ее ожидалъ экипажъ, и спросилъ, пошутила ли она надъ нимъ. Но она отвѣтила ему пересохшими губами, съ выраженіемъ любопытства и ненависти на лицѣ:

— Нѣтъ, капитанъ.—При этомъ она коротко разсмѣялась, потомъ лицо ея снова стало серьезнымъ, почти печальнымъ, и она опустила голову.

Клемандо пошелъ домой взволнованный и въ твердой увѣренности, что услышалъ нѣчто очень важное. Онъ счелъ своимъ долгомъ сказать объ этомъ кому-нибудь, и на слѣдующее утро довѣрился одному товарищу. Тотъ сообщилъ тайну другому своему другу; они обсудили дѣло сообща, и уже въ полдень на слѣдующій день извѣстили обо всемъ судъ. Слѣдователь Жозіонъ вызвалъ къ себѣ капитана и мадамъ Мирабель. Послѣ долгаго размышленія, Кларисса заявила, что она пошутила, и слѣдователь пока отпустилъ ее.

Но суду нужны были не шутки. Префектъ, узнавъ о случившемся, явился вечеромъ къ предсѣдателю Сегюрэ, и у него произошелъ краткій разговоръ съ почтеннымъ старикомъ. Де-Сегюрэ былъ потрясенъ услыхавъ, какой позоръ навлекла на него его дочь, угрожая спокойствію его старости. Онъ призвалъ Клариссу. Какъ неживая стояла она передъ двумя стариками, и горе отца, выражавшееся въ каждомъ его движеніи и словѣ, потрясло ея душу. Она сослалась на безразсудный капризъ и мгновенное затмѣніе души; но это не помогло. Префектъ не скрывалъ, что не вѣритъ ей теперь. Самъ Сегюрэ, несмотря на свою веселость, былъ очень подозрителенъ и, кромѣ того, не умѣлъ ясно и твердо судить о людяхъ. Угнетенный видъ дочери показался ему несомнѣннымъ доказательствомъ ея вины, и онъ заявилъ ей рѣзко и строго, что если она не скажетъ ему полной правды, онъ навсегда оттолкнетъ ее отъ себя. Кларисса молчала. Слова отца были для нея пыткой. Сегюрэ не могъ послѣ того лечь спать, и всю ночь проходилъ по замку съ мучительными мыслями. Онъ напряженно обсуждалъ въ умѣ, каковъ характеръ Клариссы, и старался рѣшить, возможно ли такое преступленіе въ ея жизни? По мѣрѣ того, какъ онъ думалъ, онъ ясно понялъ, что ея непонятный характеръ запятнанъ роковой чертой — чрезмѣрнымъ романтизмомъ. Онъ тоже подпалъ подъ гипнозъ общаго возбужденія, общей подозрительности. Страхъ сообщничества съ преступленіемъ былъ сильнѣе, чѣмъ голосъ сердца. Подозрѣніе сдѣлалось увѣренностью, и отрицаніе Кла-

риссы казалось ему уже ложью. Когда онъ думалъ о прошломъ Клариссы, о томъ, какъ она любила уклоняться отъ предписанныхъ путей,—прежде это ему казалось качествомъ, а теперь—дверью, ведущей къ преступленію,—всѣ предположенія казались ему допустимыми, и образъ ея самъ собой вплетался въ темную ткань. Кларисса тоже не могла уснуть. На зарѣ она явилась къ отцу, бродившему по комнатамъ, и бросилась, рыдая, передъ нимъ на колѣни. Онъ не сталъ утѣшать, не поднялъ ее съ полу. Она съ отчаяніемъ спросила его, зачѣмъ бы ей было идти къ Банкалямъ, когда она, какъ вдова, совершенно свободна и можетъ кого угодно принимать у себя. На это предсѣдатель только многозначительно пожалъ плечами, и уже такъ твердо вкоренилось въ немъ мрачное подозрѣніе, такъ далекъ онъ былъ отъ всякаго состраданія, что въ отвѣтъ на просьбу быть справедливымъ къ ней, онъ только отвѣтилъ: „говори правду".

Молва не дремала, и быстро обнесла по городу новую вѣсть. Къ предсѣдателю стали являться родные и друзья, растерянные, возбужденные, злорадствующіе. Всѣмъ хотѣлось взглянуть на недоступную, непроницаемо-чуждую Клариссу, когда она вдругъ очутилась въ грязи. Нѣсколько дамъ постарше стали лицемѣрно увѣщевать ее сладкимъ голосомъ; презрительное молчаніе Клариссы и ея печальный взоръ казались имъ доказательствомъ ея вины. Пріѣхалъ опять префектъ и съ нимъ еще два чиновника. Для правительства и судебныхъ властей дѣло представляло огромную важность. Съ каждымъ днемъ раздавались все громче крики о мщеніи буржуазнаго населенія, встревоженнаго за свою безопасность, а также злое глумленіе бонапартистовъ. Газеты требовали осужденія виновныхъ, и готовилось уже возмущеніе крестьянъ. Такая непричастная къ преступленію свидѣтельница, какъ мадамъ Мирабель, могла быстро довести дѣло до конца: ее поэтому уговаривали, обѣщали достать папское разрѣшеніе нарушить клятву, которую она дала въ домѣ Банкалей. Мэръ привелъ въ замокъ іезуитскаго патера, который подтвердилъ, что разрѣшеніе отъ папы онъ навѣрное достанетъ. Но когда все оказалось тщетнымъ, и Кларисса стала встрѣчать съ каменнымъ спокойствіемъ всѣхъ, которые вмѣшивались въ это дѣло, ей стали грозить тюрьмой, а также тѣмъ, что во всей Франціи узнаютъ объ ея позорѣ и порочности. При этой угрозѣ префекта отецъ Клариссы опустился передъ нею на колѣни, какъ она передъ нимъ утромъ, умоляя ее, чтобъ она сказала правду. Этого она уже не могла вынести, и съ крикомъ упала на полъ въ глубокомъ обморокѣ.

Кларисса припомнила, что вечеръ девятнадцатаго марта она провела въ Родесѣ, въ семьѣ Паль. Она даже припомнила, что на слѣдующее утро хозяйка дома ей сказала: „Вотъ мы вчера всѣ веселились, а въ это самое время убили бѣднаго Фуальдеса“. Когда она сослалась на это слѣдователю, то семья Паль рѣшительнымъ образомъ отъ всего отреклась, сказала, что Клариссы у нихъ не было въ этотъ вечеръ, и даже, съ перепугу, заявила, что уже много лѣтъ не поддерживаетъ отношеній съ Клариссой, поссорившись съ ней. Чувство состраданія исчезло у людей, охваченныхъ страхомъ и загипнотизированныхъ своимъ воображеніемъ. Еслибы даже отдѣльные люди и продолжали здраво разсуждать, это бы все равно ни къ чему не привело; огромную лавину уже нельзя было остановить. Задуманъ былъ дьявольскій планъ, и префектъ, графъ д'Эстурнель, разработалъ его въ совершенствѣ, надѣясь на блестящіе результаты. Около часу ночи во дворъ замка въѣхала карета. Клариссу пригласили сѣсть въ нее, и съ нею вмѣстѣ сѣли предсѣдатель, префектъ и слѣдователь. Коляска остановилась передъ домомъ Банкалей. Отецъ Клариссы повелъ свою дочь въ комнату нижняго этажа налѣво; комната имѣла видъ пещеры и воздухъ въ ней былъ затхлый. На выступѣ печки горѣла тусклая лампа, озарявшая двухъ жандармовъ и одного писца; они стояли у стѣны съ неподвижными, мрачными лицами. Окна завѣшаны были тряпками, изъ алькова выглядывалъ глубокій мракъ, во всемъ домѣ царила полная тишина.

— Вамъ знакомо это мѣсто, мадамъ? — спросилъ префектъ съ торжественной медлительностью. Всѣ глядѣли на Клариссу. Чтобы смягчить страшное напряженіе, давившее ей грудь, она стала вслушиваться въ дождь, стучавшій объ стѣну. Она вся сосредоточилась на слухѣ. Она почувствовала странную вялость во всемъ тѣлѣ; языкъ ея могъ произнести только „да“, или „нѣтъ“, и такъ какъ „нѣтъ“ создало бы новыя муки, то она произнесла „да“ — маленькое слово, рожденное страхомъ и утомленіемъ, едва живое, но обладающее таинственной силой. Ея душа, смущенная и охваченная пламенной тоской, сдѣлала изъ призрака, созданнаго тысячью воспламененныхъ умовъ, живое явленіе. Полусознательно слышанное, разсѣянно прочитанное превратилось въ дѣйствительность. Ея жизнь волшебнымъ образомъ сплелась съ жизнью человѣка, который стоялъ въ лѣсу съ воздѣтымъ къ небу лицомъ и впитывалъ воздухъ съ жадностью звѣря, изнывающаго отъ жажды. Теперь она очутилась на мосту, который велъ въ его царство. Ей казалось, что она сидитъ у

его ногъ, и что съ его протянутой руки падаютъ капли крови на ея смиренно опущенную голову. Ужасъ и сладостная надежда охватили ея сердце съ двухъ сторонъ, и посрединѣ пылало какъ пламя, ликовало какъ боевой кличъ имя Бастида Грамона, — игрушка ея мечтаній.

Когда она произнесла первый слогъ рокового признанія, лица присутствующихъ просіяли. Предсѣдатель суда Сегюрэ закрылъ глаза рукой. Онъ внутренно рѣшилъ убить въ сердцѣ любовь къ порочной дочери. Кларисса это почувствовала. Всѣ узы, связывавшія ее съ прежнимъ существованіемъ, расторглись.

Такъ, значитъ, она была въ этомъ помѣщеніи девятнадцатаго марта?—спросили ее. Она кивнула головой.—Какъ же она сюда попала?—разспрашивалъ дальше слѣдователь Жозіонъ, и въ голосѣ его слышались особая осторожность и деликатность,—онъ точно боялся помѣшать работѣ робкихъ духовъ памяти. Кларисса молчала.—Вы вошли по улицѣ Эбдомадье?—снова спросилъ префектъ. Кларисса кивнула головой.—Говори же, говори!—крикнулъ Сегюрэ такимъ громовымъ голосомъ, что даже оба жандарма вздрогнули отъ испуга.

— Мнѣ повстрѣчалось нѣсколько людей,—прошептала Кларисса, и всѣ невольно вытянули головы, вслушиваясь въ звуки ея голоса. — Я испугалась и отъ страха вбѣжала въ первый открытый домъ.

Жозіонъ сдѣлалъ знакъ писцу.

— Именно въ этотъ домъ? — ласково спросилъ онъ, въ то время какъ писецъ прикорнулъ у печки и сталъ писать.

Кларисса продолжала тѣмъ же жалобнымъ шопотомъ:

— Я открыла дверь и вошла въ эту комнату. Кто-то схватилъ меня за руку и повелъ въ альковъ. Онъ велѣлъ мнѣ не двигаться съ мѣста. Это былъ Бастидъ Грамонъ.—Наконецъ она произнесла это имя. Выговорить его было совсѣмъ не то, что повторять его только въ мысляхъ. Кларисса закрыла глаза и судорожно сжала руки, замолчавъ на минуту. — Онъ оставилъ меня тамъ одну,—продолжала она затѣмъ, говоря какъ во снѣ,—потомъ вернулся, велѣлъ мнѣ слѣдовать за нимъ и вывелъ меня на улицу. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился и спросилъ, знаю ли я, кто онъ. Я сказала, что нѣтъ, а потомъ, что знаю. Затѣмъ онъ спросилъ меня, видала ли я что-нибудь, и я сказала: нѣтъ. „Уходите“, сказалъ онъ тогда, и я ушла. Но не успѣла я дойти до площади, какъ онъ опять очутился подлѣ меня и взялъ мою руку въ свою. „Я не участвовалъ въ убійствѣ,— сталъ онъ увѣрять меня. — Но, увидавъ васъ, я хотѣлъ васъ

спасти. Поклянитесь молчать, поклянитесь жизнью вашего отца!" Я поклялась, и тогда онъ меня отпустилъ. Вотъ все, что я могу сказать.

Слѣдователь скептически улыбнулся.

— Вы говорите, что вошли сюда съ улицы,—сказалъ онъ.— Но свидѣтельскими показаніями установлено совершенно неоспоримо, что ворота закрыты были съ восьми часовъ. Какъ же вы это объясните?

Кларисса ничего не отвѣтила.

— И какъ объяснить далѣе, что вы ничего не видѣли, проходя черезъ освѣщенную комнату? Какъ же вы никого и ничего не видѣли, когда нѣтъ никого, кто бы не видѣлъ васъ?

Кларисса продолжала молчать; казалось, точно она даже не дышитъ. Префектъ сдѣлалъ знакъ слѣдователю, что на первый разъ довольно и этого: Кларисса созналась, что видѣла Бастида Грамона у Банкалей. Рѣшеніе ошеломить преступника, упорно отрицающаго свою вину, устроивъ очную ставку между нимъ и свидѣтельницей, явилось само собой.

Клариссу повели къ колискѣ; отъ слабости она не могла сама ступить ни шагу. Дома она впала въ очень странное состояніе. Сначала она долго сидѣла въ креслѣ, застывъ какъ въ летаргическомъ снѣ, потомъ вдругъ вскочила и стала кричать:— „Уведите убійцу!"—Дверь открылась, и въ щелку просунулось испуганное лицо слуги. Вся прислуга столпилась въ сѣняхъ,— большинство хотѣло отказаться отъ службы у предсѣдателя; Кларисса почувствовала, что она лишена отнынѣ опоры отцовской любви, что она изгнана изъ круга, гдѣ чтятъ традиціи, гдѣ сдержанность вмѣняется въ нравственный долгъ. Теперь она сдѣлалась добычей всѣхъ взоровъ; самый наглый взглядъ имѣлъ право касаться ея души,—она сдѣлалась объектомъ общественнаго любопытства. Ничто въ ней не было уже ея исключительной собственностью, она не находила самоё себя, не могла ни на чемъ успокоиться въ себѣ; она была заклеймена внутренне и внѣшне, сдѣлалась пищей общаго злораднаго любопытства. Ее бросили беззащитную въ мутные потоки сплетенъ; она стала центромъ ужаснаго происшествія, отъ котораго уже не могла отвлечь своихъ мыслей. Грусть, страхъ, презрѣніе—эти чувства уже исчезли для нея; кровь ея теперь слишкомъ бурно кипѣла, чтобы испытывать ихъ. Ею овладѣла неувѣренность къ себѣ, сомнѣніе въ своихъ воспріятіяхъ, сомнѣніе относительно всего видимаго. Иногда она нарочно колола себѣ палецъ, чтобы почувствовать дѣйствіе укола и ощутить боль, которая была бы

доказательствомъ, что она не спитъ, а бодрствуетъ,—чтобы сохранить свое сердце отъ тлѣнія. Больше всего, однако, ее мучили назойливыя приставанія постороннихъ: увѣщанія говорить правду, насмѣшки и ропотъ снизу, приказанія сверху, что разъ сказанное ею слово уже не забывалось и какъ бы мстило за себя. Ей казалось въ концѣ концовъ, что весь міръ полонъ кровавыхъ, неустанно двигающихся языковъ. Всѣ человѣческія лица омрачились въ ея глазахъ—всѣ, за исключеніемъ одного, героически страдающаго. Онъ одинъ, несмотря на свою преступность, царилъ и казался вознесеннымъ надъ всѣми своей виной и твердостью своего духа. И когда ей сообщили, что ее приведутъ на очную ставку съ Бастидомъ Грамономъ, сердце ея впервые снова радостно забилось, и она нарядилась какъ на праздникъ.

Встрѣча должна была состояться въ кабинетѣ слѣдователя. Кромѣ слѣдователя Жозіона и его писцовъ, явился также членъ суда Пино, который уже вернулся изъ Тулузы. Жозіонъ окинулъ его злобнымъ взглядомъ поверхъ очковъ, когда вошла Кларисса Мирабель, въ кружевахъ, съ улыбкой поклонилась присутствующимъ и беззаботно оглянула неуютную комнату. Изъ рамы посреди стѣны на нее глядѣло жирное недовольное лицо короля;—гримаса на его лицѣ была такая, точно каждый отдѣльный изъ его подданныхъ ему особенно противенъ. Она забыла, что это только портретъ, и поглядѣла на него, кокетливо надувъ губы.

Слѣдователь далъ знакъ, открылась боковая дверь и въ комнату ввели Бастида Грамона; онъ шелъ между двухъ солдатъ, съ кандалами на рукахъ. Кларисса слабо вскрикнула, и лицо ея сдѣлалось мертвеннымъ.

Бастидъ былъ весь обвѣянъ воздухомъ темницы. Дико растрепанные волосы, длинная борода, неподвижно упорный и нѣсколько ослѣпленный взглядъ, сгорбленность исполинской фигуры, какъ бы согнувшейся подъ тяжкой ношей, гнѣвная складка на лбу,—все свидѣтельствовало о томъ, что онъ пришелъ изъ тюрьмы. Казалось, что онъ незримо носитъ вокругъ себя стѣны, наполнявшія его грудь тьмой и мукой, обманывавшія его мѣсяцъ за мѣсяцемъ призраками все болѣе и болѣе далекой свободы. Наконецъ, они уже отказались рисовать ему обманные образы цвѣтущихъ деревьевъ, пышныхъ нивъ. И тогда видъ ихъ вызывалъ въ узникѣ представленіе о сѣромъ осеннемъ вечерѣ, когда въ воздухѣ уже чувствуется запахъ зимы, и погребальныя дроги все чаще проѣзжаютъ мимо воротъ по направленію къ маленькому кладбищу, и когда поднимающійся серпъ мѣсяца, пылая, плыветъ

по влажной лазури, какъ кровоточащее, расколотое пополамъ сердце гиганта.

И все же сколько гордости въ этихъ глазахъ, сколько сверкающей рѣшимости остаться вѣрнымъ самому себѣ! И все же какая странная усмѣшка на лицѣ, похожая на осторожность, и въ то же время величавый взглядъ дикой кошки! Какое безконечное презрѣніе на лицѣ, когда онъ взглянулъ на писцовъ, приготовившихся записывать, сколько внутренней свободы и отрѣшенности, несмотря на кандалы и на солдатъ по обѣ стороны!

Вотъ что̀ исторгло крикъ у Клариссы и согнало съ ея лица суетную веселость. Не потому она ужаснулась, что увидѣла того, кто ей явился въ рощѣ, какъ духъ лѣса и земли,—съ завязанными руками, съ надломленными силами,—а потому что ее вдругъ озарила какъ молнія увѣренность, что эта рука не убивала, и что случилось безвыходно-ужасное, безумное, сотканное злобой и ложью и больной фантазіей. У нея закружилась голова; у нея было такое чувство, точно она падаетъ съ высокой башни. Она устыдилась своего пышнаго наряда, своего вызывающаго вида, и въ страстномъ порывѣ отчаянія сорвала драгоцѣнныя кружева съ рукавовъ и бросила ихъ на полъ съ выраженіемъ безмѣрнаго отвращенія.

Слѣдователь Жозіонъ истолковалъ это движеніе совершенно иначе. Онъ снова улыбнулся члену суда Пино, но на этотъ разъ съ торжествомъ, точно желая сказать: вотъ видите, я угадалъ.

— Вы знаете эту даму, Бастидъ Грамонъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ заключенному.

Бастидъ повернулъ къ ней голову, и его взоръ, выражавшій горечь и презрѣніе, проникъ ей въ самую душу.

— Я ее не знаю, — мрачно отвѣтилъ онъ,—я никогда не видалъ ее.

Слѣдователь опять учтиво усмѣхнулся и сказалъ сладкимъ голосомъ, какъ бы исправляя небольшую неточность:

— Едва ли это возможно. Мадамъ Мирабель была въ мужскомъ платьѣ и въ шляпѣ съ зелеными перьями. Она вошла въ домъ Банкалей, и вы сами вывели ее потомъ на улицу и взяли съ нея клятву. Прошу васъ вспомнить это.

Лицо Бастида сморщилось, точно онъ хотѣлъ отмахнуть назойливую муху, и онъ повторилъ энергично и громко:

— Я эту даму не знаю. Я никогда ее не видалъ.

Сжатыя губы его выразили непобѣдимую рѣшимость отнынѣ не нарушать молчанія.

Жозіонъ поправилъ парикъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Что вы можете отвѣтить на это, мадамъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Клариссѣ, которая стояла съ совершенно растеряннымъ видомъ.

— Онъ не можетъ знать, что я его видѣла, — тихо сказала она.

Бастидъ снова обернулся къ ней, и въ нѣсколько косомъ взглядѣ его усталыхъ блестящихъ глазъ мелькнули любопытство и насмѣшка, но лишь такая, съ какой онъ сталъ бы разглядывать своеобразную разновидность гриба или паука. Онъ какъ бы внутренно взвѣсилъ эту нѣжную дѣтскую фигурку, мимолетно удивился ея нервнымъ движеніямъ, лихорадочно возбужденнымъ глазамъ, безпомощному дрожанію губъ, удивился брошеннымъ на полъ кружевамъ. Но, къ великому удивленію, онъ увидѣлъ, что она протянула руки съ мольбой къ нему.

Слѣдователь вскочилъ и крикнулъ Клариссѣ съ искаженнымъ лицомъ:

— Не шутите съ нами, сударыня, это вамъ можетъ дорого обойтись! Говорите же наконецъ. Насильно взятая клятва не имѣетъ силы. Спокойствіе вашихъ согражданъ, спокойствіе страны зависитъ отъ васъ. Освободитесь отъ чаръ этого злодѣя! Ваша наглая улыбка, Грамонъ, попомнится вамъ на судѣ!

Пино подошелъ къ Бастиду и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо. Бастидъ поднялъ руки и приставилъ сжатые кулаки къ глазамъ съ выраженіемъ мучительнаго гнѣва. Кларисса подошла, шатаясь, къ столу слѣдователя и, поблѣднѣвъ какъ смерть, воскликнула:

— Все это ложь! ложь! ложь!

Слѣдователь Жозіонъ оглядѣлъ ее съ головы до ногъ и холодно сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ объявляю васъ подъ судомъ и заявляю вамъ, что вы арестованы.

Тѣнь мрачнаго довольства пробѣжала по лицу Клариссы. Повернувшись къ Бастиду Грамону съ быстротой искусной балерины, она взглянула на него такъ, какъ глядятъ на закатѣ душнаго дня на небо, подернутое тучами, и, болѣзненно вздохнувъ, тихо назвала его по имени. Но онъ отступилъ на шагъ, точно его коснулось что-то нечистое, и никогда передъ тѣмъ Кларисса не испытывала на себѣ такого взгляда, не видала такого безгранично презрительнаго выраженія лица. У нея задрожали колѣни, она почувствовала дурноту и на рѣсницахъ заблестѣли слезы. Только послѣ того, какъ за ней закрылись двери

тюрьмы, прошло у нея чувство тяжкаго униженія, испытаннаго отъ взгляда Бастида. Ее осилили стыдъ и раскаяніе, и ее едва утѣшала лишь до нѣкоторой степени таинственность ея положенія. Ей казалось, что она лишена охраны законовъ, что она выбита изъ колеи, въ которой причины и слѣдствія, навсегда скованныя вмѣстѣ, медленно ползутъ по пути осуществленія.

Соотвѣтственно своему общественному положенію, она была помѣщена въ самую лучшую камеру тюрьмы. Первые часы она пролежала на соломенномъ тюфякѣ и извивалась въ судорогахъ. Когда сторожъ, внявъ ея настойчивымъ просьбамъ, принесъ ей свѣчу—она боялась сойти съ ума въ темнотѣ,—то свѣтъ упалъ на Распятіе, висѣвшее на сѣрой стѣнѣ. Она вскрикнула; ея болѣзненно напряженное воображеніе нашло сходство между ликомъ Спасителя и лицомъ Бастида Грамона. Его губы также сжались мучительнымъ кольцомъ, когда онъ прижалъ кулаки къ глазамъ.

Она еще разъ попыталась ополчиться на судьбу, безмѣрно покаравшую ее. Ея настоящей стихіей была жизнь въ обществѣ; ей хотѣлось быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ людьми. Она потребовала чернилъ и бумаги и написала письмо префекту.

„Правосудія, господинъ графъ!—писала она.—Есть еще время предотвратить величайшее несчастіе. Вспомните, какими усиліями вы выпытали у меня то, что считаете правдой; вспомните, какія угрозы заставили меня уступить вамъ. Я—жертва обстоятельствъ. Все, въ чемъ я призналась—ложь. Ни одинъ разумный человѣкъ не откроетъ въ моихъ словахъ тѣни правдоподобія. Я дала въ порывѣ отчаянія фальшивое показаніе. Скажите моему отцу, что дочь отнята у него его жестокостью, а не моимъ мнимымъ преступленіемъ. Я уже не знаю, чему вѣрить,—прошлое исчезаетъ изъ моей памяти, моя увѣренность начинаетъ колебаться. Если я прошу слишкомъ многаго, взывая къ справедливости, то буду молить лишь о пощадѣ, графъ. Судьба приготовила мнѣ испытаніе, но сердце мое чисто, какъ ясный день“.

Письмо ни къ чему не привело. Было слишкомъ поздно для словъ, даже еслибы они прогремѣли изъ устъ пророка. На слѣдующее утро Клариссѣ показали многихъ изъ числа свидѣтелей и заключенныхъ. Явились Бахъ, Банкали, солдатъ Коларъ, Роза Фераль, Мисонье и маленькая Магдалина Банкаль. Бускье заболѣлъ. Видъ потерянныхъ, едва двигающихся отъ изнеможенія, запуганныхъ всяческими терзаніями, озлобленныхъ и на все готовыхъ существъ встревожилъ Клариссу до глубины души и въ то же время внушилъ ей чувство неизгладимой осквернености

ихъ близостью.—Это она?—спрашивали каждаго изъ этихъ несчастныхъ, и всѣ съ дерзкимъ равнодушіемъ отвѣчали:—Да, она. Только Мисонье стоялъ и смѣялся какъ идіотъ.

Кларисса была изумлена. Она не ожидала такихъ опредѣленныхъ, твердыхъ отвѣтовъ. Она съ внутренними рыданіями отгоняла отъ сознанія несомнѣнность положенія, въ которомъ она очутилась, и съ ужасомъ искала въ мысляхъ путь къ прошлому, на которомъ настоящее покоилось. Ея потрясенный духъ углублялся въ прежніе годы, вплоть до юности, до дѣтства; она старалась открыть тамъ своего двойника и врага. Все жуткое и чуждое въ ея душѣ превращалось постепенно въ сущность и центръ ея существованія, и ночное убійство въ домѣ Банкалей преобразилось, какъ и весь остальной міръ, въ видѣніе крови и ранъ.

Но мрачные фантастическіе образы были путемъ, который велъ къ Бастиду Грамону. Его преступность казалась ей прекрасной. Быть можетъ, губы его коснулись ея губъ, прежде чѣмъ онъ взялъ въ руку ножъ. Она сочетала собственную вину, омрачающую ея душу, съ его виной, еще большей. То, что разрывало его связь съ людьми, соединяло его съ нею. Она не думала о томъ, какія причины побудили его совершить убійство. Мысль о преступленіи навѣрное зародилась у него тогда, когда она увидала его въ первый разъ, когда онъ какъ бы впитывалъ въ себя весь лѣсъ, всю весну. Все равно, окунулъ ли онъ руки въ солнечный свѣтъ или въ кровь,—и то, и другое завершало красоту его образа и нужно было ей для ея мрачной страсти. Фуальдесъ былъ злымъ демономъ, котораго нужно было уничтожить. „Боже!—думала она въ странномъ упоеніи:—знай я это, я бы совершила этотъ подвигъ за него, и была бы героиней, какъ Шарлотта Кордэ“. Но почему онъ не сознается? Почему онъ поглядѣлъ на нее съ уничтожающе-презрительнымъ взглядомъ, котораго она не могла забыть и который все еще горѣлъ на ней, какъ клеймо позора? Или онъ такъ гордъ, что не хочетъ преклониться передъ закономъ, для котораго его подвигъ равенъ дѣянію всякаго уличнаго разбойника? Нѣтъ сомнѣнія, онъ не признаетъ этихъ людей своими судьями. Значитъ, она можетъ потянуть его внизъ за собой, можетъ сдѣлать его зависимымъ отъ движенія ея устъ, можетъ приручить свободнаго дикаго звѣря, и она забыла, что поставлено на карту, забыла желѣзный законъ причинности, который управлялъ теперь событіями, и отдалась своимъ чувствамъ, какъ дитя, еще не знающее о смерти.

На шестнадцатое октября назначено было разбирательство дѣла въ судѣ. Въ полдень десятаго числа Кларисса заявила, что желаетъ говорить съ слѣдователемъ. Когда ее привели къ нему, она сказала, что желаетъ открыть наконецъ всю правду. Жозіонъ призвалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ своихъ писцовъ.

— Я вошла въ комнату и увидѣла, какъ сверкнулъ ножъ,— стала разсказывать Кларисса.—Я вбѣжала въ альковъ; Бастидъ Грамонъ поспѣшилъ за мной, обнялъ меня и поцѣловалъ. Онъ мнѣ сказалъ, что Фуальдеса необходимо убить, потому что этотъ дьяволъ разбилъ его счастье, лишилъ его жизнь всякой радости. Бастидъ былъ въ какомъ-то упоеніи, и когда я стала возражать, онъ опять закрылъ мнѣ ротъ поцѣлуями и цѣловалъ меня такъ, что я не могла оказать сопротивленія. Послѣ того онъ заставилъ меня принести клятву, затѣмъ ушелъ, и я слышала стоны и страшный крикъ маленькой Магдалины Банкаль. Она лежала въ постелькѣ, потомъ вдругъ сѣла и заплакала. Тогда я потеряла сознаніе и пришла въ себя уже на улицѣ.

Все это она произнесла усталымъ, равнодушнымъ тономъ. Звукъ голоса ея былъ какой-то стеклянный, глаза подернулись и были полузакрыты, маленькія ручки тяжело свѣшивались по бокамъ, и, замолчавъ, она странно улыбалась, глядя въ пространство.

— Вы, значитъ, уже видѣлись раньше съ Бастидомъ Грамономъ?—спросилъ слѣдователь.

— Да. У насъ были свиданія въ лѣсу. Вблизи Ла-Морнъ есть старый колодезь на полѣ. Мы часто сходились и тамъ—въ особенности въ лунныя ночи. Разъ Бастидъ посадилъ меня съ собой на лошадь, и мы помчались съ бѣшеной скоростью къ ущелью Гиньоль. Я спросила: „Почему вы такъ быстро мчитесь, Бастидъ?“ Онъ прошепталъ: „Я убѣгаю отъ себя и отъ людей“. Но въ другіе дни онъ былъ очень нѣженъ и добръ. Я никогда не встрѣчала лучшаго человѣка, чѣмъ онъ.

Голосъ ея становился все болѣе серебристымъ, и она стала говорить, наконецъ, какъ въ трансѣ или во снѣ. Ей прочли ея показанія; она спокойно и не колеблясь подписала ихъ, затѣмъ слѣдователь объявилъ ей, что она свободна.

Въ замкѣ ее встрѣтили враждебно. Тѣ немногіе слуги, которые остались въ домѣ, дерзко шипѣли ей вслѣдъ, никто не прислуживалъ ей, и ей пришлось самой принести себѣ изъ кухни кувшинъ воды. Когда отецъ ея вернулся домой, онъ уже зналъ, какъ и весь городъ, о признаніяхъ Клариссы. То обстоятельство, что между нею и Бастидомъ были любовныя отношенія, сразу озаряло все предыдущее и окружало сіяніемъ ея прежнее мол-

чаніе. Но отецъ Клариссы еще суровѣе отстранился отъ дочери, узнавъ про это. Когда онъ увидѣлъ Клариссу на порогѣ ея комнаты, онъ отвернулъ лицо и выразилъ жестомъ свое отвращеніе.

Въ этотъ день у предсѣдателя было нѣсколько гостей къ обѣду. Когда всѣ сидѣли за столомъ, открылась дверь и появилась Кларисса. Де-Сегюрэ вскочилъ со стула, задыхаясь отъ гнѣва.—Уходи!—хрипло крикнулъ онъ, вытянувъ руку.—Уходи!

Но Кларисса не послушалась и подошла къ столу. Лицо ея сіяло. Она посмотрѣла отцу прямо въ глаза, и тотъ опустилъ взоръ, точно ослѣпленный.

— Не брани меня, отецъ!—сказала она мягко, съ неотразимой грустью и мольбой въ голосѣ.

Она обратилась къ одному изъ присутствующихъ съ самымъ обыденнымъ вопросомъ. Тотъ растерялся, изумился, но не могъ противиться ея обаянію. Ея лицо, поблѣднѣвшее отъ тюремнаго воздуха, сдѣлалось одухотвореннымъ. Самое простое слово изъ ея устъ полно было особаго очарованія.

Разговоръ сдѣлался общимъ; гости побѣдили и даже забыли свое первое изумленіе. Остроуміе и живость Клариссы произвели на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Во всемъ ея существѣ чувствовалась страстность, покорявшая всѣ сердца. Въ движеніяхъ ея было что-то манящее, глаза блестѣли мечтательнымъ огнемъ. Внимая ей противъ воли, отецъ ея все-таки не могъ не поддаться обаянію, которое увлекло его гостей. Покоренный ею, онъ забылъ свой гнѣвъ и принялъ участіе въ общемъ разговорѣ, хотя грудь его давила страшная тяжесть. Говорили о политикѣ, о книгахъ, объ искусствѣ, объ охотѣ, о войнѣ, обо всемъ и ни о чемъ въ частности; сверкали перекрестныя шутки, блестящія фразы, раздавался смѣхъ въ перемежку съ серьезнымъ разговоромъ. По временамъ казалось, точно разыгрывается мастерски исполненная сцена комедіи, или точно легкое опьяненіе шампанскимъ окрылило всѣ умы. Всѣ старались превзойти самихъ себя, а Кларисса управляла всѣмъ, какъ фея управляетъ голубями, везущими ея облачную колесницу.

Вскорѣ послѣ полуночи она поднялась; мимолетная, дикая улыбка промелькнула на ея лицѣ. Она поклонилась почти церемонно и вышла; наступило внезапное неловкое молчаніе. Когда де-Сегюрэ пошелъ провожать своихъ гостей, у него былъ очень разстроенный видъ, и они всѣ ушли изъ замка тихо, крадучись, какъ воры.

Предсѣдатель Сегюрэ ходилъ еще нѣсколько времени взадъ и впередъ по залѣ. Вскорѣ его сталъ раздражать звукъ собствен-

шесть шаговъ; онъ вышелъ въ садъ и, гуляя по извилистымъ дорожкамъ, облегченно вдыхалъ ночную прохладу. Гуляя по аллеямъ, онъ увидѣлъ полосу свѣта, падавшую на дорогу. Онъ всталъ на край маленькаго фонтана, чтобы заглянуть въ комнату Клариссы; ея окна были открыты. Онъ съ трудомъ подавилъ крикъ изумленія, увидавъ, что Кларисса, въ ночномъ одѣяніи и съ выраженіемъ экстаза на лицѣ, упоенно танцуетъ. Глаза ея были закрыты, точно заперты, брови подняты высоко на лобъ, плечи покачивались въ ритмъ какихъ-то неслышныхъ звуковъ, то страшно быстро, то чрезмѣрно медленно. Вдругъ она схватила какой-то предметъ,—это было зеркало. Взглянувъ въ него, она въ ужасѣ уронила его на полъ, и отецъ ея ясно услышалъ звонъ осколковъ. Потомъ она подошла къ окну, распрыла платье на груди, положила руки на обнаженную грудь и стала глядѣть вдаль, прямо туда, гдѣ стоялъ ея отецъ. Онъ испугался, что она его увидитъ, но этого не случилось. Не замѣчая его, она поглядѣла нѣсколько времени на несущіяся вдаль облака и потомъ закрыла окно. Де-Сегюрэ простоялъ еще довольно долго, не двигаясь съ мѣста, и никакъ не могъ придти къ какому-нибудь заключенію. „Кого она обманываетъ?—подумалъ онъ съ печалью:—себя, или людей, или Бога?“

Въ эту ночь Кларисса впервые послѣ долгаго времени спокойно уснула. Но когда она ложилась въ бѣлую постель, ей показалось, что подушки обагрились, и она впала въ сонъ, какъ падаютъ въ пропасть. Ей снились пейзажи, страшные дома и небо, похожее на запекшуюся кровь. Она сама шла въ серебристомъ сіяніи, какъ невѣста, и хотя она никого не видѣла и никто не касался ея, все же она чувствовала на губахъ пламенные поцѣлуи, и у нея было такое чувство, точно въ лонѣ ея что-то шевелится.

То же волненіе не покидало ее и въ слѣдующіе дни. Между нею и міромъ лежалъ серебристый покровъ. Изъ страха разорвать его, она стала говорить тихо и ходила медленными шагами. Наканунѣ суда, возвращаясь съ поля, она увидѣла у воротъ замка двухъ женщинъ. Одна изъ нихъ бросилась ей навстрѣчу, упала на колѣни и схватила ее за руки. Это была Шарлотта Арлабосъ.

— Что вы сдѣлали! — прошептала красивая дѣвушка, задыхаясь.—Онъ не виновенъ. Клянусь именемъ Христа, онъ невиновенъ. Сжальтесь — если не надо мной, то надъ его старой матерью!

Заходящее солнце озаряло краснымъ свѣтомъ черты лица, искаженныя мольбой. За Шарлоттой стояла очень полная дама

съ большими бородавками на рукахъ; лицо ея было исхудавшее и неподвижное, какъ у мертвой. Она была похожа на дерево въ полномъ соку, у котораго отсохла верхушка.

Кларисса сдѣлала отстраняющій жестъ рукой, но лицо ея при этомъ оставалось спокойнымъ. На секунду ей показалось, что она узнаётъ себя въ женщинѣ, стоящей на колѣняхъ, что она видитъ своего двойника, и жестокое чувство торжества наполнило ея сердце.

— Не безпокойтесь, дитя мое,—сказала она съ тихой улыбкой:—что касается Бастида, то все уже рѣшено.

Съ этими словами она открыла ворота и вошла въ домъ.

Въ этотъ вечеръ Кларисса рано легла спать, но проснулась уже въ четыре часа утра и начала одѣваться. Она выбрала черное бархатное платье и прикрѣпила брилліантовую звѣзду къ корсажу, подъ обнаженной шеей. Сердце ея билось учащенными ударами по мѣрѣ того, какъ приближался часъ суда. Въ восемь часовъ подали коляску; до Альби, гдѣ засѣдалъ судъ, было довольно далеко. Самъ де-Сегюрэ уѣхалъ верхомъ уже рано утромъ—никто не зналъ, куда.

На улицахъ стараго города толпилось такъ много народа, что лошадямъ пришлось идти шагомъ. Коляску окружили со всѣхъ сторонъ, и всѣ стали заглядывать въ открытыя окна. Женщины поднимали дѣтей на рукахъ, чтобы и они видѣли знаменитую Клариссу Мирабель.

Она не скрывалась отъ любопытствующихъ взоровъ, и сидѣла, улыбаясь, какъ невѣста, высоко поднявъ свои черныя брови.

Ровно въ десять часовъ явился предсѣдатель суда Энжальранъ. Зала была переполнена народомъ. Послѣ прочтенія длиннѣйшаго обвинительнаго акта, вызванъ былъ къ допросу Бастидъ Грамонъ.

Твердо, какъ бронзовое изваяніе, стоялъ онъ передъ судейскимъ столомъ. Отвѣты его были холодные, ясные и краткіе. Онъ теперь понималъ съ начала до конца нелѣпую сказку, сотканную изъ глупости и злобы. Онъ язвительно насмѣхался надъ всѣми, выражая этимъ свое безграничное презрѣніе къ обвинителямъ, и привелъ въ большое смущеніе защитника, котораго судъ назначилъ ему передъ самымъ судомъ и съ которымъ онъ упрямо отказался вести переговоры.

Отъ времени до времени онъ устремлялъ взоръ на высокія, какъ въ церкви, окна; когда онъ замѣтилъ на карнизѣ птичку,

зарывшую желтый клювъ въ перья на грудкѣ, онъ на минуту взволновался, и губы его скорбно раскрылись.

Допросъ его длился очень недолго. Это была простая формальность, потому что судьба его была рѣшена заранѣе. Съ Бахомъ, Коларомъ и другими обвиняемыми предсѣдателю Энжальрану легко было справиться; ихъ показанія были какъ бы закаменѣлыми. Бускье умеръ въ тюрьмѣ. Изъ другихъ же каждый старался, какъ умѣлъ, выгородить себя, и всѣ они казались разбитыми, совершенно безвольными существами. Сильное впечатлѣніе произвелъ старикъ Банкаль. Съ нимъ сдѣлалась истерика во время допроса, и онъ дошелъ до полнаго бѣшенства, доказывая свою невинность. Горбатый Мисонье ухмылялся, когда рѣчь шла объ его присутствіи при убійствѣ; онъ впалъ въ животное состояніе вслѣдствіе долгаго сидѣнія въ тюрьмѣ и постоянныхъ допросовъ. Маленькая Магдалина Банкаль вела себя какъ на сценѣ, посылала воздушные поцѣлуи своимъ знакомымъ и покровителямъ, сидѣвшимъ въ публикѣ. Роза Фераль поблѣднѣла какъ снѣгъ при видѣ кровавыхъ тряпокъ, лежавшихъ передъ нею на столѣ, и не могла произнести ни слова. Жена Банкаля показала, что адвоката Фуальдеса втащили въ домъ шесть человѣкъ и заставили его подписывать нѣсколько бумагъ „вдоль и поперекъ", какъ она выразилась. На слѣдующій день, по ея словамъ, она нашла одинъ изъ векселей, но такъ какъ онъ былъ забрызганъ кровью, то сожгла его. Больше она ничего не хотѣла показывать, тупо молчала въ отвѣтъ на дальнѣйшіе вопросы и сказала, наконецъ, что все, что она еще знаетъ сверхъ сказаннаго, она сообщитъ только на исповѣди.

Свидѣтели показывали самое невѣроятное съ поразительнымъ душевнымъ спокойствіемъ. Память ихъ была такая необыкновенно хорошая, что они помнили по часамъ и минутамъ такія подробности, какія обыкновенно забываются на слѣдующій день. Они разсказывали, что видѣли людей ночью, въ туманѣ, узнавали ихъ лица, ихъ движенія, цвѣтъ ихъ платья. Они слышали черезъ толстыя стѣны слова, сказанныя шопотомъ, и тихіе стоны. Одинъ нищій, по имени Лавиль, который приходилъ ночевать въ хлѣвъ къ Мисонье, слышалъ, какъ четыре человѣка несли ношу,—какъ люди, которые тащатъ бочку. Бастидъ Грамонъ смѣялся, слушая нѣкоторыя показанія, и заявлялъ, что все это—безсовѣстная ложь. Когда жена Банкаля принялась сочинять разныя небывальщины, онъ заявилъ, что ожидалъ еще бо́льшаго отъ старухи, которая, наконецъ, разрѣшилась отъ бремени молчанія и начала выдумывать. Другой свидѣтельницѣ онъ, весь дрожа, пригрозилъ, что

на нее падетъ тяжкая кара небесная и что ребенокъ ея умретъ страшной смертью. Онъ походилъ на борца, который сражается съ туманомъ. Никто собственно не отвѣчалъ ему; онъ былъ одинокъ, и противорѣчія, которыя онъ разбивалъ, оставались противорѣчіями. Сначала онъ сохранялъ твердость духа, держался стойко, смотрѣлъ свидѣтелямъ прямо въ лицо. Но потомъ онъ точно пересталъ понимать значеніе словъ, не только своихъ собственныхъ, но всѣхъ словъ на свѣтѣ. Ему казалось, что онъ теряетъ почву подъ ногами и падаетъ неудержимо черезъ пространство куда-то въ бездну. Онъ съ ужасомъ спрашивалъ себя, дѣйствительно ли то, что происходитъ,—жизнь и можетъ быть названо жизнью? Дивное зданіе природы казалось ему теперь запустѣлымъ, разрушеннымъ, какъ треснувшая отъ бури стѣна. Раскрытыя уста всѣхъ этихъ людей были точно развертающаяся въ отвратительныхъ судорогахъ пасть. Духъ его открылся для мрака, стыдъ сжигалъ его. Бастидъ стыдился безымяннаго Бога, стыдился, что у него такое же тѣло, какъ у всѣхъ, стоявшихъ вокругъ него. Онъ любилъ міръ, когда-то любилъ людей, и теперь стыдился этого. Ему было больно, что онъ когда-либо питалъ надежды, что онъ успокаивалъ сердце ожиданіями, что видъ неба и солнца могъ исторгнуть у него радостный взоръ, что шутки могли вызвать у него улыбку. Ему хотѣлось бы никогда не выдавать своей внутренней жизни, быть какъ камень на дорогѣ для того, чтобы не стать свидѣтелемъ судьбы передъ собственнымъ заклейменнымъ, истерзаннымъ и неслыханно униженнымъ духомъ... Уже мыслить казалось ему позоромъ, а тѣмъ болѣе позорнымъ было бы сказать хоть слово. Бастидъ замкнулся въ молчаніе и сталъ глядѣть въ открывавшійся ему ликъ смерти.

Уже подъ вечеръ вызвали, наконецъ, въ залу засѣданія главную свидѣтельницу, Клариссу Мирабель, и утомленная публика сразу вся встрепенулась. Кларисса вошла и, несмотря на духоту въ залѣ, почувствовала ознобъ. Произнося присягу, она вся дрожала. Предсѣдатель Энжальранъ сказалъ ей, что она должна говорить только правду. Какимъ-то чужимъ, тусклымъ голосомъ она повторила нѣсколько торопливо показаніе, которое дала слѣдователю. Въ залѣ воцарилась жуткая тишина, и голосъ ея поэтому становился все болѣе тихимъ. Она стала приводить множество подробностей, сказала, что видѣла длинный ножъ на столѣ, что видѣла, какъ Банкаль и Коларъ внесли деревянную ванну, и что адвокатъ Фуальдесъ сидѣлъ тѣмъ временемъ у стола и писалъ, наклонивъ плечи. Она видѣла также, по ея словамъ,

таинственнаго незнакомца съ деревяшкой, и замѣтила, что Бахъ и Бускье развернули большую простыню. На вопросъ, почему она пришла въ мужскомъ платьѣ, она не дала никакого отвѣта. Затѣмъ, она заговорила шопотомъ, судорожно сжавъ пальцы, наклонивъ голову, подавшись впередъ своимъ худощавымъ туловищемъ и вся извиваясь, какъ звѣрь, но въ то же время съ блаженной улыбкой, придававшей ея лицу выраженіе тихаго безумія. Когда она стала разсказывать, что Бастидъ обнималъ и цѣловалъ ее въ темномъ альковѣ, Бастидъ вскочилъ, всплеснувъ въ отчаяніи руками, кинулся на нѣсколько шаговъ впередъ и сталъ рядомъ съ ней. Слышно было, какъ тяжело онъ дышалъ.

Предсѣдатель призвалъ его къ порядку, говоря, что онъ ведетъ себя непристойно, но Бастидъ крикнулъ могучимъ, громовымъ голосомъ:

— Клянусь Господомъ, Который слышитъ меня и будетъ меня судить, что все это — неслыханная ложь! Я никогда не касался пальцемъ этой женщины, никогда не видѣлъ ее.

Кларисса сдѣлалась блѣдной, какъ стѣна. Ей казалось, что только теперь она услышала трескъ разбитаго зеркала, которое бросила на полъ послѣ пляски. Когда прокуроръ попросилъ ее продолжать, она замолчала. Глаза ея закатились и все тѣло судорожно затрепетало.

— Да говорите же! — крикнулъ ей Бастидъ Грамонъ, и возмущеніе душило его.—Говорите! Ваше молчаніе еще пагубнѣе для меня, чѣмъ ваша ложь.

Тогда Кларисса подняла къ нему глаза и спросила съ глубокимъ волненіемъ:

— Неужели вы меня дѣйствительно не знаете, Бастидъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — крикнулъ онъ, и, поднявъ глаза кверху, простоналъ:

— Она безумная!

Въ теченіе одной секунды лицо Клариссы сначала побагровѣло, а потомъ сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ. Обернувшись еще разъ къ Бастиду, она произнесла тономъ глубокаго упрека:

— Убійца!

Публика зааплодировала. Наконецъ произнесено было слово истины! Кларисса зашаталась; къ ней подскочилъ служитель и поддержалъ ее; нѣсколько дамъ поднялись съ мѣстъ и стали приводить ее въ себя. Прошло цѣлыхъ полчаса, прежде чѣмъ она очнулась, и тогда видъ ея страшно измѣнился; она точно постарѣла на двадцать лѣтъ. Предсѣдатель Энжальранъ пытался продолжать допросъ, но она отвѣчала телько полу-словами, го-

воря, что не знаетъ, что, можетъ быть, это дѣйствительно такъ,—что она не хочетъ возражать. Бастидъ Грамонъ снова опустился на скамью подсудимыхъ—на лицѣ его отразились безграничная печаль и изумленіе. Товарищъ предсѣдателя попросилъ Клариссу продолжать, разъ она начала говорить.

— Умоляю васъ, говорите ясно!—сказалъ онъ.—Отъ васъ зависитъ спасти невиннаго или возвести его на эшафотъ.

Кларисса молчала, точно ничего не слыша. Въ сердцѣ ея носился, какъ утренній туманъ надъ водой, радовавшій ея душу, обаятельный образъ. Пино обратился тогда къ ней со строгимъ внушеніемъ.

— Не думайте,—сказалъ онъ,—что можно по произволу умалчивать или говорить то, что̀ хочется.—Но послѣ того прокуроръ сталъ говорить за нее, истолковывая ея молчаніе посвоему.

— Она вѣдь сама сказала,—объяснялъ онъ,—что твердо убѣждена въ преступленіи, но не можетъ изложить причинъ—почему. Достаточно, что мы изъ ея устъ узнали самое главное.

Прокуроръ заявилъ даже, что всякое дальнѣйшее настаиваніе было бы неприлично. Но онъ не успѣлъ еще закончить свою рѣчь, какъ его прервала Кларисса. Она подняла правую руку и сказала торжественнымъ тономъ:

— Я не произносила никакой клятвы.

Бастидъ Грамонъ поднялъ глаза. Оправившись отъ оглушающаго впечатлѣнія первой минуты, онъ поднялся и сказалъ спокойнымъ и тѣмъ болѣе проникновеннымъ голосомъ:

— Стѣны темницъ теперь молчатъ. Но когда-нибудь онѣ все-таки заговорятъ и назовутъ тѣ тайныя средства, которыми заставили этихъ несчастныхъ сдѣлать изо лжи орудіе обороны. Фуальдесъ не былъ мой врагъ, а только мой кредиторъ. Еслибы даже жадность могла сбить съ пути добра честнаго и умѣреннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, еслибы она могла совратить меня на преступленіе, то все же я бы не поднялъ руки противъ беззащитнаго старика. Хотите жертву, такъ возьмите меня,—я готовъ; но не объединяйте моей судьбы съ судьбой всѣхъ этихъ презрѣнныхъ людей. Моя семья, жившая всегда въ деревнѣ простой, строгой сельской жизнью, теперь опозорена. Мать моя плачетъ и не переживетъ этого горя. Судите сами, могу ли я, погрузившись въ это море бѣдствій, еще питать любовь къ жизни. Я любилъ когда-то свободу, я любилъ звѣрей, воду, небо, воздухъ и плоды деревьевъ. Но теперь я опозоренъ, и еслибы передо мной было еще будущее,—оно было бы лип-

нимъ отъ позора и вкусъ времени сталъ бы горькимъ для меня. Развѣ я стою теперь передъ судомъ? Нѣтъ, это не судъ, а травля; судьи превратились въ охотниковъ и ловятъ безвиннаго на жаркое толпѣ. Я не требую больше правосудія,—вознаградить меня за все, что̀ я испыталъ—невозможно; даже еслибы мнѣ предложили корону Франціи—этого не было бы достаточно. Я отдаю себя вамъ въ жертву. Пусть совѣсть ваша будетъ отягчена этимъ бременемъ; одинъ виновный создаетъ тысячу другихъ, и дѣти вашихъ дѣтей будутъ покрывать живую землю позоромъ.

Грозная тишина послѣдовала за этими словами. Потомъ вдругъ поднялся невообразимый шумъ. Публика и присяжные поднялись съ мѣстъ, стали грозить кулаками Бастиду Грамону; всѣ кричали и ревѣли, и громовыя увѣщанія предсѣдателя терялись въ общемъ гулѣ. Потомъ вдругъ опять наступила мертвая тишина. Протяжный крикъ, поднявшійся на фонѣ общаго шума, продолжалъ жалобно звучать, наводя ужасъ на всѣхъ присутствующихъ. Всѣ лица застыли, всѣ взоры устремились на Клариссу. Она чувствовала, какъ на нее обрушились всѣ взгляды, точно балки разрушающагося зданія.

Жажда возмездія, охватившая громадную толпу, сожгла ея сердце. Рѣчь прокурора снова собрала во едино всѣ орудія злобы, искавшей жертвъ. Онъ сумѣлъ такъ искусно и красочно изобразить роковую ночь убійства, что ужасъ ожилъ во всѣхъ сердцахъ. Защитникъ Бастида, напротивъ того, ограничился высокопарными фразами. Онъ самъ воспламенялся, но слушатели его оставались холодны. Въ то время, какъ онъ говорилъ, среди публики поднялась суматоха. Въ залу вбѣжала черная собака, оглядѣла публику сверкающими глазами и, подбѣжавъ къ Бастиду, легла у его ногъ съ короткимъ привѣтственнымъ лаемъ. Бастидъ взволнованно положилъ руку на шею собаки и устранилъ властнымъ движеніемъ жандарма, который хотѣлъ удалить звѣря.

Когда судъ удалился для совѣщанія, никто не осмѣливался громко заговорить. Только-какая то женщина зарыдала, и ей велѣли замолчать. Это была подруга Колара. Она обняла за плечи несчастнаго солдата, и на лицѣ ея, залитомъ слезами, выражалось одно единственное желаніе—раздѣлить его участь. Къ Бастиду подошелъ одинъ его родственникъ, чтобы поговорить съ нимъ, но Бастидъ покачалъ головой и даже не взглянулъ на него. Лицо его было точно сонное, и никакія слова не имѣли для него цѣны. Но все же онъ поднялъ одинъ разъ глаза, и послѣ того какъ они долго глядѣли куда-то въ неизмѣримую даль, они встрѣтились съ глазами Клариссы. И эта чужая жен-

щина вдругъ не показалась ему чужой. Онъ снова услышалъ звукъ ея голоса, когда она назвала его убійцей. Что это? Въ голосѣ ея звучала скорѣе мольба о помощи, чѣмъ обвиненіе. И что значилъ ея молящій взоръ—такой, точно какія-то невидимыя руки схватили ее за горло и душили ее? И какая она странно-нѣжная, почти безъ возраста, дрожащая, какъ молодая березка осенью?

Два одинокихъ существа, потерпѣвшія крушеніе, увлеченныя подводнымъ теченіемъ, попадаютъ иногда на одинъ путь; каждый приплылъ изъ другого міра, и они не могутъ отпустить доску, на которой держится ихъ жизнь, не могутъ даже протянуть другъ другу руку, увлекаемые стихающей бурей въ невѣдомыя глубины. Есть что-то странно-призрачное въ жалости одного изъ нихъ къ другому. Но мучительное мрачное изумленіе Бастида снова утонуло въ опьяненіи одолѣвшей его усталости; внимательные глаза его собаки казались ему теперь двумя красноватыми звѣздами промежъ черныхъ верхушекъ деревъ. Онъ выслушалъ смертный приговоръ, когда вернулся судъ. Поднявшись, онъ старался вникнуть въ слова предсѣдателя. Они звучали въ его ушахъ, какъ шумъ падающихъ на увядшіе листья капель дождя. Онъ слышалъ, что самъ что-то сказалъ, но не сознавалъ, что именно. Онъ увидѣлъ въ тускломъ освѣщеніи устремленныя на него лица, и они произвели на него впечатлѣніе червивыхъ, гнилыхъ яблокъ.

Приговоръ другимъ обвиняемымъ долженъ былъ быть объявленъ лишь на слѣдующій день. Толпа въ залѣ и въ корридорахъ медленно расходилась. Когда Кларисса прошла по корридору, всѣ разступились передъ ней, отступая къ стѣнамъ. Она узнала, что Бастида не увезутъ обратно въ Родесъ, а оставятъ въ тюрьмѣ въ Альби. Тогда она отослала ждавшій ее экипажъ и отправилась въ ближайшую гостинницу. Тамъ она взяла номеръ, потребовала бумаги и чернилъ, и написала отцу короткое письмо изъ нѣсколькихъ лихорадочныхъ фразъ: „Я не различаю болѣе, гдѣ правда, гдѣ ложь,—писала она.—Бастидъ невиновенъ, и я его погубила въ то время, какъ моя воля притягиваетъ меня къ нему. Еслибы я туда вернулась, откуда пришла, я бы непрерывно испытывала муки смерти; я иду поэтому туда, куда должна идти“. Уже было за полночь, но она попросила къ себѣ хозяина, несмотря на поздній часъ. Когда онъ явился, она попросила его послать письмо утромъ въ замокъ Перье, а потомъ попро-

сила еще, чтобы онъ продалъ ей корзинку свѣжихъ плодовъ. Онъ вѣжливо отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію у него нѣтъ ничего въ запасѣ. Страстно настаивая на своей просьбѣ, она предложила заплатить въ десять, въ двадцать разъ больше, чѣмъ плоды могутъ стоить, и бросила золотую монету на столъ. „Это для умирающаго,—сказала она.—Вся жизнь отъ этого зависитъ“. Хозяинъ взглянулъ со страхомъ на блѣдное, возбужденное лицо знатной дамы, подумалъ и сказалъ наконецъ, что пойдетъ разбудить сосѣда и попроситъ плодовъ у него. Оставшись одна послѣ его ухода, Кларисса стала на колѣни передъ кроватью, зарыла голову въ подушки и зарыдала. Черезъ полчаса хозяинъ вернулся и принесъ корзинку, наполненную грушами, виноградомъ, гранатовыми яблоками и персиками. Онъ покачалъ головой вслѣдъ быстро убѣжавшей Клариссы и поднесъ съ любопытствомъ запечатанное письмо къ свѣчкѣ.

Улицы были пустынны и озарены блѣднымъ свѣтомъ луны. Маленькія окна маленькихъ домиковъ сонно мерцали. Гдѣ-то у воротъ стоялъ ночной сторожъ съ алебардой и что-то бормоталъ, точно пьяный. Передъ низкимъ зданіемъ тюрьмы было открытое пространство. Кларисса сѣла на каменную скамейку; по близости былъ фонтанъ, и она жадно напилась воды. Мягкія линіи близкихъ холмовъ незамѣтно сливались съ линіей горизонта; въ углубленіи долины свѣтился отблескъ костра, и, напрягая слухъ, она услышала звонъ колокольчиковъ. Значитъ, не весь міръ еще спитъ, и она можетъ еще одинъ разъ пріобщиться тревожнымъ сердцемъ къ человѣческой жизни. Посидѣвъ немного, она поднялась, подошла къ тюрьмѣ, поставила корзинку съ плодами на землю и постучала молоткомъ въ ворота. Она долго стучала, прежде чѣмъ вышелъ наконецъ привратникъ и очень сердито спросилъ, что̀ ей нужно. „Мнѣ нужно видѣть Бастида Грамона“,—сказала она. Привратникъ взглянулъ на нее, какъ на сумасшедшую, пробормоталъ какую-то угрозу и хотѣлъ сейчасъ же захлопнуть ворота. Но Кларисса схватила его за руку одной рукой, а другой сорвала съ груди бриллiантовую брошь. „Вотъ, вотъ вамъ!“—пробормотала она. Старикъ поднялъ повыше фонарь, который держалъ въ рукѣ, и сталъ разглядывать со всѣхъ сторонъ сверкающіе бриллiанты. Кларисса, не понявъ его испуганно-радостнаго выраженія лица, подумала, что ему мало броши, и дала ему еще свой кошелекъ. „А что въ корзинѣ?“—освѣдомился онъ подобострастнымъ, но недовѣрчивымъ тономъ. Она показала. Онъ этимъ удовлетворился, подумалъ, что она любовница осужденнаго, и впустилъ ее. Закрывъ ворота, онъ по-

шелъ впереди нея. Они спустились на нѣсколько ступенекъ внизъ, потомъ пошли по узкому корридору. „Вы долго останетесь у него?“—спросилъ сторожъ, остановившись у желѣзной двери. Кларисса перевела духъ и сказала шопотомъ, что постучитъ въ дверь три раза, когда захочетъ уйти. Старикъ кивнулъ въ знакъ согласія, сказалъ, что будетъ ждать на лѣстницѣ, осторожно отворилъ дверь, далъ ей свой фонарь и заперъ дверь снаружи.

Очутившись внутри, Кларисса остановилась у стѣны и закрыла глаза, чтобы подождать пока успокоится ея безумное сердце. Помѣщеніе казалось довольно большимъ и жилымъ. Бастидъ лежалъ на соломенномъ тюфякѣ у противоположной стѣны; онъ спалъ въ платьѣ. „Какая тишина!“—подумала, содрогнувшись, Кларисса и подошла къ спящему на кончикахъ пальцевъ. „Какая тишина и на этомъ лицѣ, какъ прекрасно онъ спитъ!“—подумала она, и губы ея раскрылись въ безмолвной скорби. Она поставила фонарь на полъ, чтобы свѣтъ падалъ на его лицо, потомъ стала на колѣни и стала прислушиваться къ его ровному дыханію. Губы Бастида были плотно сжаты, вѣки не дрожали — явный признакъ отсутствія сновъ. Длинная борода окаймляла щеки и подбородокъ, голова опрокинулась нѣсколько назадъ и волосы блестѣли влажнымъ блескомъ. Постепенно мирное выраженіе его лица подѣйствовало и на Клариссу; всѣ слова, съ которыми она пришла, исчезли изъ ея памяти. Она рѣшила только поставить свой даръ у его постели и уйти. Она вынула плоды изъ корзины, и каждый разъ пугалась и останавливалась, когда хотя бы одна песчинка хрустѣла подъ ея ногами. Когда она выложила всѣ плоды, и нѣжно коснулась каждаго изъ нихъ, какъ живого, ей сдѣлалось легче на душѣ. Она уже такъ странно сочеталась съ смертью, что ужаснулась одной мысли о возвращеніи къ людямъ, и спокойно взялась за исполненіе того, чѣмъ преисполнена была ея душа. У нея возникло желаніе поцѣловать спящаго Бастида, и она склонилась надъ нимъ, но ее удержало властное чувство благоговѣнія еще больше, чѣмъ страхъ, что онъ можетъ проснуться. Тѣло ея судорожно вздрогнуло, она мысленно обняла его, и ей показалось, что она такъ же отдѣлена отъ земли, какъ жемчужина, выпавшая изъ кольца. Затѣмъ она тихонько поднялась, перешла на другую сторону комнаты, легла, вынула изъ кармана маленькій ножикъ и глубоко порѣзала на обѣихъ рукахъ жилы. Въ теченіе четверти часа она еще два раза простонала, и рука смерти тщетно пыталась смыть съ ея поблѣднѣвшихъ губъ сладостную улыбку.

Бастидъ спалъ еще нѣсколько времени, погруженный въ невѣдомыя бездны; тѣло и духъ его были скованы и оглушены забвеніемъ всего. Потомъ ему приснился сонъ. Ему казалось, что онъ въ большомъ закрытомъ помѣщеніи, и по срединѣ стоитъ роскошно накрытый столъ. У стола сидитъ много людей; они пьютъ и весело разговариваютъ. Вдругъ всѣ устремили взоры на средину стола, гдѣ очутился вдругъ сосудъ изъ плотнаго синяго стекла. До этой минуты сосуда не было на столѣ. „Что въ немъ? что это означаетъ? кто его принесъ?“—вопрошали темные голоса. Потомъ наступило страшное молчаніе. Всѣ взоры устремлялись то на сосудъ, то съ мрачной подозрительностью другъ на друга. Вдругъ веселые гости поднялись, и каждый сталъ обвинять другого, что онъ поставилъ на столъ закрытый сосудъ. Начался шумъ; одни вынули кинжалы, другіе держали стулья въ поднятыхъ рукахъ, и въ это время изъ сосуда поднялась тонкая фигура дѣвушки, нѣжная, точно бѣлый дымокъ. Лицо ея Бастидъ узналъ—это была клеветница Кларисса. Она глядѣла на него сверкающими, какъ у змѣи, глазами. Всѣ мужчины, слѣдя за направленіемъ ея взгляда, бросились на него.—„Смерть тебѣ! смерть тебѣ!“—кричали хриплые голоса, теряясь постепенно гдѣ-то вдали. Туманныя руки Клариссы вытянулись и раздвинули стѣну: за нею оказался цвѣтущій садъ, по срединѣ котораго стояла висѣлица, увѣшанная вѣтвями спѣлыхъ плодовъ. Бастидъ почувствовалъ себя снова мальчикомъ. Онъ медленно вышелъ въ садъ. Руки Клариссы витали надъ нимъ и снимали плоды. Страхъ смерти ослабѣлъ, побѣжденный опьяняющимъ запахомъ плодовъ, какъ облако наполнившимъ все помѣщеніе, весь міръ.

Онъ проснулся. Его первый сонный взглядъ упалъ на мерцающій свѣтъ фонаря, второй—на гигантскую грушу, желтую, какъ маленькій мѣсяцъ; она лежала подлѣ его постели. Съ изумленіемъ потянулся онъ къ ней, но когда онъ ее поднесъ ко рту, то увидѣлъ, что на ней кровь. Онъ испугался и подумалъ, что это еще сонъ. Но изъ оконъ струилась уже сѣрая утренняя заря. Онъ увидѣлъ остальные плоды, столь прекрасные, точно ихъ принесли изъ рая. Но и на нихъ была кровь. Маленькій, раздѣлившійся надвое, ручеекъ крови струился съ противоположнаго угла комнаты.

И Бастидъ увидѣлъ...

Онъ хотѣлъ подняться, но сонъ сковывалъ еще его члены.

Горькая, дикая скорбь сжала ему грудь. Ему не хотѣлось видѣть день, который такъ устало поднимался за окнами. Утомленный отъ ударовъ собственнаго сердца, зная все, что было и что должно быть, онъ призывалъ земной конецъ. Ему не хотѣ-

лось знать болѣе точно о судьбѣ, завершившейся у другой стѣны тюрьмы,—о судьбѣ, заградившей ему путь вліяніемъ темныхъ силъ. Ему не хотѣлось ничего болѣе знать о людяхъ, о томъ, что они созидаютъ, и о томъ, что они разрушаютъ. Ужасомъ сталъ для него человѣкъ.

И все же, когда взоръ его упалъ на дивные плоды, въ сердцѣ его проснулась жалость. Ему хотѣлось, по крайней мѣрѣ, закрыть глаза той, которая принесла плоды. Но въ эту минуту сторожъ повернулъ ключъ въ замкѣ, чтобы открыть дверь.

Съ нѣм. З. В.

ВОПРОСЫ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО

По поводу „Біографіи Л. Н. Толстого“ г. Бирюкова (Т. I. Спб. 1906) и „Полнаго собранія соч. Л. Н. Толстого, вышедшихъ за границей“ (Т. I. Спб. 1906).

I.

Если понимать подъ біографіей писателя не только очеркъ тѣхъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ зародилось и выросло его творчество, но и внутренній процессъ роста и дифференціаціи духовныхъ силъ, то такого рода работа требуетъ и глубокаго изученія, и чисто художественныхъ пріемовъ. Изъ тѣхъ моментовъ, періодовъ, актовъ творческой дѣятельности, на которые распадается реально осязаемая жизнь, необходимо возсоздать цѣльный и гармонически одухотворенный образъ, который бы раскрылъ намъ умъ и душу писателя, ясно представилъ бы то, что въ его твореніяхъ давалось непосредственному чувству и во многомъ казалось загадочнымъ. Выяснить взаимодѣйствіе жизни и творчества—такова первая задача біографа, который не ограничился бы тонкимъ и глубокимъ анализомъ, но и предпринялъ бы опытъ художественно-психологическаго синтеза.

Конечно, жизнь и творчество Л. Н. Толстого представляютъ такой огромный и сложный матеріалъ, что о біографіи въ полномъ значеніи этого слова еще не можетъ быть и рѣчи. Не-

смотря на обширную литературу объ его произведеніяхъ, послѣднія далеко не изучены во всѣхъ подробностяхъ и не изслѣдованы во всю широту ихъ мысли и духовнаго размаха. Что взято Толстымъ изъ своей личной жизни, каковы вліянія среды и эпохи и что остается на долю чистаго Dichtung—все это вопросы, которые до сихъ поръ рѣшались въ самыхъ общихъ чертахъ. Строить гипотезы о Dichtung и Wahrheit именно у Толстого—вещь чрезвычайно опасная. Имѣютъ наибольшую цѣну только подлинныя свидѣтельства писателя, только его непосредственный разсказъ, — и вотъ въ какомъ отношеніи драгоцѣнна книга г. П. Бирюкова, въ которой онъ дѣлаетъ опытъ біографіи великаго писателя земли русской. Вѣрнѣе, это матеріалы для біографіи, и, что особенно важно, значительная часть ихъ появляется въ печати впервые.

Передъ нами первый томъ задуманной большой работы, которая имѣетъ въ виду охватить всѣ періоды жизни Толстого, включая и ту жизнь, которою живетъ теперь писатель; первый же томъ заключаетъ въ себѣ матеріалы для исторіи рода Л. Н. Толстого и первыхъ періодовъ его жизни — дѣтской, юношеской и возмужалой до женитьбы. Особенно важнымъ является то обстоятельство, что въ трудѣ г. Бирюкова принялъ участіе самъ Толстой, согласившійся сообщить автору свои воспоминанія и помогавшій ему въ характеристикѣ главнѣйшихъ моментовъ своей жизни. Далѣе, В. Г. Чертковъ предоставилъ г. Бирюкову свой архивъ частной корреспонденціи Толстого и выписки изъ его дневниковъ. Г. Бирюковъ исчерпалъ, кромѣ того, обширное количество печатныхъ источниковъ о Толстомъ, и если принять во вниманіе, что онъ принужденъ былъ работать надъ первымъ томомъ заграницей, то придется признать, что трудъ автора исполненъ особаго интереса. Это трудъ большой, необходимый и отвѣтственный, и г. Бирюковъ вправѣ сказать о себѣ, что онъ „сдѣлалъ все, что могъ, по совѣсти и разуму“ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, въ какомъ онъ употребилъ эти слова, говоря о неблагопріятныхъ сторонахъ своей работы.

Л. Н. Толстому, какъ разсказываетъ г. Бирюковъ, нелегко было приступить къ составленію своихъ „черновыхъ неисправленныхъ записокъ“. „Сначала я думалъ, — писалъ Толстой автору,—что не буду въ состояніи помочь вамъ въ моей біографіи, несмотря на все мое желаніе сдѣлать это. Боялся неискренности, свойственной всякой автобіографіи, но теперь я какъ будто нашелъ форму, въ которой могу исполнить ваше желаніе, указавъ на главный характеръ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ

періодовъ моей жизни въ дѣтствѣ, юности и возмужалости". Столь же важно для опредѣленія точки зрѣнія Толстого на характеръ своихъ записокъ и то, что онъ писалъ г. Бирюкову въ другомъ письмѣ: „Боюсь, что я напрасно обнадежилъ васъ обѣщаніемъ писать мои воспоминанія. Я попробовалъ думать объ этомъ и увидалъ, какая страшная трудность избѣжать Харибды—самовосхваленія (посредствомъ умалчиванія всего дурного) и Сциллы—циническої откровенности о всей мерзости своей жизни. Написать всю свою гадость, глупость, порочность, подлость, совсѣмъ правдиво, правдивѣе даже, чѣмъ Руссо,—это будетъ соблазнительная книга или статья. Люди скажутъ: вотъ человѣкъ, котораго многіе высоко ставятъ, а онъ вонъ какой былъ негодяй, такъ ужъ намъ-то, простымъ людямъ, и Богъ велѣлъ". Однако, уступая настояніямъ г. Бирюкова, какъ мы знаемъ, Толстой обратился къ воспоминаніямъ, и въ результатѣ русская литература пріобрѣла не только важные автобіографическіе матеріалы, но и цѣлый рядъ художественно законченныхъ разсказовъ Толстого, гдѣ эпическая объективность въ изображеніи самого себя достигаетъ высшей степени, соединяясь съ поразительной искренностью и мѣткой изобразительностью передачи. Это не значитъ, чтобы изображеніе самого себя всегда могло быть принято безъ критики. Когда Толстой называетъ свои произведенія „художественной болтовней" или морализируетъ по поводу тѣхъ поступковъ своей юности, которые онъ осуждаетъ съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ въ настоящее время, читатель всегда долженъ имѣть въ виду послѣдній фазисъ въ развитіи морально-религіозныхъ воззрѣній Толстого. Но когда Толстой изображаетъ конкретные образы своего дѣтства и юности, сообщая этимъ періодамъ удивительную, если можно такъ выразиться, наглядность свойственныхъ имъ мыслей, чувствъ и настроеній, нельзя не поддаться ихъ обаянію, ихъ жизненной правдѣ, нельзя отрѣшиться отъ мысли, что передъ нами не бѣглыя замѣтки изъ прошлаго, но очерки, представляющіе собой образцы высшей художественной безыскусственности и реализма.

Новые матеріалы даютъ прежде всего очень много для разгадки въ Толстомъ ребенкѣ и юношѣ отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи сложился могучій родникъ его творчества. Біографическая канва, которая и прежде чувствовалась въ художественной обработкѣ произведеній перваго періода, пріобрѣтаетъ здѣсь нѣсколько важныхъ подлинныхъ документовъ для своего подтвержденія. Такъ, прежде всего имѣютъ значеніе тѣ свѣдѣнія объ отцѣ, которыя живо переносятъ читателя въ

обстановку Николая Ильича Ростова (мать онъ изобразилъ въ княжнѣ Маріи Волконской). Любопытны нѣкоторые штрихи. „Сколько я могу судить, онъ (отецъ Льва Николаевича) не имѣлъ склонности къ наукамъ, но былъ на уровнѣ образованныхъ людей своего времени. Какъ большая часть людей перваго Александровскаго времени и походовъ 13, 14, 15 годовъ, онъ былъ не то, что теперь называется либераломъ, а просто, по чувству собственнаго своего достоинства, не считалъ для себя возможнымъ служить ни при концѣ царствованія Александра I, ни при Николаѣ. Онъ не только не служилъ никогда, но даже всѣ друзья его были такіе же люди свободные, не служащіе и немного фрондирующіе правительство Николая Павловича.

„За все мое дѣтство и даже юность наше семейство не имѣло близкихъ сношеній ни съ однимъ чиновникомъ. Разумѣется, я ничего не понималъ этого въ дѣтствѣ, но я понималъ то, что отецъ никогда ни передъ кѣмъ не унижался, не измѣнялъ своего бойкаго, веселаго и часто насмѣшливаго тона. И это чувство собственнаго достоинства, которое я видѣлъ въ немъ, увеличивало мою любовь, мое восхищеніе передъ нимъ“.

Мы не имѣемъ возможности приводить полностью разсказы Толстого объ отцѣ, но они замѣчательны той проникающей ихъ семейной атмосферой, которая такъ очаровываетъ въ „Войнѣ и мирѣ“. Здѣсь и кабинетъ, куда дѣти приходятъ приласкаться къ отцу, и любовь къ поэзіи, и веселые разсказы за обѣдомъ, и выѣзды на охоту, и „садка“ волка, и травля лисицы. „Мнѣ всегда потомъ казалось, — замѣчаетъ Толстой, — что Пушкинъ списалъ съ него свой выѣздъ на охоту мужа въ графѣ Нулинѣ“... Нѣмецъ Карлъ Ивановичъ Мауеръ былъ не кто иной, какъ Ѳедоръ Ивановичъ Рессель, дѣйствительно учитель, жившій въ домѣ Толстыхъ и имѣвшій, по мнѣнію г. Бирюкова, несомнѣнное и притомъ хорошее вліяніе на ребенка.

Этотъ Ѳедоръ Ивановичъ былъ первымъ лицомъ, со знакомства съ которымъ начинаются болѣе или менѣе опредѣленныя воспоминанія у Толстого. Разсказъ о томъ, какъ маленькаго Льва Николаевича въ первый разъ перевели изъ дѣтской къ Ѳедору Ивановичу и старшимъ мальчикамъ, проникнутъ той силой особой свойственной Толстому памяти, которая удерживала въ себѣ мельчайшія подробности дѣтскихъ ощущеній и мыслей, уже въ самомъ раннемъ возрастѣ вращавшихся на своемъ личномъ „я“. Стоитъ отмѣтить одну любопытную подробность. Говоря о своемъ пятилѣтнемъ возрастѣ, Толстой замѣчаетъ: „ни своихъ нянь, тетокъ, братьевъ, сестеръ, ни отца, ни комнатъ.

ми игрушекъ,—я ничего не помню“ (до этого возраста). Но вотъ переводятъ мальчика къ Ѳедору Ивановичу, и онъ передаетъ свои ощущенія съ такой удивительной отчетливостью, какъ будто это было вчера, и вмѣстѣ съ такой экспрессіей дѣтскаго міросозерцанія, что заподозрить здѣсь наслоенія позднѣйшихъ воспоминаній положительно невозможно. „При переводѣ меня внизъ къ Ѳедору Ивановичу и мальчикамъ,—разсказываетъ Толстой,—я испыталъ въ первый разъ и потому сильнѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, — то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, называютъ чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человѣкъ. Мнѣ было жалко покидать привычное (привычное отъ вѣчности), грустно было, поэтически грустно разставаться не столько съ людьми, съ сестрой, съ няней, съ теткой, сколько съ кроваткой, съ положкомъ, съ подушкой, и страшна была та новая жизнь, въ которую я вступалъ. Я старался находить веселое въ той новой жизни, которая предстояла мнѣ; я старался вѣрить ласковымъ рѣчамъ, которыми заманивалъ меня къ себѣ Ѳедоръ Ивановичъ; старался не видѣть того презрѣнія, съ которымъ мальчики принимали меня, меньшого, къ себѣ; старался думать, что стыдно было жить большому мальчику съ дѣвочками, и что ничего хорошаго не было въ этой жизни наверху съ няней; но на душѣ было страшно грустно, и я зналъ, что я безвозвратно терялъ невинность и счастье, и только чувство собственнаго достоинства, сознаніе того, что я исполняю свой долгъ, поддерживало меня. Много разъ потомъ въ жизни мнѣ приходилось переживать такія минуты на распутьяхъ жизни, вступая на новыя дороги“.

Сила этой памяти, сыгравшей несомнѣнно могучую роль въ творчествѣ Толстого, станетъ еще болѣе поразительной, если мы остановимся на его первыхъ, еще болѣе раннихъ воспоминаніяхъ, чѣмъ приведенныя. Приступая къ нимъ, Толстой дѣлаетъ любопытное для психолога замѣчаніе, что онъ не умѣетъ ставить ихъ по порядку, не зная, что было прежде, что послѣ; о нѣкоторыхъ же онъ не могъ точно установить, было ли это во снѣ или наяву, „вотъ они: я связанъ; мнѣ хочется выпростать руки, и я не могу этого сдѣлать, и я кричу и плачу, и мнѣ самому непріятенъ мой крикъ; но я не могу остановиться. Надо мной стоитъ нагнувшись кто-то, я не помню. И все это въ полутьмѣ. Но я помню, что двое. Крикъ мой дѣйствуетъ на нихъ; они тревожатся отъ моего крика, но не развязываютъ меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Имъ кажется, что это нужно (т.-е., чтобъ я былъ связанъ), тогда

какъ я знаю, что это не нужно, и хочу доказать имъ это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ. Я чувствую несправедливость и жестокость не людей, потому что они жалѣютъ меня, но судьбы, и жалость надъ самимъ собою. Я не знаю и никогда не узнаю, что̀ это такое было: пеленали ли меня, когда я былъ грудной, и я выдиралъ руку, или это пеленали меня уже тогда, когда мнѣ было больше года, чтобы я не расчесывалъ лишаи; собралъ ли я въ одно это воспоминаніе, какъ то бываетъ во снѣ, много впечатлѣній, но вѣрно то, что это было первое и самое сильное мое впечатлѣніе жизни. И памятны мнѣ не крикъ мой, не страданія, но сложность, противорѣчивость впечатлѣнія. Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я, кому сила нужна, я слабъ, а они сильны.

„Другое впечатлѣніе—радостное. Я сижу въ корытѣ, и меня окружаетъ новый не непріятный запахъ какого-то вещества, которымъ трутъ мое маленькое тѣльце. Вѣроятно, это были отруби, и вѣроятно, въ водѣ и корытѣ, но новизна впечатлѣній отрубей разбудила меня, и я въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ свое тѣльце, съ видными мнѣ ребрами на груди, и гладкое темное корыто, засученныя руки няни, и теплую, парную, страшенную воду, и звукъ ея, и въ особенности ощущеніе гладкости мокрыхъ краевъ корыта, когда я водилъ по нимъ ручонками“.

Эти разсказы прелестны, независимо отъ того значенія, какое они имѣютъ для біографіи Толстого. Онъ подмѣтилъ въ себѣ первое „впечатлѣніе жизни“. Онъ запомнилъ моментъ, когда замѣтилъ и полюбилъ свое тѣльце, и глубокимъ старцемъ онъ задаетъ себѣ далѣе роковой вопросъ: „и почему мнѣ радостно представлять себя тогда, а бывало страшно, какъ и теперь страшно многимъ, представлять себя тогда, когда я опять вступлю въ то состояніе смерти, отъ котораго не будетъ воспоминаній, выразимыхъ словами?“... Этому раннему возрасту Толстой придаетъ огромное значеніе. „Развѣ я не жилъ тогда,—продолжаетъ онъ спрашивать,—когда учился смотрѣть, слушать, понимать, говорить, когда спалъ, сосалъ грудь и цѣловалъ грудь и смѣялся и радовалъ мою мать? Я жилъ и блаженно жилъ! Развѣ не тогда я пріобрѣталъ все то, чѣмъ я теперь живу, и пріобрѣталъ такъ много, такъ быстро, что во всю остальную жизнь я не пріобрѣлъ и одной сотой того? Отъ пятилѣтняго ребенка до меня—только шагъ? Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго—страшное разстояніе. Отъ зародыша до новорожденнаго—пучина. А отъ несуществованія до зародыша отдѣляетъ уже не пучина, а непостижимость. Мало того, что пространство, и время, и причина суть формы

мышленія, и что сущность жизни внѣ этихъ формъ, но вся жизнь наша есть большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ опять освобожденіе отъ нихъ".

Ощущенія жизни и личнаго „я" — становятся ближе всѣхъ другихъ къ развивающемуся сознанію мальчика, а затѣмъ и юноши и дѣлаются центромъ порывистой, напряженной дѣятельности ума и воли. Все направлено къ развитію того своеобразнаго познанія самого себя, которое рѣшающимъ критеріемъ избираетъ раздраженіе личнаго самолюбія то въ сторону радости, то—страданія, боли. Самолюбіе, доходившее порою до тщеславія, становится въ юношескій періодъ жизни Толстого для него закономъ. Весь міръ окрашивается въ цвѣта его настроеній и пріобрѣтаетъ свое значеніе лишь постольку, поскольку онъ служитъ ареной его радостей или страданій. Впослѣдствіи, смотря на себя со стороны, Толстой жестоко осуждалъ многіе поступки, совершенные имъ въ тотъ періодъ жизни, когда эгоизмъ заглушалъ всѣ прочія чувства. Разсказавъ о тяжкой болѣзни своего брата Дмитрія, онъ переходитъ къ воспоминанію о своей жизни и дѣлаетъ такое замѣчаніе о себѣ: „я былъ особенно отвратителенъ въ эту пору. Я пріѣхалъ въ Орелъ изъ Петербурга, гдѣ я ѣздилъ въ свѣтъ, и былъ весь полонъ тщеславія. Мнѣ жалко было Митеньку, но мало. Я повернулся въ Орлѣ и уѣхалъ, и онъ умеръ черезъ нѣсколько дней.

„Право, мнѣ кажется, мнѣ въ его смерти было самое тяжелое то, что она помѣшала мнѣ участвовать въ придворномъ спектаклѣ, который тогда устраивался и куда меня приглашали".

Это было бы, можетъ быть, и неважно, даже и по отношенію къ Толстому, еслибы оно не напрашивалось на сопоставленіе съ другой особенностью его души, уживавшеюся съ эгоизмомъ и тщеславіемъ только, такъ сказать, физически, подъ одной крышей, а по существу шедшей изъ другихъ, еще не озаренныхъ сознаніемъ сокровищъ духа. Въ 1852 г. Толстой пишетъ въ своемъ дневникѣ: „есть во мнѣ что-то, что̀ заставляетъ меня вѣрить, что я рожденъ не для того, чтобы быть такимъ, какъ всѣ .

„Эти послѣднія слова,—говоритъ г. Бирюковъ,—суть первое смутное сознаніе своего призванія". Это было написано до окончанія „Дѣтства" и стало быть до литературныхъ успѣховъ. „Это было внутреннее, независимое сознаніе въ себѣ,—продолжаетъ г. Бирюковъ,—той таинственной силы, которая потомъ выдвинула его, какъ одного изъ высшихъ представителей моральнаго сознанія всего человѣчества".

II.

Въ 1852 г. у Толстого появляется уже *прошлое*. „Съ нѣкотораго времени,—замѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — меня сильно начинаетъ мучить раскаяніе въ утратѣ лучшихъ годовъ въ жизни. И это съ тѣхъ поръ, какъ я началъ чувствовать, что я бы могъ сдѣлать что-нибудь хорошее. Интересно бы было описать ходъ своего моральнаго развитія; но не только слово, но и мысль даже недостаточна для этого".

Толстой любитъ описывать себя, любитъ превращать мысль въ чувство и гоняться за каждымъ оттѣнкомъ чувства, стараясь возможно точнѣе выразить ихъ въ словѣ. Его изліянія составляли, можно думать, предметъ упорной борьбы между мыслью и ея выраженіемъ, борьбы, которая замѣтна также на его обширныхъ и полныхъ глубокаго интереса письмахъ къ теткѣ Т. А. Ергольской, такъ же, какъ и въ его литературныхъ произведеніяхъ. „Je viens de déchirer une lettre que j'avais achevée pour vous, parce que j'y avais dit beaucoup de choses que je ne voulais pas vous dire et rien de ce que je voulais vous dire". И Толстой болѣе всего старается, чтобы сказать именно то, о чемъ онъ хотѣлъ говорить, чтобы въ стремленіи точнѣе выразить свою мысль совершенно уничтожить стиль, не дать ему никакой власти надъ собою. Это было ему необходимо для того, чтобы изображеніе его душевнаго состоянія было именно тѣмъ, чѣмъ оно было, правдой души и жизни.

Когда Толстой говоритъ о прошломъ, это или воспоминаніе, наглядное, духовно живое, какъ сама жизнь, или мораль. Когда Толстой говоритъ о настоящемъ, и при томъ о себѣ, какъ, напримѣръ, въ письмахъ,—это почти всегда борьба между какимъ-то стихійнымъ и страстнымъ началомъ и разсудкомъ, при чемъ побѣда склонялась то на одну, то на другую сторону. Это борьба противоположностей натуры Толстого, это неуравновѣшенность острой критической мысли и горячаго темперамента, полнаго кипѣнія силъ и любви къ жизни. Ни одно чувство не овладѣваетъ имъ сполна, не окрашиваясь противоположнымъ, не подтачиваясь рефлексіей, которая, обративъ его въ „прошлое", бросаетъ ему въ догонку раскаяніе или осужденіе. Дружининъ писалъ Толстому по поводу его литературнаго таланта: „каждый вашъ недостатокъ имѣетъ свою часть силы и красоты, — почти каждое ваше достоинство имѣетъ въ себѣ зернышки недостатковъ". То

же можно сказать, кажется, и о всемъ нравственномъ обликѣ Толстого въ молодые годы. И когда, въ борьбѣ противоположностей, разумъ возвышался надъ переживаемымъ положеніемъ вещей и трезво подводилъ общій итогъ, выражавшій истину самоощущенія, онъ произносилъ приговоръ, которому трудно было подобрать какой-либо эпитетъ: онъ ни суровъ, ни мягокъ, ни справедливъ, ни лицепріятенъ, онъ—сама правда: ни малѣйшаго сомнѣнія не зарождается на этотъ счетъ. „Посмотримъ, что такое моя личность, — пишетъ Толстой въ своемъ дневникѣ 7 іюля 1854 г.—Я дуренъ собой, неловокъ, нечистоплотенъ и свѣтски необразованъ. Я раздражителенъ, скученъ для другихъ, нескроменъ, нетерпимъ (intolérent) и стыдливъ какъ ребенокъ. Я почти невѣжда. Что я знаю, тому я выучился кое-какъ, самъ, урывками, безъ связи, безъ толку и то такъ мало. Я невоздержанъ, нерѣшителенъ, непостояненъ, глупо тщеславенъ и пылокъ, какъ всѣ безхарактерные люди. Я не храбръ. Я не аккуратенъ въ жизни и такъ лѣнивъ, что праздность сдѣлалась для меня почти неодолимой привычкой.

„Я уменъ, но умъ мой еще ни на чемъ не былъ основательно испытанъ. У меня нѣтъ ни ума практическаго, ни ума свѣтскаго, ни ума дѣлового.

„Я честенъ, то-есть я люблю добро, сдѣлалъ привычку любить его; и когда отклоняюсь отъ него, бываю недоволенъ собой и возвращаюсь къ нему съ удовольствіемъ, но есть вещи, которыя я люблю больше добра—славу. Я такъ честолюбивъ и такъ мало чувство это было удовлетворено, что часто, боюсь, я могу выбрать между славой и добродѣтелью—первую, ежели бы мнѣ пришлось выбирать изъ нихъ.

„Да, я не скроменъ, оттого-то я гордъ въ самомъ себѣ, а стыдливъ и робокъ въ свѣтѣ".

И все-таки читатель не удовлетворяется этой правдой. Она не полна, она — на время застывшій вулканъ, огонь котораго скрылся въ глубину. Для страстнаго начала наступила реакція, оно отдыхаетъ и пока разумъ мудритъ, отдыхъ этотъ кажется неподвижностью, сномъ. Роль страстнаго начала исчезла въ этой характеристикѣ, а между тѣмъ въ немъ—источникъ пламенныхъ порывовъ отъ неудовлетворяющаго настоящаго къ лучшему будущему, въ немъ же источникъ охлажденія, сомнѣній, недовѣрчивости къ себѣ и другимъ и новыхъ усилій къ чему-то высшему, къ какому-то всеобъемлюще-доброму началу. Однимъ изъ самыхъ основныхъ поводовъ для всесокрушающаго сомнѣнія во всемъ, къ чему Толстой прикасался чувствомъ или мыслью, было наблю-

даемое имъ несоотвѣтствіе между тѣми возвышенными цѣлями, которыя ставили передъ собою люди, и тѣми средствами, которыя были у нихъ въ рукахъ или которыя они избирали для достиженія этихъ цѣлей. Толстой не допускалъ никакого компромисса между цѣлью и средствомъ, и трудно себѣ представить бо̀льшаго врага извѣстному положенію о томъ, что высокія цѣли могутъ оправдать низменныя средства, чѣмъ Толстой. На этой почвѣ развивается у него особый даръ ясновидѣнія истинной сущности тѣхъ вещей, изъ которыхъ люди создаютъ себѣ тѣ или иныя формы условнаго или суевѣрнаго культа. Между увлеченіемъ и охлажденіемъ Толстого всегда лежитъ тревожный и мучительный путь сомнѣнія и разочарованія, и всегда охлажденіе влечетъ за собой отрицаніе — и чаще всего не самой сущности вещи, но тѣхъ формъ, въ которыхъ ее познаютъ и признаютъ люди. Когда-то Толстой не доучился въ университетѣ. Онъ вышелъ изъ университета, насколько можно судить по извѣстнымъ въ печати матеріаламъ, по двумъ причинамъ: 1) изъ университета люди сдѣлали „храмъ наукъ“ и 2)—и это самое главное, потому что то, что̀ преподавалось въ этомъ „храмѣ наукъ“, не соотвѣтствовало, по мнѣнію Толстого, требованіямъ жизни. „Мы съ вами, — говорилъ въ свое время Толстой [1]) одному изъ товарищей по университету, — вправѣ ожидать, что выйдемъ изъ этого храма полезными, знающими людьми. А что̀ вынесемъ мы изъ университета? подумайте и отвѣчайте по совѣсти. Что̀ вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись во-свояси, въ деревню? На что будемъ пригодны, кому нужны?“ Толстой, изучавшій уже въ преклонныхъ годахъ тѣ науки, которыя казались ему необходимыми, и уже старикомъ изучившій древне-еврейскій языкъ, еще въ юности предъявлялъ наукѣ требованія, чтобы она, помимо отвлеченнаго знанія, давала людямъ еще нѣчто существенно жизненное, что̀ согласовалось бы съ ея высшими и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшими цѣлями. Вопросъ ставился тогда крайне субъективно. Наука только то даетъ человѣку, что̀ онъ хочетъ и можетъ взять отъ нея своей волей, разумомъ и духовнымъ порывомъ, и Толстой впослѣдствіи такъ и сдѣлалъ. Но „храмъ науки“ былъ разрушенъ еще въ юности, и таинственное божество было объявлено кумиромъ.

Другой храмъ былъ разрушенъ нѣсколько позже, когда Толстой сдѣлался извѣстнымъ писателемъ. Этотъ храмъ—храмъ литературнаго Олимпа, вѣры въ высшее призваніе художественнаго

[1]) Сидя въ карцерѣ.

творчества, выразителями котораго являются особо призванные люди. Въ своей „Исповѣди" Толстой такъ изобразилъ (впрочемъ слишкомъ субъективно) и этотъ „храмъ", и ту почву, на которой развилось сомнѣніе, приведшее къ разочарованію и отрицанію. „Взгляды на жизнь этихъ людей, моихъ сотоварищей по писанію, состояли въ томъ,—говоритъ Толстой,—что жизнь вообще идетъ развиваясь, и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы — художники, поэты. Наше призваніе — учить людей. Для того же, чтобы не представился тотъ естественный вопросъ самому себѣ: что я знаю и чему мнѣ учить,—въ теоріи этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художникъ и поэтъ безсознательно учатъ. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. Я—художникъ, поэтъ—писалъ и училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помѣщеніе, женщины, общество; у меня была слава. Стало быть то, чему я училъ, было очень хорошо.

„Вѣра эта въ значеніе поэзіи и въ развитіе жизни была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень пріятно и выгодно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности. Но на второй и въ особенности на третій годъ такой жизни я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было то, что я сталъ замѣчать, что жрецы этой вѣры не всѣ были согласны между собой. Одни говорили: мы—самые хорошіе и полезные учители; мы учимъ тому, что нужно, а другіе учатъ неправильно. А другіе говорили: нѣтъ—мы настоящіе, а вы учите неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали другъ противъ друга.

„Кромѣ того, было много между нами людей, и не заботившихся о томъ, кто правъ, кто неправъ, а просто достигающихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ помощью этой нашей дѣятельности. Все это заставило меня усомниться въ истинности этой вѣры.

„Кромѣ того, усомнившись въ истинности самой вѣры писательской, я сталъ внимательнѣе наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти всѣ жрецы этой вѣры, писатели, были люди безнравственные и въ большинствѣ люди плохіе, ничтожные по характерамъ — много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной и военной жизни, но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ святые или такіе, которые и не знаютъ, что такое свя-

тость. Люди мнѣ эти опротивѣли, и самъ себѣ я опротивѣлъ, и я понялъ, что вѣра эта—обманъ".

Съ той же безпощадностью Толстой отмѣчаетъ и противорѣчіе, остававшееся въ немъ и состоявшее въ томъ, что отрицаніе было неполнымъ: его личность осталась внѣ круга этого отрицанія. Я отрекся, говоритъ онъ, отъ лжи этой вѣры,—„но отъ чина, даннаго мнѣ этими людьми, отъ чина художника, поэта, учителя я не отрекся. Я наивно воображалъ, что я поэтъ, художникъ, и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу"... Отрицаніе приводило къ новымъ исканіямъ, которыя шли въ нѣсколькихъ, но весьма опредѣленныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны Толстой не можетъ освободить себя изъ-подъ власти художественныхъ обаяній. 4-го января 1857 г. онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Обѣдалъ у Боткина съ однимъ Панаевымъ, онъ читалъ мнѣ Пушкина; я пошелъ въ комнату Боткина, и тамъ написалъ письмо Тургеневу, потомъ сѣлъ на диванъ и зарыдалъ безпричинными, но блаженными, поэтическими слезами. Я рѣшительно счастливъ все это время, упиваясь быстротой моральнаго движенія впередъ". Съ другой стороны, среди этихъ душевныхъ настроеній видную роль играли вопросы личнаго счастья. Но характерно, что еще въ октябрѣ 1852 г. Толстой, живя въ станицѣ Старогладовской, набрасываетъ планъ „романа русскаго помѣщика", основная мысль котораго такова: герой ищетъ осуществленія идеаловъ счастья и справедливости въ деревенскомъ быту. Не находя его, онъ, разочарованный, хочетъ искать его въ семейномъ. Другъ его наводитъ его на мысль, что счастье состоитъ не въ идеалѣ, а въ постоянномъ, жизненномъ трудѣ, имѣющемъ цѣлью—счастье другихъ.

Но пока душа искала способовъ рѣшить вопросъ о томъ, что такое счастье другихъ и что такое истинное добро, жизненные факты ставили на очередь проблему личнаго счастья, разрѣшеніе которой послужило, насколько можно судить по свидѣтельствамъ самого Толстого, столь же благопріятнымъ условіемъ для полнаго расцвѣта его духовныхъ силъ, какъ и впечатлѣніе безпечальнаго, счастливаго дѣтства для ихъ зарожденія и первоначальнаго роста.

III.

Женитьбѣ Толстого предшествовала его общественная дѣятельность — на поприщѣ педагогическомъ и мирового посредника. Она хорошо извѣстна по многочисленнымъ воспоминаніямъ

и опубликованнымъ въ сравнительно недавнее время документамъ, не говоря уже о томъ, что было разсказано Львомъ Николаевичемъ въ его сочиненіяхъ. Дѣятельность эта совпала съ первыми годами освобожденія крестьянъ и уже въ то время обнаружила одну коренную черту его характера, которая до послѣдняго времени служила (да и еще продолжаетъ служить) предметомъ недоумѣнія для однихъ и самыхъ странныхъ предположеній для другихъ. Несмотря на то, что Толстой высказался въ своихъ сочиненіяхъ по цѣлому ряду крупнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, волновавшихъ общество въ его освободительныхъ стремленіяхъ, при чемъ какъ бы для вящшаго доказательства независимости этихъ мнѣній на нихъ спѣшили налагать ярлыки цензурнаго запрета, находились голоса, рѣшавшіеся упрекать Толстого въ общественномъ индифферентизмѣ. Между тѣмъ, по самому свойству своего ума, все разлагающаго, во всемъ сомнѣвающагося и ищущаго, Толстой не могъ быть способенъ поддаваться чужимъ влеченіямъ, заражаться настроеніями массъ и ослѣпленно бросаться въ политическую борьбу. Въ практической дѣятельности онъ шелъ, какъ извѣстно, въ томъ же направленіи, въ какомъ шли лучшіе изъ передовыхъ людей того времени; въ теоріи въ немъ тогда уже созрѣвалъ анархистъ, въ смыслѣ отрицанія государственныхъ формъ, въ то время, какъ наиболѣе идейные представители общества только еще разбирались въ формахъ соціальнаго устройства, споря, какой изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе для переживаемаго момента.

Переходя къ періоду общественной дѣятельности Толстого, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, г. Бирюковъ говоритъ: „Л. Н. не былъ увлеченъ общимъ потокомъ возбужденной общественной жизни. Его самобытная, непокорная природа не позволяла ему идти по теченію и заставляла его выбирать новые, особые пути. Боясь ошибиться въ этой трудной оцѣнкѣ отношенія Льва Николаевича къ такъ называемой „эпохѣ 60-хъ годовъ“ и проводя параллель съ теперешнимъ общественнымъ настроеніемъ, мы запросили объ этомъ Льва Николаевича и получили слѣдующій отвѣтъ:

„Что касается до моего отношенія тогда къ возбужденному состоянію всего общества, то долженъ сказать (и это моя хорошая или дурная черта, но всегда мнѣ бывшая свойственной), что я всегда противился невольно вліяніямъ извнѣ, эпидемическимъ, и что если тогда я былъ возбужденъ и радостенъ, то своими особенными, личными, внутренними мотивами, тѣми, которые привели меня къ школѣ и общенію съ народомъ.

„Вообще я теперь узнаю въ себѣ то же чувство отпора противъ всеобщаго увлеченія, которое было и тогда, но проявлялось въ робкихъ формахъ".

Это знаменательныя слова, ихъ необходимо имѣть всегда въ виду при упоминаніи имени Толстого въ связи съ тѣмъ или инымъ моментомъ общественной и политической борьбы. Врагъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу, справа или слѣва, Толстой этимъ самымъ далъ одинъ общій отвѣтъ на всѣ вопросы, въ какую сторону направлено его сочувствіе, когда заходитъ рѣчь о произволѣ властей или о звѣрствахъ толпы, о правѣ на землю, о свободѣ политической, религіозной и національной. Отвѣтъ на всѣ эти вопросы находится въ его сочиненіяхъ; обильныя частными противорѣчіями, они въ вопросахъ истинной свободы и отрицанія рабства каждой строкой своей пролагаютъ великіе пути въ дѣлѣ нравственнаго перевоспитанія людей.

Но обратимся къ книгѣ г. Бирюкова. За очеркомъ общественной дѣятельности Толстого идетъ глава о его женитьбѣ. И она чрезвычайно любопытна тѣми новыми свѣдѣніями, какія сообщаются въ ней. Предложеніе было сдѣлано Толстымъ 17 сентября (1862, въ день именинъ будущей жены). Незадолго до этого въ дневникѣ слѣдуетъ рядъ записей, характеризующихъ его мысли и настроенія въ этотъ періодъ времени. 23 августа, послѣ одного изъ посѣщеній семьи Берсъ, онъ пишетъ: „Я боюсь себя; что если и это—желаніе любви, а не любовь? Я стараюсь глядѣть только на ея слабыя стороны и все таки люблю.

„Всталъ здоровъ, съ особенно свѣтлой головой, писалось хорошо, но содержаніе бѣдно. Потомъ такъ грустно, какъ давно не было. Нѣтъ у меня друзей, нѣтъ. Я одинъ. Были друзья, когда я служилъ Мамону, и нѣтъ, когда я служу правдѣ.

„Пошелъ къ Берсамъ въ Покровское пѣшкомъ. Покойно, уютно. Соня дала прочесть повѣсть. Что за энергія правды и простоты. Ее мучаетъ неясность. Все я читалъ безъ замиранія, безъ признаковъ ревности или зависти, но—„необычайно непривлекательной наружности" и „перемѣнчивость сужденій" задѣли славно. Я успокоился; все это не про меня".

Повѣсть эта была, къ сожалѣнію, уничтожена авторомъ.

Подъ 28 августа, въ день своего рожденія: „Всталъ съ привычною грустью. Придумалъ общество для учениковъ мастерскихъ. Сладкая, успокоительная ночь. Скверная рожа, не думай о бракѣ, твое призваніе—другое, и дано зато много".

„Но потребность семейнаго счастья,—говоритъ г. Бирюковъ,—

взяла верхъ, и желаніе любви перешло наконецъ въ настоящую, страстную любовь, которая уже не знала никакихъ преградъ. И все-таки, несмотря на силу этой страсти, Левъ Николаевичъ и тутъ сумѣлъ проявить свою честность, свою любовь къ правдѣ. Уже сдѣлавъ предложеніе и получивъ согласіе, онъ далъ своей невѣстѣ прочесть свои дневники холостой жизни, въ которыхъ съ самообличеніемъ и голою искренностью описаны были всѣ увлеченія молодости, всѣ паденія и всѣ душевныя бури, пережитыя Львомъ Николаевичемъ. Чтеніе этого дневника было ударомъ и невыразимымъ страданіемъ для молодой дѣвушки, видѣвшей въ своемъ героѣ идеалъ всѣхъ добродѣтелей. Страданіе это было такъ сильно и борьба пережитая была такъ трудна, что она минутами колебалась, не порвать ли уже установившуюся связь. Но любовь разрушила всѣ эти колебанія, и она, выплакавъ ночами свои страданія, отдала Льву Николаевичу дневникъ, и онъ прочелъ въ ея взорѣ прощеніе и еще болѣе сильную, уже закаленную любовь".

На изображеніи этихъ событій заканчивается первый томъ прекраснаго труда г. Бирюкова. Слѣдующій томъ составитель предполагаетъ посвятить изложенію того хода событій въ жизни Толстого, который привелъ его къ принятому имъ познанію единой и руководящей основы жизни—къ религіи.

IV.

Наконецъ, начало выходить, при участіи В. Г. Черткова, и первое неподпольное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого, появлявшихся до послѣдняго времени заграницей. Русское общество знало о нихъ отчасти контрабандой, отчасти по тѣмъ возраженіямъ, которыя сыпались противъ нихъ изъ органовъ охранительнаго лагеря. Цензурный запретъ говорить о нихъ въ независимой печати, съ одной стороны, и тенденціозное толкованіе, нерѣдко переходившее въ извращеніе,—съ другой—сдѣлали то, что до сихъ поръ сочиненія эти не заняли въ общественномъ міросозерцаніи своего времени того положенія, которое они должны были бы занять по своему значенію и проявившейся въ нихъ аналитической мысли и поразительной художественной силы. Вмѣстѣ съ этимъ, и сами они мало были затронуты критикой, передъ которой остается открытымъ великое поприще разобраться въ ихъ глубокомъ и сложномъ содержаніи, выяснить ихъ общественную и художественную цѣнность и, отдѣливъ въ нихъ

добрую пшеницу отъ плевелъ, установить на нихъ опредѣленную точку зрѣнія, указать ихъ важность и цѣнность для жизни.

Цензура проявила свою обычную близорукость, оберегая русскихъ читателей отъ вліянія такъ называемыхъ философскихъ сочиненій Толстого. Въ нихъ есть элементы, которые и безъ цензуры мѣшали бы сдѣлаться этому вліянію всеобщимъ. Это, во-первыхъ, неотразимая убѣдительность основныхъ положеній, которыя въ корнѣ отрицаютъ современный, такъ называемый буржуазный порядокъ жизни, основанный на привязанности и привычкахъ къ порабощенію и собственности и характеризуемый отсутствіемъ высшихъ побужденій въ духѣ вѣры и истины; и, во-вторыхъ, слабость аргументаціи частныхъ положеній, открывающая легкую возможность опровергать, или, вѣрнѣе, придавать видъ опроверженія ученія Толстого, или аргументами, взятыми изъ его же противорѣчій, или доводами той же буржуазной логики, противъ которой возстаетъ Толстой. Мы не говоримъ о возраженіяхъ богословско-догматическаго характера, представляющихъ вопросъ чисто спеціальный, поскольку дѣло шло объ идейномъ выясненіи спорныхъ вопросовъ, а не о преданіи анаѳемѣ инако мыслящаго человѣка.

Сильнѣе противника у Толстого, какъ моралиста и учителя жизни, не было и не могло быть, чѣмъ онъ самъ. Это замѣчено уже давно, но изслѣдовано чрезвычайно мало. Можетъ быть, полное собраніе его сочиненій вызоветъ всестороннее ихъ изученіе и выяснитъ подлинное содержаніе и форму его, какъ выражался Михайловскій, десницы и шуйцы. Въ вышедшемъ первомъ томѣ помѣщена „Исповѣдь“ и рядъ статей, объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ—„Такъ что же намъ дѣлать?“, и объ эти статьи драгоцѣнны прежде всего въ біографическомъ отношеніи. Въ первой изъ нихъ Толстой разсказываетъ исторію своихъ религіозныхъ сомнѣній, исканій Бога и, наконецъ, того просвѣтлѣнія вѣрой, въ которомъ онъ живетъ въ настоящее время. Во второй разсказаны попытки Толстого творить добро тѣми способами, какіе существовали и до него въ современномъ обществѣ; попытки эти привели его къ полному отрицанію послѣднихъ и къ признанію полной негодности современнаго общественнаго строя.

Объ статьи можно было бы объединить въ одномъ общемъ заглавіи: Толстой и общественная жизнь. Въ „Исповѣди“ Толстой говоритъ преимущественно о себѣ и менѣе объ обстоятельствахъ внѣшняго міра; въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать?“ автобіографическій элементъ занимаетъ подчиненное положеніе.

Мы уже упоминали, что исторію религіозныхъ исканій Толстого собирается дать г. Бирюковъ во второмъ томѣ своего изданія. Въ ожиданіи этой работы, которая охватитъ всѣ сочиненія Льва Николаевича, касающіяся вѣры, и установитъ связь съ обстоятельствами его жизни, мы не можемъ отказаться, однако, отъ желанія подѣлиться съ читателемъ нѣсколькими замѣчаніями, которыя возникаютъ невольно при чтеніи упомянутаго тома сочиненій Толстого.

Въ „Исповѣди“ прежде всего поражаетъ читателя то, что Толстой употребляетъ всѣ усилія, чтобы прорваться сквозь свое личное „я“, чтобы освободиться какъ бы отъ гнета личнаго чувства и стать лицомъ къ лицу съ тѣми вопросами, сущность которыхъ составляла предметъ его самыхъ пламенныхъ исканій. И это вначалѣ ему рѣшительно не удается. Личное „я“ и въ тотъ періодъ, когда онъ писалъ „Исповѣдь“ (1882), какъ и прежде, стоитъ на пути рѣшенія всѣхъ вопросовъ и мѣшаетъ подойти къ нимъ съ объективной стороны. Но зато путь, которымъ подходилъ Толстой къ рѣшенію мучившихъ его вопросовъ, былъ имъ разсказанъ съ такой подробностью и безпощадной искренностью, съ какой едва ли открывалась когда-либо человѣческая душа. Съ нѣкоторыхъ поръ началъ онъ испытывать минуты какого-то страннаго недоумѣнія, „остановки жизни“, какъ будто онъ не зналъ, какъ ему жить и что дѣлать. Эти остановки жизни сопровождались всегда одинаковыми вопросами: зачѣмъ? ну, а потомъ? „Я понялъ,—говоритъ Толстой,—что это—не случайное недомоганіе, а что-то очень важное, и что если повторяются все тѣ же вопросы, то надо отвѣтить на нихъ. И я попытался отвѣтить. Вопросы казались такими глупыми, простыми дѣтскими вопросами. Но только-что я тронулъ ихъ и попытался разрѣшить, я тотчасъ же убѣдился, во-первыхъ, въ томъ, что это не дѣтскіе и глупые вопросы, а самые важные и глубокіе вопросы въ жизни, и, во-вторыхъ, въ томъ, что я не могу и не могу, сколько бы я ни думалъ, разрѣшить ихъ. Прежде чѣмъ заняться самарскимъ имѣніемъ, воспитаніемъ сына, писаніемъ книги, надо знать, зачѣмъ я это буду дѣлать. Пока я не знаю—зачѣмъ, я не могу ничего дѣлать, я не могу жить. Среди моихъ мыслей о хозяйствѣ, которыя очень занимали меня въ то время, мнѣ вдругъ приходилъ въ голову вопросъ: „Ну, хорошо, у тебя будетъ 6.000 десятинъ въ самарской губерніи, 300 головъ лошадей, а потомъ?...“ И я совершенно опѣшивалъ и не зналъ, что думать дальше. Или, начиная думать о томъ, какъ я воспитаю дѣтей, я говорилъ себѣ: „Зачѣмъ?“ Или, раз-

суждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, я вдругъ говорилъ себѣ: „А мнѣ что за дѣло?“. Или, думая о той славѣ, которую пріобрѣтутъ мнѣ мои сочиненія, я говорилъ себѣ: „Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ, — ну, и что-жъ?...“ И я ничего и ничего не могъ отвѣтить. Вопросы не ждутъ, надо сейчасъ отвѣтить; если не отвѣтишь, нельзя жить. А отвѣта нѣтъ.

„Я почувствовалъ, что то, на чемъ я стоялъ, подломилось, что мнѣ стоять не на чемъ, что того, чѣмъ я жилъ, уже нѣтъ, что мнѣ нечѣмъ жить“.

Уже изъ этой постановки вопроса можно предвидѣть, какимъ личнымъ, узко-субъективнымъ путемъ пойдетъ Толстой къ рѣшенію вѣчныхъ вопросовъ. Онъ обращался въ разныя стороны, ища отвѣта, и принималъ и оцѣнивалъ только то, что считалъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ съ своей точки зрѣнія. И прежде всего обратился къ разуму, къ знанію, къ людямъ науки. „Я искалъ вездѣ, — говоритъ онъ, — и, благодаря жизни, проведенной въ ученіи, а также тому, что, по связямъ съ міромъ ученымъ, мнѣ были доступны сами ученые всѣхъ разнообразныхъ отраслей знанія, не отказывавшіе открывать мнѣ всѣ свои знанія не только въ книгахъ, но и въ бесѣдахъ, я узналъ все то, что на вопросъ жизни отвѣчаетъ знаніе.

„Долго я никакъ не могъ повѣрить тому, что знаніе ничего другого не отвѣчаетъ на вопросы жизни, какъ то, что оно отвѣчаетъ. Долго мнѣ казалось, вслушиваясь въ важность и серьезность тона науки, утверждавшей свои положенія, не имѣющія ничего общаго съ вопросами человѣческой жизни, — что я чего-нибудь не понимаю. Долго я робѣлъ передъ знаніемъ, и мнѣ казалось, что несоотвѣтственность отвѣтовъ моимъ вопросамъ происходитъ не по винѣ знанія, а отъ моего невѣжества; но дѣло было для меня не шуточное, не забава, а дѣло всей моей жизни, и я волей-неволей былъ приведенъ къ убѣжденію, что вопросы мои — одни законные вопросы, служащіе основой всякаго знанія, и что виноватъ не я съ моими вопросами, а наука, если она имѣетъ притязательность отвѣчать на эти вопросы“.

Мы припомнимъ, что годы, проведенные въ ученіи, не были, судя по извѣстнымъ даннымъ, и въ частности по тому, что приведено у г. Бирюкова, годами, сплошь посвящавшимися Толстымъ пріобрѣтенію знанія. Уже и тогда — а это было въ очень юномъ возрастѣ — Толстой подвергъ сомнѣнію жизненную приложимость наукъ и покинулъ „храмъ науки“, мало посвященнымъ въ ея

тайны. Далѣе, нельзя не выразить сомнѣнія, чтобы Толстой, при всѣхъ своихъ ученыхъ связяхъ и спеціально возбужденной любознательности, могъ окинуть человѣческимъ взоромъ все, что ему бы могло отвѣтить знаніе на логическую, умственную сторону его вопросовъ. Еслибы даже это было и такъ, мы видимъ самое большое затрудненіе въ томъ, насколько цѣлесообразно было обращать вопросы жизни и духа, постигаемые исключительно и вѣчно-индивидуально, къ представителямъ различныхъ отраслей знанія, какъ будто математикъ, филологъ или естественникъ могъ стоять къ этимъ вопросамъ ближе, чѣмъ любой человѣкъ будничной профессіи, ремесленникъ или земледѣлецъ. И когда представители знанія не удовлетворили Толстого, онъ объявилъ банкротство одной отрасли знанія за другой и, не признавая никакой объективной цѣнности за наукой, объявилъ, что несостоятельнымъ оказался не онъ въ своихъ исканіяхъ, а наука.

И много страницъ посвятилъ Толстой на выясненіе той мысли, что ни философія, ни естественныя, ни соціальныя науки не принесли ему пользы, и, по своей привычкѣ къ обобщенію, объявилъ всѣ науки безполезными для всѣхъ людей.

А между тѣмъ онъ неустанно и напряженно продолжалъ искать Бога и нашелъ его... тамъ, гдѣ знаніе вовсе и не нужно было,— въ непосредственномъ чувствѣ, въ простой, немудреной вѣрѣ, тамъ, гдѣ его нашли галилейскіе рыбаки, гдѣ онъ живетъ въ сердцѣ милліоновъ простыхъ трудящихся и, по отношенію къ наукѣ, невѣжественныхъ людей. Не станемъ спорить здѣсь, насколько вѣра разлита только въ темныхъ массахъ и насколько она несовмѣстима со знаніемъ. Замѣтимъ только, что если, стало быть, Богъ открылся Толстому въ томъ же непосредственномъ чувствѣ, въ какомъ онъ открывался неграмотному, но духовно зрячему человѣку,—ему незачѣмъ было переносить вину за ошибочно пройденный мучительный путь сомнѣній и безплодныхъ вопрошаній съ своей головы на науку. Наука здѣсь не при чемъ, и естественно, что „блужданіе“ въ знаніяхъ не только не вывело Толстого изъ отчаянія, но еще болѣе усилило его.

Зато нѣтъ ничего естественнѣе и выше и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проще, чѣмъ изображеніе того пути, которымъ Толстой пришелъ къ постиженію Бога въ чувствѣ. Онъ замѣтилъ послѣ долгихъ испытаній, что въ немъ происходитъ то умираніе, то оживленіе: первое бывало тогда, когда работа исканія ложилась на умъ, но когда дѣятельность ума въ этомъ направленіи прекращалась, и онъ начиналъ чувствомъ признавать, что Богъ есть, какъ все

вокругъ него оживало и получало смыслъ, и внутри его подни-мались „радостныя волны жизни“.

„Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стоитъ забыть, не вѣрить въ него, и я умираю.

„Что же такое эти оживленія и умиранія? вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь я бы уже давно убилъ себя, еслибъ у меня не было смутной надежды найти его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Такъ чего же я ищу его?—вскрикнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ онъ. Онъ есть то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь.

„Живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога. И сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня, и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня“.

Понятно, что для того, чтобы обрѣсти эту вѣру, Толстому незачѣмъ было обращаться ни къ наукѣ, ни къ ея представителямъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ замѣтилъ, что та сила жизни, которая возвратилась къ нему,—„была не новая, а самая старая,—та самая, которая влекла меня,—говоритъ Толстой,—на первыхъ порахъ моей жизни. Я вернулся во всемъ къ самому прежнему дѣтскому и юношескому“.

Рядомъ съ изображеніемъ того процесса, который совершался въ душѣ Толстого, въ „Исповѣди“ есть нѣсколько по-истинѣ драгоцѣнныхъ страницъ, посвященныхъ положенію религіознаго вопроса въ нашемъ обществѣ. Здѣсь Толстой съ сокрушительной силой анализа обрушивается на тѣ застарѣлые предразсудки, которые держатъ живое дѣло религіознаго общенія людей въ тискахъ сухой и безжизненной догмы. Говоря о странностяхъ вражды одного вѣроученія съ другимъ изъ-за частныхъ различій въ догматахъ и высказывая мысль о соединеніи церквей по основнымъ признакамъ вѣроученія при условіи извѣстныхъ уступокъ съ той и другой стороны, онъ услышалъ отъ одного изъ своихъ собесѣдниковъ, что, по существу, мысль Толстого была вѣрная мысль, но—„такія уступки произведутъ нареканія на духовную власть въ томъ, что она отступаетъ отъ вѣры предковъ, и произведутъ расколъ, а призваніе духовной власти—блюсти во всей чистотѣ греко-россійскую православную вѣру, переданную ей отъ предковъ.

„И я все понялъ. Я ищу вѣры, силы жизни, а они ищутъ наилучшаго средства исполненія передъ людьми извѣстныхъ человѣческихъ обязанностей. И исполняя эти человѣческія дѣла,

они исполняютъ ихъ по-человѣчески. Сколько бы ни говорили они о своемъ сожалѣніи о заблудшихъ братьяхъ, о молитвахъ за нихъ, возносимыхъ у престола всевышняго,—для исполненія человѣческихъ дѣлъ нужно насиліе, и оно всегда прилагалось, прилагается и будетъ прилагаться. Если два исповѣданія считаютъ себя въ истинѣ, а другъ друга во лжи, то, желая привлечь братьевъ къ истинѣ, они будутъ проповѣдывать свое ученіе. А если ложное ученіе проповѣдуется неопытнымъ сынамъ церкви, находящейся въ истинѣ, то церковь эта не можетъ не сжечь книги, не удалить человѣка, соблазняющаго сыновъ ея. Что же дѣлать съ тѣмъ сектантомъ, горящимъ огнемъ ложной, по мнѣнію православія, вѣры, который въ самомъ важномъ дѣлѣ жизни, въ вѣрѣ, соблазняетъ сыновъ церкви? Что же съ нимъ дѣлать, какъ не отрубить ему голову, или не запереть? При Алексѣѣ Михайловичѣ сжигали на кострѣ, т.-е. по времени прилагали высшую мѣру наказанія; въ наше время прилагаютъ тоже высшую мѣру,—запираютъ въ одиночное заключеніе. И я обратилъ вниманіе на то, что дѣлается во имя вѣроисповѣданія, и ужаснулся, и уже почти совсѣмъ отрекся отъ православія.

„Второе отношеніе церкви къ жизненнымъ вопросамъ было отношеніе ея къ войнѣ и казнямъ.

„Въ это время случилась война въ Россіи. И русскіе стали во имя христіанской любви убивать своихъ братьевъ. Не думать объ этомъ нельзя было. Не видѣть, что убійство есть зло, противное самымъ первымъ основамъ всякой вѣры, нельзя было. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ церквахъ молились объ успѣхѣ нашего оружія, и учители вѣры признавали это убійство дѣломъ, вытекающимъ изъ вѣры. И не только эти убійства на войнѣ, но во время тѣхъ смутъ, которыя послѣдовали за войной, я видѣлъ чиновъ церкви, учителей ея, монаховъ, схимниковъ, которые одобряли убійство заблудшихъ безпомощныхъ юношей. И я обратилъ вниманіе на все то, что дѣлается людьми, исповѣдующими христіанство, и ужаснулся“.

И это дѣйствительно ужасно—не съ точки зрѣнія науки, потому что наука не знаетъ ни жалости, ни состраданія, будучи въ рукахъ человѣка простымъ орудіемъ прогресса, но съ точки зрѣнія того непосредственнаго чувства, которое, озаряя душу человѣка свѣтомъ богоощущенія, не можетъ безучастно относиться къ фактамъ насилія, организованнаго экономическаго и духовнаго порабощенія, къ отсутствію высшихъ руководящихъ началъ въ жизни, ко всему тому, чѣмъ отличается современное

намъ цивилизованное и по-истинѣ по недоразумѣнію называемое христіанскимъ общество.

V.

Статья „Такъ что же намъ дѣлать?“ замѣчательна анализомъ наблюденій Толстого въ сферѣ народной бѣдноты и темной безпомощности, ютящейся по городскимъ подваламъ и притонамъ. Сопоставляя свои наблюденія съ извѣстными ему впечатлѣніями изъ жизни другихъ классовъ, праздныхъ и обезпеченныхъ, онъ устанавливаетъ между ними нивеллирующую связь и съ особымъ, одному Толстому свойственнымъ даромъ, срываетъ оболочки, въ которыя драпируются отношенія различныхъ классовъ, и прозрѣваетъ въ ихъ сущность съ той религіозно-моральной точки зрѣнія, которая служитъ для него исчерпывающимъ критеріемъ истины. И здѣсь, пока Толстой не смѣшивается съ наблюдаемыми людьми и не вноситъ своихъ личныхъ настроеній и чувствъ, впечатлѣнія отъ его наблюденій ужасомъ и дрожью проходятъ по сердцу читателя, въ образахъ такой поразительной наглядности, что ихъ невозможно забыть тѣмъ, кто разъ познакомился съ ними въ изложеніи Толстого. Реализмъ изображенія положительно потрясаетъ душу. Стоитъ прочесть описаніе его посѣщенія Ляпинскаго дома или Ржановскаго, чтобы видѣть, какъ глубоко врѣзывается въ его душу каждая черта наблюдаемаго и какъ застываетъ въ ней образомъ жизни и силы. И черта за чертой, сцена за сценой образуется изъ разсказа Толстого впечатлѣніе чего-то огромнаго, неуклюжаго, неналаженнаго, страшнаго, отъ чего терзаются и страдаютъ люди. Это жизнь, и она взываетъ всѣми своими язвами и стонами и трогаетъ читателя гораздо сильнѣе, чѣмъ вплетающаяся въ нее тоже отдѣльно интересная, но здѣсь диссонирующая съ ней личность Толстого. И происходитъ это потому, что Толстой—величайшій художникъ, на пути котораго стоитъ моралистъ, то подчиняющійся, то расходящійся съ нимъ въ стремленіи къ высшей изъ жизненныхъ правдъ—той, чѣмъ держится міръ и „чѣмъ люди живы“.

Приведемъ характерный образчикъ одного изъ тѣхъ моментовъ борьбы художника съ моралистомъ, гдѣ художническій инстинктъ одержалъ рѣшительную побѣду. Одинъ изъ „пріятелей“ Толстого, ночевавшій въ ночлежкѣ, разсказалъ ему печальный случай, который произошелъ на его глазахъ съ несчастной прачкой, занимавшей уголъ въ ночлежкѣ. Вотъ разсказъ „пріятеля“ въ передачѣ Толстого: „Прачка нѣсколько мѣсяцевъ жила здѣсь

и была тихая женщина, но въ послѣднее время ее не взлюбили за то, что она кашляла и мѣшала жильцамъ спать. Особенно восьмидесятилѣтняя старуха, полусумасшедшая, тоже постоянная жилička этой квартиры, возненавидѣла прачку и поѣдомъ ѣла ее за то, что она спать не даетъ и всю ночь перхаетъ, какъ овца. Прачка молчала, она задолжала за квартиру и чувствовала себя виноватой, и потому ей надо было быть тихой. Она все рѣже могла ходить на работу, силъ не хватало, и потому не могла выплачивать хозяйкѣ; послѣднюю недѣлю она вовсе не ходила на работу и только отравляла всѣмъ, особенно старухѣ, тоже не выходившей, жизнь своей перхотой. Четыре дня тому назадъ хозяйка отказала прачкѣ отъ квартиры: за ней уже набралось шесть гривенъ, и она не платила ихъ, и не предвидѣлось надежды ихъ получить, а койки всѣ были заняты, и жильцы жаловались на перхоту прачки.

„Когда хозяйка отказала прачкѣ и сказала, чтобы она выходила изъ квартиры, коли не отдастъ денегъ, старуха обрадовалась и вытолкала прачку на дворъ. Прачка ушла, но черезъ часъ вернулась и у хозяйки не хватило духу выгнать ее опять. И второй, и третій день хозяйка не выгоняла ее. „Куда же я пойду?“ говорила прачка. Но на третій день любовникъ хозяйки, человѣкъ московскій и знающій порядки и обхожденіе, пошелъ за городовымъ. Городовой съ саблей и пистолетомъ на красномъ шнуркѣ пришелъ въ квартиру и, учтиво приговаривая приличныя слова, вывелъ прачку на улицу“.

Все это могъ разсказать „пріятель“ Толстого, хотя едва ли отмѣтилъ, что городовой былъ „съ саблей и пистолетомъ на красномъ шнуркѣ“ и что онъ учтиво приговаривалъ приличныя слова. Но ужъ чего онъ рѣшительно не говорилъ, если только не задавался цѣлями художественнаго воспроизведенія, такъ это—дальнѣйшаго, что̀ составляетъ продолженіе разсказа „пріятеля“: „Былъ ясный, солнечный, но морозный мартовскій день. Ручьи текли, дворники кололи ледъ. Сани извозчиковъ подпрыгивали по обледенѣвшему снѣгу и визжали по камнямъ. Прачка пошла въ гору по солнечной сторонѣ, дошла до церкви и сѣла, тоже на солнечной сторонѣ, на паперти церкви. Но когда солнце стало заходить за дома, лужи стали затягиваться стеклышкомъ мороза, прачкѣ стало холодно и жутко. Она поднялась и потащилась... Куда? Домой, въ тотъ единственный домъ, въ которомъ она жила послѣднее время. Пока она дошла, отдыхая, стало смеркаться. Она подошла къ воротамъ, завернула въ нихъ, поскользнулась, охнула и упала“...

Разсказъ былъ такъ трогателенъ и произвелъ, повидимому, такое глубокое впечатлѣніе на Толстого, что, подъ его вліяніемъ, въ душѣ у него создалась цѣлая картина, гдѣ правда искусства слилась съ правдой жизни, и онъ, незамѣтно для самого себя, обычный безыскусственный разсказъ облекъ въ художественную форму, перенеся въ него и тѣ впечатлѣнія, которыя и самъ онъ получилъ на другой день при провѣркѣ разсказа. Столь же художественно переданъ и конецъ его: „Прошелъ одинъ, прошелъ другой человѣкъ. „Должно — пьяна“. Прошелъ еще человѣкъ, споткнулся на прачку и сказалъ дворнику: „какая-то у васъ пьяная въ воротахъ валяется, чуть голову себѣ не проломилъ черезъ нее; уберите вы ее, что-ли!“

„Дворникъ пошелъ. Прачка была мертвая. Вотъ что разсказалъ мнѣ мой пріятель. Можно подумать, что я подобралъ факты— встрѣчу съ пятнадцатилѣтней проституткой (разсказанной выше у Толстого) и исторію съ этой прачкой; но пусть не думаютъ этого; это такъ точно было въ одну ночь—не помню только какого марта 1884 года“.

И всѣ отраженія жизни, которыя подвергаются художественной переработкѣ въ душѣ Толстого, имѣютъ положительное значеніе для жизни и, представляя собой итогъ могучаго обобщенія, совпадаютъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, съ выводами соотвѣтственныхъ наукъ. Напримѣръ, что могли бы сказать наиболѣе отвергаемыя Толстымъ положенія финансовой науки, взятыя въ ихъ конечномъ смыслѣ, противъ моральной тенденціи его изображеній роскошной и праздной жизни богатыхъ и привилегированныхъ классовъ. Вотъ картина вечера, какъ Толстой наблюдалъ ее въ Хамовникахъ, мѣстѣ по преимуществу трудовомъ и фабричномъ. „И вотъ показались со всѣхъ сторонъ кареты, всѣ направлявшіяся въ одну и ту же сторону.

„На козлахъ кучеръ, иногда въ тулупѣ; лакей, щеголь съ кокардой. Сытые рысаки въ попонахъ летятъ по морозу съ быстротой 20 верстъ въ часъ, въ каретѣ дамы, закутанныя въ ротонды и оберегающія цвѣты и прически. Все, начиная отъ сбруи на лошадяхъ, кареты, гуттаперчевыхъ колесъ, сукна на кафтанѣ кучера до чулокъ, башмаковъ, цвѣтовъ, бархата, перчатокъ, духовъ,—все это сдѣлано тѣми людьми, которые частью пьяные завалились на своихъ нарахъ въ спальняхъ, частью въ ночлежныхъ домахъ съ проститутками, частью разведены по сибиркамъ. Вотъ мимо ихъ во всемъ ихнемъ и на всемъ ихнемъ ѣдутъ посѣтители бала, и имъ и въ голову не приходитъ, что есть какая-нибудь связь между тѣмъ баломъ, на который они

собираются, и этими пьяными, на которыхъ строго кричатъ ихъ кучера.

„Люди эти съ самымъ спокойнымъ духомъ и увѣренностью, что они ничего худого не дѣлаютъ, но что-то очень хорошее,— веселятся на балѣ. Веселятся! Веселятся отъ 11-ти до 6-ти часовъ утра, въ самую глухую ночь, въ то время, какъ съ пустыми желудками валяются люди по ночлежнымъ домамъ и нѣкоторые умираютъ, какъ прачка".

Толстой изображаетъ картину, финансовыя науки дадутъ числовое заключеніе, и то и другое подскажетъ вдумчивому и совѣстливому человѣку одинъ и тотъ же моральный итогъ, что въ существующихъ человѣческихъ отношеніяхъ лежитъ изстари какая-то неправда, съ которой мириться никакъ нельзя. Но когда Толстой для доказательства своихъ мыслей обращается къ фактамъ своей жизни и ищетъ въ нихъ подтвержденія, дѣло не обходится безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Недоразумѣнія эти, одинъ-два примѣра которыхъ мы увидимъ ниже, почти ничтожны сравнительно съ общимъ смысломъ его произведенія, а между тѣмъ они-то и служили источникомъ ожесточеннѣйшихъ нападковъ на Толстого со стороны его противниковъ, зачастую изъ-за нихъ не видѣвшихъ самаго главнаго въ его сочиненіяхъ, ихъ основной мысли и духа. Недоразумѣнія эти возникаютъ чаще всего тамъ, гдѣ Толстой опирается на факты своей личной жизни не какъ художникъ, а какъ частный человѣкъ. Съ одной стороны, это бываетъ тамъ, гдѣ Толстой обличаетъ себя, указывая на себя, какъ на вмѣстилище всевозможныхъ недостатковъ и слабостей. Ему кажется, что избавиться отъ всего дурного легко—нужно только понять, что дурное дурно, и не дѣлать этого. И вотъ, на примѣрахъ изъ личной жизни Толстой оставляетъ читателя въ неизвѣстности, всегда ли его пониманіе своихъ недостатковъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и избавленіемъ отъ нихъ. Разсказываетъ онъ, какъ однажды далъ онъ старику нищему 20 копѣекъ. „Я далъ и подумалъ о томъ, какъ моя милостыня должна хорошо подѣйствовать на Семена (спутника Толстого, съ которымъ онъ пилилъ дрова), съ которымъ мы говорили о божественномъ". Семенъ, у котораго было денегъ всего на всего 6 р. 50 коп., тоже далъ нищему 3 коп. Это навело Толстого на слѣдующее разсужденіе. „Стало быть 6 р. 50 коп. было все его сбереженіе. Мое сбереженіе равнялось приблизительно 600-мъ тысячамъ. У меня были жена и дѣти, у Семена были жена и дѣти. Онъ былъ моложе меня, и дѣтей у него было меньше; но дѣти у него были малыя, у меня же ужъ было двое въ возрастѣ ра-

ботниковъ, такъ что наше положеніе, кромѣ сбереженія, было равное; пожалуй, даже мое — нѣсколько выгоднѣе. Онъ далъ 3 коп., я далъ 20 коп. Что же далъ онъ и что я? Что бы я долженъ былъ дать, чтобы сдѣлать то, что сдѣлалъ Семенъ? У него было 600 копѣекъ; онъ далъ изъ нихъ одну и потомъ еще двѣ. У меня было 600 тысячъ. Чтобы дать то, что Семенъ, мнѣ надо было дать 3.000 рублей и попросить 2.000 сдачи и, еслибы не было сдачи, оставить и эти 2 тысячи старику, перекреститься и пойти дальше, спокойно разговаривая о томъ, какъ живутъ на фабрикахъ и почемъ печенка на Смоленскомъ. Я тогда же подумалъ объ этомъ; но только долго послѣ того я былъ въ состояніи сдѣлать изъ этого случая тотъ выводъ, который неизбѣжно изъ него вытекаетъ. Выводъ этотъ такъ необыкновененъ и страненъ кажется, что, несмотря на его математическую несомнѣнность, нужно время, чтобы привыкнуть къ нему. Все кажется, что тутъ должна быть какая-нибудь ошибка, но ошибки нѣтъ. Есть только страшная тьма заблужденій, въ которой мы живемъ".

И далѣе Толстой подкрѣпляетъ свои разсужденія справкой, откуда произошли его деньги: часть была получена за землю, другая—за свои сочиненія. Прочитавъ все это, читатель вправѣ ожидать далѣе повѣствованія о томъ, какъ Толстой отказался отъ своихъ денегъ и какъ сталъ жить только своимъ личнымъ трудомъ, удѣляя изъ него милостыню, подобную Семеновой. Но повѣствованія этого читатель не встрѣчаетъ и остается неудовлетвореннымъ, и въ лучшемъ случаѣ ему кажется, что этотъ не возросшій до подвига примѣръ изъ жизни Толстого совершенно не нуженъ здѣсь, потому что онъ слишкомъ ничтоженъ по сравненію съ огромнымъ художественнымъ изслѣдованіемъ окружающей жизни тысячъ и милліоновъ людей.

Другимъ разительнымъ примѣромъ является сопоставленіе судьбы мальчика изъ Ржановскаго дома съ судьбою своихъ собственныхъ дѣтей. Толстой взялъ этого мальчика въ свой домъ, чтобы облагодѣтельствовать и исправить его, и что же мальчикъ увидѣлъ въ этомъ домѣ?—спрашиваетъ Толстой:—„моихъ дѣтей—и старше его, и моложе, и ровесниковъ,—которые никогда ничего для себя не только не работали, но и всѣми средствами доставляли работу другимъ, пачкали, портили все вокругъ себя, объѣдались жирнымъ, вкуснымъ и сладкимъ, били посуду, проливали и бросали собакамъ такую пищу, которая для этого мальчика представлялась лакомствомъ. Если я изъ *вертепа* взялъ его и привелъ въ хорошее мѣсто, то онъ и долженъ былъ усвоить тѣ взгляды, которые существуютъ на жизнь въ хорошемъ мѣстѣ;

и по этимъ взглядамъ онъ понялъ, что въ хорошемъ мѣстѣ надо такъ жить, чтобы ничего не работать, а ѣсть, пить сладко и жить весело. Правда, онъ не зналъ того, что дѣти мои несутъ тяжелые труды для изученія склоненій латинской и греческой грамматики, и не могъ бы понять цѣли этихъ трудовъ. Но нельзя не видѣть, что еслибы онъ понялъ это, то воздѣйствіе на него примѣра моихъ дѣтей было бы еще сильнѣе. Онъ понялъ бы тогда, что мои дѣти воспитываются такъ, чтобы, ничего не работая теперь, быть въ состояніи и впредь, пользуясь своимъ дипломомъ, работать какъ можно меньше и пользоваться благами жизни какъ можно больше. Онъ и понялъ это и не пошелъ къ мужику убирать скотину и ѣсть съ нимъ картошки съ квасомъ, а пошелъ въ зоологическій садъ въ костюмѣ дикаго водить слона за 30 коп.“.

Если Толстой „не понималъ“, какъ онъ говоритъ, въ тотъ періодъ своихъ странствованій по бѣднымъ кварталамъ, что дѣти его получаютъ дурное, по его мнѣнію, воспитаніе, то онъ понялъ это нѣсколько позже, ко времени писанія своей статьи (въ половинѣ 80-хъ годовъ), и читатель опять-таки вправѣ былъ бы ожидать, что Толстой, посвятившій его въ такія глубокія нѣдра своей семейной жизни, хотя нѣсколькими словами покажетъ ему, какъ отразилось на дальнѣйшемъ воспитаніи его дѣтей его новое пониманіе назначенія человѣка и къ чему привело осужденіе прежней системы. Но Толстой умалчиваетъ объ этомъ, и читатель, какъ и въ первомъ примѣрѣ, остается неудовлетвореннымъ потому, что видитъ, что этотъ частный примѣръ ничего не доказываетъ ему и, напротивъ, только смущаетъ правильную работу мысли, направленной на усвоеніе общаго смысла статьи.

Этотъ общій смыслъ по-истинѣ громаденъ и знаменателенъ для нашего времени. И именно потому, что онъ является синтезомъ напряженной работы великой художественной мысли, онъ заслоняетъ собой личность художника и ставитъ передъ каждымъ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ, роковую и безотлагательную проблему жизни, какъ сдѣлать чувство воспріимчивымъ къ вѣрѣ и любви, на которыхъ покоятся духовныя основы жизни, и какимъ образомъ направить мысль на познаніе того, что̀ въ окружающемъ человѣка является истиннымъ, божественнымъ, вѣчнымъ и на чемъ лежитъ печать суеты и заблужденія. Этотъ смыслъ ясно, какъ день, обнаруживаетъ неправду нашего общественнаго строя и указываетъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ путей его измѣненія—путь нравственнаго перерожденія людей. И, намѣчая

ціальныхъ представителей религіи и власти, и что съ ихъ искорененіемъ человѣчество сразу сдѣлается счастливымъ. Американцу же необходима опредѣленная почва, система даже и для такого новшества, какимъ былъ въ то время коммунизмъ,—одно теоретическое отрицательное отношеніе къ существующему порядку вещей ему недостаточно, ему нужна конституція,—какъ жить и управляться. Есть всякое основаніе предполагать, что единственнымъ матеріаломъ къ оформленію коммунистическихъ идей у Оуэна былъ только схваченный имъ уже на мѣстѣ опытъ рапистовъ;—понятно, что кое-какъ, наскоро составленный имъ временный первый уставъ продержался только самое короткое время, и когда американская организаціонная способность взялась за дѣло, его новизна привела къ тому, что за три года существованія „Новой Гармоніи“ были перемѣнены, одна за другой, семь различныхъ конституцій — отъ сравнительно деспотическихъ до вполнѣ демократическихъ,—и ни одна изъ нихъ не оказалась хоть сколько-нибудь практичной, такъ что въ коммунѣ вмѣсто гармоніи царствовали все время неописуемый сумбуръ и абсолютная безурядица, пока коммуна не распалась окончательно и члены не разбѣжались въ разныя стороны. Какой бы то ни было религіи въ „Новой Гармоніи“ совсѣмъ не было мѣста—зато увеселенія разнаго рода, танцы, музыка и вино, были въ большомъ ходу. Это былъ самый безтолковый, самый жалкій неуспѣхъ отъ начала до конца, и въ этомъ углу штата Индіаны говорить о соціализмѣ и до сихъ поръ небезопасно. Оуэнъ разорился, но удержалъ лучшую часть имѣнія за собой, и его потомки владѣютъ имъ и до сихъ поръ. Самъ же онъ провелъ всю свою остальную жизнь, путешествуя изъ Америки въ Европу и обратно, всюду проповѣдуя соціализмъ и пытаясь заинтересовать въ немъ различныя правительства и общественныя учрежденія, — но такъ и до смерти онъ не далъ никакого опредѣленнаго рецепта. Сынъ его, Робертъ Дэль Оуэнъ (1801—1877), впослѣдствіи довольно извѣстный американскій писатель и общественный дѣятель, вмѣстѣ съ Франциской Райтъ, богатой филантропкой и потомъ одной изъ самыхъ видныхъ поборницъ освобожденія негровъ и эмансипаціи женщинъ, основалъ въ штатѣ Теннеси коммуну „Нашоба“, въ которой были участниками и негры,—но и она просуществовала всего три года, хотя и была безусловно обезпечена въ матеріальномъ отношеніи. Послѣдователями Оуэна были основаны въ пяти штатахъ 11 коммунъ почти одновременно съ „Новой Гармоніей“;—но хотя нѣкоторыя изъ нихъ обладали и средствами, и дѣловитыми участниками, пустившими въ ходъ разнообразные и болѣе тщательно обдуманные и обработанные уставы, все же ни одна изъ нихъ не просуществовала и двухъ лѣтъ.

Макдональдъ, одинъ изъ самыхъ искреннихъ и вдумчивыхъ почи-

тателей Оуэна, пытаясь объяснить сокрушающій неуспѣхъ всего движенія, говоритъ: „Оуэнъ искалъ настойчиваго приложенія коммунистической идеи, а нашелъ нечестность. Онъ требовалъ воздержанія, а встрѣтилъ безчисленныя затрудненія отъ пьянства. Онъ искалъ трудолюбія, а нашелъ лѣнь. Онъ требовалъ чистоты, а встрѣтилъ нечистоплотность. Онъ искалъ жажды знанія, а нашелъ апатію. Никто не понималъ его идей о необходимости выработки соотвѣтственнаго характера. Онъ думалъ найти все доброе и въ отдѣльныхъ лицахъ, и въ общинѣ, какъ цѣломъ,—а не нашелъ въ членахъ ничего, ни достаточнаго терпѣнія, ни самопожертвованія для того, чтобы привить его хотя бы къ дѣтямъ. Ясно, что его принципы были или ложны, или преждевременны для нашей эпохи. Онъ упустилъ изъ виду, что еслибъ каждый и всѣ вмѣстѣ въ той тысячѣ членовъ, которыхъ онъ собралъ, обладали всѣмъ тѣмъ, что онъ считалъ необходимымъ, то не было бы никакой нужды въ его тщетныхъ попыткахъ организовать коммуну,—потому что сами собой господствовали бы братская любовь, добрыя дѣла, прилежаніе и общее благосостояніе. До тѣхъ поръ, пока родители не будутъ готовы воспитывать своихъ дѣтей соотвѣтственно соціализму, у него не можетъ быть никакой надежды".

Данный Оуэномъ толчокъ вызвалъ въ Америкѣ совершенно самостоятельное соціалистическое движеніе, которое съ теченіемъ времени приняло различныя формы, изъ которыхъ, какъ болѣе опредѣленныя, слѣдуетъ отмѣтить нижеперечисляемыя: Ворренъ съ группой послѣдователей, изъ которыхъ особенно замѣтны Андрюсъ и докторъ Никольсъ, приписывая неудачу „Новой Гармоніи" вмѣшательству общины въ жизнь отдѣльныхъ членовъ, выработали доктрину суверенитета личности, и очень упорно проводили ее цѣлую четверть вѣка въ нѣсколькихъ общежитіяхъ въ штатахъ Охайо, Индіанѣ и Нью-Іоркѣ. Они требовали абсолютной свободы индивидуума, не связываемой никакими уставами, и основывали свои коммуны на добросовѣстномъ прямомъ обмѣнѣ труда безъ посредства какихъ-либо знаковъ. Ими же было положено начало въ Америкѣ теоріи „свободной любви", впослѣдствіи развитой „Онеидскою коммуною" и многими другими. Движеніе Воррена извѣстно подъ именемъ коммунъ типа „Modern Times": всѣ онѣ имѣли очень кратковременное существованіе и очень близки по существу къ современному анархизму. Все это было впослѣдствіи поглощено съ одной стороны французскимъ позитивизмомъ (Эдгеръ, одинъ изъ десяти апостоловъ Конта, основалъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько позитивистскихъ общежитій, также имѣвшихъ только самое короткое существованіе), а съ другой—спиритуализмомъ, къ которому обратился впослѣдствіи вышеупомянутый докторъ Никольсъ.

Одной изъ самыхъ либеральныхъ религіозныхъ сектъ Америки

всегда были унитаріане;—тѣмъ не менѣе, въ теченіе тридцатыхъ годовъ и въ ихъ средѣ образовалось крайнее теченіе, привлекшее къ себѣ довольно многочисленную группу чрезвычайно талантливыхъ людей, впослѣдствіи, каждый въ отдѣльности, сыгравшихъ большую роль въ американской литературѣ, особенно философской. Къ ней принадлежали оба Чаннинга, Хоуторнъ, Паркеръ, Риплэй, Двайтъ, Чарльсъ Дана, Маргарита Фуллеръ, Куртисъ, миссъ Пибоди; Эмерсонъ былъ къ ней очень близокъ. Русскому читателю имена эти, вѣроятно, мало или и совсѣмъ неизвѣстны, но въ исторіи эволюціи американской мысли они имѣютъ приблизительно то же значеніе, что, наприм., Грановскій, Станкевичъ, Бѣлинскій, Чернышевскій въ русской, и издававшійся ими нѣсколько лѣтъ журналъ „Dial“ имѣлъ нѣкоторое сходство съ Герценовскимъ „Колоколомъ“. Само собой разумѣется, что эти сравненія слѣдуетъ понимать примѣнительно къ американскимъ жизненнымъ условіямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ русскими. Группа эта называла себя „Христіанской“, и не отрицала значенія религіи, но считала соціализмъ руководящимъ началомъ, и въ 1841 г. основала въ штатѣ Массачузетсѣ, вблизи города Бостона, коммуну подъ именемъ „Brook Farm“. Къ тому времени неудачи оуэнизма были приписаны въ самой значительной степени его неразборчивости въ пріемѣ членовъ,—и въ эту коммуну члены принимались только съ большимъ разборомъ и послѣ долговременнаго личнаго знакомства. И „Dial“ въ теоріи, и „Brook Farm“ на практикѣ не дали никакой опредѣленной системы,—они обсуждали соціализмъ только въ широкомъ, общемъ, философскомъ смыслѣ, и представляли собой только чисто экспериментальную стадію. Но печать того времени, удѣлявшая этому движенію немало мѣста, назвала его трансцендентализмомъ, подъ которымъ оно и перешло въ исторію эволюціи американской мысли. Съ появленіемъ на американской сценѣ фурьеризма, „Brook Farm“ реорганизовался въ форменный фаланстеръ въ 1843 г., и я возвращусь къ нему впослѣдствіи.

Трансцендентализмъ, такимъ образомъ, былъ соціалистическимъ расколомъ въ унитаріанствѣ; соціализмъ произвелъ около того же времени такой же расколъ и въ средѣ универсалистовъ,—другой очень либеральной американской религіозной секты. Адинъ Баллу съ группой послѣдователей отдѣлился отъ универсализма и основалъ коммуну въ штатѣ Массачузетсѣ подъ именемъ „Hopedale“, существовавшую съ 1841 по 1856 г. Одно время въ ней было до 200 членовъ, но уже послѣ первыхъ же двухъ лѣтъ изъ нихъ осталось всего нѣсколько семей, не подпавшихъ вліяніямъ фурьеризма. Руководящей идеей было стремленіе „достичь гармоніи между независимостью личности и общественной кооперацією на основѣ христіанства“. Они признавали только Евангеліе, но никакихъ религіозныхъ формъ, практиковали

безусловный коммунизмъ, сохранивъ бракъ и обычныя семейныя отношенія. Впослѣдствіи Баллу написалъ замѣчательную книгу о соціализмѣ, къ сожалѣнію оставшуюся малоизвѣстной. Это—чрезвычайно мастерское и глубоко обдуманное многостороннее изложеніе теоріи соціализма, соединенное съ подробной программой и уставомъ организаціи, соотвѣтствующей его дѣйствительнымъ потребностямъ. Но онъ не успѣлъ привести ее въ исполненіе, такъ какъ коммуна „Hopedale" захирѣла и потеряла всякую жизненность задолго до своего окончательнаго формальнаго распаденія.

Коммуны „Brook Farm" и „Hopedale" имѣли, такъ сказать, полурелигіозныя основанія—ихъ противовѣсомъ съ исключительно экономической подкладкой были нотингаріанцы—отъ слова nothing: ничего,—отрицавшіе какую-либо религію, но признававшіе необходимость стройной организаціи. Въ томъ же штатѣ Массачузетсѣ, Макъ и Бенсонъ основали въ 1842 году нотингаріанскую коммуну въ Нортгамптонѣ, имѣвшую до 220 членовъ и просуществовавшую до 1846 г. Они занимались земледѣліемъ, шелководствомъ и лѣсопильнымъ дѣломъ, но страдали все время отъ недостатка средствъ, приведшаго къ раздорамъ и распаденію.

Представителемъ всяческаго радикализма въ соціализмѣ была коммуна Коллипса въ Сканителесѣ, въ штатѣ Массачузетсѣ, существовавшая съ 1843 по 1846 годъ. Въ ней было до 150 членовъ, демонстративно враждебныхъ и какимъ-либо властямъ, и религіи; будучи строгими вегетаріанцами, они доводили опрощеніе до питанія неободранной вареной пшеницей и рисомъ. Они отрицали мебель, жизненныя удобства—въ видѣ тюфяковъ и одѣялъ—и практиковали свободную любовь. Окрестныя газеты писали про эту коммуну, что ея члены работали цѣлый день, и спорили и ссорились цѣлую ночь; ея основатель, Коллипсъ, человѣкъ очень энергичный и способный, съ ея распаденіемъ сдѣлалъ слѣдующее публичное заявленіе: „На поверхности современнаго общества постоянно плаваетъ извѣстное число безпокойныхъ, разочарованныхъ, завистливыхъ, лѣнивыхъ людей, недовольныхъ современной соціальной системой не потому, что она обрекаетъ массы на нищету, невѣжество и порокъ, а потому что они не въ состояніи обратить ее въ свою личную пользу. Опытъ доказываетъ, что люди эти готовы примкнуть ко всякому новому движенію, которое обѣщаетъ имъ личную свободу и довольство;—и когда подобное предпріятіе отказывается называть бездѣлье свободой и настаиваетъ, чтобы каждый членъ напрягалъ свои способности на общую пользу, они поднимаютъ крикъ противъ тиранніи тѣхъ, кто требуетъ трудолюбія и самопожертвованія,—и предпріятіе дѣлается жертвой и козломъ отпущенія ихъ лѣни, себялюбія и неустойчивости".

Я описалъ только выдавшіеся прототипы вышеочерченныхъ теченій; всѣ они имѣли и другихъ представителей въ формѣ болѣе мелкихъ коммунъ съ болѣе кратковременнымъ существованіемъ.

Всѣ историки соціалистическаго движенія въ Америкѣ, какъ Нойсъ, Нордгофъ, Хайндсъ, Кентъ, признаютъ 1840-й годъ такимъ историческимъ моментомъ, когда разбуженный оуэнизмомъ чисто экономическій соціализмъ былъ готовъ къ воспріятію какой-либо новой для него практической формулы и искалъ ее вышеперечисленными разнообразными теченіями. Такимъ образомъ, дошелъ чередъ и до французскихъ соціалистовъ. Хотя Сенъ-Симонъ (1760—1725) и Фурье (1772—1837) и были въ сущности современниками, и ихъ книги („L'Industrie" перваго и „Théorie de quatre mouvements et des destinées générales второго) и вышли почти одновременно (первая въ 1817, вторая въ 1808 гг.), но первый очень мало извѣстенъ въ Америкѣ, тогда какъ второй сыгралъ въ ней огромную роль, и только потому, что далъ ей искомую формулу—опредѣленную программу, что̀ нужно дѣлать. Тѣмъ не менѣе, прошло слишкомъ тридцать лѣтъ прежде, чѣмъ фурьеризмъ завладѣлъ почти вполнѣ американскимъ соціализмомъ. Только въ 1840 г. Бризбэнъ выпустилъ свою книгу, „Social Destiny of man", познакомившую американскихъ соціалистовъ съ фурьеризмомъ. Бризбэнъ былъ энергичный, отлично образованный, настойчивый глубоко убѣжденный соціальный реформаторъ—онъ привлекъ на сторону фурьеризма Гудвина, Гораса Грили съ его знаменитой „New-York Tribune", того Грили, который впослѣдствіи, въ 1868 г., былъ кандидатомъ демократической партіи въ президенты Союза противъ генерала Гранта и цѣлую четверть вѣка—самой выдающейся, самой вліятельной фигурой американскаго журнализма. Эти люди дали соціализму вообще и фурьеризму въ частности огромный толчокъ, особенно когда въ 1843 г. успѣли обратить въ его пользу группу „Brook Farm", которая была описана выше, и, сначала съ ея участіемъ, а затѣмъ и подъ ея непосредственнымъ руководствомъ издавали спеціальные фурьеристскіе журналы: „The Phalanx", „The Future", „The Harbinger". Вначалѣ центромъ фурьеристскаго движенія былъ городъ Нью-Іоркъ, затѣмъ онъ былъ перенесенъ въ городъ Бостонъ. Начались національныя конвенціи соціалистовъ; — первая была въ 1844 г. и закончилась организаціей „американскаго національнаго союза соціалистовъ" и большимъ энтузіазмомъ. „Brook Farm" была переименована въ „Фаланстеръ", и его талантливые члены обратились всецѣло къ агитаціи фурьеризма по всей странѣ. Были назначены спеціальные организаторы, которые объѣзжали штаты, созывали вездѣ публичные митинги, печатали въ мѣстныхъ газетахъ свои программы и воззванія къ народу. Бризбэнъ, Гудвинъ и Грили посвятили фурьеризму всѣ свои силы, все свое время. Выше-

перечисленные журналы блистали талантами, замѣчательными философскими обобщеніями и призывами впередъ. Это возбужденіе продолжалось цѣлыхъ пять лѣтъ, пока сокрушающія неудачи фаланстеровъ по всей странѣ не покончили съ фурьеризмомъ на американской почвѣ. Сила и стремительность этого движенія въ Америкѣ происходили оттого, что, во-первыхъ, оно пришлось въ надлежащій историческій моментъ, а во-вторыхъ потому, что фурьеризмъ, въ противоположность оуэнизму съ его все уравнивающимъ коммунизмомъ, воздавалъ коемуждо по его средствамъ и способностямъ, что̀ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ американскому народному духу. Фурьеризму на Америку пожаловаться нельзя—онъ былъ встрѣченъ какъ Евангеліе, наиболѣе выдающіяся литературныя силы страны работали въ его пользу съ энергіей и талантомъ, и тысячи вѣрныхъ сдѣлали все, что̀ могли, для его осуществленія.

Помимо фаланстера „Brook Farm“, распавшагося въ 1847 г., въ десяти штатахъ было основано около 35 фаланстеровъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе.

Фаланстеръ „Трюмбюллъ“ въ штатѣ Охайо, 1844—1847 гг. Руководящимъ членомъ въ немъ былъ все время нѣкто Микеръ, человѣкъ очень искренній и работящій. Коммуна владѣла хорошимъ имѣніемъ и нѣсколькими доходными производствами, такъ что матеріальное положеніе было сравнительно хорошо. Въ ней было до 250 членовъ, съ гораздо болѣе высокимъ среднимъ интеллигентнымъ уровнемъ, чѣмъ большинство общежитій. Причиной распаденія, послѣдовавшаго почти внезапно, несмотря на самые оптимистическіе отчеты, было объявлено несоразмѣрно большое число членовъ, неспособныхъ къ работѣ, но жившихъ на иждивеніи коммуны.

Висконсинскій фаланстеръ въ штатѣ Висконсинѣ, 1844—1850 гг. Основателемъ ея былъ Чэзъ, впослѣдствіи довольно замѣтный спиритуалистъ. Эта коммуна, состоявшая почти исключительно изъ здоровыхъ, работящихъ фермеровъ, росла быстро и быстро достигла сравнительнаго матеріальнаго благосостоянія. Въ ней было до 200 членовъ, и она никогда не имѣла долговъ. Она вынесла вначалѣ жестокія лишенія, поселясь въ дикой глуши; практиковала вначалѣ отчасти общественную столовую, отчасти отдѣльный семейный столъ, смотря по желанію, но большинствомъ голосовъ уничтожила право на послѣдній, что̀ и послужило главнымъ поводомъ къ распаденію. Она представляетъ собою одно изъ немногихъ исключеній въ исторіи коммунъ въ томъ отношеніи, что до конца избѣгла судебныхъ тяжбъ и раздѣлила свое имущество между членами миролюбиво.

Сѣверо-американскій фаланстеръ — „North American Phalanx“ въ штатѣ Нью-Джерсэй, 1843 — 1855. Составъ его членовъ былъ подо-

бранъ съ особенной тщательностью, и выборъ имѣнія былъ сдѣланъ съ большой осмотрительностью и оказался очень удаченъ. Фаланстеръ этотъ за все время своего существованія пользовался особенной помощью — и совѣтами, и деньгами — отъ теоретическихъ вожаковъ фурьеризма въ Союзѣ. Онъ занимался земледѣліемъ, преимущественно огородничествомъ для рынка города Нью-Іорка, и нѣсколькими промышленными производствами, для которыхъ имѣлъ большую даровую водяную силу и всѣ необходимыя новѣйшія машины, и хозяйственное его дѣло велось съ большимъ умѣньемъ и разсчетомъ, да и поземельная собственность постоянно повышалась въ цѣнѣ. Такъ какъ онъ просуществовалъ почти цѣликомъ дольше всѣхъ остальныхъ чисто экономическихъ соціалистическихъ экспериментовъ въ Америкѣ, было время подмѣтить то вліяніе, которое подобныя общежитія имѣютъ на своихъ членовъ. Нѣсколько серьезныхъ безпристрастныхъ посторонних наблюдателей, посѣщавшихъ его періодически, благодаря его близости къ городу Нью-Іорку, свидѣтельствуютъ единогласно, что образованіе дѣтей находилось въ самомъ плохомъ, отсталомъ положеніи—застывшемъ на одной точкѣ, какъ выразился одинъ изъ нихъ,— и что, повидимому, взрослые члены цѣликомъ погрузились въ обязательные рутинные хозяйственные интересы, а всякіе умственные— были въ совершенномъ забросѣ. Не было библіотеки, получались только спеціальныя земледѣльческія или фурьеристскія газеты. Внѣшній міръ для общежитія пересталъ существовать. Нѣкоторые члены, до поселенія въ фаланстерѣ отличавшіеся живымъ, энергичнымъ характеромъ, переродились въ узкихъ, односторонних автоматовъ; даже шаблонныя увеселенія и собранія отправлялись ими какъ служба, обязательство, а не какъ потребность живыхъ людей. Послѣдніе три года существованія этой коммуны ушли на судебное сутяжничество между партіями, на которыя она раскололась—она распалась на-двое, но и это не помогло, такъ что и обѣ половины окончательно расформировались. Эти тяжбы и раздѣлъ стоили такъ дорого, что участники, несмотря на предшествовавшіе успѣхи, потеряли почти все. Фурьеризмъ былъ особенно популяренъ въ сѣверной части штата Нью-Іорка, гдѣ, въ городѣ Рочестерѣ, въ 1843 г., была даже основана федерація ассоціацій, собиравшаяся нѣсколько разъ на конвенціи и выработавшая четыре типа фаланстеровъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ по нѣсколько представителей въ формѣ отдѣльныхъ коммунъ. Но только „Brook Farm“ и три вышеописанные и просуществовали три года или дольше. Всѣ остальные не пережили и двухъ лѣтъ, а большинство распалось на первомъ же году своего существованія.

Необходимо замѣтить, что ни одинъ изъ фурьеристскихъ фаланстеровъ въ Америкѣ никогда не удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ

Фурье отъ такого общежитія. У нихъ не было ни minimum'а членовъ, 400, ни minimum'а капитала, ни такъ тщательно опредѣленныхъ имъ необходимыхъ зданій. И дѣленіе членовъ на серіи и отдѣлы было только приблизительное, какъ и финансовая бухгалтерія, хотя попытки къ такому дѣленію вызвали во всѣхъ болѣе или менѣе серьезные раздоры. Многіе фаланстеры при самой своей организаціи измѣнили нѣкоторыя основы Фурье сообразно мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ американской жизни.

Всѣ фаланстеры, за исключеніемъ трехъ, состояли изъ природныхъ американцевъ, только съ незначительной примѣсью иностранцевъ; одинъ былъ основанъ австрійцами—„Мирный Союзъ" профессора Смольникара въ штатѣ Пенсильваніи, 1844 — 1845, одинъ—бразильцами и одинъ—венецуэльцами.

Даже въ самый разгаръ увлеченія фурьеризмомъ основывались ничего съ нимъ общаго не имѣвшіе соціалистическіе эксперименты,—самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ была коммуна „Икарія", основанная въ 1848 г. французами подъ предводительствомъ Этьенна Кабе—Cabet (1788—1856), автора „Исторіи французской революціи" и „Путешествія въ Икарію"—Voyage en Icarie, 1840. Икарійцы отвергали христіанство, и признавали своей религіей коммунизмъ. „Икарія" была сначала основана въ штатѣ Тексасѣ, затѣмъ переѣхала въ штатъ Иллинойсъ, въ только-что оставленную изгнанными мормонами ихъ колонію Nauvoo, затѣмъ въ 1857 г. въ штатъ Эйоуэ. Икарійцы перенесли страшную массу разнообразнѣйшихъ лишеній, не разъ, буквально, голодали, реорганизовались до основанія много разъ, часто мѣняли свой составъ, но раздоры между ними не прекращались, пока они не распались окончательно въ 1898 г. Детали исторіи этой коммуны чрезвычайно патетичны.

Къ такимъ же самостоятельнымъ попыткамъ слѣдуетъ отнести коммуну подъ названіемъ „Prairie Home Community" въ штатѣ Охайо, основанную и распавшуюся въ 1844 г. У нея было хорошее имѣніе и до 150 членовъ, не признававшихъ никакой организаціи;—работалъ у нихъ кто когда хотѣлъ, такъ что даже самое несложное земледѣльческое хозяйство за одно лѣто обратило имѣніе въ пустыню.

Съ крушеніемъ фурьеризма окончились, повидимому, европейскія соціалистическія вліянія на Америку. Нѣмецкій, или, вѣрнѣе, еврейскій соціализмъ — Шульце-Деличъ, Лассаль, Марксъ — уже не возбуждали въ Союзѣ серьезнаго вниманія и не вызвали такихъ острыхъ опредѣленныхъ движеній, какъ оуэнизмъ и фурьеризмъ. Съ пятидесятыхъ годовъ американскіе соціалистическіе эксперименты идутъ уже своимъ собственнымъ американскимъ путемъ, и были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ теченіе первой половины XIX столѣтія. Нѣко-

торое время чисто экономическій соціализмъ былъ въ загонѣ— американскіе соціалисты были склонны думать, что для его успѣха необходимо его соединеніе съ извѣстнымъ религіознымъ культомъ. Къ соціализму прилѣпился сначала спиритуализмъ, а затѣмъ и сведенборгіанизмъ. Съ теченіемъ времени спиритуализмъ очень распространился въ Америкѣ — но хотя онъ и извѣстенъ подъ этимъ именемъ, какъ самостоятельное умственное теченіе, въ дѣйствительности онъ не что иное, какъ американизированный сведенборгіанизмъ. Прототипомъ первой комбинаціи, т.-е. соціализма съ спиритуализмомъ, была коммуна въ штатѣ Виргиніи, подъ названіемъ „Mountain Cove Community", основанная въ 1853 г.; второй, т.-е. соціализма съ сведенборгіанизмомъ, —„Brocton Community" въ штатѣ Нью-Іоркѣ, основанная въ 1869 г.; у каждой было по нѣскольку подражателей въ разныхъ мѣстностяхъ,— но всѣ онѣ имѣли чисто спазмодическій характеръ и не проявили ни малѣйшей жизненности. Главнымъ элементомъ въ американскомъ спиритуализмѣ всегда были и остаются женщины; взвинченная ими нервная импульсивность быстро испаряется передъ первыми же толчками неумолимой дѣйствительности.

За послѣднюю четверть вѣка всѣ попытки къ основанію религіозныхъ коммунъ были неизмѣнно крайне неудачны. Было нѣсколько движеній, связанныхъ съ разными внѣшними проявленіями крайняго фанатизма или религіознаго невроза, какъ, напр., „High Rollers", „High Jumpers"—въ буквальномъ переводѣ: катающіеся и прыгуны; на ихъ собраніяхъ члены доводятъ себя до нервнаго экстаза и начинаютъ или кататься по полу, или прыгать, утрачивая всякое сознаніе и издавая дикіе вопли. Эти секты много разъ организовали въ разныхъ мѣстностяхъ коммунистическія общежитія, въ которыхъ практиковались всяческія крайности, до половыхъ эксцессовъ включительно. Но и число членовъ въ нихъ, и продолжительность существованія, были всегда крайне ограничены, и никакого серьезнаго значенія они не имѣли и не имѣютъ.

Начиная съ семидесятыхъ годовъ, появились опять чисто экономическія соціалистическія общины, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ существованія и съ самыми разнообразными основами. Между прочими, была основана въ 1871 г. въ Cedar Vale, въ штатѣ Канзасѣ, „Прогрессивная коммуна"-- и нѣсколькими русскими матеріалистами, въ числѣ которыхъ былъ скульпторъ Ѳ. Ѳ. Каменскій, и американскими спиритуалистами. Эта комбинація развалилась, конечно, очень скоро, не просуществовавъ двухъ лѣтъ. Другой попыткой въ томъ же родѣ и въ томъ же штатѣ была коммуна француза Буассьера, начатая съ огромными денежными средствами, но сошедшая со сцены еще скорѣе. Вообще, коммуны послѣднихъ тридцати — сорока лѣтъ отличаются

крайней недолговѣчностью, несмотря на основы и условія. Ихъ исторія весьма однообразна, и перечислять ихъ нѣтъ надобности. Нѣкоторый интересъ представляютъ только очень немногія исключенія. Въ 1886 г. инженеромъ А. К. Оуэномъ, очень энергичнымъ и глубоко убѣжденнымъ молодымъ энтузіастомъ соціализма, была основана въ Мексикѣ коммуна „Тополобампо". Оуэнъ такъ повліялъ на президента Мексики, Діаца, что тотъ даровалъ его колоніи огромныя преимущества—отвелъ ему чуть не цѣлый штатъ съ прекрасной морской гаванью на Тихомъ океанѣ, съ огромными натуральными рессурсами, и земледѣльческими, и лѣсными, и минеральными. Самая немудреная частная компанія, конечно, сумѣла бы извлечь изъ подобной концессіи многіе милліоны. Я не разъ лично слышалъ это отъ нѣсколькихъ вполнѣ надежныхъ людей, отлично знакомыхъ съ тамошними мѣстными условіями. На кликъ Оуэна, распубликованный по всему цивилизованному міру, съѣхалась масса народа разныхъ національностей. Къ сожалѣнію, достовѣрной исторіи этого крупнаго предпріятія все еще нѣтъ, и приходится довольствоваться довольно противорѣчивыми газетными извѣстіями,—на нѣсколько писемъ я не получилъ ни одного отвѣта,—состоявшими въ томъ, что сначала, по обыкновенію, дѣла коммуны шли превосходно, но вскорѣ начались раздоры, отъ которыхъ самъ Оуэнъ долженъ былъ бѣжать, и все дѣло распалось, не просуществовавъ и двухъ лѣтъ.

Извѣстный романъ Беллами „Looking Backward" далъ въ свое время нѣкоторый толчокъ американскому соціализму. По данному имъ эскизу было основано въ разныхъ мѣстахъ Союза до полудюжины коммунъ—но ихъ участь была еще плачевнѣе обыкновенныхъ, съ извѣстными отпечатками индивидуализма ихъ основателей и членовъ, такъ какъ эскизъ Беллами былъ слишкомъ неопредѣленъ для практическаго имъ пользованія, но, тѣмъ не менѣе, серьезно связывалъ самодѣятельность. Такія произведенія, какъ „Путешествіе въ Икарію" Кабе, „Эмма" Швейцера, „Looking Backward" Беллами, „Путешествіе въ Альтрурію" Хоуэльса, будучи совершенно однородны по своей сущности съ путешествіями на луну, въ нѣдра земли и въ глубину морей Жюля Верна, оказываются гораздо заманчивѣе, такъ какъ никто еще не пробовалъ покуда приводить въ исполненіе идеи Верна, тогда какъ тысячи разоряются, пробуя осуществить нисколько не лучше обоснованные идеалы разныхъ Икарій, Утопій и Альтрурій.

Единственной чисто экономической соціалистической общиной послѣдней четверти вѣка, просуществовавшей шесть лѣтъ, была община Рускина въ штатѣ Теннеси, основанная въ 1894 г. Уэландомъ, довольно талантливымъ журналистомъ, издававшимъ журналъ „The Coming Nation", т.-е. „Грядущее Государство", имѣвшій въ одно время

до 60.000 подписчиковъ. Помимо довольно большого пріобрѣтеннаго коммуной имѣнія, этотъ журналъ былъ главной ея матеріальной опорой;—она владѣла превосходными прессами, и такъ какъ члены производили всю необходимую по выпуску журнала работу, за вычетомъ расходовъ на бумагу и чернила, вся подписная плата оказывалась чистымъ доходомъ. Коммуна Рускина нѣсколько разъ мѣняла свой уставъ и свой составъ, и продержалась до 1900 года только благодаря нѣсколькимъ судебнымъ тяжбамъ, затѣяннымъ ея членами между собою и связавшимъ ихъ настолько, что они не могли разойтись, пока адвокаты не прибрали къ рукамъ всего ихъ имущества. Часть членовъ переселилась въ штатъ Джорджію, гдѣ основала новую коммуну подъ тѣмъ же именемъ, очень скоро окончательно распавшуюся.

Въ 1898 г. была основана нѣсколькими женщинами, покинувшими для этого своихъ мужей, исключительно женская коммуна подъ названіемъ „Woman Commonwealth", „Женское Государство". Она занималась содержаніемъ пансіоновъ вблизи города Вашингтона, федеральной столицы Союза, и одно время насчитывала больше тридцати членовъ, но вскорѣ распалась.

Старыя названія не нравятся новѣйшимъ соціалистамъ,—они предпочитаютъ теперь называть свои общежитія братствами, хотя сущность ихъ осталась та же. Такихъ братствъ было основано за послѣднее десятилѣтіе нѣсколько, въ штатахъ Мэнѣ, Охайо, Колорадо, Нью-Джерсэ, Тексасѣ, Вашингтонѣ. Было и нѣсколько альтруистическихъ общинъ въ штатахъ Миссури и Нью-Джерсэ. Въ штатахъ Канзасѣ, Теннеси, Орегонѣ и Калифорніи были основаны колоніи. Кентъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ 36-мъ бюллетенѣ „Вашингтонскаго Департамента Труда" описываетъ до 25 такихъ коммунъ. Я лично изслѣдовалъ нѣсколько на нашемъ тихоокеанскомъ побережьи. Тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ пришлось посѣтить, поражали запущенностью всей своей внѣшности, заброшенностью инвентаря, небрежностью работы въ поляхъ и садахъ, даже нечистотой жилищъ. Очевидно, все въ нихъ дѣлалось спустя рукава, кое-какъ. Такое же впечатлѣніе производятъ онѣ обыкновенно и на другихъ лицъ, время отъ времени сообщавшихъ о нихъ въ газеты. Каждый годъ приноситъ и уноситъ не менѣе полудюжины въ разныхъ мѣстностяхъ. Каждая утверждаетъ въ своей программѣ, что воспользуется печальнымъ опытомъ прошлаго и дастъ міру примѣръ того, какъ должны быть организованы и ведомы такія общежитія. Но изъ 15-ти или 20-ти существующихъ въ настоящій моментъ, кромѣ „Шэкеровъ" и „Аманы", *нѣтъ ни одной* старше года. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одной изъ причинъ распаденія оказывается то недостатокъ средствъ, то неудобства или невыгодность

избраннаго мѣстожительства, то пожаръ или болѣзненность,—дважды фигурируютъ даже женскія сплетни,—но главной вездѣ и всюду являются раздоры и несогласія между членами, неизмѣнно возникающіе раньше или позже. До сихъ поръ общины не могли предотвратить поводовъ къ такимъ раздорамъ, несмотря на обширный и разнообразный опытъ прошлаго. Повидимому, только общины, основанныя на религіозномъ фанатизмѣ, связанномъ съ невѣжествомъ массы и деспотизмомъ въ управленіи, построенномъ на откровеніяхъ свыше, и могутъ разсчитывать на долговѣчность. Даже онѣ, въ большинствѣ случаевъ, держатся только личнымъ вліяніемъ ихъ основателей, и процессъ разложенія начинается съ ихъ смертью, затягиваясь или ускоряясь, смотря по тому, каковы личности ихъ преемниковъ. „Эфрата" просуществовала полтора столѣтія; „Шэкеры"—столѣтіе съ четвертью; „Рапписты"—почти столѣтіе; эти долговѣчныя организаціи были, несомнѣнно, особенно фанатичны, такъ какъ практиковали абсолютное безбрачіе. Но разъ даже религіозная коммуна обращается къ демократическому управленію, какъ было съ шведской колоніей „Bishop Hill", она не обладаетъ устойчивостью. Нельзя, конечно, въ наше время придавать какое-либо общее значеніе попыткамъ реорганизаціи современнаго соціальнаго порядка вещей посредствомъ такихъ факторовъ, какъ божественное откровеніе, личный деспотизмъ и безбрачіе, такъ какъ они по самому своему существу противны духу свободы, равенства и раціонализма. Что же касается чисто экономическихъ коммунъ, основанныхъ на соціализмѣ и демократическомъ управленіи любого типа—онѣ оказались до сихъ поръ абсолютно непрактичными; анархическія же ни разу не выдержали и годичнаго опыта. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ,—изъ которыхъ многія пользовались и достаточными матеріальными средствами, и отлично выбранными, выгодными мѣстными условіями, и осторожнымъ подборомъ членовъ,—только двѣ просуществовали дольше десяти лѣтъ, и меньше десятка—дольше трехъ. Почти во всѣхъ такихъ случаяхъ составъ членовъ—мѣнялся нѣсколько разъ, и коммуны поддерживались надеждами на слѣдовавшія одна за другой реорганизаціи, въ сущности дѣлавшія ихъ каждый разъ новыми учрежденіями, такъ что даже и эти исключенія въ дѣйствительности доказываютъ только ту же фатальную непрактичность основной идеи. Выше я привелъ опредѣленія Макдональда и Коллинса относительно причинъ неуспѣха американскихъ коммунъ,—опредѣленія, раздѣленныя цѣлою четвертью вѣка; сущность этихъ опредѣленій вполнѣ приложима и къ опытамъ послѣдовавшаго за вторымъ изъ нихъ полувѣка, и нѣтъ рѣшительно ничего, чтобы оспаривать ихъ и въ настоящую минуту.

III.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что экспериментальная провѣрка соціализма частными опытами цѣлаго столѣтія въ Америкѣ привела до сихъ поръ только къ безусловно отрицательнымъ результатамъ. За послѣднее время было продѣлано и до сихъ поръ продѣлывается немало опытовъ и съ муниципальнымъ соціализмомъ. Вопросъ этотъ такъ обширенъ и многостороненъ, что требуетъ гораздо больше мѣста, чѣмъ я могу удѣлить ему въ настоящемъ случаѣ, и потому я остановлюсь на немъ только мимоходомъ. Многіе города выкупали изъ частныхъ рукъ городскіе водопроводы, освѣтительные заводы, трамваи и т. д. и вводили городское выборное ими управленіе. Агитація въ этомъ направленіи ведется съ давнихъ поръ и очень настойчиво, обыкновенно тайно предводимая жаждущими увеличенія числа общественныхъ мѣстъ и окладовъ партійными воротилами, такъ что городское населеніе Союза успѣло раздѣлиться на двѣ рѣзко разграниченныя партіи—одну, требующую муниципальнаго соціализма, и другую, предпочитающую оставленіе городскихъ потребностей въ частныхъ рукахъ, но учрежденіе болѣе строгаго контроля надъ ними посредствомъ ограниченія ихъ хартій и обложенія ихъ прогрессивными подоходными налогами. На практикѣ попытки муниципализаціи въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказывались убыточными для населенія и потребителей, и все чаще и чаще появляются извѣстія объ обратной продажѣ городами этихъ предпріятій въ частныя руки. Политическія партіи въ силѣ обращаютъ ихъ немедленно въ общественный пирогъ, сажаютъ у власти людей безъ достаточныхъ техническихъ знаній и опыта, и матеріальная часть быстро приходитъ въ упадокъ, а въ удовлетвореніи предъявляемыхъ къ ней довольно высокихъ требованій начинаетъ быстро отставать отъ сосѣдей, гдѣ предпріятія эти остаются въ частныхъ рукахъ. Кромѣ того, обыкновенно прекращается всякій прогрессъ: переходя въ руки города, предпріятія эти какъ бы застываютъ и перестаютъ совершенствоваться. Исчезаетъ самодѣятельность въ ихъ управленіи, такъ какъ чиновники довольствуются рутиной. Утверждаютъ, что въ европейскихъ городахъ муниципальный соціализмъ идетъ успѣшнѣе,—но газеты только-что оповѣстили, что городъ Глазго, послѣ шестилѣтняго крайне неудачнаго опыта, перепродалъ свою телефонную систему въ частныя руки, а мэйоръ города Нью-Іорка Макъ Клелланъ, человѣкъ очень дѣльный и энергичный, возвратясь изъ Европы, гдѣ онъ инкогнито изслѣдовалъ муниципальныя учрежденія многихъ германскихъ и бельгійскихъ городовъ, объявилъ

безусловно, что ихъ промышленныя отрасли находятся всюду въ такомъ отсталомъ состояніи, съ какимъ американская публика не могла бы мириться и на минуту. Къ такимъ же заключеніямъ приходили и до него многіе американскіе изслѣдователи европейскихъ муниципальныхъ порядковъ;—всѣ они думаютъ, что европейская публика вообще гораздо менѣе требовательна, чѣмъ американская, и что, благодаря одному этому, никакія сравненія невозможны. Европеецъ смотритъ на всякую власть совсѣмъ другими глазами, чѣмъ американецъ, и спускаетъ ей такія прорухи, которыя въ Америкѣ были бы немыслимы. Выводъ же тотъ, что отъ общественнаго управленія можно ожидать только административныхъ способностей, а отнюдь не профессіональныхъ и техническихъ.

Не только городское муниципальное, но и государственное федеральное хозяйство въ американскомъ Союзѣ отнюдь не можетъ быть названо успѣшнымъ. Почтовое дѣло цѣлое столѣтіе даетъ ежегодно крупные дефициты, постоянно растущіе. Въ прошломъ отчетномъ году этотъ дефицитъ дошелъ до 15 милліоновъ долларовъ, при валовомъ доходѣ въ 145 м. За послѣднія двадцать лѣтъ министрами почтъ назначались особенно способные люди, доказавшіе и свою честность, и свою дѣловитость, и работавшіе несомнѣнно, что называется, во всю,—особенно Ванамакеръ,—чтобы положить конецъ такому анормальному порядку вещей,—и все-таки почтовое вѣдомство и не выходитъ изъ дефицитовъ, и не перестаетъ быть самымъ порочнымъ, самымъ скандальнымъ отдѣломъ всего нашего государственнаго управленія. Вѣчныя злоупотребленія, вѣчныя кражи такъ или иначе, уголовщина во всевозможныхъ формахъ, и въ центральномъ департаментѣ въ Вашингтонѣ, и въ цѣлыхъ сотняхъ городовъ и мѣстечекъ во всѣхъ концахъ Союза заразъ.

Всѣ попытки морского министерства строить военныя суда хозяйственнымъ порядкомъ оканчиваются неизмѣнно чрезвычайно плачевно,—они всегда обходятся и значительно дороже, и требуютъ гораздо бо́льшихъ сроковъ на окончаніе, чѣмъ суда, сдаваемыя на подрядъ частнымъ верфямъ. Должно быть, чиновникъ вездѣ одинаковъ по своему существу, кому бы онъ ни служилъ—монархіи или республикѣ. А въ то же время, разъ онъ многочисленъ, онъ неизбѣжно оказываетъ самое серьезное давленіе на всѣ выборы. Хотя на 15 милліоновъ избирателей въ Союзѣ приходится всего нѣсколько сотъ тысячъ федеральныхъ чиновниковъ, они нерѣдко успѣваютъ захватывать контроль надъ штатными и національными конвенціями партій. Независимые кандидаты обыкновенно имѣютъ очень мало шансовъ—„федеральная бригада“, какъ у насъ прозвано народомъ чиновничество, если и не владѣетъ большинствомъ делегатовъ, обыкновенно обладаетъ балансомъ

силы между фракціями, и добивается своихъ цѣлей. И чѣмъ болѣе равносильны обѣ главныя политическія партіи въ извѣстномъ штатѣ или районѣ, тѣмъ вліятельнѣе становится „федеральная бригада“. Не подлежитъ сомнѣнію, что и при назначеніяхъ кандидатовъ, и при выборахъ, когда большинства незначительны, она почти всегда является дѣйствительнымъ рѣшающимъ факторомъ, хотя доказать это, конечно, очень трудно.

Въ американской жизни нѣтъ другой экономической силы, которая пользовалась бы тѣмъ вліяніемъ, которое имѣютъ желѣзныя дороги. Онѣ не только монополіи болѣе или менѣе сами по себѣ, но и до сихъ поръ могли создавать таковыя и изъ другихъ промышленныхъ предпріятій, что онѣ и сдѣлали, напр., съ „Standard Oil Company“, съ мяснымъ и сахарнымъ трѣстами, и, въ меньшей степени, съ десятками и сотнями другихъ комбинацій капитала. Казалось бы, что полный государственный контроль надъ ними, въ формѣ ихъ націонализаціи, былъ бы несомнѣннымъ благодѣяніемъ для страны. Но онѣ стоятъ 12 милліардовъ, имѣютъ свыше двухъ милліардовъ ежегоднаго валового дохода, и у нихъ состоитъ на службѣ свыше полутора милліона лицъ. Весь современный государственный бюджетъ Союза ниже полумилліарда долларовъ, и „федеральная бригада“ насчитываетъ меньше трехъ сотъ тысячъ лицъ, включая всѣхъ и все. Націонализація желѣзныхъ дорогъ сразу увеличила бы обѣ эти цифры въ пять и шесть разъ, и дала бы въ руки господствующей партіи абсолютно непобѣдимую на практикѣ силу. Для всякаго мыслящаго человѣка, знакомаго съ американской дѣйствительностью, одного этого соображенія достаточно, чтобы забраковать идею націонализаціи желѣзныхъ дорогъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что единственнымъ критеріумомъ для этого страшнаго полчища новыхъ чиновниковъ была бы лойяльность партіи, и что въ два, три года все сомнительное было бы выкурено самымъ основательнымъ образомъ. Тотъ фактъ, что одновременно пострадали бы самымъ кореннымъ образомъ техника, эффективность, работоспособность желѣзныхъ дорогъ, былъ бы пустякомъ сравнительно съ фатальными результатами размноженія федеральнаго чиновничества и для настоящей самостоятельности штатовъ, и для народной свободы вообще.

За послѣдніе года русская печать не разъ указывала на предполагаемые успѣхи опытовъ государственнаго соціализма въ Австраліи и особенно въ Новой Зеландіи. Но дѣйствительность совершенно не соотвѣтствуетъ этимъ предположеніямъ, на которыхъ нерѣдко строится очень многое. Опыты эти начались тамъ всего лѣтъ 8—10 тому назадъ, и уже привели къ слѣдующимъ неоспоримымъ результатамъ: ростъ населенія повсюду остановился, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и пошелъ уже назадъ; государственные долги возросли до такихъ пре-

дѣловъ per capita, о которыхъ и понятія не имѣютъ даже наиболѣе задолженныя и придавленныя огромными военными расходами старыя государства Европы, не говоря уже объ Америкѣ; доходовъ не хватаетъ не только на проценты на эти долги, но и на управленіе, и долги растутъ ежегодно, такъ что заложено не только настоящее всей страны, но и нѣсколько будущихъ поколѣній. Этотъ долгъ неоплатенъ, и только при его посредствѣ и оказались возможны австралійскіе эксперименты. Расплата за него полностью еще впереди, но уже началась. За послѣднія пять лѣтъ въ нашъ городъ переселилось до двухсотъ семей изъ разныхъ частей Австраліи, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ, и эмиграція эта усиливается съ каждымъ годомъ, особенно въ Канаду. Я лично знаю нѣсколькихъ очень серьезныхъ людей между ними, и всѣ они единогласно утверждаютъ, что жизненныя условія и налоги сдѣлались въ современной Австраліи абсолютно невыносимыми. Желѣзныя дороги страны, якобы обезпечивающія часть ея государственнаго долга, представляются чрезвычайно сомнительнымъ активомъ, такъ какъ громадное большинство ихъ, будучи выстроены за послѣднее десятилѣтіе государствомъ не потому, что въ нихъ была потребность, а дабы дать работу населенію вслѣдствіе упорной хронической безработицы,—не только бездоходны, но и приносятъ ежегодно чувствительные дефициты. Я не сомнѣваюсь, что Австралія стоитъ наканунѣ самаго широкаго кризиса, который прежде всего погребетъ въ своихъ развалинахъ именно государственный соціализмъ. Въ Новой Зеландіи, съ внезапной смертью ея знаменитаго премьера Сёддона, этого желѣзнаго человѣка, поддерживавшаго все хрупкое зданіе ея новшествъ, кризисъ, повидимому, уже наступилъ. У меня собранъ обширный матеріалъ по этому вопросу, которому я въ ближайшемъ будущемъ посвящу особую статью.

Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы предлагаемый Россіи экспериментъ съ націонализаціей земли почему-либо оказался болѣе успѣшнымъ, чѣмъ все вышеизложенное. Нѣмецкій марксизмъ употребитъ, конечно, всѣ усилія, чтобы продѣлать такой опытъ на русскій счетъ. Чѣмъ бы онъ ни окончился, германская буржуазія можетъ только выиграть, а марксизма ничѣмъ не разубѣдишь. Разгромленной, разоренной Россіи придется платить по счету за это иноплеменное идейное нашествіе, которое окажется хуже и дороже татарскаго, когда этотъ счетъ будетъ окончательно сведенъ будущими поколѣніями.

Какъ бы кто ни относился къ американскому національному характеру, симпатиченъ онъ или нѣтъ,—никто не можетъ отрицать, что американскій народъ, какъ цѣлое, чрезвычайно даровитъ и практиченъ. Хотя его философскій кругозоръ, можетъ быть, и ограниченъ, хотя его пониманіе отвлеченныхъ тонкостей, можетъ быть, и медленно

и несовершенно, тѣмъ не менѣе въ его исторіи почти совсѣмъ нѣтъ крупныхъ политическихъ ошибокъ, и онъ обыкновенно успѣвалъ выходить изъ самыхъ затруднительныхъ положеній весьма успѣшно и съ наименьшими на нихъ расходами. Даже такой острый эпизодъ въ этой исторіи, какъ ужасная междоусобная война 1861—1865 г.г., былъ и единственнымъ способомъ покончить навсегда съ такой неразрѣшимой задачей безъ распаденія Союза, и обошелся онъ дешевле, чѣмъ еслибъ негры были мирно выкуплены по ихъ тогдашней рыночной стоимости. Конечно, Америка только очень несовершенно понимаетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ въ современной Россіи, и совсѣмъ не въ состояніи усвоить многія крайне существенныя его стороны, какъ, напр., возможность той двойственности, которая создана манифестомъ 17 октября 1905 года de jure и всѣмъ ходомъ дѣлъ послѣ его изданія до настоящаго момента de facto. Тѣмъ не менѣе, я могу засвидѣтельствовать, что за послѣднюю четверть вѣка ни одно европейское событіе не занимало Америку такъ искренно и такъ сильно, какъ именно современное русское освободительное движеніе, и что были приняты всѣ мѣры, дабы доходящія до насъ о немъ вѣсти были и вѣрны, и по возможности полны. Извѣстія „Associated Press“ занимаютъ ежедневно въ нашихъ газетахъ цѣлые столбцы, иногда цѣлыя страницы, и необыкновенно безпристрастны, обстоятельны и детальны. Кромѣ того, многія изданія имѣютъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ крупныхъ центрахъ собственныхъ корреспондентовъ, нерѣдко дающихъ мастерскія описанія разныхъ русскихъ событій. „North American Review“, самый вліятельный нашъ серьезный журналъ, имѣетъ въ Петербургѣ превосходнаго корреспондента, дающаго ежемѣсячныя обозрѣнія. Интересъ удивительно поддерживается, и каждый интеллигентный американецъ находится вполнѣ au courant всего происходящаго. Имена Муромцева, Ковалевскаго, Родичева, графа Гейдена, Аладьина хорошо здѣсь извѣстны, также какъ и ихъ портреты и краткія біографіи. Само собой разумѣется, что вся мыслящая Америка искренно и горячо симпатизируетъ освободительному движенію и понимаетъ необходимость и неотложность основной государственной реорганизаціи. Но въ этихъ симпатіяхъ и пожеланіяхъ за послѣднее время замѣчается серьезная недоумѣвающая нотка. Вышеупомянутый корреспондентъ „North American Review“ далъ въ своемъ обозрѣніи въ іюльской книжкѣ потрясающую картину царящей во всей странѣ анархіи, а телеграммы „Associated Press“ съ нѣкотораго времени представляютъ прежде всего длинный перечень убійствъ, грабежей, пожаровъ, возмущеній—словомъ, абсолютное отсутствіе какого бы то ни было порядка. Въ то же время роспускъ Государственной Думы объясняется здѣсь почти исключительно подозрѣніями въ ея скрытой

симпатіи идеѣ націонализаціи земли. Въ свое время нѣкоторые пункты ея отвѣта на тронную рѣчь показались здѣсь слишкомъ радикальными, несоотвѣтственными культурному уровню русскихъ массъ,—но это было объяснено страстнымъ стремленіемъ высказаться, послѣ нѣсколькихъ столѣтій молчанія, и неизбѣжными при такихъ историческихъ моментахъ взвинченностью и возбужденностью. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ идея націонализаціи земли, т.-е. оффиціальный государственный соціализмъ. Въ этомъ видятъ угрозу всей современной цивилизаціи и не въ одной Россіи, и угрозу такую, которая можетъ надѣлать необозримое количество зла, и безъ малѣйшей надежды на какой-либо успѣхъ. Америка вообще не вѣритъ въ соціализмъ, тѣмъ менѣе въ соціализмъ насильственный, въ соціализмъ нахрапомъ. Если соціализму дѣйствительно суждено быть формой будущаго соціальнаго порядка,—до нея нужно дойти естественной эволюціей, а не насиліемъ, пользующимся политическимъ переворотомъ. Настоящій порядокъ вещей несомнѣнно устарѣлъ,—съ этимъ согласны теперь не только передовые наши умы, но и многіе государственные и общественные дѣятели, стоящіе у власти, и такъ называемые дѣловые люди, воротилы промышленности и торговли, и къ этому же приходятъ мало-по-малу и народныя массы. И такъ уже безумная напряженность и стремительность современной жизни все развиваются и усиливаются, идутъ все болѣе и болѣе ускоряющимся темпомъ, все съ большимъ и большимъ трудомъ укладываясь въ старыя, недостаточно отзывчивыя и растяжимыя формы,—но ихъ нельзя передѣлать въ одинъ день, нельзя ввести однимъ декретомъ націонализацію земли безъ одновременнаго разрушенія всего остального. Слишкомъ велико будетъ несоотвѣтствіе всѣхъ другихъ дѣйствующихъ ингредіентовъ, входящихъ въ составъ государства, чтобы можно было остановиться на ней одной.

Націонализація земли не можетъ устоять одна и одной минуты безъ націонализаціи ея нѣдръ и всего того, что находится на ея поверхности. Логика фактовъ вынудитъ такой кризисъ. А состояніе самыхъ идей націонализаціи чего-либо еще такъ туманно, такъ недоступно сколько-нибудь практическому ихъ оформленію, что, въ этомъ смыслѣ, онѣ находятся сравнительно еще позади идей воздухоплаванія. Ввести ихъ въ жизнь въ ихъ настоящемъ сыромъ, необработанномъ, неиспытанномъ видѣ будетъ значить остановить ее, произвести въ ней такой же сумбуръ, какъ еслибъ уничтожить желѣзныя дороги и пароходы. Разрушивъ плотину, нельзя удержать воды. Тогда это будетъ форменный потопъ, такой же безжалостный и неудержимый.

Лосъ-Анжелесъ (Калифорнія). П. А. Тверской.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1906.

Условія, въ которыя поставлены наши политическія партіи.—Военно-полевые суды и вопросъ о смертной казни.—Союзъ 17-го октября и „монархическія“ партіи.—Партія мирнаго обновленія.—Предвыборные „блоки“.—Указъ 9-го ноября.—Будущее земскихъ начальниковъ.—„Еврейская крамола“ и „истинно-русскіе люди“.—Post-scriptum.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, до дня открытія Государственной Думы остается только съ небольшимъ три мѣсяца—а время выборовъ все еще неизвѣстно, хотя, по смыслу учрежденія Государственной Думы и основныхъ законовъ, оно должно было быть назначено въ самомъ указѣ о роспускѣ Думы. Съ этимъ существеннымъ правонарушеніемъ связанъ цѣлый рядъ сравнительно второстепенныхъ, но далеко не маловажныхъ отступленій отъ закона, подробно указанныхъ „Русскими Вѣдомостями“ [1]): преждевременно приступлено къ составленію избирательныхъ списковъ; преждевременно установлены сроки для подачи заявленій о внесеніи въ списки; преждевременно образованы уѣздныя и губернскія по дѣламъ о выборахъ коммиссіи—и вмѣстѣ съ тѣмъ искусственно сокращенъ срокъ, въ продолженіе котораго безпрепятственно должны происходить предвыборныя собранія. Направленныя къ тому, чтобы уменьшить интересъ къ выборамъ и понизить предвыборную температуру, всѣ эти мѣры могутъ, однако, привести къ противоположному результату: посягательство на право сплошь и рядомъ обостряетъ его защиту. Напрасно было бы думать, что тщательно поддерживаемая тишина становится, въ силу своей продолжительности, ненарушимой: наоборотъ, она тѣмъ легче можетъ уступить мѣсто бурному порыву. Рано или поздно при-

[1]) См. передовую статью въ № 274.

дется открыть предвыборный періодъ, и его краткость едва ли будетъ способствовать его безмятежности.

Все болѣе и болѣе ощутительнымъ становится неравенство положеній, создаваемыхъ министерствомъ для различныхъ политическихъ группъ. Въ то самое время, когда такъ называемые „монархисты“ чуть не ежедневно устраиваютъ шумныя сборища, обращаются къ правительству съ рядомъ безцеремонныхъ требованій, агитируютъ противъ основъ новаго порядка,—другимъ партіямъ отказываютъ въ легализаціи, не позволяютъ собираться, всячески мѣшаютъ дѣйствовать открыто. Не дальше, какъ 10-го ноября, не могло состояться въ Петербургѣ устроенное съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ условій собраніе конституціонно-демократической партіи. До сихъ поръ остается закрытымъ петербургскій клубъ этой партіи, хотя его существованіе ни разу не давало повода къ безпорядкамъ. Въ провинціи административный произволъ развертывается еще шире, чѣмъ въ столицахъ. Отмѣна чрезвычайныхъ мѣръ охраны признается совершенно немыслимой, хотя новыя доказательства ихъ безцѣльности приноситъ съ собою почти каждый день. Не предупреждаютъ онѣ ни такихъ массовыхъ нападеній, какъ совершившееся недавно на варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ, ни такихъ единоличныхъ посягательствъ, какъ покушеніе на жизнь московскаго градоначальника. Представимъ себѣ, что въ Москвѣ сегодня была бы снята чрезвычайная охрана; развѣ это помѣшало бы полиціи—продолжать розыскъ бомбъ и бомбистовъ, суду—произносить приговоры надъ уличенными преступниками, военнымъ отрядамъ—подавлять вооруженное возстаніе, еслибы оно гдѣнибудь возникло? Развѣ безоружны противъ внутреннихъ враговъ тѣ западно-европейскія правительства, которымъ даже не приходитъ на мысль искать для себя сверхъ-законной охраны? Не достигая цѣли, такая охрана всегда становится источникомъ новыхъ золъ: она еще глубже внѣдряетъ, съ одной стороны, привычку къ произволу, неуваженіе къ закону, съ другой—ненависть ко всему существующему строю и неразборчивость въ выборѣ средствъ борьбы. Будущее покажетъ, во что обойдутся Россіи военно-полевые суды. Число преступленій они не уменьшили: убійства, взрывы, грабежи слѣдуютъ другъ за другомъ такою же нескончаемой вереницей, какъ и три мѣсяца тому назадъ—а цѣнность жизни падаетъ съ каждымъ днемъ, взаимное ожесточеніе захватываетъ все болѣе и болѣе широкія сферы. Учрежденіе, являющееся судомъ только по имени, подрываетъ довѣріе ко всякому суду... Другія формы произвольной расправы доходятъ до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что вызываютъ реакцію даже въ тѣхъ, отъ кого ожидать ея было всего труднѣе. Баронъ Меллеръ-Закомельскій, назначенію котораго генералъ-губернаторомъ остзейскаго края

предшествовала—и, безъ сомнѣнія, способствовала—репутація суроваго укротителя сибирскихъ безпорядковъ, признала необходимымъ воспретить примѣненіе двухъ пріемовъ, излюбленныхъ „карательными экспедиціями“: тѣлесныхъ наказаній и сожженія усадебъ. До какихъ предѣловъ они должны были дойти, чтобы понадобилось такое запрещеніе!

Отъ дѣятельности военно-полевыхъ судовъ можно ожидать одного полезнаго результата, конечно не предусмотрѣннаго ихъ учредителями: она можетъ поколебать предразсудки, препятствующіе до сихъ поръ отмѣнѣ смертной казни. Предметомъ такого крупнаго опыта смертная казнь служила весьма рѣдко—и его исходъ долженъ имѣть значеніе полезнаго урока. Онъ нанесетъ—мы этому твердо вѣримъ—рѣшительный ударъ теоріи устрашенія, давно опровергнутой въ наукѣ, но нашедшей убѣжище въ завѣтахъ мнимой практической мудрости. Съ точки зрѣнія этихъ завѣтовъ угнетающимъ образомъ должна дѣйствовать на волю перспектива близкой, вѣрной смерти. При обыкновенныхъ условіяхъ нарушитель закона можетъ разсчитывать на размѣренный ходъ слѣдствія и суда; на защиту, на высшую судебную инстанцію, наконецъ—на помилованіе. Военно-полевой судъ устраняетъ всѣ эти шансы спасенія, придвигая приговоръ непосредственно къ преступному дѣянію, казнь—къ приговору. Преступникъ знаетъ, что если ему не удастся бѣжать—а при той обстановкѣ, при которой обыкновенно совершаются преступленія, подсудныя военно-полевому суду, успѣшное бѣгство представляется мало вѣроятнымъ,—то его участь рѣшена безповоротно. Если это сознаніе не останавливаетъ поднятую руку, то не ясна ли вся тщета надежды, возлагаемой на боязнь смерти—и не падаетъ ли, затѣмъ, главный традиціонный аргументъ въ защиту смертной казни?

Нѣтъ, впрочемъ, худшихъ глухихъ, чѣмъ нежелающіе слышать. Справедливость этого афоризма подтверждаютъ возраженія, съ которыми одинъ изъ „услужливыхъ“ органовъ печати выступаетъ противъ напечатанной у насъ статьи Н. С. Таганцева о смертной казни. Изъ факта существованія, во многихъ государствахъ, смертной казни газета выводитъ заключеніе, что „политическая жизнь не слѣдуетъ и не можетъ слѣдовать въ ногу съ научными истинами и гуманитарными принципами“. *Не слѣдуетъ и не можетъ слѣдовать?* Первый выводъ столь же безспоренъ, какъ и то, что monsieur de-la-Palisse былъ живъ за четверть часа до своей смерти; но гдѣ же логическія основанія для второго? Побѣда „научныхъ истинъ“ и „гуманитарныхъ принциповъ“ неизбѣжна—и совершится она тѣмъ легче и тѣмъ скорѣе, чѣмъ глубже эти истины и принципы проникнутъ въ общественное сознаніе. Нельзя опровергать ихъ простою ссылкою на дѣй-

ствительность: наличность заблужденія не служитъ для него оправданіемъ. „Нація“ — читаемъ мы дальше — „есть сложный жизненный организмъ, въ которомъ каждая отрасль жизни развивается болѣе или менѣе параллельно съ другими, и потому въ одной части нельзя достигнуть совершенства, не достигая хотя нѣкотораго совершенства въ другихъ“. Въ жизни народа есть элементы сознательные и безсознательные, организованные и неорганизованные. Новая мысль часто зарождается среди послѣднихъ, но иниціатива ея осуществленія всегда принадлежитъ первымъ. Перемѣна въ законодательствѣ предшествуетъ, сплошь и рядомъ, общей перемѣнѣ въ нравахъ. Когда въ Англіи, въ началѣ XIX-го вѣка, усиліями Ромильи и Роберта Пиля были смягчены драконовскіе уголовные законы, грозившіе смертью за множество маловажныхъ проступковъ, развѣ этому предшествовало уменьшеніе числа такихъ проступковъ? Когда во Франціи, въ тридцатыхъ годахъ того же вѣка, присяжные получили возможность положить, путемъ признанія смягчающихъ вину обстоятельствъ, нѣкоторую преграду произнесенію смертныхъ приговоровъ, развѣ это обусловливалось общимъ пониженіемъ преступности? Развѣ основаніемъ къ отмѣнѣ смертной казни, тамъ, гдѣ она состоялась, служила падающая распространенность тяжкихъ преступленій?... Ставить усовершенствованіе закона въ зависимость отъ поднятія уровня общественной нравственности, значило бы разсчитывать на наступленіе послѣдствій прежде чѣмъ наступила причина. Обсужденіе вопроса о смертной казни въ Государственной Думѣ и даже въ Государственномъ Совѣтѣ обнаружило съ полною ясностью, какъ глубоко и какъ сильно отвращеніе русской души къ легализованному убійству. Этого достаточно, чтобы исключить смертную казнь изъ лѣстницы наказаній. Ставъ неприкосновенною для государства, жизнь получитъ новую цѣнность въ глазахъ всѣхъ и каждаго. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, государственная власть должна подать примѣръ, а не ожидать, пока онъ будетъ поданъ снизу, изъ среды неорганизованной массы.

Можно ли, однако, стоять за немедленную отмѣну смертной казни въ странѣ, переживающей революціонный кризисъ? Отрицательно отвѣчая на этотъ вопросъ, газета, полемизирующая съ Н. С. Таганцевымъ, утверждаетъ, что точно такъ же разрѣшили бы его не только императоръ Вильгельмъ II-ой, Рузевельтъ, Клемансо, но даже Жоресъ и Бебель. Вмѣсто праздныхъ догадокъ о томъ, что могло бы быть, обратимся къ тому, что было: припомнимъ, напримѣръ, много ли смертныхъ приговоровъ было произнесено въ Германіи—въ смутное время, слѣдовавшее за революціей 1848-го года, во Франціи—послѣ побѣды Тьера надъ коммуной. Не отличалось мягкостью усмиреніе возстаній въ Дрезденѣ и въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ;

но когда возстанія были подавлены, смертная казнь стала рѣдкимъ исключеніемъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о версальскихъ военныхъ судахъ 1871-го года: они присудили къ казни, изъ громаднаго числа подсудимыхъ, только 21 лицо. Сравнительно большую роль игралъ эшафотъ въ Венгріи, по окончаніи войны 1849-го года; но кому же неизвѣстна безплодность этихъ казней, не только не предупредившихъ, но подготовившихъ фактическое отдѣленіе Венгріи отъ Австріи? Еще поучительнѣе урокъ, вытекающій изъ исторіи первой французской революціи. По количеству казней терроръ 1793—94 г. остается непревзойденнымъ; сравняться съ нимъ, въ этомъ отношеніи, не можетъ, пока, даже дѣятельность нашихъ военно-полевыхъ судовъ. И что же? Неустанная работа гильотины привела къ результатамъ прямо противоположнымъ тому, что отъ нея ожидалось: революція пошла на убыль, и за 9-мъ термидора скоро послѣдовало 18-ое брюмера. Такова судьба всякаго террора, отъ кого бы онъ ни исходилъ и какую бы ни носилъ окраску... Одинаково неопровержимы два вывода, подсказываемые исторіей: революціонныя эпохи не всегда влекутъ за собою господство эшафота—а если оно наступаетъ, то всего болѣе гибельнымъ, въ послѣднемъ счетѣ, оно оказывается для его виновниковъ.

Еще одну услугу, конечно безсознательную, нельзя не признать за военно-полевыми судами: самое ихъ учрежденіе способствовало выясненію различія, существующаго между нашими политическими партіями, и, слѣдовательно, болѣе опредѣленному ихъ разграниченію. По одну сторону демаркаціонной линіи оказался союзъ 17-го октября, по другую—партія мирнаго обновленія. Съ тѣхъ поръ какъ А. И. Гучковъ, въ письмѣ на имя кн. Е. Н. Трубецкого, призналъ *необходимость* военно-полевыхъ судовъ, а центральный комитетъ союза усвоилъ себѣ этотъ взглядъ, вновь избравъ г. Гучкова въ свои предсѣдатели,—исчезло всякое сомнѣніе въ томъ, на чьей сторонѣ стоятъ, въ современномъ великомъ спорѣ, такъ называемые октябристы. Нельзя быть въ одно и то же время истиннымъ конституціоналистомъ и защитникомъ репрессій, не считающихся съ самыми основными началами справедливости и права; нельзя, оставаясь вѣрнымъ политической свободѣ, провозглашать солидарность общества съ министерствомъ, на каждомъ шагу и безъ всякой надобности нарушающимъ всѣ ея требованія. Теперь, послѣ общаго собранія 5-го ноября, настоящій характеръ союза обрисовался еще яснѣе. Онъ готовъ подать руку не только министерству, все же именующему себя конституціоннымъ, но и тѣмъ „монархическимъ“ партіямъ, которыя игнорируютъ манифестъ 17-го октября и настойчиво домогаются возстановленія *неограниченной* ца-

ской власти. Составъ этихъ партій, по словамъ г. Гучкова, опирается на широкія народныя массы; въ ихъ программахъ замѣтны „тенденціи прогрессивныя, даже демократическія"; имъ свойственно „живое національное чувство", свойственно „чуткое пониманіе исторической миссіи Россіи"; нехорошо только то, что въ ихъ среду вошло немало элементовъ, до сихъ поръ состоявшихъ на службѣ реакціи. Характеристика этихъ „элементовъ", данная г. Гучковымъ, изобилуетъ рѣзкими выраженіями: они „мертвили общественную самодѣятельность, убивали свободную мысль, держали народъ въ невѣжествѣ и нищетѣ", довели государство—до катастрофы, самодержавіе—до крушенія, и могутъ довести до гибели конституціонную монархію. Но развѣ не въ этихъ „элементахъ" заключается самая суть своеобразнаго монархизма, такъ неотразимо влекущаго къ себѣ А. И. Гучкова? Развѣ во главѣ „союза русскаго народа" и ему подобныхъ организацій не стоятъ именно тѣ люди, которымъ совершенно правильно приписывается столь печальная роль въ недавнемъ прошломъ? Развѣ возвращеніе къ абсолютизму, возводимому въ идеалъ не только вождями, но и рядовыми членами „монархическихъ" партій, мыслимо безъ возобновленія золъ, по собственному признанію г. Гучкова приведшихъ къ катастрофѣ? И гдѣ тѣ массы, на которыя опираются или могутъ опереться „монархисты"? Отъ крестьянства ихъ отдѣляетъ цѣлою пропастью ихъ аграрный консерватизмъ, отъ широкихъ классовъ городского населенія—равнодушіе къ рабочему вопросу, отъ народа вообще—отрицаніе выборнаго начала и защита всѣхъ видовъ административной опеки. Всецѣло и глубоко „монархисты" коренятся именно въ томъ прошломъ, ужасъ котораго по временамъ видитъ, но слишкомъ скоро забываетъ г. Гучковъ. Сближеніе съ ними—скажемъ болѣе: даже *признаніе возможности сближенія*—равносильно разрыву съ истиннымъ конституціонализмомъ.

Если г. Гучковъ идетъ на встрѣчу „монархистамъ", то они, повидимому, вовсе не расположены послѣдовать его примѣру. Незадолго до 5-го ноября „Московскія Вѣдомости" посвятили ему и его партіи цѣлый рядъ статей, сравнивая членовъ союза—съ „вертячками", самого г. Гучкова—съ гостинодворцемъ, кричащимъ: „пожалуйте, у насъ покупали"! Заканчивается послѣдняя статья словами: „когда Александръ Ивановичъ (Гучковъ) сдѣлается министромъ, по всей Россіи раздастся взрывъ хохота". Нѣсколько мягче тонъ, взятый московскою газетой послѣ 5-го ноября, но и въ немъ господствуетъ нота высокомѣрнаго снисхожденія. А. И. Гучкову дается совѣтъ внимательно прочесть программу монархической партіи и тогда уже говорить о монархистахъ, какъ подобаетъ *серьезному* (курсивъ въ подлинникѣ) государственному человѣку. Обѣщаніе г. Гучкова во многомъ

дѣйствовать, впослѣдствіи, заодно съ монархистами не удовлетворяетъ газету г. Гринмута: она отказывается понять, почему на другой день послѣ выборовъ будетъ возможно то, что̀ А. И. Гучковъ считаетъ невозможнымъ теперь. И это недоумѣніе не лишено основанія: почему, въ самомъ дѣлѣ, не заключить предвыборный союзъ съ „пламенными патріотами", „чутко понимающими историческую миссію Россіи"?... Намъ могутъ замѣтить, что гг. Гринмутъ и К° входятъ въ составъ „элементовъ", отъ которыхъ отворачивается г. Гучковъ; но развѣ есть причина думать, что не они, послѣ выборовъ, будутъ стоять во главѣ монархистовъ? Развѣ можно, вообще, отдѣлять партію отъ ея вдохновителей и „показателей пути"?

Въ отличіе отъ союза 17-го октября, партія мирнаго обновленія, къ которой примкнули и такіе бывшіе октябристы, какъ Д. Н. Шиповъ и гр. П. А. Гейденъ, и такіе бывшіе „кадеты", какъ кн. Е. Н. Трубецкой и Н. Н. Львовъ, рѣзко отмежевывается и отъ правыхъ партій, и отъ министерства П. А. Столыпина. Устами князя Трубецкого она провозглашаетъ себя „непримиримо оппозиціонною по отношенію ко всякому антиконституціонному правительству и съ этой точки зрѣнія рѣшительно отказывается поддерживать нынѣшнее министерство". Послѣднему ставится въ вину, помимо учрежденія военно-полевыхъ судовъ, „цѣлый рядъ антиконституціонныхъ актовъ, составляющихъ неизбѣжное послѣдствіе роспуска Думы: неоправдываемая необходимостью законодательная дѣятельность, травля оппозиціи, отказъ въ легализаціи конституціонныхъ партій". Этимъ опредѣляется мѣсто, занимаемое партіею мирнаго обновленія: она стоитъ влѣво отъ черты, къ которой подходитъ справа союзъ 17-го октября. Той же чертѣ суждено, по всей вѣроятности, стать границей предвыборныхъ соглашеній. Союзъ 17-го октября можетъ, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, дѣйствовать совмѣстно съ партіей правового порядка и съ „монархистами", партія мирнаго обновленія — съ не-революціонными лѣвыми группами.

Признавая, что въ бо̀льшей своей части программа партіи мирнаго обновленія представляется переработкой программы партіи демократическихъ реформъ и что между обѣими партіями нѣтъ тактическихъ разногласій, кн. Трубецкой считаетъ тѣсное объединеніе ихъ болѣе чѣмъ когда-либо желательнымъ и возможнымъ. Раздѣляя это мнѣніе, мы думаемъ, что всего важнѣе опредѣлить отношеніе численно слабѣйшихъ группъ лѣваго центра къ главной его составной части—къ партіи народной свободы. По мнѣнію кн. Трубецкого, соглашеніе мыслимо только съ правымъ крыломъ ка-детовъ,—а такъ какъ разобраться въ томъ, къ какому оттѣнку принадлежитъ данный членъ партіи, не всегда возможно, то остается только одно: подавать

голосъ за лицъ, а не за представителей партіи. Этотъ способъ дѣйствій сопряженъ съ большими трудностями, которыя признаетъ и князь Трубецкой. Намъ кажется, что пока партія народной свободы продолжаетъ составлять одно цѣлое, нѣтъ надобности примѣнять къ ней искусственное дѣленіе на два фланга, правый и лѣвый. Вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: есть ли, въ данный моментъ, общая почва, на которой могутъ сойтись, для временного союза, всѣ группы, принадлежащія къ лѣвому центру? Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно: общей почвой можетъ и должна служить мирная борьба за установленіе новаго государственнаго строя и за проведеніе широкихъ соціальныхъ реформъ, необходимыхъ для его укрѣпленія. Такую борьбу вела съ самаго начала и ведетъ до сихъ поръ партія народной свободы, именно потому имѣющая право на поддержку всѣхъ стремящихся къ той же цѣли. Допустила ли она, въ пылу борьбы, какія-либо тактическія ошибки—это, въ нашихъ глазахъ, вопросъ второстепенный. Въ такія минуты, какъ переживаемая нами, важно не столько прошлое, сколько настоящее—а въ настоящемъ конституціонно-демократическая партія не стоитъ за пріемы, рекомендованные въ выборгскомъ воззваніи. Не споримъ, она могла бы отказаться отъ нихъ рѣшительнѣе, чѣмъ это сдѣлано ею на гельсингфорскомъ съѣздѣ: но изъ-за этого одного нельзя становиться въ враждебные ей ряды и способствовать, тѣмъ самымъ, дальнѣйшему уклоненію ея влѣво.

Затронувъ вопросъ о предвыборныхъ „блокахъ“, мы вспоминаемъ о слухѣ, приписывающемъ министерству намѣреніе принять мѣры противъ подобныхъ соглашеній. Нелегко угадать, въ чемъ могли бы заключаться эти мѣры. Оффиціальный походъ противъ оппозиціонныхъ партій и безъ того уже достигъ крайнихъ предѣловъ: дальше идти рѣшительно некуда. Соединивъ въ одно цѣлое всѣ степени и формы несогласія съ правительствомъ, совѣтъ министровъ объявилъ революціонными такія партіи, которыя никогда не проповѣдывали насиліе, и направилъ противъ нихъ всю силу административнаго произвола. Имъ отказываютъ въ легализаціи, ихъ собранія запрещаютъ, представителей ихъ стараются вытѣснить изъ всѣхъ областей служебнаго міра. Въ высшемъ дисциплинарномъ присутствіи Сената возбуждаются производства не только о членахъ суда, входящихъ въ составъ мѣстныхъ комитетовъ конституціонно-демократической партіи, но и противъ члена судебной палаты, отказывающагося выйти изъ партіи демократическихъ реформъ. Что же еще можно придумать для предупрежденія партійныхъ „блоковъ“? Какія угрозы, какія репрессіи могли бы помѣшать партіямъ вести переговоры о сближеніи и ос

ществить его, когда установлены будутъ его условія?... Неправдоподобнымъ упомянутый нами слухъ представляется и потому, что въ партійныхъ „блокахъ“ можетъ почувствовать надобность и министерство. Въ его интересахъ способствовать предвыборному соглашенію ближайшихъ къ нему группъ — октябристовъ и правового порядка — съ родственными ему по духу, хотя и фрондирующими противъ него „монархическими“ организаціями. Не совсѣмъ удобно было бы принципіально осуждать „блоки“ — и въ то же время поощрять, въ отдѣльныхъ случаяхъ, ихъ образованіе.

Нѣтъ ли, однако, въ самомъ существѣ предвыборныхъ „блоковъ“ чего-нибудь такого, что говорило бы противъ перенесенія ихъ на русскую почву? Мы думаемъ, что образованіе подобныхъ блоковъ, при извѣстныхъ условіяхъ, совершенно неизбѣжно, а слѣдовательно и законно. Установимъ, прежде всего, различіе между блоками предвыборными и блоками парламентскими, прежде носившими, бо́льшею частью, названіе коалицій. Дѣйствіе предвыборнаго блока оканчивается вмѣстѣ съ выборами; оно нисколько не стѣсняетъ выбранныхъ депутатовъ, сохраняющихъ за собою право поступать по собственному усмотрѣнію или по указаніямъ своей партіи, все равно, каковы бы ни были намѣренія и желанія бывшихъ ихъ союзниковъ. Инымъ является положеніе дѣлъ при парламентскомъ блокѣ: здѣсь депутаты, принадлежащіе къ союзнымъ партіямъ, принимаютъ къ руководству рѣшенія, постановленныя союзомъ. Это не представляетъ большихъ неудобствъ, если блокъ составленъ для достиженія одной опредѣленной цѣли — напр. для отклоненія непопулярнаго законопроекта или для сверженія непопулярнаго министерства. Сложнѣе и запутаннѣе отношенія между соединившимися партіями становятся при длительности блока: и отдѣльнымъ лицамъ, и цѣлымъ группамъ чаще приходится поступаться своими взглядами и заключать мало симпатичные компромиссы. Отсюда нѣкоторое предубѣжденіе противъ коалицій, подкрѣпляемое такими историческими прецедентами, какъ знаменитый союзъ Фокса и Норта противъ Питта; но совершенно ошибочно было бы распространять его на предвыборные блоки. Обойтись безъ нихъ можно только при двухъ условіяхъ: если борьба идетъ исключительно между *двумя* партіями — какъ это бывало въ Англіи, въ эпоху пріуроченія всѣхъ политическихъ силъ либо къ торіямъ, либо къ вигамъ, — или если существуетъ пропорціональное представительство, обезпечивающее за каждой партіей, помимо всякихъ соглашеній, такое количество депутатскихъ мѣстъ, какое соотвѣтствуетъ ея численной силѣ. Гдѣ господствуетъ мажоритарная система и имѣется на лицо болѣе двухъ партій, тамъ для каждой партіи, не разсчитывающей на абсолютное большинство, естественно возникаетъ вопросъ, какъ достигнуть избранія нѣкоторыхъ ея

кандидатовъ, а если это невозможно—кого предпочесть изъ кандидатовъ другихъ партій. Предоставить рѣшеніе этого вопроса случаю было бы болѣе чѣмъ странно — и единственнымъ исходомъ остается предвыборное соглашеніе. Всего нормальнѣе оно тогда, когда заключается между партіями близкими другъ къ другу, расходящимися только по вопросамъ не первостепенной важности и не принципіальнаго значенія. Бываютъ, однако, и такіе случаи, когда временной союзъ включаетъ въ себя существенно различные элементы. Представимъ себѣ, напримѣръ, что партіи лѣваго центра, даже объединенныя въ одно цѣлое, не въ силахъ предупредить, въ той или другой мѣстности, побѣду реакціонныхъ группъ, стремящихся къ возстановленію отжившаго, осужденнаго исторіей строя. Мы думаемъ, что онѣ въ правѣ вступить въ соглашеніе съ тѣми лѣвыми группами, которыя не грозятъ, непосредственно, миру и спокойствію страны. За предѣлами союза должны остаться—говоря словами воззванія партіи „демократическихъ реформъ",—только „крайнія революціонныя партіи, настаивающія на немедленной ломкѣ, насильственнымъ путемъ, всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеній".

Какъ опредѣлится, ко времени выборовъ, сила каждой отдѣльной группы, какое установится отношеніе между партіями, какимъ окажется составъ новой Государственной Думы — объ этомъ возможны теперь только слабо обоснованныя догадки. Освѣдомленность министерства едва ли превышаетъ освѣдомленность общества. Намъ плохо вѣрится, поэтому, въ существованіе у правительства плана дѣйствій, обнимающаго собою не только ближайшее, но и болѣе отдаленное будущее. Газетные слухи приписываютъ П. А. Столыпину увѣренность, что вторая дума будетъ такою, какою онъ хочетъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимость распустить ее хотя бы вслѣдъ за ея открытіемъ, „если она не вполнѣ будетъ отвѣчать своему назначенію работоспособнаго учрежденія". Основаніемъ такой *увѣренности* служитъ „глубокій, неизмѣнный консерватизмъ широкихъ массъ населенія". Да, разсчетъ на этотъ консерватизмъ отразился въ положеніяхъ 6-го августа и 11-го декабря 1905-го года: первымъ создано, вторымъ сохранено особое представительство отъ крестьянъ, въ предположеніи, что крестьянство составляетъ прочную охранительную силу. Но оправдался ли этотъ разсчетъ? Консерваторами ли оказались депутаты, получившіе свои полномочія отъ однихъ крестьянскихъ выборщиковъ? За консерваторовъ ли подавало голосъ большинство крестьянъ-мелкихъ землевладѣльцевъ?.. Или, быть можетъ, побѣдѣ крестьянскаго консерватизма помѣшали тѣ элементы, которые теперь устранены сенатскими разъясненіями отъ участія въ

выборахъ? Такъ ли, однако, они были многочисленны и сильны, чтобы ихъ вліяніемъ можно было объяснить исходъ первыхъ выборовъ? Вѣдь не имъ же принадлежало большинство на волостныхъ сходахъ, на съѣздахъ уполномоченныхъ отъ волостей, въ средѣ выборщиковъ, посланныхъ съѣздами въ губернскія избирательныя собранія. Вездѣ преобладали рядовые крестьяне—и если ими избирались иногда лица, бывшія крестьянами только по имени, то исключительно потому, что послѣдніе признавались наиболѣе способными отстаивать спеціально крестьянскіе интересы, какъ ихъ понимаютъ сами крестьяне. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что той же точкой зрѣнія крестьяне-избиратели и выборщики будутъ руководствоваться и при новыхъ выборахъ—а найти въ своей средѣ людей, проникнутыхъ ею, они всегда съумѣютъ. Не приведетъ къ цѣли и исключеніе изъ мелкоземлевладѣльческой избирательной группы тѣхъ крестьянъ, которые пріобрѣли землю при посредствѣ крестьянскаго банка; останется и безъ нихъ немало крестьянъ-личныхъ землевладѣльцевъ, солидарныхъ съ своимъ сословіемъ и не сочувствующихъ политикѣ министерства, общей и въ особенности аграрной.

Допустимъ, теперь, что составъ второй Думы не оправдаетъ ожиданій министерства. Степень работоспособности собранія не обнаруживается сразу; по первому его шагу или первымъ шагамъ можно судить, и то не вполнѣ, только о его *настроеніи*, а отнюдь не о рабочей силѣ, которою оно располагаетъ. Въ одинъ день или въ два дня нельзя даже закончить обсужденіе адреса на тронную рѣчь. Роспускъ Думы, слѣдуя непосредственно за ея открытіемъ, означалъ бы только одно: рѣшимость министерства не терпѣть рядомъ съ собою неугодную ему Думу. Но гдѣ же право министерства на такую рѣшимость? Что̀ уполномочиваетъ его ставить свои мнѣнія и желанія выше воли, законно выраженной значительною частью народа—именно тою частью, которая призвана съ высоты престола къ участію въ законодательствѣ и въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій власти? Что̀ уполномочиваетъ его удлинять до безконечности переходный періодъ, до крайности тягостный для страны, все больше и больше подрывающій и безъ того уже истощенныя ея силы? Неужели опытъ послѣднихъ мѣсяцевъ не показалъ съ достаточною ясностью, что политикой репрессій и правонарушеній нельзя успокоить населеніе, и что тишина, еслибы она и наступила, была бы тишиною кладбища? И гдѣ же, наконецъ, основаніе утверждать, что „третья Дума выведетъ, наконецъ, Россію на путь закономѣрнаго строя“? Не утратится ли къ тому времени всякое понятіе о закономѣрности, всякое уваженіе къ закону?... Нѣтъ, мы рѣшительно отказываемся вѣрить, чтобы кто-либо могъ уже теперь лелѣять мысль о роспускѣ еще не созванной Думы.

Чѣмъ грозитъ Россіи продолженіе „бездумнаго" періода—объ этомъ, даетъ понятіе новый государственный актъ, изданный въ порядкѣ, установленномъ ст. 87-ой основныхъ законовъ. За силою этой статьи во время прекращенія занятій Думы мѣры законодательнаго характера могутъ быть принимаемы, по представленію совѣта министровъ, лишь тогда, когда *чрезвычайныя обстоятельства* вызовутъ въ нихъ *необходимость*. Чрезвычайными обстоятельствами могутъ быть признаваемы, очевидно, лишь такія, которыя, возникнувъ *неожиданно*, требуютъ *безотлагательнаго* воздѣйствія со стороны государственной власти. Только тогда, когда промедленіе было бы опасно, когда *необходимо* предотвратить надвигающееся или прекратить надвинувшееся бѣдствіе — только тогда существуетъ легальное основаніе немедленно вступить на путь, при нормальныхъ условіяхъ открытый лишь для совмѣстной работы всѣхъ факторовъ законодательной власти.

Неправильному толкованію статьи 87-ой положило начало уже правительственное сообщеніе 24-го августа: понятіе о *чрезвычайныхъ обстоятельствахъ* замѣнено здѣсь понятіемъ о *чрезвычайной неотложности*, гораздо болѣе неопредѣленнымъ и растяжимымъ, и подъ это понятіе подведены мѣры, намѣченныя еще гораздо раньше созыва Государственной Думы — мѣры, въ *немедленномъ* принятіи которыхъ не было никакой настоятельной надобности. Общему взгляду, высказанному въ правительственномъ сообщеніи, соотвѣтствовала и практика: изъ всѣхъ „временныхъ законовъ", изданныхъ министерствомъ Столыпина, чрезвычайными обстоятельствами, въ истинномъ смыслѣ этого слова, можно было мотивировать развѣ одно учрежденіе военно-полевыхъ судовъ. Возмутительная по своему содержанію, эта мѣра *съ формальной стороны* менѣе другихъ нарушала буквальный смыслъ ст. 87-ой. Ни указъ 27-го августа о продажѣ казенныхъ земель, ни указъ 5-го октября о крестьянахъ, ни указъ 14-го октября о старообрядцахъ и сектантахъ—чрезвычайными обстоятельствами не вызывались и чрезвычайно неотложными почитаться не могли... Въ правительственномъ сообщеніи были указаны еще другія условія, которымъ должны соотвѣтствовать мѣры, принимаемыя на основаніи ст. 87-ой: онѣ должны касаться вопросовъ, частичное разрѣшеніе которыхъ не можетъ связать свободу дѣйствій будущихъ законодательныхъ учрежденій и направленіе которыхъ, вытекая изъ началъ, возвѣщенныхъ Высочайшими манифестами, уже предрѣшено. Съ этими условіями и не шли въ разрѣзъ указы 5-го и 14-го октября: не отличаясь полнотою, они несомнѣнно являлись шагомъ впередъ на пути необходимыхъ реформъ и не могли стѣснить Государственную Думу, отъ которой будетъ зависѣть дальнѣйшее ихъ развитіе.

Совершенно инымъ является указъ 9-го ноября. О какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ виду которыхъ его изданіе представлялось бы необходимымъ и неотложнымъ, нѣтъ и не можетъ быть и рѣчи; вопросы, которыхъ онъ касается, никогда предрѣшены не были, и то рѣшеніе, которое даетъ имъ указъ, существенно „стѣсняетъ свободу дѣйствій будущихъ государственныхъ учрежденій". Колеблется и подрывается общинное владѣніе землею, о значеніи котораго для Россіи происходили и происходятъ нескончаемые споры. Безъ выслушанія народныхъ представителей, безъ приведенія въ ясность взглядовъ и желаній народной массы, прямо заинтересованной въ судьбѣ земельной общины, безъ совѣщанія съ спеціалистами-знатоками теоріи и практики аграрныхъ отношеній, составляются и вводятся въ дѣйствіе правила, глубоко врѣзывающіяся въ сельскую жизнь. Съ большею тщательностью и обдуманностью законъ объ общинѣ былъ бы изготовленъ даже при старомъ порядкѣ: гораздо болѣе гарантій представлялъ, въ этомъ отношеніи, даже Государственный Совѣтъ, съ его разнообразнымъ составомъ и осторожной процедурой, чѣмъ совѣтъ министровъ, дѣйствующій на всѣхъ парахъ и слѣдующій внушеніямъ минуты. Ничто не мѣшало отложить на нѣсколько мѣсяцевъ, даже на нѣсколько лѣтъ рѣшеніе вѣкового вопроса, меньше чѣмъ какой бы то ни было другой, допускающаго скороспѣлый, легковѣсный отвѣтъ. Указывается на прекращеніе, съ 1-го января 1907-го года, выкупныхъ платежей; но отсюда вовсе не вытекаетъ цѣлесообразность мѣропріятій, направленныхъ противъ общиннаго владѣнія. Выйти изъ него можно было и при дѣйствіи положенія о выкупѣ; сохранить свое прежнее значеніе община могла и послѣ отмѣны выкупныхъ платежей. Весь вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли поощрять и искусственно ускорять разложеніе общины. Компетентнымъ судьей по этому вопросу можетъ быть только народное представительство, которому и придется имъ заняться: временныя мѣры, принятыя на основаніи ст. 87-ой, теряютъ свое дѣйствіе, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня открытія сессіи не будетъ внесенъ въ Государственную Думу соотвѣтствующій законопроектъ или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ.

Представимъ себѣ, что законопроектъ, санкціонирующій указъ 9-го ноября, будетъ внесенъ до истеченія двухмѣсячнаго срока, т.-е. до 20-го апрѣля будущаго года; представимъ себѣ, далѣе, что Дума, употребивъ на его разсмотрѣніе не менѣе мѣсяца, его отвергнетъ. Указъ 9-го ноября потеряетъ, такимъ образомъ, свою силу, просуществовавъ болѣе полугода. Въ этотъ промежутокъ времени онъ можетъ получить довольно широкое примѣненіе. Требованіе объ укрѣпленіи части земли

въ личную собственность должно быть исполнено сельскимъ обществомъ въ мѣсячный срокъ; въ противномъ случаѣ обязанность его исполнить переходитъ къ земскому начальнику, постановленіе котораго подлежитъ обжалованію также въ мѣсячный срокъ. Жалобы эти разрѣшаются уѣзднымъ съѣздомъ окончательно. Въ теченіе шести мѣсяцевъ часть общинной земли можетъ быть, такимъ образомъ, обращена въ личную собственность; она можетъ даже перейти изъ однѣхъ рукъ въ другія, такъ какъ указъ 9-го ноября признаетъ домохозяина единоличнымъ и полнымъ собственникомъ выдѣленныхъ ему участковъ, ничѣмъ не стѣсненнымъ въ ихъ отчужденіи. „Выдѣляться изъ общины"—говоритъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ земельнаго вопроса, А. А. Мануиловъ—„будутъ преимущественно тѣ, кто богаче другихъ; бѣднымъ останется худшая земля, и имъ придется жить еще тѣснѣе, чѣмъ теперь. Деревенская бѣднота, которой и при настоящихъ условіяхъ трудно кормиться, окажется вынужденной окончательно бросить хозяйство и идти искать себѣ заработка въ городѣ. Тѣ, которые и хотѣли бы остаться на землѣ, не въ состояніи будутъ бороться съ нуждой: они также потребуютъ выдѣла ихъ участковъ изъ мірской земли, чтобы продать ихъ богатымъ сосѣдямъ и на вырученныя деньги поддержать себя на новомъ мѣстѣ. Этимъ путемъ общинная земля скоро окажется въ рукахъ сравнительно немногихъ собственниковъ, а множество крестьянскаго люда останется безъ земли"... Отмѣна Думою правилъ 9-го ноября повлечетъ за собою затрудненія другого рода: нелегко будетъ поворотить обратно въ общинное владѣніе землю, выдѣленную въ частную собственность. Рознь между зажиточными и малоимущими слоями возникнетъ, слѣдовательно, и въ такомъ случаѣ, если правила 9-го ноября сохранятъ свою силу, и въ такомъ случаѣ, если они ее потеряютъ.

Придется ли, однако, второй Думѣ воспользоваться правомъ, которое даетъ ей ст. 87-ая законовъ основныхъ—правомъ отклонить ту или другую законодательную мѣру, принятую послѣ роспуска первой Думы? Предсѣдателю совѣта министровъ приписывается намѣреніе распустить Думу, если ею не будутъ утверждены *всѣ* мѣры этого рода (въ томъ числѣ и учрежденіе военно-полевыхъ судовъ?). По нынѣшнимъ временамъ все возможно; но вѣроятно ли, что ко всѣмъ существующимъ поводамъ конфликта министерство присоединитъ еще одинъ, столь явно для него невыгодный? Издавая рядъ временныхъ правилъ, министерство знало, что его право ограничено въ этомъ отношеніи другимъ, равносильнымъ правомъ, принадлежащимъ Государственной Думѣ. Причинъ торопиться, какъ мы видѣли выше, у него не было никакихъ; не было и основаній разсчитывать на податливость и сговорчивость Думы. Нужно было подождать созыва Думы и туда внести

задуманные законопроекты, ничѣмъ не насилуя и не стѣсняя волю народнаго представительства. Никто не рѣшится утверждать, что отклоненіе Думою двухъ-трехъ законопроектовъ, внесенныхъ министерствомъ въ обычномъ порядкѣ, неизбѣжно должно имѣть послѣдствіемъ роспускъ Думы—а чѣмъ же отличается отъ такого отклоненія непринятіе мѣръ, съ самаго начала имѣвшихъ только временное значеніе?.. Что рѣшеніе распустить Думу не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя позволительно принимать „съ легкимъ сердцемъ"—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, въ виду всего пережитаго Россіею послѣ 9-го іюля.

Правила 9-го ноября, какъ видно изъ сказаннаго выше, предоставляютъ земскимъ начальникамъ очень крупную роль въ ликвидаціи земельныхъ отношеній, вытекающихъ изъ общиннаго владѣнія. Насколько такая роль соотвѣтствуетъ реальному вѣсу земскихъ начальниковъ, насколько она оправдывается довѣріемъ и уваженіемъ, которымъ они пользуются въ деревнѣ—это не требуетъ объясненій. Институтъ земскихъ начальниковъ имѣетъ, если можно такъ выразиться, символическое значеніе. Призывъ его къ жизни знаменовалъ собою кульминаціонный пунктъ реакціи; всякая попытка поднять его авторитетъ, расширить его кругъ дѣйствій служитъ признакомъ усиленія ретроградныхъ тенденцій. Послѣ указа 12-го декабря 1904-го года, возвѣстившаго равноправность крестьянъ и другихъ классовъ населенія, послѣ проекта реформы мѣстной юстиціи, составленнаго во исполненіе этого указа, можно было думать, что для земскихъ начальниковъ наступаютъ послѣдніе дни. Такой же выводъ вытекалъ, повидимому, и изъ указа 5-го октября; но министерство поспѣшило разсѣять преждевременныя надежды. Послѣдовавшій за указомъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, напоминая земскимъ начальникамъ, что не вовсе отмѣнена ихъ дискреціонная власть [1]), открываетъ передъ ними новыя, широкія перспективы, призываетъ ихъ принять живое участіе въ землеустроительныхъ работахъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ старается успокоить ихъ насчетъ ихъ будущаго. „Какія бы реформы ни послѣдовали въ строѣ мѣстнаго управленія"—таковы заключительныя слова циркуляра,—„въ послѣднемъ неизбѣжно будутъ сохранены административные органы, а потому должностныя лица крестьянскихъ учрежденій, усердно выполняющія свои обязанности, могутъ безбоязненно ожидать преобразованій и быть увѣренными, что ихъ знаніе и опытность найдутъ

---

[1]) Неприкосновеннымъ осталось право земскихъ начальниковъ налагать административныя взысканія на крестьянъ, занимающихъ волостныя и сельскія должности.

примѣненіе на иныхъ соотвѣтственныхъ должностяхъ при всякомъ переустройствѣ мѣстнаго управленія". Намъ кажется, что такая увѣренность была бы нѣсколько рискованна. Административные органы на мѣстахъ, безъ сомнѣнія, будутъ, но ихъ устройство можетъ не имѣть ничего общаго съ институтомъ земскихъ начальниковъ; въ основаніе его можетъ быть положено, напримѣръ, выборное начало. Если будетъ удержано назначеніе, то оно можетъ быть обставлено такими условіями, подъ которыя подойдутъ развѣ немногіе изъ числа нынѣшнихъ вершителей судебъ деревни. Не вѣчно же будетъ продолжаться тяготѣніе къ прошлому и исканіе въ немъ уроковъ и вдохновеній.

Что наша администрація никакъ не можетъ разстаться съ такими завѣтами прошлаго, которые меньше всего совмѣстимы съ признаваемымъ ею, на словахъ, новымъ государственнымъ строемъ—это видно, между прочимъ, изъ того, какъ она пользуется правомъ неутвержденія, принадлежащимъ ей въ области земскаго и городского самоуправленія. Московскій губернаторъ не утвердилъ кн. Павла Долгорукова въ должности члена отъ земства въ рузскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ, предсѣдателемъ котораго онъ четырнадцать лѣтъ сряду состоялъ по званію уѣзднаго предводителя дворянства. Не говоримъ уже о томъ, что̀ сдѣлалъ князь для начальныхъ школъ своего уѣзда, поставленныхъ имъ на небывалую прежде высоту; спросимъ только, что̀ опаснаго представляло бы продолженіе его работы въ совѣтѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ засѣдали бы чины министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ? Не ясно ли, что неутвержденіе его вызвано исключительно желаніемъ нанести политическому противнику если не ударъ, то булавочный уколъ? Не ясно ли также, что дискреціонное право, понятное какъ часть все обнимавшей собою системы административнаго произвола, потеряло всякій смыслъ съ паденіемъ системы и обратилось въ источникъ мелкихъ придирокъ, вредныхъ только для того, кто къ нимъ прибѣгаетъ?... Другой характерный примѣръ безцѣльнаго злоупотребленія отжившей властью—неутвержденіе извѣстнаго земскаго статистика А. А. Русова въ должности завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ с.-петербургской городской управы, на которую онъ былъ рекомендованъ лучшими знатоками этого дѣла. Кому или чему могъ бы повредить А. А. Русовъ, руководя переписью петербургскаго населенія или собирая свѣдѣнія о его заболѣваемости и смертности?..

Наглость „истинно-русскихъ людей" доходитъ до колоссальныхъ размѣровъ. Къ угрозамъ по адресу противниковъ присоединяются не-

многимъ отличающіяся отъ угрозъ настоянія по адресу недостаточно ревностныхъ союзниковъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ министрамъ. Нужно прочесть „Открытое письмо правительству", напечатанное, крупнымъ шрифтомъ, на первой страницѣ „Московскихъ Вѣдомостей", чтобы составить себѣ понятіе объ этой своеобразной литературѣ. Подписано письмо однимъ г. Гринмутомъ, но онъ „не сомнѣвается въ томъ, что къ нему присоединятся всѣ русскіе люди, которымъ дорога судьба Россіи". Въ „чисто-еврейской клеветѣ" авторъ письма обвиняетъ... оффиціозную „Россію", приписавшую правительству намѣреніе „повторить измѣну графа Витте, спустить русскій флагъ передъ еврейскою крамолой". Нѣтъ,—читаемъ мы далѣе,—„правительство должно знать, что торжествующая побѣда еврейской крамолы легла бы на сознаніе русскаго народа болѣе тяжелымъ камнемъ, чѣмъ Цусимское пораженіе и Портсмутскій миръ".

Въ чемъ же заключалась бы „торжествующая побѣда", одна мысль о которой возбуждаетъ неистовые вопли „Московскихъ Вѣдомостей"? Въ небольшомъ смягченіи гнета, тяготѣющаго надъ евреями. Судя по статьѣ „Россіи", въ правительственныхъ сферахъ существовало предположеніе теперь же дать евреямъ полную свободу движенія внутри *черты осѣдлости*, т.-е. отмѣнить „временныя", но дѣйствующія уже почти четверть вѣка правила 3-го мая 1882-го года. Совершенно уничтожить, до Думы, черту осѣдлости, немедленно разрѣшить евреямъ пріобрѣтеніе поземельной собственности, министерство признавало невозможнымъ. И вотъ, противъ полумѣры, направленной къ устраненію вопіющей несправедливости, выдвинута тяжелая артиллерія „монархистовъ", осмѣливающихся говорить отъ имени народа! Неужели ея холостые выстрѣлы произведутъ панику въ министерскомъ лагерѣ? Неужели оставлена будетъ всякая мысль о перемѣнѣ къ лучшему въ положеніи евреевъ—оставлена только потому, что противъ нея возстала горсть людей, прикрывающая шумомъ и крикомъ свое нравственное ничтожество и свое реальное безсиліе?

P. S.—Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда появился указъ 15-го ноября, состоявшійся въ силу все той же 87-ой статьи законовъ основныхъ и разрѣшающій крестьянскому банку выдачу ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель. Къ нему примѣнимо въ полной мѣрѣ все сказанное выше объ указѣ 9-го ноября.

ЗАМѢТКА

Недостатки нашихъ партійныхъ программъ.

Программы нашихъ оппозиціонныхъ партій, какъ умѣренныхъ, такъ и крайнихъ, страдаютъ однимъ существеннымъ недостаткомъ—чрезмѣрною отвлеченностью и доктринерскимъ характеромъ своихъ основныхъ положеній. Самыя названія партій ничего не говорятъ уму и сердцу обывателя, а отчасти даже непонятны для огромнаго большинства населенія. Что поймутъ наши народныя массы въ требованіяхъ для нихъ „демократическихъ реформъ", конституціонно-демократической „свободы" и „мирнаго обновленія"? Что представляютъ собою для народа „платформы" соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ съ ихъ разсужденіями о „пролетаріатѣ" и „буржуазіи"?

Иностранныя слова и понятія, столь внезапно пущенныя въ оборотъ нашими политическими партіями, должны невольно пугать и отталкивать средняго русскаго обывателя, поддерживая въ его умѣ смутныя подозрѣнія насчетъ опасныхъ будто бы притязаній иностранцевъ и инородцевъ. Не этимъ ли объясняется та странность, что защитники народнаго угнетенія и безправія успѣшно выступаютъ въ роли „истинно-русскихъ людей" и находятъ въ народѣ благодарную почву для своихъ противонародныхъ, лже-патріотическихъ воззваній и возгласовъ?

Незадолго до первыхъ выборовъ въ Государственную Думу „кадеты" благоразумно усвоили себѣ добавочное общедоступное названіе „партіи народной свободы"; но и „народная свобода"—неподходящій лозунгъ для массы, озабоченной прежде всего огражденіемъ своихъ реальныхъ правъ и интересовъ. Подъ свободой можно разумѣть и анархію, и отсутствіе твердыхъ законовъ, и неограниченный просторъ для господства сильныхъ надъ слабыми; призывъ къ свободѣ непремѣнно предполагаетъ поясненіе: отъ чего и отъ кого освободиться? Отъ властей, отъ налоговъ, отъ рекрутчины? Или отъ сельскихъ міроѣдовъ и эксплоататоровъ-землевладѣльцевъ? Или только отъ назойливой опеки начальства? Однако, „свобода" заманчива уже въ силу своей неопредѣленности, и она, безспорно, привлекла широкія народныя симпатіи на сторону „конституціоналистовъ-демократовъ". Мало того: имъ безспорно помогло и сокращенное популярное названіе „кадетовъ", вызывавшее представленіе о молодомъ задорѣ и жизнерадостной самоувѣренности...

Наши партійныя программы суть не что иное, какъ краткіе конспекты конституціоннаго права, съ присоединеніемъ ряда законопроектовъ по экономическимъ, поземельнымъ и соціальнымъ вопросамъ. Содержаніе этихъ конспектовъ—насколько дѣло идетъ о политическомъ строѣ—не имѣетъ никакой видимой связи съ вопіющими нуждами русскаго народа и государства; оно нисколько не отражаетъ въ себѣ тѣхъ ужасовъ, которые пережиты нами за послѣдніе годы, и не даетъ никакого отвѣта на волнующія всѣхъ мучительныя недоумѣнія. Программы не говорятъ, что долженъ быть положенъ конецъ владычеству придворныхъ фаворитовъ, доведшихъ Россію до разоренія и позора, и что отнынѣ силами и средствами государства перестанутъ распоряжаться люди, недостойные общественнаго довѣрія; вмѣсто такого заявленія, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ и одинаково желаннаго и понятнаго всѣмъ классамъ народа, указывается сухо на то, что россійская имперія представляетъ собою „конституціонную монархію“. Что скажетъ это опредѣленіе нашему старозавѣтному купечеству, малограмотному мѣщанству и милліонамъ нашего крестьянства? О конституціи народъ знаетъ развѣ лишь одно,—что это нѣчто запретное и преступное, задуманное крамольниками, которыхъ ловятъ, сажаютъ въ тюрьму, вѣшаютъ или ссылаютъ на каторгу. Даже образованные люди изъ такъ называемаго общества не улавливаютъ связи между честнымъ, добросовѣстнымъ, истинно-народнымъ государственнымъ управленіемъ и существованіемъ конституціи на иноземный ладъ: одни вспоминаютъ историческіе примѣры неудачныхъ конституціонныхъ опытовъ, другіе предаются мечтаніямъ объ идилліи самодержавія въ духѣ небывалаго единенія между властью и народомъ, третьи возстаютъ вообще противъ крутыхъ перемѣнъ государственнаго строя, опасаясь смѣлыхъ скачковъ въ область неизвѣстнаго,—и весь насущный и жгучій вопросъ о гарантіяхъ хорошаго управленія исчезаетъ куда-то, покрытый густымъ туманомъ доктринерскихъ споровъ. Виновники всѣхъ нашихъ бѣдствій и ихъ союзники получаютъ возможность „съ поднятымъ челомъ“ участвовать въ этихъ спорахъ, въ качествѣ защитниковъ русской государственности и искоренителей внутренней смуты, и никто даже не вспомнитъ, что они сами избавлены отъ справедливаго и суроваго суда только по благодушію первой Государственной Думы.

Программы устанавливаютъ принципъ, что „министры, въ политической дѣятельности своей, отвѣтственны предъ народнымъ представительствомъ“, но онѣ не опредѣляютъ, въ чемъ будетъ выражаться эта отвѣтственность. Обязаны ли министры выходить въ отставку при заявленномъ недовѣріи къ нимъ Государственной Думы? Какъ заставить ихъ удалиться, если они упорно сохраняютъ власть въ своихъ

рукахъ? Въ какой формѣ и предъ какимъ судомъ должны подлежать отвѣтственности тѣ правительственные и придворные дѣятели, которые своими докладами и совѣтами вводятъ въ заблужденіе Государя и сознательно употребляютъ силы и средства государства *противъ* общества и народа? Обо всемъ этомъ умалчиваютъ программы, и возвѣщаемая ими „отвѣтственность министровъ“ остается лишь пустымъ звукомъ.

Программы говорятъ о составѣ и правахъ народнаго представительства, о двухъ палатахъ и способахъ ихъ избранія, но не упоминаютъ ни объ обязательныхъ ежегодныхъ сессіяхъ Государственной Думы, ни объ условіяхъ и послѣдствіяхъ ея преждевременнаго роспуска. Чѣмъ же обезпечивается существованіе и правильное функціонированіе народнаго представительства? Стоитъ ли хлопотать объ избирательныхъ правахъ и разсуждать о парламентскихъ функціяхъ, когда закулисные дѣятели могутъ въ каждый данный моментъ добиться разгона Думы и возстановить фактическое самодержавіе придворной партіи безъ всякаго для себя риска?

Перечисляя основныя „права гражданъ“, программы не выходятъ изъ круга общихъ теоретическихъ формулъ, обреченныхъ на безсиліе. „Всѣмъ россійскимъ гражданамъ должны быть предоставлены равныя права и *прочно обезпечена* политическая свобода во всѣхъ ея видахъ“; но чѣмъ и какими способами она будетъ „прочно обезпечена“ на практикѣ—неизвѣстно. Относительно неприкосновенности личности и жилища, недопущенія ареста и наказанія помимо суда и т. п., вновь повторяются правила, достаточно ясно и точно выраженныя еще въ судебныхъ уставахъ 1864 года (ст. 1, 8—11 и 14—15 устава угол. судопр.) и оставшіяся съ тѣхъ поръ мертвой буквой. Упоминается, правда, о „судебной защитѣ“ этихъ правъ, но безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій; въ принципѣ судебная защита допускалась и раньше, но она не достигала цѣли и почти не примѣнялась на практикѣ, потому что, съ одной стороны, судебная власть подчинена правительству и администраціи, а съ другой—не существовало и не существуетъ надлежащей гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ предъ судомъ за незаконныя нарушенія частныхъ и публичныхъ правъ гражданъ. Между тѣмъ, въ программахъ ничего не говорится о судебной отвѣтственности правительственныхъ и административныхъ дѣятелей, и, слѣдовательно, фраза о „прочномъ обезпеченіи политической свободы“ является вполнѣ безсодержательной.

Въ области высшаго государственнаго управленія партійныя программы не предлагаютъ никакихъ крупныхъ реформъ: нѣтъ и рѣчи объ урегулированіи такихъ всемогущихъ органовъ беззаконія, какъ департаментъ полиціи и корпусъ жандармовъ; не затрогиваются во-

просы о преобразованіяхъ въ арміи, о сокращеніи ея состава въ мирное время, о предоставленіи военнымъ генераламъ и офицерамъ правъ командованія только надъ войсками, но не надъ мирнымъ населеніемъ,—объ уничтоженіи разорительныхъ для страны должностей намѣстниковъ, генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ, объ измѣненіи системы управленія окраинами, объ искорененіи хищничества и расточительности въ расходованіи казенныхъ средствъ и т. д. Оставляется также безъ вниманія необходимость судебной организаціи, способной обезпечить суду дѣйствительную независимость и высшій авторитетъ въ государствѣ. Въ заявленіяхъ по финансовой и экономической политикѣ недостаетъ указанія на то, въ какой мѣрѣ обязательна уплата налоговъ, не утвержденныхъ народнымъ представительствомъ или взимаемыхъ министерствомъ, которое находится въ прямомъ и явномъ конфликтѣ съ Государственной Думой.

Важнѣйшая задача настоящаго момента—устраненіе того кроваваго, беззаконнаго режима, который давитъ и разоряетъ страну подъ предлогомъ охраны общественнаго порядка, и который въ дѣйствительности не имѣетъ другой цѣли, кромѣ охраны интересовъ небольшой группы правящихъ лицъ. Во имя этой насущной задачи должны соединяться всѣ элементы русскаго общества и, отбросивъ безплодные отвлеченные споры о конституціонализмѣ и парламентаризмѣ, включить въ программы народныхъ партій признаніе безусловно необходимымъ: 1) образованія честнаго, добросовѣстнаго правительства изъ лицъ, заслужившихъ общее уваженіе и довѣріе своею общественною дѣятельностью и свободныхъ отъ традицій бюрократическаго карьеризма; 2) привлеченія къ суду всѣхъ явныхъ нарушителей законовъ, организаторовъ народныхъ избіеній, погромовъ и разстрѣловъ, виновниковъ массовыхъ арестовъ и ссылокъ безъ суда, и вообще тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя открыто злоупотребляли предоставленными имъ исключительными полномочіями въ періодъ времени отъ изданія манифеста 17 октября; 3) ограниченія дѣйствій департамента полиціи и корпуса жандармовъ, какъ воплощеній произвола, доказавшихъ на опытѣ свою полную непригодность и безполезность даже съ точки зрѣнія полицейской охраны носителей государственной власти; 4) устраненія непомѣрной щедрости въ цифрахъ денежныхъ окладовъ, пособій и субсидій, получаемыхъ лицами высшаго правительственнаго персонала; уничтоженія всякихъ формъ казнокрадства и взяточничества путемъ своевременнаго фактическаго контроля; сокращенія штатовъ до предѣловъ дѣйствительной необходимости и введенія строгой разсчетливости во всѣ отрасли государственнаго хозяйства и управленія, подъ постояннымъ надзоромъ народнаго представительства; 5) гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ всѣхъ

ранговъ, отъ самыхъ высшихъ до низшихъ, за распоряженія и дѣйствія, причинившія вредъ или убытокъ частнымъ лицамъ и обществамъ безъ достаточныхъ къ тому законныхъ основаній; 6) отмѣны всѣхъ исключительныхъ положеній и полномочій, какъ главныхъ источниковъ анархіи и беззаконія въ разныхъ частяхъ имперіи; — правительственная анархія, выразившаяся въ предоставленіи не только административныхъ, но и судебныхъ и законодательныхъ правъ отдѣльнымъ случайнымъ генераламъ и офицерамъ, создала хроническую революціонную анархію и довела до полнаго экономическаго разстройства и упадка богатѣйшія области Россіи, — Кавказъ, Царство Польское, Новороссійскій край; беззаконіе, возведенное въ принципъ, порождало беззаконіе—и ничего другого породить не могло; всѣ эти намѣстничества, генералъ-губернаторства и градоначальства, съ ихъ усиленными и чрезвычайными охранами и военными положеніями, поглощаютъ милліоны народныхъ денегъ безъ малѣйшей пользы для государства и съ огромнымъ вредомъ для населенія; 7) созданіе разумно устроенной полиціи безопасности и благочинія, которой нынѣ не существуетъ,—при руководящемъ участіи органовъ мѣстнаго самоуправленія; 8) несмѣняемость судей и примѣненіе выборнаго начала при замѣщеніи высшихъ судейскихъ должностей, въ томъ числѣ и сенаторскихъ; судъ присяжныхъ по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ, о проступкахъ печати и по преступленіямъ должности; 9) обязательное ежегодное утвержденіе государственнаго бюджета народнымъ представительствомъ и недопущеніе взиманія налоговъ по бюджету, не внесенному на разсмотрѣніе Государственной Думы или не разсмотрѣнному ею по винѣ министерства; 10) освобожденіе арміи и отдѣльныхъ ея частей, равно какъ и ея начальствующихъ лицъ, отъ чуждыхъ имъ полицейскихъ функцій; сокращеніе расходовъ на армію и штабный персоналъ, съ возможно большимъ использованіемъ опыта японской войны, доказавшей превосходство качества передъ количествомъ и выяснившей полную осуществимость выступленія огромныхъ боевыхъ силъ при хорошей организаціи незначительныхъ сравнительно постоянныхъ кадровъ; коренное переустройство морского вѣдомства, съ оставленіемъ за штатомъ всѣхъ излишнихъ адмираловъ и съ доведеніемъ расходовъ на администрацію до такой нормы, которая соотвѣтствовала бы нынѣшнему состоянію русскаго флота...

Наши политическія партіи значительно выиграли бы въ общественномъ мнѣніи и увеличили бы шансы своего успѣха въ народныхъ массахъ, еслибы перевели отвлеченныя формулы своихъ программъ на общепонятный языкъ фактическихъ условій и обстоятельствъ современнаго положенія...

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1906.

I.

— Щукинскій сборникъ. Выпускъ пятый. Изд. Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея Императора Александра III — Музея П. И. Щукина. М. 1906 г.

Нами уже нѣсколько разъ отмѣчался характеръ изданія Щукинскаго сборника, не претендующаго на преслѣдованіе какихъ-либо иныхъ научныхъ цѣлей, кромѣ сохраненія болѣе или менѣе любопытныхъ историческихъ матеріаловъ. Какъ въ предыдущихъ, такъ и въ настоящемъ томѣ степень историческаго интереса понимается издателями чрезвычайно широко: рядомъ съ документами высокой научной цѣны и бумагами лицъ, оставившихъ свое имя въ исторіи, находимъ здѣсь матеріалъ, историческое достоинство котораго опредѣлить въ настоящее время представлялось бы нѣсколько затруднительнымъ. Но, сравнительно съ матеріалами мало значительными, находимъ документы весьма любопытные, на протяженіи частью XVIII, частью XIX вѣка.

Есть особая прелесть пробѣгать страницу за страницей эти отрывочныя, случайныя бумаги, оффиціальныя и частныя, протоколы, отношенія, письма, въ которыхъ отразилась общественная и частная жизнь русскаго общества, по преимуществу бытовая ея сторона. Интимная переписка, обрывки воспоминаній, плоды „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“ — все это кажется проникнуто однимъ и тѣмъ же духомъ національнаго единства, все это представляется тончайшими нитями невидимыхъ въ свое время бытовыхъ и общественныхъ отношеній. И цѣлыя картинки возникаютъ въ воображеніи читателя, окруженныя тѣмъ особымъ обаяніемъ, которое основывается

на чувствѣ исторической любознательности. И между старѣйшими и позднѣйшими документами можетъ быть установлена связь, равно интересная и для историка, пожалуй и для романиста. Такъ, напримѣръ, для исторіи нашего быта и нравовъ въ Петровскую эпоху чрезвычайно интересны извлеченія изъ бумагъ кн. А. Д. Меншикова, начало которыхъ было помѣщено въ предыдущемъ выпускѣ. Здѣсь, между прочимъ, находимъ протоколъ допроса нѣкоего злополучнаго Павла, жизнь котораго сложилась изъ такихъ эпизодовъ, которые являются типичными для нравовъ и своей среды, и своего времени: былъ въ гостяхъ, пилъ пиво, въ дракѣ пырнулъ ножомъ какого-то Ивана Сергѣева, который послѣ того „жилъ недѣль съ пять и умре"; бѣжалъ изъ-подъ караула, снова былъ пойманъ и снова бѣжалъ „съ колодникомъ Матвѣемъ"; изловленный и доставленный въ Копорьскую канцелярію, былъ дважды пытанъ въ застѣнкѣ, снова бѣжалъ, въ скитаніяхъ былъ битъ „губернаторскаго княжеской свѣтлости швандрона драгуномъ" „смертнымъ боемъ" и снова представленъ властямъ, которыми былъ „битъ батогами" и допрашиванъ, а—„къ сему допросу вмѣсто вышеописаннаго вора Павла Ѳедорова по его прошенію Копорской писарь Василей Бабинковъ руку приложилъ".

Въ томъ же томѣ помѣщены извлеченія изъ бумагъ старшаго камеръ-пажа У. 1879 г. Безсодержательныя, ненужныя изліянія 19-тилѣтняго юноши, мечты „о ней", перепутанныя съ философическими размышленіями. Любопытны только нѣсколько строкъ—оглядка камеръ-пажа на порогѣ новой жизни на свои отроческіе годы: „Сегодня послѣдній день 19-го года моей жизни, — я оглядываюсь назадъ и съ ужасомъ вижу, что ничего путнаго, ничего хорошаго я впродолженіе этого года не сдѣлалъ: помню я, какъ мнѣ минуло 18-ть лѣтъ,—какъ я поступалъ въ Пажескій корпусъ, мои мечты о камеръ-пажествѣ, о кутежахъ, о продолженіи занятій,—все это пошло прахомъ,—осталась только одна пустота, одно тоскливое безвыходное положеніе, одна гадость и мерзость! Уже 20-ть лѣтъ прожилъ я на свѣтѣ и что сдѣлалъ?—Ничего! Вникните въ смыслъ этого слова, и вы увидите, какъ ужасно сказать себѣ: я двадцать лѣтъ прожилъ безслѣдно, я въ двадцать лѣтъ съумѣлъ только развратить себя, пріучить себя къ кутежамъ, — а привычки къ труду, охоты къ чему-нибудь путному и въ поминѣ нѣтъ. Скверно! И теперь начну точно также и 21-ый годъ моей жизни — также глупо и безцѣльно, и онъ канетъ въ Лету, за нимъ другой, третій и т. д.,—и настанетъ наконецъ время завилять хвостомъ передъ незванной гостьею, смертью"...

Читатели могутъ строить самыя произвольныя предположенія о томъ, что сталось въ жизни съ бывшимъ камеръ-пажомъ У... и принесла ли ему пользу благодѣтельная способность самоанализа попыт-

кой избрать какой-либо иной, болѣе сознательный путь, чѣмъ тотъ, который представлялся ему по выходѣ изъ пажескаго корпуса, или же это была просто вспышка юношески чуткаго темперамента, угасшая безслѣдно въ шумѣ свѣтскихъ утѣхъ и служебныхъ успѣховъ. У. во всякомъ случаѣ былъ баловнемъ судьбы, которая не для всѣхъ бываетъ ласковой. Въ той же арміи, гдѣ дѣйствуетъ, можетъ быть, и понынѣ бывшій камеръ-пажъ, служилъ капитанъ Бѣлорусовъ, разсказавшій, на страницахъ того же Щукинскаго сборника, какъ онъ, 73-хъ-лѣтнимъ раненымъ старикомъ, прослуживъ десятки лѣтъ царю и родинѣ, совершилъ пѣшкомъ путешествіе отъ китайской границы въ Петербургъ, чтобы добиться тамъ пенсіи въ законномъ размѣрѣ и дать воспитаніе своимъ дѣтямъ. Исчисливъ свои служебныя заслуги, Бѣлорусовъ говоритъ: „Описывать же мой путь съ 2-хъ-ствольнымъ ружьемъ и мѣшкомъ за плечами, съ необходимыми вещами и припасами, въ которыхъ было болѣе пуда вѣсу, я не могу безъ ужаса, а что приходилось переносить мнѣ на старости лѣтъ, какъ отъ природы, такъ отъ голодающихъ и праздношатающихся бродягъ, только одному Богу извѣстно. Я иногда шелъ подъ проливнымъ дождемъ съ градомъ болѣе голубинаго яйца, какъ это было 25-го іюня въ станицѣ Елизаветинской, спалъ на голомъ полу или на землѣ, подъ однимъ лѣтнимъ пальто, имѣя мѣшокъ въ головахъ, и это все перенесъ не для своего счеславія, мнѣ всего теперь нужно 3 арш. въ длину и 1½ арш. въ ширину земли, но я пожертвовалъ всѣмъ именно, только для дорогой моей семьи, несмотря на то, что я во всю жизнь свою не пью и не пилъ никакого вина и пива и не курю табаку“.

Изъ писемъ, имѣющихъ историко-литературный и вмѣстѣ біографическій интересъ, стоятъ несомнѣнно на первомъ мѣстѣ письма И. С. Тургенева къ г-жѣ N., писанныя въ промежуткѣ 1873—1877 гг. Въ письмахъ этихъ, дружескихъ, интимныхъ, Тургеневъ упоминаетъ о своихъ произведеніяхъ, рекомендуетъ прочесть, проситъ высказать мнѣніе, дѣлится своими настроеніями, чувствами; порою читателю начинаетъ казаться, что въ этихъ письмахъ проскальзываютъ намеки на возможный романъ, не свершенный, разрѣшающійся вздохами о молодости, тѣсной дружбой, взаимнымъ пониманіемъ. Тонъ писемъ — искренній, сердечный и бодрый. Читатель можетъ представить себѣ образъ той, кому писалъ Тургеневъ. Она — изъ свѣтскаго круга, не первой молодости, болѣзненная, считающая себя „отпѣтымъ“ человѣкомъ („чему я, въ скобкахъ, не вѣрю“, — замѣчаетъ Тургеневъ), по-видимому тонкая цѣнительница поэзіи и вообще разнообразная въ своихъ интересахъ. „Вы мнѣ написали чудесное письмо, милая.....,— пишетъ Тургеневъ въ ноябрѣ 1874 г., — оно весьма живо перенесло

меня въ ту деревенскую, зимнюю глушь, съ которой вы, повидимому, такъ отлично свыклись. Не сомнѣваюсь въ томъ, что вамъ теперь *пока* тамъ очень хорошо; многое въ жизни представилось бы человѣку тяжкимъ испытаніемъ, еслибы не мысль объ этомъ „пока", которое сливается съ ожиданіемъ другого, болѣе свѣтлаго или просто неопредѣленнаго будущаго... На этомъ „пока" можно прокатиться полусознательно, полузадумчиво—до самаго конца существованія. Притомъ то ваше прошедшее, котораго я не знаю, но которое навѣрное до сихъ поръ занимаетъ важное мѣсто въ вашей духовной жизни—наполняетъ нѣкоторымъ образомъ ваше настоящее, отнимая у васъ даже желаніе чего-нибудь новаго и навѣвая на васъ чувство резиньяціи и смиренія. Все это прекрасно, но вы еще настолько молоды, что не можете серьезно думать объ устройствѣ себѣ гнѣзда—гдѣ бы „состарѣться и умереть". Во всякомъ случаѣ мнѣ (я теперь говорю съ эгоистической точки зрѣнія) мнѣ бы хотѣлось встрѣтиться съ вами *до* подобнаго окончательнаго устройства вашей судьбы и до окончательнаго моего превращенія въ старика (о моей молодости рѣчи быть не можетъ). Пять дней, проведенныхъ нами вмѣстѣ въ деревнѣ, показали мнѣ, что между нами много симпатіи—хотѣлось бы возобновить это сближеніе безъ нелѣпаго и досаднаго аккомпанимента болѣзни. А потому мнѣ было очень пріятно узнать, что вы весной собираетесь въ Маріенбадъ и въ Парижъ. Надо только устроить такъ, чтобы не „разминуться", какъ говорятъ малороссы. Я въ началѣ будущаго мая уѣзжаю на шесть недѣль въ Карлсбадъ—вы знаете, что это о-бокъ съ Маріенбадомъ—вотъ бы вамъ такъ же въ ту пору туда пріѣхать! Отлично было бы—какъ вы полагаете? Напишите мнѣ, что вы объ этомъ думаете?

„А мнѣ здѣсь въ Парижѣ все еще не совсѣмъ хорошо. Подагра, подъ той или другой формой, не выпускаетъ меня изъ когтей и мѣшаетъ мнѣ работать.

„Вы говорите о снѣжныхъ степяхъ и мятеляхъ—(помните у Пушкина: „какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ". Предыдущій стихъ отыщите сами). А у насъ хотя холодновато—за то солнце еще свѣтитъ—только я имъ мало пользуюсь—изъ дома не выхожу".

„Вы пишете, что очень ко мнѣ привязались,—пишетъ Тургеневъ черезъ два мѣсяца,—но и я васъ очень люблю—и много ли, мало ли между нами общаго—это въ сущности неважно. Il y a un attrait mutuel—вотъ что важно. Мнѣ очень бы хотѣлось свидѣться съ вами, и я надѣюсь, что это мое желаніе осуществится весной—im wunderschönen Monat Mai. Правда, мы оба будемъ тогда пить богемскія воды, что менѣе поэтично—но что-же дѣлать?—Если вамъ 33 года—мнѣ цѣлыхъ 55—вотъ что не слѣдуетъ упускать изъ вида.

„Такъ какъ ваша хандра и приходитъ и уходитъ вмѣстѣ съ оттепелью, то желаю вамъ снѣга, холода и тѣхъ вьюгъ, что, по словамъ Полонскаго, „растятъ по стекламъ оконъ"—бѣлыя розы. Но и замораживать себя не слѣдуетъ. На свѣтѣ дѣйствительно есть нѣчто получше „предсмертной икоты", и хотя уже нельзя ожидать, что радость польётся полной чашей — но она можетъ еще окропить послѣдніе жизненные цвѣты. Смыслъ всѣхъ этихъ аллегорій очень хорошо выраженъ въ извѣстной русской поговоркѣ—„живи, пока живется".

Письма корреспондентки, названной въ одномъ мѣстѣ Юліей Петровной, доставляли, повидимому, Тургеневу большое утѣшеніе въ его страданіяхъ. „Какія вы хорошія письма пишете, милая N., — и съ какимъ удовольствіемъ я ихъ читаю!—восклицаетъ онъ въ февралѣ 1875 г.—Ваши письма мнѣ теперь тѣмъ дороже, что, кажется, подагра, послѣ двухмѣсячнаго отдыха, снова собирается приняться за меня: колѣно распухло и я уже хожу съ трудомъ. „Эдакая" старость—ужъ точно не радость! За то всѣ наши молодые процвѣтаютъ: и мать, и прелестнѣйшій ея ребенокъ. Я убѣжденъ, что и вашъ долженъ быть чрезвычайно милъ—только и оживаешь, глядя на эти молодые отпрыски...

„Ужъ какъ тамъ ни вертись, а должно сознаться, что если и не веревочкой и не чортъ—а кто-то связалъ насъ. Вы мнѣ ужасно понравились, какъ только я съ вами познакомился; потомъ мы какъ будто нѣсколько разошлись; но со времени посѣщенія въ деревнѣ узелокъ опять затянулся—и на этотъ разъ довольно плотно. Смотрите, не вздумайте ни перерубать, ни развязывать этотъ узелокъ. И къ чему? Кому отъ него вредъ будетъ? Увы! никому — ни даже мнѣ... ни даже вамъ!

„Вы еще не прочли начало романа Л. Н. Толстого, который долженъ явиться въ „Русскомъ Вѣстникѣ"? Какъ только прочтете—сообщите мнѣ свое впечатлѣніе. Я убѣжденъ, что вашъ литературный вкусъ долженъ быть и тонокъ, и вѣренъ. Ваше описаніе сосѣдей, зимней поѣздки и т. д.—живо перенесло меня въ родную Русь. Сознайтесь, вы не пококетничали немного съ „непонятнымъ" пѣвцомъ въ голубомъ галстухѣ? Водочку онъ попиваетъ—это плохо; при такихъ условіяхъ даже кокетничать нельзя".

Изъ литературныхъ упоминаній характеренъ отзывъ объ А. К. Толстомъ—„литераторъ онъ былъ посредственный, а человѣкъ отличный": о Соллогубѣ и Щедринѣ—„Соллогубъ тоже здѣсь—ужасно дряхлѣетъ и разваливается. Прочелъ Салтыкову (Щедрину) и мнѣ прежалкую свою комедійку, въ которой онъ ругаетъ молодое поколѣніе на чемъ свѣтъ стоитъ. Салтыковъ взбѣсился, обругалъ его, да чуть съ ногъ не свалился отъ волненія: я думалъ, что съ нимъ ударъ сдѣлается... Онъ мнѣ напомнилъ Бѣлинскаго... Тяжелая была сцена!"

Рядомъ съ похвалой роману Золà „Son Excellence Rougon“ встрѣчаемъ такія строки объ „Аннѣ Карениной“: „я еще не читалъ „Анны Карениной“, но вижу съ сожалѣніемъ, куда весь этотъ романъ поворачиваетъ. Какъ ни великъ талантъ Л. Толстого, а не выдраться ему изъ московскаго болота, куда онъ влѣзъ. Православіе, дворянство, славянофильство, сплетни, Арбатъ, Катковъ, Антонина Блудова, невѣжество, самомнѣніе, барскія привычки, офицерство, вражда ко всему чужому, кислыя щи и отсутствіе мыла—хаосъ, однимъ словомъ! И въ этомъ хаосѣ долженъ погибать такой одаренный человѣкъ!! Такъ на Руси всегда бываетъ“.

Письма съ конца 1876 года говорятъ о надвигавшейся войнѣ и „Нови“, печатавшейся въ „Вѣстникѣ Европы“. „Сегодня важный день,—пишетъ онъ 28-го декабря,—сегодня должна рѣшиться въ Константинополѣ наша судьба: война или миръ? Я боюсь, что выйдетъ война—и мы окажемся несостоятельными; а пока турки окончательно раздавятъ Сербію, столь искусно приготовленную для нихъ Черняевымъ.

„Глупѣе Черняева я знаю только одно: манифестацію передъ Казанскимъ соборомъ. Это уже крайній предѣлъ, дальше котораго идти невозможно. Эта чепуха можетъ, до нѣкоторой степени, повредить моему роману—такъ какъ, не смотря на мои просьбы, Стасюлевичъ не помѣстилъ его въ одинъ нумеръ. Но до васъ съ Топоровымъ слухи доходятъ поздно: Стасюлевичъ читалъ мой романъ въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ—у Евгеніи Максимиліановны; если Стасовъ его хвалитъ—значитъ, онъ о немъ понятія не имѣетъ—ибо онъ тамъ выведенъ въ комическомъ свѣтѣ. Ну а Михайловскому самъ Богъ велѣлъ меня мѣшать съ грязью. Все это мнѣ довольно индифферентно—лишь бы деньги заплатили. А тамъ, господа, кушайте на здоровье“.

Холодный пріемъ первой части „Нови“ чрезвычайно огорчилъ Тургенева, и это ярко отразилось въ тонѣ его писемъ. „Вы упали на улицѣ, ушиблись—и съ тѣхъ поръ ничего не пишете?—спрашиваетъ онъ черезъ мѣсяцъ, въ концѣ января 1877 г. Или, можетъ быть, вы отъ того молчите (какъ это дѣлаютъ теперь всѣ мои пріятели), что вамъ неловко говорить со мною о фіаско, претерпленномъ первой частью „Нови“? Вы можете быть спокойны: фактъ этотъ мнѣ совершенно извѣстенъ—и вамъ не для чего о немъ говорить. Не могу сказать, чтобы къ этому факту я отнесся совершенно равнодушно; но вѣдь горю теперь ужъ пособить нельзя; слѣдовательно, надо стараться позабыть его. Нелучшей участи ожидаю я также и для второй части. Смотрю на литературную свою каррьеру какъ на покончennую. Но вѣдь и безъ литературы жить можно—и есть вещи въ жизни, которыя кусаются (особенно подъ старость) гораздо больнѣе, чѣмъ какое угодно литературное фіаско“.

Нѣсколько строкъ посвящены умиравшему Некрасову, и онѣ относятся къ печальной исторіи разрыва между нимъ и Тургеневымъ. „Я бы самъ охотно написалъ Некрасову: передъ смертью все сглаживается, да и кто изъ насъ правъ—кто виноватъ? „Нѣтъ виноватыхъ", говоритъ Лиръ... да нѣтъ и правыхъ. Но я боюсь произвести на него тяжелое впечатлѣніе: не будетъ ли ему мое письмо казаться какимъ-то предсмертнымъ вѣстникомъ. Я знаю про себя, что, еслибы я находился въ положеніи Некрасова,—получить такое письмо, при *такой* обстановкѣ—было бы равнозначуще для меня съ „Lascia ogni speranza" или „Frère, il faut mourir". Мнѣ кажется, я не имѣю права идти на такой рискъ. Объясните это Топорову. Надѣюсь, вы увѣрены, что никакой другой причины моему молчанію нѣтъ—и быть не можетъ".

Около того же времени Тургеневъ пишетъ своей корреспонденткѣ любопытное письмо, которое является какъ бы заключительнымъ, хотя и меланхолическимъ аккордомъ въ развитіи ихъ взаимной привязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно характеризуетъ и Тургенева со стороны мало изслѣдованной біографически. „...Вы меня называете „скрытнымъ",—пишетъ Тургеневъ,—ну, слушайте же—я буду съ вами такъ откровененъ, что вы, пожалуй, раскаетесь въ вашемъ эпитетѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ встрѣтилъ, я полюбилъ васъ дружески—и въ то же время имѣлъ неотступное желаніе обладать вами; оно было, однако, не настолько необузданно (да ужъ и немолодъ я былъ)—чтобы попросить вашей руки—къ тому же и другія причины препятствовали; а съ другой стороны я зналъ очень хорошо, что вы не согласитесь на то, что̀ французы называютъ une passade... Вотъ вамъ и объясненіе моего поведенія. Вы хотите увѣрить меня, что вы не питали „никакихъ заднихъ мыслей";—увы! я, къ сожалѣнію, слишкомъ былъ въ томъ увѣренъ. Вы пишете, что вашъ *женскій* вѣкъ прошелъ; когда мой *мужской* пройдетъ—и ждать мнѣ весьма недолго—тогда, я не сомнѣваюсь, мы будемъ большіе друзья—потому что ничего насъ тревожить не будетъ. А теперь мнѣ все еще пока становится тепло и нѣсколько жутко при мысли: ну, что̀ еслибы она меня прижала бы къ своему сердцу не по-братски?—и мнѣ хочется спросить, какъ моя Марія Николаевна въ „Вешнихъ Водахъ": —Санинъ, вы умѣете забывать?—Ну, вотъ вамъ и исповѣдь моя. Кажется — достаточно откровенно?"

Мы остановились лишь на нѣкоторыхъ извлеченіяхъ изъ писемъ Тургенева, которыя въ цѣломъ заключаютъ въ себѣ много интереснаго—для деталей біографіи писателя, для его остроумія и стиля, живого, мѣткаго и разнообразнаго.

Менѣе интересны письма Н. С. Лѣскова къ С. А. Юрьеву, къ ко-

торому Лѣсковъ обратился съ предложеніемъ своего сотрудничества для „Бесѣды". Лѣсковъ предлагалъ ему романъ „Божедомы", который, по словамъ Лѣскова, нравился въ деталяхъ всѣмъ „и, между прочимъ, Мих. Ник. Каткову". Дѣлая въ слѣдующемъ письмѣ еще и другія литературныя предложенія, Лѣсковъ выражалъ желаніе испытать себя въ „Бесѣдѣ" на поприщѣ фельетониста: „въ Москвѣ этимъ (фельетонными писаніями) вовсе пренебрегаютъ и совершенно напрасно,—замѣчаетъ Лѣсковъ.—Припомните фельетонный пошибъ Гейне и Герцена,—какая это прекрасная форма и какая ловкая и удобная; я не хвалюсь, что я могу сдѣлать это такъ же, какъ они, но я много разъ пробовалъ, и, кажется, моя попытка была не безъ удачъ"... Со времени перваго письма, въ началѣ декабря 1870 г., проходитъ около двухъ лѣтъ, и Лѣсковъ пишетъ Юрьеву письмо уже въ другомъ тонѣ. Отношенія уже опредѣлились, но письмо болѣе кажется характернымъ для Юрьева, чѣмъ для Лѣскова. Юрьевъ три года не могъ собраться напечатать переписку статистика Журавскаго съ гр. Перовскимъ, переданную ему Лѣсковымъ. Послѣдній въ рѣшительныхъ выраженіяхъ просилъ Юрьева „какъ-нибудь кончить эту комедію"... Письмо кончается имѣющей особый интересъ по отношенію къ Юрьеву припиской: „прилагаю мою карточку и адресъ, который, можетъ быть, у васъ не записанъ, хотя я много разъ его напоминалъ"...

Не лишена общественно-литературнаго интереса и выписка изъ дѣла канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера о писателяхъ и журналистахъ 1866 г. (по описи 1866 г., № 69). Приведемъ нѣкоторые изъ отзывовъ, которые были несомнѣнными показателями отношенія правительственной власти къ дѣятелямъ современной имъ литературы:

„Данилевскій Григорій. Студентъ петербургскаго университета, и въ царствованіе имп. Николая Павловича былъ ошибкою посаженъ въ крѣпость въ 1848 г. Эта катастрофа имѣла сильное вліяніе на его настоящую жизнь. Данилевскій исключительно посвятилъ себя литературѣ, и своими *Степными очерками* откровенно сознался въ своихъ политическихъ заблужденіяхъ. Однако, послѣднія капитальныя реформы отозвались и на немъ; не принадлежа ни къ какой партіи, онъ заявилъ себя за сохраненіе правъ собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за монархическое правленіе.

„Щербина Н. Ѳ. Одинъ изъ лучшихъ представителей классическихъ писателей. Щербина—поэтъ и, пользуясь большимъ авторитетомъ и уваженіемъ публики и литературнаго кружка, извѣстенъ, какъ человѣкъ глубоко почитающій и преданный Царской Семьѣ. Онъ—врагъ всякой агитаціи, врагъ нѣмцевъ и заклятой, непримиримый преслѣдователь тѣхъ изъ администраторовъ, которые во зло употреб-

ляютъ довѣріе Монарха. Недостатокъ средствъ, жизненныя невзгоды сдѣлали его желчнымъ и въ задушевной бесѣдѣ онъ часто свирѣпствуетъ противъ крамольныхъ шаекъ, а нигилизмъ прямо совѣтуетъ: „сѣчь и сѣчь и сѣчь!“ (Собственныя слова). Теперь онъ членъ Управленія Печати.

„Головачевъ Андр. А. Бывшій секретарь редакціи „Современника“—и образецъ русскаго крайняго либерализма. Ни во что не вѣритъ, ничто не уважаетъ. Однимъ словомъ, его принципъ: ломать и ломать, а кто опять построитъ—не его дѣло. Впрочемъ, къ счастію общества, у него нѣтъ выдержки, политическаго такта, а отъ этого онъ, кажется, и теряетъ между своими. Они считаютъ его за болтуна и не довѣряютъ.

„Степановъ А. М. Редакторъ „Будильника“. Офицеръ прежней службы, человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ и съ характеромъ стойкимъ и чрезвычайно эластичнымъ. Разница между нимъ и г.г. Курочкиными огромная. Степановъ дорожитъ семействомъ, а Курочкинымъ терять нечего. Степановъ, узнавъ о знакомствѣ Ст. Курочкина съ Лавровымъ, грустно замѣтилъ: „Цезарь перешелъ Рубиконъ! Посмотримъ, что будетъ!“ Степановъ состязается и съ женою своею (нигилисткою). Поймать Степанова въ чистотѣ убѣжденій—дѣло не легкое, и говорить про его убѣжденія нелегко, это просто космополитъ и зорко слѣдитъ за общимъ направленіемъ.

„Салтыковъ М. Евг. При раздражительномъ характерѣ обладаетъ и ѣдкимъ словомъ. Держится за анархическое начало, единственно изъ оппозиціи министерству, въ сущности же деспотъ въ высшей степени. Подчиненные его постоянно ненавидѣли, литературные друзья обманывали, а покровительствуемая имъ молодежь не довѣряетъ. Онъ скорѣе опасенъ въ провинціи, чѣмъ въ столицѣ.

„Шульгинъ. Умѣренной партіи и заботящійся о субсидіяхъ. Съ другими редакціями постоянно личность стремящаяся парализировать ихъ направленіе.

„Шелгуновъ. *Красный, крайнихъ тенденцій.*

„Флоринскій. Безцвѣтная личность неустановившихся убѣжденій. Пока крайній либералъ.

„Писаревъ. Выпущенный изъ крѣпости.

„Пыпинъ. Человѣкъ находящійся подъ сильнымъ вліяніемъ „нигилизма“ и партіи агитаторовъ.

„Елисѣевъ, Слѣпцовъ, Лесковъ. Крайніе соціалисты. Сочувствуютъ всему анти-правительственному. Нигилизмъ во всѣхъ формахъ“.

Изъ другихъ документовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ выпускѣ Щукинскаго сборника, отмѣтимъ дневникъ Н. И. Цылова 1863—1864 гдѣ, между прочимъ, приведены стихотворенія Тютчева и кн. Вязем

скаго, направленныя противъ петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, кн. Суворова за то, что онъ отказался подписать свое имя подъ хвалебнымъ письмомъ М. Н. Муравьеву, и назвалъ его „людоѣдомъ".

Кн. Вяземскій писалъ:

„Да, князь, поэтъ нашъ правъ, навѣрно вашимъ дѣдомъ
Было бы скрѣплено письмо друзей къ тому,
Котораго вы, князь, честите людоѣдомъ
За то, что онъ казнилъ по долгу своему".

Въ дальнѣйшихъ строфахъ попадаются такіе перлы истинно-русскаго патріотизма:

„Немного толку въ томъ, кто вмѣстѣ съ крикунами
Готовъ порочить всѣхъ лишь болтовней пустой;
Кричать немудрено, а мудрено дѣлами
Такъ править хорошо, какъ Муравьевъ Литвой!"

Далѣе, читатель остановитъ вниманіе на письмахъ къ братьямъ Мухановымъ (20-ые и 30-ые годы), на письмахъ къ Раевскимъ, на любопытномъ „дѣлѣ о колокольчикѣ" 1859 г., на придворномъ отчетѣ за 1814 г. и др. Еще разъ приходится пожалѣть, что выпуски такого цѣннаго изданія, какимъ является Щукинскій „Сборникъ", не сопровождаются ни указателями, ни примѣчаніями руководящаго свойства, что̀ затрудняетъ пользованіе ими для справочныхъ цѣлей.

II.

— Эптонъ Синклеръ. „Чаща" (The Jungle). Американскій романъ. Книгоиздательство В. К. Шнеуръ. Спб. 1906.
— Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1906 г. Книга XI. Спб. 1906.

Нельзя пройти молчаніемъ появленіе въ печати отдѣльной книгой романа Синклера, предложеннаго читателямъ нашего журнала (августъ—ноябрь) подъ заглавіемъ „Дебри", болѣе соотвѣтствующимъ содержанію романа.

Книга Синклера имѣла громадный успѣхъ въ Америкѣ и Западной Европѣ. Она интересна также и для русскаго читателя—не своими художественными достоинствами, но той соціальной своей стороной, которая сдѣлала его въ Америкѣ своего рода обвинительнымъ актомъ противъ одного изъ наиболѣе чудовищныхъ порожденій современнаго капитализма—такъ-называемаго „мясного трёста"; достаточно сказать, что факты, обнародованные въ этомъ романѣ, вызвали обращеніе президента къ конгрессу.

Въ художественномъ отношеніи роману вредитъ прежде всего его

растянутость, что̀ и заставило многихъ издателей выпускать его преимущественно въ сокращенномъ видѣ, сосредоточивая главное вниманіе читателя на общественномъ элементѣ книги. Но романъ такъ современенъ по своему соціальному характеру, что появленіе его на русскомъ языкѣ должно привлечь къ нему вниманіе читателей, въ ихъ напряженномъ интересѣ ко всему, что уясняетъ положеніе рабочаго класса въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ.

Книга Синклера полна ужасными описаніями, и изображенія, которыя даетъ авторъ, отличаются тѣми признаками точности, которые сдѣлали бы честь его творческой изобрѣтательности, еслибы онъ захотѣлъ пренебречь бившими въ глаза конкретными фактами и придать своему воображенію такое своеобразное направленіе.

Труженики на фабрикѣ Дургема должны были дорожить работой, сознавая, что ею они приносятъ вредъ и себѣ, и другимъ! И никакое усердіе не могло ихъ спасти отъ униженія, позора и, въ концѣ концовъ, нищеты. Изрѣдка они утѣшали себя мечтами, что настанетъ время, когда они поднимутся на „пэкеровъ“ и отомстятъ за себя. Но это было плохое утѣшеніе: день мести не приближался къ нимъ, а между тѣмъ они гибли, обездоленные, лишенные родины и всего, что̀ для людей въ ихъ положеніи является дорогимъ и святымъ. И гнетущее впечатлѣніе книги Синклера влечетъ за собой не одну пассивную жалость, но и горячій протестъ, глубокое возмущеніе общественнаго чувства во имя человѣчности и прогресса.

Невольно хочется сопоставить съ фактами, взятыми изъ книги Синклера, впечатлѣнія писателя, которому лучше, чѣмъ кому-либо, знакомы отрицательныя стороны рабскаго труда. Мы говоримъ о „Городѣ „Желтаго Дьявола“ Горькаго, помѣщенномъ въ одиннадцатомъ сборникѣ товарищества „Знаніе“. Въ очеркѣ этомъ авторъ разсказываетъ о томъ, что̀ онъ пережилъ и перечувствовалъ въ Америкѣ, этой странѣ „Желтаго Дьявола“, — золота. Америка всегда рисовалась эмигрантамъ страной труда и свободы, и смыслъ этихъ словъ имѣлъ особое обаяніе для русскихъ людей, устремлявшихся къ ней, какъ къ миражу гражданской независимости и высшихъ проявленій человѣческаго достоинства. Горькій разрушаетъ иллюзію съ другой стороны, чѣмъ Синклеръ. Онъ бросаетъ на Америку взглядъ съ птичьяго полета. Онъ оцѣниваетъ ее со стороны непосредственнаго чувства, онъ отрицаетъ ее съ высоты творческаго индивидуализма. Онъ смотритъ на нее глазами художника - импрессіониста, и окрашиваетъ все господствующими тонами своего личнаго настроенія.

„... Надъ землей и океаномъ висѣлъ сѣрый туманъ, густо смѣшанный съ дымомъ, мелкій дождь лѣниво падалъ на темныя зданія города и мутную воду залива...

„У бортовъ парохода собрались эмигранты. Молча и серьезно они смотрѣли на все пытливыми глазами надеждъ и опасенія, страха и радости.

— Это кто?—тихо спросила дѣвушка-полька, изумленно указывая на статую Свободы.

„Люди долго молчали, какъ бы не рѣшаясь отвѣтить. Потомъ раздались два слова:

— Американскій богъ...“

Этотъ богъ—жестокій несправедливый богъ, какъ тѣ боги, которые, вмѣстѣ съ паденіемъ владычества Монтезумы, скромно размѣстились по музеямъ, а въ былое время требовали страшныхъ человѣческихъ жертвъ и улыбались только страданіямъ и смерти. И современный американскій богъ кажется Горькому олицетвореніемъ того же чудовища съ огромной челюстью и черными зубами. „Онъ дышитъ въ небо тучами дыма и сопитъ, какъ обжора, страдающій ожирѣніемъ“.

„Войдя въ него (въ городъ), чувствуешь, что ты попалъ въ желудокъ изъ камня и желѣза; въ желудокъ, который проглотилъ нѣсколько милліоновъ людей и растираетъ, переваривая ихъ. И жадно ждетъ еще, еще...

„Улица—скользкое, алчное горло, по нему куда-то вглубь плывутъ темные куски пищи города, живые люди. Вездѣ—надъ головою и подъ ногами, и рядомъ съ тобой живетъ, грохочетъ, торжествуя свои побѣды, темное желѣзо. Вызванное къ жизни силой золота, одушевленное имъ, оно окружаетъ человѣка своей крѣпкой паутиной, глушитъ его, сосетъ кровь и мозгъ, оно пожираетъ его мускулы и нервы и растетъ, и растетъ, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая свои цѣпи“...

И Горькому кажется, что люди, которые строили огромный американскій городъ, строили для себя тѣсную и душную тюрьму. Они только не понимаютъ этого и воображаютъ въ своемъ самомнѣніи, что они-то и являются настоящими хозяевами своей судьбы. Порою они имѣютъ видъ людей, носящихъ въ себѣ сознаніе своей независимости, но на самомъ дѣлѣ—это ли независимость?—они являются жалкой и слѣпой игрушкой въ рукахъ злой силы, истощающей всѣ лучшіе соки ихъ мозга и сердца, и спокойствіе ихъ становится спокойствіемъ мертвеца. Свобода внутренная, свобода духа не свѣтится въ ихъ глазахъ, а безъ нея—независимость превращается въ жалкую пародію. „Я впервые вижу такой чудовищный городъ, — говоритъ Горькій,—и никогда еще люди не казались мнѣ такъ ничтожны, такъ порабощены жизнью. И въ то же время я нигдѣ не встрѣчалъ ихъ такими трагикомически-довольными собой, каковы они въ этомъ жад-

номъ и грязномъ желудкѣ обжоры, который впалъ отъ жадности въ идіотизмъ, и съ дикимъ ревомъ скота пожираетъ мозги и нервы..."

Изображеніе мало утѣшительное, но все же не столь ужасное, какъ то, о чемъ разсказываетъ Синклеръ. Конечно, отчего же не совершить путешествіе по „воздушной дорогѣ" писательскаго воображенія и не представить, однимъ усиліемъ мысли, жизнь милліоновъ человѣческихъ существъ въ видѣ колоссальнаго желудка—обжоры? Съ этой точки зрѣнія можно и весь земной шаръ, со всѣмъ, что̀ есть на немъ живого, сравнить съ лимбургскимъ сыромъ, въ которомъ кишатъ милліоны существъ, порождая и истребляя другъ друга. Одного картиннаго сопоставленія мало для того, чтобы почеркомъ пера потушить тѣ два грандіозныхъ маяка—труда и свободы,—которые такъ настоятельно притягиваютъ вниманіе Стараго Свѣта: и пессимизмъ Горькаго разступается передъ ними, какъ осенняя мгла. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Америкѣ, какъ и въ цѣломъ мірѣ, нѣтъ свободы внутренней, что̀ является дѣломъ чисто индивидуальнымъ, за то есть свобода внѣшняя, по крайней мѣрѣ та степень ея, которой могутъ похвастать далеко не всѣ народы. Если тамъ трудъ дурно организованъ въ однихъ мѣстахъ, то объ его лучшей организаціи заботятся—въ другихъ; если онъ не обезпечиваетъ всѣхъ, то стремится обезпечить многихъ, и наконецъ... несовершенно не только тамъ, гдѣ кипитъ, „точно супъ на плитѣ", лихорадочная жизнь большого американскаго города, но и тамъ, гдѣ много полей, о которыхъ тоскуетъ Горькій, и гдѣ — „блеститъ луна, есть воздухъ и тихій покой"... И странно, въ странѣ равнинъ и полей, Горькій поэтизировалъ борьбу, праву сильнаго отдавалъ перевѣсъ надъ всѣми другими правами, въ безпріютной нищетѣ босяческаго прозябанія видѣлъ символы и даже идеалы свободы; здѣсь же, въ центрѣ самой кипучей борьбы, въ мірѣ сбывающихся и гибнущихъ иллюзій, гдѣ одинаковое право на добычу получаетъ и человѣческій геній, и зубы хищнаго звѣря—Горькій какъ бы отрекается отъ себя и въ художнической растерянности, вмѣсто свойственныхъ ему сильныхъ и яркихъ контуровъ, онъ даетъ сплошной фонъ субъективнаго настроенія. Слишкомъ много Горькаго, и слишкомъ мало Америки—таково впечатлѣніе читателя.

Живой человѣкъ у Горькаго здѣсь—съ одной стороны художникъ, а съ другой—непремѣнно разрушитель.

„Живому человѣку, который мыслитъ, который создаетъ въ своемъ мозгу мечты, картины, образы, всегда родитъ желанія, тоскуетъ, хочетъ, отрицаетъ, ждетъ—живому человѣку этотъ дикій вой, визгъ, ревъ, эта дрожь камня стѣнъ, трусливый дребезгъ стеколъ въ окнахъ—все это ему мѣшало бы. И, возмущенный помѣхой жизни, онъ вышелъ бы изъ дома и сломалъ, разрушилъ эту мерзость—„воздушную

дорогу", онъ заставилъ бы замолчать нахальный вой желѣза: онъ — хозяинъ жизни, жизнь—для него, и все, что̀ ему мѣшаетъ жить—должно быть уничтожено...

„Люди въ домахъ города Желтаго Дьявола—спокойно переносятъ все, что̀ убиваетъ въ нихъ человѣка и дѣлаетъ изъ нихъ скотовъ".

Нѣтъ, разрушать „воздушную дорогу", какъ и все, что̀ создано геніемъ человѣческимъ, трудомъ и муками, настоящій живой и мыслящій человѣкъ не станетъ. Это было бы безсмысленное разрушеніе, и оно не уничтожило бы зла. Зло не въ томъ, что̀ уже добыто какою бы то ни было цѣною,—и человѣчество этого никогда не отдастъ обратно разрушительнымъ стихіямъ,—зло въ тѣхъ условіяхъ, которыя обезпечиваютъ существованіе и развитіе инстинктовъ порабощенія и наживы. Въ борьбѣ съ ними дѣйствительна только одна сила—сила живительной и проникнутой любовью мысли. Она одна, медленно, но неотступно измѣняетъ среду, въ которой дѣйствуютъ завѣщанные зоологическимъ прошлымъ человѣчества соціальные навыки, она одна, отбрасывая старыя ткани, освѣжаетъ стволъ жизни новыми соками и, какъ весна, одѣваетъ иззябшія деревья новой листвой, вызываетъ новые побѣги...

И революція не есть разрушеніе par excellence, но только замѣна, въ которой разрушительный элементъ занимаетъ подчиненное положеніе. Но въ литературѣ нашей ко всему разрушительному большой порывъ, мы сказали бы даже—мода, еслибы за этимъ не скрывалось страстной и чисто русской тоски о лучшей жизни. Эта тоска звучитъ теперь въ каждомъ словѣ, написанномъ человѣкомъ съ темпераментомъ и талантомъ. Чувствуется она и у Горькаго, какія бы Америки ни открывалъ онъ и какія бы воздушныя дороги ни собирался разрушать. И протестъ его—чисто русскій протестъ противъ всего, что̀ превращаетъ живую, свободную, смѣлую жизнь въ стоячее болото съ плѣсенью и тиной, и въ этомъ протестѣ столько измученнаго, наболѣвшаго, тревожно-близкаго каждой русской душѣ, что глубина этого чувства положительно захватываетъ, втягиваетъ и топитъ въ себѣ всѣ отдѣльно взятыя мысли и мнѣнія автора.

Это же чувство жгучей тоски и протеста осмысливаетъ и послѣднюю пьесу Л. Андреева, помѣщенную въ томъ же сборникѣ „Знанія",—„Савва". Сдѣлать это чувство общечеловѣческимъ, оторвавъ его отъ русской почвы,—значило бы уничтожить всю пьесу. Написать ее нѣсколько лѣтъ раньше—было бы невозможно, читать ее черезъ нѣсколько лѣтъ—будетъ, вѣроятно, весьма утомительно. Она проникнута настроеніемъ нашихъ дней, полна отчаяніемъ и болью. Только бы разрушить, только бы уничтожить, во имя чего-то лучшаго, новаго, иного, чѣмъ то, что̀ было вчера, что̀ есть сегодня, только бы разомъ

смести съ земли все, что̀ мѣшаетъ явиться на ней „новому человѣку“, а тамъ... будь, что̀ будетъ. Жизнь слишкомъ коротка, и тратить ее на диспуты „съ баранами“ не стоитъ... „Огнемъ ихъ надо! Огнемъ! Пусть надолго запомнятъ день, когда пришелъ на землю Савва Тропининъ“... „Чего хочу?—Освободить землю. Освободить мысль! Освободить человѣка и уничтожить всю эту двуногую, болтающую тварь! Онъ, теперешній, умный, онъ уже готовъ для свободы, но прошлое ѣстъ его душу, какъ короста, замыкаетъ его жизнь въ желѣзный кругъ совершившагося, фактовъ. Факты я хочу уничтожить, факты! Сломать тюрьму, въ которую запрятаны идеи, и дать имъ крылья, и открыть имъ новый, великій невѣдомый просторъ. Въ огнѣ и громѣ перейти хочу я міровую грань!“

Это чувство нестерпимой боли и безумной тоски. Приступать къ нему съ логическимъ анализомъ безполезно: здѣсь и ненависть къ прошлому, и „онъ *уже*“ (т.-е. сталъ въ прошломъ) готовъ для свободы“; онъ, „теперешній“,—умный, а они, еще вчерашніе,—бараны, и потому огнемъ—и ихъ, и прошлое, и факты! Но „ихъ“ пока еще и огонь не беретъ,—отсюда отчаяніе, и скорбь, и любовь, и ненависть—до неистовства, до безумія. И сколько же ужасовъ, и страданій, и вражды должно быть разлито на той несчастной землѣ, которая дѣлаетъ заразительнымъ и понятнымъ это въ существѣ своемъ дикое чувство мести и разрушенія!

Но того зла, которымъ отравлена жизнь, не можетъ вытравить даже огонь, и не ясно ли, что для борьбы съ нимъ нужны другія, менѣе разрушительныя, но болѣе дѣйствительныя средства...—Евг. Л.

III.

— Матеріалы для исторіи нравственной и экономической культуры XIX вѣка.—Изслѣдованіе Ю. Г. Жуковскаго.—Деньги и Банки. Спб. 1906 г. Ц. 2 р.—Населеніе и земледѣліе. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к

Старшему поколѣнію русскихъ читателей хорошо извѣстно имя автора выше названныхъ сочиненій—виднаго сотрудника „Современника“ 60-хъ годовъ, редактора недолго существовавшаго тогда же журнала „Современное Обозрѣніе“ и автора сочиненія „Политическая литература XIX вѣка“, оставшагося незаконченнымъ. Съ 70-хъ годовъ имя автора исчезаетъ со страницъ печатныхъ литературныхъ произведеній, и черезъ нѣкоторое время появляется на кредитныхъ бумажкахъ, въ качествѣ подписи управляющаго русскимъ государственнымъ банкомъ. Послѣ тридцатилѣтняго слишкомъ перерыва Ю. Г. Жуковскій возвращается къ литературной дѣятельности и

даже замышляетъ громадный трудъ: исторію нравственной и экономической культуры XIX-го вѣка, идея котораго занимала его еще въ начальный періодъ его литературной дѣятельности. Скоро, однако, авторъ призналъ непосильность для себя этой задачи и ограничился собраніемъ „матеріаловъ для монографій по отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся даннаго предмета". Означенныя монографіи не лишены, впрочемъ, внутренней связи по самому своему предмету и обнимаютъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія его стороны, „отъ общихъ основъ нравственной культуры до отдѣльныхъ сторонъ матеріальной культуры, земледѣлія, промышленности, денежнаго хозяйства и банковъ". Авторъ предупреждаетъ, что направленіе и способъ изложенія, которыхъ онъ будетъ держаться въ своихъ новыхъ произведеніяхъ, остались тѣ же, что были раньше. Трудно допустить, чтобы въ промежутокъ времени чуть не въ полстолѣтіе, раздѣляющій старые и новые труды Ю. Г. Жуковскаго, не было внесено существенныхъ измѣненій въ пониманіе нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ процесса соціальной эволюціи, и намъ представляется немотивированной самоувѣренностью заявленіе автора, что „если его прежніе взгляды и методъ изложенія и не совсѣмъ отвѣчаютъ вкусу читателя, который могла воспитать въ нихъ какъ передовая, такъ и не передовая печать за послѣднюю половину столѣтія, то въ оправданіе свое долженъ сказать, что одна страстность и увлеченіе политическими сказками еще не воспитываютъ серьезныхъ и взрослыхъ гражданъ. „Какъ бы ни баловался ребенокъ, но наступаетъ моментъ для всякаго, когда отъ занимающихъ воображеніе повѣствованій и веселящихъ шутокъ его сажаютъ за скучный букварь, съ котораго только начинается для него періодъ грамотности". Мы опасаемся, что пренебрежительное отношеніе г. Жуковскаго къ огромной русской экономической литературѣ цѣлаго полустолѣтія было результатомъ его малаго знакомства съ нею, и это обстоятельство не можетъ, конечно, не отразиться на достоинствѣ его собственныхъ трудовъ. Такое опасеніе, какъ увидимъ ниже, не напрасно. Еще менѣе умѣстны (особенно для бывшаго сотрудника „Современника"), но уже съ другой точки зрѣнія, шовинистскія выходки по адресу нѣмецкаго народа, съ столь характернымъ для нѣкоторыхъ слоевъ приплетеніемъ къ дѣлу „еврейской расы": видно, долговременное пребываніе въ извѣстной средѣ ни для кого не проходитъ безслѣдно!

По случайнымъ причинамъ авторъ начинаетъ свой трудъ съ монографіи о деньгахъ и банкахъ, мѣсто которой—при систематическомъ изложеніи предмета—далеко впереди. Такъ какъ эта тема, къ тому же, довольно спеціальна, то, лишь упомянувъ о первомъ выпускѣ изданія, мы перейдемъ ко второй книгѣ г. Жуковскаго, посвященной вопросамъ о населеніи и земледѣліи.

Г-нъ Жуковскій, подобно множеству другихъ изслѣдователей, держится мнѣнія, что причина соціальнаго прогресса заключается въ размноженіи населенія, что „всѣми измѣненіями въ образѣ жизни людей, въ развитіи ихъ бытовой культуры, руководила одна величина—высота населенности, отношеніе величины населенія къ территоріи“ (стр. 62). Когда это отношеніе переходитъ опредѣленныя границы, и общество начинаетъ испытывать нужду, тогда ему предстоитъ „или найти въ изобрѣтательности выходъ изъ затруднительнаго положенія, или сбывать избытокъ населенія на сторону“ (стр. 2). Націи, способныя къ прогрессу, обыкновенно примѣняютъ оба средства; онѣ „съ одной стороны, работаютъ надъ обогащеніемъ своей культуры новыми изобрѣтеніями, съ другой — надъ распространеніемъ той же культуры черезъ колонизацію“ (стр. 4). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о насильственныхъ и мирныхъ способахъ послѣдней, мы перейдемъ къ болѣе интересному предмету—о размѣщеніи и самого населенія, и его культуры, какъ результатѣ указанныхъ выше процессовъ прогрессивнаго развитія общества. Авторъ полагаетъ, что общимъ закономъ этого размѣщенія служитъ законъ Тюнена, выведенный для уединеннаго государства. Тюненъ „доказалъ ариѳметическимъ расчетомъ“, что въ такомъ государствѣ, при наличности центральнаго пункта, служащаго рынкомъ, „населеніе будетъ селиться концентрическими районами, населенность которыхъ будетъ убывать по мѣрѣ удаленія ихъ отъ центра. Но онъ не указалъ, что то, что онъ вывелъ для уединеннаго государства, составляло уже тогда общій законъ распредѣленія населенія въ системѣ государствъ, какую представляетъ Европа“ (стр. 31). Этому же закону слѣдуетъ и размѣщеніе матеріальной культуры, въ томъ числѣ и главнаго промысла человѣчества—производства пищи или, точнѣе, сельскаго хозяйства. Въ ближайшихъ къ центру районахъ развиваются болѣе интенсивныя, а въ отдаленныхъ—болѣе экстенсивныя системы послѣдняго. Тотъ же законъ Тюнена—переходъ отъ экстенсивныхъ къ интенсивнымъ системамъ хозяйства—примѣняется и къ историческому развитію прогрессирующихъ обществъ. Выяснивъ это на примѣрѣ Англіи, авторъ переходитъ „къ разсмотрѣнію того положенія, въ какое приведено было земледѣліе въ XIX-мъ столѣтіи какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ“ (стр. 88). Послѣдуемъ въ этомъ за авторомъ, замѣтивъ предварительно, что важный вопросъ о распредѣленіи населенія между городомъ и деревней авторъ, нужно полагать, разсмотритъ въ монографіи о промышленности.

Авторъ видитъ лишь одну главную задачу сельскаго хозяйства—производство растительныхъ пищевыхъ продуктовъ—и игнорируетъ фактъ перемѣщенія центра тяжести европейскаго земледѣлія съ культуры зерна на животноводство. Съ точки зрѣнія добыванія хлѣба онъ

оцѣниваетъ и положеніе сельскаго хозяйства въ различныхъ государствахъ. Наблюдая фактъ недостатка внутренняго производства хлѣба для пропитанія населенія главнѣйшихъ европейскихъ странъ, онъ видитъ въ этомъ послѣдствіе низкаго состоянія земледѣлія, причина котораго заключается въ паденіи цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе появленія на европейскихъ рынкахъ зерна, выбрасываемаго заатлантическими странами. Низкая цѣна зерна „задерживаетъ развитіе земледѣлія и удерживаетъ старыя формы хозяйства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ не успѣли переродиться. Удешевленный хлѣбъ можетъ сократить до минимума земледѣліе на Западѣ Европы" (стр. 102). „Каждый разъ, съ пониженіемъ цѣны хлѣба, мѣстное земледѣліе должно считаться съ ними и поступаться высшими системами, упраздняя ихъ въ пользу низшихъ". „Не усложнять мѣстное земледѣліе, а удешевлять его—такова задача, которую поставилъ на очередь конецъ XIX вѣка и съ которой, такъ или иначе, придется бороться двадцатому" (стр. 103). Дѣйствительность, однако, не слѣдуетъ рецепту автора. Только Англія сокращаетъ посѣвы и обращаетъ поля въ пастбища. Германія же „ничего не сдѣлала для того, чтобы подготовить себя къ предстоящему кризису". Всѣ ея усилія „направлены въ одну точку, къ развитію интенсивной обработки — туда именно, куда не должны были допустить ее цѣны" (стр. 111). „Вмѣсто сокращенія посѣвовъ, Германія ихъ еще увеличиваетъ. Это автору представляется „совершенно непонятнымъ, и единственнымъ правильнымъ дѣйствіемъ было бы послѣдовать примѣру Англіи, т.-е. уступка силѣ вещей, перестройка аграрныхъ отношеній и, конечно, сокращеніе запашекъ, а не ихъ увеличеніе" (стр. 117). Какъ видитъ читатель, авторъ совершенно пренебрегаетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что еще болѣе, чѣмъ культуру пищевыхъ хлѣбовъ, Германія расширяетъ область животноводства, и что къ преимущественному развитію скотоводства стремятся всѣ густо населенныя страны Европы, какъ потому, что цѣны соотвѣтствующихъ продуктовъ отличаются устойчивостью, такъ и по той причинѣ, что уходъ за скотомъ дозволяетъ производительное примѣненіе труда земледѣльца въ теченіе цѣлаго года, между тѣмъ какъ добываніе хлѣба даетъ занятіе земледѣльцу лишь въ теченіе лѣтняго полугодія. Авторъ стоитъ, слѣдовательно, еще на точкѣ зрѣнія того момента въ развитіи сельскаго хозяйства, когда скотъ игралъ роль, главнымъ образомъ, образователя удобренія. Еслибы земледѣлецъ могъ лучше сохранять и утилизировать удобрительныя средства,—прямо заявляетъ онъ на стр. 125-ой своего труда,—то „теряющаяся нынѣ часть удобренія возвращалась бы снова на поля, слѣдовательно количество производимаго въ хозяйствѣ навоза могло уменьшиться, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и количество скота и кормовыхъ полей, на счетъ которыхъ могло бы увеличиться пространство посѣвовъ".

Пребывая на той точкѣ зрѣнія, что задача сельскаго хозяйства заключается въ производствѣ хлѣба, и видя еще большія площади нетронутыхъ земель, которымъ предстоитъ въ свою очередь засыпать Европу дешевымъ зерномъ, Ю. Г. Жуковскій высказываетъ заключеніе, что наличность кризиса сельскаго хозяйства „или, по крайней мѣрѣ, его начало несомнѣнно, если только общая продолжительная война не отдалитъ его наступленіе" (стр. 116). Правда, сельское хозяйство Европы можетъ выйти изъ затруднительнаго положенія, удешевивъ производство хлѣба, и авторъ дѣлаетъ экскурсію въ область агрономіи съ цѣлью узнать, „какія есть для этого средства въ распоряженіи земледѣлія" (стр. 118). Экскурсія эта, однако, не привела ни къ чему опредѣленному, и правильному освѣщенію авторомъ этого вопроса мѣшаетъ, по нашему мнѣнію, неясное представленіе его о томъ положеніи сельско-хозяйственной экономіи, согласно которому „чѣмъ интенсивнѣе система, тѣмъ дороже обходится въ ней производство единицы хлѣба при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ" (стр. 130). Авторъ допускаетъ здѣсь „лишь временныя отступленія, временные подъемы производительности до извѣстнаго предѣла, за которымъ должно наступить окончательное паденіе" (стр. 131). Нѣсколько позже авторъ произноситъ, впрочемъ, болѣе благопріятное сужденіе о судьбѣ европейскаго сельскаго хозяйства, полагая, что „оно можетъ увидѣть еще болѣе веселые дни, и недостатокъ предложеній, если два такіе поставщика, какъ Россія и Соединенные Штаты, сократятъ свой ввозъ" (стр. 142). Въ заключеніе авторъ рекомендуетъ реорганизацію современнаго землепользованія въ направленіи образованія хозяйственныхъ участковъ средняго размѣра, какъ допускающихъ болѣе производительное употребленіе средствъ производства.

Ту же самую мысль объ угнетеніи сельскаго хозяйства дешевымъ заатлантическимъ хлѣбомъ Ю. Г. Жуковскій примѣняетъ и къ объясненію упадка помѣщичьяго хозяйства въ центральной и восточной полосахъ Россіи, наиболѣе удаленныхъ отъ внѣшнихъ рынковъ и имѣющихъ поэтому наиболѣе низкія цѣны зерна. „Наше владѣльческое хозяйство подмыла та же волна заокеанскаго хлѣба, которая стала угнетать и западныя" (стр. 171). Говорятъ о возвышеніи интенсивности земледѣлія, какъ средствѣ бороться съ низкими цѣнами хлѣба. Но „улучшеніе культуры и кредитъ—хорошія вещи только въ томъ случаѣ, если улучшеніе культуры оправдывается цѣнами продукта. Но если цѣны на хлѣбъ недостаточны, то заведеніе паровыхъ плуговъ, производство дренажа и введеніе высшихъ системъ полеводства можетъ только окончательно разорить хозяевъ" (стр. 171). Въ даль

нѣйшемъ, однако, оказывается, что, „при нашемъ положеніи вещей, даже нельзя говорить съ полною увѣренностью о безусловной невыгодности хозяйства при настоящихъ цѣнахъ“ (стр. 186), и новые хозяева, не считающіе низкую заработную плату и, слѣдовательно, плохую работу батрака—выгоднымъ для себя обстоятельствомъ, могутъ вывести Россію на болѣе удобный путь. „Естественный выходъ для нашего земледѣлія изъ его затруднительнаго положенія, повидимому, и можетъ заключаться въ образованіи новаго разряда хозяевъ-арендаторовъ и въ преобразованіи помѣстныхъ владѣльческихъ хозяйствъ въ арендныя хозяйства средняго размѣра“ (стр. 187). Что касается русскаго крестьянскаго хозяйства, то нужно „прежде всего освободить крестьянское земледѣліе отъ лишнихъ угнетающихъ его рукъ“ (стр. 190). „Нужно, чтобы, по крайней мѣрѣ, населеніе сѣверной полосы вышло изъ положенія земледѣльцевъ и стало промышленнымъ“ (стр. 192). А для этого крестьянское населеніе должно предъявлять большой спросъ на продукты промышленности и съумѣть прокормить обширный промышленный классъ. „Очевидно, что этого можно достигнуть только улучшая культуру“ (стр. 195). Опытъ западной Европы показываетъ, что „улучшеніе культуры сопровождалось приведеніемъ хозяйственной единицы къ среднему размѣру, какъ наиболѣе производительному. Если же устройство земледѣлія требуетъ высшихъ способовъ культуры, а послѣдніе—и соотвѣтствующей по размѣру хозяйственной единицы, то нечего медлить и съ соотвѣтствующими мѣрами“ (стр. 196). Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса заключается во введеніи того самаго интенсивнаго хозяйства, раціональность котораго многократно подвергалась сомнѣнію на протяженіи всего труда почтеннаго писателя.

Читатель видитъ, что взгляды Ю. Г. Жуковскаго на эволюцію сельскаго хозяйства не приведены, такъ сказать, къ одному знаменателю, и одна изъ причинъ сказаннаго заключается въ слабомъ знакомствѣ автора съ современной не только русской, какъ мы предполагали въ началѣ, но и съ иностранной экономической литературой. Это незнакомство помѣшало ему, какъ мы видѣли, оцѣнить значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ животноводства; оно же мѣшаетъ ему справиться съ закономъ убывающаго плодородія земли, безъ яснаго пониманія котораго невозможна и оцѣнка современнаго состоянія и будущей судьбы сельскаго хозяйства. Неполное знакомство съ литературой служитъ причиною также устарѣлости многихъ статистическихъ данныхъ автора и неправильнаго ихъ пониманія. Наглядным выраженіемъ малаго знакомства Ю. Г. Жуковскаго съ литературой „послѣдняго полустолѣтія“ косвенно служитъ, напр., тотъ фактъ, что въ К. Марксѣ онъ усмотрѣлъ лишь „нѣмецкаго эмигранта изъ евреевъ“,

а не замѣчательнаго ученаго и мыслителя; и прямо—его заявленіе, что всѣ извѣстные ему „реформаторы" нашего крестьянскаго быта смотрятъ на аграрный вопросъ лишь какъ на вопросъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, и не помышляютъ о поднятіи культуры крестьянскихъ полей. Быть можетъ, ограниченность литературнаго матеріала, находящагося въ распоряженіи автора, служитъ причиною отсутствія въ книгахъ г. Жуковскаго точныхъ ссылокъ на источники, вмѣсто которыхъ фигурируютъ имена авторовъ соотвѣтствующихъ трудовъ, а иногда и указанія вродѣ—„извѣстная книга московскаго общества сельскаго хозяйства". Надѣемся, что въ дальнѣйшихъ трудахъ почтеннаго автора эти недостатки, по возможности, будутъ упразднены.

IV.

— Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.

Историческія явленія раньше всего стали изучаться съ политической и культурной стороны. Экономическая же жизнь народа, равно какъ и финансовое состояніе государства прошлыхъ временъ, обратили на себя вниманіе изслѣдователей позже. Соотвѣтственно сказанному и исторія государственнаго хозяйства Россіи разработана еще далеко не достаточно. До послѣднихъ временъ трудно даже было указать на спеціальное, сколько-нибудь обширное изслѣдованіе этого предмета, и лишь капитальными трудами гг. Лаппо-Данилевскаго о прямомъ обложеніи въ семнадцатомъ вѣкѣ, и П. Н. Милюкова о государственномъ хозяйствѣ въ началѣ восемнадцатаго вѣка, вышедшихъ въ свѣтъ въ началѣ истекшаго десятилѣтія, открывается періодъ обстоятельныхъ спеціальныхъ изслѣдованій даннаго вопроса. Третье спеціальное изслѣдованіе въ области исторіи русскихъ финансовъ, посвященное финансамъ въ царствованіе Екатерины II, только-что вышло въ свѣтъ и указано въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Называя новый трудъ г. Чечулина—вслѣдъ за сочиненіями гг. Лаппо-Данилевскаго и Милюкова, мы не думаемъ сравнивать эти работы по ихъ значенію. Работа г. Чечулина уже тѣмъ отличается отъ сочиненій вышеназванныхъ ученыхъ, что она основана главнымъ образомъ на печатныхъ матеріалахъ и не можетъ, поэтому, обогатить науку новыми данными крупнаго значенія, и тѣ факты, которые устанавливаются въ этой работѣ самъ авторъ считаетъ новыми „не въ смыслѣ какихъ-либо открытій а въ смыслѣ точности и опредѣленности". Задачей автора было, кромѣ того, не всестороннее и по возможности законченное изслѣдованіе финансовъ Россіи въ царствованіе Екатерины II,—онъ предпринялъ

лишь подготовительную работу къ такому изслѣдованію, „точнѣе даже—часть ея“, предполагая продолжать изученіе данной эпохи и, быть можетъ, выяснить ее вполнѣ, связавъ финансовую политику государства съ экономическою дѣятельностью народа.

Въ „Очеркахъ по исторіи финансовъ“ Н. Д. Чечулинъ разсматриваетъ исторію высшаго управленія финансами Россіи отъ начала восемнадцатаго вѣка до учрежденія министерствъ, иллюстрируя свои заключенія, основанныя на юридическихъ актахъ, нѣкоторыми интересными фактами, извлеченными изъ архивныхъ документовъ, и изслѣдуетъ положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ въ царствованіе Екатерины. Три четверти книги посвящены этому второму вопросу. Авторъ разсматриваетъ возникновеніе различныхъ сборовъ, ихъ измѣненіе во времени, порядокъ ихъ собиранія и суммы, доставляемыя ими государству. Менѣе подробно разсматриваются расходы государства. Но въ той и другой части главное вниманіе авторъ обращаетъ на установленіе болѣе или менѣе точныхъ цифръ доходовъ и расходовъ за каждый годъ царствованія, съ подраздѣленіемъ тѣхъ и другихъ по крупнымъ статьямъ. Современному читателю покажется странной такая забота объ установленіи суммы ежегодныхъ доходовъ государства, потому что онъ самъ получаетъ теперь эти цифры безъ всякаго труда въ отчетахъ государственнаго контроля. Но въ томъ прошломъ, которое составляетъ предметъ изслѣдованія г. Чечулина, не существовало ни публикаціи государственныхъ доходовъ и расходовъ, ни правильнаго ихъ сведенія въ росписи и исполненія смѣтъ, и точныя данныя о доходахъ и расходахъ врядъ ли были тогда извѣстны самому правительству.

Дѣло въ томъ, что въ прежнія времена не существовало ни министерства финансовъ, вѣдающаго всѣ доходы и расходы, ни контрольнаго вѣдомства, слѣдящаго за выполненіемъ тѣхъ и другихъ. Были лишь зачатки такихъ учрежденій, дѣйствовавшіе крайне несовершенно. Въ прежнее время государственные доходы не сосредоточивались въ опредѣленныхъ учрежденіяхъ съ тѣмъ, чтобы распредѣляться потомъ по различнымъ статьямъ государственныхъ расходовъ. Въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка у насъ сохранялась такъ называемая спеціализація доходовъ, т.-е. отнесеніе даннаго расхода на опредѣленную доходную статью. Такъ, сухопутная армія содержалась на доходы отъ подушной подати, флотъ—на таможенные и питейные сборы, и т. д. Соотвѣтственно этому, сборъ разнаго рода доходовъ и завѣдываніе ими находились во многихъ рукахъ. „Въ теченіе всего 18-го столѣтія финансы въ Россіи вѣдались одновременно нѣсколькими, совершенно самостоятельными учрежденіями“. Но, кромѣ этихъ главныхъ учрежденій, „въ меньшемъ размѣрѣ самостоятельно соби-

рали и самостоятельно расходовали казенныя деньги едва-ли не всѣ правительственныя мѣста, и полнаго, точнаго отчета о всемъ движеніи государственныхъ суммъ не собиралось ни въ какомъ учрежденіи". Яркой иллюстраціей состоянія государственной отчетности о финансахъ служатъ часто цитируемыя слова Екатерины о первыхъ годахъ ея управленія государствомъ. „По восшествіи моемъ на престолъ сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходовъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали 16 милл. рублей. По прошествіи двухъ лѣтъ, я посадила кн. Вяземскаго и Мельгунова считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписывались разъ по семи съ каждымъ воеводою. Наконецъ, сочли 28 милл.—12 милл. болѣе, нежели сенатъ вѣдалъ". Г. Чечулинъ находитъ, что разнорѣчіе двухъ счетовъ Екатериной преувеличено; „но въ общемъ замѣчаніе императрицы о томъ, что финансовое положеніе было запутано—справедливо; справедливо и указаніе, что приходилось еще только собирать свѣдѣнія о государственныхъ финансахъ, что свѣдѣній этихъ еще не было" (стр. 62).

Въ виду такого состоянія управленія государственнымъ хозяйствомъ Россіи, становятся понятны затрудненія при опредѣленіи суммы государственныхъ доходовъ и расходовъ великой страны, понятна и необходимость производства спеціальнаго изслѣдованія для установленія болѣе или менѣе точной суммы этихъ доходовъ и расходовъ за продолжительный періодъ времени. Нашему автору, напр., такъ и не удалось добыть свѣдѣній о расходахъ за семь лѣтъ царствованія Екатерины. Результаты же изслѣдованія г. Чечулина по данному вопросу представляются въ слѣдующемъ видѣ. Весь бюджетъ въ первый годъ царствованія Екатерины II превышалъ 17 милліоновъ рублей, въ послѣдній годъ онъ достигъ 74 милліоновъ руб.; за 34 года онъ увеличился, слѣдовательно, въ 4,3 раза. Населеніе Россіи увеличилось за это время менѣе чѣмъ вдвое; выходитъ поэтому, „что на пространствѣ 30 лѣтъ съ каждаго плательщика стали взимать въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ платилъ онъ ранѣе. При Петрѣ Великомъ, съ 1701 по 1724 г., бюджетъ возросъ немногимъ менѣе, чѣмъ втрое, а въ теченіе 40 лѣтъ періода 1724—1764 гг.—немногимъ болѣе, чѣмъ вдвое. Принимая во вниманіе приростъ населенія и въ эти періоды, мы видимъ, что лишь податное обремененіе при Петрѣ I можетъ быть сравниваемо съ обремененіемъ его при Екатеринѣ, но и то первое не было выше послѣдняго. Что же касается 1725—1762 гг., а особенно царствованія Елизаветы Петровны, — въ это время правительство требовало отъ подданныхъ несравненно менѣе денежныхъ средствъ" (стр. 379). Кромѣ непосредственнаго обремененія народа, царствованіе Екатерины оставило ему наслѣдіе и для будущихъ жертвъ: и это царствованіе положено основаніе государственному долгу Россіи.

За время управленія Екатерины государство, въ видѣ обыкновенныхъ доходовъ, получило всего около 1,4 милліарда рублей; израсходовало же оно 1,6 милліарда руб., т.-е. на 200 милліоновъ рублей больше. Этотъ излишекъ расходовъ былъ покрытъ выпускомъ ассигнацій на сумму 157 милл. руб., внѣшними займами на сумму 33 милл. рублей. Кромѣ того, осталось неуплаченныхъ казною долговъ на 15 милл. рублей. Обращеніе бумажныхъ денегъ, на ряду съ серебряною и мѣдною монетою, было, конечно, большимъ облегченіемъ для торговыхъ и другихъ оборотовъ. Но что указанная выше сумма выпущенныхъ ассигнацій опредѣлилась не потребностями денежнаго обращенія, а фискальными соображеніями—это краснорѣчиво доказывается тѣмъ фактомъ, что къ концу царствованія Екатерины курсъ ассигнацій упалъ почти на одну треть. Таковы финансовые итоги блестящаго царствованія. Обращаясь еще разъ къ книгѣ г. Чечулина, мы должны замѣтить, что, несмотря на сухость содержанія, она написана легко и читается съ большимъ интересомъ. — В. В.

Въ ноябрѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Ив.—Деревенскіе разсказы. Спб. 907. Ц. 7 к.

Александровскій, А. Н.—Дома и заграницей. Разсказы. Спб. 906. Ц. 50 к.

Алексѣевъ, В. П.—Начало и конецъ самодержавія въ Россіи. М. 906. Ц. 15 к.

Амонъ, А. — Соціализмъ и анархизмъ. Соціологическіе этюды. Съ франц. М. 906. Ц. 50 к.

Атлантикусъ. — Государство будущаго. Производство и потребленіе въ соціальномъ государствѣ. Съ предисловіемъ К. Каутскаго. Съ нѣм. А. Гродзинскій. Спб. 906. Ц. 40 к.

Бахъ, Макс. — Австрія въ первую половину XIX-го вѣка. Съ нѣм. Спб. 906. Ц. 2 р.

Берстрёмъ, Яльмаръ, — Люнггорнъ и К°., ком. въ 4-хъ д. Съ датскаго. А. и П. Ганзенъ. М. 906. Ц. 40 к.

Бухъ-Полтевъ. Н. — Закономѣрность развитія и будущность человѣчества. Механико-экономическая параллель. Харьк. 907. Ц. 30 к.

Быковъ, Б. Ѳ. — Что такое государственная власть. Этюдъ по философіи права. Екатериносл. 906. Ц. 50 к.

Варшавскій, С.— Жизнь и труды первой Государственной Думы. М. 907. Ц. 1 р.

Гартманъ, Эд.—Міровоззрѣніе современной физики. Съ нѣм. С. Контовтъ. Астрах. 906. Ц. 1 р.

Гельгамонъ, І. Б. — Краткая теорія корабля. Перев. Е. В. Стельмаховичъ. Съ 30 рис. и 2 табл. Спб. 907. Ц. 70 к.

Герценъ, А. И.—Движеніе общественной мысли въ Россіи, съ прилож. портрета Г. и статьи „О сельской общинѣ въ Россіи“. Съ франц. М. 907. Ц. 50 к.

Герье, В.—Первая русская Государственная Дума. Политическія воззрѣнія и тактика ея членовъ. М. 906.

Геффдингъ, Г.—Современные философы. Спб. 906. Ц. 50 к.

Граве, О. К.—Женскій вопросъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Грагамъ, В.—Соціализмъ новый и старый. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Гундобинъ, Н. П.—Воспитаніе и леченіе ребенка до семилѣтняго возраста. Спб. 907.

Дегановичъ, Анна.—Три. Бытовые разсказы. М. 906. Ц. 40 к.

Джорджъ, Г.—Общественныя задачи. Съ англ. Б. Николаевъ, съ предисслов. Л. Толстого. М. 907. Ц. 40 к.

Ибсенъ, Генрихъ.—Полное собраніе сочиненій. Т. VIII: Статьи, рѣчи, письма. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

К., А.—Семья и женщина. Спб. 906. Ц. 10 к.

Карѣевъ, Н.—Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Очеркъ развитія соціальнаго строя и политическихъ учрежденій въ Западной Европѣ. Спб. 906. Ц. 2 р.

Кофодъ, А.—Борьба съ чрезполосицею въ Россіи и заграницею. Спб. 906. Ц. 1 р.

Ковалевскій, Максимъ.—Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій. Т. III. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Котельниковъ, А.—Нужна ли и зачѣмъ нужна статистика? Спб. 906. Ц. 10 к.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—„Революціонное выступленіе“ Думы и земельный вопросъ. Изд. 2-ое. Спб. 907.

——— Изъ эпохи освободительнаго движенія. I: До 17 октября 1905 года. Спб. 907. Ц. 1 р.

Леманъ, Анатолій.—Теорія бильярдной игры. 182 рис., съ портретомъ автора. Спб. 906. Ц. 2 р.

Мартинъ, Р.—Будущность Россіи и Японіи. Съ нѣм., п. р. и съ вступит. статьей Т. Локотя. М. 907. Ц. 1 р.

Моррисъ, В.—Вѣсти ниоткуда, или эпоха счастья. Съ англ. Спб. 906. Ц. 50 к.

Мюллеръ, А.—Рабочіе секретаріаты и государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Съ нѣм. А. Розенштейнъ. Спб. 907. Ц. 50 к.

Новоторжскій, Г.—Земельный вопросъ въ Россіи. М. 906. Ц. 10 к.

Пантелѣевъ, С.—Трудовая самопомощь. Кооперативныя общества Бельгіи. Спб. 906.

Перри, Дж.—Вращающійся волчокъ. Съ англ. Од. 906. Ц. 60 к.

Пламсонъ, А.—Бывшая и будущая Государственная Дума. Спб. 906.

Половцовъ, В. В.—Основы общей методики естествознанія. М. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Помпеевъ, С. (Эолъ).—Подъ раскатами боя. Сборникъ стихотвореній на военныя и общественныя темы. Посвящается участникамъ русско-японской войны. Спб. 906. Ц. 1 р.

Рабиновичъ, И. М.—Теорія и практика желѣзнодорожнаго права, по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ, за 1898—1906 г. Спб. 907.

Реклю, Элизе.—Эволюція, революція и идеалъ анархизма. Съ франц. М. 906. Ц. 40 к.

Ренанъ, Эрнестъ.—Апостолы. Перев. Е. Святловскаго. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Россолимо, Г. И.—Врачъ и больной. М. 906.

——— Планъ изслѣдованія дѣтской души. М. 906. Ц. 20 к.

Салюччи. А.—Теорія стачки. Съ итал. Спб. 906. Ц. 40 к.

Стернъ, Даніэль.—Исторія революціи 1848 года. Съ франц. пер. К. Кудрина. Т. I. Спб. 907. Ц. 75 к.

——— Темы жизни: № 17. А. Раппопортъ, Жюль Гэдъ, ц. 15 к. № 18

П. Берлинъ, Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его. Спб. 906. Ц. 15 к № 113. М. Днѣпровъ. Начало и конецъ абсолютизма во Франціи. Спб. 906. Ц. 5 к.

Толстой, гр. Л. Н. — Полное собраніе сочиненій запрещенныхъ русской цензурой. Т. IV. Спб. 906. Ц. 65 к.

Трубицынъ, Н. — Общественная роль женщины въ изображеніи новѣйшей русской литературы. М. 907. Ц. 40 к.

Туганъ-Барановскій, М. — Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. Спб. 906. Ц. 75 к.

Франсъ, Анатоль.—Таисъ. Съ франц. М. 906. Ц. 1 р.

Хлапонинъ, А.—Геологическая карта Амурско-Приморскаго золотоноснаго района. Спб. 906.

Шампьонъ, Эдамъ.—Франція наканунѣ революціи, по наказамъ 1789 года. Съ франц. М. Брагинскій, Спб. 906. Ц. 50 к.

Юзефовичъ, М.—О значеніи личности у насъ и на западѣ, съ присоединеніемъ письма автора къ кн. П. А. Вяземскому, отъ 9 іюня 1857 г. Спб. 906.

Янжулъ, И. И. — Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Спб. 907. Ц. 50 к.

Rubinow, I. M. — Russia's wheat surplus; conditions, under which it is produced. Washington, 906.

Simmel. G.—Schopenhauer und Nietzsche. Ein Vortragscyclus. Leipz. 907.

— Армянская Муза. Сборникъ, изд. п. р. Юр. Веселовскаго и проф. Г. Халостьянца, съ вступительною статьею: „Нѣсколько словъ о новой армянской поэзіи". М. 907. Ц. 1 р.

— Библіотека свободнаго воспитанія: 1) Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель, Эрнеста Кросби. Съ англ. Ц. 40 к. 2) К. Вентцель, Какъ создать свободную школу. Домъ свободнаго ребенка. Ц. 15 к. 3) К. Вентцель, Освобожденіе ребенка. Ц. 10 к. 4) П. Ермиловъ, Дѣтская страда. Ц. 20 к. 5) К. Вентцель. Цѣпи невидимаго рабства. Ц. 5 к. 6) С. Дурылинъ, Въ школьной тюрьмѣ. Исповѣдь ученика. Ц. 15 к. 7) К. Вентцель, Борьба за свободную школу. М. 906. Ц. 85 к. М. 906.

— Библіотека „Сознательной Россіи".—Сборникъ „На современныя темы" № 4. Спб. 906. Ц. 20 к.

— Вопросы колонизаціи. Сборникъ статей, съ картою и діаграммою. Редакція Ѳ. Шпанскаго. Спб. 907. Ц. 2 р.

— Воспоминанія архимандрита Іерона о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Александромъ III съ Августѣйшей Семьей монастыря „Новый Аѳонъ" въ 1888 г. Спб. 906.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи Сибирской желѣзной дороги. Вып. 28. Спб. 906.

— Дешевая Библіотека, изд. С. Скирмонта: I. Серія соціалъ-демократическая: Роландъ-Гольстъ, Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. Ц. 40 к. II. Серія научно-соціальная: № 5. Б. Россель, Очерки изъ исторіи герман. соціалъ-демократ. рабочей партіи. Ц. 25 к. № 6. В. Фриче, Художественная литература и капитализмъ. Ч. I. Ц. 80 к. № 7. Ж. Ж. Руссо, Общественный договоръ, Съ франц. М. 907. Ц. 40 к.

— Живая старина. Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Имп. Русск. Географ. Общества. П. р. В. И. Ламанскаго. Спб. 906.

— Записка о Сибири, Мань-Чжуріи и объ островахъ сѣверной части Тихаго Океана. Спб. 906.

— Изданія книжнаго магазина „Наша жизнь“: 1) Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи, п. р. В. В. Водовозова. Спб. 906. Ц. 10 к. 2) Дѣло В. В. Водовозова въ спб. судебной палатѣ. Ц. 10 к.

— Изданія товарищества „Знаніе“: 1) Ив. Бунинъ, Стихотворенія. Т. III: 1903 — 1906 г. Ц. 1 р. 2) Авг. Бебель. Постоянная армія и народная милиція. перев. съ нѣмец. 3) Л. Крживицкій, Аграрный вопросъ, съ польск. Ц. 70 к. 4) К. Каутскій, Соціализмъ и сельское хозяйство, съ нѣм. Ц. 15 к. 5) Марксъ и Энгельсъ, Манифестъ коммунистической партіи, съ нѣм. Ц. 12 к. 6) К. Каутскій, Американскій и русскій рабочій, съ нѣм. Ц. 15 к. 7) П. Кропоткинъ, Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ, съ англ. Ц. 1 р. 8) Евг. Чириковъ. Разсказы. Т. V. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Императоръ Александръ III въ отношеніяхъ своихъ къ наставнику своей юности, Я. К. Гроту. Спб. 906.

— Книгоиздательство „Новое Товарищество: 1) А. Оларъ, Отъ монархіи къ республикѣ. Ц. 10 к. 2) Н. Огановскій, Крестьянская община и соціализмъ. Ц. 8 к. 3) П. Вихляевъ. Какъ уравнить пользованіе землей. Ц. 6 р. 4) Г. Новоторжскій, Національный вопросъ, автономія и федерація. Ц. 6 к. М. 906. 5) Н. Сибирякъ, Гдѣ лучше? Ц. 10 к. 6) Закъ, С., Крестьянство и соціализація земли. Ц. 15 к. 7) Житловскій, Х., Матеріализмъ и діалектическая логика. М. 906. Ц. 20 к.

— Краткій обзоръ начальнаго образованія въ Херсонской губерніи за 1904 г. Херс. 906.

— Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1904 годъ. Спб. 906.

— Партія мирнаго обновленія. Постановленія группы прогрессистовъ. Программа партіи, выработанная во время засѣданія Государственной Думы, 27-го апрѣля—8 іюля 1906 г. Спб. 906. Ц. 3 к.

— Пятая книжка Педагогической Психологіи. П. р. А. П. Нечаева. Спб. 906. Ц. 70 к.

— Сверчокъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Спб. 906. Ц. 30 к.

— Сказки Кота-Мурлыки съ рисунками Микѣшина, Клодта, Якобія, Васнецова, Зичи, Шишкина, Куинджи. Изд. 7-ое. Спб. 907. Ц. 2 р.

— Столовая книга патріарха Филарета Никитича. — 7132 (1623—24) годъ. Спб. 906.

— Толковая Библія, или Комментарій на всѣ книги Св. Писанія. Т. III. Спб. 906.

— Тысяча-девятьсотъ-шестой годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV: Урожай хлѣбовъ; урожай фруктовъ. Спб. 906.

— Экономическое изслѣдованіе маслодѣлія въ Сибири. Харьк. Ц. 1 р.

— Экономическое ученіе К. Маркса въ изложеніи К. Каутскаго. Экономическое ученіе К. Маркса: Второй томъ „Капитала“ въ изложеніи К. Каутскаго и Ог. Бауера.—Экономическое ученіе К. Маркса: Третій томъ „Капитала“ въ изложеніи Бернштейна, съ предисловіемъ Энгельса. Съ нѣм. Кіевъ, 906. Ц. 45 к., 35 к, 35 к.

— Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. LII: А. Виреніусъ. Характеристика ребенка. Спб. 906. Первые 50 вып.—9 рублей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1906 г.

Двадцатипятилѣтіе соціальнаго законодательства въ Германіи. — Особенности прусской внутренней политики. — Отсутствіе реакціи при добросовѣстномъ правительствѣ.—Поучительныя сопоставленія.—Рѣчь кн. Бюлова въ имперскомъ сеймѣ.—„Личный режимъ“ и нравственная отвѣтственность министровъ.—Программа министерства Клемансо.—Сербскія дѣла.

Въ Германіи бываютъ иногда юбилейные дни, дающіе матеріалъ для размышленій въ духѣ оффиціальнаго оптимизма: воспоминанія о пройденномъ пути поддерживаютъ чувство бодрости не только въ органахъ правительства, но и въ обществѣ, не вызывая раздраженія и въ рядахъ оппозиціи. Двадцать пять лѣтъ прошло со времени появленія знаменитаго рескрипта императора Вильгельма I, отъ 17-го ноября 1881 года, которымъ положено начало новѣйшему соціальному законодательству въ пользу рабочаго класса, и правительство могло вспомнить объ этомъ актѣ съ спокойной совѣстью, съ сознаніемъ исполненнаго долга, безъ всякаго оттѣнка горечи или обиды для кого бы то ни было. Внукъ перваго императора современной Германіи съ гордостью указываетъ на плодотворную работу, начатую его дѣдомъ и продолжавшуюся систематически въ теченіе многихъ лѣтъ; нынѣшнее германское правительство стоитъ на той же почвѣ и идетъ по тому же пути полезныхъ для народа реформъ, какъ и правительство 1881 года.

„При сочувственномъ участіи союзныхъ правительствъ и разумномъ содѣйствіи имперскаго сейма,—говорится въ рескриптѣ Вильгельма II на имя канцлера, князя Бюлова, отъ 17-го ноября,—удалось осуществить трудное и крайне сложное дѣло обезпеченія рабочихъ путемъ государственнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни и инвалидности, такъ что нуждающіеся въ помощи получаютъ законное право на установленную регулярную поддержку... Великія творческія мысли императорскаго посланія 1881 года достигли этого успѣха не только въ нашемъ отечествѣ, но дѣйствовали далеко за его предѣлами, вызывая повсюду подражаніе; но, къ сожалѣнію, достиженіе конечной цѣли задерживается и замедляется упорнымъ противодѣйствіемъ именно съ той стороны, которая по преимуществу беретъ на себя представительство интересовъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, я

вѣрю въ окончательную побѣду справедливаго признанія важности того, что̀ сдѣлано, и въ возростающее пониманіе предѣловъ хозяйственно-возможнаго во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго общества. Тогда исполнится также надежда императора Вильгельма I, что страхованіе рабочихъ будетъ прочнымъ залогомъ внутренняго мира въ имперіи. Въ этой увѣренности я высказываю свою твердую волю, чтобы законодательство въ области соціально-политическихъ заботъ не останавливалось и чтобы оно по прежнему направлялось къ исполненію благороднѣйшаго христіанскаго долга въ дѣлѣ покровительства слабымъ и нуждающимся. Однако задача не можетъ быть разрѣшена одними законодательными предписаніями и мѣропріятіями. Въ настоящій день я охотно признаю, что въ нѣмецкомъ народѣ никогда не было недостатка въ людяхъ, добровольно и радостно отдававшихъ свои силы на служеніе благу ближняго, и я выражаю свою императорскую признательность всѣмъ, которые безкорыстно и самоотверженно посвящаютъ себя великому соціальному дѣлу нашего времени".

Мотивы соціальнаго законодательства, указанные въ этомъ рескриптѣ, находятся, конечно, въ полномъ противорѣчіи съ основными идеями соціалъ-демократіи и грѣшатъ чрезмѣрной односторонностью даже съ установившейся оффиціальной точки зрѣнія. Бисмаркъ и его сотрудники приступили къ соціальнымъ реформамъ не въ силу христіанской любви къ ближнему, а по сознательному политическому разсчету, въ виду возраставшаго реальнаго значенія организованнаго пролетаріата; сами рабочіе, какъ и защитники ихъ, опираются въ своихъ требованіяхъ на особое право труда, а вовсе не на побужденія благотворительности и христіанскаго долга господствующихъ классовъ. Въ соціальномъ законодательствѣ дѣло идетъ именно о частичномъ признаніи и удовлетвореніи законныхъ правъ рабочихъ, какъ участниковъ промышленнаго производства, и мысль о государственномъ страхованіи не имѣетъ, разумѣется, ничего общаго съ сентиментальною заботливостью объ оказаніи помощи „слабымъ и нуждающимся". Рабочій классъ, располагающій тремя милліонами голосовъ при выборахъ въ имперскій парламентъ, представляетъ собою крупную силу, съ которою правительство должно поневолѣ считаться, и если государственная власть отчасти пошла на встрѣчу трудящимся, чтобы привязать ихъ къ себѣ извѣстною системою законодательныхъ мѣръ, то она сдѣлала это не потому, что они принадлежатъ къ числу „слабыхъ и нуждающихся".

Эти неточности въ содержаніи недавняго рескрипта нисколько не умаляютъ, однако, интереса и поучительности его, какъ документальнаго свидѣтельства о характерѣ внутренней германской политики. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ нѣмецкіе соціалисты были еще рево-

люціонерами; въ 1878 году совершено было покушеніе на жизнь Вильгельма I, послѣ чего принятъ былъ исключительный законъ противъ соціалистовъ. Но, признавая соціалистовъ опасными внутренними врагами, правительство не ограничилось репрессіею, а постаралось вникнуть въ причины распространенія соціалистическихъ идей въ рабочемъ классѣ; оно занялось выработкою обширной программы положительныхъ мѣръ на пользу рабочихъ, съ цѣлью улучшить ихъ положеніе и этимъ уничтожить или ослабить важнѣйшій реальный источникъ смуты. Возвѣстивъ свою реформаторскую программу, правительство тотчасъ же занялось ея осуществленіемъ и стало неуклонно, въ систематическомъ порядкѣ, сооружать отдѣльныя части новаго зданія соціальнаго законодательства — учрежденія по страхованію рабочихъ отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ, инвалидности и старости. Работа велась послѣдовательно и настойчиво, безъ всякихъ колебаній, вопреки возбуждавшимся сомнѣніямъ и общему недовѣрію теоретиковъ соціальнаго вопроса; и замѣчательнѣе всего, что эта предпріимчивость правительства проявлялась въ такое время, когда императору Вильгельму было уже восемьдесятъ-пять лѣтъ и когда не только его личныя заслуги, но и достигнутое внѣшнее положеніе имперіи давали бы ему, повидимому, полное право отдыхать на лаврахъ. Практическіе результаты этой работы могутъ быть выражены въ немногихъ цифрахъ. Въ Германіи существуетъ теперь 23.200 кассъ, съ 11 милліонами членовъ, съ капиталомъ въ 191 милліонъ марокъ, съ 246 милліонами поступленій и 234 милліонами марокъ расходовъ! Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ обнимаетъ 619.500 промышленныхъ и 4.660.000 сельско-хозяйственныхъ предпріятій съ 19 милліонами застрахованныхъ рабочихъ, сверхъ семисотъ или восьмисотъ тысячъ занятыхъ въ казенныхъ промыслахъ! Пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ было около 335.000, которымъ выплачено приблизительно 127 милліоновъ марокъ вознагражденія! Въ страхованіи на случай инвалидности участвуетъ $13^{3}/_{4}$ милліоновъ рабочихъ; 803.000 инвалидовъ и 168.000 стариковъ получаютъ $148^{1}/_{2}$ милліоновъ марокъ ренты, при общемъ капиталѣ въ 1.160 милліоновъ марокъ! Въ общей суммѣ выплачивается ежегодно больнымъ, пострадавшимъ, инвалидамъ и старикамъ до пятисотъ милліоновъ марокъ; половина этой суммы составляется изъ взносовъ хозяевъ, 205 милліоновъ вносится рабочими, и 45 милліоновъ—имперскимъ казначействомъ.

Независимо отъ этихъ спеціальныхъ формъ обезпеченія рабочихъ издавались различные законы для защиты интересовъ труда отъ недобросовѣстной эксплуатаціи, и направленіе законодательства не измѣнялось при перемѣнахъ въ высшемъ правительственномъ персоналѣ имперіи. Одно царствованіе смѣнялось другимъ, Бисмаркъ удалился

со сцены, и теперь во главѣ правительства стоитъ уже четвертый канцлеръ; самъ Вильгельмъ II проникнутъ аристократическими идеями, чувствуетъ себя солидарнымъ съ прусскимъ землевладѣльческимъ юнкерствомъ и не скрываетъ своихъ симпатій къ придворнымъ аграріямъ,—и тѣмъ не менѣе, рабочее законодательство сохраняло свой прогрессивный характеръ, пріобрѣтенныя права рабочихъ никѣмъ не урѣзывались, и даже враждебная правительству соціалъ-демократія избавлена отъ всякихъ исключительныхъ мѣръ и пользуется полною свободою дѣятельности и пропаганды, въ силу общихъ конституціонныхъ началъ.

Оттого въ Германіи нѣтъ внутренней смуты, нѣтъ „крамолы", не бываетъ никакихъ покушеній и заговоровъ, и выстрѣлъ Нобилинга въ 1878 году оказался послѣднимъ. Германія не знаетъ реакціи въ томъ особомъ смыслѣ, какой получило это слово у насъ, — ибо тамъ нѣтъ необходимыхъ условій и спутниковъ реакціи—нѣтъ завѣдомо недобросовѣстнаго правительства, нѣтъ господства невѣжественной и своекорыстной придворной клики надъ политическою жизнью страны. Обычныя разсужденія о реакціи, какъ о чемъ-то естественномъ и законномъ послѣ эпохи реформъ, основаны на грубомъ недоразумѣніи или на простой игрѣ словъ. Нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не вызывается и не оправдывается политика, побуждающая дѣлать одинъ шагъ впередъ и два назадъ. Періодически повторяющаяся и затѣмъ дѣлающаяся почти постоянною правительственная реакція есть не что иное, какъ продуктъ дурной системы управленія и недостаточнаго сознанія долга предъ государствомъ со стороны правителей. Реформы шестидесятыхъ годовъ совершались и поддерживались у насъ только до тѣхъ поръ, пока ближайшими и наиболѣе вліятельными совѣтниками монарха были люди добросовѣстные и просвѣщенные; а такъ какъ подобные люди рѣдко достигаютъ прочнаго успѣха и довѣрія при дворѣ, то они вскорѣ должны были уступить мѣсто льстивымъ карьеристамъ, запугавшимъ государя призраками либеральной оппозиціи и революціи. Правительство перестаетъ исполнять свои прямыя обязанности относительно народа и становится даже его врагомъ и угнетателемъ, подъ предлогомъ охраны государственнаго авторитета; защита сословныхъ привилегій и мнимыхъ „исконныхъ устоевъ" безправія возводится въ постоянно дѣйствующую политическую систему, и такое положеніе дѣлъ продолжалось десятки лѣтъ, съ ничтожными случайными перерывами. Очевидно, это не реакція, а только сознательно-недобросовѣстный безотвѣтственный режимъ, употребляющій государственныя средства и полномочія для корыстныхъ цѣлей отдѣльныхъ лицъ и кружковъ. Намъ приходится вспоминать немногіе свѣтлые моменты прошлаго только для того, чтобы отмѣтить ихъ поэ-

нѣйшее затемнѣніе и извращеніе; хорошія, благотворныя реформы передѣлывались и искажались прежде, чѣмъ онѣ могли принести предположенные плоды; торжественныя оффиціальныя обѣщанія забывались или нарушались вслѣдъ за ихъ обнародованіемъ. Нѣтъ у насъ ни одного доброжелательнаго къ народу законодательнаго акта, который дѣйствительно былъ бы приведенъ въ исполненіе, безъ многочисленныхъ изъятій, произвольныхъ толкованій и отступленій; даже такая простая мѣра, какъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, осталась мертвой буквой послѣ того, какъ была возвѣщена манифестомъ. Строго исполняются только законы, направленные противъ народа и общества, — законы, клонящіеся къ безконечному расширенію правъ и функцій администраціи и къ безконтрольному расходованію казенныхъ суммъ. Не только за четверть вѣка, но и за одинъ годъ не бываетъ у насъ послѣдовательности и единства въ проведеніи какой-нибудь общеполезной реформы; торжество всегда принадлежитъ сѣятелямъ зла, ибо нѣтъ ничего легче, какъ возбуждать подозрѣнія и опасенія, которыми создается для многихъ выгодная роль охранителей и спасителей отечества. Всего только одинъ годъ прошелъ, напримѣръ, со времени манифеста 17 октября, и какъ разнообразна и измѣнчива была судьба его на практикѣ! Дѣло именно въ томъ, что господство случайныхъ и перемѣнчивыхъ придворныхъ вліяній составляетъ основную характерную черту нашего высшаго государственнаго управленія, тогда какъ въ Пруссіи дворъ никогда не игралъ такой разрушительной роли и не вмѣшивался прямо въ дѣятельность отвѣтственнаго правительства.

У насъ нерѣдко ссылаются на устарѣлые прусскіе порядки для оправданія нашихъ россійскихъ недочетовъ и погрѣшностей; указываютъ и на то, что въ Пруссіи нѣтъ парламентаризма, что канцлеръ и министры назначаются императоромъ безъ участія палатъ, что они не отвѣтственны предъ народнымъ представительствомъ, и, слѣдовательно, мы также можемъ обойтись безъ парламентаризма. При этомъ упускается изъ виду одно коренное различіе, подрывающее все значеніе этихъ ссылокъ: прусская администрація заслуженно пользуется репутаціей безукоризненной честности, и не только масса населенія, но и оппозиція относится къ ея органамъ съ безусловнымъ довѣріемъ. Пруссія издавна и понынѣ имѣетъ честное, добросовѣстное правительство; традиціи честности и добросовѣстности проникаютъ собою насквозь весь обширный механизмъ прусско-германскаго управленія, и чувство отвѣтственности предъ государствомъ и обществомъ крѣпко живетъ въ каждомъ прусскомъ чиновникѣ, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, включая министровъ и самого канцлера. Эти же качества—добросовѣстность въ исполненіи служебнаго долга,

честное соблюденіе принятыхъ на себя обязательствъ и твердое сознаніе отвѣтственности предъ страною—отличаютъ и династію Гогенцоллерновъ,—и потому въ Пруссіи и Германіи превосходно дѣйствуетъ правительственная система, несомнѣнно устарѣлая и страдающая многими существенными недостатками. Такъ какъ нашему правительству и нашей администраціи совершенно чужды хорошія прусскія качества и традиціи, то для насъ пріобрѣтаютъ особенную важность правила о формальной отвѣтственности министровъ и прочихъ должностныхъ лицъ,—правила, безъ которыхъ отлично обходится Пруссія. При современныхъ нашихъ условіяхъ нельзя даже сказать, что у насъ существуетъ регулярное правительство, солидарное со всѣми своими органами и имѣющее возможность послѣдовательно проводить опредѣленные взгляды; такого правительства у насъ въ сущности никогда почти и не было: мы всегда имѣли лишь такъ называемыя правящія сферы, въ которыхъ соперничали и перекрещивались между собою различныя вліянія отдѣльныхъ вѣдомствъ, сановниковъ и фаворитовъ, и то направленіе или рѣшеніе, которое торжествовало вчера, могло быть опрокинуто сегодня, такъ что политика государства въ важнѣйшихъ вопросахъ внутреннихъ и внѣшнихъ превращалась въ слѣпую игру случайностей. Одни только отрицательныя свойства и наклонности, пагубныя для государства, проявлялись съ упорнымъ постоянствомъ; общественная смута служила и служитъ источникомъ выгодъ для администраціи, и правящій классъ всего менѣе былъ заинтересованъ въ установленіи прочнаго нормальнаго порядка, связаннаго съ господствомъ строгой законности. Эта принципіальная противоположность между прусскими и нашими отечественными правительственными нравами и понятіями дѣлаетъ безполезными всякія конституціонныя сравненія и параллели. Исторія германскаго рескрипта 17 ноября 1881 года, сравнительно съ судьбою нашихъ реформаторскихъ манифестовъ и указовъ, противорѣчащихъ другъ другу и остающихся большею частью безплодными, краснорѣчиво напоминаетъ намъ о насущныхъ общихъ задачахъ въ области нашей государственности...

Въ германскомъ имперскомъ сеймѣ канцлеръ князь Бюловъ произнесъ въ засѣданіи 14-го ноября (нов. ст.) обширную рѣчь о внѣшней политикѣ, въ отвѣтъ на подробно мотивированный запросъ депутата Бассермана, представителя національно-либеральной партіи. Національ-либералы были въ теченіе многихъ лѣтъ вѣрными союзниками правительства и обыкновенно одобряли всякія его начинанія; теперь они стали обнаруживать оппозиціонный духъ и открыто выступили противъ канцлера по поводу неудовлетворительнаго и недостаточно опредѣ-

леннаго международнаго положенія Германіи. Депутатъ Бассерманъ довольно рѣзко говорилъ о шаткости и безпринципности новѣйшей германской дипломатіи, о разстройствѣ установившейся уже дружбы съ Франціею вслѣдствіе излишней придирчивости въ марокканскомъ вопросѣ, о порчѣ отношеній съ Англіей и о предполагаемыхъ закулисныхъ сдѣлкахъ съ русской бюрократіей. Князь Бюловъ представилъ обстоятельныя объясненія по всѣмъ затронутымъ вопросамъ, сообщилъ нѣкоторые любопытные факты и анекдоты изъ прошлаго, выказалъ обычное свое остроуміе и краснорѣчіе и имѣлъ вообще успѣхъ.

„Имперскій сеймъ вмѣстѣ съ союзнымъ совѣтомъ и имперскимъ канцлеромъ, — замѣтилъ Бюловъ, между прочимъ, въ началѣ своей рѣчи, — образуютъ куполъ имперскаго зданія, фундаментъ котораго былъ заложенъ прошлымъ поколѣніемъ, освященный взаимнымъ довѣріемъ, соединяющимъ правительства и народы". Это довѣріе лежитъ въ основѣ отношеній между канцлеромъ и имперскимъ сеймомъ; оно формально необязательно по конституціи, но по существу предполагается само собою, какъ необходимое условіе правильнаго дѣйствія всей государственной машины. Нельзя себѣ представить, чтобы главою прусско-германскаго правительства назначенъ былъ какой-нибудь нѣмецкій Горемыкинъ, способный лишь раздражать общественное мнѣніе своими бюрократическими притязаніями; напротивъ, императоръ ближе всего заинтересованъ въ томъ, чтобы избранный имъ представитель его власти оказался достойнымъ общаго уваженія и пользовался симпатіями среди вліятельныхъ и популярныхъ парламентскихъ группъ. Князь Бюловъ несомнѣнно обладаетъ всѣми качествами для того, чтобы съ успѣхомъ исполнять роль симпатичнаго и благожелательнаго канцлера; парламентъ всегда слушаетъ его съ удовольствіемъ, и рѣчи его сочувственно обсуждаются въ нѣмецкой печати. По натурѣ и убѣжденіямъ, а можетъ быть, и въ силу счастливыхъ условій своей личной карьеры, онъ является искреннимъ оптимистомъ, точно такъ же, какъ и самъ Вильгельмъ II. Съ точки зрѣнія Бюлова все идетъ прекрасно въ международныхъ дѣлахъ Германіи. Французскій патріотизмъ исключаетъ еще мысль о франко-германскомъ сближеніи и союзѣ; онъ поддерживаетъ еще въ умахъ воинственныя надежды и мечты, которыя, однако, на практикѣ не мѣшаютъ сохраненію мира между обѣими націями. Въ молодости, будучи еще совѣтникомъ посольства въ Парижѣ, Бюловъ вынесъ изъ бесѣдъ съ Гамбеттою чувство глубокаго уваженія къ свѣтлымъ источникамъ французскаго патріотизма; онъ ставитъ французовъ очень высоко, но приписываетъ имъ скрытую вражду къ нѣмцамъ. Онъ надѣется только на корректныя мирныя отношенія со стороны Франціи, на развитіе прочныхъ коммерческихъ связей и на отдѣльныя колоніальныя соглашенія; но Германія вовсе

не думаетъ нарушать существующую близость между Франціею и Россіею или безпокоиться по поводу франко-британской дружбы. „Франко-русскій союзъ до сихъ поръ не представлялъ опасности для мира; напротивъ, онъ своимъ вѣсомъ способствуетъ равномѣрному ходу міровой политики. То же самое можно будетъ, по всей вѣроятности, сказать и объ англо-французскомъ союзѣ. Хорошія отношенія между Германіею и Россіею не повредили франко-русскому союзу; дружба между Германіею и Англіею не можетъ находиться въ противорѣчіи съ франко-британскимъ соглашеніемъ, если послѣднее преслѣдуетъ мирныя цѣли. Политика, которая ставила бы себѣ задачей образовать кругъ державъ, чтобы изолировать и парализовать Германію, была бы опасна для европейскаго мира. Такое образованіе кольца вокругъ Германіи было бы невозможно безъ производства извѣстнаго давленія; давленіе же вызываетъ отвѣтное давленіе, а оттуда могутъ произойти взрывы. Поэтому вполнѣ справедливо признается даже французскими газетами, что хорошія отношенія между Германіею и Англіею необходимы для поддержанія европейскаго мира и соотвѣтствуютъ также французскимъ интересамъ". Неоднократно дѣлались попытки поколебать довѣріе къ тройственному союзу и посѣять неудовольствіе между Германіею и Австро-Венгріею и между Италіею и вѣнскимъ кабинетомъ; но союзъ все-таки существуетъ, и онъ имѣетъ уже то преимущество, что предупреждаетъ конфликты между союзниками. Совершенно неосновательно предположеніе, что германское правительство вмѣшивается во внутреннія дѣла монархіи Габсбурговъ и даетъ австрійцамъ совѣты въ ихъ спорахъ съ мадьярами. „Мы не вмѣшиваемся въ чужія дѣла,—заявляетъ по этому поводу Бюловъ,—и императоръ не даетъ совѣта, когда его не просятъ. Такое вмѣшательство было бы безтактно, какъ и всякая навязчивость; это было бы и глупостью, въ родѣ вмѣшательства въ ссору между супругами, причемъ можно только испортить отношенія съ обоими". Канцлеръ настойчиво подтверждаетъ, что союзъ съ Австро-Венгріею имѣетъ вполнѣ реальную силу и что „въ случаѣ надобности Германія покажетъ ей свою вѣрность, въ согласіи съ имперскимъ сеймомъ и съ цѣлою націею". Что касается Россіи, то не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо германскомъ участіи въ русскихъ внутреннихъ обстоятельствахъ. „Въ чужой работѣ по тушенію пожаровъ мы не участвуемъ. Мы приняли бы свои мѣры только въ томъ случаѣ, еслибы огонь перешелъ въ наши границы. Германія не заключала ни съ кѣмъ никакого соглашенія, съ цѣлью воспрепятствовать будто бы возможному образованію самостоятельнаго польскаго государства при дальнѣйшемъ развитіи русскаго кризиса. Всѣ предположенія о какомъ бы то ни было германскомъ вмѣшательствѣ въ предѣлахъ собственной Россіи, или

въ русской Польшѣ, или въ балтійскихъ провинціяхъ, составляютъ лишь тенденціозныя выдумки. Мы вовсе не чувствуемъ потребности играть гдѣ-нибудь роль жандарма. При извѣстныхъ условіяхъ это было бы рискованнымъ предпріятіемъ". Бюловъ выражаетъ очень теплыя дружескія чувства по отношенію къ Россіи. „Мы желаемъ,—говоритъ онъ,—чтобы русскому правительству и русскому народу удалось найти выходъ изъ настоящихъ затрудненій. Мы желаемъ, чтобы въ совмѣстной работѣ правительства и народа Россія сохранила свое положеніе, какъ великая держава и какъ единое государство. Здоровая внутри и сильная Россія—цѣнный факторъ для сохраненія равновѣсія въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Но для этого мы никакимъ образомъ не должны вмѣшиваться во внутреннія отношенія Россіи. Наша политика тѣмъ и отличается отъ рекомендуемой съ нѣкоторыхъ сторонъ, что при внутреннихъ спорахъ и затрудненіяхъ другихъ государствъ мы сохраняемъ нейтралитетъ и руководствуемся лишь общими интересами и безопасностью нашей собственной страны. Болѣе близкое участіе могло бы оказаться вреднымъ. Наше положеніе въ Европѣ совсѣмъ не такъ просто, чтобы мы могли себѣ позволить роскошь—отдаваться неполитическимъ внушеніямъ чувства, какъ это дѣлаютъ соціалъ-демократы"... Германія очень довольна Россіею и русскимъ правительствомъ: отношенія обѣихъ державъ, по свидѣтельству князя Бюлова, не оставляютъ желать ничего лучшаго. „Я долженъ далеко отойти назадъ въ своихъ дипломатическихъ воспоминаніяхъ,—продолжаетъ канцлеръ,—чтобы найти періодъ, когда отношенія между Россіею и Германіею были бы столь корректны и нормальны, какъ теперь; и я могу удостовѣрить, что личныя встрѣчи между обоими императорами значительно способствовали сохраненію полнаго взаимнаго довѣрія обѣихъ имперій—довѣрія, столь необходимаго для общаго европейскаго мира и для блага обоихъ народовъ. При этихъ свиданіяхъ двухъ монарховъ говорилось не о внутреннихъ русскихъ дѣлахъ и именно не въ духѣ реакціонеровъ; но существовавшія сомнѣнія и разногласія между Россіею и Германіею были устранены. Россія нуждается теперь во всѣхъ своихъ силахъ для установленія новаго порядка и для урегулированія своихъ внутреннихъ отношеній. Послѣ крымской войны князь Горчаковъ писалъ въ знаменитой депешѣ: „Россія сосредоточивается въ самой себѣ". Въ настоящее время русское правительство, очевидно, считаетъ полезнымъ воздерживаться отъ отдаленныхъ предпріятій". По словамъ Бюлова, онъ въ свое время имѣлъ точныя свѣдѣнія о предстоявшей русско-японской войнѣ, совѣтовалъ Японіи сохранить миръ и „сообщалъ императорскому правительству (вѣроятно русскому), что Японія при извѣстныхъ условіяхъ рѣшилась воевать и что она вполнѣ готова къ воен-

нымъ дѣйствіямъ". Соединенные Штаты оказали человѣчеству великую услугу, облегчивъ потомъ возстановленіе мира между обѣими державами; вторая важная услуга американцевъ—содѣйствіе соглашенію по марокканскому вопросу, ибо „неудача конференціи въ Алжесирасѣ внесла бы отрицательный, тревожный элементъ не только въ отношенія между Германіею и Франціею, но и въ общее міровое положеніе и въ общую политику". Въ международныхъ дѣлахъ вѣжливость должна иногда соединяться съ твердостью; но крутые политическіе пріемы, связываемые съ именемъ Бисмарка, вышли уже изъ моды и не приводятъ къ полезнымъ результатамъ. Надменный, высокомѣрный тонъ печати въ международныхъ дѣлахъ приноситъ гораздо больше вреда, чѣмъ можно было бы думать; съ другой стороны, дѣльная критика, хотя бы рѣзкая и смѣлая, должна считаться вообще благотворною. „Лично—говоритъ Бюловъ—я доступенъ критикѣ; я не могу себѣ представить существованіе безъ критики, и не знаю, какъ я бы это выдержалъ. Со мною случилось бы, вѣроятно, то же самое, что было съ мельникомъ, который лишился сна послѣ того, какъ мельница перестала стучать. Однако, нужно остерегаться чрезмѣрной критики, особенно по щекотливымъ международнымъ вопросамъ. Германія не имѣетъ повода бояться; еслибы даже она была изолирована, то она все-таки могла бы быть спокойна. Народъ въ шестьдесятъ милліоновъ человѣкъ съ такимъ войскомъ, какъ нѣмецкое, никогда не изолированъ, пока онъ остается вѣрнымъ себѣ и не отрекается отъ своей защиты. Мы не имѣемъ надобности бѣгать за другими и быть къ нимъ предупредительнѣе, чѣмъ они къ намъ; — это было бы недостойно насъ и даже не было бы полезно. Не слѣдуетъ быть черезчуръ нервными. Мы въ Германіи стали всѣ слишкомъ нервозны, и справа и слѣва, и наверху и внизу". При этихъ словахъ раздались въ палатѣ громкіе возгласы соціалъ-демократовъ: „наверху, наверху!" „Я и говорю,—подтвердилъ ораторъ,—что наверху и внизу". Въ заключеніе Бюловъ призналъ, что колоніальная политика затрудняетъ положеніе Германіи на материкѣ Европы и что главныя заботы должны быть по прежнему направлены къ сохраненію военнаго могущества на сушѣ и на морѣ.

На этотъ разъ возражалъ канцлеру не обычный главный оппонентъ его въ имперскомъ сеймѣ, Бебель, а другой представитель соціалъ-демократіи, фонъ-Фольлмаръ. Высказавъ нѣсколько ироническихъ замѣчаній по поводу неожиданной оппозиціонной храбрости національ-либераловъ, депутатъ фонъ-Фольлмаръ старался опровергнуть увѣреніе князя Бюлова, что въ германской внѣшней политикѣ все обстоитъ благополучно. „Напротивъ, международныя отношенія не могутъ быть хуже, чѣмъ они есть. Первый пагубный шагъ сдѣ-

ланъ былъ относительно Россіи. Германія соперничала съ Франціею въ угодничествѣ передъ русскимъ деспотизмомъ. Канцлеръ напрасно повторяетъ старые упреки по адресу соціалъ-демократовъ: послѣдніе возставали лишь противъ того, чтобы германское правительство вмѣшивалось въ русскія дѣла въ пользу царской бюрократіи, какъ это было въ кенигсбергскомъ процессѣ и при массовыхъ высылкахъ русскихъ подданныхъ". По мнѣнію Фолльмара, повышенная первность, овладѣвшая правительствомъ за послѣднія десятилѣтія, выражается въ безпокойной предпріимчивости и въ воинственныхъ рѣчахъ, которыя повсюду вызываютъ тревогу; и если подвести итоги всей этой шумной политикѣ за тотъ періодъ времени, когда ею руководитъ въ сущности самъ глава имперіи, то получается полный провалъ. Политическая репутація, пріобрѣтенная Германіею съ 1870 года, утрачена, и въ этой области приходится вновь начинать съ начала; нѣмецкое общество опасается допущенія элементарныхъ и роковыхъ ошибокъ, въ родѣ возобновленія союза трехъ императоровъ. Дипломатія должна считаться теперь съ чувствами и взглядами народа, и еслибы она зависѣла отъ соціалъ-демократіи, то миръ между націями покоился бы на незыблемыхъ основаніяхъ. Еще яснѣе Фолльмара нападалъ на увлеченія „личнаго режима" депутатъ Вимеръ, членъ свободной народной партіи; онъ говорилъ о новой породѣ государственныхъ людей, которые считаютъ своимъ высшимъ долгомъ быть послушными слугами монарха, а не сознательными совѣтниками короны. Для блага государства необходимо, чтобы принципъ отвѣтственности не ослаблялся личнымъ подчиненіемъ авторитету императора и чтобы министры перестали пассивно прикрывать собою произвольныя и поспѣшныя дѣйствія и заявленія, съ которыми они не могутъ быть вполнѣ солидарны; для этого имперскій сеймъ долженъ взять на себя болѣе дѣятельную, руководящую и контролирующую роль въ области иностранной политики Германіи. На эти намеки и нападки вновь отвѣчалъ Бюловъ. Онъ повторилъ высказанное имъ уже раньше общее положеніе, что „сознающій свою нравственную отвѣтственность имперскій канцлеръ не останется въ должности, если онъ не въ состояніи воспрепятствовать актамъ, которые по его добросовѣстному мнѣнію дѣйствительно причиняютъ вредъ интересамъ имперіи". „Еслибы что-нибудь подобное произошло, — продолжалъ канцлеръ,—то, конечно, вы больше не увидѣли бы меня на этомъ мѣстѣ. Обо мнѣ могутъ думать что угодно, но я не принадлежу къ числу людей, цѣпляющихся за свое оффиціальное положеніе. Даже при заявленіяхъ его величества, на которыя, строго говоря, не распространяется моя конституціонная отвѣтственность, я рѣшительно отклонилъ бы отъ себя нравственную отвѣтственность за послѣдствія и вліяніе

такихъ заявленій въ области высшей и общей политики, ибо передъ союзнымъ совѣтомъ и передъ этимъ высокимъ собраніемъ я отвѣчаю за соблюденіе внѣшнихъ и внутреннихъ интересовъ имперіи при веденіи нашихъ дѣлъ... Гарантія правильности и закономѣрности существующаго конституціоннаго порядка заключается въ самой обстановкѣ государственной дѣятельности; правительственныя распоряженія монарха дѣйствительны лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ найдетъ министра, готоваго исполнить ихъ подъ своею личною отвѣтственностью; министръ можетъ отказаться исполнить эти распоряженія: онъ можетъ объяснить монарху, что, при возлагаемой на него обязанности говорить или дѣлать извѣстныя вещи, онъ вынужденъ будетъ выйти въ отставку. Насколько и въ какихъ предѣлахъ министръ соглашается прикрывать своею отвѣтственностью мнѣнія и выраженія чувствъ своего монарха,—это зависитъ отъ политическаго глазомѣра, отъ сознанія долга передъ короною и страною. Министръ можетъ полагать, что слишкомъ частое личное выступленіе правителя, усиленный монархическій субъективизмъ, слишкомъ частое появленіе монарха безъ сопроводительныхъ документовъ, какъ выражался Бисмаркъ,—несовмѣстимы съ интересомъ монархіи, и что онъ, министръ, не можетъ брать за это отвѣтственность на себя. Но представлять себѣ, что монархъ въ Германіи не можетъ имѣть никакихъ собственныхъ идей о государствѣ и правительствѣ, что онъ можетъ думать только головами своихъ министровъ и высказывать только то, что они ему предложатъ, — было бы совершенно несогласно съ германскимъ государственнымъ правомъ и съ наклонностями нѣмецкаго народа. Нѣмецкій народъ хочетъ имѣть живого императора, изъ мяса и крови, а не какой-то туманный образъ. Притомъ, выступленія и заявленія сильной личности, признаваемой и противниками, далеко еще не означаютъ нарушенія конституціи. Укажите мнѣ хоть одинъ примѣръ, гдѣ онъ поставилъ бы себя въ противорѣчіе съ конституціею. Вы такого случая не укажете. Онъ всегда будетъ добросовѣстно соблюдать конституцію; а пока онъ держится въ границахъ и предѣлахъ конституціи, до тѣхъ поръ жалобы на личный режимъ и на возрожденіе абсолютизма должны быть признаны неосновательными. Наконецъ, упоминалось еще о камарильѣ. Камарилья, это—иностранное слово, чужеземное ядовитое растеніе, котораго никогда не старались или не могли привить въ Германіи, а гдѣ оно насаждалось, тамъ оно причиняло великій вредъ одинаково государю и народу. Но нашъ императоръ обладаетъ слишкомъ яснымъ умомъ и прямымъ характеромъ, чтобы въ политическихъ дѣлахъ почерпать совѣты не изъ своего собственнаго чувства долга и помимо своихъ призванныхъ совѣтниковъ"...

Эти конституціонныя разъясненія германскаго канцлера и прусскаго министра-президента заслуживаютъ особеннаго вниманія въ виду распространенныхъ у насъ ошибочныхъ понятій о роли министровъ и имперскаго парламента въ Германіи.

Въ засѣданіи французской палаты депутатовъ, 5-го ноября, глава преобразованнаго министерства, Клемансо, прочиталъ правительственную декларацію, заключающую въ себѣ изложеніе политической программы кабинета. Прежде всего, разумѣется, республиканская Франція стоитъ за достойный внѣшній миръ:—республика была всегда воплощеніемъ мира, и „за всѣ тридцать пять лѣтъ ея существованія не было ни одного момента, когда можно было бы серьезно обвинять ее въ угрозахъ европейскому миру". Вмѣстѣ съ тѣмъ, „республика принимаетъ тѣ условія международнаго равновѣсія, которыя навязываются народамъ современнымъ положеніемъ Европы. Когда миръ цивилизованнаго міра основывается на силѣ оружія, то какъ можемъ мы разоружиться, т.-е. разрушить нашими собственными руками высшую гарантію нашей независимости? До того счастливаго, но неизвѣстнаго еще дня, когда можно будетъ измѣнить порядокъ отношеній между націями, нашъ первый долгъ передъ отечествомъ—не допускать ослабленія какихъ бы то ни было элементовъ его оборонительной силы". Съ сокращеніемъ срока военной службы до двухъ лѣтъ облегчается преобразованіе арміи въ демократическомъ духѣ; правительство имѣетъ въ виду упразднить спеціальные военные суды. Въ области „соціальной справедливости" вновь учрежденное „министерство труда" объединитъ всѣ усилія и мѣры, направленныя къ улучшенію быта трудящихся массъ; въ палату будутъ внесены законопроекты о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, о коллективномъ договорѣ найма рабочихъ, о распространеніи закона о несчастныхъ случаяхъ на сельскихъ рабочихъ, о профессіональныхъ синдикатахъ, о рудникахъ и копяхъ, а также будетъ доведено до конца обсужденіе закона о пенсіяхъ для рабочихъ. Въ то же время подготовляется крупная реформа финансовой системы, съ установленіемъ прогрессивнаго подоходнаго налога. Наконецъ, новый порядокъ религіозной свободы, на основѣ совершившагося отдѣленія церкви отъ государства, долженъ проводиться въ жизнь съ надлежащею твердостью и послѣдовательностью. Правительство обѣщаетъ ускорить введеніе реформъ и „противопоставить предпріятіямъ насилія преграду законовъ". Политика дѣйствія будетъ и политикой успокоенія: министры „позаботятся о томъ, чтобы смѣлости идей соотвѣтствовала осторожность исполненія, бодрой энергіи правительственной власти—сознательная умѣренность, справедливая

терпимость, безъ которой крайняя строгость права могла бы, въ глазахъ многихъ, принимать видъ тиранiи". Но если добрая воля и примирительныя намѣренiя правительства не встрѣтятъ должнаго признанiя, „ничто не заставитъ министровъ поколебаться въ ихъ твердой рѣшимости превратить справедливыя желанiя демократiи въ акты, ничто не остановитъ ихъ въ исполненiи долга".

Впрочемъ, само министерство предупреждаетъ, что оно только намѣтило дорогу, по которой думаетъ идти въ согласiи и подъ контролемъ народнаго представительства, и что не всѣ предположенныя реформы могутъ осуществиться въ короткiй періодъ обычнаго существованiя одного министерства. Программа кабинета имѣетъ на этотъ разъ характеръ не общедоступнаго оффицiальнаго текста, а витiевато-написанной газетной статьи; она и не произвела большого впечатлѣнiя на палату и не вызвала въ ней никакихъ преній. Палата тотчасъ же, большинствомъ 395 голосовъ противъ 96, приняла предложенную однимъ изъ депутатовъ формулу выраженiя довѣрiя къ министерству.

Сила кабинета Клемансо, разумѣется,—не въ его программѣ, а въ общей свѣжести его состава, въ бодрости и энергiи его членовъ, въ качествахъ и дарованiяхъ такихъ министровъ, какъ Вивiани, Бріанъ и генералъ Пикаръ,—не говоря о самомъ Клемансо, поражающемъ всѣхъ своею неутомимою подвижностью, находчивостью и остроумiемъ. Это правительство чистыхъ, безусловно искренныхъ и убѣжденныхъ идеалистовъ-патрiотовъ возбуждаетъ общiй интересъ не только во Францiи, но и внѣ ея предѣловъ,—хотя оно едва ли въ состоянiи внести что-нибудь существенно-новое въ утвердившуюся рутину французскаго республиканскаго управленiя. Оно думаетъ также, по примѣру предшествовавшихъ кабинетовъ, „поддержать и развить союзъ, заключенный съ обѣихъ сторонъ въ интересахъ мира", и въ этомъ отношенiи не ожидается никакихъ рѣшительныхъ перемѣнъ въ ближайшемъ будущемъ.

Странныя сообщенiя приходятъ изъ Бѣлграда. Не везетъ новой королевской династiи, какъ и старой, и можно думать, что патрiархальный земледѣльческiй народъ Сербiи не созданъ для наслѣдственной монархiи. Со времени истребленiя фамилiи Обреновичей образовалась при дворѣ и въ арміи особая, вполнѣ самобытная военная партiя заговорщиковъ или убiйцъ: всѣ лица, прямо или косвенно участвовавшiя въ кровавой дворцовой трагедiи, считали себя призванными занимать высшiя должности въ военномъ вѣдомствѣ и играть роль закулиснаго правительства, которому должны были подчиняться оффицiальныя власти, министры и самъ король Петръ. На какихъ

основаніяхъ могла возникнуть и дѣйствовать подобная дикая партія, не существующая нигдѣ въ мірѣ,—осталось неяснымъ для иностранцевъ и въ томъ числѣ для русской публики. Говорили, что король Петръ, обязанный своимъ возвышеніемъ убійцамъ короля Александра, не можетъ избавиться отъ ихъ самоувѣренныхъ притязаній и назойливой опеки, тѣмъ болѣе, что въ ихъ рукахъ находилась отчасти военная сила; но во всякомъ случаѣ первые годы царствованія новаго короля прошли при ненормальной обстановкѣ, и нѣкоторые иностранные дворы даже уклонялись отъ дипломатическихъ сношеній съ сербскимъ правительствомъ, въ виду шумной оффиціальной роли бывшихъ заговорщиковъ. Съ теченіемъ времени вопросъ о привилегіяхъ заговорщиковъ потерялъ свою остроту, и придворная жизнь Карагеоргіевичей казалась уже вполнѣ благополучною; но ненормальность проникла въ королевскую семью и отозвалась на развитіи и характерѣ старшаго сына короля, наслѣдника престола, князя Георгія. По извѣстіямъ, сообщаемымъ вѣнскими газетами, сербскій наслѣдникъ обнаруживаетъ будто бы признаки душевнаго разстройства, выражающіеся въ жестокихъ поступкахъ съ адъютантами и слугами, въ неумѣренныхъ кутежахъ и въ разныхъ некорректныхъ увлеченіяхъ. Король Петръ вынужденъ будто бы заняться теперь непріятнымъ вопросомъ объ измѣненіи порядка наслѣдованія въ пользу младшаго сына; но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ выдвинуться и болѣе общій вопросъ о положеніи и судьбѣ королевскихъ фамилій въ Сербіи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Anatole France. Vers les temps meilleurs. Paris, 1906. édit. Edouard Pelletan.

Многіе у насъ твердо убѣждены, что служеніе общественнымъ интересамъ, даже въ острые моменты дѣйствительности—дѣло профессіоналовъ. Можно быть гражданиномъ — экономисту, статистику, нельзя—художнику, поэту, философу; можно—позитивисту, нельзя—метафизику и идеалисту. Профессіоналы ревниво оберегаютъ свою монополію и всякаго посторонняго гонятъ прочь, не стѣсняясь иногда средствами.—Ваше дѣло—поэзія, или тамъ словопренія о „ноуменахъ и феноменахъ". А жизнь—наша; ее мы дѣлаемъ, говорятъ они.

Съ развитіемъ общественнаго сознанія, когда свобода и стремленіе къ ней перестанетъ быть профессіональнымъ занятіемъ, а сдѣлается тканью жизни, этотъ предразсудокъ долженъ исчезнуть. Каждый общественный моментъ будетъ объединять въ общемъ дѣлѣ людей отвлеченной мысли, служителей искусства и строителей зданія жизни.

Желаніе оградить жизненное строительство отъ посторонннихъ объясняется у насъ только неустойчивостью общественнаго сознанія. На Западѣ, напротивъ того, цѣлый рядъ общественныхъ явленій связанъ именно съ „праздными мечтателями дней досуга", какъ называлъ себя англійскій эстетъ, поэтъ и вѣрный апостолъ труда Вильямъ Моррисъ.

Такой же поучительный для русскаго общества примѣръ представляютъ нѣкоторые французскіе писатели. Во Франціи сліяніе общественности даже съ самыми далекими, казалось бы, отъ непосредственной жизни мыслителями и художниками началось въ печальный періодъ дрейфусарства.

Помнимъ очень характерный нашъ разговоръ по этому поводу въ Парижѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на собраніи въ редакціи „декадентскаго" журнала „Mercure de France". Среди присутствующихъ былъ одинъ русскій, пріѣхавшій еще болѣе укрѣпиться въ своемъ индифферентизмѣ къ общественнымъ интересамъ въ обществѣ восхищавшихъ его декадентовъ и символистовъ. Къ его великому изумленію и досадѣ, очень горячая бесѣда въ тотъ день велась исключительно о политикѣ. Журналъ въ то время принялъ рѣзкую позицію въ дре-

фусовскомъ вопросѣ; произошелъ расколъ между литературными единомышленниками, Реми де Гурмономъ и Густавомъ Каномъ,—послѣдній вышелъ изъ журнала. Русскій гость въ редакціи, слишкомъ увѣренный въ томъ, что безразличіе, чтобы не сказать—презрѣніе къ общественнымъ интересамъ—основа декадентскаго credo, и удивленный также обиліемъ политическаго матеріала въ журналѣ, съ нѣкоторымъ негодованіемъ спросилъ жену редактора Валетта, писательницу Рашильдъ: „Что вамъ за дѣло до политики? Не все ли равно передъ лицомъ вѣчности, каковы будутъ судьбы французскаго милитаризма?“ Но м-мъ Рашильдъ очень сухо оборвала разговоръ, сказавъ: „Это вопросъ національной жизни, который для насъ вмѣщаетъ въ себѣ все. Вамъ, иностранцу, это можетъ быть непонятно“. Никто тогда во Франціи не удивлялся тому, что метафизикъ Реми де Гурмонъ, создатель вольнаго стиха, Густавъ Канъ и Рашильдъ, изобразительница странныхъ до дерзновенности эмоцій, были въ центрѣ волнующаго всю страну общественнаго событія. Они не казались неискренними, никто не думалъ, что они измѣняютъ своему искусству и своимъ мыслямъ, переживая—конечно по своему,—общее волненіе.

Еще одинъ примѣръ въ томъ же родѣ представляетъ собою дѣятельность Анатоля Франса. Недавно вышла его книга подъ заглавіемъ: „Къ лучшимъ временамъ“ (Vers les temps meilleurs). Это сборникъ политическихъ рѣчей Анатоля Франса за восемь лѣтъ, отъ 1898 по 1906 г. Книга эта очень поучительна—въ особенности для русскаго общества.

Анатоль Франсъ создалъ во Франціи особый родъ философскаго романа. Натуралистическій романъ, особенно въ творчествѣ Золя, былъ проникнутъ злобой противъ буржуазнаго общества, разрушительнымъ гнѣвомъ, обращеннымъ на непосредственную дѣйствительность. Онъ стоялъ во времени, былъ активнымъ борцомъ, не изучалъ, а проповѣдывалъ. Золя былъ моралистъ, громко взывавшій на площадяхъ къ походу противъ злыхъ, во имя торжества добрыхъ. Добро и зло были для него ясно обозначенными понятіями, и онъ видѣлъ ихъ только въ современныхъ ему явленіяхъ общественной жизни. Ко всему его эпосу буржуазной Франціи, ко всѣмъ романамъ серіи Ругонъ-Макаровъ, примѣнима, какъ общій заголовокъ, знаменитая фраза его историческаго письма: „Я обвиняю“ („J'accuse“).

И въ то время, когда гремѣли его обличительные громы, выступилъ художникъ-философъ съ совершенно противоположной формулой творчества, явился Анатоль Франсъ съ его первыми спокойно художественными, улыбающимися разсказами изъ смутныхъ переходныхъ эпохъ, разсказами о временахъ, когда сталкивались противоположныя міросозерцанія, когда отживающее старое и возникающее новое ужи-

вались одно рядомъ съ другимъ, тѣсно сплетаясь, проникая одно другое. Таковы были первые разсказы Анатоля Франса изъ переходной эпохи отъ язычества къ христіанству.

Старый и новый міръ отразились въ этихъ нѣжно художественныхъ повѣстяхъ не въ своихъ роковыхъ столкновеніяхъ, а въ своихъ вѣчныхъ сплетеніяхъ: заблудшій пришлецъ изъ царства великаго Пана, языческій сатиръ, пріобщается закону христіанской любви, и возникаетъ святой Сатиръ; суровый христіанскій монахъ познаетъ красоту, законъ языческаго міра, полюбивъ грѣшницу Таису, а она, прекрасная, не измѣняя себѣ, пріобщается къ лику святыхъ. Святыя жены Христовы приходятъ къ римлянкамъ, для которыхъ единственно святое—красота ихъ тѣла, и взаимное душевное любопытство сближаетъ ихъ.

И древній Востокъ, очагъ самыхъ противорѣчивыхъ исканій въ области нравственной и религіозной правды, также привлекаетъ философа и питаетъ его пытливое отношеніе къ жизни. Въ этихъ искаліяхъ укрѣпляется и утверждается философія Анатоля Франса, опредѣляется и сгущается свѣтъ, въ которомъ ему рисуется прошлое и настоящее человѣчества и судьбы міра. Золя гнѣвно проповѣдуетъ, Анатоль Франсъ подходитъ ко всему съ любознательностью; Золя обличаетъ, судитъ,—Анатоль Франсъ все пріемлетъ. Нѣтъ для него ни грѣха, ни зла, потому что онъ заглядываетъ въ источники, и относительныя человѣческія дѣленія и осужденія теряютъ для него силу. Онъ увидѣлъ, что абсолютное добро лежитъ внѣ явленій, и потому все въ судьбахъ и дѣйствіяхъ человѣчества совершается въ кругу относительнаго, и потому все одинаково, все пріемлемо, все достойно жалости и любви. Такова его философія, выросшая на изученіи противорѣчивыхъ правдъ. Укрѣпившись въ ней, онъ сталъ изображать культурное прошлое человѣчества,—и сначала опять періоды перелома, скептическій восемнадцатый вѣкъ, когда вольтеріанство странно сплеталось съ католическимъ благочестіемъ. Сколько тонкой иронiи и въ то же время сочной жизнерадостности въ одномъ изъ очаровательныхъ созданій Анатоля Франса, въ его аббатѣ Жеромѣ Куаньярѣ,—большомъ грѣшникѣ, наивномъ чревоугодникѣ и въ то же время учителѣ жизненной мудрости, преисполненномъ любви и жалости къ людямъ.

И когда Анатоль Франсъ подошелъ къ современной дѣйствительности, сталъ изображать жизнь, нравы, политику, чувства современной Франціи и современныхъ французовъ, онъ тоже вооружился всепрощающей улыбкой мудреца. Во имя улыбающейся мудрости онъ прежде всего сталъ разсуждать не изъ центра событій, а отдѣляясь отъ нихъ, отодвигая ихъ такъ, какъ еслибы онъ читалъ на древнемъ папирусѣ исторію Египта при какой-нибудь изъ двадцатыхъ династій. разсматривая смыслъ событій передъ судомъ вѣчности, а не подъ зна-

комъ страсти и гнѣва. Такъ образовалась серія его тонко художественныхъ и глубокихъ книгъ, его „Современной исторіи". Въ нихъ онъ первый въ литературѣ ввелъ въ художественный вымыселъ реальное изображеніе фактовъ текущей жизни. Съ большой любовью созданъ герой всѣхъ этихъ романовъ, профессоръ Бержере, въ которомъ не трудно признать духовный обликъ самого автора. Онъ—жертва жизни и мишень всѣхъ превратностей судьбы, какъ, напримѣръ, въ семейныхъ катастрофахъ, составляющихъ содержаніе „Mannequin d'osier". Но въ то же время, возвышаясь надъ судьбой, онъ безстрастно выясняетъ мотивы событій и пріемлетъ ихъ правду. Или когда ему, во время уличныхъ націоналистическихъ манифестацій, бросаютъ въ окно камни, онъ беззлобно разсматриваетъ ихъ и сравниваетъ обычаи современной французской толпы съ проявленіями народнаго гнѣва въ древнемъ Египтѣ. Всепріемлющій художникъ не измѣняетъ себѣ во всѣхъ дальнѣйшихъ книгахъ своей „Современной исторіи", вплоть до новѣйшей—„На бѣломъ камнѣ",—гдѣ событія современности отражаются тоже подъ знакомъ вѣчности.

Казалось бы, такимъ образомъ, что философъ и художникъ Франсъ отрѣшенъ отъ битвъ, происходящихъ вокругъ него. Скептическая улыбка, съ которой онъ дѣлаетъ знакъ равенства между язычествомъ и христіанствомъ, между эпикурейцами - аббатами и святыми отшельниками, всепріемлемость, основанная на всеотрицаніи, на сплошномъ недовѣріи ко всѣмъ человѣческимъ начинаніямъ, — все это должно было бы навсегда удалить его отъ живой дѣйствительности и замкнуть въ эстетизмѣ, въ исканіи художественныхъ формъ, наиболѣе полно и сильно отражающихъ равноцѣнныя „да" и „нѣтъ", составляющія судьбы міра. У насъ злоупотребляютъ словомъ „декадентство". Но если понимать его какъ эстетическую брезгливость къ тому, что волнуетъ массы, какъ желаніе занять обособленную позицію, и разсматривать дѣйствительность только какъ предлогъ для эмоцій, то Анатоль Франсъ въ своихъ прежнихъ повѣстяхъ — декадентъ, или, вѣрнѣе, эстетъ.

И вдругъ, въ разгаръ дрейфусарской эпопеи, Анатоль Франсъ становится главой негодующей интеллигенціи, отдается борьбѣ за попранное право, и въ своемъ исканіи новыхъ жизнеспособныхъ силъ въ французскомъ обществѣ, обращается къ рабочему классу и становится другомъ и учителемъ французскаго пролетаріата. Еслибы кто-нибудь прочелъ новую книгу Франса, сборникъ его рѣчей,—„Къ лучшимъ временамъ",—не будучи знакомъ съ дѣятельностью автора за послѣдніе годы, то былъ бы крайне пораженъ кажущимся противорѣчіемъ между его прежнимъ философскимъ міросозерцаніемъ и его теперешнимъ активнымъ жизнестроительствомъ. Но, помня, какъ дѣя-

тельно выступалъ Анатоль Франсъ въ борьбѣ съ націонализмомъ, какую огромную услугу онъ оказалъ и народной массѣ, и французской интеллигенціи созданіемъ народныхъ университетовъ, и прочтя теперь сборникъ его рѣчей, можно получить цѣльное представленіе о другомъ обликѣ Анатоля Франса — о его дѣятельности, какъ агитатора на пользу французскаго рабочаго класса.

Активная программа Анатоля Франса заключаетъ въ себѣ всѣ требованія внѣпартійныхъ соціалистовъ во Франціи. Начало его общественной борьбы было связано съ первыми побѣдами націоналистовъ, противъ которыхъ онъ выступалъ на предвыборныхъ митингахъ. Онъ велъ ожесточенную кампанію противъ „черной республики", т.-е. коалиціи милитаризма и клерикализма, двухъ началъ, затемняющихъ общественное сознаніе. Но отъ чисто политической борьбы противъ націоналистовъ Анатоль Франсъ перешелъ къ соціальной дѣятельности, и въ ней—его главное значеніе. Руководящимъ принципомъ его агитаціи сдѣлался призывъ къ соціальной справедливости и къ „свободѣ, которая не допускаетъ свободы противъ себя". Онъ ищетъ союзниковъ въ борьбѣ за осуществленіе этой свободы—и находитъ ихъ въ рабочей массѣ. „Въ нашемъ эгоистическомъ обществѣ одинъ только пролетаріатъ обладаетъ творческой энергіей",—говоритъ онъ, и это опредѣляетъ его дѣятельность. Его отношеніе къ рабочимъ массамъ—очень свободное. Онъ не становится въ ряды „партійныхъ работниковъ", не вступаетъ въ союзъ съ соціализмомъ, какъ политической силой, а видитъ въ пролетаріатѣ культурную силу будущаго и идетъ ей навстрѣчу. Онъ привѣтствуетъ въ одной рѣчи Георга Брандеса за то, что, живя при господствѣ демократіи, онъ никогда не льстилъ ей. Анатоль Франсъ считаетъ самымъ существеннымъ—поднять умственное развитіе рабочихъ. Отсюда его заботы о народныхъ университетахъ. Многія его рѣчи—воззванія къ рабочимъ. Онъ развиваетъ въ нихъ интересъ къ наукѣ, доказываетъ необходимость науки, какъ опоры въ борьбѣ, и призываетъ къ идейнымъ интересамъ, къ тому, чтобы не замыкаться въ защитѣ профессіональныхъ правъ. Постоянный лейтмотивъ его рѣчей—призывъ къ единенію труда съ творческой философской мыслью. Только въ этомъ онъ видитъ залогъ будущаго „идеальнаго города". Взаимодѣйствіе художника и ремесленника, созидающихъ жилища людей, единеніе рабочихъ для возстановленія вселенскаго мира, органическое нравственное чувство въ людяхъ труда—вотъ что выдвигаетъ постоянно Анатоль Франсъ, привѣтствуя французскій пролетаріатъ въ его борьбѣ и разъясняя ему его политическія и соціальныя права.

Анатоль Франсъ относится къ „грядущей силѣ труда" какъ учитель, направляетъ ее на путь позитивныхъ знаній, „излечивающихъ

отъ праздныхъ страховъ", а также на путь творческой мысли. „Вопреки побѣдамъ силы, міромъ управляетъ мысль", учитъ онъ своихъ союзниковъ, и во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ защищаетъ главнымъ образомъ принципъ единенія. „Все въ жизни общества объединено глубокой гармоніей, отъ верхушки дерева до корней",—говоритъ онъ. Духовное творчество, такимъ образомъ, далеко не умалено въ практической проповѣди Анатоля Франса. Напротивъ того, его союзъ съ пролетаріатомъ основанъ на довѣріи къ его духовной воспріимчивости. Рабочій классъ, не зараженный буржуазнымъ скептицизмомъ, кажется ему открытымъ для воспріятія идеальныхъ цѣнностей, которыя могутъ преобразить утилитарно-матеріалистическую культуру западной Европы.

Агитаторская дѣятельность Анатоля Франса важна и поучительна не своимъ непосредственнымъ практическимъ содержаніемъ: защитниковъ пролетаріата и его интересовъ много и помимо него. Важно, что онъ пришелъ къ своей проповѣди черезъ свою философію, важенъ продѣланный имъ путь. Важно, что его „дѣйствіе"—конечный выводъ изъ его мысли. Онъ сначала „принялъ міръ", но изъ глубины скептицизма. Говоря всему „нѣтъ", онъ сдѣлалъ знакъ равенства и между конечными полюсами отношеній къ міру, между „нѣтъ" и „да", и сталъ говорить всему „да",—т.-е. сводить все къ одинаковому ничто. Его акцептація была своего рода нигилизмомъ.

Выходомъ изъ пессимизма сталъ для Анатоля Франса его эстетизмъ, преображеніе міра въ свѣтѣ красоты. И черезъ красоту ему открылось творческое начало жизни—открылся свѣтъ любви, подвигающій на строительство жизни. Равенство „да" и „нѣтъ" осталось фономъ его отношеній ко всякому догматизму. Въ этой области, въ отвлеченномъ идейномъ искательствѣ, Франсъ остался внѣ опредѣленнаго философскаго міропониманія,—это его слабость какъ мыслителя; но онъ открылъ оправданіе міра въ творческомъ началѣ любви. Любовь понимается имъ метафизически, какъ знакъ вѣчно скрытой цѣли міра,—и онъ переводитъ ее въ живую дѣйствительность, какъ показатель цѣлесообразности явленій. Любовь согрѣваетъ его скептическихъ героевъ и дѣлаетъ ихъ мудрецами. Стоитъ вспомнить Сильвестра Бонара изъ раннихъ разсказовъ Франса, чтобы оцѣнить его отношеніе къ любви, какъ къ созидательному жизненному принципу. Въ области принциповъ и отвлеченныхъ искательствъ все относительно, все и „да" и „нѣтъ", но любовь всегда истинна и права. Франсъ называетъ это осязательной, ясной для каждаго ребенка истиной—въ противоположность всему спорному въ дѣйствіяхъ разума.

И любовь стала путемъ, который привелъ скептика-философа къ агитаторству „идеальнаго города", гдѣ восторжествуютъ справедли-

вость и свобода, „та свобода, которая не знаетъ свободы противъ себя“. Его теперешняя общественная дѣятельность, такимъ образомъ, не оторвана отъ его эстетико-философскаго міропониманія, а является синтезомъ его философскаго пессимизма и его идеалистическихъ исканій. Философъ Франсъ не случайно свернулъ на путь практическихъ начинаній. Напротивъ того, онъ стоитъ на болѣе твердой почвѣ, чѣмъ практики „профессіоналы“, отрицающіе значеніе „мыслей о вѣчности“, когда дѣло идетъ объ устроеніи жизненныхъ задачъ,—которые считаютъ, что сначала нужно подумать о хлѣбѣ для всѣхъ, а потомъ на досугѣ разсуждать о цѣли міра, или что сначала—революція, а потомъ ужъ исканіе высшихъ оправданій жизни. Правда только въ слiяніи, только въ дѣйствіи, исходящемъ изъ цѣльнаго міропониманія. Каждый моментъ только тогда переживается полностью, когда онъ мыслится входящимъ въ вѣчность, а не отторгнутымъ отъ нея, когда правота его сводится не на „пока“, а предполагается „навсегда“.

II.

Jérome-Jean Tharaud. Dingley, l'illustre écrivain (Paris, 1906, éd. Pelletan).

Интересная повѣсть Жерома-Жана Тарò, „Дингли“, представляетъ собой этюдъ національной психологіи. Французскій авторъ изучаетъ на примѣрѣ писателя другой страны черту, свойственную также и его народу,—обостренное чувство національнаго самоутвержденія, то, что во Франціи извѣстно подъ названіемъ націонализма, а въ Англіи—имперіализма или, на разговорномъ языкѣ, джингоизма. Имперіализмъ обнаруживается въ завоевательной политикѣ, въ стремленіи расширить предѣлы и тѣмъ самымъ богатство страны, а также въ сознаніи своего превосходства надъ другими народами.

Психологію джингоизма Тарò изображаетъ на удачно выбранномъ примѣрѣ писателя, который питаетъ патріотизмъ соотечественниковъ своими произведеніями, и потомъ уже не имѣетъ возможности отказаться отъ своей миссіи, даже когда онъ самъ разочаровывается въ ней. Не осуждая и не протестуя противъ узости патріотическихъ увлеченій, авторъ романа хочетъ только изобразить развитіе и психологическія обоснованія имперіализма, его заразительное дѣйствіе на толпу, а также связь писателя съ общественнымъ настроеніемъ.

Въ лицѣ Дингли, героя романа, изображенъ съ достаточной ясностью знаменитый англійскій писатель Киплингъ, слава котораго особенно возросла со времени бурской войны, когда онъ сдѣлался пѣвцомъ національныхъ чувствъ. Вотъ характеристика Дингли въ романѣ: „Вездѣ,

гдѣ говорятъ по-англійски, извѣстно всѣмъ безъ исключенія имя знаменитаго писателя Дингли. Даже дѣти хорошо знаютъ его: многіе учатся читать по его книгамъ. Въ раннихъ своихъ произведеніяхъ онъ поражалъ своей необычайной веселостью и несравненной свѣжестью воображенія. Онъ точно родился на зарѣ міра, когда у людей воспріимчивость внѣшнихъ чувствъ была такая же, какъ у животныхъ. Описывалъ ли онъ дѣвственный лѣсъ въ Индіи, или контору въ лондонскомъ Сити, восходъ солнца на тропикахъ, закатъ въ западной Европѣ, описанія его всегда были таковы по свѣжести впечатлѣнія, точно онъ совершенно новыми глазами глядѣлъ на міръ. Разсказы его написаны были съ детальностью японскихъ реалистовъ и съ богатой фантазіей персидскаго поэта. Дѣйствующія лица его сказокъ жили почти всѣ въ странѣ, гдѣ распускается пышнымъ цвѣтомъ мощная фантазія человѣчества, въ долинахъ Ганга, на родинѣ самыхъ страстныхъ исканій смысла жизни. Тамъ, въ Индіи, онъ изучалъ жизнь англійскихъ поселенцевъ, а также мечты туземныхъ мудрецовъ. Онъ соединялъ конкретный умъ человѣка англійской расы съ неудовлетворенной душой индуса. Въ немъ соединялся завоевательный духъ норманскаго пирата съ любовью къ тихому созерцанію въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ. Передъ внутреннимъ взоромъ его проходила, какъ воспоминанія объ иномъ бытіи, жизнь культурныхъ народовъ, уже сошедшихъ съ горизонта исторіи, и въ его разсказахъ соединялась современность, бытъ англійскихъ городовъ, съ картинами отдаленнѣйшихъ историческихъ эпохъ".

Это опредѣленіе Дингли—точная и вѣрная характеристика Киплинга въ прежнюю пору его творчества, до начала бурской войны. И затѣмъ, въ романѣ изображено превращеніе художника, увлекавшагося свободнымъ духомъ индусовъ, противника англійскаго господства—въ яраго имперіалиста, пѣсни котораго стали звучать, какъ военные призывы. Эту психологію своего героя авторъ романа объясняетъ тѣмъ, что подъ-сорокъ лѣтъ Дингли сталъ сомнѣваться въ прочности своей славы. Чтобы побѣдить время,—онъ былъ одержимъ страстнымъ желаніемъ оставить по себѣ посмертную память въ умахъ людей,—онъ сталъ искать какую-нибудь прочную опору для своего творчества, хотѣлъ примкнуть къ историческому явленію несомнѣнной важности. Изъ всѣхъ событій, мѣнявшихъ лицо земли со времени римской побѣды надъ міромъ, ни одно не казалось ему столь значительнымъ, какъ завоеваніе міра англійской націей; онъ почувствовалъ себя поэтомъ, избраннымъ воспѣть побѣды своего народа. Эта миссія связывала его съ литературнымъ и національнымъ прошлымъ своей родины. Британская имперія была осуществленіемъ пророческой мечты романиста. За тридцать лѣтъ до завоеванія Индіи Дизраэли написалъ

фантастическій романъ о человѣкѣ, который объединилъ всѣ британскія колоніи въ пышную монархію и добился вѣнчанія англійской королевы индійскою императрицею. И когда Дизраэли достигъ власти, онъ съ точностью выполнилъ гордую мечту своей романтической юности. Дингли видѣлъ въ немъ самаго яркаго выразителя идеаловъ Англіи съ ея двойнымъ господствомъ въ дѣйствительномъ мірѣ, гдѣ царитъ сила, и въ области духа и мечты. И Дингли увидѣлъ свое назначеніе въ исполненіи той же національной миссіи.

Уже восемь мѣсяцевъ продолжалась война съ бурами, и Англію въ Трансваалѣ побивало все это время племя крестьянъ. Огромная регулярная армія отступала передъ нѣсколькими тысячами некультурныхъ людей, управляемыхъ случайными вождями. Дингли никогда не считалъ возможнымъ пораженіе Англіи, и страдалъ какъ бы отъ чувства личнаго оскорбленія. Какъ истый англичанинъ, онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что побѣда обозначаетъ нравственную правоту, и что побѣжденный всегда достоинъ презрѣнія. Это настроеніе и привлекло его къ активному имперіализму. Онъ мечталъ о томъ, чтобы раздѣлить, какъ поэтъ, славу могущественной имперіи, которая объединитъ подъ своей властью самыя далекія земли,—и онъ не могъ себѣ представить, что эту надежду разрушитъ кучка одичавшихъ европейцевъ, притаившихся за кустами.

Война заинтересовываетъ его прежде всего какъ художника всѣми своими отголосками въ опечаленномъ Лондонѣ. Дингли сталъ ходить ежедневно къ зданію военнаго министерства, гдѣ вывѣшивались длинные списки убитыхъ и раненыхъ, и наблюдалъ за лицами тѣснившихся передъ списками людей: рѣдко можно было видѣть столь яркое проявленіе ужаса на человѣческихъ лицахъ. Исчезло различіе между рангами; богатые и бѣдные подходили съ одинаковымъ выраженіемъ тревоги къ спискамъ, страшась найти въ нихъ имена родныхъ и близкихъ. Дингли избралъ спеціальнымъ объектомъ наблюденія жалкую, безграмотную старушку, которая приходила каждый день и просила сказать ей, не обозначенъ ли въ числѣ пострадавшихъ Джэмсъ Крукъ. И наступилъ день, когда это имя появилось въ спискѣ и было сообщено старухѣ. Дингли долго слѣдилъ за старухой, когда она ушла, безпомощно опустивъ руки, и дома сообщилъ женѣ, что завершился, наконецъ, наблюдаемый имъ психологическій случай; онъ передавалъ съ особой радостью коллекціонера подробности о матери убитаго воина, о странномъ спокойствіи, съ которымъ она приняла вѣсть... „Какой единственный примѣръ хладнокровія являетъ Англія въ эту горестную войну!“—сказалъ онъ съ гордостью, заканчивая разсказъ.

Бродя по улицамъ Лондона, Дингли видитъ зрѣлище, которое внушаетъ ему патріотическую писательскую задачу: на Трафалгарской

площади сержантъ вербуетъ волонтеровъ въ армію. Дингли слѣдитъ за ходомъ его пропаганды и видитъ, что сержанту удается заманить своими обѣщаніями и, главнымъ образомъ, угощеніемъ въ кабакѣ трехъ отчаянныхъ субъектовъ изъ подонковъ населенія. Наблюдая за поведеніемъ этихъ рекрутовъ, Дингли задумываетъ новое произведеніе, которое должно укрѣпить національное самосознаніе въ его читателяхъ. Вотъ та связь съ національной идеей, которую онъ искалъ. Наблюдая за жалкими рекрутами, людьми, опустившимися окончательно отъ нищеты, онъ мысленно представляетъ себѣ, чѣмъ они станутъ. Думая о нихъ, какъ о защитникахъ интересовъ имперіи, Дингли чувствуетъ себя ихъ братомъ. Ему выясняется равенство всѣхъ передъ національной идеей: древо имперіи пустило корни въ нищетѣ и пьянствѣ лондонскихъ бродягъ, но это только способствуетъ пышному расцвѣту его. У Дингли опредѣлилась тема новой книги: онъ напишетъ исторію уличнаго бродяги, облагороженнаго войной; онъ вступаетъ въ армію не изъ патріотизма, а ради нѣсколькихъ гиней, но самая война преображаетъ его. Дингли развиваетъ эту тему въ разговорѣ съ женой, и замыселъ его романа становится яркимъ воплощеніемъ имперіализма. Онъ хочетъ показать, что война дѣлаетъ героемъ самаго послѣдняго негодяя. Жена возражаетъ ему доводами общечеловѣческой морали, тѣмъ, что не можетъ человѣкъ стать лучшимъ отъ того, что будетъ убивать людей и производить насилія и грабежи. Но Дингли протестуетъ противъ ея пасторской морали и стоитъ на точкѣ зрѣнія англійскаго націонализма: „Для меня человѣкъ великъ,—говоритъ онъ,—поскольку онъ служитъ великому дѣлу. Конечно, мои бродяги никогда не станутъ джентльменами, но на ихъ грубыхъ, животныхъ инстинктахъ строится зданіе имперіи".

Дингли видитъ въ своемъ героѣ, вышедшемъ изъ столичныхъ трущобъ, главныя качества англійскихъ воиновъ: выносливость, духъ иниціативы, хладнокровіе, гуманность, веселость. Дингли увлекается своимъ новымъ замысломъ и собираетъ матеріалъ для изображенія солдата, поднявшагося изъ грязи на высоту геройскихъ подвиговъ. Дингли начинаетъ романъ съ описанія Лондона послѣ объявленія войны. Но, закончивъ первыя главы, онъ рѣшаетъ перевести мѣсто дѣйствія на театръ войны, чтобы изобразить своего героя въ дѣйствіи. Не долго думая, онъ беретъ жену и маленькаго сына и ѣдетъ въ Африку. По пути, на пароходѣ, онъ знакомится съ нѣсколькими иностранцами, большею частью съ военными корреспондентами, и въ бесѣдахъ съ ними выясняются теоретическія основы англійскаго имперіализма, глашатаемъ котораго является Дингли: „Мы—не завоеватели,—говоритъ Дингли собесѣднику, который нападаетъ на англійскую жажду захвата,—мы устроители земли, предприниматели, строящіе дома на

пустыряхъ, телеграфисты, кочегары, искатели золота, скотоводы. Мы занимаемся мелкими промыслами. Насъ много. Мы должны покидать нашъ островъ. Вы, французы, предпочитаете оставаться дома,—и кому охота покидать прекрасную Францію? Но мы, какъ ваши оверпцы, блуждаемъ по свѣту".

Формулу національнаго характера Дингли даетъ еще разъ въ стихотвореніи, передающемъ его первыя впечатлѣнія при приближеніи къ Африкѣ:—„Тамъ, за этими холмами, борются два народа. Знаешь ли ты ихъ, путникъ?—говоритъ онъ въ стихотвореніи.—Одинъ изъ нихъ гордится своимъ невѣжествомъ и грубостью; онъ не гостепріименъ, не культуренъ и до крайности благочестивъ. Онъ живетъ въ огромныхъ равнинахъ, среди своихъ стадъ—едва ли болѣе дикихъ, чѣмъ онъ самъ. Отнимите у него его лошадей и быковъ—и для него исчезнетъ всякій смыслъ жизни.

„А другой народъ—самый счастливый на свѣтѣ. Можно отнять у него всѣ его богатства, и этимъ его не разоришь. Но если ты отнимешь у него возможность дѣйствовать и радость мечтаній, то пусть оторвутся канаты, прикрѣпляющіе зеленую Англію ко дну водъ. Пусть тогда океанъ унесетъ нашъ островъ по теченію и поглотитъ его въ разъяренныхъ волнахъ. Намъ останется только умереть".

Въ Африкѣ Дингли и его жена имѣютъ случай познакомиться съ жизнью буровъ. Ближе всего они знаютъ своихъ сосѣдей, собственниковъ богатой фермы, африкандеровъ, сохраняющихъ вѣрность англійскому правительству. У нихъ есть мальчикъ, сверстникъ маленькаго сына Дингли. Дѣти дружны, и жена романиста часто видается съ семьей дю-Туа, хотя чувствуетъ, что хозяйка дома враждебно настроена противъ Англіи и горитъ любовью къ своему народу. Вскорѣ на фермѣ Розендааль разыгрывается драма: старшій сынъ дю-Туа, воспитанный въ Англіи, состоящій на англійской службѣ, вступаетъ въ ряды возставшихъ буровъ, къ ужасу своего отца; но мать вполнѣ на его сторонѣ и даже помогаетъ ему уйти тайкомъ изъ дому. Объ этой драмѣ на фермѣ Розендааль жена Дингли сообщаетъ своему мужу, который уѣхалъ на театръ войны, оставивъ ее съ ребенкомъ на ихъ виллѣ близъ Капштата. Ей, какъ англичанкѣ, непонятенъ мятежный духъ, охватившій даже женщинъ въ Трансваалѣ, и эта мать, толкающая своего сына на величайшую опасность — ему грозитъ разстрѣлъ, какъ дезертиру, если онъ попадется въ руки англійскихъ войскъ — кажется ей безчеловѣчной. Въ своихъ письмахъ къ женѣ Дингли продолжаетъ развивать тему своей повѣсти и описываетъ похожденія своего героя, собирательнаго лица, составленнаго изъ всѣхъ наблюденій романиста во время войны. Чувство національной гордости все болѣе растетъ въ романистѣ, по мѣрѣ того какъ созрѣваетъ его

замыселъ, и его письма становятся диѳирамбомъ англійскому солдату: „Подъ шлемомъ, который я ношу,—пишетъ онъ,—за очками, плохо защищающими меня отъ пыли, моя исторія вырисовывается все болѣе опредѣленно. Мой герой, сынъ старой націи промышленниковъ, подаетъ примѣръ рыцарской храбрости своему сопернику. Эти фермеры трусливо избѣгаютъ рукопашныхъ схватокъ, и такая трусость еще болѣе противна въ дикаряхъ, нежели въ культурныхъ людяхъ". Дингли говоритъ о широкихъ задачахъ своего произведенія: — „мой новый романъ о лондонскомъ бродягѣ будетъ закалять духъ англійскихъ читателей,—пишетъ онъ женѣ.—Въ немъ почувствуется опьяненіе человѣка, въ которомъ проснулись первобытные инстинкты борьбы и силы, усыпленные культурой. Это будетъ суровая пѣсня, восхваляющая смѣлость начинаній и выносливость сильныхъ людей. Пространство, которое нужно пробѣжать, врагъ, котораго нужно настигнуть, шатеръ, который нужно воздвигнуть для защиты отъ вѣтра,—вотъ границы существованія, которыя я буду описывать въ этомъ романѣ. Смерть не будетъ возбуждать у моихъ героевъ иныхъ чувствъ, кромѣ гордости и сознанія силы. А когда война кончится, мой герой вернется въ Лондонъ побѣдителемъ, облагороженнымъ своимъ служеніемъ родинѣ. Что станется съ нимъ послѣ того, какъ онъ превратится въ честнаго человѣка? Вступитъ ли онъ въ армію спасенія, или сдѣлается сторожемъ городского сквера, или вернется къ прежней грязи? Не все ли равно? У него было нѣсколько яркихъ часовъ въ жизни, и этого достаточно".

Такъ развивается и укрѣпляется имперіализмъ Дингли, такъ рисуется ему его будущій гимнъ англійскому солдату. Но вдругъ, среди жизни на театрѣ войны, его настроеніе мѣняется, и онъ начинаетъ видѣть оборотныя стороны войны. Начинается это съ личнаго несчастія: его сынъ заболѣлъ, и письмо жены, зовущей его домой, доходитъ до него не сразу. Получивъ его наконецъ, Дингли страшно торопится уѣхать, но достать лошадей и проводника, чтобы добраться до желѣзной дороги, очень трудно. Дингли переживаетъ разныя приключенія и попадаетъ въ бурскій лагерь, но тамъ ему какъ разъ даютъ лошадь и проводника, потому что тамъ оказывается сынъ розендаальскаго фермера дю-Туа. Дингли непріятно быть обязаннымъ ему, но онъ все-таки пользуется его услугами, и, переночевавъ въ лагерѣ, уѣзжаетъ; по дорогѣ онъ думаетъ о завидной долѣ молодого бура, испытывающаго столь сильныя ощущенія. По дорогѣ домой, въ поѣздѣ, Дингли видитъ весь ужасъ ранъ и страданій, самъ уступаетъ свое мѣсто въ поѣздѣ раненому, потомъ долженъ еще остановиться въ Блумфонтэнѣ, присутствуетъ на военномъ банкетѣ, видитъ начальство съ самой неприглядной стороны и ѣдетъ домой съ начинающимся про-

тестомъ противъ войны. Дома его ждетъ катастрофа—смерть сына, и помимо личнаго горя онъ чувствуетъ въ этомъ символъ: ребенокъ—косвенная жертва войны, условій жизни въ тяжелое военное время. Война убиваетъ личное счастье и благополучіе отдѣльныхъ людей. Еще одна катастрофа укрѣпляетъ его новое настроеніе. Молодой дю-Туа, которому онъ обязанъ личной услугой, попадается въ плѣнъ и приговоренъ къ разстрѣлу. Семья обращается къ нему за протекціей. Одно его слово можетъ спасти осужденнаго. Жена Дингли тоже настаиваетъ на томъ, чтобы онъ спасъ несчастнаго. Но Дингли не можетъ этого сдѣлать: для него законъ—высшая святыня, передъ которой должны исчезнуть и жалость, и личное чувство благодарности. Ему глубоко жаль дю-Туа, онъ весь на его сторонѣ — но желѣзная воля закона не допускаетъ исключеній. Дю-Туа разстрѣливаютъ, къ ужасу жены Дингли—и его самого. Онъ видитъ въ этомъ еще одно проявленіе ужаса войны,—уничтоженіе человѣческихъ чувствъ, жалости и благодарности, передъ грознымъ военнымъ долгомъ. Дингли возвращается въ Лондонъ разбитый. Всѣ иллюзіи его разсѣялись, весь пылъ національныхъ чувствъ остылъ. Когда его просятъ писать о войнѣ, — онъ пишетъ обличительную статью о несовершенствахъ арміи, объ ошибкахъ во время войны. Но издатель газеты прибѣгаетъ къ нему и убѣждаетъ его, что его дѣло не критиковать, а поддерживать восторженное настроеніе въ націи. И Дингли переживаетъ новую метаморфозу. Заключенъ миръ, общество снова охвачено гордымъ чувствомъ побѣды, и всѣ забыли жертвы, которыми побѣда куплена. Дингли вторитъ общему хору и становится снова запѣвалой въ немъ. Онъ—пѣвецъ имперіализма, и отъ этой миссіи онъ не смѣетъ болѣе уклоняться.

Вся эта эпопея національнаго чувства, проходящаго черезъ всѣ фазисы подъемовъ, паденій и новыхъ подъемовъ, изображена въ романѣ съ художественной тонкостью и оригинальностью. Авторъ не судитъ, а только изображаетъ естественное психологическое развитіе чувствъ своего героя. Тѣмъ ярче выступаетъ внутренняя правда событій—ужасъ всего, что разбиваетъ общечеловѣческое во имя узконаціональнаго.—З. В.

ПАМЯТИ КН. Д. В. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО.

7-го ноября, въ Пензѣ, скончался, на 74-мъ году отъ рожденія, князь Дмитрій Владиміровичъ Друцкой-Сокольнинскій.

Покойный, въ продолженіе четверти вѣка, былъ безсмѣнно мокшанскимъ предводителемъ дворянства, постояннымъ участникомъ земскихъ собраній, а два послѣднихъ трехлѣтія, кромѣ того, и почетнымъ попечителемъ пензенской гимназіи; онъ отдавалъ свое свободное время сельскому хозяйству, а свой небольшой досугъ—тѣмъ „Письмамъ изъ деревни", которыя печатались въ „Вѣстникѣ Европы".

Подъ грустнымъ и еще свѣжимъ впечатлѣніемъ его смерти мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о покойномъ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ и человѣкѣ.

Въ лицѣ покойнаго князя мокшанскій уѣздъ и пензенская губернія похоронили прежде всего свидѣтеля лучшихъ временъ русской жизни, живую и непосредственную связь съ идеалами и завѣтами сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, человѣка чуткаго и отзывчиваго къ вопросамъ и нуждамъ современности, стойкаго въ своихъ взглядахъ и никогда не поддававшагося настроеніямъ политическаго момента... Своимъ спокойнымъ стариковскимъ взглядомъ онъ съ глубокою грустью смотрѣлъ на уродливое воплощеніе въ дѣйствительности дорогихъ для него и чистыхъ идеаловъ минувшихъ временъ, но грусть его никогда не доходила до отчаянія, и онъ ни на минуту не терялъ ни самообладанія, ни вѣры въ лучшее будущее.

Мнѣ очень бы хотѣлось сравнить его отношеніе къ переживаемому нами политическому кризису съ отношеніемъ стараго, опытнаго доктора къ кризису болѣзни его паціента... Болѣзнь тяжела, симптомы ея мучительны, окружающіе теряютъ надежду на выздоровленіе и близки къ отчаянію, но врачъ опытнымъ взглядомъ видитъ, что это есть именно кризисъ, за которымъ быстро можетъ наступить улучшеніе, и понимаетъ, что было бы гораздо хуже, еслибы болѣзнь приняла затяжной, длительный характеръ... Онъ съ грустью смотритъ на страданія больного, но спокойно вѣритъ въ благополучный исходъ...

Правъ или нѣтъ былъ покойный князь въ своихъ оптимистическихъ надеждахъ—это, конечно, вопросъ другой: тяжкіе больные умираютъ часто неожиданно для самыхъ опытныхъ врачей, но онъ несомнѣнно былъ дорогъ въ наше время тѣмъ, что умѣлъ спокойно наблюдать грозныя явленія послѣдняго времени и не переоцѣнивалъ ихъ выше дѣйствительной стоимости.

Помню, какъ, въ началѣ ноября мѣсяца прошлаго года, въ самый разгаръ аграрныхъ безпорядковъ въ пензенской губерніи, когда всѣ гостинницы въ Пензѣ были переполнены побросавшими въ паникѣ свои усадьбы помѣщиками, когда каждую ночь были видны зарева пожаровъ и всѣ разговоры были сосредоточены на одной темѣ, я встрѣтился съ Дмитріемъ Владиміровичемъ и заговорилъ съ нимъ о „злобѣ дня“... „Трудно сказать, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — когда и какъ все это окончится; я знаю только одно, — что сегодня, съ вечернимъ поѣздомъ, я поѣду къ себѣ, въ Знаменское, и буду жить тамъ, а 18-го, если буду живъ, поѣду въ Мокшанъ, на съѣздъ. Теперь самое важное, чтобы никто изъ насъ, несмотря ни на что, не оставлялъ своего дѣла“... И это была не фраза! Очень рѣдко можно встрѣтить человѣка, который бы такъ строго относился къ своимъ обязанностямъ, какъ покойный князь: ни болѣзнь, ни усталость, столь естественныя въ его годы, ни бездорожье, ни личныя дѣла никогда не могли удержать его отъ очередныхъ поѣздокъ на засѣданія съѣзда.

Помню, какъ два-три года тому назадъ, въ страшную осеннюю непогоду, темною ночью, онъ ѣхалъ изъ Пензы въ Мокшанъ; дорогою у него сломался экипажъ, и семидесятилѣтнему старику пришлось только передъ разсвѣтомъ верхомъ, безъ сѣдла, добраться до Мокшана. Утомленный до послѣдней степени, въ полномъ смыслѣ слова „шатаясь“ изъ стороны въ сторону, онъ все-таки пошелъ въ судебное засѣданіе и провелъ его до конца, вернувшись домой поздно вечеромъ. И я увѣренъ, что въ этомъ засѣданіи онъ былъ такимъ же внимательнымъ и неутомимымъ предсѣдателемъ, какимъ бывалъ всегда — самъ докладывалъ дѣла, соблюдалъ до мелочей всѣ формы судопроизводства и, стоя вмѣстѣ съ публикой, объявлялъ приговоры.

Эта оригинальная особенность — чтеніе приговоровъ *стоя* — была принята, кажется, въ одномъ только мокшанскомъ съѣздѣ... Покойный говорилъ всегда, что онъ такъ высоко почитаетъ отвлеченную идею суда, что, изъ уваженія къ ней, ему „неловко“ читать рѣшенія суда сидя. И этимъ уваженіемъ къ суду былъ проникнутъ каждый шагъ покойнаго предсѣдателя мокшанскаго уѣзднаго съѣзда.

При *такомъ* предсѣдателѣ не страшны были *никакіе* законы!

Литературная дѣятельность покойнаго Дмитрія Владиміровича всегда была дѣломъ досуга.—Начало ея относится къ 1857 году, когда онъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ нѣсколько повѣстей („Ночь въ Апеннинахъ“, „Встрѣча“ и др.). Повѣсти эти далеко не лишены литературныхъ достоинствъ... Теперь отъ нихъ вѣетъ уже стариной, иными нравами, иными пѣснями!

За послѣдніе годы князь печаталъ свои отдѣльныя статьи въ

„Вѣстникѣ Европы“ [1]) и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.—Въ этихъ статьяхъ покойнаго было много цѣнныхъ наблюденій дѣйствительности. Самымъ интереснымъ его литературнымъ трудомъ, написаннымъ съ большимъ мастерствомъ и искренностью, были его воспоминанія о гр. Закревскомъ и о Москвѣ тѣхъ временъ, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“. (Къ сожалѣнію, я не помню теперь точно заглавія этой статьи).—Очень грустно, что покойный не успѣлъ исполнить своего желанія—написать мемуары. Эти мемуары могли бы быть очень богаты матеріаломъ и представляли бы несомнѣнно живой интересъ для всѣхъ, кто занимается исторіей русской жизни послѣдняго пятидесятилѣтія. Но какъ бы мы ни жалѣли о ненаписанныхъ мемуарахъ, приходится все-таки признать, что главная заслуга покойнаго князя была не въ его литературныхъ трудахъ, а въ спокойномъ, твердомъ и поистинѣ неутомимомъ дѣланіи общественнаго дѣла.

Н. Умановъ.

г. Чембаръ
18-го ноября 1906 г.

---

[1]) Въ нашемъ журналѣ статьи покойнаго начали появляться съ 1890 года и продолжались почти непрерывно въ теченіе всѣхъ послѣднихъ 15 лѣтъ, до настоящаго года включительно. Вотъ ихъ списокъ.—1890 г.: Металлическая задолженность русскаго землевладѣнія (нояб.).—1891 г.: Современное положеніе отечественной и сельско-хозяйственной промышленности (янв.).—Наше сельское хозяйство и его будущность (окт.).—1893 г.: Дешевизна хлѣбныхъ цѣнъ (іюнь).—1894 г.: De profundis (янв.).—1895 г.: Земство и Положенія о земскихъ учрежденіяхъ (апр. и май).—1897 г.:—Сельско-хозяйственный кризисъ (мар.).—Народная школа въ деревнѣ (Внутр. Обозр., авг.).—1899 г.: Спекулятивное хозяйство (февр.).—1900 г.: Антисемитизмъ на Западѣ и въ Россіи (іюнь).—1901 г.:—Изъ пензенской губерніи (апр.).—Новые порядки взысканія податей съ крестьянъ (іюнь).—1902 г.: Обвиненія и оправданіе земства (май).—Финансовые успѣхи въ Италіи (дек.).—1904 г.: Предполагаемая крестьянская реформа (май). — Вопросъ объ уничтоженіи волостного суда (окт.).—1905 г.: Крестьянское дѣло (іюнь).—Изъ деревни (дек.).—1906 г.: Аграрный вопросъ (апр.).

Какъ видно, покойный кн. Д. В. Друцкой-Сокольнинскій не мало потрудился для нашего журнала; тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ встрѣтили мы извѣстіе о его кончинѣ. Выборъ темъ для его статей говоритъ самъ о той сферѣ, въ которой вращался постоянно умъ автора и около которой постоянно ходили его мысли.—*Ред.*

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1906.

Подавлена ли революція и наступило ли успокоеніе? — Партійная предвыборная страстность министерства.—Дѣло Гурко-Лидваля.—Изъ практики exregesse-юстиціи.—Результатъ городскихъ выборовъ въ Петербургѣ.—В. А. Гольцевъ †.

Газеты сообщали, что правительствомъ готовится—или уже изготовлена и отправлена—циркулярная нота, извѣщающая иностранныя государства, что революція въ Россіи подавлена и что наступило успокоеніе. Насколько вѣрно это сообщеніе—не знаемъ. Да насъ интересуетъ и не фактъ отправленія такой ноты. Интересно то, что мысль о совершившемся подавленіи революціи и о наступившемъ успокоеніи пущена въ оборотъ и стала предметомъ обсужденія. На чемъ могло бы основываться подобное утвержденіе?

Если считать типичными проявленіями активной революціи массовыя выступленія всякаго рода съ лѣвой стороны—отъ резолюцій и групповыхъ воззваній до вооруженнаго возстанія включительно,—то съ этой точки зрѣнія нельзя не сказать: да, революція подавлена. Кромѣ телеграммъ и резолюцій союза русскаго народа и однородныхъ съ нимъ политическихъ организацій, заполняющихъ страницы оффиціальной и реакціонной прессы,—никакихъ иныхъ читать въ надпольной печати не приходится. Кромѣ „истинно-русскихъ“ людей, никто открыто не терроризируетъ населенія угрозами массовыхъ насильственныхъ дѣйствій. Активная революція слѣва разбилась на единичные выстрѣлы и взрывы бомбъ и на единичные же случаи „экспропріаціи“, перемѣшавшіеся съ фактами простого грабежа. Но можно ли эти единичныя насильственно-революціонныя дѣйствія, при условіи, что они совершаются повсемѣстно и повседневно, вовсе не считать за проявленія революціи, живущей не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ народѣ? Если же нельзя, то какъ можно утверждать, что революція подавлена, читая, напр., слѣдующій перечень событій за *одинъ* день (17-ое ноября, „Товарищъ“, № 117):—казнены, въ Варшавѣ—четверо, въ Тифлисѣ—одинъ, въ Одессѣ—пятеро, въ Кутаисѣ—одинъ, въ Доленѣ—двое; приговорены къ смертной казни—трое; преданы военно-полевому суду: въ Зугдидахъ—одинъ, въ Ломжѣ—одинъ; убито: въ Тифлисѣ—пятеро, въ Комлякахъ, около Радзивилова—пятеро, въ Раздорахъ, павлоградскаго уѣзда, въ Казани, в Лодзи и въ Проскуровѣ—по одному; ранены при столкновеніяхъ с

властями: въ симферопольскомъ уѣздѣ — двое, въ бѣлозерскомъ уѣздѣ—одинъ" и т. д...

Съ другой стороны, нельзя ни на минуту забывать, что реакціонное, крайнее правое, контръ-революціонное движеніе отличается отъ лѣваго революціоннаго только по теоретической цѣли. По отрицанію же закона и власти, поскольку она не подчиняется крайнему правому движенію, равно по усвоеннымъ способамъ дѣйствія,—разницы между ними нѣтъ. Въ чемъ существенная разница между прошлогодними резолюціями союза чиновниковъ, почтово-телеграфныхъ служащихъ и т. п., если ихъ возстановить въ памяти, и телеграфными требованіями не допустить осуществленія объявленныхъ предположеній министерства о нѣкоторыхъ облегченіяхъ въ правовомъ положеніи евреевъ? Мы такой разницы не видимъ. Что различаетъ въ смыслѣ революціи вооруженное возстаніе отъ погрома и угрозу возстаніемъ отъ угрозы погромомъ?.. Пока существуютъ, дѣйствуютъ и все шире развиваютъ свою дѣятельность элементы, комплектующіе „союзъ русскаго народа", до тѣхъ поръ говорить о подавленіи массовыхъ проявленій революціи не приходится. На основаніи разоблаченій князя С. Д. Урусова и г. Лопухина, пріобрѣли теперь фактическую достовѣрность сужденія, что эти элементы были вызваны къ дѣятельности при непосредственномъ участіи правительственныхъ агентовъ. И до сихъ поръ, если не прямо, то косвенно, революція справа поддерживается администраціей. Но развѣ это измѣнитъ ея значеніе и характеръ? Развѣ, поддерживая готовую каждую минуту перейти въ насиліе реакцію противъ освободительнаго движенія, правительство держитъ ее въ своихъ рукахъ? Даже такая, сравнительно мирная организація, какъ „русское собраніе", и она не скрываетъ, что ея конечныя симпатіи принадлежатъ идеѣ государственнаго переворота въ смыслѣ низверженія существующаго конституціоннаго строя. Въ „разъясненіи", опубликованномъ въ виду постоянно повторяющагося въ нѣкоторой части общества и печати неправильнаго и превратнаго толкованія задачъ и цѣлей „русскаго собранія",—во главѣ всѣхъ разсужденій стоитъ слѣдующая фраза: „Признавая, что для благоденствія Россіи лучшая форма правленія неограниченное самодержавіе царской власти", и т. д. Правда, русское собраніе „считаетъ долгомъ заявить, что всѣ члены его, вѣрноподданные своего Государя, помнятъ принесенную ими присягу и Высочайшую волю почитаютъ для себя священной, а потому всегда стремятся быть первыми ея исполнителями". Но велика ли цѣна этого заявленія въ устахъ даже „русскаго собранія"?..

Что касается идейной революціи, точнѣе — революціоннаго настроенія, — то и въ отношеніи ея толковать о наступившемъ успо-

коеніи по меньшей мѣрѣ рискованно. Выборы въ земствѣ дали побѣду правымъ партіямъ. Выборы въ петербургскую городскую думу—тоже. На предвыборныя собранія, устраивавшіяся въ Петербургѣ прогрессистами, передъ городскими выборами, изъ сотенъ приглашавшихся избирателей приходили десятки, а случалось—единицы. Въ то же время собраніе союза 17-го октября прошло 5 ноября въ переполненномъ громадномъ залѣ дворянскаго дома. Тонъ прогрессивной печати пересталъ быть боевымъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ былъ еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Газетныя статьи обезцвѣтились. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ занятія, хотя кое-какъ, но все-таки идутъ. Фешенебельные рестораны торгуютъ на славу. Ресторанъ Cubat опять вошелъ въ моду и каждый вечеръ бываетъ переполненъ „изысканной" публикой. Оперетка и фарсъ процвѣтаютъ. „Веселая вдова" и „Радій въ чужой постели"—безсмысленнѣйшій фарсъ, полный самыхъ отвратительныхъ и циничныхъ сальностей, — каждый день даютъ полные сборы.

Все это вѣрно. И подобныхъ показателей поворота въ общественномъ настроеніи можно было бы привести еще немало. Но если въ каждый изъ нихъ вдуматься, то окажется, что они говорятъ весьма немного. На Западѣ, по результатамъ общинныхъ и муниципальныхъ выборовъ обыкновенно судятъ о предстоящихъ выборахъ парламентскихъ. Для этого, однако, должно существовать одно необходимое условіе: единство или хотя бы единообразіе избирательной системы,—т.-е. именно то условіе, котораго у насъ не существуетъ. Земское представительство—есть почти исключительно представительство крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, представляющихъ, какъ показали первые выборы въ Государственную Думу, величину, въ общемъ, ничтожную—и численно, и по вліянію на мѣстное населеніе. Городское представительство въ Петербургѣ, въ отличіе отъ другихъ городовъ, включаетъ въ себя не только домовладѣльцевъ и собственниковъ торгово-промышленныхъ заведеній, но также и квартиронанимателей. Но въ какихъ ограниченныхъ предѣлахъ — всего лучше показываетъ то, что для выборовъ въ Государственную Думу въ Петербургѣ насчитывается сто-пятьдесятъ-тысячъ избирателей, а для городскихъ выборовъ—въ десять разъ меньше. „Земскіе выборы во всей Россіи", „городскіе выборы въ Петербургѣ, имѣющемъ полтора милліона населенія"—эти фразы звучатъ громко. Столь же громкаго содержанія онѣ въ себѣ отнюдь не заключаютъ, ибо раскрываютъ тайну настроенія весьма ограниченнаго круга лицъ. Земскіе избиратели, избиратели городскіе петербургскіе, участники дворянскихъ собраній, вынесшихъ рѣшенія объ исключеніи дворянъ, подписавшихъ выборгское воззваніе, участники только-что закончившагося дворянскаго съѣзда тридцати

губерній и съѣзда союза земельныхъ собственниковъ, далѣе, присутствовавшіе 5 ноября въ собраніи октябристовъ и, наконецъ, посѣтители ресторановъ, оперетки и фарса — въ сущности одни и тѣ же люди, являющіеся то въ одной, то въ другой комбинаціи. У этихъ людей дѣйствительно настроеніе измѣнилось. Они, прежде всего, поголовно, утомились и жаждутъ отдыха. Значительная часть изъ нихъ, кромѣ утомленія, испытываетъ чувство испуга передъ такъ ярко вспыхнувшимъ краснымъ заревомъ соціальной революціи. Они забыли то, что̀ говорили годъ назадъ, и жаждутъ забыть то, что̀ событія и обстоятельства заставляли ихъ думать. Пока—они еще будируютъ противъ бюрократіи, самовластія и произвола и стыдятся формально отказаться отъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября. Но въ глубинѣ души они уже отъ этихъ началъ отказались. И ни шумиха словъ московскаго „златоуста“, Ѳ. Д. Плевако, ни энергія, талантъ и искренность А. И. Гучкова, не удержатъ въ рамкахъ реформъ и обновленія этихъ такъ рѣшительно „успокоившихся“ людей...

Что̀ же, однако, изъ этого слѣдуетъ? Неужели отсюда можно сдѣлать заключеніе, что вся Россія успокоилась? Показатели иного порядка — отсутствіе митинговъ и пропаганды идей лѣвыхъ партій и тонъ прогрессивной печати—созданы искусственно. Закрыть газеты или угрозою закрытія заставить ихъ понизить тонъ—не значитъ измѣнить настроеніе пишущихъ и читающихъ. Каждой попыткѣ устроить политическое собраніе поставить физическую преграду—не значитъ уничтожить въ однихъ желаніе устраивать митинги, а въ другихъ—желаніе ходить на эти митинги. Единственный показатель успокоенія, по нашему мнѣнію, имѣетъ серьезное значеніе: это—занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прочно ли они только установились? Не менѣе, чѣмъ правительство, мы желали бы наступленія успокоенія вообще и среди учащейся молодежи особенно. Шесть лѣтъ уже высшая школа живетъ политикой, и страна несетъ невознаградимый вредъ отъ паденія научнаго интереса въ поколѣніи, которое должно дать дѣятелей въ новыхъ условіяхъ государственной жизни. Но анализъ наблюдаемыхъ явленій не даетъ права на утѣшительный изъ нихъ выводъ. Какъ тяжелая крышка, удерживаютъ чрезвычайная охрана и военное положеніе, полевые суды, тюрьмы, ссылки и казни—пары кипѣнія внутри общественнаго котла. Кипѣніе же не прекратилось. И если пары̀ не срываютъ крышки, то потому, что въ обществѣ—въ его широкихъ слояхъ—еще не умерла надежда на вторую Думу и на временный характеръ невѣроятныхъ по тяжести репрессій. Если успокоеніе наступило, то почему не отмѣняютъ чрезвычайной охраны, не возвращаютъ обществу отнятой свободы слова, печати, собраній?...

Суть общественнаго настроенія въ настоящій моментъ составляетъ

притупленіе нравственнаго чувства. Общество привыкло къ насилію, къ крови и чрезвычайно слабо на нихъ реагируетъ. Что̀ важнѣе, въ смыслѣ общественныхъ явленій: десятки ежедневно совершаемыхъ убійствъ и десятки отвѣтныхъ на нихъ казней, или обнаруженная нечестность крупнаго бюрократа въ отдачѣ подряда на поставку хлѣба? Думаемъ, что едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что еще два года назадъ извѣстіе о десяти убитыхъ анархистами городовыхъ и о десяти повѣшенныхъ затмило бы сообщеніе о дѣйствіяхъ товарища министра и о несостоятельности взявшей подрядъ фирмы. Какъ ни падко общество на все скандальное, но, если оно не привыкло къ крови, оно не можетъ не реагировать всего сильнѣе на акты ежедневнаго насилія. А что̀ мы видимъ? Дѣло Гурко-Лидваля заполняетъ газетные столбцы, о немъ всѣ и вездѣ говорятъ. Объ экспропріаціяхъ же, убійствахъ и казняхъ газеты даже перестали печатать полный текстъ телеграммъ, ограничиваясь перечневыми свѣдѣніями, что тамъ-то столько убито, а тамъ-то столько казнено... Быть можетъ, и это притупленіе нравственнаго чувства считаютъ за признакъ наступившаго успокоенія? Если это такъ, то не предвѣщаетъ ничего добраго такое спокойствіе—спокойствіе человѣка, проходящаго безъ содроганія мимо трупа съ зіяющими слѣдами насильственной смерти...

Отдавшись страсти партійной предвыборной борьбы, министерство П. А. Столыпина утратило при этомъ чувство мѣры. Министерство графа Витте — необходимо отдать ему справедливость — выборовъ въ опредѣленную сторону, послѣ изданія закона 11-го декабря, не направляло. Въ созданіи этого закона несомнѣнно участвовали политическія соображенія. Они слишкомъ ярко выразились въ сохраненіи предоставленнаго положеніемъ 6-го августа двойного участія въ выборахъ представителямъ отъ волостей — элементу, который правительство считало оплотомъ консерватизма,—и, напр., во включеніи, при второй стадіи избранія, выборщиковъ отъ рабочихъ въ общія городскія и губернскія избирательныя собранія, въ цѣляхъ ограниченія возможности доступа для нихъ въ Государственную Думу. Но затѣмъ замѣтнаго, по крайней мѣрѣ, давленія на избирателей производимо не было, и мѣстныя по дѣламъ о выборахъ учрежденія не заваливались ограничительными циркулярами и разъясненіями.

Вторая избирательная кампанія для населенія еще не началась. Но для себя ее правительство уже давно начало и ведетъ съ неуклонной послѣдовательностью въ пользу тѣхъ правыхъ партій, граница между которыми обозначается партіей мирнаго обновленія, съ одной стороны, и октябристами — съ другой. Хотя до созыва Думы

осталось менѣе трехъ мѣсяцевъ, срокъ выборовъ еще не назначенъ. И это, ничѣмъ не стѣсняя предвыборную агитацію правыхъ партій, устраняетъ отъ конкурренціи лѣвыя, такъ какъ ни одна изъ нихъ не легализирована и потому не можетъ устраивать собраній. Но правыя партіи—плохой союзникъ. Надъ ними виситъ злой рокъ безталанной пассивности. Среди ихъ членовъ нѣтъ ни умѣющихъ писать, ни умѣющихъ говорить. Сколько времени октябристы заявляютъ о необходимости издавать свою газету! Въ деньгахъ, повидимому, недостатка нѣтъ—а газета все не появляется. Было „Слово" г. Перцова—и оно погибло. Какъ ни чурались упорно октябристы столбцовъ „Новаго Времени", а никакими другими и до сихъ поръ они не могутъ пользоваться. Только-что снова появилось „Слово" г. М. М. Ѳедорова; врядъ ли, однако, и этой газетѣ будетъ принадлежать солидный успѣхъ. Еще хуже обстоитъ дѣло съ ораторами. Даже въ Петербургѣ, ни союзъ 17-го октября, ни партія правового порядка, ни торгово-промышленная и т. д. ораторовъ не имѣютъ. Чтобы провести торжественное собраніе октябристовъ 5-го ноября, пришлось пріѣхать изъ Москвы „самому" А. И. Гучкову и привезти съ собой Ѳ. Д. Плевако. Крайніе правые, „черносотенцы" — ихъ отсутствіе талантовъ не смущаетъ. Среди нихъ есть умѣющіе водить перомъ по бумагѣ, браниться и писать полуграмотные пасквили и доносы — и этого имъ достаточно, чтобы издавать жалкіе листки, вродѣ „Русскаго Знамени". Среди нихъ есть люди, обладающіе сильными голосовыми средствами и могущіе безсвязно выкрикивать разныя слова, такъ или иначе относящіяся къ слову „жидъ" — и этого имъ тоже достаточно, чтобы устраивать собранія. Но для серьезнаго воздѣйствія на избирателей въ провинціи правыя партіи, конечно, не могутъ разсчитывать на мѣстныхъ Дубровиныхъ, Булацелей и имъ подобныхъ.

Въ газетахъ, нѣсколько времени назадъ, сообщалось, что правительство имѣетъ въ виду и въ этомъ отношеніи придти на помощь правымъ партіямъ, путемъ образованія кадра политическихъ ораторовъ изъ наиболѣе способныхъ чиновниковъ. Когда мы прочли это сообщеніе, оно намъ показалось явно вымышленнымъ. Въ дѣйствительности же оно было не совсѣмъ далеко отъ истины. Вотъ „разъясненіе", заимствуемое нами изъ № 216 „Страны": „Послѣдовавшія со стороны совѣта министровъ указанія относительно участія въ политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, а также служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ по вольному найму, получили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ это видно изъ поступающихъ свѣдѣній, неправильное и несогласное съ точнымъ ихъ смысломъ толкованіе и примѣненіе. Распоряженіемъ совѣта министровъ возбраняется всѣмъ состоящимъ на

государственной службѣ лицамъ принимать участіе въ политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ, преслѣдующихъ противозаконныя цѣли и проявляющихъ стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ. Между тѣмъ, нѣкоторые начальники отдѣльныхъ мѣстныхъ учрежденій придали этому требованію распространительное примѣненіе, предлагая подвѣдомственнымъ имъ служащимъ не принимать участія ни въ какихъ вообще политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ, безъ различія цѣли, преслѣдуемой этими организаціями". Въ дальнѣйшемъ текстѣ „подобное толкованіе преподанныхъ совѣтомъ министровъ указаній" признается „совершенно неправильнымъ", и всѣ вытекающія изъ него распоряженія подлежащими отмѣнѣ. А затѣмъ повторены слова извѣстнаго циркуляра о воспрещеніи чиновникамъ участвовать „въ такихъ политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ, которые представляются явно революціонными, а также и въ такихъ, которые хотя и не причисляютъ себя открыто къ революціоннымъ, тѣмъ не менѣе въ программахъ своихъ, въ воззваніяхъ вожаковъ (какъ, напримѣръ, выборгское воззваніе) и въ другихъ проявленіяхъ своей дѣятельности обнаруживаютъ стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ или призываютъ къ таковой борьбѣ населеніе". Можно ли болѣе ясно сказать чиновнику: „баллотировать на выборахъ съ кадетами — нельзя, а содѣйствовать успѣху правительствомъ одобряемыхъ партій — обязательно"? Въ устраненіе сомнѣній, „разъясненіе" еще добавляетъ, что циркуляръ отнюдь не устраняетъ чиновниковъ, занимающихъ второстепенныя на мѣстахъ должности, „отъ руководительства вышеупомянутыми (т.-е. правыми) партійными организаціями".

Если и подобное участіе правительства въ избирательной кампаніи не можетъ не быть отнесено на счетъ его партійной страстности, то только лишь затуманившею глаза страстью борьбы возможно объяснить слѣдующее оффиціозное оповѣщеніе („Страна", № 217): „Министръ внутреннихъ дѣлъ, — какъ сообщаетъ освѣдомительное бюро, — вошелъ въ правительствующій сенатъ съ рапортомъ о разъясненіи вопроса, могутъ ли быть образуемы, по точному смыслу ст. 14 Положенія о выборахъ въ Государственную Думу и на основаніи ст. 1 отд. X Высочайшаго указа 11 декабря 1905 г., отдѣльные предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ не только по мѣстностямъ уѣзда, но и вообще по „мѣстнымъ удобствамъ", т.-е., между прочимъ, и по разрядамъ владѣльцевъ, имѣющихъ право на участіе въ избраніи уполномоченныхъ".

Путь сенатскихъ толкованій оказался весьма удобнымъ для обхода 87-ой статьи основныхъ законовъ, воспрещающей измѣнять избирательный законъ въ періодъ роспуска народныхъ представителей. Министер-

ство внутреннихъ дѣлъ уже широко использовало право обращаться въ сенатъ за разъясненіями правилъ о производствѣ выборовъ, и сенатъ не менѣе широко использовалъ, если не право, то фактическую возможность, измѣнять законъ въ порядкѣ толкованія. Газеты насчитываютъ многими тысячами число лицъ, которыя при первыхъ выборахъ пользовались избирательными правами, а при вторыхъ—пользоваться ими не будутъ. Достаточно вспомнить всю колоссально большую цифру крестьянъ-собственниковъ, имѣвшихъ неосторожность пріобрѣсти землю при содѣйствіи крестьянскаго банка. Но коренное начало положенія 6-го августа и указа 11-го декабря—безсословность группировки избирателей въ куріи землевладѣльцевъ—до сихъ поръ не было затронуто. Теперь готовится разрушеніе и этого начала.

Объективныхъ основаній для возникновенія возбужденнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вопроса нѣтъ рѣшительно никакихъ. Законъ въ данномъ случаѣ совершенно категориченъ и ясенъ. Ст. 12 положенія о выборахъ перечисляетъ, кто участвуетъ въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, и не дѣлитъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ собственниковъ ни на какіе разряды; особо упоминаются при этомъ лишь „уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею". Но и это обособленіе устраняетъ ст. 14-ая, гласящая, что „уполномоченные отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ священнослужителей избираются на предварительномъ *ихъ съѣздѣ*",—т.-е. всѣ на одномъ совмѣстномъ съѣздѣ. Далѣе, считаясь съ протяженностью нѣкоторыхъ уѣздовъ, та же статья положенія говоритъ: „Смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда съѣздъ, или образуется нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ, согласно росписанію, устанавливаемому губернаторомъ". И сообразно приведенному тексту закона, сенатъ, указомъ 24-го октября 1905 г., № 3, разъяснилъ, что отдѣльные съѣзды могутъ быть образуемы по мѣстностямъ, а не по категоріямъ избирателей.

Законъ 11 декабря внесъ только одно измѣненіе въ постановку вопроса о предварительныхъ съѣздахъ, отнеся „образованіе отдѣльныхъ по мѣстностямъ уѣзда предварительныхъ съѣздовъ" къ обязанностямъ не губернаторовъ, а уѣздныхъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ еще ярче подчеркнулъ возможность дѣленія уѣздовъ, для образованія нѣсколькихъ предварительныхъ съѣздовъ, исключительно въ территоріальномъ отношеніи. Неопредѣленная ссылка ст. 14 Положенія 6 августа на „мѣстныя удобства" замѣнена въ ст. 1 отдѣла X закона 11 декабря словами: „отдѣльныхъ *по мѣстностямъ уѣзда*".

Какъ же, однако, могла возникнуть мысль о разъясненіи правилъ о выборахъ въ смыслѣ образованія предварительныхъ съѣздовъ мел-

кихъ собственниковъ „по разрядамъ владѣльцевъ"? Если посмотрѣть на вопросъ не съ юридической, а съ партійно-политической точки зрѣнія, и если припомнить всѣ уже состоявшіяся по рапортамъ министра внутреннихъ дѣлъ толкованія избирательнаго закона, то возбужденіе вопроса станетъ понятнымъ. Основной принципъ правительственной политической программы—недопустимость принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель и установленіе, взамѣнъ того, покупки государствомъ земель у помѣщиковъ по дорогой цѣнѣ для распродажи крестьянамъ, за счетъ казны, по дешевой. Не нужно быть вовсе тонкимъ психологомъ, чтобы заранѣе безошибочно опредѣлить, какіе представители будутъ въ Государственной Думѣ энергично стоять за эту программу. Значитъ, нужно усилить ихъ шансы. Къ тому же, земскими выборами, постановленіями дворянскихъ собраній, резолюціями и сужденіями дворянскаго съѣзда и съѣзда земельныхъ собственниковъ—дворяне-землевладѣльцы ясно дали понять, что и въ другихъ политическихъ вопросахъ ихъ представители будутъ поддерживать правительство, когда ему придется отвѣчать передъ Думой за все, что̀ дѣлалось съ 8 іюля и еще будетъ дѣлаться до 20 февраля. Дворянскій съѣздъ съ этой цѣлью предлагалъ пренебречь формальнымъ запретомъ и издать новый избирательный законъ. Исходъ—заманчивый, но все-таки какъ будто и не совсѣмъ удобный. Провести дѣло черезъ сенатъ въ порядкѣ толкованія—гораздо проще. Кстати, и отвѣчать впослѣдствіи передъ Думой за незаконномѣрность не придется: въ возбужденіи вопроса нѣтъ ничего незаконномѣрнаго, рѣшеніе же вопроса—всегда можно сказать—зависѣло не отъ министерства, а отъ неподлежащаго отвѣтственности сената...

Секретъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, что подъ мелкими землевладѣльцами законъ 11 декабря разумѣетъ всѣхъ, владѣющихъ отъ дробной даже части десятины до полнаго ценза, опредѣляемаго по мѣстностямъ различно—въ 200, 225, 250, 300 и болѣе десятинъ. Во-вторыхъ, въ томъ, что на предварительномъ съѣздѣ избирается столько уполномоченныхъ, сколько образуетъ полныхъ цензовъ сумма числа десятинъ, принадлежащихъ явившимся на съѣздъ. Наконецъ, въ-третьихъ, въ томъ, что среднее владѣніе крестьянъ-собственниковъ сравнительно низко—примѣрно 3 или 5 десятинъ, а прочихъ разрядовъ землевладѣльцевъ гораздо выше—десятинъ 50 или 100.

Предположимъ, что въ уѣздѣ образовано „по мѣстностямъ" десять съѣздовъ. На каждый изъ нихъ, допустимъ, явилось 200 крестьянъ-собственниковъ, владѣющихъ въ совокупности 1.000 десятинъ, десять помѣщиковъ, тоже владѣющихъ 1.000 десятинъ, и пять священниковъ, представляющихъ 300 десятинъ церковной земли. При полномъ цензѣ въ уѣздѣ въ 225 десятинъ, такой съѣздъ будетъ имѣть право

выбрать 10 уполномоченныхъ. Но всякій участникъ будетъ обладать равнымъ правомъ одного голоса и очевидно, что десять голосовъ помѣщиковъ и пять голосовъ священниковъ потонутъ въ двухстахъ голосахъ крестьянъ. И на прошлыхъ выборахъ они почти повсемѣстно тонули. Въ уѣздѣ, въ которомъ и мы принимали участіе въ выборахъ, общее число уполномоченныхъ было около 100, и изъ нихъ только пять было священниковъ, а всѣ остальные были крестьяне, притомъ самые мелкіе собственники. Теперь предположимъ группировку по разрядамъ владѣльцевъ, т.-е. три отдѣльныхъ предварительныхъ съѣзда. Та же самая мѣстность дастъ уполномоченныхъ: четырехъ крестьянъ, четырехъ помѣщиковъ и одного священника. Такимъ образомъ, пріѣдутъ въ уѣздный городъ для избранія выборщиковъ, въ качествѣ уполномоченныхъ, уже только 40 крестьянъ, а помѣщиковъ тоже 40 и священниковъ 10. Здѣсь они встрѣтятъ еще человѣкъ до 50-ти крупныхъ собственниковъ. И, конечно, не крестьянскіе голоса будутъ рѣшать, кого посылать въ губернскій городъ.

Разсчетъ, нами приведенный, основанъ на самыхъ простыхъ и грубыхъ обобщеніяхъ. Но онъ рельефно показываетъ, какія возможны комбинаціи, разъ допустить образованіе предварительныхъ съѣздовъ „по разрядамъ владѣльцевъ". При извѣстной циркулярной настойчивости, министерству нетрудно будетъ, вмѣсто народомъ избранной Государственной Думы, получить къ 20 февраля строго сословное собраніе ста дворянъ, ста купцовъ, ста крестьянъ и ста духовныхъ, какъ весной 1905 г. рекомендовало „Новое Время". Не хотѣлось бы вѣрить, что желательное министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ явно не вытекающее изъ закона, толкованіе будетъ дано сенатомъ...

Но какъ трагично вдругъ оказалось положеніе министерства! Столько страстныхъ, героическихъ усилій, столько разъ обходился законъ, столько разъ приходилось дѣйствовать вопреки требованіямъ этики, столько положено труда на юридическую изворотливость — и все можетъ оказаться безъ результата изъ-за какого-то Лидваля!.. На выборахъ дѣло Гурко-Лидваля сыграетъ безъ малѣйшаго въ томъ сомнѣнія огромную роль. Главное—оно такъ конкретно и просто. Исчезло до милліона казенныхъ рублей, назначенныхъ на самое святое дѣло — на удовлетвореніе голодной нужды. На мѣста хлѣбъ не доставленъ, а что доставлено въ томъ столько же дряни, сколько зерна. Нужны ли краснорѣчивые комментаріи, чтобы у самаго далеко стоящаго отъ политики человѣка получился выводъ: кто правъ въ спорѣ правительства съ первой Думой?..

Два мѣсяца назадъ, не безъ укора по адресу первой Думы, мы

отмѣчали неоправдываемую въ нашихъ глазахъ легкость, съ которой большинство Думы отказало министерству въ кредитѣ на борьбу съ голодомъ въ размѣрѣ 50 милліоновъ рублей и ассигновало всего 15 милліоновъ. Теперь намъ приходится признать, что Дума имѣла основанія, не прибѣгая къ сложной мотивировкѣ, проявить такую осторожность. Бюрократіи, очевидно, навсегда суждено остаться вѣрной самой себѣ. Своеобразность, чтобы не сказать болѣе, отношенія къ народному достоянію такъ глубоко вкоренилась въ ея нравы, что ничто не въ силахъ заставить ее отказаться отъ старыхъ привычныхъ пріемовъ распоряженія казенными деньгами—пріемовъ, при которыхъ граница между „своимъ“ и „чужимъ“ оказывается затушеванной формальностями, созданными для того, чтобы она всегда была ясно обозначена.

Первоначально въ „Рѣчи“ появилась короткая замѣтка о томъ, что подрядъ на поставку 10 милліоновъ пудовъ хлѣба для голодающихъ губерній сданъ фирмѣ Лидваля, никогда ничего общаго не имѣвшей съ хлѣбной торговлей, что одновременно съ отдачей подряда фирмѣ было выдано 800 тыс. рублей авансомъ и что обязательствъ своихъ подрядчикъ не исполняетъ. Замѣтка сдѣлалась предметомъ толковъ въ печати, и рядомъ съ именемъ Лидваля сейчасъ же появилось имя товарища министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко, въ рукахъ котораго сосредоточивалось завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ. „Русское Знамя“ приняло подъ свою защиту „сына славнаго русскаго фельдмаршала“. Г-нъ Булацель объявилъ, что „возмущенные тѣмъ, что кадюки и трудовики науськиваютъ убійцъ на Гурко, нѣсколько молодыхъ людей рѣшили осуществить старый законъ: око за око“. Онъ же писалъ: „пусть лучше Жилкинъ, Гессенъ и Милюковъ остерегутся на этотъ разъ; ибо если поднятая ими травля противъ Гурко будетъ имѣть какія-нибудь послѣдствія, то подстрекатели не избѣгнутъ расплаты, хотя бы опять побѣжали къ первому министру Столыпину и директору департамента полиціи Трусевичу просить защиты отъ черносотенцевъ“. Но... нитка запутаннаго клубка отношеній между гг. Гурко и Лидвалемъ уже была дернута, и одинъ за другимъ начали раскрываться прямо изумительные факты.

Оказалось, что г. Лидваль самъ и не намѣревался вести поставку, а принялъ подрядъ въ качествѣ посредника, для передачи другимъ лицамъ, потому что онъ вообще беретъ на себя всякія „выгодныя“ дѣла. Въ числѣ этихъ дѣлъ оказались рулетка въ Петербургѣ и игорный домъ на нижегородской ярмаркѣ—съ музыкой, пѣвицами и арфистками, которыхъ уже въ теченіе десяти лѣтъ „начальство“ на ярмарку не допускало, а для г. Лидваля почему-то допустило. Постепенно стали появляться намеки на какую-то содержатель-

ницу не то притона, не то корсетной мастерской. Цифра 800 тыс. выросла въ полтора милліона... Съ другой стороны, обнаружилось, что торговый міръ давно изумлялся отдачѣ подряда Лидвалю, при условіяхъ, при которыхъ исполнить поставку было невозможно; что г. Лидваль въ моментъ заключенія договора былъ наканунѣ несостоятельности, и что по закону онъ не могъ быть допущенъ къ конкурренціи на поставку хлѣба, такъ какъ не выбралъ на 1906 годъ торговыхъ правъ...

Въ моментъ, когда мы пишемъ, дѣло находится въ такомъ положеніи: 17-го ноября Высочайше повелѣно „разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла возложить на члена Государственнаго Совѣта, д. т. с. Голубева, при участіи сенаторовъ: д. т. с. Шрейбера и т. с. Кони, с.-петербургскаго предводителя дворянства, въ должности шталмейстера, гр. Гудовича и предсѣдателя с.-петербургскаго биржевого комитета, д. с. с. Прозорова". Г-нъ Гурко отстраненъ отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ и обязанности его возложены на г. Гербеля. Высокое положеніе, судебная опытность и разнородность состава лицъ, изъ которыхъ образована коммиссія, служатъ ручательствомъ всесторонности и безпристрастія разслѣдованія. Но, къ сожалѣнію, задача коммиссіи ограничена дѣломъ о сдачѣ подряда фирмѣ Лидваля. Между тѣмъ, по городу уже ходятъ слухи, что и другимъ фирмамъ поставки сдавались на основаніяхъ, заслуживающихъ самаго серьезнаго вниманія. Разсказываютъ, что нѣкоему Г. тоже было поручено поставить десять милліоновъ пудовъ и тоже съ громаднымъ авансомъ, но въ порядкѣ не подрядномъ, а коммиссіонномъ, съ уплатою коммиссіоннаго вознагражденія въ процентномъ отношеніи къ покупной цѣнѣ, т.-е. на такихъ условіяхъ, при которыхъ поставщикъ получаетъ тѣмъ бо̀льшее вознагражденіе, чѣмъ дороже платитъ за хлѣбъ. На этихъ самыхъ основаніяхъ въ войну 1877—1878 гг. дѣйствовала знаменитая компанія Когана, Грегера и Горвица... Или вотъ еще двѣ замѣтки, напечатанныя 22-го ноября въ „Странѣ" (№ 219): „Въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года, незадолго до появленія г. Лидваля на горизонтѣ продовольственныхъ операцій, внезапно произошла замѣна представителя отъ государственнаго контроля въ продовольственной коммиссіи другимъ лицомъ. Есть основанія думать, что и тогда уже замѣчались непорядки въ постановкѣ продовольственнаго дѣла, вродѣ системы устныхъ распоряженій, превышенія власти со стороны завѣдывавшаго дѣломъ и т. п." „Товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко было ассигновано на общественныя работы для крестьянъ саратовской губерніи 1.600.000 рублей; на этой ассигновкѣ г. Гурко особенно настаивалъ на междувѣдомственномъ совѣ-

щаніи 5-го ноября. Теперь выясняется, что подобная сумма далеко превышаетъ то, что̀ требовалось губернаторомъ и земствомъ"...

Одинъ только законъ успѣла провести за время своей недолгой дѣятельности Государственная Дума—законъ 3-го іюля объ ассигнованіи чрезвычайнымъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ пятнадцати милліоновъ рублей. Въ этотъ законъ по ея иниціативѣ включено: „Подробные отчеты о расходованіи суммъ на удовлетвореніе сѣменной и продовольственной нужды населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній министръ внутреннихъ дѣлъ публикуетъ ежемѣсячно во всеобщее свѣдѣніе". Правительство, распустившее Думу, оставило это требованіе безъ исполненія. Почему? Хотя оно и вышло изъ нѣдръ „революціоннаго сборища", но вѣдь на немъ стоитъ Высочайшая санкція: „Быть по сему". Если съ вопросами касательно г. Лидваля надлежитъ обращаться къ одному г. Гурко, то о неисполненіи закона 3-го іюля позволительно спросить министерство внутреннихъ дѣлъ. Или, быть можетъ, отчетность въ деньгахъ не совмѣстима съ „твердостью" власти?...

Въ „Рѣчи" (№ 221) напечатанъ документъ, проливающій свѣтъ на военно-полевую юстицію, какъ ее понимаютъ въ практическомъ примѣненіи высшія мѣстныя власти. Документъ этотъ—предписаніе исполняющаго обязанности коменданта г. Владивостока начальнику мѣстной тюрьмы отъ 21-го октября, за № 14107. Предписаніе гласитъ:

„Приказомъ пріамурскаго генералъ-губернатора, отъ 20-го сего октября, за № 241, китайскій подданный *У-шан-минъ* за вооруженный грабежъ 23-го сентября с. г. въ крѣпости Владивостокѣ на Семеновской улицѣ, предается военно-полевому суду, засѣданіе котораго начнется съ 12-ти часовъ дня 22-го октября и *приведеніе приговора въ исполненіе послѣдуетъ* завтра же ночью въ тюремной оградѣ, сейчасъ же по окончаніи засѣданія этого суда".

„Не будемъ останавливаться—справедливо говоритъ газета—на такихъ мелочахъ, какъ назначеніе военно-полевого суда черезъ мѣсяцъ послѣ совершенія преступленія. Это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что генералъ-губернатору уже заранѣе извѣстенъ приговоръ и онъ предусмотрительно опредѣляетъ срокъ его исполненія". Мы отъ души желали бы, чтобы этотъ документъ дошелъ до А. И. Гучкова. Министерство навѣрное лишилось бы въ немъ сторонника expresse-юстиціи"...

Владивостокъ, впрочемъ, далеко. Его отдѣляетъ отъ центра десять тысячъ верстъ. Не менѣе явное же противозаконіе совершается и въ Петербургѣ. Въ № 218 „Страны" читаемъ: „У проживающихъ въ С.-Петербургѣ: финляндскаго уроженца Отто Корхонена было обнаружено восемь заряженныхъ бомбъ и у крестьянъ—Андрея Иванова

Семгина и Якова Тимофеева Долгихъ—одна заряженная бомба и мастерская изготовленія бомбъ; бомбы хранились съ преступною цѣлью для боевыхъ организацій. Корхоненъ, Семгинъ и Долгихъ приговорами военно-полевого суда присуждены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, каковые приговоры 20-го сего ноября приведены въ исполненіе". Ссылокъ на законъ, на основаніи котораго виновные были приговорены къ смертной казни, не приведено. Въ силу ст. 126 уголовнаго уложенія, они не могли быть подвергнуты наказанію выше срочной каторги.

Въ октябрьской хроникѣ мы приводили корреспонденцію газеты „Сегодня" изъ Вендена съ описаніемъ разстрѣла двухъ Шульмейстеровъ и Широна въ отмщеніе за убійство въ Дростенгофѣ неизвѣстно кѣмъ урядника Рейнвальда. Теперь неизвѣстный найденъ, сознался и заявилъ, что онъ не имѣлъ никогда ничего общаго съ жителями Дростенгофской волости („Биржевыя Вѣдомости", № 9595)...

Какъ вяло проходилъ предвыборный періодъ, такъ же вяло прошли и самые выборы въ петербургскую городскую думу. Приняло въ нихъ участіе болѣе чѣмъ ограниченное число избирателей, особенно по второму разряду. Изъ 800 избирателей этого разряда рождественской части подали бюллетени 267; изъ 2.919 литейной—706; изъ 728 казанской—223; изъ 1.400 васильевской — 464; изъ 2.048 московской—509 и т. д. Всего, по даннымъ газетныхъ отчетовъ, изъ 13.364 избирателей исполнили свой гражданскій долгъ 3.087. Въ результатѣ полная побѣда оказалась на сторонѣ стародумской партіи, переименовавшей себя теперь въ „хозяйственно-экономическую". По первому разряду партія не пропустила ни одного прогрессиста. По второму—она включила въ свои списки и тѣмъ допустила пройти въ гласные городского голову Н. А. Рѣзцова, М. М. Стасюлевича, П. А. Потѣхина и И. Д. Зубарева.

Такимъ образомъ, если и до 1907 г. стародумская партія главенствовала въ думѣ, то въ теченіе трехлѣтія 1907—1909 гг. она уже будетъ главенствовать безраздѣльно. Отъ выборовъ 1903 г. въ думѣ осталось самое небольшое число прогрессистовъ, попавшихъ по жребію на шесть лѣтъ. Если до сихъ поръ прогрессистовъ большинство хоть выслушивало, то отнынѣ, пожалуй, и слушать перестанетъ. Установится самый мирный и семейный порядокъ веденія дѣлъ. А главное, установится полное согласіе съ администраціей. Это согласіе, переходящее въ готовность къ подчиненію начальству, составляетъ основную характерную черту, такъ называемыхъ, „правыхъ" въ земствѣ и „стародумцевъ" въ петербургской думѣ. Другая, свойственная

и тѣмъ, и другимъ, черта—мелочная экономія въ расходахъ на удовлетвореніе потребностей обывателей, при значительной тароватости въ оплатѣ труда гласныхъ, избираемыхъ на исполнительныя должности. Лучше ли пойдетъ городское хозяйство? Поживемъ—увидимъ.

Обѣ партіи на выборахъ заявляли, что кампанія ведется не на почвѣ политической группировки. Но, въ сущности, мы всѣ настолько охвачены политикой, что такая группировка сложилась сама собой. Боролись два главныхъ политическихъ теченія: одно, подавляющимъ численнымъ выразителемъ котораго является конституціонно-демократическая партія съ примыкающими къ ней, справа и слѣва, элементами: другое—которое столь же подавляюще выражается союзомъ 17-го октября, и въ которое влились для городскихъ выборовъ всѣ правые элементы, вплоть до черносотенныхъ. Для предстоящихъ государственныхъ выборовъ—городскіе были провѣркой силъ. На основаніи ихъ можно безошибочно сказать, что въ данную минуту, среди состоятельныхъ классовъ населенія Петербурга, оппозиціонность настроенія ни въ какомъ случаѣ не превышаетъ оппозиціонности октябристовъ. Хозяйственно-экономическая партія, кажется, кромѣ одной литейной части, публичныхъ собраній не устраивала. Что говорилось на частныхъ совѣщаніяхъ съ избирателями и особенно при излюбленныхъ стародумцами объѣздахъ избирателей—мы не знаемъ. Но думаемъ, что эпизоды съ рабочими, не разъ приходившими въ думу въ теченіе послѣдняго года требовать работы и помощи, какъ права, и горячая поддержка этихъ требованій нѣкоторыми гласными на основаніи теоретическихъ сужденій о правѣ на трудъ—были главнымъ предметомъ разговоровъ. Тоже—попытки ввести въ больницахъ автономію сидѣлокъ и сторожей. Эти яркіе эпизоды легко могли затмить безобразные и крупные чисто хозяйственные недочеты, обнаружившіеся, напр., въ постройкѣ дѣтской больницы, въ провалѣ Египетскаго моста и т. п.

Всѣ старанія партіи прогрессистовъ вызвать, путемъ публичныхъ собраній, общественный интересъ къ выборамъ не могли пробить бреши въ апатіи избирателей. Въ центральныхъ частяхъ города, адмиралтейской, казанской и др., являлись на приглашенія, вмѣстѣ съ устроителями, 15—20 человѣкъ. Въ окраинныхъ частяхъ—намъ случалось бывать въ петербургской—приходили нѣсколько больше, иногда человѣкъ до 100,—судя по виду, преимущественно изъ мелкихъ домовладѣльцевъ. Собранія здѣсь бывали иной разъ бурныя, но дебаты вертѣлись большей частью вокругъ личныхъ вопросовъ, или вокругъ вопросовъ узко мѣстныхъ.

Въ 1903 г., въ думу вошли новые люди—квартиронаниматели, платящіе за квартиру не менѣе тысячи рублей въ годъ—по цензу, и ли-

беральі—по убѣжденіямъ. Существеннаго поворота въ веденіе городского хозяйства они не внесли. Почему—вопросъ другой. Беремъ фактъ. Теперь ихъ ряды въ думѣ сильно порѣдѣли. Остается ожидать коренной реформы городской избирательной системы. Если суждено не быть снова распущенной второй Государственной Думѣ—реформа не за горами...

Скончавшійся 18-го ноября, въ Москвѣ, Викторъ Александровичъ Гольцевъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ былъ фактическимъ редакторомъ „Русской Мысли", и умеръ онъ почти наканунѣ смерти этого сыгравшаго такую видную роль журнала: съ 1907 г. изданіе „Русской Мысли", какъ мы слышали, прекращается. Въ молодости В. А. готовился къ профессурѣ. Ему удалось, однако, лишь весьма недолго быть доцентомъ въ московскомъ университетѣ; раньше онъ былъ выбранъ въ доценты новороссійскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи права, но къ чтенію лекцій не приступалъ „по независящимъ обстоятельствамъ". Тоже весьма недолго В. А. былъ гласнымъ тверского губернскаго земства, гдѣ оставилъ по себѣ память представленною въ 1880 г. запиской о всесословной волости. Надъ покойнымъ постоянно висѣло неопредѣленное „подозрѣніе" въ неблагонадежности, стѣснявшее его на каждомъ шагу. М. М. Ковалевскій въ посвященномъ ему некрологѣ вспоминаетъ любопытный эпизодъ: „Однажды на засѣданіи юридическаго общества въ Москвѣ я, смотря въ упоръ на В. А., сталъ критиковать нѣкоторые изъ его взглядовъ. Меня прервали врученіемъ отъ него записки, гласившей: „Вы можете разносить меня безнаказанно, такъ какъ я лишенъ возможности защищаться. Мнѣ позволено присутствовать на засѣданіяхъ общества, но я связанъ обѣщаніемъ молчать на нихъ"...

Въ „Вѣстникѣ Европы" В. А. Гольцевъ принималъ участіе только до начала имъ самимъ издательской дѣятельности въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. Такъ, въ 1882 г. была помѣщена его статья: „Новыя попытки по рѣшенному вопросу о женскомъ образованіи" (окт.), а въ 1884 г.—„По вопросу о прекрасномъ" (іюнь) и „Отвѣтъ автору книги: Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты".

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ „Попечительства Трудовой Помощи".

Попечительство о трудовой помощи, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, не успѣло еще закончить всѣхъ предпринятыхъ имъ общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1905 г., какъ новое бѣдствіе потребовало вновь самой напряженной дѣятельности всѣхъ учрежденій и благотворительныхъ обществъ, призванныхъ къ оказанію помощи при неурожаяхъ.

Нѣкоторые наши сотрудники по оказанію трудовой помощи (въ бузулукскомъ, вольскомъ, хвалынскомъ и камышинскомъ уѣздахъ), оставшись на мѣстахъ, немедленно же съ половины сентября, насколько позволяли средства, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, приступили къ организаціи работъ въ наиболѣе пострадавшихъ селеніяхъ. При этомъ, совершенно исключая даровую помощь, имѣется въ виду доставленіе населенію заработка производствомъ разнообразныхъ работъ по водоснабженію, улучшенію сельскихъ дорогъ, укрѣпленію овраговъ, облѣсенію песковъ и т. п.; такимъ образомъ оказывается помощь вдвойнѣ, такъ какъ независимо заработка весь трудъ крестьянъ обращается на благоустройство ихъ же родного селенія или на улучшеніе ихъ же угодій.

Широко организованныя послѣ неурожая 1905 г. подобныя работы, а также оказанная помощь различнымъ кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ орловской, рязанской, самарской, саратовской, тамбовской и тульской—встрѣтили повсемѣстно большое сочувствіе со стороны крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также постановленія и горячія ходатайства мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній о продолженіи работъ. Къ сожалѣнію средства, которыми располагаетъ нынѣ Попечительство, чрезвычайно ограничены. Запасный капиталъ, образованный для организаціи помощи при народныхъ бѣдствіяхъ, исчерпанъ и въ распоряженіи моемъ имѣется всего 700.000 р., предоставленныхъ Попечительству изъ суммъ, ассигнуемыхъ правительствомъ для борьбы съ послѣдствіями неурожая. Поступившія же непосредственно въ Попечительство ходатайства во много разъ превышаютъ эту сумму. Предстоитъ такимъ образомъ ограничить дѣятельность немногими лишь уѣздами, постоянно въ то же время отказывая нуждающимся въ просьбахъ дать заработокъ и возможность поддержать упадающее хозяйство. Понятно, до чего невыразимо трудно отказывать въ подобныхъ случаяхъ при видѣ дѣйствительной нужды.

Отправляясь въ объѣздъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній, чтобы на мѣстахъ обсудить и выяснить возможность наиболѣе цѣлесообразно использовать тѣ небольшія средства, которыми

мы располагаемъ и изъ которыхъ уже часть израсходована на производство осеннихъ работъ, обращаемся ко всѣмъ, кто пожелаетъ внести свою лепту для облегченія крестьянской нужды и кому по̀ сердцу *трудовая помощь*, съ просьбою теперь же поспѣшить съ посильными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣрами, какъ бы скромны они ни были. Всѣ указанія относительно направленія пожертвованій въ тѣ или иныя мѣстности, или на тѣ или иныя работы, будутъ въ точности исполнены.

Пожертвованія можно направлять непосредственно къ Главноуполномоченному Общества (С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 27) и въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи (Надеждинская, 41).

О пожертвованіяхъ печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и въ журналѣ „Трудовая Помощь“, а также въ тѣхъ изданіяхъ, въ коихъ будетъ открытъ пріемъ пожертвованій.

Главноуполномоченный Попечительства, статсъ-секретарь *Галкин-Врской.*

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1906 году.

Въ 1906-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск. .	178	23. Примор. об.	56	45. Новгородск.	33
2. Кіевская. .	166	24. Тверская. .	56	46. Калужская .	33
3. Харьковск..	125	25. Вятская. .	55	47. Виленская .	33
4. Варшавск..	97	26. Томская . .	55	48. Симбирская.	33
5. Таврическ..	91	27. Волынская .	52	49. Сыръ-Д. об.	31
6. Полтавская.	88	28. Курская. .	50	50. Уфимская .	31
7. Пермская. .	87	29. Иркутская .	50	51. Бакинская .	31
8. Обл. В. Дон.	85	30. Ярославская	50	52. Псковская .	29
9. Тифлисская.	84	31. Тульская. .	49	53. Ковенская .	29
10. Саратовск..	74	32. Самарская .	48	54. Закасп. об.	27
11. Екатериносл.	72	33. Смоленская.	47	55. Астраханск.	26
12. Черниговск.	71	34. Костромская	47	56. Эриванская.	25
13. Тамбовская.	71	35. Нижегород.	47	57. Тобольская.	23
14. Казанская .	67	36. Терская об.	47	58. Люблинская	23
15. Владимірск.	64	37. Орловская .	46	59. Кутаисская.	22
16. Пред. Китая.	64	38. Рязанская .	46	60. Акмол. об.	22
17. С.-Петерб. .	63	39. Оренбургск.	45	61. Вологодская.	22
18. Подольская.	62	40. Забайк. об.	40	62. Могилевск..	21
19. Бессарабск.	61	41. Минская. .	40	63. Эстляндская.	18
20. Московская.	61	42. Витебская .	39	64. Курляндск.	18
21. Лифляндск.	60	43. Гродненская	36	65. Архангельск.	17
22. Воронежск..	59	44. Пензенская.	36	66. Кубанск. об.	16

67. Енисейская.	16	78. Ферган. об.	12	89. Карсская об.	6
68. Ставропольск.	16	79. Амурск. об.	11	90. Дагест. обл.	5
69. Ломжинская.	15	80. Семипал. об.	10	91. Тургайск. об.	3
70. Петроковск.	15	81. Елисаветпол.	9	92. Або-Вьернеб.	2
71. Сувалкская.	15	82. Плоцкая .	9	93. Тавастгусск.	1
72. Сѣдлецкая .	15	83. Уральск. об.	9	94. С.-Михельск.	1
73. Олонецкая .	15	84. Якутск. об.	9	95. Куопіосская.	1
74. Нюландская.	14	85. Радомская .	8		
75. Выборгская.	14	86. Черном. окр.	8		3.729
76. Самарк. об.	13	87. Калишская.	8		
77. Семирѣч. об.	12	88. Кѣлецкая.	7		

II. Въ С.-Петербургѣ	960
III. Въ Москвѣ.	454
IV. За границей	148
Всего: экз.	5.291

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1906 году.

Авилова, Л. — Человѣкъ порядка, разсказъ (май, 154).

Амафунскій, А. — Откуда намъ взять деньги на наши нужды (мартъ, 345).

Андреевскій, С.—Дѣло въ Варшавѣ, разсказъ изъ судебной практики (дек., 602).

Анненковъ, К.—Этика индивидуальная и соціальная, и ея основы (авг., 569).

Арсеньевъ, К. К.—Воспоминанія о Спасовичѣ (нояб., 456).

Вертенсонъ, Сергѣй.—Ив. С. Тургеневъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и въ его письмахъ къ нимъ, съ нѣм. (окт., 829).

Воборыкинъ, П. Д. — „Карты на столъ“, пов. въ 2-хъ частяхъ (янв., 51; февр., 429).

Боровиковскій, А. — Законы и опечатки (нояб., 285).

Брунъ, М. Палата лордовъ въ Англіи (май, 176).

Брусянинъ, Вас. –Осенніе листья, повѣсть (янв., 175).

В., В. — Рабочія силы въ Россіи и ихъ примѣненіе (янв., 122).—Аграрный вопросъ въ Россіи (іюль, 323).

Веселовскій, Алексѣй.—Новая исторія русской литературы за-границей (апр., 851).

Веселовскій, Юрій. — П. Корнель (іюнь, 670).

В., З.—Святой, ром. Antonio Fogazzaro, Il Santo, съ итал. (янв., 236; февр., 654; мар., 194; апр. 636).—Киписъ, исторія простой души Н. Wells, съ англ. (май, 259; іюнь, 703; іюль, 276).—Дебри, ром., Upton Sinclair, съ англ. (авг., 687; сент., 275; окт., 588; нояб., 301).—Клариса Мирабель, съ нѣм. (дек., 706).

Веберъ, К. — Призрѣніе сиротъ и кустарные промыслы въ рабочемъ вопросѣ (янв., 329).

Воблый, К. Г.—Иммиграція съ С.-А. Штаты (сент., 156).

Воропоновъ, В. В.—Отвѣтъ г. Ѳедору Самарину (іюль, 366). –Семь лѣтъ въ крестьянскомъ банкѣ (авг., 47; сент., 127).

Газенкампфъ, М. А.—Изъ Дневника на войнѣ 1877—78 гг.—1878-й годъ

(мар., 256; апр., 489; май, 5; іюнь, 524; іюль, 49).

Гейкингъ, бар. Г.—Виды кооперації и ея предѣлы. Очеркъ кооперативнаго движенія въ Великобританіи (янв., 279). — Домашняя и общественная жизнь въ Англіи (дек., 561).

Гершензонъ, М — П. Я. Чаадаевъ 30-хъ и 40-хъ годовъ (апр., 528).—И. П. Галаховъ. Одинъ изъ „людей сороковыхъ годовъ" (дек., 485).

Дальченко, В. И. — Китай и его вооруженныя силы (янв., 497; февр., 59).

Дерюжинскій, В. Ѳ. — Общественное мнѣніе и законодательство въ Англіи (окт., 441; нояб., 154).

Доброхотовъ, Анат. — Стихотворенія: Изъ Петёфи. I-II (мар., 88).—Пѣснь о Сорренто (нояб., 299).

Друцкой-Сокольнинскій, кн. Дм.— Аграрный вопросъ (апр., 751).

Жемчужниковъ, А. М.—Стихотворенія: I. Страшный годъ. II. Въ наши дни (янв., 327).—Стихотворенія: I—IV (февр. 765). — Стих.: „Сердце старое свободу ждать устало" (май, 304).

Жемчужниковъ, Левъ.—А. Е. Бейдеманъ. Біограф. очеркъ (февр., 705).

Зѣлинскій, Ѳ. — Античная Ленора (мар., 167).

Изъ дружеской переписки гр. А. К. Толстого. — Письмо кн. Каролины Витгенштейнъ (янв., 154).—Письмо А. К. Т. къ А. П. Бахметеву (апр., 691).

Калининъ, Э. Х. — Наши задачи на Ближнемъ Востокѣ (окт., 571).

К—нъ, Юл.—На развалинахъ гласнаго суда. Изъ воспоминаній женщины-стенографа 60-хъ и 70-хъ годовъ (іюль, 220).

Корсаковъ, Д. А.—Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ и С. М. Соловьевѣ (сент., 221).

Котляревскій, Н. — Гр. Алексѣй Толстой, какъ сатирикъ (іюль, 5).

Кочубинскій, Александръ. — П. І. Шафарикъ (май, 105; іюнь, 437).

Кругловъ, Александръ.—Внѣ цеха, ром. (май, 52; іюнь, 476; іюль, 169).

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д. —„Революціонное выступленіе" Думы и земельный вопросъ (сент., 318).—Уклоненіе отъ воинской повинности (окт., 756).

Левенстимъ, А. А. — Графъ А. К. Толстой, его жизнь и произведенія (окт., 487; нояб., 66).

Лубинскій, М.—Разбитое счастье, пов. (мар., 88; апр., 579).

Ляцкій, Евг.—Среди новыхъ книгъ. Замѣтка (апр., 807).—Книга г. Волжскаго: „Изъ міра литературныхъ исканій" (май, 402). — Вопросы жизни и творчества гр. Л. Н. Толстого (дек., 755).

М., Н.—Крестьянское дѣло въ лифляндской губерніи, историч. разсказъ, по даннымъ сенаторской ревизіи 1882-83 гг. (дек., 673).

Макіевскій-Зубокъ, Н. Г.—Кавказъ и кавказскіе намѣстники (февр., 613; мар., 91).

Мельникова, Н. К.—Стих.: „Зарница", съ нѣм. (май, 258).

Нольде, бар. Б. Э. — Англія и ея автономныя колоніи (сент., 5).

Орловскій, Сергѣй. — Въ горахъ Норвегіи (окт., 688; нояб., 35).

Оршанскій, Н. — Университетскій вопросъ и „Проектъ университетскаго устава" (янв., 5).

Открытіе Государственной Думы и начало ея дѣятельности: I. Тронная рѣчь Государя Императора. — II. Отвѣтъ Государственной Думы на тронную рѣчь, 5-го мая. III. Заявленіе Предсѣдателя Совѣта министровъ.— IV. Отвѣтъ Государственной Думы (іюнь, 760).

Полонскій, Л. А. — Современный

польскій романъ (іюнь, 581; іюль, 123). —Генрикъ Ибсенъ, очеркъ (авг., 728). —Мацѣй Борына, ром., съ польск. (окт., 521). — Смутное время нынѣ и тогда (нояб., 248).

Партія демократическихъ реформъ и ея программа (февр., 786).

Рапопортъ, С. Н. — Очерки изъ жизни лондонскаго юношества (февр., 536).—По поводу „Новой Утопіи": H. Wells, A Modern Utopia (мартъ, 408).

Самаринъ, Ѳ. Д.—По поводу статьи г. Воропонова: „Крестьянскій банкъ и его начало" (май, 333).

С., В. — Французскій романъ изъ военнаго быта (іюль, 99).

Свѣтловъ, Валер.—Вешній потокъ (февр., 560; мартъ, 5; апр., 437).

Сементковскій, Р.—Среди бездѣлья, пов. (нояб., 100; дек., 502).

Слонимскій, Л. З.—Недостатки нашихъ партійныхъ программъ (дек., 819).

С—л—ъ, В.—По Манчжуріи домой (авг., 433).

Ст., М.—В. Д. Спасовичъ въ его послѣднихъ письмахъ (нояб., 386).

Сѣверовъ, Н.—Въ порогахъ, пов. (авг., 507); сент., 68).

Таганцевъ, Н. С. — Законопроектъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ. Сессія 1906-го года (нояб., 5).

Тверской, П. А — Американская „злоба дня" (апр., 616) — По поводу аграрнаго вопроса (май, 305).—Землетрясеніе въ Калифорніи (іюнь, 744). —Мое участіе въ американскомъ трестѣ (авг., 635).—Америка и Японія (сент., 166).—Любопытныя параллели (нояб, 338; дек, 783).

Толстой, гр. А. К.—Два дня въ Киргизской степи (февр., 523).

Умановъ-Каплуновскій, В. В.— Мертвая правда, разск. (окт., 661).

Умановъ, Н. — Памяти кн. Д. В. Друцкого-Сокольнинскаго (дек., 879).

Ч., О.—Праздныя мысли, съ англ. (янв., 302; февр., 728). — Непокорный, съ франц. (мартъ, 283; апр., 702).— Подъ колесомъ, эск. по ром. Г. Гессе, съ нѣм. (май, 220).—Не герой, пов., съ англ., (іюнь, 627).—Не родной сынъ, съ нѣм. (іюль, 233; авг., 596; сент., 175). —Миссія м-ра Грина, съ англ. (окт., 720).—Въ странѣ тунеядства съ нѣм. (нояб., 197; дек., 619).

Чюмина, О.—Изъ В. Гюго: „Chants de crepuscule", 1830 г. (апр., 749).— „Листопадъ", стих. (окт., 586).

Шепелевичъ, Л.—Юбилейная литература о Шиллерѣ (февр., 845).—Н. И. Стороженко, некрол. (мартъ, 417).— М. С. Дриновъ, некр. (апр. 862).

Шильдеръ-Шульднеръ, Э. А.—Крестьянскіе надѣлы и причины ихъ малой производительности (авг., 772).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь. — Новый избирательный законъ.— Временныя правила о печати и о забастовкахъ. — Историческія параллели и историческіе уроки. — На комъ лежитъ отвѣтственность за послѣднія событія?— Новыя формы произвола. — Опасность, грозящая личной свободѣ (стр. 345). — Февраль.—Противоположные взгляды на манифестъ 17-го октября.—Выводы, прямо вытекающіе изъ его текста.—Государственная роспись на 1906-й годъ.—Превышеніе необходимой обороны.—Возвращеніе къ старымъ формамъ административной расправы. — Широкая волна произвола.—Съѣздъ дворянскихъ предводителей. — Проектируемое преобразованіе Государственнаго Совѣта. — Положеніе нашей печати. — Нѣсколько словъ объ учредительномъ собраніи. — По поводу партіи демократическихъ реформъ (стр. 768).—Мартъ.—Назначеніе дня открытія Государственной Думы.—Условія, при которыхъ начинается предвыборный періодъ. — Еще разъ вопросъ о „бойкотѣ" Думы. — Запрещеніе партійныхъ собраній. — Возможность отмѣны чрезвычайныхъ законовъ.—„Требованія" аграріевъ и допускаемые ими четыре способа рѣшенія аграрнаго вопроса. — Московскій съѣздъ делегатовъ „союза 17-го октября". —Нѣсколько словъ о партіяхъ и о партійныхъ „блокахъ" (стр. 326).—Апрѣль. — Начало выборовъ въ Государственную Думу. — Историческая параллель. — Характерные выборы.—Неунывающій административный произволъ. — Временныя правила объ охранѣ выборовъ и о публичныхъ собраніяхъ, Манифестъ 20-го февраля и „чрезвычайныя обстоятельства". — Отвѣтственность министровъ и право запроса (стр. 762).—Май.—Условія, при которыхъ открывается Государственная Дума.—Ближайшія ея задачи. — Необходимость поставить на очередь аграрный вопросъ.—Проектъ новой редакціи основныхъ законовъ. — Законъ 14-го и 18-го марта.—„Клубъ независимыхъ" и московское особое присутствіе. — „Нужны ли Россіи демократическія реформы"? (стр. 317). — Іюнь. — Первые шаги новыхъ учрежденій.—Пренія объ адресѣ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.—Безсиліе консерваторовъ и реакціонеровъ.—Министерство И. Л. Горемыкина и его декларація.—Рѣчь министра юстиціи.—Результаты примѣненія исключительныхъ законовъ. — Безцѣльность политическихъ убійствъ. — Ожидаемое упраздненіе земскихъ начальниковъ. — Запоздалые оправдательные приговоры (стр. 772).—Іюль.—Мнимое бездѣйствіе Государственной Думы.—Роль конституціонно-демократической партіи. — Меньшинство и парламентскія комиссіи. — Бездѣйствіе Государственнаго Совѣта.— Программа его „центра".—Министерство Горемыкина; его законопроекты и его административная дѣятельность. — Рѣчь главнаго военнаго прокурора.—Рѣчи министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.— Рѣчь кн. Урусова. — Положеніе періодической печати.—Вопросъ о неприкосновенности депутатовъ.—Еще о программѣ партіи демократическихъ реформъ (стр. 347). — Августъ. — Высочайшій манифестъ 9-го іюля. — Значеніе досрочнаго распущенія; условія, отъ которыхъ зависятъ его результаты.—Вопросъ о диктатурѣ.—Вопросъ о примѣненіи ст. 45-ой основныхъ законовъ. —Возможно ли было образованіе министерства изъ среды Государственной Думы?—Обвиненія, взводимыя на Думу.—Слова и дѣйствія новаго министерства. — Единственный нормальный выходъ изъ труднаго положенія. — Беззастѣнчивое пророчество.—Post-scriptum (стр. 757).—Сентябрь. — Тяжелое время.—Единственный выходъ изъ ужаснаго положенія.—Высочайшій указъ 12-го августа. — Несостоявшееся либеральное министерство. — Возможно ли теперь измѣненіе избирательнаго закона?—Партія мирнаго обновленія и отношеніе къ ней другихъ конституціонныхъ партій.— Партія народной свободы и крайніе лѣвые. — Думскій законопроектъ о неприкосновенности личности. — Ѳ. Г. Тернеръ †. — Post-scriptum (стр. 243). — Октябрь. — Правительственное сообщеніе 24-го августа.—Предѣлы, въ которыхъ насиліе законно можетъ быть отражаемо насиліемъ.—Военно-полевые суды и диктатура.—Гдѣ таится жажда власти?— Новый видъ православныхъ братствъ.— Вопросы, признаваемые неотложными.— Земство и недоимки.—Возможно ли измѣненіе избирательнаго закона? — Еще о

партіи мирнаго обновленія. — Общеземская организація продовольственной помощи (стр. 771). — Ноябрь. — Тяжелый годъ.—Неприкосновенность закона о выборахъ. — Разъясненіе его Сенатомъ. — Высочайшій указъ 5-го октября.—Новыя правила о старообрядцахъ и сектантахъ. — Вопросы земскій, еврейскій и аграрный на съѣздѣ „группы центра" Государственнаго Совѣта — Циркуляры о военно-полевомъ судѣ и объ отношеніи должностныхъ лицъ къ политическимъ партіямъ (стр. 369).—Декабрь.—Условія, въ которыя поставлены наши политическія партіи.— Военно-полевые суды и вопросъ о смертной казни.—Союзъ 17-го октября и „монархическія" партіи.—Партія мирнаго обновленія.—Предвыборные „блоки". —Указъ 9-го ноября.—Будущее земскихъ начальниковъ.— „Еврейская крамола" и „истинно-русскіе люди". — Post-scriptum (стр. 802).

II. Литературное Обозрѣніе.—Январь.—I. Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1905 г. Кн. седьмая. — II. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, А. Н. Радищева.— III. Щукинскій Сборникъ, вып. 4.—IV. Арсеній Мацѣевичъ, митроп. Ростовскій и Ярославскій, священника М. С. Попова.—**Евг. Л.**—Новыя книги и брошюры (стр. 374).—Февраль. — I. А. Ѳ. Кони, Очерки и воспоминанія.—II. О государствѣ русскомъ, Флетчеръ. — III. Карлъ Каутскій, Т. Моръ и его утопія.— IV. Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова, томъ четвертый. —V. Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ, изд. Г. Ѳ. Львовича.—**Евг. Л.**—Новыя книги и брошюры (стр. 807).—Мартъ.—I. Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. XX. — II. Былое, кн. I.—III. Исторія города Харькова за 250 л. его существованія (1655 — 1905 г.г.), проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера.—**Евг. Л.**—IV. С. Мартыновъ, Печорскій край.—**W.**—V. Н. А. Рубакинъ, Среди книгъ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 366).—Апрѣль. —I. В. К. Николай Михаиловичъ, Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ имп. Александра и Наполеона, т. I.—II. Алексѣй Веселовскій, Западное вліяніе въ новой русской литературѣ.— III. Сватиковъ, С., Общественное движеніе въ Россіи, 1700—1895 г.г.—IV. Розановъ, В., Около церковныхъ стѣнъ, т. I. — V. Валерій Брюсовъ, Вѣнокъ. Стихи. 1903—5.—**Евг. Л.** —VI. Библіографическій обзоръ земской статистической и оцѣночной литературы, 1864—1903 г.г., состав. В. Караваевъ.— VII. П. Соковнинъ, Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ.—**В. В.**—VIII. Отечественная война 1812 года, А. Н. Попова, т. I.—**Н. М.** —Новыя книги и брошюры (стр. 779).— Май. — I. Ад. Олеарій, Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Введеніе, переводъ, примѣчанія и указатель А. Ловягина.—II. Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1906 г. Кн. IX.—III. Розановъ, В., Около церковныхъ стѣнъ.—IV. С. Рафаловичъ, „Свѣтлыя Пѣсни".— V. Графъ П. Шереметевъ, Замѣтки. — **Евг. Л.** — VI. М. Герценштейнъ, Аграрный вопросъ. — VII. Проф. М. Грушевскій, Очеркъ исторіи украинскаго народа. **А. Лотоцкаго.** — VIII. страхованіе рабочихъ, Е. Дементьева.—IX. Выкупная операція, Ал. Лосицкаго. - **В. В.** - Новыя книги и брошюры (стр. 341). — Іюнь. — I. Рейтенфельсъ, Як., Сказанія о Московіи. — II. М. М. Антокольскій, его жизнь, творенія и статьи. — III. И. Ѳ. Анненскій, Книга отраженій.—**Евг. Л.**—IV. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества и Архивъ князя А. И. Чернышева.—**Н. М.** —V. О. Н. Чюмина (Михайлова). „Новыя стихотворенія".—**К. Ч-ій.** — VI. А. Фортунатовъ, Поземельныя отношенія къ Западной Европѣ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 788).—Іюль.—I. Сочиненія Пушкина, изд. Акад. Наукъ, т. II. — II. П. И. Пестель, Русская Правда, наказъ Временному Верховному Правленію.—III. Противъ смертной казни, сборникъ статей п. р. М. Гернета.—IV. А. С. Пругавинъ, Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898—99 г.г.—V. Тюшовъ, В. Н., По западному берегу Камчатки. — VI. Мережковскій, Д. С., Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго.—**Евг. Л.**—VII. Декабристы, 86 портретовъ. Біограф. текстъ П. Головачева, вступленіе В. Мякотина.—**А. Г.** —Новыя книги и брошюры (стр. 371).— Августъ. — I. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905).— II. Патканов, С. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I, вып. I-й и II-й. — III. Монголія и Камъ. Труды Экспедиціи Имп. Русскаго Геогр. Общества, подъ руководствомъ П. К. Козлова. Т. I. Часть первая и вторая. —IV. Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—Исторія русской интеллигенціи.—V. Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1906 годъ. Книга десятая.—**Евг. Л.**—VI. „Маякъ" Литературно-публицистическій сборникъ —**W.**—VII. Справочная книга соціалиста. Гуго и Штегманна. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго и Л. Марковича. Т. I-ый, выпуски I, II, III. — **Д. Кле-**

менца.—Новыя книги и брошюры (стр. 787). — Сентябрь. — I. Андреевъ, Л., Мелкіе разсказы. Т. III.—II. Довнаръ-Запольскій, М. В., Мемуары декабристовъ. —III. Изъ писемъ и показаній декабристовъ, п. р. А. К. Бороздина.— IV. Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694), изслѣд. Н. В. Чарыкова.—Евг. Л.—V. Карлъ Каутскій, Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. — К. Ч—скій. — Новыя книги и брошюры (стр. 363).—Октябрь. — I. Довнаръ-Запольскій, М. В., проф., Идеалы декабристовъ.— II. I. Г. Корбъ, Дневникъ путешествія въ Московію, перев. А. И. Малеина.—III. Фаресовъ, Мужики и начальство.—IV. Е. В. Пѣтуховъ, Императорскій юрьевскій, бывшій дерптскій университетъ, 1865—1902 г.—V. Ларенко, Страдные дни Портъ-Артура. — Веревкинъ, Н., и Ножинъ, Е. К., — объ осадѣ Портъ-Артура. — Купчинскій, Ф., Въ японской неволѣ. — Евг. Л.—VI. Г. Галина, Предразсвѣтныя пѣсни. — К. Ч. — VII. Качоровскій, Народное право. — VIII. И. Х. Озеровъ, Политика по рабочему вопросу въ Россіи, за послѣдніе годы.—IX. Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ земельномъ вопросѣ, изслѣд. П. Н. Соковнина. — В. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 791). — Ноябрь.—I. Эмиль Верхарнъ, Стихи о современности, въ перев. В. Брюсова.— II. Нелидовъ, Ѳ., Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы.—Саводникъ, В., Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка.—Келтуяла, В., Курсъ исторіи русской литературы, ч. I.—Сиповскій, В., Исторія русской литературы. ч. I и II.—III. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, тт. I и II, изданіе В. Кн. Николая Михаиловича.— Евг. Л — IV. Н. Рожковъ, Происхожденіе самодержавія въ Россіи.—Н. П. С.—V. М. А. Рейснеръ, Русскій абсолютизмъ и европейская реакція.—VI. А. И. Шершенко, Правовое и экономическое положеніе иногородныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ.— В. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 394).—Декабрь. — I. Щукинскій сборникъ, вып. 5-ый. - II. Эптонъ Синклеръ, „Чаща“ (The Jungle), амер. романъ. — Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 г., кн. XI.—Евг. Л. — III. Ю. Г. Жуковскій, Деньги и банки.—IV. Н. Д. Чечулинъ, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. —В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 824).

III. Иностранное Обозрѣніе.—Январь.—Печальные итоги истекшаго года. —Послѣдствія военныхъ катастрофъ. — Вліяніе внѣшнихъ неудачъ на внутреннее политическое положеніе. — Международныя отношенія: военно-морскіе инциденты и крейсерство. — Политика Германіи.— Портсмутскій миръ.—Главныя событія въ другихъ государствахъ (стр. 361).—Февраль.—Избраніе новаго президента республики во Франціи и побѣда либеральной партіи въ Англіи. — Политическое значеніе этихъ событій, въ связи ихъ съ печальнымъ положеніемъ Россіи. — Версальскій конгрессъ и президентъ Фалліеръ. — Особенности республиканскаго режима и мечты о славной старинѣ. — Скорбный „возгласъ“ въ честь короля.— Англійскіе парламентскіе выборы. — Перемѣна царствованія въ Даніи (стр. 794). — Мартъ. — Вопросъ о войнѣ и мирѣ, въ связи съ особенностями военно-политическаго строя.—Международный кризисъ изъ-за Марокко. — Конференція въ Алжесирасѣ.—Французскія дѣла.—Энциклика папы Пія X.—Волненія въ Австро-Венгріи. — Новая парламентская сессія въ Англіи (стр. 352).—Апрѣль.—Министерскій кризисъ во Франціи. — Парламентскія пренія по поводу „катастрофы въ Бешенѣ“.—Инциденты при примѣненіи закона о церковныхъ имуществахъ.—Печальныя параллели. — Программа новаго французскаго кабинета. — Марокканская конференція. — Отголоски русско-японской войны (стр. 824). — Май.— Странная роль нынѣшней русской дипломатіи. —Проектъ созыва новой конференціи въ Гаагѣ.—Марокскій вопросъ, франко-русская дружба и русскій заемъ.—Волненія рабочихъ во Франціи. — Вопросъ о реформахъ въ Австріи и новое министерство въ Венгріи.—Конституція въ Черногоріи (стр. 379). — Іюнь.— Иностранная печать о первомъ русскомъ парламентѣ. — Разсужденія нѣкоторыхъ лондонскихъ газетъ. — Странныя обмолвки въ „Temps“.—Отзывы нѣмецкой прессы. —Защита русскихъ подданныхъ въ прусской палатѣ депутатовъ. — Французскіе парламентскіе выборы.—Балканскія дѣла: турецкія и прочія звѣрства (стр. 819).— Іюль.—Отголоски русскихъ дѣлъ заграницей. — Митингъ протеста въ Берлинѣ и рѣчь проф. Листа.—Парламентскія пренія во Франціи.—Луи Пасси о забытыхъ либеральныхъ принципахъ. — Министерская декларація.—Политическіе вопросы и соціальныя программы.—Рѣчи Жореса и Клемансо. — Внутренніе кризисы въ Австріи и Венгріи (стр. 397).—Августъ. —Международное значеніе русскаго кризиса.—Отсрочка англо-русскихъ манифестацій. — Толки о секретныхъ политическихъ планахъ и вопросъ о вмѣшатель-

ствѣ. — Личная политика Вильгельма II. —Иностранная печать о русскихъ дѣлахъ. —Британскій премьеръ о роспускѣ Думы. —Международная конференція мира въ Лондонѣ. —Конецъ дѣла Дрейфуса (стр. 820). — Сентябрь. — Годовщина Портсмутскаго мира.— Перемѣны въ общемъ международномъ положеніи, подъ вліяніемъ упадка русскаго могущества.— Либеральная политика Англіи. — Личная роль короля Эдуарда VII.—Особыя преимущества его конституціоннаго положенія. — Вильгельмъ II и его министры.— Неудобства безотвѣтственности правительства.—Церковный вопросъ во Франціи. — Балканскія дѣла (стр. 395).—Октябрь.—Рѣчи Вильгельма II и прусскій монархизмъ.—Консервативная оппозиція противъ короля.—Внутреннія дѣла Пруссіи и Германіи.—Соціалистическій съѣздъ въ Мангеймѣ. — Критскій вопросъ. Реформы въ Китаѣ и Персіи (стр. 842).— Ноябрь. — Мемуары князя Гогенлоэ. — Разоблаченія относительно причинъ и обстоятельствъ отставки Бисмарка.—Новыя черты для характеристики „Желѣзнаго канцлера“. — Забавно-поучительная исторія въ Кепеникѣ —Перемѣна министерства во Франціи. — Австрійскіе министры иностранныхъ дѣлъ (стр. 427).— Декабрь. — Двадцатипятилѣтіе соціальнаго законодательства въ Германіи. — Особенности прусской внутренней политики.—Отсутствіе реакціи при добросовѣстномъ правительствѣ.—Поучительныя сопоставленія. — Рѣчь кн. Бюлова въ имперскомъ сеймѣ. — „Личный режимъ“ и нравственная отвѣтственность министровъ.—Программа министерства Клемансо.—Сербскія дѣла (стр. 851).

IV. Новости Иностранной Литературы. — Январь.— I. Réné Doumic, Etudes sur la littérature française. — Charles Maurras, L'avenir de l'Intelligence. — Jean Lionnet, L'évolution des idées chez quelques uns de nos contemporains.—II. H. Sudermann, Das Blumenboot, Schauspiel in 4 Akten. — З. В. (стр. 396).—Февраль.—I. Arthur Schnitzler. Zwischenspiel. Komödie.—II. Hermann Bahr. Der arme Narr. Schauspiel.— З. В. (стр. 831).—Мартъ.—I. Gerhardt Hauptmann, „...Und Pippa tanzt“.—II. Tristan Bernard, Amants et voleurs. — З. В. (стр. 392) —Апрѣль.—I. Eugène Gilbert, France et Belgique.—II. Johannes Schlaf, Maeterlinck.—З. В. (стр. 839).— Май. — James Huneker. Iconoclasts. A book of dramatists.—З. В. (стр. 398).— Іюнь.—I. Marcelle Tinayre. La Rebelle. Roman.—II Alfred Surto. Mollentrave on Women. Comedy.—З. В. (стр. 835).— Іюль.—Nicolas Notovitch. La Russie et l'Alliance anglaise. Étude historique. — Л. С. (стр. 411).—Августъ.—I. R. Garnett. De Flagello Myrteo.—II. François de Curel. Le Coup d'Aile.—З. В. (стр. 836).—Сентябрь.—I. John Galsworthy, „The Man of Property“.—II. Saint-Georges de Bouhelier. „Le Roi sans couronne“. Pièce en 5 actes. — З. В. (стр. 407).— Октябрь.—Georg Brandes, Henrik Ibsen. —З. В. (стр. 858).—Ноябрь.—I. Marcel Prevost. Monsieur et Madame Moloch.—З. В.—II. Eugène Pierre, Traité de droit politique, électoral et parlementaire.—Кн. Н. Г. (стр. 441).—Декабрь. — I. Anatole France, Vers les temps meilleurs. — II. Jérome-Jean Tharaud. Dingley, l'illustre écrivain. — З. В. (стр. 866).

V. Изъ Общественной Хроники.— Январь.—Ходъ развитія революціоннаго настроенія. — Слова и дѣйствія министерства графа Витте. — Декабрьская политическая забастовка въ Петербургѣ. — Забастовка ресторанной прислуги.— Итоги вооруженнаго возстанія въ Москвѣ. — Ожидаемое возстаніе въ Петербургѣ.—Событія въ прибалтійскомъ краѣ. — Характерныя мелочи (стр. 470). — Февраль.—Памятная годовщина.—Идейное значеніе событій 9-го января 1905 года въ Петербургѣ и нѣсколько воспоминаній.—Петиція рабочихъ.—Георгій Гапонъ. — Арестъ „временнаго правительства“.—Смѣна общественнаго настроенія. — Характерные показатели. — Что поддерживаетъ революціонное настроеніе въ обществѣ?—Несостоявшееся тверское губернское земское собраніе. — Новая народная газета.—Проф. Н. И. Стороженко; Р. А. Писаревъ; Н. А. Лейкинъ † (стр. 849). — Мартъ.—Тяжелыя перспективы. —Реакція и ея проявленія.—Военная диктатура.—Девятнадцатое февраля.—Кого будутъ выбирать въ Государственную Думу?—Страница изъ исторіи „свободной“ печати въ Харьковѣ.—Изъ недавняго прошлаго: г. Зубатовъ о „зубатовщинѣ“ (стр. 422). — Апрѣль.— Первая стадія выборовъ въ Думу.—Впечатлѣнія избирателя. —Общій тонъ отношенія крестьянъ къ „начальству“ и къ „господамъ“.—Выборы въ Государственный Совѣтъ и земство.— — Казнь Шмидта.—Дѣло Спиридоновой. — Судебные процессы редакторовъ „Руси“, „Нашей Жизни“, „Начала“ и др.— Безпримѣрная репрессія. — В. А. Крыловъ; В. И. Лихачевъ † (стр. 864). — Май.—Результаты выборовъ въ Государственную Думу.—Что ими опредѣлилось? —Кто побѣдилъ на выборахъ и кто побѣжденъ?— Крестьяне и партійныя про-

граммы.— Къ вопросу о прямомъ и степенномъ голосованіи. — „Разгонять“ ли Думу?—„Тибетская медицина“ и заключеніе по ней медицинскаго совѣта. — Postscriptum (стр. 418).—Іюнь.—Открытіе Государственной Думы.—Впечатлѣнія первыхъ дней.—Пренія по аграрному вопросу.—Нежелательные пріемы партійной борьбы.— Первые запросы. — Допустима ли для Думы забастовка? — Тонъ деклараціи министерства. — Иллюстрація къ „диктатурѣ пролетаріата“.—И. С. Соколовъ † (стр. 849). — Іюль. — „Передъ грозой“.—Ожидаемое министерство изъ думскаго большинства.— Общее настроеніе Государственной Думы.— Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. — Инцидентъ съ генераломъ Павловымъ.—Отмѣна смертной казни. — Своевременна ли эта мѣра? — Бѣлостокскій погромъ въ обрисовкѣ правительственнаго сообщенія и доклада коммиссіи Государственной Думы (стр. 416). — Августъ. — Роспускъ Государственной Думы.—Кому нанесенъ тяжелый ударъ?— Послѣдніе дни засѣданій Думы.—Объясненія товарищей министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. — Признаки готовившагося перехода къ дѣловой работѣ. — Ближайшія перспективы. — Юридическій хаосъ. — Отчетъ училищной коммиссіи въ Петербургѣ. — М. Я. Герценштейнъ † (стр. 853). — Сентябрь.— Мѣсяцъ кровавыхъ событій.—Военные бунты.—Покушеніе на П. А. Столыпина.—Что̀ можетъ положить конецъ?—Попытки реакціи повернуть общественное настроеніе.—Отношеніе деревни къ „черносотенцамъ“.— Критическое положеніе земства. — Къ предстоящему началу учебнаго года. — Новыя средства борьбы съ революціонной пропагандой въ войскахъ (стр. 422). —Октябрь.—Два террора.—Письмо А. И. Гучкова.—Торжество революціонныхъ элементовъ справа.—Исключеніе бывшихъ членовъ Думы изъ курскаго дворянскаго собранія. — Родительскіе комитеты въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Пріѣздъ англійской депутаціи. — Л. Е. Оболенскій † (стр. 866). — Ноябрь.—Годовые итоги. — Процесъ совѣта рабочихъ депутатовъ.—Судебная ликвидація „дней свободы“ и войны. — Предварительное слѣдствіе о бывшихъ членахъ Государственной Думы. — Городскіе выборы въ Петербургѣ. — Несостоявшійся пріемъ англійской депутаціи.—В. Д. Спасовичъ †. —Александръ Веселовскій и В. В. Стасовъ †. — И. Н. Захарьинъ-Якунинъ † (стр. 462). — Декабрь. — Подавлена ли революція и наступило ли успокоеніе?— Партійная предвыборная страстность министерства.—Дѣло Гурко-Лидваля. — Изъ практики expresse-юстиціи. — Результатъ городскихъ выборовъ въ Петербургѣ. — В. А. Гольцевъ † (стр. 882).

VI. Извѣщенія.—I. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія (янв., 496; апр., 880; май, 434; іюнь, 868; авг., 868; окт., 882).—II. Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра (янв., 426; апр. 880; май, 434; окт., 882).—III. Отъ Комитета Литературнаго Фонда (іюнь, 868; авг., 868; окт., 882; нояб., 481). — IV. Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина (окт., 882). —V. Отъ партіи „демократическихъ реформъ“ (нояб., 481).—VI. Отъ „Попечительства Трудовой помощи“ (дек. 898).

VII. Библіографическій Листокъ. —Январь.—А. Ѳ. Кони, Очерки и воспоминанія. — Дружининъ, Н. П., Избиратели и народные представители.—Избранныя сочиненія Т. Н. Грановскаго.— Пири, Р. Е., По большому льду къ сѣверу, пер. съ англ., подъ ред. П. Беркоса.— Февраль. — Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. I, вып. 4. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича. — Государство и вѣрующая личность, М. Рейснера. — Политическій строй современныхъ государствъ, т. II. — Н. Веревкинъ, Страничка изъ Дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. — Мартъ.—Курсъ русской исторіи, проф. В. Ключевскаго, ч. II. — Отечественная война 1812 года, А. Н. Попова, т. I. — Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, 1808 — 1812 г.г. Т. I, II, III. Съ введеніемъ и предисловіемъ В. К. Николая Михаиловича.—А. Веселовскій, Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. — И. И. Янжулъ, Забастовки или стачки рабочихъ и чиновниковъ. — Апрѣль. — Г. Тардъ, Преступникъ и преступленіе. — Л. Котельманъ, Основы школьной гигіены. — Философія Давида Юма, Н. Д. Виноградова.—Проф. Г. Челпановъ, Введеніе въ философію.—По аграрному вопросу. Отрывочныя мысли, В. Гурко.—Май.—Костомаровъ, Н. И., Собраніе сочиненій. Кн. VIII и послѣдняя.—Политическая энциклопедія, въ 3-хъ томахъ. Т. I, вып. 1, п. р. Л. З. Слонимскаго. — Арсеньевъ, К. К., Салтыковъ-Щедринъ.—Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ имп. Александра и Наполеона, 1808 — 1812 г.г., т. IV, изд. В. К. Николая Михаиловича. — Буркгардтъ, Як., Культура Италіи въ эпоху „Возрожденія“, т. I и II. Перев. С. Брилліанта.—Іюнь.—Никоновъ, Ѳ. П. Крестьянскій правопорядокъ и его желательное

будущее.—Паткановъ, С., Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I: Тунгусы собственно. Вып. 1 и 2.—Сочиненія А. П. Щапова. Томъ второй.—Кайгородовъ, Д., Первые хищники. Популярные очерки изъ міра русскихъ хищныхъ птицъ. Съ 12-ью красочными и многочисленными рисунками въ текстѣ. — Іюль.—Кабанесъ и Л. Нассъ, Революціонный неврозъ. Перев. съ франц., подъ ред. Д. Ф. Коморскаго.—М. В. Бернацкій, Къ аграрному вопросу. — Людовикъ Нодо, письма о войнѣ съ Японіей. Перев. съ франц. Н. М. Лагова. — Августъ.—Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка.—Эдмъ Шампьонъ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 года. — І. І. Липковскій. Революція или эволюція?—Г. Г. Савичъ. Къ вопросу о мелкой земской единицѣ; село Павлово и его общественное устройство. — Гражданскіе законы Калифорніи. Соч. Кронида Малышева, I—II т.— Сентябрь.—Политическая Энциклопедія. Т. I, вып. 2-ой — Проф. В. А. Косинскій. Къ аграрному вопросу. Вып. I.—Крестьянское и помѣщичье хозяйство.—Проф. П. П. Мигулинъ. Аграрный вопросъ.—М. Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма.—Октябрь.—Череванскій, Вл., Исчезнувшее царство.—А. Н. Пыпинъ, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. Третье изданіе. — В. Святловскій, Къ исторіи политической экономіи и статистики въ Россіи. — М. Оленовъ, Такъ-называемый „кризисъ марксизма“. — Жоржъ Вейль, Исторія соціальнаго движенія во Франціи (1852—1902 г.).—Ноябрь. — Русскіе портреты XVIII и XIX ст. Т. II, вып. 3. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича.—М. Ковалевскій, Отъ прямого народоправства къ представительному, т. II.—Политическая Энциклопедія, т. I, вып. 3.—Н. Д. Чечулинъ, Очерки изъ исторіи русскихъ финансовъ въ царств. Екатерины II.—Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 2.—Полное собраніе сочиненій А. П. Щапова, т. I.—Декабрь.—Янжулъ, И. И., Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. — Кузьминъ-Караваевъ, В. Д., Изъ эпохи освободительнаго движенія. I: До 17-ое октября 1905 года. — Э. Н. Берендтсъ, Кое-что о современныхъ вопросахъ. — Вильг. Блосъ, Исторія германской революціи 1848 г.

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь—Декабрь, 1906.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь. стр.

Законопроектъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ.—Сессія 1906 года. —I—VI.—Н. С. ТАГАНЦЕВА. 5

Въ горахъ Норвегіи.— Изъ путевыхъ замѣтокъ. — XIII—XXII.— Окончаніе.— СЕРГѢЯ ОРЛОВСКАГО. 35

Графъ А. К. Толстой, его жизнь и произведенія. — VI — XI. — Окончаніе. — А. А. ЛЕВЕНСТИМА. 66

Среди вездѣлья.—Повѣсть.—I—XIII.— Р. СЕМЕНТКОВСКАГО 100

Общественное мнѣніе и законодательство въ Англіи.—IV—VI.—Окончаніе.— В. Ѳ. ДЕРЮЖИНСКАГО 154

Въ странѣ тунеядства.—Романъ Генриха Манна.—Съ нѣм. О. Ч. 197

Смутное время нынѣ и тогда.—1600 -1900. — La Crise révolutionnaire, 1584 —1614, par K. Waliszewski. — Л. ПОЛОНСКАГО. 248

Законы и опечатки. — Посмертный трудъ. — Съ предисловіемъ Z. — АЛЕКСАНДРА БОРОВИКОВСКАГО 285

Стихотвореніе.—Пѣснь о Сорренто.—Изъ Поля Гейзе.—А. ДОБРОХОТОВА. 299

Деври.—Романъ.—Upton Sinclair. The Jungle.—XXIII—XXX.—Съ англ. З. В. 301

Хроника. — Любопытныя параллели. — Письмо въ Редакцію. — I. — П. А. ТВЕРСКОГО. 338

Внутреннее Обозрѣніе. — Тяжелый годъ.—Неприкосновенность закона о выборахъ.—Разъясненіе его Сенатомъ.—Высочайшій указъ 5-го октября.— Новыя правила о старообрядцахъ и сектантахъ.—Вопросы земскій, еврейскій и аграрный на съѣздѣ „группы центра“ Государственнаго Совѣта.—Циркуляры о военно-полевомъ судѣ и объ отношеніи должностныхъ лицъ къ политическимъ партіямъ 369

Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ—въ его послѣднихъ письмахъ.—М. СТ. 386

Литературное Обозрѣніе. — I. Эмиль Верхарнъ, Стихи о современности, въ перев. В. Брюсова. — II. Неидовъ, Ѳ., Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. — Саводникъ, В, Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка.—Келтуяла, В., Курсъ исторіи русской литературы, ч. I. — Сиповскій, В., Исторія русской литературы, ч. I и II.— III. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, тт. I и II, и т. д. . . 394

Иностранное Обозрѣніе. — Мемуары князя Гогенлоэ. — Разоблаченія относительно причинъ и обстоятельствъ отставки Бисмарка.—Новыя черты для характеристики „Желѣзнаго канцлера“. — Забавно-поучительная исторія въ Кепеникѣ.—Перемѣна министерства во Франціи.—Австрійскіе министры иностранныхъ дѣлъ 427

Новости Иностранной Литературы. — I. Marcel Prevost. Monsieur et Madame Moloch.—З. В.—II. Eugène Pierre, Traité de droit politique, électoral et parlementaire.—Кн. Н. Г. 441

Воспоминанія о В. Д. Спасовичѣ. — К. К. АРСЕНЬЕВА. 456

Изъ Общественной Хроники. — Годовые итоги. — Процессъ совѣта рабочихъ депутатовъ. — Судебная ликвидація „дней свободы“ и войны. — Предварительное слѣдствіе о бывшихъ членахъ Государственной Думы. — Городскіе выборы въ Петербургѣ.—Несостоявшійся пріемъ англійской депутаціи.—В. Д. Спасовичъ †.—Александръ Веселовскій и В. В. Стасовъ †.—И. Н. Захарьинъ-Якунинъ †. 462

Извѣщенія. — I. Отъ партіи „демократическихъ реформъ“. — II. Отъ Комитета Литературнаго Фонда 481

Библіографическій Листокъ.—Русскіе портреты XVIII и XIX ст. Т. II, вып. 3. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича.—М. Ковалевскій, Отъ прямого народоправства къ представительному, т. II.—Политическая Энциклопедія, т. I, вып. 3. — Н. Д. Чечулинъ, Очерки изъ исторіи русскихъ финансовъ въ царств. Екатерины II.—Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 2.—Полное собраніе сочиненій А. П. Щапова, т. I.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь. стр.

И. П. Галаховъ, одинъ изъ „людей сороковыхъ годовъ“.—М. ГЕРШЕНЗОНА. 485
Среди вездѣлья. — Повѣсть. — XIV—XXIV. — Окончаніе — Р. СЕМЕНТКОВСКАГО 502
Домашняя и общественная жизнь въ Англіи. — Наблюденія и замѣтки.—Бар. Г. ГЕЙКИНГА 561
Дѣло въ Варшавѣ.—Разсказъ изъ судебной практики.—С. АНДРЕЕВСКАГО. 602
Въ странѣ гунядства.—Романъ Г. Манна.—H. Mann, Im Schlaraffenland.—VII—XII.—Окончаніе. — Съ нѣм.—О. Ч 619
Крестьянское дѣло въ Лифляндской губерніи. — Историческій очеркъ, по даннымъ сенаторской ревизіи 1882 — 1883 гг.—I-VI.— Н. М. 673
Кларисса Мирабель. — Разсказъ.— Jakob Wassermann, Clarissa Mirabel (Die Schwestern).— Съ нѣм. З. В. 706
Вопросы жизни и творчества гр. Л Н. Толстого. — По поводу „Біографіи Л. Н. Толстого“, г. Бирюкова, т. I, и „Полнаго собранія соч. Л. Н. Т.“, вышедшихъ заграницей. Т. I.—ЕВГ. А. ЛЯЦКАГО 755
Хроника.—Любопытныя параллели. — Письмо въ Редакцію.—II.— П. А. ТВЕРСКОГО. 788
Внутреннее Овозрѣніе.— Условія, въ которыхъ поставлены наши политическія партіи. — Военно-полевые суды и вопросъ о смертной казни. — Союзъ „17-го октября“ и „монархическія“ партіи. — Партія „мирнаго обновленія“.—Предвыборные „блоки“.—Указъ 9-го ноября. — Будущее земскихъ начальниковъ.— „Еврейская крамола“ и „истинно-русскіе люди“. 802
Замѣтка.—Недостатки нашихъ партійныхъ программъ.—Л. З. СЛОНИМСКАГО. 819
Литературное Овозрѣніе. — I. Щукинскій сборникъ, вып. 5-ый. — II. Эптонъ Синклеръ, „Чаща“, романъ. — Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 г., кн. XI.—Евг. Л.—III. Ю. Г. Жуковскій, Деньги и банки.—IV. Н. Д. Чечулинъ, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. В. В.—Новыя книги и брошюры 824
Иностранное Овозрѣніе — Двадцатипятилѣтіе соціальнаго законодательства въ Германіи. — Особенности прусской внутренней политики.—Отсутствіе реакціи при добросовѣстномъ правительствѣ. — Поучительныя сопоставленія.—Рѣчь кн. Бюлова въ имперскомъ сеймѣ.—„Личный режимъ“ и нравственная отвѣтственность министровъ.—Программа министерства Клемансо.—Сербскія дѣла 851
Новости Иностранной Литературы.—I. Anatole France. „Vers les temps meilleurs“. — Jérome-Jean Tharaud, Dingley.—В. В. 866
Памяти кн. Д. В. Друцкого-Сокольнинскаго.—Н. УМАНОВА 879
Изъ Общественной Хроники.—Подавлена ли революція и наступило ли успокоеніе? — Партійная предвыборная страстность министерства. — Дѣло Гурко-Лидваля. — Изъ практики expresse-юстиціи. — Результатъ городскихъ выборовъ въ Петербургѣ.—В. А. Гольцевъ † 882
Извѣщенія.—Отъ „Попечительства Трудовой Помощи“ 898
Матеріалы Журнальной Статистики.—„Вѣстникъ Европы“, въ 1906 г. . . . 900
Алфавитный Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, въ 1906 г. 902
Объявленія 913
Библіографическій Листокъ.— Янжулъ, И. И., Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва.—Кузьминъ-Караваевъ, В. Д., Изъ эпохи освободительнаго движенія. Ч. I. По 17-ое октября 1905 г.—Э. Н. Берендтсъ, Кое-что о современныхъ вопросахъ. — Вильгельмъ Блосъ, Исторія германской революціи 1848-го года. Полный переводъ съ нѣм., п. р. А. Луначарскаго.

Приложеніе. — Третій дополнительный Каталогъ „Вѣстника Европы“ за восьмое пятилѣтіе изданія журнала: 1901—1905 гг., съ Алфавитнымъ Указателемъ именъ авторовъ . . . . . 1—59
Объявленія.—I—VIII.

☞ **При каждомъ № „НИВЫ“**, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ**, а новые подписчики, выписывающіе также (за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.) **первыя 10 книгъ К. М. Станюковича за 1906 г.**, получатъ ихъ при одномъ изъ первыхъ №№ „Нивы“ 1907 г. ☜

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1907 годъ

(38-й годъ изданія)

на еженедѣльн. иллюстриров.

ЖУРНАЛЪ

со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе **1907** года:

52 **№№** художеств.-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ романы, повѣсти и разсказы; гравюры, рисунки и иллюстраціи современ. событій.

40 **КНИГЪ** „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ

10 КНИГАХЪ **гр. АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО**

(Стихотворенія: пѣсни, поэмы, былины, баллады. Драматич. трилогія: Смерть Іоанна Грознаго. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ. Царь Борисъ. Князь Серебряный. Упырь и др.),— значительно дополн. произведеніями, не вошедшими въ предыдущія изданія и изданными за границею. Съ критико-біографическ. очеркомъ **С. А. Венгерова.**

(Цѣна существ. неполнаго изданія, безъ пересылки, 8 р. 50 к.).

ОСТАЛЬНЫЯ **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ**

30 КНИГЪ **К. М. СТАНЮКОВИЧА**

(„Морскіе разсказы“; романы: „Омутъ“, „Откровенные“, „Наши нравы“, Жрецы“ и друг.; „Картинки обществен. жизни“, „Письма знатн. иностранца“; повѣсти, разсказы и пр.),— значительно дополнен. произведеніями, не вошедшими въ предыдущія изданія.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ. **П. В. Быкова.**

(Цѣна существ. неполнаго изданія, съ пересылкой, 21 руб.).

12 КНИГЪ **„Ежемѣсячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“**, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

12 **№№** „Парижскихъ модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 **ЛИСТОВЪ** рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1907 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—**6 р. 50 к.**; съ доставкой—**7 р. 50 к.**

Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . . 8 р.

За границу—**12 р.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗРОЧКА ПЛАТЕЖА въ 2, 3 и 4 СРОКА.

☞ Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1907 г. со всѣми ея приложеніями, еще **ПЕРВЫЯ 10 книгъ соч. К. М. СТАНЮКОВИЧА за 1906 г.**, доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ СПБ.—1 р. 50 к.; съ дост. въ СПБ. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу—2 руб. ☜

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22

Открыта подписка на 1907 годъ

на иллюстрированный еженедѣльный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 №№ художественно-литературнаго журнала.

Путешествія.—Этнографія.—Романы и повѣсти, изображающіе разныя приключенія на сушѣ и на морѣ.—Очерки и разсказы современныхъ иностранныхъ беллетристовъ.—Стихотворенія.—Научно-популярныя статьи о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ.—Біографіи научныхъ дѣятелей.—Обзоръ событій текущей иностранной жизни.—Библіографія.—Вопросы и отвѣты.—Спортъ.—Картины.—Иллюстраціи.—Портреты. 1.200 столбцовъ текста.

ВЪ КАЧЕСТВѢ ПРЕМІИ ПОДПИСЧИКАМЪ «ВОКРУГЪ СВѢТА» БУДЕТЪ ДАНО

РѢДКОЕ ПО БОГАТСТВУ И РАЗНООБРАЗІЮ

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

12 КНИГЪ иллюстрированное СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ (до 2.500 стран.).

извѣстнаго американскаго писателя юмориста, блестящаго разсказчика, тонкаго наблюдателя человѣческой природы

МАРКА ТВЭНА,

произведенія котораго ЗАЧИТЫВАЮТСЯ юными и взрослые Стараго и Новаго свѣта.

„Принцъ и нищій“. „Приключеніе Тома Сойера“. „Приключенія Хэкльберри Финна“. „Американскій истецъ“. „Наши простаки дома“. „Наши простаки за границей“. „Жизнь на рѣкѣ Миссисипи“. „Искры американскаго юмора“, очерки и разсказы.

Въ отдѣльной продажѣ названныя книги стоятъ 9 руб.

12 выпусковъ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Полная иллюстрированная энциклопедія реальныхъ знаній.

необходимая настольная книга для всѣхъ и каждаго, дающая разъясненія непонятныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся при чтеніи газетъ, журналовъ и книгъ по всѣмъ отдѣламъ научнаго знанія, общественной жизни и домашняго быта.

Кромѣ того, съ приплатою ОДНОГО РУБЛЯ подписчики получатъ полное ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ изданіе хорошо извѣстнаго русской читающей публикѣ произведенія **В. М. ДОРОШЕВИЧА**

САХАЛИНЪ, стоящаго въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к.

„Сахалинъ“ будетъ данъ подписчикамъ въ теченіе перваго полугодія 6-го вып.

4 Р. ЦѢНА НА ГОДЪ безъ книги В. М. Дорошевича „САХАЛИНЪ“ съ перес. и доставкой.

ОТКРЫВАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р., къ 1 іюля 1 р.

Адресъ: Москва, Петровка, д. Матвѣевой. Редакція журнала «Вокругъ Свѣта».

Изданіе Т-ва И. Д. Ситина.

5 Р. ЦѢНА НА ГОДЪ съ книгою В. М. Дорошевича „САХАЛИНЪ“ съ перес. и доставкой.

Открыта подписка на 1907 годъ

на двухнедѣльный журналъ дѣтей старшаго (12—15 л.) возраста

ДРУГЪ ДѢТЕЙ

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) **Разсказы.** Повѣсти, сказки, пьесы, и стихотворенія. 2) **Изъ прошлаго.** Историческіе разсказы, воспоминанія, біографіи и т. п. 3) **Кругомъ свѣта.** Путешествіе по морю и сушѣ и т. п. 4) **Изъ природы.** 5) **Очерки изъ современной жизни, знакомящіе дѣтей съ выдающ. соврем. событіями русской и иностран. жизни.** 6) **Въ часы досуга.** Шутки, шарады, загадки, игры, музыка, пѣніе. 7) **Смѣсь.**

Подписчики въ 1907 г. получатъ:

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА,

каждая въ объемѣ отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ со множествомъ рисунковъ.

12 ПОРТРЕТОВЪ НА АЛЬБОМНОЙ БУМАГѢ

„СВѢТОЧИ НАУКИ“.

6 КАРТИНЪ-СНИМКОВЪ съ выдающихся произведеній знаменитыхъ РУССКИХЪ художниковъ.

6 КАРТИНЪ-СНИМКОВЪ съ выдающихся произведеній знаменитыхъ ИНОСТРАННЫХЪ художник.

Даны будутъ въ видѣ альбома въ бумажной папкѣ.

Кромѣ того подписчики „Друга Дѣтей“ въ 1907 г. получатъ:

10 ПОЛЕЗНЫХЪ ВЪ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ ПРЕМІЙ-ПОДАРКОВЪ:

1. **Иллюстрированный настольный календарь-записная книжка.** съ справочными свѣдѣніями и указаніями. 2. **Юный артистъ-режиссеръ.** руководство къ постановкѣ домашнихъ спектаклей, исполненію ролей, гриммировкѣ и т. д. 3. **Какъ самому устроить волшебный фонарь,** приспособленія къ нему, свѣтовыя картины и т. д. 4. **Юный химикъ,** простѣйшіе опыты. 5. **Юный астрономъ,** наблюденія неба, луны, звѣздъ и т. д. 6. **Юный чертежникъ.** 7. **Юный путешественникъ,** путеводитель по замѣчательнымъ городамъ и живописнѣйшимъ мѣстностямъ Россіи. 8. **Гигіена,** какъ работать, отдыхать и развлекаться безъ вреда для своего здоровья. 9. **Спутникъ дачника,** лѣтнія развлеченія. 10. **Зимніе вечера,** зимнія развлеченія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **5** **Р.** съ пересылкой и доставкой НА ГОДЪ

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля 1 р.

Объявленія принимаются съ платой 30 к. за стр. петита позади текста.

Адресъ редакціи: Москва, Пятницкая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **3** **Р.** съ пересылкой и доставкой НА ½ ГОДА

Издатель **И. Д. Сытинъ.** Редакторъ **Н. В. Тулуповъ.**

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ТРЕТІЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ

КАТАЛОГЪ

ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЗА ИСТЕКШЕЕ ВОСЬМОЕ

ПЯТИЛѢТІЕ

1901 — 1905 гг.

СЪ АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

I.—Каталогъ журнала за первое двадцатипятилѣтіе (1866—1890 гг.)—помѣщенъ въ Приложеніи къ декабрьской книгѣ журнала 1890 года.

II.—Первый дополнительный каталогъ за шестое пятилѣтіе (1891—1895 гг.)—см. въ Приложеніи къ декабрьской книгѣ журнала 1895 года.

III.—Второй дополнительный каталогъ за седьмое пятилѣтіе (1896—1900 гг.)—см. въ Приложеніи къ декабрьской книгѣ журнала 1900 года.

1901 г.

— — —

Авилова, Л.—Обманъ, пов. (іюль, 53).—По совѣсти, пов. (дек. 532).

Арсеньевъ, К. К.—Новая форма старой мечты. Д. С. Мережковскаго, „Л. Толстой и Достоевскій" (май, 307).

Ахшарумовъ, Д. Д.—Изъ моихъ воспоминаній конца 40-хъ годовъ (нояб., 152; дек., 645).

Батюшковъ, Ѳ.—По поводу собранія статей И. Е. Рѣпина (окт. 825).

Вирюковичъ, Вл. — Ликвидація промышленнаго оживленія. „Россія въ концѣ XIX-го вѣка" (мартъ, 326).

В—на, В.—Передъ картиной, разск. (іюль, 176).

Воворыкинъ, П. Д. — Однокурсники, повѣсть (янв., 51; февр., 460).

Вородинъ, Н.—Наше рыболовство и его порядки (май, 329).

Брусянинъ, Вас. — По полямъ и лѣсамъ. Деревенскіе очерки (окт., 601).

Вунинъ, Ив. — Въ Колизеѣ. Монологъ Манфреда. Изъ Байрона (авг., 777).

Бурдинъ, Ѳ. А. — Матеріалъ для исторіи русскаго театра. Изъ воспоминаній (окт., 576).

Бухъ, Л.—По поводу государственной отчетности (мартъ, 370). — По поводу винной монополіи (нояб., 342).

Вагнеръ, Н. П.—Три дороги, романъ (янв.. 121; февр., 651; мартъ, 75; апр., 603; май, 138; іюнь, 615).

В., В.—Промышленные успѣхи Германіи (апр., 760). — Наши финансы. Краткій обзоръ исполненія государственныхъ росписей за 1881—1899 г., составленный товарищемъ государственнаго контролера, А. Иванщенковымъ (сент., 377).

Веселовскій, Алексѣй.—Байронъ въ Венеціи. 1806 — 1819 гг. (апр., 645).

Вейнбергъ, П. И. — Изъ пѣсней Гейне, съ нѣм. (іюнь, 769).

Виницкая, А. А.—Два разсказа: I. Зеленая накидка. II. Подводный монастырь (февр., 589).

Виноградовъ, П. Г. — Учебное дѣло въ нашихъ университетахъ (окт., 537).

В., К. — Имп. Павелъ Петровичъ. Н. К. Шильдеръ, Имп. Павелъ I (іюнь, 598). — Первые сподвижники имп. Александра I (дек., 881).

Воропоновъ, Ѳ.—Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ. По личнымъ воспоминаніямъ (іюль, 93).

Ганзенъ, П. — „Студенческій „союзъ" въ Даніи (апр., 696). — Русскій княжескій дворъ въ г. Горсенсѣ (сент., 5; окт., 625).

Терье, В. И.—Борьба за единство

вѣры, въ IV-мъ вѣкѣ. Римская Африка (янв. 5; февр., 537; 39; апр., 445).

Дмитріева, В. І.—Милуша, разск. (сент., 38).

Друцкой-Сокольнинскій, кн. Дм.—Изъ пензенской губерніи (апр., 815).—Новые порядки взысканія податей съ крестьянъ (іюнь, 805).

Жемчужниковъ, А. М.—Погибшая нива (янв., 239).—Еще о старости (мартъ, 38).—Влеченье къ высотѣ, стих. (апр., 789). — Стих.: I. Желтая муха. II. Лины (сент., 116).—Родная природа, стих. (окт., 574).—Стих.: Ужъ было такъ давно начало (нояб., 57).—Посланіе къ старикамъ о природѣ (дек., 804).

Живаго, М.—„Академическая свобода" въ германскихъ университетахъ (дек., 469).

Захарьинъ, Ив. (Якунинъ). — Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ. 1820—1852 гг. (апр., 524).

Зѣлинскій, Ѳ. Ф.—Умершая наука (окт., 441; нояб.; 5).

Іоллосъ, Гр. Б. — Торговые договоры и пошлины на хлѣбъ предъ судомъ нѣмецкихъ экономистовъ. Письмо изъ Берлина (нояб., 375).

Ивановичъ, Ив. — Сборщица, разск. (авг., 751).

Ивановскій, В. В.—Государ. Совѣтъ въ Россіи. По поводу столѣтія со дня его учрежденія (май, 285).

Игнатьевъ, В. Е.—Общественное здоровье по даннымъ санитарной статистики (іюль, 292).

К—вичъ, Н. В.—Церковно-школьное дѣло въ Россіи (сент., 218).

К. М. — Изъ исторіи просвѣщенія сибирскихъ инородцевъ (іюль, 201).

Кнорринга, Ѳ. И. — Мѣсяцъ въ Америкѣ. Изъ дорожныхъ записокъ (окт., 715; нояб. 108).

Корсаковъ, В. В.—Дѣтскій міръ въ Китаѣ (май, 217).

Коршъ, Ѳ. В.—Три нѣмецкія стихотворенія Прешерна: I. Возлюбленная и я. II. Въ обществѣ. III. Играла ты (мартъ, 125).

Л—новъ, С. М. — Стихотворенія (февр., 731).—Памяти В. С. Соловьева, стих. (авг., 513). — Стих.: Письмо. I—II (дек., 825).

Ляцкій, Е. А.—Максимъ Горькій и его разсказы (нояб., 274).

М.—Итоги всемірной выставки 1900 года. Письмо изъ Парижа (февр. 790). —Школа новаго типа въ Парижѣ (май, 387).

Марковъ, В. П. — Стихотворенія: По полямъ, лугамъ туманъ стелется (мартъ, 283).—I. Хлѣбъ—цвѣточки съѣли. II. Тяжелыя думы (май, 325).—Пѣсни о крестьянинѣ (дек., 683).

Марковъ, Евг.—Русская Арменія. Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа (май, 107; іюнь, 484; іюль, 5; авг., 433).

Микуличъ, В.—Въ Венеціи, разск. (авг., 469).

Минскій, Н.—Алмазъ, стих. (окт., 756).

Михайлова, О. — Стих. изъ Ричарда Гарнетта: I. Пловцы. II. Восточная сказка (іюль, 290).

Морозовъ, П. О.—Изъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ. I. Джозуэ Кардуччи (мартъ, 162); II. Лоренцо Стеккети. III. Барбаро да Сеть-Джорджіо. IV. Марія-Алинда Боначчи-Брунамонти (апр., 692).

Никольскій, проф. П. А.—Золотыя деньги въ Россіи (авг., 515).

Новиковъ, Александръ.—Въ огонь и въ воду, разск. (сент, 203).

О. М.—Новые срубы. La charpente, par. J. Rosny (янв., 285; февр., 733; мартъ, 285).

О—невъ, И.—Народный учитель въ деревнѣ (окт., 783).

Орловъ, Н. А.—Похороны послѣ битвы. Изъ воспоминаній (іюнь, 588).

Пирлингъ, А. — Названный Дмитрій. Новая постановка вопроса о немъ (янв., 101).

Погрузовъ, А. — Кустарная промышленность въ Россіи (іюнь, 693).

Покровская, М. П. — Вопросъ о дешевыхъ квартирахъ для рабочаго класса (іюль, 188).

Поповъ, П. С.—Два мѣсяца осады въ Пекинѣ. Дневникъ: 18 мая—31 іюля ст. ст. 1900 г. (февр., 517; мартъ, 5). — Новѣйшія вѣсти изъ Китая (нояб., 312).

Пыпинъ, А. Н.—Кто былъ авторъ „Антидота"? Изъ исторіи литературной дѣятельности имп. Екатерины II (май, 181).—Некрологъ І. М. И. Сухомлиновъ. II. И. Н. Ждановъ (авг., 857).—Историческіе труды имп. Екатерины II (сент., 170; дек., 760).

Рапопортъ, С. И. — Лондонское самоуправленіе и его органы (сент., 96).

Ромеръ, Ѳ. — Въ средѣ образовъ звѣриныхъ, пов. (авг., 554; сент., 118).

Салласъ, гр. Евг.—Сумма трехъ слагаемыхъ, пов. (окт., 485; нояб., 58).

Свѣтловъ, В. Я.—Семья Варавиныхъ, ром. (апр., 480; май, 50; іюнь, 539).

Слонимскій, Л. З. — Наши направленія (дек., 808).

Соловьева, П. С.—Тайна смерти, стих. (апр., 714).—Стих. (іюль, 157).

Соловьевъ, Владиміръ.—Лермонтовъ (февр., 441).

— Сообщеніе Государственнаго Контроля (май, 344).

С., П.—Рабыня, ром. The Slave, by R. Hichens (апр., 715; май, 227; іюнь, 723; іюль, 204; авг., 640).—Родина, романъ. H. Bordeau, Le pays natal (сент., 248; окт., 656; нояб. 200).—Мужъ-миролюбецъ, ром. Un mari pacifique, par Tr. Bernard (дек. 693).

Спасовичъ, В. Д. — Вл. С. Соловьевъ, какъ публицистъ (янв., 211). — В. А. Арцимовичъ (май, 5; іюнь, 437).

Сѣвировъ, Н.—На лазурномъ Леванѣ, разск. (мартъ, 199).

Тарле, Евг.—Характеристика общественныхъ движеній въ Европѣ XIX-го вѣка (февр., 702; мартъ, 167).—Ницшеанство и его отношеніе къ политическимъ и соціальнымъ теоріямъ европейскаго общества (авг., 704).

Тверской, П. А.—Президентская кампанія въ С.-А. Штатахъ (іюнь, 651). — Американская „злоба дня" (сент., 304).—Убійство Макъ-Кинлея и президентъ Рузевельтъ. Письмо изъ Америки (дек., 855).

Т—на, А. — Возсоединеніе старой Финляндіи съ новою, въ 1811 г. (іюль, 317).

Тыжновъ, И.—Эксплуатація сибирскихъ инородцевъ въ XIX-мъ вѣкѣ (авг., 617).

Успенскій, В.—Краткая записка о возникшемъ, въ годъ Тянъ-Цзы, бѣдствіи, составленная лѣнивымъ отшельникомъ Пустыннаго острова. Съ китайскаго (іюль, 159).

Фаминцынъ, А. С.—Къ реформѣ учебнаго дѣла въ Россіи (іюнь, 773).

Хахановъ, А.—Столѣтняя годовщина присоединенія Грузіи къ Россіи. 1801—1901 г. (янв., 340).

Хвостовъ, Н. В.—Портретъ, стих. (іюль, 315).

Х. И. — Стихотвореніе: Старость подходитъ... (февр., 789).

Хрущова, В. Д.—Кружокъ „Круглой Башни". Изъ воспоминаній, 1877 — 78 гг. (янв., 240; февр., 618; мартъ, 240; апр., 553).

Шабанова, А. Н. — Международные конгрессы въ пользу дѣтей (нояб., 410).

Шишковъ, Ник.—Наше земство, его труды и недочеты (сент. 320).

Юрковскій, Ѳ. А.—Необходимая поправка къ воспоминаніямъ Ѳ. А. Бурдина (дек., 889).

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Январь:—Начало XIX-го и начало XX-го вѣка.—Крѣпостное право и крестьянскій вопросъ.—Старые и новые суды.—Сословныя общества и самоуправленіе.—Печать и общества.—Народное образованіе.—Вѣротерпимость.—Попытка кодификаціи.—Понятіе о законности.—Вопросъ объ отношеніи губернскаго земства къ уѣзднымъ въ московскомъ губернскомъ собраніи (стр. 367).—Февраль:—Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи на 1901 годъ.—Сравнительное значеніе наказа и закона.—Проектъ наказа губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ.—Отношеніе его къ правамъ, принадлежащимъ, по закону, училищнымъ совѣтамъ, земству и другимъ общественнымъ учрежденіямъ.—Возможныя послѣдствія его въ области начальной школы.—Циркуляръ министра юстиціи (стр. 815).—Мартъ:—Покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія.—Правительственное сообщеніе о мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.—Гласность уголовнаго процесса по проекту новаго устава уголовнаго судопроизводства.—Огражденіе общественнаго порядка и достоинства государственной власти, какъ мотивы къ закрытію дверей засѣданія.—Дискреціонная власть высшей судебной администраціи.—Оглашеніе процессовъ въ печати.—Ограниченія устности процесса.—Разныя мнѣнія о земскихъ начальникахъ (стр. 350).—Апрѣль:—Кончина Н. П. Боголѣпова.—Правительственныя сообщенія и распоряженія.—Московскій агрономическій съѣздъ; его отношеніе къ общественной самодѣятельности, къ административной регламентаціи и къ взаимодѣйствію губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій.—Московскій съѣздъ дѣятелей по народному образованію и проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ.—Общій характеръ постановленій съѣзда и возбуждаемыя ими надежды.—Возможность введенія суда присяжныхъ въ Туркестанѣ (стр. 790).—Май:—Новый министръ народнаго просвѣщенія и первыя его распоряженія.—Столѣтіе Государственнаго Совѣта; главныя черты его исторіи и его заслуги; желательныя гарантіи и нововведенія.—Земскіе комитеты, проектируемые для неземскихъ губерній.—Второе правительственное сообщеніе о неурожайныхъ мѣстностяхъ.—„Московскія Вѣдомости“ и проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ (348).—Іюнь:—Новое учрежденіе Государственнаго Совѣта.—Вопросы, предложенные министерствомъ народнаго просвѣщенія на обсужденіе университетовъ.—Предѣлы университетской автономіи.—Различныя формы студенческихъ организацій.—„Неслужебные студенты“, проектируемые проф. Введенскимъ.—„Помощники“ профессора и доценты.—„Земское“ устройство тринадцати неземскихъ губерній.—Правила о народныхъ чтеніяхъ (стр. 781).—Іюль:—Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Анастасіи Николаевны и Высочайшее повелѣніе 5-го іюня.—Работы коммиссіи по переустройству средней школы. Сокращеніе гимназическаго курса.—„Единая“ школа и древніе языки.—Школа и національность.—Еще о „земской“ реформѣ въ западномъ краѣ и на окраинахъ.—Вопросъ о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ (стр. 347).—Августъ:—Высочайшій манифестъ о новомъ уставѣ о воинской повинности для Финляндіи.—Изъ прошлаго земской статистики.—Періодъ затишья земскихъ изслѣдованій.—Способы земскихъ изученій крестьянскаго хозяй-

ства. — Подворная перепись.—Задачи сводки данныхъ переписи. — Поселенная сводка; групповыя и комбинаціонныя таблицы.—Губернскія сводки данныхъ подворной переписи.—Оживленіе земскихъ изслѣдованій и задачи, имъ открывающіяся.—В. В. (стр. 779).— Сентябрь: — Вѣсти о неурожаѣ. — Способы борьбы съ его послѣдствіями. Роль, предоставленная въ ней земству. — Походъ „Моск. Вѣдомостей“ противъ частной продовольственной помощи вообще и противъ участія въ ней органовъ печати въ особенности.—Попытка спасти осужденную систему.— Политическое и научное значеніе гимназическаго ультра-классицизма.—Тюремная дисциплина и тѣлесное наказаніе.—М. Н. Островскій и Н. М. Барановъ †.—Кончина Е. И. В. князя Евгенія Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго (стр. 354).—Октябрь: —Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ по продовольственному дѣлу. — Новая организація этого дѣла въ особенно неблагополучныхъ по урожаю уѣздахъ.—Общественныя работы.—Общественная и частная помощь голодающимъ.—Циркуляръ о врачебной части въ неурожайныхъ губерніяхъ.—Статьи Д. И. Менделѣева объ „обще-образовательныхъ гимназіяхъ“. — Возможные предѣлы сокращенія гимназическаго курса.—P. S.— Новый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, 7-го сентября, по продовольственному дѣлу (стр. 758). — Ноябрь:—Мнѣніе С. А. Рачинскаго о проектируемой реформѣ средней школы. Побѣды надъ пространствомъ заставляютъ ли забывать о побѣдахъ надъ временемъ?—Отношеніе этого вопроса къ древнимъ языкамъ. — Спеціальное значеніе языковъ латинскаго и греческаго. — Особенности вновь проектируемыхъ учебныхъ плановъ. — Инородцы и коренные русскіе.—Что значитъ *единство* средней школы? — Есть ли что-нибудь общее между единствомъ и равенствомъ? (стр. 356).— Декабрь: — Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ о междуземскихъ сношеніяхъ и комментаріи къ нему въ печати. — Тенденціозный слухъ, относительно предсѣдателей губ. земскихъ управъ.—Значеніе выборнаго начала въ земскомъ самоуправленіи.—Зарайское уѣздное земское собраніе, какъ признакъ регресса въ земской сферѣ.— Положеніе продовольственнаго дѣла къ началу ноября (стр. 828).

II. Иностранное Обозрѣніе.— Январь: — Политическое настроеніе въ Европѣ.—Воинственные порывы и оппозиціонная практика въ Англіи.— Китайскій кризисъ.—Положеніе дѣлъ во Франціи.— Событія въ другихъ странахъ за истекшій годъ (стр. 384).— Февраль: — Перемѣна царствованія въ Англіи.—Королева Викторія, какъ правительница. — Ростъ и упроченіе англійскаго монархизма.—Главныя событія въ исторіи Англіи съ конца тридцатыхъ годовъ (стр. 831).—Мартъ:— Дипломатія и казни въ Пекинѣ. — Вопросъ объ ассоціаціяхъ во Франціи и парламентскія пренія о законопроектѣ Вальдека-Руссо.—Французскій клерикализмъ и демократія. — Смерть Милана и сербскія дѣла (стр. 378). — Апрѣль:—Пререканія по поводу Китая.—Англійскія разсужденія о казняхъ и о русскомъ коварствѣ. — Дипломатическія ошибки и ихъ послѣдствія.—Манчжурскій вопросъ. — Англо-русскій споръ въ Тянь-Цзинѣ.— Несчастный случай съ имп. Вильгельмомъ II (стр. 823).—Май: — Правительственное сообщеніе по китайскимъ дѣламъ.—Политика державъ на Дальнемъ Востокѣ.—Дипломатическія недоумѣнія.—Вильгельмъ II и нѣмецкое студенчество.—Закрытіе македонскаго комитета въ Софіи (стр. 369). — Іюнь:—Окончаніе мирныхъ переговоровъ въ Пекинѣ и политическая роль Вильгельма II. — Итоги совмѣстной экспедиціи державъ противъ Китая.— Способы дѣйствія культурныхъ на-

ціи.—Министерскій кризисъ въ Пруссіи.—Заявленіе графа Голуховскаго и сербскія дѣла (стр. 819).—Іюль: — Правительство и оппозиція въ Англіи. Споры о королевскомъ бюджетѣ въ парламентѣ. — Жалобы на стѣсненіе печати въ Ирландіи.—Англійскіе либералы и имперіалисты о южно-африканскихъ дѣлахъ.—Герцогъ Корнваллійскій въ Австраліи. — Памятникъ Бисмарку въ Берлинѣ (стр. 366). — Августъ:—Проектъ новаго таможеннаго тарифа въ Германіи.—Протесты промышленныхъ протекціонистовъ противъ протекціонизма аграрнаго.—Противорѣчія экономической политики и промышленный кризисъ.—Внутреннія дѣла Франціи. — Новый законъ объ ассоціаціяхъ. — Событія въ Даніи и въ балканскихъ государствахъ (стр. 808). — Сентябрь: — Десятилѣтіе франко-русскаго союза.—Свиданіе монарховъ въ Данцигѣ и французскія манифестаціи.—Противорѣчія и странности въ современной дипломатической практикѣ.—Балканскія дѣла и формула status-quo.—Вовнственная русская газета въ Бухарестѣ.—Германія и китайскій вопросъ.— Война въ южной Африкѣ.—Смерть Крисои (стр. 389).— Октябрь:—Вильгельмъ II, какъ другъ Россіи.— Франко-русскія военныя празднества.—Разсужденія „Temps“ объ урокахъ внутренней политики.— Тосты въ честь союза во Франціи.— Особенности франко-русскихъ отношеній. — Смерть Макъ-Кинлея и анархисты.— Еще о китайской миссіи въ Берлинѣ (стр. 797).—Ноябрь: Оффиціальныя опровержевія относительно Франціи и Афганистана. — Средне-азіатская политика. — Эмиръ Абдурахманъ и его преемникъ. — Британскія неудачи. — Странное назначеніе и еще болѣе странная рѣчь.—Внутреннія дѣла въ Германіи (стр. 398).—Декабрь:—Южно-африканская война и ея послѣдствія для Англіи.—Полемика противъ Чемберлена въ германской печати. — Англичане предъ судомъ международнаго права. — Обычныя проявленія права войны.—Вопросъ о третейскомъ судѣ по южно-африканскимъ дѣламъ. —Политическія дѣла въ Турціи и въ Греціи (стр. 842).

III. Литературное Обозрѣніе. — Январь: — Т. Н. Грановскій. Д. М. Левшина. — Объ изученіи славянства, К. Я. Грота. — Литературные очерки, Юр. Веселовскаго.—В. А. Половцевъ. Прогулка по Русскому Музею Имп. Александра III.—Т.—Историческія монографіи, т. I, В. А. Вильбасова.—А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 398).—Февраль: — Источники Словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Т. I: Ааронъ—Гоголь. — А. П. — Труды Я. К. Грота. III: Очерки изъ исторіи русской литературы (1848—1893 гг.). Изд. н. р. К. Я. Грота. — Д. О. — Приморская Область. Очеркъ П. Ѳ. Унтербергера.— Загадки народа. Сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ, состав. Д. Садовниковъ. — Т. — Новыя книги и брошюры (стр. 846). — Мартъ:— Болгарія и Болгары, Н. Овсянаго. — Боснія и Герцеговина, Ал. Харузина.— А. П.—Историческія монографіи, т. II, В. Вильбасова. — Т.—Сочиненія имп. Екатерины II, на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина. тт. I—IV.—Д.—Новыя книги и брошюры (стр. 394).—Апрѣль:—Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, въ половинѣ XVII вѣка. Перев. съ арабскаго Г. Муркоса. — А. П.—Чехи—апостолы варварства. д-ра І. Пекаря. — Значеніе драмы „Бургграфъ“ для германизаціи средней Европы. — Сочиненія гр. П. И. Капниста, въ двухъ томахъ: — Т. — Русскія народныя картинки, собралъ и описалъ Д. Ровинскій. — А. П. — Новыя книги и брошюры (стр. 834).— Май: — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. — Историческія монографіи, т. III, В. А. Вильбасова.—

А. П.—А. А. Шеллеръ (А. Михайловъ), А. И. Фаресова.—Т.—Левъ Бертенсонъ, Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за-границею.—А. К.—и.—Новыя книги и брошюры (стр. 391).—Іюнь:—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, 1856—1880 гг., Е. Лихачевой.—Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ, съ предисл. В. Ѳ. Миллера.—М. Н. Розановъ, Поэтъ періода „бурныхъ стремленій", Якобъ Ленцъ, —его жизнь и произведенія.—Т.—П. Лохтинъ, Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи.—З. В. Новыя книги и брошюры (стр. 830).—Іюль:—Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12-ти томахъ, п. р. и съ прим. С. А. Венгерова. Тт. I—IV.—В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы, В. Покровскаго.—Р. Ѳ. Брандтъ, О лженаучности нашего правописанія.—Т.—П. Х. Шванебахъ, Денежное преобразованіе и народное хозяйство.—В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 380).—Августъ:—Графъ Павелъ Капнистъ, Къ вопросу о реорганизаціи средняго образованія.—Труды и протоколы Педагогическаго общества при Казанскомъ университетѣ.—А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 821).—Сентябрь:—Великій Князь Николай Михаиловичъ. Князья Долгорукіе, сподвижники императора Александра I въ первые годы его царствованія.—Сборникъ Кирши Данилова, изд. Имп. Публ. Библ.—В. А. Бильбасовъ. Историческія монографіи. Т. IV.—А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 401).—Октябрь:—Павелъ I, состав. А. Гено и Томичъ.—Д.—Собраніе сочиненій Эдг. По. въ перев. К. Бальмонта, т. I.—Т.—П. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры, ч. 3, вып. 1.—А. П.—Предсмертныя мысли XIX в. во Франціи, А. Н. Гилярова.—Идеи и принципы судебнаго дѣятеля, Е. Баранцевича.—И.—Новыя книги и брошюры (стр. 810).—Ноябрь:—Собраніе сочиненій Владиміра Соловьева, тт. I—II: 1873—1880 гг.—Этнографія, лекціи, читанныя въ Московскомъ университетѣ, Николая Харузина.—Идеалы общаго образованія, Н. Карѣева.—А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 421).—Декабрь:—А. С. Пушкинъ въ южно-славян. литературахъ, И. В. Ягича.—Пушкинская юбилейная литература, В. В. Сиповскій.—Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, В. И. Семевскаго.—А. П.—„Скорпіоны", С. Васюкова.—Е. Л.—Новыя книги и брошюры (стр. 866).

IV. Новости Иностранной Литературы. — (Январь:—I. Edm. De Amicis, Memorie.—А. З—скій.—II. G. Rodenbach, Le Rouet des Brumes.—III.—G. Pelissier, Etudes de Littérature Contemporaine.—З. В. (стр. 415).—Февраль:—I. Eug. Tavernier, Vladimir Soloviev.—А. П.—II. L. Descaves et M. Donnay, La Clairière, comédie.—III. Edm. Rostand, L'Aiglon, drame.—IV. Th. Lingen, Am Scheidewege.—З. В. (стр. 864).—Мартъ:—I. Le pays natal, par H. Bordeau.—II. „Ellen von der Wieden", v. G. Reuter.—III. La culture des idées, par R. de Gourmont.—З. В. (стр. 412).—Апрѣль:—I. Poètes d'aujourd'hui, par Ad. v. Bever et P. Léautaud.—II. Nachwuchs. Roman, v. Am. Skram.—З. В. (стр. 859),—Май:—I. Arthur Schnitzler, Der Schleier der Beatrice,—II. Beer-Hofmann, Der Tod Georgs.—III. Bedier, Le Roman de Tristan et Yseut.—З. В. (стр. 408).—Іюнь:—I. Björnstjerne-Bjornson, Laboremus, drama.—II. E. L. Voynich, Jack Raymond—З. В. (стр. 853).—Іюль:—I. Leo Berg. Gefesselte Kunst.—II. W. C. Morrow. Le singe, l'idiot et autres gens.—З. В. (стр. 401).—Августъ:—I. Max Nordau, Die zeitgenössischen

Franzosen. — II. Maeterlinck, La vie des abeilles.—3. В. (стр. 840).— Сентябрь: — Nouvelles conversations de Goethe avec Eckermann. 1897—1900. Edition de la „Revue Blanche". — 3. В. (стр. 411). — Октябрь:—I. Octave Mirbeau. Les vingt et un jours d'un neurasthénique.— II. Max Halbe. Haus Rosenhagen. Drama in 3 Aufzügen.— III. Adolphe Brisson. Portraits intimes.—3. В. (стр. 841).—Ноябрь:— I. H. Fouquier, Philosophie parisienne.—II. Fr. Fiedler, Gedichte von K. M. Fofanow.—III. Th. v. Sosnowsky, Die deutsche Lyrik des XIX-ten Jahrhunderts.—3. В. (стр. 435).—Декабрь.—I. John Henry Mackay, Der Schwimmer.—II. J. K. Huysmans, Du tout.—3. В. (стр. 895)

V. Изъ Общественной Хроники.—Январь:—Русское общество въ началѣ и въ концѣ XIX-го вѣка.— Постепенная дифференціація классовъ и сословій, общественныхъ группъ и направленій.—Нѣкоторыя черты развитія русской общественной мысли.— Возможный синтезъ ея теченій.—Надежды на будущее (стр. 432). — Февраль:—Историческая справка по вопросу о законности: эпизоды изъ дѣятельности Государственнаго Совѣта въ первой половинѣ XIX-го вѣка. — Право и права.—Мнѣніе барона М. А. Корфа о завѣдываніи дѣлами печати.— Характерный инцидентъ въ вологодскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.— Вопросъ, приближающійся къ сорокалѣтней давности (стр. 884).—Мартъ: —Сороковая годовщина освобожденія крестьянъ.—Наиболѣе яркіе признаки крестьянской обособленности. — Агрономическій съѣздъ въ Москвѣ. — „Банкротство либерализма".—Иявѣтъ въ печати на печать. — Вѣсти изъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. — В. А. Манассеинъ † (стр. 430). — Апрѣль: — Прожектерство реакціонной печати.—Нужна ли централизація высшаго образованія? — Нужны ли мѣры противъ переполненія университетовъ, и существуетъ ли такое переполненіе? — Смѣсь правды и неправды въ „Гражданинѣ".—Еще о московскомъ съѣздѣ дѣятелей по народному образованію.—Сложеніе предостереженій.—Значеніе провинціальной печати.—Ходатайство старообрядцевъ (стр. 871). — Май:—Кажущееся единодушіе въ нашей печати.—Университетскіе уставы 1863 и 1884 гг.— Выборное начало; государственные экзамены; гонораръ.—Новая форма стараго девиза. — Способы обсужденія вопроса о средней школѣ.—„Спб. Вѣдомости" противъ „Московскихъ".— 17-е апрѣля.—Письмо г. Мережковскаго.—Чествованіе А. Н. Энгельгардтъ и А. П. Философовой.—С. В. Флеровъ (Васильевъ) † (стр. 451).—Іюнь:— „Роковые" вопросы, „угнетающіе" редакцію „Гражданина".—Формула, могущая служить девизомъ реакціонной печати. — Походъ противъ женскихъ курсовъ. — „Барышниковскія нѣнія" и смоленское губернское земство.— Положеніе дѣлъ въ елизаветградскомъ уѣздѣ. — Пріостановка „Новаго Времени" (стр. 866).—Іюль:—Старый, но не состарившійся вопросъ объ общеобразовательныхъ университетскихъ курсахъ. Университетскій судъ и судъ товарищей-студентовъ.—Полемическіе пріемы реакціонной печати. — Новый учебный планъ. — Общества грамотности.—„Гражданинъ" и А. И. Георгіевскій. — Русскія публичныя чтенія въ Парижѣ.—Еще о елизаветградскомъ уѣздѣ.—Запрещеніе „Жизни".—С. В. Максимовъ и К. Т. Солдатенковъ †.— Post-scriptum (стр. 416).—Августъ: Дополненіе къ ст. 144 уст. о цен. и печати объ установленіи срочности первыхъ двухъ предостереженій, и ихъ значеніе для цензуры и печати. — Распоряженіе г. министра вн. дѣл 12 іюня—касательно третьяго предостереженія.—По поводу приближающагося 25-лѣтія дѣятельности го[р]

ской училищной комиссіи въ С.-Петербургѣ, и ея отчетъ за истекшій учебный 1900—1901 годъ.—Тридцатилѣтіе дѣятельности городской думы въ Черниговѣ на поприщѣ народнаго образованія.—Результаты работъ особой комиссіи при мин. народн. просв. по преобразованію средней общеобразовательной школы. — Отголоски о томъ въ печати, и крайнее мнѣніе о преимуществахъ турецкихъ гимназій предъ русскими. — Критика работъ комиссіи генерала Ванновскаго въ „Гражданинѣ“ (стр. 861). — Сентябрь: — Провинціальная печать и разные виды цензуры. — Проектируемый перечень темъ, запретныхъ для печати.—„Признаки времени“ въ земской жизни; инцидентъ въ харьковскомъ губернскомъ земствѣ, процессъ въ Симферополѣ. — Избіенія сектантовъ.—Народъ въ народномъ домѣ.—Еще о высшей русской школѣ въ Парижѣ.—Н. Ѳ. Крузе, Г. А. Мачтетъ и Ѳ. Э. Ромеръ †.—Post-Scriptum: циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ (стр. 420).—Октябрь:—Заключенія комиссіи спб. университета по вопросу объ университетской реформѣ, появившіяся въ газетахъ. — Баллотировка профессоровъ, выслужившихъ 25-лѣтіе. —Университетскія партіи. — Студенческая организація.—„Общая забота“. — Съѣздъ учителей въ Москвѣ и педагогическіе курсы въ Одессѣ. — Прекращеніе „Недѣли“. — Вопросъ о „чести мундира“ и дѣло поручика Клыкова. — Отсрочка выборовъ гласныхъ въ спб. думѣ на новое четырехлѣтіе (стр. 858). — Ноябрь: — Толки въ печати по поводу пересмотра организаціи петербургскаго городского общественнаго управленія.—Два „типа“ городского управленія.—Избирательное право квартиронанимателей. — Походъ противъ иркутской городской думы.—Ссылка на примѣръ Варшавы.—Возмутительная травля и недобросовѣстная полемика, вызванная рѣчью М. А. Стаховича въ Орлѣ. — 50-лѣтній юбилей А. А. Потѣхина.—Post-Scriptum (стр. 451).—Декабрь: — Вопросъ о „единствѣ“ школы у насъ въ смыслѣ ея непрерывности.—Уставъ 3 ноября 1904 г., установившій впервые такое единство, и отступленія отъ него въ теченіе истекшаго вѣка. — Брошюра Н. А. Бунге и проектъ къ возстановленію нарушеннаго у насъ „единства“ школы. — Работный домъ въ Москвѣ по его отчету за 1900 годъ.—Проектъ новыхъ правилъ для вознагражденія рабочихъ за увѣчье (стр. 909).

VI. Библіографическій Листокъ.—Январь:—Колонизація Сибири, въ связи съ общимъ переселенческимъ вопросомъ.—Наша деревня, вып. 1. П. Д.—Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, п. р. С. А. Венгерова, т. III. — Итальянская Библіотека: Джузеппе Джусти, М. Ватсонъ.—Февраль:—Происхожденіе современной демократіи, Макс. Ковалевскаго, т. I. — Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы, А. Мануилова.—Новыя пѣсни, Н. Минскаго.—Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи, Г. фонъ-Шульце-Геверница.—Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, п. р. С. Венгерова, т. I.—Мартъ: — Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, въ 4-хъ томахъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 15-й, Н. Барсукова. — Трудовая помощь въ губ. казан., вятской и синбир., въ 1899 г., отчетъ уполномоченнаго.—С. Булгаковъ, Капитализмъ и земледѣліе. Т. I-II. — Сочиненія Кальдерона. Переводъ съ испанскаго К. Д. Бальмонта. Вып. I. Чистилище св. Патрика. — Апрѣль: —Левъ Бертенсонъ, Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за-границей.—Л. Е. Оболенскій, Исторія мысли. — П. Х. Шванебахъ, Денежное преобразованіе и народное хозяйство.—Въ голодные годы, записки

и статьи Л. Л. Толстого.—Стихотворенія А. М. Жемчужникова.—А. Мордтманъ, Сказочный островъ Ципангу. Съ нѣм. Э. Гранстремъ.—Май:—Скупой рыцарь, А. С. Пушкина, фототипія.—Россія въ Средней Азіи, Евг. Маркова, 2 т. — Путешествіе Н. М. Пржевальскаго, А. В. Зеленина. — Очерки философіи права, Л. І. Петражицкаго, вып. І.—Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи, Екатерины Янжулъ.—Іюнь: — В. А. Жуковскій, Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, изд. 10-ое, п. р. П. А. Ефремова.—Митрополитъ Антоній, Слова, рѣчи и поученія, изд. 2-е. — М. Гюйо, Собраніе сочиненій, т. VI. — Историческое Обозрѣніе, т. XI, п. р. Н. И. Карѣева. Э. Лависсъ и А. Рембо, Всеобщая исторія съ IV-го столѣтія до нашего времени, т. VII: XVIII-й вѣкъ.—Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12-ти томахъ, п. р. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова, т. IV.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VII.—Іюль: — Политическая экономія, П. И. Георгіевскаго. — Е. В. Тарле, Общественныя воззрѣнія Т. Мора. — Майо Синтъ, Статистика и соціологія.—А. фонъ-Фрикенъ, Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія, ч. IV.—Августъ:—Ѳ. Тернеръ, Государство и землевладѣніе. Часть II. Крестьянское землевладѣніе. — Проф. Л. В. Ходскій. Основы государственнаго хозяйства. — Больтонъ Кингъ, Исторія объединенія Италіи. Т. I. Перев. съ англ. Н. Кончевской. —А. Богдановъ, Познаніе съ исторической точки зрѣнія.—Сентябрь:—К. Н. Старке. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе.—С. Н. Сыромятниковъ (Сигма). Опыты русской мысли. Кн. 1-я.—С. П. Ранскій. Соціологія Н. К. Михайловскаго. — Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика.—Октябрь:—Долгоруковъ, В. А., Путеводитель по всей Сибири и среднеазіатскимъ владѣніямъ Россіи. — Шепелевичъ, Л., Жизнь Сервантеса и его произведенія. Шапиро, А. М., Гигіена воды и саратовскіе фильтры.—Горовцевъ, А., Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ.—Карѣевъ, Н. Исторія западной Европы въ новое время. т. IV, 2-е изд. — Старостинъ, Выбранное. что лучше. — Служивый, Очерки покоренія Кавказа.—Ноябрь: —И. Ѳ. Горбуновъ, Сочиненія Подъ ред. и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони. — Основные элементы политической экономіи, Л. Буха—Васильки, Литературно - художественный сборникъ, изд. А. Ф. Маркса.—Важнѣйшіе моменты въ исторіи среднев. папства, М. С. Корелина.—Сборникъ литерат., истор. и этнографическихъ статей и замѣтокъ, И. П. Хрущова. — Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія, съ начала XIX в., т. I, Н. Н. Булича.—Декабрь:—Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. А. Ф. Маркса.—Записки декабриста, барона Андрея Розена. — Всемірные свѣточи: Шиллеръ и Гете, составл. М. Гранстремъ.—Ivan Tourgueneff d'après sa correspondance, par Halperine-Kaminsky. — Труды Я. К. Грота. т. IV.—Сочиненія А. Лугового, т. V. —Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. II, изд. 3-ье.

VII. Извѣщенія. — Январь:— Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Маврикіевны (стр. 440).—Февраль:—Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.—II. Отъ Императорскаго Казанскаго Университета (стр. 901).—Мартъ:—О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. Никитину (стр. 444). — Апрѣль:

I. Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.—II. О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину (стр. 885).—Іюнь:—I. Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. —II. О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину (стр. 877).—Іюль: — Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ (стр. 431).—Августъ:— Отъ Комитета по сооруженію въ Москвѣ памятника Н. В. Гоголю (стр. 880). —Сентябрь: — Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ (стр. 439). — Ноябрь: — Отъ Канцеляріи по управленію дѣтскими пріютами, состоящей при Главноуправляющемъ Собственною Е. И. В. Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи (стр. 467). — Декабрь:—Отъ Общества любителей Россійской Словесности въ Москвѣ (стр. 918).

1902 г.

Анненкова-Бернаръ, Н. П.—Бабушкина внучка (апр., 593; май, 52; іюнь, 702).

Арсеньевъ, К. К. — Одна изъ окраинъ Россіи (сент., 340). —Эмиль Зола (окт., 835).

Багалѣй, Д. И.—Изъ жизни харьковскаго университета въ началѣ XIX-го вѣка (февр., 628).

В—го.—Мелкіе промыслы въ Англіи (нояб., 303).

Бирюковичъ, Вл.—Сельско-хозяйственный протекціонизмъ (сент., 318).

Бланкъ, Р. М.—Всеобщее голосованіе во Франціи. Итоги перваго пятидесятилѣтія. 1848 — 1898 гг. (май, 154).

Боворыкинъ, П. Д. — Исповѣдники. Повѣсть (янв., 5; февр., 482; мартъ, 21; апр., 449).

Брусянинъ, Вас.—По лѣсной Башкиріи. Разсказы изъ жизни на лѣсныхъ промыслахъ (янв., 246).

Бѣлоконскій, Н.—Н. М. Мартьяновъ и Минусинскій музей (апр., 750).

В., В.—Кустарные промыслы и организація ихъ въ Россіи (мартъ, 296). —Иностранные капиталы въ Россіи. Б. Брантъ, Иностранные капиталы и ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны (іюнь, 817).—Ученый противникъ общины (сент.. 305).—Первый банкъ для кустарей (окт., 734). —Новый трудъ о денежной реформѣ (нояб., 361).

Верещагинъ, А. В.—По Манчжуріи 1900—901 г. Воспоминанія и разсказы (янв., 103; февр., 573; мартъ, 130).

Витте, Софья. — Мой романъ (іюнь, 604; іюль 29).

Веселовскій, Алексѣй.—Послѣдніе годы жизни Байрона, 1818—1824 г. (янв., 80; февр., 441).

Веселовскій., Юрій. — Французское общество конца XIX-го вѣка въ литературныхъ типахъ того времени (мартъ, 195; апр., 638).

Виноградовъ, П. Г.—Школа на Скандинавскомъ сѣверѣ и борьба за нее (мартъ, 95).

Воробьевъ, Кл. — Волость, какъ зачатокъ мелкой земской организаціи (дек., 800).

Воронововъ, Ѳ. Ѳ.—Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ. 1865—1868 г. (янв., 289; февр., 733).—Крестьянское дѣло въ ю.-зап. краѣ (сент., 5)—Земельная торговля и спекуляція (окт., 574).

Гевель, Валер.—Наши „Городскія училища и ихъ современное положеніе. По поводу 30-лѣтія „Положенія о городскихъ училищахъ 31 мая 1872 года“ (апр., 433).

Гербановскій, Мих. — Стих.: I. Баллада изъ Казим. Глинскаго. II. Наброски (янв., 283).

Гн., Е. — Стихотворенія (іюнь, 672).

Головинъ, К. — Въ опустѣломъ домѣ (авг., 480; сент., 52).

Гольвергъ, Людв. — Эразмъ Монтанусъ, ком. Съ датск. А. и П. Ганзенъ (іюнь, 555).

Гольденвейзеръ, А. — Исправительныя заведенія въ С.-Американскихъ Штатахъ (февр., 552).

Грэнгагенъ, К.—Высшія народныя школы въ Швеціи (дек. 457).

Гутьяръ, Н.—И. С. Тургеневъ и П. В. Анненковъ (янв., 177).—Ив. С. Тургеневъ во Франціи (нояб. 94).

Даниловъ, И.—Случайная встрѣча. Разсказъ (мартъ, 174).

Дмитріева, В. І. — „Взыскующій града“, очеркъ (окт., 546).

Дружининъ, Н.—Среди крестьянскихъ дѣлъ. Сцены съ натуры (май, 120).

Друцкой-Сокольнинскій, кн. Дм.—Обвиненія и оправданіе земства. Письмо въ Редакцію (май, 351).—Финансовые успѣхи въ Италіи (дек., 674).

Еропкинъ, А. Ѣ. — По вопросу о задачахъ губернскаго земства (янв., 319; февр., 774).

Ефименко, А. Я. — Національная двойственность въ творчествѣ Гоголя (іюль, 229).

Ж., Ж.—По поводу желѣзнодорожныхъ тарифовъ и ихъ экономическаго значенія (мартъ, 349).

Жуковскій, В. А. — Портретъ и факсимиле (май).—Письмо изъ Уѣзда къ Издателю (май, III).

Ильинъ, С. — Сонеты Шекспира: 1—20 (сент., 90).

Инсаровъ, Х. Г. — Французскіе памфлетисты XIX-го вѣка (авг., 652; сент., 126).

Карамзинъ, Н. М. — Портретъ и факсимиле обертки первой книжки журнала „Вѣстникъ Европы“, вышедшаго въ Москвѣ, въ январѣ 1802 г. (янв. II—III).

Катаевъ, Н. М. — Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство (май, 205).

К., И. — По поводу македонскаго вопроса (сент., 369).

Кларкъ, Н. С.—На золотыхъ пріискахъ въ южной Америкѣ (авг., 440; сент., 181; окт., 514; нояб., 209).

Кони, Ан. Ѳ.—Книга о князѣ В. А. Черкасскомъ (нояб., 317).

Корсаковъ, В. В. — Религіозныя вѣрованія и убѣжденія у китайцевъ (дек., 655).

Котляревскій, Н.—Трилогія гр. А. К. Толстого, какъ національная трагедія (окт., 697).

Кочубинскій, А.—Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя (февр., 650; мартъ, 5).

Крапивинъ, Юр.—Въ гостяхъ на хуторѣ (нояб., 137).

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—По вопросу о мелкой земской единицѣ (апр., 803).

Л., Евг. — Еще о нашей школѣ (дек., 752).

Л—новъ, С. М. — Стихотворенія I-IV (іюль, 245).

Маричевъ, Ѳ.—Волостной писарь и волость. По личнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ (май, 240).

Марковъ. Вл. П.—Стихотворенія: I-IV (апр., 545).—Весенняя ночь (іюль, 327).

Мартенсъ, Ф. Ф.—Американскія впечатлѣнія (нояб., 5).

Мечниковъ, Илья.—А. О. Ковалевскій (дек. 772).

Михайлова, О.—Стих.: I. Изъ В. Гюго: „Превращеніе". II. Изъ Ж. Роденбаха: 1. Идеалъ. 2. Одиночество. 3. На стражѣ (іюнь, 698).—У моря (окт., 713).

Морозовъ, П. О.—Финская литература, въ ея прошломъ и настоящемъ (іюль, 187; авг., 571).

М—скій, Н.—На первыхъ общественныхъ работахъ (дек., 833).

Никитинъ, А. Н.—Положеніе мелкаго кредита въ Петербургѣ (апр., 760).

Новиковъ, А. И.—Деревенскія сцены. Три разсказа: I. Бобыль. II. Быка покупаютъ. III. Мама, дядя! (янв., 149).

Ольнемъ, О. Н.—Муравейникъ, разск. (авг., 537).

Панкратовъ, А.—На берегахъ р. Оки. Санитарно-статистическій очеркъ (май, 339).

П., И.—Стихотворенія: I. Дубрава. II. Русская пѣсня (февр., 772).

Покровскій, Н.—Культурное болото. Повѣсть (май, 183; іюнь, 508).

Поповъ, П. С.—Наканунѣ реформы въ Китаѣ (апр., 513).

Пыпинъ, А. Н.—Н. К. Шильдеръ, некрологъ (май, 446).

Рапопортъ, С. И.—Моя поѣздка въ Шотландію (іюль, 79).

Рихтеръ, Д.—По вопросу объ объединеніи черноземнаго центра Россіи (мартъ, 320).

Ротштейнъ, А.—Сонеты: I. Въ паркѣ Медичи. II. Виночерпій. III. Баллада (іюнь, 801).

Савинъ, А.—Общедоступныя пренія въ Лондонѣ (мартъ, 372).

С—ва, П—на.—Жизнь Томаса Трука. Романъ. F. Holländer, Der Weg des Thomas Truck (янв., 196; февр., 676; мартъ, 241); апр., 686; май, 273).—Кимъ, ром. Kim by R. Kiepling (іюнь, 746; іюль, 247; авг., 703; сент., 213).—Шаткія основы, ром. W. v. Polenz, „Wurzellocker" (окт., 600); нояб., 251; дек., 687).

Свѣтловъ, Валер.—На полпути, пов. (окт., 475; нояб., 52).—Въ Будаевской усадьбѣ, романъ (дек., 481).

Скаржинскій, А.—По поводу статьи Л. Буха о винной монополіи (янв. 366).

Слонимскій, Л. З.—Современныя задачи (іюль, 306).—Изъ исторіи второй имперіи (сент., 286; окт., 716).—Новое гражданское уложеніе (нояб., 342).—Забытый сатирическій романъ (дек., 753).

С., М.—Примѣчаніе къ портрету Жуковскаго (май, VIII).

Соловьева, П. С.—***—Стих. (мартъ, 194).—Старый домъ, стих. (дек., 752).

Стасовъ, В. В.—М. М. Антокольскій, некр. (авг., 835).

Стаховичъ, Нат.—Страничка изъ захолустной жизни (авг., 621).

Сулиговскій, А.—Городское управленіе въ губерніяхъ царства польскаго (іюнь, 675).

Сѣверовъ, Н.—Старый капитанъ (іюнь, 803).—Нелли, разск. (сент., 101).

Тарле, Евг.—Соціологія и историческое познаніе (окт., 429).

Тверской, П. А.—Американскій имперіализмъ и нынѣшніе его представители (іюль, 330).—Федерація женскихъ клубовъ въ Америкѣ (дек., 639).

Тимофеевъ, Гр. — А. А. Рейнгольдтъ (сент., 407).

Т., кн. Г. — Россія и Вселенская Патріархія, послѣ крымской войны. 1856—60 гг. По неизданнымъ матеріаламъ (апр., 549; май, 5; іюнь, 469).

Франкенштейнъ, Г. Э. — Экономическое пробужденіе Италіи (авг., 519).

Хвостовъ, А. — Русскій Китай. Наша первая колонія на Дальнемъ Востокѣ (окт., 635; нояб., 181).

Хвостовъ, Н. Б. — Въ поѣздѣ, стих. Фр. Коппе, съ франц. (мартъ, 294).

Холостова, Юл. — На пристани, разск. (іюль, 140).

Цертелевъ, кн. Д. Н. — Письма Владиміра Соловьева (авг., 425).

Щерва, Вл. — Учительскіе курсы и правила о курсахъ (окт. 773).

Ярошевичъ, Дм. — Кустарный промыселъ въ Полтавской губерніи (іюль, 5).

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь: — Первый годъ новаго вѣка. — Противорѣчія въ административной практикѣ по вопросу о „мелкой земской единицѣ“. — Отношеніе къ нему различныхъ земствъ. — „Мелкіе съѣзды“, какъ подготовка къ земскому собранію. — Постановленіе орловскаго губернскаго земскаго собранія. — Общеземскій періодическій органъ. — Продовольственное дѣло въ вятской губерніи. — Разъясненіе товарища министра народнаго просвѣщенія по вопросу о четырехклассныхъ „городскихъ“ училищахъ (стр. 341). — Февраль: — Государственная роспись на 1902-й годъ. — Закрытіе совѣщанія, учрежденнаго въ 1897 г. для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства. Предполагаемое открытіе особаго дворянскаго отдѣла. — Ультра-сословное газетное прожектерство, не отступающее передъ „насиліемъ“. — Сфера дворянскихъ ходатайствъ. — Возобновленіе пересмотра узаконеній о крестьянахъ. — Программа изслѣдованія причинъ упадка центральныхъ губерній. — Близкій конецъ работъ по составленію гражданскаго уложенія. — Отдѣленіе Кронштадта отъ петергофскаго уѣзднаго земства (стр. 801). — Мартъ: — Учрежденіе особаго совѣщанія для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности. — Отношеніе къ нему земства и печати. — Сорокъ лѣтъ тому назадъ и теперь. — Значеніе предсѣдателя совѣщанія. — Своеобразные взгляды на задачи совѣщанія. — Новые продукты сословнаго прожектерства. — Еще о мелкой земской единицѣ. — Земство и не-земскія губерніи. — Опроверженіе въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ предсѣдателя зарайской уѣздной земской управы (стр. 329). — Апрѣль: — Нѣсколько земскихъ ходатайствъ. — Предѣлы права ходатайства, и практическое его значеніе. — Два противоположныхъ мнѣнія о фиксаціи земскихъ сборовъ. — Замѣчательное изслѣдованіе „вымирающей деревни“. — Предложенія А. А. Стаховича и гр. Доррера. — Слухъ объ изъятіи статистическихъ работъ изъ вѣдѣнія земства. — Исторія вятскаго земства. — Значеніе личностей въ общемъ дѣлѣ. — Съѣздъ кустарныхъ дѣятелей въ С.-Петербургѣ (стр. 782). — Май: — Кончина Д. С. Сипягина. — Рѣчь новаго министра внутреннихъ дѣлъ. — Перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія. — Задачи совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. — Проектируемые совѣщаніемъ губернскіе комитеты. — Вопросъ о мелкой земской единицѣ на кустарномъ съѣздѣ. — Угличское земство и начальная школа. — Земскія оцѣночныя работы (стр. 365). Іюнь: — Правительственныя сообще-

нія.—Разобщенность различныхъ классовъ населенія и ея результаты.—Еще о мелкой земской единицѣ.—Рѣчь управляющаго мин. народн. пр. и комментаріи къ ней въ печати.—Отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1898-й годъ.—Церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Квартирныя деньги чиновъ полиціи (стр. 834).—Іюль:—Высочайшій рескриптъ 10 іюня с. г.—Вопросы, переданные особымъ совѣщаніемъ на обсужденіе мѣстныхъ комитетовъ.—Пренія въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, саратовскомъ и курскомъ.—Разныя мнѣнія о мелкой земской единицѣ.—Пріостановка оцѣночныхъ работъ въ 12 земскихъ губерніяхъ.—Неправильный взглядъ на губернское земство.—Смѣшеніе фактовъ съ вымыслами.—Post-scriptum (стр. 343).—Августъ:—Законъ объ улучшеніи положенія внѣбрачныхъ дѣтей.—Черты сходства и различія между нимъ и проектомъ гражданскаго уложенія.—Отыскиваніе отцовства и материнства.—Признаніе внѣбрачныхъ дѣтей.—Узаконеніе и усыновленіе ихъ.—Первые шаги губернскихъ комитетовъ. Слухъ объ упраздненіи губернскаго земства.—Еще о мелкой земской единицѣ.—Post-scriptum (стр. 766).—Сентябрь:—Сельско-хозяйственный протекціонизмъ, Вл. Бирюковича (стр. 318).—Октябрь:—Слова, произнесенныя въ Курскѣ Государемъ Императоромъ.—Труды уѣздныхъ комитетовъ по вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Новые законы: объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій; о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи; о церковныхъ школахъ; объ артеляхъ и др.—Post-scriptum: Бесѣда г. министра внутреннихъ дѣлъ съ представителями курскаго земства (стр. 746).—Ноябрь:—Продолженіе занятій уѣздныхъ комитетовъ.—Роль правительства, земства и городовъ въ области охраненія народнаго здравія.—Недоимки земскихъ сборовъ. Примѣненіе временныхъ правилъ о народномъ продовольствіи—Земскіе члены училищныхъ совѣтовъ.—Новый газетный походъ противъ земства.—Инцидентъ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.—Участіе членовъ губернской земской управы въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (стр. 374).—Декабрь:—Новое Главное Управленіе.—Всеподданнѣйшій докладъ министра вн. дѣлъ о мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 г.—Общіе результаты продовольственной кампаніи.—Тенденціозныя газетныя нападенія на земство.—Частная благотворительность.—Дальнѣйшія направленія продовольственнаго дѣла.—Положеніе вопроса о мелкой земской единицѣ.—Новыя свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ.—Пересмотръ земскаго избирательнаго ценза.—Post-scriptum (стр. 812).

II. Иностранное Обозрѣніе.—Январь:—Политическія событія истекшаго года.—Общее международное положеніе и китайскій вопросъ.—Война въ южной Африкѣ и британская политика.—Возможная перемѣна министерства въ Англіи.—Колоніи и внѣшніе союзы.—Германскій проектъ таможеннаго тарифа въ парламентѣ.—Печальный прусско-польскій инцидентъ.—Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ (стр. 378).—Февраль:—Рѣчи графа Бюлова въ германскомъ парламентѣ.—Оффиціальный патріотизмъ и внѣшняя политика Германіи.—Внутреннія дѣла въ Пруссіи.—Дѣло Кулемана въ прусской палатѣ депутатовъ.—Парламентскія пренія о польскомъ вопросѣ (стр. 821).—Мартъ:—Программы французскихъ политическихъ партій.—Парламентскій споръ о франко-русскомъ союзѣ.—Пренія о законахъ для охраны рабочихъ.—Реформа французской средней школы.—Попытка голландскаго посредничества въ бурской войнѣ.—Англо-японскій союзъ.—Китайскія дѣла (стр. 359).—

Апрѣль:—Франко-русская декларація.—Отношенія державъ на Дальнемъ Востокѣ.—Рѣчь Делькассе въ сенатѣ.—Новыя проявленія жизненности франко-русскаго союза.—Французскія парламентскія пренія.—Г. Делькассе и „Новое Время“ о багдадской желѣзной дорогѣ.—Южно-африканская война.—Сесиль Родсъ (стр. 814).—Май:—Правительственное сообщеніе о манчжурской конвенціи.—Спорные вопросы и затрудненія на Дальнемъ Востокѣ.—Парламентскіе выборы во Франціи.—Политическія волненія въ Бельгіи.—„Избранная раса“ и военные обычаи (стр. 390).—Іюнь:—Поѣздка президента Лубе въ Россію.—Оффиціальные тосты.—„Франко-русскія“ манифестаціи и „патріотическая“ печать.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Дѣло Эмберъ.—Отмѣна закона объ охранѣ въ Эльзасѣ-Лотарингіи.—Рѣчь графа Голуховскаго и русско-австрійское соглашеніе (стр. 857).—Іюль:—Конецъ южно-африканской войны.—Печальные итоги.—Содержаніе и характеръ мирныхъ условій.—Отсроченная коронація Эдуарда VII.—Политическія дѣла во Франціи.—Польскій вопросъ въ прусскомъ сеймѣ (стр. 364).—Августъ:—Международное положеніе Италіи.—Рѣчь Делькассе о франко-итальянской дружбѣ.—Возобновленный тройственный союзъ и общая политика въ Европѣ.—Борьба съ клерикализмомъ во Франціи.—Перемѣны въ составѣ британскаго правительства.—Лордъ Сольсбери, Бальфуръ и Чемберлэнъ (стр. 789).—Сентябрь:—Бурскіе вожди въ Капской колоніи и въ Англіи.—Политическое движеніе въ южной Африкѣ.—Капскій парламентъ и Чемберлэнъ.—Македонскій вопросъ.—Брюссельскій конгрессъ въ защиту армянъ (стр. 356).—Октябрь:—Внутреннія дѣла во Франціи.—Военный судъ надъ полковникомъ де-Сенъ-Реми.—Война съ клерикалами и рѣчи министровъ.—Примѣры славянскаго единенія: событія въ Хорватіи.—Попытка американскаго вмѣшательства въ европейскую политику.—Международный судъ въ Гаагѣ.—Берлинскій трактатъ и Румынія (стр. 783).—Ноябрь:—Бурскіе генералы въ Европѣ.—Англійская политика и ея континентальные обличители.—Нѣкоторыя иллюстраціи къ вопросу о политической этикѣ.—Положеніе Македоніи.—Парламентскія дѣла во Франціи.—Развязка каменноугольнаго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ (стр. 391).—Декабрь:—Печальныя событія въ Македоніи.—Роль европейской дипломатіи въ устройствѣ турецкихъ дѣлъ.—Мысль о созваніи европейской конференціи.—Политика Вильгельма II и внутренніе вопросы въ Германіи (стр. 840).

III. Литературное Обозрѣніе. —Январь:—Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ 4-хъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса.—„На трудовомъ пути“, лит.-худож. сборникъ.—А. П.—Мандельштамъ, проф. О характерѣ Гоголевскаго стиля.—Е. Л.—Новыя книги и брошюры (стр. 392). Февраль:—„Подъ знаменемъ науки“, юбил. сборникъ въ честь Н. И. Стороженка.—Сочиненія И. Ѳ. Горбунова, п. р. и съ предислов. А. Ѳ. Кони.—Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова, гр. П. Шереметева.—П. А. Кулишъ, В. Шенрока.—А. П.—Новое о Пушкинѣ, Ив. Щеглова.—Е. Л.—Новыя книги и брошюры (стр. 833).—Мартъ:—А. Ермоловъ, Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и приметахъ.—Божерановъ, И., „Невскій проспектъ“, 1703—1903 г. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка.—XVIII—XIX.—Н. В. Гоголь въ русской поэзіи, состав. В. В. Каллашъ.—А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 888).—Апрѣль:—Н. К. (Н. Е. Кудринъ), Очерки современной Франціи.—Н. Карѣева.—А. А. Кауфманъ, Сибирское переселеніе на исходѣ

XIX-го вѣка.—Харьковскій Календарь на 1902 годъ.—В. В.—Ѳ. Д. Батюшковъ, Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ.—С—ій.—А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, Судъ и раскольники-сектанты.—К. А.—„Крестьянинъ", ром. ф.-Поленца, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого.—А. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 827).—Май:—В. Д. Завитневичъ, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, т. I-ый, кн. 1 и 2.—Д.—Маркъ Басанинъ, Записки эмигранта въ Южной Америкѣ.—П. Н. Ардашевъ, Абсолютная монархія на Западѣ.—Л. С.—Данте Алигіери, Божественная Комедія. „Адъ". Перев. Д. Минъ.—А.—Е. Д. Максимовъ. Происхожденіе нищенства и мѣры борьбы съ нимъ.—Н. И. Тезяковъ, Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи.—В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 404).—Іюнь:—Арс. Кадлубовскій, Очерки по исторіи древне-русской литературы—житія святыхъ.—М. Бородкинъ, Славянофильство Тютчева и Герцена.—Мэтью Арнольдъ, Задачи современной критики.—А. П.—М. Н. Капустинъ и его переписка съ А. А. Борзенко.—Z.—Новыя книги и брошюры (стр. 874).—Іюль:—Луи де Сентъ-Обенъ. Тридцать девять портретовъ 1808—1815. Фототип. воспроизвед. съ біограф. очерк. Изд. в. кн. Н. М.—И. П. Минаевъ, Путешествіе Марко Поло.—А. П.—Петръ Струве. На разныя темы (1893—1901). Сборникъ статей.—С. Г. Алексѣевъ, Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ, XVIII—XIX вв.—Л. С.—П. Г. Ганзенъ, Опытъ оздоровленія деревни.—В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 378).—Августъ:—Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина.—А. П.—А. Школьскій, Земля, община и трудъ.—Л. С.—Д. Н. Вергунъ, Червонно-русскіе отзвуки.—Д.—Новыя книги и брошюры (стр. 803).—Сентябрь:—В. А. Францевъ, Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученыя связи конца XVIII и первой половины XIX стол.—А. П.—Графъ Павелъ Шереметевъ, Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край.—Е. Л.—А. Зотовъ, Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности,—А. А. Зубриллинъ, Способы улучшенія крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ.—В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 381).—Октябрь:—Головачевъ, Сибирь: Природа, Люди и Жизнь.—Е. Л.—Умеръ талантъ, пов. А. Лугового.—Д.—Б. Ф. Брандтъ, Торгово-промышленный кризисъ въ западной Европѣ и въ Россіи, ч. I.—В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 795).—Ноябрь:—Гр. Новополинъ, Въ сумеркахъ литературы и жизни.—Д.—Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи, п. р. В. И. Покровскаго, т. I.—Обзоръ податного состоянія курской губерніи за 1900 годъ.—В. В.—Очеркъ всеобщей и русской исторіи, М. Ковалевскаго.—К.—Народное образованіе въ Петербургѣ, Ю. Н. Лавриновича.—Z.—Новыя книги и брошюры (стр. 404).—Декабрь:—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ въ царств. имп. Александра I и Николая I.—А. С. Борецкій, Милліонъ, разсказъ.—Н. В. Пономаревъ, Обзоръ кустарныхъ промысловъ въ Россіи.—П. Милюковъ, Изъ исторіи русской интеллигенціи.—А. П.—По Москвѣ и ея окрестностямъ, путеводитель-справочникъ.—К.—Новыя книги и брошюры (стр. 856).

IV. Новости Иностранной Литературы.—Январь:—I. Louis Bertrand. La Cina.—II. Max Messer. Moderne Essays.—З. В. (стр. 405).—Февраль:—I. Der rote Hann, v. G. Hauptmann.—II. Lebendige Stunden, v. Arthur Schnitzler.—З. В.—III. Positive Ethik, V. G. Ratzenhofer.—Э. Р. (стр. 846).—

Мартъ: — I. René Bazin, „Les Oberlé". — II. Wilhelm Bölsche, „Hinter der Weltstadt". — 3. В. (стр. 400). — Апрѣль: — I. Brunetière, Victor Hugo.—II. Leo Berg, Henrik Ibsen.—3. В. (стр. 857).—Май:—I. Hermann Bahr, Der Apostel. — II. Edouard Estaunié, L'Epave.—III. André Beaunier, La poésie nouvelle.—3. В. (стр. 428).—Іюнь:—I. W. Jensen, Wilhelm Raabe.—II. Brieux, La petite amie.—3. В. (стр. 891).—Іюль:—I. Max Dreyer, Drei Schelmenstücke.—II. Anatole France, L'affaire Crainquebille.—3. В. (стр. 891). — Августъ: —I. Maurice Maeterlinck. Monna Wanna. Pièce en trois actes.—II. Gabriele d'Annunzio, Francesca da Rimini. — 3. В. (стр. 820).—Сентябрь:—I. Gustave Kahn, L'Adultère Sentimental.—II. Robert de la Sizeranne, Miroir de la vie (Essais sur l'évolution esthétique).—3. В. (стр. 396).—Октябрь:—I. G. Frensen, „Jorn Uhl".—II. Ad. Bartels, Geschichte der deutschen Literatur. —3. В. (стр. 820).—Ноябрь:—I. G. Reval: „Les Sévriennes", „Les Lycéennes".—II. Hans Ostwald, Vervorfene".—3. В. (стр. 424).—Декабрь:—I. Nekrassow, Gedichte, übers. von F. Fiedler.—II. S. Muhlfeld, L'Associée, roman.—3. В. (стр. 871).

V. Изъ Общественной Хроники.—Январь:—„Вѣстникъ Европы" сто лѣтъ тому назадъ.—Старые и новые земцы.—Земство и печать.—Три громкихъ земскихъ имени: Б. Н. Чичеринъ, Д. Ѳ. Самаринъ (†), Д. Д. Дашковъ (†).—Систематическое извращеніе истины въ „Моск. Вѣд."—Десятилѣтіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — Чествованіе П. И. Вейнберга и Н. И. Стороженка.—P. S.—Правительственныя сообщенія (стр. 420) — Февраль: — Значеніе яслей въ голодные годы. — Поучительный опытъ.—Пироговскій съѣздъ врачей. — Судъ надъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ. — Юбилей „Гражданина". — Возобновленіе занятій комиссіи по преобразованію средней школы.—Э. Д. Нарышкинъ, И. В. Мушкетовъ, Н. И. Цуховъ и А. В. Плетнева † (стр. 864).—Мартъ: — Чествованіе памяти Гоголя.—Столѣтіе со дня рожденія Виктора Гюго.—Параллель между его „Misérables" и „Воскресеніемъ" гр. Л. Н. Толстого.—Полемика по поводу „Записокъ врача", г. Вересаева.—Правительственное сообщеніе о дѣлѣ сектантовъ села Павловокъ (стр. 415). Апрѣль:—Предисловіе гр. Л. Н. Толстого къ переводу романа: „Крестьянинъ".—Ступеньки литературной лѣстницы въ Англіи и въ Россіи.—Задачи и формы литературной критики. —Различные способы борьбы съ расколомъ.—Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскаго юридическаго общества.—Ф. Д. Нефедовъ † (стр. 871).—Май: —Пятидесятилѣтіе со дня смерти В. А. Жуковскаго.—Планъ „раціональнаго устроенія" русской жизни.—„Гражданинъ" и свобода печати.—Рѣчь и письмо чернскаго уѣзднаго предводителя дворянства.—Два рѣшенія сената.—Г. И. Успенскій, В. П. Острогорскій и Д. Д. Семеновъ † (стр. 450). —Іюнь:—Новый фазисъ въ исторіи одного изъ старѣйшихъ русскихъ журналовъ. — „Русскія рѣчи" обновленнаго „Русскаго Вѣстника", какъ вкладъ въ сокровищницу реакціонной печати.—Нѣчто о „сердечности" и „твердости".—Судьба трехъ земскихъ ходатайствъ. — Новыя назначенія.—С. А. Рачинскій † (стр. 904).—Іюль: —Десятилѣтіе Городового Положенія 1892-го года и совпадающее съ нимъ правительственное „обозрѣніе" с.-петербургскаго городского общественнаго управленія. — Своеобразный критерій оцѣнки правительственныхъ мѣропріятій и назначеній.—Предостереженіе данное „Гражданину".—Логика жиз

ни“ и обыкновенная логика.—Еще о дѣлѣ черискаго уѣзднаго предводителя дворянства.—Постоянное и временное устройство средней школы (стр. 410). —Августъ:—Двадцатипятилѣтіе дѣятельности петербургской училищной комиссіи по начальному народному образованію и главнѣйшіе результаты ея.— „Городскія“ училища думы и причина ихъ успѣха.—Вопросъ о городскихъ исполнительныхъ комиссіяхъ. — Проектъ созыва съѣзда городскихъ учащихъ въ Москвѣ, и общеобразовательные курсы для учащихъ въ г. Павловскѣ. — Несправедливыя обвиненія. — Оригинальная городская дума.—А. Н. Бекетовъ † (стр. 847). —Сентябрь:—Временныя росписанія уроковъ въ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.—Циркуляръ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Пересмотръ Городового Положенія.—Букетъ изъ мнѣній „Гражданина“ о земствѣ и крестьянахъ, о начальной школѣ и университетѣ, о кассаціонныхъ рѣшеніяхъ и крестьянскомъ банкѣ.—Крестьянскій банкъ и „Московскія Вѣдомости“.—Нѣсколько словъ по адресу „Русскаго Вѣстника“ (стр. 410).— Октябрь: — Правила о профессорскомъ судѣ, о кураторахъ, курсовыхъ собраніяхъ и старостахъ.—Спб. политехническій институтъ. — „Университетъ или политехникумъ“?—Десятилѣтіе финансоваго управленія. — Конгрессъ криминалистовъ въ Петербургѣ. — Рѣзкіе контрасты. — Странныя разсужденія предпринимателя.— Возможная судебная ошибка.—Интересный вопросъ.—С. И. Старынкевичъ †.—Post-scriptum (стр. 838). — Ноябрь: — Университетская реформа и рѣчь г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.— Своеобразная децентрализація, проповѣдуемая въ „Гражданинѣ“. — Пересмотръ Городового Положенія 1892 г. въ примѣненіи къ одному городу Петербургу.—Вопросы о способѣ замѣщенія должности городского головы; о распространеніи избирательнаго права; объ исполнительныхъ комиссіяхъ (стр. 439).—Декабрь:— Интересное сообщеніе и неудачные къ нему комментаріи.—Инцидентъ въ казанскомъ юридическомъ обществѣ.— Проектируемое общество московскихъ журналистовъ.—Предстоящій юбилей русской періодической печати.—Одесская эпидемія и городское самоуправленіе.—„Благая вѣсть“.—Корреспонденція изъ г. Суджи.—Письмо П. А. Тверского въ Редакцію (стр. 883).

VI. Библіографическій Листокъ.—Январь:—Гейне, Собраніе сочиненій, п. р. П. И. Вейнберга, т. VII.—Гоголь, Мертвыя души, поэма, съ 355 иллюстр.; изд. А. Ф. Маркса.— „Невскій проспектъ“, 1703—1903, юбилейное изданіе, т. I, вып. 1.— Автобіографія Абдурахана, съ англ. М. Грулевъ.—Собраніе сочиненій Шиллера въ перев. русск. писателей, п. р. С. Венгерова, т. III. — Февраль:— Отчужденіе недвижимой собственности для государственной или общественной пользы, В. В. Салова.—Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ, П. Новгородцева.—Стихотворенія, кн. Д. Н. Цертелева.—Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста, П. Лесгафта.—Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, А. И. Дмитріева-Мамонова.—Учебные годы стараго барчука, Евг. Маркова. — Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. III.—Мартъ:—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Т. I: 1802 — 1825, состав. С. М. Середонинъ. — Русскія юридическія древности, В. Сергѣевича, т. I. —Введеніе въ римскую исторію, В. И. Модестова, ч. I.—Недопѣтыя пѣсни, С. Я. Надсона. — Горюнъ, разсказъ В. І. Дмитріевой.—Апрѣль:—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. П. Барсукова, кн. 16-ая. — Стихотворенія

П. И. Вейнберга, съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній „Гейне изъ Тамбова“.—Сабанинъ, В. В., Систематическая Роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи—за 1899-й годъ, т. I, вып. 1.—П. Сергѣенко, Сократъ, драм. хроника.—Д. Мережковскій, „Любовь сильнѣе смерти“, „Наука любви“, „Микель-Анджело“.—Малый Энциклопедическій Словарь, вып. VII, послѣдній.—Май:—Изданіе Спб. Городской Думы: Ч. I.—В. А. Жуковскій; ч. II: Н. В. Гоголь. — М. П. Розенгеймъ, Стихотворенія. М. Винаверъ, Очерки объ адвокатурѣ.—Головачевъ, П., Сибирь: Природа, Люди, Жизнь.—Фришмутъ, Марія, Критическіе очерки и статьи.—Іюнь:—В. Д. Спасовичъ, Замѣтки о проектѣ земскаго управленія для 18 не-земскихъ губерній.—П. Таннери, Первые шаги древне-греческой науки, перев. Э. Радлова и Г. Церетели, съ пред. А. И. Введенскаго. —Шиповъ, П., Капитанъ, Русская одежда.—Н. Азбелевъ, Единство въ устройствѣ вселенной.—И. И. Игнатовичъ, Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія.—Русскій Біографическій Словарь: Павелъ преподобн. —Петръ (Илейка). — Іюль:—Владиміръ Соловьевъ, очеркъ В. Л. Величко.—Спасовичъ, В., и Пильцъ, Е., Очередные вопросы въ царствѣ польскомъ.—А. Манцони, очеркъ М. Ватсонъ.—Графъ Э. П. Беннигсенъ. Къ вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ. Изъ замѣтокъ практика.—Августъ:—Н. Н. Карабчевскій. Около правосудія. Статьи, сообщенія и судебные очерки.—Курсъ семейнаго права. Проф. А. И. Загоровскаго.—Л. Е. Оболенскій. Научныя основы красоты и искусства.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Е. Водовозовой. Турки. — Второй сборникъ статей. 1901 — 1902. Александра Новикова. — Стихотворенія Владиміра Соловьева. — Сентябрь:—Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ 1893—1902). П. П. Мигулина, проф. харьк. университета.—М. В. Кечеджи-Шановаловъ, Женское движеніе въ Россіи и за границей.—В. Гурко, Устои народнаго хозяйства Россіи.—Аграрно-экономическіе этюды. — Октябрь:—Исторія русской литературы, А. Н. Пыпина, т. II.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. X.—Путеводитель по окрестностямъ Петербурга, изд. Комиссіи по народному образов. въ Спб.—Цѣли воинскаго наказанія, А. Фалѣева.—Русскій Китай, барона А. Буксгевдена.—Преступный міръ и его защитники, Н. В. Никитина.—Ноябрь:—Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ, д-ра А. И. Скребицкаго. — Россія въ дорожномъ отношеніи, состав. В. Мейенъ.—Шекспиръ — въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.—Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Т. Гексли и Г. Мартинъ.—Синтаксисъ русскаго языка, Д. Овсянико-Куликовскаго.—Декабрь: — Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева, т. IV.—Женщины-убійцы, пр. П. Н. Тарновской.—Сахалинъ (Каторга), В. М. Дорошевича. — Сборникъ Историческаго Русскаго Общества, т. 112. — Повѣсти и разсказы Я. Крюковскаго (Я. Я. Гуревича).

VII. Извѣщенія. — I. Отъ городской Комиссіи по народному образованію. — II. Извлеченіе изъ Положенія о Всероссійскомъ Пожарномъ Съѣздѣ (Январь, 436). — Отъ Городской Комиссіи по народному образованію (Февраль, 881; Мартъ, 431; Май, 466). — I. Изъ Устава С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Вспоможенія.—II. Отъ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ (Апрѣль, 884; Май, 466). —Отъ Попечительства о глухонѣмыхъ (Октябрь, 858; Ноябрь, 456).—Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества (Декабрь, 898).

1903 г.

Байронъ, Поэма „Паризина", перев. С. Ильина (нояб., 219).

Бланкъ. Р. — Организація всеобщаго обученія въ Германіи (дек., 723).

В—на, С. А. — Сельскія учительницы во Франціи. Изъ поѣздки въ провинцію (іюль, 263; авг., 600).

Боборыкинъ, П. Д. — Законъ жизни, пов. (янв., 38).

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М.—Н. А. Некрасовъ (апр., 445).

Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. — По поводу „съѣзда славистовъ" (іюль; 328).

Врусянинъ, Вас. — Злосчастные, разск. (апр., 700).

Будищевъ, Ал. Н. — Солнечные дни, ром. (іюль, 5; авг., 547; сент., 90).

Буличъ, К. Н. — Изъ записокъ: 1826—1846 гг. (авг., 743).

Бухъ, Л. К.—Государственная роспись на 1903-ій годъ (февр., 775).

Бѣлоконскій, И. П. — На высотахъ Кавказа (іюнь, 677; іюль, 162).

В., В.—Недочеты сословныхъ программъ. С. Бехтѣевъ: „Хозяйственные итоги истекшаго 40-лѣтія и мѣры къ хозяйственному подъему" (янв., 359). — Экономическая полемика (іюнь, 719).—Послѣднее десятилѣтіе нашихъ финансовъ (окт., 759).

Венгерова, Зин. — Эмиль Зола, критико-біограф. очеркъ (сент., 211).

В., З. — Тщетное усиліе, ром. Эд. Рода (іюль, 176; авг., 701; сент., 242).—Семейство Будденброковъ ром. Том. Манна (окт., 682; нояб., 287; дек., 741).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ. — Община и „выдѣлъ" (май, 302). — Фамильная старина (окт., 449).

Вундцеттель, П.—Сутра о дѣвушкѣ изъ рода Чандаловъ (іюль, 156).

Гершензонъ, М.—Лирика Н. П. Огарева (сент., 292).

Гурвичъ, Ил. — Стихотвореніе (іюль, 262).

Друцкой-Сокольнинскій, кн. Д. В.—Нужды сельско-хозяйственной промышленности (апр., 739).—Одно изъ мѣстныхъ недоразумѣній (сент., 351).

Инсаровъ, Х. Г.—Турція и Македонія (апр., 666; май, 102).

Жемчужниковъ, А. М.—I. При свѣтѣ вечернемъ. II. *** (янв., 198). —Звуки старины далекой (май, 134). —Газетному „націоналисту" (іюль, 140).—I. Подходитъ вечеръ. II. Тѣ ослѣпительные дни (окт., 563).

Зѣлинскій, Ѳ. Ф. Римъ и римская „религія" (янв., 5; февр. 441).—„Мотивъ разлуки"; Овидій, Шекспиръ, Пушкинъ (окт., 542).

Капнистъ, гр. П. А.—Университетскіе вопросы (нояб., 167; дек., 465).

К., И.—П. Караведовъ и его мѣсто въ исторіи Болгаріи (апр., 802).

Катаевъ, Н. — Профессіональное образованіе для крестьянъ (іюнь, 700).

Кологривова, Стихотворенія: Нева *** (май, 206).—Лѣто (сент., 207).

Кони, А. Ѳ.—Влад. Серг. Соловьевъ (февр., 651). — Ѳ. П. Гаазъ, по новымъ матеріаламъ (дек., 646).

Корсаковъ, В. В. — На Дальнемъ Востокѣ. Письмо изъ Пекина (май, 352).

Ляцкій, Евг. А.—Ив. А. Гончаровъ въ его произведеніяхъ (мартъ, 215; апр., 567). — По поводу пьесы М. Горькаго: „На днѣ“ (апр., 857). —Чужая жизнь въ произведеніяхъ И. А. Гончарова (іюль, 88). — Лит. зам.: Н. В. Гоголь (дек., 845).

Лувинскій, М. Ѳ. Сиротская жизнь, бытовой разсказъ (дек., 703).

Марковъ, В. П.—Стих.: I. Дубъ. II. Сонъ и пробужденіе (февр., 771). —Весеннія мелодіи (апр., 737).—I. Пѣсня. II. Вечерняя заря (окт., 679).

Марковъ, Евг. Л.—Царица Адріатики (янв., 216).

Марусинъ, С.—Въ степяхъ и предгорьяхъ Алтая. Разсказъ изъ жизни переселенцевъ (авг., 518).

Минскій, Н.—Сонеты: I, II.—*** (дек., 644).

Михайлова, О. — Изъ сонетовъ Елиз. Броунингъ: I. Узникъ. II. Неудовлетворенность. III. Слезы. IV. Непоправимое (мартъ, 165),—Три стихотворенія: I. Высохшій ручей. II. Въ далекомъ морѣ. III. Первая молнія (іюнь, 614).

Никольскій, Н. А.— Сельское хозяйство и податная система (авг., 662).

Оболенскій, Л. Е.—На развалинахъ. Романъ, въ двухъ частяхъ (февр., 516; мартъ, 56; апр., 483; май, 40; іюнь, 425).

П., О.—Стихотвореніе.—Ясные дни (май, 301).

Парэсче, Франч.—„Народные университеты“ въ Италіи (іюнь, 590; іюль, 53).

Поповъ, П. С.—Вѣсти о Китаѣ: I. Проектъ китайскихъ реформъ II. Средство къ вытѣсненію иностранцевъ изъ Китая (май, 137).

Пыпинъ, А. Н.—О методѣ изложенія русской литературы (февр., 862)., —Екатерина II и Монтескье (май, 272).—Н. А. Некрасовъ (нояб., 64; дек., 567).

Рапопортъ, С. И.—Въ центральной Англіи (сент., 57).

Романовичъ-Славатинскій, А. В.—Моя жизнь и академическая дѣятельность (янв., 138; февр., 606; мартъ, 168; апр., 527; май, 181; іюнь, 499).

Рязановъ, П. — Духовно-учебныя заведенія и ихъ современное состояніе (май, 903).

Савинъ, А.—Фабіанцы. Изъ лондонскихъ наблюденій (авг., 637).

С—ва, П—на. Іёрнъ Уль, эскизъ по роману: Iörn Uhl, v. G. Frenssen, съ нѣм. (янв., 276; февр., 690; мартъ, 264).—Уроженецъ Виргиніи, The Virginian, by Wister (апр., 605; май, 208; іюнь, 616).

Свѣтловъ, Вал.—Замокъ счастья, ром. (окт., 565; нояб., 5; дек., 519).

Семеновъ, Д. Д.—Петербургская избирательная реформа (апр., 884).

Слонимскій, Л. З.—Научныя иллюзіи (февр., 750).—Князь Бисмаркъ въ новомъ освѣщеніи (мартъ, 329).—Соціальный романъ г. Шарапова (апр., 774). — Кн. Бисмаркъ въ его отношеніяхъ къ Россіи (іюль, 304).—Новѣйшіе идеалисты (сент., 313).

Соколовъ-Костромской, П. И. —Тайга и ея обитатели (іюнь, 477; іюль, 143).

Спасовичъ, В. Д.—Новая книга о Франціи (мартъ, 150).

Ст., М.—Вторая правительственная ревизія спб. городского общественнаго управленія въ 1902 г. (мартъ, 363). Главныя основанія законопроектовъ о средней школѣ (май., 331).

Стахевичъ, Нат. — Житейскіе толчки, разсказъ (янв., 200).

Сѣверовъ, Н. — Шербекскіе выборы.—Разсказъ изъ фламандскихъ нравовъ (авг., 449; сент., 5; окт., 496).

Т., П. А. — Воспоминанія стараго земца (сент., 144; окт., 619; нояб., 236).

Тарновская, П.—Женскій недо-

цинскій институтъ и женскіе врачебные курсы (авг., 497).

Тверской, П. А.—Спекулятивная сатурналія въ С.-А. Штатахъ (нояб., 345).

Тернеръ, Ѳ. Г. — Дворянство и землевладѣніе (мартъ, 5 стр.).

Трубецкая, кн. Марія.—Осеннія думы, стих. (дек., 791).

Ульяновъ-Каплуновскій, В.—Изъ пѣсенъ Беранже: I. Дурная примѣта. II. Перевоплощеніе (май, 269).

Филипскій, М. — Стихотворенія: Послѣдній вѣнокъ (іюнь, 697).

Фругъ, С. Б.—Стих.: „Все было сномъ“ (мартъ, 347).

Хвостовъ, Н. Б. — Изъ Франсуа Коппе. I. Постриженіе. II. Покинутая комната (окт., 728).

Хотынскій, Н.—На новомъ мѣстѣ, разск. (май, 156; іюнь, 562).

Ц., М. — Народное образованіе въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ (іюнь, 750).

Циммерманъ, Эд. — По великой сибирской желѣзной дорогѣ (янв., 107; февр., 486).

Шепелевичъ, Л. — Международный съѣздъ историковъ въ Римѣ, въ апрѣлѣ 1903 г. (іюль, 379).

Щеголевъ, П. Е. Владиміръ Раевскій и его время (іюнь, 509).

Щепкинъ, Д. М. — Московскій университетъ въ половинѣ 20-хъ годовъ (іюль, 226).

Якимовъ, В.—„Неизбѣжный процентъ“, разск. (іюль, 65).

Яковій, П., д-ръ.—Религіозно-психическія эпидеміи (окт., 732; (нояб., 117).

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь (стр. 342):—Истекшій 1902 годъ.—Интересъ въ обществѣ къ работамъ уѣздныхъ комитетовъ. — Первые шаги губернскихъ комитетовъ.—Вопросъ о мѣстныхъ нарѣчіяхъ. — Мѣры по поводу недорода 1902-го года.—Новый ветеринарный законъ.—Оригинальная промышленная школа.—По вопросу о мелкой земской единицѣ.—Московское губернское земское собраніе. — Февраль (стр. 799):—Столѣтіе комитета министровъ и министерствъ.—Идея и ея осуществленіе.—Министерство и сенатъ.—Министры первыхъ восьми десятилѣтій XIX-го вѣка. — Средняя продолжительность управленія министерствомъ. —Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ. —Новые проекты реакціонной печати. —Возраженіе изъ богородицкаго уѣзда. —Мартъ (стр. 349):—Труды губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ.—Три обрисовавшіяся до сихъ поръ группы.—Контрастъ между губерніями земскими и не-земскими.—Источники разногласій.—Главные плоды работы. — Вопросъ о правовомъ положеніи крестьянъ.—Увлеченіе словомъ—или вѣрное пониманіе дѣла?—Царицынская городская дума. — Поправка.—Апрѣль (стр. 756):—Высочайшій манифестъ 26 февраля.—Различные взгляды на вѣротерпимость. —Вопросъ о реформѣ губернскаго и уѣзднаго управленія.—„Высшая мѣстная власть“.—Приходъ и мелкая земская единица. — Губернскіе сельскохозяйственные комитеты.—Предполагаемый образовательный цензъ для гласныхъ г. Петербурга.—Май (стр. 315): — Именной Высочайшій указъ сенату 22 марта.—Новое уголовное уложеніе.—Его исторія.—Дѣленіе преступныхъ дѣяній.—Система наказаній. —Досрочное освобожденіе. — Зачетъ предварительнаго ареста.—Тюрьма и работный домъ.—Одиночное заключеніе.—Лишеніе и возстановленіе правъ. —Смягченіе и замѣна наказаній.—

Законъ 12 марта; его отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ.—Іюнь (стр. 731):—Положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.—Порядокъ утвержденія земскихъ смѣтъ и раскладокъ.—Общее значеніе реформы.—Новое уголовное уложеніе: постановленія о вмѣняемости и вмѣненіи, о видахъ виновности, о давности, о религіозныхъ посягательствахъ.—Іюль (стр. 344):—Новыя правила о фабричной инспекціи.—„Вѣдомственный антагонизмъ“ и хорошія стороны спеціализаціи.—Новыя правила о евреяхъ.—Отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1899-й годъ: „упорствующіе“ въ холмско-варшавской епархіи, расколъ, сектантство, православіе въ Японіи, церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Приготовленія къ введенію въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія—Уложеніе и преступленія печати.—Августъ (764):—Наше желѣзнодорожное дѣло и крупная промышленность. I-VI.—В. В.—Сентябрь (стр. 326):—Именной Высочайшій указъ 30-го іюля.—Законъ 10-го іюня о фабричныхъ старостахъ.—Мнѣніе о немъ рабочаго.—Законъ 2-го іюня о вознагражденіи фабричныхъ рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ.—Причины, устраняющія отвѣтственность предпринимателя.—Мѣры къ огражденію рабочихъ отъ невыгодныхъ сдѣлокъ.—Учрежденіе уѣздной полицейской стражи.—Отмѣна тягчайшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія.—Пересмотръ ветеринарнаго закона.—Вопросъ о земскихъ ходатайствахъ.—Post-scriptum.—Октябрь (стр. 776):—С. Ю. Витте, какъ государственный дѣятель.—Главные вопросы реформы мѣстнаго управленія: уѣздный начальникъ, губернское земство, губернаторская власть.—Еще о законѣ 2-го іюня: рабочіе, не подходящіе подъ его дѣйствіе;—временной его характеръ;—профессіональныя болѣзни;—размѣръ вознагражденія;—процессуальныя правила.—Похвала, слишкомъ похожая на панегирикъ.—Ноябрь (стр. 360):—Новая книга проекта гражданскаго уложенія: наслѣдственное право.—Уравненіе наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ.—Разряды наслѣдниковъ; устраненіе дальнихъ родственниковъ отъ наслѣдованія по закону.—Расширеніе наслѣдственныхъ правъ пережившаго супруга.—Постановленія новаго уголовнаго уложенія о государственныхъ преступленіяхъ и о смутѣ.—Декабрь (стр. 793):—Комиссія о „центрѣ“ и записка земскихъ ея членовъ.—Обвинительный актъ, вызванный этой запиской, и настоящее ея значеніе.—Противоположные взгляды на крестьянскій вопросъ.—Комиссія о „децентрализаціи“ и губернская реформа.—Главное управленіе и особый совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.

II. Иностранное Обозрѣніе.—Январь (стр. 377):—Международная политика въ Европѣ за истекшій годъ.—Македонскій вопросъ и „Правительственное сообщеніе“.—Наша дипломатія въ области балканскихъ дѣлъ.—Внутреннія дѣла въ Германіи, Австріи, Англіи и Франціи.—Венецуэльскій конфликтъ.—Февраль (стр. 814):—Парламентскія пренія въ Германіи.—Инцидентъ съ депутатомъ Фольмаромъ.—Оппозиціонныя рѣчи и отвѣты графа Бюлова.—Рѣчь Бебеля и президентскій кризисъ въ имперскомъ сеймѣ.—Нѣмецкая „міровая“ политика.—Восточно-турецкія дѣла: британская нота о проливахъ и македонскій вопросъ.—Мартъ (стр. 376):—Правительственное сообщеніе по македонскому вопросу.—Турецкія реформы и европейская дипломатія.—Мирная программа балканской политики.—Конецъ венецуэльскаго кризиса.—Политическія дѣла Англіи и Франціи.—Апрѣль (стр. 790):—Нѣмецкіе парламенты и ихъ особенности.

—Политическія рѣчи графа Бюлова. —Польскій вопросъ въ прусской палатѣ депутатовъ.—Австрійскія дѣла и чешскій кризисъ.—Смерть Ригера; его жизнь и дѣятельность. — Май, (стр. 339):—Кризисъ въ турецкихъ провинціяхъ.—Оффиціальныя донесенія и телеграммы.—Убійство русскаго консула въ Митровицѣ. — Политика великихъ державъ и вопросъ о турецкихъ реформахъ.—Туркофильскія мнѣнія въ нашей печати.—Багдадская желѣзная дорога и патріотическія заботы „Новаго Времени“.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Іюнь (стр. 764). —Иностранная газетная кампанія противъ Россіи.—Полемика по манчжурскому вопросу.—Международныя злоупотребленія.—Балканскій кризисъ.—Сербскія и болгарскія дѣла.—Имперіализмъ и его представители въ Англіи.—Іюль (стр. 365):—Политическій переворотъ въ Сербіи.—Послѣдніе представители дома Обреновичей. —Правительственное сообщеніе о сербскихъ дѣлахъ.—Новая династія и король Петръ.—Парламентскіе выборы въ Германіи.— „Новое Время“ объ англійскихъ корреспондентахъ. — Августъ (стр. 792): — Кончина папы Льва XIII.—Перемѣны въ положеніи римской церкви со времени смерти Пія IX. — Роль свѣтскихъ правительствъ въ усиленіи авторитета Ватикана.—Жизнь и дѣятельность покойнаго папы. — Политическія дѣла на Балканскомъ полуостровѣ.—Кризисъ на Дальнемъ Востокѣ.—Сентябрь (стр. 364):—Убійство русскаго консула въ Битоліи и обостреніе турецкаго кризиса. — Оффиціальныя телеграммы и сообщенія. — Отзывы иностранныхъ газетъ о русскихъ консулахъ и дѣйствительное положеніе нашихъ представителей въ Турціи.— Неудачныя мысли „Гражданина“.— Политика на Дальнемъ и Ближнемъ Востокѣ. — Новый римскій папа.— Смерть лорда Сольсбери.—Октябрь (стр. 799):—Посѣщеніе Государемъ Императоромъ австрійскаго императора въ Шенбруннѣ.—„Замѣтка“ славянскаго благотворительнаго общества въ Болгаріи о македонскомъ вопросѣ. —Дипломатія великихъ державъ и правительственное сообщеніе. — Печальная роль кабинетовъ относительно Македоніи и Турціи.—Внутренній кризисъ въ Сербіи.—Австрійскія дѣла.— Правительственныя перемѣны въ Англіи.—Ноябрь (стр. 377):—Правительственныя сообщенія о македонскомъ вопросѣ. — Турція и великія державы, съ точки зрѣнія англійскихъ филантроповъ. — Письмо британскаго премьера.—Перемѣны въ международныхъ отношеніяхъ и комбинаціяхъ.— Третейскій судъ во внѣшней политикѣ.—Манчжурскій вопросъ. — Новый франко-русскій журналъ въ Швейцаріи.—Декабрь (стр. 808):—Турецкая политика и македонскій вопросъ. —Дипломатія и общій европейскій миръ.—Кризисъ на Дальнемъ Востокѣ.—Новыя теченія въ международной политикѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Новая республика въ Америкѣ.

III. Литературное Обозрѣніе. —Январь (стр. 390):—I. Мелкая земская единица. Сборникъ статей.— II. Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ Германіи, М. Я. Герценштейна.—III. Г. Гауптманъ, Собраніе сочиненій, съ нѣм. пер. К. Бальмонта.—Г-анъ.—IV. Альбомъ выставки 1852—1902 г., въ память Гоголя и Жуковскаго.—Гоголь на родинѣ. —V. Православное духовенство, очерки, повѣсти и разсказы, Н. И. Соловьева. — Д. — VI. Образовательная Библіотека, серія V, 2: Проф. Погодинъ—Религія Зороастра; проф. Джексонъ—Жизнь Зороастра.—Z.—Новыя книги и брошюры.—Февраль (стр. 827):—I. Н. Коробка. Очерки литературныхъ настроеній.— Д.—II. В. Я. Стоюнинъ, Педагогическія сочиненія.— III. С. Прокоповичъ, Кооперативное

движеніе въ Россіи.—IV. Всеобщее образованіе въ Россіи, сборникъ статей.—V. Волжскій, Очерки о Чеховѣ. —Г-анъ.—VI. В. Мейенъ, Россія въ дорожномъ отношеніи.—VII. Ѳ. Самаринъ, О мірской надѣльной землѣ.— В. В.—VIII. Н. Харузинъ, Этнографія. —IX. Новый и традиціонный духовные ораторы, о.о. Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ.—Евг. Л.—X. В. Дмитріевъ-Мамоновъ, Указатель акціонерныхъ предпріятій въ имперіи.—Z.—Новыя книги и брошюры.—Мартъ (стр. 391): —I. В. Мякотинъ, Изъ исторіи русскаго общества. — Н. Карѣева. — II. Э. Паркеръ, Китай, съ англ. полк. Грулевъ.—Евг. Л.—III. Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII — IV. А. Веселовскій, Этюды и характеристики. — V. Ланглуа Инквизиція, перев. п. р. Н. Карѣева.—М. Г—анъ. —VI. Шляпкинъ, И. А., Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина.—VII. Къ столѣтію Комитета министровъ, т. III и IV.—Наша желѣзнодорожная политика по докл. Ком. министровъ.—А. П. — Новыя книги и брошюры. — Апрѣль (стр. 815): — I. Овсянико-Куликовскій, Вопросы психологіи творчества.—II. Памяти Л. Н. Майкова, п. р. В. Стасова.—III. Е. Воронецъ, Итоги полемики по поводу проповѣди. о. Г. Петрова, и Отвѣтъ на анонимную брошюру.—Евг. Л.—IV. Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла.— V. Вятское земство среди другихъ земствъ, П. Голубева, и Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству, 1899—901 г., п. р. В. Бирюковича.— В. В.—VI. Историческій обзоръ дѣятельности мин. нар. просвѣщенія. 1802—1902 гг.—VII. Юрьевскій университетъ за сто лѣтъ.— А. П.—VIII. Жизнь и труды Погодина, Н. Барсукова.—IX. В. И. Сергѣевичъ, Древности русскаго права.—X. Д. Н. Жбановъ, О врачахъ. — М. Г-анъ.— Новыя книги и брошюры.—Май (стр. 364):—I. Великій Князь Николай Михаловичъ, Графъ Павелъ Строгановъ. А. П.—II. П. А. Некрасовъ, Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. —III. Проблемы идеализма, сборникъ статей, п. р. П. И. Новгородцева.— IV. Борецъ за идеализмъ (А. Л. Волынскій), Н. Г. Молоствова.—Евг. Л.— V. Дебидуръ, Политическая исторія XIX-го вѣка, т. I: Священный союзъ.—Н. Карѣева.—VI. С. К. Говоровъ, Брачный вопросъ въ быту учащихъ начальной школы.—М. М.—Новыя книги и брошюры.—Іюнь (стр. 776):—I. Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ, состав. Ю. Битовтъ.—А. П. — II. Очерки французской общественности, Ю. Лаврентьевича. — III. Письма Пушкина и къ Пушкину, п. р. В. Брюсова.—А. С. Пушкинъ, „Труды и дни". Н. Лернеръ.— IV. Литературный Архивъ, П. Карабанова.—Статьи и матер., посвящ. Некрасову.—Писатели изъ народа. Литерат. Сборникъ. Памяти Некрасова.— V. Первое столѣтіе Иркутска, В. Сукачева.—Тюмень въ XVII столѣтіи.— Евг. Л. — IV. Изабелла Гриневская, „Бабъ".—Л. Об-скій.—VII. А. Фаресовъ, Въ одиночномъ заключеніи.— VIII. П. Д. Боборыкинъ „Вѣчный Городъ". — IX. С. С. Татищевъ, Имп. Александръ II.— М. Г-анъ. — Новыя книги и брошюры.—Іюль (стр. 386): I. Великій Князь Николай Михаловичъ. Графъ П. А. Строгановъ. Историческое изслѣдованіе эпохи имп. Александра I. Томъ второй. — II. Н. А. Некрасовъ и его поэзія. Очеркъ Г. В. Александровскаго. Изд. 3-е.—А. П.— III. В. Ѳ. Дерюжинскій. Полицейское право. Пособіе для студентовъ.—IV. А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати. — V. Діонео. Очерки современной Англіи.—М. Г-анъ. — VI. В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи.—В. В. — VII. Эвиль-Рановичъ,

Индивидуальность и прогрессъ. Этюды.—Л. Об-скаго.—Новыя книги и брошюры.—Августъ (стр. 803):—I. Евгеній Цабель, Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литературно-біографическій очеркъ. Переводъ съ нѣм. Влад. Григоровича. — II. И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра.—А. П.—III. Петръ Великій. Сборникъ статей, составленныхъ преподавателями Петровскаго училища спб. купеческаго общества.—IV. Л. Е. Оболенскій. Максимъ Горькій и причина его успѣха.— В. Ѳ. Боцяновскій, Максимъ Горькій. Крит.-біограф. этюдъ.—И. Бибиковъ. М. Горькій, какъ драматургъ. — Графъ Е. М. де-Вогюэ. Максимъ Горькій, какъ писатель и человѣкъ. Пер. Ал. Ачкасова. — V. Полное собраніе сочиненій В. А. Слѣпцова, съ біогр. очеркомъ, составл. А. Н. Сальниковымъ.—VI. Арс. И. Введенскій. Литературныя характеристики.—VII. П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Очерки.—Евг. Л. — VIII. Е. Щепкина. Краткій очеркъ русской исторіи.—IX. П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ.—X. „Сенатскій Архивъ, X т.—М. Г-анъ.—Новыя книги и брошюры.—Сентябрь (стр. 376): I. Толковый Словарь живого великорусскаго языка. В. Даля. Третье изд., п. р. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I. —А. П.—II. Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминанія. 1848-1870.—III. Девятнадцатый вѣкъ. Истор. сборн., издав. почетн. чл. археол. инст. кн. Ѳ. А. Куракинымъ, п. р. В. Н. Смолянинова. Т. I. —IV. Помощь. 2-е изданіе. — V. Б. Гегидзе. Въ университетѣ. Наброски студенческой жизни. — VI. Сѣверные цвѣты. Третій альманахъ книгоизд. „Скорпіонъ“.—VII. Мих. Гербановскій. Лепестки.—Евг. Л.—VIII. Н. В. Муравьевъ. Послѣднія рѣчи.—IX. Л. Шестовъ. Достоевскій и Нитше. — X. Еврейская Библіотека. Истор.-лит. сборн. т. X. — XI. Риль. Джіордано Бруно.—XII. Линдъ. Мелкая земская единица.—М. Г-анъ.—Новыя книги и брошюры.—Октябрь (стр. 815):—I. Къ 75-лѣтію гр. Л. Н. Толстого, П. Драганова.—А. П.—II. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, семья и пр., въ портретахъ, гравюр. и т. д.—III. Сочиненія А. С. Пушкина, редакція П. Ефремова и П. Морозова.—IV. Очерки современной Англіи, Діонео.—V. Путешествіе по Греціи, Евг. Маркова.—VI. Этнографическіе очерки Заряфшанскихъ горъ, А. Семенова.—VII. Вѣщій Олегъ. Болгарія и Македонія. —VIII. Кавказское побережье Чернаго моря, С. Васюкова.—IX. Литературныя характеристики, А. Бороздина.—Евг. Л.—X. Законодательство о печати, К. К. Арсеньева —XI. Г. Тумановъ, Разбои и реформа суда на Кавказѣ. — XII. Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 г.—XIII. Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, томъ CXV.—М. Г-анъ. — Новыя книги и брошюры. — Ноябрь (стр. 389): — I. Проф. А. Н. Гиляровъ, „Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи“. — II. М. Гюйо, „Стихи философа“, перев. И. И. Тхоржевскаго.—А. К.—III. Н. Телешовъ, Повѣсти и разсказы.—Z.—IV. М. Помяловскій. Очерки русской исторіи.—Н-инъ.—V. Рейнъ. I.-В. Снельманъ.—VI. Массальскій, В. И., О положеніи и нуждахъ наемнаго труда въ сельскохозяйственной промышленности. — М. Г-анъ.—Новыя книги и брошюры.—Декабрь (стр. 821): — I. Цигперъ, Очеркъ общей педагогики. — II. Жураковскій, Симптомы литературной эволюціи.—III. Н. Коробка, Личность въ русскомъ обществѣ и въ литературѣ: Пушкинъ,—Лермонтовъ.—IV. В. Сиповскій. Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти.—V. Д. Ратгаузъ, Пѣсни любви и печали.—VI. Энгельмейеръ, По русскому и скандинавскому Сѣверу; Н. Березинъ, Пѣшкомъ къ карельскимъ водопадамъ, и др.—Евг. Л.—VII. Статистическія свѣдѣнія по на-

чальному образованію въ Россійской имперіи, вып. IV. — В. В. — Новыя книги и брошюры.

IV. Новости Иностранной Литературы.—Январь (стр. 414): Jacob Waszerman. Der Moloch. — З. В.—Февраль (стр. 877):—I. G. Hauptmann, Der arme Heinrich.—II. J. Lombard, Byzance.—III. E. Dillon, Maxime Gorky. — З. В. — Мартъ (стр. 113):—I. Ellen Key, Essays.—II. Clara Viebig, Das Weiberdorf.—З. В.—Апрѣль (стр 869): —I. R. Kipling, Just so stories.—II. H. Bordeaux, Les écrivains et les mœurs.—З. В.—Май (стр. 390): I. Otto Ernst, Die Gerechtigkeit, Komödie in 5 Acten.—II. Henri de Regnier, Mariage de minuit.—З. В.—Іюнь (стр. 806).—I. Anatole France, Histoire Comique.—II. Max Dreyer, Das Thal des Lebens. Historischer Schwank.—З. В.—Іюль (стр. 419):—I. Octave Mirbeau, Les affaires sont les affaires, Comédîe en trois actes.—II. Edouard Rod. L'inutile Effort.—З. В.—Августъ (стр. 830):—I. W. B. Yeats. Ideas of Good and Evil.—II. René Bazin. Donatienne.—З. В.—Сентябрь (стр. 420):—Edmond Rostand. Discours de réception à l'Académie Française, le 4 juin 1903; Vicomte de Vogüé.—Réponse au discours de E. Rostand.—З. В.—Октябрь (стр. 856): I. Francesco Invrea, Il comune et la sua funzione sociale.—М. З—ковъ.—II. Paul Adam, La Rose, roman.—З. В.—Ноябрь (стр. 439):—I. Thom. Mann, „Der kleine Herr Friedemann“ — „Tristan“.—Novellen. — II. Ellen Key, Menschen. — Charakterstudien.—З. В. —Декабрь (стр. 863):—I. G. Hauptmann, Rosa Bernd. Schausp. in 5 Acten.—II V-te E. M. de Vogüé, Le Maître de la mer.—З. В.

V. Изъ Общественной Хроники.—Январь (стр. 423): — Чествованіе памяти Некрасова. — Своеобразный взглядъ на свободу печати.—Замѣчательныя слова, сохраняющія свое значеніе по прошествіи почти полувѣка. — Преемственность идеализма въ русскихъ университетахъ.—Столѣтіе юрьевскаго (дерптскаго) университета.—Школьный вопросъ въ разныхъ концахъ Россіи.—По поводу проекта Городового Положенія для г. Петербурга.—Февраль (стр. 895): — Московскій съѣздъ учительскихъ обществъ взаимопомощи.—Вереница маленькихъ обвинительныхъ актовъ противъ самоуправленія.—Процессъ противъ кронштадтскаго полиціймейстера. — Рядъ недоразумѣній.—Земство, область Войска донского и не-земскія губерніи.—Губернскіе комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Мартъ (стр. 428):—Празднованіе дня освобожденія крестьянъ. — Произнесенъ ли смертный приговоръ надъ столичнымъ общественнымъ самоуправленіемъ?—Вѣрность „привычкамъ рабства“.—Рѣшеніе сената и комментарій къ нему въ „Гражданинѣ“.—Обвинительный приговоръ по дѣлу Шафрова.—Юбилей В. А. Гольцева.—А. А. Головачевъ †.—Апрѣль (стр. 896): — „Агонія либерализма“. — Сельскохозяйственные комитеты.—Внутренняя рознь въ средѣ „націоналистовъ“.—Намеки, возведенные въ систему.—„Самоуправленіе“ и „управленіе“.—Студенческія научныя общества въ Москвѣ. — Вопросъ о нравственности въ искусствѣ. — А. В. Сухово-Кобылинъ, Евг. Л. Марковъ и М. М. Ивасенина †. — Именной Высочайшій указъ 12-го марта.—Май (стр. 403): — Націонализмъ „первобытный“ и „просвѣщенный“.—Газетная инквизиція.—Обвиненія, граничащія съ клеветою.—Еврейскій погромъ въ Кишиневѣ.—Два доклада о юридическом положеніи евреевъ.—Народныя чтенія въ Н.-Новгородѣ.—Земская медицина и земская статистика. — Іюнь (стр 821): — Двухсотлѣтіе Петербурга.—

Петербургъ и Москва.—Странное ходатайство.—Что такое „моральная виновность“ печати?—Отголосокъ кишиневскихъ событій. — Свобода литературы и свобода печати. — Рѣшеніе сената и комментарій къ нему въ „Гражданинѣ“. — К. М. Станюковичъ †.—Іюль (стр. 434):—Вопросъ о свободѣ совѣсти въ религіозно-философскихъ собраніяхъ.—Три главныя теченія, обнаружившіяся во время преній.—Статьи Н. М. Минскаго на ту же тему. — Особые пріемы реакціонной печати.—Еще отголоски кишиневскаго погрома.—А. Н. Энгельгардтъ †. —Августъ (стр. 842).—Обзоръ „Положенія объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга“, 8 іюня, въ главныхъ его чертахъ. — Новыя „общія положенія“ въ законѣ 8 іюня: 1) Особое по дѣламъ г. С.-Петербурга присутствіе и 2) Контрольная комиссія.—Квартиронаниматели и образовательный цензъ для гласныхъ.—Разряды избирателей и различіе въ ихъ правахъ.—Составъ Думы и ея особый предсѣдатель.—Исполнительныя комиссіи и выборы въ общественныя должности. — Открытіе дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ г. Москвы.—Post-scriptum. По дѣлу о литературной собственности: г. Аскархановъ и „Русская Библіотека“.—Сентябрь (стр. 428):—Новыя проявленія стариннаго недуга. — Преобразованіе столичнаго общественнаго управленія передъ судомъ ретроградной прессы.—Инструкція о порядкѣ производства въ С.-Петербургѣ городскихъ выборовъ. — Интересная рѣчь.—Вопросъ о „чести мундира“.—Дѣло Золотовой.—А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ †.—Октябрь (стр. 873):—Слухи о централизаціи учебнаго дѣла.—Министерство финансовъ и школа. — Параллель между двумя министрами.—„Гражданинъ“ и „Литературный фондъ“. — Инцидентъ на ярославскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ.—Разъясненіе одного спорнаго понятія. — Гомельскіе безпорядки. — Юбилей „Русскихъ Вѣдомостей“.—Ноябрь (стр. 453):—Еще о религіозно-философскихъ собраніяхъ. — Магометанская пропаганда среди саратовскихъ чувашей.—Отдѣльныя цензора и совмѣстительство обязанностей редакторскихъ и цензорскихъ.—Вопросъ о національности земскихъ начальниковъ въ сѣверо-западномъ краѣ. — Декабрь (стр. 878):—Предвыборное движеніе въ г. С.-Петербургѣ.—Частныя и оффиціальныя собранія избирателей.—Наводненіе 12 ноября.—Характерный инцидентъ въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.—Неудобство дискреціонной власти. Неумѣстныя преувеличенія.—Первое 25-лѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ.— Чествованіе В. Г. Короленко.—Post-scriptum.

VI. Библіографическій Листокъ. — Январь.—Шванебахъ, П. Х., Наше податное дѣло. — Кеннингемъ, В., Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія.—Бирюковичъ, В., Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству.—Веселовскій, Юр., Друзья и защитники животныхъ въ соврем. франц. беллетристикѣ.— Андреевскій, С. А., Литературные очерки. — Февраль: — „Вѣдомости“ времени Петра Вел., вып. 1.—Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, изд. И. Шляпкина.—Сочиненія кн. М. М. Щербатова, т. IV: ч. 2 и 3. — Учебная книга древней исторіи, Н. Карѣева.—Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Шекспиръ.—Мартъ:—Очерки Крыма, Евг. Маркова. — Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII. — Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселянъ внутр. губ. Россіи, состав. Г. Савичъ. —Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи, П. Маслова.—Апрѣль: —Великій князь Николай Михайловичъ. Графъ П. А. Строгановъ, 1774—

1817 гг.—Бузескулъ, В., проф., Введеніе въ исторію Греціи.—Григ. Де-Волланъ, Въ странѣ восходящаго солнца.—Родъ Юреневыхъ, генеалог. роспись съ XIV-го по XX-ое столѣтіе.—Май:—Н. Карѣевъ, Государства-городъ античнаго міра.—О. П. Сениговъ, Памятники Земской старины.—В. И. Семевскій, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I, изд. 2-е. — З. А. Рагозина, Древнѣйшая исторія Востока. — И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), Встрѣчи и воспоминанія.—Іюнь:—Труды Я. К. Грота, т. V.—Матеріалы для академ. изданія А. С. Пушкина, собр. Л. Н. Майковымъ.—Гражданское положеніе женщины съ древн. временъ, П. Жида.—Записки колонизатора Сибири, П. Соколова-Костромского.—Щегловитовъ, С. Г., Судебные уставы императора Александра II.—Водовозова, Е. Н., Жизнь европейскихъ народовъ, т. III: Жители Средней Европы.—Іюль:—М. М. Шуцкій. Общедоступное изложеніе вопросовъ о нравственности.—Библіотека великихъ писателей, п. ред. С. А. Венгерова. Шекспиръ, т. III.—Карлъ Менгеръ. Основанія политической экономіи. Общая часть. Перев. съ нѣмецк., п. р. прив.-доц. Р. М. Орженецкаго.—А. Коллонтай. Жизнь финляндскихъ рабочихъ.—Августъ:—А. Субботинъ. Еврейскій вопросъ въ его правильномъ освѣщеніи (въ связи съ трудами И. С. Блиха).—А. А. Раддигъ. Финансовая политика Россіи съ 1887 года. Сборникъ статей по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ.—А. Е. Воскресенскій. Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье.—Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издав. почетн. чл. Археологическаго Института, кн. Θ. А. Куракинымъ, п. р. В. Н. Смольянинова. Т. I.—Сентябрь:—Генри Джорджъ. Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли. Изслѣд. тарифнаго вопроса. Перев. съ англ. С. Д. Николаева.—Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. I.—В. Θ. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго.—В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ.—Анна Столповская. Проявленіе упадка во Франціи.—С. И. Гальперинъ. Современная соціологія. — Октябрь: Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга I-я, въ 3-хъ томахъ. — Иллюстрированная исторія русскаго театра, И. Н. Божерянова и Н. Н. Карпова, т. I, вып. 1.—Женщина-домашній врачъ, д-ра мед. Анны Фишеръ-Дюкельманъ. Семья и ея задачи съ норвежскаго перев. А. и П. Ганзенъ.—Ноябрь: — Русское государственное право, Н. М. Коркунова, т. I.—Земская медицина въ тверской губерніи, С. К. Корженевскаго. — А. Метенъ, Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и Новой Зеландіи, перев. Л. Никифоровъ.—Стихотворенія А. В. Круглова. — Декабрь: — Жизнь и труды М. П. Погодина, Ник. Барсукова. — Галерея русскихъ дѣятелей: Освобожденіе крестьянъ.—Краткій обзоръ Суворовской литературы. А. Петрушевскаго.—Воспитаніе, гигіена и нравственное леченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей, Э. Сегена. — А. И. Герценъ, В. Батушинскаго.—Земледѣльческій отходъ крестьянъ, кн. Н. Шаховского.

VII. Извѣщенія. — Отъ Общества вспоможенія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ Спб. Учебнаго округа, памяти М. Н. Капустина, бывшаго Попечителя округа (янв., 439). — Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества (февр., 910; мартъ, 444; апр., 910; май, 836; авг., 866; сент., 447; нояб., 463).—Отъ Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося населенія (мартъ, 442).—Отъ Комитета III-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональному образованію въ Россіи (май, 415).—

Шестой конкурсъ для соисканія премій имени князя А. И. Васильчикова (май, 836).—Изъ устава Благотворительнаго Общества для открытія и поддержанія народныхъ безплатныхъ читаленъ и библіотекъ для сельскаго населенія Спб. губерніи (дек. 897).

1904 г.

Авилова, Л.—Въ избранномъ обществѣ, повѣсть (янв., 195; февр., 585).—На пепелищѣ, пов. (авг., 499; сент., 28).

Адлеръ, Б. Ѳ. — По поводу выставки „Дѣтскій Міръ“ (февр., 852).

Александровъ, В. — Аргунь и Пріаргунье (сент., 281).

Алихановъ-Аварскій, М.—Закаспійскія воспоминанія. 1881—82 гг. (сент., 78; окт., 445).

Андреева, А.—„Призраки“, какъ исповѣдь Ив. С. Тургенева (сент., 5).

Антоновъ, М.—Городъ и деревня, разсказъ (мартъ, 154; апр., 621; май, 38).

Арсеньевъ, К. К.—Первый сборникъ земскихъ рѣчей: „В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Земство и деревня (авг., 840). — Московское губернское земство и административная ревизія (сент., 333).

Б., Ел. — Морская дѣва, ром., съ англ. (іюль, 274; авг., 680).—Сибаритъ, разск., съ нѣм. (сент., 261).

Бланкъ, Р. М.—Городское самоуправленіе въ Германіи (іюль, 168).

Боворыкинъ, П. Д.—Братья (янв., 42; февр., 505; мартъ, 21; апр., 479).

Будиловичъ, А. С.—По вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія (май, 419).

Бѣлорѣцкій, Григ. — Уральскіе этюды (мартъ, 111).

W.—Изъ жизни на Дальнемъ Востокѣ (апр., 433; май, 5; іюнь, 466).

В., В.—Финансовая политика и промышленность (іюнь, 610).—Новое статистическое изслѣдованіе (окт., 756).

Вейнбергъ, П. И.—Германія, Зимняя Сказка Гейне (нояб., 71).

В., З. — „Союзъ душъ“, ром. съ англ. (янв. 254; февр., 705; мартъ, 259). — Враждебная сила, ром. съ франц. (апр., 712; май, 218; іюнь, 665). — Супруга министра, ром. съ итальян. (іюль, 192; авг., 623; сент., 171). —Наука жизни, ром., съ франц. (окт., 666; нояб., 287).—Послѣдняя надежда, эскизъ по роману: „La Nouvelle Espérance“, par la comtesse Mathieu de Noailles (дек. 728).

Веселовскій, Алексѣй. — Школа Байрона (апр., 562).

Воронцовъ, Ѳ. Ѳ.—Круговая порука и отмѣна ея (мартъ, 317).—Сорокъ лѣтъ тому назадъ (іюнь, 757; іюль, 5; авг., 437).—Моя петербургская служба: 1872 — 82 гг. (нояб., 135).

Гайдебуровъ, Пав.—I. Какъ не скорбѣть... II. Въ дѣтской (май, 322).

Герье, В. И. — Блаженный Августинъ въ борьбѣ съ язычниками (янв. 5; февр. 449).—„Новый Градъ“ Блаженнаго Августина (мартъ, 72). — Философія исторіи Бл. Августина (апр., 670).

Головачевъ, П.—На Балеарскихъ островахъ (іюнь, 642).

Головинъ, К. Ѳ.—Мамашина побѣда, повѣсть (дек., 621).

Горный, Н. А.—Изъ жизни на уральскихъ заводахъ (авг., 549).

Гутьяръ, Н.—И. С. Тургеневъ и крестьянскій вопросъ (май, 129).

D., W.—Письма съ Дальняго Востока: I-IX (авг. 472).

Дашкевичъ, Л.—Сельская полицейская стража (янв., 373).

Дживелеговъ, А.—Т. Моммзенъ, какъ историкъ и политикъ (окт., 642).

Дмитріева, В. І. — Друзья дѣтства, разсказъ (іюнь, 567; іюль, 43).

Друцкой-Сокольнинскій, кн. Дм. — Предполагаемая крестьянская реформа (май, 341) — Вопросъ объ уничтоженіи волостного суда (окт., 839).

Еврѣиновъ, Гр. Ал, — Самобытность или отсталость? (февр., 570).

Емельяненко, Н.—На краю свѣта (окт., 738)

Еропкинъ, А.—Редакціонная Комиссія по пересмотру Положенія о крестьянахъ (авг., 724).

Жемчужниковъ, А. М.—Стих.: I. Не помню. II. У входной двери. III. Возвращеніе холодовъ (апр., 556).

Захарьинъ, Ив. (Якунинъ).—Графиня А. А. Толстая (іюнь, 441).

Исаковъ. П. Н.—Письмо въ Редакцію (іюль, 402).

Каренинъ, Влад.—Жоржъ-Зандъ и Наполеонъ III (май, 267; іюнь, 507).

Кнорринга, Ѳ. И.—Изъ Америки въ Японію (янв., 171; февр., 551).

Кологривова,, Л.—Весной, стих. (іюнь, 754). — *** Я пѣснь пою... (окт., 724). — I. Осенью. — II. Двѣ спутницы (дек., 778).

Кулябко-Корецкій, М. — Македонское движеніе и Болгарія (май, 81).

Лувинскій, М. Ѳ. — Не-судьба, разск. (май. 107).

Ляцкій, Евг.—А. П. Чеховъ и его разсказы (янв., 104). — А. П. Чеховъ, некрол. (авг., 862).—Поѣздка на Печору (нояб., 236; дек., 683).—Новая повѣсть г. Л. Андреева (нояб., 406)

Мандельштамъ, І. Е.—І. Л. Рунебергъ и его поэзія (мартъ, 228).

Марковъ, Влад. — „Не покидай свою обитель", стих. (май, 302).—Сѣверныя ночи, стих. (іюль, 343).

Марковъ, Евгеній.—Въ старыхъ итальянскихъ республикахъ (май, 168).

Михайлова, О. — Стихотворенія: I. Пѣсни въ камышахъ, изъ Ленау. II. Зимней ночью. III. Изъ Лиліенкрона (янв., 328) — Изъ нѣмецкихъ поэтовъ (авг., 467). Пѣсни объ утраченномъ, Эм. Ш. Каролата (нояб., 340).

М. М. — Дополнительные классы въ начальныхъ училищахъ С.-Петербурга и Москвы (апр., 794).—Нужны ли экзамены въ начальныхъ училищахъ (май, 433).

Надинъ, П.—Квантунъ и его прошлое (іюнь, 723).—Китайско-Восточная желѣзная дорога (дек., 593).

Оболенскій, Л. Е.—„Ницшеанцы" о воспитаніи (апр., 832).

Орловъ, Д. П. — По вопросу объ организаціи общественнаго призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ (февр., 797).

П., Н.—Наша финансовая политика и экономическое положеніе деревни (дек., 781).

П., О.—Индивидуализмъ и творчество (янв., 416).

Погодина, В.—Мать и дочь (сент., 126).

Пругавинъ, А.—Цынга и ея жертвы (іюнь, 545.

Пыпинъ, А. Н.—Н. А. Некрасовъ. Обзоръ его литературной дѣятельности (мартъ, 135; апр., 524).

Пятигорскій, Г. — Эмиграція крымскихъ татаръ (іюль, 89).

Раевскій, С. Н.—Наполеонъ III и Дюрюи (іюль, 117).

Рапопортъ, С. И.—Вѣрующій Лондонъ (нояб., 36).

Р., Г.—Глѣбъ Успенскій, какъ публицистъ (дек., 530).

Р., Д.—Землевладѣніе въ Россіи и его судьбы (янв., 345).

Рихтеръ, Дм.—Земская статистика и ея работы (іюль, 315).

Р., С.—Церковная школа въ Англіи (мартъ, 5).

Русовъ, М.—По Галичинѣ (іюнь, 251; іюль, 602).

Свѣтловъ, Вал.—Въ муравейникѣ, ром. (окт., 496; нояб., 186; дек., 457).

Селивановъ, Ар. А.—Діалогъ въ стихахъ. Гюи де Мопассана, съ франц. (іюнь, 492).

Слонимскій, Л. З.—Наши экономическія задачи и крестьянскій вопросъ (янв., 237). — Новѣйшіе противники общины (февр., 756)—„Желтая опасность“ (апр., 762, май, 305). —Мнимые реалисты (окт., 725).

Сухотина-Толстая, Т. Л.—Друзья и гости Ясной-Поляны. I. Николай Николаевичъ Ге (нояб., 5).

Сѣверовъ, Н. — Перепутье, повѣсть (авг., 573).

Тверской, П. А. — Американская „злоба дня“ (окт., 851).

Тотоміанцъ, В. — Задачи городского благоустройства въ зап. Европѣ (янв., 334). Кооперативное производство и его будущее (окт., 706).

Тулубъ, П. А.—Изъ Т. Г. Шевченко (авг., 677).

Тумановъ, М. — А. Н. Радищевъ (февр., 637).

Умановъ-Каплуновскій, В. — Стих.: Побѣги (февр., 704).

Успенскій, М. Н.—Древне-египетское пророчество (сент., 424).

Фаресовъ, А.—Одинъ изъ „семидесятниковъ“ (сент., 225).

Хвостовъ, Н. Б. — Серьги, изъ Франсуа Коппе (янв., 163). — Изъ Франсуа Коппе: I. Сирень; II. Весной на могилѣ (мартъ, 315).—Изъ Франсуа Коппе: I. Маленькіе люди; II. Почти-что, басня (дек., 679).

Цертелевъ, кн. Д. Н.—Изъ Фауста, Гёте, второе дѣйствіе (іюль, 108).

Ч., О.—Владѣтель Толленштейна, разсказъ. Эм. ф. Ш.-Каролатъ, съ нѣм. (дек., 554).

Чижовъ, Н., проф.—Японскій ученый о „правѣ силы“ (сент., 359).

Шенрокъ, Влад. — Спорные вопросы въ біографіи Гоголя (сент., 143; окт., 563).

Шепкевичъ, Л., проф.—Современные испанскіе романисты (сент., 401).—По поводу 600-лѣтняго юбилея Петрарки (нояб., 418).

Щеголевъ, П.—Амалія Ризничъ, въ поэзіи А. С. Пушкина (янв., 305).

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь (стр. 356): — Начало новаго періода преобразованій. — Отношеніе ихъ къ общественному настроенію. — Типичныя черты двухъ главныхъ законопроектовъ.—Составъ губернскихъ совѣщаній.—Способы опроса крестьянъ.—Гласные отъ сельскихъ обществъ и земскіе начальники.—Земскій избирательный цензъ.—Земскія ходатайства.—Датскій законопроетъ, возбуждающій ликованіе реакціонной прессы.—Двѣ правительственныя мѣры. —Февраль (стр. 773): — Именной Высочайшій указъ 8-го января и очеркъ редакціонной коммиссіи по пересмотру постановленій о крестьянахъ. —Кодификація, проектируемая ею.— Возможность другого исхода.—Отзывы печати о составѣ губернскихъ совѣщаній. — Предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству.—Мартъ

(стр. 329): — Война и гражданская жизнь. — Вопросъ о мелкой земской единицѣ и о земскомъ представительствѣ въ московскомъ земскомъ собраніи.—Личныя перемѣны въ высшемъ государственномъ управленіи. — Земская школа и г. Спектаторъ.—Циркуляръ министра юстиціи и рѣшеніе сената. — Статистическія данныя о репрессіи присяжныхъ засѣдателей.— Апрѣль (стр. 777):—Неожиданный юридическій вопросъ. — Что такое правда въ печати?—Предстоящія губернскія совѣщанія. — „Циклопическій“ трудъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ.—Земство и Область Войска Донского.—Новый типъ земскихъ учрежденій.—Нѣсколько словъ о централизаціи.— Post-scriptum. — Май (стр. 324):—Вновь учрежденные совѣтъ и главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. — Мѣстные дѣятели, какъ члены совѣта.—Функціи совѣта. — Законъ о ходатайствахъ уѣздныхъ земскихъ собраній.— Замѣчательный указъ сената.—Школы и предводитель дворянства.—Продовольственное дѣло.—Новый управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія.— Іюнь (стр. 779):—Губернскія совѣщанія по пересмотру законодательства о крестьянахъ. — Возможно ли обсужденіе распоряженій, проистекающихъ изъ дискреціонной власти? —Мнѣнія губернскихъ земствъ о пониженіи земскаго избирательнаго ценза и о преобразованіи земской избирательной системы. — Вопросъ о земельной арендѣ.—Предстоящіе городскіе выборы въ Москвѣ.—Іюль (стр. 345):—Кончина финляндскаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова.— Проектъ положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи: сельскія и земельныя общества, сельскій староста, принудительное раздѣленіе земельныхъ обществъ, права и составъ земельнаго схода; сельскія обязательныя постановленія, волостное общество и всесословная волость, способъ утвержденія должностныхъ лицъ. — Крайности ультра-консерватизма. — Законъ о работѣ въ праздничные дни. —Августъ (стр. 759):—Кончина В. К. фонъ-Плеве. — Значеніе земскихъ учрежденій для провинціальной русской жизни. — Отношенія между губернскими и уѣздными земствами. — Заслуги губернскихъ земствъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія.—Проектъ общеземской школьной выставки въ Москвѣ.—Ю. Бунина.— Сентябрь (стр. 311):—Рожденіе и крещеніе Государя Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича.—Высочайшій манифестъ 11-го августа. — Вновь обнародованные законы: о порядкѣ производства дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ, о дополненіяхъ къ положенію 12-го іюля 1889-го года, о Совѣтѣ по дѣламъ горнопромышленности, о пятидесятиверстной пограничной полосѣ.—Новыя теченія въ судебномъ мірѣ.—Нѣсколько словъ о губернскихъ совѣщаніяхъ. —Мнѣніе генералъ-губернатора о земскихъ учрежденіяхъ.—Октябрь (стр. 771): — Перемѣна въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Обзоры трудовъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. — Редакціонная комиссія по крестьянскому дѣлу и волостной судъ.—Мѣстные комитеты и крестьянскій правопорядокъ. — Именной Высочайшій указъ 11-го августа.—Еще новелла о земскихъ начальникахъ.— Московское совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ.—Волынская земская смѣта.—Ноябрь (стр. 345):—Высочайшій указъ и инструкція 22-го сентября.—Необходимость пересмотра „временныхъ“ правилъ, дѣйствующихъ около четверти вѣка.—Совершилась ли перемѣна въ настроеніи правящихъ сферъ?—Дальнѣйшее направленіе работъ губернскихъ совѣщаній.—Проектъ волостного устава о наказаніяхъ.—Раціональные предѣлы карательной власти волостного (всесословнаго) суда. — Сессія уѣздныхъ

земскихъ собраній.—„Туберкулезное" земство. — Общеземская организація. — Н. П. Семеновъ †. — Декабрь (стр. 798): — Періодическая печать, какъ политическій барометръ.—Общество и народъ.—Что называютъ иногда „правами" крестьянства? — Записка кн. А. И. Васильчикова. — Проектъ сельскаго устава о договорахъ.—Интересное мнѣніе и характерные факты. — Вопросъ объ условномъ осужденіи.

II. Иностранное Обозрѣніе. —Январь (стр. 378): — Политическія событія истекшаго года.—Роль Японіи, какъ великой державы.—Восточно-азіатскій кризисъ. — Македонскій вопросъ и балканскія государства. — Политическія дѣла Австро-Венгріи, Германіи, Франціи и Англіи. — Февраль (стр. 817):—Положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.—Односторонность газетныхъ свѣдѣній и телеграммъ.—Особенности русско-японскаго кризиса. — Политическія дѣла въ Германіи: прусское офицерство и возстаніе противъ нѣмцевъ въ южной Африкѣ.—Успѣхи Чемберлена въ Англіи. — Гербертъ Спенсеръ о Японіи. —Мартъ (стр. 345): — Война на Дальнемъ Востокѣ.—Правительственныя сообщенія и оффиціальные акты по поводу русско-японской войны. — Возможныя дипломатическія погрѣшности.—Вопросы о нарушеніяхъ международнаго права. — Нейтральныя державы и общее политическое положеніе.—Апрѣль (стр. 800): — Вопросъ о продолжительности войны и о будущемъ мирѣ. — Военное занятіе Кореи и фиктивный договоръ между двумя „императорскими правительствами". — Тревожное настроеніе въ Европѣ.—Переговоры объ англо-французскомъ соглашеніи и китайскій нейтралитетъ.—Парламентскіе споры во Франціи.—(Май, стр. 355): — Морская война на Дальнемъ Востокѣ.—Гибель „Петропавловска".—Трагическія ошибки и столкновенія.—Спорный вопросъ о броненосцахъ.—Полемика о мнимыхъ демонстраціяхъ въ Вѣнѣ.—Циркулярная нота по поводу толковъ о посредничествѣ.—Ошибочныя надежды.—Англо-французское соглашеніе и франко-итальянская дружба.—Іюнь (стр. 792): — Военныя событія въ Манчжуріи.—Общее международное положеніе въ Европѣ. — Политическія дѣла въ Австро-Венгріи и Германіи.—Разрывъ между Ватиканомъ и французскимъ правительствомъ. — Іюль (стр. 361): — Событія на Дальнемъ Востокѣ.—Замѣчанія М. И. Драгомирова о дѣйствіяхъ японской арміи.—Особенности настоящей войны и сужденія иностранной печати.—Неудачные проекты будущаго русско-японскаго мира.—Балканскія дѣла.— Августъ (стр. 792): — Событія на Дальнемъ Востокѣ.—Дѣйствія владивостокской эскадры.—Опытъ крейсерства на Красномъ морѣ.—Побѣдители и побѣжденные въ Трансваалѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Сентябрь (стр. 345): — Положеніе дѣлъ на театрѣ войны. — Крейсерство и его результаты.—Событія на морѣ и на сушѣ. — Толки о будущемъ мирѣ.— Отношенія иностранныхъ націй къ Россіи.—Британская экспедиція въ Тибетъ.—Октябрь (стр. 791):—Результаты послѣднихъ событій на театрѣ войны.—Оффиціальный отчетъ о ляоянскомъ болѣ.—Газетныя у насъ фантазіи и реальные факты.—Новая наша армія въ Манчжуріи. — Ноябрь (стр. 364):—Германскій императоръ и княжество Липпе-Детмольдъ.—Монархическія чувства и идеи въ Германіи.—Печальный инцидентъ съ нашей балтійской эскадрой. — Русско-британскій трехдневный конфликтъ. —Положеніе дѣлъ на театрѣ войны съ Японіей.—Британская предпріимчивость и англо-тибетскій договоръ.— Декабрь (стр. 817): — Парламентская дѣятельность во Франціи.—Споры о клерикализмѣ и о доносахъ на

армію. — Обличительные защитники министерства Комба. — Нападеніе на генерала Андрé. — Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи. — Президентскіе выборы и внѣшняя политика. Положеніе дѣлъ на театрѣ войны съ Японіею.

III. Литературное Обозрѣніе.—Январь (стр. 391):—I. Великій князь Николай Михайловичъ, Графъ П. А. Строгановъ, т. III.—А. П.—II. К. Бальмонтъ, „Будемъ какъ солнце".—III. Г. Хохловъ, Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство".—IV. К. І. Храневичъ, Очерки новѣйшей польской литературы.—V. Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, вып. 1.—Евг. Л.—Новыя книги и брошюры.—Февраль (стр. 828):—I. Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга первая.—II. Е. Шмурло, Собраніе документовъ къ исторіи царствованія Петра В.—III. Архивъ граф. Мордвиновыхъ, т. VII-X.—IV. Исторія Кавалергардовъ. томы II и III, С. Панчулидзева.—А. П.—V. В. Ѳ. Боцяновскій, кн. Н. Д. Урусовъ и Ст. Сухановъ — о Леонидѣ Андреевѣ.—VI. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые, В. П. Батуринскаго.—VII. Бѣлоруссы, Е. Ѳ. Карскаго.—VIII. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговоровъ, І. И. Иллюстрова.—IX. Царь Іоаннъ Грозный, историческая хроника Л. Жданова.—Евг. Л.—X. Мелкая земская единица, сборникъ статей, вып. 2. М. Г-анъ.—Новыя книги и брошюры.—Мартъ (стр. 361):—I. Религіозные отщепенцы, А. С. Пругавина.—А. П.—II. Философія и ея общія задачи. Н. Я. Грота.—III. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи, Н. М. Соколова.—IV. „Urbi et Orbi", Вал. Брюсова.—Евг. Л.—V. Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими за 1901 г.—VI. А. Веберъ, Ростъ городовъ; Э. Вандервельде, Бѣгство изъ деревни.—В. В.—VII. Государственный строй и политическія партіи въ зап. Европѣ и Америкѣ.—VIII. Вопросы мѣстнаго управленія, В. Гессена.—IX. Ив. Страховскій, Крестьянскія права и учрежденія.—М. Г-анъ.—Новыя книги и брошюры.—Апрѣль (стр. 811):—I. Барсуковъ, Н., Жизнь и труды Погодина, кн. 18.—II. Ѳ. Зѣлинскій, Древній міръ и мы.—III. Каллашъ, Puschkiniana.—Модзалевскій, Б. А., Пушкинъ и его современники.—Евг. Л.—IV. Періодическая печать на Западѣ.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Май (стр. 368).—Записки кн. М. Н. Волконской.—А. П.—II. Прялка тумановъ, посмертные разсказы Ж. Роденбаха, въ перев. М. Веселовской.—Р.—III. Статистика выхода рабочихъ за границу съ 1900 по 1903 г.—В. В.—IV. „Къ свѣту", сборникъ п. р. Ек. П. Лѣтковой и Ѳ. Батюшкова.—V. Ив. Ив. Бецкой, П. М. Майкова.—VI. Главные дѣятели освобожденія крестьянъ, п. р. С. Венгерова.—VII. На далекій сѣверъ, И. Акифьева.—VIII. У вогуловъ, К. Носилова. Русская Лапландія и русскіе лопари, Вл. Львова.—Евг. Л.—Новыя книги и брошюры.—Іюнь (стр. 806):—I. А. Н. Куломзинъ, Доступность начальной школы въ Россіи.—А. П.—II. В. Линдъ, Учить ли мужика или у него учиться?—Р.—III. Модестовъ, В. И., Введеніе въ римскую исторію.—IV. Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова.—V. Личковъ, Л., Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.—VI. Л. Г., Иностранная критика о Горькомъ.—Евг. Л.—VII. Алланъ Кларкъ. Фабричная жизнь въ Англіи, перев. А. Коншинъ.—VIII. А. Ф. Никитинъ, Очеркъ санитарно-экономическаго положенія грузчиковъ на Волгѣ.—В. В.—IX. Китай или мы.—А.—Новыя книги и брошюры.—Іюль (стр. 377):—I. Утвержденная грамота объ избраніи

на московское государство Михаила Ѳедоровича Романова.—II. А. И. Фаресовъ, „Противъ теченій“: Н. С. Лѣсковъ, его жизнь, сочиненія и т. д.—III. М. Лемке, Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики.—Его же. Эпоха цензурныхъ реформъ.—А. П.—IV. В. Зомбартъ, Современный капитализмъ, т. I, вып. 1 и 2.—В. В.—V. Вересаевъ. В., Разсказы. Воцяновскій, В. Ѳ., В. В. Вересаевъ.—Евг. Л.—Новыя книги и брошюры.—Августъ (стр. 798):—I. Курсъ русской исторіи, проф. В. Ключевскаго, ч. I.—А. Н. Пыпина.—II. Г. Б. Іоллосъ. Письма изъ Берлина.—К. А.—III. Веселовскій, А. Н., акад. В. А. Жуковскій, Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія“.—IV. Уткинскій сборникъ, I.—V. Стихотворенія Н. П. Огарева, т. I.—VI. Петровъ, Г. С., священникъ, Война и миръ. Кн. Эсперъ Ухтомскій, Передъ грознымъ будущимъ. Іеромонахъ Михаилъ, Письма о войнѣ.—VII. Д. И. Подшиваловъ, Воспоминанія кавалергарда.—Евг. Л.—Новыя книги и брошюры.—Сентябрь (стр. 370): — I. А. С. Пругавинъ, Старообрядчество во второй половинѣ XIX в.—А. П.—II. Очерки реалистическаго міровоззрѣнія, сборникъ статей.—III. Паульсенъ, Фр., Германскіе университеты.—IV. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. VII.—Венгеровъ, С. А., Критико-біографическій словарь, т. VI.—Евг. Л.—V. Е. Г. Воблый, Заатлантическая эмиграція, ея причины и слѣдствія.—II. Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1901 г.—VII. Проф. И. Х. Озеровъ. Очерки экономической жизни Россіи и Запада.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Октябрь (стр. 798): — I. М. Лемке Ник. Мих. Ядринцевъ.—А. П.—II. Б. Богучарскій, Изъ прошлаго русскаго общества.—III. Астонъ, В., Исторія японской литературы.—IV. С. Панчулидзевъ, Сборникъ біографій кавалергардовъ.—V. Марковъ, Евг., Очерки Кавказа.—VI. Вёрманъ, К. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ, перев. А. И. Сомова.—Евг. Л.—VII. Каутскій, К., Торговые договоры и торговая политика.—VIII. Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 г.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Ноябрь (стр. 379):—I. Архангельскія былины и историческія пѣсни, собр. А. Д. Григорьевымъ, т. I.—II. Опытъ Россійской библіографіи В. С. Сопикова, п. р. В. Н. Рогожина.—III. Н. К. Михайловскій, Отклики, т. I и II.—Евг. Л.—IV. Энциклопедія банковскаго дѣла, составл. А. Залшупинымъ и М. Гессеномъ.—V. І. Шиёле, Соціаль-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи.—В. В.—VI. Устои народнаго хозяйства въ Россіи, В. Гурко.—А. Лотоцкаго.—Новыя книги и брошюры.—Декабрь (стр. 834):—I. Н. Рожковъ, Обзоръ русской исторіи; Учебникъ русской исторіи; Городъ и деревня въ русской исторіи.—А. П.—II. Великорусскія пѣсни, записанныя Е. Линевой.—III. Гете, „Фаустъ“, траг., въ перев. П. Вейнберга.—IV. Эструпъ, І., Изслѣдованіе о „1001 ночи“.—V. Пермскій научно-промышленный музей.—VI. Русскія повѣсти XVII и XVIII вв., п. р. В. Сиповскаго.—VII. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, Н. Булича.—Евг. Л.—VIII. Кофодъ, Опыты самостоятельнаго перехода крестьянъ къ хозяйству на отрубныхъ участкахъ.—IX. Кустарные промыслы въ Ярославской губерніи.—В. В.—Руководство для чиновъ уѣздной полицейской стражи и конно-полиц. командъ, сост. Н. Арефа.—Новыя книги и брошюры.

IV. Новости Иностранной Литературы.—Январь (стр. 422):—I. Maeterlinck, Joyzelle, pièce en 5 actes.—II. Henri de Regnier, Les Vacances d'un jeune homme sage.—3. В.—Февраль (стр. 860):

—Frank Wedekind, „Erdgeist", Drama.—3. B.—Мартъ (стр. 403):—I. Jules Renard, Comédies.—II. G. Freiherr v. Ompteda, „Nerven". Novellen.—3. B.—Апрѣль (стр. 848):—I. Arthur Schnitzler, Der einsame Weg. Schauspiel.—II. Rachilde, Le Dessous, roman.—3. B.—Май (стр. 406):—I. L. Grapallo, Autori italiani d'oggi.—II. M. Tinayre. „La vie amoureuse de François Barbazanges".—3. B.—Іюнь (стр. 846):—I. Gabriele d'Annunzio, La Figlia di Iorio, trag. pastorale.—II. Camille Mauclaire. La Ville-Lumière, roman contemporain.—3. B.—Іюль (стр. 403):—I. Anatole France, Crainquebille, Putois, Riquet et plusieurs autres recits profitables.—II. Hermann Bahr. Der Meister, Komödie.—3. B.—Августъ (стр. 850):—I. Octave Mirbeau. Eorces et moralités.—II. Maurice Maeterlinck. Le double jardin.—3. B.—Сентябрь (стр. 417):—Paul Ernst, Henrik Ibsen (серія „Die Dichtung").—Октябрь (стр. 825):—I. Jules Bois, Hippolyte couronné, drame.—II. Frank Wedekind, Hidalla, Schauspiel.—3. B.—III. Gustav Schmoller, Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre.—Г. Шваттау.—Ноябрь (стр. 426):—Fél. Champsaur, L'Orgie Latine.—II. Rudolf Lothar. Ein Maskenspiel.—3. B.—Декабрь (стр. 865):—I. Arth. Schnitzler, Die griechische Tänzerin.—II. Arth. Luther: Byron, Heine, Leopardi.—3. B.—III. Eugène de Roberty. Nouveau programme de sociologie.—Л. С.

V. Изъ Общественной Хроники.—Январь (стр. 435):—Предстоящее открытіе новой с.-петербургской городской думы.—Вѣроятный исходъ выборовъ на городскія должности.—Настоящая и будущая группировка гласныхъ.—Дѣленіе избирателей на разряды и на участки.—Тверское губернское земство въ его отношеніяхъ къ уѣздному.—На чьей сторонѣ справедливость и забота о народномъ благѣ?—В. Н. Герардъ и А. В. Кириковъ †.—Февраль (стр. 871):—Первыя засѣданія новой спб. городской думы.—Организація группъ, выразившаяся въ выборахъ.—Увеличеніе содержанія городскимъ должностнымъ лицамъ.—Вопросъ о партійной дисциплинѣ.—„Харьковскія Губернскія Вѣдомости" и харьковская городская дума.—Инцидентъ въ Севастополѣ.—Изъ міра печати.—Мартъ (стр. 418):—Общественныя настроенія во время двухъ послѣднихъ войнъ и въ началѣ войны съ Японіею.—Печальные диссонансы и легкомысленное обращеніе съ исторіей.—„Просвѣтительная" дѣятельность земства.—Соперничество между школами.—Н. К. Михайловскій, В. Н. Чичеринъ, П. С. Ванновскій †.—Postscriptum.—Апрѣль (стр. 864):—Первые шаги обновленной с.-петербургской городской думы, какъ указаніе на недостатки послѣдней городской реформы.—„Сердечность", образованіе и педагогическій опытъ.—Сенатъ передъ судомъ „Гражданина".—Легкомысленныя обвиненія.—Д. Н. Набоковъ †.—Май (стр. 426):—Противоположность общественныхъ теченій.—Дворянство и земство въ борьбѣ съ послѣдствіями войны.—Инцидентъ въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.—Крупицы правды, находимыя въ кучахъ неправды.—Своеобразная проповѣдь строгости.—Спорный вопросъ.—А. И. Поповицкій и Е. А. Осиповъ †.—Іюнь (стр. 861):—Общественная дисциплина и общественная инціатива.—Ограниченія и самоограниченія.—Первое полугодіе засѣданій новой спб. городской думы: медленность движенія городскихъ дѣлъ; неправильность производства сверхсмѣтныхъ расходовъ; неудовлетворительность составленія докладовъ управою; необезпеченное положеніе город-

ских служащих; неправильности въ способѣ баллотировокъ. — Предсѣдатель думы и предсѣдатель управы, онъ же и городской голова.—Вопросъ объ участіи дѣтей въ сценическихъ представленіяхъ.—Іюль (стр. 417):—Учебный планъ гимназій на 1904—1905 годъ.— Ретроспективныя нападенія. — Рѣчь попечителя оренбургскаго учебнаго округа. —Неудача просвѣтительныхъ начинаній въ черниговской губерніи и успѣхъ ихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Еще объ общеземской организаціи.—„Телеграмма съ душкомъ“.— Симпатичные проекты и несимпатичная оппозиція.—В. Д. Спасовичъ и „Русскій Вѣстникъ“.—Письмо бывшаго предсѣдателя новоторжской уѣздной земской управы.— Августъ (стр. 871):—По поводу начала второго полугодія новой думы, и замѣтка о „спорныхъ“ въ ней вопросахъ гл. М. В. Красовскаго. — Двадцатьпять лѣтъ веденія городомъ начальнаго образованія и общіе результаты того. — Четырехклассныя училища, впервые основанныя городомъ, и встрѣчаемыя препятствія къ дальнѣйшему ихъ развитію.—Городскіе училищные дома и задержка въ ихъ постройкѣ.— По поводу „Предварительнаго сообщенія орѳографической подкомиссіи“, и отзывъ академика Ягича о реформѣ русскаго правописанія.—Споры о „неудачной“ продажѣ права собственности на сочиненія А. П. Чехова.— Сентябрь (стр. 431): — Новѣйшая вариація на темы: „слово и дѣло“, „подпольные и надпольные“. — Проповѣдь „усиленной репрессіи“, уголовной и всякой другой.—Разногласіе между органами реакціонной прессы.—Вопросъ о „кабинетѣ“.—Отношеніе печати къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.—Психологія особаго рода. —Отвѣтъ „Русскому Богатству“.— Октябрь (863):—Періодъ ожиданій, наступившій для русскаго общества.— Законность, какъ желанное благо и необходимое условіе развитія. — Законъ и дискреціонная власть.—Форма и содержаніе.—Два противоположныя теченія.— Недоказанное обвиненіе.— Тенденція или случайность?—Отвѣтъ на возраженіе.—Ноябрь (стр. 442): —Когда была у насъ „вторая весна“? —Стремленія, вызванныя къ жизни этою весной. — Намѣренное смѣшеніе понятій. — Мнимые союзники японцевъ.— Воззваніе къ дворянству. — Нѣкоторыя черты прошедшаго и настоящаго. — Гомельскій процессъ и еврейскіе погромы.— Особый родъ обвиненій въ харьковскомъ журналѣ „Мирный Трудъ“.—К. К. Случевскій; гр. П. А. Капнистъ †. — Декабрь (стр. 880):— Сорокалѣтіе судебныхъ уставовъ. — Столкновеніе двухъ противоположныхъ теченій.—Результаты временной перемѣны въ положеніи печати.—Общественное значеніе одного ничтожнаго, повидимому, процесса.— Изъ недавняго прошлаго.—Новые органы печати. — Нѣсколько словъ о вѣротерпимости.—Вопросъ объ исполнительныхъ коммиссіяхъ въ с.-петербургской городской думѣ. — Борьба училищной коммиссіи съ администраціей въ берлинской городской думѣ.— Н. Ѳ. Бунаковъ и В. Г. Берештамъ †.

VI. Библіографическій Листокъ. — Январь. — Градовскій, А. Д., Собраніе сочиненій, т. IX, ч. III: Органы мѣстнаго управленія.— Большой Всемірный настольный Атласъ Маркса, п. р. Э. Петри, вып. 1-й. — Пругавинъ, А. С., Религіозные отщепенцы.—Всемірные свѣточи. Шекспиръ и его время, состав. М. Гранстремъ.— Шерадамъ, А., Европа и австрійскій вопросъ.—Февраль:—Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, т. II.— Ив. Страховскій, Крестьянскія права и учрежденія. — К. Каутскій, Торговые договоры и торговая политика.— Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго, т. I.—И. Н. Потапенко, Сочиненія, т. I. — Полное собраніе сочиненій Г. Ибсена, т. V.—Мартъ:—

Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. XVIII. — Мушкетовъ, И. В., Физическая Геологія, т. II, вып. 1.—Русскій Біографическій Словарь. — Лукрецій Каръ, „О природѣ вещей", перев. И. Рачинскаго.—Основныя начала финансовой науки, Ив. Янжула.—Американская школа, Екат. Янжулъ.—Апрѣль: — С. Саблеръ и И. Сосновскій, Сибирская желѣзная дорога. Очеркъ, составл. п. р. А. Н. Куломзина.—Эллада, В. Вегнера, перев. П. Евстафьева, п. р. В. И. Модестова.—Ив. Ал. Гончаровъ, критическіе очерки, Евг. Ляцкаго. — Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи, К. Елпатьевскаго.—Азія, сборникъ, составл. А. Крубероиъ и др.—Eugen Zabel, Auf der Sibirischen Bahn nach China.—Май: — Шереметевъ, гр. П., Памяти Б. Н. Чичерина. — Наша война съ Японіей, М. Ребакина.—Барсуковъ, Ал., Родъ Шереметевыхъ, кн. 8.—А. Ѳ. Кони, Ѳедоръ Гаазъ.—Проказа, д-ра Д. Рѣшетилло.—Іюнь:—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Земство и деревня, 1878—1903 г.—Г. Б. Іоллосъ, Письма изъ Берлина.—Вольфгангъ Гёте, Фаустъ, траг., перев. въ прозѣ П. И. Вейнберга.—Гр. де Ла-Бартъ, Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства, ч. I: Средніе вѣка и Возрожденіе. — Б. Брандтъ, Торгово-промышленный кризисъ въ з. Европѣ и въ Россіи, ч. II.—Іюль:—В. А. Арцимовичъ. Воспоминанія и характеристики.—Костомаровъ, Н. И., Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 3-я: т.т. VII и VIII. — Богуславскій, Н. Д. Японія, военно-топографическое и статист. обозрѣніе. — Новая карта военныхъ дѣйствій: Маньчжурія и Корея. изд. А. Ф. Маркса.—Августъ: — Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева, т.т. III и IV.—В. В. Корсаковъ. Въ старомъ Пекинѣ, очерки изъ жизни въ Китаѣ.—Душа Дальняго Востока, соч. П. Лоуэль, перев. съ англ. кн. А. О.—А. Г., Наши задачи на Востокѣ.—Астонъ, В. Г. Исторія японской литературы —Сентябрь: — С. Кузминъ. Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей.—Саратъ Чандра Дасъ. Путешествіе въ Тибетъ, перев. съ англ. подъ ред. Вл. Котвича.—И. И. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка. — В. Я. Стоюнинъ. О преподаваніи русской литературы.—Октябрь:—Бородкинъ. М., Война 1854 — 55 г.г. на финскомъ побережьѣ.—Будиловичъ, А. С., Академія наукъ и реформа русскаго правописанія.—Новиковъ, А., Записки о городскомъ самоуправленіи. — Гуляевъ, А. М., проф., Вопросы частнаго права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ.—Куно Франке, исторія нѣмецкой литературы съ V в. до настоящаго времени, перев. съ англ. П. Батинъ.—Ноябрь:—Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, кн. IV: Богданъ Хмельницкій. — Ѳ. Зѣлинскій. Изъ жизни идей.—Нужды деревни по работамъ Комитетовъ о нуждахъ сельско-хоз. промышленности.—Пиленова. Э., Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи.— Задачи Петербурга, А. Никитина. — Декабрь: — Путеводитель по г. Вильнѣ и его окрестностямъ, А. А. Виноградова.—Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ Архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи, п. р. Н. Дубровина, вып. XII.—Н. А. Некрасовъ, Н. А. Пыпина.—П. Брюнелли, Легенды и настроенія.

VII. Извѣщенія.—Отъ Врачебно-Педагогическаго Института для отсталыхъ и неуспѣвающихъ дѣтей (февр., 885; мартъ, 432; окт.,—876).—Изъ доклада коммиссіи Краснаго Креста (іюнь. 876).—Отъ Комитета по организаціи высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани (іюль, 434; авг., 892).—Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени А. С. Воронова (іюль, 435; авг., 893; сент., 443; окт., 876; нояб., 455; дек., 906).

1905 г.

Акты, относящіеся къ памятнымъ октябрьскимъ днямъ (нояб., 342).

Арсеньевъ, К. К., и Стасюлевичъ, М. М. — Записка 14 редакцій и отвѣтъ на нее двухъ членовъ Особаго Совѣщанія по дѣламъ печати (мартъ, 372).

Б—на, В. И.—Махровые лепестки, пов. (окт. 480; нояб., 53).

Боворыкинъ, П. Д.—Минотавръ, пов. (янв., 49).

Бѣлоусовъ, Ив.—Изъ Конопницкой, стих., въ перев. (янв., 349).

Васюковъ, С. — Русская община на Кавказско-Черноморскомъ побережьѣ (дек., 560).

В., З.—Строитель, ром. съ нѣм. (янв., 212; февр., 640). Женщина съ вѣеромъ, ром., съ англ. (мартъ, 190; апр., 643; май, 198). Пламенныя души, ром., съ нѣм. (іюнь, 637; іюль, 185; авг. 638). „Одержимые", эскизъ по ром. „Les Obsédés" (сент., 155). Черная змѣя, ром. Le Serpent noir (окт., 630; нояб., 229; дек., 649).

Весловскій, Алексѣй. —Этюды о байронизмѣ. Ч. I: Западныя литературы (янв., 261). Ч. II: Польская литература (апр., 695). Ч. III: Русская литература (нояб., 174).

Воронцовъ, Ѳ. Ѳ.—Крестьянскій банкъ и его начало. Изъ личныхъ воспоминаній (дек., 507).

Газенкампфъ, М. А.—Мой дневникъ на войнѣ 1877 — 78 гг. — 1877-й годъ (апр., 457; май. 5; іюнь; 449; іюль, 43; авг., 433: сент., 5).

Гайдебуровъ, П. П.—„Я вѣрю", стих. (февр., 807).

Георгіевскій, Г.—Гоголь въ Оптиной пустынѣ (дек., 710).

Герье, В. И.—Августинъ въ исторіи монашества и аскетизма (янв., 5; февр., 551). Изъ прошлаго конституціонныхъ вопросовъ. О народничествѣ (май, 371). По поводу государственныхъ выборовъ (окт., 846). Христіанскій епископъ на границѣ IV—V вѣковъ (нояб., 5; дек., 603).

Государственные акты 6-го августа (сент., 320).

Гутьяръ, Н.—Творчество И. С. Тургенева, процессъ его и пріемы (окт., 681).

Дмитріева, В. І.—Филиппъ Ивановичъ Касаткинъ, пов. (дек., 457).

Друцкой-Сокольнинскій, кн. Дм.—Крестьянское дѣло. Письмо въ Редакцію (іюнь, 855). Изъ деревни (дек., 763).

Дусинскій, Ив.—По поводу статьи Поля Гиро: „О римскомъ имперіализмѣ" (сент., 411).

Жемчужниковъ, А. М.—Скерцо на гражданскіе мотивы (окт., 731).

Захарьинъ, Ив. (Якунинъ).—Графиня А. А. Толстая (апр., 615).

Зѣлинскій, Ѳ. Ф.—Гермесъ-Три жды-Великій, „Соперникъ Христіанства" (февр., 696; мартъ, 244).

Ивановскій. В. В.—Совѣщательное народное представительство (сент., 207).

Игуминовъ, С.—Земская медицина (авг., 769).

Катаевъ, Н.—Народная бѣдность и ея причины" (сент., 266).

К—е, А.—Первый кліентъ, разсказъ (іюль, 88).

Клименцъ, Дм. — Замѣтка (дек., 851).

Костылевъ, Н.—Народное просвѣщеніе и католическая реакція во Франціи (іюль, 5).

Краснопѣровъ, И.—Отрывки изъ воспоминаній. Шестидесятые годы (дек., 584).

Крюковъ, Н. А. — Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ. По личнымъ наблюденіямъ (мартъ, 318).

Кулявко-Корецкій, Н. — Первый шагъ рабочаго законодательства въ Болгаріи (апр., 814).

Л., Евг.—По поводу книги г. Аничкова: „Литературные образы и мнѣнія“ (янв., 419).

Левединъ, Б. — Изъ „Разсказовъ прапорщика Столя“, І. Л. Рунеберга. Съ швед. (іюнь, 558).

Лубинскій, М. Ѳ. — „Вѣрный путь“, разск. (авг., 498; сент. 45).

Ляцкій, Евг. А. — Въ звѣздную ночь. Изъ поѣздки въ Полѣсье (іюнь, 533).

Мартенсъ, Ѳ. Ѳ. — Александръ I и Наполеонъ I. Послѣдніе годы ихъ дружбы и союза (февр., 609; мартъ, 110; апр., 562).

Межериверъ, П.—„Теракоя“ или „Деревенская школа“. Японская драма (авг., 578).

Миличъ, Е. М.—Изъ Виктора Гюго: I-III (янв., 172). I. Въ неволѣ; II. Глубокою зимой, стих. (февр., 607).

Надинъ, Н. — Пятидесятилѣтіе Амурскаго края (май, 166; іюнь, 496).

Некрологъ.—А. Н. Пыпинъ (янв., 444).

Никольскій, Викторъ.—Мѣдный бунтъ. Іюль, 1662 года. Истор. разсказъ (іюнь, 601).

Никольскій, Д. П.—Русскій рабочій по отчетамъ фабричной инспекціи (сент., 285).

Новиковъ, А.—По совѣсти, ром. (февр., 510; мартъ, 59; апр., 506; май, 106).

Оболенскій, Л. Е. — Габріель Тардъ и его соціологическая и философская система (авг., 605; сент., 124). Изъ поѣздки въ Саровъ (окт., 588; нояб., 94).

Осиповъ, И.—Избирательное право въ германской имперіи и въ отдѣльныхъ ея государствахъ (іюнь, 567).

Погодина, В.—Музыкальная барышня, пов. (нояб., 112).

Пустовойтенко. Кс.—Встрѣчи, пов. (сент. 95).

Пыпинъ, А. Н. — Мои замѣтки. Лѣто 1900 г.—Іюнь 1904 г. (февр., 469; мартъ, 5).

Радловъ, Э.—Мистицизмъ Вл. С. Соловьева (нояб., 281).

Рускинъ, Л. — Пасха на Капри (окт., 517).

Сер—вичъ, В. И. — Германскіе университеты и наши (май, 55).

Слонимскій, Л. З. — Тяжелые уроки (мартъ, 341). О современномъ кризисѣ (іюнь, 754). Бюрократія и народное представительство (сент., 310). Народное представительство и правовой порядокъ (окт., 736).

Тверской, П. А.—Президентъ Рузевельтъ и внутренняя его политика (іюль, 283).

Тепляковъ, В.—Записки о Сиріи и Палестинѣ (окт., 448).

Тернеръ, Ѳ. Г. — Дворянство и землевладѣніе (авг., 470; сент., 67).

Толстая, гр. А. А. — Поля. Изъ воспоминаній орловскаго помѣщика М. И. Пущинскаго (окт., 559).

Толстой, гр. А. К. — Дневникъ: 1831 годъ (янв., 143). Изъ дружеской его переписки: I. Письма Ивана Аксакова. II. Письма гр. Влад. Соллогуба (окт., 441).

Тотоміанцъ, В. Ѳ.—Кооперативное движеніе въ Россіи, по „Трудамъ мѣстныхъ комитетовъ“ (іюнь, 684).

Тумановъ, Г. М.—Итоги недав-

няго кавказскаго управленія (февр. 826).

Ч., О.—Гражданская смерть, разск., съ нѣм. (янв., 312). На вѣткѣ, ром., съ франц. (февр., 726; мартъ, 272). Два Эрота, эск. съ франц. (апр., 731). Маркизъ-философъ, съ франц. (май, 292; іюнь, 710). Дж. Тальботъ изъ Санта-Урсулы (іюль, 258). Искатели клада, ром., съ англ. (авг., 707); сент., 222). Въ розовомъ цвѣтѣ, разск. W. Weigand (окт., 699). Царекъ, разск. G. Atherton (нояб., 295). Жатва, ром. Freiin v. Bülow (дек., 719).

Чарушинъ, Л. — Переселенческое дѣло въ Россіи (іюль, 139; авг., 529).

Шепкевичъ, Л. Ю.—Трехсотлѣтіе „Донъ Кихота" (май, 328). Хозе́ де Перэда (нояб., 319).

Юнге, Ек. Ѳ.—Изъ моихъ воспоминаній. 1843—1860 гг. (февр., 767; мартъ, 138; апр., 763; май, 256).

Яроцкій, Александръ. — Природа человѣка по Мечникову (іюль, 235).

Ярошевичъ, Д. О.—Наше земство и экономическія его предпріятія (іюль, 312).

Эриксонъ, Э. В.—Китайцы какъ самостоятельная раса. По личнымъ наблюденіямъ (янв., 174).

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Январь (стр. 352):—Именной Высочайшій указъ 12-го декабря.—„Правительственное сообщеніе". — Записка С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу.—Тревога, возбужденная ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати.—„Духъ сословности" и имимо-сословная льгота.—Проектъ сельскаго устава о наслѣдованіи.—Реформа губернскаго управленія.—Письмо къ редактору Н. А. Зиновьева.—А. А. Кирпичъ †.—Февраль (стр. 808):—Правительственныя сообщенія о событіяхъ 9-го и 10-го января.—Учрежденіе с.-петербургскаго генералъ-губернаторства.—Объявленіе министра финансовъ и спб. генералъ-губернатора. — Пріемъ Государемъ Императоромъ рабочихъ въ Царскомъ Селѣ. — Телеграммы „Agence latine". — Неразрѣшенныя недоумѣнія. — Комитетъ министровъ объ усиленной охранѣ.—Рабочій вопросъ, какъ часть общаго вопроса о будущемъ Россіи.—Порядокъ осуществленія указа 12-го декабря.—Земскія и дворянскія собранія.—Отставка кн. Святополкъ-Мирскаго. — Мартъ (стр. 353):—Высочайшій манифестъ 4-го февраля.—„Политика довѣрія" и „политика порядка". — Газетный призывъ къ репрессіямъ и казнямъ.—Мнимыя послѣдствія „уступокъ".—Мнимо-счастливая эпоха.—Идея земскаго собора; ея несвоевременность или своевременность, неосуществимость или осуществимость.—Положенія комитета министровъ по вопросамъ о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, о печати, о вѣротерпимости. — Комиссія Н. В. Шидловскаго.—Записки по рабочему вопросу.—Апрѣль (стр. 795):—Главный вопросъ дня. — Составъ и задача совѣщанія, образованнаго на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля.—Различные взгляды на способъ организаціи перваго представительнаго собранія: проекты барона П. Л. Корфа, г. Н. З. и В. Д. Кузьмина-Караваева.—Переходный порядокъ или сразу всеобщая, равная и прямая подача голосовъ? — Будущая судьба фабричной инспекціи.—Законопроектъ по рабочему вопросу.—Май (стр. 341):—Упраздненіе Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Историческая параллель.—Совѣщаніе И. Л. Горемыкина и вѣроятная судьба крестьянскаго вопроса.—Оригинальная централизація.—Новые

проекты организаціи народнаго представительства. — Можно ли считать всеобщую и прямую подачу голосовъ политическою панацеей? — Необходимость безотлагательнаго осуществленія Высочайшаго рескрипта 18-го февраля.—Іюнь (стр. 772):—Перемѣна къ лучшему въ положеніи польско-литовскаго населенія Западнаго края. —Упраздненіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.— Совѣщаніе по аграрнымъ вопросамъ.— Мнѣніе М. М. Ковалевскаго о прямыхъ выборахъ и объ ограниченіяхъ избирательнаго права.—Профессоръ Ивановскій о всеобщей подачѣ голосовъ. — Псковское чрезвычайное губернское земское собраніе и совѣщаніе гофмейстера Булыгина.—Странныя противорѣчія.— Іюль (стр. 332):—Историческій день 6-го іюня.—Рѣчь кн. С. Н. Трубецкого и комментаріи къ ней.—Рефератъ П. А. Некрасова о „Новой Палатѣ“.—Финляндія и государственная дума.—Министерство полиціи. — Характерное дѣло. — „Московская Недѣля“ и тульская брошюра.—Послѣднія положенія комитета министровъ.— Августъ (стр. 748): — Высочайшіе пріемы 18-го и 21-го іюня. — Рѣчи членовъ „отечественнаго союза; „бытовыя группы“ и „преобладающій голосъ“.—Основныя черты оффиціально проектируемой Государственной Думы. —Абсентеизмъ или участіе въ выборахъ?—Военное положеніе и „законный терроръ“.—Законъ, охраняющій законность.—Заявленіе польскихъ національ-демократическихъ группъ въ совѣтъ министровъ.—Сентябрь (стр. 343): — Государственные акты 6-го августа. — Главныя различія между учрежденіемъ Государственной Думы и первоначальнымъ его проектомъ.— Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу; недостаточное число выборщиковъ, обособленность выборщиковъ-крестьянъ.—Условія, безъ которыхъ невозможно правильное производство выборовъ. — Необходимость скорѣйшаго пополненія пробѣловъ, оставшихся въ положеніи о выборахъ. —Отмѣна указа, даннаго 18-го февраля правительствующему сенату.— Неурожай въ тульской губерніи.—Вопросъ о смертной казни несовершеннолѣтнихъ.—Октябрь (стр. 745):— Положеніе русскаго крестьянства по даннымъ оффиціальной „Коммиссіи о центрѣ“. — Д. Рихтера. — Ноябрь (стр. 360):—Высочайшій манифестъ 17-го октября. — Почему онъ не положилъ конецъ тревожному настроенію?—Возможное отношеніе къ Государственной Думѣ.—Значеніе учредительнаго собранія. — „Либеральные элементы“ и пролетаріатъ.—Трагизмъ переживаемой минуты. — Программа конституціонно-демократической партіи.—Положеніе о совѣтѣ министровъ. —Амнистія.—Правила о публичныхъ собраніяхъ.—Кн. С. Н. Трубецкой †. —Post-scriptum. — Декабрь (стр. 782): — Быстрая смѣна тревожныхъ событій.—Инструкція генералъ-адъютантамъ, посланнымъ въ волнующіяся губерніи.—Манифестъ 3-го ноября.— Необходимость широкой аграрной реформы.—Военное положеніе въ царствѣ польскомъ.—Резолюціи ноябрьскаго общеземскаго съѣзда.—Новыя формы гнета и нетерпимости.

II. Иностранное Обозрѣніе.— Январь (стр. 371): — Политическія событія истекшаго года. — Русско-японская война. — Ходъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ.—Печальная судьба нашего флота.—Балтійская эскадра и патріотическія разъясненія капитана Кладо.—Настроеніе въ Японіи и японскій парламентъ.— Политическія дѣла въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ.—Февраль (стр. 834):—Паденіе Портъ-Артура и шансы дальнѣйшей кампаніи. — Причины и условія японскихъ успѣховъ.—Вопросъ о возможномъ мирѣ на Дальнемъ Востокѣ. — Трудное международное положеніе Россіи.—

Стачка горнорабочихъ въ Вестфаліи. —Русско-германскій торговый договоръ.—Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи и во Франціи.—Пренія французской палаты депутатовъ и франко-русскія демонстраціи.—Мартъ (стр. 375): — Вопросъ о мирѣ и военныя дѣйствія.—Положеніе дѣлъ на театрѣ войны.—Международная комиссія по поводу инцидента въ Сѣверномъ морѣ и ея заключительные выводы. —Странныя газетныя сообщенія.—Засѣданія британскаго парламента. — Торговые договоры и русско-германскій протекціонизмъ.—Апрѣль (стр. 829): — Мукденская катастрофа и ея значеніе. — Дѣятельность генерала Куропаткина и его штаба. — Вопросъ о продолженіи войны.—Особенности газетнаго патріотизма.—Сообщенія относительно предпріятій на р. Ялу.— Недоумѣнія и вопросы.—Наши финансы и заграничные кредиторы.— Предложеніе издателю „Times“. — Май (стр. 359):—Прусскіе и германскіе политическіе порядки, сравнительно съ нашими.—Вильгельмъ II, какъ „ограниченный“ правитель.— Марокканскій вопросъ и неожиданно новая его постановка.—Вліяніе русскихъ неудачъ на общую политику въ Европѣ.—Іюнь (стр. 792):—Отзывы Вильгельма II о причинахъ нашихъ неудачъ.—Разсужденія полковника Гедке. — Недоумѣнія иностранной печати при оцѣнкѣ русскихъ дѣлъ.—Патріотическія фантазіи и ихъ послѣдствія.—Печальная судьба балтійской эскадры. — Вопросъ объ отвѣтственности и толки о будущемъ мирѣ.—Іюль (стр. 350):—Значеніе и послѣдствія цусимскаго боя.—Запоздалое крейсерство.—Газетные толки о войнѣ и мирѣ.—Паденіе франко-русскаго союза и марокканскій конфликтъ. — Политическіе кризисы въ Скандинавіи и Венгріи. — Августъ (стр. 782):—Переговоры о мирѣ.— Новые представители нашей дипломатіи: Н. В. Муравьевъ и С. Ю. Витте. —Вопросъ объ окончаніи войны и о возможныхъ условіяхъ мира.—Воинственныя консервативно-патріотическія заявленія.—Международная дѣятельность Вильгельма II.—Внутреннія дѣла въ Англіи и во Франціи.—Сентябрь (стр. 315):—Заключеніе мира съ Японіею.—Ходъ переговоровъ въ Портсмутѣ. — Спорные вопросы объ условіяхъ мира. — Правительственное сообщеніе.—Особенности японской дипломатіи и причины нашего успѣха. —Роль президента Рузевельта и заслуга статсъ-секретаря Витте.—Политическія перспективы на Дальнемъ Востокѣ.—Октябрь (стр. 780): — Новый союзный договоръ между Англіею и Японіею.—Общіе результаты мира.—Дипломатическіе успѣхи статсъ-секретаря С. Ю. Витте.—Старые грѣхи нашей международной политики. — Ноябрь (стр. 375):—Портсмутскій мирный договоръ.—„Заслуги“ графа Ламздорфа. — Разоблаченія военныхъ порядковъ.—Значеніе войны для нашихъ внутреннихъ дѣлъ.—Международныя послѣдствія нашей мирной революціи.—Политика Вильгельма II.— Новая попытка оправданія маньчжурской затѣи.—Декабрь (ст. 796):— Военныя дѣйствія внутри страны и возможное обсужденіе ихъ на Гаагской конференціи. — Несвоевременная дипломатическая кампанія противъ Турціи.—Политическія реформы и событія въ Австро-Венгріи.—Французскія дѣла.—Новый король.

III. Литературное Обозрѣніе. —Январь (стр. 389):—I. Н. Гаринъ, Корейскія сказки. — G. Ducrocq, Pauvre et douce Corée.—А. П.—II. А. В. Никитенко, Записки и Дневникъ. — III. В. Стоюнинъ, О преподаваніи русской литературы.—IV. С. К. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. — V. П. И. Щукинъ, Щукинскій сборникъ и пр.— VI. Л. Шепелевичъ, историко-литературные этюды.—VII. На вичну па-

м'ять Котляревському.—Евг. Л.—VIII. С. Н. Прокоповичъ, Мѣстные люди о нуждахъ Россіи.—IX. В. А. Косинскій къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. —X. Очерки по крестьянскому вопросу, п. р. проф. А. Мануилова, вып. II.—В. В.—Новыя книги и брошюры. —Февраль (стр. 850):—I. Лекціи по русской исторіи проф. С. Платонова. — II. Василенко, Н. П., О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.—III. Дневникъ Елиз. Дьяконовой на высшихъ женскихъ курсахъ; Дневникъ русской женщины, ея же.—IV. Чюмина, О. Н., Драматическія сочиненія и переводы. — V. Зеленый Сборникъ стиховъ и прозы. —Евг. Л.—VI. Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.— В. В.—Новыя книги и брошюры.— Мартъ (стр. 390):—I. Богдановичъ, Т., Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи.—II. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ, В. Розенберга и В. Якушкина.—III. Л. Сулержицкій, Въ Америку съ духоборами.—IV. А. Пановъ, Сахалинъ, какъ колонія. — V. Вс. Чешихинъ, Гамерлингъ, характеристика.—Евг. Л. — VI. И. Озеровъ, Экономическая Россія.—VII. Сочиненія К. Родбертусъ-Ягецова, вып. I.—В. В.—VIII. Проф. М. Грушевскій, Очеркъ исторіи украинскаго народа. — И. Житецкаго.—Новыя книги и брошюры.— Апрѣль (стр. 843):—Н. П. Загоскинъ, Исторія Имп. Казанскаго Университета, въ 3 том. 1804—1904 гг. —Его же, За сто лѣтъ. Біографич. Словарь профессоровъ Казан. Университета. 1804—1904 гг.—II. Д. Нагуевскій, Профессоръ Францъ Бронеръ.—III. Въ защиту слова. Сборникъ.—IV. Сборникъ Товарищества „Знаніе", кн. III.—V. Сенатскій Архивъ, т. XI.—VI. Александра Ефименко, Южная Русь, т. I.—VII. Статьи по славяновѣдѣнію, вып. 1.—Евг. Л. —VIII. Война и наши финансы. П. П. Мигулина.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Май (стр. 389):—I. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX.—II. Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. I, вып. 1. —III. В. В. Стасовъ, Н. Н. Ге, его жизнь, произведенія и переписка.— IV. Зин. Венгерова, Литературныя характеристики. — V. Нижегородскій Сборникъ.—Евг. Л.—VI. Русскій музей имп. Александра III, сост. бар. Н. Врангель, два тома.—W.—VII. Кустарное дѣло въ Россіи, составилъ кн. Ѳ. Голицынъ, т. I, ч. 1.—VIII. Историческій очеркъ дѣятельности херсонскаго губернскаго земства.—IX. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики.—В. В.— Новыя книги и брошюры.—Іюнь (стр. 802):—I. Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго: 1) Романъ „Что дѣлать?". 2) Статьи по крестьянскому вопросу.— II. Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1904 г., кн. IV и V.—III. Сочиненія Чокана Валиханова.—IV. „Душа Японіи", японскіе разсказы, повѣсти и т. д. Перев. п. р. Н. Н. Азбелева. —V. Бар. Н. В. Дризенъ, Матеріалы по исторіи русскаго театра.—Евг. Л. —VI. Е. Д. Максимовъ, Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи бѣднымъ.—VII. Ф. И. Карповъ, Инспекція труда и охрана рабочихъ на Западѣ, ч. I.—VIII. В. Зомбартъ, Современный капитализмъ, т. II, перев. п. р. М. Курчинскаго.—В. В.— IX. „Къ вопросу объ организаціи указанія труда въ Россіи" и „Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею". — А. К. — Новыя книги и брошюры.—Іюль (стр. 365):—I. Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія, вып. I, подъ ред. О. Б. Гольдовскаго, В. П. Потемкина и И. Н. Холчева.—II. Изъ жизни идей научно-популярныя статьи проф. Ѳ. Зѣлинскаго.—III. П. А. Берлинъ, Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители.—IV. Ежегодникъ Русскаго Ан-

тропологическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ, изд. подъ ред. Б. Ф. Адлера.—V. Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Денисюкъ.—VI. Сергѣй Маковскій, Собраніе стиховъ, кн. 1-я.—VII. П. Соловьева (Allegro). Иней, рисунки и стихи.—Евг. Л.—VIII. Крестьянскій строй, т. I.—IX. А. А. Корниловъ, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи.—X. С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи.—В. В. — Новыя книги и брошюры.—Августъ (стр. 797):—I. Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка, т. I, составили В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Щеголевъ.—II. Записки И. Д. Якушкина.—III. Антонъ Менгеръ, Новое ученіе о государствѣ.—IV. На сибирскія темы, подъ ред. М. Н. Соболева.—V. Изъ украинской старины, проф. Н. Ѳ. Сумцова.—VI. Сборникъ тов. „Знаніе", книга VI.—VII. С. Подъячевъ, Мытарства. 1. Московскій работный домъ. 2. По этапу. —VIII. Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. 1904 г. — IX. Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства. — X. П. И. Мельгуновъ, Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII в.—XI. Н. Карышевъ, Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ.—В. В. —Новыя книги и брошюры. — Сентябрь (стр. 378):—I. Андреевичъ, Опытъ философіи русской литературы. II. А. А. Корниловъ, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи.—III. Л. Шепелевичъ, Историко-литературные этюды. — IV. Александръ Новиковъ, Записки городского головы.—V. М. Арцыбашевъ, Разсказы, томъ I. — Евг. Л.—Новыя книги и брошюры. —Октябрь (стр. 795):—I. Бельтовъ, За двадцать лѣтъ.—II. Послѣднія сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II.—III. I. Табурно, Правда о войнѣ. — IV. Танъ, Стихотворенія.—V. Оптимистъ, Въ ожиданіи.—VI. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.—Евг. Л.—VII. Ремесла и промыслы Херсонской губерніи.—VIII. А. А. Кауфманъ, Переселеніе и колонизація.—IX. А. Кофодъ, Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ.—X. Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ.—А. Ф. Волковъ, Секретаріаты рабочихъ и палаты труда въ Западной Европѣ.—В. В.—Новыя книги и брошюры. — Ноябрь (стр. 393):—I. Россіевъ, П., „Общіе знакомые" и „Безъ героевъ".—Z.—II. Луначарскій, А., Этюды критическіе и полемическіе.—III. Овсянико-Куликовскій, Д. Н., Л. Н. Толстой какъ художникъ.—IV. „Сибирскіе Вопросы", періодическій сборникъ.—V. Горленко, В., Отблески. — VI. Подъячевъ, С., Среди рабочихъ.—Евг. Л.—VII. Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи, Н. Тройницкаго.—Распредѣленіе рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и мѣсту рожденія.—VIII. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. —В. В.—Новыя книги и брошюры. —Декабрь (стр. 810):—I. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири.—II. Луговой, А., „Цѣль вашей жизни?"; пов. и разсказы.—III. Петръ и Алексѣй, Д. С. Мережковскаго.—IV. Дерюжинскій, В. Ѳ., Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи.—Евг. Л.—V. Черненковъ, Н. Н., Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства.—В. В.—Новыя книги и брошюры.

IV. Новости Иностранной Литературы.—Январь (стр. 430):—I. Die Herzogin v. Padua, O. Wilde. — C. Hagemann, O. Wilde. — II. H. Bahr. „Theater". Ein Wiener Roman. 3. B. — Февраль (стр. 883): — I. Arthur Eloesser, Litterärische Portraits aus dem moder-

nen Frankreich.—II. Willy, Minne. —3. В.—Мартъ (стр. 426):—I. S. Lublinski, „Die Bilanz der Moderne".—II. Max Dreyer, „Die Siebzehnjährigen", Schauspiel. — 3. В. —Апрѣль (876):—I. R. Been Hofmann, Der Graf v. Charolais. – 3. В. —II. La Pologne et la crise russe: 1. Lettre d'un Polonais à un Ministre russe. 2. Observations politiques à propos de la lettre d'un Polonais à un Ministre russe.—Л. С.—Май (стр. 419): –I. Léon Frapié. La Maternelle. — II. Anatole France. Sur la Pierre Blanche. — 3. В. —Іюнь (стр. 840):—I. A. Kerr, Das neue deutsche Drama.—II. Myriam Harry, La Conquête de Jerusalem, rom.—3. В. — Іюль (стр. 494): — I. Hermann Bahr. Sanna. Schauspiel in fünf Aufzügen. — II. Feth. Gedichte; Polonskij. Gedichte. Autorisierte Verdeutschung von Fr. Fiedler.—3. В.—Августъ (стр. 835): — I. Anton Menger. Neue Staatslehre.—Г. Шваттау.—II. Gabriele d'Annunzio. La Fiaccola sotto il moggio. Tragedia.—3. В.– Сентябрь (стр. 400):—I. Jakob Wassermann. Alexander in Babylon.— 3. В.—Октябрь (стр. 834):—I. Robert Dreyfus. La Vie et les prophéties du comte de Gobineau.— 3. В.— Ноябрь (стр. 429): — I. H. Sudermann, Stein unter Steinen.— II. A. Beaunier, Le Roi Tobol.— 3. В.—Декабрь (стр. 837):—I. Rihard Dehmel. Ausgewählte Gedichte.—II. H. G. Wells. A modern Utopia.—3. В.

V. Изъ Общественной Хроники.—Январь (стр. 448):—Минувшій годъ. — Сессія губернскихъ земскихъ собраній. — Странное происшествіе въ Тамбовѣ. — Идеологія и законность.— Спорный вопросъ государственнаго права.— Реакціонная печать и реформы.—Еще о положеніи политическихъ ссыльныхъ. — Изъ области цензуры и печати.—Юбилеи „Русской Мысли", Н. П. Карабчевскаго и В. И. Ламанскаго. — Е. І. Лихачева, Н. М. Коркуновъ и П. Н. Обнинскій †. — Февраль (стр. 899):—Положеніе комитета министровъ объ охраненіи силы закона, о государственномъ страхованіи, о переустройствѣ земскаго и городского общественнаго управленія.— Постановленія земскихъ и дворянскихъ собраній.—Заявленіе профессоровъ и преподавателей высшихъ школъ.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи. — Мартъ (стр. 439):—Высочайшіе манифестъ, рескриптъ и указъ 18-го февраля.—Ожиданія и надежды. — Журналы комитета министровъ объ „исключительныхъ законоположеніяхъ" и о вѣротерпимости.—Пріостановка занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Рабочій вопросъ въ настоящемъ и ближайшемъ прошломъ.— Н. А. Карышевъ и П. О. Бобровскій †. —Апрѣль (стр. 889). — Правительственное сообщеніе 18-го марта.— Имѣется ли налицо periculum in mora? — Необходимость образованія политическихъ партій. — „Правый флангъ монархической партіи", подлѣльный и настоящій. — Дальнѣйшіе оттѣнки мнѣній. — Резолюція съѣзда журналистовъ — Уличные безпорядки въ Псковѣ. — Совѣщаніе о печати. —Царство Польское и Финляндія.— Май (стр. 433): — Великій государственный актъ 17-го апрѣля.—Вѣротерпимость теперь и прежде.—Движеніе въ средѣ православной церкви.— Дальнѣйшій ходъ организаціи политическихъ партій.—Группа Д. Н. Шипова и общеземскія совѣщанія.—Различныя толкованія указа 18-го февраля. — Подвиги газетныхъ „добровольцевъ".—Высочайшій указъ 10-го апрѣля.—P. S. Письмо въ Редакціи г. Н. Чайковскаго.—Іюнь (стр. 866) —Проектируемая новелла о печати.— Основная причина многихъ современныхъ противорѣчій.—Кто остается кто уходитъ?—Указъ 17-го апрѣл.

и реакціонная печать.—Католицизмъ и унія.—Потрясающія вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій.—Е. И. Якушкинъ †. —Іюль (стр. 419):—Новые типы, создаваемые новыми условіями.—Группировка партій, не исключающая возможность временнаго союза.—„Средняя позиція“ и „расположившіеся на ней люди“.—Мнимая панацея.—Военные суды и смертная казнь.—Законъ и циркуляръ.—Тревожныя вѣсти.—Д. Л. Мордовцевъ и П. Г. Мироновъ †. —Августъ (стр. 851):—Наступающій учебный годъ.—Статьи В. И. Вернадскаго и кн. Е. Н. Трубецкого.—Вольный университетъ и высшая русская школа въ Парижѣ.—Нежеланье и неумѣнье понять значеніе переживаемой нами минуты.—Дворянство и крестьянство.—Земскіе начальники.—Надвигающаяся опасность голода.—Свобода печати и право собраній.—Сентябрь (стр. 426):—Признаніе необходимости устраненія „излишнихъ стѣсненій“ отечественной печати.—Работы Особаго Совѣщанія по проекту новаго закона о печати и одновременная съ ними старая практика въ печатномъ дѣлѣ.—Оригинальная характеристика работъ Совѣщанія однимъ изъ его членовъ.—Главнѣйшія общія начала, выработанныя Совѣщаніемъ, и обязательное для него направленіе въ его работахъ.—Мотивы къ повсемѣстной отмѣнѣ предварительной цензуры и административныхъ взысканій.—Установленіе явочнаго порядка для открытія газетъ и журналовъ.—Отмѣна 140-й статьи нынѣшняго устава о печати и предварительной цензуры для книгъ.—Спеціальныя цензуры.—Цензура иностранныхъ книгъ и духовная цензура.—Необходимость ускорить нынѣ выходъ новаго закона о печати.—Октябрь (стр. 848):—Сентябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.—Отношеніе его къ вопросу объ участіи въ избраніи Государственной Думы.—Экономическая программа съѣзда.—Автономія нѣкоторыхъ областей равносильна ли „расчлененію“ Россіи?—Нѣсколько словъ по поводу письма В. И. Герье.—Перемѣна въ положеніи нашей высшей школы.—Общеземская организація помощи голодающимъ, Красный Крестъ и союзъ врачей.—Письмо А. А. Стаховича о борьбѣ съ послѣдствіями неурожая.—Постановленіе с.-петербургскаго дворянства.—Нѣсколько печальныхъ фактовъ.—Ноябрь (стр. 443):—Подъ первыми впечатлѣніями манифеста 17-го октября.—Забастовки.—Митинги.—Какъ назвать забастовочные дни: предвѣріе революціи или революція въ настоящемъ?—Опасная сторона политическихъ забастовокъ въ интересахъ освободительнаго движенія.—Что означаютъ погромы черной сотни?—Новыя задачи общества и печати.—Сорокалѣтіе дѣятельности А. Ѳ. Кони.—М. И. Драгомировъ †.—Декабрь (стр. 860):—Ноябрьскія забастовки.—Забастовка почты и телеграфа.—Равноправны ли чиновники съ обывателями?—„Революціонное“ движеніе въ средней школѣ.—Событія въ арміи и во флотѣ.—Земскій и крестьянскій съѣзды въ Москвѣ.—Циркуляры и законность.—Курьезы изъ газетъ.—И. М. Сѣченовъ, В. В. Лесевичъ и А. Л. Шанявскій †.

VI. Библіографическій Листокъ.—Январь.—Кн. В. А. Черкасскій, и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, т. I, кн. О. Трубецкой.—Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изд. п. р. К. И. Богдановича и А. П. Герасимова.—Геологія, т. I, А. А. Иностранцева.—Современная международная правоспособность папства, А. Байкова.—Матеріалы къ исторіи русскаго театра, бар. Н. В. Дризена.—Былины: Вольга, изд. И. Билибина.—Февраль:—Исторія г. Москвы, ч. 1-ая, Ив. Забѣлина.—Полное собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, кн. V.—Русская

живопись, В. А. Никольскаго.—Всеобщая исторія О. Іегера, вып. 1-ый. —Собраніе сочиненій Г. Ибсена, т. III, перев. съ дат. А. и П. Ганзенъ.—Мартъ:—Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова, кн. XIX. —Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій (1762—1825 гг.).—Кустарное дѣло въ Россіи, кн. Ѳ. С. Голицына, т. I. — Сенатскій Архивъ, т. XI. — Апрѣль:—Н. Н. Ге, его жизнь, произведенія и переписка, В. В. Стасова. —Корея—„запретная" страна, А. Алова.—Система русскаго гражданскаго права, К. Анненкова. — Вопросы начальной школы, Е. Чебышевой-Дмитріевой.—Курсъ двойной бухгалтеріи, С. М. Бараца.—Справочная книга для путешественниковъ, Ю. Шокальскаго, проф. К. Богдановича и др.—Май:—Ѳ. Зѣлинскій, Изъ жизни идей. Т. II: Древній міръ и мы.—Н. Карѣевъ, Государство-городъ античнаго міра. — В. Эндрузъ, Исторія Соедин.-Шт. послѣ междоусобной войны (1861—62 гг.), съ англ. Е. Гурвичъ.—Н. Азбелевъ, „Душа Японіи". — Н. Дружининъ, Очерки крестьянской общественной жизни.—Іюнь:—Собраніе трактатовъ и конвенцій Россіи съ иностранными державами, Ф. Мартенса, т. XIV: Трактаты съ Франціею, 1807—20 гг. —Кладо, Н. Л., Современная морская война. — Лоуэлль, А., Правительства и политич. партіи въ государствахъ зап. Европы. — Крестьянскій строй, т. I: Сборникъ статей. — Въ защиту слова. Сборникъ. I. Статьи, стихотворенія и замѣтки.—Іюль:—Дмитріевъ-Мамоновъ, В. А., Указатель дѣйств. въ Имперіи акціонерныхъ предпр. и торгов. домовъ, т. I и II.—Ежегодникъ министерства финансовъ, 1904 г. — Костомаровъ, Н., Русская исторія въ жизнеоп. ея главн. дѣятелей, т. II. — Чернышевскій, Н. Г., Сочиненія: Статьи по крестьянскому вопросу, 1857—59 гг.—Аваловъ, З., Децентрализація и самоуправленіе во Франціи.—Головачевъ, П., Сибирь: Природа, люди и жизнь.—Саккети, Л., Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. — Августъ:—Генрикъ Ибсенъ, Собраніе сочиненій, т. IV, перев. А. и П. Ганзенъ.— Н. Сѣверный, Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ.—Сергѣй Шараповъ, Опытъ русской исторической программы.—Г. П. Сазоновъ, Народное представительство безъ народа.—Постоянно нейтральное государство, юридическое изслѣдованіе барона Б. Э. Нольде.—Сентябрь. —П. А. Некрасовъ, Государство и Академія.—Конституціонное государство, сборникъ статей.—Н. Бельтовъ, Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. — Октябрь: — А. Ѳ. Кони, Судебныя рѣчи, изд. 4-ое. —Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, изд. В. К. Николая Михаиловича.—Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи, изд. п. р. В. В. Стасова. — Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга 7-я: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.—В. Я. Стоюнинъ, Пушкинъ, 2-е изданіе. — Ноябрь:—Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. — Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 120-й. —Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И., Декабристы въ Западной Сибири.—Максутовъ, кн. В. Л., Исторія древняго Востока, т. II.—Симоненко, Г., Основные вопросы статистики, исторіи, соціологіи и этики. — Декабрь:—Де-Волланъ, Грав., Въ странѣ „Восходящаго Солнца".—Новомбергскій, Н., Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи.—Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. VII. — Богаевскій, П., Красный Крестъ.—Коркуновъ, Н. М., Русское государственное право, томъ II.

VII. Извѣщенія.—Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей М. И. Маляревскаго и Е. Н. Радина (янв., 468 февр., 911; нояб., 455).—Отъ Кан

целяріи Женскаго Патріотическаго Общества (февр., 911).—Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона (февр., 911; мартъ, 454; іюнь, 880).—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра (іюнь, 880; нояб., 455).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ АВТОРОВЪ *).

А.

Авилова, Л.—901, 904.
Адлеръ, Б. Ѳ.—904.
Акты, относящіеся къ памятнымъ октябрьскимъ днямъ.—905.
Александровъ, В.—904.
Алихановъ-Аварскій, М.—904.
Андреева, А.—904.
Анненкова-Бернаръ, Н. П.—902.
Антоновъ, М.—904.
Арсеньевъ, К. К.—901, 902, 904.
Арсеньевъ, К. К. и *Стасюлевичъ*, М. М.—905.
Ахшарумовъ, Д. Д.—901.

Б.

Б., Ел.—904.
Багалѣй, Д. И.—902.
Байронъ.—903.
Батюшковъ, Ѳ.—901.
Б—го.—902, 903.
Бирюковичъ, Вл.—901, 902.
Бланкъ, Р. М.—902, 903, 904.
Б—на, В.—901, 905.
Боборыкинъ, П. Д.—901, 902, 903, 904, 905.
Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М.—903.
Бодуэнъ-де-Куртенэ, Н.—903.
Бородинъ, Н.—901.
Брусянинъ, Вас.—901, 902, 903.
Будиловичъ, А. С.—904.
Будищевъ, А. Н.—903.
Буличъ, К. Н.—903.
Бунинъ, Ив.—901.
Бурдинъ, Ѳ. А.—901.
Бухъ, Л.—901, 903.
Бѣлоконскій, Н.—902, 903.
Бѣлорѣцкій, Григ.—904.
Бѣлоусовъ, Ив.—905.

В.

В., В.—901, 902, 903, 904.
В., З.—903, 904, 905.
В., К.—901.
Вагнеръ, Н. П.—901.
Васюковъ, С.—905.
Вейнбергъ, П. И.—901, 904.
Венгерова, Зин.—903.
Верещагинъ, А. В.—902.
Веселовскій, А—й.—901, 902, 904, 905.
Веселовскій, Юрій.—902.
Виницкая, А. А.—901.
Виноградовъ, П. Г.—901, 902.
Витте, Соф.—902.
Воробьевъ, Кл.—902.

*) Цифры при именахъ авторовъ обозначаютъ годы, въ которыхъ указаны статьи авторовъ, и страницы, гдѣ онѣ помѣщены.

Воропоновъ, Ѳ. — 901, 902, 903, 904, 905.
Вундеттель, П.—903.

Г.

Газенкампфъ, М. А.—905.
Гайдебуровъ, Пав.—904.
Ганзенъ, А. и П.—901.
Гебель, Вал.—902.
Георгіевскій, Г. Г.—905.
Гербановскій, Мих.—901.
Гершензонъ, М.—903.
Герье, В. И.—901, 904, 905.
Гн., Е.—902.
Головачевъ, П—904.
Головинъ, К.—902, 904.
Гольбергъ, Лудв.—902.
Гольденвейзеръ, А.—902.
Горный, Н. А.—904.
Государственные акты. 6-го августа (905).
Грэнгаенъ, К.—902.
Гурвичъ, Ил.—903.
Гутьяръ, Н.—902, 904, 905.

Д.

D., W.—904.
Даниловъ, Н.—902.
Дашкевичъ, Л.—904.
Джевелеговъ, А.—904.
Дмитріева, В. І.—901, 902, 903, 905.
Дружининъ, Н.—902.
Друцкой-Сокольнинскій, кн. Дм.—901, 902, 903, 904, 905.
Дусинскій, Ив.—905.

Е.

Евреиновъ, Гр. Ал —904.
Емельянченко, Н.—904.
Еропкинъ, А. В.—902, 904.
Ефименко, А. Я.—902.

Ж.

Ж., Ж.—902.
Жемчужниковъ, А. М.—901, 903, 904, 905.
Жуковскій, В. А.—902.

З.

Захарьинъ-Якунинъ, Ив. — 901, 904, 905.
Зѣлинскій, Ѳ. Ф.—901, 903, 905.

І.

Іоллосъ, Г.—901.

И.

Ивановичъ, Ив.—901.
Ивановскій, В. В.—901, 905.
Игнатьевъ, В. Е.—901.
Игумновъ, С.—905.
Ильинъ, С.—902.
Инсаровъ, Я.—902, 903.
Исаковъ, П. Н.—904.

К.

К—вичъ, Н. В.—901.
К—е, А.—905.
К., П.—903.
К., М.—901.
Капнистъ, гр. П. А.—903.
Карамзинъ, Н. М.—902.
Каренинъ, Влад —904.
Катаевъ, Н. М.—902, 903, 905.
Кларкъ, Н. С.—902.
Клеменцъ, Дм.—905.
Кнорринъ, Ѳ. И.—901, 904.
Кологривова, Л.—903, 904.
Кони, Ан. Ѳ.—902, 903.
Корсаковъ, В. В.—901, 902, 903.
Коршъ, Ѳ. В.—901.
Костылевъ, Н.—905.
Котляревскій, Н.—902.
Крапивинъ, Юр.—902.
Красноперовъ, И.—905.
Крюковъ, Н. А.—905.
Кочубинскій, А.—902.
Кузьминъ-Караваевъ.—902.
Кулябко-Корецкій, М.—904, 905.

Л.

Л., Евг.—902, 905.
Л—новъ, С. М.—901, 902.
Лебедевъ, Б.—905.
Лубинскій, М. Ѳ.—903, 904, 905.
Ляцкій, Е. А.—901, 903, 904, 905.

М.

М.—901.
М., М.—904.
М—скій, Н.—902.
Мандельштамъ, І.—904.
Маричевъ, Ѳ.—902.
Марковъ, В. П.—901, 902, 903, 904.
Марковъ, Евг.—901, 903, 904.
Мартенсъ, Ф. Ф.—902, 905.
Марусинъ, С.—903.
Межеричеръ, П.—905.
Мечниковъ, Ил.—902.
Микуличъ, В.—901.
Миличъ, Е. М.—905.
Минскій, Н.—901, 903.
Михайлова, О.—901, 902, 903, 904.
Морозовъ, П. О.—901, 902.

Н.

Надинъ, П.—904, 905.
Некрологъ.—905.
Никитинъ, А. Н.—902.
Никольскій, Викторъ.—905.
Никольскій, Д. П.—905.
Никольскій, проф. П. А.—901, 903.
Новиковъ, А.—901, 902, 905.

О.

О., М.—901.
О—невъ, И.—901.
Оболенскій, Л. Е.—903, 904, 905.
Ольнемъ, О. Н.—902.
Орловъ, Д. П.—904.
Орловъ, Н. А.—901.
Осиповъ, И.—905.

П.

П., И.—901.
П., Н.—904.
П., О.—903, 904.
Панкратовъ, А.—902.
Паресче, Франч.—903.
Пирлингъ, А.—901.
Погодина, В.—904, 905.
Погрузовъ, А.—901.
Покровская, М. В.—901.
Покровскій.—901.
Поповъ, П. С.—901, 902, 903.
Пругавинъ, А.—904.
Пустовойтенко, К.—905.
Пыпинъ, А. Н.—901, 902, 903, 904, 905.
Пятигорскій, Г.—904.

Р.

Р., Г.—904.
Р., Д.—904.
Р., С.—904.
Радловъ, Э.—905.
Раевскій, С. Н.—904.
Рапопортъ, С. И.—901, 902, 903, 904.
Рихтеръ, Д.—902, 904.
Романовичъ-Славатинскій, А. В.—903.
Ромеръ, Ѳ.—901.
Ротштейнъ, А.—902.
Рускинъ, Л.—905.
Русовъ, М.—904.
Рязановъ, П.—903.

С.

С—ва, П—на—902, 903.
С., М.—902.
С., П.—901.
Саліасъ, гр. Евг.—901.
Санинъ, А.—902, 903.
Свѣтловъ, В. Я.—901, 902, 903, 904, 905.
Селивановъ, Ар.—904.
Семеновъ, Д. Д.—903.
Сер—вичъ, В. И.—905.
Скаржинскій, А.—902.
Слонимскій, Л. З.—901, 902, 903, 904, 905.
Соколовъ-Костромской, П. И.—903.
Соловьева, П. С.—902.

Соловьевъ, Влад.—901.
Сообщеніе Государственнаго Контроля.—901.
Спасовичъ, В. Д.—901.
Ст. М.—903.
Стасовъ, В. В.—902.
Стаховичъ, Нат.—902, 903.
Сумговскій, Н.—902.
Сухотина-Толстая, Т.—904.
Съверовъ, Н.—901, 902, 903, 904.

Т.

Т., кн. Г.—902.
Т., П. А.—903.
Тарле, Евг.—901, 902.
Тарновская, П.—903.
Тверской, П. А.—901, 902, 903, 904, 905.
Тепляковъ, В.—905.
Тернеръ, Ѳ. Г.—903, 905.
Тимофеевъ, Гр.—902.
Т—на, А.—901.
Толстая, гр. А. А.—905.
Толстой, гр. А. К.—905.
Тотоміанцъ, В.—904, 905.
Трубецкая, кн. М.—903.
Тулубъ, П. Л.—904.
Тумановъ, М.—904, 905.
Тыжновъ, И.—901.

У.

Умановъ-Калюковскій.—903, 904.
Успенскій, В.—901.
Успенскій, М. Н.—904.

Ф.

Фаминцынъ, А. С.—901.
Фаресовъ, А.—904.
Филинскій, М.—903.
Франкенштейнъ, Г.—902.
*Фруг*ъ, С. Б.—904.

Х.

Х., Н.—901.
Хахановъ, А.—901.
Хвостовъ, А.—902.
Хвостовъ, Н. Б.—901, 902, 903.
Холостова, Юл.—902.
Хотынскій, Н.—903.
Хрущовъ, В. Д.—901.

Ц.

Ц., М.—903.
Цертелевъ, кн. Д. Н.—902, 904.
Циммерманъ, Эд.—903.

Ч.

Ч., О.—904, 905.
Чарушинъ, Л.—905.
Чижовъ, Н., проф.—904.

Ш.

Шабанова, А. Н.—901.
Шенрокъ, Вл.—904.
Шепелевичъ, Л.—903, 904, 905.
Шишковъ, Н.—901.

Щ.

Щеголевъ, П. Е.—903, 904.
Щепкинъ, Д. М.—903.
Щерба, Вл.—902.

Ю.

Юнге, Ек.—905.
Юрковскій, Ѳ. А.—901.

Я.

Якимовъ, В.—903.
Якобій, П., д-ръ.—903.
Яроцкій, Ал.—903.
Ярошевичъ, Дм.—902, 905.

Э.

Эриксонъ, Э. В.—905.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Инаровъ, В. В. — Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Какъ нельзя болѣе кстати явилась недавно въ свѣтъ настоящій трудъ, заключающій въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства, именно теперь, по мнѣнію автора, къ министерствѣ торговли является предположеніе, въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія фабричнаго законодательства, перейти изъ этомъ отношеніи право къ „карательному" характеру отъ прежняго „предупредительнаго", какимъ рабочее законодательство отличалось у насъ, съ небольшими лѣтъ двадцать тому назадъ, когда авторъ началъ личное и дѣятельное участіе въ фабричномъ дѣлѣ, въ качествѣ фабричнаго инспектора. Такой рѣзкій переходъ отъ прежней системы, имѣвшей въ виду предупредить столкновеніе между рабочими и хозяевами или капиталистами, къ новой системѣ, которая, понятному, будетъ состоять въ одномъ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ закона о рабочихъ и въ наложеніи кары за его нарушеніе, — такой переходъ авторъ считаетъ неправильнымъ и даже опаснымъ; опираясь на свой личный опытъ и непосредственныя наблюденія, авторъ въ своемъ трудѣ и старается изложить и подтвердить такой свой взглядъ на современный ходъ рабочаго законодательства, съ цѣлью предупредить ошибки въ будущемъ. По мнѣнію автора, важнѣйшею и, можно сказать, священной задачей государственной власти, въ настоящее и ближайшее будущее время, является не наблюденіе и урегулированіе *классовой борьбы* и *классовыхъ интересовъ*, а возможное умиротвореніе ихъ путемъ соглашенія, равно и устраненіе всѣхъ поводовъ къ раздорамъ и несогласіямъ рабочихъ и предпринимателей... Худой миръ лучше доброй брани"—такъ заключаетъ авторъ поучительныя наставленія народной мудрости.

Кизьминъ-Каравлевъ, В. Д. — Изъ эпохи освободительнаго движенія. Ч. I: Но 17-ое октября 1905 г. Спб. 907. Ц. 1 р.

Въ эпохи, подобныя настоящему переживаемому нами двухъ-трехъ годовъ, по справедливому замѣчанію автора, обществу живетъ мгновеніями *дня*, а потому ищетъ главнымъ образомъ въ газетахъ удовлетворенія своему стремленію знать, по возможности, все и получить свѣдѣнія,— не вникая даже на ихъ качество,—отовсюду; книжная и періодическая литература въ такое время отходитъ на второй планъ. Но газета эта и живетъ только до слѣдующаго дня: сегодня не только забывается вчерашній день, но и опровергается то, что сообщалось вчера. Публицистика пишетъ въ такое время должна сосредоточивать свою работу почти исключительно въ газетахъ и потому раздѣляетъ ихъ участь, какъ эфемеридъ; желая спасти свои труды отъ общей участи съ газетными листомъ, авторъ собралъ свои статьи, замѣтки, разсѣянныя по газетамъ, въ одно цѣлое и первую часть посвятилъ эпохѣ, предшествовавшей 17-му октября 1905 года. Свои вошло до двадцати статей самаго разнообразнаго содержанія и проникнутыхъ одною мыслью, однимъ духомъ освободительнаго движенія, господствовавшимъ въ обществѣ. всѣ эти статьи были помѣщены преимущественно въ газетѣ „Путь", только послѣдняя: „Начало 17-го октября", написана была нами для сборника, а потому является въ первый разъ въ печати. „Мы переживаемъ—говоритъ авторъ – время великихъ одно-временно и великихъ идей; осуществленіе до данной цѣли—на этомъ не останавливаются... Такое настроеніе общества составляетъ самый опасный призракъ готовящагося взрыва. Ряды горячихъ сторонниковъ обновленія всей русской жизни, но не иначе, какъ путемъ мирнаго обновленія, съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ... Цѣль реформъ *всеобщее* трудно потому, что ихъ враждебно борются на два фронта: съ тѣми, кто сознательно идетъ къ насильственному перевороту, и съ правительствомъ, которое не отличаетъ ихъ отъ анархистовъ и одинаково преслѣдуетъ".

Э. Н. Берендтсъ. — Кое-что о современныхъ вопросахъ. Спб., 907. Ц. 50 к.

Книжка проф. Берендтса заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ указаній и соображеній по важнѣйшимъ вопросамъ русскаго конституціоннаго права и нашей внутренней политики. Будучи ученымъ спеціалистомъ, авторъ очень ловко и умѣло пользуется историческими фактами и цитатами для разъясненія основныхъ понятій и изложенія нашего переходнаго государственнаго строя. Съ большимъ остроуміемъ анализируетъ г. Берендтсъ недоразумѣнія „истинно-русскихъ" монархистовъ, настаивающихъ на томъ, чтобы монархъ по прежнему замѣнялъ только отъ министровъ и докладчиковъ, а никакъ не отъ всенароднаго законнаго представительства. Царское имя Алексѣя Михайловича, говоритъ авторъ, не пострадало отъ того, что его уложеніе было „соборнымъ", а „палай отъ уложенія подъ диктовку Морозова, — пожалуй, народъ успокоился бы и его самодержавіи". Царевна Софья (Барона) и мужского гарема (1741—1761) было тоже самодержавіемъ; а что называется „неограниченностью", то она не существовала и до манифеста 17 октября, какъ обоснованно доказываетъ авторъ.

Вильгельмъ Блосъ. Исторія германской революціи 1848-го года. Полный переводъ съ нѣм., подъ ред. А. Луначарскаго. Спб. 907. Ц. 1 р. 20 к.

Литература исторіи революціи 1848 года въ Германіи весьма обширна; трудъ В. Блоса, съ которымъ знакомятъ насъ теперь въ русскомъ переводѣ, занимаетъ въ этой исторіи особое мѣсто, какъ противоположность той точкѣ зрѣнія на ту эпоху, съ которой большинство историковъ изображаютъ Бисмарка спасителемъ отечества отъ послѣдствій „бѣшенаго года", какъ называютъ тѣ историки 1848-й годъ, „въ теченіе котораго народъ будто бы дѣлалъ одну глупость, и въ то же время утверждаютъ, что здѣсь идеи того времени воплощены въ государственныхъ учрежденіяхъ германской имперіи". Авторъ поставилъ себѣ потому задачею „доказать, что народное движеніе 1848 года ставило себѣ совершенно иныя цѣли, чѣмъ тѣ, которыя были осуществлены при милитаристскихъ и бюрократическомъ режимѣ Бисмарка".

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1907 Г.

(Сорока-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	На полугодіе:		На четверть года:			
		Пятерг.	Почт.	Пятерг.	Зарубеж.	Почт.	Пятерг.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другихъ городахъ, гдѣ почта	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ государ. почтовыя земли	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккеръ, Невск. просп., 14; А. Ф. Циммерманъ, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ П. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. И. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 38.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ И. В. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* должно замѣчать съ точностью фамилію, имя, отчество, обозначеніе губерніи, уѣзда и жительства и за выдачею книжекъ въ нашу почтовую учрежденія, гдѣ (NB) *получаетъ* выдачу журналовъ, если въ такомъ учрежденіи за такою жительствомъ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб. — 3) *Жалобы* на неисправности доставки и высылки могутъ быть удовлетворительно въ Редакціи журнала, если заявлены въ теченіе 14 дней почтовой выдачи. — 4) *Билеты* на полученіе журнала выдаются Конторой только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые предъявятъ за полученной суммой 14 коп. почтовыхъ марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Гагаринская, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., Академическій пер., 7.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE JUL 1 1916

OCT 25 '61 H

STACK-STUDY
CHARGE

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE JUL 1 1916

OCT 25 '61 H

CANCELLED

STALL-STUDY

CHARGE